



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



3 3433 05929335 1

Callan

13E7

*GCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοῖς ἑτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ἄρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγενημένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην ταῖς
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

79

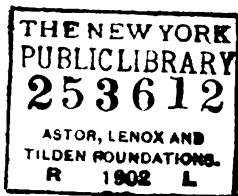
ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1846.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 31 Октября, 1846.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ И. Ивановскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕМЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТАГО ТОМА.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Тайная власть. <i>Бернетъ</i>	5.
Весенняя дума. <i>Бернетъ</i>	6.
Цвѣтокъ. <i>Н. Березинъ</i>	7.
Боги Греціи. <i>М. Михайловъ</i>	8.
Гаданье. <i>А. А.</i>	115.
Голось въ пустынь. <i>В. Яковлевъ</i>	116.
Бокаль. <i>Н. Гербель</i>	117.

ПРОЗА.

Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. <i>А. Вельт-мана</i> . Часть шестая	118.
Тоже — седьмая	119.

Оксана. Повѣсть *Е. Кубе*. 43.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Пиккльо Альбиага или Мавры при Филиппѣ-Третьемъ. Романъ Евгениа Скриба. Часть осьмая 1.
Тоже — Часть девятая и послѣдняя. 69.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Монгольская квадратная надпись, изъ монгольскаго владычества. Статья академика *Я. Шмидта*. 1.
Карлъ-Марія Веберъ. Статья первая. 1.
— — — вторая и послѣдняя. 35.
Хлѣбные законы въ Ассирахъ и Римѣ. 48.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Экономія человѣческихъ обществъ и состояніе финансовъ. Сочиненіе графа *Е. Ф. Канкрин*. 1.
Взглядъ на состояніе фабрикацій бумажныхъ издѣлій въ Россіи *Г. Н—з*. 53.

V.

КРИТИКА.

Стихотвореніе. *А. Плещеева*. 1.
Описаніе второй войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ, по Высочайшему повелѣнію, сочиненное генералъ-лейтенантомъ и членомъ военнаго совѣта Михайловскимъ-Данилевскимъ 13.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Октябрь, 1846. Новые книги Digitized by Google 1.
— — Разныя извѣстія 23.

Ноябрь, 1846. Новыя книги и брошюры	56.	25
— — Разныя извѣстія	16.	47

VII.

СМѢСЬ.

ОКТАБРЬ.

Новый огнестрѣльный порохъ. Порохъ изъ мочалки, господина Робинсона. Порохъ изъ хлопчатой бумаги, господъ Плуза, Шёнбейна, Бёттихера, Отто, Гесса, Фадѣева, и прочихъ	1.
Нептунъ, новая планета, открытая господиномъ Галлѣ по вычисленіямъ господина Левердіе	6.
Веймаръ. Статья Элима Мещерскаго	7.
Современные романисты. — Бальзакъ. Статья Ипполита Кастилья	13.
Парижанинъ въ провинціи. Статья графа Армана де-Понмартена	21.
Французскій театръ въ Парижѣ	45.
Музыкальныя новости	48.
Новыя французскія книги	54.
Новыя музыкальныя сочиненія	46.
Моды	52.

Н О Я Б Р Ъ .

Новыя подробности о новомъ огнестрѣльномъ порохѣ. Результаты послѣднихъ опытовъ во Франціи, Англии и Германіи	63.
Буквы, отпечатанныя грозою	66.
Пьеръ Пюжѣ. Марсельскій ваятель. Статья господина Мері	67.
Современные романисты. Александръ Дюма. Статья Ипполита Кастилья	76.
Сынъ епископа. Разсказъ Эммануэля Гонзалеса	86.
Французъ въ гаремѣ паши	103.
Глухо-вѣмой русскій живописецъ	118.
Французскій театръ въ Парижѣ	120.
Музыкальныя новости	123.
Новыя французскія книги	130.
Новыя музыкальныя сочиненія	132.
Моды	133.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Записки Врача. Романъ Александра Дюма.

Часть пятая. 1.

Тоже — шестая 69.

Мартинъ-Найденышъ. Записки коммерсанта. Романъ Евгения Сю. Часть третья. 1.

Тоже — третья. 77.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ.

Безъ страху, знакомой доро́гой
Къ могилѣ его подхожу;
На дернъ и на камень убогой
Съ холоднымъ внима́ньемъ гляжу.

Быть-можетъ, сей холмъ окружая
Друзья его плачутъ надъ нимъ;
Я плакать не стану, чужая,
Вѣрна я обътамъ моимъ.

Пѣвца вдохновенныя муки
Прославятъ могильную дверь:
Изъ сердца исшедшіе звуки,
Которое нѣмо теперь!

Послушна условіямъ свѣта
И зная холодный нашъ вѣкъ,
Богиней была я поэта, —
Окъ былъ для меня — человѣкъ.

Онъ двигалъ желѣзныя груди
 Могуществомъ пѣсенъ святыхъ,
 И плача внимали имъ люди, —
 Съ улыбкой я слушала ихъ.

Когда же я рѣчью жестокой
 Расторгла любви его сонъ,
 Пошелъ онъ далеко, далеко —
 И умеръ безъ ропоту онъ.

И вѣсти о ранней кончинѣ
 Не вызвали слезъ изъ очей,
 И были, какъ искра въ пучинѣ,
 Какъ молнія въ мракѣ ночей.

Но властью невѣдомо-новой
 Усопшій меня покорилъ;
 Я помню отъ слова до слова
 Чтò вѣщій пѣвецъ говорилъ.

Гармонию дивныхъ созвучій
 Твержу я въ мучительномъ снѣ,
 И зрится мнѣ образъ летучій,
 Блестящій, подобный веснѣ.

И тѣни на пиршествахъ вижу,
 И сердцемъ кого-то я жду;
 И шумныхъ гостей ненавижу,
 И къ міру питаю вражду.

ВЕРНЕТЬ.

ВЕСЕННЯЯ ДУМА.

Плещетъ звучными волнами
 Оживленная рѣка;
 Быстро мчатся вѣтерками
 Золотыя облака.

День желанный пробужденья,
 День любви и новыхъ силъ,
 Чудной влагой возрожденья
 Грудь земную оросилъ.

Ненавистной смерти бремя
 Больше въ полѣ не видать;
 Убѣгала жизнь на время
 И вернулась опять.

Но хоть дождь на землю канеть, —
 То, что гробъ въ себѣ блюдетъ, —
 Не проснется, не возстанетъ
 И опять не оживетъ!....

ВЕРНЕТЬ.

ЦВѢТОКЪ.

Страннымъ желаньемъ изъ края холоднаго
 Въ даль пересаженъ цвѣтокъ;
 Съ почвы родимой пришельца свободаго
 Принялъ въ объятія востокъ.
 Нѣжить онъ гостя, какъ радость нежданную,
 Будто дитя бережетъ,
 Вечеромъ, утромъ небесною манною
 Свѣтлой росой польетъ.
 Мимо привѣтъ: сиротинушка скошенный
 Солнечнымъ зноемъ томимъ,
 Вянетъ безмолвно отъ ласки непрошеной:
 Скучно подъ небомъ чужимъ!
 Тучки несутся ли съ сѣвера дальняго,
 Долго цвѣтокъ въ нихъ глядитъ:
 Дума о родинѣ вѣчно печальнаго
 Въ чуждомъ краю оживить.
 Вѣтеръ ли сѣверный дунеть прохладю,
 Листья сухіе шумятъ:
 Вѣтру пролетному съ тайной отрадою
 Долго о горѣ твердятъ.

БОГИ ГРЕЦИИ.

Полночною порой, когда луна горитъ
 Средь голубыхъ небесъ, и соловей свиститъ
 Подъ свѣжей тѣнию внимающаго сада,
 И въ травкѣ чуть стучитъ прыклявая цикада;
 Когда дрожитъ вдали свѣтилъ небесныхъ хоръ,
 А яворы ведутъ свой тайный разговоръ,
 Склоняясь и шумя зелеными вѣтвями
 Надъ синею волной — прозрачными толпами
 Эмады божества слетаются въ кружокъ....
 Тутъ молкнетъ все кругомъ: проснувшійся потокъ,
 И явора листы, и громкая цикада;
 А боги грустные твердятъ все: «О Эмада!»

И. МИХАЙЛОВЪ.

=

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

=

I.

Какія же протпвныя судьбы помѣшали Дмитрицкому пріѣхать на родину? Вотъ какія: онъ уже былъ на пути къ Путивлю; но дорога лежала какъ-разъ черезъ тотъ самый городъ, гдѣ Щепиковъ былъ городничимъ, и гдѣ бѣдная, заключенная Саломея вытребована была по приказанію городничаго, изъ острога въ домъ его благородія, для шитья бѣлья. Сначала посадили-было ее работать въ такъ-называемую *дѣвичью*, а правильнѣе *бабью*; потому что Катерина Юрьевна никогда не держала у себя въ домѣ дѣвокъ, зная, что этотъ народъ балуется; но когда сама Катерина Юрьевна вышла въ дѣвичью и взглянула на Саломею, то тотчасъ же отдала приказъ посадить ее работать въ мезонинѣ.

Щепиковъ, возвращаясь изъ полиціи домой, вошелъ къ себѣ не съ параднаго подъѣзду; но, считая необходимымъ заглянуть по хозяйственной части въ конюшню, въ сарай и въ людскую, вошелъ со двора черезъ кухню и дѣвичью. Тутъ онъ пріостановился и спросилъ у старой Маланьи:

— А гдѣ жъ колодница, которую привели изъ острога шить бѣлье?

— Барыня приказала посадить ее въ мезонинѣ, отвѣчала Маланья.

— А! а для чего? Да кто жъ здѣсь будетъ стеречь ее? Я тамъ заперъ дверь снаружи и стеречь нечего. Да, конечно, сказалъ Щепиковъ, подумавъ что-то.

Этот мезонинъ былъ не что иное какъ свѣтѣлка на чердакѣ, ходъ изъ сѣней. Здѣсь обыкновенно вѣшали сушить бѣлье. Окно свѣтѣлки выходило не на улицу, а на сторону къ каменной высокой стѣнѣ, которая раздѣляла деревянный одноэтажный домъ, занимаемый городничимъ, съ заѣзднымъ двухъ-этажнымъ домомъ. Противъ свѣтѣлки были два окна и разстояніе такъ было близко, что обитатель свѣтѣлки могъ разговаривать шопотомъ съ постояльцемъ, занимающимъ на постояломъ дворѣ комнату для ночлегу проѣзжихъ, откуда можно было наслаждаться видомъ и свѣтѣлки и крутой деревянной крыши, которая проросла мохомъ и уподоблялась зеленому лугу по скату горы.

По приказу барыни, Маланья, что-то въ родѣ ключицы и ларечницы въ домѣ, отвела Саломею на верхъ и обмѣлировала свѣтѣлку стуломъ съ перевязанными ногами и старымъ матрасомъ, который за негодностью, съѣденный молю, валялся на чердакѣ.

— Работай-себѣ, мать моя, тутъ тебѣ будетъ хорошо; ужъ все не то что въ тюрьмѣ. Какъ смеркнется, я тебѣ и поужинать принесу.

Поселивъ такимъ образомъ Саломею, Маланья вышла, приперла дверь, паложила пробой и заткнула колышкомъ.

Среди людей, человѣкъ самый несчастный, какъ-то всегда спокойнѣе: наружныя впечатлѣнія чувствъ развиваютъ думы, которыми питается горе. Въ кругу веселыхъ, печальный смотритъ на нихъ, или удивляется съ сожалѣніемъ нелѣпой ихъ радости, или завидуетъ имъ, или презираетъ ихъ, забывая самого себя; въ кругу заботливыхъ, хлопотливыхъ, суетливыхъ, дорожащихъ каждымъ мигомъ жизни, человѣкъ, потерявшій цѣну жизни, опять-таки смотритъ на суету суетъ, думаетъ: чего эти люди хотятъ, чего ищутъ? и забываетъ себя. Но въ уединеніи всѣ чувства сосредоточены въ самомъ себѣ, нѣтъ для нихъ развлечения; нѣтъ ниши взору видѣть, уху слышать, нѣтъ настоящаго; куда жь скрыться отъ пустоты, какъ не въ прошедшее и не въ будущее. Въ прошедшемъ нища — горе воспоминанія, въ будущемъ — тоска ожиданія.

Оставшись наединѣ, Саломея не могла привычься за работу, она бросилась на матрасъ съ отчаяніемъ и лежала какъ безпаятная. Насталъ вечеръ, дверь открылась, вошла Маланья съ чашкой.

— А ты ужъ спишь? На-ко щецъ.

— Благодарствуй, мнѣ не хочется ѣсть. Digitized by Google

— Ну, какъ изволишь, спи-себѣ.

Малашья вышла и приперла дверь.

Саломея рада была бы забыться, но не могла; ей душно, она мечется, срываетъ съ головы платокъ, открываетъ окно, садится подлѣ, и мысли ея полны отчаянія, глаза вымѣряютъ высоту. Посреди тишины послышался колокольчикъ, всё ближе и ближе, и вотъ коляска остановилась подлѣ заѣздаго дому. Поднялся гдворъ и шумъ; это развлекло Саломею, она прислушивалась; но вскорѣ все снова утихло, кругомъ тишина; Саломея снова предалась мыслямъ; облокотясь на окно и склонивъ на ладонь голову, она смотритъ на яркую луну, которая, кажется ей, быстро катится по волнамъ облачковъ. Вдругъ одно окно заѣздаго дому противъ свѣтѣлки съ шумомъ растворилось и отдернулась занавѣска.

— Фу, жара, духота какая! Скверность! раздался голосъ въ окнѣ.

Саломея вздрогнула. Этотъ голосъ былъ очень знакомъ ей.

— Фу! Чтò за гадость эти городишки съ своими растеряціями! Хоть бы изъ окна окатило свѣжимъ воздухомъ! продолжалъ какой-то мужчина, высунувшись изъ окна; и онъ сдернулъ съ головы парикъ и началъ имъ прохладять себя какъ вѣеромъ.

Саломея устремила на него глаза, и вдругъ взоръ ея дико загорѣлся, блѣдное лицо жарко вспыхнуло, изъ взволнованнейшей груди готово было вырваться восклицаніе; но она какъ-будто подавила въ себѣ женскую слабость, задушила звукъ и сжалась, припала какъ тигрица, чтобъ однимъ прыжкомъ прыгнуть на близкую жертву. Выкатившаяся луна изъ-за тучи освѣтила слегка Саломею. Дмитрицкій замѣтилъ ее. Въ окошечкѣ терема горячее женское личико, пламенные очи, распавшіеся по открытымъ плечамъ волоса.... все это озарено луною — воображеніе разыгралось. Чудо! подумалъ онъ, и послалъ рукой поцѣлуй.

— Это онъ, онъ! прошептала Саломея съ злобною радостью: не узналъ меня!

Она поотдалилась немного отъ окна.

— Куда жъ ты? Душенька! Хорошенькая! О ты, кто бы ты ни была, простая смертная, или богиня. Послушай! Я перепрыгну къ тебѣ!

Саломея не сводила взору съ Дмитрицкаго, дрожація уста ея, какъ-будто шептали:

— Поди, поди сюда, блаженство мое! Поди сюда, низкая душа! Я обовьюсь около тебя змѣей, я задушу тебя въ своихъ объятіяхъ!

— А? Что говоришь ты? продолжалъ Дмитрицкій, давая знакъ руками, что онъ во что бы ни стало, а преодолеетъ все преграды, раздѣляющія его съ таинственной заключенной въ теремъ красавицей. Можно? Ты одна?

Саломея кивнула головой.

— Наша! подумалъ Дмитрицкій, и вымѣривъ разстояніе оконъ, онъ также кивнулъ головой и подалъ знакъ: сейчасъ же буду твой!

Задернувъ занавѣску — Эй! крикнулъ онъ, молодецъ! Я на этомъ промятомъ диванѣ съ клопами спать не буду; принеси мнѣ двѣ доски и положи на стульяхъ.

— Да будьте спокойны, ваше сіятельство, клоповъ у насъ не водятся, сказалъ трактирный молодецъ.

— Что велятъ, то дѣлай! прикрикнулъ Дмитрицкій.

— Есть доски, да длинноваты.

— Ну, тѣмъ лучше, неси!

Длиныя доски были принесены и положены на стулья. Черномскій или, вѣрнѣе, Желыинскій, въ должности Матеуша, сталъ слать постель.

— Да ну, скорѣе! Я мѣчи нѣтъ спать хочу.

— А панъ заказалъ ужинъ.

— Не хочу, ѣшь самъ. Ступай.

— А раздѣваться, панъ?

— Не буду; такъ лягу, чтобъ не заспать. Ступай!

Желыинскій вышелъ, а Дмитрицкій торопливо отдернулъ занавѣску, послалъ поцѣлуй къ таинственной дѣвѣ, и принялся потихоньку, безъ стуку, разбирать постель. Одну доску перекинулъ онъ мостомъ чрезъ пространство между окномъ и заборомъ, съ другой отправился по этому мосту и устроилъ переправу до окна свѣтлкл.

Саломея затрепетала, когда онъ прыгнулъ въ окно и тихо проговорилъ: — Душенька!

Въ это самое время Щепикова мучила бессонница; онъ приподнялся тихонько съ ложа, на которомъ покоилась уже добрымъ сномъ Катерина Юрьевна; но она была чутка.

— Куда ты? спросила она сквозь сонъ.

— Никуда, душа моя, сца! отвѣчалъ Щепиковъ, надѣвая халатъ.

И онъ пошелъ дозоромъ, выбрался въ сѣни, и потомъ едва дотрогиваясь до ступеней, на четверенькахъ, какъ кошка, взобрался

по крутой лѣстницѣ на чердакъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ къ свѣтѣлкѣ, и вдругъ присѣла отъ ужасу.

— Чудо, роскошь, восторгъ! да ты просто наслажденіе! раздалось тамъ вполголоса.

— Постой, постой! слышался женскій голосъ.

— Чего стоять, радость моя....

— Постой! И вдругъ что-то грохнулось съ страшнымъ стукомъ, и задребезжало разбитое стекло.

— Что ты это? кто-то вскрикнулъ.

— Ничего, отвѣчалъ женскій дрожащій счастьемъ и блаженствомъ голосъ: я только сбросила доску!...

— Ахъ, безумная! что ты сдѣлала! Какъ же я отсюда выйду?

— Зачѣмъ уходить? Ты не уйдешь отсюда, не оставишь меня! Теперь ты мой, душа моя, другъ мой! Обними свою богиню, ласкай.... а я вопьюсь въ тебя!...

— Ахъ, чортъ, да это въ самомъ дѣлѣ богиня, или безумная!

— Куда? Нѣтъ, я тебя не пушу! Не пушу, жизнь моя!

— Прочь! вцѣпилась ногтями! съ ней не справишь!

— Какое счастье! Какое благо!

— Тсъ! Что ты кричишь! Ахъ, проклятая!... Кто-то идетъ!...

— Ничего!... Это шумъ.... Это сюда идутъ.... Куда? Нѣтъ! Ни шагу отъ меня! Теперь ты мой!

— Шутки!

— Нѣтъ! Не шутки!... Я блаженствую, пользуюсь минутой счастья, обнимаю тебя, цѣлую!

— Караулъ, караулъ! закричалъ Щепиковъ, услышавъ страшную борьбу и крикъ поднявшійся въ свѣтѣлкѣ.

— Идутъ!... Пусти, дьяволъ!

— Нѣтъ! не пушу!... Мои руки крѣпче оковъ, они такъ и окостѣють! Чувствуешь ли ты колодку на шеѣ?... Это я, твоя Саломея, любовь твоя....

— У! проклятая! демонъ!

Между-тѣмъ какъ эта сцена происходила въ свѣтѣлкѣ, весь домъ поднялся уже на ноги. Доска, которую Саломея столкнула съ окна свѣтѣлки, ударилась концомъ въ окно спальни, гдѣ покоилась Катерина Юрьевна. Она вскочила съ испугомъ, хватилась мужа, его нѣтъ, подняла крикъ, выбѣжала въ дѣвичью, перебудила своихъ бабъ, послала будить людей и дворню, послала въ полицію; а между-тѣмъ ходитъ со свѣчой по всему дому и ищетъ мужа — внизу нѣтъ.

— Посмотри-ко въ свѣтёлкѣ! говоритъ она Маланьѣ : вѣдь тамъ колодница?

— Тамъ, сударыня.

И вслѣдъ за Маланьей, Катерина Юрьевна взбирается на лѣстницу, а Щепиковъ навстрѣчу.

— Что это такое, сударь? Это что?...

— Караулъ! Людей сюда! Послать въ полицію! кричитъ Щепиковъ, скорѣе!

— Слышишь? раздается громкій голосъ Саломеи въ свѣтёлкѣ, слышишь: «Людей, полицію!» Насъ хотятъ разлучить!...

— Сюда, сюда! кричатъ снаружн Щепиковъ. Отвори свѣтёлку!

Дверь отворилась; нѣсколько полицейскихъ солдатъ, а за ними Щепиковъ, жена его, люди, вошли въ свѣтёлку.

— Помогите! вскричалъ Дмитрицкій, около шеи котораго обвилась Саломея, какъ змѣя: помогите, безумная душитъ меня!

— Берите ихъ, берите! кричитъ Щепиковъ.

— Позвольте, сказалъ Дмитрицкій, освобождаясь отъ Саломеи. Я графъ Черномскій, остановился подлѣ, окно противъ окна; вдругъ вижу эту безумную, которая кричитъ: Помогите, помогите! Я думалъ, что пожаръ, бросился въ окно, спасать ее....

— Не вѣрьте, не вѣрьте сказкамъ! Это мой любовникъ, душегубецъ! Мы вмѣстѣ съ нимъ грабили и душили людей! вскричала Саломея.

— Вяжите имъ руки! вскричалъ Щепиковъ.

— Позвольте, сказалъ Дмитрицкій, справьтесь въ заѣздномъ домѣ, тамъ мой экипажъ и человекъ, я въ ночь прѣѣхалъ....

— Тащите его въ полицію! вскричалъ Щепиковъ.

— А эту-то, а эту-то? вскричала Катерина Юрьевна, здѣсь оставить, что ли? Вяжите и ее, тащите и ее вонъ!

— Пстой! Обыщите его! сказалъ Щепиковъ своей командѣ.

Приказаніе городничаго тотчасъ же было исполнено; десять рукъ полѣзли шарить по карманамъ и вынувъ бумаги и довольно толстый конвертъ, передали городничему; довольно же толстый кошелекъ засунулся самъ въ рукавъ хожалаго, такъ что онъ того не замѣтилъ и доложилъ, что больше ничего не имѣется въ карманахъ.

— Теперь я спокойна, мы не разлучны съ тобой! проговорила задыхаясь Саломея, когда ее повели вмѣстѣ съ Дмитрицкимъ. Глаза ея пылали, лицо горѣло; съ распущенными, разбросанными волосами она казалась безумной.

— Вы будете отвѣчать! сказалъ Дмитрицкій Щенникову.

— Хорошо, пріятель! отвѣчалъ Щенниковъ.

Саломею и Дмитрицкаго съ связанными руками препроводили въ полицію. Допросъ отложенъ былъ до утра, а до допроса сонныя будочки толкнули ихъ въ арестантскую избу съ разжельзанными окнами, и заперли.

Тутъ не было мужскихъ и женскихъ отдѣленій. На нарахъ лежали нѣсколько колодниковъ, въ оковахъ и безъ оковъ. Такъ какъ прибыль постояльцевъ была не новость для нихъ, то они сквозь сонъ взглянули на прибывшихъ и захрапѣли снова.

На блѣдномъ лицѣ Саломеи выражалось то злобное равнодушіе къ судьбѣ своей, которое составляетъ противоположность отчаянію.

— Я теперь вполнѣ счастлива! сказала она, садясь на пустое мѣсто наръ. Мое желаніе исполнилось, я опять съ тобой!...

— Проклятая баба! отвѣчалъ Дмитрицкій, ложась на нары: попуталъ чортъ связаться!

— Не чортъ, мой другъ, а пламенная любовь, сказала спокойно, но язвительно, Саломея: ты слишкомъ былъ вѣтренъ — я тебя опутаю оковами любви.

И она потрясла оковами лежащаго подлѣ колодника:

— Молчи, проклятая баба! я спать хочу!

— Спи, дитя мое, я убаюкаю тебя, спою колыбельную пѣсню.

И Саломея запѣла:

«У ката-ли, воркота,
Колыбелька хороша!»

— Вотъ чортовъ пѣвецъ явился! проговорилъ одинъ изъ колодниковъ.

Саломея еще громче запѣла; она, казалось, была очень счастлива и ей какъ-будто невольнo пѣлось.

— Я затяну, братъ, тебѣ глотку! крикнулъ опять сквозь сонъ колодникъ, подлѣ котораго сидѣла Саломея.

— Не тронь ее, пьяную бабу не уймешь, какъ расходится, прохрипѣлъ другой.

Дмитрицкій, казалось, крѣпко спалъ.

— Уснулъ, сказала Саломея, ты спишь, мой другъ? И она пошла къ Дмитрицкому, дернула его за рукавъ.

— Послушай, ты спишь?

— Поди ты прочь! бѣсъ! вскричалъ онъ очнувшись.

— Ну, спи, спи! Я тебя не беспокою; я буду гонять мухъ отъ тебя; здѣсь такая тма мухъ. Шъ!

— Пьфу, чортъ какой! вскричала Дмитрицкій, соскочивъ съ наръ.

— Чтò жъ ты не спишь, другъ мой? Можетъ-быть тебѣ жестко лежать? Ничего, можно привыкнуть.

— Послушай, Саломея Петровна, знаешь ли чтò? сказала Дмитрицкій.

— Чтò?

— Ты очаровательное существо; ей-ей! Я отъ тебя всегда былъ въ восторгѣ, а теперь еще болѣе. Я вполне понимаю тебя: въ тебѣ не просто человѣческая природа..... Постою, постой, дай кончить!.... Я не шучу. Знаешь ли чтò?

— Чтò? спросила презрительно Саломея.

— А вотъ чтò: между животными есть ядовитыя животныя, между растеніями ядовитыя растенія, такъ и между людьми есть чортовы зелья, которыя все отравляютъ; понимаешь?

— А ты чтò такое?

— Я? Я Антидотъ; то же, да не то: ты *similia*, а я *similibus*....

— Ледяная душа, холодное существо! вскричала Саломея, ты погубилъ меня!

— Погубилъ? Чѣмъ? Будто ты погибла? напротивъ, ты лучше стала чѣмъ была, ты усовершенствовалась!

— Забавляйся моимъ несчастіемъ, злодѣй. Но и тебѣ выхода отсюда не будетъ! Я тебя скую въ желѣзо, наряжу въ колодки.

— Э, помилуй, еще молоды; износимъ и эти наряды; да чтò объ этомъ говорить, расскажи лучше какимъ образомъ ты здѣсь очутилась, а?... Да впрочемъ, догадываюсь....

Въ это время двери сибирки открылись и слова Дмитрицкаго были прерваны солдатами, которые вошли выгонять колодниковъ на работу.

II.

Въ то время, когда поднялся шумъ въ домѣ городничаго, Желынский или, всё-равно, Грабе Черномскій, исправлявшій должность Матеуша, только-что сталъ трудно засыпать въ комнатѣ, рядомъ съ занимаемой Дмитрицкимъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ случилось съ нимъ страшное превращеніе изъ пана Грабе въ камердинеры, строгій панъ Дмитрицкій держалъ его въ рукахъ и такъ заботился искоренить изъ него вельможную спѣсь, вселить повиновеніе и расторопность, что впродолженіи дня не давалъ ему минуты на думу о своей горькой участи. Ложась спать,

утомленный, онъ также не могъ ни о чемъ думать, потому что всѣ члены его, исключая двухъ рукъ, привыкшихъ метать банкъ и загибать углы, избѣженные безпечной жизнью, требовали покоя и сна. Такимъ образомъ въ самое короткое время изъ шулера онъ обратился въ сквернаго лѣнтяя слугу. Боясь зоркаго глазу и пистолетовъ Дмитрицкаго, онъ забылъ и думать о возвратѣ правъ своихъ на дипломы пана грабе и на прибрѣтенный картежными плутнями капиталъ, иначе, какъ чрезъ женитьбу на сестрѣ Дмитрицкаго. Понимая правъ Дмитрицкаго, онъ ему вѣрилъ, и вполне успокоился въ ожиданіи приѣзда въ Путивль.

Ложась спать на постояломъ дворѣ, мншмый Матеушъ размѣтался объ этой женитьбѣ.

— Моя старѣ пани Жельнска не мыслить и не гадаеть, что я жепюсь на паннѣ Паталин! Женюсь-себѣ и кончена рѣчь! Го! Что жъ тутъ такого? То не женатый панъ Жельнскій женится, а холостой панъ грабе Черномскій, панъ Жельнскій ужъ старъ; а панъ грабе, когда перукаржъ уладить парикъ и умаститъ перфумами — просто юноша....

Когда внезапный грохоть, и посыпавшіяся стекла прервали эти мечты, Жельнскому показалось, что все это случилось въ комнатѣ Дмитрицкаго.

— Пяна Матка Бога, что тамъ такое! проговорилъ онъ съ ужасомъ, вскочивъ съ ложа своего. Пане, а пане! Спитъ панъ?

Отвѣту нѣтъ.

Жельнскій попробовалъ заперты ли двери; двери свободно отворились. Боязливо взглянувъ въ комнату, освѣщенную луной, онъ замѣтилъ, что пана нѣтъ, постель разбросана, въ отворенномъ окнѣ доска, на столѣ парикъ грабе Черномскаго, часы и пистолеты.

Боязливо Жельнскій осмотрѣлся снова кругомъ; послышавшіяся шумъ въ сосѣднемъ домѣ заставилъ его вздрогнуть и отступить къ дверямъ; но вдругъ, какъ кошка на мышъ, онъ бросился на парикъ, нахлобучилъ его себѣ на голову, схватилъ пистолеты, часы и стоявшую въ головахъ постели шкатулку, и началъ кричать: Караулъ, караулъ! Ратуйте! Хозяинъ, кто тутъ есть!

Хозяйка прибѣжала прежде всѣхъ со свѣчой, но встрѣтивъ въ дверяхъ Жельнскаго, плюнула и побѣжала назадъ, съ крикомъ: Ахъ ты, срамъ какой! Да что онъ, съ ума что ли сошелъ! Хозяинъ, ступай, что тамъ приключилось ему!

— Что вы, батюшка, что съ вамп?

— Бѣги въ полицію, хозяинъ! Дай знать, что мошенникъ Матеушъ, хотѣлъ убить меня и обокрасть.... Меня, графа Черномскаго, слышишь? Скорѣй ловить его! Скажи, что онъ ограбилъ меня!... Слышишь? А вы, ребята, подите сюда, стерегите меня и мои вещи! Ищите мошенника! Онъ гдѣ-нибудь спрятался!... Онъ убьетъ меня!

Хозяинъ побѣжалъ въ полицію, а между-тѣмъ Желыинскій, оставивъ себя народомъ и повторяя: «Держите его разбойника, если откуда-нибудь покажется, я вамъ дамъ красненькую на водку», онъ съ жадностью осматривалъ всѣ ящики своей шкатулки и въ то же время, вытащивъ изъ сундука новую пару платья, одѣвался въ щегольской фракъ.

— Такъ и есть, тутъ нѣтъ моихъ бумагъ и нѣсколькихъ тысячъ денегъ! Ахъ онъ, бестія!... Стойте, братцы, не уходите никуда: красненькую вамъ.... слышите?

— Слышимъ, ваше сіятельство, отвѣчали работники постоялаго двора, обращаясь къ сбѣжавшимся проѣзжимъ ямщикамъ: Вы, братцы, ступайте-себѣ, вы не здѣшніе!

— Такъ чтѣ жъ что не здѣшніе! Его сіятельство не вамъ однимъ посулилъ; да мы еще прежде васъ поспѣли на помощь, вотъ чтѣ....

— Смотрико-съ! а чортъ васъ просилъ! Ступай, говорятъ, здѣсь вамъ не мѣсто!

— Куда ты ихъ гонишь? вскричалъ Желыинскій.

— Да вотъ, чтѣ имъ дѣлать здѣсь, это не наши, а проѣзжіе.

— Нѣтъ! никто не смѣй уходить, покуда полиція не придетъ!

— Да вотъ, кварталный.

— А! Вы господинъ кварталный?

— Такъ точно-съ.

— Очень радъ!... Прошу васъ засвидѣтельствовать: мой человекъ, Матеушъ, каналья и пьяница, обокралъ меня и ушолъ.... вотъ въ окно, изволите видѣть? Хотѣлъ-было убить!

— Такъ-съ, отвѣчалъ кварталный, дѣйствительно! Онъ проѣзъ въ свѣтѣлку, къ господину городничему; и тутъ долженъ былъ быть-съ заговоръ.... заговоръ съ женщиной, съ колодницей.... она ему помогала.... это ужъ вѣрно-съ; я, ужъ теперь понимаю!...

— Съ какой женщиной?

— Съ одной-съ, намъ она извѣстна-съ.

— Такъ сдѣлайте одолженіе, надо скорѣй въ погоню; мошен-

никъ ограбилъ меня, хотѣлъ убить, унесъ бумаги мои, и деньги.....

— Заквѣмъ въ погоню-съ?

— За этииъ разбойникомъ, Матеушомъ.

— Не безпокойтесь, пойманъ-съ.

— Какъ, пойманъ?

— Ей-Богу-съ, вмѣстѣ съ женщиной; они и городничаго хотѣли обокрасть, да подрались, извольте видѣть, и произвели шумъ; а дозорная команда и нагринула.... Поймали-съ! Извольте, ваше сіятельство, подать въ полицію объявленіе...

— Объявленіе? проговорилъ Желынский, не помня, что за благодѣтельная судьба вытасила Дмитрицкаго въ окно прямо въ полицію.

— Какъ же-съ, продолжалъ квартальный: объявленіе, что вотъ такъ и такъ, о чемъ градскую полицію и объявить честь имѣю... Просто-съ; а ужъ тамъ наше дѣло.

— Да это протянется, Богъ знаетъ сколько времени, а мнѣ надо завтра чѣмъ свѣтъ ѣхать!... Нельзя ли теперь же отобрать у него бумаги и деньги....

— Все отобрано-съ, хранится у господина городничаго; ужъ до завтра; теперь невозможно.

— Ахъ, досада какая!

— Никакъ нельзя, ваше сіятельство.

— Такъ позвольте я сейчасъ же напишу объявленіе; только я не знаю формы.

— Да не угодно ли я напишу, ваше сіятельство.

— Сдѣлайте одолженіе; вотъ вамъ бумага и чернила.

— Извольте сказать примѣты вашего человѣка или, лучше всего, пожалуйста паспортъ его.

— Паспортъ? Паспорта нѣтъ.

— Какъ же, ваше сіятельство, безпаспортнаго держать у себя?

— Нѣтъ, не то, я хотѣлъ сказать, что и паспортъ онъ унесъ вмѣстѣ съ моими бумагами.

— Такъ позвольте примѣты, имя и прозвище.

— Имя—Матеушъ, то есть Матвѣй, а прозванье его я не упоню.... я въ самый день отъѣзда нанялъ его въ Кіевѣ....

— Безъ прозванья нельзя-съ.

— Кажется.... Дмитрицкій.... именно! Матвѣй Дмитрицкій, лѣтъ тридцати, бѣлокуръ, чистъ лицомъ, глаза каріе, носъ правильный....

— Ночь правильный... расту.... кажется, средняго; теперь, что именно снесъ со двора?

— Бумаги! паспортъ и подорожная на имя мое, то есть, графа Яна Черномскаго; пачку денегъ около трехъ тысячъ.... да въ кошелекъ золотомъ червонцами болѣе тысячъ....

Послѣ долгихъ переспросовъ и повтореній, объявленіе было написано, Жельинскій подписалъ его и вручилъ квартальному съ изъявленіемъ благодарности за трудъ, и просьбою по-скорѣе доставить ему бумаги и деньги.

— Объ этомъ, ваше сіятельство, надо будетъ переговорить съ господиномъ городничимъ, замѣтилъ квартальный и удалился.

Все это происшествіе Жельинскому казалось сномъ; онъ протиралъ глаза, смотрѣлъ на себя въ зеркало, отворялъ нѣсколько разъ шкатулку, при малѣйшемъ шумѣ хватался за пистолеты и становился въ позицію противъ дверей, и въ этомъ тревожномъ состояніи пробылъ до утра. Долго ломая себѣ голову соображеніями, какимъ образомъ Дмитрицкій исчезъ изъ комнаты и очутился въ полиціи за воровство, Жельинскій наконецъ рѣшилъ, что, что-нибудь да не такъ; невозможное дѣло, чтобъ Дмитрицкій выгѣзъ самъ изъ окна и пойманъ былъ въ воровствѣ.... пустяки! Вѣрно воры влѣзли въ окно, задушили Дмитрицкаго, вытащили вонъ и куда-нибудь запрятали, чтобъ отклонить подозрѣніе отъ грабежа, и чтобъ мѣстное начальство при изслѣдованіи событія сдѣлало заключеніе, что въ ночь, на такое-то число, такой-то панъ грабе Черномскій, неизвѣстно почему скрылся черезъ окно такого-то постоялаго двора, и нынѣ неизвѣстно гдѣ находится; въ городѣ же его, по обыскѣ не оказалось.

— Именно такъ! утвердительно рѣшилъ Жельинскій: въ полиціи не онъ, а какой-нибудь изъ пойманныхъ воровъ. Но тѣмъ лучше, подумалъ онъ: лишь бы отыскались бумаги и деньги.

Часовъ въ девять утра явился снова квартальный и просилъ пожаловать его сіятельство въ полицію, для удостовѣренія по формѣ, что дѣйствительно взятый подъ арестъ, неизвѣстный чело-вѣкъ, есть его камердинеръ Матеушъ.

Со всею важною вельможнаго пана, Жельинскій, облеченный въ парикъ грабе Черномскаго, отправился въ полицію, сопровождаемый квартальнымъ и хозяевами. Передъ нимъ почтительно отворились двери, и онъ вышелъ въ переднюю комнату, гдѣ между просителями, колодниками и командой, стоялъ и Дмитрицкій съ связанными назадъ руками.

Взглянувъ на него, Жельинскій оробѣлъ нѣсколько, но не потерялся.

— А-га! вотъ онъ, молодецъ! сказалъ онъ пріостановясь и смотря прищурясь на Дмитрицкаго: чтѣ, попалъ, любезный? Ну, не надѣялся я отъ тебя такого поступка! Ты казался мнѣ добрый мальшій.... не надѣялся....

— Ахъ, это ты, мерзавецъ! пьяница Матеушъ, нарядился въ мой фракъ! Какъ ты смѣлъ, бестія! крикнулъ Дмитрицкій, притопнувъ ногою и бросившись къ нему.

— Ай, ай! Ратуйте! вскричалъ Жельинскій, отскочивъ отъ Дмитрицкаго и вбѣгая въ комнату, гдѣ стояло зеркало и присутствовалъ городничій: помилуйте, этотъ мошенникъ убьетъ меня!... Вы господинъ городничій?

— Такъ точно, отвѣчалъ Щепиковъ: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я графъ Черномскій; вамъ уже извѣстно по поданному объявленію, что слуга мой, Матеушъ, обокралъ меня и бѣжалъ; но пойманъ полиціей.... я васъ прошу заключить его въ кандалы, а мнѣ возвратить украденныя вещи.

— Такъ точно, ваше сіятельство, но позвольте сдѣлать ему допросъ....

— Нѣтъ, прошу васъ форму суда исполнять какъ угодно послѣ моего отъѣзда; я ѣду по важнымъ дѣламъ въ столицу, чтѣ можно видѣть изъ бумагъ, которыя при мнѣ.... пожалуйста сюда....

И Жельинскій вышелъ съ городничимъ въ сосѣднюю комнату, служившую архивомъ и спальней дежурнаго.

Тайное объясненіе продолжалось не долго; Щепиковъ первый подалъ голосъ:

— Конечно, ваше сіятельство, удерживать васъ мы не можемъ; но какимъ же образомъ насчетъ суммы денегъ, найденной у него: вы изволите показывать, что украдено три тысячи; а въ конвертѣ, который вскрытъ въ присутствіи, вотъ при господахъ засѣдателяхъ, оказалось только семь сотъ рублей....

— Безъ-сомнѣнія онъ подѣлился съ кѣмъ-нибудь, или пропилъ, замѣтилъ одинъ изъ засѣдателей.

— Я эту претензію оставляю, пожалуйста мнѣ бумаги и остальные деньги, сказалъ Жельинскій.

— Извольте, отвѣчалъ Щепиковъ.

— Денегъ не слѣдуетъ возвращать до окончанія дѣла, сказалъ засѣдатель: они должны быть при дѣлѣ.

— Такъ ужъ извините, ваше сіятельство.

— Ну, такъ и быть, пусть ихъ остаются при дѣлѣ, пожалуйста те бумаги.

— Да, вѣдь, Иванъ Ивановичъ и бумагъ нельзя выдать, замѣтилъ опять засѣдатель: вѣдь дѣло уголовное....

— Какъ нельзя! Я долженъ ѣхать сейчасъ! вскричалъ Жельинскій.

— Что жъ дѣлать, ваше сіятельство, я не могу изъяснить согласіе на выдачу ихъ.... развѣ.... вы изволите согласиться оставить свое требованіе и уничтожить объявленіе; такъ въ такомъ случаѣ, мы своимъ порядкомъ, не упоминая о покражѣ, препроводимъ вашего слугу, какъ пойманнаго бродягу.... въ такомъ только случаѣ....

— Ну! нечего дѣлать! Пропадай онъ! пожалуйста объявленіе и мои бумаги.

— Извольте сперва уничтожить....

Засѣдатель возвратилъ объявленіе Жельинскому, который его разорвалъ; а городничій вручилъ ему бумаги, пожелавъ ему благополучнаго пути.

Не оглядываясь на Дмитрицкаго и ни слова не говоря, Жельинскій, какъ говорится, шаркнулъ черезъ переднюю, почти бѣгомъ добѣжалъ до постоялаго двора, однимъ прыжкомъ взобрался на лѣстницу, крикнулъ: «Хозяинъ, скорѣй мнѣ четверку почтовыхъ лошадей», и потомъ, отирая струящейся съ лица потъ, сталъ укладываться, собираться въ дорогу.

III.

Если вамъ въ память одинъ изъ обожателей Саломеи Петровны, старый холостякъ, Платонъ Васильевичъ Туруцкій, то мы обратимся теперь къ нему.

Платону Васильевичу Туруцкому было уже около семидесяти лѣтъ, когда его однажды на пути къ англійскому клубу постигла внезапная любовь къ Саломеѣ Петровнѣ.

Въ давнія времена, не имѣя никакого еще чина, по огромности своего состоянія онъ былъ избранъ въ какую-то почетную должность, и его величали «превосходительствомъ». Его превосходительству невозможно было не быть членомъ англійскаго клуба. Какъ холостякъ, въ какой семьѣ лучше этой проводилъ бы онъ время. Вслѣдствіе обычая, званія, должности и имѣющагося дома въ Москвѣ, онъ и поступилъ въ неизмѣнныя копыя клуба. Отъ должности получилъ онъ увольненіе; но ни зачѣмъ уже не

хотѣлъ вступить въ коронную службу, чтобъ не лишиться титула: въ клубѣ привыкли его величать «его превосходительствомъ», особенно постоянные его партизаны въ вѣсть, замѣтили, что когда они величали Платона Васильевича его превосходительствомъ, тогда Платонъ Васильевичъ былъ занятъ болѣе своею важностью, нежели игрою, необыкновенно какъ рисковалъ, и щедро платилъ за воздаваемую ему почесть; просто же Платонъ Васильевичъ, безъ прилагательнаго, игралъ осторожно, скупо и ужасно счастливо.

Живя въ большомъ кругу, Платонъ Васильевичъ повсюду былъ въ числѣ званыхъ и почетныхъ гостей; потому что нигдѣ нѣтъ столько нужды и крайней потребности въ заимодавцахъ, какъ въ большомъ свѣтѣ. Въ хижинѣ пусто, голо, нѣтъ куска хлѣба; да можно ли это назвать бѣдностью? Если не подастъ на хлѣбъ добрый человекъ, такъ подастъ Богъ, и послѣ завтра и до окончанія вѣка — перекрестится и сытъ. А вотъ въ этихъ отеляхъ, во вкусѣ перерожденія, гдѣ все рококо,—дѣло другое: тамъ нужда въ золотѣ, бѣдность великолѣпно разряжена, крайность рыщетъ чорта ради — за кускомъ хлѣба и за копѣчкой въ каретѣ на англійскихъ рессорахъ, на какой-нибудь четверкѣ вороныхъ — шея дугой, хвостъ трубой; но свѣтскій кусокъ и свѣтская копѣчка не простыя: изъ куска хлѣба можно засушить корабля два сухарей, а копѣчку размѣнять на золото, на серебро, на ассигнаціи и на чтѣ угодно; потому что она чортова безцѣнная копѣчка, тратится безъ счету, берется въ долгъ безъ отдачи, или съ отдачей на томъ свѣтѣ угольямъ!

Просто Платонъ Васильевичъ былъ скупъ и не заимодавецъ, но у обязательности «его превосходительства» можно было знатнымъ людямъ *перехватить*; это было причиной, что званіе Платона Васильевича оставалось при немъ и въ обществѣ, и его особѣ былъ нерѣдко такой почетъ, что иногда можно было подумать, что онъ не просто «его превосходительство», а съ мазомъ. Когда родитель Саломеи, Петръ Григорьевичъ, почувствовалъ истощеніе вѣшнихъ силъ своихъ, тогда душа его возчувствовала потребность въ Платонѣ Васильевичѣ и особенное уваженіе къ нему.

Начавъ волочиться за нимъ, во-первыхъ, онъ нашелъ случай предложить ему очень кстати понюхать своего табачку.

— Прекрасный табакъ.... удивительно хорошъ! безподобный! вотъ это табакъ! скажите, пожалуйста, гдѣ вы покупаете его? чудный табакъ!

— Это просто рапѣ, но я его особеннымъ образомъ смачиваю;

если вашему превосходительству угодно, то я открою вамъ этотъ секретъ.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе; я съ своей стороны открою вамъ отличный способъ смачивать табакъ; извольте понюхать моего.

— Безподобный! признаюсь вамъ, вашъ превосходите!

— Вамъ нравится? Секретъ состоитъ въ томъ, чтобъ взять лучшаго нюхательнаго испанскаго табаку, настоять его крѣпче въ простой водѣ, и этимъ настоемъ смачивать — вотъ и все.

— Скажите, пожалуйста, я употребляю точно то же средство, только вмѣсто испанскаго русской табакъ.

— Неужел? русской?

— Русской.

Слово за слово, знакомство было сдѣлано; очарованный отцомъ, Платонъ Васильевичъ плѣнился дочерью.

Какъ ни презирала Саломея Петровна старость, но титулъ превосходительства и привилегія богатства имѣли на нее какое-то обаяніе. Сочувствуя въ себѣ высокія достоинства, ей унизительно казалось уподобляться пестрой бабочкѣ, за которой носится стая мотыльковъ; природа надѣлила ее какою-то сценической важностью, и она любила окружать себя величіемъ и штатомъ людей значительныхъ въ свѣтѣ: и посреди ихъ воображала себя чѣмъ-то въ родѣ Семирамиды.

Желая и Платона Васильевича приковать къ подножію своему, она очаровала его своимъ вниманіемъ и любезностью до того, что онъ едва не забылъ о своей обязанности быть въ клубѣ. Она даже спросила его: вы тапцуете? и когда Платонъ Васильевичъ вѣскольکو смутясь отвѣчалъ, что въ его лѣта танцы—анахронизмъ, Саломея очень мило высказала, что лѣта ничего не значать, что современная молодежь состарѣлась, одряхлѣла и съѣла зубы прежде отцовъ, и что теперь ужъ юношей нѣтъ, юношескаго возраста не существуетъ.

— Дѣйствительно! вскричалъ Платонъ Васильевичъ: совершенная правда! теперь изъ *анфановъ* поступаютъ прямо въ *madame* и *monsieur*!

— Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стѣитъ только взглянуть кругомъ насъ, отвѣчала Саломея: посмотрите вотъ на этого *monsieur* Калякинъ, который ходитъ въ сапогахъ съ высокими, съ отваломъ каблуками, какъ на рогулькахъ, движется какъ точеный изъ дерева и облѣбанный сукномъ; носится со шляпой въ рукахъ за дамами и гласомъ величія говорить имъ глупости,—ему

отъ-роду шестнадцать; а вотъ, прожившій уже около двухъ десятковъ лѣтъ на свѣтѣ, человекъ въ чинахъ, лицо подернуто какой-то важной мыслью, которая пышно развивается въ головѣ, отъ занять также какимъ-нибудь преобразованиемъ, а вотъ эта улитка, которая совсѣмъ вылезла изъ платья — это кокетка въ шестнадцать лѣтъ.

Саломея очень складно наговорила тѣмъ пошлостей насчетъ юношей и юныхъ дѣвъ, которыя воображали, что онѣ что-то такое экстренное на свѣтѣ. Разумѣется, что все это было сказано также *отъ сознанія собственнаго своего достоинства* и ничтожества всѣхъ другихъ. Саломеѣ Петровнѣ было уже за четверть столѣтія, и новый урожай общества, хоть и недоносокъ, но всё-таки шелъ впереди ея.

Платонъ Васильевичъ, въ первый разъ, вмѣсто того чтобъ говорить самому, слушалъ ее, подтверждалъ ея мнѣнія и дивился глубинѣ ея ума и замѣчаній насчетъ поваго поколѣнія. Платонъ Васильевичъ, какъ богатый человекъ, окруженный всегда людьми, оказывающими почтеніе и мѣшку, заключающему золото, какъ атмосферой, не примѣчалъ, что за этой атмосферой носятся молодые міры какъ кометы, волосатые, съ длиннымъ хоботомъ, голова пуста, сквозить; но блеску тьма. Платонъ Васильевичъ по природѣ самъ былъ нѣкогда изъ числа кометъ, которыя должны обращаться въ спутниковъ, въ челядь планетную; но количество наследственной матеріальной магнитной силы — словомъ, злата, дало ему самостоятельность въ системѣ планетнаго міра, титулъ превосходительства въ обществѣ и званіе члена въ англійскомъ клубѣ. Но эта самостоятельность была бесплодна, ничего изъ себя не развивала, не производила, какъ міръ невозбужденный электричествомъ другаго міра. Въ англійскомъ клубѣ онъ бы и изсякъ; но встрѣча съ Саломеей возбудила въ немъ дѣятельность органическихъ силъ, и Платонъ Васильевичъ на старости лѣтъ вдругъ зацвѣлъ, и въ первый разъ послѣ свиданія съ Саломеей, отправился въ клубъ не по желанію, а по навыку отправиться въ извѣстное время въ извѣстное мѣсто. Въ первый разъ родилась у него въ головѣ задушевная мысль, но въ чемъ она состояла пельзя догадаться, даже по наружности; потому что мускулы его лица позатвердѣли въ ненарушимомъ спокойствіи, а въ глазахъ затянуло уже отъ времени продушины, чрезъ которыя газы образовавшіеся въ сердцѣ, истекая, загораются отъ прикосновенія воздуху. Когда Платонъ Васильевичъ пріѣхалъ

въ клубъ, на его лицѣ выражалась какаля-то заботливость, а въ движеніяхъ торопливость.

— Иванъ Ивановичъ, сказалъ онъ безъ изъявленія своего почтенія первому встрѣчному сочлену: не знаете ли вы какого-нибудь извѣстнаго по своему искусству архитектора?

Иванъ Ивановичъ вмѣсто отвѣта, сдѣлалъ съ своей стороны обычный вопросъ:

— Для чего это вамъ, Платонъ Васильевичъ?

— Для чего! Разумѣется для построекъ.

— А значительныя постройки?

— Да, и очень значительныя.

— Здѣсь, въ Москвѣ, или въ подмосковной?

— Здѣсь, отвѣчалъ съ нетерпѣніемъ Платонъ Васильевичъ.

— Здѣсь, а! Позвольте узнать, въ-чемъ онѣ будутъ состоять?

— Объ этомъ ужъ мое дѣло будетъ посоветоваться съ архитекторомъ; васъ прошу только адресовать мнѣ какого-нибудь извѣстнаго, хорошаго архитектора, въ новѣйшемъ вкусѣ.

— Я, право, не знаю ни одного; потому что я самъ....

— Такъ вы бы такъ и сказали! произнесъ Платонъ Васильевичъ, отходя отъ Ивана Ивановича.

— Да позвольте, Платонъ Васильевичъ.... если вамъ пужно произвести какія-нибудь постройки, то я не хуже архитектора могу дать вамъ совѣты; я у себя въ деревнѣ произвелъ много построекъ: домъ построилъ — хоть куда! Вотъ хоть сюда перенести и поставить рядомъ съ клубомъ.... я вамъ сейчасъ расскажу его расположеніе — удивительное! Безъ плана, совершенно безъ плана! да что планъ — пустяки.... Куда жъ вы?

— Нѣтъ ужъ, извините, Иванъ Ивановичъ, мнѣ нуженъ архитекторъ!

— Какъ хотите.... Странный человѣкъ!

— Что такое, Иванъ Ивановичъ! спросилъ нѣкто Степанъ Федоровичъ: что такое?

— Да какъ же.... чудакъ! хочетъ строить домъ....

— Кто?

— Да вотъ Платонъ Васильевичъ.

— Туруцкій?

— Ну да; не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о постройкѣ, и не думаетъ посоветоваться съ добрыми людьми. Видишь, архитекторъ лучше знаетъ дѣло!

— А какой это архитекторъ?

— А чортъ его знаетъ! что мнѣ архитекторъ; я самъ построилъ планъ на пятнадцати саженьяхъ не хуже архитектора.

— Ужъ разумѣется, если взять архитектора, такъ нужно челоуѣка знающаго дѣло.... Жаль, что Туруцкій не посовѣтовался со мной, къ кому въ этомъ случаѣ прибѣгнуть.

— Что такое? О чемъ дѣло, Степанъ Ѳедоровичъ?

— Да объ архитекторѣ говоримъ.

— О Монферранѣ?

— Нѣтъ, одинъ изъ молодыхъ русскихъ архитекторовъ, — необыкновенная способность!... Я готовъ каждому его рекомендовать.

— О, такъ вы любите отечественные таланты, придерживаетесь къ посредственности.

Изъ этого завязался современный споръ между поклонникомъ вѣшняго міра и любителемъ внутренняго. Цѣлая толпа сочленовъ приняла участіе, и, разумѣется, раздѣлились на двѣ арміи, и заспорили какъ плоть и душа, обитающія въ единомъ тѣлѣ. Очень естественно, что представители плоти доказали, что вѣшній міръ есть міръ лучшій, веселый, питательный, упонятельный, и заключили, что и англійскій клубъ есть произведеніе міра вѣшняго, а не внутренняго.

— Вы зачѣмъ пожаловали сюда, если считаете просвѣщеніе европейское и его формы нелѣпостью? Сидѣли бы у себя дома; восреди патриархализма!

— Какъ зачѣмъ? спросили представители внутренняго міра, не зная что отвѣчать, какъ обнаруженные грѣшники.

— Да, зачѣмъ? сидѣли бы дома.

— Э, mon cher, не всякій можетъ быть дома; а между-тѣмъ каждый хочетъ быть гдѣ-нибудь какъ дома. Теперь же домашній климатъ невозможно уравнивать; мужа отъ жены въ жаръ бросаетъ, а женѣ отъ мужа несетъ холодомъ.

Платонъ Васильевичъ въ другое время, по обычаю, наговорилъ бы съ своей стороны въ пользу, если не вѣшняго просвѣщенія, то по-крайней-мѣрѣ въ пользу клуба, тму сентенцій; но онъ что-то былъ задумчивъ, молчаливъ, и только во время игры повторялъ одному изъ своихъ партнеровъ: такъ не забудьте же, Иванъ Васильевичъ, прислать ко мнѣ завтра вашего архитектора; а другому: какъ-бишь, Петръ Григорьевичъ, называется книга: «Архитектура всѣхъ народовъ земнаго шара?» Я къ вамъ заѣду самъ за ней.

Изъ клуба, онъ, дѣйствительно, заѣхалъ къ Петру Григорьевичу.

чу и взялъ у него фоліантъ, и пріѣхавъ домой, сталъ его разсматривать и искать въ изображеніяхъ древнихъ храмовъ, храма любви; но всѣ храмы любви были просто бесѣдки, и Платонъ Васильевичъ началъ самъ сочинять планъ храма любви; къ свѣту фасадъ былъ готовъ; расположеніе внутреннее составляло пустяки въ сравненіи съ наружностью. Когда явился архитекторъ, Платонъ Васильевичъ положилъ передъ нимъ свой чертежъ и говорилъ такъ:

— Вотъ изволите ли видѣть, вотъ планъ; мнѣ хочется постронть вотъ такой домъ, то есть, не вновь постронть, а переѣлать вотъ этотъ.

Архитекторъ посмотрѣлъ на бумагу, на которой была начерчена *трапеція*, изображающая фасадъ дома; два ряда маленькихъ ромбондовъ представляли окна, а между каждымъ окномъ опущены были по два перпендикуляра, представлявшіе колонны; на вершинѣ каждой колонны посажено было по грибу, представлявшему бюсты.

— Вотъ видите ли, вотъ моя идея.

— Понимаю-сь, сказалъ архитекторъ.

— Вотъ это будутъ бюсты всѣхъ добродѣтелей.

— Понимаю, отвѣчалъ архитекторъ: только.... разъ, два, три... у васъ назначено двѣнадцать оконъ, четное число...

— Непремѣнно!

— Четное число оконъ, невозможно, противъ всѣхъ правилъ архитектуры.

— Это отчего? помилуйте! вы послѣ этого скажете, что Богъ далъ человѣку четное число глазъ противъ правилъ архитектуры; послѣ этого надо одинъ глазъ выколоть, или для нечетнаго числа подставить вмѣсто третьяго глаза фонарь!

— Мы сдѣлаемъ двѣнадцать оконъ, а тринадцатое будетъ фальшивое.

— То есть, одинъ глазъ будетъ слѣпой, подернутъ бѣльмомъ—это очень красиво!

Опытный архитекторъ въ своемъ искусствѣ, но неопытный на софистическія возраженія, не зналъ что сказать противъ аналогіи лица зданія съ лицомъ человѣческимъ. Это было причиною, что Платонъ Васильевичъ усомнился въ его знаніи, и чтобъ отдѣлаться отъ него, сказалъ, что опъ, впрочемъ, подумаетъ насчетъ лишняго окна, которое такъ необходимо для архитектуры и нисколько не нужно для хозяина дома.

Призванный новый архитекторъ былъ не классикъ, не зналъ

искусства на дѣлѣ, судилъ объ архитектурѣ по-своему, съ жаромъ, съ чувствомъ, и заступаясь за человечество, которое по милости влассической архитектуры живетъ въ сараяхъ, украшенныхъ важнѣйшими входами и столбами. Не выслушавъ еще какую имѣлъ до него необходимость Платонъ Васильевичъ, онъ объявилъ ему, что сохранившаяся греческая храмовая архитектура есть пустошь и нейдетъ ни къ селу ни къ городу; что искусство до-сихъ-поръ занималось наружностью зданій, для красоты города, а не удобствомъ ихъ для жизни человеческой; что зданіе должно быть расположено какъ тѣло человеческое, а одежда его соотвѣтственна климату и свойственному ему изяществу и такъ далѣе.

Платонъ Васильевичъ былъ очарованъ новымъ архитекторомъ; но когда дѣло дошло до числа оконъ.

— Помилуйте! четное число оконъ! это невозможно!

Платонъ Васильевичъ привелъ-было опять въ примѣръ фасадъ человеческого лица, съ четнымъ числомъ глазъ, и что по правиламъ архитектуры вмѣсто третьяго глаза надо *подставить фонарь*.

— Прекрасно! прекрасное сравненіе! вскричалъ архитекторъ: но въ такомъ случаѣ и фасадъ зданія долженъ имѣть носъ, или что-нибудь въ родѣ носа, — и именно фонарь. Я вамъ и сдѣлаю двѣнадцать оконъ, а въ срединѣ фонарь, который теперь въ модѣ.

Платонъ Васильевичъ былъ въ восторгѣ. Дѣло было рѣшено; старый небольшой домъ ломать, и строить новый домъ, большой, занявъ весь дворъ и часть саду; да еще съ условіемъ: что хочешь возьми, а къ осемнадцатому ноябрю, чтобъ домъ былъ готовъ.

Платонъ Васильевичъ перешелъ на время перестройки въ маленькую комнатку во флигель, гдѣ была людская и кухня. Постройка дому, какъ-будто стала цѣлью его жизни. Покуда составлялся планъ, для выигрыша времени, приступлено было къ *землѣ*. Отъ нетерпѣнія Платону Васильевичу не снится, встать ли тѣмъ свѣтъ—а что, Борисъ, работники пришли?

— Никакъ нѣтъ-съ, еще не приходили.

— Что жъ это они неидутъ? Чортъ знаетъ что за народъ! никогда слова не держитъ! Пошли сейчасъ къ подрядчику!

На другое утро опять та же исторія:

— А что, Борисъ, работники пришли?

— Пришли, сударь.

— Начали ломать?

— Никакъ нѣтъ, пошли за инструментомъ.

— Да для чего жь они приходили безъ инструментовъ?

— Да они приходили посмотреть сперва что ломать; потолковали тутъ, да и ушли.

— Экіе скоты! Пошли сейчасъ къ подрядчику, скажи, что баринъ приказалъ сейчасъ же прислать работниковъ; а нето, скажи, я другаго найму!

Когда начались работы, Платонъ Васильевичъ почти цѣлый день на работѣ, то присядеть посмотреть, какъ отваливаютъ стѣну, то встанеть, заведеть разговоръ съ подошникомъ:

— А что, братъ, что труднѣе, ломать или строить?

— А Богъ ее знаетъ, какова кладка: новую кладку руками по камню разберешь, а хорошій дождь размоетъ; а вотъ такую какъ эта — ломъ не беретъ; смотри-ко, кирпичь-то желѣзнякъ!

— А отъ чего бы это такъ?

— А Богъ ее знаетъ, отъ чего; встарину чай дома строили, а теперь балаганы; вотъ и баринъ-то, чай, къ какому-нибудь празнику торопится строиться? а потомъ хоть разбирай снова.

Платонъ Васильевичъ откашлянулся.

— Нѣтъ, любезный, и я для дѣтей строю.

— Такъ-съ; стало быть у вашей милости семья-то большая, малъ домъ-то сталъ?

Платонъ Васильевичъ откашлянулся снова.

Работникъ принялъ это за подтвержденіе его догадки и продолжалъ:

— По-нашему бы пристроить, а ужъ такой здоровый домъ, грѣхъ ломать: не дать вѣку достоять. И домъ что человекъ: построенъ на то, чтобъ вѣкъ дожить. Смотрите-ко стѣны-то скрипѣлись, проинтались духомъ жалецкимъ; а жельцы-то кто были? чай ваши же родители?

Платонъ Васильевичъ не дослышалъ сентенціи мужицкой; онъ уже стоялъ подлѣ раствора извести, и кричалъ: это что? Я этого плутовства не позволю! въ известку песокъ сыпать! мошенники!

Тщетно ему представлялъ каменщикъ, что ужъ это такъ слѣдуетъ; онъ и слышать не хотѣлъ, потребовалъ къ себѣ подрядчика, накричалъ на него; не повѣрилъ его убѣжденіямъ, послалъ за архитекторомъ, и архитектору не повѣрилъ.

— Всѣ за-одно! ворчалъ онъ про себя. Потомъ привязался къ кирпичу: подай ему желѣзнякъ, да и только. Да не годится; су-

даръ, желѣзнякъ для стройки. Ничего знать не хочетъ, увѣрять, что старый домъ построенъ изъ желѣзняку.

— До кто это вамъ сказалъ, сударь?

Платонъ Васильевичъ велѣлъ позвать работника, съ которымъ разговаривалъ.

— Изъ чего, братъ, старый домъ построенъ?

— Изъ кирпичу, батюшка.

— Изъ какого?

— Какъ изъ какого? изъ кирпичу.

— Да изъ какого? изъ желѣзняку?

— Какъ это можно!

— Ахъ, ты, мошенникъ! не самъ ли ты мнѣ сказалъ, что дома старинной постройки отъ того и крѣпки, что построены изъ желѣзняку?

— Чтобъ меня разорвало, батюшка, если я это сказалъ, отвѣчалъ мужикъ: вотъ вамъ хрестъ!

— Экіе подлецы какіе! ну ужъ народъ! вскричалъ Платонъ Васильевичъ.

— Да ужъ сдѣлайте одолженіе, не беспокойтесь, ваше превосходительство, сказалъ подрядчикъ: поставимъ вамъ домъ на-славу: не мѣшайте только намъ; обманывать не будемъ; цѣны вы хороши платите; ужъ дѣло другое, есть такіе: строй, вишь, ему домъ, а себѣ заказывай гробъ.

Какъ ни просили Платона Васильевича не беспокоиться и не мѣшать, но онъ воображалъ, что безъ собственнаго его присмотра дѣло не пойдетъ. То вдругъ велитъ пересчитать при себѣ кирпичъ.

— Ваше превосходительство, ужъ извѣстно, что тутъ по тысячѣ складено.

— Вы говорите, а я не вѣрю! Борисъ! считай!

То найдетъ трещину въ бревнѣ и остановитъ складку лѣсу.

— Да гдѣ же найти сухой лѣсъ безъ трещинъ, ваше превосходительство?

Но онъ не внималъ никому, браковалъ матеріалы и постройку такъ, что и подрядчикъ и рабочіе — хоть бѣжать.

Русской мастеръ не то что какой-нибудь нѣмецкій мастеръ: тотъ начнетъ считать да высчитывать; подай ему и деньги по его смѣтѣ, подай и время на его работу, да еще ему нужно тутъ же и спать въ свое время и ѣсть въ свой часъ и трубку выкурить и пиво выпить, да нужно еще ввечеру непременно въ жустеръ-клубъ; тамъ ему надо непременно свою партію въ вистъ

сыграть, и съѣсть свой бутербродъ, и выпить свой шнапсъ и кофе, словомъ, хоть лизнуть барской спѣсн. Но Русской мастеръ не таковъ: за словомъ дѣло; а какъ сказалъ, что «извольте батюшка, поставимъ! будетъ готово!» такъ ужъ одинъ его день не уложится въ нѣмецкую недѣлю; на работѣ спитъ, на работѣ ѣстъ; распѣваетъ-себѣ заунывную пѣсню; мѣра на глазъ, вѣсъ на угадъ, а все *ладно*: не даромъ говорится: горитъ работа! и точно онъ какъ огонь пожираетъ работу. Кончилъ работу, взялъ деньги, ужъ извините. Надо отгуляться, душку перевести, да потѣшить: она вмѣстѣ съ нимъ работала. Ужъ тутъ-то и принимается онъ то дѣлать, что душѣ угодно.

Къ условленному времени домъ готовъ. Отлегло на душѣ и у Платона Васильевича: домъ готовъ! три мѣсяца просидѣлъ онъ безвыходно, не былъ въ клубъ, нигдѣ не былъ, даже у Петра Григорьевича, чтобъ насладиться лицезрѣнiемъ Саломеи Петровны. Нѣкогда было — домъ строилъ.

Кому изъ современныхъ не извѣстенъ современный вкусъ отдѣлки дома. Платонъ Васильевичъ отдѣлалъ его по вкусу современному, пышно, пестро, всё съ *рогульками*, то есть, рококо. Залу въ греческомъ вкусѣ, съ колоннами и статуями; гостиную съ каминномъ во вкусѣ осьмнадцатаго столѣтiя, салонъ въ китайскомъ, кабинетъ въ помпейскомъ, столовую въ мавританскомъ; а всю такъ-называемую женскую половину во вкусѣ французскаго перерожденiя: это было нѣсколько комнатъ истинной выставки производства мебельнаго, бронзовыхъ дѣлъ, фабрикъ фарфору и хрусталоу, фабрикъ зеркальныхъ, часовыхъ дѣлъ мастеровъ, переплетныхъ, игрушечныхъ и такъ далѣе. Что за роскошная спальня, что за ложе Венеры въ видѣ перламутровой раковины на серебряныхъ лебедяхъ; что за удобства для пѣгп, для сидѣнья, для лежанья, для омовенiя богини, для созерцанiя собственной красоты. Гдѣ жъ это божество? его еще пѣтъ; а все уже готово къ ея приему. Въ передней поселены уже официанты, какъ нарядные гороховые шуты въ ливреѣ, гороховаго цвѣта, съ пестрыми аксельбантами на плечахъ, въ штиблетахъ; въ дѣвичей не горничныя и не служанки, а пимфы, богини, въ кисейныхъ платьяхъ на шести *жюпонахъ*, въ пелерникахъ, съ платочками на шеѣ, всё до одной говорятъ по-французски, всё до одной были въ Парижѣ, жили въ Палеройялѣ, засѣдали во всехъ *magazin de Paris*, и, слѣдовательно, знаютъ что такое мода и могутъ быть образцами *свѣтскости*, любезности и приличiя.

Когда все по мысли Платона Васильевича было готово, онъ возобновилъ и самого себя: надѣлъ новый парикъ, съ какою-то особеннымъ механизмомъ; вмѣсто плюсовыхъ сапоговъ надѣлъ сапоги изъ лаковой кожи, вмѣсто всего старомоднаго — все новомодное, — что дѣлать: какъ ни безобразны, какъ ни смѣшны казались ему французскіе фраки въ родѣ сюртуковъ съ отчекрыженными навзкосъ фалдами; но надо было послѣдовать модѣ, и отправился въ маленькой новомодной каретѣ на двойныхъ рессорахъ, съ англійской запряжкой, — вмѣсто кучера жокея, — прямо въ домъ къ Петру Григорьевичу и Софьи Васильевны.

Софьи Васильевны не было дома, а Петръ Григорьевичъ такъ былъ радъ его прѣзду, что не зналъ гдѣ посадить.

Послѣ вступительной бесѣды о здоровьѣ личномъ и всѣхъ домашнихъ, потомъ о вліяніи погоды не только на здоровье, но даже на расположеніе духа, Платонъ Васильевичъ откашлянулся и сказалъ:

— Петръ Григорьевичъ, у меня есть до васъ просьба: прошу сдѣлать мнѣ честь посѣтить меня на повосельѣ, вмѣстѣ съ Софьей Васильевной и Саломеей Петровной; я выстроилъ новый домъ и желаю, чтобъ вы и ваше семейство первые очастливили его своимъ посѣщеніемъ. Вечеру на чай, безъ церемоній, какъ родные; у меня никого кромѣ васъ не будетъ; родныхъ у меня нѣтъ; а завтрашній день я хочу провести что называется въ семьѣ. Вы мнѣ ее замѣните.

Петръ Григорьевичъ нѣсколько смутился отъ внутренняго волненія. Онъ понялъ, что приглашеніе сдѣлано не даромъ, что слово «родные», сказано не даромъ.

Все это происходило въ то самое время, когда дѣла Петра Григорьевича висѣли на ниточкѣ, когда Саломея, съ досады на отца и мать, дала слово выйти замужъ за кого имъ угодно, и когда Василиса Савишна просватала-было ей жениха, Федора Петровича; но маменька ея разсудила, что за подобнаго жениха Саломея ни за что не пойдетъ, и опредѣлила ему въ цѣвѣсты Катеньку.

— Такъ я надѣюсь? прибавилъ Платонъ Васильевичъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, мы ваши гости, Платонъ Васильевичъ! Это приглашеніе доказываетъ ваше расположеніе къ намъ, а мы такъ имъ дорожимъ.... я думаю, васъ въ этомъ увѣрять не нужно....

— Я не засталъ дома ни Софьи Васильевны, ни Саломею Петровны, продолжалъ Платонъ Васильевичъ: я завтра готовъ по-

вторить и лично имъ мое предложеніе.... лично повторить приглашеніе, прибавилъ Платонъ Васильевичъ, употребивъ по ошибкѣ *предложеніе*, вмѣсто *приглашенія*.

— О, не безпокойтесь, я передамъ и впередъ даю вамъ слово и за нихъ, отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ съ чувствомъ нетерпѣнія скорѣе породниться, и съ боязнью, чтобъ чтò-нибудь не нарушило мелькнувшей въ головѣ его надежды, чтобъ Платонъ Васильевичъ не раздумалъ, чтобъ Саломея не воспротивилась, чтобъ Платонъ Васильевичъ не умеръ, а Саломея не заболѣла до свадьбы.

Платонъ Васильевичъ, возвратясь домой съ помолодѣвшимъ лицомъ, немедленно же приступилъ къ распоряженіямъ для приему дорогихъ гостей. Взявъ съ собой своего дворецкого, Борпса, онъ обошелъ съ нимъ домъ и отдалъ необходимыя приказанія насчетъ освѣщенія, обстановки лѣстницы деревьями и цвѣтами, и насчетъ угощенія. Сто разъ обошелъ онъ всѣ комнаты, давая дворецкому наставленія и повторяя тысячу разъ не забыть, гдѣ чтò поставить, какъ за все приняться, да непременно сдѣлать опытъ надъ солнечными и газовыми лампами, чтобъ онѣ хорошо горѣли, не коптились и не накурили въ комнатахъ душливымъ газомъ: Платонъ Васильевичъ терпѣть не могъ лампъ, ему всё казалось, что *лампой волеетъ*; но безъ лампъ невозможно было обойтись — освѣщеніе дома не солнечными лампами могло показаться непросвѣщеніемъ.

Утомившись распоряжаться, Платонъ Васильевичъ задыхался и снова передвигая ноги, добрался до своего смиреннаго флигеля; отъ лаковыхъ сапоговъ сдѣлалось у него чтò-то въ родѣ подагры, отъ новаго механпческаго парика заболѣла голова; сбросивъ съ себя модныя притѣсенія, вспомнилъ онъ, что забылъ распорядиться насчетъ дамской уборной — все ли тамъ есть, чтò неравно понадобится Саломеѣ Петровнѣ. Хотѣлъ-было идти снова въ домъ, но уже не могъ. Послѣ обѣда призывая то того, то другаго изъ официантовъ, онъ наказывалъ, какъ вести себя и чтò дѣлать: не толкаться, не задѣвать за мебель, не нанести на сапогахъ грязи въ комнаты, и прочія необходимыя наставленія для слугъ, которые по милости же Платона Васильевича, до реставраціи дома, жили свинтусами, ходили замарантусами, зимой въ сѣрой дерюгѣ, а лѣтомъ въ пестряди: въ первый разъ нарядили ихъ гороховыми шутами, какъ они сами выражались, осматривая другъ друга; въ первый разъ обтянули ихъ во всѣ при-

надлежности костюма съ штиблетами, такъ обтянули, что имъ какъ-то совѣстно было показаться въ люди.

Вечеру Платонъ Васильевичъ отправился ко всенощной, провелъ ночь безъ сна; а поутру, въ день имянннй, поѣхалъ къ обѣднѣ. Давно онъ не посѣщалъ храма; но ему нужно было успокоить духъ. Возвратясь отъ обѣдни, и накушавшись чаю, утомленіе усыпило его, и онъ, боясь уже заснуть, — заснулъ противъ воли; но задушевныя мысли продолжали бродить по дому, заботливо устранввать все къ пріему гостей, встрѣчать ихъ, угощать и, наконецъ, высказывать имъ тайну свою. Сонъ былъ то тревоженъ, то сладокъ; то казалось ему, что сильный дождь смылъ его домъ, и на лицѣ его изображалось отчаяніе, досада, морщины становились совершенными промоннами отъ дождя, онъ грозилъ подрядчику за мошенническую постройку дома; но подрядчикъ отвѣчалъ: не тревожьтесь, ваше превосходительство, будьте спокойны, мы вповь поставимъ, къ вечеру все будетъ готово, это ужъ нашъ грѣхъ, кирпичами меня падули, худо прожжены. Въ самомъ дѣлѣ еще не смерклося, а домъ снова уже готовъ къ пріему гостей, и Платона Васильевича уже беспокоитъ солнце, стоитъ-себѣ на одномъ мѣстѣ, не садится, да и только. Платонъ Васильевичъ опять въ отчаяніи, посылаетъ за квартальнымъ: вотъ, дескать, какой безпорядокъ, это ни пачтѣ не похоже, прошу взять его на Сѣзжу.

— Помилуйте, ваше превосходительство, отвѣчаетъ квартальный: кажется все въ порядкѣ; не угодно ли посмотрѣть на часы: изволите ли видѣть, ваши двумя сутками съ половиной впередъ ушли. Смотритъ Платонъ Васильевичъ, точно! часы его чортъ знаетъ куда зашли впередъ. Стало быть я еще послѣ завтра буду имянннникъ? и томительное нетерпѣніе высказывается на лицѣ его. Но вотъ прошло время, насталъ желанный вечеръ, домъ освѣщенъ, все въ порядкѣ; Платонъ Васильевичъ ходитъ по залѣ, ждетъ гостей; ѣдутъ! ѣдутъ! пріѣхал! встрѣчены, приняты радушно, угощены; Саломея Петровна смотритъ съ нѣжностью на Платона Васильевича, кажется какъ-будто говоритъ ему: я попла! На лицѣ Платона Васильевича вылилось все блаженство души, онъ лежитъ какъ лысый юпоша; который до времени одряхлѣлъ; но подгулялъ, кровь бросилась въ голову, и онъ рушлять, какъ Бахусъ.

Въ этой нѣгѣ сна, которую наяву ничто не могло замѣнить, Платонъ Васильевичъ проспалъ бы вечеръ и ночь; но заботливый Борисъ думалъ, думалъ, чтѣ жъ это баринъ изволитъ почивать?

чай ужъ пора домъ освѣщать , да одѣваться , и рѣшился будить барина.

Нѣсколько разъ почтительно дотрогиваясь до него , онъ повторилъ: ваше превосходительство! и наконецъ принужденъ былъ растолкать барина. Возвратить къ суетѣ суеть отъ такого сна, — просто нарушеніе земнаго блага. Платонъ Васильевичъ очнулся, взглянулъ кругомъ и ликъ его потускнѣлъ, вдругъ снова состарѣлся.

— Не пора ли освѣщать, ваше превосходительство? Ужъ шесть часовъ.

— А? чтѣ такое? спросилъ Платонъ Васильевичъ.

— Не пора ли освѣщать, да чтѣ прикажете одѣваться? повторилъ Борись.

— Зачѣмъ? нѣтъ ужъ я сегодня не поѣду, утомился, произнесъ Платонъ Васильевичъ безпамятно, сквозь сонъ, который снова сталъ его клонить.

— Да какъ же, ваше превосходительство, вѣдь вы ожидаете гостей; приказали, чтобъ къ осьми часамъ все было готово.

— Чтѣ еще готово?

— Да какъ же-съ, вѣдь гости будутъ?

— Какіе гости?

— Я не могу знать.... ваше превосходительство!

— погоди! еще рано!

— Ваше превосходительство! Французу кондитору спросить чтѣ-то нужно!

— Ну, спроси, чтѣ?

— Да чтѣ жъ мнѣ спрашивать его? я говорилъ ему, что самоваръ еще рано ставить, вода перекипитъ, такъ онъ не слушаетъ меня. А чай будетъ дрянъ, на мнѣ же изволите взыскать.... Привезъ какихъ-то конфетъ къ чаю, я говорю: что съ конфетами чаю не кушаютъ, что нужно бѣлаго хлѣба, да онъ и слушать не хочетъ.... я ему говорю, не за свое, братъ, взялся: ужъ гдѣ тебѣ знать вкусъ въ чаю, не вашъ, мусье, продуктъ....

— А? произнесъ сквозь сонъ Платонъ Васильевичъ и очнулся вполне. Который часъ?

— Я докладывалъ, что седьмой.

— Седьмой? Ахъ, Боже мой, чтѣ это со мною сдѣлалось! какъ я заспался! чтѣ ты меня не будилъ? Давай по-скорѣе бритъся и одѣваться!... велѣлъ зажигать лампы и люстры?

— Зажечь не долго, все подготовлено; сейчасъ ведемъ.

— Чтѣбъ сейчасъ зажигали! бритъся, бритъся по-скорѣй! я

опоздаю! прѣдутъ ни домъ не освѣщенъ, ни хозяина въ немъ нѣтъ!

Тоалетъ Платона Васильевича обыкновенно очень долго продолжался, особенно съ нѣкотораго времени: уходу надъ старой головой, которая хочетъ молодиться, ужасно какъ много; работа сложная: вырываніе щетинистыхъ волосъ изъ бровей, чистка зубовъ, ногтей, опытъ, нельзя ли какъ-нибудь уладить морщины, долгое смотрѣніе въ зеркало, сперва прищурившись, потомъ вытаращивъ глаза—каковъ, дескать, я сегодня? плѣнительно выраженіе лица или нѣтъ? есть огонь въ глазахъ, или они тусклы? и такъ далѣе.

Все это исполнялъ Платонъ Васильевичъ; но торопливо; торопливость однако же не мѣшала ему замѣтить, что каналья *перюкье* надулъ его: волоса подъ цвѣтъ, но гораздо толще, ужасно какіе грубые, совсѣмъ неблагородные волоса; для доказательства, Платонъ Васильевичъ долго сравнивалъ свой волосъ съ волосомъ парика на свѣтъ, и бранился по-французски.

Но вотъ онъ нарядился, подали карету, и онъ переѣхалъ изъ флигеля къ подъѣзду дома. Зорко глазъ его обѣгалъ все предметы: казалось, все было въ порядкѣ: цвѣты на лѣстницѣ пахнутъ довольно сильно, освѣщеніе истинно солнечное, лучи отъ лампъ и свѣчей, не зная куда имъ дѣться, бросаются снопомъ въ глаза, колютъ зрѣніе, нельзя выносить; а между-тѣмъ Платону Васильевичу кажется, что всё-еще какъ-то темно въ комнатахъ. Осмотрѣвъ себя въ зеркалахъ, онъ пробрался въ уборную, сдѣлалъ французскій учтивый выговоръ дежурной дѣвушкѣ, что она не должна ни на шагъ удалиться отъ своего поста, спросилъ есть ли шпильки и булавки, иголки и шелкъ.... Все есть. Довольный собою и всѣмъ, Платонъ Васильевичъ спросилъ себѣ стаканъ воды. Одинъ изъ гороховыхъ офиціантовъ побѣжалъ въ буфетъ, принесъ на серебряномъ подносѣ.

— Это чтò такое? вскричалъ Платонъ Васильевичъ: лапы безъ перчатокъ?...

Только-что онъ началъ выговоръ Борису за эту неосмотрительность, вдругъ слышенъ на дворѣ стукъ экипажа.

— Бдутъ! проговорилъ Платонъ Васильевичъ, и торопливо пошелъ къ лѣстницѣ.

— Здѣсь Платонъ Васильевичъ? раздался голосъ у крыльца: прекрасно, прекрасно!

— Петръ Григорьевичъ! подумалъ Платонъ Васильевичъ, готовый уже встрѣчать гостя.

— Платонъ Васильевичъ! здравствуйте! Прекрасно! прекрасно! ей-Богу прекрасно!

Платонъ Васильевичъ обомлѣлъ отъ ужасу: на лѣстницу взбирался толстый Иванъ Васильевичъ, клубный его сочленъ, рекомендовавшій ему архитектора.

— Безподобно! видите ли моя рекомендація! Каковъ архитекторъ! Я ѣду, да вижу: чтò это значитъ, неужели домъ Платона Васильевича поспѣлъ? и заѣхалъ. Смотри, пожалуй!... Чтò, какъ ваше здоровье? а у насъ сказали, что вы при смерти. Прекрасно!... Вы одни, или у васъ гости?...

— Нѣтъ, я такъ, велѣлъ попробовать освѣтить, отвѣчалъ съ досадою Платонъ Васильевичъ.

— Безподобно! вотъ вѣдь вы видѣли мой домъ? гораздо хуже; а тотъ же стропль! Ну, конечно, средства не тѣ.... Безподобно!

— Не дурно, отвѣчалъ Платонъ Васильевичъ, не зная какъ ему отдѣлаться отъ нежданнаго гостя: вы въ клубъ ѣдете?

— Нѣтъ, еще рано; а вы?

— Да, да.... я приѣду.

— Такъ поѣдте вмѣстѣ, сказалъ толстый Иванъ Васильевичъ, садясь на диванъ. Лѣстница у васъ, кажется, немного крута; чтò бы вамъ ужъ сдѣлать отлогую.... фу! усталъ.

— Я еще не могу ѣхать, отвѣчалъ Платонъ Васильевичъ, не обращая вниманія на замѣчаніе о крутизнѣ лѣстницы. Я приѣду, а вы пожалуйста подготовьте партію.... мнѣ надо распорядиться, да поѣхать сейчасъ кое-куда.... Эй! человекъ! Карета моя готова?

— Распрягли, ваше превосходительство.

— Такъ покуда запрягутъ и я подожду, потому что еще рано. Поѣдте-ко, поѣдте, покажите устройство компанъ.

И Иванъ Васильевичъ, не обращая вниманіе на хозяина, побрелъ переваливаясь по комнатамъ, повторяя: прекрасно, безподобно!... Онъ добрался уже до спальни и уборной; но Платонъ Васильевичъ поторопился впередъ и приперевъ двери, сказалъ:

— Здѣсь еще не отдѣлано.

— Э, да ничего, я посмотрю въ чернѣ.... мнѣ любопытно знать расположеніе жилыхъ комнатъ....

— Тутъ и пройти нельзя.... свалена мебель.... поѣдте сюда....

Въ это время, притворенная Платономъ Васильевичемъ дверь въ спальню, пріотворилась, и изъ нее выглянуло женское личико....

— А! понимаю! сказалъ улыбаясь Иванъ Васильевичъ, это женская половина.... вещь необходимая, вы бы такъ и сказали, Платонъ Васильевичъ, что тутъ скрыватья, вещь обыкновенная.....

Платонъ Васильевичъ готовъ былъ съѣсть дерзкую дѣвчонку, которая осмѣлилась отворять двери. Извините, сказалъ онъ Ивану Васильевичу, это точно женская половина, но она приготовлена для моей сестры, которую я ожидаю..... Эй! карета готова? Извините, мнѣ надо торопиться.... до свиданія.

— Такъ вы будете въ клубъ?

— Я думаю.

— Въ которомъ часу?

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ.

Платонъ Васильевичъ провожалъ нежданнаго гостя, и готовъ бы былъ столкнуть его скорѣе съ лѣстницы; вдругъ бѣжнтъ офиціантъ.

— Человѣкъ отъ Петра Григорьевича; Петръ Григорьевичъ приказалъ кланяться и извиниться, что не можетъ пожаловать чай кушать; Саломея Петровна изволили заболѣть.

— Ахъ, Боже мой! проговорилъ Платонъ Васильевичъ дрожащими губами.

— Ты, братъ, отъ кого? спросилъ Иванъ Васильевичъ, спустившись съ лѣстницы.

— Отъ Петра Григорьевича Бронина.

— Такъ не будетъ?

— Не будетъ-съ, по той причинѣ, что Саломея Петровна не совсѣмъ чтобы такъ здоровы-съ.

— Жаль, жаль, очень жаль!

Иванъ Васильевичъ уѣхалъ, а Платонъ Васильевичъ долго ходилъ еще по комнатамъ, сложивъ руки и склонивъ голову. Никогда еще не чувствовалъ онъ такой тоски. Устарѣвъ въ привычкѣ жить по произволу желаній, въ зависимости отъ самого себя, ограничивъ всѣ потребности души и тѣла удовольствіями приобретаемыми за деньги, Платонъ Васильевичъ въ первый разъ почувствовалъ, что что-то надъ нимъ тяготѣетъ, что онъ кчему-то прикованъ, что онъ весь не свой. Въ немъ проявилась какая-то смертельная жажда, которая отбила охоту ко всему издавна-обычному, потушила всѣ прочія желанія, всѣ ежедневныя врихоти, которыми продовольствовался столько лѣтъ дряхлый хвостякъ, нарушила застой души, взволновала ее, возмутила.

— Туши свѣчи! проговорилъ онъ наконецъ: или постой; гдѣ человѣкъ Петра Григорьевича?

— Онъ ужъ ушелъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ слуга.

— Зачѣмъ же онъ ушелъ, когда я ничего еще не сказалъ!...

— Не могу знать-съ.

— Дуракъ! Гдѣ Борисъ?.... Борисъ!.... что жъ ты нейдешь когда кличутъ?.... Зачѣмъ отпустили человѣка безъ моего приказанія?

— Кто жъ его отпустилъ, ваше превосходительство. Онъ пришелъ, сказалъ, что вслѣди, да и ушелъ.

— Что жъ онъ сказалъ?

— Да то, что господа не могутъ быть, барышня вишь будто бы заболѣла.

— Будто бы!.... Я даже не успѣлъ спросить, чѣмъ заболѣла! А ты, дуракъ, не догадался?.... Карету!

— Давно готова-съ.

Платонъ Васильевичъ прошелся еще по комнатамъ; потомъ спустился съ крыльца.

— Куда прикажете? спросилъ лакей.

— Пошелъ домой! отвѣчалъ Платонъ Васильевичъ.

Дверцы захлопнули, лошади двинулись, сдѣлали десять шаговъ отъ подъѣзда дому къ крыльцу флигеля, лакей перебѣжалъ вслѣдъ за ними, отворилъ дверцы кареты, и принужденъ былъ крикнуть: прѣхали, ваше превосходительство; потому что Платонъ Васильевичъ успѣлъ уже забыться въ горестныхъ мысляхъ.

Молча онъ выбрался изъ кареты, вошелъ въ свою комнату, сѣлъ и сидитъ какъ гость, въ ожиданіи хозяина. Еще девять только часовъ; что ему дѣлать до обычнаго втораго за полпоча часа возвращенія изъ клуба? Бывало съ двухъ до двухъ, хоть плохо, но спится; потомъ визиты, потомъ обѣдать въ клубъ или на званый обѣдъ, потомъ на вечеръ, въ концертъ, въ театръ, а въ заключеніе въ клубъ—сколько новыхъ впечатлѣній, сколько разговоровъ о какой-нибудь граціи театральной, сколько прѣвій о томъ, кто съ чего ступилъ, и почему такъ ступилъ, съ добрымъ или злымъ намѣреніемъ пошелъ въ вѣсть, умно или глупо сыгралъ; сколько сладкихъ воспоминаній объ самъ-пятъ, объ удачной прикупкѣ; сколько мыслей и думъ о томъ, что ежели бы такъ пошелъ, а не такъ, такъ совсѣмъ была бы другая игра. Было чѣмъ занять время бессонницы, было чѣмъ позаняться и воображенію во время сна, и вдругъ — все стало ни по-

чемъ! и клубъ ни почему, и даже обѣдъ клубный ни почему! обѣдъ, который дороже цѣпы своей, который переваривается въ самомъ прихотливомъ желудкѣ, обѣдъ, заставляющій о себѣ думать и говорить, который при одномъ воспоминаніи производитъ саливацію, какъ меркурій, — обѣдъ, которымъ можно начинать себя и уподобиться пушистому блутвурсту.... и все это стало для Платона Васильевича глупо, безсмысленно, отвратительно, недостойно человѣческой природы, пошло, невыносимо.... Онъ предпочелъ всему этому безмолвное, неподвижное сидѣніе у себя въ креслахъ, созерцаніе чего-то въ мысляхъ своихъ, какія-то соображенія о будущности.

Душа въ человѣкѣ какъ потокъ движущій органическія колеса: приподними только *ставни*, сердце шестерней заходитъ. Въ преклонномъ возрастѣ любить еще легко; но трудно уже выносить измѣнчивость ея погоды: ея жаръ наводитъ изнеможеніе, ея холодъ ломитъ кости, какъ ревматическая боль.

Не смыкая глазъ въ продолженіи всей ночи отъ подобной же боли, Платонъ Васильевичъ рано поутру послалъ Бориса, на лошади, свидѣтельствовать свое почтеніе Петру Григорьевичу, узнать о состояніи здоровья Саломеи Петровны, и можно ли ему навѣстить ихъ. Борисъ не любилъ быть простымъ Борисомъ въ кругу своей братьи, но любилъ быть Борисомъ Игнатьевичемъ; а потому и велъ себя соотвѣтственно этому сану. Если его куда-нибудь посылали, то онъ не бѣжалъ сломя голову, но сохранялъ и собственное свое достоинство. Придетъ, изъяснитъ свое почтеніе, спроситъ по обычаю: какъ васъ Богъ милуетъ?—Слава Богу, Борисъ Игнатьевичъ!—Слава Богу, лучше всего, чтѣ, господа, чай еще не вставали? и съ этого заведетъ политичный разговоръ, какъ водится.

У Петра Григорьевича въ дворнѣ былъ всё словоохотливый народъ, да и было о чемъ поговорить, — исторій въ домѣ случилось не мало: баринъ вкось, барыня прозь, а Саломея Петровна всему наперекоръ, только Катериной Петровной не могли нахвалиться, да зато объ ней и славы мало и слова пѣтъ: хорошо, — ну, и слава Тебѣ, Господи, о чемъ тутъ и говорить.

Нетерпѣливо ждалъ Платонъ Васильевичъ возвращенія Бориса; ему хотѣлось по-скорѣе лично изъяснить свое участіе.

— Ну, чтѣ? вскричалъ онъ, выбѣжавъ въ переднюю на встрѣчу Борису.

— Да ничего-съ, всё-еще не такъ здорова. Digitized by Google

— Ахъ, Боже мой! ты видѣлъ самого Петра Григорьевича?

— Никакъ нѣтъ съ.

— Чтò жь, узналъ, чѣмъ Саломея Петровна нездорова?

— А Богъ ее знаетъ, чтò съ нею приключилось.

— Дуракъ! Богъ ее знаетъ! какъ говорить! не могъ спросить основательно.

— Да у кого же спрашивать-то? Въ людской ни одной собаки, не самому же итти безъ доклада; въ кухнѣ только кухарка; я ждалъ-ждалъ; воротился Иванъ дворецкой, да тотчасъ же поспикалъ опять....

— Господи, неужели такъ опасно больна Саломея Петровна?

— Да ужь вѣрно такъ; Федоръ попался на встрѣчу: бѣда, братъ, говорить.

— Ахъ, Боже мой, я поѣду самъ! давай одѣваться!

— Нѣтъ, ужь не беспокойтесь, ваше превосходительство; дѣло-то никакъ не ладно.

— Умерла! вскричалъ Платонъ Васильевичъ.

— Нѣтъ, хуже! изволила бы отдать душу Богу, тѣло бы на столѣ лежало; а тутъ....

— Ну!

— Ни души, ни тѣла—пропала.

— Чтò такое? какъ пропала?

— Да какъ пропадаютъ: всѣхъ людей разогнали искать по городу;—да ужь гдѣ искать....

Платонъ Васильевичъ покачнулся на мѣстѣ; Борисъ едва успѣлъ подхватить его подъ-руки и безчувственного опустилъ, въ стоявшія подлѣ, волтеровскія кресла.

О К С А Н А.

=

П О В Ъ С Т Ъ

Е. КУВЕ.

=

I.

Р А М К А.

Я возвращалась въ степь, ароматную родину мою, бѣжала въ ея пріютное лоно, испытавъ одинъ изъ тѣхъ безошадныхъ ударовъ судьбы, которые вдругъ опрокидываютъ жизнь и разомъ трезвятъ сердце отъ всѣхъ ожиданій.

Свѣжо было мое горе и язвительна боль души. Я находилась въ томъ кризисѣ страданія, когда оно еще не очищаетъ сердца, не воздвигаетъ падшаго духа, а жжетъ недугомъ искупленія.

Все, что громкая, смѣющаяся радость имѣетъ въ себѣ возмутительнаго для огорченной души, растравляло и усугубляло мою тоску.

Свѣтлое веселее солнце и всюду раздающійся голосъ оживленной природы ликовали поруганіемъ моей печали. Трудно вливался въ грудь сладкій, благоуханный воздухъ и оскорбительно смотрѣли на меня цвѣтуція равнины.

Воспоминанія юности, протекшей въ этомъ дикомъ безлюдѣ, раскинулись передъ глазами моими грядою могилъ, которыя, вскрывавсь по-очередно, представляли мнѣ драгоценныхъ мертвецовъ

своихъ, но измученное сердце не въ-силахъ было почтнуть ихъ слезою.

Безсознательно перенесла меня вѣрная память за много минувшихъ лѣтъ и поставила равнодушную передъ святынями прошедшаго.

Безъ умиленія усталый взоръ мой блуждалъ по широкому раздолью этихъ степей, гдѣ меня, безпечнаго ребенка, обливали палящіе лучи солнца, гдѣ находила я пензъясное наслажденіе дышать горячею струею воздуха и прислушиваться къ безконечному, громкому хору насѣкомыхъ, единственныхъ жильцовъ необозримаго пространства.

Теперь я слышала только стукъ своего экипажа, который катился по мягкой, степной дорогѣ; а острый зной слѣпилъ зрѣніе и вторгаясь въ грудь, растравлялъ свѣжую рану сердца.

Когда потухало возмутительное сіяніе дня, казалось, мнѣ становилось легче, какъ-будто темнота, распространяясь постепенно, обнимала своимъ покровомъ и мою тоску.

Тогда умолкалъ этотъ голосъ жизни, который звучитъ и въ пустынѣ, и среди этой мертвой, невозмутимой тишины раздавались беззвучные вопли моей души. Сосредоточенная, ничѣмъ неразвлекаемая печаль, пламенья, давала созрѣвать завѣтному плоду страданія.

Прислонивъ голову къ подушкѣ экипажа, я закрывала глаза и чувствовала такую раздражительную, изощренную воспримчивость, что блѣдный свѣтъ мѣсяца, казалось мнѣ, скользилъ ощутительно по моему лицу.... Бывало, то же звѣздное небо мерцало пореливами свѣту и тѣни на юномъ челѣ, какъ-будто знаменуя внутреннее трепетаніе младенческой души, полной неясныхъ надеждъ и ожиданій, безотчетныхъ предвидѣній то свѣтлыхъ, то мрачныхъ свозѣ.

Теперь, эти надежды, ожиданія и предвидѣнія обратились въ дѣйствительность и слились въ одинъ сонъ минувшаго, отъ котораго осталось мнѣ только утомленіе.

Нѣсколько уже дней неслась я по этой поверхности *сухаго океана*, иногда наѣзжая на рѣдкія селенія, которыя видѣлись подобно муравейникамъ, едва примѣтными горами разбросанныхъ землянокъ, не осѣненныхъ ни однимъ живымъ деревцомъ.

Степь, какъ жизнь: идешь до усталости и не видишь конца, не знаешь сколько прошелъ и что еще пройти остается, Горн-

зонтъ сливается въ туманной дали съ небомъ и на немъ, какъ въ грядущемъ, ничего не видно.

Знойная, несчазная стена, какъ палящая, бездольная жизнь, на которой отдаленные миражи, подобно обманчивымъ надеждамъ, коварно манятъ путника; но гдѣ всё же мелькаютъ отрадные оазисы, безъ которыхъ не было бы возможности дойти до назначеннаго предѣла.

Но мѣръ какъ мы брали направленіе на западъ, равнины становились волнистѣе. Изрѣдка пересѣкали ихъ неглубокія балки, убѣяныя благоуханными кустарниками того климата. Кое-гдѣ врѣзывались въ нихъ каменистые обрывы, образованные быстрымъ стокомъ водъ по склону, и постепенно эти обрывы составили сплошную кулису утесовъ, между которыми извивалась, живописными оборотами, дорога.

Я приближалась къ берегамъ Лимана, катящаго зеленыя, мутныя волны свои въ узорной рамѣ пирамидальныхъ и звѣрообразныхъ скалъ.

Эта переиѣна обстановки пробудила меня къ новымъ воспоминаніямъ: тамъ, за синей далью, на томъ же берегу смотрится въ воды другаго залива чудо-городъ. Маніемъ волшебства возникъ онъ среди пустыни степей и моря.

Подъ покровительствомъ добрыхъ пьстунговъ сказочное дитя возрастало не по днямъ, а по часамъ, оно расцвѣло и одушевилось сознаніемъ своей красоты и силы.

Богатый, промышленный городъ — перлъ нашего юга, сосредоточилъ въ себѣ обширную европейскую дѣятельность. Изъ него закинула юная, полная энергій жизнь, разбудившая мертвое окружное пространство. Города-селенія расположились вокругъ него и дѣятельная почва произрастила несметныя грузы золотой шеницы, расхищаемой бѣлокрылыми кораблями по чужимъ землямъ.

На этомъ прочномъ основаніи жизни полезнаго труда и забота, воцарилась и жизнь искусства. Италия нашла тамъ новое, подъ яхонтовымъ небомъ, отечество. Современность и просвѣщеніе послали туда своихъ ревнителей, наука водворилась и начала разрывать тамъ вѣковыя гробницы и стирать пыль съ вѣчныхъ «олиантовъ древности.

Еще иная жизнь: благоуханная, радужная, которая кружится подъ громъ музыки, озаренная жаркимъ лучомъ полудня, раскинулась передъ глазами монна пышнымъ баломъ. Въ этой жизни

Быть-может робкій слѣдъ мой уже заглохъ, затоптанъ другими слѣдами и развѣянъ.... грустная мечта оставовилась на этой забытой тропѣ, то усѣянной розами, то покрытой терніемъ.... Осталось ли тамъ хотя одно мое воспоминаніе, хотя одно живое слово, или все сгладится съ лица земли и будетъ погребено со мною въ одинокой могилѣ....

Уже смеркалось; дорога снова стала углубляться въ степь, по которой блестящей, чешуйчатой змѣйкой бѣжала рѣчка, обсаженная величавыми тополями и серебрястой вербой.

Легкія пряди вѣтвей, едва колеблемыя чуть дышащимъ вѣтеркомъ, ниспадали въ свѣтлыя воды, и шелковые берега, усѣянные лѣліями, ласково обнимали эту драгоценную струйку въ пустынь, которая унизалась богатыми заселеніями.

Путь мой лежалъ мимо обширнаго помѣстья вельможнаго влстителя, прибывшаго туда за нѣсколько лѣтъ изъ дальнихъ сѣверныхъ губерній въ повокупленное степное имѣніе. Онъ явился тамъ однимъ изъ воздѣлывателей юнаго края. Въ душевной хатѣ, въ покоѣ, похожемъ на станціонную комнату степныхъ трактовъ, много лѣтъ обдумывалъ онъ сложные планы свои, и когда въ преклонныхъ годахъ доживалъ послѣдніе дни, любуясь обширнымъ, цвѣтущимъ созданіемъ своимъ, онъ могъ сказать, что каждая лоза винограда привита его рукою, каждый основной камень положенъ по его указанію.

Теперь великолѣпныя палаты господскаго дому были пусты. Молодой наслѣдникъ, котораго знала я въ шумѣ суетнаго свѣта, заѣзжалъ туда однажды. Но уже много лѣтъ его владѣнія управались наемниками.

Пріятно рисовалась изъ-дали бѣлая ротонда этого покинутаго палатца на темной синевѣ южнаго неба, теряя свое основаніе въ зелени густо разросшагося саду.

Величественный храмъ господствовалъ надъ утопающею въ виноградникахъ окрестностью, и лучи догорающаго солнца трепетали на золотомъ крестѣ, горѣли пожаромъ въ узорныхъ окнахъ и замирали на изумрудной, вьющейся всюду зелени.

Этотъ роскошный, озаренный теплымъ свѣтомъ, ландшафтъ и разливавшіеся въ воздухѣ серебряные звуки вечерняго благовѣста, должны были проникнуть въ душу и вызвать умилненное сочувствіе. Но моя страждущая душа была исполнена такимъ ядомъ, что всякая мысль тотчасъ отравляясь, явила ее новою болью. Напрасно старалась я заглушить въ душѣ вопли горь-

это раскаянія, — тайный, глубокий упрекъ тѣсилъ мое сердце. Я измѣнила тебѣ, дикая природа, великолѣпная колыбель моя. Ты взмѣляла мое дѣтство, ты настроила мою душу, ты назидала меня своею ненарушимою красотою. Ты научила меня тайнакъ, скрытымъ для гордаго разума, открытымъ для младенцевъ; а я забыла ихъ.... ядохнула тлетворной атмосферою враждебнаго тебѣ элемента, угорѣла въ чаду его, и возвращаюсь къ тебѣ измученная и невѣрная. О, какъ бы зарыдала я въ тоскѣ моей, и пусть этотъ вопль отозвался бы страшнымъ эхомъ въ пустынь!... Но слезы давно изсыкли въ сердцѣ.

Раздавшійся внезапно шумъ и говоръ заставили меня содрогнуться. Мы вѣхали подъ навѣсъ жидовской корчмы, раскинутой уродливымъ шатромъ на площади.

Внутри двора народъ весело толпился вокругъ неустойчивой шарманки. Съ помощію звонкихъ бубенъ, цѣлый уже день наигрывала она малороссійскую пляску, подъ живые звуки которой, нѣсколько молодыхъ съ красивыми дѣвушками перешлетали народную польку, иллюстрированную парижскими танцмейстерами и уже изношенную на поприщѣ моды.

Площадь гудѣла базарнымъ говоромъ, который то сливался въ одну нескончаемую гамму, то прерывался энергическими возгласами нетрезвыхъ чумаковъ и потокомъ обильнаго жидовскаго краснорѣчія.

Среди этой праздничной тревоги пронзительно разсѣкало воздухъ заунывное, плаксивое пѣніе одного женскаго голоса, которое тотчасъ отозвалось въ скорбящей душѣ моей.

Съ сердечнымъ любопытствомъ и тайнымъ предчувствіемъ прислушивалась я къ этимъ музыкальнымъ воплямъ. Но вдругъ задрожала меня мысль, что это, можетъ-быть, какая-нибудь слабоздоровная старушка, которую хмѣль настроиваетъ на меланхолическіе аккорды, импровизируетъ горькую балладу.

— Слышишь, какъ опять заголосила Гиря, сказалъ рыжій въ огромныхъ чоботахъ мальчишка, начальствующій надъ толпою оборотовъ.

— Гиря, Гиря! закричалъ весь мелкій народъ шалуновъ, бросившись къ раствореннымъ дверямъ какого-то на дворѣ сарая: выйди, Гиря, паны пріѣхали къ Лейбѣ.

На этотъ зовъ показалась изъ темноты растворенныхъ дверей высокая старая женщина, растрепанная, босая и въ лохмотьяхъ.

Дико взглянувъ изъ черной норы своей на толпу незваннаго народа, суетившагося для собственной забавы вокругъ моего экипажа, нищая робко приближалась ко мнѣ въ сопровожденіи конвоя ребятишекъ, которые, какъ стая щемлятъ, то грызлись отдѣльными группами, то шипали и тормозили старуху, направляя ее къ деревянной галереѣ, съ которой представлялась мнѣ эта фламандская сцена.

Съ судорожными гримасами подошла старуха; кланяясь и всхлипывая она просила подаянія на погребеніе умершей.

Этотъ неизбежный налогъ, постигающій на каждомъ шагу путешественника, обыкновенно удовлетворяется изъ кошелька первою попавшеюся монетою, которая не вносится въ его записную книжку, наравнѣ съ недобровольнымъ подаяніемъ, насильственно исторгаемымъ прохожимъ купцомъ, который навязываетъ какую-нибудь галантерейную дрянъ изъ своего ручнаго магазина. Но въ эту минуту необъяснимое сочувствіе вызывало изъ глубины моего сердца искреннее участіе. Горе сочувствуетъ горю, и ничто такъ не умащаетъ и не врачуетъ его, какъ видъ равносильнаго страданія.

— Кто умеръ у тебя? спросила я плачущую.

— Племянница, отвѣчала старуха, она служила наймочкой у хозяина и вѣчѣмъ ее похоронить.

Страшно отозвались въ душѣ моей эти слова. Христіанка, подѣтяжимъ игомъ иновѣрца, котораго неумолимый предрасудокъ заставляетъ почти выбросить усопшее тѣло, лишенное можетъ-быть въ минуту издыханія и послѣднихъ облегченій и послѣднихъ утѣшеній!

Въ меня вселилось неодолимое желаніе видѣть покойницу. Я дождалась, пока подѣ наступившею темнотою посѣщеніе мое могло укрыться отъ праздныхъ замѣчаній, и вступивъ въ эту убогую сѣнь, гдѣ совершалась тайна смерти, я была поражена зрѣлищемъ, отъ котораго содрогнулось сердце.

Въ разоренномъ, обитаемомъ вѣроятно не людьми, сараѣ, на брошенномъ на землѣ пучкѣ соломы лежала мертвая молодая женщина. По румянцу, не потухшему еще на охладѣлыхъ щекахъ, по миловидности, которая осталась на правильныхъ чертахъ, можно было назвать педугъ, безвременно похитившій эту жертву.

Какая-то ветошь прикрывала недвижный трупъ; въ головѣ его стояла хромая скамья, на которой держалась прилѣпленная цер-

ковная свѣчка. Слабымъ мерцаніемъ пламя ея рисовало по стекламъ широкія дрожашія тѣни, которыя какъ фантастическіе призраки блуждали въ пустомъ пространствѣ.

У ногъ покойницы сидѣла на полу повязанная чернымъ платкомъ старуха. Въ живописномъ безобразіи своемъ ница похожа была на китайскаго мандарина. Она качала, дремя, включенною головою, и по временамъ изъ обвислыхъ отъ дряхлости и отсутствія бодрствующаго духа губъ ея исторгалось тихое, жалобное стenanіe, которое наводило ужасъ, раздаваясь подъ этимъ мрачнымъ кровомъ.

Бронзовымъ отблескомъ свѣтилось изрытое глубокими морщинами оливковое лицо старухи, носящее живые слѣды существеннаго горя и грубыхъ работъ, такъ рано лишаящихъ женщину единственнаго преимущества ея пола — кратковременнаго дара, который отлетая уноситъ обаяніе вѣжной красоты, оставляя одну ветхую ея основу, подобную лохмотьямъ безобразной канвы, осиротѣлой отъ вдохновеннаго сочетанія красотъ великаго художника.

Оба существа представляли собою въ эту минуту одинаковое разрушеніе: тамъ угасла внезапно полная силы молодая жизнь, здѣсь медленно превращалась въ прахъ ветхая обитель терпѣливаго и покорнаго духа.

Въ этой вѣмой смертельной обстановкѣ вопіалъ громкій голосъ, въ этомъ покинутаго безучастномъ горѣ разныгрывалась страшная драма.

Преклонивъ колѣно передъ бездыханнымъ трупомъ покойницы, съ благоговѣніемъ выслушала я ея исторію, которая привилась къ моему сердцу, развѣтвилась въ грустномъ воображеніи и вылилась изъ памяти блѣднымъ разсказомъ.

Нѣсколько давно знакомыхъ мнѣ и забытыхъ лицъ явились тутъ неожиданно дѣйствующими. Они воскресли въ равнодушной памяти живыми призраками. Легкія тѣни ихъ мелькаютъ предо мною и робкая рука ловитъ черты ихъ образовъ.

II.

кто она?

Была осень, чудная осень. Природа сіяла пропуская такъ сильно въ тѣнь, какъ отцвѣтающая красавица, которая хоровъ

не пышною красотою, какъ догорающій свѣтильникъ, который передъ угасаніемъ вспыхиваетъ новымъ блескомъ.

Легкій влажный воздухъ нѣжалъ грудь и охмѣляя сладкимъ опіумомъ, набрасывалъ розовое покрывало на всѣ предметы. Весною для раздражительной, нервной-природы атмосфера слишкомъ наэлектризована, слишкомъ ядовита—она дѣйствуетъ разрушительно. Лихорадка на холодныхъ крыльяхъ вторгается въ грудь съ каждымъ листкомъ этого отравленнаго воздуха. Осень же имѣетъ что-то убажжающее, успокоительное, что-то трогательное, какъ томный взоръ, какъ тихое раздумье, какъ нѣжная улыбка.

Впрочемъ, подъ южнымъ небомъ осень такъ похожа на весну, что если бы возможно было забыть, въ которомъ знакѣ Зодіака стоитъ земля, легко бы было ошибиться. Температура вошла въ умѣренную теплоту, вторично зацвѣла бѣлая душистая акація и новая зелень пробивалась сквозь спаленныя зноимъ травы.

Прекрасенъ былъ осенній вечеръ: ароматный, тихій, полный нѣги. Облачный сводъ неба горѣлъ опаловыми переливами, озаренный утопающимъ въ морѣ солнцемъ. Клубясь, измѣнялось, играя догорающими лучами, радужныя цвѣта то угасали, то загорались вновь, отражаясь въ водѣ узорною золотой парчой.

Каменистая скала берега, по которой, цѣпляясь, ниспадали рѣзвые отпрыски дикаго винограда, лелѣян, какъ на показъ, позолоченный вечерней зарею хорошенькій замокъ италіанской архитектуры.

Взброшенный на выгодномъ возвышеніи, онъ красовался надъ роскошною окрестностью живописно расположенной въ огромномъ саду деревни, подъ свѣтлю высокаго Божіаго храма.

Въ этой деревнѣ, по чистой улицѣ, населенной многочисленнымъ причетомъ домочадцевъ, проѣхала, въ тотъ вечеръ, запыленная коляска, передъ которой снимались шапки проходящихъ, и всюду слышалось передаваемое, изъ устъ въ уста, слово: *ламыч!*

Экипажъ остановился у крыльца барскаго дому, и молодой человекъ, рослый, стройный, съ юнымъ привѣтливымъ лицомъ вѣжалъ на ступени. Бархатная шапочка осыпала высокій лобъ, его дорожный сюртукъ обрисовывалъ ловкій станъ. Въ осанкѣ его проявлялась аристократическая порода, въ голосѣ, когда онъ отдалъ приказаніе послать къ нему пана Святецкаго, управителя имѣнія, слышалось хорошее воспитаніе.

Юноша проѣжалъ, не останавливаясь, нѣсколько домовъ, со-

держимыхъ въ томъ мертвомъ порядкѣ, въ которомъ находятся обыкновенно необитаемые дворцы, похожіе на пышныя гробницы, поквнутыя своими тѣнями.

Въ одной комнатѣ какъ-будто оживилось для него воспоминаніе. Онъ остановился передъ портретомъ прекрасной женщины, написаннымъ во весь ростъ въ костюмѣ охотящейся Дианы. Эта женщина была покойная мать молодого помѣщика, графиня Матильда Лисская, одна изъ знаменитостей красоты своего времени; она осталась въ воображеніи юноши священнымъ, но нѣмымъ образомъ, окруженнымъ такою сценическою позолоченною обстановкою, что мысль объ ней должна была непрерывно расторгать парчи и бархаты, скрывавшіе материнскую грудь, чтобы отыскать подъ ними теплое сердце.

Онъ сѣлъ на покрытыя когда-то краснымъ сатъномъ кресла, возлѣ которыхъ лежала подвижная для больной ноги подаграшка скамъечка. Въ первый разъ послѣ смерти отца посѣтилъ онъ это степное имѣніе, въ первый разъ вошелъ въ кабинетъ старика, гдѣ угадала полезная и трудолюбивая его жизнь.

Сердце молодого человѣка стѣснилось, полное умиленного чувства; но вскорѣ сквозь этотъ мракъ свѣтлыхъ и грустныхъ воспоминаній стало незамѣтно проясняться въ душѣ его, сначала тусклымъ, туманнымъ ликомъ и постепенно яркимъ видѣніемъ, воплощенная, неотступная мечта въ видѣ прекрасной бѣлокурой головки, съ длинными локонами, восхитительной улыбкой и коварно-лѣзвымъ взглядомъ. Этотъ ликъ отдѣлился на сѣверномъ свищовомъ небѣ въ сонмѣ другихъ херувимскихъ образовъ; но посреди ихъ онъ, избранный, сіялъ освѣщенный ореоломъ.

По какому-то задушевному чувству, при этой мысли брови юноши пасмурно сдвинулись, и милый призракъ съ быстротою калейдоскопнаго движенія замелькалъ въ неизмѣнной памяти, то роскошной одалыкой на мягкихъ диванахъ моднаго кабинета, посреди цвѣтовъ и шелковыхъ тканей и драгоцѣнныхъ образчиковъ кисти и рѣзца; то классической, строгой фигурой на гранитной набережной, когда въ золотыхъ кудряхъ игралъ порывистый вольный вѣтеръ; то амазонкой на бѣломъ арабскомъ ея скакунѣ, на одной изъ загородныхъ окрестностей; то на палубѣ парохода, когда прислонится она бывало такой безплотной тѣнью къ массивному борту. Или на крыльцѣ театра, или на балѣ—о, на балѣ въ тотъ вечеръ, какъ этотъ золотой эполетъ склонился къ ея плечу, какъ легкомысленное сердце ея билось такъ сильно въ

безумномъ вальсѣ, и ревнивый взоръ его слѣдилъ за вѣтренною четою, когда наконецъ, въ минуту неодолимаго негодованія было сказано послѣднее *прости*, послѣ котораго онъ бѣжалъ въ эту дикую даль забыть неразумнаго ребенка и оживить въ душѣ другіе, покинутые для него интересы. Но забыть иногда труднѣе чѣмъ вытвердить: память сердца, вопреки повторяетъ роковое слово и оно только невзглядимѣе врѣзывается въ душу.

Внезапный грохотъ у дверей оторвалъ его отъ привычнаго раздумья. Неуклюжая фигура высокаго старика ввалилась въ комнату.

При видѣ юноши что-то въ родѣ улыбки промелькнуло на лицѣ его, еще младенцемъ носилъ онъ на рукахъ этого молодца; но мгновенное умиленіе исчезло съ быстротою молніи, и загорѣлый, покрытый морщинами лобъ его, нахмурился еще мрачнѣе.

- Здравствуй, Янъ, сказалъ молодой человекъ.
- Здоровъ будь, пане, отрывисто отвѣчалъ Янъ!
- Какъ поживаешь?
- Живу съ дурнями, да лаюсь съ собаками.

Всѣ тотъ же старый, брюзгливый Янъ, подумалъ юноша, глядя на грубую наружность управителя, которую столько лѣтъ привыкъ видѣть передъ покойнымъ графомъ, отцомъ своимъ, и которая теперь предстала ему надмогильнымъ напоминаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ Янъ былъ все тотъ же пятидесятилѣтній угрюмый старикъ. Слишкомъ двадцать лѣтъ пронеслись надъ нимъ, не прибавивъ уже ни одной морщины на слоенномъ лицѣ и не обнаживъ уже болѣе безвласую голову. Всѣ тотъ же былъ онъ сердитый, упрямый, неуживчивый, беспощадный и немилосердый.

Какъ острое лезвее хирурга, обреченное воцариться въ живое тѣло, кроить его, очищаетъ отъ недуга и точитъ теплую кровь, онъ съ неистовымъ фанатизмомъ, по присвоенному праву поборника справедливости, гналъ и казнилъ неусыпно все его окружающее въ странномъ сознаніи долга и необходимости.

Въ духѣ такого убѣжденія зорко смотрѣлъ онъ ястребинымъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ глазъ и видѣлъ только мракъ сквозь туманъ желтыхъ подозрѣній.

Никто не слышалъ отъ него привѣтнаго слова, никто не похвалился бы какимъ предпочтеніемъ. Съ стонческою вѣрностью своимъ правиламъ онъ дѣйствовалъ нелицеприятно, и не одинъ

разъ случалось покойному графу, глазъ-на-глазъ, подымать связку тяжелыхъ ключей, которые летѣли на земь изъ рукъ разсерженнаго служителя. По вельможному капризу, магнату нравилось чувствовать себя иногда мученикомъ этого чудака. Онъ любилъ его неподдѣльную, основанную на убѣжденіи оригинальность и уважалъ неподкупную его честность. Онъ даже чувствовалъ къ нему какое-то симпатическое влеченіе, и это влеченіе можно было истолковать не одной причудой боярина.

Жесткая душа Яна была составлена изъ прекрасныхъ элементовъ: въ немъ было самозабвеніе и самое идеальное безкорыстіе; но эти прекрасныя качества проявлялись сквозь грубую оболочку неприятно и оскорбительно.

Исполненіе долга доходило у него до помѣшательства. Съ самою шутовскою, педантскою точностію онъ соблюдалъ свою обязанность и былъ въ этомъ отношеніи безъ пощады и безъ всякаго помилованія къ людямъ. Онъ не требовалъ и не нуждался ни въ какомъ снисхожденіи и не понималъ этого чувства, не находилъ его въ душѣ своей ни для какихъ соображеній. Врагъ стяжательности, онъ довольствовался, какъ сектаторъ умѣренности, едва-ли не діогеновскою простотою и готовъ былъ корить и казнить за всякое по его мнѣнію изпшество.

Получивъ извѣстіе, что молодой господинъ ѣдетъ навѣстить свое отдаленное помѣстье, Янъ не усомнился, что панычъ хочетъ *порушить* казну господарскую. Онъ не забылъ еще, какъ болѣла душа его всякій разъ, какъ посылались за границу на безразсудные расходы графини, добываемыя кровавымъ потомъ кучи червонцевъ. «Молодость безмозгла и перазсчитлива, думалъ Янъ: кто теперь оставитъ его?» и какъ туча нахмурилось и безъ того пасмурное чело его, когда послѣ нѣсколькихъ первыхъ словъ, юноша спросилъ, много ли денегъ?

— Есть, не-хотя отвѣчалъ старикъ.

— И *скарбъ* есть?

— И скарбъ, сказалъ едва попятно, сквозь зубы, Янъ.

— Чтѣ скажешь, Янъ? спросилъ молодой человекъ, желая расположить на возмужную благосклонность стараго почетнаго слугу.

Янъ помолчалъ, насупивъ брови. Онъ былъ подозрителенъ и неавидѣлъ ласкательства. Всякая мягкость и сладость въ голосѣ и выраженіи лица тотчасъ возбуждали его недоувѣріе и раздражали вѣчно работающую желчь. Не разсуждая, была ли на-

добнось подкупить его говорившему, онъ тотчасъ становился въ оборонительное положеніе, настривалъ пугливое ухо, и блѣдныя губы его шевелились отъ горечи.

Онъ ненавидѣлъ ласкательства; но мало ли что еще ненавидѣлъ старый Янъ; многого онъ не могъ терпѣть, не многое случилось ему любить, да и любилъ-то онъ такія странныя вещи.

Онъ явился на свѣтъ, топорно сколоченный съ виду и мрачно настроенный духомъ, съ безотчетною язвительностью на языкѣ, съ симпатичнымъ вкусомъ ко всему мрачному и уродливому. Все, что носить на себѣ свѣтъ пріятнаго и веселаго, было противно его природѣ потому только, что оно пріятно и весело, и угрюмая, безобразная обстановка была ему такъ же необходима и прилична, какъ черная мантия сопутствующимъ погребальное шествіе.

«Экой сварливый!» сказалъ про себя юноша, глядя съ чувствомъ какой-то нравственной тошноты на уродливую фигуру Яна, котораго самая одежда была проникнута его характеромъ и этотъ характеръ отражался на всѣхъ прикосновенныхъ предметахъ и всюду приносилъ свое тяжкое вліяніе.

Молодой человѣкъ вспомнилъ, какъ еще ребенкомъ, когда случилось ему забѣжать въ грязную хату Яна, тотчасъ обнимала его черная атмосфера, осязательно дѣйствующая на расположе- ніе духа. Непріятный сумракъ распространялся изъ тусклыхъ оконъ его. Вся обстановка, всѣ вещи этого жилья глядѣли такою недоброжелательною фізіономіей, выступали такими безобразными лапами и ушами, что видъ ихъ являлъ дѣтское его воображеніе. Онъ вспомнилъ, какъ часто говинная дворня прибѣгала къ его заступничеству отъ безпощадныхъ бичеваній управителя.

«Подобныя существа, подумалъ юноша, назначенныя можетъ-быть служить олицетвореннымъ укоромъ человѣчеству, встрѣчаются во всѣхъ слояхъ общества. Они траурными гостями, *memores mori* на пиру жизни. Нѣжная, изящная природа молодого графа, внутренно возсталъ противъ этого созданія въ лицѣ Яна Святецкаго. Онъ не могъ равнодушно видѣть этой чертовой наружности: рѣзкій гиппократовскій профиль его и ѣдкое выраженіе тонкихъ его губъ неприятно поражали воображеніе молодого человѣка при каждомъ взглядѣ; но онъ не могъ за- быть постоянно милостиваго расположенія своего отца къ этому служителю; оно внушало сыну, основанное на разсудкѣ, нѣ-

сколько принужденное и тягостное, но тѣмъ не менѣе искреннее къ нему уваженіе.

— Прикажи рано сѣдлать коней: посмотримъ степи, сказалъ онъ старику, чтобъ избавить себя, на первый разъ, отъ скучной бесѣды.

Янъ сѣдлалъ такую презрительную мину, что она такъ и говорила: «Очень нужно! много увидишь, много смыслишь: господство не панночка, не солдатская муштра, не грамота чтѣешь очами.... Посѣдѣешь надъ нивами, да не спознаешь этой науки», ворчалъ проходя по темнымъ корридорамъ въ свое темное жилище Янъ. А между-тѣмъ онъ былъ искренно преданъ сыну покойнаго своего господина, но ворчалъ вѣроятно потому же, почему неблаговоспитанная собака лаетъ, — такъ ужъ ему надо было, онъ иначе не могъ.

На другой день чрикканье маленькихъ пташекъ, недостойное, конечно, сладкаго пѣнія весенняго соловья, но всё же оглашавшее воздухъ пріятнымъ щебетаніемъ, разбудило помѣщика въ его замкѣ.

Длинный рядъ пустыхъ покоевъ огласился разсѣкающимъ пространство эхомъ бѣготни старинныхъ офиціантовъ, не забывшихъ всей важности своего дѣла.

Тщательно приготовленный на пышномъ сервизѣ завтракъ ждалъ вельможнаго гостя на убранной цвѣтами террасѣ, съ которой разстлался неописанный видъ на Лимацъ и окрестныя степи.

Объярившая голубая мантия залива, на которой горѣло громаднымъ алмазомъ отраженіе солнца, дохнувшее отсюда благоуханіе акаціи и вся величественная обстановка, настроили молодое сердце теплымъ сочувствіемъ. Юноша былъ юнъ, онъ находился въ кипучей порѣ любви и служилъ этому божеству съ фанатизмомъ.

Любовь озаряла для него міръ Божій. Счастливая минута любви обращала въ рай юдолю земнаго страданія и любовное оскорбленіе помрачало свѣтъ въ глазахъ его и населяло страшными призраками темноту бессонныхъ ночей.

Сквозь призму любви, широкой любви, всеобъемлющей, жаждущей и ненасытной, смотрѣлъ онъ теперь на эту дикую, дѣвственную природу, которая раскинула передъ нимъ ненаглядныя прелести.

Строгою, назидательною красотою сіяла она подъ сафирнымъ

куоломъ южнаго неба, задумчивымъ взоромъ манила въ туманную даль и сладострастно распускала зеленыя кудри свои въ прозрачныя ручьи.

Сердце юноши встрепенулось невѣдомымъ чувствомъ. Онъ какъ-будто ожилъ къ новой очаровательной жизни, какъ-будто прозрѣлъ отъ какого-то ослѣпленія и отрезвилъ внезапно голову отъ тяготѣвшаго чаду.

Вдругъ представился ему въ параллель другой мѣръ, гдѣ на канвѣ какихъ то приличій пестрѣютъ въ странномъ сочетаніи золото и лохмотья, гдѣ душно любви подъ корсетомъ, гдѣ прищипляется умъ о тяжелую грамоту условій. Вся пустышь и ничтожество этого мѣра, гдѣ разъигрываетъ и онъ свою назначенную роль, разоблачились передъ его глазами; онъ вздохнулъ и вышелъ къ нетерпѣливо рвущему поводья осѣдланному коню.

Оглаживая золотистую гриву его, юноша инстинктивно бросилъ нечаянный взглядъ въ противоположную сторону и вздрогнулъ отъ удивленія.

Женщина образцовой красоты, во всемъ величій древнихъ формъ, какъ-будто сошедшая съ одного изъ пьедесталовъ Греціи, стояла поодаль, облокотясь на колонну фасада. Грубая ткань, которую едва можно было назвать одеждой, облегла роскошныя линии ея стана. Черныя какъ смоля волосы, небрежно заплетенныя въ косы, ниспадали къ ея колѣнамъ. На смуглой бронзовой кожѣ ея лица пламенѣли алыя губы и черныя глаза газели, осѣненные густыми бровями. Выраженіе въ ней было гордое и спокойное. Кака-то лѣнь и пѣга, которыми проникнутъ жаркій воздухъ климата, дышали во всемъ ея существѣ.

Въ артистической душѣ молодаго человѣка, этотъ прекрасный образъ отразился и вѣззался въ одно мгновеніе въ память, не утративъ ни одной малѣйшей черты. Но по безотчетному чувству, онъ не захотѣлъ спросить объ ней окружавшихъ.

Можетъ-быть ему пріятнѣе было окутывать въ праздныхъ мечтахъ это роскошное созданіе произвольною драпировкой чего-то таинственнаго, идеальнаго, чего ищетъ воображеніе юноши въ женщинѣ, на которую обращено все его вниманіе. Ему не хотѣлось узнать въ ней такъ скоро какую-нибудь повариху на людскихъ кухняхъ; чувство его уже оскорблялось мыслью о соперничествѣ съ какимъ-нибудь презрѣннымъ существомъ.

III.

ГЮЛЬНАРА.

Въ сопровожденіи всегда молчаливаго, всегда недовольнаго Яна, съ сардонической улыбкой при видѣ разсѣянныхъ, неопытныхъ взоровъ, которые бросалъ панычъ, не осязая предметовъ, юноша пробѣгалъ много уже дней сряду степи обширныхъ своихъ владѣній.

Сердце человѣка такъ сродно грѣху гордости и самонадѣянности. Какой соблазнъ для раздолья степнаго помѣщика, когда пріютивъ дородное туловище своей драгоценной особы въ покойную вѣвскую коляску, онъ летитъ безконечную станцію по ровной, какъ стрѣлка дорогъ, не пересѣкаемой ни горкой, ни рѣчкой, и спѣшно покачиваясь на тонкихъ рессорахъ, насчитываетъ десятки, сотни верстъ своихъ владѣній!...

Но на сердце молодаго графа это безграничное пространство навѣяло не столь лестныя ощущенія — необъятный горизонтъ давилъ его своимъ величіемъ. На этомъ безбрежномъ полѣ, онъ мучительно ощущалъ свое ничтожество, сильнѣе терзала его невоплотность шаткихъ идей и воображеніе молодаго мозга.

Въ уединеніи, въ тишинѣ, онъ собирался по-крайней-мѣрѣ великодушно сознать и оплакивать свое безсиліе; но Провидѣніе послало ему разсѣяніе.

Въ одно пасмурное сѣренькое утро, когда надоѣли ему смертельно плаксивые доклады корчмара и управителя, о засухахъ, неурожаѣ, неисправимой лѣни и кочевыхъ правахъ крестьянъ, молодой человѣкъ взялъ мушкетъ и ушелъ одинъ на охоту. Онъ захватилъ съ собою, въ старинномъ переплетѣ, книгу тяжелаго вѣмецкаго ученаго, намѣреваясь вѣроятно утомить въ одинаковой степени и физическія и нравственныя свои силы.

Тихо спускался онъ по узенькой дорожкѣ, заросшей колючимъ кустарникомъ синяго терна и шиповника. Онъ пробирался, развивая какую-то длинную разумную мысль, прерванную неожиданнымъ удовольствіемъ. Выступивъ изъ-за крутой извилины тропянки, онъ внезапно сталъ лицомъ къ лицу съ величавой своей незнакомкой.

Лѣзливо прислонясь къ стѣнкѣ фонтана, въ одной рукѣ она держала ковшъ, въ которомъ только-что купала свои кораловыя

губы; другую, вооруженную огромнымъ ножомъ, опустила какъ-будто въ изнеможеніи, и обернувшись на тропинку, по которой шелъ пожирая ее глазами панычъ, она глядѣла на него такъ гордо и независимо, что — да простятъ ему минутное донъ-кихотство — она въ этотъ мигъ олицетворила передъ нимъ вдохновенное созданіе пѣвца «Корсара».

Та же роскошь, то же очарованіе въ ея постановкѣ, какъ-будто обдуманной изящнымъ вкусомъ художника. И великій въ самомъ дѣлѣ художникъ обдумывалъ и устанавливалъ ея позы — природа, которая одна имѣетъ эту чудную гибкость набережной трости, колеблемой вѣтромъ — природа южная, отъ которой такъ и вѣетъ нѣгой.

Безъ сомнѣнія, это былъ рѣдкій типъ совершенной гармонической красоты, и потому-то каждое ея движеніе имѣло эту соразмѣрность и грацію, эту дивную, дышащую стройность, которую артистъ достигаетъ въ естественности.

Вся окружная обстановка осѣняла такой приличной рамой этотъ прекрасный образъ. Южное, палящее солнце золотило прозрачную смуглость ея кожи. А какой чистой линіей рисовался на темномъ фонѣ зелени ея профиль! Какъ тяжело подъ ослѣпительнымъ зноємъ, который жарко вспыхнулъ послѣ ненастного утра, подымались густыя темныя рѣсницы ея, заслоняя сіяющей блескомъ перекатнаго жемчугу бѣлокъ влажныхъ глазъ ея и пламень чернаго зрачка.

Эти плѣпительныя красы зажгли страстный взоръ юноши; молодое сердце его забилося, кровь ударила хмѣлемъ въ голову, и послѣ непродолжительнаго идилическаго предисловія, панычъ обнялъ упругій, незаснурованный станъ дѣвушки, и громкій поцѣлуй раздался подъ сѣнью вѣтвистой ивы.

Красавица отскочила какъ испуганная лань, уронивъ орудіе, которое такъ пристало къ ея горделивымъ чертамъ. Дикое изумленіе выразилось на лицѣ ея. Она молчала и нелѣпо смотрѣла на распаленнаго юношу, который продолжалъ преслѣдовать ее налячливыми ласками.

Что думала она, какъ принимала эту дерзость, угадать глядя на нея было невозможно. И все, чего добился на этотъ разъ притязательный панычъ, было только то, что зовутъ ее Оксана, что панъ управляющій послалъ ее съ другими дѣвчатами на виноградникъ, что дѣвчата ждутъ ее и что ей пора на работу;

послѣ чего она подняла съ земли свой ножикъ — и многожъ исцела въ свѣжихъ отпрыскахъ серебряной вербы.

Юноша остановился на минуту въ совершенномъ ослѣпѣніи, которое отуманило его голову и взбунтовало молодые силы. Безсознательно вышелъ онъ на отлогую низъ берега, по которой, рисуясь ландшафтной фигуркой, пробирался къ Лиману, катящему волны на золотой песокъ долины.

Долго не чувствовалъ онъ ни движенія отъ быстрыхъ шаговъ своихъ, ни зноя палящихъ лучей, которые обливали его жгучей струею; но мало-по-малу пришедъ въ порядокъ отъ разстройства, онъ укротилъ неестественный бѣгъ свой и нечувствительно отдался весь другой заботѣ.

Кто знаетъ что такое степь и ружье для сердца охотника, кто помнить степную пѣшую охоту, не похожую, безъ-сомнѣнія, на тѣ упительныя ристалища за волкомъ и зайцемъ, которыя уносятъ страстныхъ любителей своихъ въ предѣлы совершеннаго самозабвенія и безконечныхъ восторговъ; кто любить мѣжѣ бурное, но столько же раздражительное и увлекательное, столько же кровавое наслажденіе хитрой войны съ маленькими пташками, тотъ пойметъ, какъ по-немногу войдя въ нормальное состояніе, молодой человекъ перешелъ къ полному упоенію, забывъ минутное смущеніе свое и прекрасную виновницу его.

И кто бы, скажите, въ-силахъ былъ не позабыть всего на свѣтѣ среди неотразимаго соблазна.

Вотъ летитъ безчисленное семейство маленькихъ куличковъ, которые въ степи зовутся просто *птичками*, сверкая бѣлыми грудками на солнцѣ; рѣзвая стая, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ то быстрыхъ, то плавныхъ въ воздухѣ, разомъ опускается на берегъ и роется долгими носками на влажномъ илѣ.

Неосторожные малютки навѣрное не замѣтятъ приближенія охотника, и если ружье его въ два ствола, пусть смѣло подходит и стрѣляетъ въ самую густоту группы. Пораженные неожиданнымъ ударомъ, бѣдняжки не вѣрятъ своему несчастію, а вмѣсто-того чтобы спастись на легкихъ крылышкахъ, они взлетаютъ на незначительную высоту, кружатся надъ пораженными жертвами, какъ-будто рыдая надъ ними и жалѣя покинуть ихъ. Тогда прицѣливается вторичный выстрѣлъ и побѣда не-счета.

Но послѣ того пусть егеръ заблаговременно снова зарядитъ ружье и пройдетъ, не теряя напрасно зарядовъ, по-крайней-мѣ-

рѣ четверть версты: громъ заморскаго оружія перепугалъ мирныхъ обитателей низкихъ водъ, бѣлыхъ рыболововъ. Черною тучею взлетѣли они и заслоняютъ солнце; какъ-будто спрашиваютъ другъ друга о неслыханномъ происшествіи: злодѣи—разбудили трусливыхъ чаекъ, этихъ осторожныхъ ворышекъ на посьвахъ арнаута и проса. Эти досадныя пскуны, поднявшіеся на безопасную высоту, облетаютъ окрестность и предостерегаютъ пернатыхъ братьевъ объ угрожающей опасности.

При всемъ возможномъ изобиліи трудно не разсердиться на этихъ лукавыхъ доносчицъ и съ чувствомъ справедливаго негодованія не своротить въ степь попытаться нанести доносчицамъ смертное наказаніе.

Но тамъ, по-ближе къ чумацкой дорогѣ, видится что-то на горизонтѣ. Не волы ли безпечнаго хозяина затесались полакомиться молоденькой травкой озимыхъ всходовъ, или это его небольшое стадо барановъ, недружно разсѣянное по степи?... Оптический обманъ! Это тяжелыя дрофы, жирныя, вкусныя и смышленныя; на авось, пожалуй, можно попробовать счастья, да безъ помощи крестьянской телѣги оно тогда только не обманетъ, когда надъ ружьемъ пошепчетъ чернобровая знахарка.

Вѣрнѣе будетъ спуститься опять къ водѣ, и если удастся изъ подъ кустовъ подкрасться осторожно на выстрѣлъ къ берегу, то непременно застанешь тамъ совѣщаніе большихъ куликовъ, которые съ важностью выступаютъ на тонкихъ ногахъ своихъ, или можетъ-быть тихій шелестъ шаговъ спугнетъ парочку сѣрыхъ утокъ, въ вѣжной бесѣдѣ пританцующая подъ кудрявыми листьями дикой капусты.

Кто же мимо ихъ броситъ даромъ зарядъ свой на лукаваго звѣрка или на красиваго, по воючаго удода, который дерзко шныряетъ мимо самаго ствола ружья въ инстинктивномъ сознаниі антипатіи челоуѣка къ его племени.

Тамъ дальше красивая баночка, не заманитъ ли она въ каменное вѣдро свое? Тамъ, говорятъ, водятся волчьи и лисьи гнѣзда; но Богъ знаетъ, не утомительно ли такое путешествіе для инаго терпѣнія.

Давно уже отдыхаетъ знакомый намъ охотникъ на узкой песчаной косѣ, образовавшейся изъ наносныхъ раковинъ моря, и задумчиво смотритъ на зеркальную поверхность залива.

Лѣнивыя волны, едва примѣтными жилками, какъ-будто нехотя струятся у ногъ его.

Еще дымящееся, но уже забытое ружье, лежит поодаль и страницы тяжелой книги перевертываются только тихимъ вѣтеркомъ, который ударяетъ въ ветхіе ея листы.

Съ необъяснимо-сладкимъ замираніемъ сердца, юноша вкушалъ свое утомленіе. Онъ ощущалъ какое-то безотчетное, ни въ чемъ не основанное удовольствіе, и такъ, ни съ того ни съ сего, онъ былъ счастливъ.

Приятная прогулка и удачное полеваніе настроили его на это завидное расположеніе. Давно уже не удавалось ему быть въ подобномъ чудномъ уединеніи на берегу моря. Роскошный образъ Оксаны распалъ его воображеніе, рисуясь передъ нимъ живо-трепещущими чертами.

Свѣтлыя грезы, какъ рѣзвые Эльфы, такъ и кружилсь, такъ и смѣялись передъ его глазами. Какъ ребенокъ расхохотался бы и самъ онъ, не зная чему, и послѣ зарыдалъ бы, можетъ-быть, слезами блаженныхъ.

По временамъ до слуху его долетали, лаская сердце роднымъ звукомъ, голоса естественной жизни, отъ которой онъ былъ такъ отчужденъ условіями: то отдаленное блеяніе стада, то скрыпъ тяжелаго воза, то заунывная пѣсня молодой поселанки. Юноша почувствовалъ себя какъ-будто внезапно водвореннымъ въ эту жизнь природы, какъ-будто бы онъ слился съ нею нѣжнымъ сердцемъ и полюбилъ ее горячею любовью.

Онъ испытывалъ чтѣ-то близкое чувству невольника, который видитъ себя свободнымъ во снѣ; въ полуознаніи и живости этого видѣнія, онъ хочетъ обмануть себя и силится продлить очарованіе.

Блаженны минуты такого безотчетнаго блаженства. Нежданнами, свѣтлыми призраками слетаютъ опѣ съ печальнаго неба, впадаютъ надъ поникшею головою и вливаютъ отраду въ сердце....

Какимъ бы гнетомъ ни тяготѣла рука судьбы, сколько бы ни охлаждали и не язвили софизмы коварнаго разума, сердце беретъ свое; оно подаетъ и огорченному и невѣрующему чашу сладкой отравы своей, и уста льнуть къ ней и невозможно оторвать ихъ отъ очарованнаго міала.

IV.

ВАКХАНКА.

Истиникъ или предвидѣніе, воля или случай повлекли на другой день молодаго человѣка на виноградникъ съ одинокой прогулки.

Онъ шелъ оглядываясь вокругъ, какъ-будто отыскивая кого-то между кончавшими работу поселянками, которыя подъ гнетомъ тяжелыхъ корзинъ возвращались группами въ деревню.

Напрасно бросалъ юноша всюду внимательные взоры и устремлялъ ихъ въ даль во всѣ стороны: нигдѣ не видно было той, которую хотѣлось ему встрѣтить.

Невольное негодование, почти досада раздражили его, настроеннаго пріятнымъ ожиданіемъ. Обманутый, онъ побрелъ домой, потупя голову и стыдясь своего ребячества.

Нахмуривъ густыя брови, онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы оправиться отъ непривычнаго гнѣву, съ рѣшимостью толкнулъ разгулявшіяся мысли на другое направленіе и въ половину торжествуя надъ собою, составилъ довольно пристойное положеніе своихъ психическихъ способностей. Общая зараза вѣна—флосософствованіе и разсужденіе, пришли ему на помощь; онъ уже успѣлъ поймать за хвостъ какое-то извинистое умозаключеніе, которое, однако же, какъ скользящій вьюнъ, не давалось ему въ руки.

Такимъ образомъ, не замѣчая уже ничего передъ собою, нечувствительно вошелъ онъ въ рѣшетку сада и быстрыми шагами, казалось, догонялъ медленный токъ вытѣсняемыхъ диссертацій.

Вдругъ звонкія трели свѣжаго соловьиного голосу раздались неподалеку и проникли почти болью въ сердце молодого человека. Это юное сердце затрепетало отъ дикихъ звуковъ народной пѣсни, такъ же какъ, бывало, билось оно при великолѣпномъ одолѣніи всѣхъ трудностей непобѣдимой италянскою аріею.

Онъ своротилъ съ дороги на голосъ степной сирены и тихо подходя изъ-за кустовъ, хотѣлъ увѣриться, не обманываетъ ли его вторично надежда.

Но на этотъ разъ пѣла точно Оксана. Она лежала на травѣ въ самомъ идеально небрежномъ положеніи, которое оправдывалось только совершеннымъ удивленіемъ, ненарушимо царствующимъ въ обширномъ саду барскаго дому.

Красавица отдыхала утомленная отъ долгаго рабочаго дня и быстрого бѣгу подъ гнетомъ тяжелой ноши. Щеки ея пылали, глаза сверкали, но вовсе не была она похожа на усталую работницу. Опутанная виноградными вѣтвями, которыя толстымъ жгутомъ обвивали ея голову, чтобы смягчить жестокое давленіе корзины, она казалась распаленной Вакханкой, которая въ послѣднихъ неистовыхъ звукахъ голосу хочетъ истощить разгулъ, на который не стаетъ уже ея силы.

Прекрасная грудь ея страстно колебалась подъ распахнувшимися воротомъ сорочки. Она сцѣпила надъ головою смуглыя художественнаго изваянія руки свои и такъ безпечно, такъ неподдѣльно и безъ намѣренія рисовалась во всемъ очарованіи красоты, что юноша окончательно потерялъ разсудокъ.

— Оксана! сердце мое! вскричалъ онъ, припавъ къ ней, люби меня!.. или ты уже кого другаго любишь?

— Я не люблю никого, простодушно отвѣчала Оксана.

— Такъ всѣ тебя любятъ, вѣрно.

— Нѣтъ, меня никто не любитъ, сказала дѣвушка, качая отрицательно головою.

— Ты неправду говоришь, не можетъ этого быть! Развѣ есть лучше тебя на селѣ дѣвушка?

— Я говорю правду. Можетъ-быть и любили бы меня хлопцы, да не смѣютъ.

— Какъ не смѣютъ, отъ чего не смѣютъ? спросилъ съ удивленіемъ юноша.

— А отъ того и не смѣютъ, что Панъ Отецъ хочетъ женить на мнѣ сына, отвѣчала со вздохомъ Оксана. Я не люблю его, а другіе женихи не хотятъ отбивать меня у поповича.

Простота и незлобіе, съ которыми было произнесено это горькое объясненіе, поразили молодого человѣка. Въ эту минуту красавица явилась передъ нимъ совсѣмъ въ другомъ образѣ. Грустно опущенная на руку прекрасная ея головка, съ которой свадился виноградный вѣнокъ, не принадлежала уже разгнѣванной жрицѣ Вакха: это была печальная дѣвушка, которая грустно задумалась надъ своей долей.

— Такъ ты не любишь поповича и нейдешь за него? спросилъ не зная что сказать ей панычъ.

— Не люблю и неиду, твердо сказала Оксана. Часомъ панъ Дьякъ возьметъ меня уговаривать, продолжала она съ ребяческою болтливостью. «Иди, говорить», Оксана. Иди сынку, будешь поповною, будутъ на селѣ тебѣ кланяться, будешь госпожня богатая, — ты горькая сиротинка. — Пожди, пане, говорю я, можетъ-быть обдумаюсь.» Пока сидѣлъ со мною въ катѣ родной братецъ, прибавила отерши слезы Оксана, онъ говорилъ: «Не отдавайся, естрица, за нелюбобаго. Пока я живъ на селѣ смѣтъ, будутъ у тебя и монета червонныя и лянты и сподвижники ситцевыя и кофточки дамасковыя; не будешь ты хуже другихъ дивчать ходить по праздникамъ. Выглядай себя ровни,

да посердцу». Такъ говорилъ, да и покинулъ меня, голубчикъ, однукою.

— Гдѣ жъ онъ теперь? спросилъ съ участіемъ совершенно отрезвленный отъ страстнаго порыва панычъ, который начиналъ чувствовать искреннее состраданіе къ трогательному положенію дѣвушки.

— По весѣ пошелъ въ рекруты, едва вымолвила Оксана.

— Такъ съ кѣмъ же ты осталась теперь въ семействѣ?

— Одна въ нашей пустой хатѣ. Отецъ и мать давно померли. Панъ управляющій оставилъ меня дома до другаго лѣта; сказалъ, что если я не выйду до той поры за панъ-Отцова сына, онъ отдастъ меня за Бодю Чорнаго, что пасетъ коней панскихъ.

— А хорошъ этотъ Бодя?

— Хорошъ! вскричала съ громкимъ хохотомъ дѣвушка, пугало болотное. Когда онъ приснится мнѣ въ ночи инымъ часомъ, я всегда закричу не своимъ голосомъ.

— Такъ ужъ ни тотъ, ни другой тебѣ не пара?

— А кто его знаетъ, можетъ и будетъ пара. Что сиротникѣ на свѣтѣ дѣлать. Живи не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Когда въ праздникъ приберу я свою горницу, да нацѣплю мониста коралювыя, да натыкаю цвѣтковъ за оксамитныя ленты, да посиотрюсь въ шматочикъ зеркальца, что вмазанъ у меня въ стѣнкѣ: увижу тамъ свою душу и начну говорить съ душою: «Люби, душа, Ивана,» скажу я. «Не могу», говоритъ душа. Я вижу, что душа не можетъ любить его, говорю: «Пожди, Иване, можетъ надумаюсь.»

Этотъ безъискусственный, простодушный рассказъ проникъ до глубины въ сердце молодого человѣка. Не однѣ уже пластическія красоты этой женщины прельщали его въ ней. Онъ заглянулъ въ ея душу, и въ слѣпотѣ закоренѣлыхъ предрасудковъ, изумился утонченности и нѣжности чувства въ этомъ дикомъ созданіи, этой правотѣ, этой благодати младенческой.

Оксана встала. «Время домой», сказала она, и съ трудомъ подняла на голову большую корзину. Въ рубиновыхъ кистяхъ винограда отразились лучи заходящаго солнца. Удаляясь, красавица молча бросила прощальный взглядъ на паныча, который провожалъ ее полными умиленія глазами.

V.

МАДОННА.

Не спалось ему въ этотъ вечеръ. Выслушавъ нетерпѣливо долгій дневной отчетъ Яна, онъ пошелъ снова бродить по саду. Воздухъ сладкой лѣтней ночи вливался въ грудь его. Дохнувшія новымъ ароматомъ ночныя фіалки, благоухая, нѣжили раздраженные первы юноши. Только одни слышные тамъ-и-сямъ крики неугомонныхъ сверчковъ и кузнечиковъ, нарушали спокойствіе тихой ночи, таинственно магнитизируемой переливами свѣту дрожащихъ звѣздъ и восходящаго мѣсяца.

Въ этомъ невѣрномъ освѣщеніи, въ углубленіяхъ зелени мелькали фантастическія воздушныя тѣни, за которыми блуждалъ очарованный взоръ молодаго человѣка. Онъ зналъ, что не могъ никого встрѣтить на дорожкахъ сада въ эту пору; но упрямая мечта всюду создавала призракъ Оксаны.

Любилъ ли онъ ее? молодой человѣкъ еще не могъ отдать себѣ отчета въ этомъ странномъ чувствѣ. Но если бы любилъ, то любилъ не иначе, какъ любить великолѣпную природу, когда она является намъ во всемъ блескѣ безчувственной красоты своей. Онъ любовался ею какъ пришлецъ изъ душнаго искусственнаго міра. Онъ любилъ ее какъ любить звѣзду вечернюю, сіяющую въ радужныхъ переливахъ на тверди небесной; какъ любить стройную тополь, облитую блѣднымъ лучомъ луны; какъ любить пышный нагорный цвѣтокъ, который цвѣтетъ и благоухаетъ на радость и утѣшеніе. Но могъ ли онъ любить ее той родной любовью, которая связываетъ съ нимъ созданную изъ одинакой версти земную подругу человѣка и сливаетъ ее съ нимъ въ одно нераздѣльное существо. Чтò могло быть между ними общаго, какъ могъ онъ остановиться на этой мысли одну минуту.

Они составляли два несочетаемые элемента, и юноша понималъ, что для прихоти, для минутной блажи онъ не въ правѣ отторгнуть этотъ прекрасный цвѣтокъ отъ родной почвы, которая захватитъ его; понималъ, что отнявъ отъ питающей груди, онъ не въ силахъ бы былъ видѣть, какъ поблекнетъ и погибнетъ нѣжное растеніе на распутіи другой, чуждой ему жизни, непонятной для него и которая не привьется къ нему, какъ вѣжедебное чамо.

Такъ думалъ молодой человѣкъ, пробѣгая густыя аллеи сада. Онъ чистосердечно отказывался отъ всякаго притязанія на эту красивую дѣвушку и въ великодушныхъ мечтахъ создавалъ для нея прекрасное идиллическое блаженство.

«Судьба ея въ рукахъ моихъ», говорилъ себѣ юноша. Я могу устроить ее привольною хуторяною, подругой перваго статнаго молодца, который бы полюбился ей, и буду восхищаться ею въ свѣтлыхъ картинахъ ея тихаго счастья».

И она уже видится ему то подъ тѣнью черешневаго садика, то на хозяйствѣ, главою своего управленія, озабоченная или утомленная счастливыми заботами, всегда веселая и довольная.

Онъ бы хотѣлъ слѣдить за этимъ правильнымъ токомъ жизни, и юнилъ, полныя любви и поэзии думы его всё жарче и плѣнительнѣе озаряють творимый образъ.

Зимой, въ ненастный вечеръ, когда разгуляется мятель на степномъ пространствѣ и смѣшаетъ небо и землю въ одну пуховую массу, ему представляется, какъ ждетъ Оксана запоздалаго на работѣ мужа. Одна въ своей хатѣ, надъ уснувшимъ младенцемъ, она прислушивается къ вѣшнему шуму, и только звукъ веретена ея и бѣшеніе нетерпѣливаго сердца вторять одинъ страшному завыванію бури. Привѣтный огонь, у котораго томится ужинъ хозяина, трещить и брызжетъ золотыми искрами или волнуется переливнымъ пламенемъ или рѣветъ алымъ заревомъ и румянитъ смуглую красоту молодой женщины.

Юноша согласился бы, можетъ-быть, въ этотъ мигъ поселиться въ пріютномъ очагѣ подобно влюбленному *Трильби*, и онъ бы, какъ рѣзвый духъ, жилецъ грустныхъ каминновъ сѣвера, который играя бѣглымъ огонькомъ, въ жаркихъ угляхъ посылаеть пламенные поцѣлуи прекрасной хозяйкѣ, пылаеть къ ней безплотной страстью, цѣлуетъ безъ звука и прикосновенія шелковыя пряди ея волосъ, непримѣтно скользитъ по упругой нити ея веретена и не тяготѣя виситъ на мѣдной сережкѣ ея уха. И онъ бы цѣловалъ и любилъ ее и любовался бы ею невидимый, не возмущая спокойной, прекрасной ея жизни.

Исполненный граціознаго предмета своего, онъ нечувствительно вышелъ къ берегу залива, который освѣтился выглянувшимъ изъ-за облака мѣсяцемъ. Блѣдный лучъ упалъ на гладкую поверхность воды и рассыпался по ней сверкающими огнистыми искрами.

Тонкое вліяніе этого трепещущаго свѣту проникло въ душу молодаго человѣка непонятною внезапною грустію. Онъ почув-

ствовагь необъяснимое страданіе, которымъ вдругъ стѣснилось его сердце, мгномъ разрушивъ плѣнительныя видѣнія.

Сангвиническій, нѣсколько болѣзненный, темпераментъ заставлялъ его часто переходить отъ безотчетнаго удовольствія къ безотчетному огорченію. То онъ былъ очень веселъ и доволенъ собою, готовъ былъ всему радоваться, всему сочувствовать; видѣлъ передъ собою свѣтлую перспективу, по которой летали лучезарныя его упованія. Въ груди его трепетало доблестное чувство, которое двигало руку его на дѣло добра и славы. Всюду слышалъ онъ отвѣтъ на вызовъ свой, откликъ на волю своего сердца, и въ горячечномъ снѣ мечталъ, какъ могучій сказочный богатырь, который взмахомъ руки поражаетъ цѣлыя полчища, онъ однимъ ударомъ разрушалъ, чего не рушить время, и создавалъ волшебнымъ жезломъ своего необузданнаго воображенія то, чего не создаютъ вѣка.

Но въ минуты разумнаго просвѣтленія, отрезвленный отъ сердечнаго хмѣлю, онъ впадалъ въ горькое уныніе, былъ нестерпимъ самому себѣ, содрогался отъ сознанія своего ничтожества, и низверженный съ пьедестала, на который ставило его безуміе гордыхъ замысловъ, онъ не зналъ гдѣ пріютить себя.

Жажда высокой дѣятельности тревожила его лихорадочною тоскою. Все беспокоило его, во всемъ принималъ онъ страдальческое участіе. Заходила ли бесѣда о какомъ-нибудь человѣческомъ правѣ, онъ тотчасъ бросался на крылатаго коня своей жаркой фантазіи, который уносилъ его за предѣлы всякаго разумія. Случалось ли ему прочесть новый западный романъ: всѣ европейскія идеи въ мечтательной увлекательности и въ естественной невоплотимости своей загорались въ мозгу его. Онъ видѣлъ въ нихъ признаки страшнаго общественнаго недуга, которому искалъ и не находилъ спасенія. Являлась ли передъ восторженный взоръ его женщина: тревожное его воображеніе не могло оставить ее на землѣ тѣмъ самымъ твореніемъ Божиимъ, которымъ пришла она въ міръ; онъ тотчасъ перекраивалъ ее, пересоздавалъ на образецъ великолѣпнаго идеала, которому однако же не могъ еще онъ дать опредѣленныхъ и ясныхъ формъ.

И въ любви, по общей заразѣ мудрствованія, былъ онъ шаткимъ мыслителемъ, неопытнымъ законопникомъ, который надувается, чтобы подвести всякое движеніе подъ параграфъ какой-нибудь статьи Свода. Все поставлялъ онъ въ какія-нибудь кате-

горни и выводилъ логическіе софизмы изъ того, что такъ просто и рѣшилось бы само собою безъ всякихъ выводовъ.

Въ этой непрерывной метафизической работѣ онъ потерялъ способность отдаваться любви съ младенческою вѣрою.

Онъ не принималъ любви къ посылаемому Провидѣніемъ предмету, а готовилъ образецъ, который бы отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ его взыскательнаго сердца. Горячая кровь и молодыя силы распаяли дѣтское его воображеніе, непрерывно увлекающееся, но ничѣмъ не удовлетворимое, беспокойное.

Въ минуты какихъ-нибудь неладовъ съ собою, его плѣнила преданность Гретхенъ, ея кротость агнца и любовь полная самозабвенія: вотъ какъ бы онъ желалъ быть любимымъ, вотъ какъ понималъ онъ любовь; но въ другіе спокойные часы эта прекрасная любовь казалась чѣмъ-то тяжкимъ, устрашающимъ своею безконечностью, налагающимъ оковы долга и благодарности, чѣмъ-то однообразно-томпелнымъ и приторно-докучливымъ для бѣднаго порочнаго сердца мужнины, которому необходимо иногда узвлеченіе ревности и электрическіе удары страсти.

И тотчасъ другая, пламенная мечта смѣняла кроткій образъ. Его жгла молвія, которая блещетъ съ чернаго бурнаго неба очей. Гроза бунтующаго безумнаго сердца и его деспотизмъ сообщали воображенію молодаго мечтателя потрясающее сочувствіе. Самолюбіе его сладко разнѣживалось при мысли, что эта терзающая любовь, которая грозитъ, ревнуетъ, и повелѣваетъ, подвигнетъ на ядъ и кинжалъ своенравную руку, что готова ежедневно губить и гибнуть. И прекрасна и вдохновенна она въ должномъ величій гнѣва; но прекрасна лишь какъ метеоръ, который пронесется пышной звѣздой по небосклону. Будущность такая страшная пустыня, что опасно пускаться въ даль съ такимъ безпокойнымъ товарищемъ. Порывы необузданной страсти заклеиваютъ прекрасное чело, нарушаютъ вѣжныя инстинкты, отъ которыхъ останется одна ѣдкость и раздражительность. Мысль, что злобный духъ неотвязно прильнетъ къ нему и не дастъ ему ни отдыха, ни покою, устрашала юношу, и онъ снова рѣшался отдыхать въ пустотѣ накрахмаленнаго, заснурованнаго, разуряченнаго, озареннаго искусственнымъ свѣтомъ міра, съ которымъ онъ связанъ неразрывными узами.

Тамъ роились передъ глазами его радужныя облака эфирныхъ существъ, созданныхъ изъ элементовъ дымчатыхъ тканей и кружѣвъ и легкихъ локоновъ и очарованныхъ улыбокъ, обрисован-

ныхъ тонкими чертами англійской гравировки по картинкамъ парижскихъ модъ.

Съ горькимъ состраданіемъ смотрѣлъ молодой мыслитель на этихъ прекрасныхъ послушницъ строгихъ законовъ, на этихъ тоскующихъ Перн, для которыхъ затворены эдемскія ворота Божіаго міра; которыя не выступаютъ изъ гостинныхъ хранищъ своихъ, гдѣ дѣйствуютъ, при зажженныхъ люстрахъ подъ верховнымъ судилищемъ своихъ патріарховъ, сурово выглядывающихъ изъ-подъ бархатныхъ беретовъ и газовыхъ чепцовъ.

Богъ знаетъ какъ случилось однако жъ то, что въ этомъ кругу вопреки взыскательности молодого человѣка, независимо отъ гордыхъ и своенравныхъ его требованій, самовластное сердце его преслѣдовало одинъ обольстительный призракъ, къ которому всегда обращались жаждущія пріюта думы юноши.

Напрасно доказывалъ онъ себѣ всю нестройность странной красоты ея, всю пустышь ея вѣтренаго сердца, но эта самая нестройность одушевлялась для него неотразимою прелестью и вѣтреность казалась мерцаніемъ дѣтской души. «Любовь сильна сосредоточить эту душу и закалить ее булатомъ,» говорилъ себѣ съ улыбкою самонадѣянія молодой человѣкъ; но недавно еще имѣлъ онъ случай прійти въ совершенное отчаяніе отъ этой надежды.

Огорченный до глубины и раздосадованный, онъ бросилъ все и бѣжалъ въ нѣдро дикой природы, которая вступила въ соперничество съ бунтующими душу его мечтами.

Тяжело вздохнулъ молодой человѣкъ, облокотясь на дикую скалу берега. Въ мысляхъ его смѣшались, какъ на прозрачномъ картонѣ китайскаго фонаря, черныя тѣни одна другой мрачнѣе и туманнѣе, пока нечувствительно погрузился онъ въ раздражительное воспоминаніе.

Непримѣтно имъ овладѣваемый, онъ какъ-будто осязательно ощутилъ въ горячей рукѣ своей розово-перстую прекрасную ручку.

Очарованная мысль замерла на этомъ миломъ предметѣ. Она рисовала знакомыя на-персчетъ, пересѣкающія эту блѣдную оболочку сивія жилки, чертила наизусть правильныя линіи остро-конечныхъ пальчиковъ и покрывала ихъ поцѣлуями.

Въ живой памяти его ясно означалась стройная округлость локтя, который, случилось; бывало, принять въ ладонь для оказанія бесполезной помощи впорхнуть по откинутой подложкѣ кареты или сбѣжать съ зыбкой лѣстницы парохода.

Чудное могущество любви! Неодолимая сила, которая расплаляет и тѣснитъ молодое сердце — почему такъ самовластно и непреклонно велитъ она творить законы свои, любить вопреки разсудку, не страшась ни заблужденій, ни обмана, не укрываясь отъ страданій, не отказываясь отъ горечи, отравляющей небесный напитокъ — и почему въ минуты колебанія надъ предстоящимъ выборомъ по неистижимому роковому опредѣленію, сердце всегда одождетъ разумъ и потомъ какъ дитя плачетъ надъ собой.

Заставъ себя на этомъ неотвязчивомъ воспоминаніи, гордый юноша не могъ превозмочь горькаго къ себѣ негодованія.

«Жизнь, — безконечное безуміе! горькая насмѣшка!» произнесъ онъ почти громко въ байроническомъ припадкѣ, осыпая безмолвными укорами легкомысленную виновницу этого тяжкаго распадешя съ собою, и какъ-будто призывая ангеломъ примиренія свѣтлый призракъ Оксаны, онъ снова о ней задумался.

VI.

ПРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Душно стало смущенному сердцу его на этомъ благоуханномъ берегу. Онъ прыгнувъ въ маленькую рыбацью лодочку и сильными взмахомъ весель отчалилъ отъ берега.

Свѣжесть воды и мѣрный музыкальный говоръ почныхъ волнъ успокоили взволнованную кровь правственнаго страдальца и дали какое-то строгое, торжественное направленіе его мыслямъ.

Отрѣшивъ себя отъ земли, тихо колесблемый въ маленькой раковинѣ между бездной воды и неба, онъ весь отдался безотчетному, беспослѣдовательному переливу мечты. «Не обманъ безконечный, не горькое безуміе жизнь!» воскликнулъ онъ въ вдохновенномъ раскаяніи; по безболѣзненъ долженъ быть духъ для вкушенія жизни; со здравостию его ничтожны всѣ условія. Страданіе и наслажденіе есть только дыханіе жизни, это тоже колебаніе волнъ и дуновеніе зѣпра, — это движеніе, безъ котораго остановилась бы и окаменѣла жизнь.... Въ полномъ гармоническомъ аккордѣ съ природой должна совершать свое теченіе жизнь правильная; всякое отступленіе нарушаетъ ее и равно обезображена она, искаженная на искусственныхъ подмосткахъ, какъ отвратительна въ дикомъ звѣроподобіи: тамъ шутовство и кукольные потѣхи, здѣсь помраченіе смыслу и варварство... Одна красота, одинъ разумъ жизни — истина; одна истина — есте-

справедность и эта естественность одна премудрость открытая младенцам!».

«Но что же властенъ сдѣлать я изъ драгоценнаго дара жизни? Незаслуженно бросила меня судьба въ спокойное, привольное лоно, окруживъ зависящими отъ меня собратіями, продолжалъ молодой человѣкъ, съ новымъ одушевленіемъ. «Она ввѣрила ихъ моимъ попеченіямъ; а какую въ силахъ буду я принести имъ пользу? Едва станетъ меня на то, чтобы не искажать и не ломать лучшаго, а исправлять поврежденное, искоренять злое — объ этомъ я не смѣю и подумать; меня самого одолеваетъ страстность и себялюбие; съ жадностью голоднаго волка утоляя себя, стану ли я другимъ предписывать воздержаніе».

«Все сдѣлало для меня общество; въ капль разума моего отразились всѣ лучшія мышленія; понятія мои усвоили опыты вѣковъ, передъ глазами моими раскинуты страницы минувшаго, свѣтильникъ въ рукахъ моихъ для озаренія будущаго; но эти мышленія, это минувшее и будущее возмутило только больное воображеніе, и мракъ ли, который тяготитъ мою голову, прилью я на другія, дѣтскія головы?...

«Грустно! а такъ быстро летитъ жизнь, такъ неуволнно скользитъ каждое мгновеніе, унося съ собою настоящее, которое для насъ не существуетъ потому именно, что оно одно только мгновеніе, которое тотчасъ отодвигается на невидимое отдаленіе. Этотъ мигъ возможно осознать только развѣ острой болью или порывомъ восторгу. Невольно взоръ углубляется впередъ и въ быстромъ бѣгѣ по дорогѣ бытія, спѣша Богъ знаетъ куда, силясь проникнуть невѣдомое, мы создаемъ произвольное и встречаемъ совсѣмъ другое....

«Оглядываясь назадъ, гдѣ живые слѣды наши, гдѣ и тернистый путь и оазисы отдыха и заглушія тропы заблужденій и розы любви — блаженъ взоръ, который можетъ остановиться хоть на одномъ памятникѣ прекраснаго подвига, — этотъ свѣтлый искупитель помирить его съ собою и послужить залогомъ на будущность. Онъ возоіетъ къ нему пророческимъ голосомъ и духъ пробудится отъ тяжкаго усыпленія на этотъ небесный зовъ!...

«Любовь, цвѣтъ души, радость жизни, всеобъемлющій небесный пламень! Какимъ прекраснымъ свѣтильникомъ горитъ онъ въ чистой душѣ, какъ цѣломудренно хранить его безпорочно

сердце! А что же видимъ мы вокругъ? Преступно ругается святыней безуміе и постыдно отдастъ себя на поруганіе!»

VII.

РЕЗУЛЬТАТЪ.

Благія размышленія, — грустные послѣдствія.

Въ одно свѣтлое утро, Оксана проснулася, казалось, безмятежно, съ мирной, безпечной улыбкой окинула взорами окружающіе ее предметы, и вдругъ жарко блеснули глаза ея, и при первой сознательной мысли, вся кровь прихлынула къ сердцу.

Боязливо, тихо приподнялася она, бережно ступила на мягкій коверъ, осторожно задернула дрожащею рукою дамасковый пологъ кровати и украдкой прошла богатыя, озаренныя розовымъ блескомъ утра, комнаты, отворила двери въ садъ, оглянулася и исчезла.

Она торопилась на дикую тропинку ведущую къ ея хатѣ. Сердце ея болѣло невѣдомой болью; и какъ странно болѣло оно: въ младенческомъ невѣдѣніи добра и зла, еще въ чадѣ страстнаго упоенія, она не отдавала себѣ никакого отчета и ощущая глубокую муку, не могла отдѣлать ее отъ сладкой нѣги, которая хранилась еще въ ея чувствахъ. Но неожиданно, живымъ воплощеннымъ укоромъ, сквозь вѣтви густаго кустарника мелькнула ей голова управителя. Такой нестерпимой, злобной улыбкой никогда еще не осклаблялось лицо его, какъ въ эту минуту, когда изъ-за-дани повстрѣчались глаза его съ робкимъ взоромъ дѣвушки. Она вспыхнула жаркимъ заревомъ и скрылась поспѣшно въ низенькую дверь своей хаты.

Значительно покачалъ головою полный цѣломудренной ревности Явъ.

— Подожди, сказалъ онъ себѣ: я знаю, что заберешь ты въ глупую голову! Да, видаль я такихъ на вѣку своемъ; пропашая! ворчалъ онъ въ крайнемъ негодованіи, сдѣлавъ вдругъ цѣлый выводъ неминуемыхъ слѣдствій поступка графа. «Бѣдная твоя голова, Иване! сгнула твоя зарученная; а мнѣ навязалъ Богъ новую пани на сѣдые волосы. Пануй, красотка! пока послужимъ тебѣ правдою, а тамъ уже не прогнѣвись: будетъ тебѣ панство за пьянство! громко произнесъ невыразимымъ тономъ озлобленный Явъ.

Скорбѣло сердце его. Въ душѣ, этой непроходимой безднѣ, въ

душѣ старика таилась глубоко зарытая страсть властолюбія. Онъ былъ одержимъ бѣсомъ любоначалія, и это былъ единственный, но широкій прорывъ его человѣческому себѣлюбію; онъ не могъ выносить понятія о какомъ бы то ни было посягательствѣ на его права, и мысль, что вліяніе Оксаны можетъ противостать его уполномочію, приводила его въ отчаяніе.

Женщина, сушая напасть людямъ! Рядно бѣсовское, что въ нескѣ ткутъ изъ хитростей и коварства! Ветошь негодная, которую крыломъ прошибетъ муха! возопилъ снова ненавистникъ прекраснаго пола Янъ. Хуже морока, если на селѣ заведется красавица. Точно какъ отъ бѣлены дурѣютъ неразумныя головы и не слышишь на нихъ ни управы, ни рады. Кабы добрая власть далась въ руки, такимъ бы снадобьемъ размалевалъ эти маски, что забыли бы онѣ наводить на грѣхъ и бѣду христіанскую душу. И откуда, подумаешь, берется это зелье на свѣтъ? и к чему оно? То ли дѣло какъ уродится весноватая, да горбатая, — глядишь, выйдетъ добрая работница. Нечего ей шататься за околицей, никто не манитъ ее изъ хаты, дѣло горитъ у ней въ рукахъ; а эти лѣбитяйки знаютъ только шановать, да делѣять свои долги косы, а короткій разумъ на всякую дрянъ прочить. Какъ бѣсы заводятъ онѣ да морочатъ и на отбой отбиваютъ ихъ другъ у друга дурни, чтобы потомъ не дождать себѣ покоя. Ужъ кабы мнѣ приснилась за-время эта лхая година, закабалилъ бы я тебя, голубочка, въ такую трущобу, что и соколиное око не отрыло бы тебя».

Такое и подобное раздумье тревожило стараго Яна весь этотъ день; но совсѣмъ не такъ размышлялъ молодой панычъ.

Послѣ сладкаго сна возвратясь къ не менѣе сладкой дѣйствительности, онъ почувствовалъ въ сердцѣ пріятное замираніе, съ которымъ оживилось горячее воспоминаніе.

Чудная, пламенная природа! думалъ молодой человѣкъ, — какъ умѣетъ она ощущать и вдохновлять восторги! Кто училъ ее въ душевной хижинѣ понимать нѣгу страсти? Кто училъ ее отрѣшиться отъ нищеты, грубыхъ заботъ, отъ чернорабочей жизни, въ міръ любви и упоенія, и такъ побѣдно соперничать съ блестящими существами искусственнаго свѣта, съ царницами баловъ? Онѣ исчезаютъ передъ ней, простодушною въ своемъ упоеніи сердца, въ своемъ невѣдѣніи науки, ухищреній, чарованій и соблазновъ, и я не извлеку ее изъ этого мнимаго ничтожества, не нарушу безхитростной ея природы!»

Такъ мечталъ, хоть не знаешь, былъ ли правъ юный фило-

софѣ, и въ духѣ этого понятія онѣ оставлялъ жизнь бѣдной женщины совершать привычный токъ труда и лишеній, поодняя избыткомъ ласкъ своихъ все остальное. Онѣ находилъ въ томъ какое-то жестокое наслажденіе, и Оксана была довольна; съ нетерпѣніемъ ждала она вечерней зари и окончанія работъ, чтобы бѣжать въ пріютную сѣнь любви.

Таинственность, которою окружалъ молодой графъ свою пасторальную интригу, озадачивала Яна; онѣ подозрѣвалъ въ ней какую-нибудь тонкую дипломатику и со всѣхъ сторонъ оглядывая небывалую тайну, молчалъ и до время строго наблюдалъ надъ рачительнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей работницы.

А Оксана, пылкое, неутомимое созданіе, любила красавца-пащыча, не зная ни усталы, ни изнеможенія, любила беззаботно и независимо.

Ни одинъ еще разъ не охладилъ жаркаго чувства ея никакая мысль расчета. Ни одинъ еще разъ не остановилась она ни на какомъ размысленіи и ей не приходило въ голову подумать ни однажды, что дѣлаетъ она и къ чему доведетъ это неразумное дѣло.

Она любила и только любила и жила, какъ-будто на перекоръ порядку жизни, каждымъ мгномъ настоящаго, не заботясь о будущемъ и перезабывъ все прошедшее.

Сердце въ ней цвѣло и жило, а съ нимъ и весь Божій міръ ликовалъ въ глазахъ ея, и не находила она отголоска въ душѣ своей никакому горю.

Сладко и упоительно текло время одиночества и для молодаго человѣка. Онѣ почувствовалъ неспытанное до-сихъ-поръ довольство, пришелъ въ согласіе съ самимъ собою и позабылъ куда и сердечныя и разумныя свои тревоги.

Его не мучила ни ревность—злбный духъ, который отъ вѣка враждуетъ съ свѣтлымъ ангеломъ любви, не надѣдали ему докуки прихотей и требованій и капризовъ. Увѣренность обладанія милымъ сокровищемъ вселяла въ него сладкое спокойствіе.

Нравственныя силы его какъ-будто уснули для рвущейся изъ цѣдръ дѣятельности. Какая-то лѣнь отяготила его, и чуднымъ сномъ позабылся онѣ въ лонѣ всѣхъ красотъ природы.

По временамъ находилъ на него полуартистическія вождегінія. Онѣ бы хотѣлъ, казалось, иногда запѣть дивную пѣсню, на которую бы откликнулось все созданіе; но обладая только поверхностными понятіями, не сосредоточенный ни на одномъ предметѣ, безъ необходимыхъ теоретическихъ свѣдѣній, ни тружен-

ическихъ упражненій, которыхъ требуетъ искусство, онъ ловилъ оторванные звуки своихъ вдохновеній на всѣхъ попадавшихся ему подъ руку струнахъ.

То бросая онъ на бумагу нѣсколько жаркихъ мыслей, то чертилъ, задумавшись, неопытнымъ карандашомъ типическую фигуру Оксаны, драпируя прихотливо мягкія линіи стройныхъ плечъ ея, роскошной груди и высокообразцоваго стана. Эта дѣтская забава переносила его въ пластическій міръ древняго ваянія и волновала, если не совсѣмъ удовлетворительными, то всё же сладкими восторгамъ творчества.

Иногда, въ тихіе сумерки, высокіе своды замка его оглашались громкими, хотя нѣсколько и незаконными звуками фортепиано; но въ длиой музыкѣ этой слышались жизнь и переливы мысли, которые уносили быстро и незамѣтно летучее время.

Такимъ образомъ въ промежуткахъ поцѣлуевъ своей Форнарины, молодой человѣкъ пользовался контрабандными бенефисами искусства, хотя бы могъ имѣть на то святое право, получивъ богатые задатки отъ природы.

Но Богъ знаетъ, какъ и для чего шелъ онъ какъ-будто съ намѣреніемъ на-перекоръ благороднымъ инстинктамъ своимъ и великодушнымъ рвеніямъ.

Много думалъ онъ, много мечталъ, говорилъ еще больше, и какъ-будто истощилась вся его дѣятельность и сила.

Онъ сознавалъ въ себѣ готовность и рѣшимость выступить съ открытымъ челомъ на бурю жизни и на подвиги добра; но, какъ избѣженный ребенокъ, оставался глядѣть изъ-за рѣшетчатыхъ рамъ на вихрь погоды, и пуховыхъ ланитъ его не касался студеный воздухъ.

Врожденная благость сердца и голосъ духа вызывали его на самопожертваніе и безпрестанно увлекался онъ вспышками эгонстическихъ порывовъ, за которыми слѣдовали всѣ муки бесплоднаго и бессильнаго раскаянія.

Въ лучшія минуты свои, когда духъ окрѣляется и возносится надъ тяжестью праха, онъ падалъ, чувствуя себя затянутымъ и связаннымъ.

Откуда такой раздоръ съ собою въ юномъ, счастливо созданномъ твореніи? Бозрѣваніе ли то души человѣческой, долженствующей пройти чрезъ мытарство сомнѣній и разногласій; или это тлетворная плѣсень нарушенія, которая вкрадывается въ сердце и постепенно распространяясь, уничтожаетъ его совершенно.

Но чувствовалъ однако же раздора счастливецъ. Много страст-

ныхъ мгновеній слились для него въ одно мгновеніе, отъ котораго въ памяти его не отдѣлилось ни одно лобзаніе.

Такъ проходитъ все сливаясь за нами въ сплошную синюю даль и все невидимѣе отходитъ горизонтъ, пока вовсе не исчезнетъ изъ глазъ.

Такъ и каждый день расцвѣтаетъ и меркнетъ въ жизни, каждое мгновеніе наступаетъ и минуетъ по своему опредѣленію; но минуетъ незамѣченное и проходитъ непрожитое. Душа по силѣ воспримчивости усваиваетъ только впечатлѣнія, которыми поражаетъ ее на дорогѣ жизнь и которыя даютъ цвѣтъ и образъ существу нашему. Не диво, если сильный урокъ судьбы, безпощадное горе или трепетная радость останутся для насъ незабвенными; но бываетъ, что незначительное, повидимому пустое обстоятельство такъ звучно, такъ стройно совпадаетъ съ нами, что оно врѣзывается неизгладимо въ сердце.

Изъ этой страстной эпохи и творческихъ восторговъ, сохранились заветными въ воспоминаніи юноши нѣсколько тихихъ часовъ.

Домго помнилъ онъ одни сумерки, когда сидѣлъ на каменьяхъ, покрытыхъ мхомъ и проросшихъ кустарникомъ ступеняхъ одного оставленнаго крыльца у стараго флигеля дому.

Этотъ заглохшій уголокъ двора, казалось одинъ уцѣлѣлъ отъ бдительной опеки Яна. Безнаказанно покрывала стѣну зданія изумрудная ржа. Какой-то цвѣточекъ нашелъ себѣ приютъ на гипсовомъ карнизѣ, въ забытыхъ пылью трещинахъ камня водворились кусты серебристаго тополя.

Тѣсно обступила вокругъ это покинутое жилище густо разросшаяся, темная зелень, заслонившая вѣтвистымъ куполомъ небо и прорывшая землю безобразно выступающими на поверхность лапами корней.

Облокотясь на ветхія перилы, молодой человекъ любовался догорающими лучами солнца, которые золотою сѣтью прокрадывались въ это таинственное убѣжище.

Постепенно стихалъ отдаленный шумъ рабочаго дня, и самая природа, какъ-будто собираясь на покой, умолкла для вечерней молитвы. Едва плескала дремлющая въ отдаленіи волна, едва колыхались вѣтви деревьевъ, и въ воздухѣ, казалось, остановилось движеніе.

Вдохновительна и торжественна тишина этихъ полуденныхъ ночей! назидательна ихъ таинственность! Какъ люблю я въ эти ночи молиться о душахъ усопшихъ.... Миѣ кажется, что мыши

тѣни ихъ слетаются тогда невидимыя на жаркій зовъ моего сердца и витають надо мной, улыбаясь тоскѣ моеѣ и осѣняя меня своими воздушными крылами!

Безсознательно погрузился юноша въ эту назидательную тишину. Всѣ тревоженія незрѣлаго духа умолкли въ это чудное мгновеніе. Какъ въ гладкомъ зеркалѣ моря отразилось въ его душѣ тихое небо и цвѣтушій берегъ.

Долго помнилъ онъ этотъ вечеръ, хоть не означался онъ ничѣмъ памятнымъ. Помнилъ также онъ одно праздничное утро, когда раскинувшись довольнымъ судьбою сибаритомъ, онъ лѣниво ласкалъ пріютившуюся у ногъ его красавицу.

Мысленно улыбался онъ долгому безмолвному вниманію этого дикаго дѣтища степей, съ которымъ разсматривало оно, на сложеномъ узорѣ стариннаго ліонскаго атласа, группы нимфъ и амуровъ, треножниковъ и лиръ, перепутанныхъ затѣйливыми крочками рококо.

« Милый ребенокъ! подумалъ юноша. Желалъ бы я знать, какой толкъ выводишь ты въ дѣтской головѣ твоеѣ изъ этого страннаго сочетанія. Тебя не переноситъ оно въ далекую чуждую землю, откуда завезена сюда эта знаменательная роскошь; она не оживляетъ передъ тобою этой неустовой эпохи пудры и разарата и судьбы цѣлаго общества, которое, подобно обезсиленному старику, искало въ безобразіи и цинизмѣ возбужденія безвременной хилости. Ты не поймешь, какъ самое то чувство, которому предаешься ты въ простотѣ младенческаго сердца, могло дойти до такого помраченія смыслу. Не воскресаютъ передъ тобою послѣдовательно тѣ перевороты и потрясенія, отъ которыхъ содрогается сердце. Ты не знаешь, какъ великая любовь — религія, угасла тамъ на священныхъ алтаряхъ, гдѣ горѣли небеснымъ огнемъ и живымъ вдохновеніемъ души; какъ эти алтари замѣнились подмостками анатомическихъ театровъ, на которыхъ вѣра, какъ мертвый трупъ, разсѣкалась ножомъ философа ».

« А искусство, — эта дивная пѣсня, этотъ пламенный гимнъ? И они давно умолкли въ эфирѣ; а вмѣсто ихъ застучали колеса машинъ и за клубился дымъ пароходовъ.... О, пусть этотъ горькій смыслъ останется тебѣ непонятенъ! »....

Юноша разсуждалъ, не замѣчая, что это былъ первый мигъ охлажденія къ прекрасной Оксанѣ; но вскорѣ почувствовалъ онъ это горькое сознаніе.

Въ темную свѣжую ночь, блещущую вѣнцомъ алмазныхъ звѣздъ, онъ оставался за-полночь на западной террасѣ дому, по-

коя на колѣняхъ убранныю махровыми астрами голову идилической подруги своей. Этотъ послѣдній цвѣтокъ осени распространялъ смолистый запахъ, который иѣжилъ обоняніе молодого человѣка; но безсильное раздраженіе не волновало спокойной крови его. Равнодушно, безчувственно смотрѣлъ онъ на полусонную дѣвушку съ невнятнымъ упрекомъ совѣсти, который тѣснилъ его душу, и съ тяжкимъ сожалѣніемъ.

Мрачному расположенію духа его вторили приличные звуки—шелестъ крылъ уродливыхъ мотыльковъ ночи—летучихъ мышей, которыя съ быстрого разгона ударялись о бѣлую стѣну зданія.

VIII.

НЕЖДАНЫЯ ВѢСТИ.

Прошло много времени, даже столько времени, что зеленые всходы пшеницы стали, по утрамъ, осыпаться блестками инея и каминъ большого кабинета дохнулъ сплнимъ дымомъ каменнаго угля.

Наступила поздняя осень и потянула за собой длинныя скучныя вечера, смѣняемые еще скучнѣйшими сѣренькими деньками, которые при всей короткости своей переступали такъ медленно, что каждый изъ нихъ какъ-будто хотѣлъ быть вѣчнымъ.

Мало-по-малу молодому человѣку стало опутительно однообразіе этой пастушеской жизни. Онъ, казалось, былъ еще очень доволенъ и счастливъ, и уже начиналъ чувствовать безотчетное томленіе. Онъ упивался еще своимъ новымъ блаженствомъ и его уже стала распалать другая жажда.

Нетерпѣливѣе началъ ожидать онъ, отъ скуки, полученія журналовъ и съ жадностью читалъ запоздалыя новости свѣта, отъ котораго отрекся въ своемъ уединеніи.

Газетная политика—эта грандіозная сплетня, является въ помѣщичьихъ кабинетахъ почетной, чопорной гостьюей, заботитъ головы сельскихъ дипломатовъ и наполняетъ ихъ долгіе досуги.

Бывало удивлялся онъ огромному количеству выписываемыхъ, для покойнаго графа, этихъ разнородныхъ и разнovidныхъ вѣстовщицъ, которыя, какъ-будто соперничествуя другъ передъ другомъ, щеголяли объемомъ громадныхъ листовъ и дробью мелкой печати. Теперь онъ подвиглся бы самъ, если бы обратилъ вниманіе на массу имъ прочитываемаго.

Вскрывая однажды разные пакеты полученной почты, онъ

едва не уронилъ въ пылающій камень розовое шлемцо, при видѣ котораго сердце его затрепетало:

« Ты жестокъ, непреклонный другъ, жестокъ до безобразія, было писано на раздушеномъ листочкѣ, ты растерзалъ меня и торжествуешь. Радуйся прекрасному подвигу; посмотри на меня. Я пишу тебѣ передъ зеркаломъ моего туалета, въ которомъ уже не то веселое, смѣшливое лицо, которое нравилось тебѣ живописью и надоѣдало кокетствомъ. Передо мной измученная блѣдная женщина. Теперь кокетка влюблена; она рыдаетъ и проситъ примиренія.... Не испытывай меня болѣе, ты меня погубишь. Я не умѣю анатомить сердца; опытъ жизни еще не тяготитъ его; но инстинктивно понимаю я, что разлука та же смерть; что рано или поздно чувство изнеможетъ для отсутствующаго предмета, что жизнь возьметъ свое, она закружитъ и увлечетъ своимъ быстрымъ потокомъ, и хорошо, если въ суетахъ и разбѣганіи, если въ новыхъ пристрастіяхъ возможно трагитъ себя до ничтожества. Но если нарушенная, поруганная святыня останется жить въ больномъ сердцѣ; если привычная мысль будетъ, вопреки всему на свѣтѣ, непрерывно воскрешать бывшее, вскрывать могилу, гдѣ обезображенный мертвецъ.... Тогда это можно будетъ сравнить развѣ съ отверженіемъ Канны,— и чѣмъ тогда заглушить несмолкаемое проклятіе? Спаси меня! Вглянись, какой чистый, святой ликъ молить тебя, какой жаркій вопль звучитъ передъ тобою.... Я не приношу тебѣ никакого раскаянія; въ эту минуту я не помню и не знаю прошедшаго. Я вся сосредоточена въ этомъ пламенномъ мгновеніи любви. *« Я твоя, спаси меня. »* Я отягощаю собою твою совѣсть. »

Молодой графъ взумился, читая эти строки.

Старый индѣйскій стихъ говорить: « Жди всего, чтобы ничему не дивиться ». Графъ зналъ этотъ стихъ и даже обладалъ на этотъ счетъ многими практическими свѣдѣніями; но въ эту минуту онъ не могъ прийти въ себя отъ изумленія.

— Откуда взялась такая страсть, такое страданіе, такое страшное предвидѣніе въ этомъ пустомъ, легкомысленномъ созданіи? Онъ задумался поникнувъ головою, и Богъ знаетъ какихъ мыслей не перешло въ этотъ день черезъ его сердце.

Плѣнительное существо писало эти вопли на разсвѣтѣ послѣ одной изъ тѣхъ ночей, которыми не начинаются еще забавы бальной эпохи года.

• Въ ту ночь, въ домѣ присяжнаго увеселителя публички, да-

шался тоскливый раутъ для слетѣвшихся изъ дальнихъ дѣдовскихъ дворцовъ предвѣстницъ скрыпокъ и морозовъ.

Избранные и званые повлеклись туда на гдворъ сплетень, на журтаніе свѣтской болтовни, на разыгрываніе сценъ въ видѣ водевальныхъ отрывковъ, гдѣ острое слово, условный нарядъ и кстата пригнанный куплетець составляютъ всю великую сущность дѣла.

Какъ слѣдуетъ чинно и скучно отходила служба этого вечера. Во всѣхъ углахъ гостиной отправлялись десять тысячъ церемоній (не тѣхъ китайскихъ, освященныхъ вѣками и принявшихъ видъ заветныхъ обрядовъ, трудныхъ и тягостныхъ, какъ всякая чинность, но по-крайней-мѣрѣ вѣчныхъ), а завозимыхъ съ каждымъ паруходомъ вмѣстѣ съ картинками модъ, непрерывно измѣняемыхъ, ни на чемъ не основанныхъ, ничего не значущихъ, не служащихъ даже, подобно частому преобразованію покрововъ, къ процвѣтанію промышленности и торговли, или къ такъ-называемому удобству, которое заставляеть: *«заводить особыя орудія для застегиванія перчатокъ, и другія для починки орудій для застегиванія перчатокъ.»*

Не тароватая, хлѣбосольная хозяйка, а какая-то разсѣянная героиня скиталась по комнатамъ, едва обращая изученное вниманіе на гостей своихъ и замѣчая между-тѣмъ всякую мелочь и ничтожность, къ которымъ послѣ съ важностью и одушевленіемъ будутъ дѣлаться комментаріи и толки на погибель своихъ искренихъ.

Вокругъ уставленныхъ всякаго роду лампами столовъ, заваленныхъ литографіями, кнпсеками и альбомами, толпились молодыя дѣвушки, не тѣ круглолицыя, румяныя красавицы взлетѣныя нянями и подружками, а изуренныя съ малолѣтства гувернантскою муштрою и Богъ знаетъ какими науками, которыхъ впоследствии не дощешься и слѣдовъ. Больше или меньше искусныя актрисы, онѣ разыгрывали, по собственному выбору и способности, роли чистыхъ голубицъ или парижскихъ грязетокъ.

Нѣсколько широкоплечихъ дѣтний, стѣснивъ богатырскую грудь узкимъ фракомъ и разваливъ на мягкихъ диванахъ подлѣ модныхъ львицъ, щеголяющъ видимымъ соревнованіемъ, займствованною наглостью и зѣвали по общему недугу скуки и незнанія, зачѣмъ пришли они на свѣтъ Божій дышать воздухомъ, жариться на солнцѣ и мерзнуть на морозѣ.

Нѣсколько стариковъ, тѣхъ самыхъ, когда-то молодыхъ, но

теперь сѣдовласыхъ франтовъ, тосковали за ломберными столами о привычной партіи своей въ англійскомъ клубѣ, послѣднемъ поприщѣ, гдѣ славно или безславно кончается замѣчательная карьера этого лица.

Нѣсколько добившихся условной значительности сановниковъ чопорно расхаживали съ своими круглыми, плоскими и пернатыми шляпами.

Нѣсколько самостоятельныхъ свѣтилъ разливали свое сіяніе, освѣщая толпившихся вокругъ спутниковъ.

Нѣсколько *бобовыхъ халифовъ*, ликующихъ собственное торжество, возносимыхъ посторонними руками, гордо возвышались, не страшась неминуемаго низверженія.

Вдали отъ этого маскарада, въ искусственномъ боскетѣ, населенномъ растеніями всѣхъ странъ и климатовъ, сокрытая отъ общества столѣтнимъ кактусомъ, лежала уединенная на бархатной отоманкѣ красавица.

Она какъ-будто устала, приклонилась хорошенькой головкой къ пунсовой подушкѣ и густые локоны золотили ее лицо и выраженіе неудовольствія и тоски.

Ей было скучно, ей надоѣли всѣ, и сама себѣ она была въ тягость.

Но кто же была эта красавица; какъ назвать и опредѣлить ее и къ какому классу милыхъ тварей Божіихъ ее причислить?

Чудно сотворевъ поднебесный міръ: отъ солнца сіяющаго въ тверди до малѣйшей букашки на землѣ, какая непостижимая, нескерпаемая, нескончаемая цѣпь создапія, какая непроходимая глубь для наблюденія, безконечная святая книга, которую читаешь и не начитаешься до смерти!

Чудно созданы люди! И отъ вдохновеннаго пророка, пропикающаго откровенною мыслью тайлы неба, до звѣроподобнаго дикаря, какой разнообразный, противорѣчащій, несчастный рядъ существъ, такого различнаго, несходнаго свойства, что кажется это вовсе не однородныя твари Господни, пришедшія отъ одного человѣка, созданныя изъ одинаковой персти.

Не говоря о разныхъ племенахъ и поколѣніяхъ, о разныхъ народахъ зависящихъ отъ климата, отъ страны, отъ мѣстныхъ элементовъ и условій, но въ нашемъ необширномъ, уровненномъ, сглаженномъ кругу, подведенномъ подъ одну мѣрку, вскормленномъ одною пищею, взрожденномъ одними наставниками, какіе разительные типы!

Поставьте въ рядъ нѣсколько самыхъ пошлыхъ, самыхъ еже-

дневныхъ лицъ, которыхъ общество классируетъ и отмѣчаетъ особенною униформою, и всмотритесь, какія несходныя свойства и судьбы ихъ, какъ иначе глядятъ они, живутъ, думаютъ, дышатъ, какія это непохожіе, не родные братья съ братомъ людьми.....

Вотъ передъ вами накрахмаленный денди, котораго такъ и хочется огрѣть его же хлыстикомъ, чтобы возбудить въ немъ другое чувство, кромѣ закоренѣлой глупости.

Вотъ школьный товарищъ его, юный мыслитель, шаткій послѣдователь новыхъ системъ, туманный жрецъ новыхъ ученій.

Вотъ молодой бѣднякъ-чиновникъ и старикъ-соелуживецъ; онъ лицо столько разъ описанное, трогательное и темное.

Вотъ столичные тузы, которые толкуютъ цѣлое утро о сегодняшней стерляжьей ухѣ въ клубѣ; тузы, «*которые живутъ и умираютъ*».

Вотъ золотые мѣшки, которымъ воздаются поклоненія, произвольныя и совершенно непостижимыя.

Вотъ великіе и малые земли, довольные и недовольные. Но есть ли возможность пазвать всѣхъ по имени?

И всѣ эти, разныхъ мастей фигуры ташутся по условнымъ законамъ и разынгрываютъ игру, которая Богъ знаетъ когда и чѣмъ кончится.

Что сказать о женщинахъ? Среди милыхъ и немилыхъ, среди прекрасныхъ и не прекрасныхъ, среди умныхъ и неразумныхъ отдѣляется существо живое, юное, неотразимое, плѣнительное, сводящее съ ума, влекущее въ огонь и воду, чистое исчадіе общества, существо искусственное, созданное не природою, а чело-вѣкомъ (хоть это безъ-сомнѣнія самое граціозное и самое очаровательное его созданіе). Этому существу у насъ на Руси нѣтъ названія, не у насъ родилось оно, и гдѣ было ему возникнуть въ нашемъ сельскомъ мірѣ, въ нашей сѣверной, суровой, разумной природѣ? оно завезено къ намъ съ другими иноземными рокошами и на иностранномъ просторѣчій зовется *кокеткой*.

При одномъ имени этомъ, брови хмурятся, негодованіе выстываетъ горечью на языкѣ и слышится ропотъ и проклятіе.

Но за что же? спросить она; развѣ не знаетъ каждый, что есть сильный лукавый демонъ, отъ котораго не легко оградить себя; что есть такой ядъ, который вкрадывается въ сердце чело-вѣка и разомъ обнимаетъ и воспаляетъ все существо его; что этотъ демонъ и ядъ — *самолубіе*.

А какое открытое, широкое поле ему для всякаго завоевателя?

Чѣмъ виновнѣе она возсѣдшаго на торжественной колесницѣ властолюбца, за которымъ рѣки крови, страшная гряда обезображенныхъ труповъ и вопль издыханія; но передъ нимъ дары и никто не спрашиваетъ, какое облегченіе принесетъ его бремя.

Чѣмъ виновнѣе безкорыстное кокетство ребенка, и какъ-будто всё не кокетничаютъ чѣмъ-нибудь въ жизни и не промышляютъ по силѣ и способности нужное и не нужное расположеніе людей?

За что нападки на прекрасное, обаятельное созданіе, которое рождено уже такъ, чтобы всё восхищались имъ прежде даже, нежели она объ этомъ подумаетъ?

Не наслажденіе ли смотрѣть съ какимъ глубокимъ искусствомъ воспользовалась она дарами природы, какъ разумно играетъ тончайшими фибрами сердца, какъ-будто сложными звуками оркестра, гдѣ каждая нота на своемъ мѣстѣ, каждый топъ звучитъ полнымъ звукомъ.

Внимательнымъ ухомъ слушаетъ милый маэстро эту дивную гармонию, составленную изъ тмы гармоній, этотъ стройный аккордъ изъ тмы аккордовъ, то страстныхъ, то игривыхъ, то нѣжныхъ, то печальныхъ.

И эти разнородные, противоположные звуки сливаются для него въ одну роскошную, восхитительную мелодію. Сотня артистовъ однимъ слитнымъ голодомъ исполняютъ ей обширную музыкальную поэму и въ этой поэмѣ всё голоса человѣческихъ страстей.

Тутъ и упрекъ любви и вопль муки и глухой стонъ ревности и серебряный звонкій смѣхъ и плачь бѣшенства, все входитъ въ составъ этого дивнаго цѣлага: и веселая пѣсня и тяжелое рыданіе, и сладкое слово вѣры и вздохъ подавительнаго сомнѣнія, и звукъ поцѣлуя и шипѣніе клеветы, и улыбка надежды и жало насмѣшки, и слезы радости и скрежетъ зубовъ, и восторгъ и проклятіе.

И что еще? И гулъ тихой размовки и возвышающая голосъ ссора, и звукъ ударяющаго въ пистолетъ шомпола, и бряцаніе двухъ сабель и стонъ умирающаго, все нужно, все годится...

Все это сочетается въ одну грандіозную рѣчь и дополняетъ окончательный эффектъ. Каждая слабая нота и каждый рѣзкій звукъ одинаково драгоцененъ и важенъ для этой великой ораторіи.

Легко ли править такимъ огромнымъ оркестромъ? Какимъ тонкимъ слухомъ, изощреннымъ чутьемъ, долженъ обладать пред-

водящий, и нельзя приниматься за это дѣло безъ призванія и страсти къ своему предмету; а когда движеть страсть, гдѣ же границы, и кто будетъ отвѣчать за послѣдствія.

Но все имѣеть свои минуты успокоенія, всякая страсть, всякое увлеченіе можетъ дойти до временнаго пресыщенія: великій художникъ испытываетъ безсиліе, широко-крылый орелъ спускается изъ-за облачныхъ предѣловъ, а бѣдный утомленный человѣкъ падаетъ въ изнеможеніи; имъ овладѣваетъ болѣзненная тоска, какъ-будто нравственное несвареніе, ему нездоровится и все принимаетъ въ глазахъ его мертвый, уродливый видъ.

Настаетъ отвращеніе отъ собственныхъ дѣлъ: и въ какой игрѣ страстей не постигнетъ этотъ недугъ? Куда бѣжать съ нимъ? въ дикую глушь, въ непроходимую тущобу, гдѣ нѣтъ слѣда человѣческаго? И тамъ томительно начнутъ качаться въ воздухѣ вершины темныхъ сосенъ, душные стволы ихъ заскряпятъ погребальную пѣснь, атмосфера сгустится, безнадежность и охлажденіе стѣснятъ сердце!

И у роднаго очага, въ кругу милыхъ близкихъ, становится тогда тѣсно и душно, и бросаешь бы ихъ всѣхъ, толкнулъ бы больно лижущаго ноги добраго пса и пошелъ бы, пошелъ не оглядываясь и не останавливаясь ни на минуту.

Такое черное облако набѣжало на прекрасное чело уединившейся женщины, хорошенькой, избалованной, кокетливой и очаровательной.

Въ первый разъ въ жизни почувствовала она пустоту собственного сердца и всю ничтожность владычества своего надъ этой покорной толпою.

Для чего хлопотала она и что ей отъ этихъ обожаній?

Сегодня несказанно надоѣли ей и этотъ влюбленный отрокъ и этотъ неотвязчивый старикъ и преслѣдовавшій ее какъ тѣнь весь вечеръ безмолвный лордъ и тотъ болтливый путешественникъ.

Какія у нихъ нелѣпыя, странныя претензіи. Всѣ бредятъ незаслуженными Богъ знаетъ какими правами, и скучно и глупо толковать имъ всякую минуту, что если сами они этого не знаютъ, то тѣмъ хуже для нихъ.

Глубоко вздохнула красавица, слезка негодованія блеснула на темной рѣсницѣ ея, она быстро вскочила съ своего мѣста, порхнула въ переднюю. Пушистая шуба обняла это зѣрное созданіе и легкая карета мигомъ примчала ее домой.

На лестницѣ, швейцаръ получилъ выговоръ, нѣсколько этаже-рокъ потерпѣли на пути ея маленькое крушеніе и горничная выдержала эффектный штурмъ ея ребячяго гнѣву.

— Ступай прочь и оставь меня въ покоѣ! было сказано въ заключеніе.

Закутанная въ атласную на лебяжемъ пуху мантилю, она кинулась въ покойныя, стоявшія передъ зеркаломъ туалета ея кресла. Пунсовая, на золотѣ туфля ея свалилась съ маленькой ноги и босая ножка скользнула на холодный паркетъ.

Вправду не думала о себѣ въ эту минуту красавица; но привычка непрерывно заниматься собою, присоединенная къ граціозности природы, дѣлала всякое движеніе ея живописно-пльнительнымъ. Какъ прекрасна была милая капризница, бросивъ такимъ образомъ хорошенькую особу свою съ досадою и утомленіемъ.

Неумышленно, полна тяжкаго раздумья, взглянула она въ зеркало и удивилась выраженію мѹки на лицѣ своемъ.

Еще не страдало дитя въ легкой, усыпанной цвѣтами жизни своей, и хоть случалось ей прикидываться порою и грустной и страдающей, и прическа эта шла ей даже очень къ лицу; но, вправду, всегда была она такъ разбѣянна, такъ занята своими хлопотами, такъ довольна собою, что трудно согласовалась печальная роль съ ея свѣтлой и легкой природой.

Истинное страданіе искажаетъ черты и кладетъ печать мертваго облика, не всегда безобразнаго, какъ самый ликъ смерти, но отъ котораго всё же содрогается сердце.

Душа запыла въ ней, и впервые потребность утѣшительнаго, улаждающаго чувства стѣснила сердце ея къ собственному ея изумленію.

Непосредственно пришли ей на память выслушиваемыя когда-то разбѣянно и бессознательно длинныя теоріи любви, и тотъ, кто чаще всѣхъ и всѣхъ увлекательнѣе губилъ для того напрасныя убѣжденія.

Въ прекрасной головѣ ея мгновенно и внезапно произошелъ кризисъ, подобный тому, послѣ котораго ученикъ вдругъ обнимаетъ и усваиваетъ весь духъ проходимой съ трудомъ и терпѣніемъ темной и сложной науки: что было до-сихъ-поръ туманно и недоступно, разомъ дѣлается ясно, принимаетъ образъ и предстать во всемъ сіяніи истины.

Но истина, для которой прерѣли глаза этой женщины, узави-

ла ее пустое, лживое сердце. Бѣднѣйка замерла отъ стыда и страху.

Что случилось съ ней въ эту минуту, трудно дать объ этомъ понятіе и невозможно объяснить это каждому.

Въ одномъ существующемъ, извѣстномъ семействѣ хранится мистическое преданіе, которое имѣетъ нѣкоторую аналогію съ этимъ положеніемъ.

Говорятъ, что одна значительная въ обществѣ женщина, прожившая много суетныхъ лѣтъ въ омутѣ свѣта, умерла послѣ внезапной первой болѣзни; но эта смерть была только продолжительный летаргическій сонъ, во время котораго ей представилось страшное видѣніе.

Духовное существо ея легкою, тонкою тѣнью отдѣлилось отъ безжизненнаго тѣла и удержало психическія способности чело-вѣка и мышленіе и чувство; она съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣла на себя, лежащую на столѣ среди свѣчъ и куреній и на все окружающее.

Она обоняла нестерпимое гніеніе и смрадъ; слѣды страстей и пороковъ безобразили въ глазахъ ея собственный образъ. Атмосфера наполнялась роями гадкихъ атомовъ, адское пламя горѣло и вырывалось изъ груди тѣхъ, которые суетились тутъ вокругъ гроба.

Непостижимо и ужасно такое видѣніе! Но бѣдная живая красавица ощущала что-то близкое этому страшному сну.

Возвысившись, неестественно, надъ собою, съ содроганіемъ заглянула она внутрь себя; минувшее полно обмана и неправды: легкомысліе до безумія, самолюбіе до неистовства, искаженіе жизни, искаженіе сердца.... и все, все, о чемъ она не думала никогда отъ-роду, олицетворилось передъ ней страшными угрызениями и гремѣло и оглушало проклятіями.

Она закрыла лицо руками и зарыдала надъ собою впервые горькимъ плачемъ.... Но силы ея вскорѣ истощились; не долго могла она отдавать себя этой искупительной мукѣ. Природа ея была слишкомъ брэнна, слишкомъ легко настроена. Ей невозможно было кинуть въ глубь огорченія, найти жестокое удовлетвореніе въ томъ, чтобы растерзать и въ прахъ разбить больное сердце и капля по каплѣ медленно вкусить весь ядъ, который сжигаетъ нѣдра. Непродолжительный пароксизмъ и такъ едва не убилъ ее.

Нежданымъ, добрымъ утѣшителемъ мысль о забытомъ, да-

лекомъ другъ взошла въ ея душу. Ей представилась возможность любить, такъ, какъ снилось ему когда-то и какъ читала она въ романахъ.

Съ восторгомъ и неиспытаннымъ до-сихъ-поръ увлеченіемъ она схватила попавшійся подъ-руку розовый листокъ и сбросила на него весь пылъ раскаянія, весь ужасъ продолженія этой пустой жизни, весь пламень этого мгновенія... Но сложивъ конвертъ и натиснувъ на сургучъ кабалистическій знакъ своего перстия, она кончила подвигъ, сдѣлала все возможное, истощила послѣднія силы.....

Опрокинувъ голову на подушку стула, она, какъ ребенокъ послѣ изнурительныхъ слезъ, заснула крѣпкимъ восстанавливающимъ сномъ.

IX.

ЧЕГО НЕ ВЫДУМАЕТЪ ЖЕНЩИНА, КОГДА ЕЙ СКУЧНО.

Проснувшись за-полдень, она смутно помнила что-то похожее на припадокъ лихорадки, отъ котораго осталась ей только головная боль, да туманное понятіе о томъ, что она писала ему и звала его.

Для чего сдѣлала она это, ей не было еще возможности отдать себѣ яснаго отчету.

Говорятъ, что человѣкъ зависитъ отъ всѣхъ вліяній на его раздражительные нервы, что онъ рабъ этихъ вліяній и что они движутъ имъ по произволу, какъ вещь совершенно неразумною. Такъ было съ красавицей въ эту ночь, такъ и теперь проснулась она подлѣ другимъ вліяніемъ несносной головной боли, которая располагала ее къ безотчетному неудовольствію и досадѣ.

При такихъ непріязненныхъ обстоятельствахъ, всякій пойметъ, какъ дурно началось утро молодой женщины.

Она лежала еще въ постелѣ, ей не хотѣлось вставать и начинать длинную нить глупаго дня, которая допрядется непременно до еще глупѣйшаго вечера.... И такимъ образомъ, не умѣя и вовсе не забавиѣ наступить однообразная, вѣчно повторяемая зима со всѣмъ своимъ безсмысліемъ, которое надоѣло ей и которое давно пора перемѣнить на что-нибудь другое.

Но на что же перемѣнить, скажите?

Бѣжать за границу? Да развѣ въ Парижѣ и Лондонѣ не то же что въ Петербургѣ и развѣ вездѣ не одно всё и то же: тѣ же люди, тѣ же балы, та же зима?

Куда дѣвать себя, какъ избавиться отъ этой преслѣдующей зимы, отъ поклонниковъ, отъ скуки, отъ нлясокъ и морозовъ?

«Чего не выдумасть женщина, когда ей скучно!»

Вдругъ остановилась она и сердце забилось въ ней отъ блеснувшей мгновенно мысли.

Разомъ освѣжилось голова ея, скорѣй чѣмъ отъ самаго быстрого гомеопатическаго приему.

На вопросъ, куда бѣжать отъ баловъ и стужи, явился внезапно, хоть впрочемъ совершенно послѣдовательно, логическій отвѣтъ: бѣжать отъ стужи къ теплу, отъ суеты туда, гдѣ же гремятъ вальсы Штрауса и Ланнера и гдѣ вѣчно цвѣтутъ померанцы,—бѣжать, разумѣется, на востокъ....

На востокъ!.....

И мигомъ раскпнулся передъ глазами ея синій покровъ южнаго неба, засверкали вдали минареты, отраженные въ великомъ зеркалѣ Босфора, запестрѣли на кладбищахъ подъ сѣнію кипарисовъ и тополей яркія одежды.....

А тамъ дальше,—чистыя, круглыя ливніи византійскихъ храмовъ, и каменные громады стѣнъ затканныя и заснованныя, какъ паутиной, живой вьющейся зеленью.

А еще дальше,—темныя массы горъ, покрытыя снѣгомъ цвѣтущихъ бѣлыхъ розъ. У подошвы горъ свѣтлые ручьи и морные бассейны....

Востокъ, востокъ! страна лѣни и роскоши, страна благовоній и опиумовъ!.....

Черезъ часъ послѣ этого восклицанія, прекрасная мечтательница сидѣла близъ толстаго и важнаго государственнаго лица, которое съ оффиціальною учтивостью давно уже ожидало ее къ обычному семейному завтраку.

Надъ позабытой чашкой ароматнаго чаю задумалась красавица, перекидывая страницы великолѣпныхъ кипсековъ, гдѣ отчетливая англійская гравировка передавала мертвые образы жаркихъ картинъ Греціи.

Черезъ часъ еще ликъ великолѣпнаго Албанца рѣшилъ дѣло и ровно черезъ пятнадцать дней пушка одесскаго порта повѣстала городу, что стрѣлка хронометра коснулась полуночи и что отплыла отъ пристани въ Константинополь адмиральская яхта

Э..... подъ командою капитанъ-лейтенанта С..... съ пассажирами и денешами.

Неужели назовутъ блажью ребенка эту геройскую рѣшимость, эту милую фантазію и неужели при малѣйшей возможности кто-нибудь отказался бы сдѣлать то же?

Востокъ — страна поэзіи и созерцанія, страна нѣги и упоеній! страна вдохновенія и хмѣлю!

Не тяжелаго хмѣлю отъ пуншу и грогу, не шумнаго и бунтующаго отъ искрометныхъ винъ запада, не нашего разгульнаго хмѣлю, — а восторженнаго, возносящаго въ девятое небо — хмѣлю восточнаго, трикратнаго хмѣлю кальяна, кофе и опиуму.

Востокъ! страна дивановъ и мягкихъ ковровъ, страна кашмировъ и жемчугу, золота и черноокихъ хурій!....

Туда ли не повлечетъ сердце жаждущее или праздное, тамъ ли не уврачуется недугъ скуки и пресыщенія?....

Востокъ — страна солнца и рая, вѣчно-цвѣтущаго лѣта и ароматныхъ ночей!....

Когда мѣсяць серебрить миртовыя рощи и сладкій шопоть листьевъ умолкаетъ, какъ-будто для того, чтобъ звучали поцѣлуи и раздавались страстные вопли вдругъ прерываемые молчаніемъ, которое наводитъ думу и трепеть!....

Востокъ, магическое, великое слово!....

Но оно не имѣетъ полного отголоску въ кружевной душѣ путешественницы.

Раздражительная атмосфера не клонитъ къ раздражительному мечтанію.

Религія и прелесть природы еще недоступна ея разсѣянному сердцу.

Она сидитъ въ уставленной цвѣтами, построенной изъ массивнаго палисандра, каютѣ и прислушиваясь къ гармоническому перекату волнъ, которыя ласково колышатъ плывучій теремъ, играетъ съ маленькимъ безобразнымъ Жюкд, дразнитъ заключеннаго въ бронзовую кѣтку попугая и бросаетъ повремениамъ кокетливыя взгляды на молодаго человѣка, задумчиво сидящаго передъ нею.

«Я увѣрена, думала она, между прочимъ, что весь Петербургъ говоритъ по-крайней-мѣрѣ цѣлое утро о моемъ отъѣздѣ.

«Оторвать себя такъ неожиданно отъ этой массы народа, для которой должна была я нѣсколько мѣсяцевъ сряду служить за-бавой, предметомъ обожаній и ненавистей, завистей, сплетней и клеветъ.

« Похитить у нихъ эту добычу и унести себя Богъ знаетъ куда, въ другой міръ.... » Она улыбнулась самодовольно.

« Путешествіе на востокъ, не то, что глупая поѣздка въ Европу. Чтѣ бы сдѣлала я особеннаго, чтѣ бы новаго привезла я оттуда?.. »

« Зажечь сигару на вершинѣ кратера Везувія — это сдѣлалось нестерпимо пошло; послать моего прекраснаго Тальбота выиграть призъ на какой-нибудь замѣчательной скачкѣ въ Лондонѣ, эта идея нѣсколько новѣй; но ни Англичане, ни скачки ихъ не интересуютъ меня ни сколько. Заставить кричать о себѣ въ продолженіи цѣлаго карнавала въ Парижѣ, это слишкомъ возможно.... и все это такъ скучно и надоѣло.... »

« Но ѣхать къ варварамъ, одной или, лучше сказать, вдвоемъ, произнесла она мысленно, нѣжно взглянувъ на своего спутника: это гениальная дерзость, для которой надо много отваги и силы. »

« Зато какъ теперь терзаютъ меня и втайнѣ завидуютъ, и какой эффектъ по возвращеніи! »

Во время этого монолога, безмолвный собесѣдникъ смотрѣлъ на нее прощипательнымъ взглядомъ, въ которомъ таилось негодованіе.

— Только теперь, какъ мы одни съ тобою, отъ цѣлаго міра, между бездной воды и неба, я могу вѣрнуть тебѣ, легкомысленное созданіе, сказалъ онъ наконецъ прервавъ молчаніе.

— Милый невѣрующій! произнесла театрално, тономъ вѣдливой любовницы красавица.

— Часъ тому назадъ, едва свидѣвшись послѣ долгой разлуки, я готовъ былъ бѣжать снова и предоставить тебѣ ѣхать одной.

Она взглянула на него съ изумленіемъ.

— Скажи, продолжалъ юноша, неужели неизлечимо въ тебѣ твое бѣшеное кокетство? Какъ можешь ты, втеченіи десяти минутъ влюбить въ себя каждаго проходящаго, и это безъ всякой надобности, безъ всякой мысли? Скажи, какое находишь ты въ этомъ наслажденіе?... Вчера ввечеру ты въ первый разъ явилась въ оперѣ въ незнакомомъ чужомъ городѣ, сегодня рапо утромъ мелькнула тамъ на бульварѣ и четыре чичизбел сопровождали тебя къ гавани—и это теперь, въ минуту перваго нашего поцѣлуя.

— Я могу отвѣчать тебѣ только твоимъ же вопросомъ, сказала полу-шутливо, полу-серьезно вопрошаемая. Скажи, другъ мой, неужели неизлечимо въ тебѣ твое болѣзненное, ничѣмъ не отра-

шное, вѣчное сомнѣніе? Скажи, что можетъ женщина принести еще въ жертву тому, кого любить она? Слыши возможность дать сильнѣйшее доказательство преданности, научи сдѣлать больше того, что я сдѣлала, сказала она съ такимъ тихимъ и печувствительнымъ упрекомъ, что онъ раздался громче самого драматическаго вопля, который обнаружилъ бы неумѣніе дѣла.

— Не будемъ считаться, ни мѣряться, моя милая. Я заслужилъ все, что ты для меня сдѣлала, глубокимъ страданіемъ сердца, и Богъ знаетъ, кто изъ насъ принесъ болѣе жертвы, кто оставилъ больше свѣтлаго и драгоценнаго, пронзень онъ голосомъ, въ которомъ дрогнуло чувство. Онъ остановился, задумался и вздохнулъ.

Въ эту минуту онъ позабылъ, что ему становилось скучно въ степномъ его замкѣ. Онъ вспомнилъ покинутую пастушку свою, и ему самому показалось, что онъ говоритъ правду.

Но истиниктъ женщины — беконечное ясновидѣніе.

— Ты лжешь, рѣзко сказала красавица. Ты ничего не покинулъ кромѣ пустынной, тоскливой степи, куда занесъ тебя порывъ ребяческаго гнѣву, и если осталось тамъ горевать какое-нибудь наивное созданіе, такъ этого я не могу принять на свою совѣсть, прибавила она, заключивъ мѣткое гаданіе свое гаммою звонкаго, саркастическаго смѣху.

Этотъ смѣхъ смутилъ и совершенно сблизъ съ толку вставшаго на ходули юношу.

Есть необъяснимый логическій процессъ мысли, есть непонятная тайна симпатій, по которой случается человѣку, непосвященному въ душевныя дѣла наши, нечаянно ударить въ самую глубь нашего сердца и указать на то, что свято хранилось вами.

По тому же можетъ-быть невидимому закону, магнитическимъ сотрясеніемъ мысль наша вдругъ сообщается другому и онъ заговорить о чемъ вы думали.

Или въ самую ту минуту, какъ считаешь себя непроницаемымъ и закутаннымъ въ тройную броню, вдругъ однимъ словомъ разоблачаетъ насъ иногда, вовсе безъ злаго умыслу, равнодушный минондущій.

Безъ всякаго повода, ни подозрѣнія, вѣтреная женщина изобличила молодаго человѣка въ неправдѣ; но она бросила неумышленно свою улику, не давая цѣны тому, о чемъ говорила и не обращая вниманія на его замѣшательство и не видя что покрас-

нѣтъ онъ какъ захваченный врасплохъ на шалости школьникъ; онъ почувствовалъ какой-то ложный стыдъ и что-то горько-насмѣшливое въ сельскомъ романѣ своемъ передъ глазами этой блестящей первенствующей женщины, которая продолжала съ обычной живостью и плодовитостью своего языка :

— Ты говоришь, и положимъ, совершенно справедливо, что я легкомысленна, что я люблю вѣтреной душою своею и свѣтъ и моихъ обожателей, что обольщаетъ мое демонское самолюбіе увѣренность быть боготворимымъ кумиромъ этого капища; что гордо взглянувъ вокругъ себя, я вижу, какъ столько женщинъ и прекраснѣе и лучше меня исчезаютъ передо мною.... Но какое же, скажи, выводимъ ты изъ всего этого заключеніе? вѣроятно не то, что сила очарованія есть страшная, врожденная сила, роковой даръ, отъ котораго нельзя произвольно отказаться и что его суждено нести, какъ крестъ, какъ всякое призваніе на благо, или на казнь и себѣ и міру.

При этихъ словахъ юноша ощутилъ непріятное содроганіе, какъ-будто отъ присутствія злаго духа; но этотъ демонъ сіялъ такимъ обольстительнымъ свѣтомъ, что на губахъ молодого человѣка замерло ядовитое выраженіе, и онъ стоялъ какъ прикованный.

— И если въ самомъ дѣлѣ я столько люблю суету и оліамы, прибавила она, послѣ минутнаго молчанія, позволь же мнѣ имѣть право утверждать, что я оставила больше твоего за собою, и если я бѣгу, не оглядываясь на этотъ Содомъ, сдѣлай и ты, крайней-мѣрѣ столько же.

— Ты права, отвѣчалъ собесѣдникъ, и въ глазахъ его мелькнуло удовольствіе польщеннаго самолюбія: ты сдѣлала для меня все что могла, я готовъ и радъ вѣрить тебѣ; но скажи, длячего ты умѣешь иногда такъ отравлять свое лучшее дѣло?

— Отравя въ тебѣ, мой другъ, въ собственномъ твоёмъ сердцѣ и я тому не виновата. Я прошу тебя только объ одномъ. Выбери двѣ крайности: совершенная увѣренность или совершенное недовѣріе, въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ. Не довѣрять на половину или въ половину вѣрить, значитъ безпрестанно себя обманывать. Истина и ложь въ насъ самихъ, въ собственномъ существѣ нашемъ. То, что истина въ-отношеніи къ намъ, можетъ быть ложь въ другомъ направленіи— всё игра нашего воображенія и всему мѣритель нашъ разумъ и наши собственные силы.

— Но если я боленъ недугомъ сомнѣнія, то вмѣсто того чтобы восхвалять передомной выгоды здраваго состоянія, не

великодушнѣ ли спизойти ангеломъ утѣшенія, и вмѣсто того чтобы съ ребяческою жестокостью растравлять живую рану, не лучше ли не прикасаться къ ней, но ее постоянно умащать.

Молодая женщина нахмурила брови, пораженная этимъ упрекомъ; въ глазахъ ея выразилось негодование до презрѣнія. Она не поняла трогательной значительности словъ влюбленнаго юноши; ей бросилось въ глаза жалобное положеніе, въ которое онъ ставилъ себя, взывая къ снисходительности. Замѣтивъ это движеніе, молодой человѣкъ остановился подъ тяжестью ея взгляда и не зналъ чему приписать его.

Онъ не зналъ, что такого роду существо плѣняется только силой и покоряется одной власти. Сама обладая могуществомъ, кокетка была избалована и привычна къ непрерывному чаду упоенія самолюбія. Она глядѣла на все съ высоты своего пьедестала, заглубля въ вѣчномъ удовольствіи ложныхъ инстинктовъ своихъ и чувствовала неприятное состраданіе къ мукамъ, которыя причиняла.

Тотъ, кто вздумалъ бы завладѣть ея испорченнымъ воображеніемъ и переплавить нарушенную природу, необходимо долженъ былъ уберечь себя отъ увлеченія; не любить, не страдать надлежало ему, а изумить пренебреженіемъ, затронуть равнодушіемъ; это простое, легкое, практикованное, давно извѣстное всѣмъ средство. И потомъ, чтобы прочно и окончательно утвердить власть свою, чтобы доискаться запусѣлаго, поросшаго терніемъ сокровища сердца, надо было сильною, безпощадною рукою разсѣкать твердую оболочку и терзая онѣмѣвшіе нервы, добиться смертельной боли и вызвать чувство, которое хлынетъ тогда неукротимымъ потокомъ.

Неопытный ребенокъ думалъ смягчить ее....

Прекрасная чета замолкла безъ объясненій. Красавица принялась за грызущаго орѣха жокѣ, какъ рѣзвая папсіонерка за свою куклу, и стала наплевывать на него красную его ливрею.

День угасалъ во взаимныхъ забавахъ обезьяны, ея перятаго товарища и милой хозяйки ихъ, веселая и звучная болтовня которой замолчала свою милую пустышь, помогая ей уклоняться отъ притязательныхъ эпизодовъ, которые тщетно пытался вводить графъ.

Наступила ночь тихая, лунная, усѣянная звѣздами, которыхъ отраженіе разсыпалось дождемъ алмазныхъ блестокъ на зыбкомъ зеркалѣ моря.

Глухой, заунывный ропотъ вопль наводилъ дремоту, сквозь которую движеніе красивой яхты слышалось какъ шорохъ дробящихся листьевъ подъ легкими стопами женщины.

Прекрасная фигура путешественницы рисовалась фантастическою тѣпью, склоненною на тяжелый бортъ, и далеко блуждали ея влажные взоры.

Что думала она?... Беспослѣдовательно и туманно навѣвала ей память отрывки минувшаго, слитаго въ сплошную, пеструю ткань всѣхъ радостей и безумій міра; на этой блестящей цѣпи не горѣла небеснымъ сіяніемъ ни одна жемчужина очистительнаго страданія, ни одинъ мигъ истиннаго счастья. Ни того, ни другаго не могло испытать это бѣдное твореніе, въ которомъ молчала жизнь; оно не жило, созданное изъ элементовъ искусственныхъ; оно не признавало себя, и утративъ свое значеніе, послужило стихійнымъ призракомъ въ чаду разврата, вставленнаго въ блестящую раму.

Это была не женщина, не подруга человѣка, не обожаемая рабыня его, не мать человѣчества, — это предводительница одуряченной толпы, кумиръ гостинныхъ храминъ, освобожденная отъ священныхъ узъ бѣглянка, это пороженіе общественныхъ недуговъ, изчадіе золъ общества....

Но падшій ангелъ дышетъ всею прелестью соблазна.

Какъ прекрасны ея неопредѣлennыя, скользящія взгляды; задумчиво смотритъ она въ даль; воображеніе влетаетъ ее, раскинувъ пламенные крылья, въ невѣдомый край — туда, куда несла ее прихоть. И жаркія грезы, какъ пелѣные сны, то заключаютъ ее на мгновеніе въ пышный гаремъ, гдѣ всѣ роскошныя сказки Альгамбры олицетворялись передъ нею; то, снова свободная, подъ стѣнью лавровыхъ рощей, склоняетъ она очарованный слухъ къ мольбамъ и пѣснямъ, которыя звучатъ ея уху незнакомымъ напѣвиемъ; но смыслъ ихъ давно былъ ей понятенъ.

Она думала и мечтала и забывала и не обращала вниманія на того, кто почиталъ себя простодушно виною и думъ ея и этого жгучаго предпріятія; на того, кто вызванъ былъ ею въ минуту сердечнаго съ собой раздора и капризнаго желанія извѣдать любви, которой бы не одолѣла больная душа — ея любовь была не при ней писанная грамота. Раскинувъ мудреную книгу, на первой страницѣ она утомилась, книга выпала изъ рукъ и она снова заснула тѣмъ непробуднымъ сномъ, которымъ спала всю жизнь.

А онъ, очарованный, влюбленный, глядѣлъ на нее не спуская глазъ, и каждое ея движеніе наводило на него сладкое содроганіе.

Путь добрый, прекрасные пловцы! Носитесь подъ прозрачными звѣзднымъ небомъ, вдыхайте жаркою грудью этотъ сладкій, влажный воздухъ; живите, любите какъ знаете, то заблуждаясь, то обманывая другъ друга. Страдайте, если можете. Всѣ же небо будетъ прозрачно надъ вами, всѣ же звѣзды магнитическимъ сіяніемъ привлекутъ ваши взоры, и потонутъ глаза въ этомъ живомъ свѣтѣ и углубится душа въ наднебесную даль....

Х.

ИСКУПЛЕНІЕ.

Протянулся еще цѣлый годъ надъ знакомою окрестностью. Наступила другая осень, также прекрасная, также солнечная; но уже другая. Каждый увядшій цвѣтокъ, каждый листокъ, каждая былинка были не тѣ, что цвѣли и зеленѣли прошлаго лѣта, а новые, которые никогда еще не жили на свѣтѣ.

Такое же обновленіе произошло, быть-можетъ, въ невидимомъ мірѣ, также новые ростки пустила жизнь нравственная, для которой не могло вступѣ совершить оборотъ свой живительное солнце.

И сколько видимыхъ успѣховъ, новинъ и перемиѣнъ повсюду: тамъ радость смѣнилась горемъ, здѣсь горе перешло въ смѣхъ и веселіе, подъ тѣмъ кровомъ раздается крикъ новорожденного младенца, тамъ желтѣетъ новая могила надъ сельскимъ кладбищемъ, подъ кускомъ дикаго камня, на которомъ не начертано ни какого имени, какъ и на всѣхъ близлежащихъ....

Нѣмые, не говорящіе ничего мавзолей! Они таятъ высокое сказаніе о естественной, не оставляющей памятниконъ жизни, которая хранитъ вѣчный образъ свой въ живущемъ поколѣніи; этотъ образъ не передается ему наукою, а усваивается отъ младенчества, соблюдается въ завѣтныхъ обрядахъ, подъ огражденіемъ неусыпнаго труда и благотворнымъ крыломъ вѣры, озаряющей младенческія души.

Неизмѣненъ кругъ этого однообразнаго существованія; но жизнь всё живетъ и движется и всюду разсѣяны слѣды ступившаго года. Одно только угрюмое чело Яна какъ будто окаменѣло на томъ же выраженіи.

Поздно вечеромъ сидѣлъ онъ, по обыкновенію, одинъ, на покрытомъ изорваннымъ ковромъ сундукѣ, въ которомъ хранились двѣ-три вѣчныя его одежды, построенныя съ незапамятныхъ временъ и, благодаря тщательному уходу собственныхъ рукъ, неизносимыя и какъ-будто застрахованныя отъ естественнаго закона разрушенія.

Задумчиво смотрѣлъ онъ изъ подлобья, и глаза его непроизвольно останавливались на затканномъ паутиною уголкѣ окна, гдѣ визжала попавшаяся въ сѣти муха.

Онъ прислушивался къ этой жалобной пѣснѣ, то на одну, то на другую сторону наклоняя голову при каждомъ переливѣ тона.

Когда отчаяніе смѣнялось воплями боли, когда тихое, умолающее страданіе возобновлялось отъ свѣжей раны, когда голосъ цѣпенѣлъ подъ магнитическимъ взоромъ удалившагося съ намѣреніемъ непріятели и опять вопіялъ съ усиленнымъ напряженіемъ, брови удивленнаго диллетанта дѣлали выразительное движеніе и внезапно вниманіе его переходило къ другимъ долетавшимъ съ надворья звукамъ отдаленныхъ скрипокъ и бубенъ, которые наигрывали плясовые пѣсни и вторили странной домашней музыкѣ Яна.

На селѣ было *веселіе*, и Янъ, врагъ всѣхъ земныхъ радостей, принималъ въ немъ живое участіе и наслаждался этимъ невиннымъ удовольствіемъ въ чистотѣ совѣсти, совершивъ въ этотъ день искупительный подвигъ правды по своему крайнему разумѣнію.

Долго слушалъ онъ; потомъ звуки ли умолкли, или сонъ незамѣтно оковалъ его чувства; голова его тихо склонилась къ брошенной на сундукъ грязной подушкѣ и онъ не слышалъ уже ничего болѣе; спя, *святая простота*, пока подгулявшіе гости ведутъ на селѣ веселыя бесѣды и рассказываютъ много и поминуютъ о неслыханной благосклонности пана управляющаго, который два раза лично являлся на пиръ, хлѣбнулъ изъ поднесенной молодымъ чаши пива и даже прихлопнулъ въ ладоши, когда тотъ проплясалъ по приказу панскому на забаву гостей.

Вправду было чѣмъ прояснить хмурное чело Яна,—все село помирало со смѣху: женился Черный Бодя.

«Да какъ же онъ плясалъ косматый, да неразчесанный! рассказывалъ, спустя нѣсколько дней, словоохотливый очевидецъ, за чаркою горѣлки, въ корчмѣ, мимоидущему.

«И что это было за *веселіе* уморительное! Панъ управляющій выдумалъ его на смѣхъ людямъ!

« За три дни, какъ быть должно, нарядилъ сватовъ и старость и далъ имъ хлѣбъ изъ *новины* пшеничной, и водки штофъ и ручки, и все какъ надо быть, и послалъ ихъ, и сказалъ:—жените мнѣ Бодю Чернаго.

« Сваты думали, что панъ сказалъ это въ-шутку, стоятъ у порогу, не двигаются.

« — А слышали ли, дурни! крикнулъ на нихъ панъ управляющій.

« — Слышали, пане, отвѣчаютъ старосты: да не знаемъ, дочьей хаты итти: гдѣ прикажешь брать невѣсту для Чернаго?

« — Невѣста во дворѣ, сказалъ панъ, и толкнулъ сватовъ кулакомъ за двери.

« Пошли сваты; а Бодя лежалъ въ болотѣ. Тамъ былъ его и домъ и ложе.

« Бодя звѣрь дикій, лежитъ день и ночь, зиму и лѣто. Зимой навѣтъ на него бѣлое покрывальцо. Сквозь его присыплетъ, а онъ спитъ сладко: тепло ему подъ пуховымъ подоломъ.

« Кони бѣгаютъ по степи, копытомъ разгребаютъ снѣгъ, да щиплютъ мерзлую травку. Подойдетъ одинъ къ пастуху, да ногою его легонько за косматую голову. Проснется Бодя, выглянетъ. Кони его знаютъ какъ сроднаго, онъ съ ними совсѣмъ сбратался, крикнетъ, свиснетъ, они бѣгутъ на его голосъ какъ разумные.

« Куда ни замчится иная; закричитъ Бодя: сюда, пѣга, сюда! и пѣга распустилъ хвостъ, развѣситъ гриву, летитъ съ конца степи и станетъ передъ пастухомъ какъ вкопаная и шею протянетъ. Онъ погладитъ ее и разговариваетъ съ нею по-конскому. Она слушаетъ и все разумѣетъ.

« Черный совсѣмъ забылъ людскую рѣчь. Съ малыхъ лѣтъ всё въ степи, всё съ ковыми. И солнце, и дождикъ, и морозъ, и мятелица, и что бы на дворѣ ни дѣлалось, ему все ни почемъ. Течетъ съ печесанныхъ паклей вода, онъ не оботрется, застудитъ его зима—ничего. Печетъ солнце — не спрячетъ въ кустъ медвѣжью голову.

« Окаменѣлъ, сердечный. Да вправду сказать, бѣда ему была привычка. Гдѣ было ему выучиться холѣ и нѣгѣ: и не помнить, съ какихъ лѣтъ остался сиротою.

« Кабы не старуха была на селѣ бабушка старая, такая старая, что сами что зажилъ на свѣтѣ старикъ, съ молодыхъ лѣтъ помнить ее всё такую же старую, никто бы и не призрѣлъ его, бѣднягу: такой дурной былъ да безобразный мальчишка.

« Она взяла его на свои руки, вскормила, вспоела и все годовала его, пока не нарядили на степи панскія.

« И помянуть ей добро Бодя. Всѣ гроши, всѣ до остальной копѣчки, что выручаетъ съ двора за паству, все отдаетъ ей. Теперь онъ ея кормилецъ, затѣмъ что она еще жива, старая, а работать уже не сдужаетъ по-прежнему. Лежитъ на печи, да ѣсть мягкій готовый хлѣбъ, да кашу бѣлую, беззубая.

« Ее только и приходится навѣстить въ село Черный, а то во все въ него и не заглядеть. Люди смѣются надъ нимъ и ему лучше, дурному, съ конями.

« Лежалъ Бодя однимъ утромъ. Спалъ на зарѣ, ногами въ болото. Ночь была жаркая, а день вставалъ красный; была «недѣля». Но пастухъ и не зналъ что «недѣля», ему всё-равно что праздникъ, что будни, всё одна работа и одно гулянье.

« Спитъ онъ всегда крѣпко, какъ мертвый, уходится за день, да угоняется за стадомъ.

« Кони кругомъ ступаютъ, бѣгаютъ, ржутъ, брызжутъ водою по болоту, а онъ и не слышитъ. Птицы летаютъ вокругъ, садятся на него, — какъ-только очи ему не повиключаютъ — онъ всё спитъ.

« Солнышко показалось, начало подымать къ себѣ молочную росу и сушить землю. Проснулись всѣ жучки и букашки и все что есть живаго въ полѣ. Стало припекать порядочно. Проснулся и Бодя, вскочилъ, перекрестился и забормоталъ молитву.

« Ужъ какая то была молитва, самъ панъ-отецъ не разобралъ бы, что онъ такое причитать выучился.

« Помолился по-свѣдому, глядитъ, а мы идемъ со сватами и кричимъ ему.

« — А кого вамъ надо? крикнулъ Бодя.

« — Тебя надо, Черный, иди до пана управляющаго.

« Подумалъ Бодя; что такое до меня пану? и пошелъ на встрѣчу намъ черезъ болото.

« Голыя ноги его всѣ порѣзаны осокою, въ крови и грязи, такія суковатыя, да черныя, голова какъ крыша разметанная, самъ неумытый, идетъ и кланяется; а мы смѣемся, что это къ намъ женихъ идетъ, котораго сватать пришли.

« — Спѣши, братику, крикнулъ одинъ свать: невѣста ждетъ. И стали еще смѣяться и говорить ему Богъ знаетъ что.

« Бодя посмотрѣлъ на нихъ своими сѣрыми очами, подумалъ, что они пришли сами по себѣ забавляться надъ нимъ, плюнулъ и хотѣлъ вернуться.

« — Пстой, пстой, закричалъ старый свать. Побоялся, что такъ все дѣло спортить, а и тамъ не расквитаемся съ паномъ. Позвалъ его, поднесъ водочки, поподчивалъ хлѣбцомъ и взялъ ласкать его словами и завелъ разумную рѣчь стороною.

« Бодя ѣсть и пьеть, а въ толкъ не беретъ, на чтѣ это мы слово вернемъ. Староста видитъ, что совсѣмъ дурень п ничего не разумѣеть; спросилъ его просто: — Хочешь Бодя жениться? мы тебя сватать пришли.

« — Не хочу, отвѣчаетъ Бодя.

« — Ну, хочешь не хочешь, сказали старосты, а панъ велить, такъ женимъ. Вотъ мы привели тебѣ на недѣлю смѣну; а ты ступай въ село за нами.

« Бодя всталъ шатаясь, его на-тощакъ рѣзобрало, п побрелъ какъ дурной за нами, да такъ жалко взглянулъ на своихъ коней, какъ-будто покаралъ ихъ на вѣки.

« Не перескажешь всего, папе брату, какъ привели мы его до пана, какъ его панъ сначала уговаривалъ, а потомъ сталъ неволить п приказалъ силою женить на Оксанѣ и велѣлъ сдѣлать вѣнчаніе въ будущую недѣлю послѣ обѣдни.

« И какъ пошли съ нимъ до хаты невѣсты, п какъ она, бѣднѣжка, завыла горько, а потомъ стала молиться п класть земные поклоны.

« Какъ потомъ цѣлую недѣлю день въ день она всё горько плакала: а потомъ перестала; сказала: « Такова, видно, уже моя доля! » утерла слезы п пошла подъ вѣнецъ.

« Какъ это все было, не приберешь п рѣчей: псубранная, въ грязной сорочкѣ, съ покрытою головою, стояла она въ церкви. Щеки ея раскраснѣлись, очи пуще вѣнчальныхъ свѣчей горѣли: страшно п жалко было глядѣть на нее!

« Молодые дѣвки п бабы въ голосъ выли, словно на похоронахъ, а старикки толковали, что панъ то въ пауку другимъ дивчатамъ сдѣлалъ. Можетъ, оно п вправду было такъ, только тяжело было въ церкви во время вѣнчанія; зато ужъ какъ покончили панъ-отецъ, да пошли въ корчму: какъ вынесъ Жидъ десять ведеръ горѣлки по наказу панскому, да какъ заиграли музыканты, развеселился народъ.

« Наполни п Бодю, п тотъ, дурной, сталъ смѣяться п началъ узоры вытанцовывать п смѣшить людей.

« Молодежь заплѣла пѣсни, заплясала, ходила по селу п съ деревомъ п съ короваемъ, п пошелъ пррѣ порядочный, да какъ за

катился лукавый хмель во всё головы, такъ никто и не посмотритъ, что *молодая* пропала съ веселья.

«Сердечная, она спряталась въ хату старой той, что Бодю годовала, засѣла съ нею на печкѣ, да и опять стала плакать. И куда жъ ей было дѣться бѣдной головушкѣ! Хату ея назначилъ панъ другой семьѣ, а ее постановилъ наймочкой въ корчмѣ Лейбы, чтобъ зарабатывала себѣ хлѣбъ, да одежду.

«Сидѣла тутъ Оксана да плакала; а старуха ужъ изъ ума вышла, смотритъ на нее, ничего не разумѣетъ. Не скажетъ: перестань, сынку; не утѣшить, не приласкаетъ, смотритъ, какъ будто не видитъ; а Оксана плачетъ да плачетъ, пока сердце окаменѣло и разумъ помутился.

«На тотъ лихой часъ толкнулъ въ хату лукавый дворовую повариху, которой приказано было кормить старуху. Взошла злая баба бранчивая, да сердится за то, что ей не было еще время на веселье сбѣгать. Сунула на печку горшокъ каши и выбранила старуху: «Когда перестанешь ты, говорить, беззубая колдунья, людской хлѣбъ ѣсть, да заживать чужаго вѣку.» Сказала, да и вышла вонъ; а Оксана покатила съ печки. «Такъ ты, говорить, зашла вѣкъ моей Марьечки, моей дочки милой!» да тутъ и языкъ у ней отнялся, и вотъ лежитъ другую недѣлю въ огницѣ; а Бодя Черный опять пасетъ панскихъ коней по-прежнему. «Какъ былъ парубокъ, такъ и есть, прибавилъ, стукнувъ чаркой объ столъ, съ значительной миной рассказчикъ.

Это все было объ осени. А какъ прошли лѣто и весна и зима на селѣ, какъ дождала Оксана до этого злаго часу? Мы оставили ее въ послѣдній мигъ счастья.

Послѣднюю ночь заснула она послѣ сладкаго, краснаго дня. На другой день кликнулъ ее рано панычъ.

Побѣжала Оксана изъ хаты радостная; не чуя горя вступила въ горницу и сердце въ ней вдругъ упало: панычъ въ дорожной венгеркѣ стоялъ совсѣмъ готовый въ дорогу. Лицо его было смутное. Онъ взялъ ее за руку, обнялъ крѣпко и сказалъ ей:

— Прощай, Оксана, прощай, сердце мое; надо ѣхать далеко, не знаю, приведетъ ли Богъ свидѣться. Спасибо тебѣ. Не поминай меня лихомъ, сказалъ онъ, съ чувствомъ поцѣловавъ у ней руку. Если любишь меня, не плачь.

Потомъ далъ ей тяжелый мѣшочекъ денегъ. Живи счастливо, прибавилъ онъ, еще обнявъ, и не поднимай больше на нее глазъ, вышелъ.

Подвезли коляску, шестью конями запряженную. Не оглянувшись, прыгнувъ въ нее панычъ. Ямщикъ тронулъ возжи и покотился кочь, такъ же какъ и въѣхалъ въ село. Такъ же снимали шапки встрѣчные, пока уже никто не попадался больше.

Оксана пришла въ хату и не помнила какъ бросилась на лавку и просидѣла тутъ до самаго вечера.

Три дни и три ночи всё молчала она, не спала, не ѣла и не плакала.

Сосѣдки заглядывали къ ней, заговаривали съ нею; она всё молчала, какъ-будто не слышала ничего и не впадала; а панъ управляющій не клякалъ ее на панщину. Ужъ самъ ли онъ былъ такъ милостивъ или исполнялъ приказаніе, никто не зналъ этого, только долго оставалась Оксана безъ работы, хоть тяжело было ей всякой немилосердой панщины.

Потомъ вдругъ сердце ея, больно сжатое, какъ-будто раскрылось въ ней, слезы рѣкою потекли изъ глазъ и свѣтъ Божій опротивѣлъ ей.

Если увидитъ она, бывало, что проѣдетъ мимо окопъ баба съ ребенкомъ, или пробѣжитъ веселая дѣвка съ парубкомъ, ей сдѣлается еще тошно. Она не понимаетъ, какъ всё люди не плачутъ съ ней и какъ идетъ имъ на умъ веселье.

Не понимаетъ, зачѣмъ всё не сидятъ, какъ она, повѣсивъ голову, зачѣмъ люди работаютъ и заняты своимъ дѣломъ.

И тошно ей, что солнце свѣтитъ, что птицы поютъ. Тошно, что живутъ люди и она живетъ, когда бы ей легче было лечь въ могилу и закрыть глаза на вѣки.

Всякій часъ, всякая минута, что летитъ и не слышишь какъ летитъ она, шемитъ ея сердце; ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою.

Всё онъ на умѣ, всё объ немъ думаетъ, всё мерещится онъ передъ глазами, и его слышится голосъ. А гдѣ онъ? Уѣхалъ и не вернется болѣе. Только и дней свѣтлыхъ видѣла, только и радости было. Знаетъ она, что не можно же ему было вѣковать на селѣ съ мужиками, да хоть погостилъ бы по-дольше, милый...

Страстная природа этой женщины, страстно любившей, страстно вкυσавшей любовь, со страстью отдалась и страданію.

Она сама разрывала себѣ сердце, терзала его безпощадно. Отъ ранней зари до поздней ночи не осушала глазъ, и какъ-будто жила только для того, чтобъ длить свои мученія.

Долго такъ убивала она себя, и потомъ, когда истопились въ ней силы для громкихъ рыдацій и изступленнаго отчаянія, ея одолѣла страшная тоска и приступили къ ней искушенія:

« Ты погубила себя, шепталъ ей въ ночи голосъ, погуби уже совсѣмъ до конца: тебѣ легче будетъ. Отдала себя грѣху вѣчному—доверши дѣло. Чего тебѣ ждать еще на свѣтѣ. У Лимана крутые берега, острые камни на глубокомъ днѣ: приюти туда свою бѣдную головушку, разомъ покопчи съ собою; а то всё жъ равно истлѣешь по каплѣ и одну найдешь долю на томъ свѣтѣ. »

И всё грустиѣе, грустиѣе дѣлалось ей.

« Не жить тебѣ больше съ людьми, продолжалъ голосъ. Люди отчуждались тебя, грѣшной. Теперь уже свѣтъ Божій сталъ тебѣ черной могилою, полно изнывать въ ней живую. Пусть съѣдятъ мертвое тѣло твое рыбы, а глаза выключють вѣроны, когда ими уже нечего видѣть и ни на что смотрѣть не хочется. »

Такъ она тосковала, тосковала, а голосъ всё свое наговаривалъ и она слушала.

Если бы добрая душа пришла и сказала ей: « Перестань, Оксана, утри слезы, помолись Богу — Богъ милостивъ, простить тебя, пошлетъ тебѣ долю людскую, съищется милосердый чловѣкъ, прикроетъ твою голову, пройдетъ время, забудешь что было, заживешь какъ и всѣ люди.

Куда! не захотѣла бы и слушать. Завыла бы, заголосила и прокляла бы того, кто вздумалъ говорить съ нею.

А что твердило ей лукавое некушеніе, тому внимала она; жадно принимала соблазнительныя слова страдающею душою, и лицо ея прояснялось. Она свыклась съ этимъ повтореніемъ и питала въ груди грѣшный замыселъ, какъ единственную надежду къ спасенію, которая оставалась ей.

Безумная стала такъ молиться Богу :

« Благодарю Тебя, Боже милостивый, нашла я конецъ своимъ страданіямъ, покой душѣ своей. Горше того, что здѣсь испытала, не доставу на томъ свѣтѣ — избавлюсь стыда и уреканія людскаго. Остудитъ холодная вода огонь, что паптъ душу мою. Напьюсь я соленой морской воды, и охмѣлѣетъ моя головушка сладкимъ хмѣлемъ и засну я непробуднымъ сномъ. Тамъ увижу я мать родную и роднаго батьку. Оставили вы меня на этомъ свѣтѣ одну, покпнули на бѣду! Вотъ я пришла къ вамъ незваная. Примите же меня, угостите, утрите слезы мои, залечите сердце мое, уложите меня въ постелю мягкую и пойте надо мною сладкую пѣсню. Я буду лежать и слушать васъ вѣчно, вѣчно не кончайте той пѣсни, пойте, всё пойте надо мною. »

Такъ причитала себѣ Оксана, да причитала, горевала да горевала, да и собралась однимъ утромъ на берегъ.

Уже стало совсѣмъ холодно, давно наступила зима. Снѣгъ то выпадеть, то растаетъ; по утренникамъ, застываетъ вода близко бережку, только въ одномъ мѣстѣ, кругомъ огороженномъ скалами, и зимой и лѣтомъ кипѣла вода какъ на мельницѣ — про то мѣсто помнила Оксана...

Тошно было ей всю ночь, тяжело, вся душа изныла и стало ей мерещиться *неподобное* :

Казалось ей, что по-старому обнималъ ее красавецъ-панычъ, цѣловалъ и ласкалъ, и сердце въ ней воскресало, билось какъ голубка. Жаркими губами вливалась она въ его губы и онъ всё крѣпче и крѣпче прижималъ ее къ груди, и все было по-прежнему радостно. Она позабыла всю правду, въ душѣ ея былъ рай и кровь ныла отъ страстныхъ его поцѣлуевъ. Но вдругъ прекрасное видѣніе смѣнилось страшнымъ призракомъ, не панычъ-красавецъ былъ въ ея объятіяхъ, а страшное безобразное чудовище. Оно устремляло на нее змѣнный взглядъ, отъ котораго цѣпенѣли ея чувства. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу, холодный потъ выступилъ на лицѣ. Не въ-силахъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, она терпѣла жестокую боль: острые когти вонзились въ грудь ея и терзали ея сердце. Черная, длинная коса обвилась вокругъ ея шеи и страшное привидѣніе затягивало узелъ и душило ее. Она закричала дикимъ голосомъ, и какъ-будто проснувшись отъ сна, вскочила съ постели, била себя какъ безумная въ грудь, рвала на себѣ волосы и не могла опомниться.

— Нѣтъ, сказала она, когда съ утренней зарею тоска ея затихла: не проведу я больше такой ночи. Это кончился послѣдній день мой на этомъ свѣтѣ, не переживу я больше этого утра.

Встала, бѣдняжка, не перекрестилась на иконы, не вспомнила о мертвомъ отцѣ и матери, о живомъ далекомъ братѣ, выбѣжала изъ хаты, накупавъ на себя что попало и пошла, сначала тихонько, а потомъ всё шибче и шибче, а потомъ еще шибче, какъ-будто кто тянулъ ее изо всей силы, и еще всё прибавляя шагу, ничего не видя передъ собою, растрепанная и босая, прибѣжала къ берегу и бросилась въ воду.

Только пѣна взлетѣла вверхъ, да большой полукругъ расплылся вдоль по залivu, а никто не увидѣлъ, не закричалъ, не погнался за нею. Только большія черныя собаки водолазы, что еще покойный графъ выписывалъ изъ чужихъ краевъ, лежали тутъ, да вѣжались на морозѣ. Только онѣ увидали, и какъ разумные добрые люди бросились за утопленницей.

Каменистъ былъ берегъ и быстръ водоворотъ. Сначала обѣ исчезли въ волнахъ и, казалось, уже имъ не вернуться оттуда.

Кабы тотъ, кто любилъ сироту, да боялся за нее, стоялъ тутъ, смотрѣлъ съ берега — страшныхъ бы нѣсколько минутъ провелъ онъ въ невѣдѣніи. Но никто не смотрѣлъ и не боялся, а время шло само собою, покуда показался на поверхности прежде хвостъ *кудлатаго* пса, а потомъ и мокрая его морда.

Бережно ташилъ онъ добычу свою и совѣмъ измаялся, пока выволокъ на берегъ полумертвую. Великодушное животное, измокнувъ и дрожа, тянуло изо всей мочи бездыханный трупъ, истинникомъ чую въ немъ непогасшую искру жизни.

На счастье послалъ Богъ туда на ту пору сторожа, который приставленъ былъ къ берегу. Вышелъ старикъ изъ хаты, увидѣлъ горе, кликнувъ народъ, и общими силами откачали и оживили бѣдняжку.

Когда открыла она слабые очи и опомнилась совершенно, вдругъ послышала она, что подъ сердцемъ ея встрепенулось что-то живое — младенецъ невинный, о которомъ и не знала она и съ собою вмѣстѣ едва не погубила.

Какъ растолковать и понять такое чувство? И возвращеніе къ жизни и мука раскаянія и общій всеобъемлющій жаръ горячки и неожиданная радость — святая радость матери. Измученная женщина замерла отъ такого превышающаго ея силы потрясенія въ продолжительномъ обморокѣ.

Страшную послѣ того болѣзнь выдержала Оксана; но природа, которая съ любовью бережетъ зародыша, помогла молодымъ силамъ и пехитрому искусству сельскаго врача — больная выздоровѣла совершенно.

Но такъ переѣпилась она послѣ этого испытанія, что трудно было узнать ее, и никто бы не повѣрилъ, что съ нею было. Тихая и спокойная, почти веселая, хотя блѣдная и измученная, она безпрестанно молилась и ждала дорогаго гостя, который вернется къ ней милымъ дѣтищемъ.

Прошло время, наступилъ срокъ, родила Оксана дочь, и не было въ деревнѣ другой нѣжиѣе и попечительнѣе матери.

Вся любовь ея, вся жизнь и счастье перешли на это маленькое созданіе. Она позабыла свои муки и свою горькую долю, не помнила прошлаго, какъ-будто умерла для всего міра и жила только своимъ дѣтенышемъ.

• Чтò ни день, то новая ей радость, чтò ни мигъ, то сладкое

чувство. И расцвѣла для Оксаны снова година счастья неизвѣданнаго, блаженнаго и прекраснаго!...

Лелѣяла она свою милую дочку и больше ни о чемъ не могла думать, счастливая. Она забыла, что живутъ другіе люди на свѣтѣ, что есть горе и печали, которыя такъ страшно терзали ее.

Такова жизнь въ чудныхъ переливахъ своихъ! Какимъ великолѣпнымъ аккордомъ должны звучать вопли ея божественному, всеобъемлющему слуху своего Создателя, котораго премудрое Провидѣніе допускаетъ ядовитому растенію распространять въ воздухъ смертоносныя струи свои, такъ же какъ прекрасной розѣ упонть его сладкимъ ароматомъ.... Она же, неисповѣдимая, равно прислушивается къ шипѣнію жалящей змѣи и къ пѣсни пѣвняго соловья и внемлетъ съ одинаковою любовью чистымъ молитвамъ младенческаго сердца и проклятіямъ изнемогающаго страдальца. Святое спокойствіе божества прісмлетъ все и все ведетъ къ великой цѣли своей.

Радуйся же довѣрчиво, бѣдное дитя, каждой минутѣ счастья, не пытай судьбы, не заглядывай въ будущее, не отравляй горькимъ воспоминаніемъ. Пей фіалъ блаженства, пока судьба предлагаетъ его устамъ твоимъ, не возмущай небеснаго напитка ядовитымъ дыханіемъ.

Не страшись скоротечности блага, не бойся потерять его, не сомнѣвайся въ его истинѣ, не думай о послѣдствіяхъ — это все недуги гордаго разума. Живи каждымъ мигомъ посылаемаго, умѣй страдать, умѣй и наслаждаться.

Взгляни, Оксана, посмотри на прекраснаго спящаго младенца твоего, на его милый ангельскій ликъ—цѣлый міръ чуднаго спокойствія низойдетъ черезъ этотъ взглядъ въ твою душу и никакая тревожная мысль не возмутитъ ея.

Счастливы это маленькое созданіе твоей чистой любовью, счастливы себя его счастіемъ—и отъ обоихъ васъ вознесется громкій гимнъ къ небу.

Гордись своимъ высокимъ званіемъ матери. Упивайся этимъ святымъ честолюбіемъ — оно вознесло тебя надъ тобою. Теперь ты уже не бѣдная, погибшая дѣвушка, не жалкая, покинутая игрушка легкомыслія — ты мать.

Смотри, какъ все вокругъ тебя расцвѣло и воскресло. Весна ликуетъ твою радость. Птички поютъ про твое счастье. Свѣтлое небо обнимаетъ тебя, и душа твоя, сама, какъ вольная, веселая птичка, летаетъ и поетъ громко о своемъ блаженствѣ.

Летай же, летай, моя прекрасная, пой же, пой и не думай, что посреди солнечнаго дня вдругъ навѣваетъ буря.

Если будешь такъ думать, никогда не испытаешь свѣтлаго мига.

Пусть бѣда сторожить у порогу. Развѣ сама она не успѣетъ войти въ хату—зачѣмъ же накликать ее и отворять ей заранѣе дверь?

Говорятъ, она страшнѣе приходитъ неожиданная. Не вѣрь, милая, это сказки: развѣ большѣе вонзается вдругъ желѣзо въ сердце и развѣ легче, когда оно передъ глазами за-время. Тогда испытываешь тысячи смертей отъ ожиданія и воображеніе страдать, равно какъ и душа и тѣло.

Вдругъ разразится надъ головою громъ. Сердце замретъ отъ испугу: перекрестись тогда и скажи: «Да будетъ воля Твоя!» и когда совершится неотразимая воля, преклони чело покорно и безропотно.

Пусть палитъ огонь сердце твое. Пусть завистливый рокъ осуждаетъ тебя выкупать мѣкою каждое сладкое мгновеніе. Но ты вкусила это мгновеніе. Оно было твое, все, полное и невозмутимое, и когда наступитъ часъ, въ который взвѣсишь ты дрожащею рукою всѣ прожитыя радости и печали, ты скажешь, можетъ-быть, что въ концѣ разсчета и радость и печаль одно и то же.

Такъ рѣшимъ, быть-можетъ, мы съ тобою великую задачу жизни и воздадимъ хвалу Создателю зато, что жили и страдали.

Рѣшимъ по-своему, мой прекрасный другъ, и кому будетъ охота возражать намъ. По-философствуемъ и мы, — какъ-будто и дѣти не имѣютъ на то права! — скажемъ великую непреложную истину, что солнце великолѣпно горитъ въ небѣ, что чуденъ и благотворенъ свѣтъ его, что роскошную и кипучую зажигаетъ оно жизнь.... Да; мой другъ, — жизнь дивный даръ неба. Прислушайся, какой могучей силою кипитъ она изъ нѣдра своего, движетъ мнріадами міровъ, проникаетъ всѣ оболочки, исполняетъ всѣ пространства....

Всюду жизнь, всюду движеніе и дыханіе, видимое и невидимое, осязательное и неосязательное.

Въ переливахъ пламени, въ волнахъ моря, въ сердцѣ металла — вездѣ сила жизни.

Въ безмолвіи пустыни, въ тишинѣ ночей—вездѣ голосъ жизни. Все живетъ и порождаетъ другія жизни и совершаетъ кругъ

по предписанному закону: гранитъ покрывается плесенью, а ты даешь жизнь дышущимъ насекомымъ; отъ зерна расцвѣтаешь пышный цвѣтокъ, подъ прекрасной розою таится зародышъ плода, въ которомъ источникъ новой жизни.

И вся эта полная жизнь, все дыханіе, весь міръ и его Творецъ отражаются въ человѣкѣ.... Имъ ли, человѣкомъ ли вѣщается цѣпь созданія, онъ ли стоитъ у подножія божества, или продолжается отъ него невидимая лѣстница другихъ совершеннѣйшихъ существъ—мы уже не поидемъ съ тобою блуждать за эти предѣлы, а остановимся на человѣкѣ, которымъ заключается жизнь видная земли.

Рождается человѣкъ и веселится [природа. Она принимаетъ его въ лоно свое, бережетъ его и лелѣетъ, сіяетъ передъ нимъ дивною красотою, веселитъ взоръ его, осыпаетъ его дарами и богатствами своими, и лишь бы онъ умѣлъ ими пользоваться, лишь бы не отвергалъ ихъ въ безуміи и не создавалъ себѣ самъ горя.....

Счастливыи у груди матерп, спокойныи въ сладкомъ снѣ младенческаго невѣдѣнія, постепенно мужааетъ онъ и созрѣваетъ подъ электрическимъ токомъ общей жизни,—онъ сознаетъ себя, и ощущая въ груди зародышъ смерти, духомъ паритъ въ безпредѣльность. Жизнь кипитъ въ немъ въ полной красѣ и силѣ, потомъ слабѣетъ, угасаетъ и нечувствительно кончится, совершивъ законный кругъ свой для новаго начала.

Но откуда же, Боже праведный! беззаконное нарушеніе въ природѣ? Откуда безобразное пресѣченіе жизни едва расцвѣтающей, откуда смерть младенцевъ? Страшная, несповѣдимая тайна! страшное горе!.....

И какъ трудно борется въ ребенкѣ сила жизни съ силою смерти! Какое мученіе, какое невыносимое зрѣлище!

Ангельскій ликъ искажается страданіемъ, болящій взоръ просить помощи, стоны разрываютъ душу окружающихъ, но злои недугъ жжетъ, ломитъ, терзаетъ до скрежета зубовъ и послѣдняго издыханія.

И никакая жертва, всѣ слезы, вся кровь за него пролитая, не возвратятъ его и не искупятъ этой драгоцѣнной жизни.....

Нарадовалась ли ты довольно на свое милое дѣтище, счастливая мать; налюбовалась ли имъ, моя Оксана?

Напоила ли душу свою достаточно блаженствомъ, довольно ли съ тебя?

Теперь плачь, мой другъ, плачь: пришло горе негаданное, которое не спало съ тебѣ, — прекрасный младенецъ твой лежитъ мертвый передъ тобою.

Гдѣ любовь твоя, гдѣ надежды, гдѣ гордость твоя? Все погребешь ты въ драгоценной могилѣ и отъ нея пойдешь одна съ попякшею головою.

Придутъ и скажутъ тебѣ въ утѣшеніе: «не тоскуй, бѣдняжка, радуйся, что праведная душа досталась небу».

И другіе станутъ еще говорить тебѣ: «много бы горя испытала ты съ нимъ, много заботы и труда, и выросила бы его, можетъ-быть, на такую же злую долю, какъ самой досталась».

Не отвѣчай ничего людямъ, милая. Плачь по-тихоньку и никому не показывай тоски своей.

Съ этою смертію, съ этимъ послѣднимъ горемъ умерло въ сердцѣ Оксаны чувство, даже до воспоминанія о виновникѣ всѣхъ ея несчастій. Она перестала думать о немъ и покорно возвратилась къ жизни непрерывнаго труда, безусловнаго повиновенія, но лишенной уже всѣхъ ожиданій, безотрадной, какъ будто прожитой.

Бѣдное существо ея изнемогло для возобновленія прежнихъ страданій, въ душѣ ея не осталось даже довольно силы для ропоту и сожалѣнія. Въ такомъ состояніи духа есть чудное спокойствіе, спасительное равнодушіе, съ которымъ встрѣчаешь и провожаешь каждый день. Съ дерзкимъ презрѣніемъ глядишь на всѣ раздаваемые судьбою участы, въ твердой увѣренности; что судьба не можетъ уже сдѣлать для насъ ничего, чему бы мы порадовались или огорчились очень сильно.

Утро смѣняется вечеромъ, а тамъ наступитъ другое утро, и всѣ дни сливаются въ однообразную безцвѣтную нить. Измученное сердце не забьется уже никакимъ желаніемъ, не откликнется ни на какое чувство. Привычка страдать дѣлаетъ равнодушіе къ страданіямъ другихъ, живешь безотчетно и добровольно клонишь шею подъ иго того, кто захочетъ управлять нами.

Такого страдальца надлежало бы, казалось, забыть судьбѣ, но она достигаетъ его и въ этомъ оцѣпененіи. Отыскиваетъ еще нетронутый нервъ сердца и поражаетъ его безпощадно, пока удары ея не воскресятъ мертвеца.

Враждебный духъ навѣялъ на мрачное воображеніе стараго Яна непонятную мысль обвинять на Оксанѣ Бодю-Чернаго. И

онъ дѣйствовалъ въ духѣ своего убѣжденія — поборникъ правды, онъ не могъ оставить вины безъ достойной казни. Какая была ему нужда до того, что сдѣлала уже съ своей стороны судьба. Онъ былъ приставленъ блюстителемъ порядка, и оттого-то такъ спокойно заснулъ онъ по совершеніи этого искупленія, какъ человекъ исполнившій святую обязанность.

Бѣдная, бѣдная Оксана! не кончились бѣды твои. Какія неожиданныя слѣдствія имѣло это искупленіе! Страшно теперь взглянуть на нее. Какой ужасный недугъ вселился въ ея бѣдную голову! недугъ ужаснѣе всѣхъ недуговъ — безуміе.

Какимъ разрушительнымъ огнемъ горятъ глаза ея. Бѣдняжка! случайно сказанное, въ недобрый часъ слово — слово, такъ часто повторяемое въ народѣ, когда коснется продолжительнаго за срокъ существованія старика, поразило ея разстроенное понятіе.

«*Заживаешь чужой вѣкъ!*» раздавалось въ ухахъ ея, и въ сердцѣ поднялась буря и ей представлялось въ самомъ дѣлѣ, что жизнь ея милой Марьечки вселилась въ дряхлое тѣло старухи и что она живетъ ею и страдаетъ съ нимъ вмѣстѣ.

И какъ совершенно овладѣло ею это убѣжденіе, какъ вся предалась она этой неотступной, недвижной мысли, которая обратилась въ безуміе! Но это безуміе было такое тихое, трогательное, никѣмъ незамѣчаемое помѣшательство, что казалось облегченіемъ ея тяжелой участи.

Надо было видѣть съ-тѣхъ-поръ неусыпность нѣжнаго ея попеченія объ этомъ отжившемъ тѣлѣ.

Всѣ свободныя минуты свои, все вырабатываемое тяжелыми трудами, все жертвуемое признательнымъ Бодей обращалось на возможное поддержаніе угасающей жизни, на облегченіе недуговъ, на удовлетвореніе нуждъ ея.

Въ тепломъ углѣ, на мягкой перинѣ, подъ пуховымъ покрываломъ, согрѣвалъ обтянутыя прозрачной кожей кости свои этотъ живой скелетъ.

Въ какой нѣгѣ и опрятности доживалъ онъ послѣдніе часы свои, какая любовь бодрствовала надъ нимъ!

Темная старица! Незвѣстна протекшая долгая жизнь твоя, и теперь ты ничего уже объ ней не расскажешь, за какія прекрасныя подвижничества на поприщѣ труда и терпѣнія, за какое доброе дѣло дано тебѣ покойно и безболѣзненно совершить полный кругъ жизни, и за какія заслуги твой хранитель небесный поручилъ твои послѣдніе дни другому хранителю, или это все незаслуженные дары слѣпаго рока?...

XI.

ПОСЛѢДНЕЕ ИСПЫТАНІЕ.

Наймочкой въ корчмѣ Лейбы Оксана исполняетъ самую низкую и самую тяжкую работу въ домѣ.

Въ безконечныхъ суетахъ и бѣготнѣ, въ черныхъ трудахъ, съ утра до вечера оглушается звуками плясовой музыки, пѣсенъ и грубаго, нетрезваго веселья, которые отзываются почти болью въ измученномъ сердцѣ, бѣдная женщина не знаетъ отдыха и не чувствуетъ утомленія.

Внутренняя, раздражительная дѣятельность движетъ его, болѣзненное безпокойство не даетъ ей заснуть спокойно, ни сложить на минуту работающія руки.

Цѣлый день хлопочетъ она и поспѣваетъ всюду и съ нетерпѣніемъ ждетъ поздняго часу ночи, когда стѣжательный хозяинъ удовлетворится прибыльнымъ днемъ и затворитъ тяжелыя ворота корчмы своей и засядетъ сводить счеты, прибавлять цифры на долговыхъ доскахъ и заливать фонтанной водою огонь живаго напѣтка на завтрашнюю продажу.

Когда щелкнетъ послѣдній замѣкъ его на подвалѣ, когда уже заснутъ всѣ люди и затихнутъ всѣ звуки и внутри дому и на дворѣ; когда не станетъ уже слышно и конскаго тоноту о подвижной дряхлой полѣ конюшни и раздастся только всюду дышаніе глубокаго сна, Оксана выйдетъ за ворота.

На зимнемъ небѣ свѣтятся звѣзды, морозно въ воздухѣ и тихо всюду; только псы воютъ, переключаясь на разные голоса въ деревнѣ, да снѣгъ хруститъ подъ ея стопами, и страшно одной на пустыхъ улицахъ.

Но Оксана ничего не боится. Она спѣшитъ въ знакомую хату, гдѣ, при свѣтѣ дрожащаго ночника, лежитъ дышашій трущъ ея шитомицы, съ открытыми, безсмысленными глазами, тусклыми на черномъ, земляномъ лицѣ ея.

Съ животнымъ инстинктомъ обращаетъ ихъ старое дитя на скрипнувшія двери и глядятъ на принесенную пищу.

Тогда садится на кровать ея Оксана и кормитъ ее, какъ малаго ребенка. Накормивши, приподыметъ съ постели и станетъ расчесывать сѣдыя, пожелтѣвшія пряди волосъ ея, и чешетъ ихъ и смачиваетъ слезами, и потомъ повяжетъ платкомъ, и надѣнетъ на нее все бѣлое и теплое и уложитъ снова и начнетъ пѣть ей

колыбельную пѣсню, жалобно, тихо, чтобы не пробудить со-
сѣдей.

Боже правый! Какъ разрываетъ эта пѣсня душу! О, когда бы
кто посмотрѣлъ на нихъ въ эту пору!

Хорошо, что не разумѣетъ уже ничего старуха, а то бы мо-
жетъ-быть и ей бы стало страшно и она догадалась бы, что
Оксана безумна.

Поетъ и плачетъ, бѣдняжка, и потомъ начнетъ цѣловать и ла-
скасть безчувственную и приговаривать ей, какъ ребенку, до-тѣхъ-
поръ, пока не задремлетъ старуха и не заснетъ совершенно.

Долго еще смотритъ на нее безумная, и какъ уже начнетъ
свѣтить, потушить лампаду и вернется домой, грустная, какъ-
будто покинула млага друга, и разсчитываетъ дорожкой, когда
ей будетъ досужно навѣстить еще днемъ своего столѣтняго дѣ-
теныша.

Подходя къ воротамъ корчмы, Оксана уже слышитъ, какъ
Жидъ читаетъ свои, на-распѣвъ, молитвы, покачиваясь вправо и
влево. А тамъ уже тотчасъ и станетъ онъ ее кликать и до-
утра еще начнется долгій день. Богъ знаетъ, когда спитъ и от-
дыхаетъ жидовская наймочка. Спросите также, когда спитъ и
ея хозяинъ. Когда, подумаешь, спать эти Жиды? Цѣлый день
на ногахъ, цѣлый день говорятъ безъ умолку. Всѣ люди лягутъ
и заснутъ къ ночи, они всё-еще бормочутъ по-своему и шны-
ряютъ по двору, и ни одна еще душа не проснется, а они уже
на базарѣ ждутъ перваго воза, чтобы никому не досталось за-
хватить товаръ изъ первыхъ рукъ. Но самъ Жидъ хозяинъ не
заставалъ никогда Оксану спящую.

— А доволенъ Лейба работницей? спрашивалъ мимоходомъ по-
печательный Янъ.

— Доволенъ, пане, кланяясь отвѣчалъ Жидъ; дурная, но рабо-
тящая.

Такъ шло время до самой ранней весны. Оксана всё тянула,
поддерживала, возобновляла гаснущую жизнь старицы; по какъ
пригрѣло первое тепло, какъ тронулись рѣчки, изъ малаго ру-
чейка обратясь въ бурные ревущіе водопады, песущіе на хреб-
тахъ своихъ кристаллыя глыбы, воздвигая изъ нихъ чудные
терема, которые блещутъ на солнцѣ; какъ охмѣлѣлъ воздухъ
живительною силою и сгустилась полная электричества атмосфе-
ра, трудно стала дышать отходящая; пришелъ и ея конецъ. И
послалъ Господь въ одну ночь своего ангела по ея душу.

Но такъ тихо подошелъ посланный, такъ легко коснулся кри-

ломъ своимъ ея блѣдныхъ устъ, что не почувствовала умирающая, какъ отдала послѣдній вздохъ, безъ боли и стону.

Отлетѣла созрѣвшая душа. Спокойно, точно уснула, лежала усопшая, когда въ обычный часъ пришла къ ней Оксана.

Увидѣвъ покойницу и убѣдившись въ истинѣ, Оксана какъ-будто сняла съ очей повязку—неподвижная мысль ея просвѣтлѣла внезапно. Безъ слезъ, безъ горя, безъ любви исполнила она все должное надъ покойницей, убрала, снарядила ее и послала сказать Бодѣ-Черному, чтобы онъ пришелъ отдать послѣдній долгъ своей кормилицѣ.

«Теперь возьми, Господь, и мою грѣшную душу», сказала она возвратясь домой. Передъ смертію, видно, голова моя просвѣтлѣла; нечего уже мнѣ дѣлать на свѣтѣ. И вдругъ почувствовала она все утомленіе, какъ-будто поддерживавшая сверхъ-естественная сила разомъ оставила ее и болѣзненная энергія ея отлетѣла вмѣстѣ съ безуміемъ.

Злая болѣзнь загорѣлась въ прекрасныхъ глазахъ ея, озарилась губительнымъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ и быстро, быстро уничтожала молодую жизнь разрушительная помощь.

Еще не расцвѣлъ цвѣтъ на черешняхъ и сливахъ, еще изумрудная травка зеленѣла первою зеленью на склопѣ берега, а уже силы больной изсякли, послѣдняя искра жизни потухла въ ней и съ нею кончился ея страданія.

ХII.

эпидогъ.

Много уже прошло времени съ-тѣхъ-поръ какъ живо представлялись мнѣ всѣ происшествія этой печальной были, того грустнаго вечера, когда я видѣла бездыханный трупъ твой, прекрасная страдалица, когда сторожила тебя старая, бѣдная родственница и звѣроподобный Бодя твой — доброе животное:— въ безобразномъ лицѣ его выражалось какое-то бессознательное участіе къ твоей жестокой долѣ....

Тогда пришли мнѣ на память двѣ давнія встрѣчи мои въ чужихъ краяхъ съ молодымъ наслѣдникомъ богатаго сосѣдняго имѣнія. Это было въ Венеціи въ самую вдохновительную ночь, во время самой романтической прогулки въ гондолѣ.

Венеція, дивная, нескончаемая поэма! Чудный замокъ владыки водъ, возникнувшій изъ моря! Кто видѣлъ тебя однажды, тотъ

уже не перестанетъ обращать къ тебѣ тоскливые взоры, довершая путь по знойной пустынѣ жизни.

Съ улыбкой вспомнишь о Неаполѣ болтливомъ, разгульномъ собратѣ твоемъ, который ликуетъ беззаботный при свѣтѣ страшной лампы своей.

Вспомнишь объ утопающей въ садахъ поэтической Солерно.

Вспомнишь о цвѣтущей, милой Соренто, подобно драгоценному растенію въ теплицѣ обращенному къ пламенному полудню.

Вспомнишь о всѣхъ прекрасныхъ городахъ, которые собираютъ жрецовъ искусства подъ своды древнихъ храмовъ своихъ.

Благоговѣя, переносишь себя въ старый городъ; онъ лежитъ отжившимъ пророкомъ, котораго мертвые уста гремятъ народамъ свое великое ученіе временъ....

Но при мысли о тебѣ, душа Венеція, томная, милая красавица! сердце воскресаетъ и трепещетъ, поетъ и любить....

Тихій былъ вечеръ, берегъ унизался огнями, которые распространяли на воду далекое отраженіе, и полосы яркаго свѣту. Тихо колыбалась наша лодка, гитара гондольера моего просто-вала любовные аккорды и вѣжная баркарола разлилась по волнамъ сладкими звуками :

«Стояла ты, прильнувъ къ скалѣ,
Въ раздумьѣ внемля плеску моря,
И было на твоемъ челѣ
Такъ много искренняго горя.

Какъ ты печаль свою тая,
И стиснувъ слезы въ сердцѣ бурномъ,
Смотрѣлъ я молча, какъ ладья
Скользила на морѣ лазурномъ.

Съ ладьи раздался пѣсни гласъ.
Его къ намъ волны навѣвали;
Ужъ близокъ былъ разлуки часъ,
Но молча пѣснѣ мы внимали!

При этихъ звукахъ сердце мое стѣснилось воспоминаніемъ и замерло въ необъяснимой мукѣ....

«Здравствуйте!» раздалось съ подвѣхавшей къ намъ лодки, которая вмѣстѣ съ нами вступила въ свѣтлый лучъ береговаго фонаря. Русское слово поразило меня и я съ изумленіемъ вглядывалась въ знакомыя измѣнившіяся черты. Нѣсколько глубокихъ морщинъ прорѣзали юное чело молодого человѣка, непріят-

ное равнодушiе распространялось во всѣхъ прекрасныхъ чертахъ его. — Какъ измѣнились вы, сказала я. — «Время жизни», отвѣчалъ онъ. — Откуда и куда? последовалъ пошлый вопросъ путешественниковъ. — «Съ востока, отвѣчалъ онъ, въ Германию, а потомъ домой».

И мы разстались, обмѣнявшись обычными поклонами.

Черезъ нѣсколько времени мы столкнулись въ одномъ изъ нѣмецкихъ театровъ, давали «Фрейшюцъ».

Толстые бюргеры и ихъ чувствительныя спутницы были въ восторгѣ отъ бѣлокурой примадонны. Нѣмецкiе дилетанты утонули въ любимыхъ звукахъ своихъ. Между чопорной, вяжущей въ антрактахъ, чулокъ, старой германской фрау и молодымъ рыжимъ подмастерьемъ, я замѣтила своего знакома. Ни музыка, ни сцена не занимали его. Только на одинъ мигъ онъ какъ будто проснулся отъ странной апатiи.

— Какъ провели вы вечеръ? спросила я его при разъѣздѣ.

— Я ничего не слышалъ кромѣ порханья кикиморы и летучихъ мышей; онѣ напомнили мнѣ мой далекий замокъ и западную террасу его, на которую слетаются по вечерамъ эти уродливыя птицы. При этихъ словахъ, брови его пасмурно сдвинулись.

Бѣдная Оксана! Это было послѣднее отданiе твоей памяти.

=

ГАДАНЬЕ.

Любопытство завлекло
Погодать: не спится;
Передъ тусклое стекло
Дѣвушка садится.

Долго пристально глядеть....
Что же?... какъ обидно!
Свѣтъ въ глазахъ ея дрожить,
Ничего не видно!

Разъ зѣвнула.... нѣту силъ,
Свѣсила головку....
День, подкравшись, пробудилъ
Спящую плутовку.

▲ ▲.

ГОЛОСЪ ВЪ ПУСТЫНЬ.

И такъ, ни славныхъ дѣлъ, ни творческаго слова
 Не передастъ вѣкамъ нашъ скудный духомъ вѣкъ,
 И ничего великаго, святаго
 Не возраститъ въ умѣ бессильный человѣкъ.
 Безсмертный духъ—подъ жалкимъ игомъ тѣла!
 Чтѣ жизнью ты зовешь?... Судьба ль тебѣ велѣла
 Къ могиламъ темной ошущью идти,
 Такъ суетно гоняясь на пути,
 По колеямъ отцовъ.....
 За всѣмъ, чтѣ пресмыкается, чтѣ тлѣнно.
 Все безкорыстное готовый осмѣять,
 Ты оковалъ себя броней эгоизма.
 Игорище страстей, поклонникъ фатализма,
 Твой трудъ лишь цифрами бумагу испещрять,
 Да набивать ларцы свои грошами.
 Твой разумъ потускнѣлъ отъ гнуснаго труда:
 Ты не глядишь на сводъ, сіяющій мірами,
 Всего прекраснаго твоя душа чужда,
 И замѣнилъ тебѣ всѣ жизненные цѣли
 Металлъ, — послѣднее земное божество!
 Отъ ядовитой ржавчины его
 И руки у тебя и сердце почернѣли.....

В. ЯКОВЛЕВЪ.

БОКАЛЪ.

Одинъ я сидѣлъ. На столѣ предо мною
 Стоялъ недонитый бокалъ,
 И, пѣнясь, своей чудной игрою
 Мечту за мечтой навѣвалъ.

Душа утопала въ волшебномъ сіяньи,
 Стремилась въ невѣдомый міръ,
 И, будто въ хаосѣ время мірозданья,
 Носилась, пронзая эфиръ.

То мысли мои уносились далеко
 Въ равнины, гдѣ пальмы шумять,
 Гдѣ пышно межъ листьевъ подъ солнцемъ востока
 Горитъ золотой виноградъ.

И мнѣ представлялись долины Шампаньи, —
 Онѣ разстлались вдали;
 Я видѣлъ довольство, я видѣлъ старанье
 И вмѣстѣ всю щедрость земли.

Вся область слилася въ одинъ виноградникъ,
 Въ одинъ нескончаемый лѣсъ;
 И дивенъ и чуденъ былъ этотъ разсадникъ,
 Чудеснаго дара небесъ.

Палящее солнце играло лучами
 На вызрѣвшихъ, сочныхъ гроздахъ,
 И вѣтеръ прохладный, шумя межъ листьями,
 Качалъ ихъ на гибкихъ лозахъ.

Вдали возвышались синія горы,
 На горахъ шумѣли лѣса,
 А дальше синѣлося что-то, но взоры
 Лишь видятъ одни небеса.

Среди виноградниковъ свѣтлой каймою
 Рѣка, извиваясь, течеть,

Понть ихъ своею прозрачною волною,
И пѣнять и плещеть и бѣгать.

И я на поляну — на зтогъ избытокъ
Съ какимъ-то восторгомъ глядѣлъ,
И думалъ невольно про чудный напитокъ,
Который въ бокалѣ кипѣлъ....

Н. ГЕРВЕЛЬ.

=

ПРИКЛЮЧЕНИЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

=

I.

Читатели, вѣроятно, имѣютъ какое-нибудь понятіе о Москвѣ, изъ какихъ-нибудь *Voyages en Russie*, или изъ журнальных *впечатлѣній*. Изъ первыхъ вы, безъ-сомнѣнія, составили себѣ ясное понятіе объ ея наружности, а изъ вторыхъ объ ея жителяхъ, нравахъ и обычаяхъ. Вообще изъ этихъ описаній вамъ известно, что Кремль стоитъ подлѣ Ивана-Великаго, что Сукурова башня у Тверскихъ Воротъ, что Тверскія Ворота на Пречистенкѣ, что Москва-рѣчка течетъ подъ самымъ Замоскворѣчьемъ, къ тому подобное. Вамъ, слѣдовательно, нечего описывать Москву, вы ее знаете на столько, на сколько подобаетъ знать русскому словѣку.

Приступаю къ разсказу.

Въ одинъ туманный день августа, въ Крестовскую Заставу прокатила коляска четверней. Часовой опустилъ-было шлагбаумъ; но слуга крикнулъ: — Изъ подмосковной! и коляска свободно проѣхала.

Въ коляскѣ сидѣли два господина; одинъ по-плотиѣ, похожій на московскаго барина, прислонясь въ уголь, дремалъ; другой — сухощавый, лицо блѣдноватое, глаза прищурены, наружность значительна, похожъ былъ на петербургскаго начальника отдѣленія, или чиновника по особеннымъ порученіямъ, словомъ, лицо значительное, а по личному мнѣнію, даже государственное.

— Наконецъ я въ Москвѣ! сказалъ *сей послѣдній*, приложивъ къ глазу лорнетъ: посмотримъ, что за звѣрь Москва! Вы, пожалуйста, указывайте мнѣ на все любопытное.

Едва показалось вправо готическое зданіе, обнесенное зубчатыми стѣнами, съ башнями, похожее на рыцарскій замокъ среднихъ временъ, молодой человекъ снова приложилъ лорнетъ къ глазамъ и вскрикнулъ:—Это Кремль?

— Кремль, отвѣчалъ плотный баринъ, не раскрывая глазъ.

Петербуржецъ промчался. Оставимъ петербуржца и послѣдуемъ за толпой колодниковъ, которыхъ вели по улицѣ. Вслѣдъ за ними везли на подводѣ женщину въ простой крестьянской одеждѣ. Когда весь этотъ транспортъ приблизился къ запертымъ воротамъ замка, передъ которыми однако же не было подземнаго моста, часовой подалъ знакъ въ калитку съ разжелбзненнымъ окошечкомъ: сперва пропустили унтеръ-офицера, *препровождающаго* транспортъ, а потомъ отперли адовы врата, которыя раскрывшись какъ челюсти апокалипсическаго звѣря, проглотили весь транспортъ и закрылись съ скрежетомъ зубовъ.

На внутреннемъ дворѣ этого замка прохаживались въ самомъ дѣлѣ не люди, а мрачныя тѣни. Не будемъ описывать человѣческаго образа искаженнаго страстями и преступленіями. Отдѣляясь отъ безобразной толпы, кто-то, въ изношенномъ пальтѣ, въ картузѣ, заложивъ руки въ карманы, ходилъ скорыми шагами вдоль двора. По лицу и взорамъ его можно было замѣтить, что онъ ставилъ душу свою на конъ; но въ наружности его не было глубокихъ оттисковъ преступленій, въ глазахъ не было отвѣта за чужую душу. Онъ былъ еще, казалось, новичокъ на этомъ новосельѣ, смотрѣлъ на окружающія его высокія стѣны и на «честную» компанію безъ удивленія, но съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, и какъ-будто спрашивалъ самъ себя: «Чортъ знаетъ, куда я попалъ!»

Долго слѣдилъ за нимъ глазами одинъ изъ «честной» компаніи, что-то въ родѣ мѣщанина, съ острой бородкой, рябъ какъ ку-

кушка, глаза какъ у ястреба; наконецъ крикнулъ и подошелъ къ нему.

— Ты, братъ, кто таковъ?

— Человѣкъ! отвѣчалъ новичокъ, посмотрѣвъ на него.

— Крѣпостной, то есть? Я думалъ, что какой баринъ, честной господинъ.

— Ну, хоть и баринъ, честной господинъ, а тебѣ что?

— Что? врешь, братъ! не туда глядишь!... А я тебѣ вотъ что скажу: ты за что попалъ? за воровство или за разбой?

— Да тебѣ-то что, борода?

— Нѣтъ, ужъ ты, братъ, не кобянся, лучше будетъ, ей-ей лучше будетъ! а нето, братъ, не выгородишься отсюда; ужъ я тебѣ говорю, я вѣдь не отстану отъ тебя — понимаешь?

Новичокъ посмотрѣлъ на плутовскую рожу съ острой бородой, которая такъ настойчиво дѣлала ему допросы.

— Если по дѣлу попалъ, такъ говори: доказательно, или нѣтъ?

— Я, пріятель, не по дѣлу здѣсь, а по наговору.

— Пріятель еще не пріятель, а будемъ пріятелями; по наговору, братъ, хуже чѣмъ по дѣлу, я тебѣ скажу; примѣрно вотъ, я бы на допросъ показалъ, что ты подбивалъ меня въ трактиръ, да подговорилъ на какое дѣло... понимаешь? вѣдь я за тебя здѣсь сижу.

— Пфу, дуракъ какой! Кто жъ тебѣ повѣрить?

— Кто? кому слѣдуетъ, тотъ и повѣрить. А я тебѣ вотъ что скажу: хочешь на волю?

— Эй, ребята, смотрит-ка, Французанку какую-то привезли! Пойдемъ! крикнулъ одинъ изъ заключенныхъ.

— Тришка, пойдемъ! сказалъ онъ, проходя мимо острой бородки.

Толпа двинулась къ воротамъ женской половины.

— Вотъ сейчасъ выйдетъ изъ канцеляріи.

Въ самомъ дѣлѣ, привезенную женщину вскорѣ вывели подъ руку изъ канцеляріи. Несмотря на простую одежду, во всей наружности ея было что-то горделивое, хотя и страдальческое. Блѣдное лицо ея было нѣжно, впалые глаза не бессмысленны. Охая, она вышла, окинула взоромъ безобразную толпу, и взоръ ея остановился на упомянутомъ нами человѣкѣ въ пальто. Движеніемъ головы, взору, и дрожащихъ губъ, она страшно погрозила ему.

— Что, она тебѣ знакома, что ли? спросила новичка стоявшая подлѣ острая борода.

— Да, вотъ это-то и есть та безумная, которая привязалась ко мнѣ и оговорила меня.

— А кто ее разберетъ, что она безумная или нѣтъ, вѣдь она Французжанка, говорятъ; а ты-то сиди да посиживай; да еще какъ я поднесу тебѣ, такъ, братъ, тебя, того, сперва распишутъ; а потомъ, знаешь куда?

Новичокъ содрогнулся.

— Чортъ! ты шутишь или нѣтъ?

— Нѣтъ, не шучу; а я тебѣ скажу вотъ что: хочешь по рукамъ?

— Вмѣстѣ грабить или рѣзать? Врешь, любезный! Что будетъ то будетъ, а я тебѣ не товарищъ.

— Не бойся, тутъ худаго ничего не будетъ, ей-ей ничего; а такъ, штука, багатель!

— Говори.

— Давай руку! Не бойся, все будетъ честно.

— Что за руки, говори просто, въ чемъ дѣло.

— Я, пожалуй, скажу; да скажу тебѣ и вотъ что: ужъ если повнхнешься, такъ я на тебя горы взвалю; мнѣ всё-равно пропадать. Вотъ видишь, смѣкай: я былъ у купца Василья Игнатьича Захолустьева, приказчикомъ; а у него былъ славный чайный заводъ, да дрянной сыннишка, Прохоръ Васильевичъ. Вздумалъ онъ заводить суконную, да филатурную фабрику, и вымолилъ у отца дозволеніе вѣхать въ чужія земли машины заказывать; такія машины, какихъ въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ: сами овецъ стригутъ, сами шерсть на сорты дѣлать, сами аглицкое сукно ткнуть, ну, словомъ, изъ машины выходятъ готовые штучки сукна самой лучшей доброты, всѣхъ комеровъ. А про филатуру и говорить нечего: бывало красныя дѣвушки прядутъ, сами пѣсни поютъ; а теперь всё самопрялки, всё съ органами: подъ нѣмецкую музыку, хошь не хошь ты, а пляши. Да дѣло не о томъ; а вотъ что я тебѣ скажу: поѣхалъ Прохоръ Васильевичъ, да и поминай какъ звали, вотъ ужъ другой годъ ни слуху, ни духу. Понимаешь?

— Ну, что жъ изъ этого?

— А вотъ что я тебѣ скажу: Василій Игнатьичъ за сына согналъ меня отъ себя: виновать я, что Прохоръ Васильевичъ бралъ деньги безъ-спросу; согналъ меня, братъ, безъ копѣйки,

пустилъ по-миру. Чтò жь тутъ будешь дѣлать; надо было добы-
вать. Да не о томъ дѣло; а вотъ чтò: какъ взглянулъ я на тебя
— Прохоръ не Прохоръ Васильевичъ, а есть чтò-то, понимаешь?
Этого, братъ, ужъ довольно; лишь бы на первый взглядъ похожъ
былъ; а тамъ мое дѣло будетъ сварядить какъ слѣдуетъ. Ладно?

— Ладно, отвѣчалъ новичокъ.

— Коли ладно, такъ я тебѣ вотъ чтò скажу: ты конь, а по-
водья у меня въ рукахъ: вывезешь на-славу, будетъ все ладно,
а заноровишь — извини!

— Ахъ ты, шитая рожа, вязаный носъ! Мало тебѣ зубовъ-то
отецъ выколотилъ за меня! крикнулъ новичокъ: мошенникъ Триш-
ка, вздумалъ на мнѣ верхомъ ѣздить!

— Да неужели это вы, сударь, Прохоръ Васильевичъ? прого-
ворилъ, оторопѣвъ, озадаченный словами новичка, острая бород-
ка, всматриваясь въ него.

— Не узналъ, плутъ?

— Призналъ, да не узналъ.... да нѣтъ! пѣфу!

Новичокъ захохоталъ во все горло.

— Ну, братъ, озадачилъ! да въ тебѣ бѣсовская сила! какъ за-
говорилъ да замоталъ головой — живой Прохоръ Васильевичъ! Ахъ
ты, собака, да кто ты такой?

— Чортъ! отвѣчалъ новичокъ.

— Ей-ей чортъ! съ тобой можно дѣла дѣлать!... А въ спискахъ-
то какъ ты значишься?

— Никакъ.

— Славно! то есть ни роду ни племени не имѣю, откуда — не
поиню, имя и отчество позабылъ: славно! ей-ей славно!... Те-
перь, я тебѣ вотъ чтò скажу: ты на допросахъ и не показывай;
а какъ прійдетъ вашъ стряпчій, такъ ты ему и объяви...

Зазвенѣлъ колоколъ, староста закричалъ «по мѣстамъ, на пере-
кличку!»

— Эхъ, досада! сказалъ острая борода: ну, до завтра, прия-
тель!

— Торопитесь не дѣячего, отвѣчалъ новичокъ: тише ѣдешь,
дагѣ будешь; притомъ же здѣсь очень не дурно: кормятъ кала-
чами.... «Вотъ она нужда-то гдѣ заставитъ калачи ѣсть! На-силу
попалъ пословицу! Ну, братъ, Вася Дмитрицкій, посмотримъ, ка-
кая будетъ тебѣ доля дальше!»

Новичокъ, въ которомъ мы узнаемъ героя повѣсти, отправил-
ся на перекличку.

— Прибылихъ отдѣльно, сказалъ смотритель, выходя съ синекомъ: который тутъ немзѣстный, выдающій себя за графа Черномскаго?

Никто не отвѣчалъ.

— Ну, ты, что ли?

— Нѣтъ, не я, отвѣчалъ Дмитрицкій.

— Какъ не ты?

— Я никогда не выдавалъ себя за графа Черномскаго; я ѣхалъ съ однимъ графомъ Черномскимъ, а какая-то сумасшедшая женщина привязалась ко мнѣ...

— Да это вы покажете на допросахъ; а теперь намъ нужно внести въ списокъ имя и прозвище.

— При допросѣ скажу я и свое имя, отвѣчалъ Дмитрицкій.

— Ну, въ такомъ случаѣ въ общую!

— Ваше благородіе, женщина, что привезли ввечеру, нейдетъ на переключку, бормочетъ что-то по-свѣдому, Богъ ее знаетъ, хоть тащи за руки и за ноги, сказалъ пришедшій унтеръ-офицеръ.

— Знаю, она Француженка; перевести ее въ особую!

— Ай-да молодець, Саломея Петровна, проговорилъ Дмитрицкій, уходя за прочими заключенными.

На другой день, когда уже вся честная компанія замка, послѣ сытной трапезы, и раздачи пироговъ, которыми надѣлилъ всѣхъ какой-то почтенный купецъ, прогуливался по двору, вдругъ отъ воротъ пошла вѣсть: «стрипчій пріѣхалъ!» и вслѣдъ за ней вошелъ, сопровождаемый смотрителемъ, какой-то въ мундирномъ фракѣ щегольски одѣтый чиновникъ. Всѣ заключенные затолпились около него, съ поклонами. Одна рыжая борода, растолкавъ прочихъ и выдавшися впередъ, своа поклонился.

— Что ты?

— Къ вашей милости; поговорить нужно.

— Послѣ, погоди немного.

— Вотъ, ваше благородіе, вотъ я совсѣмъ занапрасно страдаю, началъ-было другой.

— Говорятъ — послѣ!... гдѣ Француженка?

— А вотъ пожалуйста, она въ особой.

— Я также буду просить вашей защиты, милостивый государь, сказалъ и Дмитрицкій, по-французски, выступивъ на встрѣчу чиновнику, который неволью пріостановился, услышавъ французскій языкъ посреди русской рѣчи.

— Кто вы, милостивый государь?

— Я только вамъ однимъ могу сказать, отвѣчалъ Дмитріицкій: странный случай лишаетъ меня добраго имени.

— Очень хорошо, я займусь вами сейчасъ, сказалъ чиновникъ, проходя въ женскую половинну.

— Гдѣ же Француженка?

— А вотъ, пожалуйста.

Въ отдѣльномъ покоѣ, на койкѣ, приклонясь на подушку, сидѣла женщина въ простонародномъ платьѣ; платокъ съ головы ея былъ сброшенъ, черные волосы раскинулись по плечамъ и осыпали истомленное блѣдное лицо; подъ густыми рѣсницами, глаза ея опущены были въ землю. Въ положеніи ея была какакто сценическая граціозность; не смотря на мѣсто и одежды, каждый, читающій романы и посѣщающій театры, отгадалъ бы въ ней героиню, которую преслѣдуетъ судьба и бросила на жертву несчастіямъ.

— Madame, началъ чиновникъ, садясь подлѣ на деревянный стулъ: вы Француженка.

Женщина, какъ-будто услышавъ родной языкъ, пріятливый голосъ образованности, содрогнулась, вспыхнула и закрыла лицо рукой.

— Madame, началъ снова чиновникъ: откройте мнѣ вашу судьбу, и чѣмъ только въ состояніи помочь вамъ.... чѣмъ только могу успокоить насъ.... вы можете надѣяться.... что я исполню.... я увѣренъ, что какой-нибудь необыкновенный, несчастный случай....

— О, если бѣ вы знали!... вскрикнула женщина по-французски.

— Сдѣлайте одолженіе передайте мнѣ; моя обязанность есть обязанность гуманическая: находить и извлекать невинность изъ среды преступленія.... Вы позволите мнѣ узнать ваше имя?

— О, позвольте мнѣ хоть скрыть свое имя отъ этого похищенія, въ которое меня бросила судьба!... несчастія мои невообразимы!... Но нѣсколькихъ словъ достаточно, чтобъ вы поняли все: я дочь одного изъ извѣстныхъ людей во Франціи.... Въ домѣ нашемъ явился одинъ русскій путешественникъ.... образованность и наружность его меня плѣнили.... онъ меня увезъ.... долго мы путешествовали.... наконецъ пріѣхали въ Россію.... и онъ бросилъ меня!... Я должна была идти въ гувернантки.... къ одному помѣщику.... красота моя была причиной неважности ко мнѣ жены его и вотъ въ одну ночь меня схватили и повезли сама

не знаю куда.... Очнувшись на мгновение, помню только, что была посреди лѣсу.... въ этой одеждѣ....

— Какое варварство! вскричалъ чиновникъ.

— Потому я уже не помню, что со мной было.... больная, страдающая, я очнулась снова.... о, я не въ-силахъ говорить!... вы можете понять, вы видите!...

Женщина зарыдала.

— Какая страшная судьба! Я доведу это немедленно же до свѣдѣнія! Это ужасно! не отличить несчастія отъ преступленія!... Будьте увѣрены, что вы сегодня же будете свободны.... Вся Москва приметъ участіе въ васъ!...

— О, нѣтъ, не разглашайте, умоляю васъ.... въ этомъ положеніи я не могу никого видѣть.

— Но какъ же быть.... для васъ нужна будетъ помощь; московскія дамы....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; я прошу только покуда какой-нибудь пріютъ, гдѣ бы я могла отдохнуть, скрыться отъ всѣхъ глазъ.

— Очень жаль, что не могу вамъ предложить свой домъ.... но.... во всякомъ случаѣ я озабочусь, чтобъ исполнить ваше желаніе, сказалъ чиновникъ, встряхивая табакерку.

— О, какъ вы добры! сказала женщина, посмотрѣвъ нѣжно на него и взявъ его за руку.

— *Madame*, такое существо какъ вы, внушаетъ всѣ прекрасныя чувства, сказалъ чиновникъ съ романтическимъ выраженіемъ, *заинтересованный* и судьбой жертвы несчастія и самой ея.

Не будемъ описывать хлопотъ и заботъ, которыя употребилъ господинъ страпчій, чтобъ извлечь жертву несчастія изъ челюстей Цербера, поглощающаго грѣшниковъ. Все это имѣетъ интересъ, касающійся до современнаго рафинированнаго *гуманизма*, до утонченнаго челоуѣчества, челоуѣколюбія, *челоуѣчественности*; но, по-русской пословицѣ, гдѣ тонко, тамъ и рвется.

По старому обычаю, спросили бы жертву несчастія: «Ты кто такая, моя милая, и откуда?» Если бъ она отвѣчала: «Я не знаю, я не помню», ее бы посадили въ домъ лишенныхъ памяти; а если бъ отвѣчала: «Я не могу сказать», ей бы дали пріютъ въ монастырѣ; потому что какое же житье въ мірѣ, безъ роду, безъ племени, безъ имени и отечества: кто бы кромѣ Бога взялъ себѣ на руки челоуѣка, обратившагося въ тайну для людей.

Но теперь, когда у каждого есть свои: «Я не знаю, я не помню, я не могу сказать», по-неволѣ рождаются въ чувствахъ утон-

ченнѣйшій взглядъ на грѣхъ, вошедшій въ обычай. Общество окривѣвшихъ не станетъ заботиться о томъ, чтобъ лечить бѣльмо у зрячаго, изъ опасенія, что и онъ окривѣетъ: они еще порадуются, что ихъ полку прибыло и съ охотой дадутъ новому собрату пріютъ и раздолье посерединѣ себя.

Такъ какъ жертва несчастія въ спискахъ показана была только безпаспортной, найденной въ горячечномъ состояніи на улицѣ, то не трудно было исходатайствовать ей свободу, тѣмъ болѣе, что она еще и Француженка.

Исходатайствовавъ свободу, стряпчій озаботился и о пріютѣ ея. Въ англійскомъ клубѣ встрѣтилъ онъ одного Ивана Ивановича и тотчасъ же къ нему адресовался:

— Не знаете ли какого-нибудь хорошаго мѣста для одной Француженки?

— Какого же мѣста? Въ гувернантки?

— Нѣтъ, въ гувернантки она не согласится: это женщина съ образованіемъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства. По странному случаю, она теперъ на моихъ рукахъ.

— Напримѣръ?

— Послѣ разскажу; долгая исторія.

— Какое же мѣсто?... Та-та-та-та! Платонъ Васильевичъ Туруцкій.... говорилъ мнѣ что-то....

— Туруцкій? Что его давно не видать?

— Совсѣмъ охладѣлъ; въ клубъ не ѣздитъ. Я какъ-то на-дняхъ звѣзжалъ къ нему.... Какой славный домъ отдѣлалъ!... Чудо! то есть, меблировалъ хорошо; а что касается до архитектуры, то я вамъ скажу! Ни съ кѣмъ не хотѣлъ посоветоваться. Жаль, что вы не были у меня въ деревнѣ: вы бы посмотрѣли что за домъ на пятнадцати саженьяхъ, что за расположеніе!... Имѣю полное право сказать, что ни одинъ архитекторъ своего ума не прикладывалъ, — всё самъ!

— Позвольте! сказалъ гуманность, нюхая табакъ и поднося табакерку Ивану Ивановичу.

— Вы думаете, что безъ архитектора нельзя и обойтись?...

— Нѣтъ, не то; меня заботитъ теперь эта Француженка; вы что-то упомянули о Туруцкомъ.... Для чего же ему нужна Француженка?

— А Богъ его знаетъ! У всякаго свои капризы, иногда и не во лѣтамъ....

— О, если такъ, то я не намѣренъ быть поставщикомъ этого рода увеселеній.

— Ну, ну, ну, это шутка; я никакъ не думаю, чтобъ въ его дѣта.... Да, я теперь вспомнилъ: онъ отдѣлалъ домъ для сестры своей; такъ кажется, что для нее и нужна Француженка въ компаньонки.

— Это дѣло другое. Такъ вы, Иванъ Ивановичъ, скажите Туруцкому, чтобъ онъ взялъ въ компаньонки эту Француженку.

— Хорошо, хорошо; непременно скажу!

— Вы не забудете?

— Какъ можно!

— Только скажите ему, чтобъ онъ далъ ей хорошее жалованье: тысячи двѣ, три.

— Конечно, не меньше.

— И чтобы обходились съ ней съ нѣкоторымъ уваженіемъ: *savez-vous, que c'est une personne de dignité*: одной изъ лучшихъ французскихъ фамилій.

— Право?... Какимъ же образомъ она очутилась здѣсь и соглашается идти въ компаньонки?

— Обстоятельства, несчастный случай.

— Хороша собою, молода?

— Н-да, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательна.

— Можно ее видѣть?... Потому что, если не удастся опредѣлить къ Туруцкому, я готовъ взять ее на свое попеченіе, устроить какъ-нибудь судьбу ея.... Отчего же не помочь прекрасному существу....

— Да, да, конечно; это не худо; впрочемъ я самъ побываю у Туруцкаго.

— Да зачѣмъ же? К чему вамъ беспокоиться? Я сегодня же его увижу.

— Ah, bon jour! сказалъ ходатай нашей Француженки Саломеи, обращаясь къ одному изъ знакомыхъ, чтобы отвязаться отъ Ивана Ивановича, который черезъ-чуръ ужъ заинтересовался судьбой неизвѣстной особы, происходящей отъ одной извѣстной французской фамиліи.

II.

Благородное собраніе въ Москвѣ, если не осьмое такъ по-крайней-мѣрѣ девятое чудо свѣта. Представьте себѣ громадную залу, съ колоннадой, поддерживающей хоры, представьте себѣ, что вся она штукатурена подъ бѣлый каррарскій мраморъ, что между всѣми колоннами виситъ на бронзовой люстрѣ въ двѣсти свѣтъ, разукрашенной хрустальной бахромою; что все это и было и свѣ-

тло, и что въ этой близинѣ и свѣтѣ, шесть тысячъ персонъ—эс-
сещия древне-престольнаго града. Представьте себѣ мужчнинъ
въ полной военной, статской и свѣтской униформѣ, а женщинъ
въ большомъ нарядѣ—шейки и ручки по плечо на-голд. У каж-
даго наружность, какъ самъ онъ, разряжена: взору щедро при-
дано огня, устамъ улыбки, щекамъ румянцу, движеніямъ ловко-
сти, всему стану достоинства, важности, значенія. Все рисуется,
всѣ какъ живописные, какъ портреты, схваченные въ счастливую
минуту—когда душа выливается наружу. Вотъ, съѣхались
къ полуночи, всѣ не ходятъ, а какъ-то особенно двигаются, со-
блюдая приличіе, не смотря смотрятъ, не слушая слушаютъ, не
говоря говорятъ и—не любя любятъ.

Во всемъ этомъ, можетъ-быть, нѣтъ ни радости, ни удоволь-
ствія, но есть *развлеченіе*—это необходимое для свѣтскаго че-
ловѣка *развлеченіе*, это искусственное средство наполнить тѣмъ-
нибудь пустоту времени и пустоту души.

Изъ всѣхъ шести тысячъ персонъ, тутъ только двое наслаж-
даются въ душѣ, какимъ-то райскимъ наслажденіемъ—Василій
Игнатьичъ Захолустьевъ и супруга его Фекла Семеновна; счастли-
вая чета ходитъ подъ-ручку. Онъ—сѣдые волосы въ кружокъ,
гладко-проегладко разчесаны, борода волосъ отъ волоса отдѣленъ,
въ плечахъ древній болгарскій кафтанъ, съ золотымъ шитьемъ, съ
петлицами, мечъ съ темлякомъ пережолывается не просто та-
лию, но огромное депо здравія и благоденствія. Она—въ обще-
томъ золотымъ кружевомъ гарнитуровомъ платьѣ, которое спе-
реди какъ слѣдуетъ приподнялось, на головѣ повязанъ золото-
швейный платокъ, въ ухахъ серьги бурицкаго зерна, на шеѣ
жемчужное ожерелье нитокъ въ пятьдесятъ, пальцы рас-
красно отъ многоцѣнныхъ перстней. У Василя Игнатьича рас-
краснѣлось лицо и отъ самодовольствія и отъ жару, съ тру-
домъ ворочая голову, подпертую шитымъ воротничкомъ, онъ
открываетъ нестрымъ платкомъ чело свое; но изъ приличія и не
ворочаетъ ее на стороны; взоръ его какъ навѣсный выстрѣлъ
направленъ черезъ головы, чтобъ кого-нибудь не задѣть. Фекла
Семеновна также не ворочаетъ головой; но зато глаза ея какъ
въ пружинахъ, то вправо, то влево.

—Что, Фекла Семеновна, хорошо? ась? произноситъ тихо
Василій Игнатьичъ, проходя по онустѣвшему углу галереи меж-
ду колоннами.

—И Господи, какъ прикрасно! отвѣчаетъ Фекла Семеновна:
—Да что жъ это такое, для чего господа-то собрались?

— Вотъ, спрашиваетъ; ты смотри, да примѣчай.

— Да ужъ у меня и глаза разбѣжались! Когда жъ это они присядутъ? Ахъ, смотри-ко, смотри, что это сбѣжались все въ кучу? Что тамъ случилось? Пойдемъ, посмотримъ!

— Не приходится идти туда; знай честь. Вотъ посмотримъ отсюда.

— Что жъ это тамъ, пляска что ли?

— Тсъ! а ты смотри-себѣ, да примѣчай.

Въ первый разъ Богъ привелъ Василью Игнатьичу и Ѳеклѣ Семеновнѣ быть въ собраніи, какъ же не подивиться всеиъ диковинкамъ.

— Василій Игнатьичъ, начала снова Ѳекла Семеновна: если бы Прохорушка былъ здѣсь, онъ бы, чай, также пошелъ бы въ танцы?... то-то бы посмотрѣла!

— Нуу! отвѣчалъ Василій Игнатьичъ.

— Что ну, вѣдь онъ, чай, не хуже господъ, не тѣхъ вотъ, что въ кавалеріяхъ, а вотъ этихъ штатскихъ-то, право-ну!

— Тсъ! что ты это! сказалъ Василій Игнатьичъ, толкнувъ супругу свою подъ бокъ.

— Поди-ко-сь, слова нельзя сказать! заговорила Ѳекла Семеновна подъ ухо мужу: легко ли.... добро бы я говорила про господъ великихъ; а то, смотри ты, про эту голь слова не скажи! Вотъ онъ, тутъ же, писаришко-то, что тебѣ бумаги ходять писать.... да поругался съ тобой—мало, вишь, далъ ему на чай...

— Гдѣ, матушка, гдѣ ты тутъ нашла писаришку?

— Да вотъ онъ, вотъ трѣтся около благородныхъ-то.... вотъ увидалъ тебя....

— Пфу, въ самомъ дѣлѣ!.... Пойдемъ, пойдемъ! осрамить еще, мошенникъ!

Надо сказать правду, что богатство и почести не по наслѣдію и не даромъ достались Василью Игнатьичу; онъ нажилъ ихъ трудомъ не съ умомъ, а съ грѣхомъ по-поламъ. И потому, какъ ни поверни, бывало, Василья Игнатьича, съ одной стороны почетный гражданинъ, богачъ, а съ другой—старый плутъ, точно нищій, и не далеко ушелъ отъ того Васьки Игнатова, который лѣтъ за-сорокъ торговалъ въ деревнѣ бабками, потомъ служилъ въ харчевнѣ, и угощалъ пьяныхъ вмѣсто вина виннымъ запахомъ. Онъ и продолжалъ бы карьеръ свой по винной части, и современемъ достигъ бы, безъ-сомнѣнія, почетнаго званія откупщика; но судьба рѣшила иначе: она хотѣла его исправить и подслала одну забубѣнную голову, которая знала толкъ въ винѣ,

нила и не уживалась. Когда Васька Игнатовъ поднесъ ей вмѣсто вина виннаго запаха, забубенная голова такъ осерчала, что вызвала Ваську кулакомъ на дуэль, ранила его сперва подъ мыщикъ, потомъ въ сусолы, расквасила носъ, пересчитала ребры, подставила фовари, словомъ, уничтожила его. Послѣ этого Василій Игнатовъ заклался не только торговать виномъ, но и не могъ слышать безъ отвращенія виннаго запаха. Такъ какъ чай естественнымъ образомъ замѣняетъ вино, то онъ и опредѣлился въ служки въ трактиръ близъ станціи. Наблюдая выгоды хозяина, онъ обязанъ былъ собирать спитой чай, сушить его и подбавлять для вкуса въ настоящій. Тутъ узналъ онъ, что кромѣ обыкновеннаго китайскаго чаю, есть *настоящій* китайскій, который родится въ Россіи и называется по мѣсту произрастанія конорскимъ, а по достоинству Иванъ-чаемъ; потому что извозчики, величаемые Иванами и распивающіе въ трактирахъ галенки чаю, были первыми потребителями его, первыми испытателями свойствъ его распаривать желудокъ не хуже китайскаго чаю. На видъ Иванъ-чай ни дать ни взять китайскій, на вкусъ немножко кислеекъ, да еще и лучше, съ похмѣлья всегда хочется чего-нибудь по-кислѣе; а съ *подливочкой*, и самъ китайскій Богдоханъ сказалъ бы, что съ подливочкой въ чашку рюмочки кизлярочки, Иванъ-чай еще лучше китайскаго ван-сунъ-чо-дзи. Василій Игнатовъ разсчиталъ, что если на фунтъ ван-сунъ-чо-дзи, въ шесть рублей, прибавить Иванъ-чая два фунта, въ десять копѣекъ фунтъ, то выйдетъ три фунта Иванъ-сунъ-чо-дзи, которые будутъ стоить шесть рублей двадцать копѣекъ. Эти три фунта составляютъ двѣсти восемьдесятъ восемь копѣекъ; за каждую, кромѣ двѣнадцати кусочковъ сахару, Иваны платятъ до сорока копѣекъ, а за всѣ — сто пятнадцать рублей двадцать копѣекъ. Это невыгодно! тутъ съ одного фунта барыша ровно сто девять рублей! Можно рисковать и на цѣлый цибикъ, подумалъ Василій Игнатовъ. Купилъ цибикъ дряннаго китайскаго ван-сунъ-чо-дзи, составилъ изъ него четыре цибика самаго лучшаго Иванъ-сунъ-чо-дзи, развѣсилъ на фунты, продалъ разносчикамъ, — глядь, у Василя Игнатова капиталецъ пять тысячъ рублей — ого! теперь ужъ можно намъ рискнуть цибиковъ на десять, записаться въ купцы, да завести лавочку, съ вывѣской: *Магазинъ китайскихъ чаевъ, сахару и кофе*. Сахаръ и кофе дрянные продукты, отъ нихъ барыша десять, а много пятнадцать процентовъ... въ сахарный песокъ можно бы подбавить самаго лучша-

го бѣлаго песку, да не таетъ, окаленный! Про кофе и говорить нечего: ни одинъ родъ бобовъ не подходитъ къ нему.

Нужно ли говорить, что мелочная торговля чаемъ не удовлетворила Василья Игнатовъ; онъ пустился въ оптовую, пустился самъ на Кяхту; самъ съѣздилъ въ дмитровскій уѣздъ, чтобъ сдѣлать оптовую закупку самаго лучшаго сорта кипрею. Но для оптовой торговли чаемъ необходимо имѣть свой домъ, съ запертыми воротами, на дворѣ лабазы, амбары, палатки и тому подобныя заведенія. Всѣмъ этимъ обзавелся Василій Игнатьичъ. И вотъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ на дворъ къ нему идутъ двѣ обозы изъ Кяхты съ цибиками; ночью, обозы изъ дмитровскаго уѣзда, съ кулями, а вслѣдъ за прибытіемъ обозовъ, начинается фабрикація или производство Иванъ-сунъ-чо-дзи. Кожа на цибикахъ подпарывается, свинецъ подрѣзывается, половина ванъ-сунъ-чо-дзи китайской накладки отсынается, а вмѣсто его всынается Иванъ-сунъ-чо-дзи. Когда такимъ образомъ русская накладка совершена, приступается къ возвращенію цибикамъ прежняго ихъ вида: прорѣзъ свинцу сплавляется искусно раскаленнымъ желѣзомъ; подпоротая кожа размачивается, шивается снова ремешками, высохнетъ — и слѣда нѣтъ. А между-тѣмъ смотришь, а двухъ-сотъ-тысячный капиталъ выросъ въ шестьсотъ, на будущій годъ въ миллионъ. Всѣ довольны, всѣ пьютъ чай да похваливаютъ, и Василій Игнатьичъ похваливаетъ свой чай; и не думайте, чтобъ онъ, поставляя Иванъ-сунъ-чо-дзи, самъ пилъ ванъ-сунъ-чо-дзи — никогда! просто ванъ-сунъ-чо-дзи ему самому казался британскій и не такъ хорошъ для настою какъ Иванъ-сунъ-чо-дзи. Такимъ образомъ Василій Игнатьичъ былъ правъ и по совѣсти.

Въ производствѣ Иванъ-сунъ-чо-дзи помогалъ ему только сынишко Прохорушка.

— Это, толковалъ онъ ему: вотъ видишь, цвѣты чайные, а вотъ это лучший сортъ, а вотъ это по-хуже; а вотъ какъ смѣшаешь того и другаго, да вспрыснешь цвѣтами-те, такъ и выйдетъ цвѣточный, а безъ цвѣтовъ—семейный, а какъ приложишь щепоточку, такъ выйдетъ сквозничокъ.... Понимаешь?

Такимъ образомъ можно заключить, что тайная торговля была въ-прокъ Василью Игнатьичу. Онъ подумалъ, подумалъ, да купилъ за двѣсти тысячъ каменный домъ, для постройки котораго какой-то князь выписалъ изъ Италіи архитектора, изъ Голландіи кирпичъ, изъ Англіи желѣзо, изъ Франціи обои и мебель, изъ Саксоніи фарфоровыя вазы, еще изъ Италіи картинную га-

дерево и этрусскіе горшки, изъ Египта двухъ сфинксовъ на ворота, изъ Венеціи гондолу для пруда, изъ Китая кіоскъ для сада, и такъ далѣе, словомъ, съ цѣлаго свѣта станицы таму чудить. Все это стоило милліоновъ десять. Когда князь кончилъ жизнь, сынъ его, не получивъ въ наслѣдіе ни вельможества, ни причудъ вельможескихъ, и не заботясь откуда что панелька выписалъ, и что ему все это стоило, тотчасъ же рѣшился сбыть весь драгоценный хламъ италіянскаго вкуса съ рукъ, и завести скорѣе все рококо. Домъ показался ему глушь, мебельровка стара, масляныя картины слишкомъ замаслены и закопчены, и — вождство этого обитель вельможи со всей ея обстановкой, за двѣсти тысячъ поступила во владѣніе Василя Игнатьича.

— Ну, что, Фекла Семеновна, каково? спросилъ онъ у жены, проходя по комнатамъ нушеннаго дому.

— И Господи, какъ прикрасно! отвѣчала она: позову въ гости Домну Никитишну, то-то, чай, подивится.

— Позови, позови, да ты смотри, примѣчай; вѣдь все шелкъ, а не ярославка.

— Да шелкъ же, шелкъ.

— Каменные-то статуи, чортъ знаетъ что, я ихъ въ сарай вею снести, а въ садъ поставлю; а вотъ золоченые-то по угламъ — хороши: изъ залы-то, я ихъ въ гостиную.

— Что жъ это у нихъ въ рукахъ-то словно вербы?

— А тутъ всё шкалики ставятся, вотъ примѣромъ, какъ въ декиннѣи.

— Ухъ, страсти какія! на стѣнахъ всё люди! а на потолкѣ-то! охъ, ерамъ какой! Нѣтъ, Василій Игнатьичъ, вели замалевать! Словно выпархался, да въ передбанникѣ отдыхаютъ... и лебедя изъ рукъ кормить.... экой соблазнъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Василій Игнатьичъ, смотря на потолокъ; въ которомъ вставлена была мастерская картина, изображающая Леду: пришло же въ голову намалевать такую вещь!...

— Да я въ этомъ покоѣ ни затѣ бы одна не осталась, правдо! Мнѣ всё бы казалось, что на стѣнахъ-то живые люди, — того и глады, что вотъ этотъ бросится съ шпагой-то, да убьетъ... Христа ради вели замалевать, да и то еще я буду бояться.... велѣлъ бы совсѣмъ щематурку сбить, да снова ошекатурить.

— Щематурка! Тутъ не щематурка, а обои, смотри-ко съ, щемало, аки вешалье, кто ихъ знаетъ?

— Охъ ты! знаетъ толкъ! Это шитье по канвѣ. Google

— Ааа! вотъ видишь ты; бывають же такіе случаи, что и бабій уть пригодеться. По канѣ шитые! чай вѣдь дорого взяли вышить во всю стѣну-то? Чай ста по-два за стѣну?

— И ужъ! Какъ дашь свою шерсть, такъ рублей за двадцать за пять швел сработаетъ. Чай видалъ ты въ лавкѣ у Трофима Кириловича подушки шитыя? Изъ его шерсти берутъ по два съ полтиной; а работа-то не такая, а мелкая.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ гобелени, Василій Игнатьичъ съ Ѳеклой Семеновной обошли весь домъ, выбрали для жилья себѣ заднія комнаты, гдѣ была гардеробная и жилъ камердидверъ. Входя въ особую картинную галерею, новый хозяинъ вскринулъ :

— Вотъ славная кладовая будетъ у меня!... Тутъ картины-то вѣрно лишнія развѣшаны — я ихъ сбуду, да и всё дрянъ какал: капуста, намалевана разная овощь, да птица разная....

— Звѣри-то, звѣри какіе! вскричала Ѳекла Семеновна: коровы-то, коровы! тѣфу ты, окаинная! Вели ты, пожалуйста, выкинуть эту срамоту, да по-скорѣй бы призвать батюшку со святой водой.

Обрадовался Василій Игнатьичъ и величинѣ бывшаго манежа:

— Вотъ, говорилъ онъ: лабазовъ-то мнѣ не нужно строить — готовый, да какой славный будетъ!

Поселясь въ бѣлокаменныхъ палатахъ, Василій Игнатьичъ тотчасъ же потщился принести пользу казнѣ, не собственно для пользы казны, а для полученія званія именитаго гражданина. После этого необходимо было подумать и объ сынѣ Прокхорущкѣ, и отдать въ коммерческое училище. Сынъ Прокхорущка былъ малый съ способностями: онъ тотчасъ перенялъ и *тонъ* и *манеру* богатыхъ купеческихъ сынковъ, которые въ свою очередь переняли тонъ и манеру отъ юныхъ конторщиковъ-негоціантовъ, съ тою разницею, что этимъ нагѣли еще въ пелёнкахъ :

«Смотри, *mon enfant* или *mein Kind*, ты въ конторщикахъ води себя честно и трудолюбиво, кони деньги, сколети капиталецъ, приютись сперва къ кому-нибудь въ компанію, глядь со временемъ и самъ будешь негоціантомъ; понимаешь? Слѣдуй вкусу людей, угождай вкусу и прихотямъ людей, а съ своимъ вкусомъ и прихотями не суйся. Ja, *mein Kind*, надо конить богатство: богатство—великая вещь! Когда накопишь значительный капиталъ, тогда можешь жить по своимъ прихотямъ: можешь завести комнатки три чистенькихъ, свою кухарку, свою собственную кан-

«орку для кофею, или шоколаду, и даже патэ-фрoа и бутылку вина для пріятелей; а до-тѣхъ-поръ показывай видъ, что ты сытъ; на чужой счетъ вмѣсто завтраку хоть обѣдай, а на свой счетъ вмѣсто обѣда только завтракай. Даромъ ничего, никому и ни для кого; потому что: за что жъ даромъ давать и кто жъ даромъ даетъ?»

На Руси подобныхъ наставленій купеческимъ сынамъ не даютъ; потому что на Русь коммерція не наука, а свободное искусство; успѣхъ и обогащеніе зависитъ не собственно отъ расчета, но отъ талану. У Прохорушки нисколько не было талану наживать, а, напротивъ, вдругъ развился таланъ проживать нажитое отцовское. Василью Игнатьичу очень понравилось, что Прохорушко смотритъ не купеческимъ сыномъ, а чѣмъ-то тово! Оекла Семеновна не могла на него нарадоваться.

— Смотри-ко, вотъ далъ Богъ намъ сына: настоящій господинъ, да еще и лучше, говорила она всегда, любуясь на сына своего.

— Нече сказать, захватской сыннишко! говаривалъ и Василій Игнатьичъ: да, тово.... боюсь офранцузится!...

— Поди-ко-сь, ужъ какъ такъ ведется у господъ, такъ не отставать-стать; господа-то знаютъ по-лучше пасъ что дѣлать; да и невѣсты-то теперь всё ученые, словно Французжанки; вотъ, примѣромъ, у Селифонта Михемча дочь Авдотья Селифонтьевна — всё *мадеу-мазелью* величаютъ. А ужъ какъ она, голубушка, переняла по-господскому-то манежиться! Перетянута вся въ рюмочку — жалости достойно! Извелась, бѣдная; а хорошо! Какъ начнетъ: — Мама, мама! — «Что, дитятко?» — Миѣ что-то дурно! — «Отъ чего же, дитятко?» — Такъ. — «Какъ такъ, за обѣдомъ-те въ ротъ ничего не взяла, какъ не стошвиться! Ты бы чего-нибудь покушала.» — Но! — «Ничего не *ву-ла*?» скажетъ и Марья Ивановна по-французскому. — Но! И Господи, кака великатная! Куда ужъ ударить за что-нибудь! Слово скажи съ сердцемъ, такъ такъ голубушка и упадетъ безъ памяти!... Вотъ бы невѣста-то Прохорушкѣ!

— И на струментъ играть?

— Играть! ужъ какъ играетъ-то! Пальчики словно въ запуски бѣгаютъ!

— Ну, ладно, такъ я не продамъ струмента, что въ загѣ-то стоитъ.

— Не продавай!

Такимъ образомъ поговорили, поговорили, да и рѣшили, что *быть такъ*. Оставалось Прохору Васильевичу кончить только науку. По лѣтамъ, онъ уже былъ годковъ двадцати, по наружности — просвѣщеніе прикинуло ему нѣсколько годковъ и цвѣтъ лица его былъ матовый; по статямъ онъ былъ до ученія малый ражій, но когда *изучился*, то нѣсколько похудѣлъ и вытянулся.

Покуда отецъ и мать выжидали времени и часу, чтобъ женить Прохорушку, онъ успѣлъ *поизбаловаться*; отецъ осерчагъ-было на него за забранныя безъ спросу у приказчика Трифона и промотанныя деньги, но Фекла Семеновна убѣдила, что нельзя же молодцу не погулять, успокоила пословицей, что *женится, перемѣнится*, и принялась закидывать неводъ на Авдотью Селифонтовну. Дѣло шло изрядно; да на бѣду заболѣла бѣдная Фекла Семеновна. Бывало, отъ *засоренія желудка* поѣсть рѣдечки съ кваскомъ — и все снова ладно; бывало простудится — сходить въ баню, выпарится хорошенько, да натрется медомъ съ солью, и снова какъ встрепаная; но, поразнѣжившись въ боярскомъ дому на господскую стать, нельзя уже жить и бытъ по-прежнему, все дѣлать по-просту: господа лучше знаютъ, что пригодно господской натурѣ. Прохорушка же особенно озаботился, чтобъ его *тятенька* и матушка не ударили лицомъ въ грязь; онъ ихъ училъ какъ все ставить на благородную ногу. Не только рѣдка, — обычное лекарство Феклы Семеновны отъ засоренія желудка, но даже орѣхи и сырая рѣпа, — до которыхъ она была страстная охотница и которыми прежде засоряла желудокъ, — вывелись изъ употребленія. Въмѣсто четверика рѣпы и мѣшка орѣховъ, надо же было по привычкѣ грызть, употреблять что-нибудь благородное; и вотъ Фекла Семеновна замѣнила ихъ *фисташками* и каштанами. Они подѣйствовали какъ-нельзя лучше; безъ доктора, облагороженный желудокъ и не думалъ переваривать *фисташекъ* и каштановъ.

— Надо призвать доктора, тятенька, сказалъ Прохорушка.

— Поди-ко-съ, доктора! сказалъ Василій Игнатьичъ: доктора-то кусаются.

— Чтò жъ, умирать мнѣ прикажешь, чтò ли? простонала Фекла Семеновна.

— Вышла бы рюмочку водки съ перцомъ, такъ и все бы прошло; а то еще доктора.

— Какъ это можно, тятенька. Я позову Степана Кузьмича, сказалъ Прохорушка.

— Чтò, *малышка!* не бойсь я не знаю, какъ они морочать людей? Придетъ, расшаркается, подержить за руку, да высунитъ ему языкъ какъ дураку, а потомъ взялъ да написалъ записку въ аптеку — и давай ему красную ассигнацію. А въ аптекахъ-то чтò? Не я не бойсь отпускалъ въ аптеки-то спиртъ? Подкрасятъ его чѣмъ-нибудь, вотъ-те и лекарство! Ужь, братъ, знаемъ!

— Умори, умори меня! прикрикнула слова Фекла Семеновна.

— Да по-миѣ, пожалуй, бросай деньги на аптечную настойку! Наживалъ, наживалъ, а тутъ возьми и кинь собакамъ!

— У меня есть пріятель, отличный медикъ, тятенька, онъ ничего не возьметъ; послѣ можно ему будетъ подарить фунтъ хорошаго чаю.

— Ну, за вылечку, пожалуй, и фунта два дадимъ китайской уборки.

Юный медикъ, пріятель Прохорушки, явился въ спальню къ Феклѣ Семеновнѣ. Сначала она пришла въ ужасъ, увидѣвъ передъ собой молодаго человѣка.

— Чтò ты это, батюшка, какого ты молокососа ко миѣ привелъ? Это, вѣрно, ученикъ докторской? прикрикнула она было на сына; но онъ увѣрилъ ее, что наука и опытность наживаются не постепенно, а гуртомъ.

Хотя молодой медикъ слѣдовалъ не русской пословицѣ: *вѣкъ живи, вѣкъ учишь*; но онъ убѣдился долговременнымъ употребленіемъ искусства надъ желудкомъ Феклы Семеновны, что дѣйствительно *ars longa, a vita brevis*. Желудочные дѣятели Феклы Семеновны пришли въ недоумѣніе отъ фисташекъ и отъ каштановъ, подняли тревогу: «Это чтò такое? это чортъ знаетъ чтò, а не рѣпа! Пусть кто хочетъ варить эту дрянь, а мы не будемъ ее варить!» Бывало бунтъ прекращался рѣдкой, и все отъ болезни рѣдки принималось снова за работу; но когда вмѣсто горькой рѣдки прибыла въ желудокъ подслащенная вѣнская микстура и стала уговаривать желудочныхъ дѣятелей нѣмецкимъ нарѣчіемъ, они отвѣчали ей: «Извольте сами варить, судари, нѣмецкіе продукты!» и отирались въ голову, жаловаться Феклѣ Семеновнѣ, что вотъ такъ и такъ, дескать, посылаютъ намъ сверху чортъ знаетъ чтò. Фекла Семеновна, вмѣсто-того чтобы по старому обычаю приложить къ головѣ кислой капусты, въ свою очередь пожаловалась медику, что вотъ такъ и такъ — году смерть разломилло! Медикъ не долго думалъ; тотчасъ же умотрѣлъ рѣшительное средство: обложилъ голову льдомъ, къ

могамъ спнапизмы, къ животу катаплазмы, — всполошилъ всѣхъ жизненныхъ дѣятелей, забросались они во всѣ стороны, бѣгутъ жаловаться въ голову, а въ головѣ ужъ пожаръ, — плохо! И медикъ видитъ что плохо.

— Надо, говорить, сдѣлать консилиумъ.

— Что такое значить это, сударь? спрашиваетъ его Василій Игнатьичъ.

— Созвать докторовъ на совѣтъ.

— Эхъ вы, сударь! спалили домъ, да собирать совѣтъ, какъ изъ головешекъ вновь его построить!

— Я чѣмъ же виноватъ? сказалъ обидѣвшійся медикъ.

— Чѣмъ? Ужъ вѣстимо что ничѣмъ: гдѣ жъ вамъ пальцомъ искру тушить! Поѣхали за трубой!

Несмотря на отца, Прохоръ Васильевичъ собралъ нѣсколькихъ медицинскихъ извѣстностей, по желанію пріятеля своего, который хотѣлъ чтобъ авторитетъ медицины подтвердилъ, что онъ употребилъ всѣ извѣстныя средства, предписываемыя наукой, для возстановленія здоровья Феклы Семеновны, и нисколько не виноватъ въ томъ, что онѣ не помогаютъ.

Извѣстности явились, по призванію, передъ смертнымъ одромъ Феклы Семеновны; посмотрѣли на нее, подтвердили болѣзнь, пожурили лекарства, похвалили методу леченія и потомъ стали совѣщаться на латинскомъ языкѣ:

— Что, какъ вы находите?

— Да что жъ тутъ находить?

— Конечно. Чортъ знаетъ отчего и чѣмъ лечилъ онъ ее.

— Теперь ужъ всё-равно.

— Конечно. Чѣмъ вы кончили вчера игру?

— Ничѣмъ. Это что за новое лицо, медикъ? вы знаете?

— Гмъ! кажется гомеопать.

— Предложите ему, чтобъ онъ взялся ее поднять изъ гроба.

Новички горячи.

— Въ самомъ дѣлѣ; постойте.

И медикъ въ парикѣ сказалъ вслухъ: Аллопатія истощила свои средства; не худо бы попробовать лечить гомеопатіей.

— Я самъ такъ думалъ, сказалъ молодой медикъ, лечившій Феклу Семеновну.

— Гомеопатія владѣетъ средствами сверхъ-естественными.

— Нисколько не сверхъ-естественными, отвѣчалъ затронутый гомеопать, низенькій мозглявый человѣчекъ: можетъ быть, такъ думалъ Ганеманъ, но мы такъ не думаемъ.

— Это очень естественно; но мнѣ кажется, гомеопатія есть такая метода, которая уничтожаетъ необходимость въ медикахъ.

— Это почему?

— Въ ней такъ положительны признаки болѣзней, такъ положительно дѣйствіе лекарствъ, что каждый можетъ лечить и лечиться по руководству.

— Но для руководства нужно познаніе.

— Какое познаніе? Нужны только опыты надъ самимъ собою, принять напримѣръ беладоу; въ такомъ-то дѣленіи она произведетъ всѣ признаки жабы; въ другомъ — всѣ признаки различныхъ родовъ сыни — и довольно: *similia similibus curantur*.

— Позвольте, господа, я увѣренъ, что Ганеманичъ не изобрѣтатель гомеопатіи; онъ только воспользовался русской пословицей: *тѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись*. Напримѣръ: похмѣлье есть лекарство отъ разстройства, произведеннаго опьяненіемъ.

— Да, положимъ, что это и такъ, сказалъ гомеопатъ, затронутый аллопатомъ: но во всякомъ случаѣ аллопатія сбилась съ пути: вмѣсто того, чтобъ помогать природѣ изгонять изъ себя вкравшуюся постороннюю силу, возмущающую ее, она насилуетъ самую природу.

— Извините! въ человѣкѣ двѣ природы: инстинктуальная и натура привычекъ. Натуру привычекъ должно насловать, потому что она есть то зло, которое рождаетъ вредъ.

— Извините! привычки истекаютъ изъ развитія самой природы и изъ ея потребностей; и потому нѣтъ другой природы.

— Извините! Стало-быть нарость есть развитіе самой природы?

— Безъ всякаго сомнѣнія; мнимое зло было уже въ корнѣ, въ самомъ семени: каждый членъ организма можетъ выйти изъ границъ своего предназначенія, по вкравшемуся вліянію наружныхъ силъ.

— Извините! оно просто благопріобрѣтенное или, лучше сказать, прививное.

— Прививное? Извините! никогда! Чортъ его прививалъ.

— А зараза? Не прививное зло?

— И не думало быть прививнымъ! Это опять-таки ничто иное какъ вѣншее вліяніе на развитіе какой-нибудь внутренней частной силы.

— Прекрасно! Это новость!

— Нисколько не новость! Отнимите внѣшнюю, или постороннюю силу, вкравшуюся въ организмъ, и зло прекращено; но не трогайте самаго организма, онъ не виноватъ. На этомъ и основана гомеопатія.

— Поздравляю!

— Нечего поздравлять. *Такъ дѣйствуетъ сама природа, такъ дѣйствуетъ само Провидѣніе, сберегая организмъ государствъ. Представьте себѣ, что внѣшняя сила вкралась въ организмъ, какъ Наполеонъ въ Египетъ; не явись другая воинственная сила—Англичанъ, Египетъ бы преобразовался въ новую жизнь. Здѣсь чтѣ? Честолюбіе противоборствуетъ честолюбію, слава славу, жажда къ преобладанію подобной же жаждѣ; да, конечно! вы даже любви не изгоните ничѣмъ кромѣ какъ любовью! А знаете ли, какъ дѣйствуетъ аллопатія? Какъ Турки: чтобъ обезсилить непріятеля вошедшаго въ ихъ землю, они все выжгутъ, обратятъ весь край въ степь, выгонятъ жителей, словомъ, уничтожатъ страну.

— Извините! Вы говорите такъ, потому что не понимаете аллопатіи!

— Нѣтъ, очень понимаю!

— Нѣтъ, не понимаете!

— Нѣтъ, очень понимаю, и знаю, что грубость также принадлежитъ къ системѣ аллопатіи!

Слово за слово, у аллопатіи съ гомеопатіей чуть-чуть не дошло дѣло до аргументовъ фактическихъ. Василій Игнатьичъ и сынъ его стояли въ ожиданіи, чѣмъ рѣшится совѣщаніе.

— О чемъ же, сударь, такой горячій споръ у нихъ? спросилъ Василій Игнатьичъ у молодаго медика.

— Они разсуждаютъ, какое употребить рѣшительное средство для помощи Феклы Семеновнѣ.

— Охъ, помоги Господи, наведи ихъ на разумъ.

Послѣ долгаго, жаркаго бою на словахъ, аллопатъ отвернулся отъ гомеопата и сказалъ:

— Шарлатанъ!

— Людоморы! проговорилъ въ отвѣтъ гомеопатъ.

— Чтѣ, сударь, рѣшили? спросилъ Василій Игнатьичъ.

— Рѣшили; я сейчасъ провишу.

— Чтѣ жъ, они говорятъ, что Фекла Семеновна встанетъ?

— Конечно.

— Ну, ужъ если такъ, то я не пожалѣю ничего! Что, сударь, рублевниковъ по сту не мало дать имъ?

— Совѣщаніе было трудное: болѣзнь Ѳеклы Семеновны очень сложна.

— Такъ по двѣсти?

— Вѣдъ тутъ идетъ дѣло о спасеніи жизни.

— Ой? такъ она выздоровѣетъ?

— Я надѣюсь.

— Да чтѣ мнѣ ваша надежда, я за нее ни копѣйки не дамъ; вы мнѣ скажите навѣрно.

— Я вамъ навѣрно и говорю.

— Вотъ это дѣло другое. Не пожалѣю по пятисотъ, сейчасъ имъ и отдать?

— Позвольте, это ужъ мое дѣло, я ихъ приглашалъ.

— Извольте, вотъ шесть сотъ рублевниковъ серебромъ; рассчитывайтесь съ ними.

— Очень хорошо; вотъ рецептъ; скорѣй пошлите за лекарствомъ.

— Ладно. Проша, ступай, братъ, пошли, да скорѣе, слышишь?

— Слышу! отвѣчалъ уходя бѣгомъ Прохоръ Васильевичъ.

— Батюшки, родные, отцы мои! Ѳекла Семеновна, матушка! отходить! вскричали вдругъ въ одинъ голосъ двѣ старухи, сидѣвшія около Ѳеклы Семеновны.

— Чтѣ такое? вскричалъ Василій Игнатьичъ, вздрогнувъ и бросившись къ постелѣ жены.

— Охъ, отдаетъ Богу душу! умираетъ! Матушка, Ѳекла Семеновна! завопили снова старухи.

— Охъ, чтѣ вы это говорите! Ѳекла Семеновна! голубушка моя! завопилъ и Василій Игнатьичъ, припавъ къ женѣ. Господа доктора! помогите! охъ, помогите! чтѣ хотите возьмите, только помогите!... Степанъ Козмичъ! Степанъ Козмичъ!.. Гдѣ жъ онъ? и доктора-то уши! Бѣгите за ними, они чай еще не уѣхали!..

— Э, батюшка, Василій Игнатьичъ, какая ужъ помощь!

— Догони, догони ихъ, матушка Василіса Григорьевна, догони!

Старая Василіса Григорьевна поплелась торопливо въ переднюю; но и слѣдъ консультантовъ простылъ; Степанъ Козмичъ также исчезъ какъ привидѣніе.

Такимъ образомъ кончила жизнь Ѳекла Семеновна. После пер-

ваго времени горя и печали, Прохоръ Васильевичъ, ни съ того ни съ сего, вдругъ сталъ упрашивать отца, чтобъ дозволилъ завести ему суконную или филатурную фабрику.

— Э, нѣтъ, братъ, говорилъ ему Василій Игнатьичъ: фабрика—пустое дѣло; торгуй-ко ты часмъ, какъ отецъ, это по-вѣрнѣе, да и по выгоднѣе.

— Нѣтъ, тятенька, ужъ прошли тѣ времена; сами вы знаете: сколько кипрею-то въ Москву-рѣку свалили, какъ прѣѣхала коммиссія.

— Правда, что не тѣ времена; да все, братъ, чтò жъ, право, фабрика — пустое дѣло. Вотъ Иванъ Козмичъ обанкрутился.

— А отъ чего обанкрутился: самъ дѣла не знаетъ, а полагается на приказчиковъ, да на вышснаго мастера. Нѣтъ, ужъ я не такъ дѣло поведу, я самъ поѣду за границу, самъ все узнаю, самъ куплю машину,— меня ужъ не надуютъ.

— Пустышь ты говоришь.

— Ей-ей, тятенька, нѣтъ; да вотъ извольте посмотрѣть, какъ идутъ дѣла у Савелья Ивановича; а отъ чего? отъ того, что онъ самъ ѣздитъ за границу.

Василій Игнатьичъ нерѣшительно отиѣкивался. Ему самому принаскучила ужъ чайная фабрикація. У самого въ головѣ уже было завести филатурную фабрику.

— А чтò, подумалъ онъ, наконецъ, послѣ усиленныхъ просьбъ сына: кажется, изъ него будетъ толкъ, да вѣрно и таланъ есть,— во смѣ видить филатурную фабрику. Дать ему капиталъ, пусть себѣ заводитъ какъ знаетъ: не даромъ въ наукѣ былъ.

Какъ поѣхалъ Прохоръ Васильевичъ въ путь за нѣмецкими самопрялками, и чтò съ нимъ приключилось, то будетъ впереди; теперь скажемъ только, что онъ уѣхалъ.

III.

Проходить съ полгода, — ни слуху, ни духу о Прохорѣ Васильевичѣ.

— Вѣрно, заматая! думаетъ Василій Игнатьичъ.

Проходить еще нѣсколько времени.

— А чтò, братъ, Трифонъ, говоритъ Василій Игнатьичъ своему приказчику: Прохоръ-то пропалъ! Какъ быть?

— Обождите, Василій Игнатьичъ, — не близкое мѣсто: Ан-

гля-то чай вѣдь за моремъ. Теперь скоро надо ждать не само-го, такъ письма.

Въ самомъ дѣлѣ, на третій день, явился какой-то Соломонъ Берка, комиссіонеромъ отъ сына. По письму слѣдуетъ выдать ему въ счетъ уплаты за машины и за комиссію перевоза ихъ, пятьдесятъ тысячъ.

Деньги выдавы. Время идетъ да идетъ, а Прохора Васильевича нѣтъ какъ нѣтъ.

Василій Игнатьичъ горевалъ горевалъ, да и горевать забылъ.

— Ну, вѣрно, толку не будетъ изъ него; пропали только денежки!

А между-тѣмъ приказчикъ Трифонъ Исаевъ, вскорѣ послѣ выдачи комиссіонеру Прохора Васильевича, поссорился съ хозяиномъ и отошелъ. Въ Москвѣ явился какой-то чайный комитетъ. Не до сына Василию Игнатьичу.

Въ это-то смутное время доложили ему, что какой-то чиновникъ пріѣхалъ.

— О, Господи, подумалъ Василій Игнатьичъ, съ ужасомъ: вѣрно, бѣда пришла! Боюсь я мошенника Тришки!... Проси, проси покорнѣе!

Чиновникъ вошелъ.

— Вы Василій Игнатьичъ Захолустьевъ?

— Покорнѣе прошу, сударь, садитесь, покорнѣе просимъ, сдѣлайте одолженіе.

— Скажите, пожалуйста, у васъ есть сынъ?

— Какъ же, сударь, въ чужихъ краяхъ теперь, поѣхалъ заводить фабричную фабрику, отвѣчалъ Василій Игнатьичъ, вздохнувъ свободно.

— Давно ли вы отъ него имѣете извѣстія?

— А что, сударь? Вотъ ужъ болѣе полугодомъ..... Богъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось, сказалъ Василій Игнатьичъ съ новымъ вздохомъ.

— Я привезъ вамъ объ немъ свѣдѣнія.

— Какія же, сударь?

— Съ нимъ случилось маленькое несчастіе, при возвращеніи его въ Москву.

— Несчастіе? о, Господи! вѣрно, онъ боленъ, или.... охъ!..... боюсь подумать!

— Не бойтесь, несчастіе не такъ велико: должно полагать, что шайка мошенниковъ сговорилась его ограбить, и достигла

до этого; а между-тѣмъ его же по подозрѣнiю взяли въ городскую полицiю.....

— Въ полицiю! охъ, срамъ какой!

— И препроводили сюда.

— Батюшка, сударь, гдѣ жъ онъ теперь?

— Не тревожьтесь, пожалуйста; ему самому совѣстно своего положенiя, и потому онъ скрывалъ свое имя, и мнѣ только за тайну объявилъ его.

— Гдѣ жъ онъ, сударь, гдѣ жъ онъ?

— Онъ теперь въ острогѣ.

— Охъ, осрамилъ мою головушку!

— Не тревожьтесь, я вамъ говорю; это все можетъ кончиться безъ огласки; онъ взять только по наговорамъ, и потому его отдадутъ вамъ на поруки. Я обо всемъ распоряжусь, и вамъ стоитъ только дать поручительство, что дѣйствительно такой-то, по подозрѣнiю, вашъ сынъ.

— О, Господи, чѣмъ мнѣ васъ благодарить!

— Мнѣ не нужна ваша благодарность; я исполняю свой долгъ. Ахъ, да! тамъ содержится также бывший вашъ приказчикъ, кажется, Трифонъ Исаевъ.

— Былъ, былъ у меня этотъ мошенникъ!

— Мошенникъ?

— О, бездѣльникъ такой, какого свѣтъ не производитъ!

— Въ такомъ случаѣ, объ немъ ни слова. Чтобъ скорѣе рѣшить дѣло, побѣжайте теперь же со мной.

Василiй Игнатьичъ отправился куда слѣдуетъ свидѣтельствовать, что содержащiйся неизвѣстный въ острогѣ, показывающiй себя сыномъ его, дѣйствительно единокровный сынъ его, Прохоръ Васильевъ Захолустьевъ.

Въ тотъ же день ввечеру, квартальный явился къ смотрителю острога, съ приказанiемъ выпустить неизвѣстнаго, на поруки почетнаго гражданина Василья Игнатьева Захолустьева. Смотритель велѣлъ старостѣ привести его къ себѣ.

— Эй, ты, безъимянный! крикнулъ староста, подходя къ Дмитрицкому.

— Чтѣ тебѣ? спросилъ Дмитрицкiй.

— Давай, всѣ сколько есть! есть, чтѣ ли?

— А чтѣ такое?

— На вышку!

— Нуужели?

— Ну, братъ, смотри же! держи слово честно! жепнуль рабой острая бородка, извѣстный намъ Тришка.

— Смотрю! отвѣчалъ Дмитрицкій.

— Тò-то; а нето, братъ.... Знаешь?

— Знаю!

— Да помни урокъ, что твой тятенька-то, не тово....

— Не бойся!

Дмитрицкій отправился за старостой къ смотрителю; квартальный взялъ его подъ росписку, и отправился съ нимъ въ домъ Василья Игнатьича.

— Какъ же это такъ, вы изволили понасть въ тюрьму? сынъ такого почтеннаго человѣка, началъ квартальный бесѣдовать дордой:

— Что жъ дѣлать! отвѣчалъ Дмитрицкій, ужасный случай! счастье, что еще не убили.

— Какимъ же это образомъ случилось?

— Какъ случилось! Подробностей, какъ, гдѣ, я вамъ не буду разсказывать; тутъ не просто шайка разбойниковъ дѣйствовала.... Представьте себѣ, что меня оповли тѣмъ-то, кругомъ обобрали, заковали какъ преступника, и я очнулся въ тюрьмѣ. Потомъ вывели на очную ставку съ какой-то женщиной, которая доказывала, будто я виѣтъ съ ней грабилъ! Просто сонъ! Я по сю пору очнуться не могу!

— Удивительное дѣло! сказалъ квартальный. Чтò жъ, вы подадите просьбу?

— Просьбу! Мнѣ жепнули, что если я задумаю исхать, такъ чтобъ ужъ за-живо велѣлъ отнѣтъ себя.

— Удивительное дѣло!

Удивленіе продолжалось до самого подъѣзда къ огромному дому, у котораго ворота были заперты. Населу достучался.

— Кого надо? спросилъ дворникъ.

— Иванъ, это ты? крикнулъ Дмитрицкій.

— Кто спрашиваетъ?

— Не узналъ!

— Да кто такой?

— Ну, отпирай! крикнулъ Дмитрицкій.

— А вотъ я доложу Василью Игнатьичу.

— Отпирай! не узналъ Прохора Васильевича.

— Ой-ли! Ахъ ты, Госноди!

Дворникъ отверлъ калитку, и отступилъ передъ Дмитрицкімъ.

- Здорово, Иванъ!
- Прохоръ Васильевичъ!
- Бѣги, скажи скорѣй тятенькѣ.
- Бѣгу, бѣгу!

Дворникъ убѣжалъ впередъ, а квартальный съ Дмитрицкимъ вслѣдъ за нимъ вошелъ по темной лѣстницѣ.

— Куда жъ тутъ, вправо или влево? спросилъ квартальный, вамъ извѣстнѣе.

— Да тутъ такая темнота, что я не знаю, гдѣ право и гдѣ влево!

Но вслѣдъ неожиданнымъ гостямъ вышелъ кто-то въ родѣ приказчика, въ сѣни со свѣчкой въ рукахъ.

— Пожалуйте-съ! сказалъ онъ, освѣщая путь чрезъ переднюю, въ маленькую залку.

— Гдѣ тятенька? спросилъ Дмитрицкій.

— А вотъ пожалуйте, пожалуйте въ гостиную.

— Егоръ Лукичъ это, или Антипъ Григоричъ? или ни тотъ, ни другой? Подумалъ про себя Дмитрицкій, что онъ меня не величаетъ? А гдѣ жъ Егоръ Лукичъ?

— Они, сударь, на ярмарку поѣхали, а я покуда вмѣсто ихъ, отвѣчалъ приказчикъ, ставя на столъ свѣчку и кланаясь гостямъ.

— Тѣ-то я вижу, не узнаешь меня.

— То есть, какъ не узнаю-съ, съ позволенія доложить, батюшка?

— Да такъ, не узналъ меня; ты у тятеньки вѣрно недавно?

— Ахъ, Господи! Миѣ и не въ догадъ! Простите, батюшка, Прохоръ Васильевичъ, не оставьте своимъ милостями.... недавно, сударь, недавно....

— Какъ по имени и отчеству?

— Евсей Савельевъ, сударь.... Прохоръ Васильевичъ.... Ахъ, да вотъ и Василій Игнатычъ.

— Тятенька! вскричалъ Дмитрицкій, бросаясь на шею къ вошедшему старику, котораго сѣдые волосы подстрижены были въ кружокъ по-русски, лицо рыжеватое-красное, глаза подслѣпозытые, сюртукъ до полу.

— Постой, постой, братъ, Прохоръ, постой! Съ тобой, братъ, мы еще рассчитаемся!

— Тятенька! повторилъ Дмитрицкій, славя еще болѣе въ объятіяхъ своихъ старика.

— Да убирайся, говорятъ! эка! задушилъ! Покорно прошу, извините, что шелопаи-то мой побезпокоилъ васъ, сказалъ Василій Игнатьичъ къ квартальному.

— Миѣ велѣно только отдать вамъ съ рукъ на руки.

— Покорнѣйше благодарю; такой казусъ произошелъ, что стыдно сказать!.... Ты ступай, братъ, въ баню сейчасъ, благо затоплена; обмой грѣхи-те свои.... а потомъ я тебя попарю.... слышь?... крикнулъ Василій Игнатьичъ сердито и не обращая глазъ на мнѣшаго сына.

— Пойдемъ, Евсей Савельичъ, сказалъ Дмитрицкій.

— Пойдемте, пойдемте, батюшка.

— Да пожалуйста спроси чистое бѣлье; да тутъ платье мое должно быть старое.

Покуда Василій Игнатьичъ побесѣдовалъ съ квартальнымъ, неподчивалъ его чаемъ и отпустилъ съ благодарностью за доставленіе сына, Дмитрицкій возвратился изъ бани, разгорѣвшись, причесавъ волосы какъ слѣдуетъ скромному купеческому сыну, и облеченный въ англійскій сюртукъ изъ гардероба Прохора Васильевича.

— Тятенька!.... вскричалъ онъ снова, бросившись на шею старуку.

— Экъ ты братъ отдѣлалъ себя! Въ два года лѣтъ десять положилъ на кости! Смотри-ко-сь, то ли ты былъ? смотри-ко-сь на портретъ-то свой! а? Ну, рассказывай!

Дмитрицкій сѣлъ подлѣ Василя Игнатьича, закрылъ глаза рукою и молчалъ.

— Чтѣ молчишь-то? а? Эково балбеса уродилъ, а толку мало!.... Гдѣ дѣвалъ деньги-то? а? говори!.... Машины-то привезъ? фабрику-то завелъ?... Эка отличная фабрика! Напрялъ нитокъ съ узлами! ай-да сынокъ!

— Тятенька, если бѣ вы знали, какая бѣда, тово.... случилась со мной!.... Такіе мошенники.... надули меня!

— Надули? не морочь, братъ!

— Ей-ей, тятенька! хоть образъ со стѣны сниму!.... Я заказалъ машины въ Англій, половину денегъ впередъ отдалъ.... сперва водили, водили, съ полгода, всё-еще не готовы, говорятъ; а тутъ вдругъ пропалъ мастеръ.... Я подалъ прошеніе, а миѣ говорятъ, что такого мастера въ Лондонѣ нѣтъ.... чтѣ миѣ дѣлать, думаю; тятенька меня убьетъ....

— А сколько денегъ-то впередъ далъ?

— Пятьдесят тысячъ.

— Фалелей, Фалелей! да ты, братъ, пошлый дуракъ!

— Что жь дѣлать, тятенька, тамъ такое заведенье.

— Пью! пятьдесят тысячъ!.... Ну, сто-то гдѣ?

— Что пятьдесят тысячъ, ужь пропадай бы они; да вы извольте послушать.....

— Ну!.... Экъ ты, братъ, и голосъ-то прогулялъ, и рожа-то, какъ посмотришь, словно чужая!

— Что жь дѣлать!.... Несчастье за несчастіемъ; поневогѣ же будешь походить на себя, тятенька!.... Вы извольте послушать.... Съ мастеромъ-то сдѣлалъ я условіе, а не просто заказалъ ему, да и на деньги, нѣтъ, тятенька, все по формѣ; да кто жь знаетъ, что тамъ и въ судахъ-то мошенничаютъ за-одно..... Условіе было писано по-англійски, а я по-англійски не знаю. Какъ подагъ я прошенье, а ко мнѣ вдругъ полиція.... — «Это ваша подпись?....» — «Моя....» — «Такъ заплатите долгъ господину Джону Пипу.» — «Какой долгъ?» — «Вотъ по этому заемному письму въ пятьдесят тысячъ.» — «Какъ, заемное письмо? Это условіе по заказу машины, съ мастеромъ Джономъ Пипомъ: пятьдесят тысячъ слѣдуетъ уплатить по полученіи и отправленіи машины въ Москву; а онъ не только не сдѣлалъ машины, да еще и скрылся самъ. — «То можетъ-быть другое условіе, сказалъ полицейской: а это заемное письмо на имя Джона Пипа; извольте платить, или итти за мною.» Я такъ и оберъ!.... Вотъ, тятенька, какъ обманываютъ-то тамъ, не по-нашему....

— Ай-да! Ну, какъ же ты отдѣлался?

— Я боялся писать къ вамъ, тятенька, правду, и просилъ только о присылкѣ денегъ....

— Телячья голова!.... Да лжешь, братъ, ты?

— Ей-ей, тятенька, что мнѣ вамъ лгать: я просто упалъ бы въ ноги, да попросилъ прошенья. Я везъ къ вамъ это мошенническое заемное письмо; да вѣдь вы знаете, что со мной случилось на дорогѣ, и какъ меня посадили въ тюрьму.

— Нѣтъ, не знаю, рассказывай! Остальныя-то прогулялъ?

— Какъ это можно, тятенька; я слишкомъ въ два года прожилъ на себя только триста рубликовъ! вотъ что!

— Ой! лжешь! этого и на чай не достанетъ: что жь, не боишься, тамъ и чай-то дешево, а?

— Чай? да тамъ чай-то пить нельзя; тамъ вѣсто чаю-то чортъ знаетъ что подають!

— Ой-ли? что ты говоришь?

— Ей-ей! да это ужасъ и подумать. Вмѣсто чаю тамъ ерошечку продають.... Шью! такая гадость, я въ ротъ взять не могу!

— Неужели? ахъ, собаки! Что жъ, цѣльная копорка, что ли?

— Э! да я бы и копорскому чаю такъ обрадовался, что я вамъ скажу!

— Неужели? Что жъ, ужъ будто такъ-таки и не листочка китайскаго?

— Ни листочка! говорю вамъ, что просто наборъ разныхъ травъ: доннику, васильковъ, бузины, листу черной смородины..... ну, разныхъ, чортъ знаетъ какихъ!

— Да что жъ полиція-то смотритъ?

— Полиція? Полиція-то тамъ въ торговля дѣла не мѣшается, что хочешь продавай, надувай какъ душѣ угодно.

— Что ты говоришь?

— Ей-ей!

— Скажи пожалуйста!.... Нѣтъ, вотъ у насъ, такъ, братъ, не то: листокъ подмѣси найдутъ, такъ не только что опишутъ все на казну, да и самого-то къ чорту на кулички.

— Это ужъ точно обидно, тятенька: изъ чего жъ чаемъ-то и торговать, если не поразбавить его копоркой. Важная вещь: осмужку прибавить на фунтъ. Оно и по совѣсти, да и пользительно; потому что, ужъ если правду говорить, такъ китайской-то чай цѣликомъ вреденъ; вотъ недавно одинъ ученый написалъ книгу, что китайскій чай самъ по себѣ всё-равно что опиумъ, а опиумъ-то медленный ядъ.

— Неужели?

— Ей-ей!

— А вправду, вѣдь отъ цѣльнаго китайскаго страшная бессонница; я самъ это по себѣ знаю, я какъ-то всегда не любилъ цѣльный китайскій: съ копоркой-то какъ-будто по-мягче.

— Да вотъ что я вамъ скажу: отъ чего вы думаете, у господъ-то по ночамъ пиры, балы, да банкеты? Отъ того, что у всѣхъ у нихъ бессонница, отъ настоящаго китайскаго чаю.

— А что ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ: вѣдь цѣлый-то только и идетъ что къ господамъ.

— Да какъ же: пей-ко они, хоть по-поламъ съ копорскимъ,

походили бы на людей; а то что: тѣни, въ головѣ только дурь; а отъ чего? отъ китайскаго чаю.

— Ей-ей такъ! сказалъ Василій Игнатьичъ.

— Да какъ же, продолжалъ Дмитричкій: припомните-ко, тятенька: цѣльный, китайской укладки чай пили только самые большіе господа, князья, да вельможи; у нихъ только по ночамъ и пиры были; а теперь какъ сталъ всякой чиновникъ-шушера распивать настоящій китайскій чай, такъ и не спится ему, заведи картежъ по ночамъ, да попойку, да музыку, пляски,—всѣ съ ума сходятъ отъ бессонницы. А что будетъ, какъ и весь простой народъ скажетъ: подавай, братъ, мнѣ настоящаго, съ подмѣсю-то я не хочу! — а?

— Охъ, да ты, братъ, штука сталъ, Прохоръ! говоришь какъ пишешь! любо слушать! Жаль полутора ста тысячъ; да я, братъ, и радъ, что не завелъ ты фабрику; ты слушай меня: торгуй чаемъ: ей-ей, прибыльнѣе фабрики.

— Слушаю, тятенька, во всемъ васъ слушаю, отвѣчалъ Дмитричкій: ужъ какъ я буду торговать чаемъ, такъ извини: у меня китайской пойдетъ только на подкраску.

— Нѣтъ, братъ, Прохоръ, этого нельзя: теперь, братъ, за этииъ смотреть, понимаешь?

— Смотрятъ? да мы съ зрителями какъ нибудъ уживемся.

— Нѣтъ, братъ, Прохоръ, прошли золотыя времена!

— Зато теперь, тятенька, мишурныя времена; бывало озолотятъ человѣка, а теперь обмишурятъ—вотъ и всѣ.

— Э, да ты, братъ, голова, Прохоръ!

— Вотъ на примѣръ меня какъ славно обмишурили.

— Ахъ, да! расскажи-ко, какъ же тебя ограбили на дорогѣ?

— А вотъ какъ, тятенька: ѣду я изъ-за границы.... ужъ я вамъ всю чистую правду скажу....

— Ну, ну, ладно, говори.

— Ёду я изъ-за границы, да думаю: бѣда мнѣ будетъ отъ тятеньки: «врешь, братъ, прогулялъ деньги!» какъ быть; такой страхъ беретъ, что ужасъ; какъ показаться на глаза? Постою-ка, думаю, попробую счастья въ карты, не выиграю ли?

— Ахъ ты, собака! въ карты играть! да я тебя, братъ, знаешь?

— Да вѣдь это, тятенька, я съ отчаянія.

— Ну, добро.

— Приѣхалъ въ Кіевъ; а тамъ большая игра ведется, я и тово....

— Ахъ, ты, собака! проигралъ и остальные?

— Какое проигралъ! выигралъ сто тысячъ деньгамъ, да разныхъ вещей тысячь на пятьдесятъ, да коляску....

— Ой-ли? ахъ ты, Господи! ну?

— Какъ выигралъ, радехонекъ! душа не на мѣствѣ! Поѣхалъ, ѣду себѣ да думаю: слава тебѣ, Господи, капиталъ сполна привезу тятенькѣ, да еще и коляску въ подарокъ.

— Ну, гдѣ жъ она?

— А вотъ послушайте: объигралъ-то я одного графа Черномскаго....

— Графа? скажи, пожалуйста! врешь, братъ, куда жъ тебѣ съ графомъ играть!

— Ей-ей, тятенька, я обманывать васъ не буду. Да, вотъ что надо вамъ сказать: какъ объигралъ я его, такъ онъ и потребовалъ, чтобъ я опять игралъ съ нимъ; а я говорю ему:—Итъ, ваше сіятельство, покорно благодарю, мы и тѣмъ довольны.—«Такъ не хотите играть?»—Не желаю, ваше сіятельство.—«Не хотите?»—Не могу; мнѣ надо торопиться ѣхать.—«Ну, хорошо же! сказалъ онъ: постой, дружокъ, постой, не уйдешь отъ меня!»—Я думаю себѣ: не бойсь, не уйду, такъ уѣду! поминай какъ звали! И тотчасъ же, не мѣшкая ни мало, поѣхалъ. Кажись, скакалъ на почтовыхъ, день и ночь; да въ самомъ дѣлѣ не ушелъ отъ этого проклятаго Черномскаго: ужъ я знаю, что это онъ со мной штуку сыгралъ: вѣрно, подкупилъ моего слугу. Онъ, вѣрно онъ, тятенька; послѣ ужъ мнѣ въ голову пришло, да поздно.

— Да какую же штуку онъ съ тобой сыгралъ?

— А вотъ какую: приѣхалъ я въ одинъ городъ. Остановился въ гостинницѣ. Съ дороги потребовалъ себѣ галенокъ чаю, напился, вдругъ что-то замутило меня, такъ все и ходитъ кругомъ, голова, какъ чугунная, отяжелѣла: какъ сидѣлъ я на лавкѣ, такъ и припалъ безъ памяти. Что жъ думаете вы, тятенька, гдѣ я очнулся?

— Ну, ну, братъ, говори! Ахъ, мошенники, вѣрно зельемъ какимъ опомилъ тебя?

— Да ужъ вѣрно такъ! Очнулся я, кругомъ tempo, кто-то душитъ меня, да кричитъ:—«Воры, воры!»—Господи! думаю, что это такое? Сбѣжался народъ, полицейскіе, городничій:—«Вяжи его! кричитъ, вяжи мошенника!» Взяли да и скрутили руки назадъ.

У меня со страху языкъ отнялся. Привели въ какую-то сибирку, да и бросили на нары, вмѣстѣ съ колодниками....

— Ахъ, сердечный!

— Да, тятенька, ужъ я плакалъ-плакалъ всю ночь, до самаго утра. Поутру повели меня къ допросу.

— Кто ты такой, мошенникъ? спросилъ меня городничій.

— Не извольте такъ обижать честнаго человѣка; вотъ мои бумаги, а въ гостинницѣ экипажъ и слуга, сказалъ я. Хватъ въ карманъ, за пазуху, ни бумагъ ни денегъ. Я такъ и затрясся.— Ахъ ты, Господи! крикнулъ я: ваше высокоблагородіе, меня ограбили!

— Не прикидывайся, любезный! знаемъ мы вашу братью! Говори, кто ты? спросилъ снова городничій. А я-то кричу:—«Батюшки, обокрали меня, погубили!»—Вретъ, ваше высокоблагородіе, сказалъ хожалый: въ гостинницѣ никакой коляски нѣтъ; съ вѣчеру останавливался тамъ какой-то графъ, да тѣмъ свѣтъ еще уѣхалъ. — Такъ ты, братъ, за графа себя вздумалъ выдавать! сказалъ городничій. Я такъ и обмеръ, и ужъ ничего не помню, что говорилъ и что со мной было. Больнаго представили меня сюда въ Москву. Какъ сказали мнѣ, что я въ Москвѣ, въ тюремномъ замкѣ.... ой-ой-ой! Если бъ вы знали, тятенька, что мнѣ пришло въ голову!... Ну, думаю, не буду срамить ни себя, ни тятеньку, не объявлю ни имени, ни отчества; лучше наложу на себя руки. Такъ и рѣшилъ-было; да вотъ усоветилъ меня господиный стряпчій: ему я и сознался во всемъ.

— Ну, братъ, Прохоръ, не даромъ ты перемѣнился! сказалъ Василій Игнатьичъ, какъ посмотрю я на тебя совѣмъ другой человѣкъ!

— Какъ не перемѣниться, тятенька, я самъ чувствую, что я ужъ совѣмъ не то что былъ. Да если бъ вы знали, какъ я истомился; всё думаю: не признаетъ меня тятенька и роднымъ сыномъ, проклянетъ, со двора сгонитъ!

— Ну, ну, ну, Богъ съ тобой! и виноватаго Богъ прощаетъ; а ты ни душой, ни тѣломъ не виноватъ: что жъ будешь дѣлать съ мошенниками?... Впередъ, братъ, и тебѣ наука: слушай отца!

— Виноватъ, тятенька!

— Тѣ-то; теперь, братъ, я тебя женю, такъ лучше дѣло-то будетъ. Невѣста ждетъ не дождется тебя. Да ты не говори никому что случилось съ тобой; а просто, скажи, что поѣхалъ за границу, да заболѣлъ, при смерти былъ, скажи.

«Вотъ тебѣ разъ! подумалъ Дмитрицкій: мнѣ ужъ и невѣста готова!...»

— Тятенька, мнѣ надо еще окопироваться; у меня порядочнаго платья нѣтъ: нельзя же показаться невѣстѣ лодыремъ.

— Ну вотъ, платья нѣтъ!... Чай и денегъ-то ни копѣйки нѣтъ?

— Ужъ конечно, тятенька.

— Тѣ-то и есть, кабы жилъ по-человѣчески, такъ все бы было.... Ну, добро, ста рублей, чай, довольно будетъ на окопировку?

— Французская окопировка дорога, тятенька; а мнѣ, право, жалъ денегъ, я и въ старенькомъ платьѣ съѣзжу, не велика бѣда, не взъищутъ.

— Э, нѣтъ, братъ; это ужъ не годится.... невѣста не тово.... не лохмотница, а чай за ней также миллионъ будетъ!

— Вѣдь хорошо одѣться очень дорого, тятенька; того и гляди, что тысячь пять издержись.

— Ой, ой, ой! Нѣтъ, братъ, жирно; а ты все закажи русскому портному.

— Такъ ужъ лучше знаете что, тятенька?

— Ну, что?

— Мнѣ фрак-то мочи нѣтъ какъ надоѣли; такая нищая одежда, что совѣстно носить.... Вѣдь какъ посмотришь, такъ нельзя же сѣяться.

— Ну, нѣтъ, братъ Прохоръ, господа-то лучше тебя знаютъ: что пристойно, что нѣтъ.

— Господа? Право господа-то ничего не знаютъ: отчего вы думаете Нѣмцы и Французы стали носить фракы, а не кафтаны? Оттого что у ихъ кафтановъ локти истерлись, а переднія фалды обшмыгались, такъ они ихъ совсѣмъ обрѣзали, да рукава починили: съ-тѣхъ-поръ и вошли въ моду фракы. Ей-ей, это по исторіи извѣстно. Я, тятенька, лучше по-русски одѣнусь.

— Какъ по-русски?

— Да такъ, бархатное полукафтанье, шапочку-огулярочку... о, да какъ бы я нарядился! А на зиму кожухъ на соболяхъ!

— Нѣтъ, Прохоръ, извини! По-русски-то не слѣдъ ужъ тебѣ одѣваться: я, братъ, самъ теперь ужъ не тово.... а почетный гражданинъ на правахъ господскихъ! Понимаешь?

— Понимаю, тятенька.

— Тѣ-то; мнѣ что господа: сынъ мой не хуже какого-нибудь гос-

подчика; господчику отецъ дастъ нять тысячь на окопировку, а мы десять дадимъ! вотъ чтò!

— Покорно благодарю, тятенька; право мнѣ жаль денегъ.

— Не твоя бѣда! Не жалѣй! ужъ въ грязь лицомъ не ударимъ! Понимаешь?

— Понимаю, тятенька.

— Тò-то! Намъ чтò: свадьбу-то мы съиграемъ такую, что держись только.

— Тятенька, невѣстѣ-то чай надо подарки свезти; скажу, что изъ Парижа, все французское, да агleckое....

— Ой-ли? Ладно! Купи французскую шаль. У насъ, братъ, славно теперь дѣлають французскія шали: словно настоящія. Рублей въ двѣсти такая, братъ, шаль, что я тебѣ скажу!

— Кто жъ французскими шалами дарить: дарять турецкими, тятенька.

— Ну, какъ знаешь.

— Вотъ князь.... какъ бишь его.... подарилъ невѣстѣ въ десять тысячь шаль.

— Въ десять тысячь! ого-го! Ахъ, собака!

— Я куплю дешевенькую, тятенька: тысячи въ двѣ, въ три.

— Нѣтъ, братъ Проша, ужъ прахъ ее возьми, куда ни шло! Мнѣ чтò князь! Десять тысячь такъ десять тысячь!... Ну, однако жъ пора ночь дѣлать; ступай съ Богомъ, спи.

— Покойной ночи, тятенька! отвѣчалъ Дмитрицкій, облбызавъ Василія Игнатъича.

И онъ отправился въ свою комнату.

•Ну, думалъ онъ ложась въ постель, судьба славно распоряжается моими дѣлами. Пришло ли бы мнѣ самому когда-нибудь въ голову сдѣлаться купеческимъ сыномъ, Прохоромъ Васильевичемъ? Какая забавная вещь!... Оно бы, казалось, не совсѣмъ благопристойно: урожденному дворянину, играть роль купчика, который, въ свою очередь, играетъ роль дворянчика; да чтò жъ дѣлать, такъ судьбѣ угодно: хуже, если бъ мошенникъ Тришка записалъ меня въ свои сообщники: поди, разыгрывай въ тюрьмѣ, на площади и на каторгѣ роль вора и разбойника. Экой шлуть, экой негодай! припудилъ меня быть Прохоромъ Васильевичемъ и жепиться на его невѣстѣ! Экой бездѣльникъ! Да! вѣдь надо еще упрости тятеньку взять его на поруки изъ тюрьмы, да снабдить на первый случай двумя тысячами.... Ну, утро вечера мудренѣ!...»

Дмитрицкій утонулъ въ пуховой постелѣ, задремалъ; но смерть-жарко! Перелегъ на канапе, обитое кожей — смерть-неловко! Стащилъ на полъ перину и успокоился наконецъ на равендукъ, которымъ обтянута была рама кровати, какъ въ люлькѣ, заснулъ и проспалъ до-поздна.

Василій Игнатьичъ нѣсколько разъ уже присылалъ за нимъ.

Одѣвшись, онъ явился къ нему, поздравилъ съ добрымъ утромъ и облобызалъ три раза.

— Э, братъ, Прохоръ, какой ты сталъ! Ты совсѣмъ извелся!

— Ахъ, тятенька, знаете ли что? Вашъ бывшій приказчикъ содержится въ тюрьмѣ.

— По дѣломъ ему, мошеннику!

— Онъ просить, чтобъ вы взяли его на поруки.

— Я? Чтобъ онъ сгибъ тамъ!

— Тятенька, вѣдь онъ меня узналъ; вѣдь онъ расскажетъ всѣмъ, что я былъ въ тюрьмѣ.

— Гмъ! не хорошо! Какъ же быть?

— Надо похлопотать, чтобъ выпустили его на поруки, попросить господина стряпчаго.

— Не хорошо; ну, да нечего дѣлать въ такомъ случаѣ; только, братъ, Прохоръ, не проси, чтобъ я его опять къ себѣ взялъ! Ни за что!

— Чтобъ я сталъ просить за мошенника, тятенька! и не думайте того.

— Тѣ-то. Ступай же, ступай; вотъ тебѣ покуда пять тысячъ.

— Покорно благодарю, тятенька.

— Да что покорно благодарю, ты сосчитай; а то вишь обрадовался! Ну, что? пять?

— Какъ-разъ пять.

— Тѣ-то. Охъ, братъ, какъ ты перемѣнился, посмотрю я на тебя, совсѣмъ другой человекъ — и руки-то похудѣли, стали словно боярскія; и ноги-то совсѣмъ похудѣли, какъ-будто вполнину меньше. Какая у тебя нога-то была, съ мою; а теперь....

— Это отъ парижскихъ перчатокъ и сапоговъ; такіе узкіе, что Боже упаси. Такъ я поѣду, покуда куплю готовое платье.

Очень естественно, что такой смѣтливый малый какъ Дмитрицкій, не могъ дурно распорядиться пятью тысячами. На нихъ можно было одѣться въ павлиныя перья, не только что въ какой-нибудь новомодный фракъ со всѣми принадлежностями. Черезъ часъ

времени, Дмитрицкаго нельзя было уже узнать. Когда онъ прѣѣхалъ въ магазинъ, спросилъ самые лучшіе часы и золотую цѣпочку и сказалъ, что онъ покупаетъ потому только, что заторопился ѣхать съ визитомъ, забылъ свои дома, Французъ, вопреки условіямъ гордости своей великой націи, благоговѣнно поемотрѣлъ на него, и на вопросъ: «Что стѣитъ?» не смѣлъ провзнести обыкновенную цѣну, но увеличилъ ее втрое, вчетверо, словомъ, въ соразмѣрность ощущаемаго благоуваженія къ русскому барину.

— Ну, братъ, Прохоръ, сказалъ Василій Игнатьичъ, осматривая его съ ногъ до головы: ей-ей, графчикъ, да и только! Кабы еще очки на носъ надѣлъ, такъ во всѣхъ статяхъ.

— А вотъ они, тятенька, и очки.

— Ой-ли, смотри пожалуй! всѣ дворянскія ухватки! ахъ, собака! Поди-ко-ты, какъ невѣста увидить, такъ, такъ и ахнетъ. Поѣдемъ, поѣдемъ къ ней, я самъ поѣду съ тобой.... Смотри-ко-сь, и цѣпочка какая! А часы-то есть?

— А какъ же, тятенька! Вотъ они.

— Э-ге! ну! а у меня кстати какія дрожки на аглецкихъ лесорахъ!

— Неужели, тятенька, мы въ дрожкахъ поѣдемъ съ визитомъ къ невѣстѣ?

— А что жъ, велика бѣда: на чемъ прѣѣхали, на томъ и прѣѣхали; а впрочемъ, что жъ въ самомъ дѣлѣ, мы пожалуй и въ коляскѣ махнемъ.

— Надо бы въ каретѣ, четверней, тятенька.

— Э-ва! да это въ самомъ дѣлѣ скажутъ, что его графское сіятельство прѣѣхалъ.

— Тѣмъ лучше, тятенька: вамъ слѣдуетъ задать тону; вы же кто-нибудь такой — такъ ничего, а почетный гражданинъ, миліонщикъ. Если захотите только, такъ васъ въ нѣмецкой землѣ въ археографы пожелаютъ и съ большой печатью дипломъ пришлютъ.

— Что ты говоришь это, братъ?

— Ей-ей, позвольте только мнѣ распорядиться; вѣдь это, тятенька, пустяки. Вамъ только стѣитъ захотѣть, такъ васъ тотчасъ примутъ въ почетные члены всѣхъ европейскихъ академій и ученыхъ обществъ; а тамъ ужъ до археографовъ не далеко.

— Эй! вели-ко у Колобашки взять четверку коней! крикнулъ

Василій Игнатьичъ: да скорѣй, тово, а ты, братъ, Прохоръ, гиль поешь! За границей такой смѣлости набрался, что я тебѣ скажу.

— Не дуракомъ же возвратиться, тятенька; вѣдь тамъ все знани учителя живутъ; вотъ, чтобъ не терять время, я и вы-сматривалъ, какъ тамъ всякая скотина отращаетъ себѣ крылья.

— Какъ я носмотрю на тебя: офранцузился, братъ, ты со-вѣшь!

— Какъ же иначе, тятенька; ужъ это такой народъ: кто ран-ше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ. Въ этомъ и вся штука.

— Самъ ты, братъ, штука! ну, да добро, дѣло-то надо начать порядкомъ: заслать къ невѣстѣ-то Матвѣеву.

IV.

Покуда Василій Игнатьичъ съ сыномъ собираются въ домъ къ невѣстѣ, мы отправимся впередъ, за Москву-рѣку, ознакомимся съ Селифонтомъ Михѣвичемъ, съ его супружницей, съ прекрас-ной дочерью Авдотьей Селифонтовной, и съ ихъ житьемъ-бытьемъ.

Вотъ, на одной изъ замоскворѣцкихъ просторныхъ улицъ, не-нарушаемой ни ѣздой экипажей, ни толкотней народа, вы спер-ва увидите длинный штучный заборъ и ворота хитрой работы, раскрашенные масляными красками пестро, но съ большимъ вку-сомъ. Надъ воротами вѣзанъ мѣдный окладень. Войдете на дворъ — передъ вами какъ нарисованы: вправо довольно большой домъ съ стеколычатымъ крыльцомъ; влѣво, за заборомъ, усажен-нымъ акаціями: людскія, конюшня и саран; прямо за лужайкой зеленая рѣшетка саду; подлѣ калитки колодець съ колесомъ, раз-малеванный на русскій затѣйливый вкусъ. Въ саду, какъ водит-ся, бесѣдки, входъ которыхъ стерегутъ алебастровые, раскра-шенные Китайцы; въ глубинѣ саду, какъ водится, баня, гдѣ въ субботный день вся семья выпарится, вымоется, чтобъ въ чи-стотѣ и благочестіи затеплить передъ образами лампадки и встрѣ-тить воскресный день молитвой. Садъ тѣнистъ и цвѣтушь, дворъ зеленъ, домъ какъ новенькой, все какъ-будто сейчасъ построено. Ни въ домѣ, ни на дворѣ ни шуму, ни стуку, ни людской бра-ни, ни бабьяго крику, ни бѣготни, ни толкотни. Всему время, всему мѣсто, во всемъ порядокъ, все просто, — кажется, ничего нѣтъ чрезвычайнаго, а какъ-то отрадно смотрѣть.

Вотъ идетъ опратно одѣтая баба съ кувшиномъ на погребъ,

нацѣдить мартовскаго кваску къ обѣду. Погребъ чистъ, все въ немъ ладно уставлено, бочки съ медомъ и квасомъ, кадки съ соленой капустой, огурцами, сливами, грушей, смородиной, крыжовникомъ; банки съ различнымъ вареньемъ, крынки съ молокомъ, масломъ и сметаной; по стѣнамъ не растутъ грибы, плѣсень не портитъ запасовъ, нечистая рука ни къ чему не прикасается, все берется съ крестнымъ знаменіемъ. Ничто не опрокинется, не разобьется, не вытечетъ; на кошекъ и мышей нѣтъ поклепу, Дарья не сваливаетъ на Марью, никто хозяйскаго не возьметъ, не лизнетъ.

Вотъ молодчикъ въ долгополомъ сюртукѣ, кличетъ кучера:

— Иванушко, а Иванушко!

— Ась?

— Запрягай гвѣдыхъ въ коляску!

— Гвѣдыхъ? ладно!

И кучеръ Иванушко, плотный, здоровый, кровь съ молокомъ, борода по поясъ, въ пласовомъ полукафтанѣ, картузь на бекрень — идетъ въ конюшню; тамъ стоитъ шестерка тысячныхъ; чмокнулъ Иванушко — заржали, оглядываются на него, вычищены, выхолены, какъ дегатированные. Потрепалъ по крупамъ, вывелъ гвѣдыхъ — заманерились какъ свадебные плясуны. Въ сараѣ экипажи, сбруя, какъ на выставкѣ. Лошади запряжены, Иванушко идетъ одѣваться.

— Э, Иванъ Савельичъ, куда ты собираешься? спрашиваетъ его людская кухарка, прибирая все въ кухнѣ чисто на-чисто и перетгивая посуду къ обѣду.

— Ъду съ Селифонтомъ Михенчемъ.

— Да ты бы хоть перекусилъ чего-нибудь.

— Нѣкогда, сейчасъ подавать.

— Такъ возьми хоть за пазуху ломтикъ пирожка.

— Нѣтъ, спасибо, Савишна. Ужъ я не люблю изъ пустяковъ ротъ марать.

— Ну, а какъ Селифонтъ Михенчъ останется гдѣ обѣдать?

— Такъ что жъ; чай лошадей-то отпустить домой, али тамъ накормятъ. Вотъ былъ я въ кучерахъ у нашего барина, такъ тамъ порядокъ другой: какъ съедешь на козлы съ утра, да вплоть до утра и проѣдшишь.

— Ахъ ты, Господи! цѣлый день и лошади и ты, такъ и голодаете?

— Какъ можно! Лошадей-то раза четыре перемѣнишь! Поутру

вотъ объѣдншь домовъ двадцать; потомъ прїѣдешь — запрягай другую четверню—ѣхать въ гости объѣдать; отоѣдають, опять домой, съ барыней въ кеатръ, аль на балъ, такъ и стоишь до утра.

— Ни пообѣдать, ни поужинать некогда? ахъ ты, Господи!

— Когда жъ тутъ объ обѣдѣ думать: барину-то чай не ждать тебя; а ужъ я не люблю на скорую ручку. Вотъ, какъ въ деревнѣхъ господа, такъ другое заведение: наѣдутъ гости — такъ и господамъ и людямъ и лошадямъ кормъ, всего въ волю; бывало на конюшнѣ-то лошадей сто чужихъ.... Эхъ, да пора, пора!

Иванъ Савельичъ на козлы; а мы отправимся въ домъ. По чистой, опрятной лѣстницѣ, не похожей на *rente douce*; ну, да ничего: воображенію и здоровому русскому человѣку, въ законной одеждѣ, не трудно взобраться на круть; дѣло другое, *une dame* въ длинномъ платьѣ, которое спереди надо приподнимать и нести передъ собою обѣими ручками, чтобъ не наступить на него даже на гладкомъ паркетѣ. Взобравшись по лѣстницѣ на окончатое крыльцо, входишь безъ доклада въ переднюю: тутъ ни швейцаровъ, ни оффиціантовъ нѣтъ; а выбѣжить какая-нибудь старушка спросить: — Кого батюшка? — «Селифонтъ Михенчъ дома?» — Дома, сударь, пожалуйста.

Въ комнатахъ немножко пустынько покажется съ перваго взгляду, да зато никакой пустыни нѣтъ: въ каждой, въ переднемъ углу образъ съ лампадкой, или цѣлый иконостасъ образовъ. Селифонтъ Михенчъ жилъ по старому русскому обычаю: чисто, опрятно, тепло, прїютно, — красно не стѣнами, а пирогами; онъ жилъ не на господскую ногу, какъ многіе изъ его собратій, не украшалъ комнатъ ни тумбами съ фарфоровыми вазами, ни бумажными люстрами и канделябрами, ни гипсовыми золочеными амурами, Венерами и геііями, ни масляными огромными картинами, ученической бездарной фантазіи и кисти; ни всѣмъ прочимъ хламомъ, столь необходимымъ уже для современнаго человѣка, у котораго, какъ у бессмысленнаго ребенка, разбѣгаются глаза на пестроту и блескъ, котораго занимаетъ только внѣшность, который тянется только къ тому, чѣмъ можно играть и забавлять себя; который кричитъ, когда ему не даютъ хлопнуть по зеркалу, разбить часы, рвать книгу, для котораго все игрушки, все забава и, наконецъ, который любитъ только тѣхъ, кто потворствуетъ ему и гладитъ по головѣ: «пай дитя!»

Вообще никакихъ причудъ не было у Селифонта Михенча;

онъ не то, чтобы презиралъ ихъ — ни мало, но называлъ только вещами бесполезными: это, сударь, кажись ничего, говоривалъ онъ, да оно вотъ чтò, я вамъ скажу: оно хитро, очень хитро; аплике, словно серебро; бронза, словно золото; да по пословицѣ: на хитрость-то поднимается голь, а не кто другой; такъ и извольте смѣкать.

Разумный человекъ былъ Селифонъ Михенчъ, богобоязливъ, а слѣдовательно, и честенъ; хоть и говорятъ, что можно и иначе быть честнымъ, да еще не доказано. Принявъ въ наслѣдіе торговые обороты отца своего, правдиво нажилъ онъ огромное богатство, не утративъ вѣры въ свое слово; супружница его была также благочестивая женщина; два сына славные молодцы, надежные приказчики отца. Но кромѣ двухъ сыновъ была у него и дочка, Дувюшка. У Марьи Ивановны одинъ грѣхъ пагъ на душу: страстная любовь къ хорошенькой дочкѣ. Все зло пошло отъ крестной матушки, жены закадычнаго друга Селифонъ Михенча, Ирины Степановны. Она воспитывалась въ пансіонѣ, и внесла въ купеческій бытъ своего мужа всю извѣженность, всѣ причуды барышни, которая училась говорить по-французски, танцевать, играть на фортепяно, которая не можетъ выносить ни простаго слова, ни простой пищи, ни простой одежды, ни простой жизни; которая алчетъ французской шляпки, французской матеріи на платье, французской прически, духовъ, помады; словомъ, всего французскаго, а не русскаго. Когда Григорій Андреевичъ сталъ свататься за Ирину Степановну, Селифонъ Михенчъ говорилъ ему: послушай моего совѣта, Григорій Андреевичъ, женись лучше на Француженкѣ, чѣмъ на французской куклѣ. Но этотъ совѣтъ не помогъ, сначала даже развелъ друзей. Сначала Григорій Андреевичъ возвеличался-было молодой женой; не прошло недѣли, какъ почувствовалъ онъ, что изъ хозяина приходится ему, для мира и спокойствія, обратиться въ приказчики: виновать не виновать, а отвѣчай за все, даже за скуку и недоброе расположеніе духа Ирины Степановны; то тò не такъ, то другое не такъ, то слишкомъ крѣпко обнялъ, то больно ухватилъ, то бороды не люблю, то кухарки не терплю, майми новара. Ужасный переворотъ въ домѣ. Переворотъ къ просвѣщенію или, лучше сказать, къ утонченію, къ рафинировкѣ, къ разнообразію, къ быстрому прожитку, къ раздробленію вещественныхъ и невещественныхъ капиталовъ, капиталовъ вѣдѣныхъ и внутреннихъ, денежныхъ и производительныхъ, капиталовъ

ува и чувствъ, къ стремленію эксцентрическому всѣхъ лучей, къ отталкиванію и, наконецъ, къ образованію новыхъ центровъ и болѣе ничего, или лучше сказать не ничего; а быстрое движеніе отъ излишняго тяготѣнія — вотъ и все.

Какъ ни тягостно было для Григорія Андреевича преобразованіе, какъ ни тяжекъ былъ супружескій его бытъ съ Ириной Степановной, но между мужемъ и женой все шито да крыто: на душѣ мыши скребуть, а на лицѣ такое благораствореніе воздуха, такая ясная погода, что Боже упаси. Если супружеское счастье похоронено; такъ про него, какъ про мертваго: *aut bene, aut nihil*. Такъ и дѣлалъ Григорій Андреевичъ; зато всему сосѣдству, всему знакомству и всѣмъ кумушкамъ нечего было сказать про Григорія Андреевича и Ирину Степановну, кромѣ: «Вотъ чета! какой миръ и согласіе!»

Ирина Степановна, не имѣя собственныхъ дѣтей, полюбила крестницу свою, какъ душу. Снаряжала маленькую Дунечку во всю роскошь дѣтскихъ нарядовъ съ Кузнецкаго Моста; снабжала ее тьмой куколъ и игрушекъ; откармливала ребенка всѣми затѣйливыми сладостями кондитерскихъ. Очень естественно, что родной маменькѣ это было по сердцу: не отстать же ей отъ крестной маменьки; и вотъ она привыкла вѣжить Дунечку какъ нещечко, по-немножку привыкла быть *дѣтской рабой*, величать ее, въ подражаніе крестной маменькѣ, генеральшей. Но будущей генеральшѣ надо было знать непременно французскій языкъ, танцовать и играть на фортепіано. Эта мысль стала беспокоить и Марью Ивановну; и Селѣонту Михелчу стало казаться, что Дунечка родилась подъ особенною какою-то счастливою звездою. По совѣту Ирины Степановны, на одиннадцатомъ году отдали ее въ пансіонъ, подъ особенный личный присмотръ и попеченіе содержательницы пансіона.

Хотя содержатели и содержательницы пансіоновъ и объявляютъ условіями пансіона брать всѣхъ воспитанниковъ до единого, подъ личный присмотръ и попеченіе; но у нихъ существуетъ еще какой-то особенный личный присмотръ и особенное попеченіе. Эта особенность пріобрѣтается особенной суммой. Дунечка была особеннѣе всѣхъ прочихъ воспитанницъ благороднаго пансіона. Для нее все особенное: комната, прислуга, чай, завтракъ, и всякой день лакомства, особенное снисхожденіе къ причудамъ, къ лѣни, къ привычкѣ вѣть, и даже къ *я не хочу!* Добрыми же родителями не трудно было дать особенное помятіе о се-

обыкновенныхъ способностяхъ и успѣхахъ. Крестная мамонька была надежный судья въ ея познаніяхъ французскаго языка: она всегда разговаривала съ ней по-французски.

— *Команъ-ву портеву, Дунечка?*

— *Фор-бьянъ, а-ссе-бьянъ*, отвѣчала всегда Дунечка фразой заученныхъ разговоровъ.

— *Иль фо-диръ: фор-бьянъ, мадамъ*, Дунечка; *компрене-ву?*

— *Же-н-се-па.*

— *А, иль-фо-диръ: мадамъ. Аве-ву-промене ожурдюи?*

— *Понъ.*

— *Пуркуа-нонь?*

— *Же-н-се-па.*

— *Иль-фо-диръ: же-н-се-па, мадамъ.*

— Какой чудный языкъ! повторяла Марья Ивановна, смотря съ восторгомъ на дочь.

— Очень, очень порядочно говорить ужъ, замѣчала Ирина Степановна. *Жуэ кельк-шоэъ сюръ фортепяно, Дунечка.*

— *Но, же-не-ве-па!*

— *Ну, ну, жуэ! вальць жуэ.*

Дунечка, покобенясь немножко, садилась за фортепьяно, тринь, тринь, тринь, — *нонь, же-н-се-па вальць, же-убліэ.*

— *Ну, кадрилъ.*

— *Кель кадрилъ?* спросить Дунечка, какъ-будто и Богъ знаетъ сколько кадрилей играетъ; и застучаетъ клавишами единственную, на изученіе которой изсякла вся ея способность къ музыкѣ.

Во время игры вся семья стоитъ за ея стуломъ, и слушаетъ съ удивленіемъ. Иногда и самъ Селифонъ Михенъ посмотритъ-посмотритъ, да и скажетъ: хитрый струментъ придуманъ!

— Да ты слушай! скажетъ ему Марья Ивановна, толкнувъ легонько рукою, чтобъ молчалъ.

При чужихъ Дунечка ни за что не играла. Сама мать попроситъ-попроситъ ее, да и заключить просьбу словами: «что съ ней будешь дѣлать, такая стыдливая!»

Матери очень хотѣлось, чтобъ она выучилась играть русскія пѣсни; но мадамъ, которая учила Дунечку на фортепьяно, одинъ разъ навсегда сказада: «Фи! кто учить русскія пѣсни! мужикъ учить!» а потому и Дунечка отвѣчала всегда на желаніе матери: кто жъ, мамонька, играть на фортепьяно мужицкія пѣсни.

Для танцевъ природа Дунечки была не слишкомъ гибка; но всё-таки это искусство какъ-то больше всего дается дѣвушкамъ, особенно же при современномъ паденіи танцевальной шагистики, когда *полька* вертитъ *всѣмъ* головы, когда вмѣсто ногъ выдѣлываются па головой, когда и безъ танцевъ у прекраснаго пола голова кружится, а сердце не *ходитъ* въ груди какъ бывало, а пляшетъ, по простонародному выраженію, *трепака*.

Теперь, ни дѣвушки между собою, ни въ разговорѣ о дѣвушкахъ, не говорятъ уже о внутреннемъ приданомъ: о богатствѣ и чистотѣ души, о достоинствѣ свойствъ и о чистотѣ сердца, даже не говорятъ и не спрашиваютъ вообще о здоровьѣ существа мыслящаго о замужствѣ; но спрашиваютъ только, какъ велико приданое, и по количеству денегъ выводятъ расчетъ о выгодахъ замужства. А если о чемъ не говорятъ, значитъ, что объ этомъ нечего и говорить. О чемъ не спрашиваютъ, значитъ, что то не нужно. Люди перестали вѣрить въ очарованія, и женщина, чародѣйка по естеству, потеряла власть свою надъ мужчиной. Волшебный взоръ, плѣнительный голосъ, могучія слезы — стали безсильны. Мужчина подходитъ къ ней смѣло, глядитъ ей прямо въ глаза, говоритъ ей не запинаясь, какъ-будто приглашая на мазурку: *угодно вамъ?*—Ей одно остается: или радостно подать руку, или отвѣчать: *engagée, monsieur!* — Тѣмъ балъ и конченъ.

Нигдѣ нѣтъ такой постоянной бесѣды о хорошенькихъ прохожихъ, о женихахъ съ усами и безъ усовъ, о замужствѣ по любви, по сватовству, о приданномъ и о безприданницахъ, какъ въ женскихъ пансіонахъ. Здѣсь-то по части чувствъ, любви и замужства составляется винигретъ понятій изъ наслышекъ, изъ сказокъ и романовъ. Здѣсь-то всѣ промежутки времени между необходимостью выучить урокъ, и *сдать* его, наполнены самыми очаровательными мечтами о суженыхъ и ряженыхъ.

Извѣстно, что ариметика, до первыхъ четырехъ правилъ, совершенно необходимая вещь при современномъ образованіи дѣвушки. Безъ ариметики, дѣвушка не могла бы цѣнить себя. Не зная еще этой хитрой науки, Дунечка сначала робѣла передъ рослыми и передъ толстыми подругами; но когда выучилась считать до милліона, и когда узнала, что во всемъ пансіонѣ только она одна милліонная невѣста, а всѣ прочія, кто десяти-тысячная, кто тысячная, а большая часть просто «безцѣнныхъ» существъ, — тогда Дунечка поняла что она такое; поняла причину особеннаго

допеченія о себѣ содержательницы пансіона и всей ея прислуги. Какую способностью своей круглой съ двумя вставленными сърыми глядѣлками, головы она цѣнила—трудно рѣшить; но вѣрно поняла, что не только красота—прахъ,—но и весь человѣкъ съ своими вѣшними и внутренними достоинствами прахъ, и даже официальными оцѣнщиками становится въ числѣ тлѣнныхъ вещей, за которыя никто не отвѣчаетъ; что отвѣчать можно только за нетлѣнное золото. Понявъ это, Дунечка поняла безъ сомнѣнія и то, что только въ золотомъ окладѣ можно цваниться и кобаниться; она это и исполняла въ точности. Когда ей исполнилось пятнадцать лѣтъ, въ купечествѣ начали поговаривать сперва о миллионѣ, а потомъ объ ней; свахи заглядывали въ ворота какъ гробовщики, прослышавъ о большомъ богатѣ, и поговаривали: «Славная невѣста! миллионъ приданого! а какая манежная!»... Сваха Матвѣвна, ходившая по дѣламъ жениховъ купеческаго званія, готова была съѣсть сваху Сергѣвну, которая поставила невѣсту людямъ чиновнымъ: кавалерамъ, инарадамъ, и прочимъ и прочимъ, только не прапорщикамъ и не майорамъ: не извѣстно, почему всѣ невѣсты терпѣть не могутъ перваго оберъ-офицерскаго и перваго штабъ-офицерскаго чина.

Припомните, пожалуйста, что Фекла Семеновна, супруга почетнаго гражданина Василія Игнатьича, повела было сватовство сына Прохорушки на Авдотѣ Селифонтьевнѣ. Матвѣвна употребила всѣ чары на ея отца и мать, а главное на крестную матушку Ириану Степановну, во-первыхъ, чтобъ не пускать на дворъ Сергѣвну, а во-вторыхъ, чтобъ отклонить Дунечку отъ генеральства.—«Сударыня ты моя, говорила она ей, что тебѣ генераль: а тебѣ просватаю графчика.» И насаждала она ей такіе страхи про генераловъ, какъ они на войну ходятъ, какъ учатъ женъ солдатской темпъ выкидывать и маршировать подъ барабанъ, и какую езекуцію чинятъ надъ женами, и какъ вмѣсто служанокъ держать при нихъ деньщиковъ, и прочее и прочее, что Дунечка пришла въ ужась.

— Неужели деньщиковъ, Матвѣвна?

— Ей-ей! вотъ-те Христоръ! да вѣдь же и нельзя иначе по солдатскому быту: вѣдь женщины-то въ походъ не ходятъ, сударыня; ну, и служатъ генеральшамъ-то деньщики: денщики и бѣлье стираютъ, и дѣтей нянчатъ, и все, вотъ что; военныя-то барыни вѣдь такъ ужъ и рождаются, у нихъ и стыда на то нѣтъ; а тебѣ, сударыня, такому вѣщечку, такой вѣженкѣ, гдѣ жъ вести

жизнь солдатскую, въ лагеряхъ? На тебя вѣтерокъ пахнетъ, такъ бѣды-то, бѣды! Нѣтъ ужъ, избави Богъ! Я тебя такъ полюбила, что и сказать нельзя! Не приведи Богъ прослышать, что ты за военнаго или за чиновника за-мужъ идешь! руку наложу на себя! ей-ей!... А чиновники-то, сударыня? Посмотри-ко-сь, какъ ихъ подь судъ, да подь судъ, а жизнь-то какой ни на есть чиновницы! Да будь ты, примѣромъ сказать, хоть бы и штатская совѣтница; а надъ тобой-то начальницы и губернскія секретарши и ассесорши и регистраторши и сенаторши и дѣйствительныя какія-то, да еще есть и тайныя какія-то, Богъ ихъ знаетъ, всѣ тебѣ начальницы по мужу; и изволь ѣздить съ поклономъ; а ужъ это, сударыня, не то что пріѣхалъ въ гости, да и сѣлъ, да еще и угощаютъ—нѣтъ! настояшья и въ передней, покуда позволятъ войти, да съ праздникомъ поздравить! Присягну, сударыня, если все это не правда! Вывѣдала я всю подноготную ихъ. Да и отчего жъ бы мнѣ не сватать, какъ Сергѣевичъ, чиновныхъ-то лицъ? Сама скажи? еще и выгодишь; да Богъ помилуваѣтъ, я не такая безсовѣстная!... Нѣтъ, сударыня, Марья Ивановна, дочкѣ вашей я просватаю графчика!

— К чему намъ графчикъ, говорилъ Селѣофтъ Михенчъ: нашелся бы подь стать, купеческій сынъ, лучше бы было.

— Ахъ, нѣтъ, тятенька! вскрикивала съ обиженнымъ чувствомъ, Дунечка.

— Что, нѣтъ, тятенька? а?

— Ничего, тятенька.

— Охъ, да не мѣшайтесь въ наши дѣла, Селѣофтъ Михенчъ, ужъ, не безпокойтесь, будетъ все и по-вашему и по-нашему, возражала Матвѣвна.

И наговорила она короба съ два про Прохора Васильевича, сына почетнаго гражданина. Дѣло шло уже къ тому, чтобъ показывать невѣсту; да Фекла Семеновна заболѣла, умерла, а Прохорушка отправился въ Нѣмечину. Прохорушка, взявъ у отца деньги на покупку машинъ за границей, отправился изъ Москвы какъ-разъ передъ ростовской ярмаркой. Извѣстный уже намъ нѣсколько приказчикъ Трифонъ поѣхалъ провожать его.

Прибывъ на ростовскую ярмарку на недѣлѣ, которую величаютъ тамъ второй недѣлей масляницы.... Но оставимъ его куда догуливать и обратимся къ нашему герою, который въ отсутствіе Прохорушки играетъ роль его такъ искусно, что Богъ вѣдаетъ какъ въ этомъ подсолнечномъ и подлунномъ мірѣ отп-

читать ложь отъ истины, мнимое отъ настоящаго, и даже черное отъ блага.

Когда Василій Игнатьичъ радостно и горделиво посмотрѣлся на своего мнимаго сына, одѣтаго по послѣдней модѣ, тотчасъ же послалъ за Матвѣвной.

— Постой, постой, братъ, Проша, куда, не уходи, сиди! сказалъ онъ Дмитрицкому, который показавшись почтенному родителю, хотѣлъ было поцѣловать у него ручку и шаркнуть вонъ.

— Постой, братъ, постой, вотъ придетъ Матвѣвна, пусть-ко посмотритъ на тебя, да скажетъ, пригоденъ ли ты Авдотѣ Селюфонтъевнѣ.

— Матвѣвна придетъ, тятенька? сказалъ Дмитрицкій, смекнувъ дѣло: а я было-хотѣлъ съѣздить къ Иверской!

— Оно такъ и слѣдуетъ; да постой: что ты, братъ, напалъ за слугу такого? такая скверная рожа!

— У кого? у Конона? Помилуйте, тятенька; вы посмотрѣли бы, что за душа у этого человѣка! и что за вѣрность, что за усердіе! такъ и сторожить подлѣ меня.

— Миѣ не нравится.

— Знаете, тятенька, я вѣдь забылъ, какъ-бишь Матвѣвну-то величаютъ по батюшкѣ? спросилъ Дмитрицкій.

— Да Матвѣвна же и есть по отцѣ; а зовутъ-то ее Соломондой; ну, садись, садись и нишкни. Слышишь?

— Слушаю, тятенька.

— Она тутъ близко живетъ.

Матвѣвна не заставила себя долго ждать.

Она вошла въ дверь, обратилась къ образной, перекрестилась и потомъ низко кланяясь возгласила:

— Здравствуй, батюшка, Василій Игнатьичъ, все ли васъ Богъ милуетъ, какъ изволите поживать?... Охъ, Господи, такъ и замираетъ душа, какъ вспомнишь Феклу Семеновну.

Василій Игнатьичъ откашлянулся.

— Матвѣвна, сказалъ онъ: вотъ его графское сіятельство пожаловалъ ко миѣ....

— Ахъ, ваше графское сіятельство; извините; я такая дура, что миѣ и не въ примѣту.... что вы здѣсь изволите сидѣть!...

— Такъ вотъ, Матвѣвна, продолжалъ Василій Игнатьичъ: ихъ графскому сіятельству есть дѣльцо до тебя.

— Какое, батюшка?

— А вотъ какое: ихъ графскому сіятельству угодно жениться на Авдотѣ Селифонтьевнѣ.

— На Авдотѣ Селифонтьевнѣ? ихъ графскому сіятельству? Охъ, да вы меня, сударь, морочите.

— Ей-ей, такъ! отвѣчалъ Василій Игнатьичъ, разгорясь отъ довольствія, что Матвѣвна въ самомъ дѣлѣ почитаетъ его Прохора Васильевича за графа: вотъ чтò Матвѣвна; оно, то есть, ничего, такъ-себѣ, его графское сіятельство хочетъ отбить невѣсту у моего Прохора! Ась? Каковъ его графское сіятельство? Матвѣвна, а?

— Охъ, да вы, Василій Игнатьичъ, морочите меня! повторила Матвѣвна, всматриваясь въ сидящаго передъ Василіемъ Игнатьичемъ франта, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ тросточкой, въ зеркальныхъ сапогахъ.

— Не узнаетъ меня, Соломонда Матвѣвна, подумалъ Дмитрицкій: да и гдѣ жъ узнать, мы ужъ съ ней, чай, не видались съ самаго созданія міра. Заговорю съ ней по-вороньи, можетъ-быть догадается.

И Дмитрицкій откашлянуся, подернулъ головой и пожалъ неуклюжо плечомъ.

— Оно, то есть, Соломонда Матвѣвна, не изволили признать меня; началъ онъ скороговоркой: а мы, кажется, всегда со всякимъ почтеніемъ пребывали, аккуратъ, то есть, какъ слѣдуетъ.

«Охъ, да чтò жъ это, подумала Матвѣвна: кто жъ это такой? По перьямъ-то графчикъ, а по голосу-то, сдается не тово...»

— Ну, чтò жъ задумалась, Матвѣвна, сказалъ Василій Игнатьичъ.

— Ой, насмѣхаетесь надо мной, сударь, Василій Игнатьичъ, сердце чуетъ.....

— Чуетъ? да еще не расчихала? а? Матвѣвна, какъ ты думаешь?

— И думать-то не знаю чтò.... да неужли ужъ.....

— Ужъ нечего скрывать, тятенька, я вижу, что Соломонда Матвѣвна узнала меня, сказалъ Дмитрицкій.

— Прохоръ Васильевичъ? Господи! да кто жъ бы подумалъ? вскричала Матвѣвна: и въ глаза смотрю, да не узнаю!.... да какъ перемѣнился!

— А? Матвѣвна, вотъ онъ каковъ пріѣхалъ изъ-за границы-то, самъ на себя не похожъ! сказалъ Василій Игнатьичъ.

— Что жъ, сударь, дѣйствительно перемѣнился, да къ своему же авантажу.

— А?... Прохоръ, встань-ко, да перевернись на одной ножкѣ по-французскому-то.

— Извольте, тятенька, отвѣчалъ Дмитрицкій. И онъ всталъ, прошелся по комнатѣ en galant homme, перевернулся на одной ножкѣ, и сдѣлалъ пріятную мину Соломонидѣ Матвѣвнѣ.

— Ну, что скажешь, Матвѣвна? спросилъ Василій Игнатьичъ.

— Ну, ужъ правду сказать, великатесь, батюшка! ужъ такой сталъ графчикъ, бравой, да гибкой, словно на пружинахъ!... поопалъ въ лицѣ только, чай съ дороги? Когда пожаловалъ?

— Не о томъ дѣло, Матвѣвна, а вотъ что: ты побывай сейчасъ же у Селифонта Михенча, понимаешь?

— Понимаю, понимаю, сударь. Господи! да еще бы Авдотья Селифонтьевна не пошла за такого женишка! а съ родителями-то ея былъ ужъ ладъ.

— Тѣ-то; такъ ты какъ знаешь, такъ и дѣлай, чтобъ до поста дѣло покончить. На-ко, вотъ тебѣ на гарнитуровое платье, да на платокъ.

— Много благодарна, Василій Игнатьичъ, помню и прежнія ваши щедроты; изъ одной доброй памяти милостей Феклы Семеновны, я бы Прохору Васильевичу просватала царь-дѣвицу, ей-ей!

— Ну, ну, не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки.

— Добро ужъ, добро, прощайте, сударь! Ну, графчикъ, нѣча сказать!

— Ахъ, да, тятенька; кстати Соломонида Матвѣвна напомнила: вѣдь я за границей приторговался къ графству.

— Какъ къ графству приторговался?

— Да такъ, тамъ стѣитъ только купить графство, то есть, помѣстье, такъ и графъ. Если пожалуете мнѣ денегъ, я тотчасъ же покупаю.

Ой? неужели? А много денегъ?

— Тысячъ двѣсти, не больше; чуднос имѣнье! Какіе виноградныя лозы, какія вины! Да вотъ вы знаете вины-де-графъ?

— Вѣдь не знать.

— Ну, такъ вотъ именно: поэтому графству и вино называется графскимъ.

— А шампанскаго тамъ нѣтъ?

— Немного: тысячь пять кустовъ виноградныхъ, на десять тысячь бутылокъ.

— Ей-Богу?

— Не болѣе.

— Слышь ты, это мало! Въ самомъ дѣлѣ не худо бы!...

Слышь, Матвѣвна, ты покуда никому не говори!

— Ни слова, сударь!

— Ну, тѣ-то, ступай, ступай-себѣ съ Богомъ, да не мѣшай!

— Ужъ я буду мѣшкать!

Матвѣвнѣ не впервые пришлось возбуждать въ дѣвущкѣ смертную охоту по-скорѣе выйти замужъ, восхищать ея воображеніе чуднымъ женихомъ, поселять въ сердцѣ заочную къ нему любовь, внушать страстное желаніе скорѣе быть просватанной, и боязнь, чтобъ дѣло не разошлось. Это былъ какой-то морокъ.

— Знаю я, сударыня, говорила Матвѣвна, какъ Плевѣя, что это твой суженый, не обойти его конемъ!

И омраченная дѣвушка, при первомъ свиданіи съ своимъ суженымъ, не спрашивала уже ни у одного своего чувства, по-сердцу ли онъ ей; а потупивъ глаза только думала, какъ-бы ему понравиться. Она готова уже была на вѣру въ слова Матвѣвны, безъ смотру стать подъ вѣнецъ.

Авдотья Селифонтьевна была не царевна премудрая, Матвѣвнѣ стоило только зайти въ ея покой, всплеснуть руками, охнуть и вскричать:—Радость ты моя, Авдотья Селифонтьевна, какое счастье тебѣ выпадаетъ! На дняхъ гадала о тебѣ, выходитъ женихъ, на пути, да и только; ну, вотъ выходитъ, хоть сто разъ кладь карты, не оттасуешься! А сегодня, сударыня.... охъ, да тебѣ собраться съ силами!.... запыхалась!

— Говори, душечка, Матвѣвна!

— Вотъ духъ переведу.... Охъ! какой бравой, какой тридцатой, какой богатой, что за щеголь! что наши здѣшніе графы сѣньзя!

— Да говори, душечка, Матвѣвна, кто жъ онъ такой?

— Ужъ вѣстимо, что не какой-нибудь голь-инаралъ?

— Да кто жъ онъ такой? милочка, Матвѣвна!

— Погоди, не вдругъ.... ей-ей! вотъ уже не ожидала!... Видѣла я его и прежде, хорошъ былъ, красавецъ, вотъ и все; а теперь, какъ побывалъ во французской-то землѣ — ну! ужъ я и не знаю что сказать. Купилъ тамъ графство—вотъ слыхала ты про графское вино, что подаютъ на столъ?... изъ его помѣстья... купилъ за двѣсти тысячъ.... ей-ей!

— Голубушка, Матвѣвна, да кто жъ онъ такой?

— Кто такой! сударыня ты моя! готовъ только подвѣнчное

натье, а ужъ графиней-то будешь! И до отъѣзду-то его за границу, и ужъ видѣла что за человекъ, и тебѣ же его прочла.

— Мнѣ? да ты мнѣ сватала сына Феклы Семеновны... а его не сватала.

— Не сватала?

— Когда жъ ты сватала? Развѣ съ маменькой говорила.... А почетной-то гражданинъ, эка великая вещь! мы сами почетные, что жъ тутъ такого особеннаго?

— А то и особеннаго; сударыня, что права-то тѣ же дворянскіе, хоть шестерку запрягай въ карету, или въ коляску; а въ карманѣ то милліонъ; а у простаго-то дворянина — шишь! Вотъ тебѣ и что особеннаго. Вотъ онъ купилъ себѣ графство, да и графъ; ступай-себѣ куда хочешь подбочепись; а дворянинъ-то выслуживайся, да еще развѣ что до инаральства дослужится.

Авдотья Селифонтьевна задумалась, подставила одну ручку подъ локотокъ другой, и опустила голову на ладоньку, забывъ, что мадамъ твердила ей всегда, что эта мушкетка такъ дѣлается.

— Да неужели же это... какъ бншь.... Прохоръ Васильевичъ?

— Охъ, догадлива ты, Авдотья Селифонтьевна! и не видывала такой барышни! ей-ей! Зато ужъ и я тебя люблю! Встарину какой-нибудь королевичъ увидѣлъ бы тебя въ трубу у окошечка, и быть бы тебѣ королевой; да теперь не тѣ времена, перевелись королевичи, да и царствъ-то стало мало: вотъ только и есть что Русское; да ипоземныя англиское, французское, да турецкое, да еще какое-то; да и тѣ все едино, одинъ у нихъ Аполіонъ.

— Не смуй, Матвѣвна, а турецкое-то?

— Вотъ тебѣ разъ; какое жъ у Турокъ царство, тамъ просто сидитъ съ усами по колено, да съ трубкой въ рукахъ; да и какіе жъ тамъ женихи?

— Ты видѣла его, Матвѣвна? спросила Авдотья Селифонтьевна, снова задумавшись.

— Гмъ! бѣжала бы я сюда опроретью, если бъ не видѣла!

— Такъ ты говоришь, Матвѣвна, что онъ въ Парижѣ купилъ себѣ чинъ графской?

— Что чинъ, — помѣстье съ виноградными садами!

— Стало-быть онъ тамъ и жить будетъ, какъ женится?

Этотъ вопросъ смутилъ Матвѣвну; ей пришло въ голову, что въ самомъ дѣлѣ Прохоръ Васильевичъ, купивъ во французской землѣ помѣстье, вздумаетъ жить тамъ, и это разстроитъ свадьбу. Селифонтъ Михенчъ и Марья Ивановна, подумала она, ни за что

не отпустить дочку въ чужую землю, да и Авдотья Селифонтьевна вѣрно не согласится итти за французскаго помѣщика.

— И, Богъ съ тобой! вскричала она въ отвѣтъ: зачѣмъ же жить во французской землѣ, что тамъ дѣлать-то?

— Ахъ, вѣтъ, Матвѣвна; ужъ если я пойду за него замужъ, такъ съ тѣмъ, чтобъ ѣхать жить въ Парижъ, въ свое имѣнье, непременно!

Матвѣвна совсѣмъ перепугалась.

— Ахъ, другъ ты мой сердечный, да избави Богъ! На этомъ условіи ни отецъ, ни мать твоя не согласятся отдать тебя замужъ! Ужъ ты хоть до свадьбы-то не говори никому, что женихъ-то твой французской помѣщикъ. И! да старики и руками и ногами отбрыкаются отъ него! Не говори, ни за что не говори!

— Ну, хорошо, я не скажу; а ужъ это непременно; нето я и замужъ не хочу итти. Теперь всѣ ѣздить въ Парижъ. Вѣдь всѣ моды-то, Матвѣвна, идутъ изъ Парижа: тамъ настоящія, а здѣсь что, дрянь, да и какъ дорого, если бъ ты знала: я видѣла у мадамъ Лебуръ настоящую шляпку, прелесть! да они еще и не продаютъ настоящія парижскія шляпки, а выписываютъ себѣ для образца, да и шьютъ по нимъ: ужъ гдѣ жъ такъ сшить какъ въ Парижѣ. А перчатки-то французскія, платки-то буръ-де-суа, матеріи-то французскія — прелесть! да и все; а здѣсь-то что? •

— Правда, правда, нечего и говорить, отвѣчала Матвѣвна. Охъ ты, мое солнышко свѣтлое! Какъ разрядить онъ тебя тамъ графиней, что это будетъ! на удивленіе!

И съ этимъ словомъ Матвѣвна расцѣловала Авдотью Селифонтьевну; а у Авдотьи Селифонтьевны такъ заколотило сердце отъ желанія сейчасъ же, сію же минуту выйти замужъ и ѣхать тотчасъ же отъ вѣнца въ Парижъ, что если бъ не Матвѣвна же принялась увѣрять ее всѣми святыми, что это сбудется, то она, по русскому обычаю, пошла бы да и утопилась.

V.

На Матвѣвну можно было полагаться. Она предупѣдомила Василья Игнатьича, чтобъ, пожалуйста, онъ до времени не говорилъ никому, что сынокъ его покупаетъ во французской землѣ графское помѣстье.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ онъ: помолчу, помолчу! Я ужъ и деньги выдалъ Прохору. Такъ завтра насъ ждуть?

— Завтра, сударь, чайку откушать.

— Да ты бы, Матвѣвна, намѣкнула, чтобъ бутылочку вен-де-графу приготовили, что, дескать, я очень люблю это вино, слышишь?

— Скажу, скажу, Василий Игнатьевичъ; что жъ имъ значить бутылочка бѣлаго; и шампанскаго поставятъ, если прикажете.

— Нѣтъ, до шампанскаго еще дѣло дойдетъ; а вотъ вен-де-графу-то непремѣнно! Ступай-себѣ, мнѣ надо ѣхать.

И Василий Игнатьичъ отправился къ Сидору Яковлевичу, знакомому погребщику, прямо въ его погребъ *ренскихъ винъ*, и не успѣвъ порядкомъ разговориться о добромъ здоровѣ, потребовалъ бутылку вен-де-графу.

— Прикажете завернуть?

— Нѣтъ, братъ, раскупорь, сказалъ Василий Игнатьичъ.

— Извольте, сударь. Да что жъ простаго столоваго; не прикажете ли поподчивать васъ шампанскимъ?

— Что? простаго столоваго? Нѣтъ, братъ, настоящій-то вен-де-графъ вино не простое, а графское, отъ того и называется такъ.

— У насъ, Василий Игнатьичъ, самое лучшее, подлогу нѣтъ, извольте откушать.

— Покажи-ко бутылку; здѣшной разлиочки?

— Да какъ же, сударь; бѣлое ренское привозится въ бочкахъ.

— Что? какъ бы не такъ!

— Ей-ей; да вотъ извольте спросить у Трофима: онъ жилъ у Лове.

Василию Игнатьичу раскупорили бутылку, налили вина въ рюмку и подали на подносѣ. Василий Игнатьичъ хлѣбнулъ и поморщился.

— Нѣтъ, Сидоръ Яковлевичъ, извини; это, братъ, не вен-де-графъ!

— Помилуйте, Василий Игнатьичъ, буду ли я подавать вамъ другаго вина; сами же изволили потребовать вен-де-графу. Что жъ, вен-де-графъ не важное вино изъ ренскихъ: всего-то въ половину серебра бутылка, а для васъ полтора рубля. У насъ, сударь, всякія вина есть: бургонское самое лучшее, мадера-съ, малага, что прикажете.

Василий Игнатьичъ задумался было, повѣривъ на-слово пріятелю своему Сидору Яковлевичу, который уступалъ ему вина въ полцѣны противъ Лове, и если бь Прохоръ Васильевичъ былъ на лицо, онъ бы тутъ же пугнулъ его за покупку дряннаго помѣстья

съ кислыми винами; но, къ счастью, ему кое что пришло на мысль.

— Э! да какой я дуракъ! подумалъ онъ: знаю, братъ, знаю, что есть у тебя и малажка и всякія иностранныя вина, да русскаго издѣлія.

— Что-съ? какъ-съ?

— Да такъ, братъ, чай бочки-то съ ренскимъ виномъ везуть тебѣ изъ Крыма, а ужъ тутъ, братъ, подсластить, да подкрасить сандальцомъ, да подпустить взварцу какого ни на есть, не штука.

— Такъ что жъ такое, Василій Игнатьичъ, произнесъ съ обидой Сидоръ Яковлевичъ, ужъ коли въ иностранныхъ земляхъ что дѣлають, такъ намъ и не дѣлать; а на что жъ, сударь, наука? Извѣстное дѣло, что ренское вино цѣльное родится вездѣ только бѣлое, да красное, а ужъ другаго не бываетъ. Да куда жъ, сударь, цѣльное-то годится? Если не фабриковать его, такъ что въ немъ? Ординарное или, такъ сказать, столовое, вотъ и все: и кисло и безъ всякаго запаха, да и крѣпости никакой. Надо правду сказать, что Французы мастера фабриковать: по сю пору всѣ вина до единого идутъ подъ названіемъ французскихъ; погребъ французскихъ винъ, да и копчено-съ; а тутъ и нѣмецкія и италіянскія, только вотъ аглецкихъ винъ совѣмъ нѣтъ-съ, потому что народъ такой, способности нѣтъ. Портеръ аглецкой, да пиво, вотъ ихъ дѣло. Такъ изволите ли видѣть, до-сихъ-поръ Французы въ секретѣ держали, какъ фабриковать и малагу-съ, и фровтиньянъ примѣромъ-сказать, и дремадеру-съ, шампанское, и разные сорта, ну люнель и еще, какъ бишь его.... да вотъ нѣсколько лѣтъ случилась тамъ революція-съ, то есть, вотъ какъ въ животѣ бываетъ — перессорился всѣ, да передрались; вотъ-съ и понесло ихъ: кто куда. И развелись фабрики; секретъ-то открылся; а теперь ужъ въ книгахъ печатають, какъ и шампанское дѣлать и малагу-съ, а вен-де-графъ....

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ, морочишь, Сидоръ Яковлевичъ! ей-ей не повѣрю. Вен-де-графъ, братъ, такъ ужъ вен-де-графъ; его только на мѣстѣ и дѣлають; а это чортъ знаетъ что!

— Какъ угодно, Василій Игнатьевичъ; да извольте потребовать другаго винца.

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо; прощай покуда!

— Да позвольте отпустить съ вами бутылочку хоть вотъ венгерскаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ, спасибо; прощай покуда!

— Да вамъ можетъ-быть дорого показалось? для васъ мы за свою цѣну уступимъ; по рублю бутылка.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ! Все-де-графъ по рублю бутылка! Настоящее французское вино, по рублю бутылка! прикрикнулъ Василій Игнатьичъ, остановясь вдругъ въ дверяхъ: пѣфу! да я тебя знать не хочу! нашель дурака! надувай, братъ, телячью шкуру, а не меня!

И Василій Игнатьичъ, гнѣвный, отправился изъ погреба иностранныхъ винъ, въ магазинъ иностранныхъ винъ, и потребовалъ бутылку все-де-графа.

— Да послушайте, сказалъ онъ, бросая ассигнацію въ пятьдесятъ рублей серебромъ, мнѣ дайте настоящего, а не поддѣльнаго, что хотите возьмите, хоть сто рублей за бутылку, только ужъ настоящего!

Гордый *коми* не отвѣчалъ ничего Василію Игнатьичу, а приказавъ завернуть бутылку, вычелъ ни слова не говоря два рубля пятьдесятъ копѣекъ за вино.

— Такъ въ два съ полтиной-то настоящее? сказалъ Василій Игнатьичъ, сосчитавъ деньги.

— Настоящее, отвѣчалъ *коми*.

Пріѣхавъ домой, онъ нетерпѣливо потребовалъ штопоръ и рюмку, раскупорилъ бутылку, налилъ рюмку, посмотрѣлъ на свѣтъ, хлѣбнулъ и плюнулъ.

— Гдѣ Прохоръ? позови его ко мнѣ! Въ это время нашъ Прохоръ Васильевичъ былъ въ раздумьѣ; получивъ билетъ на двадцать пять тысячъ отъ Василья Игнатьича, онъ вздохнулъ, сталъ тосковать о кievской и подольской губерніяхъ, гдѣ жизнь его текла привольнѣе, ничто не связывало, ни чинъ, ни званіе, ни состояніе, гдѣ просто величали его панъ Дмитрикій, и гдѣ какъ ласточки кружились около него панны, гдѣ павы предлагали ему ставить на карту деньги, а панны сердце.

«Раздолье! подумалъ онъ, что, не опять ли туда? а? Васенька, что скажешь? Говори же откровенно, что, хочется? Да нельзя, душа моя, вѣдь ты теперь Прохоръ Васильевичъ. Во-первыхъ, мошенникъ Тришка приставилъ къ тебѣ дядьку, который не выпуститъ добромъ изъ Прохоровъ Васильевичей, а во-вторыхъ, тятенька такой добрый, такъ заботится о тебѣ. Вотъ женишься, дѣло другое: возьмешь въ приданое миллионъ; тогда можно подумать объ отставкѣ, а теперь что: далъ тятенька двадцать пять тысячъ въ задатокъ на покупку имѣнья во Франціи, а не знаетъ того, что у тебя еще въ Россіи тѣмъ необходимыхъ расходовъ.

Половину надо отдать бѣдному заключенному на расходы по дѣлу его; а остальные въ пользу бѣднаго человѣчества; притомъ же надо какъ-нибудь разсѣять тоску; самъ ты знаешь: не легко человѣку, имѣющему понятіе о жизни, быть Прохоромъ Васильевичемъ. На такую роль нельзя согласиться безъ полнаго бенефиса. На бенефисъ мы дадимъ «свадьбу», а потомъ подумаемъ, что предпринять дальше. «Женишься—перемѣнишься» пословица говоритъ; а я, любезный другъ, душевно желалъ бы, чтобы ты остепенился, получилъ осѣдлость, заслужилъ у добрыхъ людей честное имя, принесъ хоть какую-нибудь существенную пользу человѣчеству, человѣчеству, мой милый, бѣдно, любить существенную пользу и всякаго рода приношенія. Ты можешь и самого себя и всѣхъ ближнихъ и дальнихъ лишить чего угодно и облагодетворить человѣчество, и это будетъ и честно и справедливо. И въ самомъ дѣлѣ, чего жалѣть какого-нибудь гнуснаго, жирнаго, удобренняго счастливца для несчастья, страждущаго человѣчества? Не правда ли?» — Эй! Кононъ! ты здѣсь?

— Да здѣсь же!

Изъ передней вошелъ слуга, въ родѣ театральнаго чорта, одѣтаго въ холопскую ливрею.

— Ты мошенникъ?

— Никакъ нѣтъ!

— Ну, такъ плутъ?

— Никакъ нѣтъ!

— Такъ ты, слѣдовательно, честный человѣкъ?

— Отчего жъ не честной-то, сударь: я у васъ, Прохоръ Васильичъ, ничего не укралъ.

— Да отчего жъ это, Кононъ, воры не любятъ, чтобы ихъ называли ворами?

— Воръ по уликѣ; а какъ не уличишь, такъ какой же онъ воръ. Да тотъ еще воръ, кто не спросилъ чужое беретъ; а я всегда спрашивался у своего хозяина. Какъ велитъ, такъ дѣлю другое: я человѣкъ подвластный, кормлюсь жалованьемъ, что приносятъ Трифонъ Исантъ, то и дѣлаю. Поди-ко у него не сдѣлай, такъ онъ такую штуку подбоченить, что все сусло вытоплетъ.

— Ахъ, подумалъ Дмитрицкій, съ какимъ дѣловымъ народомъ чрезъ свель меня!

— Чу, Василій Игнатьичъ изволитъ спрашивать васъ, сказалъ Кавказъ, а Трифонъ Исантъ приказалъ доложить, нельзя ли еще кой сколько же завтра получить.

— Скажи Трифону Исанчу, чтобъ онъ до свадьбы не безпоколся.

И Дмитрицкій пошелъ къ своему тятенькѣ.

— Пошелъ рыскать по Москвѣ! Охъ, Прохоръ, не люблю я этого! сказалъ Василій Игнатьичъ: что у тебя за поведенція такая!

— Напрасно, тятенька, не любите: я всё хлопоталъ по вашему дѣлу, насчетъ, то есть, покупки имѣнія.

— Да что имѣнья, чорта ли имѣнья. Я не хочу, братъ, кселаго графскаго вина! поди-ко-сь! десять тысячъ бутылокъ, по два съ полтиной въ продажу! Выкинь изъ нихъ за выдѣлку, за провозъ изъ-за границы, за бутылки, да за закупорку, такъ того и смотри, что наживешь по гривнѣ съ бутылки! пѣу! На-ко, попробуй!

— Это укусь, что ли, тятенька?

— Нѣтъ, братъ, не укусь, а твой вен-де-графъ.

— Это? это? помиуйте! Гдѣ это вы взяли?

— Купилъ въ иностранномъ магазинѣ.

— Гмъ! здѣсь вы хотите имѣть настоящій вейп-де-графъ! Да здѣсь и вкусу его не знаютъ! По два съ полтиной бутылка! Ха, ха, ха, ха! А на мѣстѣ, оно вдвое дороже. Знаете ли, за какое вино его продаютъ здѣсь?

— Ну, не знаю.

— За лакрима-криси, потому что этого вина и самому папѣ на цѣлый годъ не достаетъ.

— Скажи, пожауйста! мошенники! то-то безсовѣстный народъ!... воскликнулъ Василій Игнатьичъ съ глубокимъ чувствомъ негодованія: такъ морочить добрыхъ людей! Одно вино продавать за другое! да еще за какое! за лакрима-криси! Повѣсилъ бы, собачьихъ дѣтей! ей-ей, повѣсилъ бы!... Такъ ты говоришь, что вен-де-графъ-то идетъ у нихъ за лакрима-криси?

— Именно, тятенька; ужъ это я навѣрно знаю.

— Такъ достань, братъ, Прохоръ, попробоватъ. А почему продаютъ они бутылку.... какъ бишь?

— Лакрима-криси? Не меньше пятнадцать рублей крошечная бутылочка, не бутылочка, а пузырекъ.

— Да это вино, чай, какъ лекарство пить можно по рюмочкѣ отъ разныхъ болѣстей?

— Разумѣется, тятенька.

— А бутылка вен-де-графу-то что намъ будетъ стоить на мѣстѣ?

— На мѣстѣ? не больше рубля серебромъ.

— Ну, да положимъ за провозъ рубля хоть полтора съ бутылки, всего-то пять рублей; а они катаютъ пятнадцать! а? А сколько бутылокъ вина можно выдѣлать въ графскомъ-то имѣньи?

— Тысячъ двадцать, въ худой годъ.

— Скажи, пожалуйста! вѣдь двѣсти тысячъ въ годъ доходу! рубль на рубль! Послушай, Прохоръ, ты, братъ, не говори никому, что мошенники-то продаютъ настоящій вен-де графъ за..... какъ-бишь?

— Лакрима-криси.

— Да; а за вен-де-графъ продаютъ простое ренское; не говори никому. Ужъ они, канальи, такъ опозорили его, что не продашь дороже двухъ съ полтиной. Не нести же убытокъ; мы его такъ ужъ и будемъ продавать за.... какъ-бишь?

— Лакрима-криси.

— Да; такъ ужъ и будемъ. Не на нашей душѣ грѣхъ, чортъ съ ними! А имѣнья нельзя уступить.

— Разумѣется, тятенька. Мы свой откроемъ погребъ.

— Свой, непременно свой; не погребъ, а магазинъ.

— А какое венгерское я умѣю дѣлать изъ монастырскаго вина, знаете, что продается здѣсь по рублю бутылка,—просто, чудо! Самъ венгерскій король не узнаетъ, что не настоящее.

— Ой-ли?

— Ей-ей! Еще не простое, а столѣтнее, которое продается червонца три за бутылку на мѣстѣ.

— Чтѣ ты говоришь?

— Ей-ей!

— Ну, откроемъ, братъ, Прохоръ, магазинъ винъ; я чайную торговлю брошу, чортъ съ ней! Отъ нее теперь нѣту никакой прибыли, а еще того и гляди, что бѣду наживешь: такая непопѣрная строгость, что Боже упаси!..... Ну, да добро, молчи. Не пора ли намъ къ Селифонту Михенчу? Чай ждутъ насъ?

— Я готовъ.

— Ну, такъ поѣдемъ, сказалъ Василій Игнатьичъ. За невѣстой, Прохоръ, милліона на полтора будетъ.... Вотъ какъ жевнешся, такъ ты, братъ, самъ съѣзди опять за границу, да понщи тамъ, нѣтъ ли еще какихъ статей по-прибыльнѣе.

— Я то же объ этомъ думалъ, тятенька. Съ деньгами тамъ знаете, какихъ секретовъ можно закупить!

- Хитрой тамъ народъ живетъ, подумаешь!
 - У, что нашъ народъ противъ тамошняго, — овца!
 - Овца, ей-ей, овца!
 - Овца, тятенька; а пора ужъ, кажется, чтобъ чужіе волки не драли съ насъ шкуры!
 - Ей-ей, такъ!... воскликнулъ Василій Игнатьичъ, разгораясь болѣе и болѣе злобой на промышленныхъ иностранцевъ.
 - Пора, тятенька, своимъ завестись.
 - Ей-ей, такъ, братъ Прохоръ.
- Разсуждая такимъ образомъ, Василій Игнатьичъ подѣхалъ съ сыномъ къ палатамъ Селифонта Михенча.

VI.

Прямая, русская хозяйка сохранилась только въ простомъ быту. Это не хозяйка-барыня, и ужъ далеко не хозяйка-дама. Известно, что когда иная хозяйка-барыня готовится принимать гостей, тогда дымъ идетъ коромысломъ: тотъ бѣги туда, та сюда, то подай, того не подавай; то поставь, другое вынеси; тутъ вычисти, здѣсь вымой, тамъ подотри! И во всѣ углы мечется она сама, хлопая стоптанными башмаками, которые служатъ вмѣсто туфель. Иначе и нельзя: это шагъ отъ такъ-называемаго невѣжества, къ такъ-называемому просвѣщенію. Новый порядокъ всегда смѣшшой порядокъ. Бывало въ домѣ все вѣковое, каждой вещи своя честь и свое мѣсто, будни не мѣшайся съ праздникомъ; а теперь иной толкъ, иной вкусъ, какъ во времена Татаръ. Какъ водится, недовольные своимъ первые бросаются встрѣчать и принимать чужое; согбенные трусы торопятся подражать, а храбрецы борются, по старой памяти: лучше пасть, чѣмъ итти въ полонъ, даже къ Французамъ.

Хозяйка-дама, это ужъ что-то не свое, это ужъ собственно не хозяйка, а что-то такое, чему теперь на Руси и имени еще нѣтъ, а встарину, во время нѣмецкаго нашествія, называли просто *фрля*, откинувъ отъ *gnädige Frau* прилагательное.

Марья Ивановна была хозяйка стараго быта, но вчернѣ: у ней на всѣ случаи были запасы; гостинныя комнаты чистѣхоньки. Не только муха, но и пыльникъ не садясь въ нихъ на почетную мебель, да и сама Марья Ивановна со всей семьей не

прислать, изъ уваженія къ своимъ гостямъ, на гостинныя кресла; она заботливо всѣхъ обходитъ, угощаетъ, чѣмъ Богъ посылалъ, развѣ иногда прислать на кончикъ подлѣ какой-нибудь сударыни-матушки Анисьи Ивановны, сложить ручки, по-ахаетъ о чемъ-нибудь, да и снова пойдетъ обходить съ радушнымъ возгласомъ: «да что жъ это вы не изволите кушать, или ужъ намъ счастья нѣтъ! да выкушайте на здоровье, да хоть пригубте!»

А гости и гостыи чинно сидятъ, и по обычаю отиѣкиваются отъ избытка угощеній, увѣряютъ, что ужъ душа не принимаетъ и все-таки кушаютъ въ угожденіе хозяину и хозяйкѣ. Съ-роду въ домѣ у Марьи Ивановны не было ни плясокъ, ни музыки; но когда выросла дочка, да вышла ученой-преученой изъ пансіона, тогда и Селифонтъ Михенчъ и Марья Ивановна вздохнули; но одинъ вздохнулъ о старомъ порядкѣ вещей, а Марья Ивановна уже по новомъ; ей, по быстрому вліянію просвѣщенія на женщинъ, моченьки нѣтъ какъ хотѣлось сдѣлать балъ; но Селифонтъ Михенчъ рѣшительно сказалъ, что онъ даетъ балъ только на свадьбѣ дочери. Вслѣдствіе этого (что дѣлать!) Марья Ивановнѣ ужась какъ захотѣлось скорѣе просватать Дунечку; но что она ни предпринимала, ничто не клѣилось: Дунечка непремѣнно требовала генерала. Когда Матѣевна объяснила, что у ней есть графчикъ, тогда и у Дунечки и у Марьи Ивановны сердце пришло на мѣсто. За согласіемъ Селифонта Михенча дѣло не стало; онъ не зналъ, что Прохоръ Васильевичъ графчикъ, былъ радѣхонокъ, что отдастъ дочь за купецкаго сына, да еще и за такого же милліонщика какъ самъ. Вотъ и насталъ день ожиданія жениха «на чашку чаю». Богъ вѣсть, что сдѣлалось съ Марьей Ивановной! она заметалась во всѣ углы, какъ барыня. И кондитора-то ей подавай, и безъ повара-то нельзя обойтись; и лакеевъ-то для прислуги надо нанять, и жирандоли-то взять на прокатъ,—не подсвѣчники же поставитъ на столъ; и сальныя-то свѣчи — срамъ какой! и въ комнатахъ-то курить не смолкой же.

— Владыко Ты мой, Господи!... воскликнулъ Селифонтъ Михенчъ, поглядывая на жему; но онъ не привыкъ съ ней ссориться, и только терпѣливо читалъ молитвы отъ наважденій бѣснскихъ. Однако же, когда Марья Ивановна вмѣсто повязки гарнитуроваго съ золотой бахромой платка, примѣрнула передъ

зеркаломъ купленый при помощи кумушки на Кузнецкомъ Мосту чепчикъ, Селифонть Михенчъ плюнулъ и хотѣлъ идти вонъ.

— Селифонть Михенчъ, посмотри-ко-сь! крикнула къ нему Марья Ивановна.

— Что тебѣ, матушка!.... произнесъ онъ остановясь, сердито.

— Посмотри-ко, душа, каково?

— Ну что жъ тутъ есть хорошаго-то: чепешница!

— Гдѣ жъ тебѣ толкъ знать; а я тебѣ вотъ что скажу, Селифонть Михенчъ: куда какъ непригодно ходить тебѣ въ долгоподошъ-то чекменѣ; ты бы послушалъ меня, надѣлъ нѣмецкой сертукъ.

— Тьфу ты пропасть! Ну, ужъ я вижу, что ты пошла на старости лѣтъ въ сукъ роста! сказалъ Селифонть Михенчъ, махнувъ рукою и уходя.

— Вотъ мужья! изволь на нихъ угодить!.... проговорила Ирина Степановна, безъ которой никогда бы не пришло въ голову Марьѣ Ивановнѣ измѣнить обычный свой порядокъ, и носить чепцы.

— Да Богъ его знаетъ, что онъ окрысился такъ, — сказала Марья Ивановна: этого съ нимъ съ-роду не случалось: бывало и причуда какая-нибудь придетъ мнѣ въ голову — и то ничего; а теперь поди-ко-сь, какъ расходился!

— И! ужъ всё таковы, кумушка; только до поры до времени. Вашъ еще что, поворчалъ да и ушелъ; а посмотрѣли бы вы, мой, бывало: какъ браниться начнетъ; да я въ глаза-то не смотрѣла, на первыхъ порахъ осадила.

— Что жъ ты, вицѣпилась въ него, что ли, Ирина Степановна?

— Вотъ, дура я на медвѣдя лѣзть! Нѣтъ, кумушка, есть на все манера благородная.

— Да какая же манера, Ирина Степановна? ужъ когда пошло на спорное дѣло, такъ слово за слово, да и за святые волосы.

— И, Господи, полноте кумушка, извѣстное дѣло; въ комъ сила, въ томъ и воля: оттаскалъ да и поставилъ на своемъ; и въ другой разъ такъ, и въ третій; не бойсь ждать покуда умантса! покорно благодарю! Какъ высушить въ лучину, да переломаетъ бока, такъ ужъ тогда къ яду и воля! Нѣтъ, кумушка, я не дошушу сказать себѣ одного слова неприятнаго; не могу: со мной тотчасъ дурнота: такъ и покачусь безъ памяти.

— Дурнота? поди-ко-сь!.... прервала Марья Ивановна, съ невольнымъ сердцемъ; попала вѣрно твоя дурнота на дурака, кумушка!.....

— Извините, кумушка, мой мужъ не дуракъ!..... возразила съ обидой Ирина Степановна.

— Ну, дуракъ не дуракъ, а родомъ такъ: повѣрилъ бы разумный человѣкъ дурнотѣ твоей!

— По-неволѣ повѣрять, какъ ляжешь въ постелю мертвымъ властѣмъ!

— Экое горе! ляжешь въ постелю! Ты лягъ, а тебя еще и привяжутъ: лежи, сударыня моя, сколько душѣ угодно! Посмотрѣла бы я, долго ли бы ты пролежала безъ памяти! Чай тотчасъ бы: Батюшка, помилуй! государь ты мѣмой, помилуй! не буду французскую дурноту въ голову забирать!.....

— Чтобъ я стала просить прощенья за то, что меня же обидѣли? Чтобъ я покорила? Ни за что, ни за что, вотъ ни за что!

Ирина Степановна, въ-сердцахъ и обидѣ, расходилась по комнатамъ, распѣтушилась. Дунечка также вспыхнула, какъ обиженная, и выразила нижней губой презрѣніе къ словамъ матери: понятія крестной матери были ей и по головѣ и по-сердцу, и исполнѣ согласовались съ пріобрѣтенными въ пансіонѣ, гдѣ она неразъ слыхала глубокія разсужденія подругъ о замужствѣ, о глупыхъ мужьяхъ, о злыхъ мужьяхъ, о распрахъ, о браняхъ и побойщахъ. Только-что упомянула Марья Ивановна о святыхъ власахъ, у Дунечки зазвучало въ ухахъ затверженное наставленіе, какъ поступать съ глупыми и злыми мужьями.

— Скажи пожалуйста, какая ты храбрая!.... продолжала Марья Ивановна, съ насмѣшливой улыбкой.

— Да, храбрая! Я не позволю, чтобъ со мной неблагородно обходились!

— И, матушка, гдѣ жъ всѣмъ набраться благородства-то; да и сама ты худо сдѣлала, что вышла не за благороднаго.....

— Прощай, Дунечка!.... сказала затронутая Ирина Степановна.

— Разсердилась? не на вѣкъ ли? Если не на вѣкъ, такъ и не уходя можно было бы помолчать, покуда уляжется сердце.

Ирина Степановна, не покловаясь кумѣ, ушла; Дунечка надулась на мать, а Марья Ивановна, вздохнувъ и промолвивъ о-хо-

хотѣ задумалась и не зная кого обвинить въ ссорѣ ея съ мужемъ и съ Ирвной Степановной, напала на чепчикъ.

— Чортъ вѣрно сидитъ въ немъ, прости Господи!..... крикнула она вдругъ, сдернувъ чепчикъ съ головы и бросивъ на столъ.— Ни за что не надѣну эту проклятую нахлобучку! Въ самомъ дѣлѣ, пришло же въ голову на старости лѣтъ въ чепцы рядиться! Благодарить бы Бога и за то, что дочь будетъ госпожей ходить! Возьми-ко, прибери себѣ, Дунечка, чепчикъ; выйдешь замужъ, такъ надѣнешь его.

— Покорно благодарю! Очень нуженъ мнѣ старушечій чепчикъ!.... отвѣчала Дунечка, не двигаясь съ мѣста.

— Ахъ ты, поскудная! брезгаетъ матерью! Да ты знаешь ли, что я по сю пору берегу матушкину одежду? по праздникамъ только и надѣваю. А?

— Еще бы изъ лубка пошили, да и мнѣ бы приказали носить!

— Ахъ ты, недобрая! Такъ вотъ чему учили васъ въ пансіонахъ-то! Такъ-то вы по-французскому уважаете родителей?

Эти упреки ни сколько не трогали сердца Дунечки, она съ пренебреженіемъ слушала ихъ, и ворчала про себя: да, такъ, ужъ конечно по-французскому, а не по-русскому!...

Марья Ивановна не умѣла выходить изъ себя, ни сколько не была злопамятна, и потому всѣ эти маленькія междуособія кончились заботою о приѣмѣ жениха, и долгами превіями Марьи Ивановны съ кондитеромъ. Марья Ивановна хотѣла всѣ угощенія по обычаю поставить на столъ, разливать чай сама; а кондитеръ говорилъ, что это не годится, *не слѣдуетъ*.

— А почему жъ, мой батюшка, не слѣдуетъ?

— Какъ, почему жъ, ужъ это извѣстное дѣло-съ, отвѣчалъ онъ ей.

— Да что же тутъ извѣстнаго-то?

— Да какъ же, сударыня: вѣдь ужъ извѣстно, какъ гости пожелаютъ, такъ слѣдуетъ разносить чай; а потомъ часокъ спустя фрукты, да конфеты, такъ оно такъ точно и будетъ.

— Да отъ чего жъ не убирать столъ?

— Я ужъ вамъ докладывалъ, что поставить все на столъ-то, сударыня, не годится. Извѣстное дѣло гости: ставимъ мы буфеты на балахъ; не наготовишься ничего: иная старая вѣдьма десять разъ подойдетъ; платья-то теперь широкія, съ карманами; пол-

куда убереть — въ складахъ-то и не вдогадъ никому; ей-ей! годовой запасъ привезеть домой!... Да по-миѣ какъ угодно; миѣ еще выгоднѣе: вмѣсто пяти фунтовъ конфектъ, потребуется пять пудовъ; да еще и не пять: извѣстное дѣло, что это выдумали французскіе кондитеры; имъ чего жалѣть чужаго кармана; а намъ, сударыня, не приходится такъ дѣлать.

— Ну, ну, будь по-твоему!

— Да какъ же, сударыня, не по-идему: извѣстное дѣло, что на все нуженъ порядокъ: сперва чай подадимъ, а потомъ, часокъ снастя, десертъ; такъ оно такъ точно и будетъ.

— Ну, ладно, ладно! отвѣчала Марья Ивановна, и отъ кондитера бросилась на кухню. Тамъ-то она подивилась заморскому поваренному искусству.

— Это чтò, мой батюшка?

— Труфель.

— Чтò жъ это, неужели ѣдятъ эту дрянъ?

— А какъ же, сударыня.

— Ну, привелъ Богъ видѣть; а въ ротъ не возьму!

Такимъ образомъ новые, чужіе вкусы водворились между старыми своими, по-нешножку, какъ ложка дегтю на бочку меду.

Для пріѣзду Василья Игнатьича съ сыномъ, весь домъ на распахку. Ворота открыты, у воротъ караулить гостей дворникъ; на крыльцѣ фонарь зеркальный въ видѣ звѣзды, въ тысячу огней. Два сына Селифонта Михенча сбѣжали съ лѣстницы навстрѣчу гостямъ, и указывая руками ступени вверхъ, повторяли: «пожалуйте!» Въ передней ожидалъ самъ хозяинъ, въ залѣ хозяйка, въ гостиной дочь, изъ-за дверей спальни высунулась Матвѣвна и шопотомъ окураживала Душечку: — Не робѣй, сударыня; смѣлѣе съ нимъ, да по-французскому, по-французскому съ нимъ.

За Матвѣвной стояла толпа бабъ и дѣвокъ.

— Здравія желаемъ, Селифонтъ Михенчъ! возгласилъ Василій Игнатьичъ, входя въ переднюю: вотъ вамъ гость, каковъ есть: дрянъ, сударь, дрянъ, не хвалить же стать свое дерьмò! Прошу любить и жаловать! Кланяйся, Прохоръ!

— Очень радъ, батюшка Прохоръ Васильевичъ, что изволили пожаловать къ намъ!... Покорнѣйше просимъ!

— Здравствуйте, матушка, Марья Ивановна! продолжалъ Василій Игнатьичъ, вступая въ залу: вотъ сударыня моя, не одинъ къ вамъ пріѣхалъ, а съ помощію Божіей сынишка привезъ въ благорасположеніе ваше.

— Благодарю покорно, Василій Игнатьичъ! слышалъсь много.

— Позвольте изъявить мое почтеніе-сь, сказалъ нашъ мнѣшій Прохоръ Васильевичъ, подходя къ ручкѣ Марьи Ивановны, и кланяясь, закидывая голову назадъ.

Марья Ивановна по-сердцу было такое учтивство.

— Молодчикъ какой выросъ сынокъ вашъ, Василій Игнатьичъ, сказала она: покорно просимъ! пожалуйте! Рекомендуемъ вотъ дочку нашу!

— Авдотья Селифонтовна! продолжалъ Василій Игнатьичъ, ну, благодать Божія родителю и родительницѣ такой дочки.

Дмитрицкій ловко шаркнулъ и поклонился своей будущей, оставивъ на ней томный, какъ-будто умирающій взоръ, пораженный ея красотой.

— Просимъ садиться! сдѣлайте милость!

— Такъ вотъ такъ-то, батюшка Селифонтъ Михенчъ! сказалъ Василій Игнатьичъ, садясь на указанное хозяйкой почетное мѣсто. Благословенъ Богъ въ начинаніяхъ!

— Такъ-сь, Василій Игнатьичъ, отвѣчалъ Селифонтъ Михенчъ: дѣйствительно такъ-сь.

Василій Игнатьичъ хотѣлъ-было продолжать свое начинаніе, но дверь распахнулась, и мальчикъ кондитера, малый лѣтъ двадцати, разряженный какъ парижскій франтъ, явился въ гостиной съ огромнымъ подносомъ. Мосьё, да и только! за него совѣстно, что прислуживаетъ. Прическа головы модная, запоздалая только годомъ; галстухъ, манишка, жилетъ, фракъ и такъ дагѣе, бѣлыя перчатки, все это во вкусъ времени, щеголевато, какъ на современномъ *jeune premier*; даже сладкая мина, говорящая не угодно ли вамъ чаю? была похожа на театральную мишу предложенія услугъ и сердца.

« Чтѣ жъ ты, братецъ, Прохоръ Васильичъ, усѣлся, да и молчишь дуракомъ? Поговори съ будущимъ тестюшкой », сказалъ самъ себѣ Дмитрицкій и пересѣлъ къ хозяину.

— Какой прекрасный, пріютный домъ у вашей милости, Селифонтъ Михенчъ.

— И, помилуйте, чтѣ жъ это за домъ, это домишко, сударь; вотъ у вашего батюшки такъ домъ—палаты; барской, убранство господское!

Дмитрицкій тотчасъ смѣкнулъ по отвѣту Селифонта Михенча, что неумѣстной похвалой задѣлъ его за живое: Селифонтъ Михенчъ не жаловалъ барства въ купеческомъ бытѣ, и про Васи-

ля Игнатъича говаривалъ онъ : залетѣла ворона въ высокія комнаты.

— Что жъ въ этомъ барствѣ и убранствѣ, Селифонтъ Михенчъ, по-миѣ, если позволите сказать между нами, не только тягильникъ, да и великой домъ господской постройки, просто повапленный сарай; для житья не пригоденъ, ей-Богу-сь! Подъ трактиръ отдать или фабрику завести въ немъ — такъ-сь; для фабрики очень хорошо-сь, и помѣстительно и все. Я былъ вотъ и во Франціи и въ нѣмецкихъ краяхъ: тамъ теперь никто не живетъ въ палатахъ; напримѣръ, вотъ-сь, въ *Пале-ройаль*, то есть въ королевскихъ палатахъ, гостинной дворъ завели; а во всѣхъ *отеляхъ*, то есть господскихъ домахъ, трактиры; ужъ если скажешь, что живешь въ отелѣ, такъ просто значитъ въ трактирѣ.

По-сердцу было Селифонту Михенчу это извѣстіе.

— Вотъ, Прохоръ Васильевичъ, сказалъ онъ, радостно какъ-то и видѣть разсудительнаго человѣка; и въ чужихъ земляхъ побываетъ, наберется ума, а не шавели. А вотъ, сколько дѣтей не только нашего брата, а господскихъ, ѣздили во французскую землю, да что жъ вывезли-то? что переняли-то? Срамъ сказать.

— Ужъ и не говорите, Селифонтъ Михенчъ! проговорилъ со вздохомъ Дмитрицкій, посмотрѣлся я.

— Очень, очень пріятно, Прохоръ Васильевичъ, что вы въ молодости такъ благоразсудительны; очень, очень радуюсь знакомству; прошу только насъ полюбить; мы, надо вамъ сказать, люди простые. Сынки у меня не учились наукамъ разнымъ; ну, а могу сказать, не обидѣлъ Богъ, — надежны.

Селифонтъ Михенчъ показалъ на двухъ молодцовъ стоявшихъ въ сторонкѣ, *гладкихъ* и гладко причесанныхъ, въ нѣмецкихъ сюртукахъ.

— Сдѣлайте одолженіе, позвольте познакомиться! сказалъ Дмитрицкій, и тотчасъ же подошелъ къ нимъ, пожалъ руки и просилъ благорасположенія.

— Вотъ дочка у насъ, благодаря Бога, была въ наукѣ, тоже какъ у добрыхъ людей, по-офранцузилась немножко; что дѣлать!

— Я слышала, что Авдотья Селифонтовна прекрасно поетъ, сказалъ Дмитрицкій.

— А Богъ ее знаетъ, училась у мадамы, поетъ, да не по-русскъ, такъ я и толку не разберу. Вотъ женщины смѣтливы:

Марья Ивановна моя, въ зубъ толкнуть по-французскому не умѣть, а говорить что понимается все, что поетъ Дуныша.

— Безъ сомнѣнія французскіе романсы и итальянскія арии; ахъ, какъ это хорошо!

— Вотъ вамъ извѣстно это; такъ послѣ чаю мы ее и сѣтъ заставимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ чаю Селифонть Михенчъ сказалъ что-то на-ухо Марьѣ Ивановнѣ, а Марья Ивановна дочкѣ своей.

— Не могу я, маменька, съ перваго разу нѣтъ! отвѣчала Дунечка матери также шопотомъ. Долго продолжались переговоры, наконецъ она встала съ мѣста и произнесла жеманно вслухъ: сегодня, маменька, у меня совсѣмъ голосу нѣтъ.

— *L'appetit vient en mangeant, et la voix vient en chantant, mademoiselle*, сказалъ Дмитрицкій, обращаясь къ своей невѣстѣ.

— Вуй! проговорила она, не поднимая глазъ на своего жениха, и пошла къ фортепианамъ.

— Извольте послушать, Прохоръ Васильевичъ, такъ ли она поетъ, сказалъ Селифонть Михенчъ.

— Послушаемъ, послушаемъ, возгласилъ и Василій Игнатьичъ, садясь по приглашенію хозяйки на стулъ: у меня точно такой же струментъ стоитъ въ залѣ, да играть-то некому; нѣтъ, мой не такой, а угломъ, и струнъ-то подъ ногами по больше тѣмъ у этого. Какъ-бишь, Прохоръ, называютъ струментъ-то?

— У васъ, тятенька, рояль, а это фортопьяны.

— Фортопьяны, фортопьяны, настоящія фортопьяны, крикнула Марья Ивановна въ то самое время, какъ Дунечка размѣстивъ очень удачно пальцы по клавишамъ, хотѣла-было взять аккордъ, и промахнулась цѣлой октавой.

— Ахъ, маменька, вы говорите подъ руку! проговорила она тихо, но съ досадою, начавъ снова прелюдію къ арии.

«Хвали, братецъ, Прохоръ Васильевичъ», свою невѣсту, сказалъ Дмитрицкій самъ себѣ, и потомъ крикнулъ:—Браво, браво! ахъ, какъ хорошо! какой тушь!

— Не говори, батюшка, ей подъ руку, не любитъ, шепнула ему Марья Ивановна.

— Право, я не знаю что пѣть, сказала Авдотья Селифонтовна, начавъ снова ту же прелюдію.

«Господи, какое наслажденіе быть Прохоромъ Васильевичемъ и женихомъ такой невѣсты, тихо проговорилъ Дмитрицкій, не-

осторожно зѣвнуть: надобно быть животнымъ, чтобъ не чувствовать этого! Ну, какъ не порадоваться на такое существо? Какъ не поблагодарить цивилизацію за такія метаморфозы! Узнаешь ли Душечку-дурочку? перетянута въ рюмочку, барышня, да и только! подлѣ «ортопьянъ сидитъ, италіанскую арію поетъ — каково? Bravo, bravo, цивилизація!»

— Тсъ, ужъ не мѣшайте, Прохоръ Васильевичъ. Слава Богу что начала.

— Не могу, матушка-сударыня, Марья Ивановна, ей-ей не могу! сердце заходило! Это такая цивилизація, что чудо!

— А чтѣ во французской-то землѣ также, чай, поютъ?

— Кто жъ теперь поётъ! Тамъ цивилизація; поютъ только русскія пѣсни; а это называется: *шантэ, мадамъ!* шантэ, шантэ!

— Ой-ли?

— Ей-ей!

— Тамъ же кажется и Душечка говорила; вотъ, какъ вы, Прохоръ Васильевичъ, все знаете, такъ куда какъ пріятно! да ужъ помолчимъ теперь, благо распѣлась.

— Извольте, помолчите, матушка-сударыня Марья Ивановна, «Метаморфозы!» продолжалъ про себя Дмитрицкій, наслаждаясь картиной, которую стоило бы поставить въ крумбюгелевскую рамку. Посмотри, Прохоръ Васильевичъ, на тятеньку: вельможа! да и ты самъ — кто узнаетъ, что ты не Прохоръ Васильевичъ? Ну, была ли бы возможность безъ цивилизаціи такъ ухитриться, заставить дерево расти корнями вверхъ? Вотъ жена будетъ тебѣ, Прохоръ Васильевичъ! Чтѣ я говорю, какая жена! Жена просто значить жена; всякая дрянъ можетъ быть женою; а это будетъ въ своемъ родѣ Саломея Петровна нѣсколькими тонами пониже, правда, и вѣсомъ не такъ увѣсита; но вѣсъ можетъ пополниться тягостью; а тону еще наберется: молода, и въ Саксоніи еще не была.»

— Чтѣ, каково, Прохоръ Васильевичъ?

— Чудо, чудо! просто оркестрино! неподобно!

— Чтѣ, братъ, Прохоръ, а? спросилъ Василій Игнатьичъ: жаль только, что хоть вотъ немножко бы, такъ, то есть, подпустить, какъ по-нашему: «Я жила-была у матушки дроченое дитя!» Эхъ, ты!

И Василій Игнатьичъ прищелкнулъ пальцомъ. Приливочка къ чаю заговорила въ немъ.

— Въ старину-то бывало! а? Селѣонтъ Михейчъ! Какъ ду-

маешь! Оно и конечно, почетъ, нечего сказать, и превосходятельные намъ, то есть, ни почомъ... и палаты княжескія, да ты! все ужъ оно не тово... на душѣ-то какъ-то, охъ!... Такъ вотъ извольте видѣть.... Марья Ивановна, Селифонть Михентъ, пожалуйте-ко сюда!

Василій Игнатьичъ повелъ хозяевъ въ гостиницу, а нашъ Прохоръ Васильевичъ принялся очаровывать Авдотью Селифонтовну. Съ-роду не слыхивала она такихъ сладкихъ рѣчей, которыя какъ газъ наполнили пустой шарикъ, находившійся на ея плечахъ, вздули его и Авдотья Селифонтовна, безъ малѣйшихъ затрудненій, вознеслась подъ самое небо.

Въ тотъ же вечеръ дѣло было рѣшено: быть свадьбѣ!

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ПИКИЛЬО АЛЛЫАГА,

ИЛИ

МАВРЫ ПРИ ФИЛИПЪ-ТРЕТЬЕМЪ.

=

РОМАЦЪ ЕВГЕНІЯ СКРИБА.

=

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

Ловкій пріоръ братства езуитовъ достигъ всего, чего желалъ, и сохраненія своего ордена въ Испаніи, и покровительства герцога Лермы, и союза съ инквизиціей и, въ-добавокъ, даже въ-роятности погибели бывшихъ своихъ друзей-измѣнниковъ. Но какъ скромный и благоразумный побѣдитель, который болѣе думаетъ о томъ, какъ воспользоваться, чѣмъ о томъ какъ похвалиться выгодною своего положенія, онъ отправился прямо въ Хенаресъ, сообщилъ какъ было дѣло, отцу Хероме, и смѣренно сталъ ждать что будетъ.

Инквизиторъ, увѣренный, что можетъ зажать ротъ всѣмъ клеветникамъ и оправдать себя и брата передъ лицомъ Испаніи и римскаго двора, поспѣшилъ окончить дѣла, задерживавшія его въ Валенсіи, и кратчайшимъ путемъ поѣхалъ въ Мадридъ.

Дорогою онъ нѣсколько разъ перечитывалъ доносъ, подписанный отцомъ Хероме и Эскобаромъ, и все придумывалъ, какъ бы

при собственном оправданіи выгородить честь своего семейства, предать суду графиню д'Альтамира и спасти Уседу.

Пикильо, котораго мы оставили у подошвы Альбарасинскихъ Горъ, хотѣлъ въ день отъѣзда Эскобара также пуститься въ дорогу, по получилъ отъ короля депешу, на которую слѣдовало отвѣчать. Пикильо писалъ, когда Гонгарелью вошелъ, встревоженный вѣстями, которыя разносились по сосѣдству: Борредо былъ взятъ и разграбленъ; войска собирались около Альбарасина, послѣдняго убѣжища Мавровъ; страшный дождь Августинъ де-Мехія дѣйствовалъ настойчиво и, повидимому, рѣшительно намѣревался сдержать данное герцогу Лермѣ слово—въ нѣсколько дней покончить войну совершеннымъ истребленіемъ Мавровъ.

Гонгарелью хорошо зналъ Альбарасинскія Горы, потому что провель въ нихъ бѣльшую часть своей молодости. Исключая нѣсколькихъ обрывовъ и тѣснинъ, пригодныхъ для засадъ, и нѣсколькихъ пещеръ, удобныхъ для убѣжища, тамъ не было мѣстъ, удобныхъ для того, чтобы въ нихъ долго держаться противъ многочисленной и стройной арміи.

Пикильо трепеталъ при мысли о Иесидѣ, который съ своимъ неопытнымъ и почти безоружнымъ войскомъ долженъ былъ отбиваться отъ старыхъ испанскихъ полковъ, воевавшихъ уже лѣтъ двадцать въ Италіи, Франціи и Нидерландахъ. Къ-несчастью, невозможно было и сомнѣваться, когда и чѣмъ кончится борьба, и бѣдный монахъ, не видя ни какой надежды для погибавшихъ Мавровъ, старался уже только выпросить имъ или прощеніе или по-крайней-мѣрѣ сколько возможно выгодныя условія. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ къ королю, но не скрывалъ отъ себя, что Филиппъ, предоставленный самому себѣ и въ присутствіи герцога Лермы, конечно, не найдетъ довольно смѣлости, чтобы объявить всепрощеніе. Пикильо придумывалъ другое, болѣе дѣйствительное средство, какъ-вдругъ ему помѣшалъ страшный шумъ за воротами гостиницы.

Это вели остатокъ жителей Борредо, человѣкъ шестьдесятъ плѣнныхъ, которыхъ жители Караскоса преслѣдовали криками, бранью и камнями. Несчастные были въ самомъ ужасномъ положеніи: покрытые грязью и кровью и изнуренные усталостью, они едва держались на ногахъ.

— Куда вы ихъ ведете? спросилъ Пикильо сержанта, который командовалъ конвоемъ.

— Въ Оканью, отвѣчалъ сержантъ Молина: сегодня вечеромъ приказано доставить.

— Но имъ не дотащиться сегодня.

— Приказано, такъ дотащатся. Донъ Августинъ приказалъ, а съ нимъ вѣдь шутить не станешь: онъ никогда еще не прощалъ ослушанія.

— По-крайней-мѣрѣ дайте плѣннымъ нѣсколько минутъ отдохнуть въ этой гостиницѣ. На дворѣ есть большой сарай: хозяинъ позволить имъ сдѣлать тамъ привалъ и освѣжиться.

— Охотно, отвѣчалъ трактирщикъ, который уже зналъ щедрость аббата Аллыага и предвидѣлъ хорошій расходъ.

— Но генералъ не приказывалъ останавливаться, возразилъ Молина.

— То генералъ, а это его преподобіе аббатъ Лунсъ Аллыага, королевскій духовникъ, замѣтилъ трактирщикъ.

— А если генералъ узнаетъ....

— Не узнаетъ!

— Ничего! Авось, обойдется. Его преподобіе дастъ вамъ свое благословеніе, а я добрую бутылку вина.

Противъ такого аргумента нельзя было устоять: сержанта мучила жажда и онъ согласился.

Плѣнныхъ отвели въ сарай, къ великому неудовольствію жителей Караскоса, которые такимъ образомъ лишились наслажденія потѣшиться надъ еретиками.

По распоряженію Пькшью, плѣнныхъ накормили и напоили. Сержантъ, забывъ на время строгость донъ Августина де-Мехин, также расположился поѣсть и, главное, попить съ сеньоромъ Москито: такъ звали трактирщика, который самъ лично прислуживалъ гостю.

Бутылка вина не опорожнилась и до половины, какъ послышался конской топотъ и наполненный стаканъ чуть не выпалъ изъ рукъ сержанта. Молина по духу узналъ, что это донъ Августинъ со своею свитой.

Съ утра дѣятельный генералъ навѣщалъ всѣ свои посты, отдавалъ приказанія и самъ наблюдалъ за исполненіемъ предначертанныхъ движеній отрядовъ, которые съ разныхъ сторонъ поднимались въ горы, чтобы окружить слабую армию Іесвда.

Сержантъ Молина шопотомъ объяснилъ трактирщику, что считаетъ себя пропащимъ человѣкомъ, и тотъ поспѣшно представилъ дѣло аббату Лунсу Аллыагѣ.

Аллыага отвѣчалъ:

— Попросите генерала сдѣлать мнѣ честь отобѣдать со мною и озаботьтесь, чтобы обѣдъ былъ достоинъ и его и васъ.

Болѣе пріятнаго порученія нельзя было дать сеньору Москито. Онъ обрадовался случаю сдѣлать значительную приписку на счету королевскаго духовника и поспѣшилъ передать донъ Августину приглашеніе.

Дѣло шло къ вечеру. Донъ Августинъ, отдавъ послѣднія приказанія своимъ офицерамъ, которые поскакали въ разныя стороны, отправился въ покой аббата Аллыаги.

Аллыага принялъ важнаго и гордаго хидальго какъ слѣдовало, и, чтобы еще больше польстить ему и отклонить вниманіе отъ плѣнныхъ, завелъ рѣчь о военныхъ дѣйствіяхъ. Это подѣйствовало. Генералъ въ самомъ дѣлѣ такъ занялся объясненіемъ плана кампаніи, что не видѣлъ, какъ шло время. Черезъ часъ трактирщикъ, съ колпакомъ въ одной рукѣ и съ салфеткою въ другой, пришелъ доложить, что кушанье подано. Генералъ спокойно принялся обѣдать. Ему и въ голову не приходило, что онъ сидитъ близехонько подлѣ нарушителей дисциплины, а сержантъ Молвна, разумѣется, только о томъ и молился, чтобы Богъ пронесъ тучу. Но, къ несчастію, окна столовой выходили на улицу, а тамъ бушевала чернь, у которой отняли потѣху.

— Чтò это значитъ? спросилъ донъ Августинъ, прислушиваясь.

— Вѣроятно, ссора какая-нибудь, хладнокровно отвѣчалъ Аллыага.

И донъ Августинъ опять обратился къ своей тарелкѣ.

Но скоро шумъ на улицѣ еще усилился. Нашлись буяны, которые не ограничились одними криками. Дѣло дошло до камней. Нѣсколько оконницъ въ столовой разлетѣлись въ дребезги и одинъ камень упалъ даже на столъ къ обѣдавшимъ.

Генералъ спокойно взглянулъ на трактирщика и сказалъ :

— Позвать сюда альгусиала.

— Альгусиала, ваше превосходительство.... отвѣчалъ трактирщикъ, дрожащею рукою перемѣняя у генерала тарелку.

— Да, альгусиала.

— Слушаю, ваше превосходительство.... Альгусиаловъ тамъ двое.... во....

— Ну, подай двоихъ.

— Но и двоихъ мало будетъ, ваше превосходительство.

Генералъ не разсудилъ говорить больше. Онъ кинулъ на трак-

тврщика такой взглядъ, который достаточно выражалъ: — Дѣлай, что велятъ! — и сеньоръ Москито не посмѣлъ болѣе возражать.

Генераль налилъ себѣ вина и продолжалъ бесѣдовать. Черезъ минуту альгуасилы вошли. Въ одномъ изъ нихъ Пикильо узналъ сеньора Карденіо дела-Тромбу, — того самаго, который, нѣсколь-ко дней тому назадъ, собирався повѣсить цирюльника Гонгарелью.

— Сеньоръ Карденіо! васъ ли я вижу? вскричалъ Алъиага: вы уже воротились изъ Валенсіи?

— Нѣтъ, ваше преподобіе. Мои арестанты избавили меня отъ этого труда.

— Какимъ же это образомъ?

— Вы приказали развязать имъ руки, а дорогою мы только и слышали, что о бунтовщикахъ, которые собрались въ горахъ подъ предводительствомъ Исидра д'Альберика.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ генераль.

— Точно такъ, ваше превосходительство. И когда мы подошли къ горамъ, всѣ мои арестанты вздумали бѣжать. Насъ, альгуасилловъ, было всего двѣнадцать человѣкъ....

— И вы не сладили съ арестантами? вскричалъ генераль.

— Какъ же было сладить!... Двѣнадцать человѣкъ мы убили.... По выстрѣлу па каждого досталось.... По остальные всѣ ушли къ Исиду.

— Ну, это еще не бѣда. Мы найдемъ ихъ и съ Исидомъ и на этотъ разъ ни одинъ не уйдетъ. За это я вамъ ручаюсь. А между-тѣмъ, сеньоръ альгуасиль, сдѣлайте одолженіе, прогоните эту глупую толпу отъ дому, чтобы она не беспокоила почтеннѣйшаго отца духовника его величества.

— Мы уже пытались, ваше превосходительство, да не можемъ одолѣть. Они непремѣнно хотятъ....

— Чего?

— Хотятъ, чтобы выдали имъ плѣнниковъ....

— Какихъ плѣнниковъ?

— Да тѣхъ, которыхъ ведетъ сержантъ Молина.

Донъ Августинъ пожалъ плечами и отвѣчалъ :

— Этотъ отрядъ теперь уже долженъ быть въ Оканьѣ. Пусть желающіе отправятся туда искать ихъ. Но врядъ-ли застанутъ.

Пикильо совершенно раздѣлялъ мнѣніе генерала, однако жъ ничего не сказалъ.

— Министръ приказалъ разстрѣлять всѣхъ до одного, прибавилъ донъ Августинъ.

Пикильо вскрикнулъ отъ ужасу и вторую его мыслью была благодарственная молитва къ Богу, который внушилъ ему остановить плѣнныхъ.

— Разстрѣлять! повторилъ онъ.

— Да, такъ угодно министру и его величеству, спокойно отвѣчалъ донъ Августинъ и, обращаясь къ альгусиамъ, прибавилъ: объявить это крикунамъ и онъ, я думаю, успокоится.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, они не повѣрятъ.

— Какъ не повѣрятъ! Отчего же?

— Отъ того, что плѣнные еще здѣсь, въ этой гостинницѣ, въ сараѣ, что на заднемъ дворѣ.

— Какъ, развѣ сержантъ Молина убить? спокойно спросилъ генералъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, смиренно отвѣчалъ трактирщикъ: онъ сейчасъ обѣдалъ со мною.

— Позвать сержанта!

— Позвольте, генералъ, это совершенно бесполезно, возразилъ Пикильо: я одинъ виноватъ. Это я убѣдилъ сержанта дать небольшой отдыхъ несчастнымъ, потому что они едва тащились.

— Вы, аббатъ, исполнили свой долгъ какъ служитель Церкви, но сержантъ Молина не исполнилъ своего какъ солдатъ. Онъ завтра отправится на двѣ недѣли подъ арестъ. А теперь, покуда, сеньоръ альгусиалъ, прикажите ему отъ моего имени отправиться съ плѣнными, куда знаетъ.

— Но чернь растерзаетъ несчастныхъ! вскричалъ Альяага.

— Это—дѣло сержанта, хладнокровно отвѣчалъ донъ Августинъ: ему приказано сегодня доставить ихъ въ Оканью и онъ доставитъ.

— И доставитъ только затѣмъ чтобы разстрѣляли! вскричалъ Альяага.

— Мы, военныя, исполняемъ приказанія и не разсуждаемъ.

— Избить беззащитныхъ плѣнниковъ... такое приказаніе....

— Жестоко, это правда, однако не безразсудно. По-крайней-мѣрѣ эти враги не пойдутъ помогать Исиду и его мятежной шайкѣ, какъ тѣ, которыхъ вы освободили.

— Генералъ, сдѣлайте мнѣ милость, прошу васъ, остановите исполненіе этого приказанія, пока я напишу къ королю.

— Я въ отчаяніи, что долженъ отказать вамъ, аббатъ. Я не могу иначе.

— Вы не можете! Ну, такъ я запрещаю вамъ именемъ короля, съ важностью сказалъ Алліага.

— Это какимъ образомъ? съ удивленіемъ спросилъ донъ Августинъ:

— Въ силу даннаго мнѣ его величествомъ полномочія. Не угодно ли прочесть?

Алліага показалъ полномочіе, писанное рукою самого Филиппа Третьяго. Донъ-Августинъ де-Мехія нахмурилъ брови, прикусилъ губу и сказалъ:

— Не знаю, должно ли полномочіе духовника его величества простирается далѣ предметовъ духовныхъ и церковныхъ. Я знаю только, что данныя мнѣ инструкціи также подписаны не только министромъ, но и самимъ королемъ. Поэтому, въ сомнѣніи, въ которое меня ставитъ столкновение противорѣчащихъ приказаній и властей, я считаю должнымъ прежде всего исполнить тѣ приказанія, которыя даны непосредственно мнѣ самому.

Тутъ шумъ подъ окнами усилился. На улицѣ и на дворѣ показались огни. Чернь очевидно хотѣла поджечь сарай, гдѣ находились Мавры.

При первой мысли о пожарѣ, трактирщикъ выбѣжалъ съ трепетомъ, — не за плѣнныхъ, а за свой запасъ хлѣба и за домъ, — и краснорѣчиво пустился убѣждать толпу, которая состояла большею частію изъ его же сосѣдей и знакомцевъ. Донъ Августинъ де-Мехія между-тѣмъ отворилъ окно на дворъ и увидѣлъ несчастнаго сержанта, который съ осемью своими солдатами стоялъ передъ сараемъ въ боевомъ порядкѣ.

— Сержантъ! вскричалъ генераль: отведи плѣнныхъ, куда приказано, и если не достанетъ хоть одного, ты отвѣчаешь головой. Маршъ!

Отдавъ это приказаніе, донъ Августинъ по прежнему спокойно сѣлъ за столъ.

— Извините, что я васъ оставилъ, аббатъ, сказалъ онъ, и забудьте неприятность, которую я дѣлаю вамъ совершенно противъ воли.

— Неприятность! вскричалъ Алліага съ негодованіемъ: это вы называете неприятностью!... Не забудьте, генераль, что кровь этихъ несчастныхъ падетъ на вашу голову.

— Что жъ дѣлать, почтеннѣйшій аббатъ. Таковъ обычай вой-

— А если вы сами понадете когда-нибудь въ подобное положеніе?

— Такъ что жъ? Умру, какъ прилично солдату.... Позвольте налить вашу рюмку.

— Покорно благодарю, сухо отвѣчалъ Альиага.

Генералъ еще держалъ бутылку въ рукахъ, когда вбѣжалъ трактирщикъ, лицу котораго въ тотъ день суждено было безпрестанно являться съ выраженіемъ страха и смутенія. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно и едва дышалъ.

— Хуже, ваше превосходительство!... Мавры! Мавры спускаются съ горъ и вступаютъ въ городъ.... Грабятъ и рѣжутъ все, что подъ руки попадаетъ.

— Мавры! повторилъ генералъ, пожавъ плечами: какой вздоръ! И онъ спокойно налилъ двѣ рюмки, — сперва аббату, потомъ себѣ.

— Увѣряю васъ, ваше превосходительство! Они спустились въ долину.

— Но съ которой же стороны? спросилъ донъ Августинъ съ нетерпѣніемъ.

— Со стороны Оканьп.

— Не можетъ быть!... Туда именно я сегодня утромъ отправилъ колонну дона Діега Фахардо. У него тысяча двѣсти лучшихъ нашихъ солдатъ и шесть орудій. Этого достаточно, чтобы остановить всю армію мятежниковъ.

— Однако жъ, кажется, не остановили, потому что Мавры уже здѣсь, въ городѣ, и всѣ жители спасаются бѣгствомъ.... Слышите?... слышите?...

Въ отдаленныхъ улицахъ раздались нѣсколько ружейныхъ залповъ.

— Это странно! сказалъ генералъ: однако жъ надобно посмотреть, что тамъ такое.

Зловѣщій гулъ и крики усилились и по временамъ довольно хорошо можно было различить вопли Мавровъ:

— Аллахъ! Аллахъ! смерть христіянамъ, смерть Испанцамъ!

Генералъ поспѣшно, но спокойно, всталъ, взялъ свою шпагу и приготовился выйти.

Тутъ вбѣжалъ какой-то офицеръ. Одежда его была въ безобразіи, кровь текла изъ нѣсколькихъ ранъ.

— Оставайтесь! оставайтесь, генералъ! кричалъ онъ.

— Это вы, донъ Діега? Что это значитъ? спросилъ Мехія.

— Оставайтесь! не выходите! продолжалъ донъ Діего Фахардо: на крыльцѣ вѣсколько нашихъ офицеровъ и осемь солдатъ сержанта Молины. Они выдержатъ первый напоръ, пока вы успѣете скрыться.

— Мнѣ скриваться! возразилъ Мехія съ надменною улыбкой: вы съ ума сошли, донъ Діего; опомнитесь. Чтѣ случилось? Почему вы оставили вашъ постъ, вашихъ солдатъ?

— Моехъ солдатъ! вскричалъ Діего съ бѣшенствомъ и отчаяніемъ: мои солдаты всѣ убиты, уничтожены!

— А ваша артиллерія, ваши снаряды?

— Все въ рукахъ мятежниковъ!

— Не можетъ-быть!

— Я самъ говорилъ себѣ: этого не можетъ быть! вскричалъ Діего, обтирая рукою кровь со лба: а между-тѣмъ эта кровь — моя... О! предательство! предательство проклятое! Не будь этого, всѣмъ бы имъ вмѣстѣ не побѣдить капитана Фахардо.

— Кто же вамъ измѣнилъ?

— Да, представьте себѣ! наши солдаты схватили одного Мавра, а я вздумалъ употребить его какъ жоатаго и за это обѣщаль ему даровать жизнь. Чтѣ жъ вы думаете! Часа два мошенникъ водилъ насъ по узкимъ ущельямъ и крутымъ, острымъ утесамъ, потомъ вдругъ остановился и закричалъ: «Сюда, братья! сюда! За жизнь мою я предаю вамъ враговъ! Берите, бейте ихъ!» Я въ ту же минуту выстрѣлилъ по немъ и наши пули разметали его собачье тѣло. Но въ то же время узкое ущелье, въ которое мы зашли, было завалено огромными глыбами камней, сброшенныхъ сверху. Чтѣ противъ этого было дѣлать храбрости и дисциплины? Сражаться не было средствъ, впередъ идти невозможно и назадъ также. «Аллахъ! Аллахъ! смерть христіанамъ!» ревели Мавры, осыпая насъ камнями съ высотъ оврага, а мы стрѣляли на воздухъ и то не долго.... Вся моя колонна раздавлена, разможжена самымъ ужаснымъ образомъ.... Насъ человекъ двадцать, не больше, ушло кое-какъ съ невмѣрными усиліями, цѣпляясь за корни деревьевъ и за острые камни по крутымъ бокамъ оврага. Но Мавры преслѣдовали насъ до сихъ поръ.... Бѣжать! бѣжать отъ мятежниковъ! Такого позору я никогда вообразить не могъ.... И это, можетъ-быть, еще не все.... Они уже овладѣли городомъ....

— А вотъ увидимъ, отвѣчалъ донъ Августинъ, который выслушавъ разсказъ такъ же спокойно, какъ вѣтромъ Филиппъ. Это...

рой выслушалъ вѣсть объ уничтоженіи Великой Армады: вы, можетъ-быть, еще ошибаетесь, донъ Діего.

На улицѣ раздались крики радости и побѣды, которые доказывали, что Діего не ошибся.

— Аллахъ! Аллахъ! смерть христіанамъ!

Этотъ вопль покрывалъ всё прочіе. Черезъ нѣсколько минутъ ворота и двери гостиницы были выломлены. Мавры осадилъ крыльцо, защищаемое сержантомъ Молиной и остатками колонны дона Діего.

— Не забудьте, капитанъ, что мы должны защитить королевскаго духовника, сказалъ донъ Августинъ: монашеская одежда прежде всего подвергнетъ его ярости еретиковъ.

— Думайте только о себѣ, генералъ, холодно возразилъ Аллыага: я готовъ умереть.

— Ну, и мы тоже. Мы всегда готовы, съ улыбкою продолжалъ Мехія: я сейчасъ только говорилъ вамъ, что таковъ обычай войны, такова наша доля. Ваше дѣло иное, почтеннѣйшій отецъ: вы можете блѣднѣть, вы имѣете право на это. Но вы не пользуетесь этимъ правомъ.... Тѣмъ лучше для васъ.... Наши солдаты не могли устоять.... вотъ и дверь сломана.... вотъ и непріятель. Діего, вы ранены. Обопритесь на меня. Надобно умереть стоя лицомъ къ врагу.

Испанцы обнажили шпаги, но Аллыага впередъ ихъ бросился къ двери въ ту самую минуту, когда Мавры, какъ прорвавшій плотину потокъ, хлынули въ комнату.

— Стрѣляй въ монаха! кричали они, увидѣвъ Пикилью, стояшаго съ поднятыми руками щитомъ передъ Испанцами.

Капюшонъ его былъ откинутъ на плечи, голова обнажена. Онъ первый, беззащитный и безоружный, подставлялъ грудь подъ смертельные удары.

Одинъ Мавръ уже прицѣлился-было въ него, какъ-вдругъ какой-то молодой человѣкъ высокаго росту и, повидимому, изъ начальниковъ, поспѣшно ударилъ по поднятому ружью. Выстрѣлъ раздался и пуля прошибла оконницу.

— Стой! вскричалъ Мавръ громовымъ голосомъ: никто не смѣй тронуть этого человѣка. Уважайте его какъ самого Іесида.

— Да, да! вскричали многіе голоса въ толпѣ: это онъ! это нашъ избавитель! это аббатъ Луисъ Аллыага!

И Пикилью узналъ того вѣрнаго слугу Іесида, котораго встрѣтилъ подъ конвоемъ альгвасиловъ вмѣстѣ съ Гонгавелью.

Альгамаръ махнулъ рукой. Всѣ товарищи его вышли. Донъ-Діего Фахардо, отъ ракъ и изнеможенія, упалъ на стулъ. Донъ-Августинъ старался оказать ему пособіе. Между-тѣмъ Альяга, въ другомъ концѣ комнаты, вполголоса разговаривалъ съ Мавромъ.

— Въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ тебя, говорилъ Альгамаръ, ты называлъ насъ братьями и мы брату не измѣнимъ. Приказывай, что мы должны сдѣлать для тебя.

— Пощадите этихъ двоихъ Испанцевъ, которые хотѣли защищать меня.

— Хорошо. Кто бы они ни были, они будутъ свободны и невредимы.

— Благодарю. Теперь поспѣшите освободить нашихъ братьевъ изъ жителей Борредо, которые заперты въ сараѣ.

— Они уже освобождены.

— Еще одно слово. Хотя вы и побѣдили, однако жъ послушайте меня, не оставайтесь долго въ Караскофъ. Въ окрестностяхъ стоятъ многочисленные отряды. По первому извѣстію они могутъ окружить васъ.

— Не безпокойся. Мы спустились въ долину только затѣмъ, чтобы заpastись провизіей. Мы успѣли захватить нѣсколько стадъ, и по приказанію Іесидо, нынче же ночью воротимся въ горы.

— Тѣмъ лучше. А мнѣ непременно нужно повидаться съ Іесидомъ. Какъ бы это сдѣлать?

— Іесиду нельзя покинуть насъ и прійти къ тебѣ.

— Я приду къ нему въ горы, но только не сегодня и не съ вами. Завтра я приду одинъ.

— Хорошо. Я буду ждать тебя у трехъ бѣлыхъ утесовъ. Но кто проводить тебя туда?

— Гонгарельо. Онъ хорошо знаетъ эти горы.

— Такъ до завтра, братъ.

— До завтра.

Весь этотъ разговоръ происходилъ скороговоркой и вполголоса, въ десяти шагахъ отъ генерала. Потомъ Альгамаръ поспѣшно вышелъ къ своимъ, которые уже начинали клнкать его. Альяга подошелъ къ генералу и сталъ помогать ему привести въ чувство Діего.

Наконецъ капитанъ пришелъ въ себя и, вспомнивъ опять про

утреннюю свою прогулку, со стыдомъ и отчаяніемъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Ну, полно, полно, сказалъ съ важностью генералъ: мужайтесь. Мы еще поправимся. Никто не помѣшаетъ вамъ драться на смерть при первомъ случаѣ, который не замедлитъ представиться.

Говоря это, донъ Августинъ де-Мехія прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ и, что-то расчитывая, отъ времени до времени посматривалъ на часы.

— О чемъ вы думаете, генералъ? спросилъ Аллиага.

— Я думаю, что, если мои приказанія будутъ съ точностью исполнены, шесть сотъ человекъ кавалеріи подъ начальствомъ Гомеса да-Сильвы сегодня вечеромъ должны пройти черезъ Караскосу на Оканью. Дастъ Богъ, они не опоздаютъ и мы посмѣемся, прибавилъ онъ съ тѣмъ же важнымъ тономъ: всю эту сволочь захватимъ. Ни одинъ не уйдетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ капитанъ Діего, бодро вскочивъ, и блѣдное лицо его на мгновеніе оживилось, глаза засвѣтились лучомъ радости и надежды на мщеніе.

Но то былъ уже predeterminedъ день несчастій и разочарованій для бѣднаго капитана.

На дворѣ гостиницы затрубили въ рогъ и въ ту же минуту сигналъ этотъ повторился во всѣхъ концахъ города. Это Альгамаръ собиралъ и строилъ своихъ людей, забиралъ съ собою добычу и освобожденныхъ изъ плѣна братьевъ. Нѣсколько времени еще слышались звуки отдаленныхъ роговъ, повторяемые отголосками горъ. Потомъ глухая тишина и запустѣніе смѣнили военный шумъ и сцены грабежа и истребленія.

Давно уже все стихло. Донъ Августинъ отворилъ окно на дворъ и клякнулъ. Только одинъ слабый голосъ отвѣчалъ. Это былъ сержантъ Молина.

— Что прикажете, генералъ?

— Гдѣ хозяинъ трактира?

— Убѣжалъ или спрятался. Я думаю, онъ въ сараѣ, подъ соломѣ забрался.

— Такъ позови альгуасила Карденію дела-Тромбу.

— Убить, ваше превосходительство, и товарищъ его тоже.

— А твои солдаты?

— Всѣ до одного убиты.

— А ты?

— Раненъ, ваше превосходительство.

— Опасно?

— Надѣюсь, что нѣтъ.

— Ну, такъ поспѣши вылечиться.

— Поспѣшу, ваше превосходительство.

— Потомъ отправившись на недѣлю подъ арестъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Въ отдаленіи, съ долины, послышался конскій топотъ.

— Это они! сказалъ донъ Августинъ: это Сильва. Жаль, что поздно.

— Отчего же? съ живостью вскричалъ Діего: еще можно пуститься въ погоню.

— Нѣтъ, я не намѣренъ пускаться ночью въ горы, знакомыя непріятелю и незнакомыя намъ. Довольно уроку на сегодня, прибавилъ онъ, бросивъ строгій взглядъ на капитана: подождемъ до завтра. Сегодня только дойдемъ до Оканьи.

Черезъ четверть часа потомъ Гомесъ да-Сильва со своимъ отрядомъ проходилъ черезъ Караскоу. Донъ Августинъ присоединился къ нему съ капитаномъ Діего, который съ трудомъ держался на лошади. Во всю дорогу генералъ слова не проронилъ о томъ что случилось. Прибывъ въ Оканью, онъ окружающимъ офицерамъ сказалъ только:

— Завтра сраженіе, господа, и обращаясь къ Діего прибавилъ: завтра наверстаете, капитанъ.

На другой день вѣчеромъ Алльіага, оставивъ свою свиту въ гостинницѣ, отправился въ горы съ Гонгарелью, который невольно всё какъ-то держался позади своего господина и покровителя.

Гонгарелью былъ человекъ преданный, но трусливый. Впрочемъ, и другой, по-храбрѣ его, могъ бы безъ зазрѣнія совѣсти струсить почью, посреди дикихъ горъ, на крутыхъ извилистыхъ тропинкахъ, которыя были опасны даже днемъ. Наши путники съ трудомъ пробирались по боку горы и по краю пропасти, которая становилась чѣмъ далѣе тѣмъ страшнѣе.

Чѣмъ выше они поднимались къ хребту Альбарасина, тѣмъ воздухъ становился холоднѣе и вѣтеръ порывистѣе. Онъ рѣзко свистѣлъ и гудѣлъ въ щеляхъ утесовъ и крутился вихремъ въ узкихъ тѣснинахъ. По-временамъ, чтобы не упасть, путники принуждены были цѣпляться за края утесовъ и за вересковые порослы или корни деревъ, между-тѣмъ какъ надъ головами у нихъ

испуганныя хищныя птицы зловѣщими дикими криками еще увеличивали ужась страшнаго мѣста.

Наконецъ прибыли на небольшую платформу, увѣчанную тремя остроконечными бѣлыми утесами, которые какъ серебряныя шпиль свѣтились посреди звѣздной ночи. Гонгарельо задрожалъ, когда услышалъ бряцанье оружія и когда нѣсколько человѣкъ, лежавшихъ у подножія трехъ утесовъ, вдругъ вскочили.

То были Альгамаръ и его товарищи.

— Добро пожаловать, братъ, сказалъ онъ: нашъ начальникъ ждетъ тебя.

И они стали спускаться на другую сторону горы, по менѣе крутой тропинкѣ, до пещеры, загороженной утесами. Такъ какъ идти было легко, то Альяга дорогою разспрашивалъ Альгамара о событіяхъ того дня.

— Аллахъ съ нами, отвѣчалъ Альгамаръ: сегодня утромъ на разсвѣтѣ, Исидъ выступилъ съ большимъ отрядомъ. Мы думали, что онъ отправляется на Куллу и Беназаль, чтобы атаковать корпусъ Фернанда д'Альбайды, который мы видѣли въ долинѣ.

— И что же? спросилъ Альяга съ безпокойствомъ: они сражались.

— Нѣтъ. Исидъ остановился на горѣ. Въ долинѣ при восходѣ солнца, стоялъ раскинутый лагерь Фернанда. Я, какъ и всегда, былъ подлѣ Исиды и видѣлъ, какъ по щекѣ его прокатилась слеза. И мы всѣ тоже были тронуты, потому что съ платформы гдѣ мы стояли, передъ нами простирались долины Валенсіи. Поля, которыя мы обрабатывали, поприще нашего дѣтства, родная наша земля, мы не понесемъ на твое лоно пожаровъ и опустошенія.

И бросивъ послѣдній взглядъ любви на землю, удобренную нашимъ потомъ, мы повернули по тропамъ, которыя ведутъ въ Аррагонію. Тамъ стоялъ другой испанскій корпусъ, подъ начальствомъ бригадира Гомары, который лѣвымъ своимъ флангомъ долженъ былъ примкнуть къ колоннѣ донъ Фернанда, а правымъ къ главному корпусу донъ Августина де-Мехи, который сегодня къ утру хотѣлъ выступить изъ Оканьи.

— Знаю, знаю. Ну, что же?

— Гомара, вѣроятно, не предполагалъ, что мы осмѣлились атаковать его. Его колонна преспокойно спала. Мы разбудили ихъ пушками, которыя отняли у Діего Фахардо. Они хотѣли отбить у насъ эти пушки, четыре раза кидались на приступъ

но крутой горѣ, но мы четыре раза опрокинули ихъ съ укрѣпленій, которыя самъ Аллахъ построилъ для насъ въ оборону отъ вритѣснителей. Посмотрѣли бы вы, какъ яростно Гомара отбѣялся въ продолженіи двухъ часовъ и все напрасно! Самъ Исидъ, потомокъ Абенсерраговъ, потомокъ нашихъ царей, гналъ его съ утеса на утесъ, съ холма на холмъ и, наконецъ, своеручно, въ виду всей нашей арміи, поразилъ его шпагою въ грудь и горы огласились кликомъ: «Аллахъ! Аллахъ! Слава Исиду! Слава Абенсеррагамъ!» Прекрасный былъ день! вскричалъ рассказчикъ съ восторгомъ: такой прекрасный, что я готовъ умереть увидѣвши его.

— А донъ Августинъ де-Мехія? спросилъ Алъяга.

— Испанскій главнокомандующій... да, мы слышали звуки его барабановъ и роговъ: видѣли, какъ колонны его вдали взбирались на горы, между-тѣмъ какъ Исидъ собиралъ своихъ, строилъ въ боевой порядокъ и разставивалъ пушки по хребту. Мы ждали Мехію, который, говорятъ, опытный и храбрый генералъ. Однако жъ онъ не разсудилъ вступить въ сраженіе, хотя насъ было вполонину меньше его арміи. Вѣрно, и храбрый струсилъ, послѣ погрому, какой мы задали Гомаръ.

— Можетъ ли быть!...

— Да, онъ долго смотрѣлъ на нашу позицію и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы атаковать насъ, повернулъ на дорогу къ Чекъ и оставилъ владѣтелями всего склона горы и открытой дороги въ Мадригъ.

— Какъ! онъ отступилъ?

— Отступилъ! отвѣчалъ съ торжествующимъ видомъ Альгаръ.

Алъяга съ своей стороны, вовсе не радовался этому отступленію. Донъ Августинъ де-Мехія былъ не такой человѣкъ, чтобъ отступить даромъ, и Алъяга былъ правъ.

Узнавъ о пораженіи другаго изъ своихъ капитановъ и замѣтивъ твердую позицію мятежниковъ, старый генералъ понялъ, что ихъ не собьешь безъ значительнаго урону, и, вѣрный своему правилу: «жди, чтобы скорѣй достигнуть», онъ предпочелъ нѣсколько дней труднаго пути въ обходъ горы, чтобы напасть на вѣрнителя съ тылу, между-тѣмъ какъ донъ Фернандъ ударить съ флангу и поставитъ Мавровъ между двухъ огней.

Этотъ маневръ, конечно, давалъ Маврамъ нѣсколько дней сро-

ку, но увѣренность Альгамара и его товарищей страшила Аллыагу.

Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ лагерю Мавровъ, гдѣ господствовалъ самый дѣятельный дозоръ. Почти на каждомъ шагу, путниковъ останавливали часовые вопросомъ:

— Кто идетъ?

— Братья, отвѣчалъ Альгамаръ.

Прошедши черезъ лагерь, они пришли къ палаткѣ, въ которой, несмотря на позднюю пору, горѣли свѣчи, и черезъ минуту два брата обнялись.

Аллыага, тронутый до слезъ радостными ласками Исиды, съ прискорбіемъ всматривался въ блѣдныя, страдальческія черты своего брата и на все, что окружало его,—на изорванную палатку, которая служила ему кровомъ, и на пукъ соломы для отдыху отъ военныхъ трудовъ.

— Да, я здѣсь уже не въ Вальпарайсо, сказалъ Исидъ, угадавъ его мысль: но моя участь еще завидна, братецъ: я сражаюсь за вѣру и свободу. Если не найду вознагражденія на землѣ, такъ найду тамъ, прибавилъ онъ взглянувъ на небо: Богъ соединитъ меня наконецъ со всѣмъ, что люблю.... Онъ уже начинается: я вижу любимаго брата.... Какими ты судьбами здѣсь, Пикильо?

— Я знаю, что ты въ опасности.

— И ты затѣмъ самъ подвергаешься опасности? Ты принесъ мнѣ вѣстей объ Анхѣ и о батюшкѣ?

— Нѣтъ еще. Я самъ иду. Я по повелѣнію короля отправляюсь въ Валенсію, чтобы воротить ихъ изъ изгнанія и привезть въ Мадридъ. Но поговоримъ сперва о тебѣ. Отецъ нашъ, Деласкаръ, передъ отъѣздомъ вручилъ мнѣ два милліона реаловъ для передачи герцогу Лермѣ за обѣщаніе, которому тотъ измѣнилъ. Я принесъ эти деньги тебѣ.

— Благодарю за вашихъ товарищей. Имъ это очень нужно.

Аллыага отдалъ деньги и продолжалъ :

— Я слышалъ о твоихъ побѣдахъ, былъ почти свидѣтелемъ ихъ и горжусь ими. Но я боюсь, что твоя гибель всё-таки неизбежна. Донъ Августинъ де-Мехія не такой человекъ, чтобы покинуть добычу. Онъ поклялся истребить всѣхъ Мавровъ.

— Пусть. Но сдержать эту клятву ему будетъ стоять не дешево.

— Положимъ. Но всё-таки кровь съ обѣихъ сторонъ полетитъ

но-напрасну. Я знаю, что въ скоромъ времени король Филиппъ смѣнитъ своихъ совѣтниковъ. Скоро герцогъ Лерма будетъ свергнутъ, повелѣніе касательно Мавровъ отмѣнится и братья наши воротятся въ свои дома.

— Что ты говоришь? вскричалъ Іесидъ въ изумленіи: на чемъ же ты основываешь такую странную надежду?

Тутъ Алъиага разсказалъ, какую пламенную, неукротимую страсть Филиппъ питаетъ къ Анхѣ, и объяснилъ порученіе, съ которымъ ѣхалъ и для котораго снабженъ самымъ неограниченнымъ полномочіемъ.

Филиппъ-Третій, король Испанскій, хотѣлъ вступить въ тайный, но законный бракъ съ Анхою д'Альберикъ, дочерью и сестрою Мавровъ.

Іесидъ съ трудомъ вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Король требуетъ только, чтобы она приняла крещеніе.

— Но согласится ли она? спросилъ Іесидъ, помолчавъ.

— Я крестился, чтобы спасти ее, отвѣчалъ Алъиага со вздохомъ: неужели она откажется сдѣлать то же для спасенія цѣлаго народа, для искупленія своихъ братьевъ изъ изгнанія, нищеты и смерти?

— Да, можетъ-быть. Но... выйти за короля, котораго она не любитъ.... Ты думаешь, она принесетъ эту жертву?

— Кто же помѣшаетъ ей? спросилъ съ живостью Алъиага, который поблѣднѣлъ и затрепеталъ: тебѣ извѣстно какое-нибудь препятствіе? Вѣдь она недавно уже была готова отдать свою жизнь.... и еще больше.... свою честь за отмѣну роковаго повелѣнія. Такъ не лучше ли же быть женою, чѣмъ любовницей короля.

— Да, отвѣчалъ Іесидъ: несчастіе всегда можно предпочесть позору и каковы бы ни были чувствованія Анхи....

— Ты знаешь ихъ?

— Нѣтъ. Но я теперь увѣренъ, такъ же какъ и ты, что она согласится.

— Ну, вотъ видишь ли! вскричалъ Пикильо съ радостью: какъ же тогда король откажетъ въ чемъ-нибудь женщинѣ, которую любить до безумія? Неужели ты думаешь, онъ посадитъ ее на свой тронъ и оставитъ ея братьевъ въ изгнаніи? Нѣтъ, нѣтъ! Я сказалъ тебѣ, что въ нѣсколько дней все переимѣнится. Лиха теперь, можетъ-быть, уже въ Валенсіи. Я отвезу ее въ Мадридъ, гдѣ ее ждетъ царственный супругъ. Когда мы прѣидемъ, гер-

догъ Лерма самъ потребуеть отмѣны повелѣнія, самъ подпишетъ новое повелѣніе или будетъ смѣненъ.

— Правда, правда.

— И такъ, братецъ, продолжалъ Аллыага: старайся только выигрывать время. Больше ничего не нужно. Избѣгай сраженій, которыхъ случайности сомнительны, а слѣдствія безполезны. Ты общаешь мнѣ это?

— Общаю, братецъ. Твой совѣтъ благоразуменъ. Я буду держаться его, сколько могу.

— А я поспѣшу выручить тебя. Лишь-только прїѣдемъ въ Мадритъ, я тотчасъ употреблю все мое вліяніе у короля, чтобы прекратить военныя дѣйствія донъ Августина де-Мехиа, а тамъ мы съ Анхой ужъ уладимъ дѣло. Вотъ, братецъ, что я хотѣлъ сказать тебѣ.

— Благодарю, благодарю, спаситель нашъ. Но поэтому ты скоро и покинешь меня?

— Затѣмъ, чтобы служить тебѣ же и не терять ни минуты.

— Дождись по-крайней-мѣрѣ утра. Тебѣ нечего опасаться: мы владѣемъ всею дорожкой въ Валенсію. Утромъ я самъ провожу тебя до послѣдней сторожевой цѣпи.

Аллыагъ необходимо было отдохнуть. Онъ остался и братья провели нѣсколько часовъ въ сладостныхъ изліяніяхъ самой нѣжной дружбы. Исидъ не говорилъ о королевѣ, Аллыага едва упоминалъ объ Анхѣ, но оба такъ любили и въ прошедшемъ и въ настоящемъ, что каждый безъ объясненія понималъ несчастіе и страданія другаго и сочувствовалъ имъ.

На разсвѣтъ Аллыага собрался въ путь. Исидъ располагалъ проводить его, какъ-вдругъ услышали въ лагерѣ необыкновенное движеніе. Мавры выбѣгали изъ палатокъ, встрѣчали кого-то, съ радостью привѣтствовали и спрашивали.

Прибывшій молодой Мавръ, блѣдный и изнуренный, едва подвигался впередъ посреди толпы любопытныхъ. Увидѣвъ его, Исидъ и Аллыага вскрикнули въ одинъ голосъ:

— Педральви!

Педральви отъ изнеможенія упалъ къ ногамъ Исиды.

Его отнесли въ палатку, дали вздохнуть и тогда уже онъ могъ отвѣчать на разпросы, которыми его засыпали.

— Гдѣ Анха? гдѣ батюшка? Что съ ними?

— Ты мнѣ клялся не покидать ихъ.

— Видитъ Богъ, держался ли я своей клятвы! отвѣчалъ Пед-

радьви. Я пришелъ дать отчетъ тебѣ, моему господину, прибавилъ онъ мрачно, обращаясь къ Иесиду: посуди, могъ ли твой слуга поступать лучше. Тебя уже не было, когда Деласкаръ и сеньора Анха со своими людьми сѣли на корабль, чтобы отправиться въ изгнаніе. Это было такое прискорбное зрѣлище, котораго я не въ состояніи описать. Но скоро послѣдовали другія, еще ужаснѣе. Товарищи мои не могли отвести глазъ отъ береговъ своей родины. Когда же берега скрылись изъ виду, всё мы, всё до одного заплакали. Въ первый день Деласкаръ и Анха не хотѣли выйти изъ каюты. Я съ Хуанитою прислуживалъ имъ и между дѣломъ осматривалъ наше судно. Оно было грузное и шло неповоротливо. Лучшаго мы не могли найти. Зато капитанъ Джампистри былъ намъ давно извѣстенъ какъ честный человѣкъ.... вы знаете его. Однако жъ экипажъ его мнѣ не нравился. Матросовъ было слишкомъ много для такого маленькаго судна.... человѣкъ двадцать. Я намекнулъ объ этомъ капитану. Онъ отвѣчалъ, что нанялъ только десятерыхъ, но что для Деласкара ихъ пошло двадцать, за ту же цѣну, и что ихъ порядилъ подъ своею отвѣтственностью штурманъ Херонимо. При всемъ томъ меня тревожило, что эти матросы больше походили на бандитовъ, чѣмъ на мореходовъ. Я примѣчалъ даже, что они были неопытны, неловки въ маневрахъ и всё пьяницы. Нѣкоторые изъ нихъ въ первый же день напились.

«— Уже!... строго сказалъ имъ одинъ изъ товарищей: погодите же немножко: еще рано!

Отъ этого голоса, не знаю почему, меня обдало холодомъ. Мнѣ казалось, что я уже слышалъ его когда-то при важныхъ обстоятельствахъ. Но лицо говорившаго было мнѣ совершенно незнакомо. Капитанъ называлъ его Херонимомъ. Всю ночь я былъ на сторожѣ.

«На другой день, утромъ, Анха согласилась выйти на палубу, чтобы освѣжиться. Она стояла нѣсколько минутъ у борту, опершись на плечо Хуаниты и смотрѣла на море. Вдругъ я примѣтилъ, что она поблѣднѣла, задрожала и поспѣшно ушла въ каюту. Я побѣжалъ слѣдомъ и спросилъ, чего она испугалась.

«— Глупый страхъ, котораго я стыжусь, отвѣчала она. Мимо меня прошелъ матросъ и я его испугалась.

«— Я видѣлъ, какъ проходилъ Херонимъ.

«— Не знаю, какъ его зовутъ, но въ лицѣ его мнѣ показалось

сходство съ бандитомъ, у котораго я нѣкогда была во власти
вырожденіи нѣсколькихъ минутъ.

«— Кто же этотъ бандитъ?»

«— Смертельный врагъ Пиккльо, нѣкто по имени Хуанъ Батиста Бальсейро.

У Алмиаги холодный потъ выступилъ на лбу.

— Хуанъ-Батиста Бальсейро! вскричалъ онъ. И ты увѣренъ, что это былъ онъ?

— Да, отвѣчалъ Педральви отрывисто. Но не желая еще болѣе испугать сеньору Анху, я увѣрилъ ее, что страхъ ея неоснователенъ, между-тѣмъ какъ самъ считалъ его совершенно законнымъ. Онъ объяснялъ мнѣ и дѣйствіе, произведенное голосомъ штурмана на меня самого. Я встрѣчалъ бандита Бальсейро два раза въ жизни, но въ тотъ и другой ночью. Рѣшившись провѣдать его намѣренія и покончить съ нимъ дѣло, я пошелъ искать его на палубѣ. Его тамъ не было. Капитанъ Джіампіетри сказалъ мнѣ, что Херонимо съ другимъ матросомъ по имени Марко чистятъ его каюту. Я пошелъ туда, но нашелъ одного Марка. Я, вѣроятно, былъ страшенъ, потому что Марко поблѣднѣлъ, увидѣвъ меня вдушаго съ пистолетомъ въ рукахъ. Я схватилъ его за-воротъ и приставилъ пистолеть къ горлу.

«— Признавайся безъ отговорокъ! вскричалъ я: твой подрядчикъ Херонимо бандитъ Хуанъ-Батиста Бальсейро, котораго давно уже ждетъ висѣлица?»

«— Правда, отвѣчалъ Марко съ трепетомъ.

«— Что онъ теперь замышляетъ? Говори сейчасъ, нето застрѣлю.

«— Онъ хочетъ ограбить это судно. Онъ полагаетъ, что Делаоскаръ д'Альберикъ везетъ съ собою всѣ свои сокровища.

«— Гдѣ же теперь Бальсейро?»

«Марко не посмѣлъ отвѣчать, а только глазами указалъ на другую каюту. Я обратился туда. Дверь быстро отворилась. Кто-то вышелъ. Я выстрѣлилъ и убилъ его. Но то былъ не Бальсейро, а другой бандитъ.

«Въ каютѣ ихъ было двое.

«Пользуясь минутою, Марко напалъ на меня сзади, между-тѣмъ какъ Бальсейро схватилъ меня за горло. Однако жъ я боролся съ обоними и звалъ на помощь. Капитанъ Джіампіетри уже бѣжалъ ко мнѣ на помощь, но Бальсейро потащилъ меня на лѣтвинну и громко закричалъ:

«— Ребята, сюда!... пора!

«Въ одинъ мигъ весь экипажъ или, лучше сказать, вся шайка разбойниковъ окружила насъ и бросила меня и несчастнаго Джампiетри черезъ бортъ въ море.

Иссыдъ и Никильо вскрикнули отъ ужасу.

«— Это бы еще ничего, продолжалъ Педральви: но мой господа, Деласкаръ и Анха, и моя невѣста Хуанита остались въ рукахъ бандита!.... Кто ихъ избавитъ отъ такого мерзавца!

— И ты вовсе не знаешь, что съ ними сталося?

«— Ничего не знаю. Я тонулъ, нѣсколько разъ погружался на дно моря и покуда выплывалъ опять на поверхность, корабль ушелъ далеко. Капитана Джампiетри я тоже видѣлъ только одну минуту, вдали отъ меня, на волнахъ. Потомъ онъ исчезъ навсегда. Я отчаянно, съ яростью боролся противъ воли и плылъ, самъ не знаю, куда. Нѣсколько разъ сила и бодрость покидали меня; нѣсколько разъ я начиналъ тонуть. Но чувство самосохраненiя снова пробуждалось и я опять продолжалъ отчаянную работу. Такъ прошло часа три. Я не видѣлъ, куда плыву. По временамъ мнѣ представлялись цвѣтушiе берега, песчанья отмели, тѣнистыя рощи и прекрасныя дома въ отдаленiи. Я съ радостью бросался далѣе, напрягая послѣднiя силы и вдругъ все исчезало. То были грезы моего измученнаго воображенiя. За этими грезами слѣдовало что-то, вѣроятно, похожее на помѣшательство. Я совершенно забывался, но все продолжалъ бороться со смертiю. Наконецъ я увидѣлъ корабль, шедшiй на всѣхъ парусахъ. На кораблѣ было много народу. На меня указывали пальцами. Изъ-подъ кормы выбивалась пѣнистая струя. Но я уже былъ увѣренъ, что и это тоже призракъ. Мнѣ бросили веревку, я ухватился и призракъ дѣйствительно исчезъ. Я уже ничего не видѣлъ и не чувствовалъ.

« Очнувшись, я увидѣлъ себя на палубѣ. Меня окружали соотечественники, Мавры. Нѣкоторыя женщины оказывали мнѣ пособiя.

«— Хуанита! Анха! Деласкаръ! вскричалъ я.

«Никто не отвѣчалъ. Они были далеко. Я находился на другомъ кораблѣ, на казенномъ, который также везъ изгнанниковъ въ Африку. Я избавился отъ смерти, но не радовался, и вы повѣрили бы этому, если бѣ видѣли, какиихъ ужасовъ я былъ свидѣтелемъ. Да, я видѣлъ нашихъ братьевъ, лишенныхъ воздуха и пищи, загнанныхъ какъ скотина въ грязный трюмъ; я видѣлъ,

какъ были плетми дѣтей и женщинъ, которыя осмѣливались жаловаться и стонать; я видѣлъ, какъ лилась кровь отцовъ и братьевъ, которые дерзали защищать ихъ; я видѣлъ дѣвусекъ, которыхъ красота на минуту обезоруживала палачей, но которыя скоро потомъ проклинали оставленную имъ жизнь или сами умирали съ отчаянія, но уже поздно. Я видѣлъ всё эти неистовства и не могъ прекратить ихъ! Вы думаете, можетъ-быть, что этого униженія, этихъ терзаній довольно; что судьба наконецъ устанетъ гнать насъ и африканскій берегъ откроетъ намъ мирное убѣжище. Нѣтъ, дѣло христіанъ было еще не кончено. Всѣ бичи соединились съ пни и помогали имъ поражать несчастныхъ Мавровъ. Насъ высадили въ окрестностяхъ Орава. Насъ было около шести тысячъ брошенныхъ на пустынный берегъ, безъ пищи, безъ оружія и почти безъ одежды.

« Испанскіе корабли ушли. Настала ночь. Изнемогшіе отъ усталости, холоду и голоду мы напрасно искали пріюта. Мы зывали къ небу, но оно не услышало насъ. Мало этого, Кабилы и Бедуны пришли грабить насъ, своихъ братьевъ, дѣтей Измаила. Подъ бурлесомъ Африканца мы всё-еще находили испанское сердце.

« О! эта ночь была ужасна! хищники безъ всякой пощады душили несчастныхъ, которые на защиту не имѣли другаго оружія, кромѣ прибережныхъ камней.

« На утро половины нашихъ не стало. Мы не могли долѣе оставаться на этомъ негостепримномъ берегу и рѣшились идти въ Алжиръ, гдѣ намъ обѣщали дать землю.

« Разсказывать ли новыя бѣдствія наши въ продолженіи этого печальнаго шествія? Каждую минуту кто-нибудь изъ братьевъ нашихъ падалъ за-мертво, — кто отъ ранъ, кто отъ изнуренія, кто отъ голоду и жажды. И каждый вечеръ, когда мы дѣлали привалъ, Бедуны приходили выбирать своихъ жертвъ и рѣзать беззащитное стадо.

« Напрасно мы старались укрыться отъ преслѣдованій. Слѣдъ нашъ отыскать было не трудно: его устилали трупы. Когда до Алжира оставался еще одинъ день пути, насъ изъ шести тысячъ оставалось въ живыхъ тридцать человекъ. Изъ этого числа въ послѣдній вечеръ ятаганъ Бедуиновъ истребилъ опять больше половины. У остальныхъ едва достало силъ проташиться еще нѣскольکو миль. Одна бѣдная мать, чувствуя приближеніе смерти'

подала мнѣ свое дитя, котораго уже не въ-состояніи была держать. Я принялъ ребенка, но черезъ часъ и онъ умеръ.

« Вдали показались ворота Алжира.

« Я вошелъ.... одинъ! »

Педральи закрылъ лицо руками. Исидъ и Пикильо слушали съ безмолвнымъ ужасомъ.

Помолчавъ, Мавръ продолжалъ.

« Въ Алжирѣ иное было дѣло. Тамъ я нашелъ истинныхъ братьевъ, нашелъ помощь и покровительство. Всѣ негоціанты, съ которыми мы прежде имѣли сношенія, Мулей-Гассанъ, Бенъ-Гудъ и Бенабадъ, разспрашивали меня о Деласкарѣ и о васъ, сеньоръ Исидъ. Всякій хотѣлъ удержать меня у себя, дать мнѣ мѣсто и содержаніе. Мнѣ судили блестящую будущность. Я отказался, потому что былъ намѣренъ воротиться сюда, къ вамъ.

« Напрасно я разспрашивалъ судовщиковъ и капитановъ: никто не видалъ въ морѣ судна капитана Джіампіетри; никто не могъ дать мнѣ вѣсти о Деласкарѣ, объ Анхѣ и Хуанитѣ.

« Но зато мы каждый день слышали о новыхъ преступленіяхъ. Изъ перевезенныхъ подобно намъ въ Африку болѣе ста тысячъ человѣкъ погибло. Между-прочими палачами капитанъ Джузеппе Кампанелья, находя свое судно слишкомъ нагруженнымъ, бросилъ часть багажа въ море.

« Этотъ багажъ составляли наши братья.

« Онъ же, Кампанелья, обѣщалъ одной дѣвушкѣ даровать жизнь ея отцу за подлую цѣву и черезъ минуту потомъ съ насмѣшкою показалъ несчастной дочери старика, повѣшеннаго на мачтѣ!

« И Испанцы утверждаютъ, что у нихъ есть Богъ!... вскричалъ Педральи съ яростью хватая себя за лобъ: много, много мнѣ нужно испанской крови.... Не знаю, страданія ли, которыя я перенесъ, или злодѣйства, которыхъ былъ свидѣтелемъ, ожесточили меня, но я теперь сталъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ: я дышу только мщеніемъ. Я для этого только живу и жить хочу. Я поклялся Богу отцовъ моихъ и Богу христіанъ, своей рукою истребить первыхъ виновниковъ нашихъ несчастій, великаго-инквизитора Сандовала, архіепископа Рибейру и герцога Лерму. Это мое назначеніе. Я не знаю и знать не хочу другаго. И я исполню его.»

— Другъ! другъ! вскричалъ Исидъ, стараясь успокоить его: ты ли это?... Ты, который былъ всегда такъ добръ и великодушень. Тебя еще ослѣпляетъ горячка.

«— Эта горячка уже не оставитъ меня. Узнавъ, что капитанъ

Кампанелья снимается съ якоря, чтобы отправиться обратно въ Испанію, я явился къ нему въ качествѣ слуги, разсказалъ.... не помню хорошенько, что.... разсказалъ, будто я родился въ Бискайѣ, что я Испанецъ, проживавшій въ Алжирѣ.... Однимъ словомъ, я опредѣлился къ нему слугой даромъ, только бы взялъ меня съ собою. Въ Мурвiedo Кампанелья оставилъ свой корабль и сухимъ путемъ поѣхалъ въ Мадридъ, чтобы отдать герцогу Лермѣ и великому-инквизитору отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и попросить награды.

— И тогда ты оставилъ его?

— Нѣтъ; намъ еще нужно было счеты свести.

— Какъ такъ?

«— Сегодня утромъ проѣзжая Альбаринскія Горы мы остановились: Кампанелья затѣмъ, чтобы позавтракать, а я, его слуга, затѣмъ чтобы по его приказанію вычистить и приготовить оружіе на случай нападенія. Я повиновался, вычистилъ, зарядилъ пистолеты и сказалъ:

«— Капитанъ, вы ѣдете въ Мадридъ, чтобы получить заслуженную награду?

«— Разумѣется.

«— Вы получите эту награду, не ходя въ Мадридъ.

«— Что это значитъ?

«— То, что для васъ насталъ день суда. Если ваши инквизиторы не умѣютъ судить, такъ я беру этотъ трудъ на себя.

«И, поставивъ ему колѣно и пистолетъ на грудь, я напомнилъ опозоренныхъ дѣвушекъ и замученныхъ отцовъ и объявилъ свою клятву истребить Лерму, Сапдовала и Рибейру.

«— Но такъ какъ можетъ пройти еще много времени, пока я успѣю исполнить свою клятву, то я далъ себѣ слово до-тѣхъ-поръ ежедневно убивать по одному Испанцу и начну съ васъ, капитанъ.— Я такъ и сдѣлалъ.»

— Ты убилъ его! вскричалъ Альбага.»

— Безъ пощады и безъ угрызенія совѣсти, какъ бѣшеную собаку.

Едва Педральви окончилъ свой разсказъ, въ палатку вошелъ Альгамаръ и объявилъ, что на большой дорогѣ пойманъ какой-то Испанецъ, по-видимому изъ знатныхъ, потому что онъ ѣхалъ въ великолѣпномъ экипажѣ съ многочисленною свитой, которая вся разсыпана или убита.

Этотъ человѣкъ ѣхалъ изъ Валенсіи, какъ видно, въ Мадридъ

Онъ упустился мимо Альбарасина очень смѣло, потому что считалъ эту сторону въ полной власти донъ Августина де-Мехи, и не мало изумился и ужаснулся, когда увидѣлъ себя въ рукахъ Мавровъ.

Всѣ бумаги, находившіяся въ экипажѣ, были забраны. Альгамаръ подавъ Іесиду большой портфель. Черезъ минуту и самого неизвѣстнаго путешественника ввели. Пикильо остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Великій-инквизиторъ Сандоваль! вскричалъ онъ.

При этомъ имени Педральви воспринулъ какъ шакаль и взвизнулъ отъ радости. Губы у него напѣнились, глаза налились кровью и онъ напередъ уже сталъ взглядами пожирать свою жертву.

Великій-инквизиторъ былъ блѣденъ и шелъ не совсѣмъ твердою поступью. Рѣчи, которыя онъ слышалъ, проходя черезъ лагерь Мавровъ, были для него не очень утѣшительны.

При первомъ взглядѣ на его монашескую одежду, всякій хотѣлъ изрубить его. Входя въ палатку военачальника, онъ былъ такъ смущенъ, что не вдругъ примѣтилъ присутствіе Алльяги, который стоялъ всторонѣ. Притомъ онъ тотчасъ же долженъ былъ обратить вниманіе на другой предметъ.

— Видите! вскричалъ Педральви: Богъ отцовъ нашихъ одобряетъ мою клятву: онъ посылаетъ мнѣ одну изъ главныхъ обреченныхъ жертвъ.... Палачъ нашихъ братьевъ, приговоръ твой готовъ и я исполню его! прибавилъ онъ бросившись на Сандовала и быстро схвативъ его одною рукой за-воротъ, а другою взмахнулъ кинжалъ.

Но Алльяга такъ же быстро подскочилъ и отвелъ ударъ своей рукой. Кровь брызнула, Іесидъ вскрикнулъ отъ испугу.

— Ничего, холодно сказалъ Алльяга и поднялъ кинжалъ, который Педральви въ ужасѣ уронилъ: прошу только, выслушай меня, Педральви.

— Я далъ клятву и долженъ сдержать ее, отвѣчалъ Педральви: я клялся кровью нашихъ братьевъ.

— А я моею кровью заклинаю тебя отказаться отъ мести, возразилъ Алльяга, показывая свою окровавленную руку.

Педральви не отвѣчалъ.

— Развѣ ты самъ хочешь сдѣлаться такимъ же преступнымъ какъ тѣ, которыхъ намѣренъ наказать?

— Местъ не преступленіе, а правосудіе. Если бы ты такъ же какъ я былъ свидѣтелемъ истребленія нашихъ братьевъ; если бы ты подумалъ объ ужасахъ, которые мы испытали и которые еще ожидаютъ насъ....

Аллыага видѣлъ, что Мавръ никогда не пойметъ его мысли и того святаго закона, который повелѣваетъ прощать злѣйшимъ врагамъ. Онъ прибѣгнувъ къ другому средству и сказалъ:

— Я именно думаю о судьбѣ нашихъ братьевъ и потому только прошу у тебя пощады этому человѣку. Если ты убьешь его, это будетъ преступленіе бесполезное, тогда какъ живой онъ можетъ пригодиться вамъ.

— Напримѣръ, на что? отрывисто спросилъ Педральви.

— Напримѣръ, во-первыхъ, какъ заложникъ.

— Правда! вскричалъ съ живостью Исидъ: его жизнью мы можемъ выкупить жизнь нашихъ братьевъ.

— И остановить инквизиціонныя преслѣдованія, прибавилъ Аллыага.

— Га!... Предатель! проворчалъ Сандоваль.

— Предатель? возразилъ Педральви съ смѣхомъ: предатель тотъ, который спасаетъ тебя?... О! если бы ты былъ повиненъ только въ такомъ предательствѣ!...

— Такъ ты соглашаешься на мое предложеніе? спросилъ Аллыага: ты отказываешься отъ мщенія?

— Теперь, покуда, пожалуй, если ты думаешь, что онъ можетъ быть полезнымъ, чему я однако жъ не вѣрю. Но всё-равно. Я подожду. Увидимъ. Это не миръ, прибавилъ онъ, взглянувъ на инквизитора, который уже начиналъ дышать свободнѣе: это только перемиріе. Я не забуду моей клятвы.

Онъ схватилъ и сильно сжалъ руку Сандовала. У того морозъ пробѣжалъ по жиламъ.

— Теперь рассмотримъ бумаги, сказалъ Аллыага, указывая на портфель, когда ему перевязали рану.

То были болѣею частію письма къ Сандовалу и рапорты въ инквизицію отъ разныхъ губернаторовъ и капитановъ объ исполненіи повелѣнія касательно Мавровъ.

Каждый изъ усердія къ святому дѣлу и изъ угодливости инквизитору расписывалъ свои подвиги какъ-можно ярче, даже преувеличивалъ и безъ того страшныя гоненія на беззащитныхъ Мавровъ. Палачи и убійцы изъ лести становились чудовищами и

старались сколько можно похвалиться числомъ и страданіями своихъ жертвъ.

Они, конечно, не воображали, какъ плохо услужать этимъ инквизитору, который попался въ руки къ Маврамъ.

При каждой чертѣ жестокости, Сандоваль потуплялъ глаза и наклонялъ голову, чтобы не видѣть отвращенія и ужасу, которые возбуждалъ.

При каждомъ убійствѣ, при каждомъ насиліи Педральви вскрикивалъ съ бѣшенствомъ:

— Вотъ чудовища, которыхъ вы хотите пощадить!

Была минута, когда и самъ Іесидъ, вспомнивъ о сестрѣ и объ отцѣ, сказалъ:

— Да, Педральви правъ!

При этомъ словѣ Мавръ снова бросился, чтобы схватить свою жертву, но Алъіага загородилъ ее своею раненою рукою, — ружьемъ, черезъ который Педральви не посмѣлъ переступить.

— Молчи, Педральви! молчи, Іесидъ! строго сказалъ Алъіага, одинъ возвышая голосъ за милосердное ученіе вѣры: Молчите! Нашъ судья не здѣсь, а тамъ.

Онъ взглянулъ на небо и далъ Іесиду знакъ, чтобы продолжалъ чтеніе.

Слѣдовавшее затѣмъ письмо было получено наканунѣ отъ Эскобара, который повторялъ свои изъявленія усердія, преданности и дружбы и между прочимъ говорилъ объ общемъ ихъ врагѣ, Лунсѣ Алъіагѣ, котораго они клялись уничтожить.

Іесидъ прервалъ чтеніе и взглянулъ на брата. Педральви посмотрѣлъ на Сандовала и въ свою очередь сказалъ:

— Га! предатель!

— Продолжай, сказалъ Алъіага спокойно.

Эскобаръ совѣтовалъ Сандовалу не пускаться въ продолжительную борьбу съ Алъіагой, а разомъ нанести одинъ смѣлый ударъ. Онъ совѣтовалъ тотчасъ же по прибытіи въ Мадридъ арестовать королевскаго духовника, который несмотря на это званіе, всё-таки ни больше ни меньше какъ доминиканскій монахъ и въ этомъ качествѣ подчиненъ правиламъ ордена и главному своему начальнику, великому-инквизитору. Стоило только засадить его въ темницу инквизиціи, а продержатъ тамъ всю жизнь будетъ уже не трудно. Слабый король скоро забудетъ управителя своей совѣсти, когда перестанетъ видѣть его, особенно когда ему дадутъ другаго духовника, наприимѣръ Эскобара.

— Хорошо, сказалъ Аллыага своему брату: дай мнѣ это письмо. И вѣтъ ли еще писанныхъ этою рукой?

— Есть только одна бумага, отвѣчалъ Исидъ.

И онъ подалъ ему подписанный Эскобаромъ и Хероме доносъ, который оправдывалъ герцога Лерму и объяснялъ, какимъ образомъ графиня д'Альтампра и герцогъ Уседа отравили королеву, предполагая извести герцогиню Сантаремъ.

Винниковъ этого преступленія Аллыага зналъ давно. Онъ въ хенаресскомъ монастырѣ, въ келліѣ настоятеля, своими ушами слышалъ всѣ подробности этого злодѣйскаго заговора.

Онъ нѣсколько минутъ оставался въ раздумьѣ, склонивъ голову на руку, потомъ сдѣлалъ Педральви и мавританскимъ проводителямъ отрядовъ знакъ, чтобы они вышли на минуту.

Они вышли и вывели инквизитора, который былъ въ большомъ сомнѣніи насчетъ своей участи и рѣшенія Аллыаги.

— Братъ, сказалъ Пикильо Исиду: одно происшествіе, одно роковое происшествіе разстроиваетъ всѣ наши планы и, можетъ-быть, уничтожить ихъ совершенно, если небо не сохранило нашего отца и Апху.

— Чтѣ до меня, отвѣчалъ Исидъ мрачно: у меня только одно желаніе — отомстить и послѣдовать за ними, потому что я уже ни на чтѣ не надѣюсь.

— А я надѣюсь! Богъ избавлялъ меня отъ такихъ великихъ опасностей, извлекалъ изъ такихъ ужасныхъ положеній, что отчаяваться въ Его милосердіи для меня значило бы богохульствовать. Повѣрь, Аиха будетъ возвращена намъ.

— А если же мы не увидимъ ее или увидимъ униженную?

— И тогда, отвѣчалъ Аллыага, блѣднѣя и дрожащимъ голосомъ: и тогда несчастіе или позоръ не помѣшаютъ намъ продолжать до конца наше святое дѣло. У насъ большая семья. Мы должны изгнаннымъ и разсѣянными братьямъ нашимъ возвратитъ родные очаги и кровь. Я обѣщалъ это нашему отцу Деласкару д'Альберiku. Это цѣль всей моей жизни. Я погибну или достигну этой цѣли.

— Но какимъ образомъ ты надѣешься успѣть? спросилъ Исидъ: чтѣ касается до меня, я не ослѣпленъ насчетъ моихъ усилій. Бѣдные люди, избравшіе меня въ начальники, поддерживаемые отчаяніемъ, быть-можетъ, въ состояніи защищаться еще нѣсколько времени въ этихъ горахъ, но мы уже не можемъ подоб-

но нашимъ предкамъ завоевать Испанію или предписать ей законы.

— Знаю, знаю! отвѣчалъ Алъиага.

— Чтѣ же станется съ твоими мечтами? Герцогиня Санта-ремъ, сдѣлавшись королевою испанской, конечно, могла бы защитить своихъ единоплеменниковъ. Но теперь....

— И теперь, перебилъ Алъиага, и теперь сами враги наши или, лучше сказать, само небо доставляетъ намъ средство спасенія, которымъ намъ позволительно воспользоваться. Я или очень ошибаюсь, или бумага, которая у меня въ рукахъ, можетъ сильно измѣнить расположеніе герцога Лермы. Все дѣло въ томъ, чтобы искусно и кетати употребить ее. Посредствомъ ея онъ можетъ возстановить честь и чистоту своего имени передъ глазами Испаніи и цѣлой Европы. Онъ полновластный министръ и можетъ повелѣвать всѣмъ кромѣ общественнаго мнѣнія, но и то онъ покорить этой бумагой. А я прежде нежели отдамъ ее, заставлю министра объявить прощеніе тебѣ и всѣмъ скрывшимся въ горы!... а кто знаетъ, можетъ-быть и болѣе. По-крайней-мѣрѣ попробую. Да, успѣхъ возможенъ, особенно если ты бережно удержишь въ своихъ рукахъ великаго-инквизитора.

— Понимаю.

— А я теперь поспѣшу въ дорогу. Я поѣду сперва въ Валенсію. Тамъ только я могу найти извѣстія объ Аихѣ, объ отцѣ и о кораблѣ, который по королевскому повелѣнію отправленъ въ погоню за ними. Кромѣ-того у меня есть инструкция къ вице-рою, которую нужно исполнить немедленно. Прощай, братъ, прощай. Надѣйся.

— У меня только и надежды, что на тебя! вскричалъ Іесидъ обвиняя Алъиагу: ты нашъ избавитель! Но зачѣмъ мы должны разстаться? Мнѣ всё кажется, что отъѣздъ твой долженъ быть для меня сигналомъ несчастія.

— Полно, братъ! Мужайся. Тебѣ нужна твердость, потому что тебѣ придется еще бороться съ дѣятельнымъ и искуснымъ противникомъ. Но я сейчасъ же начну принимать мѣры къ отвращенію его ударовъ.

Вышедши изъ палатки, братья увидѣли великаго-инквизитора подъ стражей у Педральви, который глазъ не сводилъ съ него.

— Рѣшено ли? спросилъ Мавръ: произнесень ли приговоръ? Чтѣ прикажете?

— Мы приказываемъ тебѣ отеречь этого плѣнника, отвѣчалъ Аллыага.

— Хорошо, я готовъ! я уже стерегу! съ радостью отвѣчалъ Педральви.

— Ты долженъ защищать его.

— Я! защищать его?

— Да; ты долженъ не только самъ уважать жизнь великаго-инквизитора Испаніи, но и оборонять его отъ кинжала и пули его враговъ.

— Но это невозможно!

— Однако жъ такъ должно. Я собираюсь отправиться за Деласкаромъ и его дочерью, я ѣду спасать твоихъ братьевъ, возвратитъ имъ имущество и родину; но я не уѣду, пока не получу твоей клятвы.

Мавръ колебался нѣсколько минутъ въ борьбѣ противоположныхъ чувствованій, потомъ, побѣдивъ себя, вскричалъ:

— Такъ поѣзжайте же... Я клянусь... клянусь охранять убійцу и губителя нашихъ братьевъ; клянусь охранять того, котораго клялся убить. Теперь, сеньоръ Сандоваль, вы въ безопасности. Теперь вы можете быть совершенно спокойны здѣсь, — спокойнѣе чѣмъ посреди вашей инквизиціи.

— Хорошо, сказалъ Аллыага, теперь я могу спокойно отправиться: я знаю что Мавры никогда не измѣняютъ ни своему слову, ни гостепримству.

— Такъ и быть, проворчалъ Педральви; но что касается до Рибейры и Лермы, клятва моя остается въ прежней силѣ.

Аллыага и Гонгарельо спустились съ горы на большую дорогу въ сопровожденіи Иесида и Альгамара, которые проводили ихъ до послѣднихъ форпостовъ, почти до самой той деревни, гдѣ королевскій духовникъ оставилъ свой экипажъ. Оттуда Аллыага поспѣшилъ въ Валенсію, куда прибылъ вечеромъ того же дня.

Первымъ дѣломъ его было навѣстить вице-роя, маркиза Касарену, племянника герцога Лермы. Сообщенное министромъ королевское повелѣніе было такъ формально и такъ грозно, что вице-рою, подъ опасеніемъ лишиться своего мѣста, принужденъ былъ исполнить его немедленно и въ точности. Лучшую яхту изъ всего королевскаго флота, «Вера-Крусъ», поспѣшно снарядили въ походъ. Какъ ни спѣшили, однако жъ въ этомъ прошель цѣлый день, что давало «Санъ-Лукару», судну капитана Джамплетри, большую выгоду, несмотря на медленный его ходъ.

Прошло двѣ недѣли, а вѣстей не было, ни о «Санъ-Лукаръ», ни о «Вера-Крусъ». Слышно было, что у береговъ Африки нѣсколько дней къ-ряду свирѣпствовали бури. Противный вѣтеръ ни одному судну не давалъ войти въ испанскія гавани.

Алъяга былъ въ отчаяніи, но не могъ жаловаться на вице-роя, который употреблялъ всѣ свои средства. Потерявъ терпѣніе, они наконецъ снарядили второе судно «Санъ-Фернандо» и послали на поискъ за Деласкаромъ и его семействомъ.

Надежало дожидаться возвращенія котораго-нибудь изъ посланныхъ, а между-тѣмъ Алъяга чувствовалъ, какъ необходимо его присутствіе въ Мадридѣ. Онъ говорилъ себѣ, что съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ положеніе Іесида становится опаснѣе. Тѣснѣйшій со всѣхъ сторонъ превосходными силами и искуснымъ полководцемъ, онъ не могъ долго сопротивляться и помощь брата могла опоздать.

Къ-счастью, никакихъ дурныхъ вѣстей изъ Альбарасина еще не приходило. Надобно было полагать, что Іесидъ, вѣрный условленному плану, избѣгалъ сраженія и довольствовался только тѣмъ, что тревожилъ и утомлялъ непріятеля въ ущельяхъ, которыя зналъ лучше его.

Наконецъ вице-рою успѣшилъ сообщить Алъягѣ извѣстіе, которое получилъ не моремъ, а сухимъ путемъ. Увѣрили, что въ виду Каррагена былъ какой-то корабль, очень похожій на «Санъ-Лукаръ» и поврежденный бурей.

На другой день губернаторъ каррагенскій прислалъ нарочнаго курьера съ подробнѣйшими извѣстіями. Замѣченное судно было дѣйствительно то самое, котораго искали. Оно сѣло на мель близъ берега и въ довольно безопасномъ мѣстѣ, такъ, что къ нему легко можно было подойти. Но къ великому изумленію людиановъ, которые спѣшили подать помощь пассажирамъ и экипажу, на кораблѣ не нашли ни одной живой души. Трудно было рѣшить, куда они дѣвались, тѣмъ болѣе, что сохранившіеся въ цѣлости вещи на кораблѣ доказывали, что его не грабили.

Въ ужасномъ положеніи, въ какое ставили его такія вѣсти, Алъяга не зналъ, покинуть ли ему всякую надежду или еще надѣяться. Во всякомъ случаѣ присутствіе его въ Валенсіи становилось бесполезнымъ, а польза братьевъ призывала его въ Мадридъ. Онъ отдалъ маркизу Касаренъ послѣднія приказанія отъ имени короля, чтобы продолжалъ поиски, немедленно доставлялъ все свѣдѣнія, сообщалъ всѣ слухи, какіе до него дойдутъ и, въ

случаѣ, если герцогиня Сантаремъ прибудетъ, чтобы оказалъ ей величайшее почтеніе и исполнялъ бы малѣйшія ея желанія, касательно мѣстопребыванія и отъѣзда, куда она разсудитъ. Потому Аллыага, ни живой ни мертвый, терзаемый страшными предчувствіями, поскакалъ въ Мадритъ.

Во всю дорогу онъ только одинъ разъ останавливался, въ Караскоѣ, у трактирщика Москито, чтобы разспросить, не слышалъ ли тотъ чего о военныхъ дѣйствіяхъ.

— Какъ не слышать! вскричалъ Москито крестясь: его высокопреосвященство великій-инквизиторъ донъ-Сандоваль, къ прискорбію всего христіанства, попался въ руки къ мятежникамъ, къ этимъ еретикамъ.... къ этимъ....

— Знаю, знаю! перебилъ Аллыага съ нетерпѣніемъ. Но послѣ этого ничего не случилось?

— Всячески старались освободить инквизитора. На прошедшей недѣлѣ мы здѣсь слышали пальбу, такъ что у насъ окна звѣли. Но теперь уже нѣсколько дней не было сраженія. Войско донъ-Августина де-Мехи совсѣмъ изнурено.

— Неужели? вскричалъ Аллыага съ радостью, которую однако жъ тотчасъ же успѣшилъ скрыть.

— Да, я слышалъ это отъ одного разбитаго, хромаго и горбатаго офицера, который кувыркою слетѣлъ въ какой-то оврагъ. Онъ говоритъ, что непріятельская армія побила у насъ довольно много людей и въ одно утро вдругъ совсѣмъ исчезла, пропала, такъ что и слѣда не осталось.

— Можетъ ли быть!

— Да, такъ, что наши отряды вдоль и поперекъ прошли горы, не могутъ найти Мавровъ, да и только! Куда они подѣвались, чортъ ихъ знаетъ. Совсѣмъ бы и слуху не было, если бы по-временамъ ружейные выстрѣлы не хватали нашихъ въ одиночку почти въ самомъ лагерѣ. Кто говоритъ, что это талисманы дѣлаютъ ихъ невидимыми, потому что Мавры всегда были колдуны; кто говоритъ, самъ сатана забралъ ихъ всѣхъ и унесъ въ адъ. Это было бы вѣроятнѣе, если бы съ ними не было великаго-инквизитора.

— Пошелъ! закричалъ Аллыага погонщикамъ муловъ и оставилъ сенъора Москито на порогѣ, съ согнутою спиной и съ колпакомъ въ рукахъ.

Аллыага догадался, что Исидъ какими-нибудь искусными переходами въ знакомыхъ горахъ, укрылся отъ преслѣдованій донъ

Августина. Лучше этого онъ и не желалъ. Успокоенный нѣсколько съ этой стороны, онъ удвоилъ поспѣшность, не жалѣя на-водокъ погонщикамъ, которые съ своей стороны не жалѣли ударовъ муламъ.

Алъяга прибылъ въ Мадридъ поздно ночью, когда городскія ворота давно уже были заперты. Отворяя ихъ, караульные естественно спросили, кто ѣдетъ. Когда же получилъ въ отвѣтъ: — «Королевскій духовникъ аббатъ Луисъ Алъяга», то спросилъ еще, прямо ли его преподобіе отправляется къ королю.

— Нѣтъ, теперь поздно, отвѣчалъ Алъяга и приказалъ ѣхать въ домъ герцогини Сантареми.

Дорогою онъ вспомнилъ и удивился, что его объ этомъ спрашивали. Но скоро это обстоятельство объяснилось.

Алъяга едва уснулъ тяжелымъ и безпокойнымъ сномъ послѣ чрезвычайнаго утомленія, какъ къ нему торопливо вбѣжалъ Гонгарельо. На дворѣ уже начинало свѣтать.

— Чтѣ ты? спросилъ Алъяга, вскочивъ.

— Домъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

— Кѣмъ? солдатами?

— Нѣтъ, альгуасилами и инквизиціонною стражей. Это, вѣрно, меня ищутъ.... Ахъ, ты, Господи!...

— Нѣтъ, это скорѣе за мною, отвѣчалъ Алъяга и сталъ поспѣшно одѣваться, думая про себя: «Вѣроятно, получивъ Эскобарово письмо, инквизиторъ до отправленія въ дорогу, поспѣшилъ исполнить совѣтъ езуита и послалъ приказаніе подстеречь и арестовать меня».

Въ этомъ не оставалось ни какого сомнѣнія. Черезъ минуту дверь съ шумомъ отворилась и вошелъ главный начальникъ стражи святаго судилища, сеньоръ Спинелло, твореніе Сандовала и личный врагъ королевскаго духовника. Онъ съ торжествующимъ видомъ указалъ на толпу вооруженныхъ, въ другой комнатѣ, и сказалъ:

— Братъ Луисъ Алъяга, монахъ ордена Святаго Доминика, именемъ его высокопревосходительства великаго-инквизитора Бернарда-де-Рояса Сандовала, я арестую васъ!

Мы не намѣрены слѣдовать за донъ Августинномъ во всѣхъ его военныхъ дѣйствіяхъ и описывать въ подробности непродолжительный, но кровавый походъ его противъ Мавровъ, въ Альбарасниѣ.

Послѣ пораженія капитана Діега Фахардо и бригадира Гомары, донъ Августинъ понялъ, что прямо нападать на Мавровъ въ ихъ горахъ значитъ потерпѣть много напраснаго урона и обезславить себя въ за что.

Онъ могъ одержать гораздо болѣе вѣрную и легкую побѣду.

У Иесиды подѣ начальствомъ было тысячъ пятнадцать и изъ нихъ не болѣе трети вооруженныхъ, и то, болѣею частію, благодаря ошлошности капитана Фахардо. Въ-особенности же обременяло псургентовъ присутствіе женъ и дѣтей, которыхъ нужно было не только защищать, но и кормить. Горы ничего не производили. За фуражомъ нужно было спускаться въ долины.

Соображая эти обстоятельства, донъ Августинъ составилъ другой планъ кампаніи. Въмѣсто рѣшительныхъ нападешій онъ сталъ только тѣснить и гнать непріятели выше въ горы, наступая шагъ за шагомъ и постепенно замыкая всѣ выходы на долину.

Когда Мавры пытались прорваться, ихъ встрѣчали такимъ сильнымъ огнемъ, что они часто съ большимъ уропомъ и въ безпорядкѣ опять уходили на неприступныя утесы. Тамъ Испанцы, конечно, не могли настигнуть ихъ. Но зато скоро настигъ другой, страшнѣйшій врагъ.

Стадъ, пригнанныхъ Альгамаромъ послѣ набѣга на Караскосу, не на долго хватило многочисленному сборищу. Въ нѣсколько дней запасъ истощился, а новаго добыть еще не успѣли. Наставалъ голодъ, а между-тѣмъ нужно было нести новые труды, выдерживать новыя нападешія.

Эту минуту донъ Августинъ выбралъ для общаго нападешія. Онъ снова овладѣлъ валенсійскою и мадритскою дордою и всѣми важными пунктами этой стороны горнаго склона. Другую сторону занималъ Фернандъ д'Альбайда, который, строго исполняя приказанія главнокомандующаго, стерегъ всѣ выходы, но ни разу не нападалъ на Мавровъ, несмотря на потерпѣніе своихъ солдатъ, часто съ ропотомъ требовавшихъ дѣйствія, сраженія. Это благоразумное и искусное поведеніе было очень полезно Фернанду въ глазахъ донъ Августина, особенно въ сравненіи съ безразсудною и роковою запальчивостію капитана Фахардо.

Иесидъ, влеча за собою множество бесполезнаго народу и имѣя изуренное войско, не могъ открыто вступить въ бой съ исправною и сытою арміею, однако отступалъ въ порядкѣ. Онъ взобрался на гору до обширной плоской возвышенности, укрѣплен-

ной самой природою. Познція была хороша, но дожъ Августинъ видѣлъ это и не шелъ на приступъ, — всё ждалъ своего союзника, голода.

Въ самомъ дѣлѣ лишения становились уже очень чувствительны. Два дня уже солдаты не дѣлили своего хлѣба съ женами и дѣтьми, потому что дѣлить было нечего. А внизу передъ ними стоялъ лагерь Испанцевъ, въ ожиданіи. Если бы дѣло шло о сраженіи съ Испанцами, Исидъ еще имѣлъ бы надежду на побѣду. Но голодъ, жестокій голодъ уже начиналъ истреблять свои жертвы, и Исидъ въ тревожномъ волненіи среди бессонной ночи спрашивалъ себя: не лучше ли прямо броситься на ружья Испанцевъ и искать вѣрной смерти, чѣмъ ждать издыханія въ страшномъ томленіи.

Вдругъ ему показалось, что со стороны должны раздаются тяжелые шаги, какъ-будто полки взбираются въ гору. Онъ прислушался снова и, опасаясь внезапнаго нападенія, выбралъ нѣсколько рѣшительныхъ людей и спустился съ ними по утесамъ, чтобы подсмотрѣть движеніе непріятеля.

Каково же было его изумленіе, когда онъ, несмотря на темноту ночи, разглядѣлъ огромное стадо, которое длинною цѣпью тянулось въ гору, прямо въ мавританскій лагерь!

Непостижимо было, во-первыхъ, то, что провіантъ шелъ самъ; во-вторыхъ, то, что непріятель не захватилъ его. Гнали стадо пастухи съ долины. Старшимъ у нихъ былъ новый христіанинъ, который однако жъ всегда въ душѣ оставался Мавромъ.

— Сеньоръ, сказалъ онъ Исиду: мнѣ приказано доставить къ вамъ это стадо быковъ навьюченныхъ, какъ видите, хлѣбомъ, сколько могутъ снести.

— Кто же тебя послалъ?

— Мой господинъ, который посылаетъ это бывшимъ своимъ кредиторамъ.

— Кто же этотъ господинъ?

— Я не могу назвать его.

— Справедливо!... Это значило бы погубить его. Но ты самъ подвергался опасности. Какъ же ты обманулъ зоркость непріятеля?

— Мнѣ сказали: ступай въ такую-то ночь въ горы съ лѣваго краю долины, по такой-то тропинкѣ. Я и пошелъ.

— Но третьяго дня еще у подножія этихъ утесовъ стоялъ грозный отрядъ!

— Сегодня никого не было. Никто не останавливал нас, ни один часовой не окликнул. Вотъ, уже три часа мы идемъ и не видали никакого препятствія, кромѣ крутизны тропинки.

— Я не въ состояніи заплатить за такую услугу, вскричалъ Іесидъ: но всё-таки возьми, вотъ, что я могу дать тебѣ.

И онъ подаль пастуху часть тѣхъ денегъ, которыя принесъ Аллыага.

— Я не могу принять ни платы, ни награды, отвѣчалъ пастухъ: мой господинъ запретилъ мнѣ. Онъ только приказалъ отдать вамъ эту палку, которою я гналъ стадо. Онъ проситъ васъ сломать ее и сжечь.

Пастухъ и товарищи его поспѣшно ушли. Лагерь принялъ стадо съ восторгомъ, а Іесидъ, оставшись одинъ, поспѣшнѣе сломать пастухову палку и нашелъ записку, написанную искусственнымъ почеркомъ.

Это не удивило Іесиды. Посланіе могли перехватить.

«Добрые старые слуги мои,

«Примите отъ друга подарокъ и благой совѣтъ. Какъ ни важно кажется вамъ ваше положеніе, спѣшите оставить его. «Испанское войско въ эту минуту обходитъ васъ справа и «черезъ двадцать четыре часа вы будете окружены со всѣхъ «сторонъ, если останетесь на теперешнемъ мѣстѣ».

Іесидъ не могъ усомниться въ искренности этого совѣта. Советовалъ, правда, Испанецъ, однако другъ. Нельзя было и не узнать этого друга.

— Фернандъ д'Альбайда! вскричалъ Іесидъ съ глубокимъ чувствомъ: благослови тебя Богъ за спасеніе тысячи семействъ отъ голодной смерти!

И дѣйствительно, все это устроилъ Фернандъ д'Альбайда.

Одинъ изъ преданныхъ его слугъ собралъ, по его приказанію, стада и отправилъ по указанному пути.

Осемь дней и осемь ночей колонна д'Альбайды находилась въ постоянномъ напряженіи, сторожа выходы изъ ущелій, и утомившись въ безплодномъ бдѣніи, солдаты уже начинали роптать. Начальникъ позволилъ имъ отдохнуть въ ту самую ночь, когда сторожить было бы нужно.

Провіантъ счастливо получили. Оставалось послѣдовать спасительному совѣту. Но какимъ образомъ? Позицію легко было

оставить, но какую занять, когда спереди и съ боковъ непріятель, а сзади крутая, непреступная стѣна горы.

Собрался военный совѣтъ. Одинъ изъ предводителей отрядовъ, Каджія-Гассанъ, съ дѣтства проводившій жизнь въ горахъ, гдѣ пасъ овецъ и козъ, утверждалъ, что посерединѣ стоявшихъ въ тылу у лагеря крутыхъ и, повидимому, совершенно неприступныхъ утесовъ есть на высотѣ довольно обширная равнина, орошаемая ручьемъ, который образуютъ тающіе снѣга крайнихъ вершинъ. Ушедши туда, можно было остаться совершенно спокойными насчетъ всякаго нападенія. Но идти надобно было по крутой тропинкѣ, по которой могли бы съ опасностью жизни взобраться мужчины, а женщинъ, дѣтей, стариковъ и обозъ втащить не было возможности. Все это надлежало или оставить въ рукахъ непріятели или найти другое убѣжище. Подумавъ немного Каджія-Гассанъ вспомнилъ, что немного по-ниже, въ другой грядѣ утесовъ существуетъ большая пещера съ однимъ едва примѣтнымъ входомъ, который можно завалить и скрыть совершенно. Эта пещера во многихъ мѣстахъ имѣла въ вышину до сорока футовъ и была освѣщена огромною трещиною въ сводѣ, такъ, что изъ нея можно было видѣть небесный сводъ. Пространства въ ней было около четверти мили, такъ, что она удобно могла вмѣстить всю маврытанскую армію со всемъ багажомъ и провіантомъ.

Совѣтъ одобрилъ мнѣніе Гассана. По его указанію отыскивали пещеру, нашли, что она довольно просторна, свѣтла и удобно сообщается съ вышнимъ воздухомъ черезъ трещину въ сводѣ. Всѣ слабые, старые и малые, около осьми тысячъ душъ, помѣстившись въ пещеру и взявъ съ собою артиллерию и большую часть провіанта. Потомъ Исидовы солдаты завалили входъ большими камнями, засыпали землей и, чтобы совершенно скрыть, насадили растеній.

Командующимъ въ пещерѣ Исидъ назначилъ Недраэльви, подъ особеннымъ надзоромъ котораго находился великій-инквизиторъ, оставленный при обозѣ и спрятаанный туда же, въ пещеру.

Устроивъ это и забравъ съ собою провіанту на нѣсколько дней, Исидъ съ своимъ войскомъ приготовился взбираться на указанную Гассаномъ плоскую возвышенность. Исполнить это цужо было ночью или по-крайней-мѣрѣ вечеромъ.

Представьте себѣ цѣлую армію, растянутую въ цѣпь по оди-

почкъ, лѣзущую съ камня на камень по совершенно отвѣсной стѣнѣ, опираясь объ острые края утесовъ, цѣпляясь за пни и корни деревъ и за горные кустарники. Многіе обрывались и падали въ пропасть и рѣдко кто не увлекалъ съ собою товарища. И тѣмъ выше шла извилистая тропинка, тѣмъ круче она становилась и тѣмъ скорѣе кружилась голова у неосторожныхъ, которые взглядывали подъ ноги. Эта ужасная дорога стоила многихъ жертвъ, но, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ немощныхъ усилій, мавританская армія достигла указанной цѣли.

Равнина дѣйствительно была довольно обширная. На ней росло нѣсколько деревьевъ и мѣстами даже трава, потому что, какъ и говорилъ Гассанъ, поперекъ ея протекалъ быстрый, обильный ручей, низвергавшійся съ краю въ видѣ водопада.

Утомленные восхожденіемъ, Мавры благословляли благотворную влагу, которая освѣжала ихъ, утоляла давнишнюю, мучительную жажду и позволяла совершить въ знакъ благоговѣнія предписанная ихъ закопомъ омовенія.

Между-тѣмъ, когда первые лучи солнца освѣтили гору, доль Августинъ де-Мехія со своими колоннами двинулся впередъ, чтобы атаковать лагерь Мавровъ. Испанскій генераль съ частію своей арміи сдѣлалъ удивительный маневръ, чтобы обойти гору со стороны, которую считалъ болѣе приступною. Онъ напередъ вычислялъ часы и минуты, которыхъ будетъ стоить этотъ трудный переходъ, и сообразно съ тѣмъ отдалъ приказанія Фернанду д'Альбайдѣ. Всѣ мѣры были такъ хорошо приняты, всѣ распоряженія съ такой точностью исполнены, что испанскія колонны съ трехъ сторонъ шли на приступъ, какъ-будто бы находились на учебномъ плацѣ.

Командиры отрядовъ удивлялись, что Мавры вовсе не беспокоятъ ихъ на этомъ пути, и съ трехъ разныхъ сторонъ совершенно въ одно и то же время вступили на равнину, гдѣ предполагали захватить и истребить непріятеля.

Представьте же себѣ ошеленіе доль Августина де-Мехія, когда онъ нашелъ глубокую тишину въ совершенной пустынѣ!

Никакого признаку лагеря, никакого слѣда Мавровъ, которыхъ онъ пришелъ истребить! Все исчезло. Какимъ образомъ десять или двѣнадцать тысячъ солдатъ и семь или осемь тысячъ женщинъ и дѣтей могли вдругъ разлетѣться дымомъ, разсѣяться какъ туманъ,—это было рѣшительно непостижимо и походило на кол-

довство. Такъ и рѣшили испанскіе солдаты, такъ и сеньоръ Москито рассказывалъ аббату Алъягѣ.

Однако донъ Августинъ де-Мехія плохо вѣрилъ въ дьявольское наважденіе. Осмотрѣвъ мѣстность, онъ убѣдился, что Исидъ и его войско ушли не иначе какъ черезъ утесы, которые возвышались на западѣ равнины. Донъ Августинъ рассуждалъ, что Испанцы открыли Америку, слѣдовательно могутъ открыть и лагерь Мавровъ въ своихъ горахъ, и послалъ нѣсколькихъ отважныхъ солдатъ на развѣдки.

Посланные воротились съ донесеніемъ, что по боку горы дѣйствительно извивается зигзагомъ узкая тропинка, проторенная стадами козъ, повидному, до вершины горы, но что цѣлой арміи и особенно артиллеріи рѣшительно невозможно взобраться туда.

Донъ Августинъ выслушалъ и всё-таки рѣшилъ, что Мавры должны быть тамъ. Атаковать ихъ въ такой позиціи онъ и не думалъ, хотя на это убѣдительно склонялъ его донъ Діего Фахардо, который, горя желаніемъ смыть свое пятно, съ отчаяніемъ видѣлъ, что никто не хотѣлъ драться, съ-тѣхъ-поръ какъ его поколотили.

— Успокойтесь, отвѣчалъ генералъ: я дамъ вамъ случай поправиться и оказать арміи большую услугу.

Взобравшись на противоположныя, довольно доступныя вершины, донъ Августинъ рассмотрѣлъ или, лучше сказать, угадалъ положеніе Мавровъ. Они находились на каенистой, бесплодной почвѣ, которая не могла доставлять имъ никакого продовольствія. Спускаться въ долину за провіантомъ имъ было труднѣе чѣмъ прежде. Откуда они теперь взяли свой запасъ, этого генералъ не могъ постигнуть. Но какъ бы великъ этотъ запасъ ни былъ, онъ долженъ былъ наконецъ истощиться. Навсегда у нихъ могла остаться только вода, потому что протекавшій черезъ высокую поляну горный потокъ бралъ свое начало въ вѣчныхъ снѣгахъ крайнихъ вершинъ.

Эту воду донъ Августинъ задумалъ отпить у Мавровъ, чтобы вмѣстѣ и голодомъ и жаждой принудить ихъ къ сдачѣ. Онъ задумалъ отвести потокъ въ другую сторону. На это требовалось много труда. Нужно было съ другой стороны взобраться на горы, которыя непосредственно примыкали и воздвигаясь выше, господствовали надъ позицію Исиды. Предпріятіе было чрезвычайно

опасное и потому донь Августинъ поручилъ его капитану Діего Фахардо.

Діего, конечно, охотѣе согласился бы драться съ Маврами въ открытомъ полѣ, чѣмъ лазить по утесамъ съ заступомъ въ рукахъ, однако жъ надобно было повиноваться. Онъ взялъ съ собою сотню лучшихъ солдатъ, съ веревками, окованными шестами и со всѣми снарядами, какіе необходимы въ экспедиціи на снѣжныя горы.

Первый день былъ утомителенъ, а второй еще болѣе. Но они подвигались. Они изъ-дали уже слышали шумъ бурливаго потока. Они видѣли, какъ цѣнистыя струи его, выбиваясь изъ-подъ вѣчныхъ снѣговъ и прядая съ камня на камень великолѣпными каскадами низвергались въ долину.

Увѣрившись, что достигнетъ цѣли своей экспедиціи, капитанъ Діего Фахардо передъ послѣднимъ восхожденіемъ далъ своимъ солдатамъ отдохнуть и оправиться. Они усѣлись обѣдать посреди группы утесовъ, на краю разсѣлины, которая простиралась, повидимому, довольно глубоко во внутренность горы. Весь обѣдъ состоялъ изъ хлѣба и варенаго луку, обыкновенной пищи испанскаго солдата, и потому они очень удивились, когда черезъ нѣсколько времени ощутили дымъ и сильный запахъ жаренаго мяса, котораго и у самого капитана на этотъ разъ не оказывалось. Кухонное благоуханіе подѣйствовало на голодныхъ такъ возбуждительно и очаровательно, что они вскочили и поднявъ носы на вѣтеръ стали доискиваться, откуда оно происходитъ.

Оно происходило у нихъ подъ ногами, изъ трещины утеса, на которомъ они находились. Ужъ не одушина ли это адской кухни? съ ужасомъ спрашивали нѣкоторые солдаты.

Діего успокоилъ ихъ, легъ на край новаго волкана и сталъ пристально всматриваться. Сначала дымъ заслопалъ всю внутренность кратера и душилъ капитана. Онъ однако жъ слышалъ смѣшанное и безпрерывное гудѣнье, какое обыкновенно производитъ большое скопище народу. Сверхъ-того слышалось мычанье быковъ и блеянье барановъ.

Потомъ дымъ прекратился и Діего рассмотрѣлъ въ разсѣлинѣ нѣсколько торчащихъ утесовъ, на которые можно было стать и спуститься во внутренность ея футовъ на двѣнадцать. Оттуда, конечно, можно было ближе рассмотреть, что дѣлается, и по его приказанію четыре солдата пустились на предпріятіе. Но пер-

вый, который спустился ниже другихъ, скоро шепнулъ товарищамъ, что далѣе лѣзть нельзя, потому что утесъ быстро обрывается крутою стѣной. Сверхъ того ихъ могли примѣтить находившіеся въ пещерѣ люди, женщины, дѣти и вооруженные мужчины.

Послѣднее опасеніе въ ту же минуту оправдалось какъ-нельзя болѣе. Снизу раздалось нѣсколько выстрѣловъ и два солдата съ пронзительнымъ крикомъ упали въ пропасть. Другіе двое поспѣшно вылѣзли.

Не оставалось ни какого сомнѣнія, что подъ ногами у нихъ была пещера, въ которой скрывались Мавры. Но какимъ образомъ пропикнуть въ это подземелье? Какимъ образомъ Мавры проникли? Конечно, не черезъ эту воронку, въ которую упали несчастные солдаты. Должно существовать другое отверстіе. И Діего послалъ двадцать человекъ на поискъ по окрестности, а самъ съ остальными отправился довершать порученіе генерала.

Черезъ полчаса ходу вверхъ, къ области спѣговъ, они достигли до большаго водоема или озера и увидѣли лагерь Мавровъ прямо у себя подъ ногами. А озеро было то самое, изъ котораго низвергался потокъ, снабжавшій этотъ лагерь водою.

Капитанъ Фахардо внимательно осмотрѣлъ мѣстность и нашелъ, что стоитъ только пробить небольшой край водоема и образуется другой потокъ, отъ котораго первый совершенно уничтожится въ нѣсколько часовъ. Солдаты принялись за работы и заступы и работа закипѣла. Къ вечеру другаго дня къ нимъ присоединились посыланные на розыскъ и прпшедшіе съ отвѣтомъ, что напрасно обошли кругомъ всю окрестность, обшарили каждый утесъ, входа въ пещеру, кромѣ известной уже воронки, нигдѣ не примѣчено. А между-тѣмъ въ этой пещерѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, скрывались нѣсколько тысячъ человекъ, всѣ жены и дѣти, всѣ запасы и, конечно, всѣ сокровища Мавровъ.

При этомъ послѣднемъ словѣ всѣ солдаты затрепетали отъ вѣтерѣнія и любопытства, а капитанъ Діего отъ бѣшенства. Жить такъ близко подъ руками своихъ враговъ и свое мщеніе и упустить то и другое! Вернуться къ главнокомандующему, не стеревъ своего позорнаго пятна блестящимъ подвигомъ! Это было бы невыносимо. Воспоминаніе о прошломъ стыдѣ распалило въ душѣ капитана новую ярость, которая впустила ему ужасную, звѣрскую, сатанинскую мысль.

Онъ приказалъ солдатамъ прорыть новое глубокое русло по направленію прямо къ разсѣлинѣ надъ пещерой. Исполнить это было не трудно, потому что разсѣлина приходилась прямо подъ озеромъ, на сто футовъ ниже, и представляла видъ уступа.

Окончивъ каналъ, они воротились къ озеру, пробили оставленную перемычку и каскадъ, съ громомъ ударивъ на уступъ, пѣнистыми клубами стремительно понесся въ разсѣлину и ревомъ своимъ заглушилъ дикіе вопли мщенія Діего и его солдатъ.

— Смерть еретикамъ! кричалъ Діего: смерть имъ вмѣстѣ съ памятью о моемъ пораженіи!... Мы отмщены, прибавилъ онъ обращаясь къ солдатамъ: наше дѣло сдѣлано.

Онъ спустился съ горы и съ трепещущимъ отъ радости сердцемъ поспѣшилъ донести генералу объ успѣшномъ исполненіи порученія.

Донъ Августинъ занималъ оставленную Исподомъ позицію и раскинулъ свои налатки почти подъ тѣми самыми скалами, съ которыхъ сошелъ Діего.

Потокъ между тѣмъ врывался въ разсѣлину, заливалъ подземное убѣжище, въ которомъ Мавры сидѣли какъ тюремъ, и ничто не можетъ выразить ихъ изумленія и ужасу, когда эта огромная, страшная масса воды начала процѣживаться въ отверстіе, которое за нѣсколько минутъ еще служило имъ окномъ для свѣту и воздуху. Теперь черезъ это окно къ нимъ врывалась страшная, неизбѣжная смерть.

Первою мыслью Педральви было дать этому наводненію стокъ, и, несмотря на опасность достаться въ руки донъ Августина, онъ приказалъ открыть заваленный входъ.

Но все усилія остались безплодными.

Входъ былъ заваленъ снаружи и заваленъ слишкомъ тщательно, слишкомъ хорошо.

— Нѣтъ надежды! кричали Мавры.

Но Педральви всё-еще надѣялся и хотя былъ уже утомленъ и ободралъ руки до-крови объ острые камни, а всё продолжалъ работать. Ободренные его примѣромъ товарищи, также напрягли все свои силы, но все тщетно. Они вскорѣ принуждены были совсѣмъ оставить работу, потому что мѣсто гдѣ находился проходъ, было ниже всѣхъ въ пещерѣ и вода прежде всего стеклась туда. Никто не хотѣлъ утопить первый и всё бросились искать мѣста по-выше.

Педральви и его товарищи по-неволѣ отступили отъ страшнаго врага. Но съ каждою минутою, съ каждою секундою немощныя воды приступали ближе и ближе, захватывали землю изъ-подъ ногъ и гнали толпу женщинъ и дѣтей, которые кричали отъ ужаса, видя смерть подъ ногами и смерть надъ головою. И крикъ этотъ смѣшивался съ шумомъ паденія воды, которая пѣнилась, клубилась и раздроблялась объ острые каменья въ гигантской воронкѣ. Ко всему этому присоединилось еще мычанье и ревъ скотины, которая въ страхѣ металась изъ угла въ уголъ и давила, топтала все что встрѣчала на пути. Таково было смятеніе, таковъ былъ страшный хаосъ, господствовавшій въ пещерѣ Альбарасина.

Пользуясь этимъ безпорядкомъ, Сандоваль удалился отъ своей стражи. Педральви въ первый разъ забылъ объ немъ, потому что думалъ уже только о своихъ братьяхъ. Не видя никакого спасенія, Мавръ съ отчаяніемъ рвалъ на себѣ одежду и волосы. Напрасно онъ придумывалъ средства: на каждую мысль его отвѣчалъ вопль новой жертвы.

— Всѣ должны погибнуть! всѣ! вскричалъ онъ съ невыразимымъ отчаяніемъ.

Какъ ни обширна была пещера, обильный потокъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ впадая въ отверстіе непрерывно, безостановочно, заливалъ ее отъ края до края и вода уже стояла по всему дну на нѣсколько футовъ высоты.

Несчастные заключенные взбирались на утесы, хватаясь за всякое возвышеніе, за всякій край, выдающійся изъ стѣнъ. Матери держали своихъ дѣтей надъ головами и тѣмъ скорѣе тонули вмѣстѣ съ ними, потому что не могли свободно пользоваться силою своихъ рукъ. Цѣлыя семейства разомъ пчезали въ темныхъ волнахъ.

Педральви подавалъ минутную, хотя и бесполезную помощь, кому могъ, до кого досягали руки. Нерѣдко онъ бросался и вплавь, чтобы вытащить на утесъ или дѣвушку, которая отчаянно отбивалась отъ неизбежной смерти, или ребенка, или несчастную мать, разлученную съ дѣтьми.

Онъ стоялъ на скалѣ, которую уже со всѣхъ сторонъ окружала вода. Вдругъ подлѣ него послышалась чья-то молитва:

— Господи! Господи! спаси меня!

Педральви оглянулся. То былъ Сандоваль.

— Господи, спаси меня! продолжалъ инквизиторъ: не дай мнѣ погибнуть вмѣстѣ съ этими еретиками, спаси меня!

— Тебя спасти! вскричалъ Педральви, тебя, виновника всѣхъ нашихъ страданій!

— Боже мой, Боже мой! вода всё приближается.... Что со мною будетъ?

Педральви молча указалъ ему на мертвыя тѣла, увлекаемыя потокомъ.

— Умереть! умереть такимъ образомъ! продолжалъ съ содроганіемъ инквизиторъ.

— Да, ты умрешь, отвѣчалъ Педральви: но по-крайней-мѣрѣ не отъ моей руки. Я сдержалъ слово, данное Исиду.

— Умереть безъ исповѣди!...

— Ты думалъ исповѣдаться?... На это тебѣ времени не станетъ. Тебѣ слишкомъ мало остается прожить.

— Подымается!... вода подымается!... Я едва держусь на скользкомъ камнѣ!... Боже мой! неужели я долженъ погибнуть наравнѣ съ этими безмысленными несчастивцами? кричалъ инквизиторъ, съ отчаяніемъ ломая руки.

Педральви захохоталъ.

Въ эту минуту какой-то утопающій борясь со смертью подлѣ того самаго камня, ухватился за инквизитора и оба исчезли въ глубинѣ.

Педральви переплылъ на другую сторону и взобрался на одинъ изъ высокихъ утесовъ подлѣ расщелины, въ которой образовался водопадъ.

Вопли утопающихъ мало-по-малу стихали и наконецъ совсѣмъ смолкли. Ни одного крику, ни одного стону уже не было слышно. Только паденіе воды еще гудѣло и то тише, потому что отъ повышенія воды въ пещерѣ каскадъ сдѣлался короче. Педральви съ безмолвнымъ ужасомъ смотрѣлъ на это море, въ которомъ нельзя было сдѣлать ни одного движенія, не задѣвъ за трупъ брата или друга. Всѣ погибли! только онъ одинъ еще живъ. Ему одному суждено было вторично быть свидѣтелемъ смерти нѣсколькихъ тысячъ братьевъ.

Вода непрерывно подымаясь, уже только футовъ на двѣнадцать не хватала до расщелины. Волны ея омывали уже тѣ утесы, по которымъ наканунѣ спускались испанскіе солдаты. Педральви взбирался туда же. Отверстіе было падъ его головой и

спасеніе еще возможно. Но лѣзть по крутому утесу теперь стало гораздо труднѣе, потому что онъ былъ смоченъ и скользокъ. Притомъ столбъ падающей воды былъ такъ близокъ, что каждую секунду могъ не только увлечь, но и раздробить отважнаго. Однако жъ Педральви собралъ все свои силы и хотя измученный, задохшійся и ободраченный до крови острыми краями утесовъ, однако жъ достигъ края разсѣлины и выбрался, ступилъ на землю.

Но еще встревоженный ужасами, которыхъ былъ свидѣтелемъ и глубоко потрясенный неожиданнымъ, невѣроятнымъ спасеніемъ, онъ вдругъ изнемогъ и упалъ безъ чувствъ.

Когда пришелъ въ себя, онъ подошелъ къ краю горы и увидалъ у себя подъ ногами испанскій лагерь.

Это зрѣлище распалило въ немъ ярость.

— Да! вскричалъ онъ: я далъ клятву убивать каждый день по одному врагу и самъ Богъ сохранилъ меня для исполненія этой клятвы. И я исполню ее! Вся жизнь моя будетъ посвящена отмщенію за братьевъ.

Онъ еще разъ подошелъ къ разсѣлинѣ, взглянулъ туда и содрогнулся. Вода поднялась почти до самаго края и вынесла нѣсколько утопленниковъ. Изъ первыхъ на глаза Мавру попалось тѣло инквизитора.

Педральви вышелъ изъ себя, въ бѣшенствѣ, въ ярости, схватилъ это тѣло, дотащилъ до края утесовъ и бросилъ въ середину испанскаго лагеря.

— Вотъ вамъ первый мой подарокъ! вскричалъ онъ. Надѣюсь скоро прислать еще.

Онъ побѣжалъ на другой склонъ горы и скоро исчезъ.

Все это происходило во время возвращенія Алъиаги въ Мадридъ. Читатели помнятъ, что мы оставили королѣвскаго духовника въ домѣ герцогини Сантаремъ, въ ту минуту, когда инквизиціонный чиновникъ, Спинельо, пришелъ арестовать его.

— Я готовъ, холодно отвѣчалъ Алъиага и вышелъ съ нимъ въ переднюю.

Тамъ стояли еще два чиновника инквизиціи и, для болѣе вѣрности, человекъ двадцать стражи. Въ одномъ изъ чиновниковъ Алъиага узналъ бывшаго мальчика изъ лавки придворнаго парюмера Касолеты. Тому стало совѣстно. Онъ потупилъ глаза и, казалось, хотѣлъ сказать:

— Извините. Я исполняю свою обязанность по-неволя.

Спинелью сдѣлать повелительный знакъ и стража ступила впередъ, чтобы окружить арестанта.

— Позвольте, сказалъ Альбиага: я желаю видѣть, въ силу какого приказанія меня арестуютъ.

— Въ силу приказанія самого великаго-инквизитора, съ важностью отвѣчалъ Спинелью, вынимая бумагу.

— Приказы инквизиціи и великаго инквизитора должны исполняться въ двадцать-четыре часа на мѣстѣ, гдѣ даны, возражалъ Альбиага.

— Это приказаніе дано вчера, отвѣчалъ Спинелью съ торжествующимъ видомъ.

Сандоваль отдалъ приказаніе безъ означенія числа и поручилъ это выставить своему агенту.

Альбиага взялъ бумагу и, просмотрѣвъ, медленно сказалъ:

— Это приказаніе вчера не могло быть подписано великимъ инквизиторомъ.

— Почему такъ?

— Потому что великій инквизиторъ Бернадъ-и-Ройасъ де-Сандоваль уже недѣлю находится въ плѣну у Мавровъ, въ Альбарасинѣ. Объ этомъ я пріѣхалъ доложить королю.

При этомъ неожиданномъ ударѣ альгуасилы переглянулись въ страшномъ недоумѣніи, какъ-будто все христіанство оказалось въ крайней опасности. Самъ Спинелью смутился, однако скоро опять оправился и заговорилъ:

— Тѣмъ не менѣе это верховное повелѣніе....

— Подложное, перебилъ Альбиага. Тутъ есть или недоразумѣніе, или плутни, сеньоръ Спинелью. Но со мной есть другое повелѣніе, подписанное самимъ королемъ.... Не угодно ли посмотрѣть, господа?.... И въ силу этого повелѣнія я именемъ его величества приказываю вамъ тотчасъ же арестовать сеньора Спинелью, по подозрѣнію въ поддѣлкѣ подписи великаго инквизитора.

Спинелью напрасно возражалъ.

— Послѣ, послѣ вы оправдаетесь передъ самимъ королемъ, сказалъ Альбиага: чтобы васъ не держали долго въ неизвѣстности, я сейчасъ доложу его величеству.

Спинелью испугался обороту, какой приняло дѣло, и началъ

было извиняться, но Алъиага знакомъ приказалъ альгусиамъ вывести его.

Когда всё вышли, Гонгарельо въ восторгѣ упалъ передъ Алъиагой на колѣни.

— Браво, господишъ мой! браво! вскричалъ онъ: вотъ, что называется, знай нашихъ!

Алъиага улыбнулся и отвѣчалъ:

— погоди радоваться: опасность еще не совсѣмъ прошла.

Онъ отправился во дворецъ къ королю.

Въ тотъ день дежурнымъ камергеромъ былъ родственникъ герцога Лермы, графъ д'Авила. Онъ, казалось, очень удивился, когда увидѣлъ Алъиагу.

— Онъ, вѣроятно, полагалъ, что я уже сижу въ темницѣ инквизиціи, подумалъ Алъиага.

Онъ подошелъ къ двери въ королевскіе покои. Графъ д'Авила учтиво заступилъ ему дорогу и сказалъ:

— Почтеннѣйшій отецъ, мнѣ запрещено впускать васъ.

— Меня! духовника его величества?

— Именно васъ.

— Кто же это запретилъ?

— Герцогъ-кардиналъ.

— Я уважаю волю герцога-кардинала, возразилъ Алъиага: но я знаю другую, повыше его. Это воля его величества короля.

И онъ предъявилъ королевское повелѣніе.

Графъ д'Авила, поставленный между двухъ властей, одною законною и другою дѣйствительною, нашелся въ неизъяснимомъ затрудненіи. На какую бы онъ сторону ни ступилъ, все ему грозила опала. Онъ зналъ, однако жъ, что гнѣвъ министра, опаснѣе.

— Я получилъ непосредственное и формальное приказаніе лично отъ самого герцога-кардинала и не могу не исполнить его, покуда не получу разрѣшенія отъ самого же министра, сказалъ онъ.

— Берегитесь, графъ, замѣтилъ Алъиага: вы нарушаете именное повелѣніе вашего государя. Меня къ его величеству призываетъ весьма важное дѣло. Если случится бѣда, вы будете отвѣчать.

Графъ д'Авила смутился, однако жъ чувствовалъ, что минута

была изъ тѣхъ, въ какія рѣшается судьба придворнаго; въ какія человѣкъ разомъ составляетъ себѣ или блестящее положеніе или навсегда падаетъ. Полагаясь на звѣзду своего министра и родственника, онъ рѣшился стоять твердо на первомъ словѣ и не пустилъ духовника къ королю.

Получивъ такой отказъ въ присутствіи многихъ придворныхъ, Альбиага поспѣшно вышелъ, чтобы не надѣлать шума. Исполнить это было тѣмъ легче, что всѣ присутствовавшіе уже сторонились отъ него. Никто не останавливалъ его чтобы пожать руку видимо попавшему въ немилость духовнику.

Альбиага отправился на половину королевы, гдѣ ему легко было пройти по всѣмъ покоямъ, потому что тамошняя прислуга еще со временъ Маргариты была ему предана, а, главное, еще не знала объ опалѣ.

— Слава Богу! сказалъ онъ, вступая на порогъ Маргаритиной молебни, гдѣ просилъ слугъ оставить его одного: дѣло еще не пропало. О, благодѣтельница моя! помоги намъ еще немножко.

Онъ прошелъ черезъ спальню королевы въ потаенный ходъ къ кабинету короля. Этотъ ходъ былъ хорошо знакомъ ему. Черезъ него онъ пронесъ Анху, спасенную отъ смерти и безчестья. Теперь дѣло шло о спасеніи цѣлаго народа, котораго все существованіе зависѣло отъ одного шагу черезъ порогъ королевскаго кабинета.

Никогда еще Альбиага не жаждалъ столько власти, какъ въ эту минуту.

Онъ безпрепятственно дошелъ до предкабинетной. Но тутъ находился первый камердинеръ, Латоръ, который кромѣ казеннаго содержанія, получая постоянное жалованье отъ графини д'Альтамыры и отъ герцога Уседы, служилъ съ тройнымъ усердіемъ, чтобы угодить тронмъ господамъ.

Латоръ имѣлъ по-крайней-мѣрѣ двойную инструкцію и довольно грубо отвѣчалъ духовнику, что короля нельзя видѣть.

— Но я его духовникъ!

— Всѣ-равно. Его величество никого не желаетъ видѣть.

— Король желаетъ, чтобы его слуги повниновались мнѣ. Дозказательство—это повелѣніе. Читайте.

— Я не умѣю читать, дерзко отвѣчалъ Латоръ, понимая, что знаніе могло погубить его, тогда какъ отъ безграмотности можно много выиграть: мой и дѣдъ не умѣли читать, хотя былъ почтенный дворянинъ и училъ меня повиноваться начальству.

Объявляю вамъ, что вы не войдете.... Развѣ насильно, прибавилъ онъ съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто хотѣлъ сказать — но я сильнѣе васъ!

Камердннеръ въ самомъ дѣлѣ былъ мужчица огромнаго роста и богатырь въ плечахъ.

Алыага, уже видѣвшій близкое исполненіе всѣхъ своихъ надеждъ, смутился при этомъ новомъ, неожиданномъ препятствіи. Однако жъ раздумывать было нѣкогда. Онъ быстро бросился къ двери.

Латѳръ схватилъ его за руку. Но Алыага другою сильно загремѣлъ ручкою замка. Напрасно испуганный камердннеръ сидѣлся оттащить его. Смѣлый монахъ продолжалъ стучать и громко кричалъ:

— Ваше величество! ваше величество! вашего духовника.... вашего слугу не пускають къ вамъ!....

Король не отвѣчалъ.

— Это я.... Алыага!

Въ кабинетѣ у короля послышались шаги.

— Я пришелъ поговорить о важномъ дѣлѣ.... о спасеніи вашего государства.

Шаги остановились.

— Я пришелъ поговорить о герцогинѣ Саутаремъ!

Поспѣшныя шаги раздались у самой двери и въ ту самую минуту, когда Латѳръ, удвоивъ усилія, оторвалъ Алыагу отъ замка и оттащилъ, дверь отворилась. Явился король.

— Я спасенъ! вскричалъ Алыага.

— Я погибъ! прошепталъ про себя Латѳръ.

Алыага бросился въ кабинетъ къ королю и дверь затворилась.

— Это ты! это ты! вскричалъ съ волненіемъ Филиппъ: ты, единственный мой другъ, мое утѣшеніе, моя опора! Ахъ, если бы ты зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ тебя!

— А между-тѣмъ такъ долго не отворяли мнѣ, ваше величество....

— Я.... не смѣлъ.

И король, торопливо, невольно прошептавъ это слово, опустилъ голову отъ стыда за свою слабость и нѣсколько времени хранилъ молчаніе.

Алыага между-тѣмъ разсматривалъ его, изумлялся и почти ужасался страшною перемѣною въ блѣдныхъ чертахъ, безвременныхъ морщинахъ и безпорядка въ его одеждѣ.

Король поднялъ на него глаза, въ которыхъ навертывались слезы.

Альиага упалъ на колѣни и вскричалъ:

— Король! Государь мой! говорите, что съ вами! Если я не могу помочь, такъ могу по-крайней-мѣрѣ умереть за васъ! Довѣрьтесь мнѣ и располагайте мною, ваше величество!

— Ахъ, я очень несчастливъ, Альиага! отвѣчалъ король.

Въ самомъ дѣлѣ со времени отъѣзда духовника, помышляя только о герцогинѣ Сантаремъ, предаваясь только своей любви и своей скорби, Филиппъ изъявилъ герцогу Лермѣ желаніе остаться въ совершенномъ уединеніи, и министръ воспользовался этимъ желаніемъ по-свѣдому: съ той же минуты покои короля затворились для всѣхъ, кромѣ перваго любимца. Филиппъ въ собственномъ дворцѣ сдѣлался арестантомъ.

— Да! говорилъ король Альиагѣ: ко мнѣ никто не входитъ, кромѣ Лермы, котораго я не люблю.... котораго я ненавижу.... Всѣ покинули меня!

— Всѣ, ваше величество?

— Всѣ.... исключая двухъ преданныхъ друзей, которые иногда, по вечерамъ, тайно приходятъ разсѣивать мою скуку.

— Кто же эти друзья?

— Герцогъ Уседа и графиня д'Альтамира.

— Можеть ли быть! вскричалъ Альиага, поблѣднѣвъ.

— Да, это удивляетъ тебя, продолжалъ слабый монархъ: но герцогъ Уседа не ладитъ съ отцомъ.... съ нимъ никто не ладитъ.... Уседа — вѣрный слуга. Онъ таясь отъ министра и одинъ приходитъ утѣшать своего государя. Латоръ вводитъ его съ графиней д'Альтамира почти каждый вечеръ.

— Такъ они-то утѣшаютъ ваше величество!

— Я вѣрю, что они желаютъ утѣшить, но все, что они говорятъ, только удваиваетъ мои терзанія. Въ главномъ-то и они тоже согласны съ герцогомъ-кардиналомъ: они утверждаютъ, что моя роковая любовь погубитъ меня; что Богъ, быть-можетъ, еще простилъ бы мнѣ любовь къ Мавританкѣ, но что жениться на ней значило бы подвергнуться отлученію отъ Церкви и вѣчному осужденію на страшномъ судѣ.

— Такъ откажитесь совсѣмъ, ваше величество, спокойно возразилъ Альиага.

— Не могу!.... Я люблю ее больше, чѣмъ когда-либо. Я люблю ее, несмотря на ихъ угрозы.... Несмотря на мой страхъ.... Ты видишь, продолжалъ несчастный король, указывая на свои чер-

ты: видишь, какъ я измѣнился..... какъ меня терзаетъ моя страсть..... Я съ ума схожу!

— Я пришелъ прекратить эти терзанія и возвратить вамъ разсудокъ, ваше величество. Покпните всякую мысль о герцогинѣ Сантаремъ, потому что надежды уже нѣтъ.

Онъ разсказалъ королю все, что зналъ объ этомъ предметѣ. Герцогиня Сантаремъ и отецъ ея остались во власти Хуанъ-Батиста и его товарищей, бандитовъ; « Санъ-Лукаръ », на которомъ они отправились, съѣлъ на мель близъ Кароагена, пустой, совершенно безлюдный; всѣ принятыя мѣры остались безплодными; яхта « Вера-Крусъ » и фрегатъ « Санъ-Фернандо » въ скоромъ времени, вѣроятно, доставятъ формальное донесеніе объ этомъ.

Терзанія, на которыя король жаловался, ничего не значили въ сравненіи съ тѣмъ, какія онъ испыталъ, слушая этотъ разсказъ. Сожалѣніе, ревность, бѣшенство и отчаяніе попеременно отбивали другъ у друга его сердце. Одна мысль, что Анха погибла для него, дѣлала его страсть пламеннѣе, сильнѣе, ослѣпительнѣе, безумнѣе чѣмъ когда-либо. Въ эту минуту онъ женился бы на герцогинѣ Сантаремъ, несмотря ни на что и ни на кого на свѣтѣ,— несмотря ни на своихъ друзей и министровъ, ни на всю Испанію и цѣлую Европу.

За чрезвычайнымъ раздраженіемъ, какъ обыкновенно, послѣдовало ослабленіе и уныніе. Бѣдный король зарыдалъ. Но увидѣвъ Алліагу, стоявшаго въ отдаленіи, въ такой же глубокой, хотя и менѣе шумной скорби, онъ подбѣжалъ и обнялъ его.

Алліага тоже плакалъ объ Анхѣ. Онъ одинъ понималъ любовь и скорбь Филиппа. Онъ одинъ могъ быть ему истиннымъ другомъ и утѣшителемъ. Зато съ этой минуты онъ сдѣлался совершенно необходимымъ королю.

— Вы много страдали? спросилъ Алліага, когда у обоихъ прошла первая буря.

— Больше чѣмъ могу выразить! отвѣчалъ Филиппъ.

— У васъ были еще и другія терзанія?

— О! много, много! На-дняхъ еще кардиналъ-герцогъ приходилъ ко мнѣ совершенно разстроенный и объявилъ, что Богъ до конца прогнѣвался на насъ и шлетъ на Испанію одну кару за другою. Братъ министра, Бернардъ Сандоваль, великій-инквизиторъ, попался въ руки къ Маврамъ.

— Это я знаю, холодно отвѣчалъ Алліага.

— Мало этого! Вчера утромъ, Лерма опять пришелъ сказать о новомъ несчастіи: Мавры убили великаго-инквизитора.

— Какъ!.... Не можетъ быть!

— Тѣло его сбросили съ горы въ самый лагерь довъ Августина Мехи. Это ужасно, неправда ли?

— Да, да.... конечно, отвѣчалъ Аллыага.

И прибавилъ про себя:

— Педральви не сдержалъ слова! Этого я не ожидалъ.... Но, что жъ дѣлать, ваше величество, продолжалъ онъ, обращаясь къ королю: этихъ людей довели до отчаянія. Не рѣзною, не насиліемъ, а милосердіемъ слѣдовало обращать ихъ.

— И ты думаешь, они обратились бы?

— Я убѣжденъ.

— А герцогъ-кардиналъ утверждаетъ, что надобно удвоить строгость. Онъ отправилъ къ Мехи приказъ не давать еретикамъ ни какой пощады. И въ то же время, чтобы избрать достойнаго мстителя за смерть брата, назначилъ великимъ-инквизиторомъ....

— Кого?

— Рибейру, архіепископа валенсіискаго.

— Рибейру!... И вы подписали, ваше величество?

— Повелѣніе уже отправлено въ Валенсію. Рибейра человекъ благочестивый, святой....

— Но этотъ благочестивый, святой человекъ еще неумолиме, еще кровожадѣе того, котораго замѣнилъ!... Опъ смертельный врагъ нашъ.... то есть, смертельный врагъ Мавровъ. Онъ поклялся истребить ихъ всѣхъ и, если Анха какимъ-нибудь образомъ воротится....

— Такъ это возможно! вскричалъ король съ неизъяснимою радостью.

— Тогда Рибейра будетъ величайшею преградой вашимъ намѣреніямъ:

— Правда!... правда! вскричалъ Филиппъ съ ужасомъ. Но тебя здѣсь не было.... Ни одного добраго совѣта.... ни одного друга, которому бы я могъ довѣриться. Притомъ.... если бы ты зналъ... если бы я смѣлъ сознаться тебѣ, моему лучшему, моему единственному другу.... Герцогъ-кардиналъ, который ежедневно приходитъ ко мнѣ....

— Онъ ненавидитъ вамъ, я знаю, ваше величество.

— Хуже!... Я чувствую отвращеніе, я содрогаюсь передъ нимъ....

И, понизивъ голосъ, король прибавилъ:

— Я боюсь его!

— Бойтесь, ваше величество! вскричалъ Алъяга: вы боитесь вашего министра!

— Да, да, продолжалъ король шопотомъ: я только тебѣ могу признаться въ этомъ.... Онъ отравилъ королеву!... Я знаю, я увѣренъ!

— Кто вамъ сказалъ, ваше величество?

— Люди, которыхъ свидѣтельство невогребѣнно, ужасно и не можетъ-быть подвержено сомнѣнію.

— Но кто же?

— Во-первыхъ.... давно уже, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.... отецъ Хероме объявилъ мнѣ это подъ клятвою.

— Хероме! повторилъ Алъяга, снявъ подъ одеждою доносъ езуитовъ.

— Потомъ.... мнѣ не трудно было видѣть, что и другіе кромѣ меня знаютъ объ этой ужасной тайнѣ. Они хотя и не говорили, однако жъ я нерѣдко примѣчалъ это самъ, когда они бывали здѣсь, по вечерамъ.... Они почти невольно намѣкали....

— Кто же это?

— Графиня д'Альтамира и герцогъ Уседа.

Никилло вскрикнулъ отъ ужаса и негодованія.

— Да, да! продолжалъ король, не понимая, разумѣется, чувства Алъяга: сынъ, родной сынъ Лермы, не можетъ не сознаться, что отецъ его злодѣй и отравитель. Уседа вмѣстѣ съ графиней почти каждый вечеръ убѣждаютъ меня рѣшиться на что-нибудь, не оставлять власть въ рукахъ Лермы. Особенно графиня убѣдительно доказываетъ, какъ полезно было бы замѣстить его герцогомъ Уседой. Признаться, я желалъ бы, во-первыхъ, потому что я всегда любилъ Уседу; во-вторыхъ, его я не боюсь.... И наконецъ шуму будетъ меньше.... переворотъ небольшой, если сынъ заступитъ мѣсто отца. Но какъ рѣшиться на это.... какъ обойтись безъ Лермы, который уже шестнадцать лѣтъ правитъ всѣми дѣлами и все знаетъ? Что будетъ, когда его не станетъ?

— Будетъ иначе и будетъ лучше, ваше величество.

— Ты думаешь? спросилъ король съ изумленіемъ и замѣшательствомъ. Но это еще не единственное мое затрудненіе. Уседа давно уже проситъ смѣнить его отца, а Лерма третьяго дня просилъ позволенія услатъ сына по-дальше.... Да, да! дѣло идетъ не объ изгнаніи или о темницѣ. Сегодня Лерма, вѣрно, опять крикнетъ. Я не могу долго сопротивляться. Нужно рѣшиться, какъ

братъ котораго-нибудь. И это еще не все! продолжалъ король съ трепетомъ, котораго не могъ преодолѣть: я получилъ тайное извѣщеніе.... безъимянную записку.... почеркъ этотъ я уже нѣсколько разъ видѣлъ въ запискахъ, которыя находилъ у себя на столѣ.... Меня предостерегаютъ.... говорятъ, что рука, которая сразила королеву, подымается и на меня!

— Какая дерзость! вскричалъ Аллыага съ гнѣвомъ.

— Ты негодуешь.... ты ужасаешься? И я тоже. Не зная уже, чего мнѣ опасаться больше, чему вѣрить; не рѣшаясь на выборъ между отцомъ и сыномъ, я двадцать разъ уже перемѣнилъ наиѣреніе и въ этомъ сомнѣніи, въ этой тревогѣ провожу ночи безъ сна. У меня голова кружится, я съ ума сойду! Только ты, Аллыага, можешь извлечь меня изъ этого аду! Только на тебя я могу положиться вполне, только тебѣ я хочу вѣрить. Подай мнѣ совѣтъ.... выбери, рѣши ты, котораго изгнать, котораго оставить. Какъ ты скажешь, такъ я и сдѣлаю.

Никто еще не бывалъ въ подобномъ положеніи. Никогда человѣкъ изъ состоянія болѣе низкаго не возвышался до такой степени. Онъ, Пикильо, Мавръ, нищій бродяга, былъ призванъ рѣшить судьбу цѣлаго государства и имѣлъ въ рукахъ своихъ власть низложить или утвердить перваго министра, который шестнадцать лѣтъ держалъ бразды правленія!

Если бы Аллыага смѣлъ, онъ сказалъ бы королю первую свою мысль:

— Въместо того и другаго, совѣтую вамъ избрать въ министры третьяго, совѣтъ ннаго.

Но король, страшившійся одной мысли о совершенно новомъ министрѣ, о совершенно новомъ и незнакомомъ господинѣ и повелителѣ, конечно, лучше согласился бы удержать стараго. Притомъ, нужно было рѣшить дѣло въ ту же минуту, а Аллыага не имѣлъ ни времени ни средствъ предложить болѣе годнаго министра. Нужно было выбрать или Лерму или Усседу.

Аллыага легко могъ оправдать герцога-кардинала. Это стоило бы ему одного слова. Онъ могъ бы возстановить расположеніе короля къ первому министру, который былъ бы обязанъ и благодаренъ ему за это. Но благодарность Лермы была непрочно: Аллыага зналъ это по опыту. Наконецъ, передъ глазами у Пикильо было единственное средство достигнуть своей цѣли, осуществить задушевныя мечты. Лерма, такъ долго трудившійся для изгнанія Мавровъ, не могъ желать ихъ возвращенія и никогда

не сталъ бы чистосердечно содѣйствовать къ отмѣнѣ повелѣнїя, которое самъ издалъ.

Уседа напротивъ, не принималъ въ этомъ дѣлѣ ни какого участїя и подобно многимъ другимъ не имѣлъ ни какого рѣшительнаго мнѣнїя. Уседа, опредѣленный Алъиагой, всегда останется у него въ зависимости, потому что королевскїй духовникъ, помощію доноса езуитовъ всегда можетъ погубить его. Уседа тоже можетъ оказаться неблагодарнымъ, однако жъ всегда будетъ бояться, а въ такомъ сердцѣ, какъ у него, страхъ долговѣчїе признательности. Благодаря этому страху, Алъиага всегда можетъ повелѣвать, и Уседа всегда долженъ будетъ повиноваться. Назначить его министромъ, значило назначить самого себя. Пораженный огромностью выгоды своего положенїя для себя и для всѣхъ своихъ, Пикильо пересталъ колебаться. Выборъ былъ рѣшенъ.

— Ваше величество, сказалъ онъ: я готовъ отвѣчать на почетный для меня вызовъ вашъ. Но если вы одобрите мое предложенїе, я желалъ бы, для вашей же пользы и безопасности, чтобы вы исполнили рѣшенїе не завтра, а сегодня же, тотчасъ.

— Хорошо, отвѣчалъ король, нѣсколько смущенный мыслью, что долженъ дѣйствовать такъ быстро.

— И такъ... если ужъ ваше величество изволите сидѣть у стола... неужгодно ли взять перо и написать два слова.

Король взялъ перо и съ безпокойнымъ любопытствомъ слушалъ. Алъиага продолжалъ:

« Господинъ герцогъ-кардиналъ имѣетъ сегодня же выѣхать изъ Мадрита и удалиться, куда ему будетъ угодно.

« Я, король ».

— Только? спросилъ король съ изумленїемъ.

— Только, ваше величество. Вамъ не нужно даже видѣться съ герцогомъ. Онъ пойметъ.

— Я никогда не воображалъ, чтобы это было такъ легко!

И Филиппъ вздохнулъ съ такимъ удовольствїемъ, какъ колодникъ, впервые вышедшїй на вольный воздухъ.

— А Уседа? спросилъ онъ потомъ.

— Къ-статї, потрудитесь написать и къ нему.

« Герцогъ Уседа съ сего дня приметъ званїе перваго министра и съ сего же дня вступить въ исправленїе своей должности.

« Я, король. »

— Если теперь вашему величеству угодно поручить мнѣ эти два повелѣнїя, я все исполню.

— Охотно, охотно! вскричалъ король.

Въ эту минуту дежурный камергеръ графъ д'Авила явился въ дверяхъ кабинета и остолбенѣлъ, увидѣвъ Алльиату. Изумленное лицо его, казалось, говорило:

— Какимъ же образомъ онъ вошелъ?

Оправившись однако жъ, онъ доложилъ, что герцога-кардиналь просить позволенія войти къ его величеству.

Король поблѣднѣлъ и два повелѣнія задрожали въ его рукѣ.

— Это обыкновенное время его прихода, шепнулъ онъ на-ухо Алльиатѣ: но я не хочу видѣть его.... не хочу!

— Какъ вашему величеству угодно. Вы можете удалиться во внутренніе покои. Я приму герцога.

Король, избавленный отъ тяжкаго бремени, выразительнымъ взглядомъ поблагодарилъ духовника и прибавилъ:

— Но что мнѣ дѣлать между тѣмъ?

— Ваше величество нѣсколько недѣль уже не позволили выходить. Чистый воздухъ былъ бы полезенъ вамъ. Я предложилъ бы поохотиться.

— Прекрасно! Я поѣду на охоту, сказалъ король.

Онъ позволилъ, приказалъ приготовить экипажъ и ушелъ во внутренніе покои въ ту самую минуту, когда герцога Лерна вошелъ въ кабинетъ.

Министръ былъ гордъ и высоко держалъ голову, окруженную сіяніемъ самоувѣренности и неограниченной власти. Онъ тоже изумился, увидѣвъ Алльиату, во оправился и сдѣлалъ д'Авила знакъ, чтобы вышелъ.

— Вы здѣсь, сеньоръ Пикпльо? сказалъ онъ съ пренебреженіемъ.

— Здѣсь, свѣтлѣйшій герцога-кардиналь.

Герцога-кардиналь по разсѣянности, а можетъ-быть и съ намѣреніемъ, развалился въ королевскихъ креслахъ, между-тѣмъ какъ Алльиата скромно сидѣлъ на табуретѣ.

— Я не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь, сказалъ министръ величаво.

— Вѣрю, ваша свѣтлость. Вы распорядились, чтобы я былъ въ другомъ мѣстѣ. Вы запретили впускать меня во дворецъ, а вашъ братецъ приказалъ заключить меня въ темницу инквизиціи.

— Чтò жъ! это не совсѣмъ дурная мысль, возразилъ министръ насмѣшливо: и ее еще можно осуществить. Гдѣ король?

— Король уѣхалъ на охоту, холодно отвѣчалъ Алльиатѣ: его величество мнѣ поручилъ принять васъ.

— Что это значитъ? вскричалъ министръ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Сейчасъ объясню, ваша свѣтлость. Вы помните день, когда несмотря на клятву, несмотря на слово министра и дворянина, данное старику Деласкару д'Альбертину, который приносилъ вамъ выкупъ за своихъ братьевъ....

— Ну, что же, сеньоръ.... перебилъ министръ съ нетерпѣніемъ.

— Тотъ день, когда вы заставили короля подписать повелѣніе объ изгнаніи двухъ милліоновъ его подданныхъ и совершенномъ разореніи несчастныхъ, лишенныхъ крова и отечества....

— Что же.... что жъ изъ этого?

— То, что въ тотъ день я объявилъ вамъ, что я, ничтожный, мелкій монахъ, низложу васъ, могущественнаго министра. Я поклонился. А я не таковъ какъ вы: я исполняю мои клятвы.

— Что вы хотите сказать? сказалъ министръ, быстро вскочивъ.

— Вотъ повелѣніе, которое король поручилъ мнѣ передать вамъ, отвѣчалъ Алъига съ важностью, не вставая съ своего скромнаго табурета.

Министръ дрожавшими руками развернулъ роковую бумагу и съ одного взгляду прочиталъ, но еще не вѣривъ своимъ глазамъ, прочиталъ во второй, въ третій разъ, — такъ невозможными казались ему эти страшныя, громовыя слова, начерченныя огненнымъ письменами. Они жгли ему руки и глаза.

Лерма сперва поблѣднѣлъ, потомъ побагровѣлъ. Вся кровь у него прилила сперва къ сердцу, потомъ ударила въ голову съ такой быстротой, что онъ зашатался и упалъ назадъ въ кресла, какъ-будто пораженный апоплексіей.

Алъига бросился помочь ему, когда дверь снова отворилась и королевскій камердинеръ пришелъ доложить Алъигѣ, что одинъ придворный кавалеръ проситъ позволенія представиться духовнику его величества.

— Кто же?

— Герцогъ Уседа.

При одномъ этомъ имени герцогъ-кардиналъ, почти совсѣмъ уже лишенный чувствъ, вдругъ вскоцилъ, какъ-будто ужасенный скорпіономъ.

Алъига отрывисто отвѣчалъ камердинеру:

— Мнѣ нѣкогда. Пусть подождетъ.

Эта обида, это униженіе сына подѣйствовало на Лерму, какъ цѣлительный бальзамъ, положенный на рану. Онъ оправился и почти ровнымъ голосомъ сказалъ :

— А! я понимаю.... Это онъ заступаетъ мое мѣсто.

Аллыага не отвѣчалъ.

— И вы, аббатъ, вы, такой честный человекъ, вы одобряете такое поведеніе ?

— Я нахожу его низкимъ.

— Такъ я не заслуживалъ этого! вскричалъ Лерма съ радостью: я не заслуживалъ, чтобы меня такимъ образомъ лишили мѣста....

— Заслуживали, но только, разумѣется, не отъ сына.

Отставной министръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ въ глаза Аллыагѣ и искалъ разгадки страннаго противорѣчія его дѣйствій съ мѣтвіями.

— Я хочу поговорить съ королемъ, вскричалъ онъ потомъ.

— Это невозможно, ваша свѣтлость.

— Но это необходимо, я долженъ поговорить съ нимъ. Проведите меня къ нему.

— Не могу и не хочу, потому что я самъ диктовалъ это повелѣніе.

— Вы, Аллыага! вы, который всѣмъ своимъ состояніемъ обязаны мнѣ!

— Вы забываете, ваша свѣтлость, что мы уже поквитались, отвѣчалъ Аллыага съ гордостью: вы забываете, что я пришелъ сюда единственно съ тѣмъ, чтобы предупредить васъ объ опасностяхъ, которыя угрожали нашему отечеству, о заговорахъ, составленныхъ противъ Испаніи и противъ васъ. Слѣдовательно, я первый оказалъ вамъ услугу. Я оставался вѣренъ вамъ, пока вы оставались вѣрны Испаніи. Я покинулъ васъ съ того дня, когда вы измѣнили самымъ драгоценнымъ пользамъ отечества. Судите сами: на которой сторонѣ измѣна и неблагодарность?

— Да, я сознаюсь.... вы меня предупредили.... вы поступали честно, вскричалъ герцогъ съ возрастающимъ волненіемъ: но.... именемъ прежняго нашего союза, именемъ дружбы, которой мнѣ не слѣдовало разрывать и которая можетъ еще возстановиться, если вы пожелаете.... заклинаю васъ, выслушайте.... выслушайте меня!...

Дверь снова отворилась и камердинеръ повторилъ :

— Герцогъ Уседа всепокорнѣе проситъ у аббата Луиса Аллыаги позволенія войти.

— Скажи ему, что мнѣ невозможно принять его въ эту минуту, отвѣчалъ Аллыага съ презрѣніемъ: я занятъ съ человѣкомъ, котораго онъ обязанъ уважать.

Дверь затворилась.

— Благодарю!... благодарю! вскричалъ Лерма, протягивая къ Аллыагѣ руки: и теперь, я увѣренъ, вы не откажете мнѣ въ послѣдней милости, которую прошу. Замольте за меня слово королю.

Аллыага отворотился и отвѣчалъ:

— Не могу.

Тогда... сказать ли?... Вѣроятно, улыбка господина заключаетъ въ себѣ чрезвычайное очарованіе; вѣроятно, власть, которую человѣкъ однажды пользовался, становится такою сильною потребностью, что отказаться отъ нея добровольно уже нельзя; что отчаяніе при потерѣ ея такъ велико, страданіе такъ нестерпимо, что заставляеть забывать все, даже честь, достоинство и принципіе.... Лерма, забывъ о своемъ прошломъ величіи, о съдыхъ волосахъ своихъ, герцогъ Лерма, министръ, кардиналъ, старикъ, — упалъ къ ногамъ Аллыаги и хватаясь за послѣднія лохмотья милости, которой лишился, вымаливалъ покровительства у того, который низложилъ его!

Аллыага, краснѣя, за него, поспѣшилъ поднять его и шепнуть:

— Я ничего не видалъ, герцогъ..... я буду молчать объ этомъ, никто не узнаеть, клянусь вамъ.

Эти слова образумили герцога. Онъ покорился своей судьбѣ и вскричалъ:

— Я иду, иду. Я съумѣю перенести несчастіе. Одного только я не въ силахъ перенести.... одна только мысль вгонить меня въ гробъ: это взведенныя на меня клеветы, которыя уже дошли до короля и которымъ онъ повѣрилъ. Признайтесь! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ: Филиппъ обвиняеть меня, считаеть меня преступнымъ.... онъ увѣренъ, что я отравилъ королеву!

Аллыага утвердительно кивнулъ. Лерма вскрикнулъ отъ ужаса и всплеснулъ руками.

— Клянусь всѣмъ священнымъ! вскричалъ онъ: клянусь спасеніемъ души, клянусь Богомъ, я невиненъ въ этомъ!

— Знаю, отвѣчалъ Аллыага.

— Знаете! Такъ скажите же королю. Это послѣднее мое желаніе на землѣ.

— Король узнаеть. Я доложу ему. Положитесь на меня.

— Хорошо.... хорошо! За это я все забуду... За это я прощу вамъ и.... даже сыну.

Онъ вышелъ въ дверь совѣта и черезъ минуту Уседа вошелъ черезъ передкабинетную.

Видъ Уседы былъ смиренный и смущенный. Онъ почтительно поклонился Аллыагъ, который всё сидѣлъ на табуретъ.

Будущій министръ съ безвокойнымъ любопытствомъ взглянулъ на своего покровителя и тотчасъ потупилъ опять глаза. Видно было, что онъ хочетъ и не знаетъ, какъ начать рѣчь.

«Онъ еще ничего не знаетъ», подумалъ Аллыага.

— Извините, герцогъ, что я заставилъ васъ прождать больше получаса, сказалъ онъ, не трогаясь съ мѣста, тогда какъ знатный грандъ всё еще стоялъ передъ нимъ.

— Это очень естественно: вы были заняты, несвязно проговорилъ Уседа. Это можетъ случиться со всякимъ.

— Правда, холодно возразилъ Аллыага. Я помню, когда я въ первый разъ явился къ вамъ, въ Вальядолидѣ. Вы, я утѣреть, къ большому сожалѣнію вашему, заставили меня ждать болѣе часу.

Герцогъ видимо смутился и напрасно старался улыбнуться.

— Да, да.... я помню начало нашего свиданія....

— Я въ-особенности помню конецъ, возразилъ Аллыага съ гордымъ взглядомъ. Но успокойтесь, герцогъ. Я здѣсь не у себя.

И учтиво указывая герцогу на порожнее кресло, онъ прибавилъ:

— Мы здѣсь у короля.

Уседа совсѣмъ потерялъ голову и въ страшномъ замѣшательствѣ вскричалъ:

— И я тоже не забылъ этого роковаго свиданія! Воспоминаніе объ немъ постоянно преслѣдовало меня.... Оно составляетъ несчастіе моей жизни.... Что ни говорите, а есть угрызения совѣсти, отъ которыхъ невозможно уйти.... есть тайный голосъ, который неотразимо шепчетъ сердцу и открываетъ ему истину.... Этого голосу я не могъ заглушить и онъ приводитъ меня къ вамъ, раскаяннаго.... онъ побуждаетъ меня просить вашего прощенія и сказать вамъ: — Сынъ мой! сынъ мой!

Пронзая эти слова голосомъ, сколько возможно болѣе расстроганнымъ, герцогъ съ вѣжностью протянулъ руки къ Аллыагъ. Но тотъ быстро всталъ и отступивъ съ презрительнымъ, свергающимъ движеніемъ, сказалъ:

— Должно слушаться всегда перваго голосу природы, герцога. Вы, вѣроятно, такъ и поступили тогда и, вы правы.

— Неужели вы не понимаете раскаянія?

— Понимаю..... Я понимаю ваше раскаяніе: вы не желали быть отцомъ Пикильо, но желаете быть отцомъ аббата Луиса Аллыаги. Но какова бы ни была кровь, текущая въ моихъ жилахъ, отецъ мой тотъ, кто протянулъ руку моему нищету, а не могуществу; тотъ, кто принялъ меня съ отверзтыми объятіями и сказалъ мнѣ: «Сынъ мой!» тогда, какъ я не имѣлъ пріюта. Мой отецъ тотъ, который теперь самъ бродитъ, лишенный отечества, и нуждается въ моей помощи! Мой отецъ — Мавръ, изгнанникъ Деласкаръ д'Альберикъ.

Потомъ, укротивъ свое волненіе и бросивъ сострадательный взглядъ на Уседу, который стоялъ съ поникшею головою, онъ прибавлялъ спокойно:

— Васъ, герцогъ, сюда привела другая причина. Будьте откровенны и говорите просто. Кто васъ прислалъ?

Король поѣхалъ на охоту, отвѣчалъ герцогъ нерѣшительно: карета его встрѣтилась съ каретой графини д'Альтамиры.... Его величество приказалъ остановиться и съ веселымъ видомъ сказалъ графинѣ: «Добрыя вѣсти. Скажите Уседѣ, чтобы повидался съ Аллыагой». И я пришелъ.

— Король больше ничего не сказалъ?

— Ничего больше.

— И вы ничего не знаете?

— Ничего не знаю. Но, признаюсь, мнѣ пріятно было бы поскорѣе услышать добрыя вѣсти.

Аллыага торжественно взглянулъ на герцога и сказалъ:

— Въ положеніи, въ какомъ мы теперь становимся одинъ къ другому, я долженъ говорить съ вами откровенно, хотя эта откровенность можетъ показаться вамъ жестокою и сильно уязвить васъ. Но вы *одни* въ мірѣ....

Онъ сдѣлалъ сильное удареніе на этомъ словѣ.

— Вы *одни* въ мірѣ будете знать о томъ, что я вамъ скажу. Самъ король не знаетъ этого и никогда не будетъ знать. Впрочемъ, я не скажу ничего такого, чего бы не могъ подтвердить доказательствами.

Онъ вынулъ изъ кармана доносъ, подписанный отцомъ Хероме и Эскобаромъ и сталъ медленно читать тихимъ голосомъ, чтобы не только придворные слуги въ передней, — чтобы дворцовыя стѣны не разслышали.

Этому явному, подробному и точному обвиненію Уседа не находилъ силъ противопоставить ни малѣйшаго возраженія. Онъ молчалъ. Но зубы у него стучали, лицо помертвѣло и холодный потъ проступилъ на лбу.

— Этотъ доносъ, продолжалъ Альиага, врученъ вашему дядѣ, Сандовалю, бывшими вашими друзьями езуитами, которые составили и подписали его, какъ видите.... Успокойтесь. Я получилъ эту бумагу прямо изъ рукъ инквизитора. Но если бы она пала въ другія руки, въ руки вашихъ враговъ, которыхъ у васъ много....

Уседа вздрогнулъ.

— Графиня одна виновна, я знаю. Однако вы знаете объ ея преступленіи, вы были ея сообщникомъ, и если бы я показалъ эту бумагу королю, вы погибли бы.

— О! вы этого не сдѣлаете!.... вы не захотите!.... вскричалъ Уседа въ ужасѣ.

— Это вы видите изъ того, какъ я поступаю съ вами, холодно отвѣчалъ Альиага. И если я, напротивъ, еще поддержу васъ въ милости у короля, если я васъ даже подниму еще выше....

Лучъ радости блеснулъ въ глазахъ герцога.

— То это потому, что я имѣю виды на васъ, продолжалъ Альиага: я хочу чтобы вы, для очищенія въ собственныхъ глазахъ, содѣйствовали къ великому дѣлу искушенія и къ будущему счастью Испаніи.

Герцогъ удвоилъ вниманіе.

— Да, испанское правительство совершило великую несправедливость, сдѣлало великую ошибку, изгнавъ Мавровъ, которые унесли съ собою большую часть благосостоянія государства. Это — позорное и грязное пятно на царствованіи Филиппа-Третьяго. Я хочу стереть его. Я хочу, чтобы оно исчезло до послѣдняго слѣда. Если вы согласитесь чистосердечно помогать мнѣ въ этомъ предпріятіи; если вы будете содѣйствовать мнѣ во всемъ, что касается до этого предмета, то я вручу вамъ верховную власть въ государствѣ, я сдѣлаю васъ первымъ министромъ....

Герцогъ затрепеталъ отъ изумленія и радости.

— Если же нѣтъ, продолжалъ Альиага, я покажу королю этотъ доносъ и мы изберемъ другаго министра, болѣе расположеннаго трудиться для счастья и славы Испаніи.

— Я обещаю, обещаю вамъ! вскричалъ Уседа съ порывомъ. Я буду слушаться вашихъ совѣтовъ и повиноваться вамъ. Я бу-

ду министромъ, я буду повелѣвать всѣмъ, но вы будете головой, а я только вашею рукой. Что же касается до вашего благороднаго намѣренія, я присоединяюсь къ вамъ и буду вамъ содѣйствовать всѣми силами..... Клянусь небомъ, которое слышитъ насъ.

— Хорошо, холодно отвѣчалъ Алъяга: вы первый министръ. И онъ вручилъ ему королевское повелѣнiе.

Уседа не вѣрилъ своимъ глазамъ. Этотъ титулъ, который стоилъ ему столькохъ усилій, интригъ и даже низостей; эта власть, изъ-за которой онъ сдѣлался преступнымъ и почти царубійцею, наконецъ достался ему! Радость его была такъ велика, что онъ на нѣсколько минутъ все забылъ. Онъ вышелъ изъ дворца въ восторгѣ, въ торжествѣ и почти безъ угрызеній совѣсти.

Черезъ нѣсколько часовъ потомъ король воротился. Все въ этотъ день удавалось Филиппу. Охотѣ благопріятствовала прекрасная погода и онъ своеручно убилъ оленя.

Алъяга разсказалъ ему, что происходило во время его отсутствія.

Король потребовалъ повторенія этого разсказа, такъ трудно ему было повѣрить, что онъ свободенъ и что герцогъ-кардиналъ въ тотъ же день выѣзжаетъ изъ Мадрита. Алъяга вспомнилъ, что пора сдержать слово, данное опальному любимцу.

— Ваше величество, сказалъ онъ: вы сегодня всѣмъ отдаете справедливость и, конечно, не откажете въ этомъ несчастію.

— Что ты хочешь сказать?

— Герцогъ-кардиналъ заслужилъ утрату вашихъ милостей, но онъ еще достоинъ вашего уваженія. Онъ былъ плохой министръ, но не былъ царубійцею и отравителемъ.

И, не упоминая объ Уседѣ, Алъяга разсказалъ королю въ подробности, какъ графиня д'Альтамира, желая извѣсти герцогиню Сантаремъ, убила королеву.

Филиппъ поблѣднѣлъ отъ ужасу. Все, что въ душѣ его было честнаго и благороднаго, возмутилось отъ негодованія. Онъ, который такъ долго и такъ недавно еще былъ игрушкою интригъ графини д'Альтамира, въ ту же минуту хотѣлъ приказать арестовать ее, судить и казнить. Но уступая обыкновенной своей слабости, онъ скоро успокоился и, побоявшись шума, а также и по великодушію, не хотѣлъ, чтобы позоръ отравительницы палъ на многочисленную и знатную ея родню.

Алъяга подалъ ему благоразумный и милосердый совѣтъ.

Графиня посреди упоенія отъ радости, что союзникъ ея, Уседа, сдѣлался министромъ, получила слѣдующее королевское повелѣніе:

« Графинѣ д'Альтамира сегодня же выѣхать изъ Мадрита и отнынѣ впредь запрещается жить ближе шестидесяти миль разстоянія отъ столицы. Приказываемъ и поручаемъ нашему первому министру озаботиться объ исполненіи этого повелѣнія ».

Бумага была подписана сперва королемъ, а потомъ Уседой. Это былъ первый правительственный актъ новаго министра.

Графиню онъ поразилъ громомъ. Она увидѣла, что не стоило шизвергать Лерму; потому что Уседа поступаетъ со своими друзьями по тѣмъ же правиламъ какъ и отецъ.

Она поѣхала къ нему объясниться, но у министра было такъ много хлопотъ при вступленіи въ новую должность, что онъ не могъ принять графини д'Альтамира. Она бросилась къ Латору, чтобы тотъ доставилъ ей свиданіе съ королемъ, но Латоръ былъ уже смѣненъ по распоряженію Альяаги, потому что, какъ самъ говорилъ, *не умѣлъ читать*, что совершенно несовмѣстно съ должностью перваго камердинера при особѣ короля.

Тогда графиня написала къ Эскобару письмо и послала съ нарочнымъ, который вскорѣ привезъ слѣдующій отвѣтъ.

« Я не знаю, что дѣлается, и не хочу знать. Что бы ни случилось, я не желаю компрометировать себя и ни во что не мѣшаюсь. Въ увѣренности, что вы, съ вашимъ умомъ и обыкновенною ловкостью, счастливо выпутаетесь изъ затрудненій, я остаюсь всторонѣ и все, что можетъ позволить мнѣ вспоминаніе прошлой нашей дружбы, то я сдѣлаю, то есть, пожелаю вамъ всякаго благополучія ».

Графинѣ показалось, что эти слова не совсѣмъ незнакомы ей. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ тотъ самый отвѣтъ, который она, мѣсяць тому назадъ, послала езуитамъ, когда они просили у нея помощи. Этого отвѣту Эскобаръ не забылъ, потому что у него была счастливая память. Онъ воротилъ его графинѣ, не измѣнивъ ни одного слова, не упустивъ и не прибавивъ ни одной буквы: такъ онъ былъ совѣстливъ.

Между-тѣмъ опала стариннаго любимца, паденіе могущественнаго министра уже раздалось въ Мадритѣ и молва разнесла новость во все концы государства. Испанскій народъ, избавившись отъ герцога Лермы, вообразилъ, что приобретаетъ *неслыханное*

богатство и благоденствіе, и праздновалъ отъѣздъ герцога-кардинала веселыми пѣснями и потѣшными огнями.

— Да здравствуетъ король! раздавалось повсюду.

Король долженъ былъ явиться на своемъ балконѣ и съ изумленіемъ принималъ взъявленія народнаго восторгу, къ которому вовсе не привыкъ.

Герцогъ Лерма еще слышалъ эти вопли радости. Минута слабости у него прошла. Онъ воротилъ все свое мужество. Понимая, что просьбы ни къ чему не послужатъ, а только болѣе унижать его, онъ отказался отъ желанія повидаться съ королемъ и тотчасъ же оставилъ дворъ. Чтобы сѣсть въ карету не у большого подъѣзду, онъ долженъ былъ пройти черезъ дворцовый садъ. Тамъ онъ на минуту остановился въ глубокомъ раздумьѣ. Тогда, безъ сомнѣнія, онъ уже и въ душѣ не былъ болѣе министромъ, а только монахомъ, кардиналомъ. Онъ былъ тронутъ, съ признательностью взглянулъ на королевскіе покои и помолился за слабаго Филиппа. Когда же проходилъ мимо роковой садовой залы, гдѣ случилось страшное событіе, навлекшее на него столько клеветъ, на глазахъ у него навернулись слезы и онъ прошепталъ:

— Господи! накажи меня за мои проступки, но не карай за преступленія, въ которыхъ я не повиненъ! Если я не могу оправдаться передъ лицомъ цѣлаго свѣта, такъ пусть по-крайней-мѣрѣ мой король узнаетъ, что я въ этомъ чистъ передъ нимъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ выѣхалъ изъ Мадрита и ночевалъ въ Гуадаррамѣ.

Утромъ, собираясь продолжать путь, онъ получалъ отъ короля записку и подарокъ. Это, въ его положеніи, казалось вещью непостижимую для всѣхъ окружающихъ. Онъ одинъ вышелъ разгадку.

Король прислалъ ему собственноручно убитаго наканунѣ оленя и писалъ:

«Алѣига доказалъ мнѣ, что я не долженъ сомнѣваться въ вашей невинности касательно королевы и если необходимость новаго управленія государствомъ требуетъ вашего удаленія, то по-крайней-мѣрѣ вы удалитесь съ увѣренностью, что король вашъ сохранилъ къ вамъ уваженіе и дружбу».

Герцогъ со слезами прижалъ записку къ губамъ и вскричалъ:

— Благодарю тебя, Алѣига, ты сдержалъ слово!

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гуадаррамы, на первой станціи, герцогъ увидѣлъ карету, которая, какъ ему казалось, принадлежала графинѣ д'Альтамбра. Въ дверцахъ на мгновеніе появи-

лась женщина, которая тотчас же опять скрылась въ глубши экипажа. Бывшій министр спросилъ, и ему отвѣчали:

— Это бывшая статсъ-дама, графиня д'Альтампра, которая выслана за городъ съ запрещеніемъ жить ближе шестидесяти миль отъ столицы.

— Я вижу, Аллыага справедливъ и небо тоже, подумалъ Лерна.

Объ кареты съ минутой ѣхали рядомъ. Бывшіе союзники и бывшіе непріатели раскланялись и министръ продолжалъ путь въ свои помѣстья, а графиня въ свои.

Вечеромъ того же дня Аллыага пришелъ въ кабинетъ къ королю и нашелъ тамъ Уседу, который въ пылу усердія и полагая угодить королевскому духовнику и самому королю, уже успѣлъ арестовать секретаря бывшаго министра, Родрига Кальдерова. Говорили даже, и нѣкоторые историкки подтверждаютъ, будто онъ предлагалъ отдать подъ судъ своего отца, герцога Лерму.

Король содрогался и отвергалъ это предложеніе, когда Аллыага вошелъ.

Когда духовнику сказали въ чемъ дѣло, онъ взглянулъ на Уседа и тотъ потупилъ глаза. Король взялъ предложенное повелѣніе и бросилъ въ уголъ.

— Прекрасно, ваше величество, сказалъ Аллыага: вамъ всегда слѣдуетъ спрашиваться не насъ, а своего сердца. Я съ своей стороны пришелъ предложить повелѣніе, которое надѣюсь и герцогъ Уседа одобрить.

Послѣднія слова были произнесены такъ почтительно, что герцогъ не могъ обидѣться.

— Посмотримъ въ чемъ дѣло, почтеннѣйшій аббатъ, отвѣчалъ онъ тономъ, приличнымъ министру.

— Слишкомъ много крови уже пролито въ горахъ Альбарасина. Не насильственными мѣрами, а кротостью и убѣжденіемъ нужно принудить Мавровъ положить оружіе. Я предложилъ бы вашему величеству самимъ ѣхать для устроенія этого мира. Но напередъ, полагаю, нужно будетъ приказать донъ Августину де-Мехинъ прекратить военныя дѣйствія.

— Я съ этимъ совершенно согласенъ, важно отвѣчалъ Уседа: если его величеству будетъ угодно, я сейчасъ же отправлю курьера.

— Пошлите, герцогъ. Это будетъ намъ пріятно, сказалъ король.

— Я желаю повергнуть на разсмотрѣніе вашего величества еще

предложеніе въ видахъ пользы государства вообще и пользы господина министра въ-особенностъ.

— Говори, Алъяга, сказалъ король, который съ нѣкоторыхъ поръ сталъ находить новое удовольствіе въ занятіяхъ дѣлами правленія.

— Есть люди, которыхъ ваше величество иногда удостоивали довѣренности и которые между-тѣмъ, къ сожалѣнію, мало заслуживаютъ ея. Это езуиты Хероме и Эскобаръ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ король: мнѣ кажется, однако жъ, что они не глупые люди.

— Тѣмъ-то они и опаснѣе. Хероме уже клеветалъ вашему величеству на герцога Лерму.

— И скоро будутъ клеветать на другихъ! вскричалъ съ жностью Уседа, вспомнивъ о страшномъ доносѣ. Во-первыхъ, продолжалъ онъ, я очень хорошо знаю, что они отъявленные враги аббата Алъяга.

— А я думаю, что они не лучше расположены и къ новому министру, замѣтилъ Алъяга съ улыбкою.

— Между-тѣмъ, я осыпалъ ихъ благодѣяніями! сказалъ со вздохомъ Уседа.

— Я позволю себѣ только напомнить вашему величеству превосходный рапортъ объ ордени езуитовъ, не очень давно составленный герцогомъ Уседой, который ясно приводилъ къ заключенію, что изгнаніе ихъ необходимо.

— Это правда. Но это была идея герцога Лермы.

— Всѣ-равно. Герцогъ Уседа слишкомъ разсудителенъ, чтобы отвергать хорошую идею, отъ кого бы она ни происходила.

— Такъ ты, Алъяга, находишь, что мысль изгнать езуитовъ — хорошая мысль?

— Прекрасная, ваше величество. Съ условіемъ, однако жъ, чтобы не было употреблено никакого насилія противъ нихъ и чтобы имъ оставили въ полное и свободное распоряженіе все ихъ имущество.

— Я бы конфисковалъ имѣніе, замѣтилъ Уседа.

— К чему? возразилъ Алъяга. Мы изгоняемъ ихъ не за преступленіе, доказанное судомъ, а за вредныя ученія, которыя до имущества не касаются.

Уседа поспѣшилъ согласиться съ мнѣніемъ королевскаго духовника и вызвался на другой же день изготовить и отправить повелѣніе.

Между-тѣмъ король распечаталъ и просмотрѣлъ нѣсколько кон-

вертовъ и писемъ, что съ нимъ почти никогда не случалось. Онъ даже прочиталъ нѣкоторыя, продолжая впрочемъ слушать министра и духовника.

Между прочимъ одно письмо вдругъ привлекло все его вниманіе. Онъ прочиталъ его, съ трудомъ переводя дыханіе. Лицо его поблѣднѣло, руки задрожали.

— Что съ вами, ваше величество? Что случилось? вскричалъ Альяга въ испугѣ.

— Вотъ!... вотъ письмо отъ маркиза Касарены! отвѣчалъ король.

— Отъ губернатора Валенсіи!

— Посмотри.... читай!

Альяга пробѣжалъ письмо и также поблѣднѣлъ. Первое слово, которое поразило его, было имя — Анха.

=

ПИКИЛЬО АЛЫАГА,

ИЛИ

МАВРЫ ПРИ ФИЛИШЪ-ТРЕТЬЕМЪ.

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СКРИВА.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Бросивъ капитана Джіампіетри и вѣрнаго Педральви въ море, Хуанъ-Батиста вскричалъ :

— Сюда, ребята! корабль и сокровища, все наше!

Въ эту минуту Хуанита хотѣла-было выйти на палубу, но испугалась и воротилась въ трюмъ, чтобы позвать Педральви.

Педральви не отвѣчалъ на зовъ.

Лишенная единственнаго своего защитника, единственнаго человѣка, который поддерживалъ въ ней мужество и внушалъ ей довѣренность, Хуанита бросилась въ каюту къ Анхѣ и Деласкару. Это была самая большая, самая богатая и удобная каюта на всемъ суднѣ.

Услышавъ страшный шумъ и крики надъ головами, всѣ женщины также бросились къ своей госпожѣ и окружили ее. Мужчинъ съ ними на кораблѣ было немного и тѣ безоружные. Они

заняли входъ въ каюту, чтобы защитить отъ непріятеля; но эта преграда была слишкомъ ничтожна для вооруженныхъ бандитовъ.

Разбойники вытащили всю кладь и узлы изгнанниковъ на палубу и, не находя желанныхъ сокровищъ, пошли шарить по всѣмъ угламъ въ каютахъ и въ трюмѣ. Бальсейро бросился въ главную каюту и однимъ ударомъ топора раздробилъ дверь. Бандиты съ неистовствомъ повторяли крикъ :

— Ура, капитанъ Бальсейро! ура, нашъ капитанъ!

При этомъ ужасномъ имени смертельный холодъ пробѣжалъ по жиламъ Анхи. Она увидѣла, что не ошиблась. Она еще накануне узнала Бальсейро, бандита, во власти котораго находилась нѣсколько минутъ въ Сантаремскомъ Замкѣ. Она уже знала, на чтѣ способенъ этотъ дерзкій негодяй. Не будь Пикильо, она уже испытала бы Богъ знаетъ какое униженіе. А теперь и она и престарѣлый отецъ и всѣ ея женщины беззащитно преданы во власть этого разбойника.

Деласкаръ затрепеталъ, не за себя, а за свою любимую дочь. Онъ громко призывалъ Бога отцовъ своихъ, чтобы защитилъ ее отъ позору.

— Будьте спокойны, батюшка, говорила Анха: живая я не буду въ рукахъ разбойниковъ.

И черные глаза ея сверкали мужествомъ и отчаяніемъ, между тѣмъ какъ дрожащая рука сжимала маленькій хрустальный флаконъ.

Отецъ съ глубокою скорбью посмотрѣлъ на блѣдное, но всегда прекрасное лицо дочери, и ничего не сказалъ. У него не было словъ.

— Слышите! слышите!... кричали съ ужасомъ женщины: какой крикъ!... Тамъ дерутся!...

— Это мои вѣрные слуги защищаютъ меня, сказалъ Деласкаръ.

Въ самомъ дѣлѣ это его вѣрныхъ слугъ рѣзали разбойники.

Бальсейро и его товарищи напрасно обшарили все судно, которое считали нагруженнымъ богатствами. Они рассчитывали, что по локти запустятъ руки въ золото, жемчугъ и алмазы. Но д'Альберикъ былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы забирать съ собою свои сокровища. Они лежали гораздо безопаснѣе въ подземельѣ, въ Вальпараисо.

Забравшись въ трюмъ, бандиты открыли только, что въ суднѣ,

которое вообще было въ довольно плохомъ состояніи, во многихъ мѣстахъ оказалась течь.

— Намъ недостаетъ только сдѣлаться добычею акулъ! вскричалъ Бальсейро съ страшными ругательствами: выкачивай воду, ребята! за работу!

Но всё усилія ихъ оставались тщетными. Судно было слишкомъ нагружено.

— Такъ что же раньше никто не сказалъ? вскричалъ Бальсейро: бросай лишній грузъ въ море! Начинай съ этого мавританскаго стада, которое толпится у дверей стараго лѣшаго Деласкара!... Видишь они, собаки, собрались всё на одну сторону, оттого судно накренивается. Эй, вы! раздайся! Мнѣ нужно поговорить съ вашимъ хозяиномъ. Дорогу!

Но вмѣсто повиновенія Мавры еще плотнѣе сдвинулись вокругъ своего господина.

— Мнѣ нуженъ свѣтъ и чистый воздухъ! продолжалъ пиратъ съ дикимъ смѣхомъ и принялся направо и налево отмахивать топоромъ.

Въ нѣсколько мгновеній вокругъ него попадало нѣсколько окровавленныхъ труповъ. Другіе бандиты поспѣшили принять участіе въ этой кровавой жатвѣ и увлекая убитыхъ и раненныхъ, бросали за бортъ въ море. Это капитанъ Бальсейро называлъ убавить грузу.

Долго еще слышались отчаянные крики несчастныхъ жертвъ, которые только безоружными руками могли отбиваться отъ ножей и топоровъ.

Наконецъ послѣдній стонъ отчаянія, послѣднее хрипѣніе умирающихъ потонуло въ смѣшанныхъ съ кровію волнахъ. Послѣдніе Абенсерраги пали подъ топорами палачей, подобно тому, какъ предки ихъ вѣкогда погибли въ Львиномъ Рвѣ.

Бальсейро съ окровавленнымъ топоромъ въ рукахъ подошелъ къ очищенному порогу Деласкаровой каюты и ударомъ топора раздробилъ тонкую досчатую дверь. Сквозь отверстіе Анха увидѣла сверкающее оружіе и горячіе глаза изверга.

Женщины онѣмѣли отъ ужасу, когда онъ явился передъ ними на порогѣ, дикій, страшный, облитый кровью. Устремленные на Анху глаза его, казалось, заранѣе упивались восторгомъ мщенія.

— А! сказалъ онъ съ адскою улыбкой: мы здѣсь уже не въ Сантаремскомъ Замкѣ! Здѣсь уже нѣтъ ни брата, ни любовника, ни корректора. Здѣсь намъ уже никто не помѣшаетъ, прибавилъ онъ съ страшнымъ ругательствомъ: здѣсь кругомъ море...

море и мы. Выбирайте, сударыня!... Впрочемъ, послушай ты, старикъ, прибавилъ онъ еще, обращаясь къ Деласкару: ты можешь, я думаю, предложить намъ выкупъ, достойный тебя и насъ. Скажи, куда ты спряталъ свои богатства, и тогда мы посмотримъ....

Деласкаръ не отвѣчалъ и только судорожно прижалъ къ груди свою дочь.

— А! ты молчишь! продолжалъ Бальсейро: хорошо же! Эй! товарищи! Деньги старикъ припряталъ, такъ берите, что есть. Вотъ толпа бабъ и дѣвокъ.... Это ваше. Я на свою долю беру только одну.

Бандиты вслѣдъ за капитаномъ ворвались въ каюту.

Деласкаръ бросился, чтобы загородить собою Анху и такъ жѣстко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, что Бальсейро напрасно силится разнять руки.

Тогда, не уважая ни справедливой скорби, ни величія старости и званія отца, бандитъ занесъ страшный топоръ.

Анха вскрикнула, вырвалась изъ отцовскихъ объятій и бросилась къ ногамъ чудовища.

Но было уже поздно: топоръ сверкнулъ и старикъ съ раздвоеннымъ черепомъ повалился съ послѣднимъ стономъ:

— Дочь моя!...

Въ эту минуту судно дрогнуло отъ сильнаго толчка, съѣвъ на мель или на подводный камень. Бандиты оторопѣли и покинули трупъ Деласкара, который хотѣли вырвать изъ рукъ дочери, чтобы бросить въ море. За страшнымъ шумомъ на суднѣ наступила минута гробоваго молчанія. Потомъ бандиты снова вздрогнули.

Раздался пушечный выстрѣлъ.

Ядромъ перешибло большую мачту, которая съ трескомъ обрушилась на палубу.

Вотъ, что случилось:

Экипажъ капитана Бальсейро очень мало смыслилъ въ мореходствѣ и сверхъ-того увлеченный жаждою добычи совершенно покинулъ судно на произволъ вѣтровъ, забывъ заботу и о парусахъ и о рулѣ. Вѣтеръ повнесъ его къ берегу и скоро посадилъ на мель.

Между-тѣмъ давно уже казенная яхта примѣтила «Санъ-Лу-жаръ» и идя вслѣдъ дѣлала сигналы, на которые на «Санъ-Лу-жаръ» никто не обращалъ вниманія, за недосугомъ.

Раздосадованный этимъ невѣжествомъ или упорствомъ, капи-

тань «Вера-Круса», — это была яхта, посланная на розыски, — въ видѣ болѣе убѣдительнаго увѣщанія послалъ ядро и приказалъ спустить двѣ шлюбки съ вооруженными людьми, потому что не могъ съ яхтою идти далѣе, изъ опасенія также съѣсть на мель.

Когда Бальсейро выскочилъ на палубу и увидѣлъ довольно близко подошедшую военную яхту и въ-особенности двѣ шлюбки, наполненныя солдатами, то догадался, что отъ сраженія ничего не выиграеть кромѣ пухъ предварительно и веревки въ заключеніе.

Онъ поспѣшно поднесъ къ губамъ свистокъ и бандиты сбѣжались на зовъ атамана. Бальсейро отдалъ только одинъ приказъ :

— Спасайся, кто можетъ!

И, не думая подражать капитанамъ, которые въ-случаѣ опасности остаются послѣдніе на кораблѣ, Бальсейро первый бросился въ спущенную шлюбку. Товарищи послѣдовали его примѣру. Кто не успѣлъ попасть въ лодку, пустился вплавь. Къ счастью для нихъ, берегъ былъ не далеко. Они скоро все выбрались на землю неподалеку отъ Эстепоны и скрылись въ ближнемъ лѣсу.

Шлюбки между-тѣмъ причалили къ «Санъ-Лукару», гдѣ оставались только Анха, Хуанита и ихъ женщины. Судно, на мели, съ сломленною мачтой, было совершенно неспособно къ службѣ.

«Вера-Крусомъ» командовалъ молодой капитанъ донъ Лопесъ де-Сильва. Онъ охотно принялся исполнять приказаніе губернатора служить герцогинѣ Сантаремъ, когда увидѣлъ ее, въ отчаяніи и скорби по отцѣ, и когда его глубоко тронуло положеніе несчастной.

Ее поспѣшили перевезть на королевскую яхту, а «Санъ-Лукаръ» съ приливомъ снялся съ мели и черезъ нѣсколько времени, швыряемый бурей какъ мячъ, опять наскочилъ на подводную банку у береговъ Каррагена.

Та же самая буря настигла и «Вера-Крусъ». Она откинула легкую яхту такъ далеко въ море и противный порывистый вѣтеръ дулъ такъ долго и упорно, что капитанъ де-Сильва прибылъ въ Валенсію уже спустя двѣ недѣли послѣ принятія герцогини Сантаремъ.

Анха снова увидѣла свою родину. Но какъ много измѣнилось на этой родинѣ, какъ много измѣнилась сама Анха! Смерть отдала все прикрывала въ глазахъ ея чернымъ пологомъ и видъ края,

когда-то богатаго предмета мильми, теперь пробуждалъ только рядъ горькихъ, прискорбныхъ воспоминаній.

Ею овладѣвалъ еще другой страхъ. Хотя ей на «Вера-Крусъ» оказывали всевозможное почтеніе; хотя съ нею обращались болѣе какъ съ королевою нежели какъ съ изгнанницей, однако жъ ее возвращали въ Испанію по повелѣнію короля. Для чего? затѣмъ? Этого донъ-Лопесъ не могъ разрѣшить и отвѣчалъ только почтительнымъ молчаніемъ.

По выходѣ на берегъ въ Валенсію, тревога Анхи еще усилилась. Искандъ въ горахъ Альбарасина предводитъ толпой мятежниковъ; донъ Августинъ де-Мехія съ отборнѣйшимъ испанскимъ войскомъ ведетъ противъ нихъ нестремительную войну и, къ довершенію скорби, самъ д'Альбанда, самъ Фернандъ, сражается съ ея единокровнымъ братомъ! Вотъ первыя вѣсти, какія герцогиня Сантаремъ получила по возвращеніи на родину.

Обо всемъ этомъ герцогиня узнала отъ вице-роя Валенсіи, маркиза Касарены, который успѣшилъ привѣтствовать ее въ гавани, на кораблѣ, лишь-только «Вера-Крусъ» сталъ на якорь. Согласно королевскому повелѣнію маркизъ почтительно предложилъ свои услуги и спросилъ, гдѣ ея свѣтлости угодно будетъ остановиться передъ отъѣздомъ въ Мадридъ.

— Въ домѣ моего отца, Деласкара д'Альберика, если онъ не конфискованъ, отвѣчала Анха.

— Это бы ничего, если бъ былъ конфискованъ, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ Касарена: конфискація уже отиѣлена повелѣніемъ его величества.... Но...

— Онъ уже разграбленъ?

— Хуже, герцогиня.

— Чтò же еще?

— Домъ вашего отца сожженъ.

— Сожженъ? вскричала Анха съ ужасомъ.

— Совершенно, отвѣчалъ маркизъ: мы получили извѣстіе, что альбарасинскіе мятежники убили у насъ множество людей, лучшихъ нашихъ солдатъ.... Это бы еще ничего! Но вслѣдъ затѣмъ мы узнали, что они захватили въ плѣнъ великаго-инквизитора Бернарда Сандовалю.... Мало этого! Разбойники истерзали его.

— Убили? вскричала герцогиня съ ужасомъ.

— Да. Я получилъ это извѣстіе черезъ моего дядю герцога-кардинала вмѣстѣ съ повелѣніемъ о назначеніи нашего благочестиваго архіепископа Рибейры въ должность великаго инквизитора. Вамъ извѣстно пламенное, восторженное усердіе къ вѣрѣ,

который почтенный прелатъ прославился не только въ Испаніи, но и во всемъ христіанствѣ. Передъ отправленіемъ въ Мадридъ онъ захотѣлъ справить достойную трізну по своему предшествованію. На площади передъ соборомъ, онъ произнесъ рѣчь противъ еретиковъ, вызывая христіанъ въ крестовый походъ противъ Мавровъ. Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, такъ увлекательно, что всѣ слушатели вдругъ разбѣжались по всему городу съ горящими факелами въ рукахъ и подожгли всѣ дома, принадлежавшіе Маврамъ, начиная съ дому вашего отца.

— И вы позволили?

— Да что жъ мнѣ было дѣлать? Они не спрашивали моего позволенія. Я напрасно удерживалъ ихъ, напрасно убѣждалъ и грозилъ... себѣ же надѣлали дѣла! Огонь тоже не спросилъ, которое чье: спалилъ нѣсколько собственныхъ ихъ же домовъ. И моихъ два дома сгорѣло. Потомъ архіепископъ отправился въ Альбарасинъ, увлекая за собою всѣхъ жителей деревень. Теперь они идутъ, жгутъ и истребляютъ все, что попадетъ, даже нѣвія отиѣнно католическія, и я даже не совѣтовалъ бы вамъ, герцогиня, ѣхать теперь въ Вальнарайсо.

— Развѣ вы не можете защитить насъ?

— Я готовъ служить вамъ со всею преданностью, герцогиня. Я даже обязанъ къ тому королевскимъ повелѣніемъ. Но... у меня всего нѣсколько человѣкъ альгуасиловъ, на которыхъ я не смѣю положиться. Всѣхъ вооруженныхъ людей забралъ донъ Августинъ де-Мехія. Ему они нужны, чтобы управиться съ бунтовщиками. Вотъ обстоятельства, которыя я желалъ объяснить вамъ, герцогиня, прежде нежели вы вступите въ Валенсію, прибавилъ маркизъ съ поклономъ.

Анхъ раздумывала. Гдѣ искать убѣжища? гдѣ найти покровителя? Она не могла и не смѣла обратиться къ Фернанду д'Альбайдѣ. Изъ братьевъ ея, Исидъ находился въ ущельяхъ Альбарасина, среди своего ополченія, а Пикильо въ Мадридѣ, при королевскомъ дворѣ. Дочь Деласкара д'Альберниа чувствовала, что ни у того, ни у другаго ей нѣтъ мѣста, и тогда она вспомнила, что у нея есть еще сестра, подруга дѣтства.

— Я поѣду къ Карменъ, вскричала она: тамъ я могу жить, тамъ я хочу умереть. Да. Я увѣрена въ ея сердцѣ. Дочь донъ Хуана д'Агилара приметъ меня въ стѣнахъ своего монастыря. Она приметъ меня и Хуанту и бѣдныхъ жещицъ, которыя сопровождаютъ меня и которыхъ я обязана защищать.

Анха такъ и рѣшила. Она объявила вице-рою, что намѣрена отправиться въ Пампелуну, въ Благовѣщенскій Монастырь, гдѣ настоятельница была сеньора Карменъ д'Агиларъ.

Трудность состояла только въ томъ, какъ туда отправиться. Почти не было возможности проѣхать по Валенсіи, которую всюду грабили; Альбарасину, гдѣ непрерывно сражались, Арагоніи, которая также была уже не спокойна. Маркизь Касарена, которому король поручилъ герцогиню Сантаремъ подъ отвѣтственностью головой и мѣстомъ, былъ въ страшной тревогѣ. Но Анха сама избавила его отъ затрудненія. Она рѣшилась не сходить съ яхты «Вера-Крусъ» въ Валенсію, а продолжать путь моремъ до Барселоны, чтобы потомъ проѣхать сухимъ путемъ черезъ Каталонію.

Вице-рой былъ въ восхищеніи отъ этого плана и, раскланявшись съ герцогиней, поспѣшилъ домой, писать королю подробный рапортъ обо всемъ, что сдѣлалъ для государства и къ удовольствію ея свѣтлости герцогини де-Сантаремъ.

Это самое письмо распечатывалъ и читалъ король Филиппъ, когда герцогъ Уседа объяснялъ ему политическія мѣры, какія намѣревался принять противъ твореній и друзей послѣдняго министра.

Король ничего не слышалъ и не слушалъ: у него была только одна мысль. Герцогиня Сантаремъ находилась въ Благовѣщенскомъ Монастырѣ, въ Пампелунѣ, и съ той минуты всѣ помышленія его обратились къ этой провинціи. Изъ всѣхъ испанскихъ и индійскихъ владѣній его обширнаго государства одинъ этотъ край впервые сталъ привлекать и занимать его.

Онъ остановилъ Уседу на половинѣ предложенія, на которое не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, и сказалъ:

— Я совершенно согласенъ съ вами, герцогъ.

— Очень радъ, ваше величество, и буду дѣйствовать согласно желаніямъ моего монарха. Родригъ Кальдеронъ сегодня же будетъ арестованъ.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ король, вовсе не разслушавъ, что говорить новый министръ. Я замѣчу только одно, продолжалъ онъ: намъ необходимо.... совершенно необходимо поддерживать дружественный союзъ съ Франціею.

Аллиага, который въ это время внимательно читалъ переданное королемъ письмо вице-роя валенсійскаго, съ удивленіемъ остановился, когда услышалъ, что Филиппъ самъ высказываетъ

политическое мнѣніе. Но удивленіе это прошло, когда король прибавилъ:

— Въ прошлый разъ, въ совѣтѣ говорили о свиданіи между мною и регентшею Франціи, Марією Медичи. Хотѣли назначить это свиданіе въ Пампелунѣ.

— Ваше величество не изволили одобрить этой мысли, отвѣчалъ министръ.

— Да, но я ошибался.... я передумалъ. Для свиданія государей это мѣсто самое приличное.... на границѣ Франціи и Испаніи.... Притомъ Пампелуна очень пріятный городъ.

— Очень пріятный, ваше величество.

— Надобно написать къ д'Эпернону и къ маршалу д'Анкру или, еще лучше, къ Элеонорѣ Галиган, чтобы поговорили съ регентшею объ этомъ свиданіи. Я желаю, чтобы оно состоялось какъ можно скорѣе. Устройте это, герцогъ. А мы съ Алльягой между-тѣмъ отправимся завтра же.

— Но.... подумайте, ваше величество, возразилъ Уседа съ замѣшательствомъ: возможно ли такъ скоро! Нужны цѣлые мѣсяцы, чтобы уладить съ Франціею подобное дѣло. Могутъ встрѣтиться затрудненія....

— Я не хочу знать никакихъ затрудненій. Мы завтра ѣдемъ.

— Не обождать и отвѣта отъ Маріи Медичи?

— Начтѣ? Каковъ бы ни былъ ея отвѣтъ, мы всё-таки можемъ ѣхать. Это будетъ для меня случай проѣхать Аррагонію, Наварру и даже Бискаю. Мы не посѣтили еще ни одной изъ этихъ провинцій со времени перваго года нашего царствованія. При герцогѣ Лермѣ мы путешествовали только въ Вальядолидъ, который невыразимо надоѣлъ мнѣ. Король долженъ показываться всѣмъ своимъ подданнымъ и долженъ все видѣть самъ... Не правда ли, Алльяга?

— Совершенная правда, ваше величество, отвѣчалъ Алльяга, который самъ желалъ, чтобы король скорѣе повидался съ Анхой.

На другой день Мадриту объявили, что король ѣдетъ обозрѣвать провинціи.

Анха между-тѣмъ благополучно прибыла въ Барселону. Капитанъ яхты «Вера-Крусъ» передалъ губернатору этого города приказанія вице-роя валенсійскаго или, лучше сказать, повелѣніе самого короля, и всѣ мѣры были приняты, чтобы герцогиня Салтаремъ могла безопасно и удобно проѣхать черезъ Каталонію и Наварру.

Молодая настоятельница Благовѣщенскаго Монастыря, Карменъ, окончивъ свой годъ послушничества и готовилась вскорѣ произнести священный обѣтъ. Несчастливая отказалась отъ міра, отъ удовольствій и отъ сластія. Она уже смотрѣла на себя, какъ на мертвую, но вдругъ опять почувствовала возрожденіе, когда увидѣла Анху.

Этотъ другъ, эта милая, любимая сестра возвратила ей жизнь. Ей казалось, что она на минуту возвращается изъ гроба, чтобы еще разъ обнять свою дорогую сестру, еще немножко испытать любви. Самое мѣсто свиданія сильнѣе возбуждало чувство и волновало ея сердце. Въ этихъ мѣстахъ протекло ихъ дѣтство; здѣсь началась ихъ дружба; здѣсь ощутили они первыя радости, первыя удовольствія и, быть-можетъ, также первое страданіе, отъ котораго обѣ умирали. Недалеко отъ этого монастыря стоялъ домъ донъ Хуана д'Агилара. Недалеко также находилась и его могила. Видя Анху, облеченную въ длинное черное покрывало и въ черную одежду, Карменъ безпокойнымъ взглядомъ выразила вопросъ и слезы сестры дали безмолвный отвѣтъ: она также лишилась отца.

Ахъ! сколько событій совершилось втеченіи одного года! Сколько несчастій, сколько страданій сестры могли рассказать другъ другу! У Карменъ было одно и все то же.... Но она не хотѣла говорить объ немъ. Она умирала медленно, безъ жалобы, съ улыбкой на устахъ. Анха по крайней-мѣрѣ могла плакать и Карменъ завидовала ея счастью.

Хуанита и другія Мавританки, сопровождавшія герцогиню Сантаремъ, нашли въ Благовѣщенскомъ Монастырѣ самое нѣжное и внимательное гостепримство. Онѣ могли воображать себя въ кругу своихъ семействъ, потому что Карменъ обращалась съ ними, какъ съ родными сестрами, и этому примѣру слѣдовали всѣ монахини, у которыхъ Карменъ была идоломъ.

Анха жила въ келліѣ своей сестры. Онѣ не разлучались. Карменъ находила столько предметовъ къ разговорамъ! Она разспрашивала Анху обо всемъ, даже о Фернандѣ д'Альбайдѣ. Она была убѣждена, что можетъ-быть совершенно равнодушна къ нему съ-тѣхъ-поръ, какъ ей удалось произнести его имя безъ трепету и не краснѣя.

Тогда Анха осторожно, вполголоса, какъ поразительную вѣсть, сообщила сестрѣ мысли и намѣренія Фернанда впоследствии, современемъ жениться. Она и не подозрѣвала, что Карменъ давно знаетъ это, давно ожидаетъ и даже желаетъ этого союза.... Такъ

по-врайшей-мѣрѣ думала сама Карменъ. А между-тѣмъ, когда Анха заговорила объ этомъ, несчастная дѣвушка едва не лишилась чувствъ и въ первый разъ, быть-можетъ, она благословила свою одежду послушницы и свой широкій, бѣлый капюшонъ, который скрывалъ ея блѣдность.

Посреди этихъ изліяній, посреди бесѣдъ жестокихъ, мучительныхъ и всё-таки подѣ-часъ отрадныхъ, подруги насладились нѣсколькими днями отдыха, испытали наслажденіе, какого давно уже не знавали. Но и это счастье было непродолжительно. Спокойствіе ихъ было нарушено вовсе неожиданныю гостьей.

Пріѣхала графиня д'Альтамира.

Обманутая въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ, покинутая политическими друзьями, изгнанная за шестьдесятъ миль отъ Мадрита, графиня могла почитать себя навсегда пропащею, и всё считали ее такою, всё, кромѣ ея самой. Но до начала новыхъ интригъ, до избранія новыхъ союзниковъ, которые современемъ опять могли измѣнить и отъ которыхъ сама при случаѣ готова была отречься, графиня д'Альтамира выбирала только мѣсто, гдѣ бы поселиться по-выгоднѣе. Она сначала хотѣла-было отправиться въ свой замокъ Дуэро, въ окрестности Вальядолида, но Вальядолидъ лежитъ только въ сорока миляхъ отъ столицы и изгнанницѣ не позволили бы поселиться такъ близко, въ мѣстѣ куда перѣзжалъ весь дворъ. Она вспомнила о своей племянницѣ, Карменъ д'Агиларъ, и разсудила, что въ Благовѣщенскомъ Монастырѣ, въ Пампелунѣ, можетъ жить спокойно какъ въ своемъ домѣ. Пампелуна лежитъ въ осьмидесяти миляхъ отъ Мадрита. Сверхъ-того Пампелуна почти на границѣ Франціи, недалеко отъ маршальши д'Анкрь, Элеоноры Галиган, любимицы Маріи Медичи, куда графиня располагала оборотить новыя свои баттаренъ.

Она явилась къ своей племянницѣ съ распростертыми объятіями и очень изумилась, когда нашла тамъ Анху, смертельнаго врага и вѣроятную причину своей опалы. Первымъ движеніемъ ея была досада; вторымъ почти удовольствіе. Жить въ изгнаніи скучно и стараніе погубить непамятнаго врага всё-таки можетъ доставить нѣкоторымъ душамъ развлеченіе. Графиня вознамѣрилась посвятить все свое время этому занятію.

Въ то время король Филиппъ уже находился въ дорогѣ. Этикетъ предписывалъ двору путешествовать небольшими перѣздами, къ великому нетерпѣнію и досадѣ его величества, который находилъ разстояніе между Мадритомъ и Пампелуною далекимъ до безконечности.

На всякую остановку въ пути, на всякій привалъ онъ смотрѣлъ какъ на несчастіе. Никогда еще онъ не принималъ ключи городовъ и рѣчи городскихъ чиновъ и цвѣточныя корзинки дѣвушекъ, торжественно наряженныхъ въ бѣлыя одежды, съ улыбкою болѣе принужденною и горькою. Никогда еще онъ столько не досадовалъ на губернаторовъ, алькадовъ и коррехидоровъ. Онъ впервые увидѣлъ, что это скупѣйшій и несносѣйшій народъ въ мірѣ.

Единственное развлеченіе отъ скуки онъ находилъ въ бесѣдѣ съ Аллыагой, котораго не отпускалъ отъ себя ни на шагъ. И всѣ кричали: «Какой благочестивый государь! Онъ вѣчно бесѣдуетъ съ своимъ духовникомъ».

Государь не говорилъ ни о чемъ, кромѣ герцогини Сантаремъ.

Съ-тѣхъ-поръ какъ не стало герцога Лермы, графини д'Альтампра и въ-особенности великаго-инквизитора Сандоваля, которые пугали его небомъ, инквизиціею и дворянствомъ, король сдѣлался удивительно смѣлымъ. Онъ говорилъ себѣ, что наравнѣ со всѣми своими подданными имѣетъ право быть счастливымъ, и начиналъ даже понимать, что менѣе грѣха будетъ королю тайно жениться на женщинѣ, которую любить, чѣмъ открыто взять ее въ любовницы.

Оставалась только статья объ обращеніи и крещеніи Анхи: только это еще возмущало его любовныя мечты и набрасывало черную тѣнь на золотыя облака, сквозь которыя ему представлялось будущее. Но Аллыага брался убѣдить и склонить сестру. За это король всѣхъ Испаній и Индій и ухаживалъ такъ за своимъ духовникомъ, ласкалъ его, льстилъ и почти служилъ ему, какъ и всѣ придворные. Король уже радовался, когда увидѣлъ, что совершилъ половину пути. Онъ переѣхалъ цѣпь горъ и приближался къ Эбро. Послѣ довольно утомительнаго переѣзда въ этомъ краю, въ знойную пору, дворъ остановился въ Калагоррѣ, маленькомъ городкѣ, знаменитомъ великою побѣдою, которую нѣкогда христіане одержали въ первый разъ надъ всегдашними своими побѣдителями, Маврами.

Прибытіе двора, хотя и давно уже ожиданное, взволновало весь городъ. Захлопотали о помѣщеніи экипажей, обоза и свиты. Лучшаго зданія, коррехидорова дома едва достаточно было для короля и Филиппъ впервые впродолженіи этого путешествія принужденъ былъ разстаться съ своимъ духовникомъ.

Аллыага остановился въ частномъ домѣ и, между-тѣмъ какъ ему приготовляли ужинъ, подошелъ къ отворенному окну, чтобы

насладиться прохладою ночи. Дорога изъ Мадрита въ Пампелуну была для него неизсякаемымъ источникомъ чувствованій и воспоминаній: всѣ событія его тревожной жизни одно за другимъ возрождались въ его воображеніи. Судьба постепенно то осыпала его милостями, то тѣснила жестокостями и онъ, какъ обыкновенно, съ большимъ удовольствіемъ останавливалъ мысль свою на дняхъ испытаній, чѣмъ на дняхъ счастья и удачи. Онъ задумывался о самыхъ печальныхъ, самыхъ мрачныхъ дняхъ своей жизни, о продолжительной неволѣ въ горахъ толедскихъ, и въ эту самую минуту подъ окнами у него раздались звуки гитары и поющій голосъ. Какой-то бѣдный странствующій музыкантъ старался обратить на себя его вниманіе и въ-особенности милостивую подачу. Алліага никогда не забывалъ того времени, когда носилъ только имя Пикильо. Всякій нищій имѣлъ право на его участіе. Онъ бросилъ музыканту нѣсколько монетъ, но тотъ не думалъ уходить, а напротивъ, еще сильнѣе и какъ-будто съ отчаяніемъ наигрывалъ пѣсню, замѣчательную по варварству и дикости своихъ аккордовъ. Алліага сначала старался уклониться отъ этой раздирающей музыки, но потомъ она мало-по-малу начала привлекать его и стала пробуждать какія-то страшныя, неизъяснимыя чувствованія. Ему казалось, что эти дикіе звуки уже не въ первый разъ поражаютъ или, лучше сказать, раздражаютъ его слухъ. Ему казалось, что онъ уже слышалъ эту пѣсню при какомъ-то страшномъ и тревожномъ обстоятельстве своей жизни, и вдругъ память его пробудилась. Это была та самая пѣсня, которую Педральви пѣлъ подъ стѣнами Айгадорскаго Монастыря, когда Пикильо сидѣлъ подъ арестомъ у отца Ромейро, по распоряженію архіепископа Рибейры.

Было слишкомъ темно: Алліага не могъ узнать въ лицо странствующаго пѣвца, который, повидимому, еще старался укрыться. Это обстоятельство еще болѣе возбудило вниманіе Алліаги. Онъ не посмѣлъ однако жъ призвать нищаго къ себѣ и, уловивъ минуту, когда его оставили одного, вышелъ самъ на улицу, предположивъ на случай вопроса сказать, что намѣренъ былъ прогуляться.

Онъ пошелъ прямо къ странствующему пѣвцу. Тотъ удалялся, однако жъ такъ, чтобы не совсѣмъ скрыться изъ виду. Алліага послѣдовалъ за нимъ. Незнакомецъ направилъ шагн въ уединенную улицу, которою вышелъ на площадку обставленную деревьями, неподалеку отъ городской стѣны. Тутъ, осмотрѣвшись кругомъ

и видя, что никого посторонняго нѣтъ, онъ остановился и, обращаясь къ королевскому духовнику, сказалъ съ чувствомъ :

— Пикильо ! братъ нашъ !

Пикильо узналъ Педральви и протянулъ руки, но сказалъ строгимъ тономъ :

— Я не могу признать за брата того, кто измѣнилъ своему слову. Я поручилъ тебѣ инквизитора Сандовая, а смерть его сдѣлалась новымъ источникомъ гоненій на насъ.

Педральви поспѣшилъ оправдаться и въ немногихъ словахъ разсказалъ страшную сцену въ гротѣ, гдѣ погибло столько несчастныхъ.

— Какъ ! вскричалъ Аллыага съ изумленіемъ: развѣ донъ Августинъ де-Мехія не получилъ королевскаго повелѣнія прекратить непріязненные дѣйствія ?

— Получилъ, но слишкомъ поздно.

Тутъ онъ разсказалъ, какъ страдало войско Исиды на вершинѣ неприступной горы, безъ пищи, и въ-особенности, когда у нихъ отвели воду. Видя неизбежную гибель, они предпочли смерть въ бою, гдѣ по-крайней-мѣрѣ могли еще нанести вредъ непріятелю и дорого продать свою жизнь. Они оставили свою неприступную позицію и старались проложить себѣ дорогу въ долину.

Этого-то и ожидалъ съ нетерпѣніемъ донъ Августинъ де-Мехія. Онъ бросился на нестройную толпу Мавровъ, истомленныхъ лишениями и едва способныхъ носить оружіе. Запальчивость, ярость его солдатъ была еще возбуждена присутствіемъ новаго инквизитора. Рибейра, патриархъ антиохійскій, архіепископъ валенсійскій, пресмникъ и мститель Сандовая, явился въ рядахъ испанской арміи съ крестомъ въ рукахъ и выступая впереди, именемъ неба и страшнаго суда запрещалъ давать малѣйшую пощаду еретикамъ.

Тогда началось сраженіе или, лучше сказать, страшная травля людей. Преслѣдуемые, тѣснимые во всѣхъ ущельяхъ, во всѣхъ пещерахъ и между утесами Альбарасина, Мавры не могли спуститься съ горы прямо навстрѣчу полкамъ донъ Августина и обратились на другой склонъ. Донъ Августинъ предвидѣлъ это движеніе, но зналъ также, что тамъ стоитъ донъ Фернандъ д'Альбайда. Чтобы поставить мятежниковъ между двухъ огней, генералъ пошелъ со всѣми своими колоннами по слѣдамъ ихъ, черезъ гору.

При этомъ извѣстїи благочестивый архіепископъ Рибейра прослезился отъ радости и въ глазахъ цѣлой арміи упалъ на колѣ-

ни, возсылая къ небу благодарственныя молитвы за торжество вѣры и истребленіе ереси. Но, на этотъ разъ, давая солдатамъ благословеніе на послѣднее сраженіе, онъ, совершенно противъ своего обыкновенія, увѣщевалъ щадить жизнь побѣжденныхъ и захватывать какъ-можно по-больше въ плѣнъ и представить въ распоряженіе инквизиціи. Онъ намѣрился въ Валенсіи, въ Сарагоссѣ, въ Толедо, въ Бургосѣ и во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Испаніи великолѣпными ауто-да-фѣ отпраздновать побѣду христіанъ надъ невѣрными и распалить такимъ образомъ во всѣхъ концахъ государства релігіозный энтузіазмъ, который уже начиналъ потухать.

Самъ онъ, не страшась ни какихъ трудовъ, ни опасностей, вмѣстѣ съ солдатами взбирался на крутизны Альбарасина, по слѣдамъ непріятеля.

Иесидъ видѣлъ неизбѣжную гибель. Спускаясь по другому склону горъ, къ морю, онъ долженъ былъ встрѣтиться съ Фернандомъ д'Альбайдой, противъ свѣжихъ и добрыхъ полковъ котораго ничего невозможно было сдѣлать съ горстью утомленныхъ и голодныхъ Мавровъ. Съ этой стороны въ долину вела только одна удобная дорога, та самая, по которой за нѣсколько дней назадъ были пригнаны стада и привезены провіантъ. Но посланные на развѣдки наши и эту дорогу уже завятою непріятельскимъ авангардомъ.

Всѣ пути были заграждены, а съ вершины горы испанскій главнокомандующій со всею своей арміей и съ страшнымъ архіепископомъ каждую минуту могъ грозою упасть ему на голову.

Въ это время Иесиду пришли сказать, что отъ донъ Фернанда д'Альбайды присланъ парламентаръ. Иесидъ поспѣшилъ принять.

Парламентаромъ былъ нашъ старій знакомецъ сеньоръ Фидальго д'Эстремосъ, недавно произведенный въ капитаны, благодаря столько же расположенію своего командира д'Альбайды, сколько личной храбрости во время лагерной стоянки у подошвы Альбарасина. Онъ пришелъ предложить Иесиду капитуляцію, которая одна еще могла спасти Мавровъ.

— Но на какихъ условіяхъ? спросилъ Иесидъ съ безпокойствомъ.

— На какихъ хотите, только поторопитесь, потому что если донъ Августинъ де-Мехія и архіепископъ Рибейра подошлютъ,

моему командиру уже невозможно будет договариваться съ вами.

— Понимаю. Ну, хорошо, вот мои условія: жизнь наша должна остаться неприкосновенною.

— Согласны.

— Всѣ мои Мавры должны быть тотчасъ же препровождены въ гавань альфанскую, гдѣ стоитъ испанскій флотъ.

— Согласны.

— Всѣхъ насъ должно отвезти на берегъ Франціи, въ Марсель, на землю, которая будетъ для насъ гостеприиміе Африки.

— Согласны.

Въ полчаса договоръ составили и подписали. Фернандъ понималъ, что время тратить опасно, и началъ исполнять этотъ договоръ. Подавъ несчастнымъ Маврамъ первую необходимую помощь, какой требовало ихъ состояніе, онъ въ тотъ же вечеръ болѣе двухъ третей ихъ арміи отправилъ на морской берегъ. Самымъ слабымъ и больнымъ назначено было отправиться на другой день, а до того они оставались плѣнниками въ испанскомъ лагерѣ, такъ же какъ и ихъ предводитель, который находился въ палаткѣ донъ Фернанда д'Альбайды.

Тесидъ, кромѣ радости свиданія, былъ проникнутъ признательностью къ своему благородному другу и сжимая его въ объятіяхъ благодарилъ за спасеніе братьевъ, когда съ форпостовъ дали знать о появленіи арміи донъ Августина.

Эта армія, не нашедши непріятели, котораго преслѣдовала почти по пятамъ, такъ же какъ и въ первый разъ готова была приписать дѣло дьявольскому наважденію и вообразить, что Мавры сдѣлались невидимками.

Но каковъ еще былъ благочестивый, святой гнѣвъ архіепископа, когда онъ узналъ о капитуляціи, которую подписалъ д'Альбайда!

— Главнокомандующій, мѣсяцъ тому назадъ, приказалъ мнѣ или истребить Мавровъ, которыхъ встрѣчу, или заставить ихъ положить оружіе, отвѣчалъ Фернандъ: вотъ этотъ приказъ моего генерала, а вотъ оружіе Мавровъ: они вчера положили его здѣсь.

— Вашъ генераль однако жъ не приказывалъ вамъ отправлять Мавровъ на берегъ и сажать на корабль.

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство. Но такъ угодно его величеству, королю. Въ повелѣніи объ изгнаніи, сказано, чтобы

всѣ командующіе отрядами и гарнизонами заботились о немедленномъ отправленіи на корабли всѣхъ Мавровъ, которые будутъ схвачены.

— Это повелѣніе нисколько не относится къ настоящимъ обстоятельствамъ.

— Это пусть рѣшитъ король и совѣтъ министровъ.

— Пусть рѣшитъ! пусть рѣшитъ! вскричалъ архіепископъ съ запальчивостью: но, какъ бы то ни было, продолжалъ онъ обращаясь къ донъ Августину: я надѣюсь, что церковь и святая вѣра найдутъ въ вашемъ лицѣ, генераль, болѣе ревностнаго защитника. Прикажете догнать бѣглецовъ, пока еще есть время. Чтò же касается до еретиковъ, которые еще находятся здѣсь въ лагерѣ, я требую, чтобы они вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ были переданы въ руки святой инквизиціи. Они принадлежатъ ей непремѣнно. Инквизиція, какъ специальное судилище, учрежденное въ огражденіе вѣры отъ ереси, одна имѣетъ право судить ихъ. Ктому же, прибавилъ онъ обративъ глаза къ небу: нужно, чтобы правосудіе было удовлетворено и никто, я надѣюсь, не оспоритъ у меня права отомстить за святаго архіепископа, мученика Берпарда Сандовала, растерзаннаго этими погаными еретиками.

Донъ Августинъ былъ отличный генераль, но плохой казуистъ и не зналъ, чтò отвѣчать на доводы благочестиваго архіепископа. Онъ молча поклонился въ знакъ согласія.

— Извиняте, почтеннѣйшій отецъ, отвѣчалъ д'Альбайда: есть еще вѣчто болѣе священное нежели обязанность мнѣнія. Это — данное слово. Ни я ни мои солдаты не могутъ позволить, чтобы оно было нарушено.

— Это чтò значитъ? вскричалъ Рибейра страшнымъ голосомъ, нахмуривъ свои черныя густыя брови.

— Я говорю, что послѣ капитуляціи, которую я подписалъ, жизнь Исиды и его солдатъ должна остаться неприкосновенною.

— Жизнь еретика ничего не значитъ!

— Зато честь солдата и слово Испанца значитъ чтò-нибудь. Я до-сихъ поръ еще не измѣнялъ своему слову и вы позволите мнѣ не начинать этого сегодня.

— Нѣтъ! я не позволю! вскричалъ благочестивый монахъ: кто защищаетъ невѣрныхъ, тотъ самъ невѣрный. Кто останавливаетъ мечъ правосудія Божіаго, тотъ первый заслуживаетъ пораженія этимъ мечомъ.

И, совершенно предавшись своей восторженности, Рибейра принялся проповѣдывать полкамъ донъ Августина и донъ Фернанда съ такимъ убѣжденіемъ и съ такимъ священнымъ жаромъ, что старые солдаты затрепетали отъ его голоса. Будучи католиками и Испанцами, они естественно повиновались болѣе великому-инквизитору, чѣмъ своимъ командирамъ. Они упали на колѣни и крестясь просили у Рибейры благословенія и приказаній.

Приказаніе состояло въ томъ, чтобы арестовать не только Иесиды, но и Фернанда д'Альбайду, котораго поведеніе надлежало тѣмъ строже изслѣдовать, что онъ, въ качествѣ одного изъ богатѣйшихъ бароновъ Валенсіи, очень могъ желать сохраненія Мавровъ въ Испаніи и по всей вѣроятности продолжалъ сношенія съ ними. По частнымъ донесеніямъ, инквизиціи уже извѣстно было, что онъ препроводилъ въ непріятельскій лагерь часть своихъ стадъ. Это вмѣнялось ему въ преступленіе, въ измѣну королю и государству.

Такимъ образомъ донъ Фернанда д'Альбайду отправили въ темницу инквизиціи, въ Мадридъ. Изъ мавританскихъ плѣнныхъ, въ ту минуту, когда пришло королевское повелѣніе о прекращеніи военныхъ дѣйствій, одни, посланные въ Валенсію, уже красовались въ пышномъ ауто-да-фѣ при восторженныхъ крикахъ христіанской испанской черни; другіе, въ числѣ которыхъ находился и Иесидъ, прибыли въ Сарагоссу, гдѣ ихъ ожидала подобная же участь.

Таковы были вѣсти, которыя Педральви сообщилъ Альягѣ. Самъ же Педральви, отправленный съ первою партіей плѣнныхъ въ Альфапскую гавань, дорѣгою бѣжалъ, и благодаря своей ловкости, успѣлъ укрыться отъ преслѣдованій. Онъ провѣдалъ, что король ѣдетъ въ Пампелуну, и отправился туда въ увѣренности найти Альягу.

— Теперь, прибавилъ онъ, ты знаешь все. Чтѣ дѣлать, чтобы спасти Иесиды и нашихъ братьевъ, и великодушнаго Фернанда д'Альбайду, который защищалъ насъ съ опасностью собственной жизни?

Минуты были драгоценны. Альяга въ тотъ же вечеръ побѣжалъ къ королю и доказалъ ему, какъ вредны и безразсудны жестокости Рибейры; сколько они помрачаютъ имя короля передъ всѣми подданными и въ-особенности передъ герцогиней Сантаремъ, которая никогда не проститъ ему смерти своего брата Иесиды. Послѣдній аргументъ, разумѣется, былъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ.

По предложенію Алъбага, король своеручно написалъ къ Рибейръ письмо, въ которомъ отдавалъ полную справедливость его усердію къ вѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ желаніе, чтобы впередъ никто изъ еретиковъ не былъ сожигаемъ безъ вѣдома короля; чтобы плѣнные Мавры содержались не въ темницѣ инквизиціи, а въ сарагосской цитадели, и чтобы Исидъ д'Альберикъ и Фернандъ д'Альбайда немедленно были присланы въ Пампелуну, гдѣ король самъ разберетъ ихъ вину по совѣщаніи съ министромъ и съ благочестивымъ архіепископомъ Рибейрой, святымъ поборникомъ вѣры и свѣтильникомъ инквизиціи.

Въ тотъ же часъ отправили курьера съ этимъ письмомъ и съ наказомъ не останавливаться ни днемъ ни ночью до Сарагоссы.

Рибейра вспыхнулъ отъ негодованія, когда прочиталъ королевское посланіе. Его лицо, обыкновенно желтое, желчное, побагровѣло и онъ съ трудомъ удержался отъ негодованія на короля, которое въ первое мгновеніе ему внушило его христіанское смиреніе. Надобно было однако жъ повиноваться. Онъ распорядился согласно предписанію, отправилъ Фернанда и Исиды въ Пампелуну, однако жъ поскакалъ самъ впередъ и нѣсколькими днями опередилъ короля.

По всей дорогѣ жители городовъ и сель встрѣчали его какъ святаго, какъ ревностнаго поборника вѣры. Народъ добивался чести коснуться его помы и получить благословеніе.

Въ Пампелунѣ его приняли съ такою почестью, какую оказали бы не королю, а развѣ только самому папѣ. Зато и онъ со дня своего прибытія ежедневно говорилъ проповѣди въ соборѣ, передъ многочисленнымъ стеченіемъ народу. Сердце у него было слишкомъ отравлено, чтобы помнить объ умѣренности: онъ предавался природной запальчивости своего характера и грозно вставалъ противъ великой ереси и въ-особенности противъ снисходительности царей земныхъ. Онъ жаловался, что эта снисходительность гаситъ священные костры, которые онъ напрасно старается возжечь во славу Христовой вѣры. И онъ успѣвалъ какъ-нельзя лучше. Онъ дотога раздражилъ страсти и фанатическій энтузіазмъ толпы, что поднялъ всеобщій крикъ ярости противъ Мавровъ. Всѣ граждане пампелунскіе и жители окрестностей спрашивали, чѣмъ столица Наварры хуже Валенсіи и другихъ большихъ городовъ, что ей отказываютъ въ удовольствіи видѣть у себя порядочное ауто-да-фѣ?

Таково было расположеніе умовъ въ Пампелунѣ, когда король наконецъ достигъ цѣли своего невольнаго-медленнаго путешествія.

На этотъ разъ, помня сколько граждане пампелунскіе дорожатъ своими фуэросами, король въѣхалъ въ городъ, не взявъ съ собою ни одного кастильскаго солдата, чтобы не встрѣтить такое же возмущеніе какъ въ первый годъ своего царствованія. Въ самомъ дѣлѣ, граждане пампелунскіе болѣе чѣмъ когда-либо дорожили своими привилегіями и исправно явились на свой постъ съ алебардами и въ полномъ вооруженіи. Но зато кромѣ національной стражи и должностныхъ лицъ никто не встрѣтилъ короля. На улицахъ не только толпа, нигдѣ лишняго человѣка не было. И въ окнахъ никто не появлялся. Дома казались опустѣвшими. Все это однако жъ не потому, чтобы Пампелунцы стали менѣе любопытны чѣмъ прежде: ихъ привлекало другое зрѣлище и привлекало гораздо сильнѣе чѣмъ въѣздъ короля.

Между-тѣмъ какъ черезъ мадритскія ворота въѣзжалъ король, черезъ сарагосскія въѣзжали Фернандъ д'Альбайда и Исидъ д'Альберикъ.

Толпа, раздраженная противъ Мавровъ проповѣдями инквизитора Рибейры, при видѣ Исиды, военачальника мятежниковъ, такъ озлобилась, что инквизиціонная стража съ величайшимъ трудомъ едва оградила его отъ неистовыхъ нападеній. Пльнники поспѣшили отвезти въ пампелунскія палаты инквизиціи и Исидъ удивился, что нашелъ себѣ убѣжище въ такомъ мѣстѣ.

Графиня д'Альтамира, испытавъ ошалу и видя паденіе герцога Лермы, а черезъ нѣсколько дней потомъ и изгнаніе Хероме, Эскобара и всего езуитскаго ордена, понимала, что три такіе рѣшительные удары могли быть нанесены только очень твердою рукой. Это не могла быть рука герцога Уседы, стариннаго ея друга, котораго она слишкомъ хорошо знала, чтобы подозрѣвать въ немъ столько смѣлости. Онъ очевидно служилъ только орудіемъ воли болѣе могущественной. Графиня д'Альтамира перестала ненавидѣть его и ограничилась однимъ презрѣніемъ, предоставляя себѣ впрочемъ въслѣдствіи опять привлечь министра, если будетъ нужно. Теперь ей нужно было употребить свои силы противъ той воли, которая управляла всѣми другими. То была воля Альфяги. Духовникъ и герцогиня Сантарамъ одни въ эту минуту имѣли полную власть надъ королемъ,—одни посредствомъ своего ума, другая посредствомъ своей красоты. Этихъ двоихъ враговъ нужно было изложить, а такъ какъ графиня не могла исполнить этого одна, то надлежало найти новыхъ союзниковъ.

Графиня начала съ того, что стала усердно, насколько слушать

Алѣяга повелѣлася, чтобы поднять его и подать помощь. Раненный оперся на руку монаха и взглянувъ ему въ лицо, съ удивомъ вскрикнулъ:

— Пикцильо!

— Нѣтъ, не Пикцильо, а Божіе правосудіе, небесная кара, которая наконецъ постигла тебя.

И, обратившись къ нѣсколькимъ инквизиціоннымъ служителямъ, Алѣяга прибавилъ:

— Именемъ короля приказываю отвести этого челоуѣка въ темницу инквизиціи и послѣ представить мнѣ, только мнѣ одному. Вы отвѣчаете за него головой. Ступайте.

Пожаръ между-тѣмъ такъ распространялся, что ничто, казалось, уже не могло остановить его. Оба боковые флигеля совершенно сгорѣли и огонь сосредоточился на главномъ корпусѣ, гдѣ находились келлія настоятельницы и монастырская церковь, строенныя изъ кирпичу, по-прочіе, и болѣе способныя выдержать разрушительное дѣйствіе пламени. Но съ одной стороны кровля и стѣны также начинали уже обрушиваться.

И ни какой помощи! ни капли воды на несчастной и каменной горѣ! Нѣкоторые германе пошли за водою на Арху, но сколько прошло времени, пока они воротились!

Молодая настоятельница, увидѣвъ, что народъ и даже зачинники буйства, Баальсейро и его товарищи, отошли отъ воротъ, поспѣшила назадъ въ свою келлію къ Анхѣ.

— Мы спасены! сказала Кармелъ: они не поспѣютъ ворваться въ ограду и оскорбить святиню монастыря. Успокойся, сестрица: опасность миновала.

Но скоро багровый свѣтъ пожара ударилъ въ окна келліи и открылъ истину. Испуганныя монахини прибѣжали умолять настоятельницу, чтобы не дождалась невозможности спастись.

— Спѣшите! бѣгите! говорили онѣ: теперь еще можно. Народъ пропускаетъ всѣхъ принадлежащихъ къ монастырю.

— Такъ пойдешь, сестра, сказала Кармелъ Анхѣ.

— Нѣтъ, сестра нѣтъ! вскричали монахини, умоляя гордо-глаголю: не выходите такъ! Они не пустятъ васъ! они бросаютъ въ огонь всѣхъ вашихъ жонницъ!

— Въ такомъ случаѣ идите однѣ. Я останусь. У меня есть средство уйти отъ убійцъ.

— Какимъ образомъ?

— Я подожду, пока эти отъицы обрушатся на меня.

— И я тоже, прибавила Кармелъ.

Ни просьбы Анхи, ни слезы монахинь не могли поколебать рѣшимости молодой настоятельницы.

Напрасно пламя свѣтило у нихъ на головахъ, напрасно дымъ клубами проносился мимо оконъ, Карменъ крѣпко обняла стоявшую передъ нею на колѣняхъ сестру и повторала:

— Я остаюсь.

Второй боковой флигель съ трескомъ обрушился въ вихрь дыму, искръ и пламени. Остальные монахини съ ужасомъ бросились бѣжать изъ келліи настоятельницы черезъ широкій дворъ, засыпанный тлѣющими головнями.

Карменъ осталась одна съ сестрою и подошла къ ней съ сіяющими отъ радости глазами.

Анха, блѣдная, трепетала, но не за себя.

— Чтò ты сдѣлала, безразсудная? сказала она. Зачѣмъ ты подвергаешься этой ужасной пыткѣ, этой жестокой смерти? Ступай, бѣги, куда еще можно. Умоляю тебя! заклинаю нашею дружбой, именемъ д'Агилара, твоего отца, котораго я найду такъ же какъ и моего роднаго. Милая моя Карменъ, сестра моя, оставь меня! Пусть я одна умру. У меня есть бодрость, но я лишусь ея, если увижу твои страданія. Оставь меня, оставь меня! Я не боюсь смерти.

— А я желаю, возразила Карменъ. Да, да! продолжала она съ восторженностью: лучше минутное мученіе смерти перенести, чѣмъ всю жизнь томиться въ тоскѣ и слезахъ!

— Чтò ты говоришь? вскричала Анха съ удивленіемъ.

— Видишь, сестрица! вскричала Карменъ съ радостью: видишь пламя, какъ оно приближается и скоро достигнетъ меня? Дай твою руку, сестрица.... положи твою руку на это сердце: оно скоро перестанетъ страдать.

— Ты страдала!... Отчего же ты страдала? Говори! скажи мнѣ все!

— Да, отвѣчала Карменъ, падая на грудь къ Анхѣ: умирая все можно сказать. Клянусь этимъ пламенемъ, которое насъ окружаетъ, клянусь Богомъ, который насъ слышитъ и скоро возьметъ меня къ себѣ, я употребляла всѣ мои силы, чтобы забыть объ немъ.... я не могла!

— Ахъ, Боже мой! ты любила его?

— Всегда.

— И ты могла отказаться?

— Потому что онъ любилъ тебя, потому что ваше счастье было мнѣ дороже моего.

— Ты, Карменъ, пожертвовала собою для меня!

— Ты, Анха, подала мнѣ примѣръ. Но я умерла бы съ горя, я знаю. Я умерла бы вдали отъ тебя. Слава Богу, что я могу еще разъ проститься съ тобою, еще разъ обнять тебя.

Въ эту минуту подлѣ нихъ, за стѣною, обрушилась еще часть зданія.

Дѣвушки крѣпко сжали другъ друга въ объятіяхъ и навѣкъ прощались съ жизнью. И въ это торжественное мгновеніе уста обѣихъ невольно прошептали имя Фернанда.

Еще оставалась одна надежда. Изъ келліи настоятельницы еще можно было пройти по уцѣлѣвшей широкой каменной лѣстницѣ на монастырскій дворъ. Но дѣвушки не думали пользоваться этимъ средствомъ спасенія, котораго вскорѣ также лишались. Лѣстница рухнула, и онѣ, въ келліѣ, во второмъ этажѣ, окруженныя пламенемъ, остались какъ въ висящемъ фонарѣ, который съ минуты на минуту также могъ обрушиться.

Сестры, обнявшись, стояли на колѣняхъ и молились одна за другую.

— Богъ отцовъ моихъ, всемогущій Аллахъ!

— Пречистая Дѣва! Христосъ Спаситель!

— Боже великій!

— Боже милосердый!

— Прими, спаси сестру мою, Карменъ!

— Спаси и помилуй сестру мою, Анху!

А пламя свистѣло, горящія головни и искры съ трескомъ сыпались со всѣхъ сторонъ. Толпа зрителей стояла молча и почти неподвижно, чтобы не потерять изъ виду ни одного обстоятельства страшнаго зрѣлища, и каждый уже напередъ разсчитывалъ мгновеніе, когда келлія настоятельницы исчезнетъ въ пламени.

Въ эту минуту, съ двухъ разныхъ сторонъ, два человѣка, одинаково неожиданные и не зная другъ о другѣ, бросились въ самый пылъ пожара. Судя по шляпѣ съ перомъ и галуномъ, по богатому шитому плащу и шпагѣ, одного должно было принять за офицера и знатнаго барина. Другой былъ монахъ.

Офицеръ несъ лѣстницу, которую добылъ въ сосѣднемъ домѣ. Монахъ пробирался прямо по дымящимся развалинамъ, чтобы спасти погибавшихъ дѣвушекъ или сгорѣть вмѣстѣ съ ними. Оба впрочемъ шли съ одинаковою отважностью прямо въ огонь, который по-временамъ опаливалъ ихъ одежду, но не останавливалъ ихъ на пути. Оба устремляли глаза на одну цѣль и, казалось, не думали о собственной опасности.

Офицеръ, подошедши къ стѣнѣ, уже близкой къ обрушенію, тѣшито старался прислонить и утвердить свою лѣстницу. Горящія балки и обломки сосѣднихъ стѣнъ совсѣмъ завалили помость и разрушенное крыльцо. Съ другой стороны нѣсколько поперечныхъ балокъ еще связывали одну стѣну келліи съ сосѣднею церковною стѣной. Монахъ взобрался на эту стѣну и, не задумавшись ни на минуту, пошелъ по опасному тлѣющему мосту черезъ огонь, который клочкоталъ у него подъ ногами. Монахъ шелъ спокойно какъ по церковному помосту.

Голова его была обнажена. Торчащія кругомъ горящія стропила ежеминутно грозили раздавить его. Онъ объ этомъ не заботился. Ноги и руки его были уже обожжены, но онъ этого не чувствовалъ. Онъ былъ уже въ двухъ шагахъ отъ дѣвушекъ, которыя стояли на колѣняхъ и молились.

— Ты ждала меня, сестра моя, ты звала меня? сказалъ онъ: я здѣсь.

И, не ожидая отвѣта, онъ поднялъ Анху на руки и унесъ.

Въ это же самое время Карменъ вскрикнула:

— Фернандъ! Фернандъ! и бросилась къ офицеру, который подошелъ съ другой стороны.

Онъ взобрался въ келлію по подставной лѣстницѣ и принялъ въ объятія трепещущую отъ страха и радости кузину, потомъ спустился тѣмъ же путемъ, осторожно прикрывая плащомъ свою ногу отъ огня и дыма.

Альиага также пошелъ назадъ по горящему мосту. На этотъ разъ онъ трепеталъ, потому что на рукахъ у него была Анха, а подъ ногами огненная бездна, волкавъ. При всемъ томъ онъ былъ невыразимо счастливъ: онъ прижималъ къ своей груди любимую сестру и былъ увѣренъ, что уреть вмѣстѣ съ нею, если не успеетъ спасти ея.

Боръ, по-видимому, хранилъ ихъ, потому что едва молодые люди ступили нѣсколько шаговъ по двору, послѣднее зданіе рухнуло и на мѣстѣ его взвился только столбъ огня и дыма.

На мѣстѣ Благовѣщенскаго Монастыря осталась только груда тлѣвшихъ развалинъ.

При видѣ страшной опасности, отъ которой Анха такъ чудесно избавилась, и лишившись отчаянной отважности, которая до-тогда поддерживала его, Альиага заматался и приѣлъ, прошепталъ:

— Слава Богу! теперь я готовъ умереть.

И онъ упалъ въ обморокъ.

За нѣсколько минутъ до этого, великій-инквизиторъ Рибейра также прибылъ на пожаръ. Увидѣвъ Алльяга, онъ суко сказалъ окружающимъ его инквизиціоннымъ служителямъ :

— Помогите нашему брату. А эту женщину, продолжалъ онъ, указывая на герцогиню Сантаремъ : отведите въ палаты инквизиціи. Сегодня мы ничего не можемъ рѣшить. Завтра помолимся Богу, чтобы вразумилъ насъ, что намъ съ нею дѣлать.

Въ это время пришли люди, которые ходили въ городъ, на берегъ Арги, за водою. Монастырь уже былъ превращенъ въ груду золы. Народу нѣмного было смотрѣть и воѣ разошлись.

На другой день столица Наварры была въ отчаяніи отъ постигшаго ее бѣдствія: всѣмъ безъ исключенія стало ужасно жалъ сторгѣвшаго монастыря и всѣ, какъ обыкновенно, негодовали на Мавровъ, какъ на единственную причину несчастія.

Пронесся слухъ, будто графиня д'Алтамира погибла въ пожарѣ. Это казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что во всемъ городѣ не нашли и слѣдовъ ея.

Она черезъ Латѳра узнала, что Хувъ-Батиста взятъ подъ стражу по приказанію Алльяга и, опасаясь признаній бандита и мщенія королевскаго духовника, рѣшилась скрыться до времени, пока минуетъ гроза.

Между тѣмъ мнимая смерть ея увеличивала число преступленій Мавровъ. Высшій классъ, къ которому она принадлежала, присоединился къ мѣщанству и черни въ одобреніи строгихъ мѣръ, принятыхъ противъ еретиковъ, отъявленныхъ враговъ и злодѣевъ Испаніи. Неправьсть противъ нихъ разросталась и становилась дотого всеобщеею, что многіе громко хвалились тѣмъ, что содѣйствовали наканунѣ къ истребленію Мавритавокъ. Но отъ этой похвальбы никому не посчастливилось и всѣ старались опять отречься отъ своихъ подвиговъ, потому что каждый вечеръ на улицахъ Пампелуны поднимали нѣсколькихъ гражданъ, убитыхъ неизвѣстною рукой, и на груди у нихъ обыкновенно находили бумагу съ слѣдующею надписью : «Отъ Мавровъ.»

Эти жертвы безразсудной мести до конца раздражили Нампелуцевъ, тогда какъ ихъ слѣдовало успокоить, потому что они и то уже слишкомъ были расположены стоять за-одно съ великимъ-инквизиторомъ. Рибейра, поддерживаемый общимъ мнѣніемъ, считалъ всякую дерзость возможною и позволятельною и не полагалъ предѣловъ своимъ притязаніямъ.

Король, котораго эти событія сильно встревожили, почиталъ ихъ двойнымъ несчастіемъ единственно потому, что они помѣшали ему видѣть герцогиню Сантаремъ, такъ скоро, какъ онъ рассчитывалъ. Анха была заключена въ темницу инквизиціи. Король, такъ же какъ и Аллыага, надѣялся, что этотъ арестъ опредѣленъ только для формы и не продлится болѣе одного дня, но оба очень изумились, когда узнали, что великій-инквизиторъ не побоялся предать Иесиду и Анху суду, одного за возмущеніе въ Альбарасинѣ, другую за поджогъ Благовѣщенскаго Монастыря.

Предварительно священное судилище уже рѣшило отправить молодую настоятельницу Карменъ д'Агиларъ и весь монастырскій причетъ въ Гренаду и помѣстить тамъ въ монастырѣ того же ордена на-время, пока имъ устроить новое жилище въ Пампелунѣ.

Потомъ положили приступить къ слѣдствію по дѣлу о Иесидѣ и Анхѣ, которыхъ обвинителемъ явился самъ великій-инквизиторъ.

Этотъ процессъ былъ опасенъ не только для герцогини Сантаремъ и ея брата, но и для намѣреній короля, которыя становились почти невыполнимыми. Какъ послѣ такого шума было подумать о бракѣ съ Анхой? Очевидно было, что эта мысль также входила въ расчетъ архіепископа. Надобно было поспѣшить сопротивленіемъ и занять дѣло до начала процесса.

Король отдалъ приказаніе герцогу Уседѣ, который, повидимому, не очень радовался такому порученію, однако жъ государь приказывалъ, и Аллыага наблюдалъ. Министръ на другой день долженъ былъ объявить великому-инквизитору и священному судилищу волю его величества, и Аллыага, какъ членъ инквизиціи, общалъ также явиться въ собраніе.

Наканунѣ, вечеромъ, Педралья, который не имѣлъ постоянного жилища въ Пампелунѣ, а бродилъ по площадямъ и улицамъ и во все вслушивался, все высматривалъ, пришелъ сказать Аллыагѣ, что герцогъ Уседа, при наступленіи сумерекъ, вошелъ въ церковь Санта-Крусъ.

— Чтò жъ тутъ удивительнаго?

— Черезъ минуту потомъ туда же вошелъ великій-инквизиторъ.

— Такъ чтò же?

— Они должны были встрѣтиться.

— А! это другое дѣло. Хорошо, я буду присматривать, я узнаю.

На-утро члены священнаго судилища всё находились на своихъ мѣстахъ, потому что ихъ извѣстили о королевскомъ предложеніи.

Первый министръ вошелъ и почтительно поклонился сперва великому-инквизитору, потомъ всему собранію, и Алліагъ показалось, что Рибейра и Уседа значительно переглянулись.

Герцогъ сухимъ, надменнымъ тономъ, который оскорбилъ бы самыхъ благосклонныхъ судей, объявилъ волю его католическаго величества, чтобы преднамѣренный процессъ Мавра Исидъ и Анхи, герцогини Сантаремъ, былъ совершенно оставленъ.

Великій-инквизиціи всталъ и съ такою же непостижимою дерзостью, даже при такомъ королѣ каковъ былъ Филиппъ-Третій, возразилъ, что священное судилище уже начало свое дѣло; что не бывало примѣру, чтобы король останавливалъ судопроизводство даже въ обыкновенныхъ гражданскихъ судилищахъ, не только покусился бы на нарушеніе законовъ въ священномъ судилищѣ, въ инквизиціи, гдѣ разбираются вопросы уже не земные, а небесные, вопросы вѣры, и что онъ, Рибейра, архіепископъ валенсійскій, патріархъ антиохійскій и великій-инквизиторъ, помнить все уваженіе, которымъ обязанъ къ его величеству, королю всѣхъ Испаній и Индій, однако жъ не забываетъ также своихъ обязанностей къ господину болѣе высокому, къ Царю небесному, къ самому Христу, Котораго дѣло защищаетъ и Которому не измѣнить ни въ жизни ни въ смерти.

Видя, что первый министръ, вмѣсто-того чтобы отвѣчать на доводы инквизитора, слушаетъ ихъ, почтительно склонивъ голову, Алліага не выдержалъ и вскричалъ:

— Такъ ваше высокопреосвященство намѣрены воспротивиться повелѣніямъ короля?

— Я намѣренъ защищать права инквизиціи, надменно отвѣчалъ Рибейра: кто согласится уступить въ этомъ хоть на волосъ, тотъ нанесетъ смертельный ударъ доминиканскому ордену и его постановленіямъ. Мы у подножія престоловъ Божіихъ поклонились поддерживать права этого священнаго судилища и должны, хотя бы это стоило намъ жизни, передать ихъ нашимъ преемникамъ въ томъ состояніи, въ какомъ нашли.

— Я самъ знаю и защищаю права инквизиціи, отвѣчалъ Алліага; но король также имѣетъ свои права. Нельзя же оспорить у него права помилованія....

— Чтобы королю миловать, ловко отвѣчалъ инквизиторъ, ну

живо сперва, чтобъ было осужденіе. Приговоръ еще не произнесенъ. Дѣло теперь идетъ только о произведеніи суда, которое хотятъ остановить, и меня очень удивляетъ, что членъ этого самаго священнаго судилища, здѣсь, посреди засѣданія, предлагаетъ намъ отказаться отъ нашихъ правъ и унизиться. Что касается до меня, я не боюсь ни опалы, ни даже мученической смерти. Я готовъ умереть, но не уступлю.

Потомъ, обратившись къ товарищамъ, онъ прибавилъ:

— Подадите голоса, братья. Мы можемъ совѣщаться при первомъ министрѣ. Герцогъ потомъ доложитъ о нашемъ отвѣтѣ его величеству.

Насчетъ содержанія этого отвѣта не оставалось ни какого сомнѣнія: инквизиція рѣшилась поддержать свои права. Процессъ опредѣлили продолжать, Мавра Исиды и герцогиню Сантаремъ судить въ самый поспѣшный срокъ.

Въ тотъ же день Исидъ и Анха были приведены къ допросу.

Альиага понялъ, что имѣеть дѣло уже не съ герцогомъ Лермой и не съ Уседой, а съ врагомъ отважнымъ и рѣшительнымъ, который не побоятся даже королевской власти. Съ другой стороны друзья и союзники Альиаги были все люди слабые и ничтожные, начиная съ Уседы, который готовъ былъ измѣнить ему при первомъ безопасномъ случаѣ.

Дворянство и придворные смотрѣли на него съ завистью, духовенство ненавидѣло его за необыкновенно быстрое возвышеніе. Многочисленные друзья ордена езуитовъ также все сдѣлались его врагами. За Альиагу стоялъ только одинъ король, которымъ онъ управлялъ, правда, по своему произволу, но въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ управлять королемъ значило почти не управлять ни чѣмъ.

Сверхъ всего этого Альиагъ вредило еще и то, что онъ былъ честный человекъ и обращалъ вниманіе на голосъ своей совѣсти. Онъ желалъ спасти свою сестру и соплеменниковъ, однако жъ не могъ забыть, что король удостоилъ его своего довѣрія, дружбы и полномочія. Онъ не могъ присоветовать королю поступка, который бы возмутилъ его подданныхъ и вооружилъ общественное мнѣніе, безъ того уже невыгодное, а это непременно случилось бы, если бъ король, для защиты Мавританки, которую любилъ, вступилъ бы въ открытую борьбу съ инквизиціею, съ этимъ страшнымъ трибуналомъ, для котораго все было возможно, даже отлученіе короля и разрѣшеніе узъ присяги.

Царствъ на Рибейру и на инквизицію и побѣдить ихъ слѣдуетъ такъ, чтобы король повидному вовсе не вмѣшивался въ дѣло. Это была трудная задача. Но Алъяга взялся за нее.

Вѣдчайшее затрудненіе представляла любовь народа къ Рибейрѣ, которому всѣ фанатикн поклонялись. Отъ этого все, что бы онъ ни предпринялъ, уже напередъ было одобрено. Герцогъ Уседа находился въ совершенно противномъ положеніи.

Послѣдній министръ оставилъ много недочетовъ въ королевской казнѣ. Надобно было пополнить ихъ и пополнить быстро. Уседа не нашелъ другаго средства, кромѣ новыхъ налоговъ и дотога раздражилъ все податное состояніе, что баскскія провинціи почти совсѣмъ возмутились. Общины, по примѣру предковъ, собрались на сеймъ и съ общаго согласія отправили къ королевскому правительству очень крутое, даже грозное представленіе, въ которомъ обѣщали ни больше ни меньше какъ взяться за оружіе, если ихъ долѣе будутъ обременять произвольными налогами, несообразными съ ихъ фюзросами, съ ихъ вѣковыми правами и привилегіями.

Это требованіе было такъ справедливо и законно, что на него и возражать оказалось невозможнымъ. Надлежало отмѣнить повелѣніе о новомъ налогѣ. Такъ и присовѣтовалъ королю Алъяга. Вѣсть о министерской неудачѣ мигомъ разнеслась въ Пампелунѣ. Граждане наваррскіе поздравляли Бискайцевъ съ такимъ умѣньемъ защищать свои фюзросы и бросались въ архивы за справками, не найдется ли какая-нибудь статья въ постановленіяхъ, въ силу которой и Наварра могла бы отказаться платить подати.

Такой статьи они, къ сожалѣнію своему, не нашли. Предки не догадались записать. Нашли только двѣ важныя статьи: одну о правѣ не впускать въ свою столицу вооруженной силы, ни даже почетной стражи короля; другую о правѣ судиться своими судомъ и знать только про себя всѣ преступленія, какія могутъ совершиться въ ихъ городѣ.

Алъяга по поводу представленія Бискайцевъ также пересмотрѣлъ наваррскіе фюзросы, и въ этой послѣдней статьѣ нашелъ средство спасенія, котораго искалъ. Онъ посидѣвши воспользоваться имъ.

Въ тотъ же день Педральви и нѣсколько другихъ преданныхъ людей пошли по всему городу, вмѣшивались во всѣ толпы, сами собирали около себя сходбища и разсуждали о фюзросахъ, о поч-

тенной древности и важности этихъ отечественныхъ постановленій и о необходимости поддерживать ихъ неприкосновенность по примѣру Бискайцевъ.

— Вотъ и теперъ, напримѣръ, прибавили они: Боже насъ сохрани сказать что-нибудь противъ благочестиваго и достопочтеннаго Рибейры, нашего великаго-инквизитора, однако жъ, всё-таки, по нашимъ фуэросамъ, ни ему ни инквизиціи не слѣдъ судить герцогини Сантаремъ и разбирать дѣло о подожженіи Благоушщенскаго Монастыря. Пожаръ случился въ чертѣ нашего города, и судить дѣло слѣдуетъ нашему городскому суду.

— Правда, правда, отвѣчали многіе граждане: мы объ этомъ и забыли!

— Дѣло однако жъ важное!

— Очень важное.

— На мой разумъ, прибавилъ Педральви, слѣдовало бы принять мѣры.

— Справедливо. Непремѣнно надобно принять мѣры!

— Сдѣлать почтительное представленіе королю и въ-особенности инквизиціи.

— Дѣло! дѣло! прекрасная мысль.

И прекрасная мысль вскружила всё головы, такъ, что составила предметъ разсужденій во всёхъ лавочкахъ, во всёхъ трактирахъ и публичныхъ мѣстахъ славнаго города Пампелуны.

На другой день депутація отъ сословій города просила у короля аудіенціи и была принята самымъ благосклоннымъ образомъ.

Восхищенные ласкою его величества, граждане почтительно изъяснили свои законныя требованія.

Король отвѣчалъ, что уже въ первый годъ своего царствованія имѣлъ случай доказать, какъ уважаетъ фуэросы Наварры; что онъ, столько же сколько и сами Наварцы заботится о сохраненіи ихъ привилегій; что по подлежащему вопросу онъ совершенно согласенъ съ вѣрными своими подданными, но что инквизиція начала уже процессъ и онъ, королевскою властію, по основнымъ законамъ, не можетъ нарушать теченія судопроизводства до его окончанія, и что, впрочемъ, Рибейра, человѣкъ мягкосердый и благочестивый, согласится на справедливое требованіе гражданъ, какъ-скоро ему будетъ сдѣлано надлежащее представленіе.

Депутаты провозгласили: — Да здравствуетъ король! и отправились съ представленіемъ къ великому-инквизитору.

Рибейра былъ на молитвѣ и заставилъ депутатовъ прождать больше часу. Наконецъ онъ принялъ ихъ, но принялъ такъ гордо, такъ надменно, и съ такою безразсудною наглостью отказалъ имъ на-отрѣзъ, что депутаты, только-что восхищенные королемъ, ушли отъ благочестиваго мужа крайне недовольные.

И этотъ приемъ депутатовъ подѣйствовалъ такъ сильно, что въ тотъ день соборъ былъ пустъ: никто не пошелъ слушать проповѣди великаго-инквизитора.

Король въ тотъ день выѣзжалъ два раза и каждый разъ его окружала толпа народу съ восторженными криками:

— Да здравствуетъ король!

Аллыага былъ въ восхищеніи.

Раны самолюбія—самыя нестерпимыя. Рибейра, привыкшій къ несмѣтному стеченію внимательныхъ слушателей, съ глубокимъ огорченіемъ увидѣлъ вокругъ себя пустыню, въ которой кое-гдѣ торчало вѣскольکو старухъ и дряхлыхъ святошъ, кѣторыхъ мнѣніемъ онъ не дорожилъ, потому что это были посѣтители слишкомъ постоянные.

Благочестивый мужъ догадался, что сдѣлалъ глупость, но въ досадѣ своей рѣшился не сдаваться, а, напротивъ, взять стойкостью и непреклонностью воли. Онъ смѣло продолжалъ процессъ и спѣшилъ его окончаніемъ.

Это удвоило неудовольствіе гражданъ Пампелуны и ропотъ сдѣлался всеобщимъ. Дѣло шло о фуэроссахъ Наварры, о самыхъ драгоценныхъ правахъ, которыя надлежало защищать. На улицахъ образовались сходбища; передъ палатами инквизиціи собралась толпа народу и раздавался крикъ:

— Да здравствуютъ фуэросы! Долой, кто ихъ нарушаетъ!

Рибейра не хотѣлъ вѣрить, чтобы подобныя выходы могли быть сдѣланы противъ него и чтобы такая народная любовь, какою онъ пользовался, могла исчезнуть въ одинъ день. Онъ хотѣлъ страхомъ покорить тѣхъ, которые прежде стояли передъ нимъ на колѣняхъ отъ восхищенія.

Король, дворъ и городъ съ изумленіемъ и негодованіемъ узнали, что инквизиція, несмотря ни на что, произнесла приговоръ и опредѣлила Иесидъ д'Альберника и Анху Сантаремъ всенародно съечь черезъ три дня.

Негодование было общее, не потому чтобы всѣ принимали участіе въ Иесидѣ и Анхѣ. Напротивъ, народъ даже желалъ этой казни, желалъ торжественнаго зрѣлища; но хотѣлъ, чтобы при-

говоръ былъ произнесенъ на основаніи его правъ и преимуществъ.

Съ другой стороны, дворъ негодовалъ на великаго-инквизитора, потому что человѣкъ, который не уважаетъ ничего, ни даже любимица короля, легко можетъ, если прійдетъ фантазія, приняться и за знатныхъ грандовъ, за придворныхъ дамъ, и потому что, гдѣ протекція и милость сильныхъ потеряютъ свое значеніе, тамъ дѣло можетъ дойти до ужаснѣйшихъ злоупотребленій.

А король, испуганный, взбѣшенный, что осмѣлились судить и приговорить къ сожженію на кострѣ герцогиню Сантаремъ, слышать не хотѣлъ объ умѣренности и, подобно всѣмъ слабымъ людямъ, готовъ былъ тотчасъ прибѣгнуть къ крайности, хотѣлъ призвать въ Пампелуну полкъ, два полка и больше, поручить начальство Фернанду д'Альбайдѣ, осадить и сжечь палаты инквизиціи, какъ сожгли Благовѣщенскій Монастырь.

Альбага насилу уговорилъ его, доказывая, что тѣмъ самымъ нарушитъ суверены, которые только-что обѣщали уважать, и вооружить противъ себя всѣхъ вооруженныхъ противъ инквизитора. Ктому же онъ очень хорошо зналъ, что испанскаго солдата можно послать противъ всего на свѣтѣ, кромѣ инквизиціи. Это подтвердилъ и Фернандъ.

Надебно было предоставить самому народу бороться и побѣдить. Стенло только подстрекнуть уже и безъ того воспламененныя головы, возмущеніе противъ инквизиціи вспыхнуло бы. А во время тревоги Альбага надѣялся безъ труда освободить Исидра и Анху и поручить Фернанду, чтобы отвезъ въ безопасное мѣсто.

Такимъ образомъ ни король ни его министры не приняли бы ни какого участія въ этомъ дѣлѣ. Но надобно было посѣдѣть: минуты были дороги; всего времени оставалось три дня.

Царюльничъ Гонгарельо, подъ покровительствомъ Альбаги и съ особеннаго дозволенія короля, воротился въ Пампелуну, на старинное свое пепелище. Ему поручили повидаться со всѣми прежними знакомцами, сосѣдами и посѣтителями, чтобы помочь имъ негодовать и бѣсноваться. Для этого нужно было только говорить и Гонгарельо являлся въ своей сферѣ. Это былъ очень полезный союзникъ.

Подраваки кодилъ по всѣмъ кабакамъ и гостиницамъ и не забывая «Золотаго Солнца». Онъ нашелъ бывшаго своего хозяина, Хилеса Переса де-Илу, за тѣмъ же прилавкомъ и почти въ

тотъ же самою бумажномъ колнакъ, какъ въ первый годъ царствованія Филиппа-Третьяго. Въ шестнадцать лѣтъ почтенный трактирщикъ не перемѣнилъ своего мѣста. Онъ только значительно потолстѣлъ съ тѣхъ поръ, и его состояніе также.

— Вина! закричалъ Педральви тономъ барива, у котораго есть чѣмъ заплатить.

Когда вино подали, Педральви перебраковалъ нѣсколько бутылокъ, пока наконецъ добился до сноснаго, которое Хинесъ-Пересъ отпускалъ только по знакомству. Гость пригласилъ хозяина распить это вино вмѣстѣ и тотъ, разумѣется, не отказался.

— Неужели вы не узнали меня, сеньоръ Хинесъ-Пересъ? Неужели не узнали стариннаго друга, стариннаго слугу, который выросъ у васъ на кухнѣ?... Вѣдь я Педральви!

— Педральви! вскричалъ трактирщикъ: Педральви знатный баринъ!

— Стоять только хорошо начать, можно сдѣлаться чѣмъ угодно.

— Маркита! подай еще бутылочку хорошаго вина... изъ моего шкафа. Съ такимъ стариннымъ другомъ, какъ сеньоръ Педральви, я готовъ выпить бутылочку на свой счетъ.

— Нѣтъ, на вашъ счетъ я не согласенъ, но воѣ-таки выпьемъ. Выпьемъ за здоровье нашей дружбы.

Трактирщикъ и Педральви чокнулись.

— И за здравіе нашихъ «уэросовъ»! продолжалъ Педральви: за непрекосновенность «уэросовъ Наварры»!

Трактирщикъ промолчалъ и удовольствовался тѣмъ, что выпилъ стаканъ.

— Чтò это значитъ, хозяинъ? вскричалъ Педральви: вы, вѣ-когда столь удалый; вы, который съ такимъ усердіемъ и мужествомъ защищали наши права и привиллегіи, неужели вы равнодушно можете смотрѣть на ихъ нарушеніе? Неужели вы не вооружитесь, чтобы оградить и поддержать ихъ?

— Нѣтъ, холодно отвѣчалъ трактирщикъ: я еще не забылъ возмущенія, которое имѣло такой блестящій успѣхъ.

— Такъ вы опасаетесь на этотъ разъ неудачи?

— Напротивъ, я опасуюсь именно успѣху. Будетъ съ насъ торжествовать. Я никогда не забуду, чего мнѣ тогда стоила наша побѣда, сколько дней и ночей я проносилъ алебарду.

— Такъ чтò жъ? По-крайней-мѣрѣ вы отстадали свои права.

— Хороши права! Ходи денно и ночно по городу дозоромъ,

съ оружіемъ въ рукахъ, а домъ твой между-тѣмъ грабятъ. У меня еще свѣжо на памяти, въ какомъ состояніи я нашелъ свой домъ, когда воротился. Представьте себѣ.....

— Знаю, знаю. Вѣдь я былъ здѣсь.

— И вы хотите, чтобы я опять пустился въ возмущеніе! Нѣтъ, почтеннѣйшій! Тогда еще не что было: хозяйство у меня было бѣдное и перевероты мнѣ казались ни почемъ, но теперь, когда я нажилъ маленькое состояніе, мнѣ вужень порядокъ, я стою за правительство и за инквизицію.

— А ваша свобода?

— За свободу стоишь, покуда ничего кромѣ ея не имѣешь. А я, слава Богу, довольно богатъ, чтобы обойтись безъ свободы. Объ этомъ мы еще сегодня утромъ толковали съ сосѣдомъ Трухильо, когда завтракали вмѣстѣ..... Онъ отлично кормить.

— Портной Трухильо? старый наш знакомецъ? Онъ тоже разбогатѣлъ?

— О! очень. Портные богатѣютъ не по-нашему. Трухильо теперь суконный фабрикантъ и держитъ челоуѣкъ сто работниковъ.

— И онъ раздѣляетъ ваши мнѣнія?

— Мы вмѣстѣ шли сегодня за здоровье великаго-инквизитора. Что я говорилъ Педральви, Хинесъ-Пересъ оставался при своемъ.

На другой день на Хинеса-Переса и его сосѣда Трухильо судъ инквизиціи наложилъ по десяти реаловъ пени въ пользу монастырей за то, что скоромно пообѣдали въ пятницу. Приказъ о пенѣ былъ подписанъ доуъ Хуаномъ Рибейрой.

Защитникамъ существующаго порядка не очень понравилась такая строгость святаго мужа и они не обинуясь громко высказали свое неудовольствіе въ присутствіи многихъ сосѣдей. Вечеромъ того же дня пришло отъ инквизиціи другое повелѣніе — закрыть на три дня у одного фабрику, у другаго гостиницу, за дерзкія и оскорбительныя выраженія противъ особы его высокопреосвященства доуъ Хуана Рибейры, великаго-инквизитора и свѣтильника вѣры.

Этого уже ни трактирщикъ, ни суконный фабрикантъ не выдержали. Оба присоединили свое негодованіе къ негодованію цѣлаго города и пуще всѣхъ принялись роптать противъ деспотизма и произвола архіепископа валенсійскаго. Сверхъ-того трехдневное закрытіе фабрики и мастерскихъ портнаго Трухильо вы-

глаго на улицу сотню праздныхъ работниковъ, которымъ хозяинъ не далъ жалованья и которые также увеличили число недовольныхъ, не считая постоянныхъ посѣтителей «Золотаго Солнца», которые не нашедши доступа въ обыкновенномъ своемъ пріютѣ, принуждены были разбрестись по другимъ заведеніямъ, для изліянія своихъ чувствъ въ дружеской бесѣдѣ за бутылкой или высказывать свои политическія мнѣнія на вольномъ воздухѣ.

Слѣдствіе не трудно было предвидѣть. Въ первый день народъ ограничился ропотомъ, стеченіемъ подъ окнами великаго инквизитора и криками: — Да здравствуютъ фуэросы!

Къ вечеру волненіе усилилось. Скопища сдѣлались многочисленнѣе и грознѣе. Инквизиціонныхъ служителей, которые вздумали разгонять, самихъ прогнали, обругали, поколотили и закидали грязью.

Затѣмъ ночь прошла довольно спокойно; но на другой день буря еще усилилась. Педральви и его товарищи пришли на площадь въ то самое время, когда по повелѣнію Рибейры складывался костеръ для назначенной церемоніи. Костеръ разнесли по щепкамъ и Педральви первый закричалъ:

— Долой инквизицію! смерть инквизиторамъ!

Никогда еще такой отчаянно дерзкій крикъ не раздавался на улицахъ Пампелуны. Народъ поколебался съ минуту. Педральви съ товарищами снова крикнулъ. Громъ не убилъ ихъ, небо не померкло. Чернь ободрилась и подхватила:

— Долой инквизицію! смерть инквизиторамъ!

Когда отголоски Пампелуны повторили этотъ крикъ, когда испанскія уши привыкли къ нему, онъ показался столь же легкимъ къ произношенію, какъ и другіе, и скоро раздался на всѣхъ улицахъ. При этомъ богохульствѣ черня перепуганные мѣщане, устрасая гнѣву небеснаго, заперли свои лавки, сбѣжали въ ратушу и, послѣ шумнаго и довольно безтолковаго совѣщанія, выбрали депутатовъ, которымъ поручили сдѣлать великому инквизитору послѣднее представленіе.

Рибейра, несмотря на свое фанатическое ослѣпленіе, не то чтобы струсиль, а таки порядочно встревожился. Онъ думалъ, что ему грезится нелѣпный сонъ, когда услышалъ подъ своимъ окномъ первыя изъясненія народнаго мнѣнія, но когда до слуху его достигъ безумный, неслышанный, невѣроятный крикъ: «Долой инквизицію! смерть инквизиторамъ!» онъ привскочилъ отъ изу-

мдеи́и и ужасу, какъ-будто порядокъ природы нарушился, какъ-будто вселенная опрокинулась и падаетъ въ хаосъ.

Онъ поспѣшно собралъ главныхъ членовъ инквизиціи, не выключая и Аллыаги. Надменный лобъ его свѣтился всёю тою же гордостью и отважностью, но въ глубинѣ сердца у него было уже не столько твердости, сколько онъ старался выказать. Онъ хотя созвалъ священное судилище затѣмъ, какъ говорилъ, чтобы согласиться насчетъ строгихъ мѣръ къ наказанію ереси и возмущенія, однако жъ былъ совершенно готовъ и договариваться.

Въ эту минуту явились депутаты изъ ратуши. Они подали инквизитору свое объясненіе письменно, а сами пошли дожидаться отвѣта въ часовнѣ Святаго Доминика.

— Братья! сказалъ съ важностью Рибейра, прочитавъ представленіе: я, какъ вамъ извѣстно, всегда усердно прилагалъ стараніе о пользахъ вѣры и инквизиціи. Но эти благочестивыя чувствованія не мѣшаютъ мнѣ оплакивать беспорядки, возникшіе въ этомъ городѣ, и озаботиться о прекращеніи ихъ, потому что наше назначеніе въ томъ состоитъ, чтобы принуждать слѣпыхъ видѣть, глухихъ слышать и заблудшихъ воротиться на путь истины.

Онъ пріостановился, взглянулъ на товарищей, которые слушали его съ удивленіемъ, и продолжалъ болѣе кроткимъ, отеческимъ тономъ:

— Вотъ, къ намъ обращается съ скромною просьбой не эта нечестивая чернь, которую я презираю и которую мы накажемъ, лишь только будемъ имѣть время, но депутация отъ здравомыслящей и почтенной части населенія, отъ достойныхъ мѣщанъ и купцовъ города Пампелуны, которыхъ имена я вамъ прочту....

Между-этими именами въ числѣ первыхъ стояли содержатель гостиницы «Золотаго Солнца» Хинесъ Пересъ де-Ила и портной-фабрикантъ Трухильо.

— Чего жъ они просятъ? спросилъ одинъ изъ членовъ инквизиціи.

Рибейра пожалъ плечамъ и отвѣчалъ:

— Они утверждаютъ, что ихъ фуэросы имъ однимъ даютъ право судить преступниковъ, которыхъ мы осудили.

— Отвергаемъ! отвергаемъ! вскричали многіе члены.

— И я тоже отвергаю! гордо сказалъ Рибейра: я всегда буду отвергать. Впрочемъ вы увидите, что ихъ просьба — почти при-

званіе нашихъ правъ: они требуютъ, чтобы преступники были переданы имъ въ руки.

Алъяга вздрогнулъ.

— Они требуютъ, чтобы по-крайней-мѣрѣ исполненіе приговора было предоставлено имъ, если судъ уже совершенъ по-мимо ихъ. Костеръ, который я приказалъ сложить, они разнесли, потому что онъ слишкомъ явно доказывалъ нарушеніе ихъ правъ и привилегій. Если преступники будутъ казнены огнемъ, все будутъ видѣть въ этомъ дѣло инквизиціи. Если же ихъ казнить веревкою, на висѣлицѣ, это будетъ исполненіе гражданского суда, будетъ значить, что самъ народъ судилъ. Однимъ словомъ, братія, вопросъ заключается въ слѣдующемъ: мы осудили преступниковъ, а они желаютъ казнить; мы опредѣлили смерть на кострѣ, а они — смерть на висѣлицѣ. Другаго удовлетворенія они не требуютъ и мнѣ кажется, что мы не можемъ отказать имъ. Нужно умѣть согласиться на пожертвованія, если того требуетъ общественное спокойствіе.

Собраніе отвѣчало одобрительнымъ говоромъ.

У Алъяги холодный потъ выступилъ на лбу. Онъ видѣлъ, что все погнбло, народъ и инквизиція примпрлись. Объ эту двойную силу все должно было сокрушиться. Онъ понималъ, что Аяха и Исидъ, преданные въ руки народа, живые не вырвутся, и что ни убѣжденіемъ ни силой не остановишь ярости толпы, еще успевшей веселіемъ побѣды.

Этого примиренія не должно было допустить, во что бы то ни стало.

Алъяга всталъ и съ жаромъ вскричалъ, что онъ, съ своей стороны, никогда не согласится на подобную уступку, и проявленіе слабости и трусости, которыя навсегда опозорили бы инквизицію и потрясли бы въ основаніи все ея права.

При этой неожиданной выходкѣ все взволновалось. Рыбейра бросилъ на Алъягу гнѣвный взглядъ, но тотъ не робѣя продолжалъ:

— Да, братія! я, котораго обвиняли въ послабленіи правъ нашего ордена и священнаго судилища, когда къ тому еще не было ни какого повода, потому что процессъ, о прекращеніи котораго насъ просили, не былъ еще начатъ, я объявляю, что готовъ защищать эти права противъ высокопреосвященнаго инквизитора, котораго уважаю и которому удивляюсь. Какъ! вы, нашъ начальникъ, нашъ разумъ, нашъ свѣтильникъ! вы, который за нѣсколь-

ко дней назадъ сами говорили намъ: «Кто уступить въ нашихъ правахъ хоть на одинъ волосъ, тотъ нанесетъ смертельный ударъ ордену Доминика и святой инквизиціи....»

— Позвольте! перебилъ смущенный инквизиторъ.

— Вы сами сказали, продолжалъ Аллыага съ возрастающею силой: вы сами произнесли достопамятныя слова, которыя вѣзались въ памяти каждаго изъ насъ: «Мы клялись у подножія престоловъ Божіихъ, цѣною нашей жизни сохранять права инквизиціи неприкосновенными.»

— Однако жъ, братъ мой.... проговорилъ Рибейра съ возрастающимъ замѣшательствомъ.

— Вы сказали: «сохранимъ наши права неприкосновенными!» Неприкосновенными! это великое и священное слово заключаетъ въ себѣ все! Оно будетъ впредь закономъ для насъ. И вы же хотите пампелунской черни предоставить исполненіе нашихъ приговоровъ!

— Правда, правда, нельзя! сказали вѣкоторые члены.

— Если мы не посмѣемъ сами исполнить, значить, мы не имѣли права произнести ихъ.

— Правда, правда, подтвердило еще бѣльшее число голосовъ.

— Когда же уложенія священнаго судилища повелѣвають, чтобы всякій еретикъ былъ наказываемъ смертью отъ огня, отъ огня, земной эмблемы вѣчнаго пламени, которое должно очистить его душу; когда такъ сказано въ уставѣ нашего ордена, написанномъ самимъ святымъ Доминикомъ, то можемъ ли мы измѣнить его опредѣленіе? Кто покусится на это, тотъ совершитъ святотатство, за которое отвѣчаетъ Богу и этому священному судилищу, передъ которымъ я готовъ явиться его обвинителемъ, кто бы онъ ни былъ.

Инквизиторамъ очень пріятно польстило, что въ средѣ ихъ нашелся человѣкъ съ такою смѣлостью, къ какой никто изъ нихъ не чувствовалъ себя способнымъ. По собранію снова пробѣжалъ одобрительный гѣворъ. Рибейра затрепеталъ, потому что онъ зналъ, что Аллыага исполнитъ угрозу.

— Но, продолжалъ Аллыага, сохрани меня Богъ, чтобы я сталъ такимъ образомъ изъяснять благочестивыя намѣренія достойнаго архіепископа, предсѣдателя нашего, или чтобы я сталъ называть ересью ошибку, которую онъ видитъ лучше меня и которую свѣтлый разумъ его уже давно постигъ.

— Правда, правда, поспѣшно замѣтилъ великій инквизиторъ

напрасно стараясь скрыть свой гнѣвъ, тѣмъ болѣе сильный, что ловкій противникъ поражалъ архіепископа собственнымъ его оружіемъ.

Рибейра очень хорошо чувствовалъ, что негодование Аллѣага было подложное и что королевскій духовникъ намѣренъ только низвергнуть его въ пропасть, въ которой должны были сокрушиться его слава, народность и могущество. Какъ было остановиться на крутомъ склонѣ, на который самъ зашелъ? Однако жъ онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе.

— Я признаю, сказалъ онъ, что мы не должны уступать ни одного изъ нашихъ правъ. Мы должны отстаивать ихъ, во что бы то ни стало. Я поддержу, я снова воздвигну разнесенные костры инквизиціи.

— Хорошо! хорошо! сказали инквизиторы.

— Но, чтобы не подать народу поводовъ къ новымъ смутеніямъ и преступленіямъ, которыя мы должны будемъ карать, я сдѣлаю другое предложеніе, которое, надѣюсь, заслужитъ одобреніе моихъ братій.

Собраніе внимательно притихло.

— Я соглашаюсь съ мнѣніемъ брата Лунса Аллѣага, продолжалъ Рибейра: я также полагаю, что мы сами должны исполнить приговоръ нашего суда, но только не завтра, а сегодня же.

— Какъ такъ? спросилъ Аллѣага съ безпокойствомъ.

— Я полагаю сейчасъ же сложить костеръ на дворѣ инквизиціи и предать осужденныхъ еретиковъ заслуженной смерти прежде нежели чернь успѣетъ рѣшиться на сопротивленіе.

— Да, это правда; это хорошо, сказали нѣкоторые члены.

— А я вижу значительное затрудненіе, возразилъ Аллѣага: скрываются обыкновенно не судьи, а преступники. Судья отвѣчаетъ за свои дѣйствія открыто, передъ лицомъ неба и людей. Неужели же инквизиція трепещетъ въ Испаніи? Неужели инквизиція произнесла приговоръ несправедливый и непозволительный, что она скрывается во мракѣ, чтобы исполнить его? Не такъ ли скажутъ объ насъ, братія? Благочестивый предсѣдатель нашъ слишкомъ хорошо убѣжденъ въ справедливости своего приговора, чтобы отречься отъ него.

— Конечно. Я и не отрекаюсь. Напротивъ, я горжусь имъ, отвѣчалъ Рибейра съ горечью.

— Я такъ и хотѣлъ сказать, продолжалъ Аллѣага: но гордиться и торжествовать мы должны при свѣтѣ дня, а не въ

потьмахъ. Мы всё готовы явиться завтра подъ хоругвью святаго Доминника; мы всё торжественно по всему городу поведемъ осужденныхъ на костеръ и начальникъ нашъ пойдетъ впереди.

— Вамъ не завидна ли эта честь? спросилъ съ досадою Рибейра.

— Конечно, я выпросилъ бы ее себѣ, если бы вы отказались.

— Вы такъ увѣрены въ скромности народа?

— А неужели вы боитесь его, ваше высокопреосвященство?

При этихъ словахъ все благоразуміе оставило архіепископа. Слышась уже только своего гнѣву, своего оскорбленнаго самолюбія, онъ вскричалъ:

— Завтра ауто-да-фе! Завтра костеръ воздвигнется на площади Пампелуны. Завтра, въ виду всей Испаніи, ворота этихъ палатъ откроются и я самъ, одинъ, если нужно, съ хоругвью святаго Доминника въ рукахъ пойду по рядамъ черни, которую презираю и которую однимъ моимъ словомъ положу къ ногамъ своимъ!

Депутатамъ отъ сословія имепитыхъ гражданъ города Пампелуны дали отвѣтъ, что инквизиція рѣшительно не намѣрена уступить своихъ правъ и что приговоръ совершится по уставу, какъ должно.

Вѣсть эта съ быстротою молніи разнеслась по всему городу. Хинесъ Пересъ и сеньоръ Трухильо дѣятельнѣе всѣхъ распространяли ее и явились самыми жаркими и красворѣчивыми защитниками фуэросовъ. Педральви и Гонгарельо съ товарищами также продолжали свои дѣйствія. Раздраженіе достигло крайней степени. Народъ еще не зналъ, что будетъ дѣлать, однако уже рѣшился во что бы то ни стало отстоять свои нарушенныя права и привилегіи.

Рибейра съ своей стороны приготовлялся къ оборонѣ. Всѣ инквизиціонные служители и всѣ альгуасилы города были собраны по его приказанію. Въ палатахъ инквизиціи находился большой арсеналь, а народъ не имѣлъ оружія.

Но это не тревожило Аллыагу. Онъ очень хорошо зналъ, что народъ съумѣетъ сдѣлать себѣ оружіе и что альгуасиловъ колотить ему не учиться стать.

Трудность состояла въ томъ, рѣшится ли чернь напасть на инквизицію въ процессіи, идущую подъ хоругвью святаго Доминника, тогда какъ народъ привыкъ простираться ницъ передъ этою процессіей. Надобно было подать ему примѣръ. Все зависѣло отъ удачи первой попытки.

Гонгарельо былъ человекъ преданный и разглагольствовавъ усердно, но не годился тамъ, гдѣ требовалось дѣйствіе. Педральи и нѣсколькихъ его товарищей было недостаточно для произведенія нападенія: бросившись одни изъ толпы, они обнаружили бы свою слабость и ихъ скоро перехватили бы. Нужно было найти союзниковъ по-смыслу пиементыхъ гражданъ города Пампелуны, союзниковъ безъ предразсудковъ и страху, такихъ, которыхъ бы не устрашили ни черныя рясы инквизиторовъ, ни хоругвь святаго Доминика. Аллыага находился въ довольно страшномъ положеніи: онъ всего болѣе опасался, что на него не нападутъ. Все для него погибнетъ, если народъ почтительно разступится и преклонится передъ процессіею, въ которой онъ пойдетъ со своими сочленами по улицамъ города. Всю свою надежду онъ возлагалъ на бѣшенство толпы, на беспорядокъ, на опасности, которыми самъ повергнется и съ помощью которыхъ могъ надѣяться освободить Анху и Иесяда.

Аллыага заперся въ своей келлі, которую занималъ во время пребыванія въ инквизиціи, и раздумывалъ о предполагаемыхъ событіяхъ наступавшаго дня, когда увидѣлъ въ аллеѣ сада рослаго монаха, который, съ нетерпѣніемъ прохаживаясь взадъ и впередъ, повидному поджидалъ кого-то. Аллыага взглянулъ пристальнѣе и ему показалось, что онъ узнаетъ стариннаго знакома.

Это была фizioномія довольно оригинальная, такъ, что видѣвши ее однажды, трудно было забыть. Аллыага скоро вспомнилъ, что это тотъ самый полу-Индѣецъ, полу-Испанецъ, Акальпуко, который въ Айгадорскомъ Монастырѣ исполнялъ должность брата-искупителя и по волѣ архіепископа Рибейры, увѣщевалъ плетью неговорящихъ еретиковъ.

Черезъ минуту потомъ Аллыага увидѣлъ, что къ поджидавшему подошелъ какой-то человекъ, таинственно закутанный въ плащъ. Акальпуко поспѣшилъ къ нему навстрѣчу. Когда они сошлись, Аллыага разглядѣлъ незнакома въ лицо и узналъ бывшаго королевскаго камердинера Латбра.

Онъ что-то шепнулъ монаху, вручилъ записку и исчезъ.

Какія сношенія этотъ человекъ могъ имѣть съ преданнымъ Рибейрѣ монахомъ? Это свѣдѣніе могло пригодиться. Аллыага поспѣшно вышелъ и встрѣтилъ Акальпуко на крыльцѣ великаго инквизитора.

— Одно слово, братъ мой, сказалъ онъ, откинувъ капюшонъ. Но прежде всего скажи, ты узналъ меня?

— Возможно ли?... Сеньоръ Пикильо!

— Да, я, тотъ самый, которому ты нѣкогда оказалъ важную услугу, когда за нѣсколько реаловъ обманулъ и аббата Ромейро и высокопреосвященнаго архіепископа Рибейру.

— Молчите, молчите! вскричалъ Акальпуко въ страхѣ.

Альиага съ удовольствіемъ увидѣлъ, что монахъ такой же трусъ какъ былъ прежде.

— Я погибъ, продолжалъ монахъ, если кто-нибудь услышитъ ваши рѣчи, потому что я пользуюсь довѣріемъ его высокопреосвященства.

— Такъ ты у него изъ приближенныхъ нынче?

— Да, я у него въ службахъ.

— И поэтому тебѣ поручено принимать тайныя записки?

— Кто вамъ сказалъ? вскричалъ Акальпуко, поблѣднѣвъ.

— Латѣрь сейчасъ подалъ тебѣ, я видѣлъ.

— Такъ молчите, ради Бога. Этого никто не долженъ знать.

— Ты знаешь, что я скромнѣвъ. Я уже доказалъ тебѣ это тѣмъ, что никому не открылъ, какъ подкупилъ тебя. Отдай мнѣ эту записку.

— Какъ можно! что вы? Вѣдь это къ великому-инквизитору!

— Я аббатъ Луисъ Альиага, королевскій духовникъ. Я прикажу тотчасъ же схватить тебя, какъ виновнаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ бывшимъ королевскимъ камердинеромъ, котораго я отставилъ отъ должности за важные проступки противъ особы короля.

Акальпуко затренигалъ.

— Самъ великій-инквизиторъ тебя не спасетъ. Впрочемъ, онъ и не захочетъ вступаться за тебя, если я ему скажу, что ты однажды уже продалъ его за нѣсколько реаловъ.

— Да, признаюсь, я тогда глупо сдѣлалъ; согрѣшилъ, окаянный, сказалъ съ сокрушеніемъ монахъ: не стоило измѣнять изъ за такой бездѣлицы.

— Правда. Зато теперь я богаче и награжу тебя лучше.

— Что вы хотите сказать?

— Что ты получаешь на службѣ у Рибейры?

— Двадцать пять червонцевъ въ годъ.

— Я тебѣ дамъ пятьдесятъ за одинъ день.

— Но что же прикажете мнѣ дѣлать?

— Ничего.

— Это не много. Однако, что-нибудь да нужно же, вѣроят-

— Ничего не нужно. Тебѣ должно только молчать. Чтобы никто не зналъ, что мы съ тобою видѣлись и что ты отдалъ мнѣ это письмо.

— Такъ письмо я долженъ отдать ?

— Разумѣется.

— Ну, извольте.

— А вотъ тебѣ впередъ двадцать пять червонцевъ. Въ какомъ часу Латѣръ придетъ за отвѣтомъ ?

— Сегодня вечеромъ, въ девять часовъ.

— Хорошо. Въ половинѣ девятаго ты приди за моимъ отвѣтомъ.

Акальпуко ушелъ и Аллыага, воротившись въ свою келлію, поспѣшилъ распечатать таинственное посланіе. Оно было слѣдующаго содержанія :

«Чтобы избѣжать преслѣдованій моихъ враговъ, которые вѣстѣ съ тѣмъ и вами, я не опровергла слуховъ о моей смерти. Преданный мѣй слуга, черезъ котораго вы получите эту записку, одинъ знаетъ о моемъ убѣжищѣ, а я по одному вашему слову готова явиться къ вамъ. Между тѣмъ я должна предупредить васъ, что народъ, возмущаемый нѣкоторыми Подральви и другими клеветами аббата Лунса Аллыаги, намѣренъ произвести мятежъ и во время смятенія похитить преступниковъ, которыхъ вы достойно осудили на сожженіе и которыхъ смерть можетъ упрочить спокойствіе Испаніи и ваше торжество. Чтобы разстроить ихъ планы, я укажу вамъ хорошаго и отважнаго человѣка, на котораго вы можете положиться. Въ темницѣ инквизиціи, по распоряженію аббата Аллыаги, содержится бывшій капитанъ вольнаго судна «Санъ-Лукаръ», который за двѣ сотни піастровъ можетъ сегодня же вечеромъ явиться въ Намислуну своего штурмана Барбастро и человѣкъ двѣсти знакомцевъ-матросовъ, пребывающихъ теперь въ ундальяхъ Саворы. Воспользуйтесь этимъ важнымъ указаніемъ и смотрите на него только какъ на выраженіе моей преданности вамъ и усердія къ вѣрѣ, которую вы защищаете.»

Подпись не было, но не трудно было узнать графиню д'Альтамира, если бы даже Аллыага и не былъ знакомъ съ ея почеркомъ.

— Враги самі присылаютъ вамъ союзниковъ, сказалъ Аллыага, вторично перечитавъ письмо.

Онъ принялъ отвѣтить темницу, въ которую нѣсколько дней тому назадъ заключилъ Хуана-Батиста Бальсаре.

При видѣ стариннаго знакома, бандитъ затренилъ и вообразилъ, что послѣдній часть его наступилъ. Каково же было его изумленіе, когда Аллыага положилъ передъ нимъ бумагу, перо, поставилъ чернилицу и сказалъ :

— Пиши. Я буду диктовать.

На возраженія аббата не отвѣчалъ. Надобно было повиноваться.

«Любезные и достойные товарищи, диктовалъ Аллыага: завтра поведутъ меня на костеръ....»

— Завтра? съ ужасомъ спросилъ бандитъ.

Аллыага, вмѣсто отвѣта, повелительнымъ знакомъ заставилъ его продолжать. Бальсейро повиновался.

«Завтра меня въ торжественной процессіи поведутъ на площадь Пампелуны. На этотъ разъ мало у меня остается надежды на спасеніе. Однако жъ, это зависитъ отъ васъ....»

Бальсейро опять остановился и съ удивленіемъ и любопытствомъ посмотрѣлъ на Аллыагу. Тотъ молча повторилъ приказаніе продолжать.

«Вы, товарищи, ничего не боятесь. Вы одни можете спасти меня. Для этого вамъ стѣитъ только забраться въ городъ, подъ видомъ купцовъ или мѣщанъ, и завтра напасть, разогнать процессію, которая, какъ обыкновенно, будетъ состоять изъ монаховъ, альгуасиловъ и инквизиціонныхъ служителей.»

Бальсейро напрасно старался объяснить себѣ это странное посланіе. Аллыага торопилъ его, диктуя приписку :

«Такъ какъ я не могу требовать, чтобы трудились для меня даромъ, то черезъ посланнаго, на котораго можете вполне положиться, вы получите по ціаэтру на брата впередъ, а по окончаніи экспедиціи столько же.»

— Такъ вы не шутите? вскричалъ Бальсейро, опустивъ руки отъ удивленія.

— Подписывай! сухо отвѣчалъ Аллыага.

— Какъ! въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ бандитъ и безъ стыда подписалъ: «Командиръ шкуны Санъ-Лукаръ, капитанъ Хуанъ-Батиста Бальсейро». Ты! продолжалъ онъ: ты, Пикильо, спасешь меня? Стало-быть ты очень великодушенъ или я тебѣ очень нуженъ. Ну, тѣмъ лучше. Я очень радъ, потому что и непріатели могутъ отдавать другъ другу справедливость и питать взаимное уваженіе.

Аллыага, не отвѣчая, взялъ письмо, сложилъ, и подложилъ опять бандиту, чтобы надписалъ адресъ.

— А! вскричалъ Бальсейро: теперь я понимаю наконецъ! Вы хотите такимъ образомъ вывѣдать у меня, гдѣ находится моя шайка, хотите принудить меня, чтобы я выдалъ ихъ вамъ! Двѣсти человѣкъ молодцовъ, видно, сосѣдство не очень пріятное господамъ инквизиторамъ! Но... условимся. Вѣдь эта сдѣлка не хуже всякой другой. Будемте говорить откровенно. Я готовъ продать вамъ всѣхъ до одного: это зависитъ отъ цѣны. Чтѣ вы дадите мнѣ за указаніе мѣстопробыванія моей шайки?

Алъяга взглянулъ на него съ презрѣніемъ, указалъ на конвертъ и продиктовалъ адресъ:

«Штурману Барбастро, въ ущельяхъ Саворы, въ окрестностяхъ Пампелуны».

На этотъ разъ Хуанъ-Батиста уже совершенно отказался отъ проинцательности.

— Я уважаю тебя, Пькильо! сказалъ онъ написавши: я не могу не уважать тебя! Я истинно уважаю тебя и горжусь тѣмъ, что ты вѣкогда былъ моимъ ученикомъ. Я удивляюсь тебѣ!...

Алъяга не удостоилъ его отвѣта, взялъ письмо и вышелъ. Дверь темницы снова затворилась и Бальсейро остался наединѣ съ своимъ удивленіемъ.

Черезъ вѣскольکو минутъ потомъ, въ осемь часовъ вечера, Педральни, снабженный письмомъ Хуана-Батиста и двумя стами пиастровъ отправился въ ущелье Саворы.

Въ половинѣ девятаго Акальпуко явился въ келлію къ своему новому господину. Тотъ далъ ему порученіе, не письменное, а изустно и, заставивъ два раза повторить сказанное, пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ садъ инквизиціонныхъ палатъ.

Акальпуко занялъ свой постъ въ аллеѣ, гдѣ дожидался въ полдень. Алъяга спрятался за кусты въ двухъ шагахъ отъ своего новаго повѣреннаго.

Ровно въ девять часовъ Латоръ явился.

— Ну, чтѣ? спросилъ онъ.

— Великій-инквизиторъ прочиталъ письмо твоей барыни и приказалъ сказать, что воспользуется совѣтомъ.

— Хорошо. Но отчего же нѣтъ записки?

— Онъ говоритъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ отвѣчать письменно.

— А! понимаю.

— Но завтра вечеромъ, въ эту пору, онъ ожидаетъ графиню къ себѣ.

— Хорошо, я скажу.

— Мне поручено принять ее здесь и проводить къ его высококонфессорству.

— Хорошо. Спокойной ночи, братъ Акальнуко.

— Спокойной ночи, сеньеръ Латёръ.

Каммердвьеръ ушелъ. Акальнуко оборотился къ кустамъ и вполголоса спросилъ:

— Хорошо ли, почтеннѣйшій отецъ?

— Хорошо. Ступай теперь и помни свое слово, нето я припомню свое.

Черезъ часъ потомъ всѣ свѣчи потухли въ палатахъ инквизиции и водворилась совершенная тишина. Инквизиторы и служители уснули въ ожиданіи слѣдующаго торжественнаго дня.

День насталъ пасмурный, мрачный. Небо было покрыто сѣрыми тучами. Все утро шелъ дождь. Это обстоятельство очень не нравилось Аллыагѣ и его друзьямъ, которымъ нужно было большое стеченіе народа, а въ слякоть кому охота выходить на улицу, хотя бы и ради правъ и вольностей. Самые рѣшительные мятежи всегда совершались при ясной погодѣ.

Въ ночь, по приказанію великаго-инквизитора, на площади сложили костеръ и тройной рядъ инквизиціонной стражи охранялъ приготовленія къ торжественной казни. Въ десять часовъ утра по всему городу раздался звонъ колоколовъ. Народъ, несмотря на ненастную погоду, началъ высыпать на улицы, но всѣ смотрѣли другъ на друга молча и со страхомъ. Казалось, роковая минута у всѣхъ подкосила храбрость и прильнула къ гортани языкъ, который такъ бойко хвасталъ наканунѣ.

Аллыага смертельно терзался, однако жъ самая опасность придавала ему силы. Последнее утѣшеніе онъ находилъ въ томъ, что умереть съ Анхою и Исидомъ, если не успѣетъ спасти ихъ. Но болѣе всѣхъ состраданія заслуживалъ несчастный король: онъ не имѣлъ возможности дѣйствовать и, будучи терзаемъ страхомъ и неизвѣстностью, не могъ оказать никакого вліянія на событія, отъ которыхъ зависѣло его счастье и несчастіе. Онъ почти не выходилъ изъ своей домашней часовни, гдѣ проводилъ все время въ молитвѣ за герцогиню Савтаремъ. Въ роковое утро онъ ожидалъ своего духовника съ нетерпѣніемъ и обрадовался ему какъ ангелу-избавителю.

— Ободритесь, ваше величество, сказалъ Аллыага: есть надежда. Мы спасемъ Анху.

— Какимъ образомъ?

— Положитесь только на насъ, ваше величество. Планы великаго-инквизитора будутъ разстроены.

— Однако жъ безъ оскорбленія инквизиціи, я надѣюсь?

— Совершенно безъ обиды невозможно, ваше величество: вѣдь мы отбиваемъ у нея ея жертву.

— Такъ. Но, пожалуйста, безъ шума, безъ позору.

— Постараемся, ваше величество.

На всѣхъ колокольняхъ города пробило двѣнадцать. Народъ, давно собравшійся передъ палатами инквизиціи, стѣснившись въ плотную массу, мало-по-малу разогрѣлся и началъ разсуждать. Говоръ этотъ постепенно усиливался и сдѣлался наконецъ довольно шумнымъ. Нѣкоторые, принявъ на себя обязанности представителей общаго мнѣнія, начали даже покрикивать.

— Да! говорили они: если инквизиція не согласилась на наше предложеніе, такъ и намъ не слѣдъ уступать!

— Пусть выдадутъ преступниковъ или мы сами возьмемъ!

— Мы не хотимъ, чтобы ихъ вывели на костерь!

— Мы не позволимъ сжечь: это значило бы признать законность посторонняго суда въ нашемъ городѣ!

— По нашимъ фуэросамъ, по нашимъ законамъ ихъ слѣдуетъ повѣсить!

— И повѣсить мы должны сами! Это наше право, наша привиллегія!

— Да здравствуютъ наши фуэросы!

— Однако жъ на площади-то сложили костерь..

— Такъ что жъ, что сложили? Видишь, инквизиторы вѣтъ.

— Будутъ.

— А посмотри, не будутъ. Двѣнадцать пробило; а ворота еще заверты.

— И не отворятся. Инквизиторы боятся насъ. Они знаютъ, что значить народъ каварренскій, что значать граждане Пампелушы.

— Да, да, пусть только сунутся! Мы имъ покажемъ, что значить идти съ нами наперекоръ!

— Да нустьяки! Они не посмѣютъ!

— Разумѣется, не посмѣютъ....

Въ эту самую минуту ворота палаты инквизиціи отворились настежь. Великій-инквизиторъ явился во всемъ блескѣ отличій своего сана, окруженный членами священнаго судалища, между

которыми находился и Альиага. Вперед, несли монахи, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, Распятіе, хоругвь Святаго Доминика и другую церковную утварь.

Народъ, по привычному, невольному движенію, мгновенно шалъ ницъ. Глубокая тишина, прерываемая только торжественнымъ пѣніемъ монаховъ, смѣнила шумныя разсужденія и хвастливыя угрозы.

Рибейра гордымъ, презрительнымъ взглядомъ окинулъ распростертую у ногъ его толпу, далъ ей свое благословеніе и потомъ съ торжествующимъ видомъ взглянулъ на Альиагу.

Шествіе продолжалось. Позади инквизиторовъ, посреди кающихся шли осужденные. Лица ихъ нельзя было разглядѣть, потому что ихъ совершенно скрывала особаго роду одежда, въ которую всегда одѣвали сожигаемыхъ на кострѣ. Шествіе заключалось отрядомъ вооруженной инквизиціонной стражи.

Когда великій инквизиторъ прошелъ, народъ поднялся на ноги и почтительно смотрѣлъ вслѣдъ на копья и алебарды, которыя издали казались тѣмъ страшнѣе, что не видно было кто ихъ несъ.

Единственное движеніе въ толпѣ произошло отъ любопытныхъ, которые торопливо бросились отъ палатъ инквизиціи по окольнымъ улицамъ на большую площадь, чтобы еще разъ взглянуть на процессію и видѣть казнь.

Испытавъ эту первую неудачу, Альиага поблѣднѣлъ, но старался скрыть свое смущеніе отъ инквизитора. Процессія продолжала свое торжественное шествіе. Повсюду господствовало то же спокойствіе, то же глубокое молчаніе, нарушаемое только пѣніемъ хора монаховъ. На лицахъ зрителей примѣтно было выраженіе странной смѣси трусливаго негодованія и невольнаго восторга. Альиага не встрѣтилъ ни одного знакомаго лица. Только на углу улицы Таконнера Гонгарелью стоялъ на тумбѣ какъ ораторъ на кафедрѣ. Лицо его было одушевлено только-что конченною возмутительною рѣчью. Но едва подошла процессія, онъ соскочилъ съ тумбы, снялъ шляпу и кланяясь проворчалъ сквозь зубы:

— Этакіе трусы! Ни одинъ не смѣетъ подать голоса!

Не одинъ бѣдный Гонгарелью былъ того же мнѣнія о своихъ сосѣдяхъ: каждый негодовалъ на всѣхъ и всѣ при проходѣ процессіи почтительно кланялись и потупляли глаза.

Альиага съ трудомъ шелъ впередъ: ноги у него подкашива-

лись. Еще одну улицу пройти и процессія достигнетъ до костра. Альиага разсуждалъ про себя, не бросится ли ему самому, съ крестомъ въ рукѣ, посреди толпы и не воззвать ли къ возстанію. Онъ уже рѣшился на это отчаянное средство и хотѣлъ исполнить, когда на поворотѣ въ другую улицу процессія принуждена была остановиться, потому что какой-то мужикъ съ повозкою заслонилъ дорогу и не могъ довольно поспѣшно посторопиться. Альгуасилы и инквизиціонные служители заторопили его. Онъ упалъ и повозка опрокинулась. Между-тѣмъ толпа сзади напирала и въ процессіи произошелъ нѣкоторый беспорядокъ.

Рибейра разсердился и чуть не съ проклятіемъ приказалъ идти вперед. Инквизиціонные служители, поспѣшности ради, при ударили мужика дровками алебарды. Тогда у мужика явилась необыкновенная поворотливость: онъ однимъ ударомъ кулака сшибъ перваго, кто его ударилъ, потомъ у другаго, который хотѣлъ ранить его лезвиемъ алебарды, вывернулъ руку и изъ пистолета убилъ третьяго.

— Къ оружію! защищайтесь, ребята! закричалъ онъ: инквизиціонные стрѣляютъ по гражданамъ Пампелуны!

На этотъ крикъ отозвался крикъ цѣлой толпы. Кромѣ инквизиціонныхъ служителей никто не видалъ, съ которой стороны раздался выстрѣлъ, но всѣ слышали его, также и крикъ Педральви. Это былъ онъ.

— Имъ мало нашихъ правъ, они покушаются на нашу жизнь! продолжалъ Педральви. Защитимся! защитимъ наши права! Да здравствуютъ фуэросы!

— Да здравствуютъ фуэросы! повторила толпа, которая какъ-будто ждала только этой минуты, чтобы высказать свое задушевное мнѣніе.

— Да здравствуютъ фуэросы! закричалъ во всю мочь Гонгарельо, вскочивъ опять на тумбу.

Рибейра самъ схватилъ хоругвь Святаго Доминика и вскричалъ:

— Впередъ! Святой угодникъ самъ проложитъ намъ дорогу!

Въ самомъ дѣлѣ, народъ уходилъ отъ хоругви, однако жъ продолжалъ кричать «да здравствуютъ фуэросы!» и этотъ крикъ какъ-будто относился къ торжеству и чести знамени, потому что никакого другаго враждебнаго дѣйствія не оказывалось.

Но вдругъ шайка чернорабочихъ, довольно подозрительной на-

ружности, рѣшительно бросилась въ самую середину процессіи и закричала:

— Долой инквизицію!

И народъ повторилъ:

— Долой инквизицію!

— Смерть инквизиторамъ! вскричалъ Педральви.

И страшный вояль загудѣлъ по всей толгѣ, которая валила вслѣдъ за торжественнымъ шествіемъ.

— Давай осужденныхъ! отобьемъ осужденныхъ! Судить! судить! будемъ сами судить!

И чернь, бросившись на процессію, въ одинъ мигъ разстроила ряды и разогнала монаховъ и альгуасиловъ во всѣ стороны. Инквизиціонная стража также разбѣжалась. Нѣкоторые изъ преданности, нѣкоторые потому что не знали, куда укрыться, окружили великаго-инквизитора, который въ ярости металъ на толпу авасемю отлученія, бесплодные громы, которые тонули въ шумѣ толпы.

Тогда Рибейра, предавшись гнѣву, ненависти и всѣмъ страстямъ, какія возбудило въ немъ жестоко оскорбленное самолюбіе, приказалъ окружающимъ, во что бы то ни стало, проложить дорогу алебардами.

— Бей! бей! кричалъ онъ: смерть еретикамъ, кто бы они ни были.

И въ этой сумятицѣ переранили множество женщинъ и дѣтей, а святой мужъ повторялъ:

— Бей ихъ, бей!

— Бей, покуда можешь, подхватилъ Педральви, продирався сквозь тѣсоту и, подошедши къ великому-инквизитору, сказалъ:

— Отъ имени моихъ ограбленныхъ и изгнанныхъ братьевъ я иду!

И онъ кинжаломъ поразилъ великаго-инквизитора, какъ чело-вѣкъ, который исполняетъ свой долгъ.

— Два, братья! Второго инквизитора дарю вамъ!

Рибейра упалъ. Пораженіе инквизиціи было совершенное.

Альбага давно уже бросилась туда, гдѣ находились Анха и Исидъ. Фернандъ д'Альбага съ нѣсколькими офицерами былъ уже тамъ, потому что его не связывалъ церемоніаль процессіи. Лишь только ряды сдвинулись, онъ окружилъ, схватилъ осужденныхъ и старался укрыть отъ толпы, сорвавъ одежду оканчивающихъ и

залутать въ свои плащи. Но, къ-несчастью, чернь видѣла все это, преслѣдовала по пятамъ добычу, изъ-за которой схватилась съ инквизиціею. Ожесточеніе всѣхъ, разумѣется, была шайка Хуана Батиста, которая работала за деньги и между прочимъ, въ сумятицѣ, промышляла частнымъ образомъ на собственный счетъ. Фернандъ д'Альбайда и его товарищи, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, непремѣнно пошатнулись бы жизнью, если бъ не подошли Педральви и Алльага.

Педральви продрался къ такъ-называемому штурману капитанъ-бандита и шепнулъ ему:

— Что вы дѣлаете, сеньоръ Барбастро! Вашего капитана теперь ведутъ въ крѣпость, а вы здѣсь отбиваете чужихъ!

Толпа заколыхалась, потому что во многихъ мѣстахъ быстро оказалась убыль. Бандиты бросились въ ближайшую улицу и увлекли за собою значительную часть скопища. Вслѣдъ затѣмъ посреди остальныхъ остолбенѣвшихъ отъ недоумѣнія раздался звонкій голосъ Педральви:

— Спасайся! спасайся, кто можетъ!

И надобно было видѣть какъ храбрые пампелунскіе граждане бросились въ-разсыпную!

Такъ какъ Фернандъ д'Альбайда, увлекая Анху и Исиду пустился по первой улицѣ, которою можно было уйти съ площади, то эта сцена произошла уже опять по близости палаты инквизиціи. Алльага, чтобы спасти брата и сестру отъ рукъ бунтующей черни и выручить Фернанда, еще прежде началъ собирать инквизиціонную стражу. Теперь около него собралось ея столько, что оказалась другая неприятность, — невозможность скрыть спасенныхъ. Но Алльага быстро обдумалъ свой планъ и продолжалъ распоряженія. Онъ подошелъ къ Анхѣ и Исиду, тайкомъ пожалъ имъ руки, потомъ, во всеуслышаніе поблагодарилъ епископа за оказанное инквизиціи пособіе, принялъ арестантовъ на свою отвѣтственность и приказалъ подъ надзоромъ Авальпуко отвезти ихъ въ палаты.

Потомъ, по его же распоряженію положили тяжело раненаго Рыбойру на носилки и подняли хоругвь Святаго Доминика. Нѣкоторые изъ инквизиторовъ, собравшихся около распорядителя, совѣтовали-было, для безопасности отъ мятежниковъ, вернуться въ палаты черезъ заднія ворота, но Алльага не допустилъ такого униженія достоинства священнаго судьища и явился радостнѣйшимъ защитникомъ правъ своего ордена.

— Хоругвь Святаго Доминика не должна прятаться, сказалъ онъ: она можетъ войти только черезъ тѣ ворота, изъ которыхъ вышла.

И процессія съ равненнымъ инквизиторомъ въ отличномъ порядкѣ воротилась домой.

Проходить на этотъ разъ было очень просторно, потому что любопытные слѣдовали только изъ-дали и съ почтительнымъ молчаніемъ провожали побѣжденнаго непріятеля и его знамя. Но когда послѣдній монахъ и послѣдній стражъ инквизиціи скрылись изъ виду за затворенными воротами, толпа опять сбѣжалась какъ вода въ яму и завопила отъ радости.

Съ обѣихъ сторонъ торжествовали побѣду, съ обѣихъ сторонъ провозглашали «Тебѣ Бога хвалимъ!»

И все это совершилось не больше какъ въ одинъ часъ времени.

Народъ однако жъ не полагалъ ограничиться этимъ. Онъ, правда, одержалъ побѣду надъ инквизиціей, однако жъ не получилъ удовлетворенія: ему не выдали осужденныхъ, права его остались не признанными. Все это онъ разсудилъ, когда прошла первая радость, и толпа, разохотившись, забушевала пуще прежняго не только передъ палатами инквизиціи, но и передъ королевскимъ дворцомъ. Взялись не только за Рибейру, но и за герцога Уседу и у самого короля требовали правосудія.

Инквизиція, лишенная начальника и всякой твердости, готова была сдѣлать уступку, но Аллыага непрерывно напоминалъ своимъ товарищамъ о ихъ достоинствахъ и о чести священнаго судилища, такъ, что не было никакой возможности покуситься на визость.

Рана донъ Хуана Рибейры была не опасна. Опасно было только его раздраженіе, отъ котораго онъ получилъ горячку. Въ жару и въ бреду онъ не способенъ былъ ни слушать ни понимать окружающихъ, а между-тѣмъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ инквизиціи нельзя было оставаться безъ начальника.

Нужно было назначить исправляющаго должность и чрезвычайное собраніе единодушно избрало королевскаго духовника, аббата Луиса Аллыагу.

Аллыага принялъ предложеніе съ условіемъ, чтобы ему на время существованія опасности предоставлена была исключительная и безотчетная власть и въ такомъ случаѣ онъ одинъ брался

возстановить порядокъ. На это, разумѣется, согласились, потому что кромѣ Алъяга никто не зналъ, какъ взяться за это дѣло.

Быль шестой часъ вечера. Волненіе на улицахъ Пампелуны всё усиливалось. Всѣ предчувствовали страшную ночь. Опасались новыхъ неистовствъ черни.

Алъяга послалъ въ ратушу, просить депутатовъ городскихъ сословій, чтобы явились въ залу совѣта. Они пришли и новый великій-инквизиторъ принялъ ихъ столько ласково и предупредительно, сколько Рибейра принималъ оскорбительно и надменно.

Алъяга объявилъ депутатамъ, что инквизиція, не желая уступить своихъ правъ, признаетъ однако жъ права народа, и кончилъ свою рѣчь такъ:

— Завтра, къ утру, вы можете поставить на большой площади двѣ висѣлицы.

Депутаты ушли въ восхищеніи, что отстаили свои права и вольности.

Алъяга приказалъ подъ двумя висѣлицами разложить костры и вся коллегія священнаго судилища была въ восторгѣ отъ остроумнаго соглашенія противоположныхъ требованій.

Прежде этого еще Алъяга видѣлся съ Анхой и Иесидомъ, которыхъ при помощи Акальпуко помѣстилъ не въ темницѣ, а въ удобной и чистой келліѣ. Для несчастныхъ, такъ долго томившихся въ одиночествѣ, одно свиданіе уже было великимъ счастьемъ.

Сколько слезъ у нихъ было пролито, сколько страданій они перенесли съ-тѣхъ-поръ какъ разстались!

Но и радость свиданія несчастнаго семейства Деласкара д'Альберика была не продолжительна. Скоро у каждаго изъ нихъ родилась мысль объ отцѣ.

— Гдѣ онъ? вскричалъ Алъяга: гдѣ вы оставили его?

— Ничего не осталось, ни даже могилы! отвѣчала Анха. Его изрубили въ объятіяхъ дочери и волны морскія приняли окровавленный трупъ.

И она рассказала преступленія Хуана-Батиста Бальсейро.

— Отецъ мой, ты будешь отомщенъ! прошепталъ Алъяга, обративъ глаза къ небу.

Время было дорого. До утра оставалось еще сдѣлать много распоряженій. Алъяга успокоилъ брата и сестру увѣреніемъ, что они скоро будутъ свободны, виѣ всякой опасности, и наконецъ не безъ труда рѣшился проститься съ ними.

Тутъ только, при слабomъ свѣтѣ лампы, которая освѣщала келліи, онъ примѣтилъ, какъ измѣнилась Ауха. Онъ ужаснулся, но не удивился. Она столько претерпѣла терзаній, столько видѣла ужасовъ на кораблѣ, во власти бандитовъ, въ Благовѣщенскомъ Монастырѣ и въ рукахъ инквизиціи, что удивительнѣе было, какъ она все это вынесла.

— Сестра моя! вскричалъ Аллыага съ чувствомъ: милая сестра моя, скоро твои страданія кончатся.

Она поблагодарила его грустною улыбкой и отвѣчала:

— Да, скоро.... я надѣюсь.

Отъ Аухи и Исиды Аллыага поспѣшилъ принимать депутатовъ города Пампелуны, а потомъ повидался съ Фернандомъ и Педральви.

Шайку капитана Бальсейро отпустили съ обѣщанною наградой и она въ тотъ же вечеръ выбралась изъ городу, потому что о существованіи своего атамана собственно очень мало заботилась. Городъ сталъ наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ.

Большая часть улицъ была иллюминирована по случаю примиренія съ инквизиціей. Граждане расхаживали съ сіюющими, раздѣвѣнными лицами, торжествовали побѣду и поздравляли друга друга съ настойчивостью, которую явило гражданство Пампелуны.

Аллыага, послѣ свиданія съ Фернандомъ и Педральви, воротился въ палаты инквизиціи. Акальпуко стоялъ на своемъ постѣ, въ саду, и дожидался приходу графини д'Альтамира.

Ровно въ девять часовъ она явилась.

Акальпуко задними ходами проводилъ ее въ кабинетъ великаго инквизитора, знакомый ей какъ-нельзя лучше. На порогѣ провожатый отсталъ. Дверь затворилась и графиня д'Альтамира осталась наединѣ съ могущественнымъ сановникомъ, который сѣлъ въ наклонившись надъ письменнымъ столомъ и разбиралъ какія-то бумаги.

Онъ поднялъ голову. Графиня вскрикнула отъ ужаса и остолебѣла. Она увидѣла аббата Аллыагу.

Аллыага знакомъ пригласилъ ее сѣсть, но она отступила.

— Извините, аббатъ, сказала она съ замѣтательствомъ: я пришла повидаться съ великимъ-инквизиторомъ.

— Вы передъ мной. Я въ эту минуту занимаю его мѣсто по единодушному избранію членовъ свѣдѣнскаго суда и съ со-

изволенія короля. Вы можете сказать мнѣ все, что нужно знать великому-инквизитору.

— Мнѣ нечего сказать Пикелью Алъбагѣ, отвѣчала графиня съ презрѣніемъ.

— Ну, такъ онъ имѣетъ кое-что сказать вамъ, съ важностью возразилъ новый великій инквизиторъ: послѣ вы отвѣтите, если можете.

Онъ снова пригласилъ ее сѣсть и, на этотъ разъ, такъ повелительно, что изумленная графиня почти упала на указанное мѣсто.

Тутъ только она примѣтила, что это была скамья, на которую обыкновенно садились подсудимые.

Графиня д'Альтамира затрепетала. Алъбага, не обращая вниманія на ея смущеніе, продолжалъ медленно, выразительно и торжественно:

— Я, великій-инквизиторъ, аббатъ Луисъ Алъбага, обвиняю васъ, графиня Элеонора д'Альтамира въ покушеніи посредствомъ отравы лишить жизни герцогиню Анху Савтаремъ, въ чемъ вы уже сознались мнѣ.

Я обвиняю васъ въ томъ, что посягая на жизнь этой дѣвушки, вы предали смерти вашу государыню, Маргариту Австрійскую, королеву испанскую, какъ доказываетъ это письмо, подписанное членами езуитскаго ордена, отцомъ Хероме и Эскобаромъ, бывшими вашими совѣтниками.

Я обвиняю васъ въ томъ, что вы наняли бандита Бальсейро и товарища его Барбастро, воджеца Благовѣщенскій Монастырь и умертвить укрывшихся въ немъ Мавританокъ, какъ объявлено въ этой запискѣ самъ Барбастро.

Я обвиняю васъ или, лучше сказать, собственные ваши жертвы вопіютъ противъ васъ. Отвѣчайте мнѣ!

Графиня молчала. Она была блѣдна какъ мертвецъ.

— Отвѣчайте же! Защищайтесь. Я не хочу осудить васъ не выслушавши.

Графиня упала на колѣни и протянула руки:

— Пощадите! пощадите, вскричала она.

— Я не имѣю права щадить. Я могу только судить. Но вы сами уже осудили себя. Вы прослыли жертвою. Донъ Фернандъ д'Альбайда и всѣ наши благородные родственники считаютъ васъ погребенною подъ развалинами Благовѣщенскаго Монастыря. И я полагаю, что лучше... Сомнѣюсь на вашего брата, донъ Хуана,

который слышитъ насъ въ эту минуту.... лучше д'Агиларамъ оплакивать васъ какъ жертву, чѣмъ проклинать какъ преступницу, опозорившую ихъ имя! Выслушайте же вашъ приговоръ! Выслушайте его одинъ, такъ, чтобы не только живые, но и мертвые родные ваши не слышали. Именемъ инквизиціи, которою теперь начальствую, я осуждаю васъ, графиня д'Альтампра, на смертную казнь, какъ отравительницу, поджигательницу и царевубійцу!

Графиня вскрикнула и лишилась чувствъ. Аллыага отвернулся. Въ душѣ его пробудилась жалость. Но онъ собрался съ силами и, положивъ руку на грудь, прибавилъ:

— Я судилъ по совѣсти. Да судить меня Богъ.

Онъ позвонилъ и приказалъ Акальпуко стеречь графиню, а самъ пошелъ въ темницу къ Хуану-Батисту Бальсейро.

— А! вскричалъ Бальсейро, услышавъ стукъ заперовъ: товарищи идутъ выручать меня!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Аллыага: это твой судья, и онъ, такъ же какъ ты, не знаетъ пощады. Къ довершенію всѣхъ твоихъ преступленій ты убилъ невиннаго, беззащитнаго старика. Этотъ старикъ былъ мой отецъ. Не жди отъ меня ничего кромѣ смерти. Постарайся вымолить милосердіе Божіе. Проведи эту ночь въ молитвѣ. Завтра, Хуанъ-Батиста Бальсейро, ты умрешь!

И онъ ушелъ.

— На этотъ разъ, кажется, сраженіе проиграно. Жаль! сказалъ со вздохомъ бандитъ. А впрочемъ, кто знаетъ? Барбастро, можетъ-быть, еще и выручитъ. Я столько разъ оказывалъ презрѣніе къ всѣмъ ея предупрежденіямъ, что она, я думаю, теперь уже сама не захочетъ принять меня.... Эй! отецъ Пахоме! прибавилъ онъ обращаясь къ тюремному сторожу, сквозь маленькое рѣшетчатое окно: сдѣлай милость, на эту ночь....

— Позвать духовника?

— Нѣтъ; принеси трубку, да фляжку вина.

Сторожъ перекрестился и убѣжалъ.

На другой день опять въ Пампелунѣ раздался звонъ колоколовъ; опять толпы народу высыпали на улицы и площади; опять изъ палатъ инквизиціи потянулась процессія для казни двухъ преступниковъ, осужденныхъ инквизиціею по желанію народа, согласно уставу Святаго Доминика и «уэросамъ Наварры, и казненныхъ общими силами духовныхъ и гражданскихъ властей. Церемонія совершалась безпрепятственно, въ отличномъ порядкѣ и любопытные зрители были въ восхищеніи. Все это устроилъ

аббатъ Луисъ Алльяга и толпа, въ восторгѣ, превозносила его до небесъ.

— Да здравствуетъ великій-инквизиторъ! да здравствуетъ Алльяга! кричали граждане Пампелуны во время шествія процессиі.

На мѣстѣ казни, осужденныхъ, одѣтыхъ, какъ обыкновенно, въ одежду окаянныхъ, вздернули на прпготовленныя висѣльницы и пампелунскіе граждане вскрикнули отъ радости, что могли засвидѣтельствовать такое торжественное признаніе ихъ національныхъ правъ и вольностей.

Но черезъ минуту потомъ костры вспыхнули; веревки, на которыхъ висѣли казнимые, подрѣзали и несчастные исчезли въ дыму и пламени, а многочисленный причетъ инквизиціи также торжественно воскликнулъ:

— Слава Богу!

Хоругвь Святаго Доминика и Распятіе поднялись выше и народъ палъ ницъ.

Въ это самое время Исидъ и Анха въ закрытой каретѣ выѣхали за Саросскія Ворота.

Казненные двойною смертію были Хуанъ-Батвста Бальсейро и графиня д'Альтамира.

За Саросскими Воротами дѣтсей Деласкара д'Альберика встрѣтилъ Фернандъ д'Альбайда съ многочисленнымъ и надежнымъ конвоемъ.

— Теперь я за васъ отвѣчаю, сказалъ съ радостью Фернандъ: я охраняю васъ, будьте спокойны. Куда вы желаете ѣхать?

Исидъ зналъ только одно мѣсто, гдѣ могъ почитать себя въ безопасности отъ преслѣдованій, это — подземелье, въ которомъ хранились сокровища его предковъ.

— Поѣдемъ къ отцу нашему, сказалъ онъ.

Анха вздрогнула. Исидъ самъ почувствовалъ страданіе, которое пробудилъ, и поспѣшилъ прибавить:

— Поѣдемъ въ Вальпарайсо.

И карета со своимъ конвоемъ помчалась по дорогѣ въ Валенсію.

Два приговора, произнесенные наканунѣ, были одобрены и подписаны королемъ. По исполненіи ихъ, Алльяга поспѣшилъ отдать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Филиппъ пламенно благодарилъ небо за спасеніе герцогаппи Сантаремъ, какъ-будто за свое собственное. Но радость его тотчасъ же превратилась въ горе, когда Алльяга доказалъ ему, что, по-крайней-мѣрѣ на первый случай, и думать нечего о женитьбѣ

на Анхѣ. Нужно повременить, пока препятствія, которые кажутся теперь непреодолимыми, современемъ, быть-можетъ уничтожатся сами собою.

— Ты знаешь, что эти препятствія могутъ исчезнуть. Скажи же, какимъ образомъ?

— Герцогиня Сантаремъ осуждена на смерть. Ее осудила инквизиція и осудила какъ принадлежащую къ изгнанному племени. Вернуться къ жизни, вернуться въ Испанію она можетъ не прежде какъ по уничтоженіи несправедливаго, варварскаго закона, который опозориваетъ царствованіе Филиппа-Третьяго и разоряетъ Испанію, это вы сами знаете, ваше величество.

— Да, да, теперь я понимаю, сказалъ король со вздохомъ. Но, ты думаешь, это повелѣніе можно отмѣнить?

— Можно, ваше величество. Время, умѣнье и твердость все дѣлаютъ возможнымъ, особенно когда дѣло справедливо и полезно.

— И ты бы взялся за такое предпріятіе?

— Да, ваше величество, если вы общаете мнѣ не торопиться и дать мнѣ волю пользоваться обстоятельствами.

— Я вижу только одно истинное препятствіе, отвѣчалъ король: это Рибейра. Но послѣднія событія доказали мнѣ, что ты умѣе его и я вполне полагаюсь на тебя, Аллыага. Дѣлай, какъ знаешь. Но только дай мнѣ слово, что я скоро увижу герцогиню Сантаремъ.

— Извольте, ваше величество. Я завтра же отправлюсь догнать ее, чтобы поговорить о намѣреніяхъ вашего величества.

— Поѣзжай же. Я буду ожидать тебя въ Мадридѣ. Я не могу долге оставаться въ Пампелунѣ, когда ея здѣсь нѣтъ. Я отказываюсь отъ свиданія съ дворомъ французскимъ. Они слишкомъ долго заставили меня ждать.

На другой день объявлено было возвращеніе двора въ столицу, что несказанно удивило Рибейру, который уже начиналъ приходить въ себя. Онъ уже начиналъ чувствовать свои силы и первымъ проявленіемъ ихъ было приказаніе немедленно арестовать аббата Лупса Аллыагу, какъ измѣнника ордену и государю, какъ отступника и еретика.

Приближенные вообразили, что великій-инквизиторъ рехнулся и поспѣшили объяснить ему, что именно Аллыага и оказалъ ему помощь, Аллыага вырвалъ его изъ рукъ мятежниковъ и воротилъ въ палаты, такъ же какъ и хоругвь Святого Доминика, съ

приличною почестью; Алмьяга, во время его болѣзни, исправлялъ его должность.

— О! значить, все погибло! вскричалъ Рибейра.

— Напротивъ, все спасено.

— А народъ?

— Утихъ и воротился къ своимъ обязанностямъ.

— А осужденные?

— Преданы смерти на кострѣ при радостныхъ крикахъ всего народа.

— А потомъ?

— Потомъ, Алмьяга, узнавъ, что выздоровленіе ваше не замедлится, сложилъ съ себя званіе великаго-инквизитора и сегодня уѣзжаетъ куда-то по порученію его величества.

Рибейра напрасно старался объяснить себѣ эти странныя обстоятельства и втайнѣ послалъ за графинею д'Альтампра. Но, къ великому удивленію его, графиня пропала безъ вѣсти.

Алмьяга дѣйствительно въ тотъ день отправлялся всгдѣ за Авхой. Онъ не захотѣлъ покинуть Педральви и троихъ его товарищей, бывшихъ слугъ Деласкара д'Альберика, которые сослужили ему такую важную службу. Онъ взялъ ихъ съ собою, потому что оставшіе въ Пампелуцѣ безъ его покровительства, они могли подвергнуться опасности. Въ путешествіи они одни составили его свиту и прислугу. На этотъ разъ королевскій духовникъ въ дорогѣ старался какъ-можно меньше привлекать вниманія и скакалъ день и ночь. Въ Вальпарайсо они также прибыли въ ночное время.

Въ первый разъ Пикильо прибылъ туда также вечеромъ. Но какая то была разнища! Тогда онъ засталъ шумъ и движеніе многочисленной семьи. Огни свѣтились во всѣхъ окнахъ мызы и фабрики. Собаки ласкъ возвѣщали возвращеніе хозяина или прибытіе гостя. Слуги проворно бѣгали взадъ и впередъ и открывали пришельцу гостепріимную дверь или сибѣшили прислужить ему.

А въ этотъ вечеръ все было мрачно и пустынно. Стукъ въ ворота нѣсколько разъ нужно было повторить, прежде нежели послышались шаги и ѣликъ.

— Кто тамъ? спросилъ слабый голосъ.

Педральви узналъ Хуанту и отвѣчалъ:

— Дѣти Измаила!

Хуанита радостно вскрикнула, ворота отворились и слуги Де-

ласкара д'Альберика еще раз увидѣли себя подъ кровлею, которую всѣ называли родною, отеческою.

Фернанда не было въ Вальпарайсо. Онъ проводилъ туда Исидра и Анху, а самъ поселился по-близости, въ своемъ замкѣ.

Деласкаровъ домъ хотя былъ разоренъ и частію сожженъ, однако жъ еще находился въ такомъ состояніи, что въ немъ можно было пріютиться. Та часть, изъ которой потаенныя двери вели въ подземелье, совершенно уцѣлѣла. Тамъ Исидръ принялъ Аллыагу и тотчасъ повелъ къ сестрѣ.

— Замѣть, братецъ, хорошенько замѣть себѣ эти корридоры, говорилъ Исидръ, проходя съ Аллыагой по подземелью: быть-можетъ, двѣ наши сосчитаны; быть-можетъ, намъ съ Анхой не долго остается жить, тогда ты одинъ останешься господиномъ этой тайны, обладателемъ этихъ сокровищъ. Ты употребилъ ихъ на вспоможеніе нашимъ несчастнымъ братьямъ. Для этого отецъ нашъ скопилъ ихъ.

— А Фернанду д'Альбайдѣ извѣстна эта тайна?

— Нѣтъ. Ты, я и Анха, больше никто не знаетъ. Изъ Испанцевъ только одна... одна женщина знала эту тайну черезъ меня, по она унесла ее съ собою.

— Она умерла?

— Для всѣхъ, кромѣ меня, отвѣчалъ Исидръ.

Остановившись передъ утесомъ, гдѣ нѣкогда сорвалъ гранатовый цвѣтокъ, Исидръ казалось смотрѣлъ на кого-то невидимо для другихъ присутствующаго и уста его прошептали имя, котораго Аллыага не могъ слышать, но которое угадывалъ.

Они вошли въ подземную богато-убранную комнату, гдѣ нѣкогда скрывался донъ Хуанъ д'Агиларъ. Тутъ и Анха отдыхала, если можно назвать отдыхомъ жаркій, тревожный сонъ.

При видѣ Пиккльо, лучъ счастья освѣтилъ всѣ ея черты. Она только-что проснулась и съ улыбкою протянула къ нему руку.

— И на яву ты со мною! сказала она.

— Ты видѣла меня во снѣ? вскричалъ Аллыага.

— Да, братецъ, я видѣла, что нашъ добрый ангелъ хранитъ насъ. Ты не могъ быть далеко. Вотъ ты и дѣйствительно здѣсь.

Она удержала руку Аллыаги въ своихъ рукахъ.

Онъ не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ на нее.

За первымъ движеніемъ радости при свиданіи съ Анхой, у Аллыаги пробудилось чувство страха и безпокойства. Перемѣна

въ ея лицѣ была еще замѣтнѣе чѣмъ за нѣсколько дней назадъ. Однако жъ она еще была прекрасна.

— Ты страдаешь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; мнѣ хорошо.... особенно теперь. Говори мнѣ о себѣ, о твоей дружбѣ. Эти рѣчи сладостны. Я давно не слышала ихъ.

— Я привезъ важныя вѣсти, отвѣчалъ Аллыага; но можетъ быть ты теперь не въ-состояніи слушать.

— Еще новыя терзанія? спросила Аиха: не бойся, братецъ, я тверда. Вся жизнь моя состоитъ въ страданіи и я должна еще жить, много жить, я это чувствую. Говори, братецъ. Мы слушаемъ. Для насъ съ Исидомъ уже нѣтъ несчастія, котораго бы мы не могли перенести, особенно теперь, когда насъ трое!

Аллыага разсказалъ свои предположенія касательно отмѣны повелѣнія объ изгнаніи и надежды возвратить Маврамъ отечество, состояніе и родимыя пепелища.

Пылкая душа Аихи оживлялась при всякой мысли о благородномъ поступкѣ или намѣреніи. Она пожала Аллыагѣ руку и сказала:

— Хорошо, братецъ, очень хорошо!

— Но исполненіе такого плана невозможно безъ пожертвованій.

— Мы за этимъ не стоимъ!

— А если пожертвованіе зависитъ отъ тебя самой?

— Я готова, отвѣчала дѣвушка твердымъ тономъ.

Аллыага, напротивъ, чувствовала, что твердость оставляетъ его. Однако жъ онъ побѣдилъ свое волненіе и разсказалъ сестрѣ и Исиду объ условіяхъ, какія король предлагаетъ герцогинѣ Сантаремъ.

Аиха выслушала до конца спокойно, безстрастно, какъ будто не объ ней рѣчь шла. Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, впродолженіи котораго братья съ трепетомъ ожидали отвѣту, она сказала съ улыбкой:

— Король Филиппъ оказываетъ мнѣ большую честь и я очень благодарна ему. Неловко бы мнѣ было отказатья отъ такого лестнаго предложенія, когда я однажды уже готова была принять другое, совершенно унизительное. Что бы ни случилось, друзья мои, клянусь вамъ, я покорюсь необходимости и прійму ваше предложеніе.... приняла бы, если бъ это зависѣло отъ меня. Но теперь уже не ко мнѣ нужно обратиться за этимъ.

— Что ты хочешь сказать? спросили въ одинъ голосъ братья.

— Ни мое сердце ни моя рука уже не принадлежать мнѣ: я отдала ихъ.

У Аллыаги потемнѣло въ глазахъ. Ему казалось, будто холодный острый кинжалъ пронзаетъ ему сердце.... ему казалось, что онъ умретъ. И мысль эта была для него счастьемъ. По блѣдному, разстроенному лицу его промелькнула улыбка.

Въ жизни своей онъ испыталъ много жестокихъ страданій. Судьба назпачила ему еще это, чтобы онъ забылъ всѣ прошлыя. Онъ опомнился, отеръ холодный потъ со лба и увидѣлъ, что еще живеть.

« Такъ и это страданіе не убиваетъ тебя! сказалъ {онъ своему сердцу. »

Теперь онъ могъ выдержать всякую пытку: всѣ онѣ были ничтожны противъ этой.

— А! сказалъ онъ съ спокойнымъ видомъ: ты уже не можешь располагать собою?

— Кому же теперь принадлежитъ это право? спросилъ Исидъ.

— Какая намъ до этого надобность, продолжалъ Аллыага съ тѣмъ же безстрастїемъ: Анха была властна надъ собою. Мы должны отказаться отъ нашихъ плаповъ и я же самъ берусь отклонить короля отъ его намѣреній. Наша сестра должна быть свободна въ выборѣ супруга.

— Благодарю, братецъ, сказала Анха, подавая Аллыагѣ руку: благодарю. Но я не выйду, я не хочу выйти замужъ..... никогда.

— Такъ ты не любишь Фернанда? вскричалъ Пикильо съ выраженіемъ, котораго невозможно передать.

— Кто тебѣ сказалъ его имя? спросила Анха съ удивленіемъ.

— Развѣ ты сейчасъ не назвала его сама?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ мнѣ послышалось.... Есть вещи, которыхъ не слышалъ, а всё-таки знаешь.

— А я знаю только то, что не должна измѣнить данному слову, возразила Анха. Фернандъ предложилъ мнѣ свою руку, когда мы были несчастны и изгнаны. Я приняла. А теперь оказывается, что мнѣ нельзя выйти за него.... Нѣтъ! вскричала она, обративъ глаза къ небу: я не могу, это невозможно! Но по крайней-мѣрѣ я не стану располагать тѣмъ, что принадлежитъ ему. Я не могу быть его женой и не буду ни чѣю, всего же менѣе женою короля. Фернандъ можетъ подумать, что я измѣняю ему

изъ тщеславія. Извини, братецъ, что я разстроиваю твои предположенія. Я вижу, что ты страдаешь, но я не могу иначе.

— Я страдалъ, это правда, съ живостью отвѣчалъ Аллыага: но теперь.... это прошло. Я спокоенъ.... ты видишь, я спокоенъ. Я счастливъ.

Аллыага говорилъ правду. Аиха не будетъ принадлежать никому. Это для него было великимъ счастіемъ.

— Теперь что ты думаешь дѣлать? прибавилъ онъ. Рѣшай. Мы повинемся.

Она посмотрѣла на того и на другаго брата и сказала:

— Я попрошу у васъ одной милости.... послѣдней!

— Отчего послѣдней? вскричалъ Іесидъ.

Аиха въ смущеніи помолчала и потомъ сказала:

— Ахъ! я уже столько тревожила обопхъ васъ; вы претерпѣли за меня столько опасностей, что я не рѣшаюсь подвергнуть васъ новымъ.

— Говори! сказалъ Іесидъ.

Аллыага ничего не сказалъ, но Аиха знала, что онъ на все готовъ.

— Намъ довольно неудобно покинуть это надежное убѣжище, но я желала бы отправиться въ Гренаду.

— Ты? спросилъ Іесидъ съ удивленіемъ: зачѣмъ же?

— Затѣмъ чтобы повидаться съ Карменъ.

— Да, Карменъ, въ самомъ дѣлѣ теперь живетъ въ Гренадѣ. Но ей тамъ хорошо. Намъ не зачѣмъ торопиться. Черезъ нѣсколько дней, пожалуй, поѣдемъ.

— Нѣтъ! вскричала Аиха: сегодня! умоляю васъ, сегодня поѣдемъ!

Аиха убѣждала и умоляла съ такимъ жаромъ, что отказать было невозможно. Аллыага принялъ все необходимыя предосторожности, чтобы въ пути никто не увидѣлъ въ лицо Іесида и Аиху, и они отправились. Къ нимъ присоединился и Фернандъ, который также желалъ повидаться съ кузиной.

Дорогою Фернандъ и Іесидъ очень заботились объ удобствахъ Аихи и часто спрашивали ее, какъ она себя чувствуетъ.

— Все лучше и лучше, отвѣчала Аиха.

И они успокоивались.

Только Аллыага не успокоивался. Онъ не сводилъ глазъ съ своей сестры и, чѣмъ болѣе смотрѣлъ, тѣмъ болѣе находилъ во всѣхъ ея чертахъ слѣды страшной болѣзни, которая истребила королеву. Аиха точно такъ же не страдала. Но она была чрез-

вычайно слаба и блѣдна. Ничѣмъ невозможно было задержать жизни, которая въ ней съ каждымъ днемъ угасала.

Они прибыли въ Гренаду.

Альгамбра тогда еще не представляла того зрѣлища развалинъ, какое теперь восхищаетъ и вмѣстѣ огорчаетъ путешественника. Но и тогда древнее жилище мавританскихъ царей стояло уже въ запустѣннн. Въ немъ жило только одно семейство сторожа, Мавра, чрезвычайно, даже восторженно преданнаго Деласкарамъ, — то самое, которому Анха была поручена на первое младенческое воспитаніе. Кормилицы уже не было въ-живыхъ. Анха застала только свою молочную сестру Лоллу и ея мужа Маттео, которые съ восхищеніемъ приняли гостей и предоставили имъ въ полное распоряженіе всѣ триста шестьдесятъ пять покоевъ Альгамбры.

Гости однако жъ избрали себѣ только одну башню Комаресь, въ которой и помѣстились всѣ. Съ одного изъ балконовъ этой башни глазу представлялась вся равнина Гренады, огражденная снѣговыми горами, освѣщенная рощами, украшенная готическими и мавританскими башнями и цвѣточными садами.

На этомъ балконѣ Альяга задумывался, глядя на послѣднюю отрасль мавританскихъ царей, пришедшую найти, быть-можетъ, свою могилу въ жилищѣ предковъ. Но онъ не хотѣлъ прилѣпяться къ этимъ мрачнымъ мыслямъ. Онъ отгонялъ ихъ отъ себя, когда увѣдомленная о прїѣздѣ гостей, Карменъ вошла въ комнату.

Анха протянула къ сестрѣ руки и упала въ минутный обморокъ: такъ она была слаба. Карменъ всмотрѣлась въ измѣнившееся лицо и вскрикнула отъ ужаса. Альяга подошелъ и шепнулъ:

— Не правда ли, она такъ же таетъ какъ королева?

— Ахъ!... правда. Я только не смѣла сказать, отвѣчала Карменъ.

— Я къ тебѣ прїѣхала, Карменъ, сказала Анха, пришедши въ себя: на будущей недѣлѣ, кажется, оканчивается срокъ твоего послушничества и ты хочешь совершенно постричься.

— Да, сестрица.

— Ну, видишь, я прїѣхала обнять тебя, поговорить съ тобою, а у меня недостаетъ силъ.... Послѣ, быть-можетъ.... Дай мнѣ теперь по-крайней-мѣрѣ взглянуть на тебя.

Впродолженіи цѣлаго часу Карменъ осыпала Анху самыми вѣж-

ными, трогательными ласками. Анха мало говорила, всё слушала и улыбалась.

— Наши прекрасные дни опять воротились, сказала она наконецъ, взглядомъ привлекая Алъиагу: мы опять вмѣстѣ, какъ вѣкогда въ дѣтствѣ, и мнѣ всё кажется, что дверь отворится и войдетъ донъ Хуанъ д'Агиларъ! Да, я увижусь съ нимъ, продолжала она: мы такъ давно не видались, что я очень буду рада... Мнѣ жаль только разставаться съ вами...

Карменъ зарыдала.

— Чтò же я сказала? спросила Анха, опомнившись: простите, простите мечтаниа больной, которая завтра выздоровѣетъ. Да, завтра этого уже не будетъ. Завтра, Карменъ, я жду тебя.

Анха, — когда, бывало, хотѣла, — умѣла придавать своей дружбѣ такую невыразимую прелесть, что убѣждала во всемъ чтò ей было угодно. Карменъ ушла отъ нея почти совершенно успокоенная.

Потомъ Анха обратила глаза къ Алъиагѣ и хотѣла его также успокоить.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ, упавъ на колѣни: меня не обманешь. Анха, скажи мнѣ всю правду, если можешь.

Онъ взялъ ея руку, приложилъ къ своему сердцу и, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Если бы ты знала чтò здѣсь происходитъ, ты увидѣла бы, что я могу все слышать, все перенести.

— Если ты непременно хочешь знать, я скажу, отвѣчала Анха. Я хотѣла избавить всѣхъ васъ отъ жестокаго прощанья. Я давно готовлюсь разстаться съ вами и только скрываю день и часъ. Ты одинъ узнаешь. Пикильо, братъ мой! ты, которому я, быть-можетъ, сдѣлала всѣхъ больше зла... я обязана вознаграждать тебя. Ты закроешь мнѣ глаза, какъ закрылъ глаза король.

— Королевъ! вскричалъ Пикильо съ ужасомъ: такъ ты знаешь?...

— Да, я знаю участь, которая ждетъ меня. Я никогда не сомнѣвалась въ ней. Ты помнишь хрустальный флакопъ графини д'Альтамыры, который я выпросила у тебя?

Алъиага затрепеталъ отъ ожиданія.

— На кораблѣ «Санъ-Лукаръ», увидѣвши себя во власти бандита Бальсейро, я имѣла выборъ только между смертью и уни-

женіемъ.... Ты поступилъ бы такъ же какъ и я: ты не поколебался бы.

Альиага мучительно вздохнулъ и благословилъ сестру.

— Я думала, продолжала Аиха, что, выпивъ не нѣсколько капель, а всю стляпку, разомъ лишу себя жизни. Но я ошиблась, или, можетъ-быть, я пролила ядъ: въ этотъ день все измѣняло намъ, даже смерть, и безъ помощи, которую ты прислалъ, даже самоубійство мое было бы бесполезно. Теперь, братецъ, ты знаешь все. Смерть моя приближается медленно, но она приближается и ничтò не избавитъ меня. Ты облегчишь мнѣ ожиданіе и сохранишь мою тайну.

Она сдѣлала ему знакъ, чтобы молчалъ, потому что въ эту минуту въ дверяхъ показался Фернандъ д'Альбайда.

Альиага пошелъ навстрѣчу и пожалъ ему руку съ такимъ выраженіемъ, котораго тотъ никакъ не могъ объяснить себѣ. Благородное сердце Альиаги упрекало себя и просило у друга прощенія за невольное движеніе ненависти, которую теперь заглушило состраданіе. Несчастныхъ нельзя ненавидѣть, а Фернандъ лишился Аихи!

На другой день Фернандъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ оставался наединѣ съ Аихой. Она приняла его съ улыбкой и сама завела разговоръ о послѣднихъ происшествіяхъ, о пожарѣ монастыря, о мужествѣ съ какимъ Фернандъ спасъ Карменъ отъ неизбежной смерти.

— Но вы еще не знаете, прибавила она, чтò предшествовало этой страшной минутѣ.

И она описала торжественную минуту, когда Карменъ, окруженная со всѣхъ сторонъ огнемъ и готовая къ смерти, бросилась въ объятія сестры и высказала тайну своего сердца.

Фернандъ, блѣдный, съ трепетомъ слушалъ рассказъ, и отчаяніе и угрызения совѣсти, раздирали ему сердце.

— Да! сказала Аиха, угадывая его терзанія: да, для насъ Карменъ пожертвовала собою; для нашего счастья она осудила себя на вѣчныя страданія. Но и въ уединеніи монастыря, подъ покрываломъ настоятельницы сердце ея не перестало любить. Она любитъ васъ, Фернандъ, она всегда будетъ любить васъ. Она умретъ отъ этой любви. Это ея желаніе, это ея надежда. И сиди дожь Хуанъ д'Агиларъ современемъ спроситъ насъ, какъ мы сдержали наше слово, чтò мы ему отвѣтимъ?

— Да! вскричалъ Фернандъ внѣ себя: вы правы! Онъ обидитъ меня въ клятвенпреступленіи! Но могу ли я сказать своему

сердцу: не любя Анху? Могу ли я запретить душѣ моей и мыслямъ стремиться къ вамъ? Вся нѣжная братская привязанность, вся дружба, которую я питаю къ Карменъ, могутъ ли обратиться въ любовь?

— Можетъ-быть. Она такъ достойна любви.

— А вы!... неужели вы захотите измѣнить вашему слову, которое дали мнѣ? съ отчаяніемъ вскричалъ Фернандъ.

— Никогда! никогда! отвѣчала она: но я... я бѣдная Мавританка, я суевѣрка. Сегодня ночью я видѣла моего отца. Онъ простиралъ ко мнѣ руки, онъ звалъ меня къ себѣ!...

— Нѣтъ, нѣтъ! вы ошибаетесь...

— Я надѣюсь, Фернандъ.... я надѣюсь жить для васъ, который пожертвовалъ для меня всѣмъ. Однако жъ, продолжала она, обративъ на него свои выразительные черные глаза: отецъ смотрѣлъ на меня съ такою радостью, съ такою нѣжностью, и я такъ хорошо слышала слово: «Приди ко мнѣ!...»

— Анха! умоляю васъ, не говорите этого!

— Если же онъ въ самомъ дѣлѣ призоветъ меня, продолжала съ жаромъ Анха: докажешь ли ты мнѣ любовь свою жертвованіемъ, которое дороже и важнѣе всѣхъ прочихъ? Позволишь ли ты мнѣ явиться къ моему отцу и донъ Хуану д'Агилару безъ страху и безъ угрызенія совѣсти? Захочешь ли ты, чтобы я, разставаясь съ тобою, была счастлива?

Фернандъ смотрѣлъ на нее блѣднѣя, однако жъ собрался съ силами и отвѣчалъ:

— Ты — моя душа, моя жизнь. Приказывай: я повинуюсь тебѣ.

— Если я умру.... клянись мнѣ жениться на Карменъ.

Фернандъ рыдая упалъ на колѣни и сказалъ:

— Клянусь!

Съ этой минуты, какъ-будто послѣднее усиліе истощило всю твердость Анхи она чувствовала, какъ жизнь ея со дня на день угасаетъ. Алльяга, Карменъ, Фернандъ и Исидъ не отходили отъ нея; но она почти совсѣмъ не могла говорить съ своими мыслями, она могла только любить ихъ.

Черезъ три дня, въ воскресенье, сеньоръ Карменъ д'Агиларъ назначено было постричься и дѣйствительно вступить въ званіе настоятельницы Благовѣщенскаго Монастыря, для котораго въ Пампелунѣ отстраивалось новое помѣщеніе.

— Вѣдь ты еще до-сихъ-поръ не обязана всегда носить эту модешескую одежду? спросила однажды Анха.

— Нѣтъ. Но почему ты объ этомъ спрашиваешь?

— Такъ. Мнѣ бы очень хотѣлось хоть одинъ разъ еще видѣть тебя такою какъ ты была, когда мы жили вмѣстѣ. Послушай, Карменъ, умпрающимъ вѣдь прощаютъ прихоти. Знаешь ли, чѣмъ бы ты могла доставить мнѣ большое удовольствіе? Сдѣлай милость, одѣнься такъ, какъ мы, бывало, объ одѣвались въ домѣ твоего отца. Дай мнѣ только одну минуту полюбоваться на мою сестру Карменъ.

— Изволь, милая сестрица, отвѣчала Карменъ съ смущеніемъ.

Лучъ радости блеснулъ въ глазахъ Анхи. Она приказала Хуанитѣ принести самое нарядное свое платье, — бѣлое, съ кружевами и жемчугомъ, — и распорядясь сама всѣмъ туалетомъ, убрала смущенную сестру какъ невѣсту, потомъ вдругъ велѣла позвать Альбиагу, Іесиду и Фернанда.

Покуда Хуанита ходила за ними, Анха подозвала къ себѣ Карменъ и сказала:

— Выслушай, сестра моя... Наклонись ближе: я чувствую, силы оставляютъ меня... а я должна высказать тебѣ признаніе. Мы съ Фернандомъ были очень достойны сожалѣнія: онъ хотѣлъ жениться на мнѣ, однако жъ непрерывно думалъ о тебѣ... онъ любилъ и всегда жалѣлъ о тебѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вскричала Карменъ съ радостью.

— Онъ самъ признался мнѣ. Онъ хотя и любилъ меня, однако жъ я ревновала его къ тебѣ. Да, прости мнѣ, милая сестра моя, я ревновала!...

Карменъ пожала сестрѣ руку и въ эту минуту, конечно, ангелы окружали ихъ и благословляли безпримѣрную, великодушную ложь.

— Да, я ревновала, продолжала Анха, а онъ страдалъ! Мы оба, можетъ-быть, и всѣ трое страдали бы всю жизнь. Но, къ счастью, небо услышало мои молитвы и призываетъ меня. Прости, сестра моя: я умпраю.

Карменъ вскрикнула отъ ужаса и скорби.

— Воля умирающихъ священна, а моя воля, мое послѣднее желаніе... вотъ оно!...

Въ эту минуту отворилась дверь и первый вошелъ Фернандъ, за нимъ Іесидъ и Альбиага, потомъ Педральби, Хуанита и всѣ слуги.

Анха встрепенулась. Она какъ-будто на минуту отложила смерть, чтобы еще разъ посмотрѣть на всѣхъ тѣхъ кого любила.

— Пивильо! братъ мой! сказала она, указывая на Фернанда и

Карменъ: поспѣши соединить ихъ, чтобы я могла быть свидѣтельницей.

Видѣсто отвѣта, Никильо упалъ на колѣни передъ диваномъ, на которомъ лежала Анха, и зарыдалъ какъ ребенокъ.

Твердая воля, возвышенный умъ, все исчезло въ этой скорби.

Одна Анха угадала единственное утѣшеніе въ такой отчаяніи. Она наклонилась къ нему и шепнула:

— Я, какъ ты, буду принадлежать одному небу... Поспѣши прибавила она громко: поспѣши! отецъ зоветъ меня.

Альбага поднялся и сталъ твердъ и величественъ. Онъ простеръ руки надъ Фернандомъ и Карменъ и произнесъ священное благословеніе.

Тогда тихій умирающій голосъ прошепталъ:

— Хуанъ д'Агиларъ, благослови дѣтей своихъ!... А ты, отецъ мой, прійми дочь свою... Я иду къ тебѣ... иду!

Анхи не стало.

Черезъ нѣсколько дней по смерти сестры, Исидъ, окруженный своими вѣрными слугами, отправляясь въ дорогу, останавливался на холмѣ, который носилъ прозваніе Cuesta de las Lagrimas, «Холмъ Слезъ», потому что здѣсь несчастный Боабдиль, послѣдній царь гренадскій, останавливался, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ родной землею.

Исидъ на конѣ вѣхалъ на крайнюю вершину этого холма и нѣсколько минутъ смотрѣлъ оттуда на цвѣтущее нѣкогда царство своихъ предковъ и на Альгамбру, памятникъ ихъ славы.... на Альгамбру, гдѣ покоился прахъ Анхи.

Скала, на которой стоялъ Исидъ, до-сихъ-поръ носитъ прозваніе el Ultimo suspiro del Moro, «Послѣдній вздохъ Мавра».

Исидъ съ своими слугами уѣхалъ во Францію. Педральви, осыпанный его благодареніями, женился на Хуанитѣ и, благодаря щедрости своего господина, завелъ прекрасную ферму. Гонгарельо поселился по близости ихъ и по-прежнему брилъ бороды, но гораздо больше прежняго, потому что пріобрѣлъ неистощимый запасъ разсказовъ. Фернандъ д'Альбайда нашелъ у Карменъ сперва спокойствіе и скоро потомъ тихое, отрадное счастье, потому что Карменъ любила его, а ее невозможно было не любить.

Альбага, отдавъ послѣдній долгъ сестрѣ, воротился въ Мадридъ и долго не могъ утѣшить своего несчастнаго короля. Вѣрный слову, которое далъ Деласкару и всѣмъ братьямъ, онъ никогда не упускалъ изъ виду своего плана. Будучи действительный

первымъ министромъ въ Испаніи, тогда какъ герцогъ Уседа носилъ только одно имя, и сдѣлавшись болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ королю, онъ боролся только съ Рибейрой, который упорствовалъ въ своемъ фанатизмѣ до конца. Но Альяга былъ конусѣе великаго-инквизитора и мало-по-малу привлекъ на свою сторону всѣхъ членовъ священнаго судилища, такъ, что для славы Испаніи, для чести человѣчества, роковой законъ объ изгнаніи Мавровъ уже готовы были отмѣнить, какъ-вдругъ, тридцать-перваго марта 1621 года, король Филиппъ-Третій скоростужио умеръ жертвою этикета, потому что придворные не посмѣли убрать жаровни изъ его кабинета, за отсутствіемъ гофмейстера, на которомъ лежала эта обязанность.

По смерти короля, Альяга оставилъ дворъ. Политическая его жизнь кончилась, но не кончилось призваніе помогать братьямъ. Странныя происшествія, въ которыя аббатъ Луисъ Альяга былъ замѣшанъ при послѣдовавшемъ царствованіи, побуждали-было насъ продолжать разсказъ о его жизни, но мы опасаемся, что кромѣ всѣхъ другихъ упрековъ, какіе можно сдѣлать нашему герою, читатели и то уже скажутъ, что онъ слишкомъ долго жилъ.

==

К О Н Е Ц Ъ .

==

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

МОНГОЛЬСКАЯ КВАДРАТНАЯ НАДПИСЬ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

МОНГОЛЬСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА.

=

Азіятскій Музей Императорской Академіи Наукъ снова удостоился Высочайшаго вниманія Государя Императора, получивъ отъ Его Величества драгоцѣнный подарокъ, состоящій изъ небольшой серебряной доски, на которой находится надпись, вырѣзанная монгольскими квадратными письменами. Доска эта найдена въ Восточной Сибири и представлена была въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества.

Еще до поступления доски въ Академію Наукъ, бывший начальникъ духовной миссіи въ Китаѣ, архимандритъ Аввакумъ разобралъ и перевелъ эту надпись; ученый русскій ориенталистъ В. В. Григорьевъ въ особенномъ разсужденіи познакомилъ читающую публику съ переводомъ О. Аввакума и присоединилъ къ нему свои собственныя изслѣдованія объ этомъ предметѣ. Къ разсужденію господина Григорьева приложенъ очень вѣрный снимокъ доски и надписи.

О. Аввакумъ читаетъ эту надпись слѣдующимъ образомъ:

ТЕНГРИ-ИПЪ КУЧУНЪ-ДОРЪ, МУНКЭ-ХАНЪ
НЭРЭ ХУТУХТАЙ ВОЛТОГАЙ, КЭНЪ УЛУ БИШИ-
РЕХУ, АЛДАХУ-УКУХУ.

Онъ переводитъ это такъ: « Силою неба, имя Мункэ-хана да
« будетъ свято! Кто не уважитъ, (тотъ) погибнетъ, умереть ».

На первый взглядъ способъ О. Аввакума, при чтеніи этой
надписи, кажется совершенно вѣрнымъ, за исключеніемъ малень-
кой погрѣшности, о которой я поговорю впослѣдствіи и слова
Ханъ, которое въ надписи вырѣзано Хаганъ, чего ни въ какомъ
случаѣ иначе читать нельзя. Но при дальнѣйшемъ изслѣдованіи
оказывается, что надпись прочитана невѣрно. Указать, въ чемъ
и гдѣ заключается ошибка, я считаю обязанностью, потому что
этого требуетъ наука. Но объясненіе мое ни въ какомъ случаѣ
не должно и не можетъ затемнить дѣйствительной заслуги высо-
копреподобнаго архимандрита, который въ самомъ дѣлѣ съ уди-
вительной быстротой разобралъ надпись, но, къ сожалѣнію, не
объяснилъ ея настоящаго смысла. Причина этой маленькой не-
удачи заключается, можетъ-быть, въ необыкновенной поспѣшно-
сти О. Аввакума, который на другой же день послѣ полученія
доски успѣлъ разобрать и растолковать эти завѣтные письме-
на. Объ этомъ рассказываетъ и господинъ Григорьевъ въ раз-
сужденіи своемъ, съ особенными похвалами, на этотъ разъ мо-
жетъ-быть нѣсколько неумѣстными. По моему же личному убѣ-
жденію, всѣ изслѣдованія этого рода требуютъ строгой основа-
тельности и не допускаютъ поверхностнаго разбору.

Неожиданное появленіе памятника, на которомъ встрѣчается
имя Мѣнцкэ-Хагана, вырѣзанное квадратными буквами, необхо-
димо удивило бы всякаго, кто коротко знакомъ съ исторіей мон-
гольскаго владычества. По свидѣтельству китайскихъ и монгол-
скихъ историковъ и тѣхъ монгольскихъ сочиненій, въ которыхъ
упоминается о первоначальномъ введеніи письма у Монголовъ,
употребленіе квадратныхъ письменъ началось, спустя уже нѣ-
сколько времени послѣ смерти Мѣнцкэ-Хагана. Это случилось
въ правленіе брата его, Хубилай-Хагана; онъ пригласилъ ко
двору своему изъ Тибета Шагба-Ламу, который по приказанію
императора ввелъ употребленіе квадратнаго письма. Историче-
ская достовѣрность всѣхъ этихъ свѣдѣній доказываетъ, что при
чтеніи надписи, по способу О. Аввакума, необходимо вкралась
ошибка, которая легко объяснилась мнѣ при ближайшемъ крити-
ческомъ разборѣ.

Вся надпись состоитъ изъ четырехъ главныхъ строкъ, по двѣ на каждой сторонѣ доски. Между двумя строками верхней стороны и выше ихъ на полвершка, помѣщено слово *Мѣнкэ* (Мункэ). Каждый ученикъ монгольскаго языка знаетъ, что слово *Мѣнкэ*, составляя известное собственное имя этого *Хагана*, въ то же время значить *вѣчный*. Лѣвая строка отъ *Мѣнкэ* начинается словомъ *Тенгри*, а правая словомъ *Хаганъ*; такъ что слово *Мѣнкэ*, находясь между обѣими строками и притомъ выше ихъ, смотря по значенію надписи, одинаково можетъ относиться къ началу той или другой строки. Но у восточныхъ народовъ есть обычай; никогда не нарушаемый, по которому имя владѣтеля и его титулъ всегда нераздѣльно пишутся вмѣстѣ. Отъ этого правила никогда не отступаютъ; оно не допускаетъ ни малѣйшаго исключенія, тѣмъ болѣе, если найдется довольно мѣста для помѣщенія обохъ словъ. Поэтому ясно, что слово *Хаганъ*, находящееся въ именительномъ падежѣ, въ началѣ второй главной строки, никакъ не можетъ относиться къ одинокому слову *Мѣнкэ*, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ, по неизмѣннымъ правиламъ стараго и новаго монгольскаго языка, оно стояло бы въ родительномъ падежѣ и писалось бы *Хагану*.

Маленькая погрѣшность, о которой я говорилъ выше, заключается въ томъ, что архимандритъ Аввакумъ, предпоследнее слово надписи читаетъ *алдаху*, между-тѣмъ какъ я читаю его *алаху*. О. Аввакумъ принялъ знакъ **Σ** за слогъ *да*; я же вижу въ этомъ знакѣ букву *а* вставленную между *л* и *х*. Всѣмъ известно, что знаки *а* и *э*, даже въ обыкновенной монгольской азбукѣ, пишутся совершенно одинаково и распознаются по согласной буквѣ, которая управляетъ словомъ. Но значеніе слова *алдаху* не соответствуетъ смыслу надписи: оно значить «дать уйти, дать ускользнуть, потерять»; между-тѣмъ какъ *алаху* значить «убить», — и только это значеніе можетъ быть допущено въ надписи. Вѣроятно по ошибкѣ гравера, который перевернулъ знакъ *и* и сдѣлалъ изъ него *у*, слово *буширеху* въ надписи читается *буширеху*; О. Аввакумъ самъ исправилъ эту ошибку и прочелъ слово совершенно вѣрно.

Но всѣмъ этимъ причинамъ надпись правильно читается такъ:

Мункэ ТЕНГРИ-НИЪ КУЧУПЪ-ДУРЪ! ХАГАНЪ НЭРЭ ХУ-
ТУХТАЙ ВОЛТУГАЙ! КЕНЪ УЛИ БИШИРЕХУ АЛАХУ УКУКЪ.

Это значить: «По силѣ (силоу) *вѣчнаго* божества! Имя (на-

звание) *Хагана* (да) будетъ свято! кто (ему) въруа не поклонится, (того должно) убить, (тотъ долженъ) умереть».

Господинъ Григорьевъ въ статьѣ своей воспользовался какъ сочиненіемъ Ремюза *Mémoire sur les relations politiques, etc.*, въ которомъ находится снимокъ съ обѣихъ писемъ *Аргуна* и *Элдшейту*, такъ и моимъ объясненіемъ этихъ писемъ въ *Philologisch-kritische Zugabe*. Тѣмъ удивительнѣе для меня, что онъ не взглянулъ на эти источянки повнимательнѣе. При разсмотрѣніи начала аргунскаго письма и моего объясненія къ нему, формула *Мункэ тенгри-инъ кучунъ диръ* обратила бы на себя его вниманіе, избавила бы отъ различныхъ догадокъ и указала бы ему способъ къ правильному чтенію надписи.

Кто хорошо знаетъ монгольскій языкъ и тибетское письмо, тотъ легко разберетъ монгольскія квадратныя письма. *Пагба-Лама* нисколько не затруднился исполненіемъ приказанія своего императора: онъ принялъ за основаніе тибетскую азбуку и общеупотребительное тибетское письмо *Удишанъ*; замѣнилъ горизонтальныя строки стараго монгольскаго письма перпендикулярными и поэтому поводу долженъ былъ ввести маленькія измѣненія только при употребленіи гласныхъ буквъ. Эти неудобныя и неуклюжія квадратныя письма никогда не могли служить при изданіи монгольскихъ сочиненій; но какъ введеніе было приказано *Хубилай-Хаганомъ*, то ихъ повидному берегли для надписей на памятникахъ, а можетъ-быть и для придворнаго письма, при выдачѣ различныхъ постановленій въ Китаѣ, въ продолженіи кратковременнаго правленія династіи *Уланъ*. Впрочемъ письма, введенныя *П'агба-Ламой* ни въ какомъ случаѣ не должно смѣшивать съ тибетскими квадратными письмами, которыя идутъ горизонтальными строками, между-тѣмъ какъ монгольскія пишутся перпендикулярно. Ктому же тибетскія письма совершенно другаго виду; онѣ также употребляются въ видѣ каменописныхъ знаковъ для надписей на памятникахъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ для заглавія книгъ. Чтеніе ихъ не затруднитъ знатока тибетскаго языка и тибетскихъ писменъ. Проба тибетскаго квадратнаго письма, доставленная *Палласомъ*, не заключаетъ въ себѣ ничего, какъ сначала санскритскую формулу: *Намо гуру Манджугошъ* — я; то есть: «Поклоненіе (божественному) учителю *Манджугоша!*» Эта формула попадаетъ очень часто, какъ введеніе въ книги буддаистическаго ученія. Потомъ у *Палласа* слѣдуетъ санскритско-тибетская азбука этого письма съ нѣсколькими санскритскими соединеніями согласныхъ буквъ. Такимъ обра-

зомъ загадка, надъ которой многіе ученые ломали себѣ голову, разрѣшается очень просто.

Господинъ Григорьевъ ошибается, думая что надпись доски, о которой мы говорили, единственный въ Европѣ извѣстный памятникъ этого монгольскаго квадратнаго письма.

Вотъ уже семь лѣтъ, какъ въ Альтенбургѣ, въ журналѣ «*Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, 1839», К. фонъ-дербъ-Габеленцъ разобралъ и перевелъ другую надпись этого рода, которая еще гораздо длиннѣе нашей. Габеленцъ заимствовалъ ее изъ китайскаго сочиненія: *Химе-ме-тсгуанъ-гоа*, изданнаго въ 1618 году и присоединилъ къ своей статьѣ снимокъ надписи и азбуку этого письма. Въ подкрѣпленіе же всего того, что я говорилъ выше, не лишнимъ считаю замѣтить, что надпись Габеленца также начинается съ полной формулы: *мункэ тенгри-инь кучунъ дуръ*.

Академикъ Я. ШМИДТЪ.

=

КАРЛЬ-МАРІЯ ВЕБЕРЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Скоро минетъ двадцать пять лѣтъ, съ-тѣхъ-поръ какъ Карль-Марія Веберъ, поставилъ на сцену своего безсмертнаго «Фрей-шюца». Многіе живо помнятъ, какое волненіе произвело появленіе этой оперы, въ Германіи и Франціи. Вся Европа слилась въ единодушный возгласъ, чтобъ привѣтствовать новаго генія, котораго она признала романтическимъ. Эпитетъ, который поэтому случаю, въ первый разъ приданъ былъ музыканту, сдѣлался нынѣ пошлымъ и предлагается почти къ каждой оперѣ, въ которой появляется стихія народнаго и фантазмагорическаго. Но въ то время этотъ возгласъ, неволью вызванный восторгомъ, имѣлъ смыслъ и значилъ, что музыкальное искусство нашло на сценѣ достойное ея проявленіе. По нашему мнѣнію, романтизмъ есть существенная принадлежность музыки и называть партитуру, романтическою въ высшемъ значеніи этого слова, то же, что при-

знать ее образцовымъ произведеніемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ условіямъ искусства.

Въ музыкѣ, по самому ея свойству, должны преобладать романтизмъ и фантазія, другими словами, высшая, идеальная форма, до которой можетъ достигать воображеніе. Поэтому древность, обоготворявшая типъ человѣчскій и представлявшая боговъ въ лицѣ своихъ героевъ, древность греческая, занятая преимущественно искусствами пластическими, по-необходимости должны были не знать музыки, по-крайней-мѣрѣ въ смыслѣ мелодіи, безъ которой не существовало бы для насъ музыкальныхъ сочетаній. Въ комъ скорѣе можетъ проявиться музыкальный инстинктъ: въ Аристотелѣ ли, который заботился о точномъ подражаніи природѣ или въ Платонѣ, вдохновенномъ провозвѣстникѣ врожденныхъ идей? Изъ третьей книги «Республики», мы узнаемъ о музыкѣ болѣе нежели изъ всѣхъ комментариевъ; не говоримъ однако, чтобы она разъяснила намъ этотъ темный вопросъ лучше, чѣмъ самое поверхностное знаніе древности, по-крайней-мѣрѣ здѣсь удивительно то, что искусство музыкальное, въ этотъ цвѣтущій вѣкъ искусства пластическаго, избрало своимъ истолкователемъ представителя идей, который въ противоположность эмпиризму лица, утверждаетъ, что первообразы изящнаго поколѣнія не во внѣшней природѣ, а въ глубинѣ души художника, въ видѣ мистическихъ воспоминаній праго міра. Несмотря на всѣ ученыя изслѣдованія, комментаріи и теоріи, наши понятія о музыкѣ древнихъ весьма ограничены. Многіе ученые ломаютъ надъ этимъ вопросомъ голову, и вѣроятно рано или поздно откажутся отъ своихъ изысканій, не разрѣшивъ задачи и не прибавивъ ничего къ тому, что мы знаемъ изъ Птолемея, Плуларха и Платона. Но какое заключеніе можемъ мы вывести изъ всѣхъ ихъ твореній? Только то, что Греки не имѣли ни малѣйшаго понятія о мелодіи и что музыка ихъ есть не что иное какъ система звуковъ, имѣющая назначеніемъ уравнивать движенія или искусство мѣры и количества, удовлетворяющее впрочемъ всѣмъ условіямъ искусства пластическаго. Въ самомъ дѣлѣ, мы ни изъ чего не можемъ заключать, чтобы музыка у Грековъ играла независимую роль; напротивъ того, она имѣетъ у нихъ второстепенное назначеніе и древняя Полинья довольствуется однимъ аккомпаниментомъ пляски и пантомимы. Если даже допустить, что Грекамъ извѣстна была діатоническая гамма, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они знали тайну гармоніи, на которой

основана наша система мелодій. Притомъ же, ритмъ не составляетъ исключительной принадлежности музыки; онъ можетъ существовать и въ другихъ искусствахъ. Только новѣйшимъ временамъ предоставлено было проникнуть въ міръ звуковъ и извѣдать его таинства.

Нынѣ признано всѣми, что музыка происходитъ отъ христіанства и вмѣстѣ съ нимъ развивается. Въ новомъ мірѣ, она занимаетъ то же мѣсто, какъ ваганіе въ мірѣ языческомъ. Одно только искусство звуковъ, обладая характеромъ духовности, могло высвиться до выраженія христіанской идеи несотвореннаго Бога. Если древность, для представленія своихъ боговъ, прибѣгала къ пластикѣ, то это именно потому, что боги древности всегда имѣли видъ и страсти человѣческія; но въ эпоху отреченія отъ всего земнаго, въ эпоху мистическаго созерцанія, нуженъ былъ иной истолкователь, нужно было искусство имѣющее предметомъ безконечное, искусство, котораго бы самая стихія была неосязаема, — нужна была музыка. Изваяніе недвижно и какъ-будто оковываетъ предъ нашими глазами форму человѣческую: вагаль, при всемъ стремленіи къ идеальному, творить типы чувственные; звукъ же, напротивъ того, не подражаетъ ничему, онъ испаряется и исчезаетъ, онъ летитъ, и проходитъ какъ жизнь человѣческая. Назвавъ романтизмъ безпредѣльно-прекраснымъ, Жанъ-Поль, можетъ быть нашелъ самое счастливое опредѣленіе этого искусства, сущность котораго заключается въ вѣчномъ стремленіи человѣка за предѣлы его сферы, тѣснаго круга его познаній, къ недосягнутому идеалу. А какое искусство, лучше музыки, выразить характеръ этого божественнаго предчувствія? Не знаю, но мнѣ кажется, что идея христіанская, создавая романтизмъ и музыку, развиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ другихъ искусствахъ свойственные имъ способы къ выраженію того стремленія къ безконечному, которое обладаетъ человѣчествомъ; напримѣръ въ живописи, перспектива и свѣто — тѣни.

Что ни говорите, романтизмъ музыкаленъ по своей природѣ, и я не думаю, чтобы могло существовать въ музыкѣ образцовое произведеніе, основою котораго не былъ бы романтизмъ.

Царство звука начинается тамъ, гдѣ кончится царство слова. Вотъ отъ чего музыка производитъ такое обворожительное дѣйствіе на души, жаждущія безпредѣльнаго, на тѣ женственныя оозданія, которыхъ мучитъ безпрестанная потребность мечтательности; вотъ отъ чего, съ другой стороны, она, какъ-бы от-

талкиваетъ умы положительныя, мыслителей. По этимъ причинамъ музыка не могла совершить своего назначенія въ древности: всѣ эти коринѣскіе или аѳинскіе Греки были слишкомъ пластичны, слишкомъ чувственны. Музыка принадлежитъ къ новѣйшему романтическому идеализму; ученикъ Гегеля сказалъ бы къ «идеализму субъективному». Возьмите Бетговена, мастера изъ мастеровъ, въ этомъ трансцендентальномъ спиритуализмѣ, попробуйте слѣдить за нимъ по выпревшимъ его распутіямъ и вы увидите, гдѣ онъ остановится. Въ самомъ дѣлѣ, у Бетговена, творца симфоній, это стремленіе владычествуетъ надъ всѣмъ; самая форма не въ состояніи удержать его; если онъ не разбираетъ ее вовсе, то по-крайней-мѣрѣ обращается съ нею по произволу: И послѣ этого говорятъ, что Бетговенъ принадлежитъ къ школѣ Баха, что онъ — звено того великаго цикла, который начинается безсмертнымъ органистомъ! Забудьте, однако жъ, какъ противоположности сходятся; впрочемъ всѣ эти противоположности можетъ-быть только кажушіяся. Развѣ геній христіанства преступилъ свое божественное посланіе, устремясь изъ нѣдръ соборовъ къ вершинамъ горъ, къ радужнымъ облакамъ, гдѣ онъ паритъ надъ лѣсами и пропастями, надъ неизмѣрностью волнъ? Почтемъ Создателя въ твореніи его: разольемся гимнами хваленія, возвысимся энтузіазмомъ до созерцанія Бога живаго, замѣнимъ сокрушеніе души — восторгомъ.

Идея новаго происхожденія должна была найти и новую форму. Связать въ неразлагаемый спомъ, собрать, сочетать стихій самыя разнообразныя по законамъ искусства самаго ученаго, изумительно-глубокаго, вотъ Себастьянъ Бахъ; возвратить свободу всѣмъ этимъ, плѣннымъ стихіямъ, вручить имъ ключъ къ небесамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не допустить этимъ освобожденнымъ массамъ переродиться въ хаосъ, вотъ, по моему мнѣнію — дѣло Бетговена. Если творецъ фуѣ часто теряется въ извилистомъ лабиринтѣ своихъ хроматическихъ и энгармоническихъ сочетаній, зато Бетгоvenu достаточно одной простой ноты, чтобы уловить волшебствомъ ея, и вы часто увидите, какъ онъ, забывшись въ аккордѣ, извлекаетъ изъ него, будто изъ ларца баснословнаго востока, сокровища болѣе и болѣе чудесныя, болѣе и болѣе непредвидѣльныя. Слово стѣняетъ его и онъ бросаетъ его. Къ Бетгоvenu, въ-особенности относится прекрасная мысль Гошмана, что инструментальная музыка есть самое романтическое изъ искусствъ.

Но послѣ инструментальной музыки Бетгоvena, я не знаю, что можетъ быть болѣе пропитанно романтизмомъ, какъ оперы Карла-Маріи Вебера. И онъ исполненъ высокихъ помысловъ, и онъ мечтаетъ вслухъ о безконечномъ, съ тою разницею, что мечтательность его, не столько занятая изслѣдованіемъ всеобщихъ началъ, не столько погруженная въ философскую отвлеченность, привязывается болѣе къ явленіямъ природы, къ живописному. Предметъ бетговенскаго романтизма — душа человѣческая; умъ созерцательный, творецъ симфоній, перелагаетъ только на блистательный языкъ тѣ вѣчныя истины, которыми занимался всѣ великіе гении отъ Платона до Спинозы. Къ безсмертной славѣ Бетгоvena принадлежатъ то, что психологія перешла въ музыку, и языкъ звуковъ, не говоря уже объ ораторской полнотѣ о великолѣпнѣй музыкальной рѣчи, нашелъ формулы для идей метафизическихъ. Повторяю, Бетговенъ имѣетъ дѣло только съ тайнами души, съ ея глубокими скорбями, съ ея терзаніями, съ ея стремленіемъ къ Богу; если въ творенія его входитъ природа, то не больше, какъ въ качествѣ второстепеннаго дѣйствителя и собесѣдника сѣтующей безсмертной, передающей высокіе стоны свои, какъ Исаія, волнамъ морскимъ, вѣтрамъ нагорнымъ, облаку, заблудившемуся въ пространствѣ. У Вебера, напротивъ того, надъ всѣмъ первенствуетъ натурализмъ, натурализмъ чудесный, жаждущій суевѣрій и легендъ. Если онъ любитъ звучный лѣсъ, теряющійся въ глубинѣ горъ; если онъ любитъ голубое озеро, вокругъ котораго уединенные камыши, при свѣтѣ мѣсяца, заводятъ мелодическую пѣсню, то любитъ потому, что лѣсъ и озеро живутъ для него стихійною жизнію, что онъ предчувствуетъ въ нихъ легіоны духовъ, которыхъ рано или поздно онъ вызоветъ. Здѣсь охотники въ красной и зеленой одеждѣ, Саміель со своей демонской сворой, чародѣйство проклятаго перекрестка, тамъ воздушные зльфы, дрожащіе при свѣтѣ звѣздъ, Аріеля и Миранда, волшебный Оберонъ, отвѣчающій на адскую трубу, лѣжные Тампей царства Титаніи, окружающіе пещеры демоновъ. Искусство контрастовъ, отличительная черта Вебера, его фантастическія картины, на половину изъ тьмы и свѣту, невольно напоминаютъ вамъ о тѣхъ мистическихъ произведеніяхъ итальянской школы, въ которыхъ верхняя часть плаваетъ въ блескѣ, а внизу лежитъ ночь и ужасъ. И такъ, если Веберъ входитъ въ соотношеніе съ природою, то для того только, чтобы вырвать у нея тайны глубокой, сокровенной ея жизни. Потокъ и

лѣсъ, океанъ и гора перестаютъ быть одною только обстановкою картины, какъ у Бетгоvena, и если можно такъ выразиться, простою педалью гармоническаго органа, на которомъ душа человѣческая выражаетъ свою неизъяснимую жалобу, свой божественный монологъ. Здѣсь все трепещетъ и шумитъ жизнью незавешенною, которая стремится на просторъ и проявляется на первомъ планѣ. Геній водъ, земли и воздуху, уединны, эльфы и гномы, все принимаетъ участіе въ дѣйствіи, вездѣ роится стихійные духи и скоро вы забываете разность между лицами дѣйствительными и существами воображаемыми; и всѣ группы утопаютъ въ фантастическомъ облакѣ.

Вызвавъ однажды свой міръ, Веберъ усвоиваетъ его и старается свыкнуться, ознакомиться съ нимъ; онъ вѣрится въ него такъ же какъ Гофманнъ, какъ Тикъ, какъ Арнимъ, какъ всѣ коренны поэтическаго движенія, литературный романтизмъ которыхъ онъ, кажется, поставилъ себѣ задачей: сдѣлать общенароднымъ посредствомъ музыки. Вотъ въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается тайна огромной популярности творца «Фрейшюца», «Эврианты» и «Оберона». По чувствованіямъ, правамъ, склонностямъ, Веберъ принадлежитъ къ героической фалангѣ тѣхъ восторженныхъ молодыхъ людей, которые, вдохновясь началами народности, основали такъ-называемую романтическую школу и устремлялись за предѣлами столѣтій искать въ учрежденіяхъ и вѣрованіяхъ среднихъ вѣковъ оплоту противъ французскихъ идей, тогда преобладавшихъ. Вы знаете Knabenwandernhorn, этотъ сборникъ, въ которомъ Brentano и Арнимъ сложили тысячи сокровищъ старинной нѣмецкой поэзіи; тутъ все есть: и преданія и легенды и сказки и колыбельныя пѣсни и охотничьи припѣвы. Въ музыкѣ, Веберъ представляетъ мнѣ этотъ живой сборникъ; я нахожу въ немъ ту же смѣсь простодушія и чудесности, сентиментальности и суевѣрія, которые составляли основу народнаго чувства въ средніе вѣка; и возможно ли было, чтобъ онъ не возбуждалъ въ массахъ энтузіазма, когда романтизмъ его, чуждый того философскаго направленія, которое дѣлаетъ Бетгоvena недоступнымъ для многихъ, преимущественно славить жизнь въ лѣсахъ и звучитъ отголосками охоты.

И дѣйствительно: охота съ своими ощущеніями радости и грусти, съ своими неудачами, своимъ полевапьемъ, дьявольскими заклинаніями, составляетъ любимый мотивъ Вебера, который онъ варьируетъ до безконечности; спрашиваю: можно ли найти тему

народиѣ въ Германіи, этой мягкой сторонѣ Рейна и Швабии, гдѣ съ глубокой старины императоры были птицеловами, а гроегерцоги стрѣлками, или еще лучше, если вѣрить лѣтописцамъ, гдѣ въ доброе время туринскихъ ландграфовъ, княжна царской крови въ награду за удачную стрѣльбу въ цѣль, получила ни болѣе, ни менѣе, какъ золотой вѣнецъ. И странно: этотъ Веберъ, котораго невольно представляешь себѣ воплощеннымъ гениемъ охоты, такъ угадывалъ, чувствовалъ, чужалъ всю поэзію жизни въ глубинѣ лѣсовъ, такъ умѣлъ онъ могучею кистью передавать суровую и дикую фзизіономію гористыхъ ландшафтовъ, по которымъ при звукѣ роговъ носятся своры по слѣдамъ измученнаго кабана; этотъ Веберъ, у котораго музыка полною грудью вдыхаетъ свѣжій воздухъ лѣсовъ, былъ существо болѣзненное, страдальческое, снискивалъ пропитаніе трудомъ и столько же обдѣленъ былъ дарами счастья, сколько и тѣлеснаго здоровья. Благородный Веберъ, зналъ ли онъ скокъ коня? и если бы какой-нибудь вѣмецкій гроегерцогъ, у котораго онъ служилъ капельмейстеромъ, пригласилъ его съ собою на охоту, могъ ли бы онъ затянуться въ кожаный поясъ, и принять участіе въ страшной забавѣ? Увы! одинъ толчокъ разрушилъ бы бречное существованіе бѣднаго великаго художника, и при первомъ плетиѣ, при первомъ рвѣ, гений охоты, отецъ Саміеля, былъ бы осмѣянъ послѣднимъ изъ конюховъ его высочества. Нѣтъ, всѣ эти картины, такъ великолѣпно имъ описанныя, мелькнули передъ нимъ тогда, когда онъ въ сумерки сидѣлъ въ своемъ уединенномъ углуку. Онъ высокимъ инстинктомъ постигалъ ихъ, и этого было достаточно, чтобы воображеніе и сердце его могли исполниться ими. Многіе физически живутъ среди подобныхъ картинъ, и умрутъ, не подозрѣвая въ нихъ и тѣни поэзіи. Надобно рѣшиться на одно изъ двухъ, и отказаться отъ желанія согласить то, что можетъ быть несогласно, то есть, мысль и дѣло. Кажется, что живое чувство чего-нибудь исключаетъ способность исполненія и что съ другой стороны дѣйствіе само по себѣ имѣетъ въ себѣ нѣчто грубое, животное, препятствующее умственному развитію. Правда, есть рѣдкія исключенія; Байронъ одно изъ нихъ, и я часто представлялъ себѣ, какъ благородный лордъ въ восточескія минуты пускалъ во весь опоръ своего коня по пескамъ Лидо. Но Веберъ, какой жалкій охотникъ, и со всѣми тѣми, какой великій, чудный пѣвецъ охоты! Все это служить поводомъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о жизни его. Замѣтимъ нѣкото-

рыя отличительныя черты его и постараемся по-возможности схватить эту замѣчательную фizioномію, хотя бы для того только, чтобъ изучить нѣсколько контрастовъ ея.

Карлъ-Марія Веберъ родился осьмнадцатаго декабря 1786 года, въ Этинѣ (Eutin), въ Голштиніи. Онъ происходитъ отъ дворянской фамиліи и получилъ весьма хорошее воспитаніе. Съ самой ранней юности онъ раздѣлялъ время между живописью и музыкою. По всему можно думать, что онъ составилъ бы себѣ имя въ первомъ изъ этихъ искусствъ, если бы демонъ музыки, обладавшій имъ безъ его вѣдома, не отвлекъ его отъ рисунка и красокъ. Однажды вечеромъ, разсѣянно рисуя въ своей мастерской, онъ услышалъ музыку сферъ; лѣсной царь звалъ его въ свои эирныя области и онъ отдался во власть генія, подобно ребенку баллады, съ тою только разницею, что остался живъ — геніи щадятъ своихъ собратій. Впрочемъ, первыя упражненія въ рисованіи не остались безъ пользы, онъ не разъ возвращался къ нимъ и всякій знаетъ, что ему одолжены мы изобрѣтеніемъ литографіи. Что музыка брала всегда перевѣсъ — объ этомъ нечего и говорить, потому что съ одной стороны была одна только склонность, а съ другой призваніе. Отецъ его, маіоръ Веберъ, предчувствуя будущность своего сына, не щадилъ ничего, чтобы открыть ему міръ науки. Не находя въ родномъ городѣ руководителя, который посвятилъ бы его въ таинства, Карлъ-Марія Веберъ отправился въ Страсбургъ, къ Михаэлу Гайдену, а оттуда въ Мюнхенъ, гдѣ изучилъ контра-пунктъ, подъ руководствомъ придворнаго органиста. Въ 1800 году молодой маэстро поставилъ на сцену первую свою оперу «Дочь лѣсовъ» (*das Waldmädchen*) ему было тогда четырнадцать лѣтъ. Я ошибаюсь, говоря, что это была первая его опера; за два года предъ тѣмъ, онъ дебютировалъ музыкальнымъ сочиненіемъ, подъ нѣсколько страннымъ названіемъ: «Могущество любви и вина» (*die Macht der Liebe und des Weines*). Легко себѣ представить, что такое были эти два сочиненія, изъ которыхъ одно скоро сдѣлалось добычею пламени, вмѣстѣ съ многими сугами, обѣднею и многими мелкими пьесами; а второе имѣло успѣхъ въ Вѣнѣ, Прагѣ и Петербургѣ (?) и съ перваго разу доставило Веберу славу легкаго таланта; сочиненія эти вѣроятно мало соответствовали позднѣйшимъ его видамъ; они были ничто иное какъ простодушныя припоминанія вчерашняго урока, сто первое повтореніе давно извѣстной темы, пошлая канва, на которой мѣстами мерцали вы-

сли, подобныя не столько звѣздамъ въ небѣ, сколько свѣтящимся червячкамъ въ травѣ. Я никогда не понималъ суевѣрнаго поклоненія многихъ людей, всякому юношескому опыту великихъ артистовъ: какъ-будто эти произведенія ума, не сознающаго еще себя, могутъ быть чѣмъ инымъ, какъ не попыткой школьника болѣе или менѣе даровитаго. Пусть говорятъ, что гениальные поэты, музыканты, живописцы, не рождаются какъ грибы. Всякій отъ кого-нибудь да происходитъ и порядокъ уметвенный, такъ же какъ и физическій, имѣетъ свои непреложные законы, свою линию родства. При первыхъ попыткахъ никто не бывалъ независимъ; счастливъ тотъ, кто независимость приобрѣлъ съ лѣтами. Сначала подражаютъ, потомъ творятъ самостоятельно, и, наконецъ, сами дѣлаются образцомъ для будущихъ поколѣннй. Рафаэль наслѣдуетъ Перуджино, Моцартъ Глюку и долго еще божественные ученики, одинъ въ «Мадоннѣ della Sienesa», другой въ «Милосердн Тита» и «Идоменѣ», будутъ подражать своимъ учителямъ, прежде чѣмъ проявится въ нихъ самобытная идея. А самобытная идея Вебера — «Фрейшюцъ»; искать ее въ Фрейшюца, напрасный трудъ; притомъ же кчему знать на какомъ языкѣ лепеталъ ребенокъ, когда мы имѣемъ твореніе мастера? И я поспѣшаю перейти къ этому творенію; замѣчу только изъ числа его произведеній этого періода: двѣ симфоніи, нѣсколько концертовъ, и оперу «Петръ Шмоль и его сосѣди», представленную въ Аугсбургѣ, съ небольшимъ успѣхомъ. Миѣ часто говорили объ одномъ фантастическомъ сочиненіи, которое Веберъ намѣренъ былъ написать во время пребыванія своего въ Бреславлѣ, въ званіи директора музыки, замѣтывая сюжетъ его изъ знаменитой легенды Rübezah!l. Признаюсь, это возбуждаетъ мое любопытство; для будущаго пѣвца «Оберона», для венрнаго воображенія, которому суждено было посвятить міръ нашъ въ воздушныя тайны двора Титаніи, это сказаніе о силезскомъ гномѣ, послужило бы мотивомъ восхитительнымъ. Невольно хочется услышать музыку Вебера, когда вообразишь себѣ романтическую эпопею о прекрасной царевнѣ, которую застаютъ въ банѣ сладострастный хохотъ бѣсенка, любующагося ею съ вершины сосѣдней горы.

А что за музыкальная фантазія, когда царевна, заключенная въ заколдованномъ гротѣ, подиѣтивъ жезлъ чародѣя, схватываетъ его, создаетъ всякаго роду фантастическихъ гонцовъ и рассыпаетъ ихъ въ разныя стороны съ вѣстами къ царевичу-же-

дѣду; не говорю уже о сценѣ, въ которой обманутый гномъ проводитъ ночь, считая при свѣтѣ луны морковь въ своемъ огородѣ и не замѣчая, что между-тѣмъ у него похищаютъ царевну! Къ несчастію, мы не имѣемъ данныхъ о партитурѣ *Rübezahl*. Впрочемъ, можетъ-быть, эти сожалѣнія напрасны и не одинъ отрывокъ перешелъ цѣликомъ въ «Оберонъ».

Я никогда не повѣрю, чтобы великіе художники во всю жизнь разыгрывали роль блуднаго сына, расточая свои сокровища, какъ полагаютъ многіе. Я готовъ согласиться, что гений същелетъ драгоцѣнные камешки; но остаюсь при мнѣніи, что онъ считаетъ ихъ и всегда знаетъ, хотя приблизительно, сколько ихъ издерживаетъ; и если какой нибудь завалившійся алмазь стѣбитъ, чтобы поднять его, художникъ благоразумно погибаетъ и не даетъ ему затеряться безъ всякой пользы. Сами Италияпцы, у которыхъ расточительность вошла въ пословицу, поступаютъ такъ же какъ и другіе, я говорю здѣсь объ однихъ мастерахъ, а не подражателяхъ ихъ, которые пуская въ оборотъ фальшивую монету, могутъ не скупиться на нее; но спросите Россіи, не случилось ли ему при сочиненіи «Вильгельма Телля», вѣнчать прекраснѣйшими колосьями новыхъ жатвъ любимую идею юности, которая явилась ему съ улыбкою на устахъ, блистая одною только своею свѣжестью, своими юными прелестями. Изъ Бреслава, Веберъ перешелъ къ герцогу Евгению Виртембергскому, который оставилъ его при себѣ въ прекрасной своей столицѣ Карлсруэ, въ Силезіи, до-тѣхъ-поръ, пока политическіе перевороты не заставили августѣйшаго дилетанта распустить и канелу и театръ. Получивъ свободу, Веберъ объѣхалъ Германію, и скоро кончилъ свое музыкальное путешествіе, возвратившись къ герцогу, который принялъ его въ этотъ разъ во дворцѣ своемъ, въ Штутгартѣ. Въ это время Веберъ написалъ оперу «Сильвану», второе, исправленное и дополненное изданіе «Дочери Лѣсовъ», въ которой передѣлано было только либретто. Не говорилъ ли я, что въ счастливомъ мірѣ воображенія не пропадаетъ ничего. Прибавимъ, мимоходомъ, что первая идея была не при послѣднемъ еще переобразованіи. «Дочь Лѣсовъ», сдѣлавшись «Сильваной», должна была совершить третіе превращеніе и назваться «Преціозою». Если бы буддизмъ не существовалъ, его изобрѣли бы музыканты. Правда, что душа музыкальная, совершая послѣдовательныя переселенія, постепенно очищается, совершенствуется и хотя не совсѣмъ отрывается отъ

тождества, тѣмъ не менѣе является преобразенною. Въ одно время съ «Сильваною» онъ написалъ кантату — «Первый Звукъ» (der erste Ton) и нѣсколько симфоническихъ сочиненій.

Между-тѣмъ Веберъ начиналъ приобретать извѣстность. Съ каждымъ днемъ музыка его болѣе и болѣе находила почитателей; его оперы давались вездѣ; все посѣщали его концерты. Въ Веберѣ исполнитель соединялся съ маэстро и оригинальнѣйшій композиторъ для фортепiano былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ вдохновеннымъ, могучимъ изъ виртуозовъ. Въ 1810 году онъ предпринялъ путешествіе; въ Берлинѣ, въ Мюнхенѣ, Дармштадтѣ, путь его ознаменованъ былъ блистательными успѣхами. Въ Вѣнѣ, онъ снова встрѣтился съ добрымъ аббатомъ Фоглеромъ, подъ руководствомъ котораго семь или восемь лѣтъ назадъ, изучалъ правила высшей композиціи. Основательный умъ Вебера, жаждавшій исчерпать науки и все таинства своего искусства, не могъ упустить случая увеличить запасъ своихъ познаній; Веберъ снова преклонился предъ ученостью знаменитаго теоретика, наставника его юности, и маэстро, готовый уже подарить своему вѣку три образцовыя произведенія, возвратился въ школу старика аббата.

Въ школѣ аббата Фоглера былъ и другой ученикъ, которому также суждено было овладѣть вниманіемъ Европы. Мы говоримъ о Мейерберѣ, который пріѣхалъ изъ Берлина въ Дармштадтъ, чтобы пользоваться уроками ученѣйшаго профессора въ Германіи. Знаменитый творецъ «Роберта-Дьявола», сохранивъ объ этомъ періодѣ своей молодости воспоминаніе почти религіозное. Одно имя почтеннаго основателя Дармштадтской Школы воскрешаетъ предъ нами все любимое намъ прошедшее, о которомъ онъ не можетъ говорить равнодушно. «Пріѣзжай ко мнѣ, писалъ къ молодому Мейерберу, аббатъ Фоглеръ, по разсмотрѣніи одной фуги, которую тотъ прислалъ ему изъ Берлина; пріѣзжай въ Дармштадтъ, я встрѣчу тебя какъ сына и открою тебѣ живой родникъ музыкальной науки». Прекрасная душа! могъ ли бы онъ употребить другое выраженіе, ободряя человѣка желающаго посвятить себѣ изученію богословія? Въ Фоглерѣ артистъ, маэстро шелъ рядомъ съ священникомъ, если даже не опережалъ послѣдняго, и его религіозная вѣра и вѣра музыкальная, теряясь одна въ другой, составляли смѣсь міряннина и духовнаго, которая дѣйствовала и на его преподаваніе и превращала консерваторію его въ семинарію: надобно признаться,

странна была эта семинарія, гдѣ всѣ изслѣдованія сталкивались, жили дружно, но съ однимъ только условіемъ—слѣдовать одному исповѣданію въ-отношеніи искусства. Въ этой семинаріи работали безъ отдыха, какъ послушники бенедиктинцевъ. Рано утромъ аббатъ Фоглеръ совершалъ тихую обѣдню, въ которой прислуживалъ Карлъ-Марія Веберъ. потому что онъ былъ католикъ. Каковъ клирикъ! Если бы вы сказали тогда самому Саміелю, что этотъ церковно-служитель вызоветъ его, со всею ватагою, на перекрестокъ въ лѣсу, самъ Саміель, при всей своей дьявольской природѣ, въ-состояніи былъ бы изумиться этому. Тотчасъ послѣ обѣдни, наставникъ собиралъ учениковъ, читалъ урокъ контрапункта, потомъ задавалъ имъ разныя темы духовной музыки, надъ которыми они должны были упражняться и, наконецъ, разбиралъ каждое сочиненіе. Очень часто, часа въ четыре, послѣ обѣда, по окончаніи дневныхъ занятій, нашъ аббатъ бралъ съ собою одного изъ любимцевъ своихъ, Вебера или Мейербера, и шелъ прогуливаться, направляя путь къ собору, гдѣ было два органа. Въ соборѣ, учитель и ученики садились за органы, начинались концерты и вдохновеніе лилось потокомъ; органисты мѣнялись вопросами и отвѣтами, мотивъ перебѣгалъ отъ одного инструмента къ другому, подобно ткацкому челноку и, наконецъ, исчезалъ подъ хитросплетенною тканью гармоніи.

По временамъ, музыкальное братство пускалось въ путешествіе, аббатъ съ учениками своими посѣщалъ главные города Германіи: онъ былъ настоящій учитель веселой науки (*gaie science*), всегда расположенный толковать на пути и готовый превратить въ академію первую встрѣчную гостиницу, если представится случай извлечь для преподаванія пользу изъ какого-нибудь замѣчанія, сдѣланнаго въ продолженіи дня. Люди, каковы Веберъ и Мейерберъ, были созданы понимать и любить другъ друга: оба они имѣли точку соприкосновенія, которая должна была сблизить ихъ съ первой встрѣчи на школьной скамьѣ. Я говорю объ эстетическомъ чувствѣ, о трансцендентальномъ взглядѣ на музыкальное искусство, которыя ихъ отличаютъ. Но два будущіе соперника были слишкомъ неравны лѣтами (Мейерберъ былъ десятью годами моложе Вебера) и потому во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ не могло существовать дружество, которое неминуемо возникло бы впоследствии, если бы смерть пощадила старшаго. Веберъ имѣлъ на Мейербера то вліяніе, какое обыкновенно производитъ старшинство въ лѣтахъ, особенно когда оно сопровождается оба-

жніемъ раждающейся славы. Первая любовь Мейербера къ соученику исполнена была какого-то суевѣрнаго удивленія, въ которомъ много участвовали печальная, задумчивая фizioномія и дикій, разбѣянный нравъ раздражительнаго молодаго челоуѣка, погруженнаго въ предчувствія сверхъестественнаго міра.

Въ 1806 году Веберъ приглашенъ былъ въ Дрезденъ, чтобы занять мѣсто директора музыки. Въ столицѣ саксонскихъ королей предполагалось основать національную оперу, и послѣ этого понятно, съ какою готовностію принялъ это предложеніе нашъ молодой маэстро. Веберъ неразъ уже занималъ подобныя званія, но оставался въ нихъ не долго, потому ли, что опъ, по воспріимчивому и раздражительному характеру своему не могъ совладать съ посредственными артистами, или потому что считалъ себя не на мѣстѣ вездѣ, кромѣ столицы перваго разряда. Теперь представился ему къ тому случай, онъ воспользовался имъ и съ этой минуты Дрезденъ сталъ для него настоящимъ отечествомъ. Говорить ли о множествѣ сочиненій, ознаменовавшихъ эту эпоху его жизни, о кантатахъ, обѣдняхъ, увертюрахъ, когда предъ нами «Фрейшюцъ», когда фантастическій часъ пробилъ?

Здѣсь настаютъ новыя времена.

Деятнадцатаго іюня 1821 года, около полудня, beaux-esprits Берлина, казалось, собрались на свиданіе въ кофейную Stehley. Поэты, живописцы, журналисты, группами сидѣли вокругъ столовъ и шумно разговаривали. Судя по восторженности собравшихся, можно было подумать, что они готовились къ возмущенію и точно, никто бы не ошибся думая такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ давно враждующія стороны брались въ это время за оружіе и хотя это столкновеніе не имѣло политической причины, не менѣе того однако жъ предвѣщало грозу. По всему можно было ожидать возобновленія ужасовъ знаменитыхъ партизанскихъ войнъ, знаменами которымъ были вѣкогда имена Глюка и Пиччинни; Италія и Германія — Гвельфы и Гиббеллины стояли лицомъ къ лицу; съ той и съ другой стороны были сборъ, одни имѣя девизомъ и паролемъ «Спонтини и Олимпія», другіе: «Веберъ и національная вѣмецкая опера».

Карлъ-Марія Веберъ, пріѣхалъ въ Берлинъ для репетицій своего Freyschütz * и благодаря неутомимости и твердости великаго

* Фрейшюцъ, написана въ Дрезденѣ, а представлена въ первый разъ въ Берлинѣ.

артиста, поддерживаемаго внутреннимъ сознаниемъ призванія, предприятие его приближалось къ концу, несмотря ни на какія козни и интриги, которыя, скажемъ мимоходомъ, должны были возобновиться двадцать лѣтъ спустя, по-случаю твореній Мейербера, и также подъ вліяніемъ Спонтинни. Но кромѣ генія, на сторонѣ Вебера было народное чувство. Послѣ этого онъ не могъ погибнуть. Пѣвцы были въ восторгѣ и управляющій королевскими театрами ничего не щадилъ, чтобы обстановка достойна была высокаго произведенія. Смотря на большую или меньшую пылкость и воспримчивость характера, корифеи національной музыки или торжествовали вслухъ или надбались въ молчаніи. Италіяны же и всё державшіе ихъ сторону напротивъ того, были въ безпокойствѣ и старались только скрыть его подъ видомъ непоколебимой самоувѣренности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ смѣетъ этотъ маленькій Веберъ, какой-то Голштинецъ, состязаться съ колоссомъ вѣка, великимъ творцомъ «Весталки» и «Олимпія!» Оставалось только узнать, найдется ли публика, которая приметъ эту выходку съ серьезной стороны. Между-тѣмъ козни продолжали свои дѣйствія обычнымъ порядкомъ; интриганты кричали въ поддѣльной восторженности, что новая опера въ десять разъ удивительнѣе Моцартова «Донъ-Жуана» и Бетговенскаго «Фиделіо», надѣясь преувеличеніемъ и шумомъ уронить автора въ мнѣніи истинныхъ его друзей.

Что жъ дѣлалъ въ это время Веберъ? Среди всеобщаго волненія, онъ одинъ сохранялъ спокойствіе. Большую часть дня онъ проводилъ съ пѣвцами, остальные часы въ кругу друзей и убѣжденный въ добросовѣстности своихъ дѣйствій, въ доброй волѣ своей труппы, съ гордою самоувѣренностью, ждалъ развязки, полагаясь притомъ на милость Божію.

Вотъ въ чемъ заключался предметъ разговоръ кофейной Stehley, утромъ девятнадцатаго іюня 1821 года, въ день перваго представленія «Фрейшюца».

— Я васъ спрашиваю, любезный маэстро, вскричалъ одинъ молодой человекъ, по виду военный: не переходитъ ли это за предѣлы всякой возможности, что этотъ Веберъ, которому бы достаточно было какого-нибудь театра въ предмѣстіи, осмѣлился завладѣть Королевскою Берлинскою Оперою и выставить намъ на показъ свою романтическую мишуру, добытую по случаю изъ разной музыкальной ветоши? И что жъ намѣренъ онъ замѣнить своими жалкимъ произведеніемъ?— Высокое музыкальное твореніе,

«Олимпію», нашего несравненнаго Спонтини. Это рѣшительно безуміе и мнѣ становится жаль этого несчастнаго. Вы что скажете, маэстро, не правда ли, что онъ жалокъ?

— Совершенная правда, съ жаромъ отвѣчалъ италіянскимъ выговоромъ маленькій человекъ въ зеленыхъ очкахъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, въ этомъ дѣлѣ мнѣніе мое можетъ быть пристрастно и потому нельзя на него полагаться; я восхищаюсь одною только отечественною музыкою и уважаю одного только великаго маэстро Спонтини, который для меня выше всѣхъ на свѣтѣ.

— Сохрани Боже, чтобы я когда-нибудь вздумалъ оспаривать ваше мнѣніе, возразилъ молодой человекъ: Спонтини останется навсегда однимъ изъ величайшихъ драматическихъ композиторовъ, которые дѣлаютъ честь музыкѣ и я не знаю кого бы можно было сравнить съ нимъ въ Германіи. Передъ нимъ Глюкъ, бездушный, холодный мраморъ; Моцартъ, милый, нѣжный музыкантъ, но не гений и притомъ можно ли назвать его драматическимъ композиторомъ? Его «Донъ-Жуанъ», отъ котораго многіе сходятъ съ ума, сами не зная почему, лишень всякаго характера и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ удачныхъ мѣстъ, не представляетъ нашему молодому поколѣнію ничего кромѣ смѣшной старины. Повторяю, можно ли сравнить моего героя съ Глюкомъ или Моцартомъ? Не будь его, имѣли ли бы мы понятіе объ оперѣ! Одинъ только Спонтини понялъ, скажу больше, изобрѣлъ драматическую форму. Можете ли вы не согласиться со мною?

— Разумѣется нѣтъ, съ живостью отвѣчалъ маэстро, и потомъ, какъ-будто опомнившись, что скомпрометировалъ себя, прибавилъ: впрочемъ, не подумайте, чтобы я былъ врагъ Вебера, напротивъ, я вполне уважаю его талантъ, но тѣмъ не менѣе могу думать, что ему будетъ трудно имѣть значительный успѣхъ послѣ Спонтини.

— Вы думаете! замѣтилъ молодой человекъ, который сидѣлъ за сосѣднимъ столомъ и до этого времени не принималъ участія въ разговорѣ: а почему, позвольте васъ спросить? Вѣроятно потому, что нашъ добрый Нѣмецъ, съ намѣреніемъ устранилъ всѣ эти мелкіе сценическіе эффекты, которыми такъ охотно пользуется вашъ маэстро и ограничился прибавкою къ оркестру только двухъ роговъ? Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ-быть эти два рога при умѣстномъ употребленіи произведутъ болѣе эффек-

та, чѣмъ тридцать шесть трубъ Спонтини въ «Олимпіи» и все великолѣпіе обстановки, не исключая даже и словъ?

— Вотъ странный человѣкъ, шепнулъ маэстро на ухо своему собесѣднику.

— Такъ вы его не знаете? возразилъ послѣдній. Да это заклятый врагъ нашего идола; но что пужды? всѣ эти красныя слова нисколько не помѣшаютъ оперѣ маленькаго Вебера съ шумомъ упасть нынче вечеромъ. Повѣрьте, ни мои друзья, ни я не дадимъ затемнить звѣзды Спонтини и пока мы стоимъ за него, онъ одинъ останется музыкантомъ, по преимуществу.

При этихъ словахъ сатавинскій хохотъ раздался изъ самаго отдаленнаго угла залы и взоры всѣхъ обратились въ ту сторону: два незнакомца вставали съ своихъ мѣстъ и спѣшили удалиться изъ залы. Старшій изъ нихъ былъ лѣтъ сорока пяти или шести, небольшого роста, въ темномъ сюртукѣ. Огненные глаза его, какъ два горячіе угля, сверкали изъ-подъ густыхъ сросшихся бровей и освѣщали неподвижное лицо его, темно-желтаго цвѣта, покрытое глубокими морщинами. Въ густыхъ, коротко обстриженныхъ волосахъ и бородкѣ, скрывавшейся въ галстухѣ, проглядывала уже сѣдина. Когда этотъ незнакомецъ всталъ и указывая дверь своему блѣдному, болѣзненному товарищу, давалъ ему знать, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ, можно было замѣтить прекрасную руку его, которой позавидовала бы самая очаровательная графиня. Такъ она была бѣла и изящно сложена.

— Что это за человѣкъ? спросилъ маэстро у своего сосѣда.

— Какъ! отвѣчалъ спонтинистъ, вы и его не знаете? Это мечтатель по преимуществу, Каллотъ Гофманъ.

— Ахъ! да, «Золотой горшокъ», «Маіорать», «Кремонская скрипка!» А это бѣлое привидѣніе, которое онъ тащитъ за собою?

— Безъ-сомнѣнія, какой-нибудь оригиналъ изъ его дому сумасшедшихъ, братъ Антоніи, быть-можетъ.....

Наступилъ вечеръ. Толпа народу, наполнявшая залу королевскаго театра ожидала чего-то въ шумномъ волненіи, которое обыкновенно предшествуетъ глубокому вниманію. Наконецъ явился Веберъ. Благослови, Господи! прошепталъ онъ подойдя къ капельмейстерскому пюпитру, поднялъ руку, далъ знакъ концомъ своей трости и увертюра началась.

Извѣстно, какъ принято было Берлинцами это образцовое про-

изведение съ самаго перваго его представленія. Геній Германіи торжествовалъ, Италия была побѣждена. Побѣда! кричали друзья Вебера. Побѣда! вопили восторженные приверженцы національной музыки, увлекая своими изступленными криками всю восторженную толпу, обаянную чарами изящнаго. Веберъ вышелъ изъ битвы побѣдителемъ и съ этой минуты маленькій маэстро, почти неизвѣстный пѣвецъ «Преціозы», сталъ творцомъ «Фрейшюца». Театръ, удивительная машина внезапныхъ развязокъ; странное колесо, которое возноситъ до небесъ того, кого встрѣчаетъ на своемъ пути! Вы скрывались въ уединеніи, во мракѣ, жили въ пугдѣ; и вотъ вы прославлены, васъ всѣ ласкаютъ; вы распоряжаетесь всѣмъ по своей прихоти. А сколько нужно было времени для этого переворота? Одинъ вечеръ, то есть, почти столько же сколько нужно куколкѣ, чтобы вылупиться изъ скорлупы.....

Пробилъ часъ ночи и изъ запоздалыхъ посѣтителей таверны Лютера, осталось только четверо, которые, сидя вокругъ маленькаго столика, пользовались полною свободою, благодаря отсутствію докучливыхъ гостей, убравшихся за позднюю порою домой. Эти четверо были: Карлъ Марія Веберъ, Е. Т. А. Гофманъ, Лудвигъ Девриентъ и тотъ молодой человекъ, котораго мы встрѣтили утромъ въ кофейной Stehley.

Толковали о Фрейшюцѣ, актерахъ и публикѣ; Веберъ, отъ природы задумчивый и молчаливый, забывалъ по временамъ свой нравъ и рассказывалъ, какое онъ чувствовалъ волненіе и опасенія при поднятіи занавѣса; трепеть радости въ *motseaux d'ensemble*, прекрасно выполненномъ артистами и чудесно понятомъ публикою; наконецъ восторгъ, въ ту минуту, когда побѣда начинала склоняться на его сторону. Но упоеніе его было непродолжительное; зависть не дождалась даже слѣдующаго дня, чтобы ужалить его и подъ лаврами вѣнца побѣдителя таялись тернія! Въ самомъ дѣлѣ, не одно злое слово, не одинъ язвительный сарказмъ долеталъ до слуху великаго артиста и его улыбка среди лихорадочныхъ потрясеній словъ, выражала какое-то глубокое страданіе и неисцѣлимую грусть. Гофманъ, съ своей стороны, упоенный виномъ и музыкой, этии двумя стихіями его генія, предавался своему дивному бреду, разбиралъ твореніе, дивился, хвалилъ, порицалъ, по поводу какой-нибудь аріи или дуэта, открывалъ цѣлыя міры; иногда останавливался на срединѣ рѣчи, сверкавшей огнемъ и напѣвалъ на память какой-нибудь мотивъ, или смѣ-

лыми чертами набрасывалъ на стѣнѣ фантастическій силуэтъ дѣйствующаго лица, объясняя по-свѣдому его характеръ.

— Послѣдній тостъ! вскричалъ онъ, наполняя въ двадцатый разъ свой стаканъ: выпивъ за здоровье всѣхъ обитателей Волчьей Долины, пью за здоровье творца романтической оперы. Благодаря ему, господа, съ этого вечера у насъ есть національная народная опера. Музыка была уже въ Моцартѣ своего Шиллера, въ Гайднѣ своего Клопштока, въ Бетговенѣ—Жанъ Поля; мужайся, Веберъ, ты будешь ея Гофманомъ, ея Арнимомъ, ея Людвигомъ Тикомъ, ея *Knabenwunderhorn'*омъ. Вотъ именно то, что называю я истинною мелодрамой; тутъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка, тутъ музыка не вставка, не излишняя деталь, не пустая наклейка; тутъ музыка во всемъ принимаетъ участіе, все оживляетъ, все расцвѣчиваетъ. Какая мнѣ нужда знать подробно сюжетъ поэмы? Пусть только скажутъ названіе ея; мнѣ достаточно услышать десять первыхъ тактовъ увертюры и я понимаю уже все дѣйствіе. Вслушайтесь въ эти пеленные звуки роговъ, въ это таинственное вступленіе, такъ глубоко проникнутое суровою жизнью лѣсовъ, которая въ ту же минуту развивается передъ вами картиною. Между-тѣмъ небо мало-по-малу покрывается тучами, *pizzicato* контръ-басовъ, трижды повторенное, предвѣщаетъ приближеніе таинственной силы. Является Саміель, духъ пустыни, слагатель мрачныхъ заклятій. При появленіи его гремитъ громъ, оркестръ раздражается бурей; скоро свершится чародѣйство; вдругъ слышится мелодическій голосъ и какъ свѣтлый лучъ разсѣкаетъ мрачный хаосъ. Чувствуешь, что этотъ голосъ любви и искупленія восторжествуетъ! Незамѣтно, адскія стихіи удаляются и голосъ, сопровождаемый всѣми силами гремящаго оркестра, всё болѣе и болѣе возвышается, беретъ перевѣсъ и, наконецъ, заглушаетъ замирающій гулъ тромбоновъ, которые еще грохочутъ вдали какъ скованные демоны. Я часто говорилъ, и твое сочиненіе служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что если авторъ умѣетъ проникнуться духомъ и чувствомъ своей поэмы, то для выраженія этого духа и этого чувства, слова ему не нужны. Увлеченный собственнымъ вдохновеніемъ, онъ придастъ своей музыкѣ огонь, поэзію, точность выраженія, начало которыхъ не заключается въ текстѣ. Я уважаю поэму Апеля и увѣренъ, что на его мѣстѣ я не придумалъ бы ничего лучше; но понималъ ли онъ хотя темнымъ чувствомъ тѣ лица, которыя готовилъ для тебя? Этотъ Каспаръ, безразличный, мнительный и молчаливый, безбожникъ и суевѣръ,

насмѣшливый, вспылчивый, злой, этотъ Каспаръ существуетъ ли въ твоей музыкѣ? Создавай же каватинами по-больше подобныхъ типовъ! Въ твоёмъ вдохновеніи я люблю именно то, что оно непонятно какъ проникаетъ все существо слушателя. Начинается ли или кончается, прерывается ли или возобновляется—вѣчно чудно. Кажется ступаешь по землѣ, изъ которой при каждомъ ударѣ ноги брызжетъ музыка, музыка полная таинственныхъ откровеній и подземныхъ звуковъ, почерпнутыхъ въ самомъ сердцѣ природы и которые кажутся отголоскомъ пропастей, гдѣ живые источники заимствуютъ свою теплоту.

Здѣсь Гофманъ остановился и взглянулъ на молодаго человѣка, котораго онъ привелъ съ собою: покрытый холоднымъ потомъ, опершись подбородкомъ на руку, тотъ напряженнымъ взоромъ, слѣдилъ, казалось, съ нервическимъ безпокойствомъ за малѣйшимъ движеніемъ Гофмана, который, давъ Девріенту время закурить снова трубку и налить стаканъ, продолжалъ:—Но какъ музыка составляетъ часть самой основы сочиненія, то для близорукихъ умовъ трудно будетъ тутъ понять что-нибудь. Подлѣ меня сидѣлъ какой-то добрякъ въ золотыхъ очкахъ и во все продолженіе оперы предавался какому-то конвульсивному изумленію. «Какой обрубленный мотивъ», проворчалъ онъ, послѣ перваго куплета Кнліана, и вдругъ пораженный внезапною мыслью, принялся бить тактъ: «разъ, два, три, четыре; разъ, два, три! О! это что? Четвертаго, нѣтъ, нѣтъ симметріи! Да что жъ будетъ за музыка безъ ритма?» Послѣ этого онъ вынулъ свою памятную книжку и тщательно записалъ въ ней свое замѣчаніе. Нѣсколько минутъ спустя, въ продолженіи объясненій между Каспаромъ и Максомъ, онъ жалѣлъ во всеуслышаніе, что вся эта сцена составлена изъ разговоровъ. Какъ! безъ музыки! что за осель этотъ Веберъ; а какой тутъ случай для прекраснаго дуэта!» Правда твоя, простодушный невѣжда, подумалъ я про себя: здѣсь бы можно было вставить дуэтъ *in felicità*, съ речитативомъ, адажіо, ригурнелемъ рожка, съ кабалетюю, чтобъ дать время лѣсничимъ вымѣрять сцену. Сколько подобныхъ глупцовъ на этомъ свѣтѣ! Представляю тебѣ вообразить изумленіе этого простака, во время сцены въ Волчьей Долинѣ, когда Каспаръ, стоя въ своемъ заколдованномъ кругѣ, вызываетъ Саміеля, и приготавливая свои кабалистическія приправы, старается перехитрить чорта. Ты согласишься, что человѣку, который ищетъ только дуэтокъ и симметріи, эта сцена должна была показаться оригинальною и что разговоръ,

состоящій на половину изъ пѣвнй и рѣчей, могъ сбить съ толку методическій мозгъ моего сосѣда. «Гдѣ мы? Боже великій! шепталъ онъ со вздохомъ: обрывки разсказа, сшитые между-собою обрывками симфоній! Не знаешь кто поетъ, кто говоритъ. Ну, актеръ замолкъ, и начинается оркестръ. Путаница! мелодрама! Уфъ!» Признаюсь, въ эту минуту я потерялъ терпѣніе; обернувшись и схвативъ за руку этого чорта, который столько меня мучилъ впродолженіи двухъ часовъ, я сказалъ: — Вы называете это оркестромъ, милостивый государь, вы ошибаетесь, это голосъ заклятыхъ стихій, это плачь водопада, это свистъ вѣтру между елями на болотѣ, это пожаръ вырывающійся изъ безчисленныхъ вулканическихъ разщеливъ земли. Зловѣщая сова бьетъ крыльями надъ жаровнею, въ которой кипитъ свинецъ. Молчите, милостивый государь, бойтесь, чтобъ волшебникъ Каспаръ не обрызгалъ васъ своимъ кропиломъ за то, что вы всё ему мѣшаете.

— Чтѣ съ тобою, Теодоръ, вскричалъ Веберъ: можно ли такъ оскорблять критика, который можетъ-быть писать въ трехъ журналахъ! Ты развѣ не знаешь?

— Напротивъ, чортъ возьми, я его очень хорошо знаю.

— Завтра мы услышимъ объ немъ.

— Миѣ чтѣ за дѣло? Въ это время началась охота и ты можешь вообразить, что я тотчасъ же бросилъ своего невѣжду и сталъ слѣдить за фантастическою сворой. Вскачь, черезъ рвы и кустарники, чрезъ озера и потоки! Арапники хлопаютъ, сверкают кровавыми искрами, окрыленные псы съ драконовыми головами, лаятъ на вершинахъ деревь и перья дикихъ птицъ горятъ огнемъ. Между-тѣмъ адская труба всё-еще гремитъ, пробуждая совъ, соколиного двора Саміеля, въ разщелинахъ стѣвъ. Чтѣ за дивныя трубы, чтѣ за восхитительная суматоха! И куда они въ эту бурю, по этому вѣтру? Послѣ такой страшной ночи можно ли было ожидать, чтобъ заря взошла такъ тихо, такъ лучезарно! Въ третьемъ актѣ, при первыхъ тактахъ молитвы Агаты, миѣ показалось, будто ясный паръ всходитъ изъ пропастей обновленной земли. Эта пѣснь горлицы въ устахъ молодой дѣвушки была для меня гимномъ природы, раскрывшей, при пробужденіи отъ страшнаго сновидѣнія свои голубые глаза, затопленные солнцемъ и росой; и все это оттого, что у тебя вездѣ природа, и музыка твоя, какое бы она впрочемъ ни имѣла патетическое выраженіе, всегда упоительно дышетъ дикимъ аро-

матомъ земли. Ее-то преимущественно можно назвать *vetere viridis*, вѣчно-зеленою, вѣчно-лѣсною, вѣчно-напитанною укропомъ и молодымъ дубомъ. И когда я внимаю ей, у меня расширяются ноздри и я полною грудью вдыхаю этотъ мелодическій, здоровый воздухъ, вѣющій ароматомъ сосѣдняго лѣсу. Я читалъ въ одной старинной лѣтописи, что турнигенскій маркграфъ Асприанъ, такъ полюбилъ охоту, что наконецъ сошелъ отъ нея съ ума, и вотъ мой Фрейшюцъ, вѣривъ свое государство управленію сына, рыщетъ день и ночь по лѣсамъ, лазитъ по деревьямъ, однимъ словомъ, живетъ безпокойною, кочевую жизнью бѣлки. Вѣроятно, въ то время тетерева были въ Турнигін рѣдки. Однако жъ въ одинъ вечеръ Асприану удалось найти одного, — въ первый разъ въ жизни. Увидѣвъ его, старикъ-графъ такъ прыгнулъ отъ радости, что сукъ, на которомъ онъ сидѣлъ, чуть-было не переломился. Тетеревъ однако не испугался, и, странно, вмѣсто того чтобъ летѣть, какъ сдѣлали бы другія птицы на его мѣстѣ, онъ приблизился къ Асприану, будто бы влекомый магнитизмомъ. Оба они, то есть, маркграфъ и тетеревъ, всю ночь проглядѣли другъ на друга; Асприанъ огненнымъ взоромъ жегъ бѣдную птицу и она, поработанная, утомленная, уничтоженная, издохла на-разсвѣтъ. Вотъ здѣсь начинается диво. Со смертію тетерева, душа ея переселилась въ тѣло графа. Съ этого дня, Асприанъ лишился языка. Изъ человѣка и маркграфа онъ сдѣлался тетеревомъ: порхалъ по деревьямъ, ворковалъ, туковалъ по всѣмъ условіямъ своей новой природы. Не знаю почему именно теперь пришла мнѣ на мысль эта глупая сказка. Рассказываютъ о превращеніяхъ, о предшествовавшихъ періодахъ. Веберъ, скажи мнѣ, ужъ не ты ли этотъ графъ Асприанъ, эта баснословная птица, которая проживъ три вѣка въ областяхъ природы и освободясь наконецъ отъ узъ заклѣтія, возвратилась въ человѣчество и испаряетъ изъ себя всю эту таинственную и мрачную поэзію, которой она напиталась въ другомъ существованіи?

— Ну, Каллотъ понесъ вадоръ, вскричалъ Девріентъ, пуская густое облако табачнаго дыму: правду сказать, онъ имѣетъ на то полное право: мы пили черезъ-чуръ много. Чтò до меня, Веберъ, то я рѣшительно не знаю, изъ какихъ міровъ ты пожаловалъ къ намъ, и ни мало не забочусь о прежнемъ твоёмъ собесѣдничествѣ съ гномами или ундинами, зльзми или саламандрами. *Salmander soll glühen*, саламандра должна сверкать огнемъ, гово-

рить старинный докторъ, а музыкантъ—пѣтъ, прибавлю я, каждому свое дѣло; мнѣ только то несомнѣнно извѣстно, что ты основалъ нѣмецкую оперу и въ глубинѣ своего искусства нашелъ рѣдкій романтизмъ, который поэзія давно уже открыла, роясь въ копияхъ исторіи. Бѣдная нѣмецкая сцена! К чему она стремилась со смерти Моцарта? Мы жили одними заискиваніями у Италіи и Франціи и только «Танкредъ» бѣшеннаго Россини напомнилъ намъ, что значить энтузіазмъ. Господа, за здоровье Саміеля, этого мрачнаго духа лѣсовъ, которому одолжены мы очаровательною партитурою.

— За здоровье Вебера! вскричалъ съ видомъ пылкой восторженности, молодой человѣкъ, котораго привелъ Гофманъ: за здоровье вдохновеннаго композитора, великаго маэстро современной Германіи! Да ниспошлетъ ему святое искусство, къ которому влечетъ его предназначеніе, все богатство душевныхъ потрясеній, всѣ таинственныя свои сокровища! Да живетъ онъ до конца въ счастіи, среди рукоплесканій; да увѣчается онъ среди своихъ соперниковъ, и да нисойдутъ въ душу его всѣ утѣхи, всѣ наслажденія славы, въ эту душу, источникъ мира, къ которому придутъ утолить жажду всѣ страждущіе.

— «Страждущіе!» повторилъ Веберъ, съ горькою и насмѣшливою улыбкою, какъ-будто онъ, въ продолженіи грустнаго противодѣйствія, начавшагося въ немъ нѣсколько минутъ назадъ, услышалъ только послѣднее слово тоста, произнесеннаго пылкимъ корифеемъ. Страждущіе! а его кто утѣшитъ? Когда онъ принесетъ на жертву своему искусству покой, здоровье, благосостояніе, когда онъ умретъ подъ бременемъ труда, кто позаботится о его семействѣ? Ахъ! Никто. Но, скажутъ, дѣла переживаютъ человѣка. Правда, лѣтъ чрезъ пятьдесятъ или шестьдесятъ, какой-нибудь добрый человѣкъ вздумаетъ провозгласить тебя геніемъ и доказать свѣту, что твои современники дурно поступили, допустивъ тебя умереть съ голоду и отчаяніи. Тотчасъ же всѣ единодушно подадутъ голосъ воскресить тебя. Мы всѣ знаемъ, какъ происходятъ этого роду апофеозы. Составляется филармоническое общество, заказываютъ чудовищный обѣдъ на пятнадцать ливровъ съ человѣка, кромѣ вина, за обѣдомъ ѣдятъ и пьютъ во славу тебѣ, рѣчи льются одна за другою. Потомъ, когда собраніе, умилненное слишкомъ частыми тостами, начинаетъ заливаться слезами при разсказѣ о твоёмъ мученичествѣ, встаетъ послѣдній ораторъ и предлагаетъ въ двадцатый разъ твое

здоровье, вызываетъ къ сооружеию тебѣ памятника. При этихъ словахъ гремятъ рукоплесканія, и тутъ же составляется коммиссія, обыкновенно подъ предѣдательствомъ какого-нибудь шарлатана, которому очень хочется обратить на себя, поэтому случая, общее вниманіе и покувыркаться на пьедесталѣ памятника, пока не взойдетъ на него твоя статуя. Вскорѣ со всѣхъ концовъ Европы загремятъ газетный призывъ, подписка умножается, червонцы сыплются въ кассу, и въ увѣчаніе посмертныхъ почестей, современный Микель-Анджело, вызывается извѣять твои черты безъ всякаго возмездія. Такимъ образомъ все готово къ прославленію твоего имени, по смерти. Между-тѣмъ наступаетъ торжественный день, статуя, увѣчанная лаврами, осыпается цвѣтами, открывается при крикахъ толпы, разогрѣтой энтузіазмомъ и солнцемъ. Имя твое въ устахъ каждаго, на пирѣ инструменты гремятъ только твои сочиненія; утромъ того же дня издатель твой пустилъ въ продажу роскошное изданіе твоихъ твореній. Торжество чудесное, перспектива великолѣпная; если бы чаще всего не случалось, что въ тотъ самый часъ, когда все это происходитъ, родной твой сынъ, доведенный до послѣдней крайности, родной твой сынъ несетъ въ закладъ семейные часы, чтобы достать денегъ на похороны своей матери, умершей гдѣ-нибудь на чердакѣ.

— Карлъ, вскричалъ Девріентъ: ты ли это говоришь? нѣтъ, ты обижаешь свое отечество, нѣтъ, оно не дойдетъ до такой неблагодарности.

— Быть можетъ, отвѣчалъ Веберъ спокойно: въ подробностяхъ есть преувеличеніе; но повѣрь мнѣ—сущность картины справедлива.

— Будемъ любить наше искусство болѣе всего на свѣтѣ, но не будемъ до такой степени безумны, чтобы жертвовать собою глупой, завистливой толпѣ, которая, пока геній передъ глазами ея, не умѣетъ цѣнить его достойно.

Гофманъ, во все время своего молчанія, не терялъ изъ виду своего сосѣда по лѣвую сторону, который, не спуская глазъ съ Вебера, подмѣчалъ, казалось, каждое его слово. Въ ту минуту, когда оракулъ его замолкъ, молодой человекъ отеръ крупную слезу и судорожно вынулъ изъ кармана какую-то вещь, которую нельзя было разглядѣть, приблизилъ ее къ стакану.

Отъ Гофмана не скрылась эта продѣлка и онъ услышалъ незамѣченное имъ Веберомъ, имъ Девріентомъ, журчанье какой-то

жидкости, льющейся въ стаканъ, вдругъ обернулся и схвативъ молчаливаго собесѣдника за руку, вскричалъ:

— Стой, товарищъ, развѣ ты не видишь, что твой стаканъ и такъ полопъ? Чего же ты хочешь еще налить въ него?

При этихъ словахъ, молодой человѣкъ покраснѣлъ и будто шутя, старался высвободить свою руку изъ руки совѣтника юстиціи и уже успѣвалъ въ своемъ намѣреніи, какъ-вдругъ Гофманъ воскликнулъ: — Ко мнѣ! Саміель, Hülff, Samiel!

Въ эту минуту, Девриентъ счелъ нужнымъ вмѣшаться въ споръ и устремивъ свой магическій взоръ на непокорнаго ученика, сказалъ:

— Любезный другъ, здѣсь предсѣдательствуетъ совѣтникъ юстиціи и сопротивленіе не допускается; и такъ сдайся добровольно.

— Такъ и быть, отвѣчалъ тогда молодой человѣкъ, принужденно захохотавъ и бросивъ на столъ предметъ спора. Гофманъ схватилъ его; то былъ гравеный хрустальный флаконъ; онъ открылъ его, понюхалъ и вскричалъ съ ужасомъ и отвращеніемъ:

— Опіумъ! это такъ же вѣрно, какъ то, что я существую; и вы подливаете себѣ въ вино опіумъ, вы, молодой человѣкъ, въ ваши лѣта прибѣгаете къ такимъ возбуждательнымъ средствамъ? Громъ и молнія, это ужъ слишкомъ!

— Чортъ возьми, мнѣ кажется, Гофманъ, я скорѣй бы рѣшился попробовать твоего эликсира изъ саламандръ, замѣтилъ Девриентъ. Потомъ, обращаясь къ Веберу, прибавилъ: въ послѣдній разъ, когда я игралъ *Шейлока*, я отвѣдалъ опіуму и заплатился только двухъ-недѣльною нервическою лихорадкою.

— Я беру флаконъ подъ секвестръ, возразилъ Гофманъ, опуская его въ карманъ. Эй, малый, подай другой стаканъ, да станемъ вести себя какъ слѣдуетъ. Нейте, господа, это старое бургонское безъ всякой ядовитой примѣси. А васъ, молодой человѣкъ, прошу пожаловать ко мнѣ завтра рано утромъ; мнѣ хочется васъ порядкомъ пожурить.

— Ахъ! любезный совѣтникъ, возразилъ молодой человѣкъ, съ грустною улыбкой: я радъ бывать у васъ, какъ часто угодно; но слушать васъ другое дѣло: привидѣніе, которое говоритъ здѣсь сегодня, не услышитъ съ завтрашняго дня уже никого.

— Это отъ чего, скажите, пожалуйста? вскричалъ Гофманъ.

— Потому, продолжалъ молодой человѣкъ, съ невыразимую грустью, потому что съ завтрашняго дня — я буду глухъ.

При этихъ словахъ, трое друзей переглянулись между собою съ видомъ изумленія, какъ-будто дѣло шло о сумасшедшемъ. Между-тѣмъ какъ молодой человѣкъ, обратясь къ Веберу и протягивая ему черезъ столъ руку, сказалъ:—Да, учитель мой! За то, чтобы только слышать твое высокое твореніе, я отдалъ послѣдній токъ чувства, которое когда-то было одарено изумительною воспримчивостью, и вотъ уже скоро семь лѣтъ какъ оно всё бѣе и болѣе притупляется и исчезаетъ; потеря этого чувства предвѣдная, неизбѣжная, превратила жизнь мою въ адъ и дѣлаетъ меня самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

За этими словами, произнесенными въ порывѣ безпредѣльнаго отчаянія, послѣдовало глубокое молчаніе. Гофманъ и Девриентъ были поражены ими; Веберъ плакалъ. Наконецъ, видя что никто не осмѣливается обратиться къ нему съ вопросомъ, молодой человѣкъ продолжалъ:

— Моя исторія проста, въ ней нѣтъ ни драмы ни романа. Потому, осушивъ разомъ свой стаканъ, началъ рассказъ, почти не останавливаясь:

«Вы, вѣроятно, уже угадали и мнѣ не нужно говорить, что музыка была первымъ моимъ ощущеніемъ, первою любовью, первою потребностью. Я родился въ Южной Германіи, въ Боннѣ, гдѣ жили мои родители. Бетговена я зналъ съ самаго дѣтства: этотъ божественный маэстро, въ послѣднее, кратковременное посѣщеніе моего роднаго города, не разъ удостоивалъ меня своимъ высокимъ вниманіемъ. Мы жили въ одномъ домѣ, и въ извѣстные часы онъ призывалъ меня къ себѣ, заставляя меня играть на фортепiano, чтобы узнать дѣлаю ли я въ игрѣ успѣхи или толковалъ со мною о разнообразныхъ предметахъ науки, которой я посвящалъ себя. Я долженъ признаться, что мысль быть отличену такимъ гениемъ, наполнила гордостью мое дѣтское сердце. Изъ святыхъ рукъ его я принималъ, казалось, какое-то благословеніе. Очевидно, что мнѣ было суждено создать когда-нибудь и что-нибудь необыкновенное. Въ это время я не имѣлъ другаго убѣжденія. Учители мои, восхищенные моими успѣхами, одобряли меня и полагали блистательныя надежды на мою будущность. А я, Боже мой! чего я не надѣялся? Мнѣ было только шестнадцать лѣтъ, когда я лишился отца; за нимъ скоро послѣдовала и мать; оставшись сиротою, я рѣшился покинуть Боннъ и ѣхать путешествовать, давая на пути концерты. Мой дебютъ въ Берлинѣ превзошелъ всё мои мечты о славѣ; съ

перваго разу меня признали мастеромъ; рукоплесканія, деньги, слава, все полилось на меня; какое торжество! Вчера еще меня никто не зналъ, а сегодня важилъ уже враговъ! Такимъ образомъ золотые мои сны прошлыхъ дней начинали осуществляться. Божественное искусство, которому обрекъ я свою жизнь, улыбалось мнѣ; я близокъ былъ къ совершенію всѣхъ сладостнѣйшихъ монахъ желаній, къ тому мгновенію въ жизни, когда успѣхъ даетъ артисту право проявиться во всей оригинальности своего таланта; но увы! Кто бы могъ сказать тогда, что адъ позавидуетъ мнѣ въ эти блаженныя минуты и что отъ жаждущихъ монахъ устъ, до роковой чаши, которую ты испилъ сегодня, Веберъ, могло быть мѣсто для такого горя! За чтò гнала меня судьба, за какое преступленіе понесъ я эти наказанія, не знаю. Знаю только то, что на слѣдующій день назначено было играть мою симфонію. На ночь я заперся въ своей келліи и принялся передѣлывать одинъ пассажъ, который показался мнѣ на репетиціи нѣсколько слабымъ. Къ разсвѣту я уже оканчивалъ работу, какъ-вдругъ чувствую: что голова моя горитъ, въ ухахъ шумитъ, какъ-будто рѣвка. Я думалъ, что утренній воздухъ оживитъ меня; сталъ открывать окно и не услышалъ шума, который долженъ былъ отъ этого произойти. Испуганный, я опрокинулъ столъ, билъ посуду.... нѣтъ, ничего не слышу!... Я оглохъ! Не стану рассказывать вамъ, какъ прошелъ для меня день.... Ужасенъ былъ онъ! Болѣе всего меня оторчало то, что для всѣхъ я буду предметомъ сожалѣнія. Я готовъ былъ на самоубійство. Настала вечеръ; я отправился въ концертную залу; съ твердымъ намѣреніемъ управлять оркестромъ, какъ-будто ничего ни бывало и пустить въ лобъ пулю, лишь-только убѣдусь, что глухота моя неспѣлима и не можетъ быть скрыта. Первые такты шли хорошо, меня руководилъ еще остатокъ пораженнаго чувства. Я думалъ даже, что слухъ возвращается: напрасная надежда! Вдругъ весь оркестръ, казалось мнѣ, утихъ: я слышалъ только молчаніе, мертвое молчаніе. Вотъ пытка, которой не выдумалъ бы и Данте. Я внималъ только моему отчаянію. Чтò будетъ, то будетъ, думалъ я скрывая слезы бѣшенства, и продолжалъ до конца, руководствуясь однимъ зрѣніемъ, не слыша ни одной ноты и управляя массою инструментовъ, которымъ, предполагалось, я сообщалъ гармоническое движеніе. Наконецъ зала рукоплещетъ, лица всѣхъ оживляются, мои друзья и враги тѣснятся около меня; ко мнѣ подходитъ камергеръ и ведетъ меня въ королевскую ложу; со мной

говорить принцесса, самъ король, я улыбаюсь и молчу. Слезы дуть меня. Выйдя изъ ложы, я далъ волю моему бѣшенству и побѣжалъ какъ сумасшедшій. На дорогѣ захожу въ первую незапертую таверну: мнѣ подають пуншу и я пью стаканъ за стаканомъ. Такъ проходитъ нѣсколько мнпуть; вдругъ, мнѣ кажется, что чувства мои развертываются, я снова начинаю слышать; прислушиваюсь, до меня долетаютъ ясные звуки. Скоро я замѣчаю, что съ каждымъ стаканомъ эта ясность слуха увеличивается; случай открылъ мнѣ тайну, за которую я заплатилъ бы кровью. Съ этой поры я знаю какими средствами могу по произволу оживлять умершее чувство. Скоро этотъ страшный гальванизмъ я сталъ употреблять во зло. Съ каждымъ днемъ я долженъ былъ увеличивать пріемъ. Вездѣ начали говорить, что я пьяница и изъ опасенія быть жалкимъ въ глазахъ людей, я сталъ предметомъ ихъ презрѣнія. Однажды, страннымъ случаемъ, который рассказывать вамъ напрасно, тайну моего положенія открыла одна молодая Италіянна, по имени Церлина, которая жила въ небольшомъ домикѣ, въ Фридрихсштра-сѣ, съ старикомъ-отцомъ, *factotum* въ родѣ Фигаро, мастеръ играть на карманной скрипѣ (*pochette*) и готовить лекарства; въ немъ гевій аптекаря соединился съ дарованіемъ танцмейстера. Эти добрые люди принимали во мнѣ участіе; подъ условіемъ молчанія я открылся отцу Церлины. Съ нѣкотораго времени я замѣчалъ, что вино на меня перестаетъ дѣйствовать, и я съ ужасомъ предчувствовалъ приближеніе роковой минуты, когда безвозвратно прекратится всякое сообщеніе между мною и вѣшнимъ міромъ. — «Попытай, сказала я Италіянку: нѣтъ ли средства помочь мнѣ; не бойся ничего; я согласенъ перенести все, если есть хотя малѣйшая надежда». Сначала старикъ былъ въ нерѣшимости; но видя мое отчаяніе, обѣщалъ мнѣ, наконецъ, если не возвратитъ вполнѣ чувство слуха, по-крайней-мѣрѣ отдалить на нѣкоторое время совершенную потерю его. Прежде чѣмъ далъ мнѣ рецептъ, онъ потребовалъ отъ меня клятвы — употреблять его только въ крайнихъ случаяхъ. Я поклялся ему, и на другой день онъ далъ мнѣ флаконъ, подобный тому, который вы у меня отняли. Это былъ опиумъ. Два года наслаждался я небеснымъ восторгомъ. Золотыя двери Моцартова и Бетгове-нова рая снова раскрылись предо мной; мнѣ стоило только захотѣть и чувство, пораженное мертвенностью, пробуждалось къ впечатлѣніямъ мелодій, недоступной для уха человѣческаго въ нормальномъ его состояніи. Увы! этотъ прекрасный сонъ во-

сточной ночи, эта оргія, приближалась къ концу! Въ одинъ вечеръ, Итальянецъ объявилъ мнѣ, что послѣ двойныхъ, тройныхъ пріемовъ опиума, употребленіе его должно прекратить или онъ отравитъ меня. Впрочемъ, онъ согласился на этотъ разъ дать мнѣ еще этого напитка, умоляя употреблять его съ осторожностью. Я ему обѣщалъ, по обыкновенію, и думалъ уже уѣхать мѣсяца на два въ деревню, какъ печально прогуливаясь въ тѣни Тиргартена, встрѣтилъ васъ, любезный Гофманъ. Съ этой минуты участь моя рѣшилась. Вы шли на репетицію «Фрейшюца» и я не могъ отстать отъ васъ, несмотря на то, что вы невинно влекли меня въ пропасть, въ которой я долженъ былъ погибнуть. При мысли услышать «Фрейшюца» я забылъ все, я послѣдовалъ за вами. Отъ начала до конца я не пропускалъ ни одной ноты; чтò за радость! Веберъ, я почти не думаю о томъ, какъ мнѣ дорого стоить это наслажденіе; прослушавъ твое твореніе вчера, я хотѣлъ его слышать сегодня, и чтобы имѣть къ тому возможность, долженъ былъ опорожнить роковой флаконъ до послѣдней капли. Теперь, прощайте друзья! Съ этого времени я не услышу ничего!»

Онъ машинально всталъ, пожалъ каждому изъ собесѣдниковъ руку, взялъ шляпу и исчезъ. Трое друзей, блѣдные, опечаленные, сидѣли, какъ прикованные и не могли выговорить слова.

— Странно! сказалъ со вздохомъ Гофманъ послѣ долгаго молчанія.

— Каллотъ, возразилъ Девриентъ, если то, чтò мы слышали, не вочная сказка на твой ладъ, — ужасна эта повѣсть!

— Во всемъ этомъ ничего нѣтъ фантастическаго, сказалъ Веберъ. Теперь я припоминаю нѣсколько этого молодого человѣка. Кажется, я зналъ его у аббата Фоглера: онъ считался однимъ изъ отличнѣйшихъ его учениковъ. Несчастный! чтò бы произвела эта молнія генія, которую тогда еще привѣтствовали учителя и соперники!

— Ба! отвѣчалъ Гофманъ, не все то созрѣваетъ, что цвѣтетъ; у природы свои прихоти. Я всегда думалъ, что создавая великаго мыслителя, великаго поэта, великаго артиста, она неразъ прищипывается за дѣло; сначала набрасываетъ очеркъ, пробуетъ, потомъ, выгнѣвивъ форму...

— Разбиваетъ ее, вскричалъ съ горькою улыбкою Веберъ: и не заботится извлечь изъ этой формы тѣ сокровища, которыя вложена въ нее...

Съ этими словами бесѣда кончилась, и друзья разошлись; Кукушка таверны прокричала два часа.

Изъ четырехъ собесѣдниковъ, теперь нѣтъ въ-живыхъ ни одного. Гофманъ отправился первый, потомъ пришла очередь Веберу, едва давъ ему время написать два образцовыя произведенія «Эврианту» и «Оберона»; а въ концѣ 1832 году умеръ и Людвигъ Девриентъ. Чтò до несчастнаго молодого человѣка, появленіе котораго, почти фантастическое, произвело такое впечатлѣнію на трехъ друзей, то объ немъ не было и слуху.

=

КАРЛЪ-МАРІЯ ВЕБЕРЪ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

=

Чтобы лучше опредѣлить геній Вебера, скажемъ нѣсколько словъ о періодѣ, къ которому онъ принадлежитъ, о той музыкальной традиціи, отъ которой онъ происходитъ. Всякій артистъ, какъ бы онъ ни былъ независимъ, какъ бы щедро ни былъ надѣленъ талантомъ, — а къ числу такихъ, безспорно, относится и Веберъ, — всегда носитъ въ себѣ болѣе или менѣе элементовъ, заимствованныхъ у духа времени. Если это время составляетъ эпоху высшей славы музыкальной гармоніи, если дѣло идетъ о послѣдней отрасли роду героевъ, въ числѣ членовъ котораго находятся Гайднъ, Моцартъ и Бетговеиъ, то, безъ сомнѣнія, каждый согласится съ нами, что внѣ этихъ наслѣдственныхъ условій, внѣ закона преемственности, не можетъ существовать критика.

Послѣ этого намъ позволено будетъ обратиться къ первымъ годамъ осьмнадцатаго столѣтія, къ тому времени, когда на Рейнѣ начинается, въ собственномъ смыслѣ, новѣйшая музыкальная эра. До тѣхъ поръ была только схоластика. Въ музыкѣ, такъ же

какъ и въ философіи, періодъ умствованій предшествовалъ прартву свободной мысли; Аделаръ явился прежде Декарта; Декартъ музыки былъ Гайднъ. Германская поэзія и музыка — дѣти осьмнадцатаго столѣтія, какъ-будто сговорившись развились, въ одно и то же время. Впродолженіи періода, предшествовавшаго эмансипаціи осьмнадцатаго столѣтія, который можно назвать эрою рационализма, поэзія, не заключающая въ себѣ ничего поэтическаго, кромѣ метра, не представляла вокальной музыкѣ никакой пищи для вдохновенія и потому музыка должна была постоянно прибѣгать къ священному тексту. Что же касается до музыки независимой инструментальной, собственно говоря до симфоніи, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, она не существовала вовсе.

Я сказалъ объ эмансипаціи. Въ самомъ дѣлѣ, съ 1730 года проявляется духъ независимости, постигается тайна ритма и мелодіи, дуновение жизни и свободы оплодотворяютъ науку техническихъ сочиненій. Надобно сказать, что этотъ переворотъ не могъ совершиться до изобрѣтенія инструмента сложнаго, синтетическаго, центра гармоніи, который бы въ области мірскихъ чувствованій имѣлъ то же значеніе, что органъ — въ святыхъ: я говорю о клавикордахъ. Здѣсь является обширное творчество Себастіана Баха *. Недовольствуясь тѣмъ, что расширилъ до крайнихъ предѣловъ область органа, который замѣнялъ ему оркестръ, Бахъ обратилъ усилія своего гармоническаго генія на усовершенствованіе клавикордъ, и, благодаря этимъ изумительнымъ усиліямъ, клавикорды подъ рукою его стали сокращеннымъ міромъ инструментальныхъ силъ, для котораго Бетговенъ, подъ названіемъ концертовъ, долженъ былъ современемъ писать настоящія симфоніи. Между-тѣмъ какъ Бахъ, усовершенствованіемъ игры на клавикордахъ, нѣкоторымъ образомъ дѣлалъ гармонію общимъ достояніемъ, Гендель, съ своей стороны, творя ораторію, приготавливалъ оперу, то есть, совершенную и окончательную эмансипацію искусства. Для осуществленія этой необъятной задачи родился Глюкъ, первый драматическій композиторъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, первый музыкантъ, который вздумалъ изучать характеры, потому что до него довольствовались выраженіемъ одного только положенія; наконецъ онъ первый явственно провелъ раздѣльную черту между стилемъ музыки свѣтской и музыки церковной. Послѣ всего этого, оставалось только начаться періоду эмансипаціи, эрѣ свободы стила. Явились Гайднъ и Моцартъ и отъ нихъ

* Родился 1685 года, умеръ въ 1770 году.

получило начало все, что современный музыкальный гений произвел великаго, плодотворнаго. Я говорю не объ одной Германіи, но и о Франціи, Испаніи, на которыхъ также должно было въ скоромъ времени распространиться это живительное движеніе.

Никто, я думаю, не станетъ оспаривать, что созданіе новѣйшаго оркестра неотъемлемо принадлежитъ Иосифу Гайдну; творецъ «Сотворенія міра» и «Семи Глаголовъ» (*Sept paroles*), первый дагъ инструментальной музыкѣ вынѣшнее ея независимое существованіе; быть-можетъ, новое поколѣніе, увлеченное употѣтельными чарами Бетговена, слишкомъ скоро забыло достойное уваженіе къ одному изъ плодотворнѣйшихъ гениевъ, которыми красуется исторія изящныхъ искусствъ. Собственно сказать, не забыло; подобныя Гайдну не забываются, но къ нему питають то почтительное удивленіе, какое обыкновенно имѣють къ фамильному портрету. Бетговенъ и Веберъ, даже Моцартъ, — хотя многіе называютъ его устарѣлымъ пустословомъ, — живутъ общею съ нами жизнью; Гайднъ же заключенъ до насъ въ музей антиковъ и если при выходѣ изъ консерваторіи, гдѣ исполнена была какая-нибудь симфонія пѣвца «Время года», случится вамъ завести рѣчь съ этими минимыми цѣнителями этого святилища, то съ вами начнутъ говорить о парикѣ добраго старика, о его трости съ набалдашникомъ изъ слоновой кости или озолотыхъ пряжкахъ его башмаковъ. Странно, какъ этотъ типъ сроднился съ Гайдномъ! Въ самомъ дѣлѣ, произведенія Гайдна дышать какою-то буколическою, слѣшкомъ уже скромною прелестью, носить отпечатокъ правильности, симметріи, къ которымъ иногда кстати можно придать эпитетъ *госсо*. Вотъ почему великаго артиста воображаютъ себѣ простодушнымъ старикомъ-педаантомъ. Но пусть придають ему какую угодно фizioномію, оставимъ Лафонтену музыки его невинную улыбку, его шелковые панталоны, его эмальрованную табакерку, пусть только согласятся съ нами, что душа старика-маэстро, когда прогуливается онъ подъ тѣнью деревъ, прислушивается къ голосу природы, къ звукамъ міроздавія, которыми проникается его симфонія.

Повторяю, Гайднъ создалъ оркестръ; до него ни одному маэстро не приходило на мысль употреблять инструментальные способы по различнымъ свойствамъ ихъ звучности. Инструменты имѣють назначеніемъ идеализировать гдворъ природы. Изъ этого начала, первое примѣненіе котораго составляетъ славу творца «Сотворенія міра», произошла вся новѣйшая инструментальная му-

зыка. До того времени рациональная школа занималась только гармонией звуковъ; съ Иосифа Гайдна начинается гармонія говора природы, этотъ живой, возвышенный языкъ, на которомъ говорили потомъ Моцартъ и Бетговенъ, Веберъ, Мегюль и Мейерберъ, расширившіе его область. Современники говорили: «Невозможно слышать музыку Иосифа Гайдна, не представивъ себѣ въ то же время соответственную ей поэму.» Вотъ откровеніе живописнаго чувства. Впослѣдствіи пѣвецъ симфоній и пѣвецъ «Фрейшюца» дадутъ союзу музыки и поэзіи высочайшее выраженіе и придетъ очередь романтизму; но прежде чѣмъ это осуществится, вотъ является твореніе симфоническое, виѣсть и картина и поэма, которое дышетъ всемірною жизнью, и въ первый разъ живописный элементъ входитъ въ сочетаніе съ элементомъ религіознымъ. Напрасно станете вы искать подобнаго смѣшенія у Генделя и Баха. Правда, что здѣсь религіозное чувство едва не переходитъ въ пантеизмъ: тихое, спокойное почитаніе Бога въ природѣ, вотъ по моему мнѣнію, религія творца «Время года», религія, въ чувствѣ которой не можетъ быть ничего положительнаго. Гайдна сравнивали съ Гёте, и точно, во многихъ отношеніяхъ это сравненіе основательно, съ тою однако же разницею, что одинъ обязанъ былъ этимъ спокойствіемъ и холодною объективностью своей нѣсколько мѣщанской природѣ, а другой завоевалъ ихъ прометеевыми усиліями. «Ни у кого, говоритъ Моцартъ, нѣтъ такой прелести въ музыкѣ, такихъ слезъ въ чувствѣ, какъ у Иосифа Гайдна; онъ одинъ владѣетъ тайной заставить меня улыбнуться и взволновать душу до самой глубины.» Оставимъ шутки надъ добрымъ старикомъ и не станемъ приносить на жертву страсти божественное чувство гармоніи, которое въ состояніи установить порядокъ и методу даже среди хаоса.

Между-тѣмъ какъ Иосифъ Гайднъ вводитъ въ музыку описательную поэзію, эпопею, безсмертный современникъ его, Моцартъ, душа пламенная и страстная, соединившій съ степенью сѣвера игривую грацію юга, гений необъятный, изучившій Баха и Генделя, и ктому же мелодическій, Моцартъ создаетъ лирическую драму, и въ этомъ отношеніи музыка у него получаетъ болѣе индивидуальности чѣмъ у творца «Сотворенія міра». Гайднъ виѣлъ дѣло только съ чувственными явленіями природы, Моцартъ обращается къ сознанию человѣческому и темной его мелодіи служатъ страсти, съ ихъ разнообразными переливами. Говоря о его мелодіи, я говорю въ то же время и объ его оркестрѣ,

потому что съ этого времени пѣніе и оркестръ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое и великая драма жизни находитъ свое музыкальное выраженіе. Не стану здѣсь упоминать о сонатахъ и квартетахъ Моцарта, этихъ изящныхъ, образцовыхъ твореніяхъ, въ которыхъ маэстро, не переставая быть ученикомъ Гайдна, сыплетъ щедрою рукою блистательныя сокровища новыхъ идей; не коснусь и его симфоній, въ которыхъ значительную роль играютъ духовыя инструменты, въ которыхъ, сквозь контрасты партій, содѣйствующихъ каждая сообразно своему свойству гармоніи цѣлаго, проглядываетъ уже Бетговенъ. Я намѣренъ обратить особенное вниманіе на одинъ предметъ, входящій въ составъ моей статьи: это драматическое чувство, способность создать, оживотворить дѣйствующее лицо; чувствомъ этимъ Моцартъ обладаетъ въ равной степени съ Шекспиромъ и Мольеромъ. Самъ Глюкъ, глубокомысленный кавалеръ Глюкъ, если бъ даже въ полномъ его распоряженіи былъ моцартовскій оркестръ, никогда бы не возвысился до такого уразумѣнія характера человѣческаго. Моцартъ не ограничивается выраженіемъ чувствъ общихъ, страстей всѣхъ временъ и народовъ, какія обыкновенно составляютъ пружину классической трагедіи, которой представителемъ знаменитый пѣвецъ Нѣгесія и Армиды: творецъ «Донъ-Хуана» и «Свадьба Фигаро», погружается въ глубину предмета; отъ него не ускользаетъ ни одна подробность, ни одна черта, и изъ этой-то постоянной обдуманности лица и положенія родится рядъ характеровъ, достойныхъ идти наравнѣ съ самыми дѣйствительными, самыми изумительными созданіями гения поэтовъ. Утвержденіе, что инструментовка, съ своей стороны, могла много выиграть отъ этой системы анализа и наблюденія, перенесенной изъ романа и драмы въ музыку, многимъ покажется, можетъ быть, парадоксомъ, а между-тѣмъ нѣтъ ничего справедливѣе. Въ самомъ дѣлѣ, съ этой минуты оркестръ перестаетъ быть простымъ аккомпаниментомъ: область его расширяется, онъ принимаетъ участіе въ дѣйствіи, развиваетъ и поспѣваетъ характеры и новая потребность жизни и разнообразія, созерцанія и живописности, даетъ начало модуляціи, этому могуществу новѣйшей музыки, этой великой тайнѣ Бетговеновъ и Веберовъ.

Теперь понятно, почему, не удаляясь отъ своего предмета, мы могли обратиться къ прежнимъ временамъ, и какія послѣдствія произойдутъ изъ сближенія того и другаго. Какъ въ симфоніи, такъ и въ драмѣ, Гайднъ и Моцартъ создали новѣйшую музыкальную форму. Они положили начало эмансипаціи и я готовъ

сравнить ихъ съ греческими художниками, которые соевлекли съ египетской Изиды священные ея покровы и эту бѣлую, лучезарную богиню заставили шествовать по землѣ, на которой мы живемъ. Если оркестръ пріобрѣлъ свойственную ему независимость, индивидуальность, если инструментальная бездна отражаетъ въ своихъ звучныхъ глубинахъ всѣ ландшафты природы, всѣ явленія человѣческаго сознанія, если гремятъ въ ней и страсти души и бури природы, то всѣмъ этимъ одолжены мы совокупнымъ усилямъ спокойнаго и животворнаго гения-живописца «Временъ Гола» и пламенной возвышенной душѣ пѣвца «Донъ-Жуана».

Поэзія природы и драма страстей нашли свой классическій идеалъ; часть романтизма пробилъ. Распространить мечтательностью чувство живописнаго, довести до трансцендентальной отвлеченности, до метафизики, натурализмъ, готовый обратиться въ описательный родъ — вотъ дѣло Бетговена. Если мы сравнимъ Бетговена въ этихъ отношеніяхъ съ Гайдномъ и Моцартомъ, то увидимъ, что онъ происходитъ отъ того и другаго. Пристрастіе къ ландшафту, живописная сторона натурализма, такъ же какъ и юморъ, эти вспышки шутливости, отъ которыхъ произошло Scherzo, онъ наследовалъ отъ Гайдна, между-тѣмъ какъ по мощному великолѣпному гармоніи и грандіозному искусству выражать страсти, онъ принадлежитъ къ Моцарту. Теперь представьте себѣ, что эта драматическая форма, которую выпрепнимъ инстинктомъ гения предчувствовалъ Моцартъ, попала въ руки маэстро, вполне постигшаго тайны своего искусства и вотъ вамъ Веберъ, великій поэтъ, въ которомъ романтизмъ и идея народности слились во-едино, умъ чисто германскій, какой только производила музыкальная Германія, умъ по преимуществу критическій.

Я уже сказалъ, что романтизмъ родился въ Германіи отъ національнаго чувства, раздраженнаго противъ Франціи, во время войнъ Имперіи. Ахилъ фонъ-Арнимъ, Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ, Карлъ Иммерманъ были не столько поэты, сколько патриоты. Гёте, остававшійся, въ этомъ случаѣ, равнодушнымъ, не принадлежалъ къ ихъ движенію. Такимъ образомъ романтическая муза Германіи взяла себѣ знаменемъ гербъ Пруссіи, точно такъ же, какъ во Франціи она впоследствии приняла кокарду восстановления. Тамъ она положила начало войнѣ, здѣсь — миру. Этой музѣ прошедшаго, святой музѣ временъ рыцарскихъ, Германія одолжена была героическимъ цвѣтомъ своей молодежи;

она-то, на другой день послѣ революціи и Имперіи, послѣ такого множества эшафотовъ и дурной прозы, послѣ такой славы и дурныхъ стиховъ, подарила Францію Шатобріаномъ и Ламартиномъ! Возвращаюсь къ Веберу. Его мистическій патриотизмъ привлекъ его на сторону романтиковъ и первымъ его отголоскомъ былъ крикъ войны. Всѣмъ извѣстны его мрачныя Huggah, заимствованныя у Теодора Кёрнера; извѣстна его Lützow's wilde Jagd, суровая, дикая мелодія, которая кажется напитана запахомъ пороху и вереску. Куда ни вносилъ онъ охоты? Куда ни вносилъ онъ фантастическаго? Его драгуны и гусары ни что иное, какъ охотники, рышущіе по горамъ и лѣсамъ, съ рогомъ и мушкетомъ на плечѣ. Huggah! вотъ люценская охота: въ глуши гремятъ странныя заклятія, и испуганная дичь шещетъ своихъ убѣжищъ. Только Германецъ можетъ замѣшивать природу въ свои политическіе интересы.

Мистическій характеръ, въ которомъ является у Вебера чувство національное, имѣетъ, безъ сомнѣнія, началомъ натуральную философію Гёте и Якова Бёма. Прошедшее Германіи привлекаетъ, чаруетъ это лихорадочное воображеніе, преимущественно занятое, согласно съ духомъ времени, изученіемъ былаго, и національный, народный элементъ, въ который любитъ погружаться его мечтательность, придаетъ его вдохновенію какую-то суровость, наивность и силу, сочувствіе и жизненность, составляющія главную его оригинальность. Понятно, почему мы упомянули о критическомъ гениі подобнаго художника. Никогда музыкантъ не обладалъ въ такой степени народнымъ чувствомъ, никогда не усвоивалъ себѣ въ такой полнотѣ духа преданій, духа національнаго. Въ этомъ отношеніи «Фрейшюцъ», кажется мнѣ, такое твореніе, которое пройдетъ всѣ вѣка. Даже виѣ всѣхъ условій искусства, которыя должны пріобрѣсть ему удивленіе потомства, «Фрейшюцъ» будетъ жить вѣчно, какъ высокое, несравненное выраженіе германской поэтической народности.

Отъ народнаго романтизма, подавшаго Веберу мысль «Фрейшюца», въ «Эвриантѣ» онъ переходитъ къ романтизму рыцарскому, и эта земная любовь національнаго поэтическаго элемента развиваетъ въ немъ чувство исторіи. Я рѣшительно утверждаю, что новѣйшее направленіе музыки восходитъ къ минувшимъ вѣкамъ, и оживляетъ въ индивидуальныхъ характерахъ страсти былаго времени, дано ей Веберомъ, который, въ свою очередь, заимствовалъ его изъ всего окружавшаго и перенесъ со сцены въ свое искусство. Благодаря воображенію либеральному и могучему, уму просвѣщенному и кри-

тическому, творецъ «Фрейшюца» и «Эврианты» умѣлъ распространить свои завоеванія за предѣлы своего ремесла. Въ этой душѣ, полной гармоніи и сочувствія, въ этомъ чудномъ фокусѣ звуковъ, нашли отголосокъ всѣ помыслы вѣка и современникъ Моцарта и Бетговена, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ современникомъ Арппа, Нибура, Гофмана, Раумера, Августина Тьерри и Мишлэ. Какъ выраженіе жизни рыцарской, жизни, въ которой полновластно царствуютъ и вмѣстѣ управляютъ идею любви, чести, святости клятвъ, «Эврианта» по справедливости можетъ назваться оперой исторической. Я сомнѣваюсь, говорила ли когда-нибудь лирическая драма языкомъ болѣе возвышеннымъ, болѣе мужественнымъ. Это настоящій рыцарскій романъ, переложенный на музыку. Известно, съ какою тщательностью Веберъ изучаетъ характеры, такъ-сказать, отдѣливаетъ и отдѣняетъ ихъ, помощію оркестра и совокупныхъ средствъ своего искусства. И эта тщательность, эта обработка, ни въ одномъ изъ образцовыхъ твореній Вебера не была такъ послѣдовательна, такъ удачна. «Эврианта», единственная изъ оперъ Вебера, въ которой нѣтъ словеснаго діалога; и понятно, какія выгоды для важности стиля, для индивидуальности дѣйствующихъ лицъ, могъ извлечь изъ речитативовъ умъ такой-наблюдательный, такой внимательный къ подробностямъ и такъ хорошо постигшій внутренній смыслъ исторіи. Какую очаровательную картину рыцарской любви, честности, добросовѣстности представляютъ характеръ Адолара и его цѣломудренной любовницы? Любовникъ Эврианты обожаетъ въ ней милый типъ совершенства и добродѣтелей, которыя въ такой чести въ романахъ Круглаго-Стола; къ этому предмету страсти вмѣстѣ и мистической и чувственной, онъ относитъ все достоинство, всю славу собственныхъ своихъ подвиговъ. Можетъ-быть я ошибаюсь, можетъ-быть воображеніе открываетъ мнѣ въ музыкѣ, идеи, о которыхъ маэстро и не думалъ, но тѣмъ не менѣе, такимъ останется для меня навсегда смыслъ романса Адолара, такъ мелодически наивнаго, его арии, его партіи въ тріо перваго акта, написанномъ такою смѣлою кистью; однимъ словомъ, смыслъ всѣхъ характеристическихъ пассажей, въ которыхъ обрисовывается эта фizioномія. Здѣсь однако оканчивается подчиненіе маэстро требованіямъ сюжета, котораго сцена, какъ извѣстно, происходитъ на берегахъ Лоары, въ странѣ романтизма болѣе нѣжнаго, болѣе откровеннаго. Веберъ, гений отъ природы могучій и мрачный, напрасно сталъ бы чуждаться этихъ элементовъ народности, которые составляютъ главную его силу, и въ роляхъ

Эглантина и Лизіарта, германскій характеръ снова вступаетъ въ свои права. Эглантина! Блѣдная, страшная тѣнь, вызванная изъ другаго міра, неутомимая Медея, противопоставленная задумчивой, милой, чисто французской Эвріантѣ; Лизіартъ, душа живая, представляющая въ мірѣ героическомъ тотъ же духъ зла, какой олицетворенъ въ Каспарѣ «Фрейшюца», въ сѣрѣ популярной, только безъ фантастическаго элемента: чѣму, графу Лизіарту чародѣйство грубаго суевѣра? Чтобъ отдать душу свою чорту, надобно вѣрить въ него. Этой неутомимой, завистливой душѣ довольно собственной ея ненависти, и если въ ночь заклятій она призываетъ къ себѣ на помощь природу, то обращается не къ таинственнымъ ея силамъ, а къ грому, къ бурѣ, и ихъ только зоветь въ соучастники коварнаго, темнаго дѣла.

Мы видѣли, какъ Веберъ отъ народной сказки возвысился до рыцарской поэмы. Въ «Оберонѣ» мы увидимъ причудливый полетъ его въ область эфıra. Оберонъ и Титанія! Стоятъ только произнести эти сладостные звуки и передъ вами явится волшебный міръ. Въ состояніи ли чье-либо воображеніе достигнуть такой легкости, такой эфирности, чтобы передать всю прозрачность этого ландшафта, всю поэзію, все волшебство этой стихійной жизни? Кто нарисуесть мнѣ ту облачную архитектуру, тѣ алмазные мивареты, въ которыхъ возсѣдаетъ на престолѣ царь геневъ, съ лиліей въ рукѣ, ту милую, фантастическую драму, которая представляется мнѣ каждый разъ, когда въ прекрасную майскую ночь лягу я на траву; ту воздушную комедію Покка и Миранды, тотъ шумъ росы, падающей жемчужинами на чашечки магноліи, скажите, какой волшебникъ, послѣ Шекспира, возсоздастъ все, что я вижу, слышу, чувствую въ таинственномъ упоеніи, въ которое погружаетъ меня лунная весенняя почва? И вы это можете спрашивать? Но развѣ вы забыли Вебера, или, можетъ быть, никогда не слыхивали его «Оберона»? Въ такомъ случаѣ мнѣ васъ жаль, вы не знаете одного изъ чудныхъ созданій ума человѣческаго, вы не знаете «*Сна съ лѣтнюю ночь*», переложенаго на музыку фантазіи, витающей въ настоящей ея стихіи, юмора великаго маэстра, разлетающагося тысячами мелодическихкихъ арабесковъ на-половину изъ цвѣтовъ и птицъ, выражающагося всѣми возможными чародѣйственными ритмами, изъ которыхъ одни хочется уподобить легкимъ Сильфамъ, блѣднымъ, тихимъ лучамъ мѣсяца, играющимъ вокругъ группъ ароматическихкихъ лпцій, или въ живомъ зеркалѣ озера, между-тѣмъ какъ дру-

гіе, напоминая болѣе страстный или символическій Востокъ, заставляютъ васъ мечтать о роскошныхъ кустахъ розъ и лотуса, подъ которыми скрывается персидскій буль-буль и священный лебедь береговъ Ганга. Но затѣмъ, къ этому сладостному сну въ весеннюю ночь, полному свѣта и лазури, примѣшивается мысль о смерти и вокругъ улыбающагося Елизея летаетъ, какъ погребальный крепъ, воспоминаніе о пребываніи великаго артиста въ Лондонѣ? Вѣсѣмъ извѣстно, при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ поставленъ на сцену «Оберонъ». Веберъ пріѣхалъ въ Англію, повѣривъ на-слово директору одного театра, который не покупился на обѣщанія, чтобы только пріобрѣсть содѣйствіе творца «Фрейшюца» и «Эврианты»: на этомъ основывалъ онъ весь успѣхъ сезона; но у судьбы свои прихоти, особенно въ Англіи, гдѣ въ дѣлѣ искусства и театра мало заботятся объ истинномъ достоинствѣ.

Веберъ, совершивъ путешествіе, имѣвшее самое гибельное вліяніе на его здоровье и такъ уже весьма разстроенное, не нашелъ въ Лондонѣ ничего кромѣ разочарованія и неудачъ. Съ бодримъ духомъ принялся онъ за дѣло; скоро, однако жъ, къ несчастію, отъ дѣйствія суроваго и туманнаго климата или отъ неудачъ, которыя онъ вездѣ встрѣчалъ, здоровье его еще болѣе разстроилось, такъ, что друзья маэстро, посѣщавшіе его иногда, начинали серьезно бояться за его жизнь. Онъ одинъ не унывалъ. Напрасно жизнь въ немъ потухала, напрасно недостатки отнимали у него всякую возможность къ подкрѣпленію слабѣющихъ силъ, благородный артистъ продолжалъ писать. Мы слышали объ этомъ ужасающія подробности отъ одного добраго человѣка, который не оставлялъ его въ эти роковыя минуты. Сердце надрывается отъ подобныхъ разказовъ.

Ужели не будетъ конца умноженію этого жалкаго стада великихъ несчастливцевъ; ужели вѣчно при имени великаго артиста-музыканта, живописца, наводятъ справки въ больничныхъ архивахъ? О Веберъ! зачѣмъ ты былъ не стряпчимъ или медикомъ? тогда навѣрно тебя не постигла бы пагубная участь: полагаться на одну мысль, въ увѣренности, что она прокормитъ тебя, на мысль чистую и безкорыстную, гордую и мрачную, это просто значить идти по пути, ведущему въ тюрьму за долги. Впрочемъ, на чтò тебѣ жаловаться? Развѣ предшественники твои были счастливѣе тебя? Посмотримъ: кого пощадилъ бѣдствіе, начиная отъ Данте Алигіери до Михаила Сервантеса, отъ Камозиса до

Торквато? Вездѣ изгнаніе, вездѣ бѣдствіе, вездѣ голодъ, и Англія, въ которой ты теперь находишься, не выставила ли она своей доли въ ряды печальнаго кортежа? А Мильтонъ, а Драйденъ, Отвай, Севеджъ, Чаттертонъ? Предъ тѣмъ какъ покинуть милую Германію, зачѣмъ не перевелъ ты этихъ словъ! Они значатъ: отчужденіе, отчаяніе, самоубійство. Вотъ о чемъ долженъ былъ не разъ подумать великій музыкантъ, въ своей коморкѣ, съ хозяйскимъ столомъ, въ Портлендъ-Стритѣ, когда истомленный усталостью и нуждою, онъ въ полночь оставлялъ свою работу и горячимъ лбомъ прислонялся къ холоднымъ стекламъ окна. А между-тѣмъ городъ волновался предъ глазами его, снѣшилъ къ своимъ забавамъ, къ своимъ дѣламъ, не помышляя о великомъ человѣкѣ, которой ниспосланъ былъ небомъ увеселять этотъ народъ и страдалъ въ эту минуту и отъ лишей и отъ болѣзни. Послѣ этого жертвуйте собою толпѣ, и цѣною цѣлой жизни покупайте славу, вызывайте у нея улыбку, слезу! Къ счастью еще, что душамъ, такъ безжалостно терзаемымъ дѣйствительностью, отверзтъ для убѣжища міръ воображенія. Веберъ убѣгалъ въ него, и грудь его, полная желчи и горечи, радостно вдыхала росу фантастическихъ сферъ. Оберонъ, Реція, духи воздуха, милыя привидѣнія, вы окружали его тогда, и въ нашемъ обществѣ угасъ онъ.

Когда Карлъ-Марія Веберъ испустилъ послѣдній вздохъ, вы улетѣли въ свое отечество, чудные гости его въ минуты вдохновенія; но улетая оставили въ залогъ вашей съ нимъ дружбы, и этотъ залогъ мы видимъ въ партитурѣ «Оберона» этой столбчатой розѣ, расцвѣтшей у смертнаго одра и чистымъ благоуханіемъ своимъ отгоняющей заразительныя міазмы.

И такъ мы видѣли, что «Фрейшюцъ», «Эврианта», «Оберонъ», не что иное какъ различныя стороны одной идеи романтизма, различныя ступени гаммы, которую Веберъ пробѣжалъ снизу доверху, пройдя отъ народнаго преданія до рыцарской эпопеи, отъ рыцарской эпопеи до фантазій, до причудливаго. Можетъ-быть скажутъ, что подобный ходъ идей скорѣе обличаетъ поэта чѣмъ музыканта; но Веберъ дѣйствительно и есть въ полномъ смыслѣ поэтъ, точно такъ же какъ и литературные романтики берлинской школы: Гофманъ, Арнимъ, Тикъ и Новалисъ—музыканты. Объяснимся.

Какія бы чувства удивленія и уваженія ни окружали славныхъ именъ двухъ свѣтилъ германской поэзіи, не справедливо было

бы однако ж думать, что Гёте и Шиллеръ — представители всёхъ направлений нравственной жизни Германіи. Для Гёте, красота есть гармонія, гармонія между духомъ и природою, между душою и тѣломъ, вотъ причина его классическаго направленія. Шиллеръ, напротивъ, менѣе заботившійся о равновѣсіи, представляетъ духу права безграничныя. Въ этихъ двухъ направленіяхъ есть область души, въ которой природа не знаетъ ни властелина, ни себѣ равнаго, гдѣ живетъ одинъ только стихійный демонъ: изъ этой-то таинственной области, въ высшей степени національной, возникли въ одно время германская романтическая поэзія и музыка, трепещущія такъ-сказать инфузорною жизнью; представители этой поэзіи и музыки — Арнимъ и Бетговенъ, Гофманъ и Веберъ. Гёте, который высокимъ своимъ прозрѣніемъ постигалъ законы стихій и явленій, вовсе чуждыхъ кругу его дѣятельности, называлъ ихъ духовидцами, и, правду сказать, вѣрнѣе и цѣльзю ихъ характеризовать.

Если во всё времена, философія некала истинны въ согласіи содержимаго и содержащаго, если эта верховная гармонія души и тѣла, субъектъ и объектъ, могла сдѣлаться у Гёте стихійнымъ, единымъ началомъ взяннаго въ искусствѣ, то символъ вѣры романтизма, въ свою очередь, принимаетъ явленія здѣшняго міра не иначе, какъ только за символъ таинственной вѣчности. Вотъ откуда беретъ начало раздолье фантастической, ночной стороны жизни человѣческой, эта смѣсь демоновъ и привидѣній, сверхъестественныхъ существъ добрыхъ и злыхъ, страшныхъ или насмѣшливыхъ, изображающихъ въ чудныхъ продѣлкахъ своихъ прихоти судьбы; комедія странная, безпорядочная, иногда высокая, послѣдній отголосокъ уместившаго хаоса, взволнованнаго до глубины, головокружащій чадъ изъ блѣса гностиковъ. Прощай дѣйствительность, которую разукрашалъ съ такою любовью рѣзецъ ваятеля! Намъ открывается міръ предчувствій, граничащій съ безконечнымъ и вѣчнымъ, съ міромъ неосознанныхъ явленій, которыя отъ изумленія любопытства переносятъ насъ къ торжественнѣйшимъ ощущеніямъ мистицизма религіознаго. Вотъ сфера, въ которой движутся романтики, начиная отъ Захарія Вернера, Ахима Арнима и Гофмана, до Новалиса, до Вебера: поэты и музыканты, я люблю смѣшивать ихъ, потому что если существуетъ между ними разность, то только въ орудіи. Переведите на музыку Арнима, и вы получите творца «Фрейшюца», «Эврианты» и «Оберона». Веберъ, прежде чѣмъ сдѣлался музыкантомъ, былъ

поэтомъ и романтикомъ. Взгляните на это грустное, задумчивое чело, на этотъ огненный взглядъ, привычный погружаться въ мракъ, въ которомъ онъ столько разъ подмѣчалъ тайны природы и сердца человѣческаго. Чѣмъ болѣе всматриваюсь я въ эту физиономію, вѣсть и могучую и болѣзненную, въ этотъ орлиный носъ, расширенныя ноздри котораго чуютъ, кажется, неизвѣстное, эти лихорадочныя скулы, эти тонкія губы, стиснутыя безпокойною улыбкою, тѣмъ болѣе вѣшнее выраженіе маэстро соответствуетъ тому понятію, какое я составилъ себѣ объ его внутреннемъ существѣ. Иначе я не могу представить себѣ и Захарію Вернера. Прибавимъ еще, что Карлъ-Марія Веберъ единственный великій музыкантъ, котораго произвелъ германскій сѣверъ, тотъ самый сѣверъ, который породилъ романтизмъ. До сихъ-поръ музыка не избирала ли преимущественно театромъ своимъ одинъ чувственный югъ? Гайднъ и Моцартъ — были Австрійцы, Бетговенъ родился на берегу Рейна. Сближая Вебера съ литературной группою Берлина, природа дополнила семью романтиковъ и Вебера нельзя отдѣлить отъ нихъ.

=

ХЛѢБНЫЕ ЗАКОНЫ

ВЪ АѢИНАХЪ И РИМѢ*.

=

Е Несмотря на несовершенство извѣстій, сомнительность многихъ происшествій, огромные промежутки въ повѣствованіи, древняя исторія постоянно всё болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе настоящаго поколѣнія. Это частію должно приписать искусству и неутомимости французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ изслѣдователей древности, частію слѣдующему обстоятельству, которое съ перваго взгляду должно бы произвести совершенно противоположное дѣйствіе, именно: разницѣ въ образѣ правленія, обычаяхъ, нравственности и религіи между древнимъ и новымъ міромъ. Мы съ любопытствомъ и наслажденіемъ изучаемъ человѣчество, одаренное одинаковыми съ нами чувствами, страстями, влеченіями, но поставленное въ обстоятельства рѣшительно противоположными нашимъ нынѣшнимъ. Политическія системы образованныхъ народовъ древности дотого противоположны политическимъ системамъ нынѣшней Европы, что мы безпрерывно должны наблюдать за собою, чтобъ избѣгнуть ошибокъ и не смѣшать учрежденій и происшествій, которыя имѣла меж-

* *Economie Politique des Romains. Par Dureau de la Maille. Paris, 1840.*

ду собою поверхностное сходство совершенно противоположны по внутренней сущности. Два, въ-особенности характеристическія явленія обнаруживаются въ политической и общественной жизни древнихъ народовъ, явленія, которыхъ не должно упускать изъ виду при сравненіи ихъ съ новѣйшею исторіею; первое, существовавшее въ большей части демократическихъ республикахъ древности, многочисленнаго класса рабовъ, составляющихъ наибольшую часть народонаселенія, и неумѣнье могущественныхъ побѣдителей управлять обширными странами «непосредственно», слѣдствіемъ чего необходимо было управленіе вновь пріобрѣтенными странами, подобно ленамъ.

Аттика — мысъ около осьмидесяти верстъ въ длину; поверхность его въ тысячу пятьдесятъ квадратныхъ миль, гориста, почва каменная; однако жъ страна эта находится въ сосѣдствѣ со многими болѣе плодородными землями. Въ извѣстномъ введеніи въ свою исторію, Фукидидъ называетъ Фессалію, Віотію и большую часть Пелопонеза плодоносными; но говоритъ, что Аттика область мало хлѣбородная, по причинѣ недостаточности земли. Благодаря уму, практической энергіи и превосходству политическихъ учрежденій Афинянъ въ сравненіи съ другими греческими обществами, число и богатство ихъ постепенно увеличилось и сдѣлалось очень велико, несмотря на ограниченность пространства земли. Въ цвѣтущее время Атики народонаселеніе ея простиралось до пятисотъ-двадцати тысячъ душъ, въ числѣ которыхъ было не менѣе четырехъ-сотъ тысячъ рабовъ; слѣдовательно, на каждую квадратную версту приходилось около четырехъ-сотъ-семидесяти душъ. Народонаселеніе это однако жъ не было распределено равномерно; большая часть, то есть, около двухъ-сотъ тысячъ душъ была соединена въ Афинахъ и его предѣлѣхъ — Пирее, Мунихіи и Фалеріумѣ.

Сравнивая пищу древнихъ съ пищею новѣйшихъ народовъ, не должно забывать, что многія вещества, нынѣ употребляемыя всѣми, были въ то время неизвѣстны: хлѣбъ, мясо, рыба, сыръ, нѣсколько самыхъ простыхъ огородныхъ овощей, вино, молоко и медъ, вотъ почти все чѣмъ питались древніе. Чай, кофе, какао, приносы, водка, пиво, коровье масло, рисъ, картофель, апельсины, табакъ не потреблялись ни въ древней Греціи, ни въ Италіи. Греки уже, подобно обитателямъ Палестины, издавна употребляли въ пищу пшеницу и ячмень; овесъ и рожь не были воздѣлывае-

мы. Аоняне приписывали себѣ честь открытія способа приготовленія пшеничнаго хлѣба. Въ историческія времена обыкновенный домашній хлѣбъ Аонянъ считался лакомками за лучший во всей Греціи.

Главною частію пищи наибольшей части обитателей Аттики и особенно рабовъ, которые составляли четыре пятыхъ всего народонаселенія, былъ пшеничный хлѣбъ. Ежегодно потребление зерноаго хлѣба, вѣроятно, простиралось отъ двухъ милліоновъ осьми-сотъ тысячъ до трехъ милліоновъ медимній, около девяноста тысячъ четвертей. По увѣренію Демосена, въ томъ числѣ привозилось изъ-за границы около осьми-сотъ тысячъ медимній (двѣнадцать тысячъ пятьсотъ четвертей). Половина этого количества привозилась изъ Чернаго Моря. Страбонъ говоритъ, что Херсонесъ Таврической (нашъ Крымъ) доставлялъ все это количество зерноваго хлѣба. Периклъ въ своей надгробной рѣчи Фукидиду, перевозимы великія Аонины, говоритъ, что всѣ страны міра несутъ имъ въ дань свои произведенія; Демосенъ также утверждаетъ, что ни какой народъ въ мірѣ не потребляетъ такого количества привознаго хлѣба, какъ Аоняне.

Естественно, что при такомъ невѣрномъ, необеспеченномъ положеніи Греціи, со стороны материка и моря, попеченіе о продовольствіи себя составляло главную заботу аонискаго народа. Это одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которые Сократъ предлагаетъ на разсужденіе юнаго и самонадѣяннаго Главкона, какъ обстоятельство, долженствующее быть хорошо ему извѣстнымъ прежде нежели онъ рѣшится говорить передъ народомъ, котораго хочетъ сдѣлаться предводителемъ. « Ты, безъ-сомнѣнія, сообразилъ, говоритъ Сократъ: сколько времени земля наша можетъ продовольствовать народъ хлѣбомъ; какое количество хлѣба нужно въ добавокъ, на годовое продовольствіе; для того, чтобы могъ тотчасъ уздать о недостаткѣ, и принять нужныя мѣры противъ голода, помочь нуждающимся и спасти отечество». « Въ государствѣ, говоритъ профессоръ Гекъ, гдѣ привозный хлѣбъ составлялъ третью долю количества необходимаго для потребленія, въ случаѣ неурожая, когда и этого количества могло быть мало, недостатокъ въ продовольствіи былъ очень частымъ явленіемъ, если бы не было принято благоразумныхъ мѣръ для предотвращенія такого бѣдствія. И въ самомъ дѣлѣ, для снабженія хлѣбомъ Аттики были приняты обширныя мѣры. Суніумъ былъ укрѣп-

лея, для защиты подводныхъ судовъ съ хлѣбомъ; вооруженныя суда провожали корабли нагруженные зерномъ, напримѣръ, корабли шедшіе изъ Понта; когда Спартанецъ Поллій стоялъ съ шестидесятью вооруженными кораблями близъ Зел, Эгины и Андроса, то Хабрій вступилъ съ нимъ въ битву, единственно для того, чтобъ хлѣбъ изъ Герсета въ Эвбеѣ могъ дойти до Пирея. Вывозъ зерноваго хлѣба былъ рѣшительно воспрещенъ: законъ требовалъ, чтобы двѣ трети хлѣба, привезеннаго изъ за границы въ аонскіе порты, были доставлены въ городъ; за исполненіемъ этого постановленія надзирали особые чиновники; слѣдовательно, только третья часть привезеннаго хлѣба могла быть вывезена изъ Пирея въ другія страны Греціи. Для предотвращенія произвольнаго возвышенія цѣны на этотъ предметъ жизненной потребности, каждому хлѣбному торговцу позволено было покупать не болѣе пятидесяти медимній; имъ позволено было брать барыша на медимній хлѣба, не болѣе одного обола. Само собою разумѣется, что эти постановленія безирестанно нарушались въ практикѣ; однако жъ общественное мнѣніе, при возвышеніи цѣны и недостаткѣ, всегда обвиняло въ этомъ хлѣбныхъ торговцевъ; торговцы хлѣбомъ, за нарушение правила относительно перекупа, наказывались смертію.

Зерновой хлѣбъ часто покупался на общественный счетъ, или на деньги пожертвованныя для этого государству частными лицами. Особымъ чиновникамъ, называвшимся «Ситонами», поручено было производить закупку хлѣба и надирать за общественными хлѣбными магазинами. Приобрѣтенный такимъ образомъ хлѣбъ или продавался по низкой цѣнѣ, или раздавался даромъ. Раздача хлѣба даромъ производилась нерѣдко. Объ одной изъ такихъ раздачъ по пяти медимній на cadaго гражданина, въ 424 году до Рождества Христова, упоминаетъ Аристованъ въ своихъ «Осахъ». Подобныя раздачи хлѣба аонскимъ гражданамъ производили иногда чужеземные государи и богатые люди; напримѣръ, Лейнонь, царь босфорскій, который жилъ въ половинѣ четвертаго столѣтія до Рождества Христова; даже впослѣдствіи, когда Аены утратили свою независимость, Аттикъ, во время пребыванія своего въ Аоннахъ, роздалъ гражданамъ по одному медимнію на каждое лицо.

Вотъ главные факты, относящіеся до торговли хлѣбомъ, сохранившіеся въ сочиненіяхъ древнихъ писателей. Мы можемъ замѣ-

тить, что, несмотря на частыя войны, которыя вели Афиняне, общее необезпеченное состояніе Греціи, несовершенство земледѣлія и мореплаванія, относительно ограниченный кругъ дѣйствія торговли, неумѣстное, неполитическое ограниченіе торговой свободы, посредствомъ котораго оно полагало предупредить возвышеніе цѣнъ, продовольствіе Аттики хлѣбомъ никогда не подвергалось особеннымъ затрудненіямъ. Впродолженіи длиннаго ряда лѣтъ, она была одною изъ цвѣтущихъ, торговыхъ странъ Греціи. Ея корабли находились во всѣхъ гаваняхъ Греціи, ея серебряная монета, подобно испанскимъ піастрамъ, имѣла ходъ всюду. Число ея рабовъ, одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ избытка капиталовъ въ древности, было огромно. Мы не имѣемъ ни одного историческаго факта, который бы доказывалъ, чтобы въ Афинахъ когда-нибудь былъ замѣченъ важный недостатокъ въ хлѣбѣ. Несмотря на то, что Афиняне считались вообще дурными сосѣдями, ихъ торговая независимость въ-отношеніи къ продовольствію хлѣбомъ, не позволяла многочисленнымъ врагамъ извлечь изъ этого ни малѣйшей выгоды.

Мы можемъ замѣтить также, что обычай снабжать народъ хлѣбомъ насчетъ покоренныхъ народовъ, былъ въ употребленіи у Афинянъ, и впослѣдствіи приведенъ въ систему Перикломъ и его послѣдователями. Самое убѣдительное доказательство этого мы находимъ въ предложеніи, которое Аристофанъ дѣлаетъ въ своихъ «Осахъ». «Тысяча городовъ, говоритъ Бделклеонъ, платятъ намъ положенную подать: если положить на содержаніе двадцати Афинянъ по одному городу, то двадцать тысячъ гражданъ могли бы жить въ изобиліи и роскоши, ведя образъ жизни достойный ихъ города, и побѣды при Мараонѣ». Мы тотчасъ увидимъ, что Римляне вынуждены были прибѣгнуть къ такой мѣрѣ для прокормленія своихъ бѣдныхъ гражданъ, на счетъ завоеванныхъ провинцій. Плутархъ въ своей жизни Перикла рассказываетъ, что этотъ государственный человекъ совершенно развратилъ благоразумныхъ и промышленныхъ Афинянъ раздачею имъ государственной казны и земель въ колоніяхъ, публичными празднествами, зрѣлищами и забавами, и что онъ дѣлалъ все это для того только, чтобы затмить своего политическаго противника, богатаго Кимона: не будучи въ-состояніи доставлять народу удовольствія изъ собственныхъ средствъ, онъ прибѣгнулъ къ расхищенію государственнаго богатства. Эта поли-

тка, которую мы приписываемъ Церикулу, на основаніи очень хорошаго авторитета, часто повторялась, въ обширѣйшихъ размѣрахъ, предводителями народа и военачальниками въ послѣдніе годы существованія римской республики.

Обыкновеніе раздавать гражданамъ хлѣбъ даромъ или за низкую цѣну, подобно тому какъ это дѣлалось въ АѢинахъ, велось въ Римѣ изстари. Во время первыхъ шести столѣтій республики, когда состояніе частныхъ лицъ были очень малы и грабежи богатыхъ провинцій не доставляли средствъ дѣлать народу подарковъ, подобныя щедрости случались рѣдко и были очень ограничены. Впослѣдствіи однако жъ, раздачи хлѣба изъ случайныхъ даровъ, обратились въ постоянное, законное пособіе бѣдной части свободнаго народонаселенія Рима. Въ 630 году отъ основанія Рима (сто двадцать четыре года до Рождества-Христового), Кай Гракхъ, народный трибувъ, издалъ законъ, чтобы хлѣбъ ежемѣсячно былъ продаваемъ гражданамъ среднею цѣною, не выше пяти-шестыхъ асса за модій, то есть, два четверика, не дороже четырехъ копѣекъ серебромъ. Этотъ законъ, вѣроятно, былъ отмѣненъ со многими другими, по смерти этого трибуна, въ 632 году отъ основанія Рима, когда аристократическая партія снова получила власть. Онъ однако жъ былъ возобновляемъ отъ времени до времени. Въ 682 году отъ основанія Рима (въ 73 году до Рождества-Христового), закономъ Кассія Теренція (вазываемымъ такъ по имени издавшаго его консула), предписывалось ежемѣсячно выдавать по пяти модій на душу. Наконецъ въ 695 году отъ основанія Рима (въ 59 году до Рождества-Христового), то есть, шестьдесятъ пять лѣтъ послѣ первоначальнаго предложенія Гракха, знаменитый Клавдій совершенно отмѣнилъ ничтожную плату и ввелъ безденежную раздачу хлѣба.

Эта система шла быстрыми шагами впередъ. Цицеронъ въ своей рѣчи противъ Верреса, говоритъ о тридцати трехъ тысячахъ медпннй (ста девяноста осьми тысячахъ модій) зерноваго хлѣба, какъ о количествѣ, потребномъ для выдачи ежемѣсячно римскому народу. Предполагая, что это количество въ дѣйствительности простиралось до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ модій, мы должны допустить, что число римскихъ гражданъ, получавшихъ каждый мѣсяцъ даровой хлѣбъ, равнялось пятидесяти тысячамъ. Къ подобной же мѣрѣ, послѣ прекращенія заговора Катилины, прибѣгнулъ и Катонъ для усмиренія народа и ослабленія могущества

Цесаря. Сенатъ назначилъ тысячу двѣсти пятьдесятъ талантовъ ежегодно на покупку хлѣба для ежемѣсячной раздачи народу. Политика, которой въ это время держались предводители всѣхъ партій, и которую они передали, какъ гибельное наслѣдство, императорскому правительству, состояла въ раздѣленіи добычъ, награбленныхъ въ завоеванныхъ провинціяхъ, между своими сообщниками, въ обогащеніи своихъ приверженцевъ на счетъ республики, и въ предупрежденіи неудовольствій и раздоровъ между ними, посредствомъ щедрыхъ подарковъ и раздачъ. Луканъ говоритъ, что Цесарь, желая возстановить миръ и положить конецъ междоусобіямъ въ Римѣ, нашелъ самымъ лучшимъ средствомъ купить послушаніе безденежною раздачею жизненныхъ припасовъ, и такимъ образомъ уничтожилъ отчаяніе, произведенное голодомъ:

*Onarus et ovarum causas et summa favoris
Annorum momenta trahi. Namque asserit urbes
Sola fames; emiturque metus, cum segne potentes
Vulgus alunt. Nescit plebes jenuna timere.*

Цесарь однако жъ хорошо понималъ опасность такого рода политики и вовсе не думалъ держаться ея долѣе, нежели сколько того требовали виды его честолюбія. Поэтому, когда онъ сдѣлался диктаторомъ, въ числѣ мѣръ, принятыхъ имъ для уничтоженія слѣдовъ анархіи, онъ предписалъ сдѣлать ревизію свободныхъ гражданъ Рима, съ цѣлію привести въ порядокъ раздачу общественнаго зерноваго хлѣба. Онъ нашелъ, что число бѣдныхъ гражданъ, получавшихъ ежемѣсячное вспомошествованіе, простиралось до трехъ сотъ двадцати тысячъ; онъ уменьшилъ его до ста пятидесяти тысячъ. Этими лицамъ были составлены постоянные списки, и для отвращенія народныхъ сборищъ, для повѣрки этихъ списковъ, Цесарь приказалъ, чтобы вакансіи, открывающіяся смертію нѣкоторыхъ гражданъ, были замѣщаемы преторомъ города (*praetor urbanus*). Цесарь успѣлъ уменьшить число бѣдныхъ гражданъ, переселеніемъ осьмидесяти тысячъ ихъ въ колоніи за море и перемѣщеніемъ въ различныя страны Италіи. Число лицъ, получавшихъ хлѣбъ, никогда однако жъ не оставалось въ границахъ, предписанныхъ диктаторомъ. Августъ увеличилъ его до двухъ сотъ тысячъ. Ему хотѣлось, чтобы раздача хлѣба производилась не ежемѣсячно, а однажды въ каждую треть года, однако жъ онъ долженъ былъ уступить народному желанію и раздача хлѣба осталась на прежнеемъ основаніи. Онъ

хотѣлъ-было даже вовсе уничтожить раздачу хлѣба, для того чтобы тѣмъ поднять италіянское земледѣліе. Предполагая, что каждый свободный бѣдный гражданинъ получалъ въ годъ шестьдесятъ модій, выходитъ, что на двѣсти тысячъ душъ требовалось ежегодно миллионъ двѣсти тысячъ модій, или сорокъ пять тысячъ двѣсти пятьдесятъ четверниковъ.

Лица, получавшія это пособіе, всѣ принадлежали къ городской черни (*plebs urbana*), сословію, жившему въ законныхъ границахъ города. Сенаторы, всадники, иностранцы и рабы, не пользовались этою щедростію. Правомъ получать хлѣбъ, пользовались всѣ мужскаго пола члены семейства, отъ пятилѣтняго возраста. Женщины не считались. Мы не имѣемъ свѣдѣній о степени бѣдности, которая давала право на ежемѣсячное полученіе дароваго хлѣба. Впрочемъ, во время голоду, въ-добавокъ къ безденежной раздачѣ, хлѣбъ продавался еще по низкой цѣнѣ. Не нравственныя качества, а нищета давала право на пособіе: «*Frumentum publicum*, говоритъ Сенека, *tam fur quam perjurus et adulter accipit et sine delictu morum quisquis civis est*», (общественный хлѣбъ получаетъ и воръ и клятвopреступникъ и прелюбодѣй; на нравственность не обращается вниманіе; чтобы получить хлѣбъ, нужно быть только гражданиномъ). Гражданинъ, однажды попавшій въ списокъ, оставался въ немъ записаннымъ втеченіи всей жизни. Ему выдавался билетъ *tessega frumentaria*, по предъявленіи котораго ему отмѣривали его паекъ. Впрочемъ для полученія хлѣба часто употреблялось мошенничество; въ кодексѣ Феодосія мы находимъ наказанія, для гражданъ и рабовъ, за этого рода преступленія.

Такъ какъ бѣдные граждане, получавшіе хлѣбъ, были всѣ обывателями Рима, то очень любопытно знать, какъ велико было все народонаселеніе этого города. Общая народная перепись — изобрѣтеніе очень новое. Самымъ образованнымъ народамъ Европы удалось привести въ исполненіе эту важную мѣру не ранѣе какъ въ концѣ прошедшаго столѣтія. Римляне, правда, изстарп имѣли уже обыкновеніе черезъ каждые пять лѣтъ производить перепись гражданъ мужскаго пола, достигшимъ возраста для вступленія въ военную службу и вмѣстѣ съ тѣмъ вести опись имуществу каждаго изъ нихъ, въ составъ котораго входили и рабы каждаго гражданина. Однако жъ, хотя они такимъ образомъ имѣли въ рукахъ матеріалы для составленія полнаго списка свободныхъ

гражданъ и рабовъ, однако жъ имъ, какъ кажется, ни разу не пришло на мысль сосчитать «все» народонаселеніе Рима, или Италіи. Древніе такъ же мало заботились о помѣщеніи рабовъ на одну доску съ свободными гражданами, для составленія общей суммы, какъ о причисленіи къ нимъ лошадей или рогатаго скота. Ни у одного изъ древнихъ писателей, сколько извѣстно, въ исчисленіи народонаселенія какого-нибудь города или страны, не включены рабы. Точно такимъ же образомъ и Аристотель, говоря о большинствѣ народа, какъ властитель въ демократическомъ государствѣ, вовсе не упоминаетъ о рабахъ.

Изнѣнія повѣйшихъ ученыхъ о количествѣ народонаселенія древняго Рима чрезвычайно разнообразны. Гиббонъ полагалъ его въ одинъ милліонъ двѣсти тысячъ; Дюро де-ла-Майль, напротивъ, не болѣе пятисотъ-шестидесяти-двухъ тысячъ душъ. По неизмѣнно положительнымъ свѣдѣніи о числѣ жителей Рима, мы должны основывать свои догадки по этому предмету на очень сомнительныхъ данныхъ. Исслѣдованія кавалера Бунзена и профессора Гека привели ихъ къ результатамъ очень сходнымъ между собою. Оба эти писателя основываютъ свои исчисленія на числѣ городской черни, *plebs urbana*, которой Августъ оказывалъ свои щедроты, какъ это видно изъ анцирской надписи. Бунзенъ думаетъ, что общее народонаселеніе Рима не могло быть менѣе двухъ милліоновъ. Профессоръ Гекъ, основываясь на числахъ той же надписи, полагаетъ, что во времена Августа народонаселеніе Рима состояло изъ слѣдующаго:

Сенаторовъ и всадниковъ	10,000	душъ.
Ихъ рабовъ	100,000	—
Иностранцевъ	50,000	—
Ихъ рабовъ	100,000	—
Воиновъ, жившихъ въ городѣ.	15,000	—
Ихъ рабовъ	15,000	—
Городской черни (<i>plebs urbana</i>)	1,250,000	—
Ихъ рабовъ	265,000	—
Рабовъ, принадлежавшихъ государству.	100,000	—
Всего	2,265,000	душъ.

Поэтому во времена Августа народонаселеніе Рима состояло изъ одного милліона трехъ-сотъ-двадцати-пяти тысячъ душъ свободныхъ гражданъ и девятисотъ сорока тысячъ рабовъ. Можетъ пока-

заться невѣроятнымъ, чтобы свободныхъ гражданъ было болѣе нежели рабовъ, особенно если мы обратимъ вниманіе на очень достовѣрную перепись народонаселенія Аттики и вспомнимъ очень извѣстный анекдотъ, рассказываемый Сенекою, что планъ дать рабамъ особый нарядъ, былъ отвергнутъ по причинѣ опасности, которой бы подвергнулись свободные граждане, «если бъ рабы начали считать ихъ (*apparuit quantum periculum immineret, si servi nostri numerare nos cœpissent*). Но мы должны вспомнить, что свободное народонаселеніе заключало въ себѣ женщинъ и дѣтей; между-тѣмъ какъ классъ рабовъ состоялъ преимущественно изъ взрослыхъ мужчинъ. Сверхъ-того возможность получать хлѣбъ безденежно, удерживала въ Римѣ огромное число бѣдныхъ гражданъ, которые конечно не могли уже имѣть рабовъ для своихъ услугъ.

Извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ и официальной топографіи Рима, составленной въ пятомъ вѣкѣ, что императорскій Римъ заключалъ въ себѣ тысячу семьсотъ девяносто домовъ «*domus*» и сорокъ шесть тысячъ шестьсотъ два *insulae*. Первые были жилища богачей съ колоннадою, отдѣлявшею ихъ отъ улицы и огромнымъ внутреннимъ дворомъ; *insulae* — жилища простыхъ гражданъ и назывались такъ потому, что каждый домъ былъ отдѣленъ отъ сосѣдняго дому пустымъ пространствомъ въ пять футовъ шириною. Дома Римлянъ были вообще очень высоки; болѣею частію въ шесть этажей. Нижній этажъ былъ каменный, средніе изъ необожженного кирпичу, а верхнія изъ дерева. Въ нижней части дома, которая открывалась прямо на улицу, болѣею частію находились лавки; верхніе раздѣлялись на отдѣльные помѣщенія. По причинѣ большой высоты и дурной постройки, паденія домовъ случались въ Римѣ довольно часто. По этой причинѣ Августъ оградилъ высоту ихъ до семидесяти футовъ. Римскія улицы до пожаровъ при Неронѣ, были узки и кривы. Какъ дома Римлянъ были очень высоки, комнаты древнихъ вообще очень малы и какъ рабы, вѣроятно, помѣщались въ кое-какихъ углахъ и закоулкахъ, то число обитателей, гнѣздившихся въ сорока-шести тысячахъ *insulae*, безъ-сомнѣнія, было чрезвычайно огромно. Гекъ полагаетъ, что въ каждомъ домѣ среднимъ числомъ помѣщалось тридцать свободныхъ гражданъ и пятнадцать рабовъ. Въ каждомъ же *domus*, среднимъ числомъ, жило шесть особъ сенаторскаго или всадническаго званія и шестьдесятъ ра-

бовъ. Числа эти довольно вѣроятны. Надобно замѣтить еще, что это исчисленіе относится къ пятому вѣку, когда Римъ началъ уже упадать, утративъ свою силу и народонаселеніе.

Окружность Рима во время Веспасіана равнялась тридцати съ одною пятою римскимъ милямъ, то есть, сорокъ одной верстѣ съ двумя третями. Какъ на большей части площади этого круга находились дома въ нѣсколько этажей, то нѣтъ причины думать, чтобы приведенное нами число жителей не могло помѣщаться въ городѣ. Дипохаресъ, архитекторъ, начертивъ планъ Александріи, назначалъ окружность ея въ двадцать верстѣ; но нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы вся площадь была застроена домами; напротивъ, пятая часть города, при началѣ его постройки, была назначена подъ дворцовыя зданія; сообразное народонаселеніе Александріи, въ то время когда ее посѣщалъ Діодоръ, то есть, въ 58 году до Рождества-Христового, по увѣренію лицъ, составлявшихъ народную перепись, простиралось до трехъ-сотъ тысячъ душъ, слѣдовательно, если причислить сюда рабовъ, то число жителей Александріи будетъ равняться шестистамъ тысячамъ душъ, и даже болѣе, если мы присоединимъ свободныхъ дѣтей, которые вѣроятно не были приняты въ счетъ.

Хотя Александрія былъ городъ большой и населенный, второй послѣ Рима, однако жъ всё-таки второй послѣ Рима. Карвагенъ, древній соперникъ Рима, въ началѣ Пуническихъ Войнъ, по увѣренію Страбона, заключалъ въ себѣ семьсотъ тысячъ душъ, а Селевкія, если вѣрить Плинію, — шестьсотъ тысячъ жителей. А что Римъ превосходилъ всѣ прочіе города древняго міра, величїною и народонаселеніемъ, это былъ фактъ, принятый всею древностію.

Многіе другіе неоспоримые факты доказываютъ огромную величїну и народонаселенность Рима. Пожаръ во время Нерона продолжался шесть дней и семь ночей; онъ прекратился, но запылалъ снова и свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени. Изъ четырнадцати частей города, три были уничтожены совершенно, семь отчасти; цѣлы остались только четыре. Теперь, если сообразить, что дома были очень высоки, что верхніе этажи были болѣею частью деревянные, и, наконецъ, сравнить продолжительность этого пожара съ продолжительностію пожаровъ въ другихъ большихъ городахъ, то мы придемъ къ заключенію, что Римъ въ это время заключалъ въ себѣ огромное число жителей. Пожаръ

въ Лондонѣ начался ночью въ субботу и продолжался до слѣдующей пятницы. Москва загорѣлась въ ночи на четырнадцатое сентября и пожаръ продолжался до вечера девятнадцатаго числа. Ни одинъ городъ не горѣлъ постоянно такъ долго какъ Римъ.

Другаго рода доказательство обширной народонаселенности Рима составляетъ огромное число жителей его, погибшихъ отъ повальныхъ болѣзней. Во время Нерона, въ одну осень погибло отъ заразы тридцать тысячъ человѣкъ. При Веспасіанѣ жестокая зараза втеченіи нѣсколькихъ дней погубила около десяти тысячъ человѣкъ. Діонъ Кассіусъ говоритъ, что при Коммодѣ, отъ заразы нѣсколько дней сряду умирало по двѣ тысячи человѣкъ въ день. Требелій Полліонъ, въ своей жизни Галіена, рассказываетъ, что въ Римѣ отъ заразы умерло въ одинъ день пять тысячъ человѣкъ.

Огромная вмѣстимость зданій, назначенныхъ для публичныхъ зрѣлищъ, тоже одно изъ ясныхъ доказательствъ чрезвычайной населенности Рима. Деревянный театръ, построенный эдломъ Маркомъ Сауромъ, въ 60 году до Рождества Христова могъ вмѣщать въ себѣ восемьдесятъ тысячъ зрителей. Въ театрѣ Помпея, окончанномъ въ 55 году до Рождества Христова, по увѣренію Плинія, могло удобно помѣщаться сорокъ тысячъ народу. Въ театрѣ Балбуса, построенномъ въ 14 году до Рождества Христова, самомъ маломъ изъ римскихъ театровъ, помѣщалось одиннадцать тысячъ пятьсотъ десять человѣкъ. Въ театрѣ Марцелла, построенномъ Августомъ въ 13 году до Рождества Христова находилось двадцать тысячъ; въ Одеонѣ (Odeum) десять тысячъ шестьсотъ, а въ Stadium Домпціана тридцать тысячъ восемьдесятъ семь мѣстъ. Въ Колизеѣ, Colosseum, начатомъ при Веспасіанѣ, и остатки котораго служатъ неопровержимымъ доказательствомъ обширной народонаселенности Рима при императорахъ, могло помѣщаться, сидя, восемьдесятъ семь тысячъ зрителей. Circus Maximus, по увѣренію Діонисія, могъ вмѣщать въ себѣ сто пятьдесятъ тысячъ, а по Плинію двѣсти шестьдесятъ тысячъ зрителей. Судя по его размѣрамъ, господинъ Боргессъ предполагаетъ, что въ немъ могло находиться двѣсти тысячъ человѣкъ. Павзаній, въ своемъ описаніи Греціи, говоритъ, что римскіе театры величиною превосходятъ всѣ театры въ мірѣ. На зрѣлищахъ, которыя давались въ амфитеатрахъ, циркѣ, или на Марсовомъ Полѣ, «Campus Martius», вѣроятно, присутствовала

довольно важная часть жителей города. Светоній упоминаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ этого рода Августъ разставлялъ своихъ стражей около города, потому что иначе улицы остались бы не безопасны, по той причинѣ, что въ домахъ оставалось очень небольшое число жителей. Надобно замѣтить еще, что публичныя зрѣлища въ Римѣ не были похожи на олимпійскія празднества, которыя посѣщались всѣми Греками: римскія зрѣлища были назначены исключительно для потѣхи городского населенія. Теперь, какъ публичныя забавы посѣщались преимущественно гражданами, и какъ туда допускались только тѣ рабы, которые сопровождали своихъ господъ; какъ дѣти, старики, больные, люди, занятые дѣлами, и равнодушные, вѣроятно и въ Римѣ, составляли важную часть между людьми не принимавшими участія въ удовольствіяхъ, то очевидно, что народонаселеніе, которое могло доставить двѣсти тысячъ и даже сто тысячъ зрителей для театровъ, должно было быть огромно. На Plaza de Torros въ Мадридѣ, гдѣ происходятъ бои быковъ, можетъ помѣщаться только двѣнадцать тысячъ зрителей, а народонаселеніе Мадрита простирается до двухъсотъ тысячъ душъ, то есть, на этой площади есть мѣсто только для одной шестнадцатой всей массы горожанъ Мадрита. Въ Римѣ входъ былъ бездепежный, между тѣмъ какъ въ Мадридѣ за входъ платится небольшая сумма; съ другой стороны для исчисленія народонаселенія Рима не должно принимать въ расчетъ рабовъ. Примѣняя это отношеніе къ числу мѣстъ въ Circus Maximus (двѣсти тысячъ), мы увидимъ, что народонаселеніе Рима должно было простираться за три милліона душъ. Принимая, что свободное народонаселеніе Рима состояло изъ одного милліона двухъсотъ тысячъ гражданъ, что въ Circus Maximus было мѣста для одной шестой, а въ Колизеѣ для одной двѣнадцатой этого числа, — все народонаселеніе Рима настоящаго времени, считая тутъ стариковъ, молодыхъ, и тотъ классъ, который въ древности составляли рабовъ, то есть, слугъ, не могло бы наполнить Circus Maximus и почти помѣстилось бы въ Colosseum.

Изъ приведенныхъ выше соображеній, оказывается, что полное народонаселеніе Рима можно смѣло считать въ два милліона душъ, слишкомъ. Мы надѣемся доказать тотчасъ, что это число особенною особенному положенію древняго Рима, какъ въ политическомъ такъ и въ экономическомъ отношеніи.

Система безденежной раздачи хлѣба римскому народу, была введена предводителями партій въ самыя первыя времена существованія республики, какъ средство вознагражденія для приверженцевъ и привлеченія на свою сторону противниковъ. Ею, какъ мы видѣли, пользовался и Августъ, противъ своего убѣжденія и желанія. Она сдѣлалась пераздѣльною частію администраціи императорскаго правительства, какъ это видно изъ Плиніева похвального слова Траяну. Северъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ сталъ раздавать безденежно и масло. По смерти этого императора въ запасѣ осталось хлѣба на семь лѣтъ, считая по семидесяти пяти тысячъ модій только для раздачи жителямъ города въ сутки; запасу же масла было на продовольствіе, втеченіи пяти лѣтъ всей Италіи. Аврелианъ, передъ своимъ походомъ на Востокъ, обѣщалъ народу, вслучаѣ успѣшнаго окончанія войны, по двѣ короны въ два фунта вѣсомъ. Народъ, который считалъ Востокъ Эльдорадомъ, въ самомъ дѣлѣ думалъ, что эти короны будутъ золотыя. Аврелианъ выполнилъ свое обѣщаніе, приказавъ испечь булки въ видѣ коронъ. Съ этихъ поръ правительство начало уже раздавать народу печеный хлѣбъ вмѣсто зерноваго. Къ обыкновенной порціи хлѣба и масла императоръ прибавилъ порцію свинины. Онъ хотѣлъ даже развести въ Тосканѣ виноградники, чтобъ получаемое отъ нихъ вино раздавать бѣдному народу. Онъ былъ однако жъ удержанъ отъ этого замѣчаніемъ префекта преторіанской стражи, «что, если римскому народу дать вина, то онъ потребуетъ куръ и гусей»; *Si ei vinum populo Romano datus superest ut pullos et ausires demus*. Впослѣдствіи однако жъ правительство начало скупать и вино, для перепродажи его по низкой цѣнѣ народу.

Безденежная раздача хлѣба продолжалась и при послѣднихъ императорахъ, съ нѣкоторыми перемежками, произведенными смутами и анархією. По перенесеніи резиденціи правительства въ Константинополь, туда же перешли и всѣ прочія римскія учрежденія. При Константинѣ ежедневно раздавалось сорокъ тысячъ мѣръ. Этотъ императоръ, въ видахъ поощренія постройки домовъ въ своей новой столицѣ, приказалъ выдавать хлѣбъ домохозяевамъ; слѣдовательно, привилегія эта перешла на владѣльца дома, и перестала уже быть личною.

Съ самыхъ древнихъ временъ, забота о снабженіи Рима хлѣбомъ считалась обязанностью правительства. Когда цѣны на хлѣбъ

становились высокими, народъ порицалъ не торговцевъ, не хлѣбниковъ, а чиновниковъ и даже императора. Во времена Тиверія, по этой причинѣ въ театрѣ сдѣлали бунтъ, за который онъ жестоко наказалъ виновниковъ, доказавъ въ то же время народу, что онъ собралъ въ провинціяхъ запасовъ хлѣба гораздо болѣе нежели сколько ихъ было при Августѣ. Клавдій, при подобномъ же обстоятельстве, несмотря на его личныя заботы о снабженіи столицы хлѣбомъ, былъ остановленъ чернью на форумѣ, и закиданъ оглодками хлѣба. Для удовлетворенія нуждамъ народа, римское правительство постоянно прибѣгало къ поборамъ и къ насильственнымъ закупкамъ; оно дѣйствовало всегда своимъ лицомъ и никогда не надѣялось въ этомъ отношеніи на помощь свободной торговли. Играть роль главнаго поставщика народа, вошло дотогу въ обыкновеніе правительства, что оно довольно часто продавало по низкой цѣнѣ хлѣбъ даже такимъ лицамъ, которыя не находились въ спискахъ получателей дароваго хлѣба.

Во многихъ случаяхъ мы теперь съ трудомъ можемъ отличить продажи хлѣба по низкимъ цѣнамъ, которыя оно производило въ обширныхъ размѣрахъ, отъ раздачъ его даромъ бѣдному классу народа. Аппона, или попеченіе о снабженіи народа съѣстными припасами, во время республики было ввѣрено различнымъ чиновникамъ, обыкновеннымъ и чрезвычайнымъ. Наконецъ Августъ назначилъ постоянного государственнаго провіантмейстера, *praefectus annonae*. Обязанностію его было заготовлять хлѣбъ въ провинціяхъ, находиться въ сношеніяхъ съ правителями областей, и дѣлать нужныя распоряженія для привозки, пріема, хранения и раздачи хлѣба. Хлѣбъ болѣею частію не покупался, а былъ взимаемъ съ нѣкоторыхъ провинцій въ видѣ подати и оброка, посредствомъ чиновниковъ, нарочито посылавшихся для того изъ Рима. Самыми важными въ этомъ отношеніи провинціями были Сицилія, Африка и Египетъ. Каждая провинція доставляла определенное количество, *annon*; кромѣ-того онѣ иногда дѣлали, разумѣется по неволѣ, Риму подарки *oblaciones*, и обязаны были доставлять лишнее количество хлѣба за деньги. Во время Цицерона, какъ видно изъ его *in Verrem*, Сицилія доставляла огромное количество хлѣба, и потому называлась житницею Рима.

Впоследствии главная часть хлѣбныхъ запасовъ получалась изъ Африки (древняго Карфагена и Египта). Юсіюсъ Флавій говоритъ, что Египетъ доставлялъ хлѣба на четыре мѣсяца, а Африка на

осемь. Аврелій Викторъ увѣряетъ, что во время Августа въ Римъ изъ одного Египта привозилось около двадцати милліоновъ модій (осемьсотъ тридцать тысячъ четвертей). По перенесеніи столицы на Востокъ, Египетъ былъ опредѣленъ для снабженія Константинополя, а Африка для Рима. Для каждой столицы опредѣлено было извѣстное количество хлѣба, которое называлось *савон urbisagium*.

Недовольно было собрать хлѣбъ съ провинцій, нужно было и перевести его въ Римъ. Кажется, что доставка хлѣба въ приморскіе города тоже лежала на обязанности провинцій, перевозка его моремъ производилась на счетъ римскаго правительства. Сначала этимъ занимались купцы по добровольной цѣнѣ, Клавдій однако жъ началъ давать привиллегію тѣмъ судопромышленникамъ, которые занимались перевозкою хлѣба. Впослѣдствіи право перевозки перешло въ руки сословія *naviculari* или кораблехозяевъ. Это сословіе пользовалось личными преимуществами, однако жъ правительство часто вынуждено было прибѣгать къ мѣрамъ строгости, для того чтобъ заставить членовъ его исполнять свою обязанность доставлять и содержать суда для перевозки хлѣба. Они выдавали отъ себя росписки въ приемъ на судно извѣстнаго количества хлѣба, и обязаны были подъ личною отвѣтственностью сдать его вполнѣ въ римскомъ портѣ. Они отвѣчали своею собственностью, за убытки отъ кораблекрушенія и потери хлѣба во время пути, если не могли доказать передъ государственнѣмъ чиновникомъ, что грузъ погибъ не отъ неосторожности судовщиковъ. Слѣдствіе производилось съ самыми притѣснительными формами и проволочками. Для оправданія они должны были представлять самыя сильныя доказательства своей невинности. Валентіанъ приказалъ подвергать пыткамъ половину экипажа, и особенно штурмановъ. Въ случаѣ погибли всего экипажа, суду предавались дѣти и родственники хозяина судна. Провіантскіе чиновники имѣли власть захватывать каждое большое судно, находящееся въ портѣ хлѣбородной провинціи, для доставки на немъ хлѣба въ Римъ. Вотъ къ какимъ притѣснительнымъ мѣрамъ, попирая законы свободной торговли, вынуждено было прибѣгать римское правительство, чтобъ наполнять пустые желудки своихъ бѣдныхъ гражданъ.

Хлѣбъ, привезенный въ Остію, принимался провіантскими чиновниками по вѣсу и мѣрѣ, и отсюда на мелкихъ судахъ по

Тибру перевозился въ Римъ и тамъ сдавался въ триста хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ.

Изобразивъ такимъ образомъ въ короткихъ чертахъ систему снабженія Рима зерновымъ хлѣбомъ, мы постараемся ее изслѣдовать.

Во-первыхъ, замѣтимъ, что римскіе хлѣбные запасы въ сущности составляли то же, что законы для нищихъ въ нынѣшней Англіи. Существованіе класса рабовъ, казалось бы, должно было сдѣлать законы о нищихъ и ненужными и неудобноисполнимыми; ненужными, потому что рабочій классъ состоялъ изъ рабовъ, и, слѣдовательно, забота пропитанія его должна бы была лежать на ихъ господахъ; неудобноисполнимыми, потому что эти законы поощряли бы господъ отпускать на волю старыхъ, негодныхъ къ работѣ рабовъ, для того чтобъ дать имъ средства жить на счетъ общества. Число нищихъ свободнаго состоянія въ Римѣ, было такъ велико, что правительство, боясь его, вынуждено было привлекать ихъ на свою сторону посредствомъ безденежныхъ раздачъ хлѣба. Кромѣ рабовъ, въ древнихъ республикахъ находилось множество бѣдныхъ гражданъ, безнравственной и голодной черни, *misera ac jejuna plebecula*, какъ ее называетъ Цицеронъ, которая имѣла большое вліяніе на администрацію. Характеристическія черты демократіи, описываемой Аристотелемъ въ его *Politica*, основаны на понятіи о перевѣсѣ и минимыхъ выгодахъ бѣдныхъ гражданъ. Этотъ классъ существовалъ и въ Римѣ. Филиппъ, во время своего консульства, въ 105 году до Рождества-Христового, говорилъ, что въ Римѣ не было даже двухъ тысячъ человѣкъ, имѣвшихъ недвижимую собственность. Со времени перваго своего учрежденія, система безденежной раздачи хлѣба постоянно принимала всё большіе и большіе размѣры. Цицеронъ сильно возставалъ противъ нея, потому что ясно видѣлъ пагубное вліяніе ея на землѣделіе и промышленность. Цесарь и Августъ сократили число получателей, но не могли совершенно уничтожить самой системы, которая, естественнымъ образомъ, продолжалась при ихъ преемникахъ. Впрочемъ, система безденежной раздачи хлѣба ограничивалась однимъ Римомъ, и только бѣдными свободными гражданами столицы міра. Прочая Италия не извлекала изъ нея никакихъ выгодъ. Сицилія у древнихъ писателей называется житницею не Италіи, а Рима. Привилегія эта была причиною ни съ чѣмъ несоразмѣрнаго увеличенія народонаселенія столицы,

куда изъ всѣхъ мѣстъ Италіи и Имперіи стекались всѣ бездѣльники и нищіе.

Средства, на которыхъ держалась эта система, были не мѣстныя, а составляли налогъ на провинціи. Чернь города, завоевавашаго міръ, содержалась на счетъ завоеванныхъ областей. Система эта была—контрибуція, которую сильный бралъ съ слабого, а не помощь, которую богатый добровольно даетъ бѣдному. О притѣсненныхъ, которыми эта система подвергала провинціи не стоить и говорить. Сколько терпѣла отъ нея Сицилія при одномъ проконсулѣ, видно изъ рѣчей Цицерона *in Verrem*. Тацитъ, въ своей жизни Агриколы, описываетъ множество примѣровъ насилія, которыми правители провинцій вынуждали у владѣльцевъ зерновой хлѣбъ.

Подъ вліяніемъ описанныхъ нами причинъ, Римъ сдѣлался *гигантскимъ наростомъ*, который поглощалъ всѣ жизненные соки государства; и въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ необыкновенно великъ: обширное скопище черни, привлекаемой въ одно мѣсто ложною и притѣснительною системою. Его народонаселеніе состояло преимущественно изъ нищихъ и рабовъ, которыхъ кормили провинціи.

Какъ ужасно было положеніе вещей въ Римѣ въ сравненіи съ огромными столицами новѣйшихъ временъ! Какъ неправильно понятіе тѣхъ, которые думаютъ, будто общество древней столицы міра было счастливѣе нежели общество въ образованныхъ городахъ нашего времени.

Римскіе хлѣбные законы оказывали чрезвычайно важное вліяніе на продовольствіе хлѣбомъ столицы. Правительство взяло на себя обязанность продовольствовать большинство свободнаго народонаселенія Рима; слѣдовательно, оно добровольно сдѣлалось отвѣтственнымъ, въ извѣстной степени, за недостатокъ хлѣба передъ тѣми гражданами, которые не были внесены въ списокъ бѣдныхъ, и передъ прочю Италією. Вся надежда правительства въ этомъ отношеніи покоилась на податяхъ, которыми обложены были провинціи. Первымъ слѣдствіемъ этой системы было совершенное уничтоженіе земледѣлія въ Италіи. Естественный рынокъ, на которомъ италіанскій земледѣлецъ могъ сбывать произведеніе своихъ полей, былъ уничтоженъ искусственнымъ снабженіемъ этого рынка хлѣбомъ, привезеннымъ изъ провинцій. Вотъ почему, какъ замѣтилъ Дюро де-ла Маль, исторія Рима въ

седьмомъ и осьмомъ столѣтїи его существованїя, представляетъ намъ такую странную противоположность: земледѣіе, народонаселенїе и произведенїя Италїи уменьшаются по мѣрѣ увеличенїя ея побѣдъ и силы. Пагубное влїяніе безденежной раздачи хлѣба въ Римѣ на земледѣіе, было понято Августомъ; онъ ясно видѣлъ, что увѣренность въ полученїи дароваго хлѣба, лишало бодрости земледѣльцевъ. Онъ хотѣлъ уничтожить зло, но не рѣшался, зная что его прїемники, чтобы прїобрѣсть народную любовь, снова ведутъ эту вредную систему. Бури междоусобныхъ войнъ вынудили большое число свободныхъ земледѣльцевъ покинуть свои поля; огромныя пространства земли сдѣлались собственностью людей, обладавшихъ огромными богатствами. Въ этихъ помѣстьяхъ рабы обрабатывали землю въ цѣпяхъ, а ночью ихъ запирали въ тюрьмы, называвшіяся *ergastula*. Слѣдствїемъ этой перемѣны было то, что южная и сѣверная Италїя, изъ земли населенной дѣятельными, трудолюбивыми, свободными земледѣльцами, обратилась въ плантаціи, обрабатываемыя руками рабовъ. Это-то обстоятельство Плиній считаетъ главною причиною паденїя Италїи: *Verum que confitentibus latifundia perdere Italiam.*

Тамъ, гдѣ увеличеніе богатства ведетъ къ соединенїю поземельныхъ владѣній въ однѣ руки, къ уничтоженїю мелкихъ землевладѣльцевъ и къ замѣненїю свободнаго труда, трудомъ рабовъ, тамъ оно становится причиною уменьшенїя народонаселенїя, или, какъ понимали это древнїе, къ уменьшенїю числа свободныхъ гражданъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ говоритъ Луканъ, бѣдность благопрїятствуетъ народонаселенїю. Богатство уменьшаетъ число народа, тамъ гдѣ увеличеніе числа рабовъ, въ сравненїи съ числомъ свободныхъ гражданъ, считается признакомъ государственнаго благосостоянїя. Поощренїе къ бракамъ, которое оказывали Августъ и его преемники, имѣло цѣлю противодѣйствовать стремленїю къ безбрачному состоянїю, находившему столько прїимчивости въ существованїи рабства, и увеличить число свободныхъ людей въ сравненїи съ рабами.

Когда въ Италїи земледѣіе такимъ образомъ упало и древнее, свободное народонаселенїе земледѣльцевъ было вытѣснено рабами, Римъ естественнымъ образомъ въ-отношенїи своего продовольствїя сдѣлался совершенно зависимымъ отъ провинцій. Онъ сдѣлался зависимымъ отъ нихъ, не какъ одно государство зави-

снѣтъ отъ другаго, находящагося съ нимъ во взаимно-выгодныхъ торговыхъ сношеніяхъ, а какъ армія — отъ своихъ отдаленныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Опытъ научаетъ насъ, что торговля сношенія самымъ вѣрнымъ образомъ обезпечиваютъ взаимные интересы націй. Старая пословица говоритъ, что золото проникаетъ туда, гдѣ желѣзо не можетъ проложить себѣ дорогу. Какъ ни сложнымъ кажется механизмъ великой торговой машины, индивидуальныя выгоды всегда дѣйствуютъ въ должномъ порядкѣ. Тамъ гдѣ продовольствіе народа основано на системѣ провіантской заготовки хлѣба, тамъ малѣйшая ошибка въ расчетѣ, ничтожное поврежденіе колеса въ огромной административной машинѣ, можетъ сдѣлаться причиною недостатка въ хлѣбѣ и даже голода. По этой причинѣ, несмотря на бдительность императорскаго правленія, въ Римѣ часто обнаруживался голодъ, при Августѣ, Тиверіи, Клавдіи и Неронѣ. Тацитъ рассказываетъ, что при Клавдіи въ римскихъ запасныхъ магазинахъ оставалось хлѣба только на пятнадцать дней. Если бъ между Римомъ и Африкою существовала правильная свободная торговля, римскіе граждане не страшились бы опасностей кораблеплаванія, несмотря на то, что въ древности это искусство было такъ несовершенно. Земледѣіе не исчезло бы съ плодородныхъ полей Италіи, если бъ владѣльцы не пали въ борьбѣ съ счастливою соперницею — вѣтшною торговлею.

Покуда Римъ имѣлъ силу, онъ могъ по крайней мѣрѣ быть увѣреннымъ въ правильной доставкѣ хлѣбной подати изъ провинцій. Но когда вліяніе его упало, тогда зависимость его въ отношеніи продовольствія начала обнаруживаться во всей силѣ. Въ царствованіе Гонорія, африканская провинція взбунтовалась, подъ предводительствомъ Гильдона, и перестала платить обыкновенную подать хлѣбомъ. Риму угрожалъ голодъ; его спасали временныя набѣги изъ Галліи. Клавдіанъ, въ своей поэмѣ на Гильдонскую Войну, представляетъ Римъ не какъ гордаго воинственнаго мужа, а какъ больнаго, слабаго, исхудавшаго, котораго плечи едва способны нести щитъ. Онъ униженно подходитъ и проситъ спасти его согражданъ отъ ужасовъ голодной смерти.

«Прежде я молилъ тебя, говоритъ онъ, даровать побѣду моимъ
«легіонамъ, на берегахъ Аракса, помочь моему консулу обнару-
«жить свои силы въ Сузѣ; нынѣ я прошу только спасти меня
«отъ голоду. Африканская провинція, снабжавшая хлѣбомъ на-
«родъ мой, — во власти Гильдона. Онъ перехватываетъ все подвозы;

« мое продовольствіе находится въ его власти. Онъ продастъ
« жатву, принадлежащую сынамъ Ромула, и обладаетъ полями,
« упитанными моею кровью. Воинственный народъ, повелѣвавшій
« міромъ, теперь неуважаемый и нуждающійся, несетъ наказаніе
« мира. Смерть грозитъ ему каждую минуту; въ моихъ житияхъ
« пахъ хлѣба — только на нѣсколько дней. Мое величіе — при-
« чина моей гибели. Я былъ въ безопасности, когда владѣнія
« мои были ограниченны! Если мнѣ суждено погибнуть, то дай
« мнѣ погибнуть иначе; пусть завладѣтъ мною новый Порсенна,
« или пусть сожжетъ меня другой Бреннъ. Всѣ эти несчастія ме-
« нѣ нежели смерть отъ голоду ». Вотъ въ какія бѣды вовлекла
Римъ притѣснительная, необдуманная, ложная система снабже-
нія Рима хлѣбомъ.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ЭКОНОМІЯ

ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

■

СОСТОЯНІЕ ФИНАНСОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ВЫВШАГО МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

=

ФИНАНСЫ.

Начиная третью часть нашего сочиненія, просимъ читателя не забывать того, что мы сказали, излагая цѣль нашей книги. Далѣе замѣтимъ, что мы оставляемъ всторонѣ всѣ предметы непосредственно относящіеся къ такъ-называемымъ наукамъ камеральнымъ; потому что онѣ могутъ имѣть практическое приложеніе тогда только, когда занимаются отдѣльнымъ, даннымъ государствомъ.

XXXI. О ФИНАНСАХЪ ВООБЩЕ.

Нѣтъ нужды далеко искать источника финансовъ и права, по которому государство можетъ облагать своихъ гражданъ пода-

тѣмъ. Если человѣческое общество — необходимость природы, то изъ этого слѣдуетъ необходимость правительства: оно должно жить подобно отдѣльному лицу, а средства жизни можетъ почерпнуть изъ двухъ только источниковъ: изъ собственного имущества, или изъ налоговъ.

Въ прежнія времена, при существованіи феодальной системы, когда не было постоянныхъ военныхъ силъ, государственное имущество удовлетворяло по большей части, потребностямъ правительства: Карлъ-Великій жилъ насчетъ своего собственного имѣнія; среднее и нисшее правительство удовлетворялось собственными своими средствами, получало доходы отъ имѣній, предоставленныхъ ему въ пользованіе, отъ случайныхъ поземельныхъ повинностей, отъ пеней и тому подобное. Нынѣ, если государственныя имущества существуютъ гдѣ либо, то составляютъ только часть государственнаго дохода, и, при сильномъ своемъ развитіи, правительство для полного удовлетворенія своихъ потребностей, должно было бы завладѣть столь огромнымъ количествомъ поземельныхъ имуществъ, что необходимо причинило бы большой ущербъ производительности. Безъ этого доходы невозможны; слѣдовательно налоги необходимы.

Говоря здѣсь о финансахъ, мы подразумѣваемъ всю публичную казну въ цѣлости. Поэтому, къ нашему предмету относятся не только собственно государственныя финансы, но и муниципальныя, раздѣляющіеся на провинціальныя, городскіе и мѣстные; сюда также относятся добровольныя пожертвованія.

Доходы богоугодныхъ заведеній, духовенства, особенныхъ учрежденій и обществъ разнаго роду, должны быть разсматриваемы въ смыслѣ частнаго имущества. Различія ихъ довольно важны, но не имѣютъ сильнаго вліянія на характеръ отраслей доходовъ;—онъ почти всегда одинъ и тотъ же.

Финансы представляются великимъ, существеннымъ зломъ для общества, не по тому, что они необходимы, но по причинѣ естественной своей недостаточности, и потому что почти на всякомъ шагу ставятъ преграды свободной дѣятельности общества, какъ мы это докажемъ впоследствии.

Теперь же займемся: 1) доходами, 2) расходами, 3) балансомъ доходовъ и расходовъ, 4) государственнымъ долгомъ, какъ исключеніемъ изъ общаго порядка вещей и 5) финансовымъ управленіемъ.

Все историческое, хотя и весьма увлекательное, всѣ примѣры

мы оставляемъ всторонѣ; а приведемъ только то, что намъ покажется необходимымъ. Такимъ образомъ начинаемъ наше разсмотрѣніе вообще съ европейскаго *Statu quo*.

Замѣтимъ наконецъ, что мы не имѣемъ намѣренія представить полный обзоръ науки о финансахъ, а желаемъ только изложить практически основныя начала этой науки.

XXXII. О доходахъ.

Доходы какого-либо народа, то есть, доходы государственные, провинціальныя, городскіе, наконецъ доходы общинъ, происходятъ: 1) отъ имуществъ, 2) отъ податей, 3) изъ случайныхъ источниковъ, 4) отъ добровольныхъ пожертвованій.

1) Государственные и муниципальные доходы.

Естественная причина повсемѣстнаго раздѣленія доходовъ на государственныя и муниципальныя, заключается въ самомъ существѣ этого дѣла: первые должны взиматься равно со всѣхъ для потребностей пѣлаго; вторые служатъ для расходовъ весьма часто различныхъ и неровныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Финансы городовъ произошли частію съ древнихъ временъ изъ ихъ автономіи, но къ этому присоединились и другія новыя отрасли. Однако жъ существуютъ налоги для всѣхъ равныя, но находящіяся подъ управленіемъ провинціальнымъ, какъ напримеръ: три дня поденьщины на проселочныхъ дорогахъ во Франціи; но тогда это суть налоги государственныя, которыхъ управленіе вѣрено (какъ во Франціи) генеральному совѣту префектуры. Для краткости, въ дальнѣйшемъ развитіи, мы будемъ говорить только о государственныхъ доходахъ, а касательно другихъ отраслей упомянемъ только главное и необходимое.

2) Государственныя имущества.

Государственныя имущества состоятъ изъ пахатныхъ земель, полей, лѣсовъ, рыбнаго и солянаго промысла, строеній, горнозаводства, мельницъ, фабрикъ и вообще имуществъ, приносящихъ доходы.

Эти государственныя имущества въ нѣкоторыхъ европейскихъ земляхъ весьма значительны, въ другихъ менѣе, а во многихъ

азіятскихъ государствахъ составляютъ главную и почти единственную отрасль государственныхъ доходовъ.

Было время, когда господствовало мнѣніе, что государственный имуществъ приносили бы болѣе, находясь въ рукахъ частныхъ лицъ; поэтому онѣ были распроданы, иногда даже по весьма низкой цѣнѣ. На это положеніе можно отчасти согласиться, особенно по отношенію къ строеніямъ, горнымъ промысламъ и фабрикамъ; если послѣднія не должны быть государственною собственностью, по особеннымъ, изложеннымъ выше, причинамъ то всё же это не измѣняетъ существа дѣла: потому что замѣна подобнаго дохода податями произведетъ необходимое уменьшеніе производительности, кромѣ другихъ еще убытковъ. Полевые угодія и лѣса, составляютъ по преимуществу лучшей родъ государственнаго имуществъ; послѣдніе даже необходимы для сохраненія въ государствѣ лѣснаго капитала. Чтò касается строеній, то если они не сдѣланы случайно государственною собственностью, ихъ должно воздвигать только тогда, когда въ нихъ окажется необходимость. Такъ напримѣръ: для нижегородской ярмарки строили огромные балаганы, которыми прежде купцы довольствовались для временнаго склада товаровъ. Горные промыслы могутъ быть иногда необходимы для государства; впрочемъ, вообще они приносятъ болѣе дохода, находясь въ рукахъ частныхъ лицъ, по причинѣ меньшихъ издержекъ на управленіе; но въ такомъ случаѣ нужно, чтобы народъ имѣлъ достаточные для того капиталы. Въ нѣкоторыхъ странахъ горные, а въ особенности соляные промыслы, приносятъ государству весьма значительные доходы, по причинѣ особеннаго попеченія о нихъ. Все это заставляетъ насъ придерживаться государственныхъ имуществъ. Чтò же касается ближайшаго ихъ хозяйства, то это принадлежитъ, какъ мы выше замѣтили, къ задачамъ камеральныхъ, къ горнозаводству и прочее.

3) *Налоги вообще.*

Налоги раздѣляются существенно на налоги въ натурѣ и налоги денежные. Первые состоятъ изъ матеріальныхъ предметовъ или изъ повинностей. Конскрипція, то есть, рекрутскій наборъ есть въ сущности подать людьми и можетъ считаться самою тяжелою; она не допускаетъ ни справедливаго распредѣленія, ни равномѣрнаго вознагражденія, но въсѣтъ съ тѣмъ это необходимость. При высокомъ состояніи обще-

ства, при сильномъ развитіи воепаго искусства, невозможно было бы дѣйствовать во время войны массами неустроенными, необученными. Даже и въ такомъ случаѣ не могло бы быть равномѣрнаго распредѣленія обязанностей: не всѣ могутъ выступить въ походъ, а участь участвующихъ въ немъ весьма различна. Вообще подати въ натурѣ могутъ быть терпимы только тамъ, гдѣ обстоятельства не допускаютъ сдѣлать перемѣну; о чемъ мы выше уже сказали многое и еще говорить будемъ.

Когда процентная подать отъ добыванія благородныхъ металловъ взимается въ натурѣ, какъ на примѣръ, въ Россіи, то это въ сущности подать денежная; потому что металлъ предназначенъ къ чеканкѣ, а право на нее принадлежитъ исключительно Правительству.

Хорошою и справедливою податью можно назвать только такую, которая равна, или почти равна для всѣхъ лицъ и взимается единственно изъ чистаго дохода или, что одно и то же, изъ чистой прибыли.

При болѣе близкомъ разсмотрѣніи податной системы, мы должны придерживаться слѣдующихъ началъ:

- а) подать, какъ мы уже сказали, должна падать единственно на чистый доходъ, и ни въ какомъ случаѣ на капиталъ;
- б) подать должна быть умѣренна и тяготѣть надъ каждымъ лицомъ по-возможности соразмѣрно съ его состояніемъ;
- в) подать не должна затруднять общественныхъ сдѣлокъ;
- д) подать должна быть удобна ко взиманію и подлежать контролю;
- е) подать не должна нуждаться въ многочисленности лицъ для своего управленія, подавать поводъ къ обману и такимъ образомъ портить общественную нравственность;
- г) налогъ не долженъ падать на предмѣты первой потребности, какъ на примѣръ: на хлѣбъ и тому подобное.
- ж) подать должна быть численною, когда обложенный ею имѣетъ деньги;
- з) подать не должна представлять большихъ суммъ впередъ взимаемыхъ (*avances — Vorschuss*).

По несчастію, это чистая утопія, которую осуществить не возможно. Всѣ роды податей имѣютъ основные недостатки, а часто даже, по необходимости, падаютъ на капиталы, какъ мы увидимъ впоследствии.

Мы раздѣляемъ подати или налоги (*impôts*) слѣдующимъ образомъ:

А. *Прямая, тѣ*, которыя падаютъ въ извѣстной степени на какой-нибудь матеріальный предметъ, или на какое-либо лицо и должны быть строго опредѣлены, напримѣръ: поземельная подать, подушная подать.

В. *Полу-прямая*, такія, для которыхъ хотя и опредѣляется степень, но отъ частныхъ лицъ зависитъ пользоваться или не пользоваться прибылями, которыхъ они достигаютъ подвергаясь подати; напримѣръ: пошлина съ патентовъ.

С. *Косвенная*, такія, для которыхъ опредѣлена степень въ частности, но съ тѣмъ, что производство предмета зависитъ отъ воли производителя, а потребителямъ предоставляется на усмотрѣніе выборъ и сумма участія, напримѣръ пошлины, акцизы.

Впрочемъ, это раздѣленіе не можетъ быть примѣняемо во всѣхъ случаяхъ.

А. Первая категорія.

Прямая подать падаютъ во-первыхъ, на фондъ, какъ напримѣръ поземельная подать, пошлина съ домовъ, въ видѣ процентовъ отъ земли или занимаемой, или съ ихъ цѣны, подать съ оконъ и дверей, подать съ движимаго имущества; подать отъ мельницъ, по величинѣ ихъ дѣйствія, подать отъ хлѣбопашества, садоводства; подати котельныя, при перегонкѣ; подати отъ горнозаводства, пошлина съ молотовыхъ и тому подобныя. Во-вторыхъ, прямая подати могутъ быть чисто личныя, напримѣръ поголовныя, подушныя и тому подобныя. Въ древности у Евреевъ онѣ назывались податюю съ жизни. Въ-третьихъ, прямая подати собираются въ совокупности съ имущества, промышленности и капитала, какъ то: подати съ доходовъ, съ разныхъ классовъ, съ промысловъ, подать съ бѣдныхъ, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе относится къ слѣдующимъ ниже категоріямъ. Въ-четвертыхъ, подати прямая взимаются при особенныхъ случайныхъ обстоятельствахъ, какъ напримѣръ, подать при молученіи поземельнаго наслѣдства и, гдѣ это еще существуетъ, пошлина съ наслѣдства, получаемаго отъ иностранца (*droit d'aubaine*).

Сдѣлаемъ вкратцѣ нужныя замѣчанія касательно прямыхъ податей.

Поземельная подать можетъ взыматься только тремя способами: *первое*, посредствомъ кадастра; *второе*, посредствомъ сѣты, съ общины; *третье*, въ краяхъ, гдѣ довольно почвы и гдѣ

главное зависит отъ силъ человѣческихъ, — поголовно съ народонаселенія, какъ мы это замѣтили, говоря о Россіи.

Приблизительная смѣта податей и общинъ, или остается одинаковою съ древнихъ временъ или, если переменны кадастра произвели беспорядокъ, ее распредѣляютъ снова; или же заставляютъ общину отвѣтствовать солидарно за кадастровую смѣту. На небольшомъ пространствѣ, взиманіе податей съ общинъ можетъ быть для всѣхъ довольно соразмѣрно, но между провинціями существуетъ большая несоразмѣрность, какъ мы же замѣтили сами во Франціи. Кадастръ тяжелъ и труденъ, а если при непрерывныхъ переменнахъ, въ-особенности при раздѣленіи земель, не имѣетъ и прочныхъ поземельныхъ книгъ, то все приходитъ въ разстройство, какъ уже не разъ и случалось. Дѣйствительно, кадастръ хорошъ только тамъ, гдѣ земля нуждается въ удобреніи, и здѣсь еще встрѣчаются различныя обстоятельства, допускающія только смѣту приблизительную; поэтому нельзя сказать, чтобы кадастръ совершенно уравнивалъ поземельную подать. Надобно однако жъ сознаться, что безъ кадастра это еще менѣе возможно: тогда можетъ только существовать сильное *minimum* налоговъ; иначе, обложенные податью будутъ угнетены. При надлежащемъ же распредѣленіи кадастра, не легко перейти *medium* налога, частію по причинѣ неравныхъ урожаевъ, частію отъ того, что землевладѣльцу недостаетъ предварительныхъ средствъ, если онъ въ надлежащее время не можетъ продать своихъ продуктовъ; частію же потому, чтобы не возвысить цѣны первѣйшихъ потребностей. Правда, что сборъ поземельной подати довольно удобенъ и не представляетъ трудностей для контроля, хотя иногда послѣдній требуетъ продолжительнаго времени. Поэтому мы видимъ, что поземельная подать, хотя одна изъ лучшихъ, имѣетъ свои недостатки; тѣмъ болѣе, что она почти всегда возвышаетъ цѣну первыхъ потребностей.

По мнѣнію фیزیократовъ, землю должно считать, если не единственнымъ, то по-крайней-мѣрѣ главнымъ источникомъ всѣхъ доходовъ. Мысль чудовищная; дѣйствуя по ней должно бы угнетать многихъ землевладѣльцевъ, по причинѣ неизбежной несоразмѣрности налога и огромныхъ аварсовъ; между-тѣмъ жизненные потребности, потребляемыя приблизительно въ равной степени бѣдными и богатыми, сдѣлался бы ненормально дороги, потому что обыкновенная поземельная подать составляетъ лишь едва пятую часть государственнаго дохода.

По вышеопредѣленному порядку, тоже весьма трудно распре-

дѣлать подать съ домовъ, по той причинѣ, что доходы отъ нихъ, даже въ большихъ городахъ, весьма непостоянны и не могутъ быть строго опредѣлены. Поэтому такая подать не должна слишкомъ далеко распространяться.

Налогъ съ движимаго имущества не имѣетъ никакого финансового основанія: онъ падаетъ на капиталъ мертвый, и, такимъ образомъ, взимается съ какого либо другаго дохода, который и безъ этого вѣрно уже обложенъ податью. Если гдѣ-либо подать эта принята, то должна быть умѣренна, чтобы не обременять слишкомъ нѣкоторыхъ классовъ общества; такимъ образомъ это налогъ не рациональный, но прибыльный.

Подать съ мельницъ, по количеству поставляемаго на нихъ хлѣба, не можетъ быть тоже равномерно распределена, представляетъ только *medium* и, притомъ, касается первѣйшихъ потребностей. Если подать эта взимается по количеству смолотаго зерна, то контроль надъ нею весьма затруднителенъ и нужно прибѣгнуть къ подпискѣ, какъ при нѣкоторыхъ другихъ податяхъ, то есть, обложить владѣльца круглою суммою; но и этотъ способъ недостаточенъ для уравниенія налоговъ, потому что онъ совершается весьма медленно.

О недостаткахъ десятины мы уже говорили выше. Десятина, взимаемая съ ископаемыхъ, имѣетъ такое же свойство; потому что издержки промысла весьма различны. Подати съ молотовыхъ должны быть весьма умѣренны, потому что качество и количество производимаго не одинаковы, а издержки весьма различны.

Чистыя личныя подати, по своему свойству, весьма неравномерно относительны; онѣ обыкновенно состоятъ изъ умѣреннаго *minimum* и могутъ оставаться тамъ, гдѣ ничего нельзя придумать лучшаго.

Налогъ на доходы, принадлежащій къ прямымъ сложнымъ податямъ, и приносящій столь большіе доходы въ Англіи, представляетъ много хорошаго, при первомъ на него взглядѣ; однако жъ открываетъ домашнее состояніе семействъ, по-крайней-мѣрѣ предъ комиссарами и можетъ быть слишкомъ отяготительнымъ, если обложенный ею желаетъ скрыть незавидное положеніе дѣлъ своихъ. Притомъ же безсовѣстные плательщики, могутъ легко утаить многое; уплата этой подати тяжела, и порождаетъ много поводовъ къ штрафамъ. Въ-особенности подать эта вредна для торговаго сословія, которое всегда почти старается не открывать настоящаго положенія дѣлъ своихъ. Все эти причины не позво-

дѣлать одобрять подати отъ дохода; къ ней можно прибѣгнуть только въ случаѣ неизбежной необходимости.

Когда подать взимается съ сословій, то граждане, по согласію, раздѣляются на соразмѣрное число классовъ, напримѣръ на шесть, на десять, муниципальными постановленіями или другимъ образомъ. Каждый изъ этихъ классовъ, считая въ верхъ, уплачиваетъ постепенно значительнѣйшую подать, а члены каждаго класса обязаны уплачивать свой налогъ оптомъ. Естественно, что здѣсь не можетъ быть соразмѣрности; но если раздѣленіе на классы сдѣлано добросовѣстно, то никто не будетъ страдать отъ угнетенія. Но такъ-какъ, по существу дѣла, здѣсь все зависитъ отъ произвола и, поэтому, требуетъ большой справедливости во вниманіи, то, кажется, что подать эта не равно удобна для всѣхъ государствъ вообще.

Пошлина съ промысла можетъ принадлежать къ прямымъ и косвеннымъ налогамъ, смотря по тому, какъ она распределена и какъ взимается. То же можно сказать и о подати въ пользу бѣдныхъ.

Процентная подать съ наслѣдства внутри государства, или при переходѣ наслѣдства за границу, падаетъ на капиталъ и, поэтому, не можетъ назваться раціональною; впрочемъ въ финансовомъ отношеніи она имѣетъ свое основаніе: часть наслѣдства взимается потому, что наслѣдникъ можетъ платить. Объ этомъ предметѣ мы распространимся впоследствии.

В. Вторая категорія.

Къ валу-прямымъ податямъ мы причисляемъ: пошлины съ патентовъ, за право торговли, за право заниматься промышленностью, или за право содержанія депо товаровъ, магазиновъ, лавокъ, и малыхъ торговыхъ помѣщеній; пошлинные депьги за проѣздъ черезъ каналы, за пристани въ гаваняхъ; пошлины за въѣздъ въ городъ, подать на предметы роскоши, на экипажи, лошадей, собакъ; пошлина съ рогатаго скота, пени и тому подобныя.

Пошлины съ патентовъ весьма несоразмѣрны, тогда даже, когда взимаются по степенямъ; потому что не всѣ члены одного и того же класса получаютъ одинаковыя прибыли. Налогъ на предметы роскоши доставляетъ не много, а причиняетъ обществу безпокойство; налогъ на скотъ совпадаетъ съ поземельною податью. Противъ пеней не многое можно сказать; это подать

случайная и никогда не бываетъ значительна. Другія упомянутыя отрасли дохода, относящіяся къ этому разряду податей, занимаютъ гораздо низшую степень, затрудняютъ свободную дѣятельность общества, и по большей части, весьма неудобны для контроля.

Сюда можно причислить значительную, почти немовѣрную подать, которую должны уплачивать во Франціи частныя учебныя заведенія университета; она простирается почти до пяти милліоновъ франковъ.

С. Третья категорія.

Косвенныя подати раздѣляются на слѣдующія главные отрасли: граничная пошлина, акцизы, штемпельная пошлина, судейскія пошлины, и тому подобное; наконецъ государственная монополія.

Пошлины, взимаемыя на границѣ, суть или чисто пошлины потребленія, или же транзитныя. Первые въ большей части государствъ, весьма значительны, иногда до такой степени, что для мелкихъ товаровъ извѣстнаго рода равняются почти запрещенію ввоза. Транзитныя пошлины, по своему свойству, должны быть весьма умѣренны; иначе транзитъ существовать не можетъ. Пошлины потребленія раздѣляли тоже на собственныя пошлины, и на пошлины отъ употребленія, взимаемыя въ нѣкоторыхъ странахъ. Существуютъ тоже контрольныя таможи, на нѣкоторомъ разстояніи отъ границы, гдѣ уплачивается остальная часть пошлинъ; онѣ существовали въ Царствѣ Польскомъ, но теперь уничтожены. Возвратныя пошлины суть такія, которыя взимаются при ввозѣ, но зато при вывозѣ возвращаются въ цѣлости или только частію. Пошлины-преміи существуютъ тамъ, гдѣ на внутренніе товары выдается извѣстная сумма, при ихъ вывозѣ, для поддержанія его. Не помнимъ, были ли когда-либо преміи на ввозъ.

Свободныя гавани (порто-франко) могутъ по справедливости быть допускаемы тамъ, гдѣ мѣстныя обстоятельства не препятствуютъ сборному мѣсту товаровъ для вывоза; отчасти же они по несчастію, способствуютъ контрабандѣ. Поэтому необходимо было бы учредить складочное мѣсто въ таможенномъ округѣ; причислять же городъ въ округъ вольнаго порта — не удобно; это причиняетъ убытки и способствуетъ ви́ншей контрабандѣ: это можно допустить въ такомъ случаѣ, когда желаемъ возвысить

новый городъ, какъ напримѣръ Одесса. Но даже и тогда позволеніе это должно быть дано на извѣстное, короткое время.

Пошлины требуютъ весьма сложнаго устройства и узаконеній, что во многихъ странахъ весьма затруднительно, и во всѣхъ краяхъ для этого необходимо особенное изученіе предмета. Главныя таможи существуютъ почти вездѣ, онѣ даже имѣютъ складочныя мѣста, гдѣ товары могутъ лежать долгое время, пока за нихъ будетъ внесена пошлина, или пока они не будутъ вывезены обратно. Сверхъ-того, есть еще среднія таможи, которыя не могутъ пропускать всѣхъ товаровъ, и малыя таможи, имѣющія кругъ дѣйствія еще болѣе ограниченный. Складочныя мѣста находятся иногда и во внутренности государствъ, какъ напримѣръ въ Москвѣ и въ Парижѣ.

Увеличеніе числа таможенъ оживляетъ торговлю, но, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, прекращая вѣншую, можетъ способствовать къ внутренней контрабандѣ. Границы обыкновенно охраняются единственною или двойною цѣпью военною. Большія полосы государства вдоль границъ, подлежатъ иногда особеннымъ строгимъ узаконеніямъ и надзору. Существуютъ также опредѣленные таможенные пути и гостиницы для перевозчиковъ товаровъ, которые по этимъ только дорогамъ могутъ быть доставляемы: *болеты*, о которыхъ мы говорили выше, служатъ для присмотра за дальнѣйшею продажею. При наложеніи штрафовъ за провозъ контрабандныхъ товаровъ, обращается вниманіе на то, въ первый ли разъ виновный совершаетъ это преступленіе, или же совершалъ его уже неоднократно. Въ первомъ случаѣ конфискуются товаръ и подводы; а кромѣ того, виновный уплачиваетъ за нихъ пошлину втрое, иногда даже впятеро противъ узаконенной; во второмъ случаѣ онъ подвергается личному наказанію. Конфискація и денежная пеня должна быть необходимо предоставлена на усмотрѣніе таможеннаго управленія, если только правительство желаетъ сохранить порядокъ; личное наказаніе принадлежитъ мѣстному начальству, которое въ такомъ случаѣ должно только заботиться о томъ, подлежитъ ли виновный личному наказанію или нѣтъ? Иначе произойдутъ столкновенія съ таможеннымъ вѣдомствомъ. При опредѣленіи такого рода преступленій, обращаютъ вниманіе на то, совершенъ ли тайный провозъ при помощи вооруженной силы; тогда преступное лицо подлежитъ строжайшему, даже военному суду, хотя бы оно совершило это преступленіе только въ первый разъ. При транзитныхъ пошлинахъ взимаются сильныя де-

нежные пени, почти вездѣ одинаковыя, съ малою разницею въ нѣкоторыхъ государствахъ.

Если будемъ разсматривать таможенные пошлины какъ средства доставляющія доходъ, то въ нихъ много хорошаго. Ояѣ взимаются на границѣ съ лицъ, занимающихся торговлею и знакомыхъ съ таможенными узаконеніями, и такимъ образомъ не препятствуютъ торговой дѣятельности; торгующій теряетъ немного и не чувствуетъ бремени налога; притомъ же пошлины эти доставляютъ значительный доходъ. Но, съ другой стороны, не должно упускать изъ виду тайнаго провоза. Контрабанда, которая часто принимаетъ характеръ пограничной войны, портитъ нравственность многихъ людей, подвергающихся личному наказанію. Но обыкновенно общество не смотритъ на финансовыя законы, какъ на прочіе, наказывающіе справедливо естественныя преступленія; это производитъ сильное влеченіе къ контрабандѣ, особенно въ дамахъ. Необходимая многочисленность управленія, взиманіе пошлины съ товаровъ внутри государства, шпионы и доносчики, — все это придаетъ пошлинѣ характеръ еще болѣе вредный. Однако жъ, если нужно необходимо учредить большіе пошлинные сборы, если примемъ въ соображеніе охранительную систему народной промышленности, то должно продолжать начатое возможно дѣйствительными мѣрами съ возможно бѣльшею силою; иначе пошлинная система будетъ только способствовать къ контрабандѣ. Однако жъ контрабанда не доставляетъ публикѣ товаровъ по значительно низшей цѣнѣ: она весьма затрудняется опасностью промысла, непрерывными поимками, къ которымъ подстрекають награды, назначаемыя страховыми обществами; и притомъ тайный провозъ стремится къ возможно большимъ барышамъ.

Контрабанда бываетъ двухъ родовъ: внѣшняя и внутренняя; первая производится на границѣ, черезъ которую надобно прокрадываться или пробиваться силою и требуетъ великой сноровки и многихъ убѣжищъ, чтобы укрыться отъ преслѣдованій. Средства для перенесенія товаровъ изъ-за границы различны: выдолбленныя бревна и полѣнья, пустые полозья саней, жестыя панцири подъ одеждою, наполненные ромомъ, собаки, приученныя переносить товары чрезъ границу, и много другихъ способовъ. Второй родъ контрабанды производится внутри государства въ самыхъ же таможняхъ, какъ напримѣръ: перевозчикъ уплачиваетъ пошлину за половину товаровъ, остальные же перевозитъ безплатно, при подкупленномъ содѣйствіи чиновниковъ

таможни. Чтобы избѣгнуть бдительности ревизоровъ, составляются двойные документы; одни обозначающіе полную, другіе не полную пошлину за товары, и въ случаѣ нужды предъявляются послѣдніе. Сочинитель этой книги употреблялъ всевозможныя мѣры для искорененія обоихъ родовъ контрабанды; хорошо и то, если можно ее хотя немного уменьшить. Чтобы двойныя свидѣтельства сдѣлать невозможными, изготовлена была гербовая бумага особаго роду, служащая для объявленій о товарахъ владѣльца, и номерованная разсылалась въ таможни въ извѣстномъ количествѣ. Однако жъ самое вѣрное средство противъ злоупотребленій — возвысить службу таможенную въ общественномъ мнѣніи; образовать нравственность чиновниковъ, служащихъ по этой части, а всего болѣе, награждать ихъ достаточно.

Въ-особенности для контрабанды удобны такіе товары, которые по своему свойству не могутъ подлежать клейму и, такимъ образомъ, трудно преслѣдуются внутри государства, напримѣръ: галантерейныя вещи. Товары большаго объема неудобны для тайнаго провоза и чтобы легко ихъ перевозить, они должны быть дробные, какъ напримѣръ кофе, сахаръ и тому подобныя.

Вообще поимки, впродолженіи года, незначительны и тѣ, которые не знаютъ дѣла, порицаютъ это учрежденіе, сравнивая маловажность поимокъ съ огромными издержками на содержаніе таможенной стражи. Но это только доказываетъ, что контрабанды не столь многочисленны, какъ это обыкновенно полагаютъ, что еще подтверждаетъ и значительность таможенныхъ сборовъ, и стража таможенная содержится для ихъ охраненія и для предупрежденія и затрудненія контрабанды.

Однако жъ пошлины, при всѣхъ исчисленныхъ выше недостаткахъ, полезны и необходимы.

4) *О свободной торговлѣ и охранительной системѣ.*

Первоначально пошлины были учреждены единственно для доходовъ; послѣ уже на нихъ начали смотрѣть какъ на мѣру, подерживающую внутреннюю промышленность, и онѣ оказались полезными для этой цѣли. Въ повѣйшія времена въ Англіи много толкуютъ о свободѣ торговли; книги и журналы наполнены разсужденіями этого роду, а между-тѣмъ промышленность нуждается въ сильнѣйшемъ еще охраненіи. Свободная торговля не болѣе, какъ звучное слово, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безсмысленна; въ сущности самая Англія ничего не дѣлаетъ и не можетъ дѣлать для

поворота этой свободы *. По здравому смыслу, свободная торговля тождественна съ пошлинами, столь малыми, что каждое государство может выдержать въ другой землѣ совмѣстничество съ туземною промышленностью. Пошлины эти были бы слишкомъ незначительны; теперь спрашивается, какимъ образомъ можно было бы замѣнить уничтоженный доходъ отъ существующихъ пошлинъ, особенно тамъ, гдѣ все уже обложено налогомъ?

Однако жъ, рассматривая дѣло съ этой точки зрѣнія, рождается вопросъ: можно-ли вообще принять охранительную систему? Вопросъ этотъ мы будемъ рассматривать съ двухъ сторонъ: по отношенію къ возможности совершить перемѣну, и какъ теорію въ ея сущности.

Если бы Европа была *tabula rasa*, тогда можно было бы толковать о томъ, полезно ли поддерживать народную промышленность. Но охранительная система введена уже вездѣ; отмѣнить ее, значило бы разрушить древній существующій городъ, чтобы на его мѣстѣ выстроить новый. Какія же будутъ послѣдствія? При перемѣнѣ внезапной, -- разрушеніе всего существующаго; при перемѣнѣ постепенной, -- постепенное изнуреніе и разстройство. Мы не можемъ продавать предметовъ, которые у насъ продаютъ иноземные торговцы, хотя бы мы ихъ имѣли, потому что узкія цѣны увеличили бы потребленіе, хотя и весьма постепенно, какъ мы это увидимъ впоследствии.

Безъ-сомнѣнія, даже при строгой охранительной системѣ, внѣшнее совмѣстничество фабрикъ производитъ дешевизну товаровъ въ государствѣ, однако жъ не въ такой степени, какъ бы это произошло тогда, если бы всѣ предметы торговли должны были выдерживать конкуренцію иноземную, которая, для извѣстныхъ фабрикатовъ, весьма значительна. Многія фабрики, даже отрасли земледѣльческія пришли бы въ упадокъ, и множество людей лишилось бы средства къ жизни, въ-особенности въ сильно населенныхъ государствахъ. Послѣдствія такой перемѣны тамъ, гдѣ существуетъ охранительная система, произвели бы навѣрное опасныя волненія въ промышленномъ и трудящемся классѣ народа, а между-тѣмъ потребители выигрываютъ и молчатъ, а журналистика распространяетъ пустыя проповѣди.

Кчему вся эта работа? Развѣ другіе народы увѣрены, что получаютъ отъ свободной торговли больше сбыта для своихъ произведеній? Если бы только согласился въ томъ, чтобы пошлины

* Событія доказали противное.

были такія, которыя могли бы доставить каждому народу нѣкоторую, хотя и умѣренную защиту, то о свободной торговлѣ не было бы и помину. Если бы даже пошлина не превышала десяти процентовъ и то было бы хорошо, потому что сюда нужно причислить транспортныя издержки и другаго рода авансы.

Вообще положеніе вещей еще не столь худо; привозъ, даже привозъ фабрикатовъ производится въ большомъ видѣ во всѣхъ государствахъ, придерживающихся охранительной системы. Впрочемъ, согласимся охотно, что охранительная система никогда не должна переходить въ запретительную.

Но мы хотѣли бы тоже доказать, что охранительная система оправдывается теоріею и это основываемъ на слѣдующихъ положеніяхъ. Каждый народъ долженъ составлять по-возможности совершенное цѣлое; не всѣ народы находятся на одинаковой степени образованія; не всѣ имѣютъ равную способность къ производительности; не всѣ одинаково надѣлены благами природы; особенныя обстоятельства народныя и мѣстныя весьма рѣдко требуютъ торговой свободы.

1) Каждый народъ долженъ быть независимымъ, то есть, не нуждаться совсѣмъ или нуждаться очень мало въ пособіи иностранныхъ державъ для удовлетворенія своихъ главныхъ потребностей, къ производству которыхъ онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ способность средней степени: этого требуетъ цѣлостность народнаго бытія. Однако жъ это *medium* способности довольно значительной у всѣхъ народовъ. Худо было бы, и даже невозможно принуждать къ тому, къ чему народъ имѣетъ только *minimum* способности: такіе предметы должно закупать у другихъ народовъ, имѣющихъ къ ихъ производству *maximum* способности. Поэтому колоніальные продукты въ нѣкоторыхъ государствахъ сѣвера столь сильно обложены пошлиною; но это происходитъ отъ желанія увеличить доходы, потому что продукты эти способны нести много: ихъ нѣтъ внутри государства.

2) Не всѣ народы стоятъ на равной степени умственного развитія: многія европейскія державы недавно начали свое образованіе, а Россія не много болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Если бы же народы не придерживались охранительной системы, то остались бы навсегда въ зависимости отъ другихъ, и всѣ старались бы выманывать у нихъ по-возможности дешево ихъ суровыя произведенія: но не всѣ народы нуждаются въ большомъ ихъ количествѣ, почему оптовые торговцы пріобрѣтаютъ родъ какой-то монополіи.

Еще недавно, одинъ англійскій министръ доказывалъ, что Россія должна исключительно придерживаться земледѣлія. Но она и такъ не въ состояніи сбыть своего излишка зерноваго хлѣба и производитъ столько пеньки, льна и сала, что можетъ продавать эти товары за границу, по востребованію. Сколько выиграла Германія съ-тѣхъ-поръ какъ существуетъ тамъ, хотя умѣренная, охранительная система соединенныхъ таможенъ! Впродолженіи этого короткаго времени прибыли ея были значительнѣе, чѣмъ прежде впродолженіи цѣлыхъ столѣтій.

Но народъ, отставшій въ этомъ отношеніи отъ другихъ, понесетъ не только торговые убытки: онъ сдѣлается, такъ-сказать, селомъ проземнаго города; образованіе его приостановится, города никогда не возвысятся; ближайшее потребленіе земледѣльческихъ продуктовъ уменьшится; онъ лишится своего могущества и вліянія, и, однимъ словомъ, погрузится въ грубость и невѣжество, что не было бы несчастіемъ, если бы и другіе народы находились въ такомъ же состояніи, но произведетъ величайшія бѣдствія въ столкновеніи съ образованными народами.

3) Притомъ же бѣльшая часть народовъ имѣетъ *maximum* необходимый въ извѣстной отрасли производительности. При совершенной свободѣ торговли, данный народъ, въ-особенности отставшій отъ цивилизаціи, будетъ затопленъ товарами другихъ народовъ, которые имѣютъ ихъ *maximum*, между-тѣмъ какъ онъ обладаетъ только ихъ *minimum*; и что тогда ему остается? Народъ, находящійся въ младенчествѣ, не сумѣетъ воспользоваться даже тѣми предметами, которыхъ имѣетъ *maximum* естественное; потому что онъ не въ-состояніи бороться со старою, утонченною, богатою промышленностью и предпримчивостью другихъ народовъ. Изъ этого положенія можно исключить только одно горно-заводство.

4) Неравное надѣленіе народовъ природными благами и значительность народонаселенія имѣютъ тоже огромное вліяніе на этотъ предметъ. Швейцарія, слишкомъ бѣдная почвою, употребляетъ послѣднія усилія для поддержанія своей промышленности, доставляющей средства существованія бѣльшей части ея жителей. Обширная страна окружностей Москвы, довольно сильно населенная, при небольшой плодородности своей почвы одолжена благосостояніемъ жителей единственно своимъ многочисленнымъ фабрикамъ. Отъ чего жъ страны глубокаго сѣвера не могли бы содѣйствовать облегченію средствъ существованія для пролетаріевъ другихъ земель: безъ-сомнѣнія, они этого желаютъ и нынѣш-

нюю недѣятельность находятъ неосновательною и несправедливою.

5) Между-тѣмъ есть народы, хотя и самые малые, какъ напримеръ: сильно населенная Швейцарія, существуютъ торговля мѣста, для которыхъ охранительная система не имѣетъ значенія, а торговая свобода, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, была бы весьма прибыльна; внутреннее потребленіе этихъ народовъ весьма ограничено; производительность промышленной отрасли чрезмѣрна, и, кажется, что они самую природою предназначены для торговли. Состояніе такихъ народовъ не завидное: Швейцарія поддерживается только сильнѣйшимъ трудолюбіемъ, бережливостью въ жизни и то еще въ помощію иностранцевъ. Но швейцарскіе и французскіе капиталы основываютъ уже фабрики въ Германіи. Россія не имѣетъ для этого предмета чужихъ капиталовъ, но зато обладаетъ своими собственными.

Однако жъ спросятъ: по какому праву возвышаютъ цѣну на потребности публики? по какому праву принуждаютъ употреблять товары низшаго достоинства вмѣсто хорошихъ? Причина естественна: публика должна способствовать къ благу цѣлаго; потому что тогда каждый членъ ея, тѣмъ или другимъ способомъ, вознаграждаетъ свое пожертвованіе, и что тогда вѣдущія конкуренція принуждена продавать дешевле; первый самый трудный шагъ уже сдѣланъ.

И такъ мы видимъ, что охранительная система, во всѣхъ почти случаяхъ, справедлива и основательна; остается только рѣшить вопросъ объ ея устройствѣ: мы представляемъ для этого слѣдующія положенія:

а) Охранительная система не должна быть слишкомъ строгою; запрещать рѣшительно ничего не должно, или, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можно запретить весьма немногое. Никакая пошлина не должна быть столь великою, чтобы, относительно иностранныхъ товаровъ высокаго качества, равнялась запрещенію. Все это учреждается для пользы пошлинныхъ сборовъ и для поддержанія промышленности, которая постепенно должна вышаться.

б) Въ-особенности необходимо нужно заботиться о предметахъ мѣны, которые за нашъ вывозъ могутъ быть ввозимы, потому что торговля, производимая единственно на чистыя деньги, слишкомъ опасна.

в) Вообще величина пошлины не можетъ быть опредѣлена положительными правилами: она зависитъ необходимо отъ состоя-

нія каждого парода. Самое даже *maximum* пошлины, тридцать процентов съ настоящей цѣны предмета, несправедливо, потому что можно гораздо выше обложить предметы роскоши, равно какъ и такіе, которые не удобны для контрабанды. Но, что касается предметовъ необходимости малой, средней и высокой роскоши, то первые совсѣмъ не должны быть обложены или могутъ быть обложены очень незначительною пошлиною, на послѣднія же можно налагать постепенно, восходя отъ предметовъ средней къ высокой роскоши, пошлину всё болѣе и болѣе.

д) Налагая пошлину на продукты, необходимо обращать вниманіе, при опредѣленіи ея величины, на большую или меньшую необходимость производительности ихъ для народа, но вмѣстѣ съ томъ не упускать изъ виду предшествующихъ пунктовъ и требованій охранительной системы.

е) Большая пошлина не должна быть палагаема на предметы, подлежащіе штемпелю и на такіе, которые удобны для тайнаго перевоза; иначе пошлинный сборъ понесетъ убытокъ.

ф) Тарифъ долженъ опредѣляться по настоящей цѣнности товаровъ (*ad valorem*). Опредѣленіе это, основываясь на средней цѣнности высшихъ сортовъ товара, еще болѣе должно зависѣть отъ его количества и качества.

г) Тарифъ долженъ быть подробный и ясный; если появится новый товаръ, то примѣняется къ тарифу, или же соразмѣрно подпадаетъ пошлинѣ.

н) Если какой-либо товаръ не обозначенъ въ тарифѣ, или если къ нему можно примѣнить пошлину различной величины, то на первый разъ товаръ этотъ надобно допустить со взиманіемъ пошлины меньшей; но тотчасъ издать новое постановленіе, потому что въ настоящее время появляются часто новые товары, или же видоизмѣненія старыхъ подъ другимъ наименованіемъ.

і) На случай несчастій разнаго роду, происшедшихъ отъ стеченія торговыхъ предположеній, или отъ особенныхъ обстоятельствъ, надобно поступать умѣренно и снисходительно.

к) Для пассажировъ долженъ существовать особенный тарифъ, не слишкомъ строгій и не притѣснительный; но все это зависить отъ обстоятельствъ. Отдаленная Россія можетъ поступать съ пассажирами вѣжливо и не строго; между Франціею и Англіею требуется строжайшій присмотръ.

л) Никто не долженъ составлять исключенія изъ тарифа, даже лица принадлежащія ко Двору; однако жъ для дипломатическихъ корпусовъ существуютъ особыя правила, дозволяющія привозъ,

который слѣдовало бы уничтожить по взаимному согласію; частныя лица употребляютъ это во зло, и вина падаетъ на цѣлый составъ корпуса.

м) Если принимаютъ основнымъ правиломъ, чтобы нѣкоторые товары, въ-особенности суровые, могли быть вывозимы безъ пошлины, то это будетъ предразсудокъ. Здѣсь все зависитъ отъ степени предполагаемой конкуренціи, и есть товары, которые, для увеличенія сборовъ таможенныхъ, должны подлежать умѣренной вывозной пошлинѣ, которая никогда не падаетъ единственно на свое государство, а только, по ходу торговли, разлагается на иноземныя державы, или же, посредствомъ конкуренціи, тяготеетъ надъ первою и послѣдними вмѣстѣ. Но надобно быть готовымъ подобную вывозную пошлину уменьшить или совершенно уничтожить, какъ скоро она сопровождается убытками.

п) Прежде всего, какъ мы уже говорили, надобно стараться уменьшить контрабанду, не только на границѣ, но и внутри государства; тоже необходимо имѣть нѣкотораго рода доносчиковъ: это всегда ненавистно, но полезно для общаго блага. Можно тоже допустить депутатовъ отъ фабрикъ. Но все это, въ каждомъ государствѣ въ отдѣльности, представляетъ болѣе или менѣе трудностей. Такъ, напримѣръ, трудно учредить въ маломъ государствѣ вокругъ сухопутныя или морскія границы; присмотрѣ также затрудняютъ большія вогнутости границъ, цѣпи горъ, болота, лѣса на границахъ государствъ, стоящихъ на высокой степени развитія промышленности.

Мы могли бы сказать здѣсь еще многое, но и этого будетъ достаточно; тѣмъ болѣе, что сочинитель предполагалъ себѣ только пояснить основныя начала этого предмета.

Полагаемъ, что позволительно здѣсь сказать нѣсколько словъ о существѣ русской запретительной системы, въ видѣ возраженія на упреки такъ часто ей дѣлаемые.

Еще до временъ Императрицы Екатерины-Второй, исполнительницы мыслей Петра Великаго, сдѣлавшей Россію дѣйствительно европейскою державою, — были здѣсь уже введены охранительныя пошлины. Во время вѣнскаго конгресса, въ Россіи существовала полная охранительная, и даже запретительная система; потому что правительство руководствовалось мыслию уничтоженія излишней роскоши и сохраненія денегъ въ государствѣ; этому много содѣйствовалъ и упадокъ ассигнацій.

Между-тѣмъ дипломаты влючили въ условія мира статью о

торговой свободѣ, которая для младенствующаго народа, какъ Россія, была довольно вредна. Въ 1819 году состоялся свободный тарифъ, имѣвшій послѣдствіемъ то, что Россія наводнена была иностранными товарами; многія ея фабрики рушились или были близки къ упадку. Легко можно было замѣтить, что дѣла, несмотря на увеличенные пошлинные сборы, не могутъ оставаться въ такомъ положеніи; промышленность громко жаловалась, и поэтому въ 1821 году изданъ былъ другой тарифъ, гораздо строже перваго и сопровождался многими запрещеніями.

Сочинитель этой книги, сдѣлавшись въ 1823 году министромъ финансовъ, нашелъ тарифъ этотъ въ дѣйствиіи. Онъ его постепенно усовершенствовалъ, пополнилъ, уничтожилъ много запрещеній, понизилъ многія пошлины, а многія другія для большаго дохода и охраненія возвысилъ, нѣкоторыя же совершенно отиѣнялъ. Это доказываетъ, что онъ не былъ основателемъ охранительной россійской системы.

Таможенные доходы, которые утратились съ 1823 года, доказываютъ, что сочинитель этой книги не нанесъ значительнаго ущерба торговлѣ: доходы эти не происходятъ по большей части отъ иностранныхъ фабрикатовъ. Трудно угадать, по какой причинѣ слышно столько жалобъ.

До 1823 года контрабандѣ противодействовали такъ слабо, что пограничныя западныя провинціи имѣли отъ нея большія прибыли. Контрабанда производилась въ большомъ размѣрѣ, не только по таможеннымъ линіямъ, но и въ самыхъ таможенныхъ, не исключая гаваней: поддѣлывали двойныя свидѣтельства и подкупали таможенную стражу; но не только тѣми способами контрабандисты избѣгали охранительной системы. Сочинитель этой книги по большей части вездѣ измѣнилъ составъ таможеннаго вѣдомства, потому что таможенное мѣсто считалось самымъ прибыльнымъ вѣтвемъ извѣстнаго рода. Онъ же привелъ въ порядокъ пограничную стражу, которая на европейской линіи простиралась до девяти тысячъ человекъ какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ (во Франціи она простирается до двадцати тысячъ), хорошо устроенныхъ и получающихъ большое содержаніе. Старые заслуженные солдаты получили мѣста надсмотрщиковъ въ таможенныхъ. Противъ двойныхъ свидѣтельствъ установлена была выше упомянутая гербовая бумага; контроль сдѣлался строже; контрабанда внутренняя подверглась преслѣдованію; положенія для пассажировъ были облегчены, и вообще сочинитель этой книги произвелъ много другихъ измѣненій, которыхъ мы не можемъ

здѣсь исчислять. Злоупотребленія, въ-особенности въ таможенныхъ, почти совершенно были прекращены посредствомъ этихъ предупредительныхъ мѣръ, а отнюдь не затрудненіемъ вѣзда въ Россію: туристы могутъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ быть-можетъ не поступаютъ съ путешественниками такъ вѣжливо и уважительно, какъ въ Россіи. Только контрабандисты при проѣздѣ за границу и возвратѣ встрѣчаютъ большія затрудненія; и то въ послѣднее время проѣздъ черезъ границы весьма облегченъ.

Контрабанда была чрезвычайно зловредна; страховыя преміи возвысились; о товарахъ большой потребности нельзя было подумать; поимки были сначала часты и значительны, но прекратились постепенно. Но *hinc illae lacrimae!* нѣкоторые классы общества смежныхъ провинцій понесли большой убытокъ; они-то источникъ жалобъ въ журналахъ и газетахъ; кричать, что вся производительность Россіи держится искусственнымъ образомъ; пристрастные либералы, находятъ несправедливымъ, что Россія заботится о своемъ благосостояніи, не обращая вниманія на чужіе интересы.

Несправедливо также и то, что промышленность Россіи поддерживается пожертвованіями со стороны правительства. Она сама по себѣ значительна: втеченіи послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ нигдѣ не употреблено столько суммъ на учрежденія фабрикъ, какъ въ Россіи. Съ 1823 года промышленность поддерживается и возвышается, но совершенно другими мѣрами. Мѣры: эти были: изданіе Коммерческой Газеты, Журнала Мануфактуръ и Торговли, опредѣленіе агентовъ за границею, чтобы изучать всѣ новыя изобрѣтенія и улучшенія, разсылка образцовъ, вызовъ способныхъ людей изъ-за границы, Мануфактурный Совѣтъ съ его отдѣленіями и корреспондентами, Технологическій Институтъ, реальныя школы, отправленіе молодыхъ людей въ чужіе края, правильныя выставки произведеній въ Москвѣ и Санктпетербургѣ съ вознагражденіемъ за отличіе, узаконенія касательно лучшаго содержанія работниковъ и многое еще, о чемъ упоминать не станемъ. Все это распространило кругъ познаній, поощрило трудолюбіе, однимъ словомъ, увеличило умственный капиталъ народа, улучшило методы, доставило возможность изълекать большую пользу изъ природныхъ дарованій народа, наконецъ, поставило промышленность на ту высокую степень, на которой она нынѣ находится и повизло цѣны, можетъ-быть, даже слышнѣе.

Если даже промышленность не достигла совершенства въ предметахъ высшей утонченности, то зато отлично производитъ предметы хорошіе, средніе и маловажные. Русскія сукна, средняго качества, лучше и не дороже французскихъ. Фабрики бумажныхъ матерій находятся въ цвѣтущемъ состояніи, равны какъ и прядильныя; шелковые товары уступаютъ только лондонскимъ. Петербургъ и Москва наполнены фабриками; петербургскія бронзы, хотя по формѣ уступаютъ французскимъ, зато работа ихъ прочіѣе и позолота лучше, и онѣ не много дороже французскихъ. Впрочемъ, если основательные писатели, — мы и указываемъ ни на кого, — представляютъ русскую промышленность искусственною, то это происходитъ отъ сонныхъ грезъ, производимыхъ мечтою о свободной торговлѣ.

ВЗГЛЯДЪ

НА СОСТОЯНІЕ ФАБРИКАЦІИ БУМАЖНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ВЪ РОССИИ.

=

Изъ всѣхъ отраслей мануфактурной промышленности, распространенныхъ въ Россіи въ послѣднее двадцатилѣтіе, подъ вліяніемъ нынѣшняго охранительнаго тарифа, самыя разительныя успѣхи представляетъ фабрикація бумажныхъ издѣлій: она обращаетъ нынѣ пять сотъ тысячъ пудовъ хлопки въ пряжу, перерабатываетъ въ ткани до осьми сотъ тысячъ пудовъ бумажной пряжи и отпускаетъ за границу бумажныхъ тканей на два миліона рублей серебромъ, тогда какъ лѣтъ двадцать назадъ, расходъ бумажной пряжи на ткани былъ четверо менѣе. Однако, несмотря на такое быстрое и значительное приращеніе русской бумажной фабрикаціи, она еще далеко отстоитъ отъ той степени обширности и совершенства, которой достигла эта отрасль промышленности въ главныхъ мануфактурныхъ государствахъ; но если принять въ соображеніе ея недавнее и столь успѣшное развитіе, если припомнить, что въ то время, когда эта фабрикація

только начала усиливаться въ Россіи, другія государства уже давно опередили ее въ производствѣ бумажныхъ издѣлій, то нельзя не убѣдиться, что безъ охранительнаго тарифа эта отрасль промышленности никогда не могла бы у насъ возвыситься. Прочное начало ея успѣхамъ было положено тарифомъ 1822 года; съ тѣхъ поръ эта фабрикація, въ полномъ ея объемѣ (то есть пряденіе, ткачество и набивка), стала постепенно возрастать и нынѣ уже доставляетъ бумажныхъ издѣлій на сорокъ милліоновъ рублей серебромъ.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ европейскаго материка, ткачество этихъ издѣлій значительно распространилось прежде водворенія выдѣлки потребной для нихъ пряжи, и отъ того Великобританія, гдѣ бумагопряденіе доведено до высокой степени обширности и совершенства, была долго единственнымъ источникомъ для снабженія нашихъ ткацкихъ заведеній этимъ матеріаломъ.

Развитіе бумагопрядильнаго производства въ Европѣ въ началѣ затруднялось строгими мѣрами, принятыми Великобританіею противъ вывоза машинъ; надлежало добывать ихъ посредствомъ контрабанды. Однако, переселенія англійскихъ машинистовъ въ Европу и частыя поѣздки европейскихъ механиковъ въ Великобританію, равно какъ тайный вывозъ оттуда бумагопрядильныхъ машинъ, способствовали переходу въ другія страны главнѣйшихъ улучшеній по этой отрасли механическаго производства. Великобританія, убѣдившись наконецъ въ бесполезности дальнѣйшаго запрещенія вывозить эти машины, въ 1842 году отмѣнила это постановленіе. Съ тѣхъ поръ начинается новая эпоха въ нашей бумагопрядильной промышленности. Прежнія затрудненія по выпискѣ машинъ болѣе не существуютъ, между-тѣмъ какъ благодаря предпримчивости многихъ капиталистовъ, основавшихъ бумагопрядильни за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, устранены, въ цѣлостной степени, прежнія трудности въ присканіи мастеровъ и въ приученіи прядильщиковъ. Такимъ образомъ въ новѣйшее время развитіе бумагопрядильной промышленности въ Россіи существенно облегчилось и, судя по успѣхамъ, уже совершившимся въ этой фабрикаціи, можно ожидать дальнѣйшаго ея распространенія, при возрастающемъ потребленіи бумажныхъ тканей.

Хлопчатая бумага принадлежитъ къ числу немногихъ фабричныхъ матеріаловъ, которые Россія не можетъ производить, и

потому привозъ этого товару служить вѣрнымъ мѣриломъ состоянія бумагопрядильной фабрикаціи.

Хлопчатой бумаги привезено въ Россію.

	По европейской	По азіятской	Всего вообще.
	торговль.	торговль.	
	Америк., остъ-инд., смирн. и проч.	персид., бухар. хивин. и проч.	
Въ 1824 году	36,340	19,032	55,372 пуд.
— 25 —	39,130	23,237	62,367 —
— 26 —	48,873	56,190	105,063 —
— 27 —	50,998	17,026	67,974 —
— 28 —	68,918	23,295	92,213 —
Итого . . .	244,209	138,780	382,989 —
Въ 1829 году	103,676	30,678	134,354 —
— 30 —	85,613	30,701	116,314 —
— 31 —	86,134	18,415	104,549 —
— 32 —	120,627	6,497	127,124 —
— 33 —	136,032	3,000	139,032 —
Итого . . .	532,082	89,291	621,372 —
Въ 1834 году	148,235	3,875	152,110 —
— 35 —	207,987	14,438	222,425 —
— 36 —	208,420	50,519	258,939 —
— 37 —	240,151	22,601	262,752 —
— 38 —	315,586	11,120	326,706 —
Итого . . .	1,120,379	102,553	1,222,932 —
Въ 1839 году	329,232	25,600	354,832 —
— 40 —	359,727	38,462	398,189 —
— 41 —	281,466	32,835	314,301 —
— 42 —	463,143	50,111	513,254 —
— 43 —	435,834	36,985	472,319 —
Итого . . .	1,869,402	183,893	2,062,895 —
Въ 1844 году	575,650	12,311	587,961 —

Примѣчанія.

1) Сложный привозъ хлопчатой бумаги вообще увеличивался почти вдвое въ каждое пятилѣтіе, съ 1842 по 1839 годъ, въ послѣдній же періодъ былъ на 68% болѣе, чѣмъ въ предыдущій.

2) Главная доставка этого матеріала въ Россію производится

моремъ, черезъ европейскія ея таможи. Въ послѣднее пятилѣтіе привозъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: по европейской торговлѣ слишкомъ 90%, а по азіатской около 10%.

3) Хлопчатая бумага американская и остъ-индская, привозимая по европейской торговлѣ, выписывается для механическихъ бумагопрядильныхъ; постоянное и значительное умноженіе привоза этихъ сортовъ хлопковъ свидѣтельствуетъ о быстротѣ развитія бумагопрядильной фабрикаціи, для которой требовалось въ первый періодъ только сорокъ восемь тысячъ двѣсти сорокъ два пуда, а въ послѣдній триста семьдесятъ три тысячи осемьсотъ осемьдесятъ пудовъ, среднимъ числомъ въ годъ, то есть, на шестьсотъ шестьдесятъ пять процентовъ болѣе.

4) По азіатской торговлѣ доставляется хлопчатая бумага коротковолокная, годная для ручнаго пряденія и на низшіе номера машинной пряжи, для которой употребляются лучшіе ея сорта; а изъ худшихъ готовится вата. Оттого въ сбытъ у насъ азіатской хлопковъ оказывается весьма малое приращеніе: въ первый періодъ, средний ея привозъ составлялъ двадцать семь тысячъ семьсотъ пятьдесятъ шесть пудовъ, а въ послѣдній тридцать шесть тысячъ шестьсотъ девяносто осемь пудовъ; только на тридцать два процента болѣе.

Разсматривая общій привозъ хлопчатой бумаги по странамъ, откуда она доставляется въ Россію, находимъ, что американская хлопковъ въ маломъ количествѣ провозится прямо изъ Америки, а болѣею частью вмѣстѣ съ остъ-индскою идетъ въ Россію чрезъ посредство Великобританіи; напротивъ того, азіатская хлопковъ, какъ то: смирнская, персидская, бухарская и прочая, получается прямо изъ мѣстъ ея происхожденія. Средній привозъ разныхъ сортовъ хлопковъ распредѣлялся въ послѣднее десятилѣтіе слѣдующимъ образомъ:

Въ 1834 — 38 годахъ. Въ 1839 — 43 годахъ.

*Американской и
остъ-индской.*

Изъ Великобританіи. . .	124,892 пуд.	241,571 пуд.
— Америки.	34,751 —	48,086 —
— разныхъ мѣстъ		
Европы.	16,881 —	39,648 —
Итого . . .	176,524 пуд.	329,308 пуд.
во цѣнѣ на.	1.528,368 руб. сер.	2.068,807 руб. сер.

Въ 1834 — 38 годахъ. Въ 1839 — 43 годахъ.

Смирнской и македонской.

Изъ Турціи	47,552 пуд.	44,572 пуд.
по цѣнѣ	310,304 руб. сер.	214,485 руб. сер.

Персидской:

Изъ Персіи	1,206 пуд.	3,940 пуд.
----------------------	------------	------------

Бухарской:

Изъ Бухаріи	8,458 —	20,518 —
-----------------------	---------	----------

Хивинской:

Изъ Хивы	8,435 —	9,253 —
--------------------	---------	---------

Ташкентской:

Изъ Ташкента	2,272 —	2,975 —
------------------------	---------	---------

Изъ другихъ мѣстъ Азіи.	139 —	12 —
-------------------------	-------	------

Итого . . .	20,510 пуд.	36,698 пуд.
по цѣнѣ на . . .	125.828 руб. сер.	178,362 руб. сер.

Всего вообще . . .	244,586 пуд.	410,578 пуд.
по цѣнѣ на . . .	1.964,400 руб. сер.	2.461,654 руб. сер.

Примѣчанія.

1) Цѣнность всего привоза увеличилась на двадцать пять процентовъ, между-тѣмъ какъ его количество возрасло на шестьдесятъ осемь процентовъ. Въ первый періодъ, хлопчатая бумага обходилась, круглымъ числомъ, осемь рублей серебромъ, а въ послѣдній до шести рублей серебромъ за пудъ. Упадокъ цѣны на различные сорта этого товару оказывается въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Средняя цѣна за пудъ хлопки:

Въ 1834 — 38 годахъ. 1839 — 43 годахъ.

Американской и остъ-индской	8 руб. 65 коп.	6 руб. 28 коп. сер.
Смирнской и македонской.	6 — 52 —	4 — 81 — —
Бухарской, персидской и другихъ азіятскихъ сортовъ	6 — 13 —	4 — 86 — —

Изъ этого сравненія видно, что въ послѣднее пятилѣтіе цѣны

на американскую и остъ-индскую хлопку были тридцатью семью процентами ниже противъ цѣнъ предыдущаго періода; на смирскую и македонскую упали до тридцати-пяти процентовъ, а на разные азіятскіе сорта до двадцати-шести процентовъ. Такое пониженіе цѣнъ должно было, естественно, епособствовать приращенію расхода этого матеріала на нашихъ фабрикахъ.

2) Въ общей массѣ привоза, количество хлопки, получаемой чрезъ Европу и прямо изъ Америки, составляло въ послѣдній періодъ до 80%, а въ предыдущій 72%. Привозъ американской и остъ-индской хлопки въ 1839—1843 годахъ былъ на 86% болѣе чѣмъ въ 1834—1838 годахъ. Это приращеніе служитъ доказательствомъ успѣховъ нашей бумагопрядильной фабрикаціи, которая, въ новѣйшее время, стала болѣе нуждаться въ лучшемъ матеріалѣ. Россія снабжается хлопчатой бумагою болѣею частью чрезъ Великобританію: количество привезенной отсюда хлопки составляло въ послѣдній періодъ 73% всего привоза по нашей европейской торговлѣ; изъ прочихъ мѣстъ привезено втрое менѣе этой пропорціи. Однако, съ нѣкоторыхъ поръ увеличилась выписка хлопчатой бумаги прямо изъ Америки.

3) Количество азіятской хлопки, въ общей массѣ привоза, простиралось въ послѣдній періодъ до 20%, а въ предыдущій до 28%; слѣдовательно, пропорція ея потребленія уменьшилась съ умноженіемъ привоза американской и остъ-индской хлопки, хотя въ 1839—1843 годахъ привезено этого матеріала изъ Азій на 19% болѣе чѣмъ въ 1834—1838 годахъ. Въ этомъ привозѣ главную часть составляетъ смирская хлопка; но прежній ея сбытъ въ Россію былъ гораздо значительнѣе нынѣшняго. Въ новѣйшее время, увеличился расходъ бухарской и хивинской хлопчатой бумаги. Привозъ бумаги изъ Персіи маловаженъ.

Все количество хлопки, привозимой въ Россію, сбывается внутри государства. Бумагопрядильни, употребляющія американскую и остъ-индскую хлопку, получаютъ ее почти исключительно черезъ Санктпетербургъ и частью чрезъ Одессу, куда доставляется и смирская хлопка. Съ караванами, приходящими въ Оренбургъ и Троицкъ, получается хлопчатая бумага изъ Бухарин, Хивы и Ташкента, откуда она привозится также въ Петропавловскъ. Часть бухарской и хивинской хлопки направляется къ Астрахани, и сверхъ-того сюда привозится этотъ товаръ изъ Персіи. Азіятская хлопка идетъ болѣею частью въ Казань

и на нижегородскую ярмарку и отсюда въ Москву, куда также свозится значительное количество хлопчатой бумаги, получаемой чрезъ Санктпетербургъ и Одессу.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе привезено среднимъ количествомъ:

Чрезъ	Въ 1824—28 г	Въ 1829—33 г.	Въ 1834—38 г.	Въ 1839—43 г.
С. Петербургъ..	35,153	74,564	161,307	301,605 п.
Ригу.....	6,279	11,340	9,586	17,631 —
Одессу.....	2,647	15,962	46,222	52,624 —
Астрахань.....	7,213	6,769	3,034	4,750 —
Съ караванами.	6,284	7,014	16,460	30,446 —
Чрезъ пр. мѣста	19,022	8,625	7,977	3,522 —
Всего вообще	76,598	124,274	244,586	410,578 —

Россія получаетъ чрезъ Санктпетербургъ почти три четверти всего количества потребной хлопчатой бумаги. Привозъ хлопчатой къ этому порту значительно увеличился, потому что отсюда снабжаются ею большія бумагопрядильни, устроенныя близъ Санктпетербурга, въ Москвѣ и ея уѣздахъ. Московскіе фабриканты выписываютъ хлопку также чрезъ Одессу. Доставка этого товару съ караванами изъ Бухарин, Хивы и другихъ мѣстъ увеличилась въ новѣйшее время; тамошняя хлопчатка расходуется болѣею частью въ казанской и симбирской губерніяхъ, на выдѣлку пряхи низкихъ нумеровъ.

Все потребное количество хлопчатой бумаги въ Россіи уже доходитъ до семисотъ тысячъ пудовъ, судя по привозу этого матеріала въ 1845 году. Количество, значительное для бумагопрядильной фабрикаціи, достигшей такого потребленія втеченіи десяти и пятнадцати лѣтъ. Сравнивая расходъ хлопчатой бумаги въ Россіи и другихъ государствахъ, находимъ, что фабрики наши употребляютъ уже немногимъ менѣ количества расходуемаго въ германскомъ таможенномъ союзѣ и въ австрійской имперіи; но слишкомъ втрое менѣ того, сколько обрабатывается въ Соединенныхъ Штатахъ, всемеро менѣ той пропорціи, какая употребляется во Франціи и слишкомъ въ двадцать разъ менѣ противъ расхода хлопчатой на великобританскихъ мануфактурахъ.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, хлопчатой бумаги поступаетъ на внутреннее потребленіе:

Въ Великобританіи.....	15,000,000	пудовъ.
Во Франціи.....	3,500,000	— —
Въ Соединенныхъ - Штатахъ.....	2,400,000	— —
Въ Австрійской Имперіи.....	1,200,000	— —
Въ Германскомъ Таможенномъ Союзѣ.....	900,000	— —
Въ Россіи.....	700,000	— —
Въ Швейцаріи.....	600,000	— —
Въ Бельгіи.....	450,000	— —
<hr/>		
Итого.....	24,750,000	— —

И такъ, изъ всей этой массы около двадцати-пяти милліоновъ пудовъ, три пятыхъ доли употребляются въ одной Великобританіи, остальную же часть составляетъ совокупный расходъ хлопчатой бумаги въ другихъ вышеупомянутыхъ странахъ.

Хлопчатая бумага обложена вездѣ умѣренною пошлиною, либо вовсе освобождена отъ таможенныхъ сборовъ.

Въ Россіи она платитъ по тарифу для европейской торговли двадцать пять копѣекъ серебромъ съ пуда, а по азіатскому тарифу привозъ разрѣшенъ безъ пошлины. Въ Австрійской Имперіи взимается съ пуда тридцать одна копѣйка серебромъ. Такая же пошлина взималась въ Великобританіи до 1845 года, а съ того времени вовсе отмѣнена. По тарифу германскаго таможеннаго союза хлопчатая бумага принадлежитъ также къ безпошлиннымъ товарамъ. Во Франціи платится за этотъ матеріалъ различная пошлина, смотря по его происхожденію: въ случаѣ привоза подъ французскимъ флагомъ изъ Индіи—сорокъ двѣ копѣйки, изъ Турціи—шестьдесятъ двѣ копѣйки, изъ прочихъ мѣстъ внѣ Европы—осемьдесятъ три копѣйки, изъ Европы—одинъ рубль двадцать пять копѣекъ, а подъ иностраннымъ флагомъ—одинъ рубль сорокъ шесть копѣекъ серебромъ съ пуда, безъ различія происхожденія. Такія пошлины установлены во Франціи въ видахъ поощренія національнаго куческаго судоходства и торговли съ другими частями Свѣта, и, по большому привозу хлопчатой бумаги для внутреннихъ фабрикъ, доставляютъ казнѣ значительный доходъ, до трехъ милліоновъ рублей серебромъ въ годъ *. Въ Великобританіи при огромной бумаго-прядильной фа-

* Въ 1840, 1841 и 1842 годахъ средній привозъ хлопчатой бумаги во Франціи составлялъ три милліона четыреста шестьдесятъ одну тысячу двѣсти двадцать одинъ пудъ, съ которыхъ поступило пошлиннаго сбора два

брикаціи, пошлина съ хлопчатой бумаги, гораздо меньшая нежели во Франціи, приносила, въ послѣдніе годы, около четырехъ милліоновъ рублей серебромъ; но усилившееся соперничество другихъ государствъ въ производствѣ и заграничномъ сбытѣ бумажныхъ издѣлій, побудило, наконецъ, Великобританію пожертвовать этою статьею таможенного дохода, для выгодъ внутренней промышленности: съ 1845 года хлопчатая бумага освобождена тамъ отъ привозной пошлины. Во Франціи пошлина съ этого матеріала есть налогъ собственно съ внутреннихъ потребителей, потому что бумажныя издѣлія, отпускаемая за границу, пользуются премією, которая состоитъ въ возвратѣ пошлины, платимой за хлопчатую бумагу. При значительномъ развитіи фабрикаціи бумажныхъ издѣлій во Франціи, и почти совершенномъ запрещеніи тамъ ввоза бумажной пряжи и выработываемыхъ изъ нея тканей, пошлинный сборъ съ первообразнаго матеріала замѣняетъ доходъ, получаемый въ другихъ странахъ отъ привозной пошлины съ бумажныхъ товаровъ.

Напротивъ того, въ государствахъ, не производящихъ достаточнаго количества бумажной пряжи и получающихъ ее болѣею частью изъ-за границы, хлопчатая бумага не обременена таможенною пошлиною, а налогъ падаетъ на пряжу, какъ на полубразованный матеріалъ. Высокая пошлина съ пряжи, поощряя развитіе внутренней бумагопрядильной фабрикаціи, можетъ доставлять казѣ значительный доходъ, пока успѣхи этого производства не ограничатъ потребность въ иностранномъ матеріалѣ; въ такомъ случаѣ привозная пошлина съ хлопчатой бумаги, въ нѣкоторой мѣрѣ, вознаграждаетъ ущербъ таможенного дохода отъ уменьшенія ввоза бумажной пряжи. Впрочемъ, значительная надбавка этой пошлины представила бы существенное затрудненіе въ томъ отношеніи, что такая мѣра должна быть сопровождаема или запрещеніемъ ввоза бумажной пряжи и бумажныхъ тканей, какъ это сдѣлано во Франціи, или соразмѣрнымъ возвышеніемъ привозной пошлины на эти товары, чтобы облегчить отечественнымъ фабрикантамъ соперничество внутри государства, съ издѣліями тѣхъ странъ, въ которыхъ сырой матеріалъ не обремененъ высокими налогами.

милліона девятьсотъ семьдесятъ пять тысячъ девятьсотъ девятнадцать рублей серебромъ; то есть, около осмидесяти копѣекъ серебромъ съ пуда круглымъ числомъ.

Въ Россіи взимается съ хлопчатой бумаги незначительная пошлина, которая однако, при безпрерывномъ умноженіи бумаги прядильной фабрикаціи, стала доставлять, въ новѣйшее время, немаловажный доходъ: нынѣ она приноситъ уже до ста-семидесяти-пяти тысячъ рублей серебромъ въ годъ, тогда какъ лѣтъ десять тому, этой пошлины поступало всемеро менѣе. Напротивъ того, бумажная пряжа принадлежитъ въ Россіи къ важнѣйшимъ статьямъ таможеннаго дохода, потому что возрастающее производство бумажныхъ издѣлій поддерживаетъ значительный привозъ этого матеріала.

Таможенныхъ пошлинъ съ бѣлой пряденой бумаги, при разныхъ тарифахъ, поступило:

		<i>Пошлина съ пуда.</i>	
Въ 1820	году 625,437 руб. сер.	}	2 руб. 50 коп. сереб.
— 1821	— 443,797 — —		
— 1825	— 1,203,760 — —	}	5 рублей.
— 1829	— 2,324,775 — —		
— 1831	— 2,702,910 — —		
— 1835	— 2,949,840 — —	}	5 р. и 12½ проц. надбавоч.
— 1837	— 3,375,158 — —		
— 1842	— 3,627,691 — —	}	6 руб. 50 коп. сереб.
— 1843	— 3,566,439 — —		
— 1844	— 3,821,025 — —		

Самый большой пошлинный сборъ съ бумажной пряжи въ 1844 году составлялъ около 12% всего таможеннаго дохода.

Пошлина съ бумажной пряжи приноситъ также не мало-важный доходъ въ германскомъ таможенномъ союзѣ, по большому привозу этого матеріала для тамошнихъ фабрикъ, составляющему около одного-милліона двухъ-сотъ тысячъ пудовъ; бумажная пряжа обложена тамъ весьма умѣренною пошлиною (въ два рубля сорокъ копѣекъ серебромъ съ пуда), которой поступаетъ въ годъ до двухъ-милліоновъ осмынсотъ тысячъ рублей серебромъ. Въ Австрійской Имперіи привозъ бумажной пряжи былъ долго стѣсненъ тарифомъ: пошлина съ нее измѣнялась смотря по нумерамъ, а именно: высшіе платили пять рублей семьдесятъ копѣекъ серебромъ, низкіе отъ одиннадцати рублей сорока копѣекъ до пятнадцати рублей двадцати копѣекъ серебромъ съ пуда. Нынѣ взимается только два рубля осемьдесятъ пять копѣекъ серебромъ безъ различія нумеровъ, и несмотря на такую малую пошлину въ сравненіи съ прежнею, привозъ бумаж-

ной пряжи въ Австрійскую Имперію незначителенъ: отъ ста-пятидесяти до двухъсотъ тысячъ пудовъ, не болѣе, потому что тамошнія прядильни выдѣлываютъ все потребное количество пряжи низкихъ и среднихъ нумеровъ, а изъ-за границы выписываются только высшіе нумера. Весь пошлинный сборъ съ этой статьи доходитъ отъ четырехъсотъ до пятисотъ тысячъ рублей серебромъ. Во Франціи, опередившей съ бумаго-прядильной фабрикаціи всѣ другія государства европейскаго материка, привозъ бумажной пряжи запрещенъ, кромѣ низшихъ нумеровъ до № 143, которые обложены высокою пошленною, около двадцати-осьми до тридцати-двухъ рублей серебромъ съ пуда подъ французскимъ флагомъ, и около тридцати рублей осьмидесяти копѣекъ до тридцати-пяти рублей двадцати копѣекъ при ввозѣ на иностранныхъ корабляхъ и сухимъ путемъ. Такія пошлины равняются запрещенію и отъ того привозъ бумажной пряжи во Францію весьма маловаженъ.

Великобританія не нуждается болѣе въ поощреніи своихъ бумагопрядильныхъ мануфактуръ ограниченіемъ ввоза иностранной бумажной пряжи. Уже въ тарифѣ 1787 года была установлена пошлина въ сорокъ четыре процента съ цѣны и въ тарифѣ 1819 года, возвышена до пятидесяти процентовъ; но съ 1843 года сбавлена до десяти процентовъ, когда привозъ бумажной пряжи въ Великобританію уже давно сдѣлался невозможнымъ, по чрезвычайному развитію тамошняго бумагопрядильнаго производства, которое снабжаетъ этимъ матеріаломъ не только внутреннія фабрики, но и всѣ иностранныя земли, нуждающіяся въ привозѣ бумажной пряжи.

Разсматривая потребленіе хлопчатой бумаги въ разныхъ странахъ, мы уже видѣли въ какой мѣрѣ ея расходъ на великобританскихъ мануфактурахъ превосходитъ количество этого матеріала, употребляемое въ другихъ государствахъ. Число веретенъ, дѣйствующихъ на бумагопрядильняхъ, обнаруживаетъ, въ подобной пропорціи, значительный перевѣсъ Великобританіи въ этой отрасли мануфактурной промышленности. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ считается:

Въ Великобританіи	11,000,000	веретенъ.
— Франціи	3,500,000	— —
— Соединенныхъ-Штатахъ	2,900,000	— —
— Австрійской Имперіи	1,000,000	— —
— Германскомъ таможенномъ союзѣ	815,000	— —

Въ Бельгiи.	420,000	веретенъ.
— Швейцарiи.	650,000	— —
— Россiи	350,000	— —

Изъ числа этихъ государствъ, одна Великобританiя отпускаетъ за границу огромное количество бумажной пряжи; въ другихъ же, это издѣлiе расходуется почти исключительно на внутреннихъ бумаго-ткацкихъ заведенiяхъ; но какъ собственная фабрикация бумажной пряжи не вполне удовлетворяется ихъ производствомъ, то потребность въ этомъ материалѣ пополняется привозомъ его изъ Великобританiи.

Несмотря на успѣшное развитiе бумагопрядильной фабрикаци въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, заграничный сбытъ англiйской пряжи, по превосходной ея добротѣ и дешевизнѣ, представляетъ постоянное и значительное приращенiе; оно поддерживается возрастающимъ повсюду употребленiемъ бумажныхъ издѣлiй и распространенiемъ сбыта этой пряжи не только во многихъ европейскихъ государствахъ, но также въ Левантѣ, Остѣ-Индiи и другихъ мѣстахъ. Великобританiя увеличила отпускъ своей бумажной пряжи втеченіи десяти лѣтъ съ 1833 по 1843 годъ, отъ семидесяти до ста сорока девяти милліоновъ фунтовъ.

Отпущено:

	Въ 1833 г.	Въ 1843 г.
Въ Россiю.	19,311,877 фунтовъ.	23,283,956 фунтовъ.
— Германiю.	} 23,674,911	47,353,968 — —
— Австрiю.		2,085,530 — —
— Голландiю.		11,242,705 — — 25,883,712 — —
— Италiю.	6,956,453 — —	10,831,041 — —
— Остѣ-Индiю и Китай.	4,783,794 — —	19,531,056 — —
— Левантъ.	1,945,581 — —	11,932,573 — —
— Прочiя мѣста.	2,710,840 — —	8,312,881 — —
Итого	70,626,161 фунтъ.	149,214,217 фунтовъ.
или	1,961,837 пудовъ.	4,155,953 пуда.

Общая цѣнность вывезенной изъ Великобританiи бумажной пряжи простиралась въ 1843 году на четыре милліона семьсотъ четыре тысячи двадцать четыре фунта стерлинговъ (около двадцати-шести милліоновъ двухъсотъ тысячъ рублей серебромъ), а въ 1833 году на шесть милліоновъ пятьсотъ тридцать пять тысячъ девятьсотъ одиннадцать фунтовъ стерлинговъ (около тридцати-девяти милліоновъ двухъсотъ тысячъ рублей серебромъ).

Такой огромный отпускъ составляетъ однако не болѣе третьей доли количества бумажной пряжи, вырабатываемой въ Великобританіи, которое въ 1843 году доходило до двѣнадцати милліоновъ пудовъ.

Въ заграничномъ ея сбытѣ, Россія служить главнымъ послѣ Германіи истокомъ, хотя наша бумаго-прядильная фабрикація, въ новѣйшее время значительно усилилась подѣ влияніемъ охранительнаго тарифа.

Бумажной пряжи (бѣлой) привезено въ Россію по европейской торговлѣ.

	Изъ Велико- британіи.	Изъ прочихъ мѣстъ.	Всего.	
Въ 1824 году.	— —	— —	290,274	пуда.
— 25 —	— —	— —	240,752	—
— 26 —	— —	— —	343,965	—
— 27 —	— —	— —	354,844	—
— 28 —	— —	— —	359,775	—
Итого	— — *	— —	1,589,610	—
Въ 1829 году	464,279	676	464,955	—
— 30 —	396,498	1,524	398,022	—
— 31 —	537,100	3,482	540,582	—
— 32 —	498,856	2,920	501,776	—
— 33 —	487,624	2,983	490,607	—
Итого	2,384,357	11,585	2,395,942	—
Въ 1834 году	497,264	2,633	499,896	—
— 35 —	520,286	4,130	524,416	—
— 36 —	549,171	2,438	551,609	—
— 37 —	595,173	5,033	600,206	—
— 38 —	564,159	7,602	571,762	—
Итого	2,726,053	21,836	2,747,889	—
Въ 1839 году	511,810	1,904	513,714	—
— 40 —	458,852	7,061	465,913	—
— 41 —	504,216	3,495	507,711	—
— 42 —	568,799	4,692	573,491	—
— 43 —	540,219	8,464	548,683	—
Итого	2,583,896	25,616	2,609,512	—
Въ 1844 году	579,969	7,881	587,850	—

* Въ Видахъ Торговли за эти годы находятся свѣдѣнія только о количествѣ всего привоза, безъ означенія изъ какихъ мѣстъ привезенъ товаръ.

Изъ этой таблицы видно, что Россія, по европейской торговлѣ, снабжается бумажною пряжею почти исключительно изъ Великобританіи и что умноженіе привоза этого матеріала остановилось только въ послѣдній періодъ, когда бумагопрядильная фабрикація въ Россіи начала быстро возрастать.

Это производство, требующее большихъ капиталовъ и пособія усовершенствованныхъ машинъ, принадлежитъ къ новѣйшимъ отраслямъ нашей мануфактурной промышленности. До изданія тарифа 1822 года, бумагопрядильныя фабрики не могли существовать въ Россіи при умѣренной пошлинѣ съ бумажной пряжи: по тарифу 1816 года взималось съ нее только семь съ половиною процентовъ съ цѣны, а по тарифу 1819 года два рубля пятьдесятъ копѣекъ серебромъ съ пуда; въ то время соперничество иностранныхъ бумажныхъ издѣлій подавляло внутреннюю фабрикацію до такой степени, что съ 1816 по 1822 годъ средній привозъ бумажной пряжи составлялъ не болѣе ста-шестидесяти тысячъ пудовъ; хлопчатой бумаги для обработки въ пряжу доставлялось среднимъ числомъ только около шестидесяти тысячъ пудовъ въ годъ, между-тѣмъ какъ ввозъ бумажныхъ издѣлій увеличился на сумму отъ осьми до двадцати-двухъ милліоновъ рублей ассигнаціями. Тарифъ 1822 года возвысилъ пошлину съ бумажной пряжи до пяти рублей серебромъ съ пуда, въ 1831 году прибавлено къ этой пошлинѣ двѣнадцать съ половиною процентовъ, а по нынѣ дѣйствующему тарифу 1841 года взимается шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ серебромъ съ пуда. Пошлина взимается у насъ съ вѣсу бумажной пряжи, безъ различія номеровъ, опредѣляющихъ ея тонину и по которымъ дѣлается ея расцѣнка. Слѣдовательно, чѣмъ ниже номеръ пряжи, то есть, чѣмъ она толще, тѣмъ выше взимается съ нее пошлина въ пропорціи къ цѣнѣ, и наоборотъ: чѣмъ пряжа тонѣе, то есть, высшихъ номеровъ, тѣмъ мѣншую пропорцію составляетъ пошлина въ отношеніи къ цѣнѣ товара. Такимъ образомъ тарифъ поощряетъ у насъ производство бумажной пряжи низшихъ и среднихъ номеровъ, не стѣсняя привоза высшихъ, потому что, въ настоящее время, наши фабрики занимаютъ выдѣлкою только самыхъ роскожныхъ сортовъ пряжи.

Постепенное возвышеніе привозной пошлины съ бумажной пряжи не произвело соразмѣрнаго возвышенія ея цѣны, потому что отъ упадка цѣнъ на хлопчатую бумагу и отъ усовершенствованія бумагопрядильнаго производства въ Великобританіи,

бумажная пряжа обходится нынѣ гораздо дешевле, чѣмъ въ прежніе годы, какъ видно изъ слѣдующихъ выводовъ:

		Средній привозъ бумажной (бѣлой) пряжи.		Средняя цѣна за пудъ.	
Въ 1829 — 31 г.	467,833 п. на	8,602,803 р.	18 р.	39 к.	сер.
— 1836 — 38 —	561,192 — —	10,501,600 —	18 —	71 —	—
— 1839 — 41 —	491,626 — —	8,131,680 —	16 —	54 —	—
— 1842 — 44 —	570,008 — —	8,729,829 —	15 —	30 —	—

Если присовокупить къ средней цѣнѣ привозную пошлину въ каждый періодъ, то оказывается, что возвышеніе пошлины не могло существенно противодѣйствовать умноженію привоза бумажной пряжи.

		Средняя цѣна.		Пошлина.		Всего.	
Въ 1829 — 31 г.	18 р. 39 к.	5 р.	к.	23 р.	39 к.	сер.	
— 1836 — 38 —	18 — 71 —	5 —	62½ —	24 —	33½ —	—	—
— 1839 — 41 —	16 — 54 —	5 —	62½ —	22 —	16½ —	—	—
— 1842 — 44 —	15 — 30 —	6 —	50 —	21 —	80 —	—	—

Отсюда видно, что хотя пошлина возвышена на тридцать процентовъ, однако цѣна бумажной пряжи, со включеніемъ пошлины, понизилась почти на одиннадцать съ половиною процентовъ.

Такимъ образомъ, очевидно; что нашимъ бумагопрядильнымъ фабрикамъ трудно было бы выдерживать соперничество англійской пряжи, безъ надбавки тарифной пошлины, при постепенномъ пониженіи цѣны этого матеріала на великобританскихъ мануфактурахъ.

Крашеная бумажная пряжа доставляется нынѣ въ Россію въ маломъ количествѣ, потому что уменьшилась потребность въ ней отъ размноженія и усовершенствованія красильныхъ заведеній; притомъ цвѣтная пряжа обложена очень высокою пошлиною; въ тарифѣ 1822 года было положено взимать съ пряжи крашеной въ турецкій красный цвѣтъ восемь рублей, а съ цвѣтной всякаго роду шесть рублей серебромъ съ пуда; въ 1830 году пошлина съ первой возвышена до двѣнадцати рублей серебромъ; въ 1831 году прибавлено двѣнадцать съ половиною процентовъ, а по нынѣшнему тарифу 1841 года, взимается съ пряжи крашеной въ турецкій красный цвѣтъ пятнадцать рублей двадцать копѣекъ и съ цвѣтной вообще восемь рублей серебромъ съ пуда *.

* Въ австрійской имперіи и во Франціи, крашеная бумажная пряжа за-

Привезено крашеной пряжи :

Въ 1824 году	27,880	пудовъ.	Въ 1834 году	18,261	пудовъ.
1825 —	17,619	—	1835 —	8,471	—
1826 —	21,055	—	1836 —	5,274	—
1827 —	26,707	—	1837 —	4,287	—
1828 —	23,255	—	1838 —	5,593	—
Итого 116,516 пудовъ.			Итого 41,886 пудовъ.		
Въ 1829 году	28,604	пудовъ.	Въ 1839 году	4,956	пудовъ.
1830 —	19,813	—	1840 —	3,624	—
1831 —	24,545	—	1841 —	2,490	—
1832 —	26,188	—	1842 —	2,296	—
1833 —	20,796	—	1843 —	2,907	—
Итого 119,946 пудовъ.			Итого 15,773 пуда.		

Привозъ этой пряжи въ новѣйшее время чрезвычайно уменьшился: въ послѣдній періодъ привезено на сто пятьдесятъ пять процентовъ менѣе чѣмъ въ предъидущій, а въ сравненіи съ привозомъ въ первое десятилѣтіе, количество иностранной крашеной пряжи, выписываемое нынѣ въ Россію, почти всемерно менѣе. Цвѣтная бумажная пряжа въ прежніе годы доставлялась наиболѣе чрезъ Гамбургъ изъ Эльберфельда, а нынѣ она привозится болѣею частью изъ Великобританіи и Австріи. Привозъ турецкой красной пряжи почти совсѣмъ прекратился: до 1830 года получалось этой пряжи около шести-тысячъ пудовъ въ годъ; съ тѣхъ поръ ея сбытъ постепенно упалъ отъ возвышенія таможенной пошлины: съ 1830 по 1836 годъ средній привозъ уменьшился до тысячи четырехъ-сотъ пудовъ; а съ 1837 по 1843 годъ составлялъ уже только до трехъсотъ-пятидесяти пудовъ.

Около пятнадцати лѣтъ тому Россія платила иностранцамъ за крашеную пряжу ежегодно до милліона рублей серебромъ, и цѣна этого матеріала до новѣйшаго времени оставалась почти въ одинаковомъ положеніи; въ послѣдніе годы она стала нѣсколько дешевле отъ упадка цѣнъ, какъ на хлопчатую и бѣлую пряженую бумагу, такъ и на красильные товары. Разсчитывая среднюю цѣну крашеной пряжи по количеству и цѣнности привоза въ Россію, получимъ слѣдующій выводъ :

прещена къ привозу; а въ германскомъ таможенномъ союзѣ обложена пошлиною въ два рубля сорокъ копѣекъ серебромъ съ пуда.

Среднія суммы.

Средняя цѣна.

Въ 1824—1828 г.	23,303 п.	на 1,084,914 р.	— 46 р.	55 к.	с. за ш.
1829—1833 —	23,989 —	1,182,634 р.	— 49 р.	30 —	—
1834—1838 —	8,377 —	407,295 р.	— 48 р.	62 —	—
1839—1843 —	3,154 —	135,641 р.	— 43 р.	—	—

Кромѣ машинной бумажной пряжи, привозится въ Россію азійская пряжа ручной выдѣлки, употребляемая на ткани низшаго разбору и на свѣтильни. Она получается изъ Бухаріи, Ташкента, Хивы и Персіи.

Азіатской бумажной пряжи привезено :

Въ 1824 году	17,639 пудовъ.	Въ 1829 году	31,114 пудовъ.
1825 —	27,133 —	1830 —	31,714 —
1826 —	24,981 —	1831 —	42,138 —
1827 —	21,828 —	1832 —	16,291 —
1828 —	37,402 —	1833 —	27,086 —

Средняя сумма 25,796 пудовъ.

Средняя сумма 29,668 пудовъ.

Въ 1834 году	25,400 пудовъ.	Въ 1839 году	22,103 пуда.
1835 —	35,263 —	1840 —	53,276 —
1836 —	49,170 —	1841 —	53,088 —
1837 —	57,331 —	1842 —	30,964 —
1838 —	34,905 —	1843 —	17,325 —

Средняя сумма 40,414 пудовъ.

Средняя сумма 35,351 пудъ.

Въ томъ числѣ :

Изъ Бухаріи . 24,304 18,578 пудовъ.

Изъ Персіи . . 5,127 11,303 —

Изъ Хивы ,

Ташкента и проч.

мѣсть . . . 10,983 5,470 —

Привозъ азійской пряжи по пятидѣтнимъ сложностямъ представлялъ постоянное приращеніе съ 1824 по 1839 годъ; но въ послѣдній періодъ уменьшился противъ предыдущаго на четырнадцать процентовъ. Такая разность произошла отъ упадка привоза изъ Бухаріи, Хивы и Ташкента; напротивъ того, привозъ изъ Персіи увеличился вдвое. Требованіе на азійскую пряжу поддерживается ея сходными цѣнами, которыя въ послѣдніе годы значительно упали, какъ видно изъ слѣдующей оцѣнки ея привоза :

	Среднія суммы.		Средняя цѣна.	
	Количество.	Цѣнность.	За пудъ.	
Въ 1824—1828 г.	25,796 пуд.	на 389,827 р.	15 р.	10 к. с.
1829 - 1833 —	29,668 —	— 371,204 —	12 —	50 —
1834—1838 —	49,414 —	— 509,459 —	12 —	60 —
1839—1843 —	35,351 —	— 339,240 —	9 —	60 —

Съ азиатской пряжи, привозимой изъ Средней Азии, взимается одинъ рубль серебромъ съ пуда, а персидская обложена пошлиною въ пять процентовъ съ цѣны.

Все количество бумажной пряжи, европейской и азиатской, поступившее въ Россію на внутреннее потребление, составляло въ послѣднее пятилѣтіе, среднимъ числомъ, до пятидесяти тысячъ пудовъ, а именно: машинной (европейской) бѣлой пятьсотъ двадцать одна тысяча, крашеной триста тысячъ и ручной выпрядки (азиатской) тридцать пять тысячъ пудовъ. Этотъ привозъ распределялся слѣдующимъ образомъ:

Бумажной пряжи:

	Машинной.		Ручной.	
	Бѣлой.	Крашеной.		
Черезъ Санктпетербургъ	399,704	1,869 пудовъ.	»	» пудовъ.
Ригу	6,897	315 —	»	» —
Одессу	6,338	139 —	»	» —
прочія мѣста . .	108,963 *	831 —	»	» —
Итого . .	521,902	3,154 пуда.	»	» —
Черезъ Астрахань			10,335	—
Оренбургъ, Троицкъ и прочія мѣста			25,016	—
Итого			35,351 пудъ.	

Почти весь привозъ машинной пряжи направляется къ Санктпетербургскому порту; отсюда она идетъ прямо въ Москву и владимірскую губернію для тамошнихъ бумаго-ткацкихъ заведеній, а изъ Москвы расходится по губерніямъ: московской, калужской, костромской и другимъ. Азиатская пряжа свозится въ Казань и на нижегородскую ярмарку и отсюда доставляется въ Москву.

* Почти все это количество поступило черезъ Санктпетербургскій портъ на складку, въ московскую таможню, гдѣ и оплачено пошлиною.

Нынешнее потребление бумажной пряжи в Россіи, простирается до осьмисотъ-девяноста тысячъ пудовъ, въ томъ числѣ около шестидесяти-трехъ процентовъ иностранной и тридцати-семи процентовъ русской пряжи.

Производство нашихъ бумагопрядильныхъ мануфактуръ, ограничивается выдѣлкою среднихъ номеровъ отъ двадцатаго до сороковаго, которые употребляются на нитки и на обыкновенные миткали; низшіе номера вырабатываются на мелкихъ заведеніяхъ и частью изъ азіатской хлопви. Наши фабриканты занимаются выдѣлкою преимущественно утковой пряжи, находя въ томъ особенную выгоду, потому что эта пряжа прядется скорѣе и легче нежели основная (ватеръ), приготовленіе которой производится успѣшно только на лучшихъ англійскихъ машинахъ; притомъ утокъ, даже низкаго достоинства, можетъ найти употребленіе и покупателей, тогда какъ основная пряжа, если она не хороша, вовсе не годится на тканье. Съ нѣкотораго времени, приплнсь за выдѣлку пряжи межеумка (medio) на англійскій манеръ, то есть, основы, выпряденной не на ватерныхъ станкахъ, а на мюляхъ, съ помощію которыхъ, измѣняя нѣсколько обыкновенный ходъ пряденія, сообщаютъ пряжѣ крученіе, достаточное дотого, что она во многихъ тканяхъ можетъ быть употребляема на основу, замѣнъ настоящей ватерной (основной). Выдѣлка пряжи высокихъ номеровъ, представляетъ гораздо болѣе трудностей и требуетъ болѣе прилежанія и времени, въ сравненіи съ выпрядкою среднихъ и низкихъ сортовъ; оттого наши фабриканты занялись преимущественно послѣднею; тѣмъ болѣе, что при одинаковой пошлинѣ со всѣхъ сортовъ иностранной бумажной пряжи, производство высокихъ номеровъ сопряжено съ яввою невыгодою передъ выработкою вышеупомянутыхъ сортовъ, которые имѣютъ постоянный и вѣрный сбытъ и приносятъ соразмѣрный барышъ, потому что продаются болѣе или менѣе въ одной цѣнѣ съ англійскою пряжею.

Развитіе бумагопряденія въ Россіи долго встрѣчало преграду отъ затрудненія по выпискѣ англійскихъ машинъ и потому многія мануфактуры должны были снабжаться не столь удовлетворительными машинами изъ Франціи или изъ Бельгіи, либо съ существующихъ въ Россіи механическихъ заведеній, которыя въ отношеніи бумагопрядильнаго производства, находятся на весьма низкой степени.

Недостатки, происходящіе въ этой фабрикаціи отъ несовершен-

ства снарядовъ, могутъ быть нынѣ отвращены введеніемъ англійскихъ машинъ новѣйшаго устройства, которыя можно вывезать теперь безпрепятственно, потому что вывозъ ихъ съ 1842 года дозволенъ англійскимъ правительствомъ. Но для успѣшнѣйшаго хода нашей бумагопрядильной фабрикаціи предстоитъ еще отворотить столь ощутительный въ Россіи недостатокъ хорошихъ машинныхъ заведеній: если у насъ еще невозможно удовлетворять прядильныхъ фабрикъ, то по-крайней-мѣрѣ достаточно было бы имѣть заведенія, могущія принимать на себя необходимыя исправленія, перѣдко довольно трудныя въ этихъ сложныхъ приборахъ. Это избавило бы фабрикантовъ отъ надобности имѣть, при своихъ прядильняхъ, особенныя механическія мастерскія, которыя стоятъ имъ значительныхъ суммъ и во многихъ случаяхъ не соответствуютъ своей цѣли.

Должно замѣтить однако, что бумагопряденіе въ Россіи: обязанное своимъ существованіемъ высокой пошлинѣ съ иностранной бумажной пряжи, вѣроятно будетъ у насъ поддерживаться и распространяться, подъ покровительствомъ тарифа, обезпечивающаго производителямъ достаточныя выгоды. Въ этомъ покровительствѣ заключается главное условіе для дальнѣйшаго развитія фабрикаціи, которая иначе неизбежно будетъ подавлена соперничествомъ Великобританіи, потому что, при нашихъ средствахъ, въ отношеніи капиталовъ, машинъ и рабочихъ, бумагопряденіе обходится у насъ гораздо дороже, нежели въ иностранныхъ земляхъ.

Въ то время какъ машинное пряденіе хлопки едва только начинало усиливаться въ Россіи, бумаго-ткацкое и набивное производство уже быстро распространялось, подъ вліяніемъ охранительнаго тарифа. Эта фабрикація опередила другія отрасли ткацкой промышленности не только обширностью выдѣлки своихъ издѣлій, при чрезвычайно-уменьшившемся расходѣ ихъ внутри государства, но и усовершенствованіемъ своего производства, пользуясь предъ другими подобными фабрикаціями особымъ преимуществомъ, именно употребленіемъ матеріала превосходной доброты, которымъ великобританскія мануфактуры стали снабжать Россію. Успѣхи нашего бумаго-ткацкаго производства имѣли слѣдствіемъ, какъ мы видѣли выше, постоянное умноженіе привоза англійской бумажной пряжи: среднее количество его составляло съ 1824 по 1828 годъ около трехъ-сотъ тысячъ пудовъ, въ пятилѣтіе съ 1829 по 1833 годъ оно возрасло до четырехъ-сотъ-

семидесяти тысячъ пудовъ, потомъ съ 1834 по 1839 годъ до пяти-сотъ-сорока тысячъ пудовъ, и нынѣ при усилившейся бумагопрядильной фабрикаціи въ Россіи еще составляетъ около пяти-сотъ тысячъ пудовъ.

По большому употребленію бумажныхъ издѣлій низшаго и средняго разбора, производство ихъ достигло обширнаго развитія въ Москвѣ и ея уѣздахъ, а въ городѣ Шуѣ съ его уѣздомъ, равно какъ въ суздальскомъ и александровскомъ уѣздахъ, владимірскомъ и въ кинешемскомъ уѣздѣ въ костромской губерніи. Выработка бумажныхъ издѣлій всякаго роду въ московской губерніи простирается, по приблизительнымъ свѣдѣніямъ, на двѣнадцать съ половиною милліоновъ рублей серебромъ. Цѣнность бумажныхъ издѣлій, приготовляемыхъ въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ владимірской и костромской губерніи, судя по количеству употребляемой тамъ бумажной пряжи, составляетъ также не менѣе двѣнадцати съ половиною милліоновъ рублей серебромъ. За этими губерніями, слѣдуютъ, въ бумаго-ткацкомъ производствѣ, казанская, ярославская, часть рязанской и калужской и Санктпетербургъ, который отличается преимущественно своими набивными заведеніями.

Послѣ Москвы, ни одинъ изъ городовъ Россіи не имѣетъ такой обширной фабрикаціи бумажныхъ издѣлій, какъ Шуя; здѣсь приводится въ дѣйствіе около двѣнадцати тысячъ становъ и работаютъ на нихъ ежегодно до трехъ-сотъ-тысячъ кусковъ суроваго миткалю, на одинъ милліонъ пятьсотъ тысячъ рублей серебромъ *, ситцевъ ручныхъ и машинныхъ выдѣлываютъ до ста-тридцати тысячъ кусковъ, на сумму девятьсотъ тысячъ рублей серебромъ. Издѣлія шуйскихъ фабрикантовъ продаются въ Москвѣ, на ярмаркахъ: нижегородской и прѣбитской, также въ Шуѣ и въ сосѣдней слободѣ Халуйской, гдѣ, по четыре раза въ году, бываютъ большіе торговые съезды.

Село Иваново, отстоящее въ тридцати верстахъ отъ Шуи, съ примыкающими къ нему слободами, имѣетъ видъ большого мануфактурнаго города, въ которомъ производство ситцевъ составляетъ главную промышленность жителей. Нынѣ считается въ этомъ селѣ ситцевыхъ фабрикъ: большихъ двадцать, среднихъ

* При такомъ числѣ становъ, надобно бы выработать большее количество ткани, но крестьяне, занимающіеся земледѣіемъ, съ мая до октября, не бываютъ на фабрикахъ.

сорокъ, меньшихъ до семидесяти, всего до ста-тридцати. На нихъ выработывается въ годъ ситцу и платковъ до миллиона штукъ. Изъ числа этихъ фабрикъ шестьдесятъ три принадлежатъ крестьянамъ, а лучшія заведенія составляютъ собственность купцовъ, прежде бывшихъ крестьянъ графа Шереметева, владѣльца села Иванова. Нѣкоторые изъ нихъ выработываютъ отъ пятидесяти до семидесяти тысячъ кусковъ и болѣе. Фабричныя заведенія находятся въ самомъ селѣ Ивановѣ или въ окрестностяхъ, на земляхъ владѣльческихъ, либо въ прилежащихъ слободахъ на земляхъ купленныхъ купцами. Эти слободы составляютъ какъ-бы предмѣстье села Иванова, и отстоя отъ него на пол-версты и на версту, не болѣе, образуютъ непрерывный рядъ фабричныхъ зданій. По «скромному» признанію самихъ производителей, здѣсь готовится издѣлій на сумму до осьми миллионъ рублей серебромъ. Тканьемъ миткалей въ селѣ Ивановѣ занимаются весьма мало; для выдѣлки ихъ бумажная пряжа раздается по деревнямъ, въ уѣздахъ: шуйскомъ, вязниковскомъ, ковровскомъ, суздальскомъ и юрьевскомъ владимірской губерніи и въ костромской, по уѣздамъ верехотскому, кинешемскому и юрьевскому. Болѣе пятидесяти тысячъ человекъ окрестнаго народу пріобрѣтаютъ заработки отъ ивановскихъ фабрикъ. Издѣлія ихъ развозятся и продаются на всѣхъ большихъ ярмаркахъ, особенно на нижегородской и ирбитской, также въ Москвѣ. Сверхъ-того сбытъ ихъ производителъ въ селѣ Ивановѣ, на тамошней ярмаркѣ и на еженедѣльныхъ базарахъ по поедѣльникамъ и четвергамъ; съ октября по апрѣль бываютъ самые значительные базары, такъ что на нѣкоторыхъ продается бумага и миткалей на сумму до девяноста тысячъ рублей серебромъ. Ивановскіе фабриканты получаютъ изъ Москвы пряжу и всякіе матеріалы, служащіе къ выдѣлкѣ ситцевъ *.

Между бумажными издѣліями, выработываемыми въ Россіи, одиѣ принадлежатъ къ роду простыхъ тканей, какъ-то: миткаль, нанки, китайки, колетники, и вообще обыкновенная бумажная пестряда, а другія, какъ издѣлія болѣе изящныя, требуютъ осо-

* Товары, доставляемые въ Иваново изъ Санктпетербурга; плутъ по Волгѣ до села Сидоровскаго, гдѣ выгружаютъ ихъ и туда перевозятъ сухимъ путемъ. Этотъ переволокъ, простирающійся на сорокъ пять верстъ, почти столько же важенъ въ торговомъ отношеніи, какъ переволокъ съ Волги на Донъ, отъ Дубовки къ Качалинской Пристанн. by Google

бой отдѣлки, содѣйствія искуснѣйшихъ ткачей и болѣе усовершенствованныхъ ткацкихъ орудій. Къ послѣднему разряду принадлежатъ кисей, простыя и узорчатыя, холстинки тонкія, плысы, узорчатые платки, наконецъ всякія подражанія новѣйшимъ моднымъ матеріямъ, приготовляемымъ особенно изъ шерсти и шелку съ примѣсю бумаги. Извѣстно, что только ткаши втораго разряда выработываются въ особо-устроенныхъ заведеніяхъ по городамъ. Напротивъ того, выдѣлка простыхъ бумажныхъ тканей принадлежитъ къ крестьянскимъ рукодѣліямъ; она распространилась наиболѣе въ губерніяхъ: московской, владимірской, калужской, костромской и ярославской. Тамовшіе крестьяне занимаются ткачествомъ въ свободное отъ хозяйственныхъ работъ время и какъ задѣльная плата доставляетъ имъ избыточный доходъ, то они могутъ довольствоваться самымъ умѣреннымъ вознагражденіемъ. Это обстоятельство объясняетъ причину удивительной дешевизны ткачества простыхъ бумажныхъ тканей. Издержки на тканье обыкновеннаго куска миткалю въ четыре четверти (въ пятьдесятъ четыре аршина) въ деревняхъ рѣдко составляютъ болѣе двухъ копѣекъ или около трехъ съ половиной копѣекъ на аршинъ, а въ Москвѣ доходятъ до шести и осьми копѣекъ за аршинъ; зато въ послѣднемъ случаѣ тканье выходитъ, конечно, нѣсколько лучше. Эта отрасль сельской рукодѣльной промышленности приобрѣла большую обширность при участіи многихъ купцовъ-капиталистовъ, которые закупаютъ бумажную пряжу, сплужаютъ ее въ своихъ заведеніяхъ и отъ себя отпускаютъ ее прямо ткачамъ, либо не сплужаютъ передаютъ мастерамъ, которые, занимаясь однимъ только сплужаніемъ и раздачею пряжи по деревнямъ, служатъ посредниками между капиталистомъ и ткачомъ. Въ числѣ этихъ фабрикантовъ-купцовъ по бумаго-ткацкому производству, есть многіе, на счетъ которыхъ ежегодно изготовляется вышеупомянутымъ способомъ отъ ста до двухъ-сотъ-тысячъ кусковъ миткалю. Эти ткани суровьемъ (то есть, не бѣленія) поступаютъ на ситцевыя фабрики, гдѣ бѣлятся и набиваются, болѣею частію на счетъ тѣхъ же фабрикантовъ.

Такая система бумаго-ткацкаго производства, столь выгодная для многолюднаго сельскаго населенія въ центрѣ Россіи и доказывающая изобиліе рукъ, свободныхъ въ зимнее время, объясняетъ причину, по которой машинное ткачество, введенное въ Англіи и другихъ мануфактурныхъ странахъ, еще долго не распространится въ Россіи. У насъ оно встрѣчаетъ сопротивленіе и

со стороны купеческой предусмотрительности, потому что бумаго-ткацкая фабрикация болѣе всякой другой отрасли мануфактурной промышленности, подвержена временнымъ кризисамъ, останавливающимъ сбытъ издѣлій: неурожай, затруднительныя отъ излишнихъ дождей дороги, мѣстные повальные болѣзни и всякія другія временныя случайности, имѣютъ тотчасъ вліяніе на эту фабрикацію. При нынѣшней ея системѣ, капиталисты могутъ, соображаясь съ обстоятельствами, уменьшать или уславивать свое производство, не подвергаясь значительнымъ убыткамъ: стоитъ только остановиться раздачею основъ ткачамъ, чтобы сократить производство и избѣгнуть накопленія товаровъ. Но мануфактура, устроенная для механическаго ткачества, должна, несмотря ни на какіе кризисы, походить въ полномъ дѣйствіи, потому что всякая остановка причиняетъ владѣльцу значительнѣйшій ущербъ.

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что машинное ткачество есть одна изъ главныхъ причинъ превосходства англійскихъ бумажныхъ тканей. Для машиннаго тканья требуется нить болѣе скрученная, берется пряжа (основная и уткѣвая) болѣею частью одинаковыхъ номеровъ; утѣкъ всегда прибавляется ровною силою; отъ того ткань должна выходить крѣпче, ровнѣе, однообразнѣе; сверхъ того она всегда бываетъ одинаковой ширины.

Изъ простыхъ бумажныхъ тканей, выдѣлываемыхъ въ Россіи, первое мѣсто занимаютъ обыкновенные ниткали, поступающіе въ набивку. Ихъ можно подвести подъ три главные разряда: 1) низкіе ниткали, въ шестьсотъ пятьдесятъ до осемьсотъ зубовъ изъ m 30 уткѣвой и m 28 основной, преимущественно русской пряжи, цѣною отъ осемьнадцати до двадцати-четырехъ копѣекъ ассигнаціями за аршинъ; 2) средніе ниткали, въ осемьсотъ пятьдесятъ до девятисотъ зубовъ, основа m 34 и 36, утѣкъ m 38 и 40 (одинъ утѣкъ русскій) цѣною отъ двадцати-пяти до двадцати-осми копѣекъ ассигнаціями за аршинъ и 3) высшіе ниткали въ тысячу и тысячу сто зубовъ, утѣкъ m 44 до 48, основа m 38 до 42, иногда и выше, цѣною въ двадцать девять до тридцати-двухъ копѣекъ ассигнаціями; пряжа вся иностранная.

Длина кусковъ бываетъ различная: отъ тридцати-двухъ до пятидесяти-четырехъ аршинъ, шириною въ четыре четверти, пять четвертей, шесть четвертей, семь четвертей, и рѣдко болѣе. Впрочемъ, показанная на кускахъ ширина не всегда бываетъ настоящая.

Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что въ нѣкихъ случаяхъ, сравнительная оцѣнка миткалей, бѣлыхъ или набивныхъ, одинаковаго разбору, становится совершенно ложною. Такая невѣрность въ означеніи ширины кусковъ есть одинъ изъ главныхъ недостатковъ въ нашихъ миткаляхъ, равно какъ во многихъ другихъ бумажныхъ тканяхъ.

Холстинки бумажныя, которыми почти совершенно замѣнены льняныя издѣлія этого роду, служившія имъ образцами, пригото- вляются у насъ хорошо и дешево, цѣною отъ шестидесяти до семидесяти копѣекъ ассигнаціями. То же самое можно сказать о бумажной простой пестряди, простыхъ платкахъ и тому подоб- ныхъ издѣліяхъ, которыя въ большей части случаевъ вполне удовлетворяютъ требованіямъ покупателей.

Выдѣлка нанки и китайки въ Россіи упадаетъ, потому что требованіе на эти ткани болѣе и болѣе уменьшается. Нынѣшнее производство нанки едва-ли доходитъ до тридцати тысячъ ку- сковъ; китайки выработывается гораздо менѣе. Хорошую нанку ткуть изъ пряжи № 30 на основу и № 32 на утѣкъ, въ осо- быхъ заведеніяхъ, потому что выдѣлка этой кипорной матеріи труднѣе, нежели гладкой китайки. Нанковыя и китаецныя фа- брики находятся болѣею частію въ Москвѣ и ея губерніи; сверхъ-того въ Казани съ ея уѣздомъ есть нѣсколько фабрикъ, которыя производятъ ежегодно до тридцати тысячъ тюковъ ки- тайки; она продается тюками, въ каждомъ по десяти концовъ, длиною въ девять аршинъ. Китайка бываетъ различныхъ цвѣ- товъ, лощеная и нелощеная; основа въ ней дѣлается изъ англій- ской пряжи, а утѣкъ изъ бухарской. Такъ называемая «даба», есть родъ китайки, синяго цвѣту, и продается также тюками, въ каждомъ по пятидесяти концовъ, длиною въ шестнадцать ар- шинъ. Даба идетъ въ Иркутскъ и Якутскъ, для сбыта сибир- скимъ ивородцамъ, употребляющимъ эту матерію на платья.

Кумачъ, простая, собственно русская бумажная ткань, выдѣ- лывается также преимущественно въ казанской губерніи, тамош- ними Татарами. Кумачныя фабрики сосредоточены въ пяти та- тарскихъ деревняхъ, въ двухъ смежныхъ уѣздахъ, казанскомъ и царево-кокшайскомъ. Кумачъ дѣлаютъ только двухъ цвѣтовъ: красный и бѣлый; онъ ткется наподобіе нанки, изъ двѣнадцати и семнадцати нумерной пряжи, кусками длиною въ осемь ар- шинъ и шириною въ семь вершковъ. Наиболѣе требуютъ крас- ные кумачи въ Москву и на ростовскую ярмарку, а бѣлый ку-

мачъ сбывается на нижегородской и ирбитской ярмаркахъ, откуда расходится въ Сибирь и Бухарію. Выдѣлка кумачей уменьшилась противъ прежней, такъ что нынѣ поступаетъ въ продажу едва-ли болѣе пятидесяти тысячъ кусковъ.

Въ производствѣ бумажныхъ тканей лучшаго разбору, которое сосредоточивается на особыхъ фабрикахъ, по городамъ, Москва представляетъ наибольшее число образцовыхъ заведеній, которыхъ издѣлія отличаются хорошимъ качествомъ, красивою наружностью и разнообразіемъ, при цѣнахъ довольно умѣренныхъ. Нынѣ считается въ Россіи слишкомъ сто сорокъ, болѣе или менѣе значительныхъ, бумаго-ткацкихъ заведеній. Тонкія бумажныя матеріи выдѣлываются у насъ также въ разныхъ мѣстахъ; но еще очень отстаютъ отъ подобныхъ иностранныхъ товаровъ, какъ въ добротѣ и узорахъ, такъ особенно въ отношеніи цѣнъ.

Къ важнѣйшимъ произведеніямъ по бумаго-ткачеству принадлежатъ у насъ въ нынѣшнее время полу-бархаты и плисы. Производство первыхъ довольно простое и потому оно надлежащимъ образомъ упрочилось въ Россіи. Напротивъ того выдѣлка плису (вельверета) гораздо труднѣе. Кромѣ содѣйствія искусныхъ красильщиковъ и нѣкоторыхъ механическихъ приборовъ для просушки и отдѣлки, эта фабрикація требуетъ въ-особенности опытныхъ ткачей; оттого плисовые ткачи получаютъ значительную задѣльную плату. Это обстоятельство уже заставило нѣкоторыхъ нашихъ фабрикантовъ ввести ткань плисовъ на машинныхъ станкахъ. Распространенію производства плисовъ много способствовалъ открывшійся имъ сбытъ въ Китай, куда прежде это издѣліе доставлялось только изъ Англій. Въ короткое время оно сдѣлалось одною изъ главнѣйшихъ статей нашей кяхтинской торговли: промѣнъ его на Кяхтѣ Китайцамъ увеличился до трехъ милліоновъ аршинъ. Нынѣ все количество выдѣлываемыхъ въ Россіи плисовъ доходитъ отъ четырехъ до пяти милліоновъ аршинъ.

Обращаясь къ послѣднему отдѣлу фабрикаціи бумажныхъ издѣлій, который заключаетъ въ себѣ бѣленіе, крашеніе, набивку и аиретуру ихъ, замѣтимъ, что всѣ эти операціи сосредоточены у насъ въ особыхъ самостоятельныхъ заведеніяхъ чрезвычайно развѣтвившихся втеченіи послѣдняго двадцатилѣтія. Лучшія изъ этихъ фабрикъ весьма усовершенствованы свое производствомъ; особенно замѣчательны ихъ успѣхи въ набивкѣ ситцевъ.

Производство ситцевъ сосредоточено нынѣ въ московской губерніи, Санктпетербургѣ и шуйскомъ уѣздѣ владимірской губерніи. Тамошнія произведенія отличаются особымъ характеромъ, сѣнктпетербургскія фабрики работаютъ преимущественно для потребителей высшаго класса; шуйскій уѣздъ, гдѣ вырабатываются издѣлія дешевле и проще, снабжаетъ ими низшій классъ, частью и среднее сословіе, приближаясь такимъ образомъ къ производительности Москвы и ея губерніи, которая приготовляетъ издѣлія всякаго рода высшихъ, среднихъ и низкихъ сортовъ.

На всѣхъ набивныхъ заведеніяхъ, производящихъ ежегодно до трехъ милліоновъ кусковъ разнаго набивнаго товару, употребляются почти исключительно ткани внутренней выдѣлки; а изъ иностранныхъ кисей и миткалей въ набивку поступаетъ весьма малая часть на самые отборные манеры, и только на двухъ или трехъ фабрикахъ петербургскихъ. Ситцевые фабриканты обыкновенно или набиваютъ ткани чужія, по заказу постороннихъ лицъ, или обрабатываютъ свой собственный товаръ, закупивъ пряжу и отдавая ее на ткачество по разнымъ мѣстамъ. Очень мало еще такихъ заведеній, которыя соединяли бы въ одномъ мѣстѣ пряденіе, ткачество и набивку. Набивныя петербургскія и московскія фабрики, приготовляющія товаръ высшаго разбору, замѣчательны по количеству этихъ издѣлій и своимъ устройствомъ близко подходятъ къ лучшимъ фабрикамъ французскимъ (алъзасскимъ) и нѣмецкимъ (богемскимъ и эльберфельдскимъ); почти нѣтъ ни одного новѣйшаго улучшенія по этой части, которое не было бы введено на нашихъ ситцевыхъ фабрикахъ перваго разряда.

Напротивъ того, заведенія, удовлетворяющія требованіямъ простаго класса, еще находятся у насъ на весьма низкой степени по выдѣлкѣ набивныхъ издѣлій. За исключеніемъ нѣкоторыхъ фабрикъ, которыя, при своемъ значительномъ производствѣ, болѣе или менѣе слѣдятъ за всѣми новѣйшими усовершенствованіями, прочія заведенія не имѣютъ достаточныхъ средствъ для выработки совершенно хордшаго товару; притомъ онѣ всего болѣе заботятся о дешевизнѣ приготовляемыхъ ими издѣлій и оттого не удивительно, что краски ихъ не всегда бываютъ прочны, что набивка выходитъ не отчетливая и что, наконецъ, отдѣлка не всегда удовлетворительна. Какъ-скоро и этимъ, болшею частію мелкимъ, заведеніямъ, можно будетъ имѣть дешевыя и

хорошіе машинные приборы, необходимы для правльаго производства ихъ дѣла, рисовальщиковъ болѣе опытныхъ и колеристовъ менѣе дорогихъ, тогда можно будетъ требовать отъ производителей болѣе аккyратности въ приготовленіи товаровъ.

Прочное начало развитію производства бумажныхъ издѣлій въ Россіи было положено тарифомъ 1822 года, и съ тѣхъ поръ, при возрастающемъ расходѣ ихъ внутри государства, эта фабрикація опередила своими успѣхами всѣ другія отрасли нашей мануфактурной промышленности. Употребленіе бумажныхъ издѣлій, какъ въ Россіи такъ и въ другихъ странахъ Европы, стало быстро распространяться съ начала нынѣшняго столѣтія, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ этого производства въ Великобританіи. Въ то время, ввозъ бумажныхъ издѣлій всякаго рода въ Россіи былъ дозволенъ съ пошлиною въ тридцать и сорокъ процентовъ съ цѣны; но при недостаткѣ капиталовъ и свѣдущихъ мастеровъ, выдѣлка этихъ издѣлій не могла утвердиться и не представляла достаточныхъ выгодъ по тогдашнему ограниченному расходу бумажныхъ тканей вообще. Правительство обратило вниманіе на эту фабрикацію при изданіи тарифа 1816 года: привозъ бумажныхъ издѣлій крашеныхъ и набивныхъ былъ запрещенъ этимъ тарифомъ, а бѣлыя дозволены съ пошлиною двадцати-пяти процентовъ съ цѣны. Такимъ образомъ изъ трехъ главныхъ отдѣловъ хлопчатобумажной промышленности, пряденія, ткачества и набивки, у насъ было сдѣлано начало послѣднимъ окончательнымъ производствомъ. Покровительство тарифа продолжалось однако не долго: съ 1819 года привозъ всякихъ бумажныхъ издѣлій былъ вновь разрѣшенъ съ умѣренными пошлинами, а именно: съ непрозрачныхъ бѣлыхъ по тридцати-семи съ половиною копѣекъ, печатныхъ и набивныхъ по одному рублю сорока копѣекъ; а съ прозрачныхъ бѣлыхъ по одному рублю осьмидесяти копѣекъ, печатныхъ и набивныхъ по три рубля шестидесяти копѣекъ серебромъ съ фунта. Тарифъ 1822 года, установившій нынѣшнюю охранительную систему таможенныхъ пошлинъ, оградилъ выгоды внутреннихъ производителей: этимъ тарифомъ пошлина съ бѣлыхъ бумажныхъ тканей возвышена до семидесяти копѣекъ серебромъ съ фунта; полупрозрачныя и прозрачныя ткани обложены пошлиною въ два рубля двадцать копѣекъ; съ шалей и платковъ бумажныхъ, наподобіе турецкихъ, положено взимать по осьми рублей серебромъ съ фунта и вновь запрещенъ привозъ крашеныхъ, печатныхъ и набивныхъ издѣлій. Впо-

слѣдствіи, правительство признало возможнымъ дозволить привозъ нѣкоторыхъ бумажныхъ товаровъ съ пошлиною отъ четырехъ до шести рублей серебромъ съ фунта, а при изданіи нынѣшняго тарифа, вступившаго въ силу съ 1842 года, остались запрещенными къ привозу только набивныя и печатныя издѣлія, прочіе же бумажные товары, смотря по роду и качеству ихъ выдѣлки, дозволены съ различными пошлинами: непрозрачныя бѣлыя ткани, одѣяла и чулки платятъ восемьдесятъ три копейки; таковыя же платки, равно какъ крашенныя съ вышитыми узорами, тисненныя одвоцвѣтныя ткани—одинъ рубль восемьдесятъ три копейки; платки того же роду, скатерти и салфетки, пестрыя ткани съ цвѣтными узорами и тому подобныя два рубля пятьдесятъ копѣекъ; платки изъ такихъ же тканей три рубля; всякія ткани съ золотомъ и серебромъ три рубля пятьдесятъ копѣекъ серебромъ съ фунта; полупрозрачныя и прозрачныя матеріи и другія издѣлія, сообразно качеству ихъ, обложены пошлинами въ два рубля семьдесятъ пять копѣекъ, три рубля восемьдесятъ копѣекъ, четыре рубля восемьдесятъ копѣекъ, шесть рублей и семь рублей двадцать копѣекъ, а шали и ткани бумажныя, наподобіе турецкихъ, по девяти рублями сорока-пяти копѣекъ серебромъ съ фунта.

Эти высокія пошлины ограничиваютъ совиѣстничество иностранныхъ бумажныхъ издѣлій низшаго и средняго разбора; но не устраняютъ отъ привоза товары лучшаго достоинства, которые могутъ выдерживать таможенную пошлину.

При утвердившемся довѣріи къ тарифной системѣ, введенной въ Россіи съ 1822 года, фабрикація бумажныхъ издѣлій привлекала къ себѣ многіе капиталы и значительное число рукъ; но въ кратковременное свое существованіе не успѣла достаточно укрѣпить свои производительныя силы, нуждаясь еще въ средствахъ, которыя доставляютъ иностраннымъ фабрикантамъ превосходство въ качествахъ и дешевизнѣ ихъ издѣлій. Безъ охранительнаго тарифа она не могла бы устоять въ неравной борьбѣ съ иностранною фабрикаціею, которая, располагая большими капиталами, находитъ подъ рукою всевозможныя пособія искусства, наукъ и опытовъ для своего развитія и усовершенствованія. Чрезмѣрное и крутое ослабленіе тарифа оставило бы у насъ дальнѣйшіе успѣхи этой отрасли мануфактурной промышленности и обратилось бы въ разореніе капиталовъ, на нее употребленныхъ; но постепенная сбавка привозныхъ пошлинъ, такъ, чтобы совиѣстничество иностранныхъ издѣлій удерживалось въ гра-

ницахъ, требуемыхъ состояніемъ отечественныхъ фабрикъ, послужило бы средствомъ къ возбужденію ихъ соревнованія съ иностранными производителями.

Тарифъ нашъ, въ отношеніи ввоза бумажныхъ издѣлій, не можетъ считаться стѣснительнымъ въ сравненіи, напримѣръ съ французскимъ и австрійскимъ. Во Франціи, всякія бумажныя издѣлія запрещены къ привозу, хотя тамошняя фабрикація достигла уже такого значительнаго развитія, что ежегодный отпускъ этихъ товаровъ простирается на двадцать милліоновъ рублей серебромъ. Въ австрійской имперіи, гдѣ эта отрасль мануфактурной промышленности также весьма распространилась и вывозъ бумажныхъ издѣлій доходитъ въ годъ по цѣнѣ на четыре или пять милліоновъ рублей серебромъ, — привозъ ихъ на продажу запрещенъ и только по особымъ лиценціямъ дозволяется съ платежемъ пошлины около одного рубля сорока-двухъ копѣекъ, двухъ рублей тридцати-семи копѣекъ, до пяти рублей семидесяти копѣекъ серебромъ съ фунта. Напротивъ того, въ Россіи, гдѣ эта фабрикація возвысилась въ столь недавнемъ времени, всѣ бумажныя издѣлія, кромѣ печатныхъ и набивныхъ, дозволены къ привозу только съ высокою пошлиною. Очевидно, что при настоящемъ положеніи ихъ производства, еще слишкомъ рано было бы допустить ввозъ бумажныхъ издѣлій въ Россію съ такою низкою пошлиною, какая взимается съ нихъ по тарифу германскаго таможеннаго союза: онѣ платятъ тамъ, безъ различія выдѣлки, около сорока копѣекъ серебромъ съ фунта. Германскій таможенный союзъ отпускаетъ этихъ издѣлій ежегодно на пятнадцать милліоновъ рублей серебромъ, а привозъ ихъ туда простирается только на четыре милліона рублей серебромъ; притомъ изъ числа ихъ немаловажное количество идетъ транзитомъ въ Россію, Царство Польское и другія мѣста. Столь незначительный привозъ, при такой ничтожной пошлинѣ, доказываетъ, что тамошняя бумажная фабрикація, удовлетворяя внутренней потребности, можетъ не опасаться иностраннаго совмѣстительства. Великобританія, первенствующая въ производствѣ бумажныхъ издѣлій, которыхъ она сбываетъ во всѣ части Свѣта ежегодно на сто милліоновъ рублей серебромъ, допустила нынѣ ввозъ этихъ товаровъ съ пошлиною въ десять процентовъ съ цѣны ихъ; но около тридцати лѣтъ тому, хотя уже тогда вывозъ британскихъ бумажныхъ издѣлій простирался на осемьдесятъ милліоновъ рублей серебромъ, привозная пошлина составля-

ла тридцать семь съ половиной, пятьдесятъ и шестьдесятъ семь съ половиной процентовъ съ цѣны. Впрочемъ, Великобританія съ давняго времени не нуждается болѣе въ иностранныхъ товарахъ этого рода и если бы даже разрѣшила беспошлинный ихъ привозъ, то и въ такомъ случаѣ, собственныя ея издѣлія, своею дешевизною и добротою, вытѣснили бы иностранныя изъ внутренней торговлѣ.

Такимъ образомъ примѣръ государствъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ мануфактурной промышленности, свидѣтельствуешь, что иностранныя бумажныя издѣлія ни гдѣ не допускаются къ свободному совмѣстничеству съ отечественными на внутреннихъ рынкахъ, и что въ этомъ отношеніи тарифная система во Франціи и въ Австріи гораздо строже русскаго тарифа, хотя эти государства, скорѣе нежели Россія, могутъ послѣдовать примѣру германскаго таможеннаго союза, гдѣ ввозъ бумажныхъ издѣлій не стѣсненъ высокими пошлинами. Годичный вывозъ этихъ товаровъ простирается во Франціи на двадцать милліоновъ, въ германскомъ таможенномъ союзѣ на пятнадцать милліоновъ, австрійской имперіи на четыре и до пяти милліоновъ рублей серебромъ; они соперничаютъ даже съ британскими издѣліями въ Европѣ, Левантѣ и Америкѣ. Напротивъ того, вывозъ бумажныхъ товаровъ изъ Россіи ограничивается сбытомъ ихъ только въ сосѣдственныхъ азіатскихъ земляхъ, составляя не свыше двухъ милліоновъ рублей серебромъ, и доказательствомъ, что наши фабрики еще не удовлетворяютъ всеѣмъ условіямъ внутренняго потребленія, служитъ значительный расходъ у насъ иностранныхъ бумажныхъ издѣлій.

Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ привезено ихъ въ Россію по европейской и азіатской ея торговлѣ:

Среднія суммы привоза:

Въ 1829—33 г. Въ 1834—38 г. Въ 1839—43 г.

Европейскихъ товаровъ:

Изъ Великобританіи на.....	1,010,440	851,239	577,229 р. с.
— Любека.....	173,660	200,809	251,986 — —
— Пруссіи.....	45,270	31,293	98,079 — —
— Австріи.....	172,841	189,976	193,467 — —
— проч. мѣстъ..	16,748	16,841	122,498 — —
Итого	1,418,959	1,290,158	1,243,259 — —

Въ 1829—33 г. Въ 1834—38 г. Въ 1839—43 г.

*Азіатскихъ това-
ровъ:*

Изъ Турціи.....		370,295	354,029	р. с.
— Персія	Нѣтъ свѣдѣній.	1,254,276	1,713,037	— —
— Хивы.....		42,784	71,127	— —
— Бухарія.....		249,070	399,427	— —
— Кокапта.....		19,928	26,613	— —
— Ташкента..		155,571	278,047	— —
— Китая.....		41,881	39,885	— —
— вр. мѣстъ..		4,401	9,667	— —
Итого	1,593,626	2,138,166	2,891,832	— —
Всего вообще	3,012,585	3,428,324	4,135,091	— —
Въ томъ числѣ:				
Черезъ С.Петербургъ.	1,083,533	900,628	752,732	— —
— Ригу.....	34,438	16,801	16,151	— —
— Одессу.....	183,593	308,426	276,912	— —
— Западную сухо- путн. границу.	142,851	153,197	248,804	— —
— Каспійскіе пор- ты.....	293,380	305,145	405,038	— —
— Закавказск. гр.	694,884	1,146,202	1,478,089	— —
— Оренбургск. и Сибир. линіи...	370,346	467,268	791,355	— —
— Кяхту.....	71,550	17,052	5,321	— —
— Прочія мѣста..	138,010	113,605	160,689	— —
Итого	3,012,585	3,428,324	4,135,091	р. с.

Примѣчаніа.

1) Изъ европейскихъ бумажныхъ товаровъ привозятся издѣлія высокой выдѣлки и такія, которыя не вырабатываются у насъ въ достаточномъ количествѣ. Привозъ ихъ въ оба послѣдніе періода (1834—38 и 1839—43 годовъ) былъ почти одинаковъ, а противъ перваго періода уменьшился на четырнадцать процен-товъ; но въ сравненіи съ пятилѣтіемъ отъ 1824 по 1828 годы, упадокъ привоза этихъ товаровъ оказывается весьма значитель-нымъ: въ то время, хотя охранительный тарифъ уже былъ въ

дѣйствіи, средній привозъ бумажныхъ издѣлій простирается на два милліона сто семьдесятъ одну тысячу четыреста шестнадцатъ рублей серебромъ, слѣдовательно, превосходитъ нынѣшній привозъ на семьдесятъ четыре процента.

Эти товары доставляются болѣею частью чрезъ Санктпетербургъ и Одессу, равно какъ чрезъ западную сухопутную границу. Главный привозъ ихъ бываетъ моремъ къ санктпетербургскому порту изъ Великобританіи и чрезъ Любекъ; сухимъ путемъ они идутъ наиболѣе съ лейпцигскихъ ярмарокъ.

2) Россія получаетъ азіатскихъ бумажныхъ издѣлій, по суммѣ ихъ привоза, вдвое болѣе нежели европейскихъ. Изъ Персіи, Турціи, Бухаріи и другихъ азіатскихъ земель доставляются прочныя и дешевыя ткани тамошней выдѣлки, которыя расходятся болѣею частью между Азіятцами, обитающими въ южной и юго-восточной Россіи. Эти товары обложены незначительною пошлиною: привозимые изъ Средней Азіи платятъ десять и пятнадцать процентовъ съ цѣны; съ персидскихъ взимается пяти процентная пошлина, а для турецкихъ установлены пошлины съ вѣсу и мѣры, уменьшенныя противъ общаго тарифа. Персидскія бумажныя издѣлія составляютъ значительную часть привоза: онѣ идутъ въ закавказскій край чрезъ сухопутную границу и чрезъ каспійскіе порты. Крымъ снабжается турецкими издѣліями, которыя привозятся и въ Закавказію. Чрезъ оренбургскую и сибирскую линіи и частью чрезъ Астрахань получаютъ бумажныя ткани бухарскія, хивинскія и другія. Вымѣнъ китайскихъ бумажныхъ издѣлій на Кяхтѣ нынѣ маловаженъ; но въ прежнее время былъ весьма значителенъ; напримѣръ: китайки вымѣнено въ 1815 году сто три тысячи двѣсти девяносто три тюка на одинъ милліонъ пятьсотъ тридцать шесть тысячъ девятьсотъ семьдесятъ рублей, въ 1817 году девяносто шесть тысячъ девятьсотъ шестьдесятъ семь тюковъ на одинъ милліонъ девятьсотъ тридцать три тысячи четыреста пятьдесятъ пять рублей, въ 1823 тридцать пять тысячъ сто шестнадцать тюковъ на пятьсотъ тысячъ сто четырнадцать рублей. Съ водвореніемъ производства китайки въ Россіи и съ распространеніемъ употребленія другихъ бумажныхъ издѣлій, вымѣнъ этого товару на Кяхтѣ прекратился. При дальнѣйшихъ успѣхахъ нашей бумажной фабрикаціи, подобнымъ образомъ можетъ современемъ уменьшиться привозъ другихъ азіатскихъ бумажныхъ тканей; но въ насто-

ящее время наши издѣлія еще не могутъ соперничать съ ними въ дешевизнѣ, потому что въ тѣхъ азіятскихъ земляхъ, изъ которыхъ эти товары привозятся, производство ихъ составляетъ домашнее рукодѣліе и матеріалъ на нихъ употребляемый, принадлежитъ къ мѣстнымъ продуктамъ. Между-тѣмъ возрастающій привозъ азіятскихъ бумажныхъ издѣлій въ Россію доказываетъ, что потребность въ нихъ усиливается и что съ распространеніемъ у насъ выдѣлки этихъ товаровъ на азіятскую руку, открылся бы имъ не маловажный сбытъ внутри государства.

Нынѣшнее потребленіе иностранныхъ бумажныхъ издѣлій въ Россіи простирается ежегодно слишкомъ на четыре милліона рублей серебромъ (европейскихъ на милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей и азіятскихъ около двухъ милліоновъ девятисотъ тысячъ рублей), а внутреннее производство ихъ опѣивается около сорока милліоновъ рублей серебромъ. Исключивъ отсюда цѣнность бумажныхъ издѣлій, вывозимыхъ въ Азію, то есть, не мѣнѣе двухъ милліоновъ рублей серебромъ, находимъ, что въ настоящее время все потребленіе ихъ составляетъ сумму въ сорокъ два милліона рублей, и что десятая доля пополняется заграничнымъ привозомъ, въ которомъ однако европейскія издѣлія участвуютъ только на тридцать, а азіятскія на семьдесятъ процентовъ.

Россія, не имѣя возможности сбывать свои бумажныя издѣлія въ Европѣ и въ Америкѣ, гдѣ повсемѣстно встрѣтитъ соперничество англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ товаровъ этого рода, открыла сбытъ произведеніямъ своей бумажной фабрикаціи на азіятскихъ рынкахъ; въ новѣйшее время особенно увеличился вывозъ этихъ издѣлій въ Китай.

На Кяхтѣ, Китайцамъ промѣнено бумажныхъ издѣлій:

	Русскихъ.	Иностранныхъ.
Въ 1824 году на		404,929 рублей.
— — 25 — —	1,248	294,610 — —
— — 26 — —	167,199	500,046 — —
— — 27 — —	11,960	492,218 — —
— — 28 — —	67,500	567,272 — —
Итого.....	247,907	2,259,075 рублей.

	Русскихъ.	Иностранныхъ.
Въ 1829 году на	98,631	363,791 — —
— — 30 — —	84,523	295,867 — —
— — 31 — —	242,117	337,011 — —
— — 32 — —	244,884	564,367 — —
— — 33 — —	272,307	250,659 — —

Итого..... 942,462 1,811,695 рублей.

Въ 1834 году на	445,665	289,234 — —
— — 35 — —	750,250	244,907 — —
— — 36 — —	811,920	397,300 — —
— — 37 — —	758,986	239,167 — —
— — 38 — —	432,381	179,519 — —

Итого..... 3,199,202 1,350,127 рублей.

Въ 1839 году на	805,232	149,803 — —
— — 40 — —	920,881	44,558 — —
— — 41 — —	975,119	5,116 — —
— — 42 — —	978,133	4,313 — —
— — 43 — —	895,685	2,119 — —

Итого..... 4,574,948 205,909 рублей.

Сбытъ русскихъ бумажныхъ издѣлій въ Китай въ первый періодъ былъ незначителенъ, въ сравненіи съ промѣномъ иностранныхъ, составляя, по пятилѣтней сложности, не болѣе десятой доли его; во второй періодъ отпускъ русскихъ издѣлій увеличился вчетверо, а промѣнъ иностранныхъ уменьшился на 24%; но всё-еще, по пятилѣтней сложности, промѣнено ихъ вдвое болѣе, чѣмъ русскихъ; въ третьемъ періодѣ, послѣднія уже получили значительный перевѣсъ: отпускъ ихъ усилился почти на 240%, а промѣнъ иностранныхъ опять уменьшился и, наконецъ, въ послѣдній періодъ почти совершенно прекратился, тогда, какъ сбытъ русскихъ бумажныхъ издѣлій (преимущественно вельветовъ) по пятилѣтней сложности, усилился противъ предъидущаго періода на 43%. Нынѣшній вывозъ этихъ товаровъ въ Китай составляетъ почти половину всего отпуска ихъ по нашей азіатской торговлѣ.

Въ другія азіатскія земли отпущено бумажныхъ издѣлій:

Въ 1834—38 г. Въ 1839—43 г.

Въ Азіатскую Турцію	} 261,561	10,947	руб. сереб.
— Персію.....		58,711	— —
— Киргизскую Степь...	506,312	471,996	— —
— Хиву.....	9,025	34,462	— —
— Бухарію.....	82,042	126,028	— —
— Ташкентъ, Кокантъ и прочія мѣста.....	193,187	236,078	— —
<hr/>			
Всего вообще.....	1,052,127	938,221	руб. сереб.

Общій итогъ въ оба пятилѣтія не представляетъ большой разности; но разсматривая эти суммы сравнительно, находимъ, что вывозъ нашихъ бумажныхъ издѣлій въ Персію и въ Азіатскую Турцію чрезвычайно уменьшился. Причина упадка ихъ сбыта заключается въ соперничествѣ европейскихъ мануфактурныхъ товаровъ, которые доставляются въ Азіатскую Турцію чрезъ Смирну и въ Персію чрезъ Требизондъ. Въ прежніе годы вывозилось русскихъ бумажныхъ издѣлій въ Персію на двѣсти и двѣсти пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ; но съ развитіемъ требизондской торговли сбытъ ихъ сталъ годъ-отъ-году упадать. Вся Сѣверная Персія снабжается нынѣ англійскими французскими, нѣмецкими и швейцарскими бумажными товарами, изъ которыхъ первые доставляются частью чрезъ Константинополь, остальные же идутъ наиболѣе съ лейпцигскихъ ярмарокъ. Въ 1844 году привезено въ Тавризъ русскихъ бумажныхъ издѣлій только на десять тысячъ рублей серебромъ, а иностранныхъ ситцевъ, ниткалей, платковъ и прочихъ доставлено туда чрезъ Требизондъ на три милліона осемьсотъ шестьдесятъ пять тысячъ рублей серебромъ. Съ недавняго времени стали доставлять изъ Персіи, чрезъ Мешедъ въ Бухарію англійскіе ситцы довольно высокой доброты, съ которыми подобныя русскія издѣлія не могутъ тамъ соперничать ни въ качествѣ, ни въ цѣнѣ. Впрочемъ, сбытъ англійскихъ бумажныхъ товаровъ въ Средней Азіи вообще весьма мало важенъ и еще не представляетъ опаснаго соперничества для русскихъ издѣлій; доказательствомъ тому служитъ возрастающій отпускъ ихъ въ Бухарію, Хиву, Ташкентъ и Кокантъ. Что касается до вывоза бумажныхъ товаровъ въ

Киргизскую Степь, то въ числѣ ихъ, кромѣ русскихъ, находятся бухарскія и хивинскія издѣлія, которыя сбываются на значительную сумму Киргизамъ, на оренбургской и сибирской линіи.

Въ настоящее время виды на сбытъ нашихъ бумажныхъ издѣлій по азіатской торговлѣ должны обратиться преимущественно къ Средней Азій, потому что въ другихъ азіатскихъ земляхъ онѣ уже встрѣчаютъ соперничество европейскихъ бумажныхъ товаровъ. Съ открытіемъ торговли въ сѣверныхъ портахъ Китая навѣрно усилится привозъ туда этихъ товаровъ изъ Великобританіи и Соединенныхъ-Штатовъ. Въ Китаѣ до-сихъ-поръ они сбывались только чрезъ Кантонъ и по отдаленности доставки не могли имѣть большого расхода въ сѣверномъ Китаѣ, оттого соперничество ихъ не было тамъ ощутительно для русскихъ бумажныхъ издѣлій. Нынѣ оно угрожаетъ имъ въ сильной степени, потому что чрезъ новооткрытые для европейской торговли китайскіе порты, можетъ распространиться употребленіе англійскихъ бумажныхъ издѣлій въ сѣверныхъ областяхъ Китая *. Великобританіи, располагающей миллионными капиталами и неистощимыми механическими силами, не трудно будетъ нынѣ вытѣснить наши бумажныя издѣлія изъ Китая, если она, производя торговлю прежде только чрезъ Кантонъ, могла сбывать ихъ тамъ на сумму отъ полутора до трехъ миллионныхъ рублей серебромъ. Кромѣ Великобританіи, въ новѣйшее время Соединенные-Штаты значительно умножили сбытъ своихъ бумажныхъ издѣлій въ Кантонъ и, конечно, также примутъ дѣятельное участіе въ торговлѣ съ сѣверными портами Китая. Такимъ образомъ едва-ли можно ожидать дальнѣйшаго приращенія въ отпускъ, нашихъ бумажныхъ товаровъ чрезъ Кяхту и, вѣроятно даже что современемъ онъ можетъ потерпѣть ощутительный ущербъ,

Впрочемъ, для развитія нашей бумажной фабрикаціи, важнѣе внѣшнихъ истоковъ, тотъ обширнѣйшій, внутренній рынокъ, который представляетъ ей Россія, съ потребленіемъ постоянно возрастающимъ по мѣрѣ естественнаго приращенія народонасе-

* Наше правительство уже обратило вниманіе на поддержаніе сбыта русскихъ бумажныхъ товаровъ въ Китаѣ: Высочайшимъ указомъ отъ двадцать-перваго іюля 1845 года назначена премія за промѣнваемыя въ Кяхтѣ бумажныя издѣлія русскихъ фабрикъ, а именно: за вельвереты или пльсы по пяти рублей серебромъ, а за ситцы и другія по шести рублей серебромъ съ пуда. Эта мѣра допущена на три года, въ видѣ опыта.

ленія и общественнаго благосостоянія. Не нуждаясь въ заграничномъ сбытѣ своихъ издѣлій въ такой степени, какъ подобныя ей отрасли иностранной промышленности, изнемогающія подъ бременемъ своего чрезмѣрнаго производства и приходящія въ замѣшательство отъ случайной остановки въ требованіи на ихъ издѣлія за границею, наша бумажная фабрикація можетъ свободно развивать силы свои, тѣмъ болѣе, что она имѣетъ предъ собою обширное поприще для дальнѣйшихъ успѣховъ, чтобы удовлетворять своимъ потребностямъ собственною бумажною пряжею и снабжать внутреннихъ потребителей издѣліями, не уступающими иностраннымъ въ добротѣ и дешевизнѣ; — вотъ цѣль, къ которой эта фабрикація должна стремиться, будучи напутствуема, въ своихъ успѣхахъ, охранительнымъ тарифомъ, ограждающимъ ее отъ соперничества иностранныхъ издѣлій внутри государства.

Г. И—Ъ

=

V.

КРИТИКА.

=

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПЛЕЩЕВА, *СП.—бурзь. 1846 года.*

Богатый гамбургскій банкиръ, Саломонъ Геёне, сидѣлъ въ своей конторѣ за счетами. Его выразительная физиономія, съ явными признаками еврейскаго происхожденія, сіяла удовольствіемъ; всѣ эти безконечные счета сходились въ самые удовлетворительные итоги; работа приближалась къ концу; старый банкиръ потиралъ руки съ невыразимымъ удовольствіемъ. Вдругъ тяжелыя двери конторы съ шумомъ растворились; вошелъ молодой человекъ съ блѣднымъ лицомъ, съ насмѣшливымъ взглядомъ и съ рѣзкимъ отпечаткомъ еврейской національности. Старикъ нахмурился; молодой человекъ подошелъ ближе; банкиръ осторожно прикрылъ руками блистательные итоги своихъ торговыхъ операцій.

— Дядюшка, не дадите ли денегъ?

— Нѣтъ тебѣ денегъ! сердито проворчалъ старикъ. Надо-вля мнѣ эти пустые расходы; что я тебѣ за казначей дался? видно, плохо жить бродягой, сочинителемъ. А кто виноватъ? говорилъ я тебѣ: займись чѣмъ-нибудь порядочнымъ, трудись,

работай. А ты слышать не хотѣлъ, всё пѣсенки писалъ; такъ распѣвай же ихъ теперь, а я послушаю. Я тебя всегда говорилъ: если бы ты чему-нибудь порядочному учился, теперь бы тебя не нужно было книжки сочинять. Нѣтъ тебя денегъ, убирайся!...

И дядюшка очень неучтиво выпроводилъ племянника за двери. Молодой человекъ на минуту задумался, лукаво погрозилъ банкиру кулакомъ и вышелъ на улицу. Грустно было у него на сердце; въ умѣ тѣснились самыя поэтическія проклятія всему почтенному Гамбургу; руки судорожно перебирали пустые карманы. Но вотъ онъ остановился передъ книжнымъ магазиномъ подъ знаменитою фирмою: «Гофманъ и Кампе». Лицо его прояснилось и онъ вошелъ.

— Господинъ Кампе, у меня есть рукопись.

— Господинъ Гейне, мой кошелекъ всегда къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ учтивый книгопродавецъ и черезъ нѣсколько недѣль нѣмецкая литература обогатилась новымъ произведеніемъ, съ замысловатымъ эпиграфомъ:

Если бы ты чему-нибудь порядочному
учился, теперь бы тебя не нужно было
книжки сочинять.

Саломонъ Гейне.

Этотъ случай объясняетъ характеръ молодаго человека, которому суждено было произвести переворотъ въ нѣмецкой литературѣ.

Гейнрихъ Гейне родился въ 1799 году, въ Дюссельдорфѣ. Жидъ по рожденію, по уму и по характеру, онъ учился въ Боннѣ, въ Берлинѣ и въ Геттингенѣ; но несмотря на званіе доктора правъ, занятія его никогда не имѣли постоянной цѣли; образованіе его осталось безъ прочнаго основанія. Въ 1825 году онъ принялъ христіанскую вѣру — поступокъ необъяснимый въ жизни этого вѣчнаго скептика, въ которомъ никогда не было ни одного постоянного чувства, ни одного твердаго убѣжденія. Гейне осмѣялъ все что есть святаго для человека, природу, искусство, друзей, любовь, отечество и са-

мого себя; онъ издѣвался надъ сѣдинами Гёте, обезславилъ Плотена, оклеветалъ благороднаго Бёрне; онъ замаралъ безъ жалости все что есть чистаго въ душѣ человека, никого не прославлялъ, ни передъ кѣмъ не преклонялся. Его настоящая стихія — шумъ, толкотня и движеніе, безъ цѣли и безъ направленія. Изгнанникомъ оставилъ онъ Германію; июльская революція пашла его въ Парижъ и съ тѣхъ поръ Франція замѣпила ему потерянное, горько оскорбленное отечество.

Туманная, мечтательная, книжная Германія спала своимъ ученымъ сномъ, который она называла жизнью. Вокругъ нея все кипѣло страстями и движеніемъ; по ту сторону Рейна готовились новыя важныя событія, но Германія спокойно продолжала свое мирное странствіе по безпредѣльному царству мысли и съ самодовольствіемъ сооружала свои ученныя системы, непринаровленные къ современному быту народа, неприложенныя къ дѣйствительнымъ потребностямъ жизни, строгія, логическія, выдержанныя системы, въ которыхъ каждому чувству, каждому движенію души отводилась особенная клятка, скромная, тихая, опрятная, какъ сама Германія. Въ этомъ самодовольномъ положеніи проснулась она однажды утромъ и пашла на своемъ кофейномъ столѣ маленькую книжку *Лирическихъ стихотвореній*, да двѣ части *Путевыхъ картинъ*, которыя смутили ее и потрясли до самаго основанія. Эти пѣсни дышали такою свѣжею жизнью: въ нихъ было столько ума, столько музыки и движенія; бѣдные, честные Пѣмцы поневолѣ должны были согласиться, что для нихъ, со времени Гёте, никто не писалъ такихъ сердечныхъ, задушевныхъ пѣсенъ, хотя въ этихъ пѣсняхъ вездѣ проглядывала горькая пасмѣшка Мефистофеля и рѣзкое противорѣчіе всему, что было принято и освящено обычаемъ. А эта проза, эти *Путевыя картины* довершили ударъ, нанесенный спокойствію Германіи. Это была не Гётева проза, мѣрная, строгая, правильная, съ длинными, мраморными фразами, безстрастная и холодная, какъ великая душа поэта; это была неслыханная проза, игривая, блистательная, неувидимая, какъ ракета; свѣжая, прозрачная, шегольская, полная чув-

ственности, музыки и движения. Германія вострепнулась, заслушалась и неосторожно внесла въ Пантеонъ своей литературы новое имя. Гейне торжествовалъ; молодое поколѣніе шмъ восхищалось; онъ сдѣлался начальникомъ новой школы. Но скоро эта чистая, благородная слава сбилась съ дороги. Новыя пѣсни доказали, что у этого человѣка нѣтъ ни теплоты, ни убѣжденій; что онъ смѣется надъ своими чувствами, никогда не увлекается, не предается чистому и полному вдохновенію, этому общему условію всякой поэзіи; вездѣ проглядываетъ холодная иронія, а не теплый юморъ, который въ грустныхъ противорѣчіяхъ жизни и мысли, законовъ и убѣжденій, дѣйствительности и идеаловъ, смѣется и плачетъ съ любовью надъ этимъ неодолимымъ противорѣчіемъ. Гейне за все берется; ему доступно каждое чувство, каждое движеніе души; но не вѣрьте ему; это поэтъ неправды, и вся его поэзія — ложь. У него нѣтъ ни убѣжденія, ни святыни. Онъ груститъ, онъ плачетъ или смѣется; не вѣрьте ему — Гейне кокетничаетъ, Гейне дурачится. Это отсутствіе чистаго нравственнаго начала, твердаго и теплаго убѣжденія превращаетъ всѣ его пѣсни въ безстыдную пародію чувства, въ горькую гримасу, въ жалкую каррикатуру острога, но грязнаго ума. Гейне все приноситъ въ жертву своему остроумію и съ наглýmъ самодовольствіемъ издѣвается надъ каждымъ добрымъ движеніемъ своей души, какъ-будто онъ его стыдится, какъ-будто совѣстно ему этой мелкой слабости человѣческой природы. И потому Гейне съ особеннымъ, замѣтнымъ удовольствіемъ обращается къ темной сторонѣ жизни и къ мрачнымъ, загадочнымъ ея явленіямъ. Ночь — его настоящая стихія; фантастическія привидѣнія — его товарищи. Между ними онъ любитъ предаваться дикимъ движеніямъ своевольнаго вѣчно-подвижнаго, но больнаго, отравленнаго, разорваннаго воображенія; тамъ, между этими воздушными видѣніями ночи отдыхаетъ его безпокойное сердце и снова находитъ дѣшіе поэтическіе звуки:

«Все тихо... блѣдна изъ-за тучи
Осенняя смотритъ луна...

Могильщика хижина грустно
Стоитъ на кладбищѣ одна.

За книгою дремлетъ старуха,
Свѣча передъ нею горитъ,
По комнатѣ сынъ ходитъ молча,
А дочь про себя говоритъ:

— « Какъ тянутся дни здѣсь уныло!
Отъ скуки легко умереть...
Здѣсь только на мертвыхъ въ окошко
Изволь безпрестанно смотрѣть...»

— Ты врешь... проворчала старуха,
Троекъ схоронили всего,
Съ тѣхъ поръ какъ близъ хижины нашей
Спятъ кости отца твоего!

Но матери дочь отвѣчаетъ:
— «Зачѣмъ голодать мнѣ съ тобой:
Я завтра же къ князю отправлюсь
Богатъ онъ... прекрасенъ собой.»

А сынъ — прерываетъ, смѣясь:
— «Въ лѣсу молодца видѣлъ я.
Онъ золото дѣлать умѣетъ...
Научить, авось, и меня!»

Старуха въ лицо ему книгой
Швырнула, отъ гнѣва блѣдна;
— Въ лѣсу ты разбойничать хочешь,
Проклятый! сказала она.

Но стукъ подъ окномъ... оглянулся
И кто-то грозитъ имъ рукой...
То старый отецъ изъ могилы
Встаетъ, озаренный луной...»

Но всѣ эти тихія бредни воображенія, весь этотъ фантастическій міръ привидѣній только мимоходомъ волнуютъ сердце поэта и выражаютъ внутреннюю, случайную тревогу его души. Это не Гофманъ, который жилъ и върывалъ въ свои привидѣнія, котораго пугали всѣ эти дикія, пестрыя выдумки

собственнаго разстроенаго ума. У Гейне совсѣмъ другое дѣло. Среди литературнаго неряшества и поэтическаго разврата, онъ окружаетъ себя уродливыми привидѣніями, гримасничаетъ чувствами и, чуждой вдохновенія правды, тѣшится дикими выдумками больнаго воображенія. Всѣ эти пѣсни — или выраженіе тайнаго горя души, котораго онъ стыдится, или вопли боязни, отъ которой онъ отдѣлывается новымъ крикомъ, новыми дикими пѣснями.

«Долго, въ этой жизни темной
Образъ милый мнѣ блисталъ;
Но исчезъ онъ и какъ прежде
Я бродить въ потемкахъ сталъ.

Какъ ребенокъ заговѣстъ
Пѣсню громкую въ потьмахъ,
Чтобы ею хоть немного
Разогнать свой дѣтскій страхъ.

Какъ ребенокъ безразсудный,
Въ темнотѣ пою и я,
Пѣсня, можетъ, не забавна,
Да тоска прошла моя.»

Послѣ июльской революціи Гейне переселился въ Парижъ, откуда онъ тогда же писалъ: «Я дитя времени и снова «хватаюсь за мое заколдованное оружіе, которое мать моя «благословила своимъ волшебнымъ словомъ». Съ этихъ поръ онъ кинулся на политику; безъ цѣли и направленія онъ неудачу поднималъ знамя оппозиціи, отрицая и разрушая все что только попадалось подъ его неумолимое перо. Къ тому же времени судьба привела во Францію другаго человека, тоже Жюда по происхожденію, тоже литератора по ремеслу и по прозванію. Я говорю о Бёрне. Онъ съ горькимъ сердечнымъ разочарованіемъ, съ странною бользнью въ душѣ оставилъ Германію и искалъ спасенія въ тревожномъ движеніи Парижа. Это былъ неутомимый боецъ политической критики, человекъ съ благороднымъ, незапятнаннымъ характеромъ, съ

горячими убъжденіями, съ пламенною любовью къ отечеству. Это былъ высокій трагическій характеръ, съ безпредѣльнымъ желаніемъ добра, съ чистымъ и строгимъ направленіемъ, съ неограниченными страстями, которыя разрывали его больное сердце, уничтожали его отравленную жизнь. Онъ болелъ былъ отъ любви къ отечеству; онъ умеръ отъ тоски по родинѣ. Судьба Германіи, ея несчастія и внутреннія язвы терзали и мучили этого благороднаго, чистаго, пламеннаго патріота; онъ не давали ему покою, онъ изгнали его изъ милаго края; но память о немъ онъ перенесъ и на чужбину въ своемъ могучемъ сердцѣ, и хранилъ его и любилъ сильною, страстною, гнѣвною любовью, пока не разорвалось это могучее сердце отъ любви и отъ горя, пока чужія руки не зарыли костей изгнанника въ одной изъ тихихъ могилъ отца Лашеза. И въ то время, когда Французы предавали землѣ бѣдное, усталое тѣло одного изъ чистѣйшихъ сыновъ Германіи, другой нѣмецкій поэтъ, его собратъ и согражданинъ, на той же землѣ, близъ того же кладбища, уже писалъ грязныя, язвительныя строки, которыя должны бы обезславить память умершаго: Гейне готовилъ свою будущую, ядовитую филиппику противъ Бёрне. Но Германія съ отвращеніемъ отвернулась отъ этой книги и Гейне не замаралъ памяти человека, который такъ горячо любилъ отечество, такъ чисто ошибался и среди заблужденія страстей такъ пламенно желалъ добра своей Германіи; Гейне соорудилъ только себѣ позорный столбъ въ литературѣ поруганной и запятнанной этой ядовитой клеветой, этимъ отвратительнымъ доносомъ человека живаго на беззащитнаго мертвеца.

Бёрне и Гейне первые внесли въ нѣмецкую литературу политическое направленіе; оба шли по одной дорогѣ, но къ разнымъ цѣлямъ. Бёрне дѣйствовалъ и писалъ всегда по глубокому внутреннему убъжденію, Гейне по самолюбію; Бёрне стремился за истинной, Гейне гонялся за остротами; Бёрне съ горькимъ юморомъ разрывалъ сердце Германіи и плакалъ надъ ея кровавыми равами, Гейне рылся въ ея внутренностяхъ за каламбуромъ; у Бёрне въ самой колкой шут-

къ проглядываетъ истина, у Гейпе и случайная правда прячется за шутку. Но они оба, въ одно и то же время подняли знамя оппозиціи и подъ это знамя со всѣхъ концовъ Германіи слетѣлось молодое поколѣніе, которое жаждало движенія и негодовало на неподвижныя теоріи, на безжизненный застой своего отечества. Нѣтъ сомнѣній, что и политика можетъ принадлежать къ области поэзіи, какъ и все, что входитъ въ составъ человѣческихъ отношеній. Политическая пѣсня, чистая, пламенная, полная любви или гнѣва, можетъ быть прекраснымъ лирическимъ стихотвореніемъ; но тамъ, гдѣ поэзія исключительно становится подъ знамена политической партіи, гдѣ она лучшія вдохновенія свои приноситъ въ жертву одностороннему политическому направленію, тамъ она необходимо утратитъ свое общее, высокое, человѣческое значеніе.

Поэзія должна быть зеркаломъ жизни, но не въ одномъ изъ ея одностороннихъ направленій, а въ общемъ, полномъ ея развитіи. Духъ вѣка, отпечатокъ времени всегда отразится въ произведеніяхъ каждаго истиннаго поэта, хотя бы онъ и не гонялся боязливо за современными происшествіями, не угождалъ въ выборъ предмета случайному направленію сегодняшняго дня. Но не такъ разсуждало молодое поколѣніе Германіи, увлекался грознымъ негодованіемъ, гнѣвною любовью Бёрне, или колкой, блистательной ироніей Гейпе; со всѣхъ сторонъ изъ всѣхъ угловъ Германіи возникала новая, шумная, тревожная политическая литература; проза, стихи, критика, путешествія, романы, драма, комедія, — все приняло политическій характеръ, но не многое уцѣлело и сохранилось для литературы. Между безчисленными именами, которыя съ каждымъ днемъ увеличивали шумные ряды этихъ литературныхъ пафздинокъ, только нѣкоторые остались въ памяти и заняли маленькій уголокъ исторіи нѣмецкой литературы. Между ними памятные и замѣчательные другихъ — Лаубе, Гуцковъ, Кюне, Анастасій Грюнъ, Лепану, Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ, Фрейлигратъ, Францъ Дингельштедтъ и Гервегъ. Нѣкоторые дѣйствовали по убъ-

жденію; съ благороднымъ увлеченіемъ хватались за оружіе и, подобно Бэрне, сами страдали отъ ранъ, которыя они нанесли своему отечеству. Другія изъ самолюбія бросались на политическую литературу и съ трагическими ухватками разъигрывали жалкую роль мнимыхъ героевъ и мучениковъ правды. Эти господа шли по стопамъ безхарактернаго Гейне, въ которомъ никогда не было ни любви, ни убъжденія, который любую мысль приносилъ въ жертву колкой остротѣ или блистательной фразѣ. Но этой новой, шумной, тревожной литературѣ, со всеми ея недостатками, со всеми ошибками молодости, нельзя отказать въ глубокомъ благодѣтельномъ вліяніи, какое она имѣла въ Германіи на жизнь и на общество. Она внесла движеніе въ эту неподвижную жизнь, разбудила и расшевелила это дремлющее общество; она разблачила сухія теоріи, столкнула съ шаткаго подножія туманныя умозрѣнія ученыхъ системъ и указала на практическую сторону жизни. Нѣмцы не охотно расстаются съ своими учеными привычками; но эта бурная, яркая, пестрая литература вывела ихъ изъ дымнаго, тѣснаго кабинета и познакомила со вѣдшею жизнью, со всеми ея движеніями, страстями и интересами; она разбила слѣпую вѣру въ ученые авторитеты, разстроила заведенный литературный порядокъ и заговорила языкомъ Гейне, бойкимъ, яркимъ, щегольскимъ и блистательнымъ. Въ это время стихи уже начали ему измѣнять и онъ отказался отъ поэзіи, увѣряя, что у него «божественная проза» — выраженіе очень понятное въ устахъ такого чловѣка, какъ Гейне; и въ самомъ дѣлѣ его проза, живая и музыкальная, блистательная и небрежная, картинная безъ фразъ, гибкая, смѣлая и рѣзкая, обнаруживаетъ бойкаго художника, великаго мастера языка. Но эта щегольская проза, этотъ блистательный языкъ заимствуетъ краски свои не отъ содержанія, которое онъ облачаетъ; эта звонкая народная проза не дожидается какой-нибудь великой мысли и не она ей служитъ закономъ и условіемъ. У Гейне содержаніе — второе дѣло; его проза существуетъ для звонкой фразы, для колкой остроты, для смѣлыхъ оборотовъ. Въ его поэзіи нѣтъ

любви; въ его политическихъ выходкахъ нѣтъ убѣжденія; въ его бѣглыхъ сужденіяхъ о наукѣ нѣтъ прочнаго основанія. Одно изъ послѣднихъ его произведеній, *Германія, земная сказка*, написанная римованною прозою, съ явнымъ дренебреженіемъ размѣра. Въ этой сказкѣ вы встрѣтите ту же колкую иронию, тотъ же рѣзкій умъ, тотъ же бойкій языкъ и то же отсутствіе правды и то же направленіе. Маленькое вступленіе въ какихъ-нибудь двѣнадцати стихахъ объясняетъ цѣлое произведеніе:

«Возьми барабанъ! и не бойся!
Цѣлуй маркитантку звучнѣй:
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства;
Вотъ смыслъ философіи всей!

Сильнѣе стучи... и тревогой
Отъ сна ты народъ пробуди!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства;
А самъ маршируй впереди!

Вотъ Гегель, вотъ книжная мудрость,
Вотъ духъ философскихъ началъ!
Давно я постигъ эти тайны,
Давно барабанщикомъ сталъ!...»

Вотъ характеръ этого замѣчательнаго челоѵка, изъ котораго господинъ Плещеевъ перевелъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній. Нельзя не похвалить удачный выборъ переводчика. Большая часть этихъ стихотвореній принадлежатъ еще къ первому періоду Гейновой поэзіи, когда она еще не успѣла загрязниться, когда самолюбіе челоѵка еще не подавило чувства поэта, когда Гейне находилъ въ душѣ своей еще молитвы и благословенія.

«Дитя! какъ цвѣтокъ ты прекрасна
Свѣтла и чиста и мила;
Смотрю на тебя.. и люблюсь, —
И своа душа ожила...

Охотно бѣ тебѣ на головку
Я руки свои возложилъ,

Проя чтобы Богъ тебя вѣчно
Прекрасной и чистой хранилъ.»

Въ это время Гейне еще умѣлъ любить въ своихъ стихотвореніяхъ до самаго конца, не нарушая послѣднимъ стихомъ, послѣднимъ словомъ, чистаго, отраднаго впечатлѣнія цѣлаго.

«День и ночь я всё мечтаю,
О тебѣ, другъ милый мой;
О твоихъ лазурныхъ глазкахъ
Объ улыбкѣ молодой.

Какъ бы я хотѣлъ съ тобою
Вечеръ длинный раздѣлить:
Въ уголкѣ твоёмъ уютномъ
Посидѣть, поговорить!

И къ губамъ прижать хотѣлъ бы
Ручку бѣлую твою;
Оросить ее слезами
Ручку бѣлую твою!...»

Переводы господина Плещеева отличаются вѣрностью, гладкимъ стихомъ и простотой. Они почти вездѣ очень удачно передаютъ впечатлѣнія подлинника, въ чемъ и заключается главное условіе хорошаго перевода.

Въ собственныхъ произведеніяхъ господина Плещеева мѣстами замѣтно явное вліяніе его любимаго поэта и тогда онъ составляютъ какъ-будто продолженіе его переводовъ, Для примѣра я выпишу очень милое стихотвореніе: *Отвѣтъ*.

«Мы близки другъ другу... я знаю
Но чужды по духу!... Любви
Давно я къ тебѣ не питаю
И холодны рѣчи мои...»

Не въ силахъ я лгать предъ тобою,
А правда страшна для тебя...
Къ чему же безплодной борьбою
Всечасно терзать намъ себя?

Въ кумирахъ мнѣ Бога не видѣть,
Предъ ними чела не склонить!

Мнѣ все суждено ненавидѣть,
 Что рабски привыкла ты чтить!

Кто Истинѣ, вѣрный призванью,
 Себя безвозвратно обрекъ;
 И дожь и семью безъ роптанья
 Оставить, сказалъ намъ Пророкъ...

О, вѣрь мнѣ, напрасны упреки,
 Разстаться намъ должно съ тобой...
 Любви мы другъ къ другу далеки,
 Другъ друга мы чужды душой!»

Въ другихъ стихотвореніяхъ господина Плещеева, которыя вездѣ отличаются теплымъ чувствомъ и хорошимъ, плавнымъ стихомъ, видно самостоятельное направленіе еще молодое и не выработанное, но обещающее современемъ, при развитіи лѣтъ и таланта, много прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній.

А

ОПИСАНІЕ ВТОРОЙ ВОЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА СЪ НАПОЛЕОНОМЪ въ 1806 и 1807 годахъ, по высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ и членомъ Военнаго Сольта Михайловскимъ-Данилевскимъ. Сп.—бургъ, 1846.

Русская военная исторія почти каждый годъ обогащается новыми произведеніями генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго. Пользуясь богатыми источниками государственнаго архива, зная военное дѣло и будучи превосходнымъ литераторомъ, онъ описываетъ силу и славу русскаго оружія живыми и вѣрными красками. Какъ сподвижникъ и свидѣтель великихъ переворотовъ въ кровавую эпоху Наполеона, онъ придаетъ разсказу своему всю драматическую занимательность живаго происшествія, которое совершилось передъ его глазами.

Благородное преимущество русскої военной литературы передъ всѣми другими состоитъ въ скромномъ и правдивомъ изложеніи того, что совершалось русскимъ оружіемъ; она никогда не прибѣгала къ мелочной клеветѣ, не искажала исторіи, не нуждалась въ болзливомъ оправданіи, въ двусмысленныхъ разсказахъ; она не скрывала своихъ неудачъ, не уменьшала победы непріятели, не придиралась къ успѣхамъ его оружія, потому что на всѣ свои неудачи, на каждую победу враговъ она находила блистательный отвѣтъ въ великихъ подвигахъ русскаго оружія, въ громкихъ результатахъ каждой войны,

въ скромномъ исчисленіи того, чтó было совершено передъ глазами цѣлаго свѣта. Этотъ благородный характеръ нашей военной литературы всегда служилъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ жалкой клеветы и завистливой злобы иностранныхъ писателей. Они могли исказить происшествія, но не могли измѣнить ихъ результатовъ, не могли уничтожить исторіи, которая громко говорила за Россію и вписала длинный рядъ нашихъ побѣдъ кровавымъ грифелемъ въ свои неподкупныя, безпристрастныя сѣрижалы.

Новая книга генерала Михайловскаго-Данилевскаго заключаетъ въ себѣ описаніе войны съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ. Въ вступленіи авторъ излагаетъ общее положеніе дѣлъ въ началѣ 1806 года. Побѣды подъ Ульмомъ и Аустерлицомъ имѣли невыгодныя послѣдствія для союзныхъ державъ. Изъ нихъ только Россія, Англія, Швеція и Неаполь сохранили непріязненное отношеніе къ Наполеону, который старался вступить въ дружескіе переговоры съ Россіей. Но мирныя предложенія Франціи, по словамъ Императора Александра, «были противны чести и обязанностямъ Россіи въ разсужденіи союзниковъ ея, безопасности государства и общему спокойствію Европы.» Въ особенномъ манифестѣ Александръ призываетъ подданныхъ своихъ къ защитѣ отечества. Впечатлѣніе, произведенное этимъ манифестомъ, было невыразимо; оно отразилось вѣрными красками въ докладѣ сената, поднесенномъ русскому Императору:

« Сенатъ, благоговѣя къ мудрости правилъ Твоихъ и неуспѣ-
 « ности Твоихъ попеченій, знаетъ, что миръ нечистосердечный
 « и ненадежный съ правительствомъ, движимымъ единымъ вла-
 « стюлюбіемъ, бываетъ верѣдко опаснѣе и самой кровопролитной
 « войны, и подвигнутый чувствованіемъ и соревнованіемъ ко
 « славы имени Твоего и Твоей имперіи, держаетъ торжественно
 « ударить Тебя, Всевластѣйшій Монархъ, что всѣ селовія, То-
 « бою столько облагодѣтельствованныя, всѣ народы, населяющіе
 « пространную имперію Твою, готовы, по единому мановенію
 « десницы твоей, принести на жертву любезному отечеству и
 « достояніе свое и самую жизнь. И кто въ царей земныхъ мо-
 « жетъ отъ подданныхъ своихъ ожидать толковой ревности и уси-

« лій, если не Ты, который съ вождѣннаго для Россіи дня воз-
 « шествія на престолъ, не престаешь изливать благодѣнія на
 « всѣ народы, скипетру Твоему подвластные, и мудрыми устано-
 « вленіями раскрывая всѣ отрасли народнаго благосостоянія, пре-
 « доставляешь и позднѣйшему потомству наслаждаться плодами
 « великихъ дѣлъ Твоихъ и благословлять возлюбленное имя Алек-
 « сандра. »

Въ то же время Пруссія, надѣясь на покровительство и по-
 мощь Россіи, новыми, послѣдними силами возстала противъ
 Наполеона. Побѣды при Іенѣ и Ауэрштедте рѣшили участь
 этой войны. Паническій страхъ въ нѣсколько недѣль разо-
 гналъ всю прусскую армію; самыя сильныя крѣпости сдава-
 лись безъ бою при одномъ появленіи французскихъ отрядовъ,
 и Пруссія новыми пожертвованіями купила себѣ постыдный
 миръ съ неумолимымъ побѣдителемъ. По окончаніи этого дѣ-
 ла, Наполеонъ далъ отдохнуть своей арміи, привелъ ее въ но-
 вый порядокъ, съ новыми силами двинулся къ польской гра-
 ницѣ и приказомъ по арміи объявилъ о началѣ войны съ Рос-
 сіей.

Между-тѣмъ русскій Императоръ уже готовился къ этой
 войнѣ. Онъ умножалъ свои вооруженныя силы, устраивалъ
 внутреннюю временную милицію, приглашалъ Англію къ
 участию въ войнѣ, писалъ къ императору Францу и къ эрцъ-
 герцогу Карлу. Но всѣ эти старанія остались тщетными и надъ
 одной Россіей обрушилось все бремя войны, тѣмъ болѣе тя-
 гостной, что Императоръ Александръ долженъ былъ раздроб-
 лять силы свои, воюя въ то же время съ Портой и Персіей.
 По общему мнѣнію всей Россіи главнокомандующимъ назна-
 ченъ былъ фельдмаршалъ графъ Каменскій; на Кутузовъ ле-
 жала опала за Аустерлицъ. Графъ Каменскій былъ уже старъ;
 съ разстроеннымъ здоровьемъ отправляясь въ армію, днѣ
 изъ Вильны доносилъ Императору:

« Я лишился почти послѣдняго зрѣнія: ни одного города на
 « картѣ самъ отыскать не могу; и принужденъ употреблять къ
 « тому глаза моихъ товарищей. Боль въ глазахъ и головѣ; не
 « способенъ я долго верхомъ ѣздить; пожалуйте мнѣ, если мож-
 « но, наставника, друга вѣрнаго, сына отечества, чтобы сдать
 « ему команду и жить при немъ въ арміи. Истинно чувствую

« себя неспособнымъ къ командованію столь обширнымъ войскою. »

Второе донесеніе его изъ Пултуска еще болѣе доказываетъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находился семидесяти-лѣтній старецъ, призванный управлять судьбою войны противъ исполина Франціи:

« Старъ я для арміи: ничего не вижу; ѣздить верхомъ почти не могу, но не отъ лѣтъ, какъ другіе; мѣсть на ландкартахъ отыскивать совсѣмъ не могу, а земли не знаю. Дерзаю поднести на разсмотрѣніе малѣйшую часть переписки, въ шести бумагахъ состоящую, которую долженъ былъ имѣть однимъ днемъ, чего долго выдержать не могу, для чего дерзаю спрашивать себя перемѣны. Подписываю, не знаю чтѣ. »

Первая встрѣча съ непріателемъ происходила при Вкрѣ, у Колозомба и Сохочина. Одиннадцатаго декабря Французы начали переправляться на плотамъ черезъ Вкру. Тенгинскій полкъ долго не позволялъ имъ причалить къ берегу; но получивъ приказаніе отступить пошелъ лѣсомъ къ Сохочину, гдѣ распорядился Давыдовскій. Французы быстро двинулись изъ лѣсу на тенгинскій полкъ. «Взявъ ружья на-перевѣсъ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, тенгинцы пошли впередъ и въ полномъ смыслѣ слова врѣзались во французскія колонны и обратили ихъ въ лѣсъ.» Между-тѣмъ Давыдовскій, съ своими егерями, дѣйствовалъ у Сохочина. Получивъ легкую рану въ ногу, онъ началъ писать донесеніе Барклаю-де-Толли, положивъ бумагу на спину барабанщика.

« Пуля скользнула по виску Давыдовскаго, и кровь заструилась на его лицѣ. Онъ зажалъ рану перчаткою, и продолжалъ писать. Черезъ минуту, прострѣленный насквозь барабанщикъ палъ мертвый. Не сходя съ мѣста, Давыдовскій сталъ на одно колѣно и дописалъ рапортъ, увѣряя Барклая-де-Толли, что удержитъ переправу. Вскорѣ потомъ привезли ему приказаніе отступить немедленно. «Развѣ такъ, сказалъ онъ: иначе не перепустилъ бы я Французовъ на нашъ берегъ.» Соединясь съ тенгинскимъ полкомъ, Давыдовскій отступилъ къ Новемясту, и здѣсь прикнулъ къ Барклаю-де-Толли.»

Между-тѣмъ какъ на Вкрѣ происходили дѣйствія эти подъ главнымъ начальствомъ Барклая-де-Толли, того же одиннадцатаго декабря, графъ Остерманъ первый встрѣтилъ Напо-

леона на рѣкъ Наревъ, у Помихоскаго Моста. Русскій полководецъ занялъ здѣсь крѣпкую позицію впереди Чарнова и четыре раза отразилъ Французовъ; Наполеонъ въ пятый разъ двинулся впередъ; Русскіе удержались на мѣстѣ, и Наполеонъ прекратилъ бой. При разсвѣтѣ дня, Остерманъ началъ отступать, приказавъ отряду Багговута снѣшить изъ Зегрже въ Пултускъ и удержать тамъ мостъ на Наревъ, во что бы то ни стало. Всѣ иностранцы съ уваженіемъ отзываются объ отступленіи графа Остермана, которое совершалось въ величайшемъ порядкѣ, какъ-будто всѣ движенія исполнялись войсками на учебномъ мѣстѣ.

Когда Наполеонъ персправилъ войска свои черезъ Вкру и Нареву, онъ вознамѣрился правымъ крыломъ своимъ отрѣзать русской арміи переправу черезъ Наревъ у Пултуска, а лѣвымъ обойти ея правое крыло и тылъ. Авангардъ Ланна долженъ былъ перехватить переправу. Но распоряженія Остермана, который послалъ Багговута въ Пултускъ, уничтожили соображенія Наполеона. Непріятель послѣ жаркаго дѣла былъ отбитъ. Между-тѣмъ войска французскія сосредоточивались и приближались къ Голлишну. Распоряженія графа Каменскаго доказывали его душевное разстройство. Наконецъ онъ передалъ командованіе графу Буксгевдену, поѣхалъ въ Остроленку и донесъ Государю, что управлять русскими войсками чувствуетъ себя не въ-состояніи. «Увольте старика, говорилъ онъ въ своемъ донесеніи: въ деревню, который «и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго ирребія, къ которому былъ избранъ.»

Послѣ отъѣзда Каменскаго, въ Пултускъ оставался Беннигсенъ; по приказанію фельдмаршала онъ долженъ былъ итти обратно въ Россію. Но онъ рѣшился ожидать непріятели въ занятой имъ позиціи, и сраженіе при Пултускѣ блистательнымъ образомъ оправдало невиновеніе Беннигсена. Французскія войска, подъ предводительствомъ маршала Ланна, дрались отчаянно, но должны были уступить; темнота и выюга не дозволили Русскимъ преслѣдовать непріятели. Наша армія торжествовала; она совершила чудеса храбрости. По Беннигсенъ, получивъ извѣстіе о появленіи Французовъ у Голлими-

на, негѣть отступитъ къ Остроленкѣ; это отступление совершилось къ общему сожалѣнію войска, которое неохотно оставило поле сраженія.

Впродолженіи этого времени и въ тотъ же день при Голминѣ происходило не менѣе кровопролитное сраженіе. И здѣсь успѣхъ оставался на нашей сторонѣ. Французы, которые привыкли къ баснословнымъ успѣхамъ Наполеона, съ удивленіемъ убѣдились, что и ихъ побѣждаютъ. Русскіе съ восторгомъ загладили новыми подвигами несчастное сраженіе подъ Аустерлицомъ. Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за всѣми движеніями войны; Австрія, напуганная могуществомъ Наполеона, мало-по-малу склонялась на нашу сторону.

Между-тѣмъ въ русской арміи происходили безпорядки отъ разногласія полководцевъ. Каменскій передалъ главную команду графу Буксгевдену, а между-тѣмъ, вдали отъ театра войны, продолжалъ дѣлать распоряженія, которыя не согласовались съ мѣстными обстоятельствами. Беннигсенъ, не желая подчипить себя Буксгевдену, избѣгалъ и даже затруднялъ всякую встрѣчу съ нимъ. Пултусское сраженіе рѣшило выборъ главнокомандующаго. Назначеніе Буксгевдена было отмѣнено; онъ получилъ мѣсто рижскаго военнаго губернатора; Беннигсена назначили главнокомандующимъ надъ заграничною арміею. Изъ Риги графъ Буксгевденъ послалъ Государю письменное оправданіе своихъ дѣйствій и жалобы на Беннигсена; эти жалобы остались безъ вниманія и «Буксгевденъ вызвалъ Беннигсена на поединокъ, назначая мѣстомъ боя Мемель. Беннигсенъ отвѣчалъ, что сужденіе дѣйствій своихъ представляетъ онъ правительству, а не частнымъ лицамъ.»

Принявъ управленіе войскамъ, Беннигсенъ началъ дѣйствовать наступательно. Цель его при этомъ состояла въ томъ, чтобы не допустить Наполеона занять Кенигсбергъ и Пиллау, гдѣ находились склады хлѣба и военные запасы Пруссаконъ. Въ Бишофштейнѣ Беннигсенъ узналъ, что корпуса Нея и Бернадотта находятся верстахъ въ семидесяти другъ отъ друга и въ довольно большомъ разстояніи отъ главныхъ силъ Наполеона. Это внушило ему мысль, отрѣзать ихъ одинъ отъ

другого, стать между ними и потомъ разбить, или Бернадотта или Нея. Получивъ извѣстіе о движеніи Русскихъ, Бернадоттъ, какъ опытный воинъ, выступилъ изъ Эльбингена, на-мѣреваясь открыть сообщеніе съ Неемъ. Слѣдуя усиленными маршами, онъ входилъ въ Морунгенъ, когда Марковъ приближался къ Георгенталу. Бернадоттъ двинулся на встрѣчу къ Маркову, который долженъ былъ отступить. Между-тѣмъ по приказанію князя Голицына, русскій отрядъ подоспѣлъ къ Морунгену, захватилъ все обозы Бернадотта и увелъ пленныхъ, которые были при нихъ оставлены. Пальба, которая происходила во время этого дѣла въ тылу Бернадотта, обратила на себя его вниманіе; онъ пересталъ наступать на Маркова и обратился назадъ.

« Возвратясь въ Морунгенъ, Бернадоттъ увидѣлъ улицы заваленныя изорванными бумагами, всякою рухлядью. Городъ былъ пустъ. И Русскіе и Французы — все исчезло. Самъ Бернадоттъ остался въ томъ одномъ платьѣ, которое было на немъ въ сраженіи. Наши увезли весь его обозъ. Беннигсенъ возвратилъ Бернадотту все принадлежавшее его особѣ. »

Когда Наполеонъ удостовѣрился, что Беннигсенъ идетъ со всею арміею, онъ рѣшился обойти его лѣвое крыло, отрѣзать пашу армію отъ Россіи и отбросить ее къ Вислѣ. Все соображенія и приказанія Наполеона по этому дѣлу, посланныя къ Бернадотту, были перехвачены: Беннигсенъ сдѣлалъ съ своей стороны распоряженія, которыя разстроили планы великаго полководца. Русскія войска сосредоточились у Янкова. Наполеонъ приказалъ Сульту, а за нимъ Даву, спуститься по рѣкѣ Алле, овладѣть переправой у Бергфрида ударить въ тылъ Русскихъ. Французы два раза были отбиты и переправа осталась за нами, хотя въ бюлетеняхъ Наполеона говорили противное.

Наполеонъ продолжалъ свои наступательныя дѣйствія; онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, перехватить Беннигсену путь въ Россію. Русскія войска отступали въ примѣрномъ порядкѣ. При Гафѣ Барклай-де-Толли выдержалъ кровопролитное сраженіе и былъ разбитъ. Между-тѣмъ русскія войска соединялись у Прейсшъ-Эйлау; при выходѣ изъ города Бар-

клай-де-Толли встрѣтилъ непріятеля пушечными и ружейнымъ огнемъ. Французы всё болѣе и болѣе наполняли городъ. Барклай-де-Толли и Багратионъ должны были отступить. При концѣ сраженія Барклай былъ раненъ въ правую руку и въ послѣдствіи долженъ былъ уѣхать для излеченія этой раны въ Петербургъ. Здѣсь онъ удостоился высокаго вниманія и довѣрія Императора Александра, который справедливо оцѣнилъ глубокія соображенія, неустрашимость и хладнокровіе своего полководца.

Кровавая битва подъ Прейсишъ-Эйлау описана прекрасно, со всеми ея движеніями и послѣдствіями. Знаменитый авторъ самымъ очевиднымъ образомъ доказываетъ, что самъ Наполеонъ признавалъ это сраженіе проиграннымъ, потому что оно измѣнило весь его прежнія соображенія. Вотъ это прекрасное разсужденіе:

« Обѣ воевавшія стороны приписали себѣ побѣду подъ Эйлау. Въ общности десяти-лѣтней борьбы Александра съ Наполеономъ, кажутся нынѣ войны ихъ отъ 1805 до 1815-го года одною непрерывною войною, съ краткими промежутками. Втеченіи сей громадной эпохи оба соперника бились на жизнь и смерть. Доколѣ неподкупная судьба не рѣшила спора въ пользу Александра, Онъ отдавалъ на жертву свои столицы, готовый удалиться въ Сибирь, отростить себѣ бороду, питаться сухимъ хлѣбомъ. Наполеонъ, отброшенный изъ Кремля въ Фонтенблѣ, развѣнчанный принимаетъ отраву! У каждаго, у Александра и Наполеона, у войскъ русскихъ и враждебныхъ намъ, бывали на войнѣ дни свѣтлые и дни черные, но великими являются передъ глазами потомства и оба мощные соперника, и воинство ихъ, не нуждаясь въ вымышленныхъ побѣдахъ, въ поддѣльномъ листкѣ для безсмертнаго вѣнца своего. Съ какою цѣлью дано было Наполеономъ эйлауское сраженіе? Онъ хотѣлъ корпусами Нея и Даву окружить русскую армію, и отрѣзать ее отъ Кенигсберга и Россіи, но достигъ ли онъ цѣли? Ней не поспѣлъ къ сраженію, а нападенія Даву кончились безуспѣшно. Гдѣ же побѣда? Если бѣ Наполеонъ одержалъ ее дѣйствительно, онъ преслѣдовалъ бы отступающаго непріятеля, и ему легко было бы отнять у разбитыхъ Кенигсбергъ, городъ въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ тогда важности великой. Наполеонъ не принадлежалъ къ числу полководцевъ, останавливающихся послѣ побѣды, упускающихъ

плоды выиграннаго сраженія. Но эйлаускою битвою не приобрѣлъ онъ ни малѣйшей существенной выгоды, потерявъ знамена, не отбивъ ни одного, и долженъ былъ нѣсколько дней стоять на одномъ мѣстѣ. Армія его, какъ изстрѣлянный линейный корабль, съ подбитыми снастями, колыхалась, неспособная не только къ нападенію, но даже къ движенію и бою: на каждое орудіе оставалось только по семъ зарядовъ.»

Послѣ эйлаусскаго сраженія Беннигсенъ отправился въ Кенигсбергъ, гдѣ русская армія нашла наконецъ необходимое отдохновеніе. Наполеонъ отступилъ за Пассаргу. Главная армія находилась въ бездѣйствіи, къ которому вынуждало ихъ совершенное изнуреніе. Въ это время Императоръ Александръ прибылъ въ армію. Желая усилить дѣйствія свои, Онъ предложилъ Австріи, принять участіе въ этой войнѣ, доказывая всю ея необходимость; но Австрія выжидала рѣшительныхъ побѣдъ и отклоняла отъ себя всякія враждебныя дѣйствія противъ Наполеона; Англія также не исполняла давнишнихъ своихъ обѣщаній; Швеція заключила перемиріе съ Франціей—и на одной Россіи обрушилось все бремя войны, потому что на слабаго союзника, на изнуренную Пруссію, она надѣяться не могла. Между-тѣмъ Наполеонъ дѣятельно продолжалъ осаду Данцига, за которой послѣдовала наконецъ и сдача города. Наполеонъ требовалъ, чтобы капитуляцію подписалъ не только прусскій губернаторъ, но и русскій начальникъ въ крѣпости. Князь Щербатовъ долго не соглашался на это требованіе.

«Мнѣ казалось неспоснымъ, говоритъ онъ въ Запискахъ своихъ: видѣть имя мое въ капитуляціи. Слово сіе было ново для Русскихъ. Мы брали крѣпости, но никогда въ новѣйшія времена не бывали въ осадахъ. Я рѣшился, чего бы ни стоило, избавить по-крайней-мѣрѣ себя одного отъ исполненія условій.» Пока составляли договоръ о сдачѣ, князь Щербатовъ удалился на городской валъ, надѣясь, что, можетъ-быть, дѣло совершится безъ него. Вскорѣ пригласили его къ графу Калькрейту, показали ему уже утвержденный обѣими сторонами договоръ, и требовали его подписи. Онъ уступилъ настояніямъ, но черезъ часъ объявилъ французскому генералу Друэ д'Эрлову — впоследствии маршалу — присланному въ Данцигъ для переговоровъ, что сила обстоятельствъ заставила его подписать капитуляцію, не имѣя

возможности, ни права исключить изъ нея малочисленный русскій отрядъ; но что касается до него лично, то на условіе: « не служить годъ противъ Французовъ », онъ долженъ получить соизволеніе Императора Александра. Въ заключеніе, онъ просилъ паспорта адъютанту, котораго намѣревался послать къ Его Величеству, а до-тѣхъ-поръ хотѣлъ оставаться плѣннымъ. Пруссаки и Французы доказывали ему, что честь его не страждетъ принятіемъ капитуляціи, въ такое время, когда сопротивленіе невозможно и поведетъ къ неминуемой гибели людей. Князь Щербатовъ былъ непреклоненъ. Лесевръ прислалъ паспортъ адъютанту его, Лопухину, и тотъ отправился съ донесеніемъ князя Щербатова Государю.

Мая 15-го, гарнизонъ, въ числѣ семи тысячъ человекъ, выступилъ изъ крѣпости. Французы отдали ему честь на гласисѣ. Князь Щербатовъ не былъ при своемъ отрядѣ, и оставался дома. На другой день посѣтилъ онъ маршала Лесевра, и былъ принятъ имъ съ особеннымъ уваженіемъ. Вскорѣ потомъ пріѣзжалъ Наполеонъ въ Данцигъ на нѣсколько часовъ, поздравилъ Лесевра герцогомъ Данцигскимъ, но сердился за позволеніе, данное князю Щербатову оставаться въ крѣпости по выходѣ союзныхъ войскъ, и велѣлъ генералъ-адъютанту Раппу объявить ему, чтобъ онъ прожилъ во Франціи или Дрезденѣ годовой срокъ по капитуляціи. Князь Щербатовъ отправился въ Дрезденъ. Черезъ два мѣсяца прибылъ туда изъ Тильзита Наполеонъ, во всемъ блескѣ славы и счастья. Дрезденъ наполнился королями и принцами, спѣшившими на поклоненіе тогда непобѣдному. Узнавъ о пребываніи князя Щербатова въ Дрезденѣ, Наполеонъ послалъ за нимъ, принялъ его ласково и съ веселымъ видомъ, и выхваляя защиту Данцига, спросилъ: « Зачѣмъ не хотѣли вы воспользоваться почетомъ капитуляціею? » Князь Щербатовъ отвѣчалъ: « Я не могъ располагать собою безъ воли Императора Александра, и « оставаться годъ въ бездѣйствіи, а отдавшись въ плѣнъ, надѣлся скоро быть размѣненъ на кого-либо изъ плѣнныхъ у насъ « Французовъ и возвратиться на войну. » Наполеонъ въ благосклонныхъ выраженіяхъ, одобрилъ отвѣтъ.

Одобренный Наполеономъ, въ тотъ же день князь Щербатовъ былъ ошачествленъ слѣдующимъ рескриптомъ Императора Александра: « Усмотрѣвъ изъ донесеній графа Калькрейта, сколь храбро и неутомимо вы съ вѣрными вамъ войсками содѣйствовали вали защитѣ Данцига, я особливымъ себѣ поставляю удовольствіемъ изъяснить вамъ при семъ случаѣ совершенное мое бла-

« говоленіе. Узнавъ притомъ, что по заключеніи капитуляціи о
« сдать Данцига, вы затрудняетесь воспользоваться оною, и рѣ-
« шились остаться тамъ до полученія отъ меня разрѣшенія, я по-
« спѣшаю доставить вамъ оное въ такомъ смыслѣ, что исто-
« щивъ всѣ зависѣвшія отъ васъ средства къ спасенію означен-
« ной крѣпости, увеличивъ, поколику обстоятельства позволили,
« славу нашего оружія, и наконецъ сдавшись тогда только, когда
« ни какого уже не оставалось способа къ защитѣ, вы соблюли
« все то, что отъ російскаго вонна требовать можно, почему
« предписываю вамъ обратить и на себя постановленія вышешо-
« мянутой капитуляціи, и потомъ отправиться сюда немедленно,
« съ полнымъ увѣреніемъ, что мнѣ весьма пріятно будетъ уви-
« дѣть васъ при Себѣ.»

Послѣ паденія Данцига слѣдуетъ описаніе весенняго по-
хода и знаменитаго гейльсбергскаго сраженія, въ которомъ
Русскіе одержали блистательную побѣду надъ французскими
войсками; но не вполне воспользовались своими успѣхами,
по болѣзни Беннигсена, который былъ не въ-состояніи дѣ-
лать всѣ своевременныя распоряженія и только по временамъ
отдавалъ приказанія слабымъ изнемогающимъ голосомъ.

Это болѣзненное состояніе Беннигсена, а вмѣстѣ съ нимъ
и неудачныя распоряженія, нерѣшительныя мѣры русскаго
полководца были главною причиною несчастнаго сраженія
подъ Фридландомъ. Русскія войска дрались съ примѣрною
храбростью; офицеры и солдаты свято исполняли свой благо-
родный долгъ. Одинъ изъ иностранныхъ писателей говоритъ:
« Если уже судьба назначила Наполеону восторжествовать
« подъ Фридландомъ, то зачѣмъ должна была пострадать
« тамъ русская армія *безъ всякой вины своей?* » Другой без-
пристрастный свидѣтель сраженія, лордъ Гутчисонъ писалъ
въ Англію: « Мнѣ недостаетъ словъ описать храбрость
« русскихъ войскъ; они побѣдили бы, если бы одно мужество
« могло доставить побѣду. »

Послѣдствія Фридландскаго сраженія извѣстны; эта побѣ-
да Наполеона рѣшила судьбу всей войны. Беннигсенъ доно-
силъ Императору Александру о необходимости вступить въ
переговоры съ неприятелемъ. Въ то же время дипломатическій

чиновникъ арміи, Цизмеръ, писалъ министру иностранныхъ дѣлъ :

« Съ душою, растерзанною бѣдственнымъ зрѣлищемъ, котораго имѣлъ я несчастіе быть свидѣтелемъ, доношу о постигшемъ насъ злополучіи, потому что генераль Беннигсенъ, не желая огорчить Императора, пишетъ ему не все». Послѣ бѣлаго очерка битвы, Цизмеръ продолжаетъ: « Въ одинъ мигъ армія разстроилась. Былъ совершенный безпорядокъ. Никто ни распоряжался. Если подчиненный смѣетъ откровенно говорить начальнику, то доложу, что намъ остается одно средство: какъ-можно скорѣе предложить перемиріе, или вступить въ переговоры о мирѣ, пока армія и идущія къ ней подкрѣпленія станутъ за Прегелемъ, и можно будетъ получить выгоднѣйшія условія мира. Наша потеря въ людяхъ и артиллеріи несмѣтна. Беннигсенъ изобразилъ Императору Фриландскую битву въ несправедливо меньшемъ мрачномъ видѣ, нежели какъ было на самомъ дѣлѣ. Увѣряю васъ, что я ничего не преувеличилъ».

Въ первоначальныхъ условіяхъ перемирія Наполеонъ требовалъ уступки прусскихъ крѣпостей Пиллау, Кольберга и Грауденца. Русскій Императоръ не принялъ этихъ условій, говоря, что крѣпости принадлежатъ не Ему, и потому Онъ на уступку ихъ согласиться не можетъ. Князь Лобановъ, уполномоченный на переговоры, пріѣхалъ съ отвѣтомъ Государя въ Тильзитъ къ маршалу Бертіе, который получилъ отъ Наполеона приказаніе, не настаивать на уступкѣ крѣпостей, но заключить перемиріе. Оно было подписано на слѣдующихъ условіяхъ :

« 1) Прекратить военныя дѣйствія на мѣсяць, дабы въ это время можно было договариваться о мирѣ. 2) Если которая либо изъ договаривающихся сторонъ вознамѣрится прервать перемиріе, то обязана предупредить о томъ за мѣсяць. 3) Настоящее перемиріе не касается прусской арміи, съ которою Наполеонъ заключитъ особенное перемиріе. 4) Въ самомъ краткомъ времени назначить полномочныхъ для переговоровъ о мирѣ, и комиссаровъ для размѣна плѣнныхъ. 5) Черту разграпиченія между воюющими арміями провести отъ Куришь-гафа вдоль Нѣмана, до впаденія рѣки Бобра въ Наревъ, а оттуда, мимо Тякочина, лѣвымъ берегомъ Нарева».

Послѣ этого перемирія воспослѣдовала знаменитый тиль-

зитскій миръ. Авторъ описываетъ всѣ подробности этого происшествія самымъ занимательнымъ образомъ. Прекрасный, одушевленный разсказъ изображаетъ великое событіе и его безсмертныхъ героев такими живыми красками, что оно кажется снова совершается передъ глазами читателя. Вотъ первое свиданіе Императора Александра съ Наполеономъ :

« Около одиннадцати часовъ утра, въ преображенскомъ мундирѣ, въ шарфѣ и андреевской лентѣ, прибылъ Императоръ Александръ въ Оберъ-Мамсельнъ-кругъ, съ королемъ прусскимъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, вошелъ въ корчму, сѣлъ подлѣ окна, и положилъ на столъ шляпу и перчатки. Горница наполнилась генералами. Всѣ молчали. Черезъ полчаса, поставленный на берегу «лигель-адъютантъ торопливо отворилъ дверь корчмы, и сказалъ: «Бдетъ, ваше величество». Императоръ взялъ со стола шляпу и перчатки, и тихо вышелъ изъ комнаты, разговаривая съ королемъ прусскимъ. Взоры всѣхъ устремились за Нѣманъ. Наполеонъ, съ пышнымъ конвоемъ, въ лентѣ Почетнаго-Легіона, несся на лошади между двухъ рядовъ гвардіи. Гулъ восклицаній отборныхъ его воиновъ доносился до нашего берега.

Александръ и Наполеонъ сѣли въ лодки въ одно время. Государя сопровождали: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Беннингсенъ, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ и генералы: графъ Ливенъ, Уваровъ и князь Лобановъ-Ростовскій. Съ Наполеономъ были Мюратъ, Бертіе, Бессіеръ, Дюрёкъ и Колленкуръ. Когда обѣ лодки отчалили, величіе зрѣлища, ожиданіе событій мировыхъ взяли верхъ надъ всѣми чувствами. Во время переѣзда по рѣкѣ, Александръ и Наполеонъ хранили молчаніе. Наполеонъ стоялъ въ лодкѣ со сложенными на груди руками. За нѣсколько секундъ прежде Императора Александра приставъ къ плоту, онъ быстро взомель на него, и спѣшилъ на встрѣчу Государю. Когда нашъ Монархъ ступилъ на плотъ, мощные соперники подали одинъ другому руку, и не произнеся ни слова, вошли въ павильонъ. Въ ту минуту отчалило отъ лѣваго берега Нѣмана большое судно съ вооруженными солдатами — ихъ было человекъ двадцать — и стало между плотомъ и нашимъ берегомъ. Свиданіе Александра и Наполеона длилось часъ и пятьдесятъ минутъ, послѣ чего позвали они къ себѣ особъ своей свиты, и взаимно представляли ихъ одинъ другому. Наполеонъ особенно обласкалъ Беннингсена, и между прочимъ сказалъ ему: «Я всегда

« удивлялся вашему благоразумію; вы были очень злы, подъ Эй-лау ». Во все время свиданія, прусскій король стоялъ на берегу Шѣмана съ княземъ Волконскимъ—нынѣ министръ Высочайшаго Двора—мало разговаривалъ съ нимъ, но болѣе молчалъ. Въ роковой часъ, когда рѣшался жребій его монархіи, онъ постоянно устремлялъ взоръ и слухъ на плоть, какъ-будто желая вслушиваться въ разговоры обонхъ Императоровъ. Одинъ разъ онъ поѣхалъ съ берега въ рѣку, и остановился, когда вода была по поясъ лошади его. Возвратясь со свиданія, Императоръ отправился съ королемъ въ свою главную квартиру. Въ чемъ заключался разговоръ его съ Наполеономъ и потомъ съ прусскимъ королемъ, неизвѣстно. Знаемъ только, что сначала Наполеонъ не намѣренъ былъ видѣть короля, рѣшась уничтожить политическое бытіе Пруссіи. Смягченный настояніями Императора Александра, онъ согласился принять злополучнаго монарха, и не требовать отъ него сдачи Кольберга, Пиллау и Грауденца. На другой день Императоръ поѣхалъ къ Наполеону съ королемъ. Свиданіе, по-прежнему, происходило на Шѣманѣ. Повинуясь судьбѣ, король предсталъ передъ побѣдителемъ, не забывая своего высокаго сана. Между прочимъ Наполеонъ повторилъ ему рѣшимость свою не допускать Гарденберга къ переговорамъ о мирѣ, хулилъ прусскія войска и гражданское управленіе. По возвращеніи со свиданія, король былъ въ самомъ грустномъ расположеніи духа. Императоръ Александръ сказалъ, что разговоръ Наполеона былъ королю весьма неприятенъ. Знаменитый плоть на Шѣманѣ, гдѣ дружжелюбно встрѣтились Александръ и Наполеонъ, былъ прославленъ рѣзцомъ, кистью, стихами. Вѣрнѣе другихъ изобразилъ его въ прекрасной картинѣ Горациі Вернетъ.

Наполеонъ долго не хотѣлъ, чтобы прусскій король жилъ въ Тильзитѣ. Онъ каждый день пріѣзжалъ сюда по утрамъ къ Императору Александру. Наконецъ, черезъ пять дней Наполеонъ согласился на желаніе русскаго Императора — и король переехалъ въ Тильзитъ. Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей объ образѣ жизни Императоровъ въ Тильзитѣ:

Императоры жили одинъ отъ другаго шагахъ въ пяти этажъ. Утро начиналось тѣмъ, что оберъ-го-маршалы графъ Толстой и Дюрбокъ приходили осведомляться, первый о здоровьи Наполеона, а второй о здоровьи Александра. Часу въ пятомъ Императоры, иногда съ королемъ прусскимъ, бакалѣ прокуливались, или

на смотры и ученья французскихъ войскъ, расположенныхъ близъ Тильзита въ красивыхъ лагеряхъ. Наполеонъ обыкновенно ѣзжалъ на всю лошадиную прыть, кратчайшимъ путемъ, не дорогою, но полянами и оврагами. Потому, вмѣсто кавалергардовъ, но тяжести лошадей ихъ, государь назначилъ въ свой конвой лейбъ-гусаровъ. Послѣ смотровъ, учений или прогулокъ, Императоръ Александръ всегда обѣдалъ у Наполеона. Иногда бывали приглашаемы къ обѣду прусскій король, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и великій герцогъ Бергскій, Мюрать. За столъ садился въ восемь часовъ. Потомъ Монархи разставались на короткое время. Часовъ въ десять вечера Наполеонъ приходилъ къ государю пѣшкомъ, одинъ, безъ свиты и адъютантовъ, въ своей исторической шляпѣ и скромъ куртукѣ, при видѣ которыхъ дрожала западная Европа. Наполеонъ оставался съ государемъ далеко за-полночь».

Конецъ этого новаго прекраснаго сочиненія, которымъ генералъ-лейтенантъ Михайловскій-Данилевскій обогатилъ русскую военную литературу, заключается въ общемъ обзорѣ нн тильзитскаго мира, въ изслѣдованіи причинъ, которыя сблизили обоихъ Императоровъ и въ описаніи бѣдственнаго положенія союзныхъ державъ, которыя съ такимъ малодушіемъ предоставили невѣрную судьбу этой кровавой войны одной Россіи, въ то время, когда она такъ благородно отстаивала права своихъ униженныхъ союзниковъ. Все эти разсужденія носятъ на себѣ яркій отпечатокъ вѣрнаго изученія и глубокихъ соображеній знаменитаго автора. Вотъ послѣдняя страница, опредѣляющая въ немногихъ словахъ характеристику русской арміи въ эту достопамятную войну и положеніе Императора Александра, въ отношеніи къ его союзникамъ и къ Наполеону послѣ заключенія тильзитскаго мира:

«Вообще, въ военномъ отношеніи, вторая война Императора Александра съ Наполеономъ покрыла русское воинство блистательною славой. Куда не обращалъ Наполеонъ удары свои, всюду находилъ онъ неодолимый отпоръ. Великій полководецъ петлялся въ соображеніяхъ гениальныхъ, войска его истощались въ порывахъ высокаго мужества, но втеченіи полугода нигдѣ не могъ онъ сокрушить русскую армію—свидѣтелями: Пултускъ, Голлинъ, Эйлау, Гейльсбергъ. Полководецъ Александра, противопоставленный Наполеону, принадлежалъ къ числу искуснѣй-

шихъ генераловъ своего времени, однако жъ, хотя далеко уступалъ въ дарованіяхъ своему сопернику, былъ имъ побѣжденъ только однажды, въ Фриляндѣ, когда изнемогалъ подъ бременемъ тяжкаго недуга. Впродолженіи всего похода, Русскіе постоянно удерживали за собою первенство надъ Французами въ ратномъ дѣлѣ. Изнуряемые голодомъ, выдерживая нападенія превосходнаго въ числѣ непріятели, ведомаго Наполеономъ, передъ которымъ въ нѣсколько дней исчезали австрійскія и прусскія арміи, могли ли бы наши, въ противномъ случаѣ, устоять въ упорныхъ битвахъ, ознаменовавшихъ войну 1806 и 1807 годовъ?

Тильзитскій миръ заключилъ первую эпоху въ политическихъ дѣйствіяхъ Императора Александра. Послѣ двукратнаго состязанія съ Наполеономъ, онъ увидѣлъ невозможность полагаться на союзниковъ, и всообходимость надѣяться только на самого себя. Съ-тѣхъ-поръ обратилъ онъ главное вниманіе на дѣла вѣншей политики и на упроченіе могущества своей Россіи, зорко слѣдя за каждымъ шагомъ Наполеона. Никогда не терявшій вѣры въ добрыя начала челоуѣка, Александръ думалъ найти въ Наполеонѣ достойнаго сотрудника въ царственныхъ заботахъ о счастіи народовъ, но былъ готовъ въ третій разъ позвать его на судъ Божій, если Наполеонъ обманетъ надежды на него, измѣнитъ даннымъ въ Тильзитѣ обѣтамъ единомыслія къ общему благу. И когда пробилъ часъ, указанный Провидѣніемъ, грозою разразился Александръ на преступника обѣтовъ, объявивъ ему войну — безъ мира.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

ОКТАБРЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ. В. Асоченскаго. *Кіевъ, въ тип. Вальнера, 1846, въ-12., стр. 300.*

Въ самой поэтической странѣ Россіи, въ самой наполненной чудными воспоминаніями, гдѣ безпрестанно и шумно воздвигались за облака и падали въ прахъ колоссальныя величія человѣческія, фантастическія державы Скивоувъ, Роксолановъ, Сарматовъ, Готтовъ, Аваровъ, Варяговъ, Казаковъ, гдѣ воздухъ гремитъ еще славою Германриковъ, Баяновъ, Игорей и Хмельницкихъ, гдѣ земля и вода дрожать подъ стопами вѣдьмъ, русалокъ и лѣшихъ, гдѣ все—сказка, исторія, фантазія, волшебство и поэзія, счастливые Борисоениты беззаботно дремлютъ на берегахъ великой исторической рѣки, и господиць Асоченскій, Амфіонъ блаженной страны, поетъ имъ дивную пѣснь о двухъ геніяхъ, изъ которыхъ одинъ — *въ разсыпчатыхъ кудряхъ*, а у другаго *лобъ свѣтитъ совершенствомъ*.

« Два свѣтлыхъ генія съ за-облачныхъ сторонъ

Въ нашъ дольний міръ сошли намъ въ радость, утѣшенье:

Одинъ изъ нихъ игривъ и счастьемъ упоенъ,

И жизнь онъ любилъ, какъ любятъ наслажденье.

Въ *разсыпчатыхъ кудряхъ*, съ огнемъ въ живыхъ глазахъ.

Съ насмѣшкой легкою, съ улыбкой на устахъ.

Нытливаго ума не устремляя вдалъ,

Онъ смѣло гонитъ прочь докучную печаль:

Другой задумчивъ, тихъ, какъ праведника радость,

Какъ мимошедшихъ дней намъ пѣматная сладость,
И полонъ взоръ его глубокаго блаженства,
И *свѣтитъ чело умомъ и совершенствомъ,*
Онъ въ сердцахъ вздохъ любви глубоко затаилъ,
И въ жизни лишь одно раздумье полюбилъ.»

Сладко поеть господинъ Аскаченскій — слаще кievскихъ вареньевъ — и гуслей своихъ не настраиываетъ, чтобъ не прерывать вдохновенія — и, сидя на высококомъ берегу священной Борисъ-рѣки, поеть дивныя пѣсни свои всѣмъ и всякому. Между прочимъ спѣлъ онъ почтенному батюшкѣ своему такую пѣсенку, что батюшка, я думаю, схватился за голову, обѣими руками:

«Эхъ, зачѣмъ же ты,
Родной батюшка,
Не училъ меня —
Добра молодца —
Русской грамотѣ!...

.....
Я бы сѣлъ за столъ,
Взялъ бы перышко —
Не гусиное,
Лебединое, —
И пошла писать —
Только смарывай! —

Несмотря на это маленькое затрудненіе, господинъ Аскаченскій пишетъ—да еще какъ пишетъ!.... *только смарывай!* А иногда онъ и переписываетъ:

«Что задумался,
Добрый молодецъ,
Затуманились
Очи ясныя?
Опустивъ, свидишь,
Руки крѣпкія,
И къ землѣ склонилъ
Ты головушку?

.....
Размахни рукой
Кудри русыя....

.....
Опустилися
Руки крѣпкія;
Развилакъ совсѣмъ
Кудри русыя.»

«Удовольствовались и родители вы сердобольного,

Успокоили вѣжную мать;

И какъ взглянешь вокругъ, — и лица уже нѣтъ недовольнаго!

И нѣ знаешь ужъ что и сказать.

Нѣтъ, — кому, а для васъ весьма легко во всемъ быть исправною:

Полюбить, и потомъ позабыть,

И передъ кучею бабушкѣ, тетускѣ слыть благоправною

И угодной родителямъ быти!»

Нѣтъ, далѣе не могу! Слишкомъ высокая поэзія! Слишкомъ очаровательные звуки! Наслажденіе читать такіе стихи можетъ сравниться только съ наслажденіемъ ѣхать въ тарантасѣ отъ Воронежа до Кіева. Я выберу коротенькое стихотвореніе, съ коротенькимъ размѣромъ; а длинныхъ кіевскихъ стиховъ читать не могу: духъ захватываютъ своими безконечными прелестями.

«Ты, милый мой, чудесно сотворенъ!

Создавъ, судьба тебя благословила,

И отпуская въ свѣтъ, проговорила:

«Ступай, не писанъ для тебя законъ!»

Это — эпиграмма, остроуміе. Я очень радъ, что нашелъ такую острую и веселую вещицу на самомъ концѣ книги: по крайней-мѣрѣ, вы будете, въ заключеніи хохотать безъ памяти.

гусарь, *повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе* Юмы Вахрушева. Москва, въ тип. Лазаревыхъ Института, 1846, въ 12., стр. 95.

Это московскій «Онѣгнинъ». Философія жизни, остроуміе, сатира. Господинъ Юма Вахрушевъ рассказываетъ, какъ хорошо чело-вѣчку, прїѣзжему изъ столицы, жить въ уѣздныхъ городахъ; какъ тамъ столичный чело-вѣкъ, съ барышнями

«Ведеть заманчивую рѣчь

И въ ней касается до плетъ».

Герой новаго стихотворнаго романа, молодой гусарь Аллигнъ, является въ нѣкоторый уѣздный городъ и останавливается у исправника. Почтенный блюститель земскаго благочинія принимаетъ его съ открытыми объятіями.

«Сказать по правдѣ долженъ я,

Что ужъ они между собою

Познакомились давно.»

Я однако жъ не вижу, чтобы это было сказано по правдѣ. По чистой правдѣ сказать, они познакомились... Но какъ бы

то ни было, исправникъ, который хорошо знаетъ бонтоу и умѣетъ принимать гостей, подаетъ гусару —

« Жуэта пѣнистый бокаль, »

Въ уѣздахъ, сказать по правдѣ, дѣла всегда начинаются шампанскимъ, и именно жуэтомъ. Это прекрасное вино водится во всѣхъ русскихъ уѣздныхъ городахъ и всегда предлагается гусарамъ, лишь-только они прїѣзжаютъ изъ столицы. Но —

« Покуда пьетъ нашъ гость *вторигно*

Тотчасъ я васъ *познакомлююююю*

Съ прїѣзжимъ этимъ изъ столицы. »

« Познакомлюююю? Стало-быть, это дѣло рѣшеное?... *познакомимиить*, а не не *познакооооооимить*?... Сказать по правдѣ, мы этого не знали. Должно быть, такое нарѣчїе, которое водится въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ съ барышнями — ведутъ заманчивую рѣчь — и въ ней касаются до плечъ — гдѣ растутъ знаменитое вино жуэтъ, и гдѣ исправники встрѣчаютъ прїѣзжихъ изъ столицы съ пѣнистымъ бокаломъ этого нектара въ рукѣ.

Отецъ молодого гусара Алинина благодѣтельствовалъ исправнику, пристроилъ его къ мѣсту и женилъ на дочери своего управителя, прекрасной Еленѣ. Молодой Алининъ въ старинные годы волочился за Леночкой, и теперь, нарѣзавшись порядочно жуэта, снова принялся за прежнее ремесло. Исправникъ косо поглядывалъ на каминъ —

« А Лѣня радости небесной

Такъ съ *обращенїем* полна,

Что чуть въ приличїи.....

Однако, слава Богу, осталась съ приличїемъ. Между-тѣмъ прїѣзды гусара надѣлалъ шуму въ уѣздномъ городѣ: засуетились барышники; расхлопотались матери; начинаются вечера и балы, съ великимъ шампанпродлѣтїемъ знаменитаго жуэта. Гусаръ торжествуетъ: на каждомъ шагу — новая побѣда и новый бокаль жуэта. Это все — еще до балу. Наконецъ назначается балъ, балъ у исправника, балъ на-славу, описанный самымъ блестящимъ образомъ :

« Но вотъ вспотѣвшїе танцоры

Сядутъ тихо по мѣстамъ;

И снова слышны разговоры;

И многочисленныя гостяяъ

Настало снова угощенье:
 Мороженое и варенье
 Ишь то и дѣло, что пьесуть;
 А вотъ и кофе подають
 И съ нимъ парожного подносы;
 А вотъ, кто хочетъ, шеколадъ;
 А вотъ и медъ и лимонадъ.
 Живѣй рассказы и разспросы;
 И каждый начинатьъ рѣчь,
 Желая самъ себя развлечьъ.

Какъ вы видите, мало того что въ томъ городѣ два человѣка познакомились между-собою: *вспотывшие* танцоры еще ѣдятъ тамъ мороженоooooooooоооооо, мѣстное уѣздное кушанье.

Павѣвшись мороженааааааааааго, послѣ балу, молодой гусаръ прощается съ Леночкой и уѣзжаетъ. За отъѣздомъ героя — конецъ повѣсти въ стихахъ.

Таковъ московскій «Овѣгнѣвъ». Позвольте, теперь я васъ знакомяю съ петербургскою поэзіей.

ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУЧИКЪ ПАТКУЛЬ, *трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ. Сочиненіе Нестора Кукольника. СПб.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1846, въ-12 д. стр. 152 и IV.*

Новая поэма Нестора Васильевича Кукольника — новое и важное событіе въ мирѣ, неменѣе любопытное чѣмъ новый корабль изъ хлопчатой бумаги и новая планета, Нептунъ. «Паткуль» давно уже написанъ, и давно пользуется славою лучшей драмы знаменитаго поэта. Многіе ее знаютъ; многіе объ ней слышали; нѣкоторые даже имѣли счастье слышать ее въ чтеніи самого Нестора Васильевича, который читаетъ удивительно: это — музыка, обаяніе, зачарованіе. Разумѣется, Несторъ Васильевичъ, для этого, долженъ читать свои сочиненія, и хорошія сочиненія: но сочиненія Нестора Васильевича всегда хороши — чѣмъ бы те ни было. Вы ходите иногда, что, послѣ восторгу, послѣ безконечныхъ восклицаній, выходящихся изъ васъ во время такого чтенія, когда вы поможъ сами станете читать книгу, вамъ кажется иначе; многія хорошія мѣста пропадаютъ; слабыя выступаютъ пятнами шаруму вы недовольны.... Кѣмъ? Вы недовольны Несторомъ Васильевичемъ? Нѣтъ, вы должны быть недовольны собою: вы, просто, читать не умѣете!... И всё тутъ.

Но я не думаю, чтобы «Генералъ Паткуль» нудился въ по-

кровителствѣ чуднаго чтецкаго таланта Нестора Васильевича. Какъ вы сейчасъ увидите, это превосходное твореніе можемъ и ны читать, безъ обиды красотаѣ его.

Въ первомъ дѣйствіи, генералы польскаго короля и курьерста саксонскаго Августа, убѣждаютъ его на сраженіе со Шведами; Августъ не рѣшается, онъ ожидаетъ мирнаго трактата, который уже заключенъ съ Карломъ-Двѣнадцатымъ. Но генералы докучаютъ новыми просьбами; войско безъ денегъ; у Мардофельда вся Шведская казна, одно слово,

«И гроизъ орудій возвѣститъ побѣду».

Королю Августу нечего дѣлать; онъ соглашается:

«Вотъ привязались! хорошо! ступайте!

En ordre de bataille устройте войско,

А черезъ полчаса и я приду....

Dérez-vous, графъ Шулембургъ, ступайте!»

А между-тѣмъ онъ отправляетъ своего перваго министра графа Флеминга, предупредить Мардофельда о состояніи дѣла. Черезъ нѣсколько минутъ раздаются пушечные выстрѣлы; сраженіе началось; Мардофельдъ нападаетъ....

Побѣтъ—с'est mal! побѣтъ—tant pis!... Что дѣлать?

Ухъать и конецъ! Луи! карету!

Въ это время за сценой раздается голосъ Паткуля: Луи, коня! Король Августъ опоздалъ, ухъать нельзя, отъ этого гостя отдѣлаться трудно. Еще осталось средство, остановить дѣло; у Августа нѣтъ денегъ. Паткуль даетъ ему сорокъ тысячъ крогъ.

АВГУСТЪ.

И все въ билетахъ!

Солдаты съ такой монетой незнакомъ;

Бумагамъ вѣрить онъ, какъ обѣщаньямъ,

А обѣщаньямъ онъ привыкъ не вѣрить....

Постойте! Средство есть! И деньги будутъ....

Бѣгите къ гетманамъ и Шулембургъ,

Вступитъ въ сраженіе ихъ разрѣшите,

Они повѣрятъ вамъ, а по дорогѣ,

Пришлите мнѣ Леммея изъ обоза....

Паткуль отправляется за банкиромъ. Августъ любитъся на билеты.

Пусть только десять тысячъ для себя

Я удержу, а тридцать Шулембургъ.

И армія саксонская въ порядкѣ

На мѣсяцъ, на два.... десять тысячъ мало!

Багъ въ Дрезденѣ, поѣздка въ Альтъ-Ранштатъ
 Для подписанья мира.... двадцать тысячъ
 По малой мѣрѣ.... по-поламъ съ войсками
 Подѣдимся по-братски.... Вотъ и Леммель!

Но у Леммеля тоже денегъ нѣтъ; онъ на все свое золото на-
 купилъ брилліантовъ, по заказу придворныхъ красавицъ короля.
 Августъ безъ дальнихъ словъ перекупаетъ у него всѣ заказныя
 вещи на билеты Паткуля; онъ готовитъ своимъ красавицамъ не-
 ожданнѣйшій подарокъ. Въ Калишѣ онъ раздаетъ эти брилліанты
 графинѣ Кенигсмаркъ, княгинѣ Тешенъ и графинѣ Эстерле. Въ
 это время является Паткуль; онъ съ горькимъ упрекомъ требу-
 етъ денегъ и яркими красками описываетъ несчастное положеніе
 Саксоніи.

Народъ давно уже платить не можетъ....
 Коммиссія саксонскаго правленья
 Проектами архивы наполняетъ,
 Какую подать новую устроить?
 Князь Фюрстенбергъ саксонскія владѣнья
 Всѣмъ продаетъ чуть-чуть не съ молотка:
 Наслѣдство Лауенбурга, графство Шварцбургъ,
 Аббатство Кведлинбургское.... все продаѣтъ.
 И безъ войны Саксонію обрѣзаѣтъ....
 Кредитъ упалъ.... довѣріе исчезло;
 Всѣ капиталы будто провалились;
 Друзья другъ другу перестали вѣрить;
 Штатгалтеръ и коммиссія, какъ волки
 Добычу ищуть.... Кто неосторожно
 Послѣднихъ денегъ спрятать не успѣлъ,
 Насильно отняли, и безъ возврата!...
 Я вашему величеству служилъ
 Перомъ, и, нечего таить, кредитомъ.
 Я не жалѣлъ ни денегъ, ни труда.
 Вы были службою моею довольны!
 Но я былъ не доволенъ, государь!
 Вы правъ Лифляндіи не отстаили;
 Графъ Флемингъ бѣдную свою отчизну
 На истязанье продаѣтъ Карлу; гордость
 Исчезла; малодушіе явилось;
 И первый неуспѣхъ рѣшилъ все дѣло....
 Еще и войскъ, и денегъ было много...
 А храбрые Саксонцы отступали;
 Союзника, Великаго Петра,
 Съ его новорожденнымъ, слабымъ войскомъ

Оставили на жертву Шведамъ; Петръ
 Все потерялъ и все обрѣлъ подъ Нарвой:
 Для твердости несчастье только опытъ;
 И арміи въ Лифляндіи и Польшѣ,
 Въ Литвѣ, въ Азовѣ и у стѣнъ Китая;
 Колокола на пушки перелиты,
 Лѣса срослись и вышли въ море флотомъ;
 Кипитъ трудомъ безмѣрная Россія
 И стукъ работъ во всей Европѣ слышенъ!...

Чего же вы хотите отъ меня? спрашиваетъ Августъ. Бриллиантовъ! отвѣчаетъ Паткуль.

Они мои!

Я деньги далъ на жалованье войску,
 Мнѣ дорогъ былъ успѣхъ сраженья съ Шведомъ;
 Въ часъ крайности я отдалъ бы себя,
 Невѣсту подъ закладъ; но лишь бы свято
 Исполнить долгъ московскаго посла.
 Пожалуйте, брильянты, государь!
 Они принадлежатъ войскамъ саксонскимъ.
 Графъ Шулембургъ сейчасъ получить деньги,
 Союзники пойдутъ на Альтъ-Ранштатъ!
 И главную квартиру короля
 Мы въ Пруссію переведемъ насильно,
 И по-невогѣ курфирстъ Бранденбургскій
 Пристанетъ къ нашему союзу....

АВГУСТЪ.

Паткуль!

Удача ослѣпила васъ. — Семь тысячъ
 Не сорокъ тысячъ.... Тамъ не Мардофельдъ,
 А Карлъ-Двѣнадцатый!...

ПАТКУЛЬ.

А съ нами Богъ

И дѣло правое!... Король, вамъ стыдно
 У этихъ дамъ подарки отнимать ...
 Я понимаю ваше положенье....
 Но у меня, клянусь, нѣтъ больше денегъ,
 Я доведенъ до неприятныхъ мѣръ....

(Подходитъ къ Тешенъ.)

Княгиня Тешенъ....

ТЕШЕНЪ (отдавъ коробочку).

Я васъ понимаю

И этихъ слезъ народныхъ не надѣну.
Возьмите!... Но....

ПАТКУЛЬ.

Графиня Кенигсмаркъ....

ТЕШЕНЬ.

(Онъ даже говорить со мной не хочетъ)....

КЕНИГСМАРКЪ (*отдаетъ коробочку*).

Я раздѣляю ваши мысли, Паткуль:
Богатство прочное въ однихъ побѣдахъ.

ПАТКУЛЬ.

Графиня Эстерля....

ЭСТЕРЛЯ.

Что вамъ угодно?

Я не привыкла отдавать подарковъ,
Полученныхъ отъ Фрица....

ПАТКУЛЬ.

Понимаю!

Я долженъ буду ихъ отнять! Извольте!

(*Вырываетъ изъ рукъ ея футляръ съ бриллиантами.*)

Графъ Шулембургъ! Пожалуйте! Король
Велѣлъ вамъ выдать сорокъ тысячъ кронъ....
Прошу васъ, потрудитесь получить....

Эта мастерская сцена, полная драматическаго движенія безъ всякихъ натяжекъ, принадлежитъ къ исторіи того времени и взята изъ собственнаго разсказа Паткуля.

Между-тѣмъ Августъ получаетъ тайный договоръ, посланный имъ Карлу Двѣнадцатому. Одно изъ условій этого трактата требуетъ выдачи Паткуля. Августъ колеблется; съ одной стороны онъ боится Петра, боится нарушить неприкосновенность рускаго посланника; съ другой стороны онъ ненавидитъ гордаго, непреклоннаго Паткуля.

За Паткуля — два царства потерять;
За Паткуля, который каждый день
Меня въ порокахъ разныхъ упрекаетъ,
Грозитъ своимъ Петромъ, при всѣхъ дворахъ
Чернить меня.... высокомерный, гордый,
Вчера еще покрылъ меня стыдомъ,
Какого помыслить не удавалось
Послѣднему изъ подданныхъ моихъ;

И наконецъ въ сердечныя дѣла
Онъ вползъ тайкомъ; украдъ книжню Тешень....
Довольно, кажется, подготовъ къ мести....

Между-тѣмъ Августъ успѣлъ уже влюбитья въ невѣсту Паткуля, въ прекрасную Розу — и эта любовь выводитъ его изъ нерѣшимости; онъ забываетъ свои обязанности, забываетъ Петра — и Паткуля арестуютъ по его приказанію. Сцена ареста превосходна; гордый характеръ Паткуля мастерски обрисованъ. Отсюда поэтъ переноситъ насъ въ Кенигштейнскую Башню; Паткуль стоитъ у рѣшетки окна.

«Что мой паукъ? — Сидитъ на чуткой стражѣ,
Раскинулъ сѣть для маленькихъ враговъ,
И, неподвижный, ждетъ своей добычи!..,
Паукъ — министръ, но въ собственныхъ сѣтяхъ
Запутаться не можетъ.... Ахъ, и я
Считалъ себя искуснымъ паукомъ,
Еще висятъ обрывки паутины,
А зодчій въ стьянкѣ подъ семью замками!..

(Садится къ письменному столу и беретъ перо.)

Уединенье, свѣтъ для старыхъ дѣлъ;
Темница — ложа дряхлаго театра;
Воспоминанья, добрые актеры;
Безъ-устали играютъ да играютъ....
Едва перо за ними посвѣваетъ....
Для памяти нельзя быть графодромомъ,
А жаль! Разкажъ ея такъ интересень....

(Пишетъ.)

Глава вторая — Паткуль депутатъ....

(положивъ перо)

Клочокъ земли любезный и священный!
Ты, какъ Миланъ, былъ жертвой бурь военныхъ;
Владыки сѣвера турниръ кровавый
Открыли на тебѣ и за тебя!
Вѣками спорили, кому владѣть
Красавицей роскошной!... Богъ судилъ
И слилъ тебя съ Имперіей Петровой.

(Встаетъ.)

Я первый волю неба угадалъ,
Я первый сталъ подъ знамена Петровы,
Умъ, сердце, руки, все на службу отдалъ,
Шелъ на огонь придворныхъ заговоровъ,
Нещадно билъ враговъ Петровой пользы,
Срывалъ личины съ гордыхъ лицемѣровъ,

Снималъ съ коварной лести позолоту
 И думы ядовитыхъ насѣкомыхъ
 Читалъ прилежно въ тайный микроскопъ!...
 Не понимаю, какъ меня достало;
 Какъ въ этой зараженной атмосферѣ
 Въ моей душѣ не зародились черви;
 А уцѣлѣлъ, благодаренье Богу!...
 Кто тамъ?

Комендантъ крѣпости предлагаетъ ему бѣжать; Паткуль отказывается; Шведы уводятъ его въ станъ Карла-Двѣнадцатаго и вотъ развертывается страшная картина несправедливой казни. Паткуля привязываютъ къ позорному столбу; народъ съ уваженіемъ и ужавомъ отъ него отворачивается; на немъ позорная рубаха, цѣпи гремятъ, борода отросла. Выходитъ Карлъ; онъ горько издѣвается надъ своей несчастной жертвой; онъ смѣется надъ посломъ Петра, ждетъ рѣчи отъ знаменитаго дипломата. Паткуль долго молчитъ, долго борется; наконецъ не выдерживаетъ и говоритъ:

Я мертвъ. Осталось только умереть!
 Но я боюсь жестокости твоей;
 Ты, государь, цвѣтовъ, вина и женщинъ
 Не любишь; судороги бранной смерти
 Твоя цвѣты, любовница — война,
 А кровь — вино.... Обрядъ судилищъ тайныхъ
 Разнообразныхъ рядъ жестокихъ пытокъ,
 Колеса, костеломныя машины,
 Сѣкиры, плахи — вотъ твои забавы,
 Вотъ пьесы театральныя твои....
 Миѣ стыдно, государь, но человѣкъ;
 Я изъ костей и тѣла.... Для тебя
 Жизнь Паткуля нужна, а не мученья....
 Избавь меня отъ ада лютыхъ пытокъ!
 Избавь, молю!...

КАРЛЪ.

Спасибо за совѣтъ!

Помилванія тебѣ не будетъ!

ПАТКУЛЬ.

Ты слышишь — Господи!...

(Сильный ударъ грома).

Война! война

Тамъ далеко въ степяхъ необозримыхъ,
 Водвингнутъ гробъ десницею Петра,

Для воинств твоихъ непобѣдимыхъ!
 Не тучи тамъ, то груды мертвецовъ!...
 То не валы, то пѣвныя громады!...
 Въ жилища неприступныя орловъ
 Плывуть обломки сѣверной армады....
 Гдѣ новый Марсъ, полночный великанъ,
 Подстрѣленный, къ невѣрнымъ убѣгаетъ,
 И съ крови жертвъ, дымясь, встаетъ туманъ,
 Туманъ тотъ стыдъ.... тотъ стыдъ тебя спасаетъ!

КАРЛЪ (*старясь залушить Паткуля*).

Который часъ?

ПИПЕРЪ.

Двѣнадцать.

КАРЛЪ.

Лошадей!

ПАТКУЛЬ.

Ты не умрешь! Есть пытка на землѣ,
 Когда къ главѣ приросшіи лавръ срываютъ,
 И язвы на развѣчанномъ челѣ,
 Какъ прокаженные, не засыхаютъ.

КАРЛЪ (*съ бѣшенствомъ*).

Довольно! Завяжите ротъ ему.

(*Никто не повинуется.*)

ПАТКУЛЬ.

Придетъ пора; возжаждешь смерти честной;
 Мольба твоя до неба не дойдетъ:
 И ты умрешь, какъ путникъ неизвѣстный,
 И воръ тебя какъ ворона, убьетъ!

КАРЛЪ (*топая ногою Пиперу*).

Графъ, ружья заряжать! Гдѣ палачи!

МАЛЬБОРУГЪ.

Себя, несчастный Паткуль, пощадите!

ПАТКУЛЬ (*постоянно возвышая голос*).

Свѣтъ радости не потаитъ своей,
О смерти гордаго съ восторгомъ онъ услышитъ,
И надъ забытою могилою твоей
Великій Петръ всеобщій миръ подпишетъ!...

КАРЪ (*выхвативъ у бомбардира фижиль*).

Посмотримъ! — Графъ! гдѣ пушка вѣстовая?

(*Стрѣляетъ изъ пушки, бросается къ барабану и самъ бьетъ тревогу.*)

Война! Въ походъ на Русскаго Царя!

ПАТКУЛЬ (*на колыняхъ*).

Спаси его, спаси, Всевышній, если можно!
Не гнѣвомъ, милостью безумца укроти!
Какъ бранный пухъ сорви его съ дороги ложной,
И къ подвигамъ добра и пользы обрати.

(*Падаютъ ницъ. Войско начинаетъ собираться. Барабанный бой и громъ продолжаются.*)

Тутъ по моему крайнему разумѣнію — естественный конецъ трагедіи. Но Несторъ Васильевичъ не любитъ поспѣшить концомъ, чтобы не прекратить наслажденія слушателей и читателей. Развѣ ужъ онъ не въ духѣ: тогда, по-скорѣе, пишетъ онъ — конецъ — тамъ, гдѣ дѣло кончилось. Здѣсь онъ прибавилъ еще пятое дѣйствіе, въ которомъ есть очень эффектная сцена. Августъ, окруженный блистательнымъ дворомъ, ѣдетъ на охоту. Въ дверяхъ его останавливаетъ Роза, бѣдная, безумная Роза; она протягиваетъ руку:

Пожалуйте на церковь, государь!
Тамъ цѣлый холмъ его обрызганъ кровью;
Крикъ Паткуля на площади, какъ вѣтеръ
Встаетъ и ходитъ, просится въ дома,
Дѣтей пугаетъ. Надо успокоить,
Собрать въ одно разрозненные члены,
Въ гробъ уложить, похоронить съ почетомъ
И церковь надъ могилою воздвигнуть!

Надъ гробомъ надпись: *Salve festa dies!*
 Онъ этимъ словомъ встрѣтилъ солнце смерти....
 Пожалуйте на церковь, государь!...

Августъ съ ужасомъ отступаетъ; въ это же время его удомляютъ о прїѣздѣ Петра; обѣ половинки главныхъ дверей растворяются. Пажъ громко провозглашаетъ: «Его величество, царь Петръ». Роза бѣжитъ къ нему на встрѣчу и, падая на порогъ, говорить:

«Великій
 И справедливый судія!..... суди насъ!»

Таково содержаніе этого прекраснаго, художественнаго произведенія. Поэтъ написалъ вѣрную и живую картину эпохи. Дворъ Августа является со всѣмъ блескомъ, всѣми странностями, всѣми интригами; разговоръ полонъ драматическаго движенія: французскія фразы портятъ русскій стихъ, но придаютъ лицамъ натуральный колоритъ. Характеръ Паткуля обрисованъ твердой и искусной рукой. Развитіе драмы самое естественное: одна только послѣдняя сцена, гдѣ вбѣгаетъ Роза, отзывается нѣсколько театральнымъ эффектомъ, что весьма простительно: трагедія была написана для представленія. Этотъ эффектъ усиливается грознымъ появленіемъ Петра, котораго тяжелые шаги слышатся еще за сценой. *Шаги* уже нѣсколько разъ употреблены въ дѣло на русской сценѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ «Паткуль» написанъ: трагедія Кукольника не выходила въ свѣтъ и нѣкоторые умные люди полагали, что кража нѣсколькихъ шаговъ у такого богатаго человѣка не можетъ его разорить. Несторъ Васильевичъ съ своей стороны, вѣроятно и не очень разсердился на нихъ: вѣдь не онъ шаги выдумалъ! Первая, тяжелыми шагами, ходила Статя Командора, на ужинъ къ Донъ-Жуану.

картина, или *Позвожденія двухъ человѣчковъ. Шутка, сочиненіе В. П. Алферьева. СПб-буржъ, 1846, въ тип. Крайя, въ-12., стр. 215.*

Книга посвящена памяти великаго «Гофмана», стало-быть фантастическая. И въ самомъ дѣлѣ, это настоящая фантастическая книга, нѣсколько дикая, нѣсколько темная, нѣсколько скучная: но это и есть, какъ всѣмъ извѣстно, главное условіе всѣхъ фан-

тастическихъ сочиненій. Чѣмъ меньше вы доберетесь до смыслу, чѣмъ меньше понимаете человѣка, тѣмъ больше у него фантазіи, фантастическаго полету. Можетъ-быть, этотъ человѣкъ и самъ себя не понимаетъ; можетъ-быть, онъ такъ только пишетъ себѣ, безъ всякаго дурнаго намѣренія; но вамъ до этого рѣшительно дѣла нѣтъ; вы всё-таки имѣли полное право говорить, что онъ — фантастическій писатель, потому что вы его не понимаете. Пускай себѣ обижается; онъ самъ виноватъ: зачѣмъ такъ написалъ, что у читателя рябитъ въ мозгу? И поэтому праву мы господина В. П. Алферьева, безъ всякаго сожалѣнія, производимъ въ фантастическіе сочинители, и еще въ самые отчаянные. Сами посудите.

Два пріятеля, живописецъ и поэтъ, Карпъ Степанычъ и Владиміръ Петровичъ, отправляются гулять по окрестностямъ Москвы. У Карпа Степаныча самымъ фантастическимъ образомъ оказывается картинка, тоже совершенно фантастическая, съ настоящей мокрой водой, въ которую оба пріятеля погружаются, съ крошечными собаками, съ маленькими людьми, которые благополучно прибыли сюда изъ путешествія Гуливера. По фантастическому закону этой миниатюрной природы, живописецъ и поэтъ тоже дѣлаются совершенно маленькими; и въ этомъ обидномъ видѣ претерпѣваютъ ужасныя несчастія. Пукъ надъ ними жестоко издѣвается; въ книгѣ есть и Пукъ, какъ необходимая принадлежность всякаго порядочнаго фантастическаго сочиненія. А вы знаете, какой этотъ Пукъ негодяй; онъ все шалитъ, никому не даетъ покою, всѣхъ дразнитъ, всѣхъ дурачить. Маленькій живописецъ и маленький поэтъ отъ него на-силу ушли; и то не вдругъ, не вмѣстѣ, а порознь; судьба ихъ разлучила передъ выходомъ изъ картины, они въ разное время возвращаются въ Москву и возвращаются такими же маленькими, такими же фантастическими, какими были и въ картинѣ. Тутъ слѣдуютъ юмористическія похождения ихъ по Москвѣ, съ фантастическимъ описаніемъ всѣхъ огорченій, которымъ они подвергаются, на чемъ сочинитель благополучно оканчиваетъ свое произведеніе къ истинному, дѣйствительному, не фантастическому удовольствію своихъ читателей.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ПОХОДЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО И СУВОВА. Публичныя лекціи военной исторіи, по Высочайшему по-

сельнію читанныя генеральнаго штаба подполковникомъ Богдановичемъ. СП-бургъ, 1846, въ тип. Крайя, съ-8., стр. 240 и XI.

Въ лекціяхъ господина подполковника Богдановича заключается исторія замѣчательнѣйшихъ походовъ Петра Великаго и Суворова, въ военномъ отношеніи. Картина сѣверной войны, этой исполненной борьбы Петра Великаго съ Карломъ Двѣнадцатымъ, написана съ большимъ искусствомъ. Характеръ военныхъ дѣйствій Русскаго Царя и стратегическія соображенія Карла развиты съ полнымъ безпристрастіемъ. Походы Суворова изложены подробно. Взглядъ на военныя соображенія этого своеюравнаго любимаго войны, доказываетъ глубокое изученіе науки въ нынѣшнемъ ея развитіи. Въ исторіи русской войны вѣтъ имени, болѣе народнаго, болѣе славнаго, какъ имя Суворова; всѣ его знаютъ, этого смѣлаго, быстрого, оригинальнаго, неуловимаго полководца, который дѣлитъ всѣ труды и лишенія съ своими солдатами, который говоритъ съ ними языкомъ доступнымъ и близкимъ каждому русскому. Въ лѣтописяхъ военной исторіи Суворовъ въ первый разъ является въ Семилѣтнюю Войну; дѣйствія его противъ польскихъ конфедератовъ прославили имя русскаго полководца по всей Европѣ. Послѣ дѣла при Столовичахъ Фридрихъ-Великій говорилъ: «Не совѣтую Полякамъ встрѣчаться съ Суворовымъ». Первая турецкая война сдѣлалась для него поприщемъ новыхъ подвиговъ. Въ 1794 году Екатерина снова отправляетъ Суворова противъ конфедератовъ, говоря: «Въ Польшѣ у меня будутъ двѣ арміи: одна — моя войска, другая — Суворовъ».

Но главные военныя дѣйствія Суворова относятся къ походу въ 1799 году противъ Французовъ; и эти дѣйствія до-сихъ-поръ описывались иностранными писателями съ явнымъ пристрастіемъ. Исторія этого походу составляетъ содержаніе второй половины превосходнаго сочиненія господина Богдановича. Книга его въ высшей степени замѣчательная въ военномъ отношеніи, по содержанію и изложенію своему, будетъ занимательнымъ явленіемъ и для каждаго образованнаго читателя.

КАВКАЗЪ И ЕГО ГОРСКІЕ ЖИТЕЛИ, въ нынѣшнемъ ихъ положеніи. Составлено Н. Данилевскимъ. Москва, 1846, въ тип. Университета, въ-12., стр. 136 и IV.

Общее вниманіе въ нынѣшнее время, съ любопытствомъ и ожиданіемъ, устремлено на Кавказъ. Всякая книга о Кавказѣ

найдеть читателей. Каждый досужій писатель, который назоветъ свое произведеніе этимъ волшебнымъ именемъ, не ошибется въ расчетъ; книга его разоидется; это будетъ выгодная спекуляція. Но это еще не можетъ служить доказательствомъ, что каждая жадная книжонка о Кавказѣ должна быть и хороша и занимательна. Произведеніе господина Данилевскаго, на ста-тридцати-шести страницахъ, заключаетъ въ себѣ, по оглавленію, все, что только можно сказать о Кавказѣ: его границы, племена, раздѣленіе этихъ племенъ, сухопутныя и морскія сообщенія, горы, рѣки, лѣса, климатъ, естественную исторію, по всѣмъ тремъ царствамъ природы, исторію Кавказа, религію, языкъ, архитектуру, образъ правленія, законы, обычаи и нравы кавказскихъ жителей, воспитаніе и образъ жизни этихъ народовъ. Тутъ все есть — и ничего нѣтъ. Книжонка составлена изъ сочиненія Броневскаго, дѣльнаго, но уже устарѣлаго. Все остальное у господина Данилевскаго состоитъ изъ промаховъ, недоразумѣній и ошибокъ. Это — вѣчная путаница въ словахъ и въ мысляхъ; рѣки по прихотти автора стекають, то съ одной горы, то съ другой. И эта путаница украшена приличнымъ образомъ нѣсколькими лубочными картинками: между ними есть и портреты, на которые нельзя смотрѣть безъ отчаянія: можно ли было, напримѣръ, до такой степени изуродовать открытое, гордое, благородное, прекрасное лицо покойнаго Пассека? Или кто узнаеть въ этихъ сонныхъ деревянныхъ фигурахъ какого-нибудь ловкаго, быстрого, неукротимаго дорца?

О языкѣ церковно-славянскомъ, его началѣ, образованіи и историческихъ судьбахъ. Сочиненіе Константина Земщичаго. Одесса, 1846, въ тил. Брауна, въ-8., стр. 123.

Въ началѣ книги авторъ разбираеть различныя мнѣнія о томъ, жѣмъ и когда совершенъ переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ. Отсюда онъ переходитъ къ Кириллу и Меѳодію, разбирая, какія именно книги переведены ими. Послѣ чего разсматриваются различныя мнѣнія ученыхъ о томъ, на какое славянское нарѣчіе сдѣланъ первоначальный переводъ Священнаго Писанія. Не опредѣливъ вопросу основательно, но склоняясь вмѣстѣ съ покойнымъ Полевымъ въ пользу какого-то древняго болгарскаго нарѣчія, авторъ рассказываетъ дальнѣйшую судьбу церковнаго языка у западныхъ и восточныхъ Славянъ,

исторію его грамматики и словарей и подробное исчисленіе церковно-славянскихъ типографій.

Книга эта — добросовѣстный трудъ, доказывающій основательное изученіе предмета и обширную начитанность автора.

гидроятрія, *руководство къ правильному употребленію воды при леченіи болъзней по способу Присница, составленное С. Венцелемъ, старшимъ медикомъ водолечебнаго заведенія въ Лопухинкѣ. СП.-бургъ, 1846, въ тип. Деп. Внѣшней Торговли, въ-12, стр. 234 и XXVII.*

Очень хорошее руководство къ правильному употребленію протудъ по способу Присница. Авторъ разсматриваетъ гидронатическій способъ леченія, какъ часть аллопатической терапіи, и потому очень хорошо дѣлаетъ, что, обливая людей водой, отклоняется отъ всякой браши. Леченіе доктора Венцеля въ Лопухинкѣ, по его убъжденію, многимъ принесло пользу; стало бытъ опъ имѣетъ полное право говорить о своихъ опытахъ, кому же опъ поступаетъ очень просто при изложеніи своей методы и при описаніи болъзней, на которыя нападалъ ваннами и душанк. Тутъ не видно желанія уронить какую-нибудь другую систему; простое изложеніе дѣла, какъ оно было, то есть, какъ господину Венцелю показалось, будто оно было.

ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, Москва, 1846, въ-8., стр. 373.

Труды Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ заслуживаютъ общаго уваженія; это рядъ историческихъ изслѣдованій, которыя неразъ уже обогатили или объяснили матеріалы отечественной исторіи; многія изъ этихъ статей перешли уже въ составъ каждой хорошей исторической бібліотеки. Первая книжка, изданная обществомъ въ нынѣшнемъ году, также заключаетъ въ себѣ нѣсколько весьма замѣчательныхъ статей. Такъ, напримѣръ, очень любопытна «Лѣтопись самовида о войскахъ Богдана Хмельницкаго, о междуусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти». Эта лѣтопись доведена до 1734 года. «Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ, Лаврентія Суровецкаго», заключаетъ въ себѣ всѣ главныя положенія и выводы, на которыхъ впоследствии основывался Шварцъ въ

сочиненіи своемъ «О славянскихъ древностяхъ». Но лучшая статья этой книги, безъ сомнѣнія, принадлежитъ господину Соловьеву. Это—ислѣдованіе его «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». Здѣсь яснымъ, точнымъ и удовлетворительнымъ образомъ разрѣшается одинъ изъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ русской исторіи. Изложеніе простое и пріятное; хорошей критической взглядъ и строгая послѣдовательность въ выводахъ доказываютъ, что авторъ съ умѣньемъ разрабатываетъ старинные матеріалы русской исторіи. Такихъ статей немного попадается, между-тѣмъ какъ онѣ составляютъ важное приобрѣтеніе науки, проливая свѣтъ на темныя страницы далекаго времени. Многіе всю жизнь свою проводятъ надъ старинными матеріалами и роются въ пыльныхъ лѣтописяхъ, но немногіе, избранные, извлекаютъ изъ этого неблагоприятнаго труда свѣжіе и хорошіе плоды. Причина очевидная: при такихъ работахъ недовольно одного терпѣнія; нуженъ тонкій критическій взглядъ провицательнаго ума, который умѣлъ бы обилить и оживить эти мертвые документы.

УТѢШЕНІЕ ВЪ НИЩЕТЬ. *Поучительныя слова, произнесенныя священникомъ Іоанномъ Алексѣевымъ. Сп.-бургъ, 1846, въ-12, стр. 227.*

Собраніе назидательныхъ словъ, писанныхъ въ духѣ христіанской любви, въ утѣшеніе страждущаго человѣчества. Эти слова написаны простымъ и прекраснымъ языкомъ, доступнымъ всѣмъ и каждому, и потому вполне соответствуютъ своей благородной цѣли. Почтенный авторъ Слово примѣрно исполнялъ священное назначеніе настыря церкви, быть утѣшителемъ страждущихъ и нуждающихся, укрѣпить вѣрой и оживить надеждой падшихъ духомъ и на каждый крикъ несчастія отвѣчать святыми словами Евангелія.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

ФИОЛЕТОВЫЯ КНИЖКИ. *Разныя статьи въ стихахъ и въ прозѣ. С. Ахлопова. Книжка первая. Сп.-бургъ, 1846.* — Автору нравится это названіе—фиолетовыя книжки. Очень мило, очень замысловато. И дѣло самое простое; стѣдуетъ только перенести въ лиловую обертку—и фиолетовая книжка готова. А заглавію между-тѣмъ много общасть. Сейчасъ видно, по заглавію видно,

что авторъ себя-на-умѣ; что тутъ кроется что-нибудь такое, фантастическое или юмористическое. Въ началѣ книжки помѣщено Фіолетовое стихотвореніе на смерть Пушкина, правду сказать, нѣсколько запоздалое; авторъ, кажется, это и самъ замѣтилъ; онъ по-крайней-мѣрѣ въ особенномъ примѣчаніи извиняется, что теперь только спохватился напечатать свое стихотвореніе, но онъ не хотѣлъ, тотчасъ послѣ смерти поэта, хлопотать о помѣщеніи своихъ стиховъ въ какомъ-нибудь повременномъ изданіи, « потому что другія стихотворенія по этому предмету занимали въ то время вниманіе публики ». Это очень скромно со стороны автора, тѣмъ больше, что нѣкоторые повременныя изданія, можетъ-быть и не рѣшились бы напечатать у себя стихотвореніе, написанное такими Фіолетовыми стихами, какъ это:

Онъ пѣлъ... Мы къ пѣсни жадный слухъ склоняли
И пѣснямъ мы его рукоплескали....
И вдругъ замолокъ поэтъ!
Что съ нимъ? Гдѣ онъ? Его ужъ больше нѣтъ!...
И пѣсней болѣе его намъ не слышать!...
Его смерть жадная косою поразила,
И на уста его безмолвье положила —
Руки таинственной печать!...
Такъ, Пушкинъ! ты оставилъ свѣтъ,
И въ свѣтѣ все что сердцу мило,
И все чѣмъ въ свѣтѣ сердце жило,
И чѣмъ оно живетъ!
И палецъ съ главы твоей невянущій вѣнецъ,
Отъ Музъ тебѣ и Грацій соплетенный!
И положень трудамъ твоимъ конецъ!
И пламень генія священный
Въ твоей лампадѣ не горитъ!
И лира громкая ужъ боле не звучитъ.

Вслѣдъ за такимъ стихотвореніемъ, въ видѣ особенной статьи, но неизвѣстной причинѣ помѣщено нижеслѣдующее:

« Всѣ чужія горести кажутся намъ двусмысленными, и потому « мы никогда не ощущаемъ къ нимъ совершеннаго соболѣзности.»

(Г-жа Севинье — письмо десятого августа 1677 года.)

Послѣ того фюлетова книжка угощаетъ своихъ читателей рассказомъ о Мирѣ Ферлюзи, удивительнымъ, фантастическимъ, ученымъ, юмористическимъ рассказомъ; послѣ разсказа, по той же совершенно неизвѣстной причинѣ, опять статья, такого рода:

« Сердце челоѣка уподобляется въ нѣкоторомъ отношеніи, на-
« ходящемуся въ дѣйствиіи жернову, который самъ измолачивается,
« оставаясь безъ мелива ».

Франклинъ.

Потомъ слѣдуетъ басня въ подражаніе латинскому, въ кото-
рой

Недаромъ говорить, что люди межъ собой
Часомъ распростятся, порою разойдутся,

Потомъ еще статья такого виду:

Свѣтъ не выноситъ ни слишкомъ много порока, ни слишкомъ
много добродѣтели.

Подъ этой гениальной мыслию нѣтъ подписи, вѣроятно изъ
скромности; а право жаль; эффектъ потерявъ; мнѣ бы гораздо
пріятнѣе было, если бы эти отдѣльныя прекрасныя мысли были
напечатаны вотъ такъ:

« Всѣ чужія горести кажутся намъ двусмысленными, и потому
мы никогда не ощущаемъ къ нимъ совершеннаго соболѣзнованія.
(Госпожа Севинье—письмо десятаго августа, 1677 года.)

« Сердце челоѣка уподобляется въ нѣкоторомъ отношеніи, на-

ходящемуся въ дѣйстви жернову, который самъ измолачивается, оставаясь безъ мелава.

Франклинъ.

«Свѣтъ не выноситъ ни слишкомъ много порока, ни слишкомъ много добродѣтели.

Сергѣй Ахлопковъ.

Неправда ли, что такъ гораздо лучше, гораздо приличнѣе? Всѣ на своемъ мѣстѣ, и Франклинъ и господинъ Ахлопковъ, авторъ фіолетовыхъ книжекъ, который вслѣдъ за своей прекрасной мыслью о порокѣ и добродѣтели, помѣщаетъ статью объ англійскихъ нравахъ, скромно переведенную изъ London Magazine. Послѣ этого перевода ужъ нѣтъ отдѣльныхъ мыслей; видно истощились; книжка оканчивается просто разными философическими и поэтическими афоризмами о Смоленскомъ Кладбищѣ, гдѣ авторъ задаетъ себѣ самые удивительныя вопросы:

«Не здѣсь ли два сердца, которыя бились одно для другаго, перестали биться?»

« Не здѣсь ли два ожесточенныхъ врага, лежатъ спокойно другъ « подлѣ друга? »

Съ вѣтерпѣніемъ свѣтъ ожидаетъ выходу второй фіолетовой книжки господина Сергѣя Ахлопкова.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Незабвенный Александръ [Филипповичъ Смирдинъ спѣшить напомнить о себѣ однимъ изъ тѣхъ блистательно-полезныхъ предпріятій, которыми такъ плодovitо его воображеніе. Нѣкогда, въ современной русской литературѣ, открылъ онъ сто русскихъ литераторовъ. Теперь хочетъ онъ и всѣхъ литераторовъ и всю русскую литературу продать за сто цѣлковыхъ: больше не стѣбитъ!... говоритъ онъ; а извѣстно, что никто лучше его не знаетъ цѣны этимъ вещамъ. И, оцѣнивъ такъ совѣстно нашъ русскій гений, онъ принялся за дѣло: цѣль его —

заклѣчить и издать всѣ лучшія творенія нашей литературы въ одной сотнѣ томовъ, уютныхъ, красивыхъ и дешевыхъ, — томъ по рублю серебромъ, — и начало исполненія увѣчалось уже успѣхомъ. Первые семь вышедшихъ томовъ очень милы, чисты, четки: въ нихъ содержатся — «Сочиненія Озерова» — «Сочиненія Фонъ-Визина» — «Повѣсти и сказки казака Луганскаго».

— Хрестоматія, господина Галахова вышла третьимъ изданіемъ.

— Въ Москвѣ вышла вторая часть «Исторіи русской словесности», профессора Шевырева.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

Н О Я Б Р Ъ .

стихотворенія Владиміра Иванова, *СП.-бургъ, 1846, въ тип. К. Крайл, въ-12., стр. 72.*

Стихотворецъ этихъ стихотвореній, по древнему обычаю стихотворцевъ, предпочитаетъ бывшее настоящему и небывалое дѣльному. Старина всегда прельщала поэзію, потому что поэзія молода отъ природы и хорошо уживается только съ молодымъ челоуѣчествомъ, со стариною. Чѣмъ старѣе старина, тѣмъ, вы знаете, она моложе въ-отношеніи къ намъ, новѣйшимъ, которые родились уже стариками. Молоды ли, спрашиваю, мы, которые, въ день нашего рожденія пьемъ шампанское и закуриваемъ папирсъ, и, подростши на палецъ, выдумываемъ порохъ изъ лаптей и, разочарованные жизнью, мечтаемъ уже о могилѣ, и пишемъ стихи къ кладбищу? Челоуѣчество ужасно состарѣлось! И вотъ почему въ настоящемъ, подъ сѣдиною преклонныхъ лѣтъ роду нашего, рѣшительно нѣтъ ничего поэтическаго. Мы умнѣе отцовъ нашихъ — по весьма простой причинѣ: потому что мы старѣе ихъ, какъ они были старѣе и умнѣе своихъ отцовъ: но умъ — ледъ; что пользы отъ ума для поэзіи? когда же поэзія здвигалась тѣмъ-нибудь умнымъ?... На этомъ основаніи, господиу Владиміру Иванову, какъ истинный поэтъ, обратился исключительно къ старинѣ, къ тому счастливому возрасту, когда у челоуѣчества было еще молодо въ головѣ — когда оно несло гиль и добродушно вѣрило тому что несло — когда оно говорило и дѣлало безсмыслицы, и это прощалось ему, за молодостью и неопытностью. Безсмыслицы!... тутъ-то и настоящая поэзія: какая можетъ быть поэзія въ здоровомъ смыслѣ и въ умѣ? Сказать по совѣсти, кое-какую поэзію можно было, поискавъ хорошенько, найти и въ настоящемъ, потому что, умнѣя да умнѣя безпрерывно, челоуѣчество дотого со-

Т. LXXIX. — Отд. VI.

старѣлось, что уже немножко выжило изъ ума: но всё-таки вѣрнѣе поискать и легче найти необходимыя для хорошей поэзіи безсмыслицы и небылицы въ старинѣ, когда умъ челоѣчества былъ еще молодъ, слабъ и кротокъ. Вслѣдствіе чего, господинъ Владиміръ Ивановъ покорнѣйше проситъ ее —

«Старина ли, старина!
 Расскажи-ка небылицу
 Про заморскую жарь-птицу,
 Про своихъ богатырей,
 Про могучихъ усачей....»

Такъ онъ начинаетъ — и я нахожу, что онъ хорошо начинать. Чтò же старина на это?

«Старина мнѣ погрозилась,
 И рассказывать пустилась.»

За чтò погрозилась она на господина Владиміра Иванова? Подѣлюсь! Онъ хотѣлъ польстить ей, и сказалъ:

«Старина, старина!
 Говорятъ, что ты умна?»

Старина приняла это за насмѣшку: она знаетъ, что ума у ней не много и что авторъ ищетъ у нея поэзіи, а не ума — какъ же ей не обидѣться?

Но она добродушна — незлопамятна — она только погрозилась — и рассказывать пустилась — нижеслѣдующимъ образомъ:

«Далеко-ли высоко-ли,
 Жили весело въ привольи
 Двѣ сестрицы *молодыхъ*,
 Два цвѣточка *полевыхъ*.»

Эти двѣ сестрицы *молодыхъ* собираются вмѣстѣ съ своими подругами по вечерамъ, гадаютъ, толкуютъ сны и говорятъ про разные ужасы. Разъ, послѣ таинхъ разговоровъ, одна изъ *молодыхъ* сестрицъ, Наташа, пропадаетъ. Сосѣди полагаютъ, что она попала въ руки злаго колдуна, который

«Въ бѣломъ саванѣ гулялъ,
 Дико ржалъ и кокоталъ.»

Послѣ такого ужаснаго происшествія —

«Затворились окна, двери,
 Опустѣлъ дѣвичій теремъ,
 И во время вечерка
 Не горитъ въ немъ огонька;
 И въ селѣ томъ не гуляютъ,

И дѣвицы не гадаютъ,
Только дома у свѣтца
Говорятъ про мертвеца.
Да старикъ подь-часъ вздыхаетъ,
Головой сѣдой качая:
— Экой случай! говорить,
И молитву самъ творить.»

Между-тѣмъ время идетъ своей чередой, или, какъ выражается поэтически старина :

«Время легкими крылами
Дни уносить вслѣдъ за днями,»

пока наконецъ вороная тройка останавливается передъ домомъ Наташи, которая бросается въ объятія своихъ родителей и объявляетъ :

«Что давно ужъ съ женихомъ
Сочеталась подь вѣнцомъ.»

Тутъ и конецъ разсказу Старинны. Ума, какъ вы видите, совсемъ у ней и въ заводѣ нѣтъ. Но господинъ Владиміръ Ивановъ, которому нужна только поэзія, благодаритъ ее за эту прелестную, отлично-поэтическую *небылицу*.

«Ну, спасибо, старина!...»

На чтò Старина, по своему старинному достохвальному обычаю, отвѣчаетъ: — Право, не-зачто! — и пускается въ разсказъ другихъ *небылицъ*, въ которыхъ Емеля-Дурачокъ, или Филать-Дуракъ, какъ этого господина называетъ Старина, на Сивкѣ-Буркѣ совершаетъ великолѣпные подвиги, знакомые каждому кто любить и обожаетъ поэзію Старинны.

Послѣ чего, господинъ Владиміръ Ивановъ не выдержавъ, оставилъ благословенную Старинну и запѣлъ на новѣйшій ладъ, подь вліяніемъ собственныхъ своихъ впечатлѣній, про ночь и про луну, которая бродитъ, ныряетъ, мигаетъ и прищуривается тоже нижеслѣдующимъ образомъ :

«Ночь давно. Все кругомъ
Сладкимъ, крѣпкимъ спитъ сномъ,
Только въ небѣ одна
Ходитъ, бродитъ луна.
То нырнетъ въ облака,
То проглянетъ слегка,
То покроется мглой,
Будто сердце тоской,
То прищурясь глядитъ.
То мигнетъ, пропадетъ.»

То надъ тучкой взойдетъ.
 Ты блестяшь не одна.
 Золотая луна;
 Съ тобой звѣзды горять.
 На тебя всѣ глядятъ.
 Знать по-сердцу ты имъ,
 Тѣмъ звѣздамъ огневымъ;
 Знать имъ любо смотрѣть,
 Съ тобой вмѣстѣ горѣть.
 Смерть съ друзьями — красна;
 Жизнь безъ милыхъ — грустна;
 Тяжело, горько жить,
 Если не съ кѣмъ дѣлить
 Счастье, радость, бѣды
 И святая мечта;
 Тяжело грусть таить,
 Безнадежно любить:
 А больнѣе того,
 Не имѣть никого
 Чтобъ тоску передать:
 Сердце съ жизнью отдать,
 Руку дружески взять.
 Съ увѣреньемъ пожать.... »

Насчетъ Старины, господинъ Минаевъ, котораго прекрасный талантъ давно извѣстенъ читателямъ этого журнала, былъ несравненно счастливѣе господина Владимира Иванова. Онъ тоже обратился къ старинѣ за предметомъ къ стихамъ и она *кустилась* рассказывать ему такія *небылицы*, которыя — *вѣрнѣе* ли имъ не *вѣрнѣе* ли — а можно по-крайней-мѣрѣ слушать съ любопытствомъ.

слово о полку Игоря, перевелъ Д. Минаевъ. *СП.-бургъ, въ тип. Фишона, 1846, въ-8., стр., 111 и 88.*

« Начнемъ, други, складомъ старинныхъ людей,
 Рассказъ про святыхъ былинны:
 Какъ Игорь костью положилъ средь степей
 Свои удалыя дружины.
 У правды народной одна сторона,
 У вымысла гравямъ нѣтъ счета:
 Такъ рѣчь у Баяна восторговъ полна,
 Ярка у нея позолота!
 Онъ звучную ль пѣсню кому запоеть.
 Раскинется въ вѣтви мыслями,

Онъ волкомъ по черной землѣ протечеть,
 Орломъ пролетитъ подъ звѣздами!
 Какъ въ прежнія брани могучихъ отцовъ,
 Баянъ, богатырства въ отраду,
 На волю всѣхъ десять пускалъ соколовъ
 Въ угонъ къ лебединому стаду:
 И дивныя пѣсни гремѣли, лились
 Въ почетъ старика Ярослава.
 Причудливо хмѣлемъ вились
 Вкругъ латы и по шлему Мстислава,
 Мстислава, который Редедю сломилъ,
 Одинъ, предъ косоожской ордою;
 Онъ краснаго въ браняхъ Романа хвалилъ.
 И пѣсни тѣ живы молвою!...
 Не соколовъ десять въ охотѣ Славянъ
 Неслись въ лебедей, какъ перуны,
 То вѣщіе персты свободный Баянъ
 Спускалъ на покорныя струны,
 И звуки вставали, и пѣлъ соловей
 И битву и славу великихъ князей!

Такъ мы, други, начнемъ
 Отъ Владиміра, стараго князя, какъ былъ
 Разносилъ славы громъ,
 И сосѣди чело передъ Русью клоняли;
 Такъ и Игорь въ войнѣ
 Не боялся ни стрѣлъ, ни ударовъ булата:
 Вѣренъ былъ старинѣ,
 И высокимъ умомъ побѣждалъ супостата!
 И когда нашъ орелъ
 Рать-дружину повелъ
 Въ половецкую землю войною,
 А по солнышку днемъ
 Тьма чугуннымъ щитомъ
 Проходила зловѣщей бѣдою;
 Не смотрѣлъ онъ, что мглой
 Небо съ черной землей
 Закрывалось незримо тѣнями;
 И на борзомъ конѣ,
 Въ вороненой бронѣ,
 Говорилъ межъ своихъ полками:
 Други! лучше умремъ
 Подъ аварскимъ мечомъ,
 Чѣмъ въ позорный полонъ отдадимся!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Мой послѣдній законъ:
 На коня, да на Донъ
 Мы, какъ вихри степные, помчимся!
 Воля крѣпче щита;
 Пусть съ небесъ темнота
 Одѣваетъ насъ черною пубой бездоля;
 Я хочу, и свое
 Только брошу копые
 По конецъ половецкихъ полей у приволья!
 Съ вами жить и не жить,
 Съ вами Дону вснить
 Я хочу, и нашьюсь изъ стального шелома!

Встань, нашъ вѣщій Баянъ!
 Съ онѣмѣвшихъ вѣковъ
 Распахну я туманъ:
 И межъ ратью бойцовъ
 Я увижу тебя
 Съ вдохновеннымъ челомъ!
 Взоръ твой полонъ огня;
 Рѣчи творческой громъ
 Надъ полками встаетъ,
 И дружина не пьетъ
 Изъ широкихъ братинъ;
 Межъ рядовъ тишина;
 Только съ неба луна
 Серебрить темный станъ,
 Да поешь ты одинъ!

Лѣтъ минувшихъ Баянъ,
 Внуку Велесовъ, возьми
 Въ руки гусли свои,
 И скажи намъ про наши дружины!
 У тебя для бойцовъ
 Есть вѣнки изъ цвѣтовъ.
 Есть и струны для громкой *былины!*
 Ты бы думой протѣкъ,
 Вкругъ небесъ, на Востокъ,
 Ты умомъ заветѣлъ бы за тучи:
 Поги двухъ бы вѣковъ
 Славой громкой сплотилъ;
 Шлемы нашихъ бойцовъ

Ты бы въ лавры увилъ;
 Ты прошелъ бы тропею могучей,
 Гдѣ ходилъ нашъ Траянъ! —
 Ты за нимъ бы, Баянъ,
 Залетѣлъ за лѣса и за горы крутыя,
 И про Игоря стань
 Струны запѣли бѣ живыя:

«Что не буря соколовъ
 «За широкія поля
 «Крыломъ закосила,
 «Не степные табуны
 «Изъ далекой стороны
 «Къ Дону приводила.»

Или снова бѣ ты запѣлъ
 Громъ побѣдныхъ нашихъ дѣлъ:

«Кони ржутъ за Сулою;
 «Звенить слава въ Кіевѣ;
 «Гремятъ трубы бранныя
 «Въ дальнемъ Новѣгородѣ!»
 У Путивля жѣ нашего
 Стоять стяги вѣрные;
 Игорь только брата ждалъ:
 Вотъ онъ Буй-Туръ Всеволодъ,
 Гроза рати вражеской,
 На черномъ конѣ своемъ
 Подъѣхавъ, сказалъ ему:
 «Одно солнце на небѣ,
 «Одинъ братъ товарищъ мнѣ, —
 «Ты Игорь, я Всеволодъ,
 «И мы, по отцѣ-парѣ,
 «Съ тобой Святославичи!
 «Сѣдай, братъ, коней своихъ;
 «Ужъ мои осѣдланы;
 «Впередъ они стоятъ
 «Подъ стѣнами Курскими;

«Въ ратномъ дѣлѣ лучше нѣтъ
 «Удалыхъ моихъ Курчанъ:
 «Съ раннихъ дней своихъ,
 «Подъ трубами повиты,
 «Съ конца копья вскормлены,
 «Въ степяхъ надъ Шеломами
 «Вспоены, взлелѣяны!
 «Знають мои витязи.
 «Словно какъ ладонь свою,
 «Пути и безпутія
 «Въ своей и чужой землѣ;
 «Вездѣ идутъ по-слову;
 «Всегда въ битву сражены;
 «Луки ихъ натянуты,
 «Колчаны развязаны,
 «Сабли ихъ наточены;
 «Рыщутъ оня по полю
 «Словно волки сѣрые,
 «Рыщутъ на почетъ себѣ,
 «Рыщутъ къ славѣ княжеской!»

Игорь брата выслушалъ,
 И легко, чуть трогаясь
 Золотаго стремени,
 Онъ вскочилъ въ сѣдло свое,
 И поѣхалъ по полю,
 А за нимъ да около
 Темнымъ гѣсомъ выросла
 Дружина могучая!
 Ъдутъ князья по полю,
 Ъдутъ, разгораются;
 Безъ тучъ тѣни по небу
 Идутъ, разстилаются!»

Вотъ по-крайней-мѣрѣ старина! поэзія! стихъ! Вотъ умѣнье
 отыскать въ ней занимательное для всѣхъ вѣковъ и мастеровъ
 поддѣлаться подъ ея рѣчь, осанку и походку. Переводъ этотъ
 приноситъ величайшую честь таланту господина Минаева: та-
 кой переводъ стѣнитъ оригинальнаго созданія, потому что грубое и
 темное «Слово о полку Игоря» теперь въ первый разъ является
 въ умной и достойной поэтической формѣ, которую оно и сохра-
 нить навсегда въ русской литературѣ. Лучше и удачнѣе навѣрное
 никто не перескажетъ его.

ЗАМѢЧАНІЯ О ЛОНДОНѢ. *Отрывокъ изъ путешествія по Европѣ, части Азіи и Африки, К. Пауловича. Харьковъ, въ тип. Университета, 1846, въ-8, стр. XIII, 529 и XVI.*

Книга претолстая, но какъ авторъ очень скромнѣе, то онъ называетъ ее только книжечкой, *отрывкомъ*, *листкомъ*, уроженнымъ изъ дивной повѣсти объ его странствованіяхъ по бѣлому свѣту. Въ самомъ дѣлѣ, это не-шута простой листокъ: господинъ Пауловичъ, какъ старый Улиссъ, *многихъ людей видѣлъ, города и нравы извѣдалъ*, но на этой дорожной страничкѣ списанъ только нравъ однихъ лондонскихъ людей и одинъ ихъ городъ. Никто нынче не путешествуетъ какъ путешествовалъ господинъ Пауловичъ: онъ ѣздитъ просто для черниллицы, — онъ въ непрерывномъ безпокойствѣ — смотритъ, подсматриваетъ, прислушивается, оглядывается во всѣ стороны, и все записываетъ, все, до ижицы. Онъ входитъ въ самыя мелкія подробности, и страничка его отличается широкимъ, раскидистымъ, обстоятельнымъ изложеніемъ. Такихъ внимательныхъ, честныхъ, добродушныхъ путешественниковъ нынче нѣтъ на *семъ свѣтѣ*. Языкъ господина Пауловича, тоже, немножко — языкъ съ того свѣта; но благо-разумный читатель незамѣтнымъ образомъ начинаетъ привыкать къ нему послѣ нѣсколькихъ сотъ страницъ. Въ предисловіи господинъ Пауловичъ описываетъ, какимъ образомъ онъ выѣхалъ зимой изъ Харькова черезъ Москву въ Петербургъ. По дорогѣ до Москвы онъ испыталъ много неприяностей, между Курскомъ и Орломъ, сбившись ночью съ дороги, по причинѣ большой мятели, огромныхъ сѣговъ и неопытности новаго ящика. Въ Москвѣ онъ прожилъ одиннадцать дней и провелъ это время между знакомыми; изъ Москвы прибылъ въ дилижансѣ въ Петербургъ на *четвертый* день и прожилъ тамъ всю остальную зиму въ кругу многихъ своихъ пріятелей и знакомыхъ: здѣсь-то онъ рѣшился побывать прежде всего въ Англии, чтобы познакомиться съ городомъ городовъ, Лондономъ. При переѣздѣ въ Копенгагенъ онъ мучился морской болѣзнью и, «по совѣту добрыхъ Англичанокъ», провелъ все это время въ каютѣ, лежа на спинѣ и не шевелясь. По прошествіи нѣсколькихъ дней нароходъ отправился далѣе и прибылъ наконецъ къ берегамъ древняго Альбиона, а тутъ уже по Темзѣ благополучно перевезли его въ Лондонъ.

Отезвѣда начинается самое подробное описаніе «этой всемірной столицы». Каждая бездѣлица осмотрѣна со всѣхъ четырехъ сто-

ронъ; и читатель получает самую полную и исчерпанную опись Лондона. Таможни, улицы, строенія, домашняя и политическая жизнь, религія, университеты, парламентъ, богатство, промышленность, торговля, нищета, все списано аккуратно. Между разными занимательными разказами, авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ занятіямъ бѣдныхъ людей, потому что нищія въ Лондонѣ милостивы: не просятъ: каждый изъ нихъ непременно чѣмъ-нибудь занимается и за это получаетъ плату. Къ числу такихъ занятій принадлежатъ уличные концерты, пѣнье, фиглярства.

« Я часто видывалъ во многихъ лучшихъ улицахъ и площадяхъ, почти всякой день, и преимущественно по вечерамъ, подобныя различнаго рода представленія и уже не удивлялся имъ. Таковы были: музыка на различныхъ инструментахъ изъ нотъ съ пѣніемъ и безъ онаго, гармонико-мелодическое пѣніе безъ нотъ мужа или жены, окруженныхъ многими малолѣтними дѣтьми, можетъ быть и чужими, для исторженія состраданія у зрителей и слушателей. Дневные концерты по срединѣ улицы и площади, перѣдко и ночью, на всѣхъ инструментахъ; часто одна скрипачъ играетъ на срединѣ улицы соло; различные гимнастическія игры мужчинъ, женщинъ, дѣтей и куколъ. Концерты, развнгрываемые обезьянами на скрипкахъ и барабанахъ изъ нотъ, но безъ гармоніи и прочее и прочее. Все вниманіе этого рода недостаточныхъ и бѣдныхъ людей обращено на то, чтобы склонить проходящую публику наградить ихъ за труды чѣмъ-нибудь. Они же поютъ, играютъ, танцуютъ, рѣчи говорить, и вмѣстѣ тутъ же продаютъ мелочныя вещи своего или чужаго издѣлія, по цѣнѣ, назначенной покупателями. Въ заключеніе этой статьи о бѣдныхъ, я скажу еще то, что бѣдность въ Лондонѣ, совсѣмъ не въ томъ видѣ и значеніи считается, что у насъ или какъ въ прочихъ частяхъ Европы. Тамъ не увидите ни одного бѣднаго въ худой или неопрятной одеждѣ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ Европы, первая выѣска бѣднаго человѣка представляется въ дрянной и безобразной одеждѣ. И эти выѣснншіе бѣдные, встрѣчающіеся на улицахъ Лондона, по моему разумѣнію, больше представляютъ роль уличныхъ артистовъ и актрисъ, ораторовъ, музыкантовъ, пѣвчихъ и пѣвицъ и разнаго рода фигляровъ, нежели дѣйствительно бѣдныхъ. По крайней мѣрѣ, то хорошо и похвально, что въ Лондонѣ, не только теперь ни около церквей, ни при поторакахъ, ни на ули-

«цахъ, нищихъ или бѣдныхъ въ лохмотьяхъ или въ безобразной одеждѣ».

У господина Пауловича есть и свои предубѣжденія: гдѣ на Земномъ Шарѣ видѣлъ онъ людей сильнѣе умомъ и тѣломъ, богаче здоровьемъ, домашнимъ счастьемъ и общественнымъ благодеиствомъ, какъ въ Англіи, это никто не знаетъ, однако жъ Англія ему не по-нутру и, вообще, онъ не очень благосклонно отзывается объ Англичанахъ: коренные обычаи, судопроизводство и общественное образованіе, ему не нравятся. Даже сила и богатство Англіи кажутся ему довольно подозрительными. Онъ очень справедливо замѣчаетъ, что «стоитъ только засыпать ея каналъ или обложить его «долговременной и непреодолимой» блокадой, да притомъ отнять у нея восточную и западную Индію», стоитъ только, шутя и играя, сдѣлать одну изъ этихъ трехъ бездѣлицъ, «и тогда увидимъ, надолго ли еще останется Англія богатою». Это очень умно; и планъ разоренія Англіи, составленный господиномъ Пауловичемъ, непременно увѣковѣчитъ его имя. Полумѣры никогда не годятся: когда дѣлать, такъ дѣлать! — Засыпать море — завоевать свѣтъ — послѣ этого отнять силою всѣ деньги у Англичанъ — и тогда, господа, покажите-ка свои карманы! Гений господина Пауловича перещегоолялъ даже гений господина Варрена.

Разсматривая положеніе иностранца въ Лондонѣ, господинъ Пауловичъ замѣчаетъ, что — странно сказать! — путешественникъ долженъ здѣсь непременно сообразоваться съ мѣстными обычаями, со всѣми обычаями и причудами своихъ хозяевъ, Англичанъ! Англичане рѣшительно никуда не годятся. Англичанки — дѣло другое! Лондонскія дамы обращаются вѣжливо съ иностранцами и, при малѣйшей возможности, даже ломаютъ ихъ языкъ изъ угожденія къ забѣжимъ гостямъ. При этомъ случаѣ, англійскій женскій полъ описывается по всѣмъ его примѣтамъ:

«По моему замѣчанію, Лондонянкамъ должно отдать честь предъ прочими Европейками въ томъ, что между ними за большую рѣдкость только можно отыскать нехорошее лицо, и я между сотнею тысячъ ихъ не видѣлъ ни одной рябой, или значительно дурной собою. Онѣ вообще лица красиваго и пріятнаго, со всѣми частями онаго, цвѣту молочной бѣлизны, росту и сложенія тѣла хорошаго, тонкаго и граціознаго. Притомъ онѣ больше подходятъ къ сѣвернымъ Брюнеткамъ, чѣмъ къ блондинкамъ, а глаза ихъ большею частію каріе, съ выраженіемъ любовности, которыми удобно и охотно передаютъ свои чувства. За-

« мѣчанія достойно еще то, что весь почти ихъ полъ, госпожи и
 « служанки, всѣ одного почти оклада лица и довольно похожи
 « одна на другую съ небольшимъ между ними различіемъ, какъ-
 « будто родственницы. Изъ этого замѣчанія я заключаю, что въ
 « Англии народъ больше происходитъ отъ одной крови людей,
 « чѣмъ изъ смеси разнородныхъ народовъ, нежели гдѣ-либо въ
 « прочей Европѣ, по-крайней-мѣрѣ женскій ихъ родъ. Притомъ,
 « женщины въ Лондонѣ одѣваются по своей лондонской модѣ,
 « много натуральнѣе и изящнѣе модъ прочихъ Европѣекъ, безъ
 « большихъ обмановъ, или съ самыми умѣренными поддѣлками.
 « Въ чистотѣ и опрятности, Англичанки превосходятъ и Гол-
 « ландокъ и Шведокъ, справедливо славящихся опрятностью своею.
 « Чтò же относится до душевныхъ свойствъ этого пола, онѣ об-
 « ладаютъ одними и тѣми же душевными дарами, и «дышутъ» та-
 « кими же склонностями, какими владѣетъ и дѣйствуетъ весь
 « женскій полъ вездѣ. По этому Англичанки образованныя и не-
 « образованныя, «вездѣ и во всякое время» бываютъ любезны, при-
 « вѣтливы, умны, уступчивы, сговорчивы и кокетки; «также изво-
 « ротливы и находчивы въ самыхъ трудныхъ и *тысныхъ* обстоя-
 « тельствахъ», отъ природы своего разума, безъ всякихъ предвари-
 « тельныхъ наукъ, воспитанія и опытности.»

Разсматривая преступленія, воровство и мошенничество, нашъ
 путешественникъ отдастъ полную справедливость бдительности
 лондонской полиціи. Во все пребываніе его въ Лондонѣ, « онъ
 « былъ почти безпрестанно окруженъ людьми всякаго рода, на
 « сушѣ и на водѣ, но никогда не испыталъ искусства тамошнихъ
 « карманныхъ воровъ и даже покушенія на то нигдѣ не замѣ-
 « тилъ ». Но судьба смалилась надъ нимъ и доставила новому
 Улиссу удовольствіе наблюдать это любознательное производство въ
 другомъ мѣстѣ. « Таковое приключеніе карманнаго воровства су-
 « дено было мнѣ испытать *въ полной мѣрѣ* въ Санктпетер-
 « бургѣ, на Елагиномъ Острову, при большомъ стѣздѣ, во время
 « годоваго гулянья, съ лишеніемъ кошелька съ значительнымъ
 « числомъ денегъ. Да другой разъ въ Неаполѣ, не *во время*
 « *стоянія*, а при *самой прогулкѣ*, также съ похищеніемъ би-
 « сернаго кошелька съ небольшимъ деньгами и *носоваго* шелко-
 « ваго платка ».

Все это случилось съ господиномъ Пауловичемъ *на сушѣ; на-*
водѣ у него здѣсь ничего не вытащили изъ кармана — чѣмъ
 и доказывается, что на-водѣ полиція должна быть вездѣ такъ
 же хороша какъ лондонская.

БЕРЛИНСКІЯ ТАЙНЫ, *составленные по запискамъ уголовного суды. Переводъ съ нѣмецкаго П. Фурманна. С. П.-бургъ, 1846, въ тип. Вингебера, въ-18, пять частей, стр. 205, 198, 190, 232, 243.*

Неужели мода на тайны еще не прошла? Этого я никакъ не думалъ! Послѣ «Тайнъ» Евгенія Сю, расторопные романисты поняли, что это богатый и заманчивый источникъ, изъ котораго можно черпать для печати и продажи цѣлыя груды несообразностей, очень удобно прикрываемыхъ, сглаживаемыхъ волшебнымъ именемъ «тайны». Оные расторопные романисты съ ожесточеніемъ бросились на географическую карту Европы, выучили наизусть названія всѣхъ столичныхъ городовъ и, приготовившись такимъ образомъ, принялись за работу. На одной сторонѣ лежали географическая карта, на другой Парижскія Тайны. Изъ географіи замѣтуются приличныя названія, изъ французскаго романа почерпается содержаніе. Герои госпожня Сю расплодились и размножились съ неимоверною скоростью, на радость и утѣшеніе своему прародителю. Европейская литература наводнилась тайнами всякаго роду и сортовъ. Школьнаго Учителя перодѣли во всѣ возможные костюмы. Родольфъ прогулялся по всѣмъ столицамъ, и, кажется, даже и по Парголову....

Изъ чего слѣдуетъ, что «Берлинскія Тайны» ни чѣмъ не хуже другихъ; всѣ несообразности на своихъ мѣстахъ; воровъ и мошенниковъ приличная бездна: и самый взыскательный читатель большаго числа ихъ требовать не можетъ; отношенія къ «Парижскимъ Тайнамъ» самыя дружескія. Родольфъ на берлинскомъ нарѣчій называется княземъ Проминскимъ, Сова Тряпичницей, Риголетта Августой, Fleur-de-Marie Марианной. Названіе улицъ, площадей и трактировъ, съ географіей и статистикой вѣрно. Остальное извѣстно.

ТАЙНЫ ИНКВИЗИЦІИ. Романъ М. Ферсала, *переводъ съ французскаго, украшенъ сто десятью картинами, гравированными въ Парижѣ. С. П.-бургъ, въ тип. военно-учебныхъ-заведеній, 1816, въ-12. Три части, стр. 213-188-209.*

Опять тайны! Тайны Инквизиціи! Между всѣми тайнами, которыя до-сихъ-поръ явились въ печати, эти едва-ли не самыя страшныя и самыя ужасныя тайны. На каждомъ шагу убійства, развратъ, грабежи, пытки, плаха и костеръ. Книга пренеприятная. Тайны госпожня Ферсала — отличной доброты и принадлежать къ числу хитрѣйшихъ изобрѣтеній нашего хитраго времени.

ПАРИЖСКІЕ КОММИССІОНЕРЫ, или *Шалости молодыхъ людей*. Романъ, сочиненіе Поль-де-Кока. *СП.-бургъ*, 1846, въ тип. военно-учебныхъ заведеній, въ-18., стр. 160, 244, 240.

У Поль-де-Кока тайнъ нѣтъ, слава Богу: все на-чистоту; все что онъ излагаетъ, извѣстно каждой горничной и всякому благоправному юношѣ: какія тутъ тайны!... открывать свѣту рѣшительно нечего — кое что можно было бы даже прикрыть, безъ обиды занимательности дѣла. И вы, съ восторгомъ читая «тайны», романы Поль-де-Кока называете безправственными — или еще и хуже — неинтересными?... О, превратность сердца человѣческаго! Если бы Парижскіе Коммиссіонеры, то есть, артельщики, иначе называемые «Шалости молодыхъ людей», были переведены нѣсколько лучше, немножко учтивѣе, я бы совѣтовалъ вамъ прочитатъ ихъ, для сравненія.

ВЪСЪ ВЪ ПАРИЖѢ. ПАРИЖЪ И ПАРИЖАНЕ. *Нравы и обычаи, характеры и портреты парижскихъ жителей, полная картина ихъ жизни домашней, публичной, политической, артистической, литературной, промышленной и проч. и проч.* *СП.-бургъ*. въ тип. Д. вильшней торговли, 1846, въ 8., двѣ части, стр. 312—312.

Цѣлая физиологія веселаго, шумнаго, пронырливаго, развратнаго Парижа. Книга написанная для Сатаны. Разъ, Сатана, соскучившись, выдумалъ послать секретаря своего въ Парижъ. Сатана очень любилъ этотъ городъ, съ котораго онъ каждый годъ получаетъ огромный оброкъ наличными грѣшниками и грѣшницами всѣхъ возможныхъ видовъ и самыхъ отличныхъ сортовъ. Секретарь, чортъ Фламешъ, полетѣлъ; но Парижъ такъ ему понравился, что онъ забылъ о донесеніяхъ, которыя долженъ былъ посылать къ своему повелителю. Находясь въ затруднительномъ положеніи, онъ обратился къ французскимъ литераторамъ, и они очень обязательно взяли́сь оказать ему эту услугу, полагая, не безъ основанія, что чортъ и имъ когда-нибудь пригодится. Фламешъ, обрадованный ихъ любезностью, рапортомъ отнесся къ Сатанѣ, съ подробнымъ изложеніемъ дѣла, и всѣ бумаги мѣстныхъ литературныхъ знаменитостей, при оффиціальномъ донесеніи, по-принадлежности, отправилъ въ адъ. Сатана остался очень доволенъ трудами этихъ господъ и, на случай надобности, обѣщалъ имъ свое покровительство. Такимъ образомъ составилась живая, бойкая, разнообразная картина Парижа, въ частномъ

и политическомъ, литературномъ и промышленномъ отношеніяхъ. Въ переводѣ, который очень недурно, утратились только рисунки и вѣзетки, украшающія парижское изданіе.

СТАРИНА МАЛОРОССІЙСКАЯ, ЗАПОРОЖСКАЯ И ДОНСКАЯ. Николая Семеновскаго. *СП.-бургъ, въ тип. Фишона, 1846, въ-4., стр. 64.*

Въ началѣ этой занимательной и прекрасно-изданной книги, авторъ, на вѣсколькихъ страницахъ, рассказываетъ исторію Казаковъ; далѣе описываетъ ихъ общій характеръ, черты домашней и воинственной жизни, нравы, обычаи и вооруженія, удали, легкомысліе, отважность, хвастовство, благоговѣніе передъ святыней и горячую привязанность къ родинѣ. «Они любили музыку и пѣніе, и съ страстью слушали думы, пѣтыя бандуристами, въ которыхъ воспѣвались *лыцарскіе* подвиги; любили поинпроветь, подчасъ и выпить чарочку, для веселости, но пьяницами никогда не были.» Наконецъ разсматриваются словеса и чины, отъ гетмана до подпанка, регалии, войсковыя печати, знамена, оружія, одежда, и прочая. Все это объяснено богато-раскрашенными рисунками. Вотъ какъ авторъ описываетъ казацкую аристократію:

«Аристократія всегда и во всемъ старалась подражать своему представителю, и поэтому-то почти всегда жила чрезвычайно роскошно, какъ жили богатѣйшіе польскіе магнаты и не въ хатахъ (хижинахъ), поставленныхъ въ два дня и обмазанныхъ глиною смѣшанною съ навозомъ, но въ прекрасныхъ, построенныхъ изъ дерева домахъ, гдѣ великолѣпіе и изящество встречались на каждомъ шагу, пестрыя турецкіе и персидскіе ковры покрывали стѣны въ этихъ домахъ, а роскошная польская мебель, вызолоченная и обтянутая венеціанскимъ бархатомъ украшала каждую комнату. Окна прикрывались дорогими шелковыми занавѣсами, и съ потолоковъ спускались богатыя люстры (люстры), привезенныя изъ-за границы. Полы же закрывались мягкими коврами. Въ этихъ-то пышныхъ домахъ, у входовъ тѣснились гайдуки, казаки и младшіе чиновники, принадлежавшіе къ придворному штату вельможныхъ пановъ.

«Пирьы и безпрестанныя празднества составляли главное занятіе гетманской аристократіи, не обремененной войсковыми дѣлами по своимъ должностямъ. На эти пирьы нарочно прѣзжали изъ Варшавы и другихъ мѣстъ королевства, польскіе графы, транжи и богатѣйшіе магнаты. О пиряхъ даваемыхъ ге-

« веральными старшинами грѣша слава не только въ Малорос-
« сии, но въ Польшѣ и даже Россіи, и не мудро, ибо роскош-
« въ угощеніи была чрезмѣрная, за пустую, нѣсколько рѣдкую
« вещь, сыпались деньги безъ счету.

« На столахъ блестяли серебряныя и золотыя чарки и келии
« и употреблялись серебряныя сервизы отличной работы, хру-
« сталь и дорогій фарфоръ привозился изъ Богеміи и другихъ за-
« граничныхъ мѣстъ. Столбѣтніе мёды, наливки, венгерское, маль-
« вазія, токайское и другія дорогія вина лились рѣкой.... Кухня
« была утопченная польская; для стола гетманскаго или гене-
« ральнаго старшины привозились продукты со всѣхъ сторонъ свѣ-
« та: пряности получались чрезъ Турцію изъ Азій и Африки,
« фрукты оттуда же и частію изъ западныхъ государствъ, рыба,
« кромѣ своей превосходной, изъ Москвы и Черноморья. Поль-
« скіе короли и московскіе цари безпрестанно присылали огром-
« ные транспорты свѣстныхъ припасовъ гетману и старшинамъ
« и, наконецъ, количество и разнообразіе припасовъ, присылав-
« шихся отъ царя во время гетмана Мазепы превосходило даже
« вѣроятіе. »

На этихъ веселыхъ пирахъ почтенные лыцари отплясывали
краковякъ и мазурѣчку съ особеннымъ наслажденіемъ, волочились
и любезничали съ прекрасными казачками, « которыя, по словамъ
« брошюры: были вообще любезны, застѣнчивы и стыдливы съ
« незнакомыми; разговорчивы, даже болтливы и чрезвычайно ми-
« лы съ знакомыми. Въ искусствѣ нравиться и завлекать въ свои
« сѣти молодежь, да и старосвитскихъ пановъ, онѣ нисколько не
« уступали Польшкамъ. »

Брошюра господина Сементовскаго написана бойко и живо и
отличается многими занимательными подробностями.

И РУССКОЕ СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ. *Были изъ жизни на
святой Руси. Сочиненіе Н. Храпцовскаго. Москва, 1846, съ-12,
съ тип. Семена, стр. 182.*

Вышепоименованная книженка состоитъ изъ трехъ повѣстей.

Первая повѣсть открывается бесѣдой двухъ: купцовъ, пріятел-
лей, Леденгина и Оладьева, которые купцы сидятъ за завтра-
комъ, пьютъ шампанское и заѣдаютъ его игрой, балыкомъ и сем-
гой; конечно, закуска эта « совсѣмъ не шла къ кипучей влаж-
« выжатой въ счастливой Шампаніи волшебными ручками грѣн-
« ко извѣстной вдовушки; но у всякаго свой вкусъ ». Въ перы-
« вѣ откровенности Леденгинъ рассказываетъ своему пріятелю,

что онъ выдаетъ дочь свою, Машу, за богача Дымчагова. Но Маша влюблена въ бѣднаго приказчика Ваню, который навлекъ на себя гнѣвъ Леденгина неудачными торговыми операціями. Маша, при первомъ свиданіи съ Петромъ Семеновичемъ Дымчаговымъ, проситъ жениха быть ходатаемъ за Ваню. Благородный Петръ Семеновичъ отвѣчаетъ:

« Благодарю васъ, Марья Алексѣевна, за откровенность, вашъ « рассказъ открылъ мнѣ ваше сердце. Состраданіе къ ближнему « есть первый долгъ человѣка; но эта христіанская добродѣтель « рѣдка. Люди, не испытавшіе истинныхъ горестей, чужды къ « воплямъ страданія; но васъ наградило небо сердцемъ, которое « доступно состраданію. Храните это святое чувство: оно высо- « ко ставитъ человѣчество, оно возноситъ нашу брѣвность до ра- « венства съ ангелами ».

Между-тѣмъ умирающій отецъ Дымчагова требуетъ Петра Семеновича къ себѣ и открываетъ ему на смертномъ одрѣ, что все огромное состояніе свое онъ нажилъ, разоривъ прежняго хозяина. Теперь мучитъ его позднее раскаяніе; онъ умоляетъ сына, отыскать сиротъ и возвратитъ имъ украденное имущество. Благородный Петръ Семеновичъ клянется исполнить волю умирающаго отца, который послѣ этого, дѣйствительно, умираетъ.

Въ это время къ Ванѣ пріѣхала сестра Варинька, которая воспитывалась въ благородномъ домѣ и получила прекрасное образованіе. Первое свиданіе ихъ описано съ чувствомъ.

« Сестрица! ты!.... » началъ Ваня, когда утихли восторгъ « свиданія; но, взглянувъ на нее, съ ногъ до головы, онъ замол- « чалъ.

« Зависла а, понявъ этотъ взоръ, сказала: наружность моя пу- « гасть тебя; ты полагаешь, что ничтожной нарядъ можетъ « имѣть вліяніе на чувства. — Повѣрь же, милый братъ, судьба, « свергнувшая насъ въ нищету и сиротство, и поставившая на « разныя степени воспитанія, не отлучила души моей отъ твоей; « образованіе не *надмил*о моего сердца, не увлекло умъ мой кич- « ливостью, а болѣе развило мои понятія, дало способы яеиѣе « чувствовать, что въ цѣломъ мірѣ одинъ ты не чужой мнѣ. « Твои письма были первой моей радостью, давно желала я ви- « дѣть тебя, обнять, какъ единственное, родное существо, связы- « вающее меня узами родства, съ людьми. Не уклоняйся же отъ « ласкъ моихъ, не холоди, угрюмостью, перваго свиданія, послѣ « такой долгой разлуки ».

« Сестрица! зачѣмъ я не могу, такъ же хорошо, какъ ты, вы-
сказать того, что чувствую! ? ».

« Ваня опять обнялъ Вариньку ».

Для бѣльшей ясности я долженъ замѣтить, что Петръ Семеновичъ Дымчаговъ имѣлъ случай познакомиться съ Варинькой въ томъ домѣ, гдѣ она воспитывалась и увлеченный ея прекраснымъ образованіемъ, « которое не увлекло ума кичливостью и не над-
мало сердца дѣвушки », влюбился въ нее безъ памяти. Возвратясь въ Москву для исполненія послѣдней воли покойнаго отца, онъ узнаетъ, что деньги слѣдуетъ возвратить бѣдному приказчику Ванѣ и сестрѣ его Варинькѣ. Петръ Семеновичъ крайне обрадовался этому случаю; онъ уговариваетъ купца Леденгина выдать Машу за новаго богача, самъ предлагаетъ руку и сердце кшлой, образованной Варинькѣ — и повѣсть оканчивается самымъ благополучнымъ образомъ.

Второй разсказъ повѣствуетъ о походеженіяхъ молодого купца, который очень весело проводитъ время съ приказчиками своего отца. Они угождаютъ всѣмъ его прихотямъ, развращаютъ его, обогащаются на его счетъ и доводятъ до совершеннаго разоренія. Несчастный молодой человѣкъ умираетъ въ больницѣ. Хорошо и назидательно.

Любовь ямщика составляетъ содержаніе третьей новѣсти господина Храповскаго. Ямщикъ влюбленъ въ Настю. Дядя ищетъ ему жениться, потому что у Насти ничего нѣтъ за душой. Въ деревнѣ стоитъ полкъ; молодой офицеръ приволакивается за Настинькой; Настинька отвѣчаетъ офицеру; онъ увозитъ ее съ собой, даетъ ей приличное воспитаніе и наконецъ производитъ ее въ офицерши. Ямщикъ съ горя отправляется на Кавказъ; жизнь ему надоѣла; онъ ищетъ смерти. Въ одномъ знакомомъ домѣ господинъ Храповскій читаетъ эту повѣсть къ общему удовольствію всѣхъ присутствующихъ. Одна изъ дамъ слушаетъ его съ особеннымъ вниманіемъ. По весьма естественному самолюбію, авторъ освѣдомляется у хозяйки, кто эта дама. Ему отвѣчаютъ, что исторія ея живо напоминаетъ исторію бѣдной Настиньки. На другой день авторъ получаетъ записку слѣдующаго содержанія :

« Онъ уже тамъ, гдѣ нѣтъ ни страстей, ни обмановъ, ни горя! Роковой свинецъ прервалъ его страданія и унесъ въ міръ покоя и счастья, котораго онъ былъ достоинъ; а она.... она здѣсь еще, среди юдоли плача, идетъ медленно къ могилѣ по терновому пути, который добровольно избрала сама; помнить

« его и жестоко наказана за вѣроломство: какъ отвергла она чистую любовь его, такъ отвергнута и ея любовь; но она не жаляется, она чувствуетъ, что кара справедлива!»

Все это убѣдительно доказываетъ, что и *русское сердце не камень*.

О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголовъ. *Сочиненіе подполковника генеральнаго штаба М. Иванова. Сибургеъ, 1846, въ тип. военной, въ 12, стр. 61.*

Завоеванія Монголовъ занимаютъ одну изъ самыхъ кровавыхъ и самыхъ любопытныхъ страницъ въ исторіи человѣчества. Нищіе и голодные скитальцы огромной степи, покорные данники Китая, слабые, неизвѣстные, вдругъ собираются на голосъ вождя, хватаются за оружіе, поднимаютъ знамя возстанія, отлагаются отъ Китая, покоряютъ его себѣ, и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ оглашаютъ громомъ побѣдъ Европу и Азію. Степной народъ, въ школѣ непрерывной войны, по урокамъ страшнаго учителя своего Чингисъ-хана, въ самое короткое время становится первымъ воинственнымъ народомъ своего времени, разрушаетъ и основываетъ сильныя царства и ния его съ ужасомъ и почтеніемъ произносятся на самыхъ отдаленныхъ концахъ Свѣта, и военное искусство его, которое потомъ наслѣдовали Оттоманскіе Турки, служить долгое время предметомъ удивленія и образцомъ для всѣхъ народовъ. Сюжетъ важный и богатый. Походы Чингисъ-хана и Тамерлана—чрезвычайно интересныя явленія въ исторіи браннаго дѣла. Господинъ Ивановъ представляетъ читателямъ свои любопытное изслѣдованіе военнаго искусства Монголовъ, и въ прекрасномъ, одушевленномъ разказѣ излагаетъ исторію ихъ походовъ, разбирая тутъ же способы войны въ тогдашнее время, боевые порядки и стратегическія соображенія двухъ великихъ полководцевъ, подъ которыми Монголы потрясали міръ громами своего побѣдоноснаго оружія. Трудъ господина Иванова, при внимательности содержанія, отличается еще изящнымъ изложеніемъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КОРСИКУ, НА ОСТРОВЪ ЭЛЬБУ И ВЪ САРДИНИЮ. *Сочиненіе г. Валери. Переводъ съ французскаго Екатерины Бурнашевой. Сп.-бургъ, 1846, въ тип. Жернакова, въ-12, двѣ части, стр. XII, 267, 277.*

Господинъ Валери избралъ для своего путешествія ту часть Италіи, которая менѣе другихъ знакома и менѣе описана. Раз-

сказъ его простъ, но занимателенъ и непрерывно переходитъ отъ дѣйствительности къ воспоминанію. При описаніи Корсики, на каждомъ шагу встрѣчается громкое дѣло или громкое имя: Паоли, Бонапарте, Поццо-ди-Борго, Себастьяни, Вида, Кастелли, Колонна, и такъ далѣе. Оттого въ путешествіи господина Валери много драматическаго интересу: книга его — живая и разнообразная панорама великихъ, замѣчательныхъ характеровъ и событій, которыя непринужденно, быстро и бѣгло мѣняются передъ глазами читателя въ ясномъ и оживленномъ изложеніи.

Извѣстно, что прекрасная переводчица этой книги, переводитъ прекрасно.

Иллюстрація. Еженедѣльное собраніе всего изящнаго и полезнаго. Годъ второй. Томъ второй и третій. СПб. бурзь, 1845—1846, въ-листъ.

Нельзя сказать, чтобы въ этомъ еженедедьномъ «Собраніи всего изящнаго и полезнаго» все безъ изъятія было изящно и полезно, но тѣмъ не менѣе самое изданіе, въ цѣломъ, и весьма полезно и, по мѣстнымъ средствамъ, удивительно изящно. Оно заслуживаетъ и вниманія, и поощренія. «Иллюстрація» издается съ невѣроятною исправностью; невѣроятною для тѣхъ, кто понимаетъ, что значитъ деревянная гравюра вообще и въ Россіи въ-особенности. Вырѣзать въ Петербургѣ пятнадцать, двадцать гравюръ, это — подвигъ; вырѣзать удовлетворительно — заслуга и разореніе. Наши издатели иллюстрированныхъ изданій вышлютъ себѣ изъ Парижа истертые и запоздалыя клишэ, и тискаютъ благополучно разныя исторіи и романы. Въ русской «Иллюстраціи», со времени перваго нумера, явилось болѣе тысячи русскихъ гравюръ, оригинальныхъ русскихъ, вырѣзанныхъ въ Петербургѣ. Это легко сказать, но не легко исполнить; по самому умѣренному расчету такой подвигъ долженъ стоить до двадцати тысячъ рублей серебромъ. Изъ числа гравюръ приготовленныхъ къ сроку ограниченнымъ числомъ рукъ, нынѣ бываютъ не безъ грѣха: разумѣется, замѣнять другими нѣкогда; онѣ идутъ въ свѣтъ и непріятно поражаютъ читателей; но, къ счастію, во всей тысячѣ, такихъ гравюръ отыщется не болѣе сорока или пятидесяти, между тѣмъ какъ всѣ прочія вообще хороши, а нѣкоторыя и превосходятъ. Последніе нумера вышли на глазированной бумагѣ: это уже великое улучшеніе, важный шагъ къ совершенству. До нынѣ у насъ, кажется, не было ни одной машины для этого.

Въ текстѣ «Иллюстраціи», кромѣ большаго романа Н. В. Ку-

кольника, «Баронъ Фанфаронъ», встрѣчаются прекрасныя стихотворенія, повѣсти и статьи Кукольника, Дурова, Минаева, Быстрога, Ковалевскаго, Казака Луганскаго, Сементовскаго, Малиновскаго, Пальма и другихъ. Театральная критика и иностранныя извѣстія по наукамъ, искусствамъ и модамъ входятъ въ составъ текста.

Съ нѣкотораго времени, кстати сказать, изданія типографіи «Иллюстраціи» стали отличаться особеннымъ изяществомъ, которое пріятно насъ поразило. Въ самомъ дѣлѣ, въ короткое время эта типографія, подъ руководствомъ господина Фишона, сдѣлала примѣчательныя успѣхи въ искусствѣ и приобрѣла извѣстность не только здѣсь, но и въ провинціяхъ. Нельзя поэтому сомнѣваться, что третій годъ еще болѣе возвыситъ натуральныя достоинства «Иллюстраціи», и тогда публика легче оцѣнитъ похвальныя усилія знаменитаго поэта, драматурга и романиста, который съ такимъ усердіемъ желаетъ доставить ей занимательное и красивое чтеніе и приготовилъ для русскихъ искусствъ и книгопечатанія первое сословіе гравировъ на деревѣ. Сословіе это безпрестанно умножается, благодаря «Иллюстраціи», и умножается хорошими талантами. Можно надѣяться, что въ скоромъ времени петербургскія иллюстрированныя изданія поспорятъ о красотѣ съ заграничными.

ПРАКТИЧЕСКАЯ АНГЛІЙСКАЯ ГРАММАТИКА ДЛЯ РУССКИХЪ, составленная профессоромъ англійскаго языка Эдуардомъ Гласко. СПб.-бургъ, 1846, въ тип. Вингебера, въ-16., двѣ части, стр. 349.

Грамматика господина Гласко очень хорошее учебное пособіе и можетъ считаться результатомъ его долговременныхъ практическихъ занятій. Какъ одинъ изъ лучшихъ англійскихъ учителей, онъ соображался по собственному опыту съ требованіями учебныхъ заведеній и съ понятіями учениковъ; а потому всѣ правила изложены просто и ясно, что уже само по себѣ большое достоинство при объясненіи такого сухаго предмета, какова грамматика.

ДРУГЪ МАТЕРЕЙ или Полное руководство, какъ предупредить, распознавать дѣтскія болѣзни и лечить ихъ такими врачебными средствами, которыя всегда можно имѣть дома или выписывать изъ аптеки безъ рецепта, или покупать въ лавкахъ. Сочиненіе доктора медицины и хирургіи Кондратія Грумпа. Внут-

ренія болѣзни. *СП.-бургъ, въ тип. Плюшара. 1846, въ-12., стр. IV, 217.*

Сочиненіе доктора Грумма пользуется заслуженною извѣстностью. Новое руководство, составленное имъ для леченія дѣтскихъ болѣзней простыми средствами, отличается необыкновенной полнотой. Это драгоценный подарокъ для всѣхъ матерей, которыя заботятся о жизни и здоровьи своихъ дѣтей; онѣ безъ всякаго затрудненія найдутъ въ этой книгѣ самыя простыя, болѣею частью домашнія средства для исцѣленія различныхъ дѣтскихъ болѣзней.

Но руководство доктора Грумма еще драгоценнѣе для бѣдныхъ сословій, которыя часто не въ состояніи прибѣгать къ совѣту медиковъ или покупать въ аптекахъ дорогія пособія. По книгѣ ученаго автора каждая, сколько-нибудь образованная мать сама можетъ лечить своего больного ребенка и притомъ самыми простыми, дешевыми средствами.

сифилитическая болѣзнь, представленная въ историческомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Сочиненіе Федора Коха, доктора медицины, акушера и старшаго ординатора Петропавловской Больницы. *СП.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1846, въ-12., стр. VIII, 408.*

Сочиненіе доктора Коха основано на выводахъ изъ наблюдений многолѣтней практики. Оно отличается полнотой и применением къ мѣстному климату. Специальные знатоки предмета относятся съ большою похвалою объ этой книгѣ.

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

мечты и жизнь поэта. Сочиненіе лишеннаго зрѣнія Вильгельма Скарретки. *Москва, 1846.* — Бѣглыя замѣтки, путевыя впечатлѣнія, болѣзненные вопли страждущаго, который набрасываетъ ихъ на бумагу въ беспорядкѣ, переходя на-удачу отъ одного предмета къ другому, говоря о Пушкинѣ и Мицкевичѣ, о Шекспирѣ и о Гоголѣ, а преимущественно о себѣ. Тутъ есть и проза и стихи, а иногда даже и мѣрная проза.

дѣтетика беременныхъ и родильницъ. Доктора А. Никитина. *1846, С. П.-бургъ., 1846.* — Ученый авторъ сперва объясняетъ беременныя правила предосторожности, которыя нужно принимать для предупрежденія неприятныхъ и вредныхъ

послѣдствій. Затѣмъ слѣдуетъ подробная дѣтстика для родильницъ: тутъ разсматриваются разные пособія послѣ родовъ и необходимыя условія къ благополучному выздоровленію. Это — со-вѣты опытнаго врача, излагающаго мысли и наблюденія свой яснымъ и понятнымъ языкомъ.

1. *основныя начала педагогич., въ примѣненіи къ сельскому образованію въ Россіи.* Д. Дмитріевъ, С. Пб., 1846.—2. *сельское дѣтское чтеніе для младшаго возраста. Составлено Д. Дмитріевымъ.* С. Пб., 1846. — Авторъ этихъ брошюръ посвятилъ себя, какъ кажется, основанію образованности земледѣльческаго класса въ Россіи. Это, безъ сомнѣнія, благородный трудъ, которому нельзя не пожелать успѣху. Въ одной изъ брошюръ, господинъ Дмитріевъ излагаетъ начала сельской педагогич.; въ другой, чтобы не оставаться при однихъ сухихъ совѣтахъ теоріи, онъ помѣстилъ практику въ видѣ «Сельскаго дѣтскаго чтенія»: эта книжка составлена изъ разныхъ статей болѣе или менѣе замѣствованныхъ изъ чужихъ сочиненій. Дѣтямъ прежде всего предлагаются нѣкоторыя правила яснаго и правильнаго чтенія; потомъ авторъ очень подробно учитъ ихъ, какъ должно держаться, гдѣ должна быть шея, грудь и голова. Одно изъ этихъ правилъ замѣчательно по своей аркадской простотѣ; правило седьмое: *Шея, ротъ и носъ должны быть чисты.* Оно пояснено такимъ образомъ: «Весьма непріятно, если кто говоритъ въ носъ: это происходитъ отъ нечистоты въ носу. Излишняя мокрота во рту и въ горлѣ производитъ хриплый и невнятный голосъ.»

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

«Изображеніе улицъ Литейной Части съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ казенныхъ и обывательскихъ домовъ», трудъ полезной дѣятельности господина Цылова, пристава этой части, является первымъ опытомъ подробной и вѣрной географіи Петербурга. Точность, съ какою составленъ этотъ атласъ Литейной Части, на шестидесяти-одномъ гравированномъ листѣ, достойна самой лестной похвалы. Въ началѣ помѣщены планъ Литейной Части и изображеніе пожарныхъ сигналовъ; далѣе, алфавитный списокъ улицъ, переулковъ и набережныхъ; такой же списокъ домовладѣльцовъ; списокъ церквей и казенныхъ домовъ; и, наконецъ,

географическія карты улицъ, съ показаніемъ мѣстоположенія каждаго дому, его нумера, длины занимаемаго имъ мѣста, фамиліи хозяина, и длины самой улицы. Очень желательно, чтобы всѣ части огромной русской столицы обладали такими атласами.

— Извѣстный намъ антикварій, Г. М. Спасскій, издалъ въ Москвѣ ученый памятникъ древностямъ Митридатова царства; подъ названіемъ: «Босфоръ Киммерійскій, съ его древностями и достопамятностями». Точный и совѣтливый трудъ этотъ особенно занимателенъ для любителей нумизматики.

— Въ Петербургѣ, членомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, господиномъ Юнсономъ, издано «Руководство къ употребленію всѣхъ до нынѣ извѣстныхъ земледобрытельныхъ веществъ», небольшое, но важное для сельскихъ хозяевъ, сочиненіе, на которое мы желаемъ обратить ихъ особенное вниманіе.

— Пятая часть третьяго тома «Исторіи Консульства и Имперіи во Франціи», извѣстнаго сочиненія переводимаго господиномъ Кови, вышла изъ печати.

==

VII.

С М Ъ С Ь.

=

НОВЫЙ ОГНЕСТРѢЛЬНЫЙ ПОРОХЪ. Порохъ изъ мочалки, господина Робинсона. Порохъ изъ хлопчатой бумаги, господъ Плуза, Шенбейна, Биттихера, Отто, Гесса, Фадъева, и прочихъ. Вниманіе журналовъ и публики занято въ эту минуту повсюду изобрѣтеніемъ, отъ котораго ожидаютъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій для военнаго дѣла и для оружейнаго ремесла. Всѣ вдругъ заговорили о взрывистой хлопчатой бумагѣ (cotton explodant), опубликованной, подъ названіемъ «новаго пороху», брауншвейгскимъ профессоромъ господиномъ Отто, который однако жъ пороху не выдумалъ, а опубликовалъ только, услышавъ о взрывистой хлопчатой бумагѣ господина Шенбейна, старую аптечную штуку, всконіи извѣстную въ аптецкѣ моксу, то есть, хлопчатую бумагу, промоченную азотною кислотою, промытую водою и высушенную: она, дескать, удобно вспыхиваетъ и способна, поэтому, замѣнить обыкновенный порохъ. Разныя непріятныя сплетни носятся въ химіи по этому случаю. Извѣстный базельскій физикъ, господинъ Шенбейнъ открылъ въ началѣ года способъ превращать хлопчатую бумагу въ вещество, чрезвычайно удобное и выгодное, по его мнѣнію, для огнестрѣльнаго употребленія: онъ старался продать свой секретъ въ Англій и производилъ въ корваллескихъ рудникахъ чрезвычайно замѣтные опыты съ своей взрывистой бумагой, которой фунтъ замѣнялъ, относительно

по къ силѣ, четыре фунта лучшаго пороху. Узнавъ объ этомъ, Франкфуртскій химикъ, господинъ Бёттихеръ, приплелъ за опыты и, мѣсяца два спустя, составилъ вещество, подобное тому, о которомъ пронесся слухъ изъ Базеля и Англии. Господинъ Бёттихеръ предложилъ господину Шёнбейну войти въ долю и продать открытія свои вмѣстѣ. Дѣло, какъ кажется, благополучно сладилось, или уже ладилось. Чтò видя, господинъ Отто, въ Брауншвейгѣ, пустилъ бомбу въ нихъ обоихъ: опубликовалъ, подъ названіемъ «Способъ дѣлать огнестрѣльный порохъ изъ хлопчатой бумаги», аптечный способъ дѣлать моксу, которую давно уже многіе предлагали примѣнить къ огнестрѣльному искусству: между прочими, извѣстный французскій химикъ, господинъ Pelouze, нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ объ этомъ предметѣ, приготавливалъ взрывистую хлопчатую бумагу по способу моксы, дѣлалъ изъ крахмалу по этому же, способу взрывистое вещество, прозванное имъ хулойдиме, и предлагалъ образцы своихъ издѣлій артиллерійскому комитету въ Парижѣ; но комитетъ не нашелъ никакой выгоды замѣнять имъ обыкновенный порохъ. Взрывистой хлопчатой бумаги, приготовленной господиномъ Отто и послѣдователями по обнаруженному имъ рецепту, отнюдь не должно смѣшивать съ «новымъ порохомъ изъ хлопчатой бумаги» господина Шёнбейна, то есть, съ веществомъ, которое называетъ онъ такимъ образомъ. Взрывистая хлопчатая бумага господина Отто и его послѣдователей сохраняетъ видъ хлопчатой бумаги, только темнаго пожелтѣвшей: это — чистая мокса, и по сущности и па видѣ. Напротивъ, вещество приготовленное господиномъ Шёнбейномъ изъ хлопчатой бумаги, прозрачно какъ хрусталь, не вбираетъ въ себя ни сырости, ни воды, гибко и весьма электрическое при треніи: такъ описываетъ это вещество парижской академіи наукъ господинъ Дюма (физикъ, а не романтикъ), который видѣлъ его, по дружбѣ съ господиномъ Шёнбейномъ. Если при драгоценномъ свойствѣ не подлежатъ вліянію ни сырости, ни даже воды, приготовленіе такого вещества еще и дешево, и просто, и употребленіе его безопасно, такъ это дѣло другое: такое вещество можетъ съ выгодой замѣнить порохъ, во всѣхъ отношеніяхъ, потому что, какъ сказано въ письмѣ господина Шёнбейна къ господину Дюма, оно превосходно даже и для фейерверковъ. Господинъ Шёнбейнъ не открываетъ своего секрета. Секретъ господина Бёттихера долженъ быть похожъ на этотъ, болѣе или менѣе. Но чтò касается до взрывистой хлопчатой бумаги, приготовленной по спо-

собу господина Отто или по способу моксы, то она далеко не представляет тѣхъ преимуществъ: сырость и вода дѣйствуютъ на нее какъ на обыкновенный порохъ; издержки на приготовленіе обойдутся дороже чѣмъ на обыкновенный порохъ, тѣмъ болѣе что разница въ силѣ незначительна; приготовленіе на видъ просто, но въ сущности очень затруднительно, потому что хлопчатая бумага, промоченная въ азотной кислотѣ, склочивается, клочки, которые советѣмъ не легко разбить или разобрать въ совершенствѣ, худо промываются водою, и такой порохъ можетъ разорвать дуло, при всей должной осторожности; кромѣ того, дуло ружья должно непременно быть передѣлано внутри такъ, чтобы пуля только слегка лежала на взрывистой хлопчатой бумагѣ: лишній ударъ шомпола при заколачиваніи патрона, и вы никогда не увѣрены, что при выстрѣлѣ дуло не будетъ разорвано и рука останется за вами. Но положимъ, что хитрость людей устранитъ всѣ эти неудобства: все-таки останется въ хлопчатой бумагѣ, обработанной въ азотной кислотѣ, одно великое, коренное, неизгладимое неудобство, отъ котораго нѣтъ спасенія. Вы тотчасъ поймете въ чемъ дѣло. Какъ готовится взрывистая хлопчатая бумага? Надо положить хлопчатую бумагу въ самую сильную, концентрированную азотную или, по-просту, селитрянную кислоту, на нѣсколько минутъ, потомъ хорошо промыть ее водою на рѣшетѣ, разобравъ всѣ клочки; наконецъ высушить: вотъ новый порохъ господина Отто. Отъ первой искры, такая хлопчатая бумага мгновенно вспыхиваетъ, не производя ни сажи ни дыму, и почти безъ треску. Но какъ зарядъ для ружья—она еще довольно слаба: надо дважды обработать ее такимъ образомъ въ селитрянной кислотѣ; тогда она превосходна, при разныхъ осторожностяхъ, и нѣсколько сильнѣе пороху. Что такое хлопчатая бумага сама по себѣ? Растительная фибра, древесина, которой основаніе углеродъ, уголь. Напитывая древесину азотной кислотой, вы ничегъ болѣе не дѣлаете, какъ соединяете часть углероду ея съ азотомъ, *два атома углероду съ двумя атомами азоту*. Что же это такое? Да, просто, гремучая кислота! Вы получаете въ хлопчатой бумагѣ, не чтѣ иное какъ *гремуче-кислую древесину*. Это простое объясненіе показываетъ уже, въ чемъ должно заключаться великое неудобство. Гремуче-кислая древесина однимъ уже названіемъ своимъ напоминаетъ гремуче-кислую ртуть, которая воспламеняется съ трескомъ и взрывомъ, безъ огня, безъ искры, отъ одного удара. И что это дѣйствительно такъ, из-

Пожалте убѣдиться опытомъ: положите новый порошокъ изъ хлопчатой бумаги, особенно обработанной дважды въ азотной кислотѣ, на наковальню и ударьте по немъ молотомъ; получите пламя и взрывъ съ оглушительнымъ трескомъ, совершенно похожимъ на трескъ гремуче-кислой ртути. Изъ этого слѣдуетъ, что простой ударъ ядра въ запасы такого пороху непременно будетъ взрывать пороховые ящики и пороховые магазины; даже самая тяжесть патроновъ, сложенныхъ въ большія груды или массы, давленіемъ верхнихъ слоевъ на нижніе будетъ производить взрывы. Не извѣстно, свободно ли вещество господина Шёнбейна, отъ этой страшной опасности; но новый порошокъ по рецепту моксы или наущенію господина Отто, сопряженъ съ нею радикально: это фактъ.

Искусный химикъ нашъ, господинъ полковникъ Фадѣевъ, обнаружилъ недавно свой собственный способъ приготовления взрывистой хлопчатой бумаги: вмѣсто азотной кислоты онъ употребляетъ смѣсь азотной кислоты съ сѣрною дымящеюся кислотю, обрабатываетъ въ ней хлопчатую бумагу по обыкновенному порядку, и находитъ результаты превосходными. Этотъ препаратъ представляетъ большое сходство съ обыкновеннымъ порошкомъ относительно къ своему составу: въ обыкновенномъ порошокѣ имѣете вы углеродъ (въ углѣ), азотъ (въ азотно-кисломъ кали, или селитрѣ), и сѣру; здѣсь также — углеродъ (въ древесницѣ хлопчатой бумаги), азотъ (въ азотной или селитряной кислотѣ) и сѣру (въ сѣрной кислотѣ): словомъ, тотъ же порошокъ, только въ другомъ видѣ. Можетъ быть взрывистая хлопчатая бумага этого рода и не содержитъ въ себѣ гремучей кислоты; можетъ-быть она и не боится сильныхъ ударовъ и сильнаго давленія: жаль, что господинъ полковникъ Фадѣевъ не обратилъ вниманія своего на это важное обстоятельство, и жаль также, что онъ не сказалъ намъ, не пережигаетъ ли сѣрная кислота хлопчатой бумаги при такомъ производствѣ или вскорѣ послѣ него. Мы должны замѣтить, при этомъ случаѣ, что взрывистая хлопчатая бумага, обработанная дважды въ чистой, концентрированной азотной кислотѣ, и превосходно промытая, хранилась у насъ довольно долгое время въ сухой комнатѣ и въ оберткѣ изъ обыкновенной писчей бумаги, и писчая бумага найдена была вся въ дырахъ, сожжена она во многихъ мѣстахъ какъ-будто огнемъ: примѣчаніе для желающихъ дѣлать патроны съ «новымъ порошкомъ».

Если изобрѣтеніе господина Шёнбейна не лучше того, что мы изобрѣтаемъ по рецепту господина Отто, такъ «новый порошокъ»

изъ хлопчатой бумаги навѣрнѣе испытаетъ судьбу Бертолетовой соли, которую также хотѣли замѣнить обыкновенный порохъ: послѣ двухъ трехъ мѣсяцевъ великой потѣхи — вѣчное забвеніе.

Изъ чего, спрашиваю, намъ, Русскимъ, хлопотать о новомъ нѣмецкомъ порохѣ. Да у насъ порохъ *растетъ* повсюду! Вся русская земля, по волѣ мудрой природы, зарасла чудеснѣйшимъ готовымъ порохомъ: въ деревнѣ, не знаешь, куда отъ пороху дѣваться! Ужъ если всѣ стали выдумывать порохъ, такъ позвольте же и мнѣ порохъ выдумать. — «Знаете ли вы *папоротникъ плауна*, по-латыни *Lycoperidium?*» — Какъ не знать. — «А знаете ли, какъ чудесно воспламеняется пыль семени этого дряннаго растенія отъ малѣйшей искорки огня? какъ наполнивъ ею воздухъ комнаты, она сожигается до послѣдней пылинки въ одно мгновеніе, образуя видъ молніи? Чего вамъ лучше пороху! Купите въ аптекѣ за осемь гривенъ фунтъ пыли папоротниковаго семени, и стрѣляйте. Увидите, право не хуже взрывистой хлопчатой бумаги. А какаа польза для государства! Если нынѣшняго папоротнику на пустыряхъ мало, такъ можно сѣять папоротникъ на полѣ: учредится прекрасная отрасль земледѣлія и сельской промышленности, *папоротниководство*.

Изъ всѣхъ, которые нынче занимаютъ новыми порохами, одинъ только человекъ между нами истинно выдумалъ порохъ: это—А. И. Робисопъ, ученый и необыкновенно искусный лаборантъ по химіи при здѣшнемъ университетѣ. Удостоившись въ коренныхъ неудобствахъ хлопчатой бумаги, которая у всѣхъ засѣла въ головѣ, потому что въ Германіи заговорили о хлопчатой бумагѣ, онъ обратился къ другой древесинѣ, болѣе натуральной и болѣе удобной. Онъ взялъ старый кулъ, и обработалъ *мочалку* въ азотной кислотѣ. Русская мочалка затымла всѣ нѣмецкія хлопчатыя бумаги: мочалка упитывается азотною кислотою мгновенно и ровно, потому что на ней нѣтъ кожицы; она нисколько не склочивается; промывается въ совершенствѣ съ удивительною легкостью, и ее достаточно обработать въ кислотѣ одинъ разъ. Быстрота и сила, съ какими она вспыхиваетъ и сгораетъ, первоклассны. *Взрывистая мочалка несравненно превосходитъ взрывистой хлопчатой бумаги*, во всѣхъ отношеніяхъ, и, если только пуля легко лежитъ въ зарядѣ, нѣтъ ни какой опасности чтобъ дуло было разорвано при выстрѣлѣ. Но, къ сожалѣнію, и она, при сильномъ ударѣ, воспламеняется съ трескомъ и со взрывомъ гремуче-кислой ртути.

Вмѣсто мочалки можно употребить стружки и деревянные опилки.

НЕПТУНЪ, новая планета, открытая господиномъ Галлѣ по вычисленіямъ господина Леверриѣ. Кажется, что это имя, Нептунъ, останется за новою планетою. Оно дано ей въ засѣданіи Bureau des Longitudes, по предложенію самого господина Le Verrier. Господинъ Галлѣ хотѣлъ прозвать ее «Янусомъ». Въ Англіи предлагаютъ имя: Oceanos. Господинъ Араго объявилъ, что не станетъ называть ее иначе какъ «планетою Леверриѣ». Известно, что Урана сначала называли «Гершелемъ».

Не одинъ господинъ Леверриѣ нашелъ вѣроятное мѣсто ея на небѣ посредствомъ вычисленія, принимая въ основаніе одну изъ неправильностей пути Урана и относя эту неправильность къ дѣйствию невидимой планеты, лежащей за Ураномъ. Молодой англійскій математикъ, господинъ Adams, въ Кембриджѣ, занимаясь въ то же самое время подобнымъ вычисленіемъ, опираясь на ту же идею, и, мѣсяца за два до берлинскаго открытія Нептуна, указалъ мѣстному астроному, господину Challis'у, на то же самое мѣсто неба, какъ и господинъ Леверриѣ господину Галлѣ. Господинъ Challis, слѣдуя указанію молодаго математика, видѣлъ эту планету 17-го (27-го) іюля, но, по другимъ своимъ занятіямъ, не могъ приступить тотчасъ къ дальнѣйшимъ наблюденіямъ надъ нею. Парижскіе ученые утверждаютъ нынче, что господинъ Challis видѣлъ Нептуна въ іюль, единственно по недоброжелательству Англичанъ къ Французамъ.

Покойный Бессель писалъ, незадолго до своей смерти, къ сэръ Джону Гершелю, что и онъ тоже трудится надъ вычисленіемъ мѣста, гдѣ, по всей вѣроятности, находится невидимая планета, смущающая ходъ Урана: въ бумагахъ его найдутъ, конечно, доказательства, что и онъ также назначалъ невидимой планетѣ то же самое мѣсто, какъ господа Adams и Le Verrier.

Въ этомъ чудномъ согласіи различныхъ искателей невидимаго, собственно, нѣтъ ничего чуднаго: планета, лежащая за Ураномъ, по-необходимости течетъ очень медленно и, поэтому, должна была находиться болѣе или менѣе противъ того мѣста, гдѣ случилась неправильность въ пути Урана. Можно было ошибиться однимъ или двумя градусами, не болѣе. На столько и ошиблись.

Наблюденія надъ новою планетою не прибавили еще ничего особенно новаго или положительнаго къ предположеніямъ вычислившихъ ея данныя. Видимый поперечникъ Нептуна занимаетъ

около 3-хъ секундъ пространства на небѣ. Настоящая величина этого поперечника должна быть $5\frac{1}{4}$ разъ болѣе поперечника Земли, то есть, около 63,000 верстъ. Разстояніе его отъ Урана почти равно разстоянію Урана отъ Солнца и доходитъ до 5,000 милліоновъ верстъ. Періодъ теченія вокругъ Солнца равенъ 217-ти земнымъ годамъ: но это еще требуетъ повѣрки наблюденіями. Въ сильномъ телескопѣ, Нептунъ имѣетъ видъ звѣзды восьмой или девятой величины; слѣдовательно, не можетъ быть видимъ простымъ глазомъ, который звѣздъ менѣе седьмой величины уже различитъ не въ состояніи.

ВЕЙМАРЪ. *Статья князя Элиа Мещерскаго.* — Если вамъ вздумается когда-нибудь отдохнуть отъ всего страшнаго шума, оглушающаго васъ въ Парижѣ, шуму улицъ и клубовъ, телеграфа и биржи, журналовъ, политики и литературы, философіи и различныхъ религій, надѣньте художничью блузу и возьмите дорожную палку, либо садитесь въ публичную карету, или заставьте бичъ почтарей хлопать передъ вашими англійскимъ купцѣ; но отправляйтесь на берега Рейна, побывайте въ Германіи.

Тамъ вы еще найдете движеніе; но это движеніе чисто умственное. Умъ взлетаетъ на фантастическихъ крыльяхъ и паритъ по всѣмъ сферамъ творенія и мысли; вопрошаетъ у Бога, зачѣмъ созданъ міръ; спрашиваетъ у насѣкомаго, у былинки, у атома, какъ создалъ ихъ Богъ; громоздитъ системы на системы; созидаетъ, чтобы разрушать; разрушаетъ, чтобы созидать; утверждаетъ и отрицаетъ; созерцаетъ, испытываетъ, мѣряетъ, копаетъ, ползаетъ, летаетъ и всё идетъ впередъ и впередъ.

Но пока умъ движется прогрессивно, сердце остается на мѣстѣ; чувства, нравы, національный характеръ, не мѣняются; теоріи не воплощаются въ людей; страсти не превращаются въ народъ; идеалъ не поглощаетъ дѣйствительности; мысль не переходитъ въ дѣйствіе. Одна только идея воплотилась въ Германіи и перешла въ общественную жизнь, именно Лютеръ. Со времени той первой великой революціи, которая, вѣроятно, будетъ и послѣднею, Германія заключилась сама въ себѣ и живетъ воображеніемъ и движеніями души.

Разумъ, безпреставно обращающійся около чувства, неподвижной оси нравственнаго міра Германіи, вотъ вамъ Германія.

Да, вы ощутите покой, котораго ищете, какъ-скоро дохнете этой атмосферою любви, доброжелательности, добродушія, которая окружаетъ германскій народъ, — сладкія благоуханія, исходя-

щія отъ сердечныхъ качествъ. Качества эти выражаются на нѣмецкомъ языкѣ однимъ словомъ: Gemüth *.

Если вы поѣдете въ Дрезденъ скрестить руки и преклонить колѣна передъ мадонною Рафаэля, царицею всѣхъ мадоннъ доставленныхъ намъ Италией; если соберетесь въ Берлинъ поклониться новому фаросу Германіи и посмотрѣть на короля счастливаго народомъ и на народъ счастливый королемъ, то на дорогѣ вы встрѣтите, въ тридцати съ чѣмъ-то миляхъ отъ Франкфурта и въ двѣнадцать отъ Лейпцига, маленькій городокъ, расположенный на маленькой рѣчкѣ.

Смотрите, не минуите этотъ городокъ въ минуту задумчивости, а, если ужъ такое несчастіе случится съ вами, воротитесь скорѣе тѣмъ же слѣдомъ. Этотъ городокъ есть кора, скрывающая алмазы: цѣлые полвѣка онъ былъ столицей германскаго ума, пьедесталомъ, который держалъ на себѣ столько знаменитыхъ людей и показывалъ ихъ удивленной Германіи: городокъ этотъ—Веймаръ.

Было время, когда герцогскій Саксенъ-Веймарскій Дворъ подходилъ на древній портикъ, посвященный Минервѣ. И дѣйствительно, Веймаръ называли германскимъ Афинамъ. Философы, поэты, художники и литераторы толпились вокругъ принцессы Амалии, женщины великаго ума и возвышеннаго сердца. Она была волшебницей, привлекавшей и вызывавшей геніевъ. То была германская Медичи, которая заимствовала у своимъ италіанскихъ совмѣстницъ одиѣ ихъ добродѣтели. Въ ея скромной тиѣуртской виллѣ собирались Гердеръ, Виландъ, Шплеръ, Иффландъ и многіе другіе. Ихъ высокія мысли, ихъ стихи, сдѣлавшіеся всесвѣтными, ихъ важныя или шутивыя рѣчи, звучали подъ мирной тѣнью, гдѣ струится Эльмъ съ тихимъ журчаніемъ. Въ то же время, въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, другіе люди, прославившіе германскую науку, и возведшіе ее на высоту, какой не достигалъ еще ни одинъ народъ, преподавали на каедрахъ іенскаго университета; то были Шеллингъ, Фридрихъ Шлегель и другіе.

Скипетръ ума перешелъ отъ Франціи къ Германіи. Родникомъ

*Слово непереводимое ни на какой европейскій языкъ.

Gemüth значитъ и духъ, и душу, и сердце; или лучше сказать, видѣнъ въ себѣ всѣ эти попятія. Чтобы понять его должнымъ образомъ, надо выключить въ философскій языкъ Германіи; нѣкоторые нѣмецкіе философы дѣлаютъ наши нравственныя свойства на духъ, душу и Gemüth.

этого ученаго и литературнаго потока, мгновенно разлившагося по образованному міру, былъ Веймаръ: бассейнъ родника былъ герцогскій дворъ.

Пока на лѣвомъ берегу Рейна выравнивали, на правомъ возвышали. Чтò бы ни говорили, а умъ природный врагъ равенства, именно потому, что онъ восходитъ, а не нисходитъ; возвышается, а не понижается; онъ — пирамида, которая, какъ бы ни была широка въ основаніи, восходитъ всё суживаясь, а не поворачивается точкою. Чтò бы также ни говорили, владѣтельный дворъ, именно потому что совмѣщаетъ въ себѣ всё общественныя вершины, есть притягательная точка, самая свойственная умственнымъ вершинамъ. Ласточкамъ пужно гнѣздо, устроенное на верху зданія.

Но выше всѣхъ знаменитостей, связанныхъ съ именемъ Веймара, великая фигура Гёте обрисовалась въ свопхъ гигантскихъ размѣрахъ. Гёте служилъ олицетвореніемъ всего современнаго движенія. Мірозданіе отразилось въ его душѣ: пространный черепъ его вмѣстилъ въ себѣ всю науку въ огромномъ развитіи, какое она приобрѣла. Его величественныя черты представили, такъ сказать, всю красоту формъ, усвоенныхъ литературѣ. Подобно статуѣ Мемфона, онъ, такой же бронзовый и гранитный колоссъ, издавалъ гармоническіе звуки. Откуда ни сіяло солнце разума, Гёте испускалъ величавые и стройные аккорды. Лучи востока перевесили ему на благовонныхъ вѣтеркахъ диванъ Индусовъ; лучи юга вызвали римскія элегіи, и всю Италію и Грецію, которыя онъ пересадилъ въ Германію; лучи Запада воскресли въ немъ образцовыя произведенія французской сцены; наконецъ, самъ онъ, свѣтло сѣвера, включилъ въ себѣ всю германскую поэзію, всё прошедшія и настоящія стихіи германской жизни, отъ Гёца фонъ-Берлихингенъ и Фауста, до Вертера и Вильгельма Мейстера. Новое солнце, онъ имѣлъ уже только спутниковъ; могучій изъ могучихъ, онъ провозглашенъ былъ царемъ, и литературная республика превратилась въ Германію въ самодержавную монархію.

Шеллингъ, долго бывшій для философіи тѣмъ, чѣмъ Гёте былъ для всего, сказалъ своимъ слушателямъ, извѣщая ихъ о смерти великаго человѣка: « Господа, Гёте умеръ, мы осиротѣли ». Графъ Уваровъ, который готовитъ умственную Россію къ великимъ судьбамъ ея, и который былъ другомъ Гёте, говоритъ о немъ въ слѣдующихъ словахъ: « Германія, лишившись этого славнаго мужа, лишилась единственнаго и послѣдняго пзъ своихъ лите-

« ратурныхъ владыкъ, владыки, поднятаго на щитѣ и по законному праву генія, и по единодушному согласію своихъ соотечественниковъ » *.

Визитныя карточки этого верховнаго жреца *ноократіи* (царства разума), представляли надпись: фонъ-Гёте, дѣйствительный тайный совѣтникъ и государственный министръ Е. К. В. великаго герцога саксенъ-веймарскаго.

Эта дань, заплаченная геніемъ владѣтельному дому веймарскому, и бросающая на этотъ дворъ, на этотъ городъ, непомеркаемый блескъ, вовсе не удивительна. Гёте понималъ, что власть умственная и власть общественная, никогда не должны смѣшиваться вообще, и что, въ политикѣ, одна должна оставаться въ подчиненіи у другой. Противники обвиняли его въ томъ, что онъ былъ придворнымъ: важная ошибка со стороны обвинителей; Гёте подавалъ черезъ то торжественный примѣръ уваженія къ общественному устройству. Истинные геніальные люди всегда охраняли общество, а не разрушали. Сверхъ-того Гёте былъ другомъ принца, сына герцогини Амалии. Души ихъ были созданы взаимно оцѣнять себя.

Карлъ-Августъ, который наследовалъ военныя доблести принца Бернарда, знаменитаго полководца изъ эрвестинской линіи саксонскаго дома, Карлъ-Августъ могъ подать свою вѣнчанную руку Гёте, и Гёте могъ съ гордостью принять ее. Эта рука обнажила мечъ и возвала германское отечество къ независимости, когда побѣдитель народовъ и царей подавлялъ Германію подъ копытами своего бѣлаго коня. Карлъ-Августъ принесъ на жертву свои владѣнія и свою особу за дѣло свободы міра, въ то время, когда Пруссія, одна, ибъряясь съ звѣздой Наполеона, готовилась къ славному погребенію, когда Россія еще не провозгласила освобожденія.

Послѣ іенской битвы, Веймаръ былъ свидѣтелемъ сцены, которую исторія будетъ повторять съ умиленіемъ. Между-тѣмъ какъ все бѣжало отъ французской арміи, шедшей на Веймаръ, герцогиня Луиза, супруга Карла-Августа, не покинула своего дворца. Она знала досаду Наполеона на герцога, и предвидѣла,

* Смотри извѣстіе о Гёте, читанное въ засѣданіи С. П.-бургской Академіи Наукъ, двадцать-второго марта 1833 года, президентомъ академіи, С. С. Уваровымъ, на французскомъ языкѣ. Русскій ея переводъ, профессора Давыдова, помѣщенъ въ томъ же году въ Ученыхъ Запискахъ московскаго университета.

что гнѣвъ императора предасть городъ на расхищеніе. Она ожидала грома, какъ желѣзное остріе ожидаетъ молніи. Женщины, дѣти, старики, искали прибрѣжища во дворцѣ, и помѣщались съ своими пожитками въ обширныхъ покояхъ герцогской резиденціи. Великодушная принцесса посылала жизненные припасы однимъ, ободряла, утѣшала другихъ; словно Святой Левъ, заступающій христіанъ отъ гнѣва Аттилы. Явился Наполеонъ. Достоинство, мужество принцессы удивили его и смягчили его раздраженіе. Герцогство получило пощаду. Нѣкогда, въ подобномъ же случаѣ, женщины Вейнсберга спасли своихъ мужей. Веймарская женщина спасла свои владѣнія.

Нынѣ три могилы отмѣчены тремя именами: Гёте, Карлъ-Августъ, Луиза. Путешественники, ступайте въ Веймаръ, преклонитесь передъ этими саксонскими пирамидами.

Прошедшее Веймара было блестятельно и свѣтло, настоящее прекрасно еще, и будущее возникаетъ чистое и ясное. Дочь русскихъ царей, великая княгиня Марія и ея благочестивый супругъ пекутся о благоденствіи этой исторической страны. Они ангелы-хранители Веймара.

Почтеніе зажимаетъ мнѣ уста, похвала живымъ похожа на лесть, а то, что я имѣлъ бы сказать, походило бы на нее еще болѣе, потому что я сказалъ бы только истину. Путешественники, спросите у Веймарцевъ; они истолкуютъ вамъ мое безмолвіе.

Но я расскажу вамъ, какимъ образомъ *городокъ* представляетъ всѣ способы столицы, за исключеніемъ скуки.

Велико-герцогскій Дворъ сохранилъ обычай старины; онъ до селѣ Версаль въ маломъ видѣ. Къ нему имѣетъ пріѣздъ все, что Веймаръ заключаетъ въ себѣ и что Европа шлетъ ему отборнаго. Помѣщаясь на большихъ дорогахъ Германіи, Веймаръ принималъ подъ свой гостепріимный кровъ поочередно знаменитости двухъ столѣтій и всѣхъ странъ. Онъ волшебный фоваръ, гдѣ промелькнули всѣ головы, увѣнчанныя коронами или славою, отъ Наполеона и Александра, до Байрона и Ампера, провозвѣстника сѣверной литературы и самаго отмеченнаго изъ Французовъ; промелькнетъ еще много другихъ, будьте увѣрены.

Въ немногихъ городахъ Германіи найдется такое отборное общество. Веймарскія женщины кажется породили нѣмецкую поговорку: «Въ Саксоніи, на каждомъ деревѣ растутъ хорошенькія дѣвушки».

Древніе придавали красоту въ атрибуты генію. Веймаръ, даже въ этомъ отношеніи, земля классическая.

Духъ Гёте проявлялъ въ веймарскомъ обществѣ; всякій взялъ отъ него свою долю, и можно представить, обилуетъ ли этотъ городъ умомъ. Такая моральная метампсихоза суждена была этой привилегированной странѣ. Увы! улы! то, что зовется *изящнымъ свѣтомъ* въ прочихъ столицахъ, не можетъ похвастать той же участью. Въ Веймарѣ изящный свѣтъ есть, въ то же время, свѣтъ искусства и науки. Сепъ-Жерменское Предмѣстіе этого малаго умственного Париза, издавало нѣсколько времени литературный журналъ, гдѣ печатались нѣмецкія, французскія, англійскія и итальянскія статьи; журналъ, котораго ученые сотрудники ходили въ газахъ и лентахъ, были дочери министровъ и знатныхъ бароновъ, и имѣли по шестнадцать и по осмнадцать лѣтъ отъ-роду. Молодые иностранцы, которые послушаютъ строфъ Миньоны, излетающихъ стройно изъ какихъ-нибудь тамошнихъ прелестныхъ устъ, потеряютъ охоту, повѣрьте, ѣхать заказывать гондольерамъ строфы Тасса; и множество оксфордскихъ выходцевъ (Веймаръ обилуетъ ими), смягчаясь по образцу гостей Орфея, учатся по-нѣмецки, какъ не учивались по-латыни, и являются очень пристойно въ велико-герцогскій дворець.

Благо я взялся за должность чичероне въ этомъ музее гармоническихъ воспоминаній и любопытныхъ предметовъ, то обязанъ еще прибавить, что въ Веймарѣ есть все потребное, чтобы сдѣлать жизнь въ немъ очаровательною.

Публичная библіотека заключаетъ въ себѣ драгоценныя рукописи, между прочимъ, библію Лютера, писанную его рукою. Кабинетъ чтенія, достойный Париза, предлагаетъ охотникамъ лучшіе европейскіе журналы. Театръ, на которомъ образовались знаменитые германскіе артисты, подъ дирекціей Иоланда и Гёте, соперничествуетъ доселѣ съ театрами большихъ столицъ. Иногда на немъ слышатся оперы Россіи по-итальянски, и оркестромъ управляетъ Гуммель. Ученыя и литературныя общества и заведенія, заслуживаютъ вниманія ученыхъ и художниковъ; назову хоть одинъ только географическій институтъ Бертуха.

Можно бы набрать цѣлую книгу изъ того, что я пропустилъ, если бы вздумалъ говорить о другомъ городѣ великаго герцогства, гдѣ имя Лютера то же, что имя Гёте въ Веймарѣ. Эйзенхъ служитъ представителемъ среднихъ вѣковъ этой страны. Варцбургъ показываетъ чернильное пятно, которое Лютеръ сдѣлалъ на стѣнѣ, кинувъ чернильницею въ дьявола, — показываетъ доспѣхи храбрыхъ герцоговъ и рыцарей Турингіи, и живопись,

изображающую чудеса Святой Елисаветы, бывшей некогда обладательницею этихъ мѣстъ.

Гёте былъ настоящій микрокосмъ; онъ вмѣстѣ въ себя міръ, служилъ его храмомъ. Веймаръ былъ храмомъ Гёте. Не произошло событія въ умственномъ мірѣ, при которомъ бы Гёте не сказалъ своего слова. Много лѣтъ уже не оглашается въ исторіи ни одного великаго общественнаго, философскаго или литературнаго факта, гдѣ имя Веймара не проносилось бы отъ эха къ эху.

СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНИСТЫ. — БАЛЬЗАКЪ. *Статья Ипполита Кастилья.* — Осмотрѣвъ подробности « Человѣческой комедіи » (*Comédie humaine*), какъ Бальзакъ называетъ свои творенія, или *свое твореніе* (*son oeuvre*) какъ онъ выражается, обозрѣвъ всѣ части этого огромнаго дворца, въ которомъ еще недостаетъ столькихъ колоннъ и арокъ, выносящъ оттуда два очень различныя впечатлѣнія: одно — глубокое удивленіе къ артисту, который такой твердой и разумной рукою выработалъ барельефы сердца человѣческаго, страсти; другое, увы! надо признаться, глубокая грусть, смѣшанная съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго нравственныя безобразія изваялъ безжалостный рѣзецъ. Отъ этого презрѣнія рождается какое-то омерзѣніе жизнью, которое владѣетъ вами нѣсколько дней. По прочтеніи « Шагреновой кожи », « Провинціального великаго человѣка въ Парижѣ » или « Старика Горіо » не одному грамотному человѣку случалось закрывать у себя занавѣсы, чтобъ и не видать солнца. — Романъ Бальзака производитъ на меня дѣйствіе роскошнаго и соблазнительнаго плода; отвѣдать его, во рту на долго останется горечь. — Рѣшительно запрещаю Бальзака ипохондрикамъ.

Однако жъ, скажете вы мнѣ, есть и утѣшнія въ « Человѣческой Комедіи »; тамъ и сямъ красота мелькаетъ изъ этихъ группъ уродовъ, какъ чистый цвѣтокъ возникаетъ изъ грязной земли. — Евгенія Грандѣ, мадамъ де-Моредъ, поникнутыя задумчивыя головки, долго мы хранимъ память вашей кроткой и грустной улыбки! — Но, по совѣсти, эти бѣдныя обреченницы внушаютъ ли намъ любовь къ человѣку и къ обществу, которыхъ жертвами онѣ умираютъ? — Мосьё Бальзакъ, куда вы дѣвали ту симпатію къ человѣчеству, которую вы могли испить полными глотками, у одного изъ двухъ великихъ мастеровъ, подававшихъ вамъ кубокъ своего генія?

Какъ свидѣтельствуетъ вообще цѣлая дѣятельность романиста, и въ особенности « Сельскій священникъ » (*Curé de village*),

Бальзакъ писатель въ духѣ римскаго католическаго исповѣданія; но въ немъ не найдете могучей вѣры Данта. Его религіозность сильно смѣшана съ пантагрюлезею ересью. Онъ вѣрится въ провѣщанія бутылки. — Знаете ли, что, по-нашему, заключаетъ эта бутылка,

..... Bouteille

Pleine toute

De Mystères?

Великій Алькофрибасъ сказалъ: *Въ ней заключена вся истина.* Условимся, однако жъ: бутылка заключаетъ душистое вино, источникъ веселья; наши предки выпили его, намъ остались подонки, печальная истина, сомнѣніе, скептицизмъ. Это на дѣлѣ сосуда вычерпалъ Раблѣ; то же добылъ оттуда и Бальзакъ. — Оттуда странное противорѣчіе господствующее въ цѣломъ « Человѣческой комедіи ». — Выскажемся еще яснѣе.

Два генія, одинъ старый, другой новый; два генія столько жъ различные между собою, какъ черный цвѣтъ съ бѣлымъ, ведутъ въ твореніяхъ Бальзака борьбу, въ которой мудро достигнуто толку. Однако жъ причина ея проста: съ самаго начала своего поприща, Бальзакъ оказалъ горячую любовь къ Раблѣ и Вальтеръ-Скотту. У перваго онъ заимствовалъ ту скептическую философію, тотъ наглый насмѣшливый восторгъ, который породилъ « Физиологію супружества » и « Философскія сказки ». У втораго, онъ почерпнулъ ту религіозную вѣру, то описательное величіе, то цѣломудріе страстей, то подробное изученіе предметовъ и характеровъ, которыхъ отблески озаряютъ всю его дѣятельность, въ особенности « Лицію долины » и « Деревенскаго врача ». — Впрочемъ, не оба типа отпечатались съ одинаковой глубиною и на одинакихъ поверхностяхъ. По нашему мнѣнію, влияние Раблѣ замѣтно больше въ колоритѣ, влияние Вальтеръ-Скотта въ самой работѣ.

Вліяніе Раблѣ, привело Бальзака къ голому скептицизму, не насчетъ религіозныхъ правилъ, а насчетъ челоуѣка и общества; оттуда-то болѣзненная сторова, насмѣшливая и отчаянная, господствующая въ бѣльшей части его характеровъ. Давно сказано: Бальзакъ — пѣвецъ отчаянія. Мы прибавимъ одно слово: — отчаяніе безнравственно.

Выведемъ изъ этого объясненія слѣдствіе, которое устранить, надѣемся, всякое подозрѣніе систематической неприязни съ нашей стороны. — Артистъ и философъ, Бальзакъ нагнулся надъ Раблѣ, чтобы добыть сокровища софизма и поглотить, оди-

важшіяся въ его дѣятельности. Отъ этого долгаго изученія остался слѣдъ. Стѣка оставила морщину на рукѣ лѣщика. Фанатизмъ искусства совратилъ художника съ пути. Выражу мою мысль такъ: всякій разъ что Бальзакъ уклоняется отъ нравственнаго смыслу, изъ десяти кратъ девять можно обвинять въ этомъ его глубокую страсть къ искусству.

Представимъ доказательства, взятые отъ главныхъ типовъ «Человѣческой комедіи». Такое изслѣдованіе дастъ намъ случай обозначить новыя пропасти, скрытыя въ густомъ твореніи великаго романиста. Продолжаемъ смотрѣть съ первой нашей точки зрѣнія.

Всякій, кто читалъ Бальзака, знаетъ одно изъ самыхъ страшныхъ лицъ его обширной комедіи: Вотрѣна. Памятна эта мощная фигура, колоссальная какъ силуэты *Одиссеи*, а между-тѣмъ совершенно новая. Каторжникъ *Trompe la Mort* живъ у всѣхъ въ памяти. Никто не забылъ рыжого черепа и циклопскихъ плечъ этого косматаго человѣка. Малѣйшія подробности его жизни, больше отбѣненной мракомъ, больше обогрѣнной кровью, чѣмъ картина испанской школы, цѣлы у насъ въ воспоминаніи. Наконецъ въ этомъ чудовищѣ приняли участіе, которое со дня на день возрастаетъ. Сердца трепещутъ при малѣйшихъ перипетіяхъ, поставляющихъ въ опасность жизнь этого изверга, который безпрестанно возраждается. Взоръ не можетъ оторваться отъ этого человѣка, который ходитъ въ обществѣ вопреки законамъ, заводитъ полицію, измѣняетъ своихъ сообщниковъ, какъ дикарь новаго свѣта промѣжду гадинами, дикими звѣрями и враждебными племенами. Бальзакъ разнилъ на Вотрѣна такой же огромный интересъ, какъ Куперъ на Кожанный-Чуллокъ. Время, когда у Бальзака падеть его гигантъ цивилизованнаго міра, будетъ для романиста временемъ потери одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей его успѣха. — Честь же и слава художнику, который отлилъ эту бронзовую статую съ рыжими отбѣнками и грубыми мускулами! Мастерски сработалъ! Но тутъ и стойте, почтеннѣйшій. Эта бронза назначена для боговъ и героевъ, а вы превратили ее въ чудовище. Переполненные своимъ гніемъ, вы предались своему дѣлу съ неистовымъ наслажденіемъ. Упоенные своимъ собственнымъ талантомъ, вы созерцали самого себя, и за могуществомъ вашего творчества, позабыли нечистую природу чудовища и обоготворили ее. Чародѣй, вы разсыпали на него столько приманокъ, что обаяли и оковали нашъ умъ и наше сердце. Это верхъ очарованія. Но однажды мы вдругъ при-

нѣтъ, что обожаемъ этого удалаго, честнаго Вортрена, что любимъ этого милаго Феррагюса, бывшаго каторжника, главу Ножирателей и одного изъ знаменитыхъ Тринадцати. Биксѣу, Лустѣ, Растиньякъ, словомъ, всѣ второклассные демоны, которые скачутъ въ колоннадахъ вашего зданія, показались намъ очень пріятнымъ обществомъ. Познакомившись такимъ образомъ съ этой прелестной сволочью, читатель закрываетъ книгу Бальзака, ощупываетъ себя и, наконецъ, говоритъ самъ себѣ: — «Право, кажется и я бы убилъ мандарина!» Это ведетъ, въ перпендикулярной проэкціи, къ очень просторной морали, къ морали силы. Всякое превосходство становится хорошо. Такой-то мерзавецъ, но очень сильный человѣкъ! Тотъ-то плутуетъ въ картахъ, зато чудо какъ онъ передергиваетъ! Этотъ перекупщикъ акцій человѣкъ безнравственный, безчестный, глупый, но отлично умѣетъ *провести* акціонера; какъ не признать его своимъ другомъ! Или вотъ джентльменъ въ щегольскихъ перчаткахъ, онъ убиваетъ человѣка съ такимъ же хладнокровіемъ какъ глотаетъ устрицу въ Рошѣ-де-Канкаль; поклонъ ему!

Мы еще не кончили на счетъ морали. Сейчасъ увидимъ, куда искусство заводитъ иногда писателя. — Однажды Бальзакъ, перечитавши «*Павла и Виргинію*,» такъ глубоко окунулся въ прозрачныя волны гения Бернарде́на, что вышелъ изъ нихъ чистѣхонекъ отъ своей парижской грязи, чистъ какъ дѣвочка только-что окрещенная. Онъ бросилъ слякоть троттуаровъ, потащилъ всей грудью росу и солнце, отыскалъ въ Туренѣ мирный пейзажъ, и написалъ одинъ изъ своихъ прелестнѣйшихъ романовъ «*Лилію въ долинѣ*».

Исторія очень простая: нѣкая мадамъ де-Морсѣ, замужемъ за однимъ изъ тѣхъ людей, которые ни подъ какимъ видомъ не должны быть мужьями, влюбляется страстно въ своего молодого деревенскаго сосѣда. Поль мадамъ де-Морсѣ иногда настойчивъ, все въ разговорѣ противъ сердца бѣдной женщины: равнодушіе мужа, ухаживанья любовника, благоуханныя испаренія роскошной природы, солнце, и свѣтло еще яснѣйшее: солнце юности и любви. — Она крѣпится. Очарованія сердца и чувства, вброшенные стрѣлы случая притупляются о добродѣтель тверже адмантоваго щита. Эта борьба, точно исполненная прелести, граціи и интереса, длится почти два тома. Наконецъ, бѣдная женщина падаетъ больная, одной изъ тѣхъ странныхъ болѣзней, которыя даютъ Бальзаку случай выказать универсальность его познаній. Страшная болѣзнь поразила пилорію, нижнее устье,

которое, по греческой этимологiи слова, *охраняетъ дверь желудка*. Она охраняетъ ее такъ строго, что мадамъ де-Морсе не можетъ принять ни малѣйшей пищи. Бѣдняжка умираетъ медленно въ терзанiяхъ голода.

Тутъ я остававливаюсь, тронутый и полный удивленiя. Въ подробностяхъ этой медленной агонiи, Балзакъ развилъ такую глубокую чувствительность, что каждая строка выжимаетъ слезу. Я радъ присоединить мое выраженiе къ удивленiю публики. Сочиненiя краснорѣчивыхъ страницъ прочитываются безъ утомленiя! Признаю гений, и поклоняюсь ему съ почтенiемъ и симпатiей.

Сейчасъ я апплодировалъ съ толпою, теперь возвращаюсь за кулисы.

Вокругъ умирающей жертвы собираются цари науки. Ихъ знанiе безсильно. Является Церковь съ своими строгими утѣшенiями. Терзаемая муками голода, бѣдная женщина еще находитъ кроткiй и покорный взоръ для cadaго изъ окружающихъ, улыбку для любимаго человѣка. Приближается смерть; родные, слуги и духовенство собрались. Хоръ плача и воздыханiй стонетъ глухой музыкой. Страдалица сейчасъ взлетитъ на небо, облеченная въ пелены своей добродѣтели. Она коснулась двери вѣчности. Небеса готовы разверзнуться.... Чтѣ же дѣлаетъ въ эту великую минуту высокая страдалица? Она измѣняетъ цѣлой жизни пожертвованiй, долга и добродѣтели. Судорожно сжимаетъ она въ объятiяхъ любовника, и восклицаетъ: «Теперь ты мой!» Она жаждетъ его, а о своей прошедшей жизни вотъ какъ разсуждаетъ: — «Да, жизнь! — говоритъ она.... жить дѣйствительностью, а не *ложью!* все въ моей жизни было *ложь!* уже нѣсколько дней я пересчитываю эти обманы. Возможно ли, чтобъ я умерла, я, которая не жила, я, которая никогда не искала никого въ пустынѣ?» К чему продолжать? Вы и безъ того видите, куда искусство завело художника. Хуже всего, что это паденiе есть почти гениальная черта. Оно въ натурѣ. Разоблачайте натуру, пожалуй. Красавица ничего не потеряетъ, если вы удержитесь въ надлежащей мѣрѣ; но не забывайте, что самый пылкiй любовникъ не долженъ трогать извѣстныхъ одеждъ. — О Раблѣ! старiй насмѣшникъ, ты, чья философiя заключается въ словѣ *пей!* не играешь ли ты кой-какой роли въ этой развязкѣ, гдѣ добродѣтельная женщина умираетъ какъ вакханка, восклицая: *Любовь!*

Чтобы покончить съ этой точкой зрѣнiя, за которую меня, конечно, осудятъ приверженцы искусства для искусства, скажу нѣсколько словъ о томъ горячемъ энтузиазмѣ, которымъ литера-

турное юношество воспламенилось къ Бальзаку. По зрѣломъ размышленіи, я принужденъ объявить, увѣ! что больше недостаткамъ чѣмъ великимъ достоинствамъ своимъ обязавъ романистѣ большинствомъ своихъ литературныхъ поклонниковъ. Онъ обязанъ ими особенно тому странному таланту, который побуждаетъ его надѣлать злыя натуры самыми блистательными качествами, окружать ихъ ореоломъ интереса.

Ихъ дерзость, остроуміе ихъ пороковъ, ихъ донъ-жуановская насмѣшливость, успѣхъ, сопровождающій ихъ предвиртія, смѣны роскоши съ нищетою, какой-то цинизмъ, разлитый на цѣломъ этихъ уродливыхъ существъ, соблазняютъ добрую юность, всегда охотницу пофайфаронить больше пороками чѣмъ добродѣтелями. Чѣмъ кто наивнѣе, тѣмъ онъ больше любитъ казаться злодѣемъ. Вѣдь такъ пріятно драпироваться неизвѣстнымъ великимъ чело-вѣкомъ! Сколько разъ, невинные юноши, въ короткомъ домашнемъ разговорѣ, говаривали вамъ съ сердечнымъ изліяніемъ: — « Мнѣ кажется, что Бальзакъ угадалъ меня, создавая этого негодяя Лустò! » И, со слезами скорби о самихъ себѣ, тщеславятся тѣмъ, что похожи на Лустò, на обезьяну Лустò! какъ называетъ его самъ Бальзакъ. Иной, честный малый, столько же добрый граждаанинъ какъ плохой риетворецъ, пріятно пошекотитъ свое самолюбіе, сравнивая себя съ Рюбампрè, поэтомъ поддѣлывателемъ фальшивыхъ актовъ. Другой вообразитъ себя Растиньякомъ въ маломъ видѣ.... Растиньякомъ! Политикомъ въ зародышѣ, живущимъ на-счетъ своихъ любовницъ. — Чтò жъ! скажу откровенно, мнѣ это больно; самъ великій мастеръ Раблè сознается, что это значить шутить ужъ черезъ-чуръ!

Пользуюсь этимъ обстоятельствомъ, чтобы высказать серьезное мнѣніе объ *искусствѣ*, — разумію подъ этимъ словомъ возню и романъ. Всякое произведеніе искусства должно имѣть цѣль: *Прекрасное*. Но прекрасное въ томъ смыслѣ, какъ его понимали Греки, то есть, прекрасное заключающее въ себѣ душу добраго. Отсюда до нравственнаго смысла, не далеко. Можно неопровержимо доказать, что, во всякомъ совершенномъ произведеніи, прекрасное, нравственный смыслъ и логика всегда въ ладу съ правилами искусства, и содѣйствуютъ совершенству произведенія. Не одинъ скульпторъ, не одинъ живописецъ, не одинъ поэтъ или романистъ римско-католическаго исповѣданія, могли бы съ полнотой поразмыслить о высокой теоріи язычника Платона.

Не продолжаемъ долѣе нашихъ наблюдений на этотъ счетъ. Перейдемъ теперь къ тому, чтò, въ искусствѣ, не составляетъ

души, то есть, къ работѣ, къ цвѣту, къ стилю, къ уборкѣ, къ характеристамъ, и посмотримъ какъ пользовался Бальзакъ этими различными инструментами, которыми столь мудро управляетъ.

Взявшись за любой романъ плодовитаго писателя, тотчасъ признаете въ немъ истинно рѣдкое мастерство въ постановкѣ на сцену. Съ самыми малыми средствами, онъ овладѣваетъ читателемъ, и выпускаетъ его только при концѣ ристалища. Романъ Бальзака читается съ того роду интересомъ, съ какимъ смотришь на уличный мятежъ, слушаешь слѣдствіе королевскаго прокурора въ уголовномъ дѣлѣ. Онъ удивительно схватываетъ драматическую сторону всякаго предмета; на его глаза, драма повсюду: въ конторѣ, въ лавочкѣ, во дворцѣ, въ комнатѣ, словомъ, вездѣ. Для него, форма и формальность не скрываютъ сущности. Напротивъ, онъ подаетъ ему поводъ щеголять случайной ученостью во всѣхъ предметахъ, мѣстнымъ колоритомъ, который приводитъ въ изумленіе человѣка незнакомаго съ уловками литературнаго ремесла. Это средство, которое онъ часто доводитъ до ребячества, удается ему, и льститъ специальностямъ. Зато ужъ онъ употребляетъ его и злоупотребляетъ.

Средство это, то-и дѣло употребляемое, служить еще для другой цѣли въ твореніяхъ Бальзака: оно прикрываетъ скудость интриги. Впрочемъ, мы этой скупости на происшествія не ставимъ ему въ вину; чтобы заинтересовать, не много нужно фактовъ: все дѣло въ умѣнѣ группировать ихъ. Въ порядочной литературѣ, серьезное изученіе характеровъ, страстей и матеріальныхъ предметовъ, важнѣе груды происшествій, — потому-то, вопреки общему мнѣнію (въ литературѣ), мы думаемъ, что Бальзакъ совершенствуется въ своихъ послѣднихъ романахъ: «Крестяне», «Комедіянты сами того не зная», «Уголовное слѣдствіе», «Шестидесяти-лѣтняя женщина». Художникъ полнѣе освободился отъ мелодраматическихъ условій, производящихъ популярныя успѣхи; надо благодарить его за это стремленіе, если не къ прекращенію, то крайней-мѣрѣ къ истинному; — употребляю это слово съ намѣреніемъ, и сейчасъ объясню его.

Истина, подобно прекрасному, одна; между-тѣмъ большая часть реалистовъ составляютъ себѣ каждый свою истину. Точно такъ же какъ нѣкоторые живописцы видятъ природу красною, а другіе зеленою, такъ и дѣйствительность имѣетъ для предубѣжденныхъ взоровъ большое разнообразіе цвѣтовъ. Истина описываетъ кривую линію, которая можетъ начинаться съ Наскала и оканчиваться Гомадомъ. Отсюда я заключаю, что истинныя про-

видцы рѣдки. У Бальзака дѣйствительность занимаетъ важное мѣсто съ матеріальной точки зрѣнія; онъ описываетъ внутренность дома съ такой же точностью какъ дагерротипъ; если онъ переходитъ къ костюму, дѣйствительность становится такою прекрасною, что зацвѣтаетъ.... и однако я уже вижу, что фантастическое закрадывается въ этотъ узелъ галстука или въ эти складки фрака. Дайте ему дойти до характера, тогда прощай чистая истина, фантазія всякой масти поскокала во весь опоръ. Мы указали на противорѣчіе въ Бальзакѣ съ моральной точки зрѣнія; вотъ вамъ еще противорѣчіе на практикѣ, съ точки зрѣнія истины. Докажемъ это.

Въ противность великимъ мастерамъ, которые брали свои тишы (исключая, конечно, эпическихъ поэтовъ) отъ общаго, Бальзакъ беретъ всегда исключительное. Тутъ онъ перестаетъ принадлежать къ той реалистской школѣ, которую прославилъ въ наше время одинъ писатель, далеко не столь плодовитый и не столь высоко-стоящій въ литературѣ, Меримѣ. Во всѣхъ романахъ Бальзака, герой и многіе статисты отнюдь не принадлежатъ къ человечеству. Герой чаще всего какой-нибудь странный гений, обладаемый гигантскими замыслами и собирающійся изумить землю. Если бы онъ удостоилъ сдѣлаться артистомъ или политикомъ, то былъ бы выше Микель-Анджело и Ришліе.... Но, скажете вы, это можетъ быть истинно. Согласенъ, только оно теряетъ реальную физиономію. — Помѣстите на пейзажъ Поль-Поттера стадо двуголовыхъ барановъ, — бывали же вѣдь двуголовые бараны, — получите пейзажъ удивительной живописи, но вовсе не истинный, не дѣйствительный.

Второе противорѣчіе у Бальзака состоитъ, значить, въ пристальномъ изслѣдованіи дѣйствительности, безпрестанно смущающемъ демономъ фантазіи. — Поглядимъ, какъ это противорѣчіе проявляется даже въ матеріальной работѣ романиста.

Всѣ, наравнѣ съ нами, удивлялись прелести, съ какой Бальзакъ описываетъ бытъ и лица. Міерисы и Мецу не производили лучшей фламандской живописи. Отдѣлка удивительной чистоты; тушевка ярка и окончена виѣсть; свѣтъ разлитъ мастерски. Но этому чрезвычайному тщанію, по тонкости штриховъ мы узнаете превосходную миниатюру.... Къ-несчастью, Бальзакъ дѣлаетъ миниатюры въ пять футовъ съ половиною. — Противорѣчіе въ работѣ художника.

Часто сравнивали Бальзака съ великими мастерами прошедшихъ вѣковъ, дѣлали изъ него новаго Лессажа; важная ошибка.

Леса́жъ, подобно большей части старинныхъ разскащиковъ, никогда не держался исключительности въ выборѣ своихъ лицъ. Его аббаты, его воры, его мошенники, его актеры, его поэты, его вельможи, — типы общіе; Леса́жъ, Сервантесъ, Молиѣръ никогда не дѣлывали мнѣшнѣе гренадерскаго роста: они подобно Калло очерчивали слезу двумя штрихами пера. Оттого Бальзакъ приводитъ въ отчаяніе рисовальщиковъ. Жоанно, Гаварни, Мессонье не могли совладѣть съ этимъ противорѣчіемъ, по которому Бальзакъ недоступенъ иллюстраціи. Они, крокиссты по-превосходству, не успѣвали изобразить Шевалье Валуа, старика Гобсека и tutti quanti; между-тѣмъ какъ всякій марака нарисуетъ вамъ, и вѣрно нарисуетъ, катитана Роландо, Картадилью или мосея Тартюфа.

Бальзакъ гений новый, полный силы, изученія и любви. Несмотря на легкіе недосмотры, на которые мы указали, онъ всё-таки останется, въ своемъ родѣ, примѣчательнѣйшимъ изъ нынѣшнихъ романистовъ. Онъ приноситъ честь литературѣ, и мы благодарны ему, потому что исполнены сыпования почтенія къ той разумной дружинѣ, которая призвана играть въ будущемъ столь великую роль.

ПАРИЖАНИНЪ ВЪ ПРОВИНЦИИ. *Статья графа Армана де-Понмартена.* Рауль де-Савиньи былъ слишкомъ образованъ, чтобы вѣрить въ провинцію, слишкомъ пресыщенъ, чтобы находить удовольствіе въ Парижѣ, и слишкомъ изыщенъ, чтобы оставаться тамъ послѣ іюня мѣсяца. Къ-несчастью, вистъ не пощадилъ и не разорилъ его столько, чтобъ ему вздумалось вѣхать на воды въ Эмсъ или Виши; онъ не владѣлъ ни одной изъ тѣхъ болѣе или менѣе дѣйствительныхъ виллъ, гдѣ французскіе модные писатели пишутъ свои лѣтнія произведенія, и только-что передъ тѣмъ рассорился съ одной остроумной баронессою предметія Сентъ-Оноре, владѣтельницею превосходнаго замка, рассорился изъ-за того, что она, какъ онъ случайно узналъ, была склонна къ литературѣ и посылала тайкомъ въ журналы повѣсти, подписанныя однимъ изъ тѣхъ вымышленныхъ именъ, которымъ нынче никто уже не вѣритъ. Какъ быть? что дѣлать? куда дѣваться? твердилъ онъ каждое утро, засыпая, и каждый вечеръ, просыпаясь: Италия лѣтомъ несносна; притомъ же туда всё вѣзять, хотять вѣхать или оттуда возвращаются; Швейцарія нынче, просто, большой англійскій паркъ, гдѣ впечатлѣвіе ходитъ въ лакированныхъ сапогахъ, а живописность глядитъ въ лорнетъ. Испанія новѣе; но, чего добраго, будешь принять за какого-нибудь чиновника француз-

скаго посольства, а смѣшнаго всегда лучше избѣгать: рѣшительно некуда ѣхать! Бѣдный Рауль приходитъ въ отчаяніе.

А между тѣмъ, каждый вечеръ онъ видѣлъ, какъ сквозь пыль Елисейскихъ-Полей мчались роскошные экипажи, увозя знакомыя лица, тонкія улыбки, колкія рѣчи, лукавыя взгляды, которые словно издѣвались надъ его тоскою. Прощайте, Рауль! До свиданія, Рауль! Прощайте, Эрнестъ, Жюль, Просперъ, Анатолий, шимолетные друзья, которыхъ весна разлучаетъ и осень предастъ забвенію; товарищи безумствъ, которые дѣлаются въ здоровомъ умѣ, упоеній, какимъ предаются не пьянѣя, веселья, которое придумываютъ очень невесело!... Прощай, прекрасная блондинка, вальсѣрка прошлой ночи, которая уѣзжаетъ, веселая, въ этой быстрой пляскѣ! Прощайте, сладкіе и унылые романсы Шуберта, которые удаляются, грустные, въ этой ломкой бричкѣ! Прощай блескъ, который длится одну зиму, праздники, которые длится одинъ день, любовныя похождения, которыя длится одинъ часъ; прощай свѣтъ, который исчезаетъ съ прилетомъ ласточки!... Будьте вѣкъ богаты, долго молоды, часто веселы; нечего прибавлять: будьте счастливы, потому что невозможнаго желать не стоить! Рауль со дня на день становился печальнѣе.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что вѣдь у него была добрая старая тѣтушка, поселявшаяся съ давнихъ поръ на югѣ, и жившая въ одномъ городѣ, котораго существованіе всегда ему казалось шимомъ, и который называли, какъ онъ слышалъ, Карпантра! Его словно свѣтомъ озарило. Мы живемъ, сказалъ онъ, въ эпоху отдаленныхъ странствій и опасныхъ изслѣдованій. То-и-дѣло слышимъ о побѣдахъ въ Китай и въ Томбуку, на Шпидбергенъ, либо въ Исландію, къ Ланландцамъ, или къ Ирокезамъ.... Почему жъ и мнѣ тоже не совершить своего странствія и своего открытія? Путевыя впечатлѣнія поѣздки въ Карпантра, филологическія наблюденія надъ туземцами, веденныя однимъ немаловажнымъ членомъ Жюкей-Клуба!... Да, это будетъ прекрасно! На другой же день онъ уѣхалъ.

Рауль зналъ наизусть весь репертуаръ актера Арналя; видѣлъ на театрѣ Variétés « Отца дебютантки », читывалъ «Ельстона Жюль-Жанёна, и изъ всего этого составилъ себѣ, насчетъ Карпантра, самыя странныя понятія. Если водевилъ, гдѣ умъ бываетъ рѣдко, если «Ельстонъ», гдѣ умъ бываетъ не всегда, считаютъ себя въ правѣ постоянно подшучивать надъ какими-нибудь красавицами, и надъ какими-нибудь городомъ, то ужъ, вѣрно, этотъ городъ и этотъ край точно Вютия въ маломъ видѣ, гдѣ

всякій глупѣе самаго глупаго Парижанина, а это уже не шутка сказать, и смѣшнѣе самаго смѣшнаго Парижанина, вещь очень сомнительная; да тѣмъ лучше! Это мнѣ сулятъ остроумныя наблюденія и забавныя каррикатуры! Я слишкомъ устарѣлъ, чтобы гоняться за чувствами или ощущеніями (ему было двадцать шесть лѣтъ); но, вивать, пронія и смѣхъ! они безсмертны, какъ міръ! живѣе же, почтальоны, ѣдемъ скорѣе!

Онъ пріѣхалъ въ одну изъ тѣхъ чудныхъ лѣтнихъ ночей, когда безпечный и сонный Провансъ придаетъ силуэтамъ своихъ горъ, очертаніямъ своего горизонта, облакамъ своего неба, волнистымъ скатамъ своихъ береговъ, яркіе цвѣта и грандіозные виды Италіи. Звѣзды, полу-затѣмѣваемые сіяніемъ луны, казались серебряной пылью, разсыпанною прихотливой рукою по лазурному грунту. Ихъ блѣдная царица, вися надъ міромъ, убѣждала своимъ молчаливымъ свѣтомъ потемнѣвшія равнины, какъ мысль надежды, или воспоминанія озаряетъ мракъ скорбящей души. Вдали, Ванту, воздымая свой исполнскій треугольникъ, сообщалъ остальному пейзажу нѣчто отъ своего одинокаго величія. Въ картинѣ былъ гармоническій и спокойный эффектъ, на которомъ отдыхали чувства и душа. Рауль, подобно бѣльшей части изъ насъ, пресыщенъ былъ только по-наружности, и мало-по-малу, самъ того не примѣчая, увлекся очарованіемъ сцены и бѣглыми порывами мечтательности. Онъ слушалъ монотонный крикъ кузнечика, отдаленный лай пастушьихъ собакъ, глухой скрипъ колесъ по влажной землѣ, и ощущалъ вокругъ себя и внутри себя смутныя воспоминанія, неясные образы, уснувшія привязанности. Не имѣя нужды позировать передъ смѣшными пріятелями, вольный предаться самому себѣ, онъ какъ-будто мыслилъ иной душою, жилъ иной жизнью, и когда пріѣхалъ на мѣсто, былъ уже чело-вѣкъ съ другимъ умомъ, и съ другимъ сердцемъ.

Его привали съ той сплсходительной нѣжностью, которая не считаетъ дней забвенія; лучшая комната, лучшая постель, тысячи отрадъ доброй провинціальной жизни тотчасъ доставлены ему, и на другой день нашъ герой, хорошо отдохнувшій, могъ удобно приступить къ своимъ изслѣдованіямъ. Тѣтка адресовала его къ своимъ знакомымъ молодымъ людямъ, которые, по ея словамъ, были «душистымъ горошкомъ» города, и съ которыми, дескать, онъ, вѣрно, сойдется. Рауль тотчасъ представилъ ихъ себѣ, согласно описанію сдѣланному провинціальнымъ красавчикомъ однимъ остроумнымъ туристомъ, именно рослыми и дюжими ребятами въ бѣлыхъ галстухахъ и черныхъ фракахъ, съ бакенбар-

дами въ видѣ орографическихъ скобокъ, съ воротничками подпертыми подъ раскрасившіяся уши, въ толстыхъ сапогахъ напаянныхъ на толстыя ноги, въ зеленыхъ перчаткахъ на красныхъ рукахъ. Нашелъ онъ молодыхъ людей одѣтыхъ съ единственнымъ возможнымъ пунѣ изяществомъ, то есть, немножко получше чѣмъ всѣ одѣваются въ то же платье, какое всѣ носятъ. Явно, одинъ Бленъ могъ сгармонизировать поблеклыя краски этого темнаго пальто, подобрать этотъ рединготъ вокругъ стройнаго и въ то же время свободнаго стана. Завязался разговоръ; Рауль думалъ, что рѣчь пойдетъ о цѣнѣ крапа, о событіяхъ послѣдняго торгу, о претензіяхъ мадамъ такой-то, которая одѣвается по моднымъ журналамъ, о количествѣ стакановъ подсахаренной воды, израсходованныхъ на вечерѣ у подпрефекта. Ничего не бывало: говорили самымъ обыкновеннымъ образомъ на свѣтѣ, то есть о женщинахъ—съ пренебреженіемъ, объ искусствахъ—со вкусомъ, о лошадяхъ—со страстью. Спросили Рауля, не хочетъ ли онъ играть; онъ ожидалъ, что предложить партію бостона или лотѣ по пяти сантимовъ ставку. Съ нимъ играли въ вистъ, и, проигравши, онъ сознался, что въ вистъ играли лучше парижскаго. Разставшись съ своими новыми пріятелями, съ которыми долженъ былъ потомъ обѣдать вмѣстѣ, онъ зашелъ въ кабинетъ чтенія, который съ удивленіемъ увидѣлъ на дорогѣ; думая стать въ уровень съ заведеніемъ, спросилъ «Удольскія таинства», «Ссылныхъ въ Сибирь», «Домика въ лѣсу»; ему подали «Бернійскій крестъ», «Графа Монте-Кристо», «Катрину», новости едва появившіяся въ Парижѣ, при отъздѣ оттуда Рауля. Рѣшительно, по примѣру одного знаменитаго полководца, только совсѣмъ другимъ образомъ, Рауля переводили отъ изумленія къ изумленію. Обѣдъ былъ неподобный; шампанское заморожено чудесно, дичь изготовлена на-славу, и Рауль, который, какъ истый Парижанинъ былъ бы не прочь думать, что куропатки и трюфи родятся въ одной лѣѣ отъ парижскихъ заставъ, за обѣдомъ узналъ, что для прибытія къ Вері или къ Шёвѣ онъ должны проѣхать сто осемьдесятъ лѣ и выдохнуться дорогою. Въ заключеніе дня, исполненнаго разными промахами въ обратномъ смыслѣ, нашего героя отвезли на маленькій вечеръ, гдѣ обѣщали танцы подъ фортепяно и немножко музыки. Тутъ наконецъ Рауль ожидалъ поправиться! Онъ читывалъ преуморительныя вещи о количествѣ фальшивыхъ нотъ, какія можетъ включать въ себя провинціальное фортепяно! Тѣ-то, думалъ онъ наглядѣться старинныхъ парадовъ, пышныхъ фалбалъ, отчаянныхъ токовъ и растрепанныхъ

марабу! Запахъ кенкетъ, вѣрно, будетъ тухлый! лѣстница темная! Мебели въ гостиной мало! Въ передней куча галошъ! Его ввели въ небольшой покой, гдѣ не было ни очень пусто ни очень громоздко: направо и налево отъ дверей, два прекрасные портрета Деверин; на каминѣ и на мебелихъ статуэтки выбранныя столько жъ вкусомъ сколько сердцемъ; старый фарфоръ яркихъ цвѣтовъ, жардиньерки полныя цвѣтовъ; тамъ и сямъ, разныя модныя бездѣлушки, которыя тѣмъ изящнѣе чѣмъ бесполезнѣе. Отъ жару на дворѣ распустили занавѣсы и растворили рамы, и отъ времени до времени теплый вѣтерокъ, приподнимая легкую ткань занавѣсовъ у оконъ и у дверей, навѣвалъ, бѣглыми вторженіями, отдаленное и смягченное благовоиѣ жасминныхъ и померанцовыхъ деревъ сада. Лорнетка Рауля напрасно наставлялася съ презрительнымъ и безжалостнымъ видомъ; группа молоденькихъ женщинъ, небрежно расположившаяся на козеткѣ, представляла только прелестныя взоры въ ясныхъ очахъ, прекрасныя лбы подъ черными волосами, бѣлыя плечи подъ стыдливими корсажами, картину скромной и чистой красоты, наивнаго и цѣломудреннаго изящества. За фортепяно, одна молоденькая дѣвушка гѣтъ осьмнадцати играла отъ всей души и съ отжѣннымъ чувствомъ мѣры, контрадансы Штрауса; она, казалось, наслаждалася удовольствіемъ другихъ, и за всѣ свѣжія улыбки платила улыбкою еще свѣжѣе. Остановивъ на минуту взглядъ на ней, Рауль невольно замѣтилъ, сколько этотъ типъ отличался отъ его балъныхъ и оперныхъ воспоминаній. Полусклонясь на фортепяно, она по временамъ поднимала взоръ, гдѣ рисовалось счастье жить, любить и вѣрить. Легкая складка, отбѣнявшая уголъ ея хорошенькаго ротика, изобличала умъ тонкій, живой, наблюдательный, немного насмѣшливый, а ясная тѣнь, какую казалось нагоняли иногда на ея чело музыкальныя впечатлѣнія, показывала наклонность къ мечтѣ, прелестный туманъ ума и сердца. Простота ея наряда еще усиливала таинственную привлекательность ея особы. Въмѣсто всѣхъ уборовъ, у нея были заплетены въ черныя волосы нѣсколько натуральныхъ васильковъ, къ поясу приколотъ букетъ тѣхъ же цвѣтовъ; бывое кисейное платье то скрывало, то открывало кончикъ стройной ножки, обутой въ черный атласъ, которая ударяла тактъ съ веселымъ нетерпѣніемъ, всякій разъ какъ наивныя танцоры какъ-нибудь сбивались. Послѣ контраданса, ея позвала мать. Рауль ждалъ какого-нибудь смѣшнаго романческаго имени: ея звали Маріей.

Ее попросили пѣть; она немножко покраснѣла, но не застав-

ляла упрашивать себя: пропѣла арію Беллини безъ большихъ прикрасъ и безъ всякой претензіи, но свѣжимъ и чистымъ голосомъ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ искреннимъ и сообщительнымъ выраженіемъ. Рауль, который глядѣлъ на нее съ удивленіемъ и слушалъ съ участіемъ, сказалъ ей нѣсколько словъ; она отвѣчала на нихъ самымъ натуральнымъ образомъ, безъ паничювской застѣчивости, не робѣя *Парижанина*, какъ пѣвица хорошаго тона, отвѣчающая благовоспитанному молодому человѣку. Наконецъ, наглядѣвшись на нее, наговорившись и наслушавшись, Рауль, растроганный, удивленный, испуганный самъ своими чувствами, облокотился на фортепьяно и сказалъ себѣ съ тревожной радостью, по-поламъ съ смущеніемъ, страхомъ и чуть не стыдомъ: «Боже! мое сердце бьется!»

Черезъ мѣсяцъ, Рауль съ Маріей прохаживались въ саду, той неровной и медленной поступью, которая, исконнѣ вѣка, бываетъ преимуществомъ влюбленныхъ. Пожилые родственники шли за ними въ близкомъ разстояніи, съ свисодительной скромностью: благопріятный признакъ, показывающій, что дѣло близко къ нотариусу. Любовники шли подъ руку, переполненные счастіемъ видѣть и понимать другъ друга, мѣняясь задушевнымъ разговоромъ, словами промолвленными тихо, хотя подслушивать нѣкому, пустяками столько обаятельными для любовниковъ: поэзія всё та же и всё новая, когда сердце человѣка вторично расцвѣтаетъ подъ любовнымъ и чистымъ дыханіемъ! счастье еще неполное, но тѣмъ большее, можетъ-быть, что заимствуетъ у будущности и у надежды ихъ безконечныя перспективы! Сладкая и единственная пора, которой память оживаетъ потомъ какъ сожалѣніе и даже какъ упрекъ, и которая доказываетъ ветхую истину: что въ жизни, какъ у великихъ авторовъ, предисловія лучше сочиненій.

..... — А тамъ, говорила Марія Раулю, если вы соскучитесь у насъ, слѣзникомъ присмотритесь къ вашимъ *дикарямъ*, побѣжайте въ Парижъ и ведите прежнюю блестящую и веселую жизнь; когда же воротитесь къ намъ, опять найдете подъ вашимъ прекраснымъ небомъ тѣ мечтанія, которымъ съ удовольствіемъ предаетесь, у моего фортепьяно мелодіи, которыя вы любите, на моемъ лицѣ ту улыбку, которая вамъ нравится, въ моемъ сердцѣ ту любовь, которая отвѣчала на вашу...

— Нѣтъ, нѣтъ, твердилъ Рауль, нѣтъ здѣсь слѣзникомъ хорошаго,

чтобъ я покинулъ васъ когда-нибудь! Гдѣ мечтають, гдѣ поють, гдѣ любятъ, тамъ можетъ ли не доставать чего еще для счастья?

ТЕПЛИЧНАЯ ЛЮБОВЬ. *Сцена изъ парижской жизни, статья Луизы Коллѣ.* «Этотъ густой туманъ наводитъ на меня сплинъ. Расскажите мнѣ что-нибудь, москѣ де-Шатоберь, чтобы разсѣять меня».

Такъ говорила однажды, въ декабрѣ прошедшаго года, восхитительная брюнетка, мадамъ де-Женеврѣ, высокому молодому человѣку съ смѣлымъ лицомъ, который стоялъ передъ каминомъ изъ бѣлаго мрамору, облокотившись на него съ опасностью столкнуть богемскій хрусталь и дорогую бронзу, покрывавшихъ доску камня.

Онъ съ довольствіемъ улыбнулся.

— Какъ, вы не знаете? сказалъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ.

— Что такое?

— Да весь Парижъ объ этомъ говорить.

— Что же случилось? расскажите мнѣ по-скорѣе.

— Но я, вѣрно, не первый уже увѣдомляю васъ, что москѣ де-Вальбризѣ....

— Все-еще депутатъ?

— Конечно.

— Завтра откроется собраніе и потому онъ пріѣхалъ?

— Конечно, пріѣхалъ, но одинъ, безъ жены.

— Что вы говорите? Генриетта не пріѣхала съ нимъ! Она, которая любитъ только Парижъ, она, такъ привязанная къ свѣту, такъ блиставшая прошедшую зиму.... Она, которая превзошла насъ всѣхъ....

— О, нѣтъ! не встѣхъ, сказалъ молодой человѣкъ съ замѣтнымъ намѣреніемъ.

— Ну, такъ что же?

— Мадамъ де-Вальбризѣ проведетъ зиму въ своемъ помѣстьѣ на югѣ; всѣ теряются въ догадкахъ.

— Да и есть о чемъ!....

— Одни говорятъ, что мужъ требовалъ; другіе увѣряютъ, что она сама захотѣла....

— Она! невозможно; вы хорошо знаете, что.... Вѣдь можно сказать, потому что всѣ объ этомъ говорятъ.... Бѣдный Теобальдъ де-Монжираръ!.... Что онъ теперь станетъ безъ нее дѣлать!....

— О немъ нечего жалѣть, потому что онъ поѣхалъ къ ней туда!

— Онъ поѣхалъ къ ней туда! А! теперь я понимаю этотъ соблазнъ; я понимаю почему весь Парижъ говоритъ объ этомъ..... а мужъ?

— Говорять, что онъ еще колеблется, не рѣшается..... какъ депутатъ, онъ опасается огласки; онъ понимаетъ, что всѣ мелкіе журналы заговорятъ объ этомъ; что его имя будутъ тогда произносить во всѣхъ кофейняхъ, во всѣхъ кабинетахъ чтенія. Я думаю онъ перенесетъ свое несчастье безмолвно.

— Точно, о немъ можно пожалѣть: онъ занимаетъ весьма важное мѣсто. Геприетта очень виновата, она....

— Но зачѣмъ же де-Вальбризѣ занимается болѣе полугода не своею женою, а совершенно другими вещами?... а въ продолженіи этого времени она читаетъ романы.

— О! да.... Терпѣть не могу выпѣшнихъ романовъ, мосьё де-Шатобёръ, вскричала молодая женщина, подлѣ которой однако же лежала на жирандолѣ одна изъ этихъ отвратительныхъ книгъ. Не лучше ли невинный разговоръ, подобный нашему? Онъ насъ развлекаетъ и никому не вредитъ.

— Мы только немножко посмѣялись.... вотъ и все.

— Чтò дѣлать! Это ея же вина. Зачѣмъ эта бѣдная Геприетта погибла? Но расскажите мнѣ подробности.

Они уже было уставали отъ своей благотворительной бесѣды, когда дверь салона отворилась и лакей доложилъ «мадамъ де-Сенессѣ!» Это была женщина лѣтъ тридцати-пяти, еще довольно хороша, съ благосклонною и важною осанкою.

— Это вы, Эрминь, вскричала мадамъ де-Женеврѣ съ видомъ искренней радости и обнимая вошедшую. Такъ вы пріѣхали!

— Я вчера только изъ Вальбризѣ.

— Изъ Вальбризѣ? Такъ вы на пути изъ Италіи завернули въ Вальбризѣ? Ахъ, какъ это мило съ вашей стороны, что заѣхали утѣшить эту несчастную женщину; какъ мнѣ жаль ее! Я только что защищала ее противъ мосьё де-Шатобёра, прибавила мадамъ де-Женеврѣ: мужичины ужасно неснисходительны. Добрая Геприетта, вѣрно, была очень тронута вашимъ посѣщеніемъ, потому что ее наконецъ всѣ оставляютъ. Эта молва, пребываніе мосьё де-Монжирара въ деревнѣ съ нею одной, дѣйствительно, при-
сборбна; расскажите намъ, чтò тамъ дѣйствительно происходило.

Мадамъ де-Сенессѣ отвѣчала ей громкимъ смѣхомъ.

— Вы смѣетесь, Эрминь?

— Конечно, сказалъ де-Шатобёръ, не должно дѣлать трагедій изъ подобныхъ приключеній.

— Какихъ приключеній? возразила мадамъ де-Сенессе, всё-еще смѣясь. О! Парижъ, Парижъ, городъ развратнаго воображенія, гдѣ изъ малѣйшаго подозрѣнія дѣлають соблазнительную исторію! Потому что мадамъ де-Вальбризе провела часть зимы въ своемъ имѣніи, а мосьё Теобальдъ де-Монжираръ еще не возвратился, удивляются, прибѣгаютъ къ самымъ страннымъ предположеніямъ!....

— Видно, моя любезная, что вы недавно пріѣхали изъ Италіи, что уже интрига такого роду не удивляетъ васъ.

— Но какая же интрига? Расскажите мнѣ, что же такое предполагають, что изобрѣтають?

— Этотъ вопросъ былъ обращенъ къ мадамъ де-Женеврѣ и мосьё де-Шатобёру. Молодая женщина съ замѣшательствомъ взялась отвѣчать за обонхъ.

— Всѣ увѣряють, моя милая, что Генріетта осталась въ деревнѣ, потому что она влюблена въ мосьё де-Монжирара, что послѣдній раздѣляетъ съ нею это удивленіе, что мужъ все открылъ, что онъ взбѣшенъ, какъ имѣеть право каждый честный чело-вѣкъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, что онъ хотѣлъ бы от-стать и просить разводной, но еще колеблется. Онъ депутатъ и боится публики.

— Точно, я думаю, что онъ боялся бы публики, сказала съ иронією мадамъ де-Сенессе, и гостинныхъ тоже, и всѣхъ этихъ праздныхъ, болѣе соскучившихся, чѣмъ злыхъ людей, которые цѣлый день отъ нечего дѣлать злословятъ и обезславливають, и часто задѣвають бѣдныхъ женщинъ, дотога спокойныхъ совѣ-стью и невнимательныхъ къ слухамъ, распространяющимся во-кругъ нихъ, что онѣ и не предполагають, что репутація ихъ въ опасности.

— Но, помилуйте, Эрминь, вы кажется надо мною смѣетесь, и обвиняете меня, что я обезславилла Генріетту, возразила мадамъ де-Женеврѣ. Вы только отъ нея, такъ скажите же мнѣ, обману-ли ли меня, или я сама ошиблась? Откройте намъ истину.

— Повѣрители вы, если я вамъ скажу ее? Истина совсѣмъ не такъ занимательна, какъ ложь; а главное, моя милая, васъ надобно занимать; мосьё де-Шатобёръ это очень хорошо знаетъ, и потому злословить, чтобы угодить вамъ. Вы дѣлаете его злымъ.

Молодой человекъ весьма тщеславно улыбался. Мадамъ де-Женеври приняла скромный видъ.

— Возвратимся къ Генриеттѣ, сказала она.

— Генриетта, продолжала мадамъ де-Сенессе, простымъ и правдивымъ голосомъ: теперь прекраснѣе, чѣмъ когда-либо; ея умъ образуется и возвышается въ одиночествѣ; она очень похорошѣла и вы ее увидите черезъ два мѣсяца такую обворожительною, что ей можно будетъ позавидовать.

— Такъ она возвратится? спросила мадамъ де-Женеври.

— Конечно.

— А мужъ?

— Ожидаетъ ее съ нетерпѣніемъ и съ трудомъ только позволяетъ ей продолжать эту уединенную жизнь. Онъ былъ у меня сегодня утромъ, чтобы получить извѣстія о своей женѣ.

— А мосьё Монжирара нѣтъ тамъ?

— Онъ пробылъ тамъ только одинъ часъ.

— А знаютъ ли, гдѣ онъ теперь?

— Я думаю въ Парижѣ, потому что недавно получила его визитный билетъ.

— Такъ въ этихъ слухахъ не было ничего справедливаго? Какъ преувеличиваютъ, повторяя слухи!

— Да, исторія порядочно понзмѣнилась!...

— О! бѣдная Генриетта, какъ я счастлива, моя любезная Эрминь, что вы ее можете оправдать.

— Въ чемъ?

— Въ чемъ? Это именно и надобно объяснить, потому что всѣ эти слухи имѣютъ же какое-нибудь основаніе.

— Да, то, что Теобальдъ де-Монжираръ ухаживалъ за нею всю прошлую зиму, возразила мадамъ де-Сенессе.

— А! вы не можете отвергнуть этого, сказали вмѣстѣ Франтъ и молодая дама: онъ не отходилъ отъ нея.

— Это уже преувеличено! Но не угодно ли вамъ, наконецъ, меня выслушать и узнать правду?

— Очень, мы не будемъ болѣе прерывать васъ.

— Вы знаете, сказала мадамъ де-Сенессе, начиная свой разговоръ: что прекрасная Генриетта, которую я люблю съ ея дѣтства, дочь Итальянки изъ знатной фамиліи, знаменитой по своей красотѣ и воображенію; мать передала дочери любовь къ великому и прекрасному, любовь къ искусствамъ и особенно другую любовь, очень живую и очень взыскательную, которую мало понимаютъ въ Парижѣ, любовь къ природѣ. Прекрасное небо, прекрасная

пейзажъ, сіяющее солнце, видъ моря и высокихъ горъ такъ же нуженъ для счастья Генриетты, какъ вамъ, моя милая, ложа въ итальянскомъ театрѣ, прогулка по Булонскому-Лѣсу и привычныя визиты нѣкоторыхъ модныхъ людей (мосьё де-Шатобрь не примѣтно улыбулся). Вы можете вообразить, какъ должна Генриетта страдать зимою въ Парижѣ, когда такъ темно и холодно, и какъ особенно она должна была страдать прошедшій годъ, въ продолженіи этого ужаснаго времени года, которое завладѣло весною и было холоднѣе и темнѣе чѣмъ когда-либо. Вы не повѣрите, я заставала мадамъ де-Вальбризѣ, плачущею, въ одинъ изъ этихъ туманныхъ и снѣжныхъ дней, когда оцѣпенѣвъ передъ яркимъ огнемъ, она, обративъ свои большіе черные глаза къ окну, напрасно искала солнечнаго луча въ этомъ густомъ туманѣ.

Ея мужъ проводилъ цѣлый день въ палатѣ; ея сынъ, милое осмыслѣннѣе дитя, былъ въ школѣ. Она не старалась привлекать къ себѣ людей, потому что — признайтесь сами — въ ней нѣтъ ни тѣни кокетства; я смѣялась иногда надъ ея угрюмою печалью; она на это сердилась: она дѣйствительно страдала. Болѣзнь тѣла сильно дѣйствуетъ на душу! Ей нуженъ былъ чистый воздухъ, южное солнце, она жила въ теплицѣ, не имѣя ничего, что она могла бы сильно любить, ничего, что могло бы возбудить ея страсти. При ея воображеніи можно было опасаться, что она дастъ своему сердцу дурное направленіе, и нехотя приметъ заблужденія за истину. Однажды она сказала мнѣ: «Въ такое погребальное время развлеченіе было бы очень пріятно». Я ее поняла и сожалѣла о ней. Она была, я не скажу внѣ своей сферы, но внѣ своей атмосферы. Ея сильная натура угрожала, наконецъ, вспыхнуть. Я приводила къ ней, какъ громоотводы, нѣсколькихъ человекъ, которые представляли ей другихъ. Въ первый разъ, какъ я встрѣтила мосьё де-Монжирара у мадамъ де-Вальбризѣ, онъ мнѣ показался тщеславнымъ и очень занятымъ собою, хотя онъ и задвигался чрезвычайно много ею, потому что очень заботился о дѣйствиіи, которое произведетъ. Что же касается до мнѣнія, что онъ красавецъ, то оно показалось мнѣ неосновательнымъ и я думаю, что онъ обязанъ этой репутаціей покрою своего платья, своей прическѣ, своему наряду. Владеа отъ Парижа, онъ мнѣ казался несноснымъ говоруномъ; его умъ ограничивался умѣньемъ пріятно и въ хорошихъ выраженіяхъ разсказывать тысячи пустяковъ, маленькихъ соблазнительныхъ исторій, сказокъ, которыми питаются всѣ гостиныя, составляющія такъ-называемый свѣтъ. Въ этихъ мелочныхъ разго-

воровъ общества и волокитства, которые онъ искусно повторялъ, Монжираръ былъ совершенно ничтожный человекъ : никакой оригинальности въ идеяхъ, никакого вдохновенія въ словахъ. Все что онъ дѣлалъ или говорилъ, было уже дѣлано и говорено многими другими прежде него; онъ только исполнялъ все это съ большею ловкостью и рачительностью. Я скоро замѣтила, что онъ старался поправиться Генриеттѣ, и что она его терпѣла. Я это сказала ей шутя, а она мнѣ отвѣчала :

— Онъ мнѣ доставляетъ немного разсѣянія; когда онъ тутъ, я менѣе замѣчаю, что небо темно; любовь, или даже видъ любви, озаряетъ жизнь, распространяетъ въ ней свѣтъ.

— Но вы играете въ опасную игру, возразила я.

— Ба! сказала она мнѣ, я его не люблю, я пытаюсь только возбудить мое сердце, по мнѣ не удается.

Впрочемъ Теобальдъ тщеславился, онъ хотѣлъ сдѣлать впечатлѣніе, и въ особенности достигъ этого въ свѣтѣ, который подмѣтилъ его старанія, обратилъ на нихъ вниманіе и сдѣлалъ ему одолженіе, повѣривъ, что онъ завладѣлъ сердцемъ мадамъ де-Вальбризѣ. Когда я ее извѣщала о замѣчаніяхъ свѣта, Генриетта мнѣ отвѣчала : — Они ошибаются я еще не люблю его, но я очень благодарна ему за его заботы : онъ не даетъ мнѣ умереть отъ сплина.

Я думаю онъ сдѣлался настойчивымъ, потому что застала однажды Генриетту задумчивою и въ замѣшательствѣ, и она сказала мнѣ съ тою откровенностью, въ которой вся душа ея переходитъ въ слова :

— Какъ вы думаете, можетъ ли мосье де-Монжираръ чувствовать истинную страсть?

— Были ли бы вы отъ нее счастливы? Позвольте мнѣ этотъ вопросъ, прежде чѣмъ я вамъ отвѣчу, сказала я ей.

— Нѣтъ, возразила она: весна приближается, я возвращусь на поля и мнѣ ничего не хочется брать съ собою изъ Парижа.

— Ни даже воспоминанія?...

— Нѣтъ, если эти воспоминанія должны мѣшать мнѣ наслаждаться, какъ въ прежніе годы, при видѣ Средиземнаго Моря, моего прекраснаго южнаго неба, этихъ животворныхъ лучей, которые удваиваютъ счастливыя способности и уничтожаютъ всякое расположеніе къ страданію.

— Однако же любовь никогда не портитъ прекраснаго вида.

— Да, любовь истинная и великая, какъ природа. Но въ-стоянн ли мосье Монжираръ чувствовать такую любовь?

— Милая моя, сказала я ей смѣясь и грустно надсмѣхаясь надъ нею: ясно видно, что эта жестокая зима, охлаждающая вашу кровь, заставляла услыть вашу пронизательность. Мосье де-Монжираръ, онъ! можетъ чувствовать сильную страсть!....

— Однако жъ въ немъ есть всѣ признаки любви.

— Да, признаки, и только....

Съ того дня она стала поступать со мною гораздо осторожнѣе; я поняла, что она боялась моихъ сарказмовъ; я часто видѣла ее задумчивою; въ одно утро я пришла къ ней: она плакала.

— Это всё отъ воздуха? сказала я шутя: однако же на небѣ всё-таки видѣнъ солнечный лучъ.

— Теперь у меня внутренняя печаль, отвѣчала она.... И прибавила съ порывомъ откровенности, которая дѣлала ее такою прекрасною: — Я думаю, что люблю его, хотя дѣйствительно сомнѣваюсь, понимаетъ ли онъ то, что заключается въ словѣ любовь!

— Что жъ вы думаете дѣлать?

— Уѣхать, допросить себя передъ природою; только тамъ я всегда хорошо могла понимать себя и давать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ.

На другой день она выѣхала изъ Парижа; я тогда знала какое усиліе ей надобно было сдѣлать надъ собою, чтобы исполнить свое намѣреніе.

Мосье де-Монжираръ былъ внутренно взбѣшенъ ея отъѣздомъ, такъ что ему легко было показать видъ огорченнаго. Цѣлый мѣсяцъ выдумывалъ онъ разные плапы, чтобы доказать свою любовь къ Генриеттѣ, всему этому обществу, одобреніе котораго занимало его болѣе чѣмъ расположеніе ея сердца. Между-тѣмъ какъ Теобальдъ обдумывалъ это, мосье де-Вальбризе ноѣхалъ къ своей женѣ и привезъ съ собою своего сына.

Вы знаете, что помѣстье Вальбризе лежитъ подлѣ прекраснаго имѣнія лорда Брума въ Варскомъ Департаментѣ.

Положеніе замка благороднаго Англичанина удивительно: голубое и свѣтлое Средиземное Море катится насупротивъ, и изъ оконъ замка видѣнъ островъ Святой Маргариты, который граціозно рисуется близъ порта хорошенькаго города Канна. Съ этимъ островомъ связывается воспоминаніе романической тайны, вѣчнаго камня преткновенія историковъ и поэтовъ. Въ крѣпости Святой Маргариты былъ заключенъ знаменитый Железная Маска. Я увѣрена, что исторія знаменитаго незнакомца,

любовная исторія. Сожалѣю, что она на вѣки потеряна: я бы постаралась оживить ее для васъ на этомъ прекрасномъ острову, который я осмотрѣла. Я чувствую, что должна вознаграждать васъ зато, что отступила отъ моего разсказа, о любви Генриетты. Но такъ какъ я прежде всего вѣрный историкъ, то скажу просто, что нашла на этомъ живописномъ острову, очень занимательную арабскую колонію, составленную изъ африканскихъ плѣнниковъ. Мы дѣйствительно образцовые филантропы. Мы не только подарилъ всѣмъ этимъ плѣнникамъ жизнь, но доставили имъ на этомъ очаровательномъ острову такую жизнь, какую они ведутъ въ своемъ отечествѣ. Они тамъ спятъ въ палаткахъ; сами убиваютъ по своему обычаю животныхъ, служащихъ имъ въ пищу; сами сѣютъ пшеницу; женщины прядутъ, а мужчины охотятся; мужчины и женщины носятъ свой арабскій костюмъ, и мы даже дотога внимательны къ нимъ, что выстроили маленькую мечеть, для того чтобы они могли молиться по-свѣму. Одна тѣтка Абд-эль-Кадера, взятая въ плѣнъ, царствуетъ, такъ сказать, надъ этою колоніею и мы позволяемъ ей мирно царствовать, между-тѣмъ какъ ея племянникъ-эмиръ рѣжетъ въ Алжирѣ нашихъ солдатъ.

Послѣ этого отступленія, которое, можетъ-быть, было неприятно вашему любопытству, я возвращаюсь къ Генриеттѣ и мосьѣ де-Монжирару. Вы знаете, что лордъ Брумъ сзываетъ ежегодно въ свой замокъ отборное общество къ большой охотѣ, настоящей забавѣ джентльмена. Назначена была послѣдняя охота; мосьѣ де-Монжирару удалось достать приглашеніе, и онъ сдѣлалъ трпста лѣ, чтобы быть на этой охотѣ. Съ одной стороны это было очень лестно для него; а съ другой, Парижъ могъ подумать, что онъ ѣдетъ къ мадамъ де-Вальбризѣ. Что касается до нея, я не скажу, что она его забыла, но онъ ей казался уже вдали какъ существо, оставленное въ другомъ свѣтѣ, и которое совсѣмъ не было ктати въ этой прекрасной странѣ, оплодотворяемой яснымъ солнцемъ; его умъ, любезность, даже любовь, можетъ-быть, тепличные плоды, которые чистый воздухъ погубить. Съ-тѣхъ-поръ какъ она была виѣстѣ съ богатою природою, необходимою для ея богатой организаціи, Генриетта напрасно искала въ воспоминаніяхъ душевнаго движенія, которымъ могла бы замѣнить настоящее движеніе души: образъ Теобальда потерялъ свое очарованіе; онъ казался ей уменьшеннымъ и его качества ограниченными, годными только для гостившихъ, въ которыхъ она его знала.

Въ сосѣдствѣ Альповъ, передъ моремъ, онъ ей казался только произведеніемъ поддѣльнаго общества, челоуѣкомъ безъ характера, не могущимъ понять ее.

Она также была приглашена къ большой охотѣ лорда Брума; вы знаете ея предестный стройный станъ, эту тонкость и свѣжесть формъ; амазонка изъ зеленого сукна чудесно обрисовывала ее; такъ какъ весенній воздухъ былъ уже тепелъ, то ея корсажъ съ отворотами оставлялъ верхнюю часть шеи открытою, ея полузавитые волосы развѣвались изъ-подъ круглой шляпы. Въ такомъ видѣ она была самою плѣнительною женщиною. Она уже съ часъ слѣдила за охотою и видѣла лишь часть гостей: такъ они были многочисленны. Сойдя съ лошади, она слѣла на минуту на одинокій холмикъ, и вдругъ увидѣла, что къ ней скачетъ во весь опоръ всадникъ. Въ это время она сняла свою шляпу, чтобы отдать свои кудри во власть вѣтерка. Всадникъ приближался, она его узнала и, невольно, приняла его съ улыбкою и неумолимо-насмѣшливымъ взглядомъ. Это былъ Теобальдъ, наряженный охотникомъ, настоящимъ опернымъ браконьеромъ: въ сапогахъ, завитой, въ перчаткахъ, какъ-будто бы только-что вышелъ изъ-за кулисъ.

Онъ ей показался въ этомъ видѣ такимъ смѣшнымъ, посреди этой пространной, необработанной долины, что она никакъ не могла удержаться отъ смѣху. Онъ говорилъ съ нею и его слова были въ такомъ несогласіи съ ея душевными впечатлѣніями, что онъ показался ей даже лишеннымъ прежняго ума, который ему обыкновенно придавалъ нѣкоторую пріятность. «У него недостаетъ парижскаго круга, думала она: внѣ этого круга, онъ картина». Ей досадно было, что она занималась такимъ челоуѣкомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и потому она безъ милосердія смѣялась надъ пемъ. Они оба скоро были излечены; онъ, думая, что она насмѣшлива и зла, что неправда; она, замѣтивъ, что подъ наружною денди не можетъ скрываться челоуѣкъ умный и страстный.

Онъ прожилъ нѣкоторое время въ окрестностяхъ, чтобы скрыть отъ Паряжа свою неудачу; пріѣхалъ сюда поздно и только тогда, когда узналъ, что она еще не возвратится сюда и что оставить такимъ образомъ открытое поле предположеніямъ, которое онъ можетъ обратить въ пользу своего тщеславія. Его расчетъ почти удался; безъ меня, моя милая, вы бы думали, что Генриетта влюблена, а мосе́ де-Монжираръ, счастливѣйшій изъ смертныхъ.

— Но зачѣмъ же это уединеніе зимою въ деревнѣ? возразила мадамъ де-Женеврї: кто повѣритъ что она любитъ.... природу?

— Она кается, прибавилъ мосьё де-Шатобёръ, всё-еще стоя облокотившись о камнѣ: вы сами признались, что она едва не полюбила мосьё де-Монжирара.

— Да, зимнею любовью, любовью тепличною, и животворное дуновеніе весны тотчасъ разсѣяло это ложное душевное движеніе.

Съ французскаго. П. ОЛЬ — ИНЪ.

МАГНИТИЗИРОВАННЫЙ ПОКОЙНИКЪ. *Статья Жюль-Жанёна.* — Охотникамъ до любопытныхъ приключеній спѣшу сообщить исторію, рассказанную мнѣ человѣкомъ, достойнымъ всякаго довѣрія: онъ самъ слышалъ ее отъ друга одной особы, знакомой съ очевидцемъ, игравшимъ значительную роль въ драмѣ, которую постараюсь изложить вамъ въ двухъ словахъ; причѣмъ, не могу защититься отъ пламеннаго желанія, чтобъ эта скромная драма какъ-можно скорѣе была удостоена сценическихъ почестей, — этой единственной славы, какую только возможно пользоваться въ наше время.

Недѣль съ шесть назадъ, неболаѣ, одинъ молодой Англичанинъ, по имени Бельфёръ, собирался отправиться на тотъ свѣтъ, потому что, послѣ немногихъ безумныхъ годовъ жизни, щедро растраченной, грудь бѣдняка оказалась рѣшительно никуда негодною. Этотъ молодой человѣкъ, какъ ни былъ близокъ къ гробу, не слишкомъ дорожилъ жизнію.... вѣроятно потому, что не упустилъ изъ рукъ своей доли благъ земныхъ: попользовался и любовью и дуэлями и векселями и маскаратами и пикникками, короче, всѣми парижскими благополучіями.

Одинъ его пріятель, человѣкъ весьма ученый и вообще предобрый малый, зная, что Чарльзъ Бельфёръ уже при послѣднемъ издыханіи, — зашелъ навѣстить больного, и говорить ему (разумеется, самымъ нѣжнымъ голоскомъ):

— Послушайте, мой любезнѣйшій страдалецъ, если бъ вамъ это не было противно, я улучилъ бы часокъ-другой, на то, чтобъ васъ помагнетизировать, и именно избралъ бы минуту, когда вы будете испускать духъ; мнѣ кажется, опытъ былъ бы не дуренъ; притомъ, въ немъ, кажется, нѣтъ ничего особенно-непріятнаго для васъ. Чтò вы на это скажете?

— Сдѣлайте одолженіе! отвѣчалъ тотъ: подобный опытъ не только мнѣ не противенъ, но еще кажется весьма забавнымъ, остроумнымъ; благодарю, что вы избрали именно мою особу для такой рѣшительной попытки. Можете положиться на меня, лю-

безный докторъ; останетесь вполнѣ довольны моею терпѣливостью, надѣюсь; я непременно постараюсь увѣдомить васъ, какъ скоро настанетъ желанная минута.

При этихъ словахъ пріатели ударили по-рукамъ, и разстались съ живѣйшей надеждой на скорое свиданіе. Трудно рѣшить, кто изъ нихъ былъ довольнѣе, — магнитизёръ или умирающій.

Проходить два дня,—просто, два вѣка, часть ожидаемой агоніи что-то не наступаетъ; нетерпѣніе магнитизёра возрастало; самъ больной, тоже начиналъ сердиться.

— Кой чортъ! говорилъ Бельфёръ своему другу: я ужъ не виновать, любезный другъ, если смерть заупрямилась; впрочемъ, меня хоть то утѣшаетъ, что вы ничего не проиграли при этомъ ожиданіи: у васъ сюжетъ будетъ великолѣпный!

Въ ночи, послѣ этого дружескаго объясненія, нетерпѣливо ожидаемая предсмертная мука началась; больной впалъ въ забытіе, въ причудливый бредъ: воображаемыми пальцами принялся прять пити фантастической паутины; между прочимъ, посреди самыхъ страшныхъ судорожныхъ кривляній, у него еще достало духу на то, чтобъ проговорить своему товарищу:

— Приподнимите мнѣ голову, уберите огонь, — глазамъ больно!

Товарищъ повиновался. Подперъ спину умирающему подушками; отставилъ всторону свѣчи, и, на досугъ, принялся за свою таинственную работу. Надобно сказать, къ чести почтеннаго магнитизёра, что ему никогда еще не удавалось произвести такой удачной, такой неподобной манипуляціи.

Обливаясь потомъ усердія, упитывалъ онъ всецѣльной магнитическою жидкостью полуостывшее тѣло умирающаго, который поддавался всей этой операціи съ примѣрною терпѣливостью. Наконецъ, магнитизёръ, убѣдившись, что пациентъ его возведенъ въ самое высшее магнитическое восторженіе, началъ, по-обыкновенію, задавать ясновидящему, слѣдующіе вопросы:

— Что вы дѣлаете, Бельфёръ? гдѣ вы?

— Другъ мой, отвѣчалъ тотъ: я только-что скончался; вы принялись за меня именно въ ту минуту, когда духъ покидалъ мое тѣло, и теперь отъ васъ зависитъ — дозволить мнѣ разрушаться, или оставить меня такъ, между бытіемъ и небытіемъ: впрочемъ, это состояніе до-сихъ-поръ еще не слишкомъ непріятно.

— Подождемъ , сказалъ магнитизёръ : насъ никто не гонитъ , другъ Бельфоръ .

И затѣмъ магнитизёръ отправился обѣдать , не позаботившись снять магнитическія чары съ своего друга .

На другой день поставщикъ магнитизма снова явился въ комнату покойнаго ; каждая вещь была на своемъ мѣстѣ ; трупъ тоже .

— Бельфоръ , сказалъ ученый , предварительно поведнвъ надъ нимъ пальцами : что вы дѣлали съ того времени , какъ умерли ?

— Ну , любезнѣйшій , отвѣчалъ мертвецъ : мнѣ пришлось слѣдовать за вами , куда вы ни ходили ! И затѣмъ мертвый рассказываетъ живому , что живой дѣлалъ наканунѣ : — Обѣдалъ въ плохомъ трактирѣ , а оттуда пошелъ , такъ , для приличія , показаться на ступенькахъ блестящей нарижской кофейни ; далъ ему кто-то билетъ въ водевильный театръ , гдѣ были существа довольно миленькія , только нѣкоторые изъ нихъ пѣли префальшиво ; наконецъ , онъ возвратился домой , и прочиталъ частицу романа , захваченнаго гдѣ-то по дорогѣ . — Если вы позволите мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе , сказалъ усопшій , то прошу васъ , покуда я связанъ съ вами узамъ , которыя вы одни можете разорвать , сдѣлайте одолженіе , обѣдайте по-лучше , подумайте только — каково мнѣ-то раздѣлать съ вами трапезу ! Вамъ извѣстно , какъ я люблю музыку ; не заставляйте же меня слушать эти козлиные голоса , которые способны исказить какое угодно прелестное личико . Одному , мнѣ тутъ довольно скучно ; я бы не сѣтовалъ , если бы вы изрѣдка читали порядочный романъ , да только будьте такъ милостивы , прочитывайте книги отъ начала до конца ; да , еще вотъ что : ложитесь , пожалуйста не такъ поздно ; меня скука беретъ — не спать долго : вотъ ужъ цѣлые двадцать четыре часа какъ я бы долженъ былъ спать спомъ вѣчнымъ .

При этихъ словахъ , нашъ говорунъ успокоился , и магнитизёръ удалился изъ комнаты : ему не слишкомъ понравилось , что нажилъ себя новаго роду шпіона .

На-завтра , приходитъ живой человекъ и находитъ своего мертвеца немпожко окочепѣлымъ ; отогрѣваетъ его новымъ магнитическимъ токомъ , и возвращаетъ покойнику если не жизнь , то , по крайнейности , даръ слова и краску на лицѣ . « Ахъ ! прошепталъ мертвецъ , приподнимаясь : вы совсѣмъ-таки не жалѣете меня ! Ну можно ли это ? Вы посѣщаете больныхъ , самыхъ отвратительныхъ , и я принужденъ слушать , какъ они себя тамъ ведутъ , харкаютъ , воютъ , стонутъ , чихаютъ и прочее ! Вы про-

сдѣдуете на улицѣ прескверную женщину, отъ которой несетъ мускусомъ, женщину въ дырявыхъ башмакахъ, въ грязной юбкѣ и еще меня тащите за собою, заставляете меня пересчитывать всѣ дырья, всѣ пятна на этомъ гадкомъ существѣ! Потомъ идете въ кружокъ молодыхъ людей и рассказываете имъ о своей счастливой находкѣ! Горничную производите въ герцогини, изъ миткалеваго передника — выкраиваете цѣлое шелковое платье! Знаете ли, когда такъ умрешь, то нѣтъ ничего нестерпимѣе лжи. Но еще ужаснѣе для мертваго, это — глупость; какая-нибудь невинная острота, которая меня размѣшила бы, если бъ я былъ на вашемъ свѣтѣ, теперь мнѣ кажется истинно-образцовымъ вздоромъ; вѣроятно, оттого, что нынче я внимаю вашему уму слухомъ моего ума. Постарайтесь же выражаться по-лучше, мой милый, да еще, если бъ вамъ — было всё-равно, не берите, пожалуйста, для вашихъ оргій гадкаго вина съ подиѣсю; вы очень одолжили бы этимъ: у меня все горло раздражено отъ алкоголя, который вы глотаете.

Чье лицо при этомъ искривилось гримасой? — лицо живаго; и онъ уже начиналъ находить, что его покойникъ чертовски брезгливъ; потому что вчерашняя попойка вовсе не заслуживала такого презрѣнія; а что касается до дамы въ потоптанныхъ башмакахъ, то глазъ живаго не видѣлъ башмака, приглядывался только къ ножкамъ.

Впрочемъ, живой дорожилъ своимъ покойникомъ дотогу, что рѣшился наблюдать за своими поступками, чтобъ не подавать бѣдняжкѣ Бельфору новыхъ поводовъ къ неудовольствію.

На-утро магнитизёръ нашелъ покойника въ-состояніи немовѣрнаго раздраженія. Крупныя капли поту такъ и капали съ усопшаго; негодование было написано на его ужасно-разстроенномъ лицѣ. Магнитизёръ, прежде всего, принялся утишать этотъ гнѣвъ: самымъ вѣжнымъ дуновеніемъ освѣжалъ раздраженные нервы; успокоилъ, какъ только могъ, это недвижимое, оледенѣлое сердце, которое и билось-то только развѣ отвлеченно.

— Что это съ вами, почтеннѣйшій Бельфордъ? на кого вы такъ сердитесь? что вамъ сдѣлали?

— Что мнѣ сдѣлали? отвѣчалъ наконецъ трупъ, отмолчавшись: еще спрашиваютъ, что мнѣ сдѣлали! такіе безтолковые! Будьте вы прокляты, мѣдные лбы... вздумали считать меня олухомъ, себя подъ пару! Что мнѣ сдѣлали! Да вы въ эти два дня переходили отъ дурачества къ дурачеству! Третьяго дня, правда, вы были не дурны, принарядились; только черезъ-чуръ таллю под-

тянули: я едва-едва не задохся. Ваши сапоги, или точнѣе, наши сапоги, были налакированы чудесно, — только они слишкомъ веротки; и если бъ я еще могъ ходить, я увѣренъ, что хромалъ бы на правую ногу. Прекрасный салонъ, куда вы меня водили, не могу похвалить: и мило и покойно; освѣщеніе было не слишкомъ рѣзко; въ туалетѣ дамъ не замѣтно было ничего неистоваго; замужнія дамы держались всторонкѣ, на своемъ мѣстѣ, уступая видное мѣстечко молоденькимъ дѣвушкамъ; гостей не потчивали ни малѣйшей сонатой, никто не прочиталъ ни одного совета; разговаривали приличнымъ тономъ, не слишкомъ громко, не слишкомъ тихо, говорили всё премиленькіе пустяки, очень легонькіе, безвредные, звучные. Короче, не будь тутъ вашего проклятаго ремешка на тальѣ, да не будь нашей обуви, я благословлялъ бы васъ за то, что завели меня въ такой милый пріютъ. Но, праведное небо! какъ же вы были опрометчивы, неловки, неосмотрительны! Въ уголку одной небольшой гостиной сидѣла прелестнѣйшая женщина, какую только мнѣ случалось видѣть моими смертными глазами; силою напряженія воли и вниманія, при вашемъ земномъ посредничествѣ, мнѣ удалось возбудить благосклонность къ намъ въ этой любезной женщинѣ; она уже поглядывала на меня съ нѣкоторою нѣжностью; уже намѣревалась улыбнуться; наши двѣ души слились уже въ одну нераздѣльную душу и мы только хотѣли-было прегорячо влюбиться взаимно, а вы вдругъ, какъ сумасшедшій, отворотили голову, ддятого, чтобъ поклониться какому-то накрахмаленному остряку; образъ моей восхитительной дамы исчезъ.... и живете вы столѣтъ, такъ не съищете опять — ни такого прелестнаго лица, ни такого благороднаго сердца.

Этакой вы простофиля! Чѣмъ же вы послѣ этого занимались? Вамъ не безызвѣстно, что я оставилъ огромное наслѣдство, заключающееся въ долгахъ; у меня нѣтъ даже могилы! Да у васъ и у самихъ не имѣется въ наличности ни сантима, вы перебиваетесь и такъ и сякъ, за квартиру не платите, да и никогда не заплатите; короче, вы бѣдны какъ поэтъ и комедіантъ, сложенные вмѣстѣ, то есть, страшно бѣдны.

Что же! сажаютъ васъ за ладидскнѣхтъ; вы трепещущею рукой покушаетесь поставить жалкую монету, выиграли и суете ее по-скорѣе въ карманъ, и пускаетесь бѣжать, точно воршика! А знаете ли что вы тутъ надѣлали, господинъ глупецъ? Вы упустили изъ рукъ кругленькую сумму въ четыре добрыя тысячи лувдоровъ! Продолжайте нгру, — вы схватили бы тринадцать

картъ къ ряду. При четырехъ тысячахъ лундоровъ у тебя была бы карета, да и у меня была бы могилка перваго разряду; ты сшилъ бы себѣ новое платье и на меня накинулъ бы покровъ вышитый; ты послалъ бы за хористками, чтобъ не такъ скучно было ужинать; я—послалъ бы за Ганалемъ. Ты у пропасть! чтò за жалкой умнишко! Не умѣеть попользоваться своимъ крошечнымъ разсудкомъ; а еще вздумалъ таскать за собою чужой разумъ! Пошелъ! ты мнѣ жалокъ, несчастный живой!

Когда нашъ магнитизёръ наконецъ понялъ, что каждый изъ его поступковъ возбуждаетъ либо порицаніе, либо провію, — онъ сдѣлался чрезвычайно осторожнымъ; ему было ужасно неловко, что за нимъ всюду слѣдовала, наблюдала какая-то невидимка, которую онъ самъ удержалъ на границѣ двухъ міровъ; нашъ ученый шагу не смѣлъ сдѣлать на улицу, едва-едва осмѣливался отвѣчать *да* и *нѣтъ* на самые простые вопросы, съ которыми къ нему относились; превратился въ настоящаго глухо-пѣмага; повременамъ только задавалъ себѣ вопросъ:—Ужъ не я ли самъ трупъ намагниченный, и не магнитизёръ ли этотъ длинный покойникъ безъ движенія, но не безъ голоса? При взглядѣ на этотъ трупъ несчастный магнитизёръ начиналъ уже дрожать: такъ могущественна идея, мысль, даже независимая отъ жизни! Идея васъ преслѣдуетъ, неотступная, неотвязная какъ тѣнь, краснорѣчивая какъ угрызенія совѣсти, какъ надежда, она васъ пугаетъ, возбуждаетъ, губитъ!

Какъ бы то ни было, нашъ ученый черезъ трое сутокъ опять посѣтилъ своего пріятеля Бельфара. И на этотъ разъ на бездыханномъ лицѣ замѣтна была большая пере мѣна: негодованіе, гнѣвъ смѣнились выраженіемъ глубокаго, искренняго презрѣнія; полузакрытые неподвижные глаза глядѣли на живаго съ явнымъ пренебреженіемъ, стиснутыя губы выражали чувство невообразимаго, сверхъестественнаго презрѣнія; всѣ мышцы Бельфара, всѣ тончайшія волокна, имѣющія соприкосновеніе съ душою, были напряжены, растянуты однимъ чувствомъ — презрѣніемъ....

— Чтò это опять съ вами, другъ мой? вскричалъ живой: отчего вы такъ разстроены? Теперь ужъ вы не можете жаловаться, что я надѣлалъ или наговорилъ глупостей: я сидѣлъ дома, въ совершенномъ уединеніи, предавался размышленіямъ.

— Э, лобезвѣйшій, отъ этого-то созерцанія твоихъ мыслей мнѣ и стало тошно. Ты оставался безъ движенія, и я принужденъ былъ глядѣть въ глубину этого хаоса, чтò ты называешь своей

душой. Ну, скажи на милость, къ разряду какихъ животныхъ ты себя причисляешь, когда занимаешься такими низкими, вздорными, постыдными вещами?

Когда я еще жилъ и называлъ тебя моимъ другомъ, всё говорили, что ты прелюбезный человекъ; ты слылъ остроумнымъ, краснорѣчивымъ; тебѣ не отказывали ни въ философи, ни въ честности, ни въ умѣннѣ жить. Вотъ уже три дня, что я, поневолю, приглядываюсь къ тебѣ по-внимательнѣе прежняго: да, любезный, да, ты чистая галиматья! Все, что ты знаешь, знаешь плохо; то, чего ты не знаешь, замѣняется у тебя словами и словами пустозвонными, какъ и твой черепъ; доброта твоя, это какая-то случайная слабость органовъ, отъ которой у тебя современемъ покраснѣютъ глаза: вотъ и всё тутъ; умъ твой тоже не замысловатая машина: это родъ мельницы, которой колесо вертится-себѣ около своей оси, вѣчно въ одномъ направленіи, вѣчно съ однимъ и тѣмъ же стукомъ. Храбрость твоя! разсмотрѣлъ я насквозь твою храбрость! это просто картонная маска,—ребятишекъ пугать! Твоя честность, — есть о чемъ говорить! Вся она изображена на широкихъ страницахъ коммерческаго кодекса и уголовного уложенія! Да и что у тебя за пороки, просто срамъ! это продѣлки школьника, воспитаннаго на мѣдныхъ деньги! Я четырехъ су не далъ бы за твои пороки! гадко глядѣть на твое распутство, какъ ты ни украшай его хвостовствомъ! Что касается до твоихъ добродѣтелей, отдавай мнѣ ихъ даромъ, такъ я не возьму ихъ, даже даяго, чтобы подарить моему лакею; это нѣчто приторное, тщеславное; что-то въ родѣ недоваренной размазни.

Нѣтъ, братъ, не совѣтую тебѣ показывать то, что у тебя въ сердцѣ и въ мозгу: не красиво и не утѣшительно. Что за идеи у тебя о другихъ людяхъ! что за лакейское честолюбіе! И какъ тебя зависть-то мучить, бѣдняга! Скажи, ну, не совѣстно ли тебѣ по цѣлымъ часамъ забавляться всевозможными пустяками? Хоть бы взять на примѣръ твои воздушные замки, твои ребячскія желанія?.... Полно.... мнѣ чертовски досадно, что я тебя называлъ моимъ другомъ!

На этотъ разъ магнетизёръ чуть-было не истребилъ свое произведеніе, едва-едва не покусился освободиться изъ-подъ обидной опеки мертвеца. Оскорбленный покинулъ траурную комнату въ чрезвычайно-скверномъ расположеніи духа, и по дорогѣ разсуждалъ, что напрасно остановилъ на пол-пути недовольную душу этого Бельфра. «И что жъ, говорилъ нашъ унылый вратъ, что я

выигралъ, удержавъ этого покойника на краю могилы? Только и добраго отъ него слышншь, что молости, правду такъ и рѣжетъ; рассказываетъ самымъ безжалостнымъ или смѣшнымъ образомъ, исторію моей ежедневной жизни; и мнѣ уже нѣтъ никакой возможности быть одному, глазъ на глазъ съ моею совѣстью, съ моиими мыслями, съ честолюбіемъ, словомъ, съ самимъ собою! Если бѣ, по-крайней-мѣрѣ, этотъ ясновидящій, который, въ самомъ дѣлѣ, не слѣпъ, указалъ мнѣ какую-нибудь неизвѣстную науку, или лекарство отъ подагры или, пожалуй, хоть какой-нибудь кладъ, до котораго удобно добраться; я былъ бы вознагражденъ за мои труды; такъ нѣтъ! Я разрѣшилъ самую головоломную задачу, произвелъ самое дивное чудо, какое только когда-нибудь удавалось магнитизёру и за это мнѣ же пришлось всюду таскать за собою желчнаго инквизитора, который ничѣмъ не доволепъ, который доведетъ меня наконецъ до того, что я самъ презирать себя стану. Таковы были разсужденія этого ученаго человѣка; онъ былъ очень огорченъ и рѣшился, во что бы то ни стало, покончить съ этимъ нечестивцемъ.

Страдая безсонницею, магнитизёръ почтилъ Бельфора своимъ посѣщеніемъ, въ самую полночь. Бельфоръ, увидя гостя, и не дожидаясь вопросовъ, началъ рѣчь. (Магнитическое состояніе, видно, обращается въ привычку, замѣняетъ настоящую жизнь, какъ добрая зажженная свѣча замѣняетъ зимнее солнце.)

— Я скажу тебѣ, зачѣмъ ты пришелъ, произнесла мертвая голова: ты пришелъ по-просту, отправить меня на тотъ свѣтъ! Да, ты завидуешь этой поддѣльной жизни, ты взбѣшепъ моею откровенностью; ты замыслилъ разомъ извлечь меня изъ магнитическаго сна, чтобъ я превратился въ прахъ и замолчалъ на вѣки! Прекрасно, милостивый государь, вы рѣшились на достославный подвигъ: убить.... мертвеца! потревожить въ гробу.... трупъ! нападать на мысль человѣка, за то, что этотъ человѣкъ, ставъ частицею жизни вѣчной, не можетъ болѣе, да и не хочетъ, льстить вамъ!... Ну же, начинайте, уничтожьте меня въ прахъ: но, знаете ли, что этотъ прахъ, хотя бѣ вы его на вѣтеръ бросили, этотъ прахъ призоветъ къ себѣ на помощь нуюю невидимку, которая по-свѣдѣе примется преслѣдовать васъ; иной глазъ, который по-прозорливѣе будетъ читать въ глубинѣ души вашей; нуюю мстительницу, неумолимую, — совѣсть!

При этихъ угрозахъ, магнитизёръ бѣжалъ, и, въ-торопяхъ, оставилъ дверь полуоткрытою. Сосѣди и сосѣдки, которые сначала не смѣли и подойти по-ближе, отважились, сначала по-оди-

начкѣ, а тамъ и всѣ вмѣстѣ, прійти на поклонъ къ усопшему, да ужъ кстати и поразспросить его кое-о-чемъ; тутъ-то они понахватались истинъ, тѣхъ вѣчныхъ и всегда живыхъ истинъ, которыя только мертвые умѣютъ высказывать, не нарушая приличія. Мужья, жены, дѣти, жильцы, хозяинъ, господинъ и слуга, богатъ и бѣднякъ, даже дворникъ, всѣ и каждый добились своей доли справедливости: у мертваго и слово было вѣрно и мысль была вѣрна; онъ говорилъ правду, значитъ былъ жестокъ. У него спрашивали, гдѣ добывается счастье, богатство? Онъ вамъ указывалъ бородавку на кончикѣ вашего носу; ему толковали о честолюбіи, онъ проповѣдывалъ скромность, бережливость, прямодушіе.

Сосѣдки наши нашли его такимъ нелюбезнымъ, что убѣжали всѣ до одной и захлопнули дверь. Бельфору только это и было надобно.

Съ недѣлю магнитизёръ ни разу не встрѣчался съ своимъ пациентомъ: они дулись другъ на друга, и, разумѣется, не мертвому же было первому сдѣлать шагъ къ примиренію. Нашъ ученый наконецъ понялъ это и, возвратился къ изголовью своего рѣдкаго сюжета:—Я много думалъ о томъ, что между нами происходитъ, сказалъ Бельфуръ, и, право, лучше бы было, если бы вы исполнили свой намеренный умыселъ; пусть будетъ по-вашему, пробудите меня, чтобъ я могъ сейчасъ же умереть окончательно. Я намеренъ такъ благополучно началъ-было кончатся, когда вы пришли и все дѣло перепортили; теперь я былъ бы уже съѣденъ червями и сквозь тысячи поръ разложившагося тѣла, возвратился бы въ океанъ свѣта и жизни. Разбудите же меня по-скорѣе, мнѣ было бы лестно скончаться вполнѣ, потому что теперь я отъ нечего-дѣлать любовался, не душой вашей, въ которой мало прекраснаго, а тѣломъ, которое очень отвратительно. Недавно еще (я засталъ вашъ умъ за этимъ пріятнымъ занятіемъ): вы, въ полное свое удовольствіе, мысленно пересчитывали всѣ прежнія свои любовныя похождения; но, скажите намилость, гдѣ же у этихъ женщинъ глаза-то были, что онѣ могли любить такое тучело? Сложены вы нелѣпо, одно плечо у васъ гораздо выше другаго; талию покоробило; волосы давнымъ-давно повывѣзли, а остатки ихъ держатся на гнилыхъ корняхъ, какъ прошлогодняя солома на полѣ, послѣ зимы; зрѣніе ваше еще туда и сюда... но я замѣчаю, что зрачокъ у васъ уже подергается, исподволь, какою-то мутною пелѣю, которая не предвѣщаетъ ничего добраго. Что, если бы вы имѣли возможность видѣть эту жесткую, желтоватую массу, которая накопилась въ суста-

вахъ вашихъ пальцевъ? Она разрушаетъ кости, изводитъ ихъ по крушинкѣ, медленно, неутонимо.

Ваше сердце, любезнѣйшій, слишкомъ объемисто; оконечность его рвется задѣвая за какой-то кровеносный сосудъ, который самъ отъ этого портится; ваше лѣвое лёгкое также негодно, какъ у меня было негодно правое; вижу, какъ жиръ мало-по-малу просачивается сквозь стѣнки жилъ, и образуетъ толстые слои подъ вашею кожей.... такъ что вы скоро будете походить на моржа, зубы ваши желтѣютъ, колеблются въ своихъ кровавыхъ ячейкахъ. Въ вашемъ мозгу я замѣчаю вены, раздутыя апоплексическою кровью и готовые лопнуть.... послушайте, вы пропали.... Дайте руку.... вы тоже почти мертвецъ!

При этихъ ужасающихъ рѣчахъ, магнитизёръ сталъ просить пощады, помилованія, прошенія и рѣшился наконецъ избавиться отъ этого нестерпимаго привидѣнiя; вытѣснить изъ своей мысли голосъ, преслѣдующій все съ такимъ ожесточенiемъ, и не подвергаться долѣ язвительнымъ насмѣшкамъ; не слышать зловѣщихъ предвѣщанiй.... Магнитизёръ усердно принялся останавливать магнитическiе токи, чтобъ тѣмъ уничтожить эту поддѣльную жизнь. Напрасно покойникъ сопротивлялся, мертвый трупъ долженъ былъ уступить смѣ еще живаго трупа, мало-по-малу голосъ Бельфора прерывался, онъ испустилъ послѣднее *уфф!* и этотъ Бельфоръ, за минуту такой краснорѣчивый, превратился въ ничто, чему и имени нѣтъ ни на какомъ языкѣ; уже три недѣли прошло, какъ смерть завладѣла этимъ трупомъ, и теперь, такъ какъ влiянiе магнитической жидкости миновалось, червь и тлѣнiе поспѣшно вступили въ полныя права на свою неотъемлемую добычу.

Страшно подумать, что магнитизёръ могъ умереть не размагнитизировавъ своего друга Бельфора! какъ долга показалась бы вѣчность бѣдному Бельфору! Или, какъ знать! быть-можетъ, мысль его покорно послѣдовала бы за душою магнитизёра и въ самыя бездны пространства, или въ самое небо.... не худо бы попробовать.

ФРАНЦУЗСКIЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Georges d'Alton, *Жоржъ д'Альтонъ*, драма въ трехъ актахъ, господина Agnoux.

Въ этой драмѣ авторъ намѣренъ былъ въ сто-первый разъ показать пагубныя слѣдствiя междоусобiй. Сэръ Жоржъ д'Альтонъ сдѣлался пуританиномъ и служить Кромвеллю, хотя вся его родня предана Стуртанъ. Вслѣдствiе этого, въ жаркомъ сраженiи, въ сумятицѣ, сэръ Жоржъ нечаянно убилъ своего отца и съ той

воры скитается какъ Орестъ, преслѣдуемый «уриями»: тѣмъ отцу неотступно ходить за нимъ по пятамъ и требуетъ искупленія. Въ этомъ состояніи духа Жоржъ д'Альтонъ приходитъ въ замокъ своихъ предковъ, куда его приводитъ любовь къ прекрасной Еленѣ и желаніе увидѣться съ матерью, вымолить прощеніе. Елена, племянница лорда Сиднея, продолжаетъ любить его. Мать прощаетъ, хотя и оплакиваетъ ужасное преступленіе. Не такъ створчивъ дядя, лордъ Сидней, человѣкъ правдивый и строгій: онъ не занкнувшись, готовъ свести племяннику «круглую» голову съ плечъ. Лордъ Сидней хотя и по провсходитъ по прямой линіи отъ Брута, однако жъ онъ уже видѣлъ въ своемъ семействѣ примѣры ужасающаго неліцепріятія: его старшій братъ казненъ по приговору и въ присутствіи отца. Онъ хранитъ употребленный при этой казни топоръ и гордится обладаніемъ его. Лордъ Сидней непременно хочетъ добраться до головы племянника; къ счастью, мать Жоржа успѣваетъ увѣдомить солдатъ Кромвелла и спасти сына; но Жоржъ д'Альтонъ отсылаетъ солдатъ, не хочетъ спасенія цѣною побѣга. Дядя, видя такую черту благородства, расчувствовался и отпускаетъ не только племянника живымъ, но даже и съ Еленою, — къ немалому неудовольствію роднаго сына, который усердно, хотя и тщетно, ухаживалъ за кузиной. Пьеса исполнена благородныхъ чувствованій и прекрасныхъ цѣлей; но благородныя чувствованія и прекрасныя цѣли, какъ извѣстно, не всѣхъ удовлетворяютъ. Есть люди, которые отъ драмы непременно требуютъ сильной, увлекательной завязки, энергическихъ характеровъ, занимательныхъ положеній, и такъ далѣе. Есть даже такіе, которые требуютъ слогу. Этихъ-то людей господинъ Арну не вполне удовлетворяетъ.

2. *La Closerie des Genêts*, драма въ девяти картинахъ, господина Фредерика Сулиѣ.

Заглавіе этой драмы такое хитрое, что мы не беремся перевести, тѣмъ болѣе что и изъ Французовъ только урешовцы Бретани поймутъ его безъ комментарія. Подъ словомъ *closerie* въ Бретани разумѣютъ иногда изгородь, иногда отгороженное лу-
стопорожнее или и застроенное мѣсто, а иногда и ферму или мызу. Самая драма представляетъ сокращенный сводъ двухъ романовъ того же автора, именно «Львицы» и «Графиня де-Монриѣ». Драма имѣла успѣхъ. Современная публика, которая дещь-ото-дня всё меньше находитъ времени для чтенія, всячески поощряетъ этого роду сокращенія, чрезвычайно удобно Digitized by Google знакомящая съ заданиями старыхъ и новыхъ гениевъ романа. Мы надѣемся, что

скоро романъ, уже *изорванный въ клочки по фельетонамъ*, совершенно исчезаетъ. Писать романы будутъ только для того, чтобы сокращать для сцены. А потомъ и сокращенные сценическіе романы, особенно въ девяти и въ шестнадцать актовъ, наскучатъ. Чтобы не тратить словъ по пустому, ихъ примутся переводить на эквилибрестическіе кувырки и станутъ представлять въ циркахъ, на отлично дрессированныхъ коняхъ, для вящаго соединенія полезнаго съ пріятнымъ.... Какъ тогда будетъ удобно и весело въ Петербургѣ, гдѣ есть и Гверра и Лежаръ!

3. *Henri IV, Генрихъ-Четвертый*, пьеса въ шестнадцать картинъ господъ *Сентъ-Илера* и *Мишеля Делапорта*.

Самые недогадливые съ разу видятъ, что это «Генриада» на сценѣ. *А такъ какъ* эпопея *мосеё де-Вольтера* не отличается занимательностью *и такъ какъ* господа *Сентъ-Илеръ* и *Мишель Делапортъ* состряпали шестнадцать картинъ совершенно скучныхъ, *то, слѣдовательно*, мы и не смѣемъ пересказывать подробностей.

4. *Une Chambre à deux lits, Комната на двѣ кровати*, водевилъ въ одномъ актѣ, господъ *Varin'a* и *Lefèvre'a*.

Возрожденіе «Суматохи въ Щербаковомъ Переулкѣ,» — какъ по-русски окрещенъ водевилъ *Passé Minuit*, — и другаго ему подобнаго, *Un Monsieur et une Dame*, который не помнимъ какъ именуется въ переложеніи на *русскіе нравы*.

Два путешественника, *мосеё Пенмень* и *мосеё Эперланъ*, останавливаются на ночь въ гостиницѣ и принуждены спать въ одной комнатѣ. Но одинъ спитъ такъ шумно, храпитъ такъ звонко, что другой не можетъ уснуть и будить нарушителя общественнаго спокойствія. Зато тотъ рассказываетъ ему свою исторію, — о томъ, какъ онъ, для спасенія отъ злой жены, притворился самоубійцей и слыветъ теперь мертвецомъ. *Мосеё Эперланъ* вполне понимаетъ рѣшимость *мосеё Пенмена* преслать удавленникомъ. Онъ самъ бѣжалъ отъ сатаны въ образѣ дражайшей половины. Онъ только не догадался для безопасности отъ преслѣдованій удавиться. Къ довершенію, открывается, что новые пріятеля въ бѣгахъ отъ одной и той же очаровательницы. — Вы не удавились, *мосеё Пенмень*, вы живы, слѣдовательно, я имѣю право воротиться домой холостякомъ. Я сдаю вамъ вашу жену обратно. Но *мосеё Пенмень* и руками и ногами. Наконецъ рѣшили разыграть ея въ карты и разыграли. — Поздравляю, вы выиграли, жена ваша! говоритъ одинъ. — Нѣтъ, извините, вы выиграли, возражаетъ другой.... и пошло опять чуть не

до драки, пока не пришлю кстати извѣстіе, что двумужика умеря и завѣчала свое мнѣніе мужу. Тутъ опять споръ, кто выиграетъ, пока не согласились на мировой дѣлежъ. Глупо, но весело.

музыкальныя новости. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы извѣщали въ короткихъ словахъ объ открытіи нынѣшнихъ спектаклей Италіанской Оперы. Теперь уже прошелъ мѣсяцъ, и мы можемъ высказать наше мнѣніе объ артистахъ, составляющихъ нынѣшнюю труппу — разумѣется, мы будемъ говорить о нихъ не касаясь театра. Безъ всякаго сомнѣнія, первое мѣсто принадлежитъ госпожѣ де-Джули-Борси. Она вездѣ превосходна: въ Луціи, Лукреціи, Маріи ди-Роганъ; но въ Нормѣ она превзошла всякое ожиданіе: эта опера истинное ея торжество. Не говоря о легкости и отчетливости исполненія самыхъ трудныхъ пассажей, объ удивительно-вѣрной интонаціи, госпожа де Джули-Борси превосходная драматическая пѣвица. Сколько страсти и увлеченія и вмѣстѣ съ тѣмъ ума и обдуманности во всякомъ ея словѣ, во всякомъ движеніи? Кто не видалъ госпожи де-Борси въ Нормѣ, тотъ не можетъ имѣть настоящаго понятія о ея высокомъ талантѣ. Де-Джули-Борси рѣшительно принадлежитъ къ ряду первѣйшихъ европейскихъ пѣвицъ. Гуаско въ роли Полліона былъ весьма хорошъ. Голосъ его сильный, звучный, доходящій свободно до груднаго *si bemol*, пѣніе полное души и выраженія; главное же его достоинство—знаніе, вкусъ съ какимъ употребляетъ онъ разныя украшенія. Госпожа Виоль въ первый дебютъ свой не могла произвести особеннаго впечатлѣнія возлѣ такой артистки какъ госпожа де-Джули-Борси; подождемъ дальнѣйшихъ ея дебютовъ. Вообще о прочихъ артистахъ выскажемъ рѣшительное мнѣніе, когда услышимъ ихъ въ болѣе характерическихъ роляхъ.

Теперь перейдемъ къ заграничнымъ новостямъ, которыми изобилуютъ иностранныя журналы.

— Нынѣшній сезонъ Италіанской Оперы въ Парижѣ открылся представленіемъ *Семирамиды*, въ которой появился въ первый разъ Колетти, баритонъ, ангажированный на мѣсто Деривиса. Считаемъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о прежней карьерѣ новаго пѣвца. Филиппъ Колетти родился 1811 года въ мѣстечкѣ Асканьи; родители предназначали его къ духовному поприщу. Онъ поступилъ въ семинарію. Однажды во время карнавала онъ очутился неожиданно въ какомъ-то веселомъ обществѣ, гдѣ какіе-то сильные голоса уродовали музыку Россини и Беллини. Шумъ и говоръ, раздававшійся между слушателями былъ явнымъ признакомъ ихъ неудовольствія. Тогда дѣ-

которыя, менѣе терпѣливыя, изъ слушателей вытащили впередъ молодого аббата къ Фортеніано, и просили его спѣть что-нибудь. — «Да я ничего не пою, кромѣ *Credo* и *Agnus Dei*», отвѣчалъ покраснѣвъ до ушей застѣнчивый аббатъ, пятясь назадъ отъ Фортеніано. — «Спойте намъ хоть *Agnus Dei*», произнесъ проникающій къ сердцу женскій голосъ, и прекрасныя ручки сдѣлали нѣсколько аккордовъ на Фортеніано. Очевидно, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно. Молодой аббатъ подошелъ къ Фортеніано, и всѣ готовились слушать *Agnus Dei*, какъ вдругъ, о удивленіе! Пѣвецъ, позабывъ свои официальные напѣвы, началъ чистымъ и звучнымъ голосомъ: «*Messo hi vieni o usivega*». Единодушное: bravo! раздалось во всѣхъ концахъ залы. Затѣмъ слѣдовали разныя другія аріи Россини и Меркаданте. Когда Колетти кончилъ, вдругъ подошелъ къ нему извѣстный **** италіанскій импрессаріо: — «Да вы великій человекъ, шефъ аббатъ, сказалъ импрессаріо, поднося ему листъ бумаги: сообщите мнѣ, пожалуйста, fac-simile вашей подписи». Колетти согласился. На слѣдующій только день узналъ онъ, что онъ подписалъ контрактъ, въ силу котораго передалъ себя въ распоряженіе импрессарія. Онъ дебютировалъ въ первый разъ въ Неаполѣ, на театрѣ Il Fondo въ *Turco in Italia*, вмѣстѣ съ госпожею Унгеръ и господами Сальви и Козелли; послѣ въ Генуѣ, наконецъ въ Римѣ; оттуда долженъ былъ ѣхать въ Падуу, по контракту, заключенному между его импрессаріемъ и тамошнимъ директоромъ театра. Въ это время въ Падуѣ свирѣпствовала холера, и Колетти представлялъ своему импрессаріо, что подобное назначеніе подвергаетъ жизнь его опасности, но импрессаріо и звать ничего не хотѣлъ; къ счастью, одинъ добрый человекъ выкупилъ его, и Колетти отправился въ Лиссабонъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ, освободившись и отъ холеры и отъ импрессарія. Тамъ-то, какъ разсказываютъ, происходилъ знаменитый поединокъ на книжалахъ между двумя свѣтскими дамами, равно обвороженными красотой молодого баритона. Съ-тѣхъ-поръ Колетти шѣлъ и всегда съ большимъ успѣхомъ въ Лондонѣ, Миланѣ, Вѣнѣ, Бергамѣ, и Неаполѣ и приобрѣвъ уже прочную извѣстность, поступилъ на парижскую сцену. — О талантѣ Колетти послѣ перваго дебюта его парижскіе музыкальныя журналы отзываются съ большою похвалою. Вотъ что мы могли извлечь изъ ихъ отзывовъ: голосъ Колетти чрезвычайно пріятенъ; онъ беретъ съ легкостью fa; методъ его чисто ита-ліанскій, и дѣіе прекрасно акцентировано и произношеніе весьма

внятное; но несмотря на эти достоинства, партія Ассура не вполне соответствовала его голосу, котораго основныя ноты верхнія, а нижнія очень слабы; а партія Ассура простирается до нижняго *sol*. Слѣдующіе дебюты Колетти будутъ въ операхъ *Duc Foscari* Верди и *Fidanzata Corsa* Пачини, въ которыхъ главныя роли нарочно для него написаны.

— Мы извѣщали въ прошломъ мѣсяцѣ о пѣвцахъ, составляющихъ нынѣшнюю италіанскую труппу въ Парижѣ; теперь можемъ представить списокъ оперъ, которыя должны быть представлены въ нынѣшній сезонъ, полагая, что это не будетъ безъ интереса въ томъ отношеніи, что выборъ пьесъ доказываетъ степень образованія публики. Вотъ онѣ: *Otello*, *Barbiere*, *Semiramide*, *Lucia*, *Don Pasquale*, *Gemma di Vergy*, *Norma*, *Puritani*, *Pirata*, *Sonnambula*, *Nabucco*, *Don Giovanni*, *Cantatrici*, *Matrimonio segreto*, *Duc Foscari*, *la Fidanzata Corsa*. Изъ нихъ три оперы стараго репертуара Моцарта, Фіоравантти и Чимарозы; три—Россини; четыре—Беллини; три—Доницетти; двѣ—Верди и одна Пачини.

— Во Французской Оперѣ продолжаютъ репетиціи *Роберта Брюса* (*Robert Bruce*). Въ Парижскихъ музыкальныхъ журналахъ идетъ теперь весьма жаркая переписка объ этой новой оперѣ. Дѣло въ томъ, есть ли это оригинальное произведеніе знаменитаго *maestro*, или *pasticcio* изъ старой оперы «*Donna del Lago*», въ томъ родѣ какъ некогда *Магометъ-Второй*, появившійся въ передѣлкѣ подъ новымъ названіемъ «*Осады Коринѳа*», или «*Путешествіе въ Реймсъ*» передѣланное въ «*Графа Ори*». Трудно узнать въ чемъ дѣло. Замѣчательно въ этомъ спорѣ письмо Леона Пиле къ Делеклюзу, гдѣ онъ опровергаетъ ложные слухи, будто «*Робертъ Брюсъ*» есть передѣлка. Мы полагаемъ, что быть-можетъ обѣ стороны правы, потому что если Брюсъ есть передѣлка въ родѣ «*Осады*» или «*Графа Ори*», то это не столько передѣлка, а скорѣе пересозданіе, въ которомъ выигрываетъ и произведеніе и публика; потому что Россини, пересоздавая для парижской публики оперы свои, написанныя первоначально для Италіи, сообщилъ имъ все, чего имъ прежде не доставало, и между оригиналомъ и предѣлкой такая же разница, какъ между италіанской и парижской публикой.

— Въ «*Эльзетонѣ*» газеты *Siècle* пишутъ, что Мейерберъ собирается ставить на парижской сценѣ свою новую оперу, подъ названіемъ «*Струэнзэ*». Берлинскіе же музыкальные журналы, упоминающая о музыкѣ Струэнзэ, говорятъ, что это только увертюра

антракты, написанные Мейерберомъ, по повелѣнію прусскаго короля, къ известной нѣмецкой трагедіи этого же названія.

— Англійскій музыкальный журналъ, *The Musical World*, ревностный приверженецъ Персіани и Косты, вступаетъ въ чрезвычайно оригинальныя объясненія; онъ вопіетъ противъ журналовъ *Times*, *Morning-Post* и *Morning-Herald*, которые называетъ *Tria juncta in Lumlo*. Высшее аристократическое общество по-видимому предпочитаетъ Верди Моцарту, балетъ оперѣ. Потому, господинъ Люмли, въ угодность лордамъ и леди, отъ которыхъ зависятъ его успѣхъ, даетъ какъ-можно болѣе Верди; Моцарта же отправляетъ къ чорту: *throws Mozart to the dogs*. Вотъ исходная точка мнѣнія *Musical World'a*, мнѣнія впрочемъ довольно смѣлаго, утверждающаго, что новая италіянская опера въ Лондонѣ необходима, что любовь къ музыкѣ распространяется во всѣхъ классахъ общества, преимущественно же въ среднемъ классѣ. Въ театрѣ Королевы публика удовольствуется операми Верди и Порро: Моцартъ, Россини, Доницетти не любимы тѣми, кому не по вкусу и Шекспиръ. Прекрасно! *Barbière*, *Don Giovanni*, *Gazza Ladra* будутъ даваться на сценѣ Ковенъ-гарденскаго театра, гдѣ слушатели средняго класса имѣютъ не столь испорченный музыкальный вкусъ. Съ своей стороны Люмли надѣется пересилить своего соперника. Онъ приготовляетъ огромную балетную труппу, что не маловажно въ Лондонѣ; Бальфъ остался вѣренъ ему, а Бальфъ пользуется большою популярностью въ Англии; Лаблашъ, привязанный къ этому театру, весьма любимъ публикою. Люмли организуетъ отличный оркестръ и что касается труппы, то и она не лишена великихъ европейскихъ дѣвцовъ. Недавно онъ заключилъ контрактъ съ знаменитымъ баритономъ Пишекомъ, на шесть лѣтъ, по двѣ тысячи пяти-сотъ фунтовъ стерлинговъ за сезонъ. Говорятъ, что онъ приобрѣлъ и Дженни Линдъ, тотчасъ по окончаніи зимняго сезона въ Вѣнѣ; онъ надѣется приобрести еще и Рубини. Что же Коста можетъ этому противопоставить? Гризи, которой талантъ замѣтно клонится къ упадку; Персіани, Ронкони и Маріо, конечно, знаменитыя имена, но всё-таки не въ состояніи привлечь публику въ театръ, на которомъ всѣ предприниматели обрывались, и котораго даже исполнскій талантъ Малибранъ не могъ спасти отъ упадка.

И вотъ уже для начала виѣшивается раздоръ: Ронкони требуетъ, чтобы съ нимъ ангажировали и его жену; Саламанка соглашается заплатить ей, но съ тѣмъ, чтобы она вовсе не пѣла.

Не трудно предвидѣть чѣмъ это кончится. Вотъ откуда списокъ предполагаемой труппы новаго театра:

Primi soprani: Гризи, Персіани, Стефанони.

Primi contralti: Ронкони, Альбони, Ангри.

Primi tenori: Маріо, Сальви, Лавія, Перезъ.

Primi bassi baritoni: Тамбурни, Ронкони, Спехъ, Полонни.

Primi bassi profondi: Марини, Сельва, Корради, Альба.

Primi bassi comici: Ровере, Лей.

Seconde donne: Пиомбанти, Лега.

Seconde tenori: Біада, Альберти.

Seconde bassi: Моретти, Лопезъ.

Персіани надѣется присоединить еще къ этому огромному списку артистовъ знаменитое имя Віардо-Гарсія.

Рубини предложена была *carte blanche*; но онъ отвѣчалъ новой дирекціи, что его артистическое поприще кончено, и что онъ рѣшительно простился съ театромъ. При всемъ томъ Любли не оставляетъ надежду уговорить его.

Авглія, Лондонъ въ-особенности, съ нетерпѣніемъ ждутъ развязки этого музыкальнаго кризиса. Во всякомъ случаѣ Лондонъ соединить въ себѣ труппу первоклассныхъ артистовъ, какихъ онъ до-сихъ-поръ еще не обладалъ. Лаблашъ, Рубини, Маріо, Тамбурни, Ронкони, Пишекъ, Тамберликъ, Колетти, Форнасари, Сальви, пѣвицы Линдъ, Лѣве, Гризи, Персіани, Альбони, и знаменитѣйшія современныя танцовщицы. Признаться, довольно, чтобы надѣлать шуму въ будущій сезонъ, въ Дрорн-ленъ и Кевентъ-Гарденъ.

— Въ Италіи нѣтъ недостатка въ новыхъ операхъ. Во Флоренціи ставятъ: *Venevenuto Celsini*, оперу Лоренцо Россі; въ Венеціи вскорѣ будетъ поставлена: *la Regina di Cipro*, опера Пачини.

— Моріани ангажированъ на всю осень въ Венецію; биссъ Сальватори поетъ нынѣ въ Туринѣ, гдѣ онъ приобрѣлъ себѣ большую любовь публики; Ровере въ Генуѣ: этотъ пѣвецъ пользуется теперь въ Италіи репутаціей перваго комическаго басса; Ивановъ ангажированъ на предстоящій сезонъ въ Триестъ; весною онъ отправится въ Вѣну.

— Извѣстно, что Віардо-Гарсія находится теперь въ Берлинѣ. Она дебютировала въ Соннамбулѣ; нѣмецкія газеты отозвались о ней съ похвалою, но вообще не сказали ничего замѣчательнаго; о другихъ дебютахъ еще не говорили нѣмецкія газеты. Но пишутъ между прочимъ, что по окончаніи своихъ дебю-

товъ въ Берлинѣ, она отправится на мѣсяць въ Франкфуртъ на Майнѣ; потомъ опять возвратится въ Берлинъ на два мѣсяца, и будетъ участвовать въ нѣмецкой берлинской оперѣ, въ «Иенгеніи» Глюка, «Силезскомъ-Лагерѣ» Мейербэра, «Севильскомъ Цирюльникѣ» и «Фиделіо».

— Изъ Гамбурга пишутъ, что Женни-Линдъ на возвратномъ пути изъ Кунсгавена дала тамъ концертъ въ пользу бѣдныхъ; она пропѣла между прочимъ молитву изъ Фрейшюца и шведскую пѣсню. Эти двѣ пьесы приняты были съ необыкновеннымъ восторгомъ. Вообще это не первый концертъ, данный Женни Линдъ съ благотворительною цѣлью. Нѣмецкіе журналы наполнены отчетами о подобныхъ концертахъ и изліяніями признательности къ артисткѣ-благотворительницѣ. Теперь Женни-Линдъ ангажирована на осенній сезонъ въ Вѣну, за сто тысячъ франковъ.

— Въ Германіи появилась недавно біографія Женни-Линдъ, написанная Каролиною Бирхъ-Пфейсеръ. Вотъ что между прочимъ говоритъ авторъ: «Будучи еще ребенкомъ трехъ лѣтъ, Женни Линдъ чувствовала непреодолимую страсть къ пѣнію. Она помнила мотивъ, который слышала только разъ, и могла его передать съ удивительною точностью. Страсть эта усиливалась въ ней съ годами, такъ что всякое занятіе Женни сопровождала своимъ серебрянымъ голоскомъ, и при многихъ страданіяхъ этого юнаго существа для нея не было хуже наказанія, какъ если она не могла пѣть, потому что этимъ лишалась единственнаго утѣшенія въ своей безутѣшной юности. Впослѣдствіи она пользовалась уроками Крозліуса и поступила на сцену. Обѣздивъ Швецію и Норвегію, она отправилась въ Парижъ, чтобы воспользоваться тамъ наставленіями извѣстнаго учителя пѣнія *Гарсіи*.

Съ трепетомъ переступила она порогъ его жилья, потому что отъ приговору маэстро завнѣла вся будущность ея артистическаго поприща. Она начала пѣть. Гарсіа слушалъ ее, не обнаруживая ни одобренія, ни неудовольствія. Но когда она кончила, онъ произнесъ спокойно: — «Милая моя, у васъ пѣть никакого голоса». Ужасная минута для бѣдной дѣвушки! — «Или, прибавилъ Гарсіа, чтобъ смягчить приговоръ свой: у васъ есть голосъ, но вы его рискуете потерять; вы, вѣроятно, слишкомъ рано начали пѣть, или слишкомъ много пѣли, потому что въ вашемъ органѣ замѣтно чрезвычайное утомленіе. Я вамъ не могу теперь давать уроковъ: отдохните въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, не издавая ни одного звука; и тогда снова навѣдайтесь ко мнѣ».

Три мѣсяца Женни провела въ безмолвномъ уединеніи, и по истеченіи этого срока, она пользовалась девять мѣсяцевъ уроками Гарсиа. Тамъ же познакомилась она съ Мейерберомъ, который замѣтилъ ея первоклассный талантъ, и привезъ съ собою въ Берлинъ, гдѣ началось ея блистательное поприще, какъ уже окончательно образовавшейся артистки.

— Недавно посѣщали Франкфуртъ венгерскіе пѣвцы. Они исполняютъ свое дѣло чрезвычайно оригинальнымъ образомъ: поютъ пѣсни безъ словъ, и одинъ изъ нихъ аккомпанируетъ не на инструментѣ, а голосомъ, подражая звукамъ волторны, гобоя, или виолончели. Они передавали такимъ образомъ народные пѣвны, полные чувства и меланхолиа. Кажется, покуда изобрѣтется инструментъ, долженствующій замѣнить человѣчскій голосъ, послѣдній успеетъ перенять и замѣнить звуки самыхъ разнообразныхъ инструментовъ.

— Съ октября мѣсяца открыта въ Мюнхенѣ консерваторія пѣнія, первая основанная въ Германіи. Директоромъ ея назначенъ Гаузеръ, извѣстный какъ превосходный знатокъ и учитель пѣнія, во-время-дно бывшій даже опернымъ пѣвцомъ.

==

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петляя, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

HEURES ILLUSTRÉES. Prières quotidiennes imprimées en couleur avec encadrements en or, à la manière des manuscrits antiques.

Paris, 1840 — 1845. 1 vol. in-8. relié en velours plein, avec fermoir et ornements en vermeil, garde en moire, tranches dorées et ciselées, avec étui en maroquin plein garni en soie. 100 r.

AUGUSTIN (Saint). La cité de Dieu, nouvelle traduction avec le texte latin, par Moreau. Paris, 1846. 3 vol. in-8. 18 fr. 5 r. 16 c.

CATHOLIQUE (le). Magasin religieux. Recueil de nouvelles inédites, de apocryphes et de morceaux choisis tirés des plus célèbres écrivains religieux.

- anciens et modernes. Paris, 1840. 1 vol. in-4. avec 70 gravures sur acier. 2 r.
- EVANGILES (les).** Traduction nouvelle avec des notes et des réflexions par Lamennais. Paris, 1846. 1 vol. in-8. avec 10 gravures sur acier. 3 r. 45 c.
- Le même ouvrage relié en veau plein avec tranches dorées. 7 r.
- ——— en maroquin plein avec tranches dorées. 9 r.
- Le même ouvrage. 1 vol. in-12. 1 r.
- relié en veau plein. 4 r.
- relié en maroquin plein. 5 r.
- IMITATION de Jésus-Christ,** traduite par Genoué. Paris, 1845. 1 vol. in-12. avec gravures. 1 r.
- Le même ouvrage, médité par Herbet. 3-me édition. Paris, 1846. 2 vol. in-12. 1 r. 70 c.
- IMITATION de la Très-Sainte Vierge,** sur le modèle de l'Imitation de J.-Christ. Paris, 1840. 1 vol. grand in-8. avec gravures et ornements. 3 r. 45 c.
- JOURNÉE (la) du chrétien sanctifiée par la prière et la méditation.** Nouvelle édition illustrée. Paris. 1 vol. grand in-18. relié en velours plein avec tranches dorées fermoir et étui. 10 r.
- LACORDAIRE.** Conférences de Notre Dame de Paris pendant les années 1844 à 1846. T. 2-e. Liv. 1 et 2. in-8. 1 r. 50 c.
- THÉRÈSE (Sainte).** Oeuvres très complètes, nouvelle édition, publiée par l'abbé Migne. Paris 1840 à 1846. 4 vol. in-8. 6 r. 85 c.
- Les Tomes 3 et 4 séparément. 3 r. 45 c.
- VIES des Saints,** nouvellement écrites par une réunion d'Écclésiastiques. Paris, 1846. 4-re série in-4. avec gravures. 5 r. 70 c.
-
- BAILLY.** Theologia dogmatica et moralis ad usum Seminariorum. Nova editio. Lyon, 1833. 8 vol. in-12. 5 r.
- CARRIÈRE.** Prælectiones theologicæ majores in Seminario Sancti-Sulpitii habitæ. Paris. 7 vol. in-8. 16 r.
- LIGORIO (de).** Theologia moralis. Editio novissima. Omnium accuratior. Paris, 1845. 6 vol. in-12. 5 r.
- PERRONE.** Prælectiones theologicæ. Nouv. édition. Paris, 1842. 2 vol. in-4. 4 r.
- ALEXANDRE.** Collection des plus beaux problèmes d'échecs au nombre de plus de 2000, recueillis dans les auteurs anciens et modernes. Paris, 1846. 1 vol. grand. in-8. 20 fr. 5 r. 70 c.
- ANNUAIRE pour l'an 1846 présenté au Roi, par le Bureau des longitudes,** augmenté de notices scientifiques par Arago. Paris, 1845. 1 vol. in-18. 50 c.

- de l'économie politique pour 1846. 3-me année. Paris, 1846. 1 vol. in-18. 75 c.
- du journal des mines de Russie. Années 1839, 1840, 1841, 1842. Paris. 4 vol. in-8. avec planches. 8 r.
- des Sociétés Savantes de la France et de l'Etranger. Première année. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 4 r. 30 c.
- ARCY (d'). Mémoire sur la théorie de l'artillerie ou sur les effets de la poudre. (1751). Paris, 1846. 1 vol. in-8. avec planches. 85 c.
- BATAILLE et JULIEN. Traité sur les machines à vapeur. Ouvrage divisé en deux grandes sections. 1-re section. *De la machine à vapeur en général.* 2-e section. *Construction des machines à vapeur.* Paris, 1846. Livrais. 1 à 10. in-4. 5 r. 70 c.
- Liv. 11 et 12 et paiement jusqu'à 20 livr. 4 r. 30 c.
- BERZELIUS. Rapport annuel sur les progrès de la chimie, traduit du Suédois, par Plantamour. 6-me année. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- Traité de chimie minérale, végétale et animale. Nouvelle édition, trad. par Esslinger et Hæfer. Paris, 1845 et 1846. Tomes 1 et 2. in-8. Chaque volume à 2 r. 35 c.
- BLANC. Organisation du travail. Paris, 1845. 1 vol. in-18. 45 c.
- BONAPARTE. Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie. Paris, 1846. Tome 1-re. in-4. avec planches. 4 r. 30 c.
- BORDA. Mémoire sur la courbe décrite par les boulets et les bombes, en ayant égard à la résistance de l'air. (1769). Paris, 1846. 1 vol. in-8. avec planche. 85 c.
- BORN. Gnomonique graphique et analytique, ou l'art de tracer les cadrans solaires. Paris, 1846. 1 vol. in-8. avec planches. 2 r.
- BRETON. Description des courbes à plusieurs centres, d'après le procédé de Perronet. Paris, 1846. 1 vol. in-4. avec planches. 1 r. 30 c.
- BURAT. Etudes sur les mines. Théorie des gîtes métallifères, appuyée sur la description des principaux types du Harz, de la Saxe etc. Paris, 1845. 2 vol. in-8. 2 r. 55 c.
- CANOVA. Oeuvres publiées par Fanoli. Paris, 1846. 5 feuilles in plano, sur papier de chine. Chaque feuille à 5 r. 70 c.
- CARRÉ. Expériences physiques sur la réaction de balles de mousquet dans l'eau et sur la résistance de ce fluide. (1705). Paris, 1846. 1 vol. in-8. avec planches. 75 c.
- CHARPENTIER. Essai sur le matériel de l'artillerie de nos navires de guerre. Paris, 1845. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- CHEVALIER. Des effets de la poudre à canon, principalement dans les mines. (1707). Paris, 1846. 1 vol. in-8.

- CICÉRI.** Leçons de paysage aux deux crayons, sur papier teinté. Paris, 1846. 1 vol. in-4. cartonné. 5 r. 15 c.
- COLLIN.** Recherches expérimentales sur les glissements spontanés des terrains argileux, accompagnées de considérations sur quelques principes de la mécanique terrestre. Paris, 1846. 1 vol. in-4. avec atlas. 5 r.
- COULIER et RUGGIERI.** Nouveau code de signaux de jour et de nuit, au moyen d'un système pyrotechnique. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 85 c.
- DELORME DUQUESNEY.** Du tir des armes à feu et principalement du tir du fusil, suivi d'une méthode pour rendre dans peu de temps tous les soldats habiles à cet exercice, par des Bordéliers. Bruxelles, 1846. 1 vol. in-12. 75 c.
- DEMIDOFF.** Commentaire du dernier chapitre du système philosophique de l'art de Lamennais. Strasbourg, 1844. 1 vol. in-8. 45 c.
- DESCRIPTION** des machines et procédés consignés dans les brevets d'invention, de perfectionnement et d'importation dont la durée est expirée. Paris, 1845. Tome 55, 56, 57 et 58. in-4. avec planches. Chaque vol. à 4 r. 30 c.
- DICTIONNAIRE** des arts et manufactures. Description des procédés de l'industrie française et étrangère. Paris, 1845. Tome 1-er. in-8. avec gravures sur bois intercalées dans le texte. 8 r. 15 c.
- DUNAMEL.** Expériences sur quelques effets de la poudre à canon. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 75 c.



НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Оперы для фортепіано.

(Полное изданіе въ маленькомъ форматѣ.)

- AUBER.** Fra-Diavolo. (2 r. 85 c.) la Muette de Portici. (Fenella) (2 r. 85 c.).
- BELLINI.** Beatrice di Tenda. (2 r. 85 c.). I Montechi ed i Capuleti. (3 r.). Norma. (3 r.). Il Pirato. (3 r.). La Sounambula. (3 r.). La Straniera. (2 r. 85 c.).
- BOIELDIEU.** La Dame blanche. (2 r. 85 c.).

- CIMAROSA.** Il matrimonio segreto. (3 r.).
DONIZETTI. Anna Bolena (4 r.). L'élisir d'amore. (3 r.). Lucia di Lammermoor. (3 r.).
HEROLD. Zampa. (2 r. 85 c.) **KUHLAU.** Lulu. (3 r.).
MEHUL. Joseph. (2 r. 29 c.). **PAER.** Sargino. (3 r.).
MOZART. Così fan tutte. (2 r. 85 c.). Don Juan. (2 r. 85 c.). L'enlèvement au Sérail. (2 r.). Figaro. (2 r. 85 c.). La jardinière. (2 r. 85 c.). Idomeneo. (2 r. 29 c.). Titus. (2 r.). Die Zauberflöte. (2 r. 29 c.).
 ———— Всѣ семь оперъ въ переплетѣ, съ либретто, портретомъ Моцарта, и красными заглавнымъ листомъ (11 r. 50 c.).
ROSSINI. Il Barbiere di Siviglia. (2 r.). Cenerentola. (3 r.). La Donna del Lago. (2 r. 85 c.). La Gazza ladra. (2 r. 85 c.). Mosé in Egitto. (2 r. 85 c.). Otello. (2 r. 85 c.). Le siège de Corinthe. (3 r.). Tancred. (2 r. 85 c.).
SPONTINI. La Vestale. (2 r. 85 c.). **WEIGL.** La famille suisse. (2 r.).
WINTER. Le sacrifice interrompu. (2 r. 85 c.).

Оперы для фортепiano въ четыре руки.

(Полное изданіе въ маленькомъ форматѣ).

- AUBER.** La muette de Portici. (Fenella). (5 r. 15 c.).
BELLINI. La Norma. (5 r. 15 c.). La Sonnambula. (5 r. 15 c.).
DONIZETTI. Lucia di Lammermoor. (5 r. 15 c.).
HEROLD. Zampa ou la fiancée de marbre. (4 r. 29 c.).
MOZART. Così fan tutte. (5 r. 15 c.). Don Juan. (5 r. 72 c.). L'enlèvement au Sérail. (5 r. 15 c.). Figaro. (5 r. 72 c.). La flûte magique. (5 r. 15 c.). Titus. (5 r. 15 c.).
ROSSINI. Il barbiere di Siviglia. (5 r. 15 c.).

Оперы для фортепiano и пѣнія.

Полное изданіе въ маленькомъ форматѣ.

- ADAM.** Le chalet (Швейцарская Хижина). (4 r.).
BELLINI. Beatrice di Tenda. (4 r. 29 c.). I Capuleti ed i Montechi. (4 r. 29 c.). Norma. (4 r. 29 c.). Il Pirata. (4 r. 29 c.). I Puritani. (4 r. 29 c.). La Sonnambula. (4 r. 29 c.). La Straniera. (4 r. 29 c.).
DONIZETTI. Anna Bolena. (4 r. 29 c.). L'élisir d'amore. (4 r. 29 c.). La Favorite. (5 r. 72 c.). La figlia del regimento. (4 r. 29 c.). Il furioso. (4 r. 29 c.). Gemma di Vergy. (4 r. 29 c.). Lucia di Lammermoor. (4 r. 29 c.). Lucrezia Borgia. (4 r. 29 c.). Linda di Chamounix. (4 r. 29 c.). I martiri. (4 r. 29 c.). Parisina. (5 r. 72 c.).

- HALEVY.** Les mousquetaires de la reine. (7 r.).
MERCADANTE. Il giuramento. (4 r. 29 c.). La Vestale. (4 r. 29 c.).
MEYERBERG. Il crociato in Egitto. (5 r. 72 c.).
NICOLAI. Il templario. (5 r. 72 c.).
ROSSINI. Il barbiere di Siviglia. (4 r. 29 c.). La Cenerentola. (4 r. 29 c.). La donna del Lago. (4 r. 29 c.). La Gazza ladra. (6 r.). L'Italiana in Algeri. (4 r. 29 c.). Moisé in Egitto. (4 r. 29 c.). Otello. (4 r. 29 c.). Semiramide. (6 r.). Le siège de Corinthe. (6 r.). Tancredi. (4 r. 29 c.). Il Turco in Italia. (4 r. 29 c.).
SCHUBERT. Quarante mélodies pour chant et piano. (4 r. 29 c.).
VERDI. Ernani ossia il Proscritto. (6 r.). I Lombardi alla prima crociata. (6 r.). I due Foscari. (6 r.). Nabucodonosor. (5 r.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не предлагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ нихъ всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены).

Въ магазинъ Бернарда получены превосходныя итальянскія струны, которыя продаются по слѣдующимъ цѣнамъ: бунтъ (30 штукъ) лучшихъ четырехъ - жильныхъ, четырехъ - навязныхъ *контра* (6 р.). Одна струна изъ такого бунта (25 к.). Бунтъ лучшихъ *секундъ* (5 р.). Одна струна изъ такого бунта (20 к.). Бунтъ лучшихъ *терцій* (7 р.). Одна струна изъ такого бунта (30 к.). Одинъ парижской скрипичный *басокъ* (25 к.). Одинъ скрипичный *басокъ*, серебряный, шлифованный (60 к.). Одинъ аккордъ *виолончельныхъ* струнъ (1 р. 75 к.). Одна струна *A* для виолончели (30 к.). Одна струна *D* для виолончели (50 к.). Одна струна *G* для виолончели (50 к.). Одна струна *C* для виолончели (75 к.). Одинъ аккордъ *альтовыхъ* струнъ (1 р.). Одна струна *G* для альты (25 к.). Одна струна *C* для альты. (30 к.). Одинъ аккордъ для *шестиструнной гитары* (1 р. 50 к.). Одинъ аккордъ для *семиструнной гитары* (1 р. 70 к.). Одинъ *басокъ* (вѣнской) для гитары (25 к.). Одинъ фунтъ американскаго *камышу* (2 ц. 30 к.). Одинъ фунтъ парижской *канифоли*, отличной доброты (50 к.). Парижской метрономъ (15 р.). Метрономъ съ колокольчикомъ (20 р.). Одинъ фунтъ авглійскихъ стальныхъ струнъ. (2 р. 30 к.).

Въ томъ же магазинѣ была одиннадцатая тетрадь «Нувеллеста», которая содержитъ въ себѣ: Thalberg. Les capricieuses. Valses. — Friedrich. Les adieux. Romance sans paroles. — Wolff. Romanesca — Dameke.

Canzonetta. — Schachner. Le regret. Poësie musicale. — Gross. L'ancien-Galop. — Beyer. Trois airs russes variés. — Burgmüller. Ma brunette. Fantaisie-Polka. — Варламовъ: Ыбси, слова Кольцова. Matinon-tel. La plainte du cœur. — Музыкально-литературное приращеніе. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп.).

Гг. желающіе подписаться на Журналь на 1846 годъ, получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

==

МОДЫ.

Для дамскихъ шляпокъ избраны и будутъ преимущественно въ модѣ два цвѣта: зеленый изумрудный и сѣрый, которые равно хороши въ атласахъ и бархатахъ; форма полей измѣнена тѣмъ, что округляясь, они чуть согнуты къ подбородку; этотъ фасонъ очень милъ и вообще онѣ маленькія. Очень хороши шляпки: зеленого бархата, украшенная также бархатомъ трехъ тѣней: зеленымъ того же цвѣта какъ сама шляпка, свѣтло-зеленымъ и чернымъ; это соединеніе въ перевитыхъ складкахъ и въ бантахъ составляетъ прелестные переливы цвѣтовъ; такимъ же образомъ сибѣшанные, нѣсколько бархатныхъ петель съ полу-распустившимися бутонами розъ приколоты подъ полями; такая шляпка—очарованіе! Еще замѣчательно мила шляпка, также зеленая, верхъ атласный сборками, подбитая вгладь темно-зеленымъ бархатомъ, украшенная маленькими зелеными марабутами, положенными кругомъ тульи гирляндой, оканчивающейся сзади петлями того же атласа и бархата, подъ полями подколоты нѣжнаго цвѣта махровыя розы; завязки изъ бархатныхъ лентъ. Сѣренскія шляпки хороши неразрѣзнаго бархата и атласныя сборчатые. Изъ этихъ достойны вниманія: атласная сборчатая, украшенная темно-фіолетовыми неразрѣзнаго бархата лентами, съ приколотыми подъ полями вѣтками пестрой бархатной зелени; неразрѣзнаго бархата, украшенная букетомъ розъ съ разноцвѣтной бархатной зеленью; внизу подколоты: бѣлыя, розовыя и темныя розы безъ зелени; еще шляпка также неразрѣзнаго бархата, украшенная у тульи однимъ сѣренскимъ перомъ марабу, приколотымъ у тульи въ видѣ гирлянды, оканчивающейся петлями атласныхъ лентъ того же цвѣта; подъ полями розовыя банты атласныхъ лентъ и такіе же завязки. Ро-

зовыя, голубыя и бѣлыя шляпки убираютъ очень легко лентами того же цвѣта и тюлевыми воалями: къ розовымъ розовые, къ голубымъ голубые, что оригинально, мило и нѣжно.

Въ фасонахъ и уборкахъ платьевъ перемѣны не замѣтно, кромѣ-того, что юбки дѣлаютъ короче прежняго; корсажи по-большей части совсѣмъ закрытые и балльные, вырѣзные примѣтно не такъ открыты какъ дѣлали до-сихъ-поръ; рукава вообще гладкіе, иныя у кисти руки даже плотно застегнуты пуговками и обшиты кружевомъ, спущеннымъ на кисть руки.

Мантили бархатныя дѣлаютъ большія и длинныя; покрой ихъ очень простъ: это большая косынка съ округленными концами спереди и сзади, вышитая кругомъ тамбуромъ, шелкомъ того же цвѣта; ихъ обшиваютъ широкимъ чернымъ кружевомъ. Для высокаго роста эти мантили чрезвычайно красивы. Того же покроя пу-де соа дѣлаютъ не такъ длинныя сзади; передніе же концы круглы и длинны; ихъ обшиваютъ кругомъ въ два ряда широкими высѣченными оборками той же матеріи или оборками, вышитыми вгладь легкимъ узоромъ, шелкомъ того же цвѣта, но гораздо темнѣе самой матеріи. Эти мантили также очень милы, визитки какъ нарядъ ловкій и красивый, долго будетъ въ употребленіи. Появились также большія пелеринны; кругомъ почти покрывая талію, онѣ еще обшиваются широкимъ чернымъ кружевомъ; пелерина должна быть непременно одной матеріи съ платьемъ; шарфы примѣчательно хороши: пунцовые и бѣлые кашемировые и сѣрон розовые и голубые; видны также атласные съ затканными бѣлыми бортами.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. Ольхина,

въ С. Петербургѣ на Невскомъ Проспектѣ, противъ
арсенала Аничкова дворца въ домѣ Завѣтнаго, въ
Москвѣ на Тверской въ домѣ Мятлевой

поступили въ продажу:

(ЦѢНА НА СЕРЕБРО).

ЕРАЛАШЪ,

АЛЬБОМЪ КАРРИКАТУРЪ.

М. Неваховича и Пальма.

Четыре тетради въ большой полулистъ, на лучшей бумагѣ.
Спб., 1846. Цѣна 6 руб. Отдѣльно каждая тетрадь по 1 руб.
50 коп.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШЕ ПОХОДЫ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО И СУВОРОВА.

Публичныя лекціи Военной Исторіи, по Высочайшему повелѣнію
читанныя Генеральнаго Штаба подполковникомъ Богдановичемъ,
въ 1846 году, съ шестью картами и планами. Спб., 1846. Цѣна
на лучшей бумагѣ 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

КАРМАННАЯ БИБЛИОТЕКА:

ОСКАНІО.

Digitized by Google

Романъ Александра Дюма. Переводъ съ французскаго. Спб., 1846,

НОВЫЯ ПОДРОБНОСТИ О НОВОМЪ ОГНЕСТРѢЛЬНОМЪ ПОРОХЪ.
Результаты послѣднихъ опытовъ во Франціи, Англіи и Германіи. Самое новое и самое важное открытіе по этому предмету состоитъ въ томъ, что новый огнестрѣльный порохъ надо поскорѣе оставить и забыть: онъ не можетъ служить къ огнестрѣльному дѣлу, изъ чего бы ни былъ приготовляемъ, изъ хлопчатой ли бумаги, изъ пистей ли, изъ мочалки, стружекъ, деревянныхъ опилокъ, или изъ другихъ растительныхъ веществъ.

Лѣтъ шестьдесятъ уже пытаются горячія головы замѣнить обыкновенный порохъ гремучими веществами: надежды ихъ всегда оканчивались разочарованіемъ по поводу слишкомъ многочисленныхъ и слишкомъ важныхъ неудобствъ, представляемыхъ этими веществами. То же самое должно послѣдовать и уже послѣдовало, съ гремучею бумагою, мочалкою, и прочая.

Всѣ опыты, которые доселѣ были дѣлаемы, состояли изъ приготовленія очень малыхъ количествъ гремучей бумаги, хлопчатой или другой, и изъ нѣсколькихъ не частыхъ выстрѣловъ: стоить только испытать приготовленіе въ большомъ видѣ и стрѣлять почаще, чтобы удостовѣриться въ коренной негодности выдумки.

Рецептъ новаго пороху: возьми 10 частей селитры и 6 частей сѣрной кислоты, перегони это извѣстнымъ химическимъ образомъ, который, сказать мимоходомъ, очень непріятенъ и неудобенъ, получишь такимъ путемъ крѣпкую дымящуюся азотную кислоту и помочи въ ней хлопчатую бумагу или просто бумагу.

Или, простѣе: возьми равныя количества продажной дымящейся кислоты азотной и сѣрной, смѣшай ихъ и помочи въ ней хлопчатую бумагу или просто бумагу.

Рецептъ обыкновеннаго пороху: вмѣсто хлопчатой или другой бумаги вмѣсто азотной и вмѣсто сѣрной кислоты, возьми по-

просту углю, селитры и сѣры, веществъ вдвое и втрое дешевле, и получишь огнестрѣльный порохъ. Непонятно, какъ многіе вздумали увѣрять себя и другихъ, будто новый порохъ обойдется не дороже обыкновеннаго! Выигрышь въ силѣ совсѣмъ незначителенъ въ сравненіи съ увеличеніемъ издержекъ, и даже при заготовленіи новаго пороху въ большихъ количествахъ, гдѣ химическая точность и вѣрность дѣйствій невозможны, выигрышу въ силѣ никакого быть не можетъ.

Замѣтимъ кстати, что приготовленіе новаго пороху изъ хлопчатой бумаги, обмакиваемой въ смѣси разныхъ количествъ азотной и сѣрной кислотъ, неосновательно представлено было въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ газетахъ въ видѣ особеннаго способу господина полковника Фадѣева: этотъ отличный химикъ не принималъ никакого участія въ статьяхъ, напечатанныхъ въ некоторыхъ газетахъ; онъ только повторялъ опыты, сдѣланные до него за границую, по рецепту обнародованному въ Россіи. Господина Кнопъ, въ Лейпцигѣ, первый обнародовалъ этотъ рецептъ. Если кому помѣщенное здѣсь въ прошломъ мѣсяцѣ сличеніе новаго пороху со старымъ, относительно къ веществамъ, входящимъ въ приготовленіе того и другаго, показалось неяснымъ, тотъ можетъ устранить всѣ затрудненія своей теоретической совѣсти тѣмъ, что сейчасъ сказано въ рецептѣ стараго пороху: вмѣсто простаго углю, возьми хлопчатой или другой бумаги; вмѣсто простой селитры, возьми азотной кислоты; и вмѣсто простой сѣры, возьми сѣрной кислоты; издержишь денегъ втрое, а получишь... что?... вмѣсто стараго пороху *новый порохъ!*... выиграешь только другое названіе, а дѣло останется то же. Если и это не совсѣмъ ясно, такъ ужъ мы не знаемъ какъ и сказать яснѣе, для успокоенія теоретической совѣсти, что новый порохъ изъ хлопчатой бумаги, или просто изъ бумаги, не что иное какъ способъ потратить много трудовъ и денегъ, чтобы получить результатъ весьма сомнительнаго практическаго достоинства, и котораго важныя неудобства можно предвидѣть заранѣе.

Мало того — помочить бумагу въ смѣсь азотной и сѣрной кислоты: надо, послѣ этого, еще промыть бумагу водою, промыть такъ хорошо, такъ чисто, чтобы она не обнаруживала ни слѣда кислоты: иначе новый порохъ разорветъ ружье. Промывки эти дѣлались донынѣ просто на щепоткахъ помоченнаго въ кислоты растительнаго вещества, и только немногія изъ нихъ, въ рукахъ опытныхъ и искусныхъ химиковъ, достигли вожделѣннаго совершен-

ства. Возможна ли такая совершенная промывка при производствѣ въ большомъ видѣ?... Объ этомъ и думать нечего!

Но положимъ, что вы промыли горы хлопчатой или другой бумаги, горы мочалки или стружекъ, въ совершенствѣ и отлично высушили потомя новый порохъ: стрѣляйте — стрѣляйте бѣлымъ огнемъ — послѣдовательно —

1. Ващъ новый порохъ, который *не даетъ ни малышаго дыму*, даетъ при частыхъ выстрѣлахъ азотистые газы въ количествѣ весьма ощутительномъ для груди.

2. вмѣсто копоти, производимой въ дулѣ старымъ порохомъ, онъ производитъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ столько *воды*, что новый зарядъ или вовсе не зажигается, или бываетъ выброшенъ изъ дула совершенно мокрымъ и только вполонину сгорѣвшимъ. Перѣдко на днѣ дула осаждается еще въ такихъ случаяхъ чистый уголь, то есть, сажа.

3. Старый порохъ, своей копотью, охраняетъ металлъ ружья или пушки, а новый порохъ травитъ желѣзо и мѣдь. Ржавчина и зелень быстро обнаруживаются на желѣзѣ и на мѣди, на которыхъ или съ которыхъ вы сожигаете новый порохъ.

4. Дѣйствуя болѣе быстрою воспламененія чѣмъ количествомъ производимыхъ газовъ, зарядъ новаго пороху иногда уходитъ весь въ запалъ и пуля или ядро остаются въ дулѣ.

5. Новаго пороху достаточно одного золотника на ружейный зарядъ: но сколько мѣста занимаетъ этотъ золотникъ легкаго вещества, которое крѣпко сжимать такъ опасно? Послѣ воды и корчи металла, обширность мѣста требуемаго большими количествами новаго пороху — самое важное его неудобство.

6. Отъ сильнаго удара новый порохъ воспламеняется самъ собою съ трескомъ гремуче-кислой ртути и со всѣми ея опасностями.

7. Отъ сильнаго давленія онъ воспламеняется.

8. При температурѣ кипящей воды онъ воспламеняется.

9. Въ жаркое время, и въ большихъ массахъ, онъ, слежавшись, даже безъ особеннаго давленія, непременно будетъ воспламеняться.

Словомъ, гремучее вещество, что бы ни придумывали и ни изобрѣтали, всегда останется гремучимъ веществомъ и всегда будетъ представлять въ практикѣ его важныя неудобства и страшныя опасности. Огнестрѣльнымъ составомъ оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить — по крайней-мѣрѣ въ той степени,

чтобы замѣнило ударный порохъ. Для взрывовъ, оно, вѣроятно, пригодится.

Какой-то ремесленникъ въ Парижѣ выдумалъ новый порохъ еще новѣе: онъ растворяетъ хлорновато-кислое кали (соль употребляемую для дѣланія огнивъ), мочить въ этомъ растворѣ щетки, стружки, деревянные опилки, и стрѣляетъ ими, говорятъ, такъ же хорошо, и еще лучше, чѣмъ гремучей бумагой.

ВУКВЫ, ОТПЕЧАТАННЫЯ ГРОЗОЮ. Въ наше время, когда такъ много пишуть и хлопочуть о томъ, чтобы искусство превратить въ ремесло съ помощью науки, и физики попеременно прибѣгаютъ къ различнымъ дѣтелямъ природы, то къ теплотѣ, то къ свѣту, то къ электричеству, съ цѣлью придумать, сочинить какую-нибудь *графію*, въ это время, мы думаемъ, не безъ интересу будетъ для многихъ любителей удивительныхъ открытій рассказъ о слѣдующемъ старинномъ происшествіи, который записуемъ мы также изъ одной старой брошюры, изданной Патеромъ Амн въ 1696 году подъ названіемъ *Conjectures physiques sur les plus extraordinaires effets du tonnerre avec une explication de ce qui s'est dit jusqu'ici des trombes de mer.* (Физическія предположенія о самыхъ удивительныхъ дѣйствіяхъ грома, съ объясненіемъ всего что было сказано до-сихъ-поръ о морскихъ смерчахъ.)

«Осмынадцатаго іюля 1689 года громъ ударилъ надъ храмомъ Спасителя въ Ланвь; пятьдесятъ человекъ, присутствовавшихъ въ храмѣ были опрокинуты, равно какъ и всѣ вѣнцы, находившіяся въ алтарѣ. Распятіе осталось невредимымъ, только подставка, на которой оно было укрѣплено, была разбита и сброшена съ мѣста, а самый крестъ припаялся расплавленнымъ желѣзомъ къ престолу.»

Мы пропустимъ здѣсь еще другія удивительныя дѣйствія этого удара грома и перейдемъ теперь къ самому интересному для насъ.

Латинская надпись подъ Тайною Вечерью отпечаталась мгновенно на пленѣ, покрывавшей престолъ, съ небольшимъ только пропускомъ нѣсколькихъ словъ. Именно слѣдующія строки были найдены отпечатанными на покровѣ Престола.

Qui pridie quàm pateritur accepit panem in sanctas ac venerabiles manus suas, et elevatis oculis in coelum, ad te Deum Patrem suum omnipotentem, tibi gratias agens, benedixit, fregit, deditque discipulis suis, dicens: Accipite et manducate ex hoc omnes.

(Здѣсь было пропущено — Hoc est enim corpus meum.)

Simili modo postquam coenatum est, accipiens et hunc praeclarum calicem, in sanctas ac venerabiles manus suas, item tibi gratias agens, benedixit deditque discipulis, dicens: Accipite et bibite ex eo omnes

(Здѣсь опять были пропущены слова: Hic est enim calix sanguinis mei, novi et aeterni testamenti, mysterium fidei qui pro vobis et pro multis effundetur, in remissionem peccatorum.)

Не трудно себя представить, какое волненіе въ умахъ произошло въ то время это событіе.

Ами, какъ видно, человекъ очень образованный и здравомыслящій, не поддакъ чудесному, которымъ было облечено это происшествіе и прежде всего взялъ на себя трудъ изслѣдовать точнѣе всѣ обстоятельства чудеснаго дѣйствія грому.

Слова отпечатались на покровѣ алтаря, говоритъ онъ, совершенно ясно и отчетливо, только краска ихъ была нѣсколько блѣднѣе. Священникъ церкви Спасителя, рассказывалъ Ами, что во время грозы бумага, на которой была напечатана надпись, лежала подъ покровомъ алтаря на камнѣ, гдѣ совершалось обыкновенно Таинство. Отпечатокъ этой надписи на покровѣ совершенно согласовался съ оригиналомъ и въ шрифтѣ и въ порядкѣ буквъ, строчекъ, только слова и буквы въ немъ отпечатались на оборотъ. Пропущенныя слова въ отпечаткѣ, были начертаны въ оригинальной надписи красною краскою.

Ами, слѣдуя естественному философскому влеченію открыть истинную причину этого явленія, старался узнать составъ черныхъ и красныхъ типографскихъ чернилъ и различіе между ними. Красныя чернила, какъ ему сказали, содержали въ себѣ окись ртути и отличались особенно быстрою высыханіемъ.

Принимая въ основаніе эти, повидимому, неважные факты, Ами объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ. Молнія, говоритъ онъ, своимъ давленіемъ отпечатала черныя буквы, пропустивъ красныя по причинѣ ихъ чрезвычайной сухости.

ПЬЕРЪ ПРОЖЕ, МАРСЕЛЬСКІЙ ВАЯТЕЛЬ. — *Статья господина Мерэ.* — Разборъ старыхъ лѣтописей имѣеть очень полезную сторону; онъ самымъ естественнымъ образомъ подаетъ случай выставить на свѣтъ и прославлять извѣстныя лица или извѣстные домашніе факты, которые матеріальными стремленіями вѣка безпечно сталкиваются въ область забвенія. Въ Марсели, городѣ современномъ Тарквиніямъ, есть прошедшее дотога обильное славными

именами, что иногда необходимо выкапывать некоторые, чтобы спросить самих себя, справедливы ли мы были къ этимъ славнымъ покойникамъ, и не обязаны ли сдѣлать что нибудь иное, нежели забывать, чтобы быть признательными.

Вообще, признательность не гражданская добродѣтель. Города бываютъ туны на память; они слишкомъ развлечены шумомъ, какой поднимаютъ. Если когда-нибудь, спустя тысячи дѣтъ, случайно чей-либо голосъ скажетъ городу: «Въ числѣ твоихъ сыновъ были два знаменитые человѣка, Эйтимень и Питеасъ,» городъ вытаращить глаза, подумаетъ, посчитаетъ, и закажетъ мраморщику растрепанную голову Януса, поставитъ ее гдѣ-нибудь въ уголку, и квитъ съ Эйтименомъ и Питеасомъ, которые дожидались бюста двѣ тысячи лѣтъ. Французъ пылокъ и скоръ; но въ дѣлѣ признательности ему нужны двадцать вѣковъ на размышленіе. Многие изъ Французовъ не знаютъ, что одинъ знаменитый врачъ, Крипіасъ, родившійся въ Марсели, нажилъ огромное состояніе въ Римѣ, и употребилъ это состояніе на постройку башенъ и стѣнъ для защиты Марселя. Именно эта ограда оборонила городъ въ достопамятную осаду 1524 года. По смерти Крипіаса, ему поставили небольшой монументъ и бюстъ на краю города. Разъ, по сосѣдству памятника, на что-то новонадобились камни, монументъ заблагоразсудили разломать на камни, и бюстъ Крипіаса исчезъ вмѣстѣ съ его именемъ. Теперь нѣтъ и слѣдовъ славнаго врача, который подарилъ крѣпостныя стѣны родному городу. Улицы назывались всякими именами, даже такими, которыя произнести совѣтно; никто не подумалъ назвать какую-нибудь улицу по-имени этого врача. А между тѣмъ это родъ признательности самый легкій и самый неубыточный для городской казны. Во Флоренціи, благодарномъ и памятливомъ городѣ, поставлены статуи всѣмъ великимъ людямъ прошедшаго времени, и, на Соборной Площади, красуются двѣ колоссальныя статуи Арнульфи и Брунеллески. Во Франціи, обыкновенно забываютъ; а если вспомнятъ случайно, то закажутъ доморощеному мраморщику вытесать какой-нибудь бюстъ. Судя по знаменитостямъ своего древняго и чудеснаго прошедшаго, Марсель долженъ бы имѣть цѣлое племя статуй. Онъ заплатилъ свой долгъ умершимъ нѣсколькими бюстами. Французская признательность экономна. Такъ, благо мы платимъ бюстами за безсмертныя заслуги, тщетно станемъ искать бюстовъ великихъ марсельскихъ философовъ, любимыхъ Цезаремъ и Цицерономъ, великихъ гражданъ, которые смочили своей кровью

Брешь Конетабля, или мучениковъ, которые пожертвовали жизнью за вѣру или человечество, начиная съ волтеля Виктора до священника Бельзѣиса. Всѣмъ на долю полное забвеніе. Приискали какую-то темную, узкую, грязную улицу, и написали на-углу съ орфографической ошибкою имя Бельзѣиса. Еще герой, которому сходно заплачено. У Эскихъ Воротъ есть триумфальная арка; скульпторы поставили на ней много Славъ, много Побѣдъ, много аллегорій, съ металлическими трубами; тамъ воспѣты въ каменныхъ строфахъ германскія и египетскія битвы; работа конечно прекрасная, и сюжеты выбраны отлѣчно, все такъ; но, при той страсти къ забывчивости, которая составляетъ по преимуществу марсельской пороки, не вздумали вырѣзать ни малѣйшей аллегорической фигуры, на западномъ фасадѣ, на томъ который осыпается пылью Дамскаго Бульвара, гдѣ произошло самое достопамятное событіе марсельскій исторіи. Очень похвально вспоминать геліопольскую битву на одной страницѣ триумфальной арки; но это припоминаніе не должно быть во вредъ сорока марсельскимъ битвамъ, происходившимъ на той самой почвѣ, гдѣ стоитъ триумфальный монументъ. Будемъ надѣяться, что Мехмедъ-Али велитъ гдѣ-нибудь на пирамидахъ или на какомъ-нибудь геліопольскомъ обѣлискѣ вырѣзать домашніе подвиги Марсельцовъ. Такимъ образомъ французскій пантеонъ, который могъ бы быть богатѣйшимъ въ свѣтѣ, ограничивается нѣсколькими бюстами. Есть бюстъ Гомера, бюсты Эйтимена и Питеаса, бюстъ Вильнёва, бюстъ Бонапарте и бюстъ Пюжѣ.

Если хотите, я понимаю бюсты въ память нѣкоторыхъ великихъ людей гражданскаго или военнаго сословія. Но бюстъ Пюжѣ, бюстъ ваятелю колоссальныхъ статуй, кусокъ камня французскому Фидіасу! О! тутъ скряжничество получаетъ преступный видъ, отъ котораго краска выступаетъ на лицо, потому что всякій долженъ сознать себя участникомъ этого предосудительнаго дѣла. Художникъ-гигантъ, который создалъ Милона Кротона, Андромеду и Святаго Себастіана, получилъ въ награду каменную рожу на водопоѣ въ своемъ родномъ городѣ! Да, тутъ можно похвастать достоинствомъ Фокеля!.

Несчастный Пюжѣ! Дорого заплатилъ онъ при жизни за грѣхъ геніальности! По-крайней-мѣрѣ хоть бы по-смерти пощадилъ его отъ униженія награды бюстомъ. Онъ грезилъ славою родной страны; онъ угадывалъ будущность Марсея: онъ понималъ, что этотъ городъ вырастетъ, и вызывался убраться его какъ королевскую галерею. Разъ, онъ явился къ эшвелу Террюсу, и

сказалъ ему: «Марселю нужна биржа достойная огромной торговли, какая ожидается городъ въ будущемъ; нуженъ великолѣпный дворецъ для помѣщенія ея сыновъ, торгующихъ съ цѣлой вселенной. Вотъ мой планъ: биржу я построю на южной набережной гавани; дамъ ей три перистыя колонны, въ промежуткѣ колоннъ поставлю статуи. За всю эту работу я не требую ничего; я сдѣлаю ее для славы моей родины; сдѣлаю даромъ, какъ дѣлаю дома такой-то и такой-то для городского употребленія. Марсель современемъ будетъ первымъ торговымъ городомъ въ мірѣ: пусть же его биржа будетъ самой великолѣпной на свѣтѣ.» Эшвенъ Террюсъ, долго качалъ головою съ наглымъ и глупо-насмѣшливымъ видомъ, причиннымъ торговой площади, и, задушивъ принужденный хохотъ, попросилъ Пюжэ оставить его въ покоѣ.

Пюжэ въ отчаяніи сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ Геную. Глядя на тамошнія улицы, превращенныя въ мраморныя палаты италянскими архитекторами, онъ думалъ о Марселѣ, и не понималъ какъ Марсель не положилъ ему въ руку рѣзца, подобно какъ Генуя сдѣлала съ Тальяфокко, съ Фонтаной, съ Бартоломео Гирри, съ Филиппомъ Карлоне. Онъ составлялъ планы для своего милаго города, тѣмъ съ бѣльшею надеждою на этотъ разъ, что генуэзское дворянство и духовенство прославила его гений и заказывали ему богатыя работы. Но Пюжэ хотѣлъ не того; единственнымъ честолюбіемъ его было, какъ онъ говорилъ, трудиться для Марселя, съ кускомъ чернаго хлѣба и водою отъ Медузъ. Изваявши въ Генуѣ своего Святаго Себастіана, которымъ красуется теперь церковь Кариньяно, онъ возвратился на родину, и, съ челомъ повитымъ италянскимъ вѣщомъ, съ генуэзскими пальмами своего Себастіана въ рукѣ, явился вторично къ эшвену Террюсу.

— *Sia mai aqui, monsa Puget*, «Это вы опять, мосѣ Пюжэ!» сказалъ ему эшвенъ.

Немпожко сконфуженный пріемомъ, великій художникъ открылъ свои картоны и раскинулъ планы. Онъ парисовалъ свою чудесную биржу и монументальную набережную; пополнилъ сосѣднія городскія зданія; разложилъ наконецъ цѣлый рядъ очерковъ, представляющихъ статуи всѣхъ великихъ людей; уроженцевъ Марселя, начиная съ временъ Тарквинія-Древняго.

Эшвенъ повторилъ свой дѣловой смѣхъ и свои пожиманья плечами, и удостоилъ только косвеннаго и презрительнаго взгляда картоны Пюжэ.

Работая даромъ, артисту не нажитья. Пюжэ былъ бѣденъ, но

нищета не столько его огорчала, сколько презрѣніе эшвена Террибеса. «Но-крайней-мѣрѣ, писалъ онъ къ эшвену, по-крайней-мѣрѣ дайте мнѣ кусокъ мрамору, я вамъ сдѣлаю что-нибудь; пусть не говорятъ, что Пюжѣ изъ Марселя не сдѣлалъ ничего для Марселя.»

Эшвенъ Террибесъ находилъ, что мраморъ дорогъ, и, какъ тулонскій эшвенъ, предложилъ Пюжѣ бѣлаго камня.

Послѣ многихъ лѣтъ горя и неудачъ, несчастный художникъ получилъ наконецъ кусокъ мрамору, присланный для образчика одному фабриканту каменныхъ, и который эшвенъ Террибесъ копировалъ, потому-дескать, что онъ загоразивалъ дорогу на улицѣ Ферра.

Городское начальство сказала Пюжѣ: «Марселю очень пріятно сдѣлать наконецъ что-нибудь въ вашу пользу. Вотъ вамъ мраморъ, и когда половина работы будетъ кончена, вы получите пятьдесятъ турскихъ ливровъ».

Пюжѣ началъ свой барельефъ «Чума въ Миланѣ», единственное произведеніе, которое имѣетъ Марсель отъ своего Фидіаса.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ великихъ вещей, какія Пюжѣ задумывалъ для роднаго города, подъ рѣзцомъ у него оставалась только мраморная плита, которую онъ могъ обдѣлать. Въ условленный срокъ онъ явился къ городскому казначею за обѣщанными пятидесятью ливрами. Казначей сказалъ ему, что въ казнѣ нѣтъ денегъ, по причинѣ отмѣны налога на вино.

Но городъ вошелъ не въ одинъ этотъ долгъ передъ Пюжѣ. Художникъ, выведенный изъ терпѣнія столькими отказами и несправедливостями, потребовалъ отъ города уплаты себѣ какъ архитектору двухъ городскихъ зданій, и погрозилъ жаловаться въ парламентъ. Эшвенъ Террибесъ призвалъ Пюжѣ, и сказалъ ему по-провансальски: «Вы безпокойный человекъ, мосьѣ Пюжѣ; случись у насъ, оборони Богъ, четверо такихъ мраморщиковъ на рукахъ, вамъ покою не будетъ отъ васъ».

— Милостивый государь, отвѣчалъ артистъ съ тѣмъ простымъ достоинствомъ, которое свойственно гениальнымъ людямъ: я разговаривалъ лицомъ къ лицу съ Людовикомъ-Четырнадцатымъ, который обласкалъ меня; я обѣдывалъ у министра Кольбера и у генуэзскаго дожа, а до-сихъ-поръ не добьюсь привѣтливаго слова отъ земляковъ; со мной обходятся здѣсь, какъ съ Генуэзцемъ или Понантеземъ. Пора этому кончиться. Знаете ли вы, господинъ эшвенъ, что въ Версали король сказалъ мнѣ на маломъ выходѣ: «Мосьѣ Пюжѣ, послѣ обѣда, будьте у бассейна Латоны,

и пойдомте вмѣстѣ поглядѣть вашу Андромеду и вашего Миллона, о которыхъ мы слышали много хорошаго.» Такъ и сдѣлалось. Пела этого платья, господинъ эшвенъ, была рядомъ съ королевскимъ платьемъ; вокругъ насъ было больше двадцати прекрасныхъ дамъ въ платьяхъ достойныхъ королевы, и всѣ говорили мнѣ съ ангельскими улыбками: «Мосё Пюжѣ, вы великій скульпторъ, и его величество очень доволенъ вами». Вы еще не знаете этого, господинъ эшвенъ?

Эшвенъ, испугавшись громкихъ словъ—король, Версаль, величество, пересталъ смѣяться, и походилъ на приговореннаго, котораго участь готова рѣшиться. — Успокойтесь, успокойтесь, мосё Пюжѣ, сказалъ онъ. Мы знаемъ, что король обласкалъ васъ въ Версали; но что намъ дѣлать? городъ бѣденъ, изнуренъ, доходовъ не имѣетъ, весь въ долгу; у насъ нѣтъ ни лиара. Потерните.

— Города всегда находятъ деньги, когда потрудятся поискать ихъ, господинъ эшвенъ, сказалъ Пюжѣ. Города имѣютъ хорошій кредитъ, потому что они не умираютъ и дѣти платятъ за отцовъ изъ поколѣнія въ поколѣнiе, хоть до окончанiя свѣта.

— Послушайте, мосё Пюжѣ, сказалъ эшвенъ, я хочу сдѣлать вамъ одно предложенiе.

— Извольте, господинъ эшвенъ, слушаю ваше предложенiе.

— Есть ли у васъ собственный домъ, мосё Пюжѣ?

— Если бъ у меня былъ собственный домъ, господинъ эшвенъ, я не пришелъ бы къ вамъ за пятидесятью ливрами, а продалъ бы мой домъ.

— Видите ли, мосё Пюжѣ, признайтесь, что у васъ плохое ремесло. Ваша братья, сами знаете, всѣ умираютъ въ богадѣльнѣ.

— Оттого, господинъ эшвенъ, что есть слишкомъ много вашей братья, которые не умираютъ въ богадѣльнѣ.

— Такъ вотъ, мосё Пюжѣ, сдѣлаемте же полюбовно. У насъ есть кое-гдѣ земли на продажу или на отводъ; не хотите ли нѣсколько тоазовъ земли, чтобы постропть себѣ домъ? А камня какъ вамъ не найти.

— Могу я выбрать землю, господинъ эшвенъ?

— Э! мосё Пюжѣ, это невозможное дѣло; берите то, что мы дадимъ. Я очень радъ бы предложить вамъ тоазовъ двадцать квадратныхъ въ лучшихъ кварталахъ, но тамъ городъ ничѣмъ не владѣетъ; тамъ все дорого, жѣтся. Вчера, въ Консульской улицѣ, продали землю по одному эку за тоазъ. Покушникъ сдѣ-

мнѣ грустно, но онъ надѣется, что цѣна поднимется, если миръ продлится еще года три. У насъ есть земля въ Римской улицѣ: кварталъ шлюхой; но свирѣпшемъ получить нѣкоторую цѣнность, когда обогрится по-лучше. Согласны ли вы взять земельку въ Римской улицѣ, мосьё Пюжэ?

— Господинъ эшвенъ, сказалъ Пюжэ, подумавъ: лучше нѣсколько тразовъ земли, нежели ничего. Я согласенъ....

— Значить, вамъ заплачено за все.

— За все, исключая моего берельефа «Милацкая чума».

— Хорошо! за эту вещь вы получите сто ливровъ.

— Если бъ я продалъ эту вещь, какъ вы ее называете, генуэзскому дожу, господинъ эшвенъ, я получилъ бы за нее три тысячи экю.... Да! не усмѣхайтесь, господинъ эшвенъ.... Я отдаю мою работу даромъ.... но всё-равно.... по-крайней-мѣрѣ, передъ смертью, я оставлю Марселю барельефъ, если Марсель не хочетъ мнѣ заплатить ни за одну статую.

— Мосьё Пюжэ, сказалъ Эшвенъ съ отеческимъ видомъ, дать ли вамъ добрый совѣтъ?

— Пожалуй, совѣты не убыточны, господинъ эшвенъ.

— На вашемъ мѣстѣ, мосьё Пюжэ, я бросилъ бы это ремесло, съ которымъ умрешь съ-голоду, и выбралъ бы какое-нибудь званіе. Теперь, въ Марсели много строятъ; ступайте въ архитекторы, бросьте ваши статуи, которыя вамъ стоить много труда, и которыхъ никто не покупаетъ. Мнѣ кажется, мосьё Пюжэ, для самихъ васъ теперь дѣло ясное. У насъ въ Марсели есть двѣсти домовъ, которые торгуютъ съ Левантомъ и съ Индіею и всё очень богаты; заказалъ ли вамъ хоть одинъ изъ нихъ какую-нибудь статую?

— Ни одинъ не заказывалъ, господинъ эшвенъ.

— Тридцать лѣтъ вы навязываетесь Марселю съ вашими статуями; въ тридцать лѣтъ купилъ ли городъ хотя одну?

— Ни одной, господинъ эшвенъ.

— Ну, видите ли, мосьё Пюжэ, значить ваше мраморное ремесло ничего не стоитъ, потому что никому не нужно.

Пюжэ испустилъ тяжелый вздохъ изъ своей мраморной груди, и сказалъ:

— Ваша правда, господинъ эшвенъ, виноватъ я самъ; послушаюсь вашего совѣта, пойду въ каменщики.

Эшвенъ поглядѣлъ съ торжествующимъ видомъ, а Пюжэ ушелъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

«Счастливицы, думалъ онъ, великіе скульпторы Италіи, Микель-

Анджело, Донателло, Лука дела Роббья, Филиппъ Карлоне! они находили просвѣщенныхъ панъ, щедрыхъ принцевъ, богатыхъ горожанъ любителей, которые платили имъ за ихъ мастерскія произведенія, а я тридцать лѣтъ добиваюсь отъ Марселя глыбы мрамору, и не могу получить пятидесяти ливровъ за барельефъ въ три тысячи экю!

Склонивъ голову подъ бременемъ такихъ несправедливостей, великій художникъ шелъ къ набережной, поглядывая на темные и грязные переулки, которые упираются въ гавань и на ряды бѣдныхъ избушекъ, которыя расцѣлились на солнцѣ и безобразно тянулись по берегамъ, гдѣ приставали корабли. Если бы гениальному марсельскому зодчему дали способъ осуществить его мечты, онъ постолкалъ бы пальцомъ эти неблагородныя груды избушекъ; настроилъ бы изящныхъ домовъ, воздушныхъ портиковъ, пышныхъ колоннадъ, архитектурныхъ линий, ясныхъ какъ горизонтъ полуденнаго неба; населилъ бы статуями эти каменные зданія, навѣшалъ бы садовъ, цвѣтовъ, на этихъ южныхъ карнизахъ, защищаемыхъ отъ сѣвернаго вѣтру, и лѣгкихъ вѣчной весною; смелъ бы ногою эти гадкія улицы стараго города, гдѣ нѣтъ ни свѣту, ни воздуху, гдѣ жизнь изнемогаетъ въ сырыхъ потьмахъ, гдѣ чума двадцать разъ губила бѣдныхъ обывателей на ихъ печальныхъ одрахъ. Въмѣсто этихъ антихристіанскихъ уродливостей, Піерръ Пюже желалъ построить и раскрыть дивныя приморскія созданія Клода Лоррена; перистилл сіяющіе лучами и расцвѣченныя небесной лазурью; великія ливніи идеальной архитектуры; церкви съ чешуйчатыми куполами изъ цвѣтнаго мрамору; широкія лѣстницы, купающіяся въ голубыхъ водахъ; гондолы, полныя цвѣтовъ, музыки и женщинъ; словомъ, все прелесть, какія художникъ можетъ развить въ вождѣлѣнныхъ странахъ, гдѣ его твореніе сочетается съ моремъ, солнцемъ, весельемъ, чудеса, которыя вѣчно остаются погребенными въ ничтожествѣ, когда глупый человѣкъ упорно отрекается отъ чести служить сотрудникомъ природѣ.

Съ выпрепленныхъ высотъ мечты, Піерръ Пюже спустился на ту землю, которую городъ отвелъ ему для постройки дома. Актомъ, явленнымъ у маклера Рампена, Пюже сдѣлался владельцемъ нѣсколькихъ тоазовъ земли, данной ему отъ городскихъ щедротъ, на перекресткѣ улицъ Римской и Палюдской. «Обработали дѣльцо,» говорилъ эшвенъ Терривъ, потирая руки.

Раздвинувъ до натуральныхъ предѣловъ руки и ноги, Пюже обнималъ всю обширность земли, которую далъ ему городъ.

«Только-только-что въ черу поставятъ птичью клетку,» думалъ онъ.

Однако жъ Пюжэ, за отсутствіемъ способовъ на образцовыя творенія, имѣя только это одно средство завѣщать колкую мону-ментальную эпиграмму родному городу, мастерски воспользовался своей землицей и своей клеткой. Онъ занялъ камня у сосѣдей, строившихся въ Римской улицѣ, и самъ себя выстроилъ, благороднѣйшей изъ каменщицкихъ лопатокъ, прелестный домикъ, каменную игрушку, клетку художника, съ лѣстницею такъ удачно пригнанной, что она не занимаетъ ни крошечки мѣста въ домѣ; только гениальный архитекторъ могъ сдѣлать лѣстницу на землѣ, гдѣ и для дома нѣтъ мѣста. Построивъ свою клетку, Пюжэ выдолбилъ нишу подъ кровлею, и вставилъ туда голову Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ: то былъ символъ для прохожихъ и утѣшеніе для артиста.

«Въ Тулонѣ, говорилъ Пюжэ, по-крайней-мѣрѣ эшвены позволяли мнѣ выстроить на мой счетъ прекрасный фонтанъ на Свѣтлой Площади, и дали двѣ глыбы блага камня, чтобъ изсѣчь двѣ вѣриатиды; съ этими глыбами я умѣлъ отметить за себя и изваять подъ публичнымъ балкономъ двѣ гадкихъ фигуры монаховъ тулонскихъ эшвеновъ; но здѣсь, въ Марселѣ, не дадутъ и такого камня, чтобы сдѣлать карриатуру марсельскаго эшвена, который не платитъ мнѣ за мой барельефъ «Чума въ Миланѣ».

Увы! за барельефъ никогда не было заплачено. Художникъ покинулъ половину своей мысли въ тайнахъ нетронутаго мрамору; а въ такомъ видѣ это мастерское твореніе дошло до насъ; неполная картина, вышедшая изъ рукъ могучаго артиста, который докончилъ все въ своей жизни, кромѣ единственной работы, которую заказалъ ему родной городъ и не заплатилъ. Домикъ Пюжэ еще исполненъ домашнихъ огорченій великаго человѣка, и, когда обязательность нынѣшняго хозяина позволяетъ посѣтить его, то чувствуешь сжатіе сердца и припадокъ унынія, которые служатъ лучшей надгробной рѣчью, какая можетъ быть произнесена въ честь благороднаго ваятеля.

Но смерти Пюжэ, городъ не купилъ его дома, проданнаго съ аукціона за двѣ тысячи семь сотъ франковъ. Безвѣстный покупатель этой драгоценности сломалъ крышу и продалъ за двѣнадцать тысячъ голову Спасителя.

Столько поруганій, считая въ томъ числѣ и посмертныя, заслуживали торжественнаго и публичнаго вознагражденія. Столѣтъ отсрочивалось это вознагражденіе, но наконецъ настало.

Разъ, передъ домоу Пюжэ остановились одинъ камоньеркъ и одинъ мраморщикъ. Эти двое рабочихъ поставили осколокъ мрамора на водопоу лошадей и бѣшеныхъ собакъ, а на осколкѣ изобразили, при ржаніи пьющихъ четвероногихъ, рожу съ гримасами и морщинами, а подъ нею надпись: Пьерръ Пюжэ. Таково было вознагражденіе, примирившее тѣмъ великаго человека съ его роднымъ городомъ. Это-то вознагражденіе слѣдуетъ нынче вознаградить; намъ предстоитъ еще воздать честь памяти гениальнаго скульптора, котораго мы надѣлимъ нищетоу при жизни и оскорбленіемъ по смерти.

СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНИСТЫ. — АЛЕКСАНДРЪ ДЮМА. — Статья Ипполита Кастилья. — Можетъ-быть, критика имѣла бы право поступить строго въ отношеніи къ Александру Дюма, плодовитѣйшему романисту въ мірѣ; но Дюма, пожалуй, отвѣчалъ бы ей: «Критика, что тебѣ отъ меня надо? Я пишу не для тебя. *Rassemblez!* нашъ братъ дворянинъ.....» и тому подобныя милыя родомонтады въ ариостовскомъ вкусѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда же Александру Дюма, великому разсвѣтелю и разрубителю книгопродавцевъ и журналовъ, коптятъ надъ книгами, и въ бѣлѣзни рождать творенія зрѣлыя и перезрѣлыя.

Отнюдь не являясь строгими къ Дюма, будемъ съ нимъ совершенными добряками, обойдемся, какъ всѣ съ нимъ обходятся, какъ съ истымъ баловнемъ фѣльстона. Однако жъ, благо въ основаніи этой школьничьей рѣзвости, этихъ милыхъ шалостей, играетъ, какъ вьюнъ въ травѣ, истинное достоинство, то мы по силѣ и возможности выведемъ его на свѣжую воду, и составимъ его натуральную исторію.

Ищу и не прищу слова, которымъ бы можно характеризовать талантъ Александра Дюма. Дѣло мудреное, потому что талантъ этотъ не похожъ ни на строфу Виктора Гюго, ни на главу Бальзака; его не размотришь; и оттого-то сейчасъ мы сравнили его, немножко тривиально, съ вьюномъ. Въ самомъ дѣлѣ, животное юркое: кажется, увидѣлъ его, не тутъ-то было, оно пропало; поймаешь, оно ускользнуло. Неосвязаемѣ струи дыму, обманчивѣ благовопія. Словомъ, талантъ тутъ скорѣе въ человѣкѣ чѣмъ въ писателѣ, скорѣе въ темпераментѣ чѣмъ въ мысли, скорѣе въ цѣломъ чѣмъ въ подробностяхъ.

Насилу-то поймалъ я слово, которое мелькнуло у меня въ умѣ: «Александръ Дюма отличается можетъ-быть качествами, которыхъ не имѣеть.» Съ перваго взгляду, оно покажется, пожалуй,

ироническимъ или парадоксальнымъ ; однако я сейчасъ докажу, что это чистая и безхитростная истина.

Если бѣ Дюма обладали тѣмъ высокимъ литературнымъ достоинствомъ, которое находимъ почти у всѣхъ великихъ мастеровъ драмы и романа отъ временъ Людовика-Четырнадцатаго до нашихъ дней, онъ не написалъ бы огромной и восхитительной путаницы, стяжавшей ему самый громкій его успѣхъ: «Монте-Кристо.» Онъ не искажалъ бы безпрестанно и неопозволительно исторіи, чтобы приспособить ее къ «фэльтонному» вкусу. Въмѣсто «Трехъ Мушкетеровъ», которые привели ему много денегъ и много славы, онъ написалъ бы еще какой-нибудь копотливый томикъ въ родѣ «Хроникъ времени Карла-Девятаго» одной изъ тѣхъ книгъ, которыми дорожатъ только грамотные люди.

Можно, коли на то пойдетъ, обходиться безъ истины въ смыслѣ дѣйствительности, но есть здравый смыслъ, который я хочу находить даже въ бреду фантазій, здравый смыслъ, который останавливается у бездны излучистую походку этой полоумной богини, здравый смыслъ, который свѣтитъ фаросомъ среди густаго мраку у Гомава. Дюма опьяняется, падаетъ въ пропасть, теряетъ изъ виду фаросъ.... и, удивительная вещь, въ паденіи-то и находитъ элементъ своего успѣху! Вотъ задача: онъ владѣетъ искусствомъ вставать въ тотъ же мигъ какъ оступился. Изъ мраку сверкаетъ молнія, колдунъ Дюма вылетаетъ на своемъ помелѣ, и, глядь, ужъ онъ несется по воздушнымъ высямъ.—Чтобы лучше высказать мою мысль, скажу, что Александръ Дюма похожъ на пѣшехода сконфуженнаго паденіемъ и встающаго такъ проворно, что пеловкость его забывается зрителями. Если бѣ у Александра Дюма было настоящее литературное чувство, стали бы онъ то-и-дѣло прыгать и скакать между самыми страшными трудностями романа? На меня онъ производитъ то же дѣйствіе, какъ фигляръ, пляшущій съ завязанными глазами между дюжиною лицъ.—Дюма видитъ лица и перескакиваетъ черезъ. Литераторъ, съ чувствомъ, о которомъ мы говоримъ, не отважился бы на такую пляску, изъ опасенія промаху, либо прыгалъ бы добросовѣстно зажмури глаза, и разрѣшалъ бы трудность такъ или иначе.

Я думаю, Александръ Дюма никогда не претендовалъ на обладаніе этимъ литературнымъ достоинствомъ, превозносимымъ у бѣднаго Боалё, надъ которымъ всѣ мы болѣе или менѣе смѣялись: Стихъ сатирика прервался для него на первомъ словѣ:

« Спѣшите *.... » и онъ спѣшитъ. Если бы «си» — вѣроятно колыбель Александра Дюма окружали благодѣтельные «си» — если бы «си», одарившія его счастливыми недостатками, надѣлили его тѣмъ мудрымъ качествомъ, о которомъ мы говоримъ, онъ не наводилъ бы въ нѣсколько лѣтъ фѣлетона и книжной торговли тысячами брызгъ своего воображенія; не нажилъ бы въ нѣсколько лѣтъ капитала, европейскаго имени и репутаціи величайшаго зарабатывателя денегъ во всей Франціи и Наваррѣ. — Миѣ Александръ Дюма кажется одержимымъ литературной водяною; журналы выкачиваютъ его ежедневно, а всё не могутъ выкачать до суха.

Не простираю дальше перечня многочисленныхъ качествъ, которыхъ недостаетъ Александру Дюма, и которыхъ отсутствіе условливаетъ его успѣхъ. Я обѣщалъ быть снисходительнымъ. Съ меня довольно доказать, что я не имѣлъ и мысли о парадоксѣ, говоря: «Александръ Дюма часто отличается качествами, которыхъ въ немъ нѣтъ.»

Разовьемъ теперь мысль упомянутую вскользь въ началѣ статьи. — Мы сказали, что талантъ Александра Дюма находится больше въ его темпераментѣ нежели въ мысли. Какъ ни странно кажется подобное мнѣніе въ дѣлѣ литературной критики, оно можетъ быть справедливо. Вотъ на какихъ наблюденіяхъ оно основано.

Александръ Дюма едва вступаетъ въ тотъ возрастъ, когда волосы начинаютъ серебриться, а уже загрозоздиль Францію и иностранныя земли своими литературными произведеніями; уже водилъ блестящую мантию своей прозы и римскія сандалии своего александрійскаго стиха по всѣмъ сценамъ столичныхъ театровъ. Онъ не только не замедляетъ своего хода, но, кажется, ускоряетъ его день-отъ-дня. Чтò жъ, неужели вы думаете, что для писателя нужно только имѣть неистощимое воображеніе и проворные пальцы? Нужно еще нѣчто, нужно крѣпкое здоровье! удивительное здоровье! Александръ Дюма пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ, и вотъ одинъ изъ великихъ секретовъ его таланта.

Знаю, что это не вполне передаетъ значеніе слова *темпераментъ*, и можетъ-быть читатель ожидалъ, что мы прямо возьмемся за этотъ вопросъ; но, намъ кажется, было бы немножко ребячествомъ касаться въ литературномъ дѣлѣ фактовъ чисто физиологическихъ. Довольно, если мысль наша понятна. Наука о связи физической природы съ моральною обширна и трудна. Мы скажемъ только, что, для основанія нашего мнѣнія объ особенномъ

* Hâtez vous lentement — спѣшите медленно.

характеръ таланта Дюма, мы терпѣливо переплывали разсужденіе Кабаниса: «О вліяніи темпераментовъ на происхожденіи идей».

Какъ бы ни былъ усовершенъ долгимъ навыкомъ механизмъ мысли, мудроно понять, когда идея успѣваетъ образоваться въ головѣ Александра Дюма. Мысль у этого писателя, кажется мнѣ скорѣе смѣшаннымъ и непрерывнымъ испареніемъ, чѣмъ той твердой кристаллизацией, о которой говоритъ Стендаль. Идеи (видоз образъ), уродны разнообразны по формѣ и цвѣту, пляшутъ воровнымъ хороводомъ въ туманной атмосферѣ, поднимающейся изъ черепа разскащика.

Сверхъ-того въ карьерѣ Александра Дюма есть двѣ очень различныя фазы, и не мѣшаетъ отмѣтить каждую изъ нихъ особымъ цвѣтомъ. Первая есть его золотой вѣкъ въ фигурномъ значеніи слова; тогда родились «Генрихъ-Третій» и «Калигула», о которыхъ будемъ говорить дальше; вторая его серебряный или денежный вѣкъ въ собственномъ смыслѣ; тогда онъ произвелъ эти три или четыре томовъ романовъ. Есть и третій вѣкъ, вѣднѣй, признайте въ фигурномъ или собственномъ значеніи, какъ угодно, потому что онъ не производитъ ничего.... кромѣ вѣской монеты. Счастливецъ Александръ Дюма вѣрно никогда не извѣдаетъ того страшнаго вѣка, который фортуна посылаетъ большей части великихъ игроковъ и великихъ артистовъ. Этотъ артистъ не увидитъ, подобно столькимъ другимъ, своихъ собственныхъ похоронъ; думаю такъ, надѣюсь.

Чуть-было не забылъ. Разлагая волокнистое животное, которое я называлъ талантомъ Александра Дюма, я описалъ только его любопытный организмъ; но есть жизненное начало, душевность, анимизмъ, о которомъ я не говорилъ. Не оставимъ его безъ вниманія: отъ него-то исходитъ вся чувствительность, вся моральная дѣятельность, вся настоящая жизненная сила. Мудрено ли, что назначеніе этого начала стремится у Дюма къ роковой цѣли, — счастью.

Подобно древнему тирану, который отыскалъ свой перстень въ желудкѣ рыбы, если бѣ Александръ Дюма кинулъ свою рукопись въ море, то онъ отыскалъ бы ее напечатанною внизу листовъ *Constitutionnel* или *Journal des Débats*. Не ужасное ли счастье?

Моральная безпечность Александра Дюма привела его къ литературной безпечности, а оттуда, по тихому скату, вывела на

большую дорогу сотрудничества. Нынче это сотрудничество не тайна, слѣдовательно, можемъ говорить объ немъ свободно.

Не обсуживая здѣсь степени таланта разныхъ сотрудниковъ Дюма, необинусь припишемъ самую знатную долю достоинства тому, чье имя выставляется на твореніяхъ. Надо не имѣть въ себѣ обширныхъ запасовъ энергій, надо особливо не имѣть самолюбія столь необходимаго артисту, чтобы отвергнуться себя до такой степени. Каково дѣлать себя бронзою для отливки чужой статуи! Сотрудникъ, который не раздѣляетъ съ товарищемъ труда, чести и извѣстности, долженъ въ глубинѣ сердца питать глубокую и горькую зависть къ человѣку, который привлекаетъ такимъ образомъ на свою голову всѣ лучи славы, а его оставляетъ въ тѣни. Кто измѣритъ бездны безсмысленной зависти? Въ аду, если адъ похожъ на грезившійся Данту, безвѣстные сотрудники будутъ вѣчно глотать черепъ своего вампира. Пусть утѣшатся они этой надеждою!

Ни мало не выигрывая отъ сотрудничества, по нашему разумѣнію, каждый что-нибудь въ немъ теряетъ. Самъ дающій свое имя труду отрывается тутъ отъ значительной части своей литературной личности, соглашаясь давать чужому перу исполнять свою мысль. Сотрудничество въ литературѣ есть признакъ упадка. Геніальный человѣкъ не станетъ сотрудничать. Не видать сотрудничества въ великихъ поэтическихъ собраніяхъ; но оно начинается примѣчаться въ романѣ, и царитъ самодержавно на водевильныхъ и мелодрамныхъ театрахъ: тамъ низшая ступень литературы. Человѣкъ съ крѣпкимъ мозгомъ не имѣетъ нужды, для отливки золота своей мысли, чтобы мастеръ сценической постановки служилъ ему матрицею.

Но Александръ Дюма не совершенно геніальный человѣкъ; геній бываетъ воздерживѣе. Его умъ похожъ на страшнаго повѣсу, беззаботнаго, покрытаго великолѣпною мпшурою, исполненнаго юности, богатства, сладкихъ словъ, который несетъ, разсѣвая деньги, сердце и жизнь по всѣмъ встрѣчнымъ игорнымъ домамъ.

При теперешней замашкѣ Дюма, его романы суть далекія путешествія. Онъ уже не можетъ сказать: я начинаю романъ, а долженъ говорить: я отправляюсь въ романъ въ двадцати томахъ. Ни самъ онъ, ни читатели не знаютъ, куда онъ отправляется, во въ томъ-то и прелесть. Это Робинзонъ Крузо, пускающійся на открытія по острову; Огюсть Макè его Пятница; негровскія перемѣняла роли. Дюма, съ нѣсколькими ломтями исторіи въ ко-

тожкѣ, чтобы въ случаѣ нужды подкрѣпитъся пищею, съ добрыми башмаками на ногахъ, съ крѣпкимъ перомъ въ рукѣ, пускается въ путь. Дордою, ему встрѣчается лѣсъ; мѣсто нравится Макѣ, онъ останавливается; Дюма продолжаетъ путь, и отправляется въ Индію; на другой день онъ возвращается, толкаетъ Макѣ подъ бокъ, и говорить: — Чтѣ это! ты спишь? Давно ли ты тутъ? — Вотъ ужъ шесть фѣльетоновъ. — Только-то! Ты спалъ. А я видѣлъ много другихъ странъ, со вчерашняго дня.... Вставай, ѣдемъ, паровозъ ожидаетъ насъ!

И чтѣ жъ! Эта литература, извините за выраженіе, эта литература хвастливая, безстыдная, лживая, нахальная, эмпирическая, нравится всѣмъ. Она, говорятъ въ провинціи и за границею, исполнена французскаго остроумія. Боже мой! когда перестанутъ клеветать на насъ? Французское остроуміе, по разумѣнію Англіи и Германіи, самая забавная вещь на свѣтѣ. Но, сдѣлайте милость, не станемъ смѣшивать предметовъ. Умъ, который прельщаетъ насъ у Александра Дюма, прямѣхонько изъ Гасконіи, съ береговъ Гаронны, а не Сены. Его успѣшные романы, всего чаще, вертятся на трехъ или четырехъ несбыточныхъ положеніяхъ: идетъ борьба четырехъ противъ одного, и разумѣется, всегда этотъ одинъ остается побѣдителемъ: тутъ страшныя за падни, отъ которыхъ ускользаетъ герой, чтобы попасть въ другія, и такъ далѣе; браво, которые драпируются въ своихъ плащахъ, звенятъ рапирами, и дерутся пошучивая; дворяне, дворяне, и дворяне, которые каждому твердятъ: «Мы дворяне!...» Между нами, это немножко смѣшно, и если бы дворянство не была вещь почтенная сама по себѣ, бѣда бы не велика. Въ извѣстномъ кругѣ, едва-ли очень любятъ Дюма.

Въ общей сложности, Александръ Дюма любимъ публикою; онъ забавляетъ. Въ немъ есть чтѣ-то благородное и театральное, чтѣ прельщаетъ толпу. Мѣщанинъ по нѣкоторымъ сторонамъ, онъ чуть не принцъ по другимъ; и въ самомъ дѣлѣ, онъ принцъ мѣщанства. У него доброе сердце, онъ вѣтренъ, два премилые недостатка, за которые онъ будетъ вѣчно баловнемъ той простосердечной публики, которой круглый годъ помогаетъ засыпать и переваривать пищу. Такая заслуга, конечно, стѣбитъ ста тысячъ франковъ пенсіи.

До-сихъ-поръ мы глядѣли на Александра Дюма только какъ на романиста, и съ намѣреніемъ пропускали другой видъ его таланта, первый, подъ которымъ онъ явился, самый блестящій можетъ-быть и самый прочный. По собственному достоинству и

по успѣхамъ онъ очень заслуживаетъ отдѣльнаго разбора. Мы говоримъ объ его драматическихъ произведеніяхъ.

Въ 1829 году дебютировалъ Дюма въ литературѣ, и первымъ твореніемъ его была драма, тотъ Генрихъ-Третій, который явился наканунѣ революціи и самъ произвелъ революцію. Была пора, когда одинъ дерзновенный покусился на проложеніе новыхъ путей и вышелъ изъ раболѣпнаго созерцанія подражателей Расина. Рабски срисовывать творенія великихъ мастеровъ, не значить прославлять ихъ, а унижать, выставлять на видъ ихъ недостаточную сторону. Нѣтъ, не тащась бичевою за постомъ, не вставляя свои слѣды въ его слѣды, можно продолжать его. При такой прекрасной манерѣ разумѣть почтеніе должное гению, получается не подражаніе ему, а насмѣшка надъ нимъ, изродія на него, и, по нашему мнѣнію, славныя имена Расина и Корнелия никогда не произносились бы непочтительно въ войнѣ за романтизмъ, если бы ихъ преемники не старались прятаться за эти колоссы.

Воротимся къ Александру Дюма и его блистательному дебюту. Самъ онъ, въ своихъ многочисленныхъ предисловіяхъ, рассказывалъ намъ, сколько усилій и какой настойчивости стоило ему пристроить на театръ свою пьесу. Благодаря сильной протекціи, наконецъ она была сыграна и увѣнчалась прекраснѣйшимъ успѣхомъ, о какомъ только позволено мечтать автору. Когда актеръ вышелъ, чтобы кинуть имя молодого побѣдителя на рукоплесканія восторженной залы, одинъ принцъ привсталъ и снялъ шляпу. То былъ герцогъ Орлеанскій, который привѣтствовалъ въ лицѣ Дюма поэзію будущаго.

Въ самомъ дѣлѣ, «Генрихъ-Третій» прекрасное и высокое произведеніе. Наконецъ оно вывело насъ изъ тѣхъ безцвѣтныхъ твореній, которыя тогда пользовались привилегіей занимать французскую сцену. Любовники прекрасной герцогини де-Гюизъ и пламенный Сенъ-Мегрэнъ, борьба то глухая и скрытая, то явная и дерзкая герцога де-Гюиза съ королемъ, драматическая противоположность изнѣженнаго короля, который уставалъ отъ тяжести своего кафтана, съ мужественной фигурою герцога, всегда закованнаго въ желѣзо, всегда неутомимаго: все это составляло великое и могучее дѣйствіе, драму энергическую, смѣлую, которая не могла не произвести впечатлѣнія на массы. Успѣхъ ея былъ огромный. Зритель наконецъ видѣлъ передъ собою живыя и страстныя существа, а не гальванизованныя

труппы; слышалъ, трепетно слѣдилъ развитія и перипетій драмы, растрогивался, рукоплескалъ.

Въ Одеонѣ представлена была въ слѣдующемъ году (1830) вторая пьеса Дюма, «Стокгольмъ, Фонтенблѣ и Римъ», драматическая трилогія изъ жизни шведской королевы Христины. Твореніе, заключающее въ себѣ много превосходной поэзіи, не сравнилось однако жъ успѣхомъ съ своимъ предшественникомъ. Зачатое по образцу Шекспира, то есть обвиняя большое пространство времени и представляя чрезмѣрное разнообразіе картинъ, оно немножко сбило съ толку французскихъ зрителей, привыкшихъ къ однообразію трагедій. Впрочемъ, критика не преминула отдать справедливость Дюма и пригласить его не сходить съ пути, который онъ такъ славно проложилъ.

«Нельская башня», «Антоні», «Ричардъ д'Арлингтонъ», три пьесы различныхъ родовъ, но всѣ три съ великими красотою, служили отвѣтомъ на приглашеніе критики. Пьесы эти такъ извѣстны, что намъ нечего пускаться въ ихъ разборъ. Конечно, можно въ нихъ указать много недостатковъ, много фальшивыхъ или натянутыхъ положеній, преувеличеній въ языкѣ, черезчуръ отважную поддѣлку подъ мѣстный колоритъ, но рядомъ съ недостатками блистаютъ высокія достоинства, которыя упрочили успѣхъ пьесъ. Непосредственно за ними слѣдовали «Тереза», «Анжело», «Донъ Хуанъ де-Марана», «Кинъ», «Карлъ Седьмой у своихъ великихъ вассаловъ», и несмотря на пятна, которыя можно найти въ этихъ твореніяхъ, пятна, происходящія отъ слишкомъ торопливаго труда, а иногда отъ принятаго намѣренія, они доказали вдругъ и плодovitость автора и его чудесную драматическую способность.

Насталъ 1835 годъ, появились главныя драмы новѣйшей школы. Еще въ 1830 году, Викторъ Гюгò поставилъ «Гернани», за которымъ вскорѣ слѣдовала «Маріона Делормъ». Драма «Король изводитъ тѣшиться», хотя была запрещена тотчасъ послѣ пердаго представленія, тѣмъ не меньше открыла новые горизонты въ драматическомъ искусствѣ. Тутъ Александръ Дюма написалъ «Калигулу».

Мы должны сдѣлать вставку—она впрочемъ будетъ не длинна—но необходимо обратить вниманіе читателя на одинъ деликатный вопросъ. Вопросъ этотъ слѣдующій: Отчего происходитъ театральный успѣхъ? Для насъ, послѣ многого множества размышленій, признаемся, вопросъ рѣшается только словомъ: *своевременность*. Но вопросъ рѣшается ли этими словами окончательно?

Кто будетъ судьейо этой своевременности? какъ опредѣлить въ точности пору, когда произведеніе должно выйти изъ лабораторіи и явиться на солнце публичности?

Въ самомъ дѣлѣ, кто въ силахъ растолковать истинныя причины неуспѣха «Калигулы»? Пьеса обилуетъ великими красотою, и либо мы жестоко ошибаемся, либо она когда-нибудь снова явится на театрѣ, на рукоплесканія тѣмъ, которые нѣкогда ее освистали. Чтò за картина этотъ Калигула, притупившій въ себѣ способность къ наслажденіямъ, эта Мессаллина, вѣчно ненасытная, которая переходитъ изъ объятій императора въ объятія трибуна Херен! Чтò за картина эти чудовищные образы древняго міра поставленные подлѣ Стеллы, юной христіанки, чистой дѣвы, которая проходитъ сквозь драму неземнымъ жидѣніемъ! Это звѣзда будущаго, которая свѣтитъ еще слабымъ и блѣднымъ сіяніемъ, но которая скоро заблещетъ надъ обновленнымъ міромъ. А дальше, въ глубинѣ, величавый, надменный, уже грозящій печистой толпѣ патриціевъ, рабски спорящихъ о милости Цезаря, Аквила, Галль, вольный человѣкъ, рыжегривый варваръ, который поглотитъ имперію! Пѣтъ, окончательнаго приговора еще не произнесено этому творенію, и не въ судебномъ только порядкѣ рѣшенія подлежатъ аппелляціямъ.

Конечно, люди придирчивые, которые пшутъ узко-взглядную, мелочную критику и никогда не хотятъ глядѣть на твореніе съ его широкихъ сторонъ, могутъ указать промахи въ трагедіи Дюма; но, Боже мой, гдѣ жъ нѣтъ промаховъ? А изгладивъ одно, обрѣзавъ другое, всё-таки получимъ мастерскую пьесу, картину величавой и смѣлой отдѣлки! Однако жъ успѣхъ не увѣнчалъ ее при появленіи. Тѣмъ не менѣе, то была самая славная пора литературной жизни Дюма, и, мнѣ кажется, если его воображеніе, вѣчно на поискахъ новаго, позволяетъ ему иногда обдумываться, мнѣ кажется, онъ долженъ вспоминать то время, когда искусство занимало его такъ сильно, наполняло такимъ внутреннимъ довольствомъ, какого навѣрно не доставляетъ ему громкій успѣхъ «графа Монте-Кристо».

Впрочемъ, не въ характерѣ Александра Дюма было останавливаться на неудачѣ; меньше года спустя послѣ «Калигулы», онъ оставилъ на той же сценѣ «Мадмоазель де-Бель Иль», комедію живую, легкую, доставившую ему новый успѣхъ.

Никогда писатель не выказывалъ столько остроумія, веселости, одушевленія и драматическаго чувства. Никогда такъ искусно не сочеталось идеальное съ дѣйствительнымъ; въ этомъ и состоитъ

особенность дарованія Дюма. Будучи истиннѣе Виктора Гюгò, который слишкомъ увлекается лиризмомъ, идеальнѣе Скриба, который не поднимается выше матеріальнаго наблюденія, столь же остроумный какъ послѣдній, столь же драматичный какъ первый, опытиѣе того и другаго въ искусствѣ обдѣлать пьесу, Дюма, по преимуществу, честь драмы. Зачѣмъ не остался онъ на этомъ пути? У насъ было бы больше прекрасныхъ драмъ и меньше пустыхъ романовъ. Но тутъ былъ фѣльетонъ съ развертой пастью, обаятельная бездна, показывающая въ своихъ неизвѣданныхъ еще глубинахъ груды золота и банковыхъ билетовъ, замки и виллы! Дюма ринулся стремглавъ въ бездну, и съ-тѣхъ-поръ погибъ для искусства.

Чѣмъ былъ, чѣмъ теперь Дюма въ романѣ, мы уже сказали, и не имѣемъ надобности возвращаться къ этому. Если наше мнѣніе, высказанное выше, объ твореніяхъ на скорую руку, которыми онъ наводняетъ нижній этажъ всѣхъ журналовъ, покажется слишкомъ строгимъ, по-крайней-мѣрѣ никто не усомнится въ нашемъ безпристрастіи, послѣ краткой оцѣнки, которую мы сдѣлали его главнымъ драмамъ. Романы занимательны, точно; но чему обязаны они этимъ качествомъ, если не движенію, не драмѣ, которыхъ превзошелъ духъ ихъ автора? Это достоинство, конечно, но пока будетъ существовать разница между духомъ и мыслью, между дѣйствіемъ и причиной, между анализомъ и синтезомъ, будетъ и различіе между драмою и романомъ. И мы не перестанемъ твердить Александру Дюма: пишите драмы, а не книги.

То, что мы здѣсь говоримъ о Дюма, мы увѣрены, и самъ онъ не прочь думать о себѣ, несмотря на его популярныя успѣхи; потому что въ то время, какъ мы это пишемъ, онъ строитъ театръ, который вскорѣ откроется драмою его работы. Мы желали бы, чтобы эта драма имѣла громадный успѣхъ и побудила Дюма бросить фѣльетоны и возвратиться на попрѣще, съ котораго ему не слѣдовало никогда сходить. Пусть придетъ этотъ день, и мы позабудемъ всѣ наши критики, и пойдемъ опять апплодировать сердцемъ и руками автору «Генриха-Третьяго».

Когда рѣчь идетъ объ Александрѣ Дюма, было бы несправедливо умолчать объ его главномъ сотрудникѣ, Огюстѣ Маже. Этотъ молодой писатель доказалъ свое личное достоинство. Первоначально, его талантъ, не столь блистательный какъ талантъ Дюма, былъ можетъ-быть серьезнѣе, и проявлялъ некоторое политическое направленіе. Теперь мы уже не знаемъ, что сталося

съ Макё; быть-можетъ онъ еще сохранилъ релігозъ своей личности, но навѣрное утратилъ его отъ тревія продолжительнаго и изнурительнаго сотрудничества.

Но простирало дальше monkъ замѣчаній объ Александрѣ Дюма; я старался изобразить его такимъ, каковъ онъ есть: я берусь за кисть не для того, чтобы замаловать пятна на кожѣ, расширить глаза, съузить ротъ. Александръ Дюма самъ не захочетъ, чтобы съ нимъ поступали какъ съ устарѣлой кокеткой. Надѣюсь, что я не оскорбляю его ничѣмъ; потому что я, какъ все, люблю милаго Дюма, люблю его въ моемъ сердцѣ, привязанъ къ нему вѣчно, разумѣется, за его недостатки.

СЫНЪ ФИСКАЛА. *Разсказъ Эммануэля Гонзалеса.* Вы требуете отъ меня не сказки, не преданія, а простаго анекдота, который бы представлялъ вамъ съ природы и въ короткихъ словахъ испанскій характеръ. Вамъ надоѣла театральная Испанія; вы хотите, чтобы я въ моемъ разсказѣ миновалъ гитары, баскины и мавританскіе балконы; вы не хотите даже взглянуть хоть на кончикъ заостреннаго подбородка дуэля; вы отсылаете Абенсерраговъ къ моему Флоріану, и запрещаете говорить вамъ даже о святой инквизиціи. Извольте, я разскажу вамъ истинное происшествіе, безъ акомпанимента гитаръ, и котораго развязка случилась на моихъ глазахъ.

Авгъ двадцать тому, въ одно воскресенье, поутру, молодая женщина, закутанная въ мантилю, входитъ въ церковь Атокской Богоматери, въ Мадридѣ, ведя за руку ребенка рѣдкой красоты. При видѣ этого ангельчика, вѣжная улыбка озаряетъ лица всѣхъ богомольницъ, молінопроклоненныхъ на тонкихъ тростниковыхъ шпаловкахъ. Старухи улыбаются отъ воспоминанія, молодецкія сеньориты отъ предувствія. Въ самомъ дѣлѣ, мудро найти дитя прелестіе: свѣтло-русые волосы, наймы длинныхъ густыхъ рѣсницъ, отбѣивающихся на его розовомъ личикѣ; нога ощущеніемъ вѣками, можно угадывать его взоръ; съ приподнятыми, прозрачная оболочка его большихъ черныхъ глазъ радужится отъ свѣту и отливаетъ; румяныя щеки такіа наливныя, усѣянныя ямочками, что манятъ поцѣлуй. Ребенокъ былъ въ томъ возрастѣ, когда съ своимъ неопредѣленнымъ и вѣчно-смѣлымъ взоромъ, дитя еще похоже на ангела, такъ что невольно ищемъ у него крылышекъ, въ родѣ крылышекъ пухляцкихъ херувимовъ, которые летаютъ съ трубами по лазоревому небу старинныхъ картинъ. Мать, доня Росарио де-Солисъ, пришла благодарить Святую Дѣву за спасеніе ея милаго дитяти.

Лице бѣдной женщины было блѣдно; она не спала столько ночей у постели больного ребенка!

Сказать ли вамъ, что за благородное существо была эта доня Росарио? Судите сами. Чтобъ избавить умирающаго отца отъ притѣсненій жестокаго кредитора, она вышла замужъ за самого кредитора, доня Андрея де Солисъ, фискала. Росарио была хороша одною изъ тѣхъ красотъ, которыхъ скульптурѣ не передать, которыя властна изобразить только кисть нѣживѣйшаго изъ живописцевъ, Рафаэля Урбино. Ея красотою были улыбка ея глазъ, ясность чела, тонкооть лебединой шеи. Душа сіяла въ ея чертахъ и сообщала имъ, чрезъ своего роду преображеніе, ангельскую красоту.

Войдя въ церковь, доня Росарио преклонила колѣна передъ чудотворной Божіей Матерью, сіяющей дорогими каменьями, съ младенцемъ Иисусомъ на рукахъ. Ребенокъ смотритъ во все глаза на солнце, которое образовало ореолъ на головѣ Мадонны, и котораго лучи металъ удивительный блескъ. На поясѣ Святой Дѣвы висѣли большія брилліантовые четки; сланикомъ сто свѣчей озарили жертвенникъ.

Любопытный малютка Кристоваль пошелъ потомъ разсматривать поля, усыпанные пестрыми дерномъ цвѣтовъ, съ ихъ фонтанами, которыхъ вода шумно падаетъ тутъ въ серебряные водоемы, тамъ въ мраморные и порфирные.

Вкругъ фонтановъ ограда изъ толстыхъ апельсиновыхъ деревьевъ въ человѣческой ростъ, на которыхъ цоркаютъ и щебечутъ птицы.

Благовоіе жасминовъ заглушаетъ запахъ куревій.

Ребенку чудится рай при видѣ этихъ диковинокъ, такъ же какъ жертвенника, балюстрады и лампъ изъ массивнаго серебра.

Вдругъ, взглядъ его падаетъ на ступени ограды канделлы, и онъ видитъ на этихъ ступенькахъ безобразную, сгорбленную старуху въ лохмотьяхъ, которая протягиваетъ къ нему деревянную чашку своей черной, морщиистой исхудалой рукою. Сперва онъ испугался и попятился назадъ, какъ отуманенный этимъ гадкимъ видѣніемъ.

Но, позади нищей, улыбается съ умоляющимъ видомъ темная своерванная головка: черные глаза исполненные огня, бѣлые зубы, курчавые волосы, черные какъ смоль, дѣвочка въ лохмотьяхъ грубой холстины. Ему кажется, будто губы этого лица шевелятся. Онъ невольно подходитъ, ободренный, любопытный, и

слышитъ слова, сказанныя старухой и жалобно повторенныя дѣвочкой съ курчавыми волосами :

— Мы голодны!

Онъ бѣжитъ къ донѣ Росаріо, я, въ свою очередь протягивая руку, говорить :

— Маменька, нищенка!

Набожная женщина взглядываетъ на него съ улыбкою и кладетъ ему въ рученку пѣдстръ.

— На, мое дитя, это подаваніе будетъ угодно Богу.

Маленькій Крестоваль вспрыгиваетъ отъ радости, и бросается къ нищей.

Сладкій напѣвъ органовъ раздается въ безмолвіи, и мало-помалу наполняетъ своды своими вибраціями, всё болѣе и болѣе могучими и, наконецъ, страшными. Пѣніе священно-служителей раздается, и всѣ души возлетаютъ къ Богу съ этой священной гармоніей, и отрѣшаются отъ земли.

Между-тѣмъ, вдругъ, въ пылу молитвеннаго усердія, донѣ Росаріо кажется, будто Святая Дѣва прижала къ сердцу Божественнаго Младенца, съ содроганіемъ отъ испугу. Изумленная, встревоженная, уstraшенная зловѣщимъ предчувствіемъ, она чувствуетъ словно пустоту вокругъ себя: ея помутившимся взоромъ кажется, будто церковь опустѣла, будто колѣнопреклоненная толпа только воображаемая толпа, будто голоса молящихся замолкли, будто безмолвіе распространилось около нея, — чтò за странное наважденіе? — ея ребенка нѣтъ подлѣ нея.

Не у всѣхъ ли, кто любитъ, особливо у женщинъ, для которыхъ внѣшняя дѣятельность такъ ничтожна, есть способность мечтательнаго сосредоточенія, которая позволяетъ имъ облекать любимыя существа какимъ-то нравственнымъ магнитомъ, могущимъ увѣдомлять ихъ о неизвѣстныхъ опасностяхъ и невидимыхъ бѣдахъ? — Это родъ втораго зрѣнія, который принято просто называть предчувствіемъ.

Доня Росаріо быстро оглядывается. Однимъ взоромъ она окинула всѣ углы капеллы. Ничего не видать. Въ одинъ прыжокъ очутилась она на порогѣ капеллы и глядитъ кругомъ. Ея ребенка нѣтъ въ церкви. Она опирается на рѣшетку, потому что ей дурно и колѣна подгибаются подъ нею. Но она улыбается и ободрится. Крестовалю пропасть! Какъ это можно! Материнское безумство! Ребенокъ шаловливъ; онъ тѣшится страхомъ матери, такъ же какъ дома, когда причется въ складки ея мантіи. Вотъ она сейчасъ нобранитъ его! Однако жъ голосъ ея удушливъ,

когда она спрашивает у одной женщины стоящей на колѣняхъ впереди ея:

— Не видали ли вы моего ребенка?

— Милотку съ серебряными пуговками, сеньора, отвѣчаетъ дама. — О! какой хорошенькій ребенокъ, какая вы счастливая мать.

— Очень счастливая, говоритъ Росарио съ блуждающимъ взоромъ, и нетерпѣливо повторяетъ: — Не видали ли вы его? гдѣ онъ? вонъ тѣ ли онъ вышелъ? скажите же, скажите!

— Не знаю, не видала; но говорите по-тише.

— Обѣдя не отошла! сказала сердито другая.

— На насъ смотрять, прибавила первая.

Но доня Росарио не слушаетъ ихъ. Она бѣжитъ къ одной малолѣткѣ, которая глядитъ на нее съ участіемъ, схватываетъ ее за руку и говоритъ отрывисто:

— А ты?

Эта хочетъ отвѣчать ей. Но звонокъ алтарнаго прислужника раздается: всѣ лица припадаютъ къ землѣ. Напрасно бѣдная Росарио остается на ногахъ, дрожащая, полная тоски, никто не отвѣчаетъ ей. Наконецъ падшіе ницъ встають, и сострадательная манюла говоритъ донѣ Росарио:

— Я видѣла, онъ ходилъ вокругъ престола Святаго Себастьяна.

— Ну!.... восклицаетъ мать, съ лихорадкой во взглядѣ.

— Я думаю, онъ спрятался за жертвенникъ, чтобы пострашать васъ.

Этотъ жертвенникъ Святаго Себастьяна—кармазиннаго бархату съ золотымъ шитьемъ, обитъ шагренемъ съ золотыми гвоздиками; окружность убрана большими зеркалами, а посреди имперіала возвышается маленькая колокольня съ золотыми колокольчиками.

Но и тутъ мать не видитъ своего дитяти; она вздрагиваетъ подъ мантилей, которую судорожно мнутъ ея пальцы; она чувствуетъ, что рассудокъ ея затмѣвается; но она вооружается противъ отчаянія, понимаетъ, что ей нужно спокойствіе, присутствіе духа. Она становится спокойною. Каково спокойствіе!

— Безумная! несчастная! шепчетъ она: я позабыла своего ребенка. Не глядѣла за нимъ. Я дурная мать. Но я отыщу его. Безпокойство, смятеніе поднимается въ капеллѣ; сердитые взгляды устремляются на нее: она выходитъ вонъ изъ церкви.

На площади, пляшетъ, кружится, вертится въ кругахъ позолоченнаго картона маленькая хитана съ курчавыми волосами, въ ко-

терпѣнь блещутъ мѣдныя жетоны, не столь сверкающіе какъ ея большіе дикіе глаза. — Полупокрытая лохмотьями ярнхъ цвѣтовъ, краснаго съ голубымъ, стуча тощими пальцами въ бубень, распѣвая криплымъ и задыкающимъ голосомъ какую то странную пѣсню, когда верестаетъ вертѣться, она протягиваетъ свою чашечку къ группамъ, которыя столпились около нея въ кружокъ зрителей.

Воспоминаніе мелькнуло въ умѣ доньи Росаріо.

Это та самая нищая дѣвочка, что пряталась за старухой. Мать не глядѣла на нихъ, но видѣла, когда Крестоваль приходилъ попросить піастра.

Росаріо расталкиваетъ кружокъ солдатъ, звѣвакъ, агуадоровъ, львицей выдается на маленькую хитану, и кричитъ ей:

— Ты украла мое дитя?

Хитана смущается, блѣднѣетъ, дрожить.

— «Воровка дѣтей! повторяетъ мать: — Гдѣ мой Крестоваль? Скажешь ли ты? Отвѣчай!» — Она трясетъ ее, тормошитъ; но дѣвочка не говоритъ ни слова. Зрители шумятъ, толпятся вокругъ дѣвочки; народъ ожесточается, грозитъ закидать ее камнями или бросить въ воду; кричатъ: «Лови колдунью!». Прибѣгаютъ альгуасилы, хитана падаетъ на колѣна и проситъ пощады. Неумоливая мать твердитъ:

— Отдай мнѣ мое дитя! Куда ты дѣвала мое дитя? сжался надо мной, скажи, или я надъ тобою не сжалюсь!

Но хитана не могла ничего сказать, кромѣ того, что она послушалась приказанія старой нищей, которая выслала ее вонъ изъ церкви, въ ту минуту какъ подходилъ маленький Крестоваль, и велѣла ей дожидаться себя на площади. Ее берутъ въ тюрьму, а на другой день дверь тюрьмы отворяютъ и ее выталкиваютъ на улицу. Улица — ея промыселъ.

Между-тѣмъ Росаріо стоитъ, остолбенѣвъ, какъ статуя горести, не видя толпы, которая окружаетъ ее, жалѣетъ объ ней. Кто-то изъ толпы подходитъ и говоритъ:

— Сеньора, мнѣ жаль васъ; но усомойтесь!

— Мнѣ усомойться!

— Видно, дитя заблудилось.

— Пропало! пропало!

— Какой-нибудь добрый человекъ отвелъ его домой.

— Въ самомъ дѣлѣ! а я стою здѣсь. Безумная!

— Вы были у себя дома, сеньора?

— Нѣтъ еще; небыту туда!

Дрожа отъ мысли потерять послѣднюю надежду, — найти свой домъ пустымъ и безответнымъ, она однако идетъ рѣшительно. Но въ ту самую минуту, какъ ей хотѣлось бы имѣть крылья, чтобы воспѣть скорѣе, чья-то желѣзная рука останавливаетъ ее.

— Смотрите!..... говорить ей.

И вслѣдъ затѣмъ множество голосовъ кричатъ:

— На колѣна! на колѣна!

Изъ церкви идетъ процессія: несутъ святыя дары одному умирающему гранду Испаніи.

А у Испанцевъ, въ подобномъ случаѣ, все должно останавливаться, мщеніе, правосудіе, гнѣвъ и жалость.

Росаріо стоитъ неподвижно.

— На колѣни, передъ Господомъ Богомъ, если хотите, чтобы Богъ возвратилъ вамъ вашего ребенка, говоритъ ей одна женщина, и бѣдная мать падаетъ колѣнопреклоненная на землю; съ омерзеньемъ терзаемая тоскою, едва дышущая, считая минуты и секунды, смотритъ она на медленный ходъ безмолвной процессіи.

И въ этомъ безмолвіи она слушаетъ, какъ-будто вотъ-вотъ голосокъ Крестовала весело прозвучитъ въ ея слухъ. Это характерная черта испанскихъ нравовъ. Извѣстно, что въ Испаніи этикетъ воспрещалъ дотрогиваться до королевы, даже когда нужно было спасти ее въ то время какъ бѣшеная лошадь, сбросивъ ее, готовилась растоптать серебряными подковами; что этикетъ не позволялъ никому кромѣ благороднаго камерьера погасить бraziero, котораго чадъ удушалъ его король-невольникъ; — что одинъ придворный сжегъ дворецъ, гдѣ долженъ былъ дать пристанище одному измѣннику, по приказанію императора Карла-Пятаго; что одинъ молодой дворянинъ самъ зажегъ своей домъ, для того, чтобы вынести свою даму на рукахъ.

Однако жь время летитъ, страшное своей быстротою какъ громъ и молнія; доня Росаріо встаетъ и идетъ куда глаза глядятъ, какъ полетушная.

То она смотритъ на небо, какъ-будто ища слѣда въ воздухѣ; то глаза ея устремлены на землю, какъ-будто ищутъ оттиски двухъ маленькихъ ножекъ на почвѣ.

Наконецъ она приходитъ домой: все пусто. Тамъ, гдѣ раздавался нѣжный голосокъ, крикливый, веселый, теперь угрюмое молчаніе. Наверху лѣтницы она встрѣчаетъ мужа, доня Андреса. Два вопроса перекириваются.

— Гдѣ Кривоваль?

Ни на который вопросъ нѣтъ отвѣта. Мужъ остолебенѣлъ отъ огорченія. Фискаль былъ отецъ; онъ соприкасался съ человѣчествомъ этой священной стороною. Вѣдь и тигры любятъ своихъ дѣтенышей.

Мать хочетъ сойти съ лѣстницы и бѣжать, сама не знаетъ куда, на улицу, за-городъ, въ горы. Но на ступенькахъ она падаетъ, въ изнеможеніи, и ударяется головою объ острую рѣзбу желѣзныхъ перилъ. Она привстаетъ, съ окровавленнымъ лицомъ, и понуждаетъ дона Андреса:

— Да ступайте же! бѣгите же! ищите же его!

Мужъ, какъ одурѣлый, сходитъ съ лѣстницы, а она остается безъ памяти на ступенькахъ.

Ребенокъ не отыскался.

Съ этого дня, доня Росарио надѣла трауръ и уже не выходила изъ дому никуда, кромѣ церкви Атохской Богоматери, гдѣ всё воображала видѣть свое дитя, гдѣ видѣла его въ послѣдній разъ, гдѣ потеряла его, гдѣ надѣялась отыскать современемъ.

Дома у нея, чтѣ за мрачная ночь! Нѣтъ уже дитяти въ кустахъ саду. Птицы выпущены на волю изъ птичника. Сломана изгородь, вся увитая ползучими растеніями, окружавшая прудъ: теперь туда не упадетъ дитя, шумъ и радость дома! Русые волосы, расчесанные съ такой любовью, ручки, скрещенныя на молитву, гдѣ вы теперь? Можетъ-быть Кривоваль теперь дрожитъ подъ лохмотьями въ пыли дороги, подъ палкой какого-нибудь нищаго; голодный, худой и блѣдный, съ глазами, потусклыми отъ слезъ. При этой мысли, сердце дони Росарио разрывалось.

Прошли недѣли, мѣсяцы, годы.

Отецъ утѣшился. Донъ-Андресъ былъ настоящій служитель правосудія, сухой, черствый, жестокой и корыстный; привычка видѣть преступленіе вблизи, дала ему бронзовое сердце. Онъ былъ достойный представитель той легкой морали, которая состоитъ въ томъ, чтобы карать бѣдняка, который укралъ кусокъ хлѣба на пищу дѣтямъ, умирающимъ съ-голоду, и подавать руку богатому банкроту, который собирается вновь приняться за дѣла. Въ его глазахъ, успѣхъ всегда оправдывалъ средства. Въ ремеслѣ фискаля, ему было раздолье признать свои правила къ дѣлу. Онъ торговалъ кровью, жизнью и честью несчастныхъ, которые часто были лучше его. Алчная шивка, онъ пользовался своей властью, чтобы выжимать какъ губку всѣ бѣды, зависѣвшія отъ

него. Безсовѣстные воры, которые могли набить пѣстрами карманы его фискальскаго платья, находили въ немъ ходатая. Одни политическіе преступники никогда не успѣвали разжалобить его ни мольбами женъ, ни слезами матерей, ни рыданіями дочерей; даже свертки квадруплей теряли свое краснорѣчіе въ такихъ случаяхъ. Приведемъ изъ сотни примѣровъ одинъ.

Разъ вечеромъ, мѣсяца черезъ два послѣ того какъ онъ былъ назначенъ фискаломъ въ Х..., въ Бискаѣ, въ комнату къ нему вдругъ входитъ кто-то весь закутанный въ плащъ. Удивленный, можетъ-быть испуганный, фискаль вскакиваетъ

— Кто вы? Кто васъ впустилъ?

— Твой старикъ Пересъ узналъ меня и впустилъ, отвѣчаетъ незнакомецъ. Неужели у тебя память хуже тѣмъ у него?

Онъ сбрасываетъ плащъ, кидается въ объятія фискала, прижимаетъ его къ груди.

Донъ Андресъ вырывается, пристально глядитъ на него, и отступаетъ, блѣдный какъ смерть.

— Діэго Фигуэроа!

— Ну! да, Діэго, братъ твоей Росаріо. Но не станемъ терять времени въ изумленіяхъ и восклицаніяхъ. Есть у тебя мѣсто гдѣ бы спрятаться?

Смущенный, встревоженный, донъ Андресъ однако дѣлаетъ ему отрицательный знакъ.

— Меня преслѣдуютъ, продолжаетъ Діэго. Спрячь меня. Если меня найдутъ, то разстрѣляютъ; смерти я не боюсь, но я молодъ, мать моя еще жива, и если я доберусь до Пиренеевъ...

— У меня негдѣ спрятаться, пролепеталъ донъ Андресъ удушливымъ голосомъ.

— Ты ужъ испугался за меня, братецъ! Но что мы за дураки, чтобъ опасаться: какой чортъ вздумаетъ искать эксальтадоса у провинціального фискала!

Діэго захохоталъ съ тѣмъ добродушіемъ и той прелестной безпечностью, которыя свойственны только молодости.

Донъ Андресъ не знаетъ что дѣлать. Онъ проклинаетъ своего шурина. Онъ боится, чтобы не выдали, какъ тотъ вошелъ къ нему въ домъ; чтобъ не услышали его голоса. Потъ струится изъ-подъ его вставшихъ дыбомъ волосъ.

Однако жъ, какъ быть! Донъ Андресъ смущается и бормочетъ безсвязныя слова, такъ что Діэго видитъ его замѣшательство, краснѣетъ и говоритъ сухо:

— Не думайте, Андресъ, чтобъ я захотѣлъ продать мужу моей сестры. Если вы не можете дать мнѣ убѣжища, прощайте!

Благородный молодой человекъ знаетъ, что смерть ожидаетъ его за дверью дома фискала, но беретъ свой плащъ, который бросилъ на стулъ, и идетъ къ двери. Донъ Андресъ и не думаетъ остановить его ни словомъ.

Въ это мгновение, доня Росарио, извѣщенная Пересомъ, вбѣгаетъ въ комнату, беретъ Діэго за-руку и ведетъ его къ одному изъ тѣхъ тайниковъ, устроенныхъ въ толщѣ стѣнъ, которые въ Испаніи уцѣлѣли со времени владычества Мавровъ. Все это произошло съ быстротою молніи, и ни та ни другая сторона не успѣли произнести ни слова.

Почти тотчасъ же дверь дома затрещала подъ ударами ружейныхъ прикладовъ.

— Отвори, кричитъ Пересу достойный фискаль, возвратившій уже себѣ и голосъ и бодрость, хотя на лицѣ его еще видѣлись слѣды ужасной блѣдности. Онъ самъ идетъ навстрѣчу новымъ посѣтителемъ. Это офицеръ саморскаго полка съ нѣсколькими солдатами. Офицеръ кланяется дону Андресу и говоритъ ему отрывисто:

— Сенъоръ фискаль, къ вамъ сюда вошелъ нѣсколько минутъ назадъ, одинъ человекъ, закутанный въ плащъ.

— Правда, отвѣчаетъ Андресъ.

— Это донъ Діэго Фигуэроа, вашъ шуринъ.

— Совершенно справедливо.

— Вы подтверждаете, прекрасно. Значитъ, вы приняли его, дали ему пристанище?

— Такъ точно.

— Вы спрятали его или дали ему средства бѣжать?

— Не торопитесь такъ, сенъоръ, отвѣчаетъ донъ Андресъ, гордо приподнявъ голову. Или у васъ есть какой-нибудь родственникъ, которому хочется подаять на мое мѣсто?

— Чтò вы хотите этимъ сказать? спрашиваетъ офицеръ съ изумленіемъ.

— Хочу сказать, что я знаю свой долгъ, сенъоръ, и не дамъ ему. Да, преступникъ Діэго пришелъ искать убѣжища въ моемъ домѣ, но нашелъ въ немъ одну ловушку. Да, донъ Діэго адѣсь, не спрятанъ, а арестованъ: я и не думалъ помогать ему бѣжать, а принялъ въ свой домъ только затѣмъ, чтобъ отдать его въ руки правосудія.

Офицеръ отступаетъ съ ужасомъ: не смѣетъ вѣрнуть ушамъ;

не можетъ вообразить, чтобы это гнусное предательство была правда; вѣрно, донъ Андресъ шутить съ нимъ и клевететь на себя.

Но донъ Андресъ самъ ведетъ его къ тайнику, куда Росарио спрячала брата. Его находятъ тамъ подъ грудю платьевъ и мантилій бѣдной женщины, за ея изголовьемъ, между тѣмъ какъ она, несчастная, притворяется спящею. Не стану описывать вамъ этой сцены: есть вещи, которыя понимаются сердцемъ и охлаждаются отъ разсказу. Діаго не взглянулъ на донъ Андреса. Онъ поднималъ и поцѣловалъ Росарио, которая тащила у ногъ его и обнимала его колѣна со слезами и судорожными криками, прося прощенія, и сказалъ ей только:

— Бѣдная сестра!

На другой день донъ Діаго былъ разстрѣлянъ. Онъ смѣло устремилъ глаза на дула прицѣленныхъ въ него ружей, и командовалъ: пли! При первомъ залпѣ, онъ былъ только раненъ, въ обѣ руки и въ шею. Онъ привсталъ, положилъ руку на сердце и командовалъ вторичный залпъ, сказавъ съ наивнымъ удовольствіемъ:

— Бьется не сильнѣе прежняго.

Въ этотъ разъ, онъ уже не всталъ.

Многіе изъ его товарищей, гонимые, отчаянные, безъ всякихъ средствъ, бѣжали въ Сантъ-Адріанскія Горы, между Санъ-Себастьяномъ и Галаретою, мѣстечкомъ провинціи Алавы, въ Бискай. Тамъ они вскорѣ стали вести жизнь гверильясовъ и разбойниковъ.

Ихъ преслѣдовалъ очень строго. Но крестьяне, изъ жалости къ ихъ несчастному положенію, потворствовали имъ, и они скоро сдѣлались страшными подъ именемъ Трубукаровъ. Название дано имъ было отъ того, что они не имѣли другаго оружія, кромѣ старыхъ мушкетовъ, называемыхъ по-испански трубуками *trabucos*. Съ этими трубуками они взимали пошяны съ богатыхъ проѣзжихъ, и, помощью такихъ вынужденныхъ подаваній, успѣвали какъ-нибудь проживать и обновлять свои лохмотья. Но когда зима обезлѣсила дороги, ихъ положеніе стало очень печально. Въ это время, донъ Андреса де-Солиса пригласилъ въ Кастилію одинъ старый дядя, послѣ котораго онъ оставался наслѣдникомъ, и который былъ при смерти. Несмотря на худое состояніе дорогъ, которыя сдѣлались почти непроходимыми отъ снѣговъ и льдовъ, фискаль не замедлилъ отправиться.

Когда карета донъ Андреса вѣхала въ ущелья сьерры дъ-Сантъ-

Адрианъ, фискаль невольно содрогнулся отъ мрачнаго предчувствія.

Эти горы, увѣнчанныя соснами необыкновенной вышины, такъ круты, что дорога на ихъ вершину, кажется, цѣпляется какъ дикая коза. На всемъ разстояніи, какое можетъ окинуть глазъ, видѣются только пустыни, изрѣзанныя ручьями, свѣтлыми какъ хрусталь.

На возвышенности сьерры, огромная скала поднимается на самой срединѣ дороги, какъ-будто запирая проходъ и отдѣляя такимъ образомъ Бискаю отъ Старой-Кастиліи.

Подъ этой каменной грудой, который-то испанскій король велѣлъ пробить дорогу, гдѣ проѣзжаютъ путешественники и куда свѣтъ проникаетъ только сквозь отверстія, образующія ворота. Подъ сводомъ тутъ есть гостинница, которая на зиму покидается по причинѣ сѣговъ.

При выѣздѣ изъ подземной дороги, карета доня Адреса миновала маленькую часовню во имя Сантъ-Адріана, и онъ съ тайнымъ ужасомъ вспомнилъ, что Трубукары, какъ носились слухи, останавливали многихъ путешественниковъ по близости этой часовни, сосѣдней съ болѣею частью пещеръ, служившихъ имъ пристанищами, и бывшихъ изстари пріютами разбойниковъ тамошняго края.

Начиная отъ часовни, дорога спускалась подъ гору.

Не отъѣхала карета пятидесяти шаговъ отъ часовни, какъ десять человѣкъ, пританцившихся за поворотомъ дороги, въ разсыпнахъ скалъ, встали съ трубуками въ рукахъ и кинулись къ лошадамъ. Карета останавливается; дверцы отворены.

— Выходи и ничкомъ на землю! кричитъ начальникъ шайки, отважный молодой человѣкъ съ орлинымъ взоромъ.

Донъ Андрей высовываетъ свое блѣдное лицо, и говоритъ голосомъ, который старается сдѣлать грознымъ:

— Прочь, ладроны! Я фискаль донъ Андрей де-Солисъ.

При этомъ имени раздаются десять двукихъ криковъ, десять трубуковъ уставляются въ грудь несчастнаго.

— Донъ Андрей, покушникъ человѣческихъ головъ! донъ Андрей скряга! донъ Андрей ростовщикъ! вопять всѣ трубукары, грома его взглядами.

— И того лучше, донъ Андрей предатель! сказалъ спокойнымъ, но убійственно презрительнымъ тономъ, молодой начальникъ, который тихо отстранилъ рукою ружья и подошелъ съ любопытствомъ посмотреть на фискаля.

Но въ ту же минуту, оба они съ ужасомъ подались назадъ. Каждый изъ нихъ видитъ свое лицо на лицѣ другаго. Сходство невѣроятное. Только Андресь словно носитъ морщинистую и поблекшую маску смѣлой и горделивой фizioноміи молодого человѣка. Впрочемъ, тѣ же густыя брови, тотъ же широкій выдавшійся лобъ, тѣ же отдувшіяся губы, тотъ же орлиный носъ.

— Твое имя? спрашиваетъ донъ Андресь гортаннымъ голосомъ.

— Трабукэръ Кривоваль! Другаго нѣтъ у меня, — отвѣчаетъ лихой разбойникъ.

— Мой сынъ! говоритъ Андресь, протягивая къ нему объятія, со слезами на глазахъ, позабывъ свой страхъ, не видя уже вокругъ себя ни прицѣленныхъ трабуковъ, ни зіяющихъ пропастей, видя только свое подобіе живое, юное, гордое, мужественное.

Кривоваль усмѣхается, взглядываетъ на товарищей, беретъ дону Андреаса за руку, вытаскиваетъ его изъ кареты, и кричитъ:

— Лжешь, старый предатель! Ничкомъ на землю!

Но фискаль не шелохнется; двѣ слезы текутъ по его пожелтымъ щекамъ, и онъ повторяетъ:

— Ты мой сынъ, мой пропавшій сынъ, мой сынъ, котораго у меня украли въ дѣтствѣ.

Дикий Кривоваль пристально смотритъ ему въ глаза, потомъ какъ-будто раздумываетъ, важно крутя въ пальцахъ свои длинные усы. Наконецъ даетъ прочимъ трабукарамъ знакъ отойти немного прочь, и говоритъ фискалу:

— Смотри, донъ Андресь, не думай увернуться отъ насъ какой-нибудь безчестной уловкой. Можетъ-быть ты говоришь правду, потому что я въ самомъ дѣлѣ найденный на улицѣ ребенокъ. Я имѣю несчастье быть удивительно похожимъ на тебя; но всѣ-таки я лучше тебя, и моя смерть не опозоритъ моихъ родныхъ, если они есть у меня, тогда какъ твоя жизнь опозорила твое семейство. Конечно, тебѣ жаль, что находишь своего сына въ рукахъ несчастныхъ трабукаровъ, которыхъ ты травишь какъ дикихъ звѣрей. А я презираю и гнушаюсь фискала дону Андреаса, какъ Иуды Хриstopродавца. Твое платье и твое золото запятнаны кровью твоихъ родныхъ: вспомни Діаго Фигуэроа. Если бъ я увѣрился, что я точно твой сынъ, я разбилъ бы себѣ голову объ эти скалы, чтобъ избавиться отъ такого несчастья, чтобъ не переносить такого позору. Настоящій мой отецъ, контрабан-

днсть Хикарагуа, который научилъ меня владѣть трубукомъ и играть навахоу *. Однако жъ, я поступлю съ тобою такъ, какъ-будто я въ самомъ дѣлѣ твой сынъ.

Донъ Андрѣсъ вздрагиваетъ отъ радости и пожмаетъ руку трубукара. Кривоваль спокойно отталкиваетъ его.

— Батюшка, продолжаетъ онъ, иногда добровольная смерть можетъ изгладить все преступное и подлое прошедшее. Вотъ вамъ пистолеть. Застрѣлитесь. Если мы одной крови, то вы понимаете, что мое предложеніе дѣлаетъ честь вамъ, и мѣшкать не станете. Рѣшайтесь, и я признаю васъ отцомъ при всѣхъ моихъ товарищахъ.

Колѣна дона Андреса подгибаются; лицо сплѣбеть, губы дрожать.

Свирѣпый трубукаръ пожимаетъ плечами:

— Подлая душа, говоритъ онъ. Нѣтъ, я не изъ твоего гнуснаго племени. Хорошо. Живи, живи въ презрѣніи у всѣхъ! Но ни слова о томъ, что сейчасъ было, не оскорбляй меня названіемъ твоего сына, или я тотчасъ отомщу за эту обиду.

— О! зачѣмъ Росаріо нѣтъ здѣсь, восклицаетъ фискаль. Ты отъ нея не рѣшился бы отречься.

— Росаріо, праведница, сестра Діего, говоритъ трубукаръ: ангелъ связанный съ демономъ, можетъ быть моей матерью. Скажи ей, донъ Андрѣсъ, что она увидитъ меня.

— Несчастный! ты осмѣлишься явиться въ городъ, не получивши напередъ прощенія; да это значило бы убить твою мать тысячу разъ. Лучше разстанься съ этими отчаянными бѣглецами, и поѣдемъ со мною.

— За тѣмъ, чтобы сказали: «По отцу и сынъ! не такъ ли», превраль Кривоваль съ презрѣніемъ. Предатели не всегда ведутся въ родъ, донъ Андрѣсъ. Скажи донѣ Росаріо, что она скоро увидитъ меня. И всё тутъ.

Онъ сдѣлалъ знакъ трубукарамъ, которые уже очистили карету; они бросили въ нее фискаля и пустили его ѣхать своей дорожкой. Затѣмъ они исчезли какъ тѣни, и что удивительно было въ ихъ слѣпомъ повинновеніи начальнику, такъ именно то, что эти несчастные сначала твердили только, одни — повѣсить фискаля внизъ головою надъ пропастью, которая зігала въ двухъ шагахъ, мрачная и бездонная какъ жерло преисподней; другіе, — пригвоздить ему ноги къ раскаленному брасеро, а контрбандистъ Хикарагуа предлагалъ налить ему золота въ уши, потому

* Наваха, navaja — ножъ-кинжалъ.

что онъ такъ любилъ золото. Въ этой крайней опасности, Росарио спасла дона Андреса однимъ волшебствомъ своего имени.

Вѣрно, вамъ хочется узнать по-скорѣе развязку этой страшной исторіи. Мнѣ самому хочется по-скорѣе отдѣлаться отъ тягостнаго воспоминанія. Лѣтомъ, которое слѣдовало за сценою въ сьеррѣ Сантъ-Адрианъ, въ Вальядолидѣ назначены были большіе бои быковъ. Вы знаете свирѣпую страсть Испанцевъ къ этому роду забавы; изъ-за двадцати миль кругомъ стеклись зрители. Признаться ли вамъ въ моей слабости? Мнѣ тоже захотѣлось побывать на этомъ любопытномъ зрѣлищѣ. Я желалъ испытать, какое впечатлѣніе произведетъ оно на меня. Страшная вещь—ужасная привлекательность всѣхъ этихъ сраженій, гдѣ жизнь дѣйствительно въ опасности, гдѣ ловкость и сила человѣка борются съ свирѣпыми или вѣроломными вистинтками страшныхъ животныхъ!

Вошедши въ циркъ, я былъ словно ослѣпленъ. Двойной амфитеатръ и ложи «Площади быковъ», казалось, ложились подъ безчисленной толпою. Воздухъ палилъ; дышали словно огнемъ. Я рѣшился быть зрителемъ немножко поздно, такъ, что могъ найти себѣ мѣсто только на las gradas del sol, на скамьяхъ открытыхъ солнечному зною, въ tendido, непокрытомъ амфитеатрѣ, гдѣ тѣснится простой народъ.

Не стану пользоваться правомъ путешественника и растягивать мой рассказъ живописными описаніями, которыя тысячу разъ были дѣланы. Аькадъ или коррехидоръ, не знаю навѣрное, подавъ сигналъ. Тореры разсѣялись по площади, какъ стая блестящихъ птицъ.

Услужливый сосѣдъ объяснилъ мнѣ, что тѣ, которые вооружены были шпагами, называются матадорами или эспадосами, matadores, espadas; тѣ, которые махали плащами и не имѣли при себѣ никакого другаго оружія для защиты отъ бѣшенства быковъ, были копеадоры, capeadores. Бандерильеры, banderilleros, кололи шею животного дротиками, которые у Испанцевъ называются бандерильями, banderillas. Пикадоры, picadores, были тѣ, которые сражались верхомъ, вооруженные пиками.

Всѣ пѣшіе бойцы носили монтеру, montera, родъ черной шапочки съ черными лентами; но плащи ихъ блистали на солнцѣ яркими красными цвѣтами; ихъ костюмы махо, majos, сияли дорогими камнями, золотыми и серебряными бѣстками, на плащѣ солнцѣ.

Пикадоры выстроились вдоль ограды, неподалеку отъ двери

торила, хлѣва, гдѣ ревутъ голодные быки. Двое альгвасиловъ пошли съ трепетомъ отворить розовую дверь.

Породистый сіудаль-реальскій быкъ, рыжей шерсти, выбѣжалъ на арену, при рукоплесканіяхъ народа. Альгвасилы убѣжали. Человѣкъ, притавившійся за дверью, захлопнулъ ее съ чудесной быстротою и какъ кошка вскарабкался на кровлю хлѣва, по лѣсенкѣ, которую тотчасъ втащилъ за собою.

Острыя стрѣлы, убранныя вырѣзанною бумагою, которую зажигали, дождемъ посыпались на быка при его первомъ скачкѣ. Узвлєніе этихъ пламенныхъ дротиковъ одурило его. Онъ съ минуту стоялъ неподвижно, съ мутнымъ взглядомъ, съ понурою головою, хлеща хвостомъ по широкимъ бокамъ. Со всѣхъ балконовъ, со всѣхъ подмостковъ, дерзскій градъ свистковъ и насмѣшекъ посыпался на труса. Не было ни одного ребенка, который бы не грозилъ ему кулакомъ. Вдругъ онъ страшно вздрогнулъ всѣми членами. Тутъ уже сами молоденькія манолы подняли на него свои розовые пальчики, въ знакъ презрѣнія и закричали:

— Того malo! (дрянной быкъ!)

Пикадоры двинулись къ нему, онъ отступилъ. Отступилъ и передъ шпагами матадоровъ и передъ мулетой (muleta), маленькимъ краснымъ флагомъ на палочкѣ, которымъ махали чулосы (chulos), и передъ красными плащами копеадороръ, такъ же какъ передъ пиками и бандерильями.

Между зрителями поднялся неистовый шумъ; всѣ встали на gradas cubiertas и на tendido, и закричали въ одинъ голосъ:

— Собакъ! собакъ!

Тореры удалились на другой конецъ арены.

Всѣ глаза обратились на ложу коррехидора, который одинъ имѣлъ право сдѣлать это свисхожденіе раздраженной публикѣ. Коррехидоръ благосклонно улыбнулся и велѣлъ мановеніемъ головы пустить собакъ. Въ его ложѣ я примѣтилъ одну женщину въ траурѣ, блѣдную и печальную, но со слѣдами отбѣнной красоты на лицѣ. Она, казалось, присутствовала на корридѣ, какъ трущъ или статуя. Взоръ ея былъ не мутенъ, но твердъ; онъ устремлялся на чтѣ-то невидимое никому кромѣ ея.

— Не знаете ли, кто эта дама? спросилъ я у моего обязательнаго сосѣда.

— Это доña Росаріо де-Солесъ, отвѣчалъ онъ: жена еискама доña Андреа, праведница, которая проходитъ свое чистилище на землѣ, потому что Господь оставилъ ей мужа и попустилъ, чтобы сына ея укралъ еще ребенкомъ. Съ-тѣхъ-поръ она думаетъ

только объ немъ одномъ и ожидаетъ его. Ей всё-равно, быть у себя дома или въ ложѣ корредора. Прекрасное мѣсто пропадаетъ даромъ, примолвилъ онъ со вздохомъ сожалѣнія и замолкъ.

На арену вышелъ чулосъ, ведя двухъ огромныхъ мордашекъ. Онъ былъ статный молодець, недурной лицомъ, съ густыми бровями, съ широкимъ лбомъ, съ усмѣшливыми губами, съ орлинымъ носомъ. Едва-ли не одинъ я обратилъ на него вниманіе. Толпа глядѣла на мордашекъ, настоящихъ противницъ быка.

Какъ-скоро онъ были въ шагахъ двадцати отъ непріятеля, руки чулоса опустили платки обмотанные вокругъ ихъ шей, и онъ яростно ринулись на трусливое животное, стараясь вдѣлаться ему въ уши и повиснуть на нихъ.

Но быкъ выпрямилъ свою понурюю голову и сверканіе его зрачковъ медленно обращалось къ чулосу, который имѣлъ за поясомъ только качету (*cachete*), родъ кинжала, которымъ закалываютъ въ лобъ страшное животное.

Собаки повисли у него на ухахъ. Онъ стряхивалъ ихъ ужасными размахами головы, вертелъ ихъ какъ пращи, яростно хлесталъ себя по бокамъ ихъ вытянутыми тѣлами. Они не выпустили добычи; но онъ, безчувственный къ боли, топнулъ о землю могучими копытами и поднялся на воздухъ съ такимъ страшнымъ усиленіемъ, что тяжело грянулся на ноги въ двухъ шагахъ отъ чулоса. Онъ уставилъ свои налитые кровью глаза на алую куртку несчастнаго и выгнулъ голову впередъ, собираясь подхватить его на рога. Тутъ раздался чей-то вскрикъ и заглохъ въ страшномъ молчаніи толпы. Но крикъ испустилъ не чулосъ, потому что въ то же мгновеніе онъ смѣлымъ и стремительнымъ прыжкомъ вскочилъ на спину непріятеля и отчаянно схватилъ его за рога.

Загремѣлъ неистовый вопль: *Viva el chulos!*

Женщины въ восторгѣ махали платками и шарфами. Я взглянулъ на ложу корредора. Доня Росарио стояла ухватясь за окраину ложи, полу-выгнувшись наружу, какъ-бы вѣ себя отъ энтузіазма. Я показалъ на нее сосѣду, прибавивъ:

— Посмотрите, какъ интересуется боемъ жена фискаля.

Онъ тотчасъ бросилъ туда любопытный взглядъ; но доня Росарио уже отстранилась въ глубину ложи, по знаку своего мужа, который вѣрно замѣтилъ ей, что она привлечетъ на нихъ общее вниманіе публики.

Чулосъ также, несмотря на свое ужасное положеніе, жадно

устремлялъ глаза на ложу коррехидора и, вѣроятно, его взоръ встрѣтился со взоромъ донн Росаріо.

Въ это мгновеніе борьба удалца съ быкомъ становилась ужасною. Быкъ взрывалъ копытами землю съ ревомъ и взвѣвалъ песокъ вокругъ себя; глаза его побагровѣли и, когда онъ яростно привскакивалъ съ своимъ страннымъ сѣдокомъ, то имѣлъ видъ чудовищнаго центавра. Дважды собаки выпустили добычу и начали жалобно лаять, чтѣ у нихъ бываетъ знакомъ унынія.

Но по крику чулоса, онѣ снова вцѣпились въ уши быка, хотя были все окровавлены, изодраны, чуть живы.

Наконецъ въ тотъ мигъ когда все думали, что чулось упадетъ отъ изнеможенія на песокъ, онъ приподнялся на хребтѣ быка какъ плясунъ на натянутомъ канатѣ и соскользнулъ на-земь съ быстротою молніи.

Быкъ ринулся вслѣдъ за чулосомъ, таща за собою собакъ. Они сдѣлали кругъ около арены, потомъ чулось рѣшительно остановилась подъ ложею коррехидора, выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ, и блѣдный, но съ гордымъ взоромъ, ожидалъ нападенія быка.

Толпа рукоплескала.

Собаки обѣ скатились полу-мертвыя къ ногамъ молодого человека и съ визгомъ кинули на него какъ-будто послѣдній взоръ упрека: вѣрно, чулось былъ ихъ хозяинъ. Онъ вздрогнулъ, видя ихъ издыхающими, искалѣченными и растерзанными.

— Испугался! кричатъ уже нѣсколько голосовъ.

Но чулось усмѣхается и ступаетъ шагъ къ быку, который шапираетъ на него медлениѣе и съ явной нерѣшимостью. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его коротенькій кинжалъ сейчасъ вонзится промежъ рогами, у смычки костей, мѣста очень нѣжнаго, но много-много съ реалъ. Быкъ заранѣе считается погибшимъ.

Вдругъ замѣчается какое-то движеніе у дверей ограды между королевскими волонтерами, которые стерегутъ ихъ; какіе-то два черныхъ человека входятъ въ ложу коррехидора, который встревожился, всталъ и горячо заговорилъ съ фискаломъ. Донъ Андресъ смущается. Уже нѣкоторыя слова проносятся по толпѣ какъ искра, отъ которой сейчасъ вспыхнетъ пожаръ. Миѣ слышались сло а «бѣглець, трабукэръ, чулось». Въ ту жъ минуту въ ложѣ выпрямилась женщина, нагнулась, устремивъ пламенный и твердый взглядъ на арену и вскричала молодому тороеро голосомъ, въ которомъ не было уже ничего человеческого:

— Muere, chulos! умри, чулось!

Молодой человекъ поднимъ глаза на ложу, склонился, какъ склонился бы сынъ подь благословеніемъ матери, презрительно кинулъ катуку, свое единственное оружіе, въ голову быку и, безоружный, скрестивъ руки на груди, не сводя привѣтливаго и яснаго взору съ дони Росаріо (то была она), ожидалъ чудеснаго избавленія, хотя распаленное дыханіе быка уже обдавало ему лицо.

Страшный быкъ стряхнулъ гриву бандершей, которыми утыкана была его шея и, подхвативъ бѣдняжку, взбросилъ его футовъ на двадцать на воздухъ, три или четыре раза сряду. Онъ потѣшался мщеніемъ.

Въ антрактѣ я узналъ, что чувось былъ не иной кто какъ трабукеръ Крпстоваль, сынъ дона Адреса. На него донесъ одинъ бандерильеро, который устроилъ для него и честь явиться на корридѣ; правосудіе, бывъ увѣдомлено, готовилось схватить его при выходѣ съ арены. Доня Росаріо не хотѣла, чтобъ сынъ ея былъ опозоренъ, и велѣла ему умереть среди его торжества. Крпстоваль, достойный сынъ ея, повиновался.

Случай этотъ произвелъ на меня мучительное впечатлѣніе, и я не чувствовалъ въ себѣ силы присутствовать на корридѣ, которая открылась такимъ необыкновеннымъ образомъ. Я вышелъ и уступилъ мое мѣсто одному агуадору, страстному охотнику, который не могши заплатить за входъ, стоялъ у воротъ цирка, глядя какъ проносили трупы убитыхъ лошадей и быковъ, которыхъ потомъ мулы тащили по песку къ матадѣру или живодѣру.

Доня Росаріо де-Солисъ съ своимъ мужемъ оставили ложу коррехидора уже по окончаніи зрѣлища. Бѣдная женщина затворилась у себя въ молельнѣ и умерла спустя два мѣсяца, жертвою истязаній и непомѣрныхъ постовъ, которые налагала на себя для заглаженія того, что называла преступленіемъ своей гордости.

Донъ Адресъ сохранилъ свое мѣсто. Онъ оставитъ своимъ племянникамъ, сыновьямъ Діэго Фигуэроа, огромное состояніе, потому что вторично не женился.

ФРАНЦУЗЪ ВЪ ГАРЕМѢ ПАШИ. Гаремъ — одно это слово потрясаетъ всѣ фибры Европейца, исполненнаго чувствительности и невѣжества — по-крайней-мѣрѣ въ-отношеніи къ Востоку. Многіе путешественники старались пробраться въ эти завѣтныя обиталища толстыхъ, размалеванныхъ хурій, но, конечно, не многіе съ такой же цѣлью, какъ тотъ, о которомъ ны намъ рѣвеемся доложить вамъ.

Однимъ изъ пашалыковъ азіятской Турціи правилъ наша Али-бей-Али. Жестокъ, ужасенъ былъ паша,—какъ водится у пашей; все трепетало и склонялось передъ его суровымъ взглядомъ. Страшныя казни совершались по одному движенію его капризной воли, по одному мановенію его руки. Множество разсказовъ о его жестокости, отъ которыхъ сердце обливается кровью, ходило въ народѣ. Такъ разсказываютъ, что одинъ ага былъ обвиненъ въ вѣроломствѣ. Паша, не имѣя времени заняться его казнью, послалъ къ нему молодаго эфенди, своего секретаря, съ приказаніемъ: выколоть глазъ виновному; молодой человекъ колебался и извинялся своею неопытностью въ этомъ дѣлѣ. — «Поди сюда», сказалъ паша: и когда тотъ приблизился, Али съ рѣдкимъ проворствомъ, мастерски вонзилъ свой палецъ въ глазъ несчастнаго.

— Рабъ! ты вѣрно съумѣешь теперь повиноваться: иди!...

Никто не срубалъ ятаганомъ головы такъ ловко, какъ Али-бей-Али. Двое изъ его подчиненныхъ, обвиняемые въ смертоубійствѣ, были приведены къ нему на судъ. Каждый изъ нихъ оправдывался, сваливая свою вину на другаго. Очень могло быть, что одинъ изъ нихъ былъ невиненъ, но пашѣ не заблагоразсудилось дѣлать разысканія, да притомъ онъ думалъ, что это дѣло не стоило труда, а потому и рѣшился предоставить его суду Божію. По его приказанію, обвиненныхъ крѣпко связали спинами и объявили имъ, что тотъ изъ нихъ виноватъ, кто не съумѣетъ отклонить удара ятаганомъ отъ своей головы. Тогда началась между обвиняемыми борьба на жизнь и смерть; каждый изъ нихъ старался поставить своего товарища въ ту сторону, съ которой они ожидали удара. Паша нѣсколько времени гѣшилъ этимъ зрѣлищемъ: потомъ вынулъ ятаганъ, взмахнулъ... и обѣ головы разомъ слетѣли съ своихъ мѣстъ.

Али-бей-Али былъ чрезвычайно обрадованъ такимъ неожиданнымъ результатомъ; онъ хохоталъ до слезъ, что случилось съ нимъ очень рѣдко, потому что онъ всегда старался сохранять суровый и важный видъ.

И — о, могущество красоты и женской прелести! сказали бы въ то время, когда восклицанія были въ модѣ — этотъ кровожадный звѣрь дѣлался чуть-чуть не ягненкомъ, когда возлѣ него находилась Баила. Она была любимою его женою, солнцемъ его гарема. Онъ нѣжилъ, баловалъ ее; исполнялъ ея капризы; позволялъ ей многое, о чемъ не осмѣлилась бы и подумать ни одна изъ прочихъ его женъ.

Въ пашалыкѣ все говорили, что ежели Баила захочетъ, то

сдѣлаетъ изъ Али-бей-Али—Жида. Однако жъ бывали минуты, въ которыя и сама Баила могла подвергнуться немилости паши; бывали и съ ея стороны такія просьбы, которыя онъ отвергалъ съ негодованіемъ. Но объ этотъ послѣ.

Въ то же время при французскомъ консулѣ, находившемся въ этомъ пашалыкѣ, былъ секретарь, молодой человѣкъ, Фердинандъ Лассеръ. Этотъ человѣкъ былъ съ дѣтства воспитанъ въ такомъ религіозномъ направленіи, что выйдя изъ училища и вступивъ въ свѣтъ предался дѣлу вѣры всѣмъ своимъ существомъ, со всею живостью молодой, пылкой души. Сердце его страдало, когда онъ узналъ и увидѣлъ всѣ притѣсненія, которымъ подвергались христіане въ пашалыкѣ Али-бей-Али, жесточайшаго врага вѣротерпимости. Фердинандъ Лассеръ старался какъ-нибудь смягчить участь своихъ собратій по религіи; придумывалъ различныя средства, но все было бесполезно. Часто слышалъ онъ, что магометане, порицая поступки Али-бей-Али, говорили: «Если Баила захочетъ, то Али сдѣлается Жидомъ.» Почему же не христіаниномъ? спрашивалъ самъ себя молодой фанатикъ. Часто приходилъ ему въ голову этотъ вопросъ и, наконецъ, онъ рѣшился на неслыханно-отважное предпріятіе. Баила родилась въ Мингрелии и была въ дѣтствѣ воспитана въ христіанской религіи; на этомъ-то обстоятельствѣ Фердинандъ Лассеръ основалъ свои надежды. Онъ рѣшился пробивнуть въ гаремъ паши, достигнуть до сокровенныхъ покоевъ Баилы, краснорѣчіемъ возбудить въ ней христіанское рвеніе, и убѣдить ее принять христіанъ подъ покровительство своей красоты.

Обдумавши это дѣло и твердо рѣшившись его исполнить, Фердинандъ началъ искать средства войти въ гаремъ. Дѣло было не легкое. Разъ какъ-то, гуляя около садовъ паши и поглядывая съ сокрушеннымъ сердцемъ на высокія, неприступныя ихъ ограды, Фердинандъ увидѣлъ, что эти сады были устроены на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки. Геніальная мысль блеснула у него въ головѣ: будучи превосходнымъ пловцомъ, онъ рѣшился броситься ночью въ рѣку нѣсколько по-выше садовъ и спуститься въ нихъ по теченію. Какъ придумано такъ и сдѣлано. Фердинандъ, выбравши темную ночь, съ теплою вѣрою помолился Богу и потомъ привязавъ платье къ шеѣ, бросился въ рѣку, а черезъ четверть часа уже одѣвался въ мокрыя одежды, спрятавшись въ густомъ виноградникѣ саду Али-бей-Али. Тутъ провелъ онъ всю ночь. Можно представить себѣ, что онъ не спалъ.

Утро застало его въ размышленіяхъ. Фердинандъ не зналъ теперь на что ему рѣшиться, съ чего начать. Вдругъ недалеко отъ себя онъ услышалъ человѣческій голосъ. О! если бы Фердинандъ могъ въ эту минуту взглянуть въ зеркало, онъ не узналъ бы самого себя: такъ вдругъ измѣнилось лицо его. Оно сдѣлалось блѣдно, какъ у мертвеца, губы посинѣли, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Зачѣмъ я зашелъ сюда? спрашивалъ онъ самъ себя сквозь слезы... А матушка, а братья, сестры... а Франція, малая Франція! Слезы брызнули изъ глазъ несчастнаго юноши...

Но голосъ раздался снова почти возлѣ того виноградника, въ которомъ спрятался Фердинандъ; и на этотъ разъ онъ узналъ, что это голосъ женщины. Что ежели это сама Багла? Надежда, благотворною росою, освѣжила его ослабѣвшія силы; онъ притаилъ дыханіе и раздвигая густыя вѣтви виноградника, старался увидѣть ту, которая такъ подкрѣпила его своимъ голосомъ. Но что онъ увидѣлъ!... Нѣтъ, не берусь описывать... потому что этихъ красавицъ я не видывалъ; скажу просто: то была роза гарема — Багла. Она сидѣла на персидскомъ коврѣ, подъ тѣнью платана, окруженная подушками. Неподалеку отъ нея лежала на травѣ вѣрная, неразлучная ея рабыня—Маріанна. Безобразное, черное лицо послѣдней, представляла самый рѣзкій контрастъ съ свѣжею бѣлизною Баглы, еще болѣе возвышало красоту очаровательной жены Али-бевъ-Али.

Но что дѣлалъ Фердинандъ? Онъ стоялъ какъ-бы пригвожденный къ землѣ ногами, взорами къ дивнымъ красамъ Баглы. Грѣшный смертный какъ и мы, онъ на минуту, при видѣ этой женщины, забылъ цѣль своего предпріятія, забылъ страданія христіанъ, забылъ весь міръ.

Но онъ скоро вспомнилъ, далъ себѣ строгій выговоръ и рѣшился дѣйствовать. Къ-счастію его, негрятянка заснула, утомленная жаромъ. Прочитавши нѣсколько молитвъ, подкрѣпивъ себя воспоминаніями о мученикахъ, о страданіяхъ своихъ братьевъ, онъ вышелъ наконецъ изъ своей засады и началъ медленно приближаться къ Баглѣ; но пройдя нѣсколько шаговъ, онъ опять остановился, пораженный, изумленный этимъ идеаломъ восточной красоты. Восторгъ, удивленіе, благоговѣніе ясно выразались во всѣхъ чертахъ его лица. Между-тѣмъ Багла была изумлена не менѣе его и еще болѣе испугана. Какая дерзость! посторонній мужчина въ саду гарема!

Фердинандъ, совершенно потерявшись передъ Баглой, не зная съ чего начать, смѣшался и вмѣсто того чтобы молить ее о за-

ступничествѣ христіанъ, онъ спросилъ ее о дорогѣ, по которой могъ бы дойти до города.

«Какъ! иностранецъ, Франкъ, гяуръ, проникъ въ святилище, обманувши бдительность стражей, подвергаясь смерти и все это для того, чтобы спросить гдѣ пройти въ городъ!» Баила приняла раздраженный видъ, обнажила маленькій кинжалъ, висѣвшій у ея пояса и надѣвнымъ жестомъ велѣла ему удалиться.

Молодой человѣкъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, но потомъ опять остановился, задержанный можетъ-быть могуществомъ красоты, а можетъ-быть и цѣлью своего предпріятія. Въ это самое время негрятянка проснулась; она вдругъ вскочила и вскрикнула.

— Чтò съ тобою, Марианна? спросила Баила, ставъ передъ негрятянкою и такимъ образомъ заслонивъ собою Фердинанда отъ глазъ Марианны, вѣроятно, по чувству состраданія къ неосторожному.

— Но эта тѣнь..... развѣ вы не видите ее? Это мужская тѣнь!....

— Вѣрно тѣнь тѣлохранителя: кто же другой осмѣлился бы показаться здѣсь?

— Но тѣлохранителямъ также запрещено входить въ садъ, когда вы тутъ. Мужчина былъ здѣсь! я увѣрена въ этомъ я видѣла тѣнь.

— О какой тѣни говоришь ты? сказала съ досадою Баила.

— Я видѣла! повторила негрятянка.

— Тѣнь дерева, быть-можетъ.

— Деревья не бѣгаютъ, а эта тѣнь бѣжала.

— Тебѣ вѣрно приснилось, моя добрая Марианна.

И Баила такъ увѣрила негрятянку, что та согласилась наконецъ, что мужская тѣнь ей приснилась. Онѣ отправились въ комнаты Баилы. На половинѣ дороги Марианна опять вскрикнула и показала на Фердинанда, спасавшагося бѣгствомъ.

— И на этотъ разъ мнѣ приснилось? сказала она и хотѣла звать на помощь, но Баила зажала ей ротъ своею ручкой и Марианна, преданная своей госпожѣ душою и тѣломъ, повиновалась.

Вошедши въ свои покои, Баила начала размышлять о своемъ приключеніи. Приключенія очень рѣдки въ гаремахъ, а потому это послѣднее чрезвычайно занимало ее. Она думала о молодомъ Франкѣ, который съ такою отважностью проникъ въ гаремъ и для чего же?.... Для того, чтобы спросить ее о дорогѣ. Вотъ чтò

приводило ее въ совершенное отчаяніе. Неужели у него не было другой цѣли? Неужели онъ приходилъ не для того, чтобы взглянуть на Банлу, не для того, чтобы насладиться ея очаровательною красотою? Такіе-то вопросы задавала себѣ Банла; она начала сомнѣваться въ могуществой своей красоты; быть-можетъ я подурнѣла, а можетъ-быть и не была никогда красавицей; но при одной этой мысли горе, тоска овладѣла ея душою. Она начала припоминать свою прошедшую жизнь, но въ этой жизни ничтò не подтверждало ея сомнѣнія насчетъ красоты. Она помнила, что Али-бей-Али заплатилъ за нее двадцать пять тысячъ піастровъ; что на базарь, гдѣ она была куплена, пришли только два человека и оба они тотчасъ же хотѣли купить ее; они поссорились за нее. Потомъ она вспомнила и объ изумленіи Франка; подумала, что онъ не осмѣлился говорить ей о любви. Теперь ей стало ясно, что Франкъ приходилъ для нея; что онъ рисковалъ жизнью, рѣшился на неслыханную дерзость единственно для того только, чтобы взглянуть на нее, полюбоваться ея дивною красотою. О! какъ легко, весело сдѣлалось у нее на душѣ; о! какъ желала теперь она, чтобы Франкъ убрался благополучно изъ опаснаго мѣста; она боялась теперь за его жизнь почти такъ же, какъ и за свою. — «Франкъ любитъ меня, думала Банла; онъ приходитъ для меня». И она была въ восторгѣ.

Въ гаремахъ и понынѣ рассказываютъ еще, что великій султанъ Франковъ, Наполеонъ, пришелъ въ Египетъ съ сильною арміею, для освобожденія красавицы, которую онъ увидѣлъ во-снѣ. Чтò ежели этотъ Франкъ видѣлъ Банлу во-снѣ и рѣшился освободить ее? Эта мысль занимала, радовала Банлу. Она уже любила Фердинанда Лассера, какъ будущаго освободителя.

На другой день Банла вмѣстѣ съ Маріанною отправилась въ садъ и начала усердно истреблять слѣды вчерашняго посѣщенія, для того, чтобы не возбудить подозрѣній въ пашѣ. Придя на берегъ рѣки, Банла увидѣла на пескѣ слѣдъ Фердинанда; ей не хотѣлось уничтожить этотъ послѣдній знакъ посѣщенія Франка; она хотѣла оставить его себѣ на память, но убѣжденная Маріанною въ опасности такого намѣренія, она закрыла этотъ слѣдъ, ступивши нѣсколько разъ поперегъ.

Всякій день Банла приходила въ садъ и всякой день вспоминала объ отважномъ Франкѣ, мечтала о своемъ освобожденіи, но объ освободителѣ не было ни слуху, ни духу. Банла, потрясенная до глубины сердца приключеніемъ съ Франкомъ, выведенная имъ изъ обычной, усыпительной жизни гарема, какъ-бы просну-

лась сердцемъ и душою; и когда опять наступило однообразная, скучная жизнь, а сердце, уже разъ пробужденное, требовало пищи, она начала мучиться тоскою. Не радовали, не веселили ее удовольствія гарема; одно, только одно могло ее утѣшить и это одно—было посѣщеніе Франка. Она старалась узнать что-нибудь объ немъ, но всѣ старанія ея были тщетны, да и притомъ ей было очень опасно дѣлать такія розысканія. Горе ей, если бы объ нихъ узналъ паша: онъ не пощадилъ бы ея красоты.

Однажды Али-бейъ-Али возвратился съ охоты.

— Счастлива ли была ваша охота? спросила его Банла.

— Да, недурна, отвѣчалъ онъ; мой соколъ поймалъ трехъ фазановъ, а я убилъ собаку.

При этихъ словахъ сердце Банлы затрепетало; она не осмѣлилась спросить пашу о смыслѣ послѣднихъ словъ. Оставшись наединѣ съ Маріанною, она бросилась къ ней на шею и со слезами на глазахъ умоляла объяснить слова Али-бейъ-Али.

Та рассказала ей слѣдующее: Паша, возвращаясь съ охоты и проходя мимо своихъ садовъ, увидѣлъ человека бросавагося въ рѣчку. По шапкѣ видно было, что это христіанинъ. Паша выстрѣлилъ въ него и послѣ выстрѣлу ничего не было видно сверхъ воды, кромѣ шапки.

— Такъ ты думаешь, что онъ убитъ! вскричала Банла...

— Да, разумѣется, отвѣчала Маріанна.

Банла предалась совершенному отчаянію. И такъ погибли всѣ ея мечты, которыя лелѣяла она, отъ которыхъ такъ радостно билось ея сердце!

На другой день она посѣтила садъ и увидѣла крестъ, начертанный на пескѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она своею пожкою прикрыла слѣдъ Франка. Онъ любилъ ее, теперь это ясно; онъ говорилъ знаками ея сердцу. И такъ любовь и освобожденіе не были просто мечтою; теперь видно, что онъ хотѣлъ освободить ее и увезти въ свое отечество и что же, онъ уже не существуетъ! Такъ думала Банла и обратила все свое мщеніе на убійцу ея возлюбленнаго Франка, на Али-бейъ-Али. Она начала холодно обращаться съ пашою; не принимала его ласкъ, не хотѣла развеселить его ни гармоническимъ пѣніемъ, ни граціозною пляскою; капризничала, — ей все позволялось — сердила его, дѣлала все противъ его желанія и, наконецъ, довела его до того, что однажды, выведенный изъ терпѣнія, онъ ушелъ отъ нее, задыхаясь отъ бѣшенства. Впрочемъ они скоро опять помирились; Банла начала забывать мало-по-малу своего Франка и притомъ

знала, что опасно слишкомъ раздражать папу, а онъ почувствовать, что для него тягостенъ тотъ день, въ который вѣтъ возлѣ него его возлюбленной Банлы.

Въ это время паша хотѣлъ осмотрѣть одну изъ частей своего пашалыка; онъ пригласилъ съ собою Банлу. Ее несли въ великолѣбномъ паланкинѣ. Сидя въ немъ, она съ удовольствіемъ смотрѣла черезъ занавѣси на толпы народа, падавшія ницъ передъ грознымъ властелиномъ. Ей пріятно было видѣть, что все преклоняется предъ тѣмъ, кто въ свою очередь склоняется передъ ея красотой. Разсматривая преклоненную толпу, она замѣтила посреди ее мужчину, который не только не хотѣлъ склониться подобно всѣмъ, но еще смотрѣлъ на это раболѣпство съ гордостью и презрѣніемъ, которыя ясно выразались на его лицѣ. Банла чрезвычайно удивлялась тому, что стражи не возмутъ дерзкаго. Она увидѣла, что онъ былъ одѣтъ въ франкскій костюмъ; ей показалось, что въ чертахъ его лица было что-то сходное съ тѣмъ Франкомъ, котораго она видѣла въ саду гарема. Такъ онъ живъ, онъ любитъ ее, это видно было по глазамъ. Быть-можетъ, онъ обдумываетъ средства для ея освобожденія. Сильно билось сердце Банлы; еще болѣе полюбила она Фердинанда, увидя его гордаго, смѣлаго посреди раболѣпной толпы.

Возвратясь въ гаремъ, Банла думала только о немъ, ей непремѣнно хотѣлось увидѣть его еще разъ, показать ему, что и она также его любитъ. Она рѣшилась на отважный подвигъ. Въ это время многіе приближенные турецкаго султана, желая угодишь ему — приверженцу нововведеній, позволяли своимъ женамъ прогуливаться по городу. Банла знала, что Али-бенъ-Али первый врагъ всѣхъ этихъ нововведеній; притомъ у нее было еще въ памяти приключеніе съ Аише. Эта Аише была также любимой женою Али и, надѣясь на свое могущество, требовала съ настойчивостью прощенія одному изъ служителей пашы, который за веровство былъ присужденъ къ отсѣченію руки. Въ пылу гнѣва Али отрубилъ носъ своей возлюбленной Аише и потомъ, чтобы показать, что онъ нисколько не раскаивается въ своемъ поступкѣ, выдалъ ее замужъ за безрукаго служителя. Банла хотя и считала себя сильнѣе Аише, но зато и просьба ея была гораздо важнѣе. Однако же желаніе видѣть Франка превозмогло страхъ лишиться носу и она, воспользовавшись удобной минутой, высказала Али-бегъ-Али свою просьбу. Выслушавъ ее, паша съ гнѣвомъ отвергъ ея просьбу. Велика была власть Банлы надъ Али, онъ

выполняла почти всё ея желанія, но тутъ она задѣла быть-можетъ самую слабую струну его сердца — ревность. Послѣ этого отказа Банла уже не возобновляла просьбы о гуляньяхъ.

Между-тѣмъ Франкъ сильно занималъ ее. Сладкія мечтанія приходили ей въ голову, а между прочими и то, что Фердинандъ, освободивши ее, поѣдетъ съ нею во Францію. Эта страна представлялась ей земнымъ раемъ. Она рѣшилась наконецъ еще разъ обратиться къ Маріаннѣ.

— Умоляю васъ не спрашивать меня объ немъ, вскричала негритянка: онъ погубитъ насъ обѣихъ.

— Тебѣ нечего бояться, отвѣчала Банла: ты можешь спрашивать объ немъ, не навлекая никакихъ подозрѣній; всё знаютъ, что старыя женщины любопытны.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ избавить меня отъ этого.

— И такъ ты отказываешься служить мнѣ?

— Да, на этотъ разъ.... Не настаивайте, не просите меня; вы знаете мою слабость, вы знаете, что я легко могу склониться на вашу просьбу и тогда мы погибли. Мнѣ стоило такого труда превозмочь себя и не уступить просьбамъ другой стороны.

— Какъ, ты....

— Этотъ молодой Франкъ рѣдился на нашу гибель.

— Такъ ты знаешь его? Ты его видѣла?

— Развѣ я сказала это? вскричала испуганная негритянка.

— Ты проговорила и измѣнила сама себя. Я знаю теперь, что ты его видѣла, сказала утвердительно Банла.

— Боже мой, что мнѣ дѣлать? Ахъ! Не погубите меня. Да, я, къ несчастію, видѣла его и говорила съ нимъ.

— И говорила....

— Да.

— Такъ что же онъ? Зачѣмъ онъ живетъ здѣсь? Чего онъ хочетъ? Чего надѣется?

— Онъ хочетъ видѣть....

— Кого?

— Васъ.

— Меня! вскричала Банла. Сильно забилось ея сердце, кровь бросилась ей въ лицо, какъ-будто она не могла предвидѣть отъѣзда негритянки.

Но не одна Маріанна знала о желаніи Фердинанда увидѣть Банлу; одинъ изъ тѣлохранителей былъ уже подкупленъ и ожидалъ только удобнаго случая, для того чтобы ввести Фердинанда въ гаремъ. Этотъ случай вскорѣ представился; Царя увѣкаль на

нѣскольکو времени. Ночью Фердинандъ былъ введенъ тѣлохранителемъ въ садъ, въ павильонъ, принадлежавшій Баилѣ. Маріанна тотчасъ же извѣстила обо всемъ этомъ свою госпожу. Та подъ предлогомъ прогулки отправилась въ садъ. Она хотѣла очаровать Фердинанда своею прелестью, роскошью: туалетъ ея совершенно соответствовалъ этой цѣли. Подойдя къ залѣ, въ которой ожидалъ ее таинственный посѣтитель, Баила остановилась. Грудь ея высоко подымалась, дыханіе сперлось отъ сильныхъ ощущеній; она положила руку на сердце какъ бы для того, чтобы удержать его спльное бѣненіе.

— Я боюсь, шептала она.

— Чего же бояться вамъ теперь? сказала Маріанна, поддерживая ее. Паша далеко, все спитъ вокругъ насъ. Франкъ вошелъ не возбудивъ никакихъ подозрѣній.

— Я боюсь, повторила Баила.

Наконецъ она рѣшилась войти и бросивъ еще взглядъ на искушенный и сладострастный беспорядокъ своего туалета, отворила дверь.

Маріанна ушла; Баила осталась наединѣ съ незнакомцемъ. Отбросивъ вуаль, она предстала предъ нимъ во всемъ блескѣ своей страстной красоты.

Нѣсколько минутъ она наслаждалась его смущеніемъ, его изумленіемъ, потомъ показала ему мѣсто на софѣ возлѣ себя. Но Фердинандъ остался неподвижнымъ; онъ закрылъ только глаза, какъ будто то, что онъ увидѣлъ, ослѣпило его своимъ блескомъ. Баила повторила жестъ, которымъ приглашала его сѣсть.

Молодой Франкъ приблизился къ ней и закрылъ ее вуалью. — Баила удивилась, но подумала: можетъ-быть это такъ водится у Франковъ. Потомъ Фердинандъ сѣлъ возлѣ нея на софу.

— Слушайте меня со вниманіемъ, сказалъ молодой человекъ: теперь наступила минута, которая можетъ-быть будетъ для меня и для васъ эпохою славы и спасенія.

Баила не понимала его; она придвинулась къ нему еще ближе.

— Вы родились христіанкой, продолжалъ онъ: ваше отечество — Мингрелія.

Баила подумала, что онъ пришелъ изъ ея родины и хотѣлъ сообщить ей какія-нибудь извѣстія о ея семействѣ. Теперь она еще больше полюбила этого человѣка, потому что онъ — ея соотечественникъ; съ нимъ связаны воспоминанія о дѣтствѣ, о родномъ краѣ.

— Вы, вѣрно, другъ моихъ братьевъ? спросила она.

Въ эту минуту откровенности, Багла коснулась своею рукою руки Фердинанда. Онъ задрожалъ; потомъ всталъ поспѣшно, перекрестился и сказалъ торжественнымъ голосомъ:

— Да, я другъ вашихъ братьевъ, вашихъ братьевъ христіанъ, которые страдаютъ отъ притѣсненій деспота, и отъ васъ зависятъ теперь смягчить ихъ участь. Жестокій Дагеръ, повелитель части Сирія и Палестины, взявши къ себѣ въ помощники христіанина Ибрагимъ Саббара, покровительствовалъ потомъ послѣдователямъ Христа. Развѣ вы не имѣете надъ Али-бевъ-Али власти еще большей, нежели та, которую имѣлъ Ибрагимъ надъ своимъ повелителемъ?... Отъ васъ зависятъ теперь сдѣлать изъ наши покровителя христіанъ. Вспомните, что вы сама христіанка, что чрезъ это доброе дѣло вы заслужите, можетъ-быть, вѣчное блаженство.

Изумленная, раздраженная, стояла Багла передъ Фердинандомъ; гнѣвъ блестѣлъ въ ея черныхъ глазахъ. Какъ! вмѣсто признанія въ любви, вмѣсто-того чтобы на колѣняхъ умолять ее о благосклонномъ взглядѣ, о поцѣлуѣ, какъ о блаженствѣ изъ блаженствъ, онъ проситъ ее о заступничествѣ какимъ-то христіанамъ. Такъ не красота Баглы привела его въ гаремъ, не она заставила его пренебречь тысячью опасностей, подвергаться лишенію жизни; такъ онъ и не думалъ о ея спасеніи. Самолюбіе Баглы было сильно затруто.

— Зачѣмъ пришелъ ты сюда? вскричала она, выйдя изъ опѣшенія?

— Для того чтобы научить васъ сожалѣть, плакать о вашей прошедшей жизни, спасти васъ самихъ, и спасти съ вами и посредствомъ васъ нашихъ братій, христіанъ.

— Поди прочь, посланникъ дьявола! удались, закричала раздраженная одалыка, завертываясь въ длинную вуаль. Поди прочь и будь проклята.

— Нѣтъ, не выговяйте меня такимъ образомъ, говорилъ съ энтузіазмомъ молодой человекъ: выслушайте меня. — Богъ, внушившій мнѣ мысль объ этомъ святомъ дѣлѣ, перемиантъ ваше сердце; онъ можетъ это сдѣлать и сдѣлаетъ.

— Я не знаю твоего Бога, нечестивецъ! Поди прочь.

— О! не хулите Бога отцовъ вашихъ; не отвергайте святыхъ вѣрованій, которыя на ваше спасеніе быть-можетъ еще остались въ вашемъ сердцѣ.

Стараясь ее успокоить, онъ началъ подходить къ ней.

— Не приближайся, закричала одалыка. И вставши, дрожа отъ

гнѣву, она позвала Марианну. Она уже хотѣла выйти, какъ-вдругъ дверь отворилась и паша, окруженный тѣлохранителями, предсталъ предъ взорами изумленной Банлы.

Быть-можетъ гнѣвъ одалыки достигъ самой высшей степени, или просто въ ней сильно заговорило чувство самосохраненія и сдѣлало ее безжалостною, только, придя въ себя послѣ перваго испугу, она закричала:

— Убейте, убейте его!

И показала на Фердинанда. Молодой человекъ посмотрѣлъ на нее печальнымъ взоромъ, въ которомъ выражались ангельская кротость и милосердіе. Банла содрогнулась отъ этого взору и зарыла лицо руками. Одинъ изъ тѣлохранителей поднялъ саблю надъ головою Фердинанда, но Али остановилъ ударъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ; я не хочу, чтобы онъ умеръ такъ скоро.

И, бросая взоры, полные ярости на каждого изъ подозрѣваемыхъ, онъ медленно, съ удареніемъ на каждомъ словѣ, произнесъ эту ужасную фразу:

— Кровь его не должна выбиться ключомъ, какъ вода фонтана, но должна сочиться по каплѣ, какъ тихій источникъ, вода котораго падаетъ со скалы, капля за каплей.

На Востокѣ во всемъ — поэзія. Тогда онъ сказалъ нѣсколько словъ тѣлохранителю, стоявшему подлѣ него; потомъ христианина увели.

Оставшись наединѣ съ Банлою, Али раздраженъ потокомъ рѣчей, въ которыхъ выражались ревность и подозрѣнія; но съ нимъ одалыка бормотала только объясненія, которое началось бы ударомъ кинжала, а такъ какъ теперь оно началось только угрозами, то она была совершенно увѣрена въ своей безопасности.

Принявши удивленный видъ, осморбленную мину, стирался въ то же время быть сколько возможно прекрасною, она съ искусствомъ расточала передъ степеннымъ Османлы всѣ прелести полу-прикрывающаго туалета, такъ кокетливо приготовленнаго для христианина.

Паша уже почти вѣрилъ ей невинности, но онъ приготовлялъ ей ужасныя испытанія.

— Слушай, сказалъ онъ Банлѣ, показывая на дверь, въ которую увели Фердинанда.

Она начала слушать, но ничего не могла разслушать, кромѣ глухаго, смѣшаннаго шума.

— Чтѣ это? спросила она.

— Ничего, ничего еще, отвѣчалъ паша.

Онъ началъ ходить съ нетерпѣвiемъ; наконецъ, не выдержавъ, ударилъ въ ладоши. На этотъ зовъ явился тѣлохранитель.

— Отчего же не выполняются мои приказанiя? спросилъ Али-бенъ-Али.

— Онъ выполненъ, отвѣчалъ тѣлохранитель: но тщетно употребляемъ мы противъ этого христіанина всѣ мучительнѣйшія пытки, онъ не испустилъ еще ни одного крику, ни одного стону.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Молится.

— Не открылъ ли онъ чего-нибудь?

— Ничего.

— Привести его сюда. Если на него не дѣйствуютъ наказанiя, то, можетъ-быть, подѣйствуетъ милосердіе.

Услышавъ это приказаніе, Банла вдругъ лишилась спокойствiя и увѣренности; одно показаніе Фердинанда можетъ погубить ее. Скрывши подъ вуаль блѣдное лицо свое, она съ трепетомъ ожидала окончательнаго результата этой сцены.

— Какъ! я рисковала жизнью для того, чтобы услышать поученіе этого жалкаго проповѣдника! повторяла про-себя Банла, устремивъ на Фердинанда взоръ, полный тоски: зачѣмъ не убилъ онъ его тогда, когда я приказывала? или зачѣмъ не умеръ онъ во время пытки, подъ ударами кавасовъ? Однако же, взглянувъ на Фердинанда, истерзаннаго, окровавленнаго и всё-таки съ небесною кротостью во взорѣ, она почувствовала, что жалость стѣснила ея сердце.

— Христіанинъ, сказалъ Али-бенъ-Али, что привело тебя сюда?

— Ея спасеніе, отвѣчалъ Фердинандъ, устремивъ взоръ на Банлу: а, можетъ-быть, и твое, прибавилъ онъ.

— Какъ! собака, сынъ собаки, ты хотѣлъ сдѣлать изъ меня христіанина, и чтобы обратить меня къ твоему повѣрiю — ты воспользовался моимъ отсутствiемъ?

— Я сказалъ правду, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Ты лжешь, глуръ! закричалъ паша. Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы удержаться отъ гнѣву. Ну, будь откровеннѣе, сказалъ онъ снисходительнымъ тономъ: не увеличивай ложью твоего преступленiя. Ты знаешь очень хорошо, что мусульманина нельзя сдѣлать христіаниномъ.

— Я надѣялся, по-крайней-мѣрѣ, сдѣлать тебя благосклоннѣе къ моимъ собратiямъ, сказалъ плѣнникъ.

— Развѣ это твои братья, это сборище шамаловъ, которые каждый день кусаютъ другъ друга; это племя невѣрныхъ, которые

забыли свой собственный законъ? На что они жалуются?... Изъ однихъ я сдѣлалъ хорошихъ христіанъ, посредствомъ мученичества; изъ другихъ добрыхъ мусульманъ, посредствомъ убѣжденія. Сверхъ-того, развѣ ты ихъ священникъ?... Нѣтъ, ты одинъ изъ тѣхъ легкомысленныхъ глауровъ, которые стараются распространить между нами ихъ нечестивые обычаи. Оставь хитрость и ложь; ты, вѣрно, слышалъ о красотѣ этой рабы (онъ показалъ на Банлу), и, рискуя жизнью, хотѣлъ насытить ею свои глаза. Не такъ ли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фердинандъ.

— Какъ же нашелъ ты средства соединиться съ нею? Кто былъ твоимъ проводникомъ? Какимъ образомъ она приняла тебя здѣсь?

Но онъ не получилъ отвѣта ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ; онъ почувствовалъ только дрожаніе колѣнъ Банлы, на которыя опирался руками.

— Христіанинъ, опять началъ нава: я повторяю тебѣ еще разъ, будь откровененъ. Скажи мнѣ, какую надежду имѣлъ ты; покажи мнѣ того, кто ввелъ тебя, назови мнѣ твоихъ сообщниковъ, и тогда, можетъ-быть, ты получишь прощеніе. Говори, я тебя слушаю.

Но плѣнникъ молчалъ.

— Говори, говори, глауръ, еще есть время; только этою цѣною ты можешь выкупить свою жизнь.

Фердинандъ Лассеръ молчалъ; онъ смотрѣлъ теперь на себя, какъ на невинную жертву и рѣшился принять мученическую смерть. А какъ билось сердце Банлы! Какъ дрожала вся она отъ страху! она находилась между жизнью и смертью. Чтѣ, ежели Франкъ не выдастъ меня? говорила про-себя Банла. О! тогда она любила бы его; она сожалѣла бы о его смерти.

— Да знаешь ли ты, какая смерть ожидаетъ тебя? спросилъ Али-бей-Али.

— Какова бы ни была она, я готовъ ее принять.

Говоря это, Фердинандъ твердо рѣшился не выдавать своихъ сообщниковъ.

— И ты ни о чемъ не жалѣешь въ этой жизни? сказалъ нава.

— Ни о чемъ.

— И ты мнѣ ничего не откроешь?

— Нѣтъ! отвѣчалъ рѣшительно Фердинандъ.

О! если бы онъ могъ постичь чувства Банлы въ это время; онъ узналъ бы, что сердце ея пылало къ нему любовью.

— Я желалъ бы только одного, сказалъ Фердинандъ послѣ нѣшотораго молчанія.

— Чего, чего? вскричалъ съ нетерпѣніемъ паша.

Баба затрепетала.

— Я желалъ бы, сказалъ Фердинандъ Лассеръ, чтобы пастырь нашей святой религіи напутствовалъ меня передъ смертью.

Паша задумался; потомъ адская улыбка появилась у него на устахъ.

— О! это желаніе можетъ быть исполнено, сказалъ онъ.

Потомъ, обращаясь къ тѣлохранителямъ, прибавилъ:

— Привести сюда собаку, которую я сегодня привезъ съ собою.

Черезъ нѣсколько минутъ ввели старца, который былъ настоятелемъ монастыря въ пашалыкѣ Али-бенъ-Али.

— Такъ ты не заплатишь мнѣ подати, старая собака? грозно закричалъ паша, обращаясь къ старику.

— Великодушный Али! подумай, гдѣ мнѣ взять ее? Ты знаешь, что мы всѣ бѣдны и имѣемъ только хлѣбъ насущный.

— Я ничего не хочу знать. Впрочемъ, сказалъ Али, помолчавъ немного: ты можешь избавиться отъ этой подати, если будешь повиноваться моему приказанію.

— Чтò же долженъ я сдѣлать? спросилъ старикъ.

— Призови проклятіе твоего Бога на голову этой собаки. Да, ты умрешь, прибавилъ онъ обращаясь къ Фердинанду, проклинаясь священникомъ твоей религіи.

Али захохоталъ.

Фердинандъ наклонилъ голову, готовясь принять и проклятіе и смерть.

— Какой вы религіи? спросилъ его священникъ.

— Христіанинъ! отвѣчалъ Фердинандъ.

— Въ такомъ случаѣ благословляю тебя, сынъ мой.

Раздался выстрѣлъ и старикъ съ раздробленною головою повалился на-полъ.

— Уберите эту собаку! сказалъ Али, обращаясь къ тѣлохранителямъ: и оставьте насъ однихъ.

Трушъ убитаго вынесли.

— Такъ ты и теперь ничего не скажешь мнѣ, и теперь ничего не откроешь? говорилъ паша.

— Ничего. Я рѣшился умереть!

— Теперь, сказалъ Али, обращаясь къ Бабѣ и притворяясь ладнокровнымъ: теперь мы раздѣлимъ его между собою (онъ

показалъ на Фердинанда). Я возьму себѣ его голову, а тебѣ, моя вѣрная, что же тебѣ дать? О! я знаю что тебѣ дать; онъ любилъ тебя, онъ отдалъ тебѣ свое сердце, такъ поди же возьми его!

Банла, испуганная, не знала какой смыслъ придать этимъ словамъ.

— Поди и возьми его! повторилъ паша: онъ такъ любить тебя. Поди, поди, душа моя, и если ты не сможешь вырвать это гнусное сердце твоимъ кинжаломъ, то возьми мой.

Банла, смущенная и пораженная этими словами, стояла неподвижно.

— Развѣ ты не слышишь меня?... Ты, кажется, шутишь со мною. Ужъ не любишь ли ты его и потому можешь-быть тебѣ не хочется отправить его къ дьяволу?

Одалыка упала передъ нимъ на колѣни; она рыдала.

— Будешь ли ты повиноваться?

Она поднесла руку къ своему кинжалу.

— Возьми мой! сказалъ паша.

И онъ подалъ ей свой кинжалъ.

— Ну, возьми же теперь его сердце. Ты колеблешься!... дрожишь!... Такъ ты любишь его?... бѣшено заревѣлъ паша.

— Да, я люблю его, злодѣй! воскликнула Банла.

И въ то же время все лезвее кинжала вошло по самую рукоять въ сердце Али-бенъ-Али.

— Проклятiе, проклятiе тебѣ! хрипѣлъ онъ умирая.

Фердинандъ стоялъ какъ пораженный громомъ, а Банла, какъ-бы вдругъ одаренная въ эту минуту присутствiемъ духа и ума, собрала въ кучу ковры, подушки, мебели и зажгла все это. Дверецъ Али былъ деревянный и черезъ нѣсколько времени его охватило пламенемъ. Всѣ суетились, бѣгали, спасались, а между тѣмъ Фердинандъ и Банла, пользуясь общимъ смятенiемъ, убралась изъ дворца.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Фердинандъ Лассеръ и Банла, бывшая любовница Али-бенъ-Али, составляли одно изъ самыхъ счастливыхъ супружествъ, живущихъ въ Парижѣ.

глухо-нѣмой русскiй живописецъ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что такое — пуфъ. Это выдумка, болѣе или менѣе хитрая, замысловатая, неправдоподобная, которая употребляется въ нѣхія времена для наполненiя порожнихъ столбцовъ газеты. Англiйскiе и французскiе пуфы иногда очень удачны и часто переходятъ отъ одного конца Европы до другаго, потѣшая ласка-

вѣрїемъ читателей. Но вѣмецкіе пуфы еще интереснѣе; они всегда бывають такіе дюжіе, дикіе, полновѣсные. Недавно мнѣ попался одинъ изъ этихъ вѣмецкихъ пуфовъ, которымъ я подѣлюсь съ читателями «Библіотеки для Чтенія» тѣмъ охотнѣе, что дѣло идетъ о знаменитомъ русскомъ живописцѣ. Вотъ это произведеніе вѣмецкаго остроумія:

Никто изъ посѣщавшихъ берлинскую художественную выставку не прошелъ безъ вниманія мимо трехъ или четырехъ картинъ, отличающихся отъ прочихъ особенностью своего колорита и оригинальностью художественнаго изображенія южной природы. Если мы скажемъ, что эти внѣшнее и внутреннее свойства состоятъ преимущественно въ совершенно особенной характеристикѣ освѣщенія и прибавимъ, что главный эффектъ основывается на изумительномъ изображеніи великолѣпнаго и блестящаго отраженія воды, то едва-ли кто изъ взглянувшихъ, даже мѣлкомъ, на эти картины, усомнится въ томъ, что мы говоримъ о картинахъ И. Айвазовскаго, изъ которыхъ одна представляетъ «Константинополь при лунномъ свѣтѣ», другая «Принцева Острова близъ Константинополя» и третья «Приморскій крымскій берегъ при лунномъ свѣтѣ». Если бѣ даже можно было сказать что-нибудь противъ этихъ картинъ, наиримѣръ, что лунный свѣтъ на первой и третьей представленъ слишкомъ рѣзко и сильно, или что «Принцева Острова» на второй, отъ незначительнаго убавленія свѣту, отражающагося на часть моря, заключенную между нимъ и берегомъ, и отъ величины отдаленныхъ валовъ, кажутся зрителю лежащими ближе, нежели это слѣдуетъ по внимательномъ разсмотрѣніи находящихся по берегу острововъ строеній; короче, если и можно открыть въ нихъ эти или другіе еще недостатки, которыхъ исчислять здѣсь мы не имѣемъ обязанности, всё-таки произведенія эти принадлежать неоспоримо къ числу замѣчательнѣйшихъ въ живописи, и въ-особенности живописи ландшафтной. Поэтому, не безъ интересу будетъ для нашихъ читателей услышать кое-что о творцѣ такихъ образцовыхъ произведеній.

Изъ довольно достовернаго источника мы узнали, что этотъ замѣчательный человѣкъ лишень слуху и языка, и года четыре назадъ, лечился въ-которое время въ Берлинѣ. Онъ жилъ тогда въ Карлсбадѣ (близъ Потсдамскихъ Воротъ) съ прекраснѣйшею и любезнѣйшею молодою женою и маленькимъ сыномъ, вовсе не чуждался людей и посѣщая иногда общества. Айвазовскій еще молодой человѣкъ, видной наружности, съ прекрасными жуе-

ственными стремленіями, основной характеръ которыхъ—доброжелательство и нѣкоторая меланхолическая кротость. Онъ, въ-особенности, извѣстенъ своею любовью къ маленькимъ дѣтямъ, съ которыми становится самъ дитей, бѣгаетъ по саду, валется по травѣ и проводитъ съ ними цѣлые часы. Впрочемъ, онъ весьма образованъ и въ разговорѣ, который, натурально, ведетъ онъ языкомъ пальцевъ и мнѣвъ, весьма живъ и весьма остроуменъ. Больше мы ничего не могли узнать о немъ. Между-тѣмъ, мы надѣемся, что этого будетъ достаточно для убѣжденія нашихъ дамъ, если только онѣ заранѣе не убѣждены, что Айвазовскій величайшій, потому что интереснѣйшій, художникъ настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. По скажемъ откровенно: мы теперь понимаемъ великое впечатлѣніе, которое производятъ его картины на зрителя. Только лишенный одного существеннаго органа, художникъ могъ концентрировать въ глазѣ такую проицательность и такую силу, которыя усматриваемъ мы въ его воззрѣніи на природу; мудрая природа однѣвъ только этотъ органъ развила въ совершенствѣ, и потому художникъ, котораго впечатлѣніа не раздѣлились по многообразнымъ органамъ, необходимо долженъ былъ пріобрѣсть, вслѣдствіе этого недостатка, почти сверхъестественную силу воззрѣнія и соразмѣрный ей даръ представленія, которымъ удивляемся мы въ картинахъ Айвазовскаго.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *l'Angelus, Вечерня*, драма въ пяти актахъ, господъ Dennery и Lafitte'a.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ герцогствѣ, дядя похитилъ престолъ у своего малолѣтняго племянника, котораго живо записалъ въ мертвецы. Ограбленный наследникъ воспитывается подъ именемъ роднаго сына у жены дровосѣка, которая питаетъ къ нему совершенно материнскія чувства и хранитъ тайну рожденія даже отъ него самого, чрезвычайно добросовѣстно, выродомъ девятнадцати лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Узнать тайну молодой человекъ долженъ, когда ему минетъ двадцать лѣтъ. Но чѣмъ ближе подходитъ срокъ, тѣмъ труднѣеженъ дровосѣка становится хранить ее. Тайна тяготитъ, давитъ, пугаетъ, терзаетъ ее. Наконецъ она не выдержала, проболталась, и такъ шло, что, кромѣ Дженнaro, — какъ звали наследника, — подслушали еще двое посторонніе, которые и рѣшились воспользоваться открытіемъ. Оба, съ карабинами на плечахъ, идутъ къ старому дубовому душу, гдѣ, по показанію кормилицы, хранится ларчикъ съ документами Дженнaro. Тамъ одинъ другаго уби-

заетъ и становится единственнымъ обладателемъ сокровища, посредствомъ котораго надѣется воротить себѣ милость царствующаго герцога и званіе перваго министра, тогда какъ по разнымъ законнымъ и незаконнымъ причинамъ долженъ ожидать висѣлицы. На звукъ выстрѣла сбѣгается народъ. Находятъ убитаго дровосѣка, мужа болтливой кормилицы Дженнаро. Кто совершилъ это убійство? Дровосѣкъ Бракки всегда хорошо платитъ своимъ батракамъ. Никто не знаетъ, чтобы у Бракки были враги. Онъ только наканунѣ немножко побранился съ своимъ пасынкомъ Дженнаро. На основаніи этого, правосудіе съ свойственною себѣ проникательностью заключаетъ, что убійца долженъ быть Дженнаро. Судьи требуютъ, чтобы Дженнаро въ оправданіе свое объявилъ, гдѣ находился въ то время, когда убійство совершалось. Дженнаро молчитъ, потому что въ то самое время способствовалъ тайному побѣгу одной знатной дамы. Къ довершенію бѣдствія, на мѣстѣ преступленія найдено Дженнарово ружье, разумеется, украденное убійцей. Словомъ, Дженнаро кругомъ виноватъ. Убійца Торриакки между-тѣмъ воротился на свое мѣсто перваго министра и воротилъ расположеніе къ себѣ герцога, доказавъ ему, какъ полезно поспѣшить казнить претендента Дженнаро. Дженнаро погибъ бы неизбежно, если бы не было пятого акта, гдѣ обыкновенно является драматическое провидѣніе. Похищенные изъ дубоваго дупла документы попадаютъ въ руки вдовствующей герцогини, Дженнаро спасенъ, хищникъ сверженъ съ престола, Торриакки на висѣлицѣ и все въ порядкѣ.

2. *La Juive de Constantine*, *Константинская Жидовка*, драма въ пяти актахъ, господъ Théophile Gautier и Noël Parfait.

Въ Константиинѣ живетъ Жидъ Наваанъ. У Жида Наваана есть красавица дочка Леа, въ которую влюблены Кабилъ Бенъ-Аисса, не любимый, и Французъ, капитанъ Морисъ д'Эрвьеръ, любимый взаимно и сверхъ-того еще любимый сестрою Кабила, Кадиджей, къ которой не чувствуетъ ничего взаимнаго и которая, внимая голосу своей африканской крови, клянется страшно отомстить Французу за невниманіе и Жидовкѣ за дерзость, за оскорбленіе, однимъ словомъ, за то что она любитъ Француза. Исполняя клятву, Кадиджа, во-первыхъ, открываетъ Жиду Наваану любовь его дочери къ христіанину, во-вторыхъ, передаетъ неблагодарнаго Француза въ руки своего брата Бенъ-Аиссы. Жидъ Наваанъ, взявши дочку въ домъ, къ великому огорченію своему узнаетъ, что прекрасная Леа не только любитъ христіанина, но и сама

уже сдѣлалась христіанкой. За это двойное преступленіе избѣ-
 шенный Жидъ опанываетъ отступнику дочь взваромъ маку и объ-
 являетъ погруженную въ летаргическій сонъ умершую. Ромео,
 конечно, пришелъ бы спасти свою Джульетту, но Ромео, то есть,
 д'Эрвьере, въ плѣну у Кабилонъ, которые готовятся зарѣзать
 его какъ теленка и отѣсть, на праздникъ. Кадиджѣ съ одной
 стороны стало жаль молодца, съ другой она узнала, что ея со-
 перница Леа умерла. Это — заблужденіе простительное для А-
 фриканцевъ. Кадиджа не можетъ наравнѣ съ нами знать, что
 первая любовицы никогда не умираютъ въ первомъ актѣ. Она
 предлагаетъ французскому капитану свободу, но капитанъ не хо-
 четъ покинуть своихъ товарищей въ плѣну и лучше соглашается
 погибнуть. Кадиджа въ отчаяніи отъ удачи своего мщенія. Но
 ее выручаетъ пятая любовь.... Надобно вамъ знать, что кромѣ
 четырехъ вышепоименованныхъ любей, — любви Француза къ
 Леа, любви Леа къ Французу, любви Бенъ-Аиссы къ Леа и люб-
 ви Кадиджи къ Французу, — въ драмѣ есть еще любовь другаго
 Кабила, Бенъ-Талода, къ Кадиджѣ. Посредствомъ *сей послѣдней*
 Кадиджа освобождаетъ всѣхъ плѣнныхъ Французовъ и вытѣ-
 сьъ нимъ капитана д'Эрвьера. Д'Эрвьере на побѣгѣ изъ плѣну
 попадаетъ на жидовское кладбище въ то самое время, когда туда
 же приходитъ Жидъ Наоанъ, и Кабилъ Бенъ-Аисса — однакъ, чтобы
 проститься съ дочерью, которая по его отцовской волѣ должна
 выйти изъ могилы и навсегда покинуть Алжирію, другою, чтобы
 увезти мертвое тѣло той, которая не досталась ему живая. Пер-
 вый съ мнимо-умершею встрѣчается Бенъ-Аисса. Съ одной сто-
 роны крикъ удивленія, съ другой крикъ ужасу. Тутъ подоспѣ-
 ваетъ отецъ, который гонитъ дочь со свѣту алжирскаго, одна-
 ко жъ не хочетъ, чтобы она досталась Кабиланъ и съ самымъ
 чадолюбивымъ намѣреніемъ поражаетъ Бенъ-Аиссу въ голову
 заступомъ. Прибѣгаютъ спаги. Наоанъ спасается бѣгствомъ.
 Спаги находятъ только раненаго Кабила, Леа и капитана
 д'Эрвьера, на котораго умирающей безсовестно клеветаетъ,
 какъ на своего убійцу. Д'Эрвьера отдаютъ подъ военный
 судъ. Леа можетъ спасти своего любезнаго, но для этого
 она должна выдать отца, положеніе довольно невріатное для
 доброй дочери, которая притомъ еще кое-въ-чемъ виновата не-
 редъ виновникомъ своихъ дней. Кадиджа предлагаетъ ей упро-
 стить вопросъ выходомъ замужъ за ея брата Бенъ-Аиссу, который
 еще не умеръ, какъ и должно было заключить изъ его рѣши-
 мости на облыжное показаніе. Умирающіе, какъ извѣстно, не

лгутъ, развѣ за весьма немногими исключеніями. Леа бьется согласиться на предложенную сдѣлку, потому что это можетъ не понравиться капитану д'Эрвьеру. Прекрасная Жидовка между рѣганъ дѣлается въ страшной тревогѣ. Наконецъ ее избавляетъ отъ этого отчаяннаго положенія самъ отецъ. Онъ идетъ объявить суду настоящую убійцу неубитаго Кабила. Но убитый Кабилъ Бенъ-Аисса заступаетъ ему дорогу и грозитъ за спасеніе Француза сбросить въ пропасть Лею, которая находится въ рукахъ Кабиловъ. Для этого Бенъ-Аисса стѣдуетъ только подать своимъ товарищамъ условный знакъ. Жидъ не слушаетъ угрозъ, идетъ. Дѣвушка летитъ въ пропасть и черезъ нѣсколько минутъ капитанъ д'Эрвьеръ падаетъ въ объятія Леи. Кадиджа, потерявъ всякую надежду, пожертвовала собою для счастья того, котораго любила, и заступила мѣсто Леи.

Съ достовѣрностью еще не извѣстно, какой успѣхъ имѣла эта драма, потому что первый авторъ ея—Теодилъ Готье, знаменитый и остроумный фельетонистъ и критикъ, котораго не только авторы, но и собратья рецензента порядочно побаиваются. По перечню содержанія однако же вы можете судить, что эффектныхъ сценъ довольно много. Опытности у Теодила Готье—также много, почти во всѣхъ родахъ литературной работы, а слогъ у него всегда изысканный и блестящій.

Музыкальная новость. Объ италіанской оперѣ почти не говорятъ въ Петербургѣ: она далеко не возбуждаетъ такого всеобщаго, животрепещущаго интересу, какъ было при Визардъ и Рубини, однако все-таки она служитъ главнымъ фокусомъ музыкальной жизни, и мелодіи Борси, Сальви, Тамбурини — во всѣхъ домахъ, гдѣ музыка въ модѣ и во вкусѣ, распѣваются болѣе или менѣе хорошенькими губками или губами, разыгрываются болѣе или менѣе искусными палочками и пальцами, повторяются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Втеченіи прошлаго мѣсяца являлись «Храмовый рыцарь», Николай, «Линда де-Шамуни», Доппетти и «Сорока-воровка», Россини. «Храмовый рыцарь» прошел тихо, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда. «Линда», итальянская опера, очень понравилась. «Сорока-воровка», покажется, даже еще однажды и объ успѣхѣ ея поговоримъ въ слѣдующій разъ, потому что первое представленіе, даже при самыхъ лучшихъ артистахъ, всегда какъ-то похоже на послѣднюю решетку и не имѣетъ округленности цѣлаго, которая составляетъ масштабъ его достоинства и можетъ быть достигнута только повтореніемъ представленій. Слышно, что скоро явится на сценѣ

Оберова *Muette de Portici* въ итальянской обдѣлкѣ, подѣ именемъ «Фенеллы». Очаровательный Сальви, будетъ играть *Mazaniello*. Крайне любопытно слышать эту чисто-французскую музыку, исполненную итальянскими пѣвцами, которые тутъ отваживаются на поприще чуждое, даже враждебное ихъ манерѣ пѣнія. *Audaces fortuna juvat!* Во всякомъ случаѣ мы съ удовольствіемъ послушаемъ эту веселую оперу, которая, давно уже побывавъ на нѣмецкой оперной сценѣ, совершенно исчезла изъ репертуара. Возвышенія интересу итальянской оперы ожидали мы отъ приглашенія въ оркестръ Вьё-Тана; однако жъ половина зимы уже прошла, а онъ еще ни разу не явился съ своей знаменитой скрипкой. Чтò бы опять дать намъ хоть разъ «Ломбардцевъ» Верди! Эта столько любимая, въ прошлую зиму, опера, доставила бы намъ случай снова услышать этого превосходнаго скрипача.

Поговоривъ объ оперѣ, скажемъ кое-что о чисто-музыкальныхъ новостяхъ. Во-первыхъ, упомянемъ объ одномъ виртуозѣ-трубачѣ, которому предшествуетъ очень выгодная молва и который скоро дастъ свой концертъ. Это — Саксе, капельмейстеръ кавалерійской музыки короля ганноверскаго. Говорятъ, онъ производитъ необыкновенныя, удивительныя вещи на своемъ инструментѣ, столь неудобномъ для игры соло. Преніе и то очень рѣдкіе артисты-трубачи въ своихъ эффектахъ, сильно напоминали только паденіе іерихонскихъ стѣнъ; но Саксе старается извлекать изъ своего инструмента болѣе мягкой, пѣвучій звукъ. Въмѣсто воинскихъ напѣвовъ, онъ будетъ играть намъ сантиментальныя итальянскія оперныя мелодіи (*casta diva*, и прочѣе), чтò хотя не будетъ безусловно-прекрасно эстетически, однако нѣтъ рѣдкій и не непріятный эффектъ, — а это уже очень много въ подобномъ случаѣ. Теперь спрашивается, какое больше назпаченіе трубы, воинское или артистическое? Если первое, то Саксе едва ли заслужитъ благодарность за свои успѣхи. Если же послѣднее, то онъ стоить живѣйшаго поощренія, за то, что его труба выкинула военный громъ, слѣзла съ коня и явилась въ концертную залу, гдѣ рѣшится теперь вопросъ, такъ ли же обольстительныя ея звуки для человѣческихъ ушей, какъ для слуху благородныхъ коней, которые воспаляются или къ боевому жару и отвагѣ. Заключивъ наши нынѣшнія петербургскія музыкальныя извѣстія другою новостію, которая живо заинтересуетъ нашу пѣсенюлюбивую публику.

На-дняхъ прибылъ сюда изъ Италіи нѣкогда столь славный

теворясть Давидъ; онъ хочетъ поселиться у насъ и сдѣлаться учителемъ пѣнія. Его пригласилъ прїѣхать въ Петербургъ племянникъ его, нашъ извѣстный учитель пѣнія Давидъ, который, къ большому сожалѣнію своихъ многочисленныхъ ученицъ, оставляетъ Петербургъ и избралъ преемникомъ по себѣ своего славнаго дядю.

Обратимся къ заграничнымъ новостямъ музыкальнаго свѣта и, во-первыхъ, бросимъ взглядъ на Парижъ. Бѣольшая часть уѣзжающихъ на лѣто артистовъ возвратились въ столицу и готовятся снова занять свои мѣста на театрахъ или въ концертныхъ залахъ. Театральныя представленія и концерты въ пользу потерпѣвшихъ отъ наводненій въ южной Франціи, все-еще продолжаютъ. Большая-Опера дала у себя съ этой цѣлью «Отелло» и балетъ *le Diable à quatre*. Представленіе, не заключавшее въ себѣ ничего новаго, принесло сбору только шесть тысячъ франковъ. Габенекъ, знаменитый капельмейстеръ Большой-Оперы и Консерваторіи, отказался отъ должности и уѣзжаетъ въ свое помѣстье. Онъ первый въ Парижѣ исполнялъ Бетгоуеновы оркестриыя композиціи, именно сначала вторую симфонію *d-dur*, а потомъ чудесное *adante* *a-moll*, изъ осмой симфоніи *a-dur*. Въ послѣднее время онъ дирижировалъ еще придворнымъ оркестромъ въ Сенъ-Клу и получалъ знаки отличнаго благоволенія отъ короля и королевы. На его мѣсто назначенъ Жираръ (*Girard*), бывшій доселѣ капельмейстеромъ Комической-Оперы. Въ Большой-Оперѣ, которая покуда не дала еще ничего новаго, проходили повторенія «Жидовки», «Роберта», «Гугенотовъ» и «Фаворитки», съ пѣвцами Дюпрѣ, Гардонн, пѣвицами Штольцъ и Росси-Какція. Въ Комической-Оперѣ *Mousquetaires de la reine*, Галеви, дожили уже до ста втораго представленія и все съ одинаковымъ успѣхомъ. (Фортепьянная оркестровка этой миленькой оперы, недавно появилась въ Петербургѣ въ музыкальномъ магазинѣ Бернара, и можетъ быть смѣло рекомендована всѣмъ любителямъ музыки.) На томъ же театрѣ очень хорошо принята публикою небольшая опера молодого композитора Буржа (*Bourges*), «Султанша», *Sultane*. Главную роль въ ней занимаетъ голландская тюльпанная луневизца. Итальянская-Опера не произвела ничего новаго. Въ повтореніи «Нормы» Гриси, какъ обыкновенно, праздновала свой лучшій триумфъ. Гекторъ Берлиозъ недавно окончилъ новую большую композицію, которая скоро появится на театрѣ Комической-Оперы; ея названіе: *la Damnation de Faust*. Предметъ взятъ изъ Гётева Фауста. Какъ извѣстно, Берлиозъ давно

уже написалъ музыку для пѣсенъ вѣдьмъ этой драмы и послалъ ее къ поэту. Впослѣдствіи онъ уничтожилъ эту композицію, какъ недостойную его. Не воспользовался ли онъ ею по мѣстамъ въ своемъ новомъ сочиненіи? — Фелиціямъ Давидъ, оправившись отъ паденія своего «Моисей на Синаѣ», готовитъ также нѣчто новое. — Въ Лондонѣ, къ наступающему сезону, который, какъ извѣстно, начинается въ концѣ марта, ожидаютъ италіянскую оперу съ балетомъ, какой можетъ-быть нигдѣ еще никогда не бывало. Директоръ Lumley ангажировалъ: пѣвицъ Фреңцоллини, Корбари, Кастелланъ (которая недавно имѣла большой успѣхъ въ Единбургѣ), пѣвцовъ Сальви, Гардони, Тамбурини, Фраскини, Колетти и Лаблаша. Балетъ составляется изъ первыхъ танцовщицъ въ мірѣ: Фанни Эльслеръ, Тальони, Черрито, Люціи Гранъ и Карлотты Гризи. — Виард-Гарсія продолжаетъ въ Берлинѣ производить fugue и возбуждать всеобщее вниманіе. Говоримъ всеобщее, потому что даже воры изъявили ей вниманіе. Недавно она пожертвовала весь свой бенефисный сборъ въ пользу бѣдныхъ, — черезъ день потомъ у нея было украдено все домашнее серебро. — Пѣиисты нынче становятся настоящими кругосвѣтными путешественниками. Prudent уѣхалъ изъ Парижа и отправляется черезъ южную Францію въ Африку, а оттуда на Мальту и въ Константинополь. Леопольдъ Мейеръ все-еще производитъ восторга въ Америкѣ; вполгода онъ далъ не меньше шестидесяти концертовъ: восемь въ Новомъ-Орлеанѣ, четыре въ Филадельфій, четыре въ Балтиморѣ, три въ Вашингтонѣ, пять въ Цинциннати, по три въ Луизвилѣ, въ Патчезѣ, въ Питтсбургѣ, въ Монреалѣ, въ Торонто, и такъ далѣе. Вернувшись въ Нью-Йоркъ, онъ устроилъ музыкальный праздникъ, на который стеклось болѣе трехъ тысячъ слушателей и который, по общему желанію, надо было повторить черезъ нѣсколько дней. Главными триумфомъ пѣииста служатъ теперь его Carnival de Venise и Marche magésine. — Скрипачъ Камилъ Сивори также ѣдетъ въ Америку. Видно, Америка становится обѣтованной землею артистовъ. Судя по этому, надо ожидать, что Россія, которая уже четверть столѣтія пользовалась этой честью, теперь по-меньше будетъ наводняться концертными билетами. — Женни Линдъ кончила свои «гостиныя роли» во Франкфуртѣ на Майнѣ и уѣхала въ Вѣну. Во Франкфуртѣ ожидаютъ теперь Виард-Гарсію. — Слышно, что Листъ пересунитъ на мѣсто Донизетти главнымъ директоромъ придворной музыки въ Вѣнѣ.

Композиторы и пѣиисты — дѣй враждебныя рати, которыя бо-

рются между собою, кто кого зарѣжетъ. Композиторы полагаютъ надежду побѣды на свою неистощимость, и высылаютъ безпрестанно новыя полчища вдохновеній, известныхъ подъ названіемъ трудностей; враги этого народу, піанисты, рубя напропалую, неустрашимо побѣждаютъ ихъ иногда, болѣе или менѣе. Сдѣлаемъ коротенькій смотръ новымъ полчищамъ, недавно высланнымъ на сраженіе композиторами. Есть полчища всякаго роду. Вотъ тяжело вооруженные, съ ногъ до головы закованные въ латы наѣздки Тальберга: *Фигаро*, изъ «Севильскаго цирюльника», *Мазаниелло*, изъ *La Muette de Portici*, *Цампа*, *Семирамида*, все отлично выѣзженныя трудности: врагамъ не легко будетъ побѣдить, и послѣдуетъ много жестокихъ неудачъ: пальцы должны проявить чудеса храбрости. Рать вдохновеній Листа покамѣстъ не получила подкрѣпленія. Правда, она похожа на «старую гвардію» Наполеона: подъ предводительствомъ своего гениальнаго командира, она разбиваетъ сердца и беретъ въ плѣнъ всѣ уши; а подъ рукою другихъ, въ крайнемъ случаѣ *умираетъ*, но не *сдается*. Зато Шопень подослалъ резервъ самыхъ нарядныхъ мазурокъ своему полчищу, одному изъ немногихъ, которые стоятъ на собственныхъ ногахъ. Это уже пятьдесятъ-девятый отрядъ, но онъ всё-еще хорошъ, свѣжъ и ювъ, какъ любой изъ первыхъ. Особенно третья, пылкая мазурка *fa diese minore*, нанесетъ много ранъ чувствительнымъ сердцамъ своими благородными и въ то же время нѣжными фразами. Дѣлеть, лхой гусарь, сильно подкрѣпилъ свою рать болшею частію бодрыми молодецкими піесами: *Galop brillant*, своей лхой рьяностью увлекаетъ все остальное за собою; рядомъ ѣдетъ отличный *Trot des Chevaliers-gardes*, который, прежде чѣмъ явился, уже возбудилъ общій фуроръ. Три изящныя и исполненныя вкусу композиціи графа Віельгорскаго, Алябьева и Глинки (op. 60.), могутъ ожидать горячаго приему у любителей русскыхъ напѣвовъ. Леопольдъ Мейеръ, атаманъ казачьей фортепіанной сѣчи, учинилъ грабежу на три тетради этюдовъ, которыя впрочемъ не хуже другихъ; но видно, что господинъ Мейеръ казачествуетъ по владѣніямъ Тальберга. Вотъ наконецъ одно изъ тѣхъ могучихъ явленій силы, которыя если и бываютъ побѣждаемы, зато никогда не истребляются подъ пальцами: Мендельсона-Бартольди второе тріо, для фортепіано, скрипки и виолончели (op. 66.). Толпа фортепіаныхъ рыцарей робко отступитъ передъ нимъ, и хорошо сдѣлаетъ. Но для тѣхъ, которые любятъ правильныя музыкальныя сраженія, для тѣхъ, если найдется потребное вспоможеніе въ

скрипачѣ и виолончелистѣ нужно только объявленіе, чтобы они тотчасъ же взялись съ жаромъ за новое трио.

Позвольте еще завести рѣчь о пѣвнн и обратить вниманіе ваше на вдохновенія новаго композитора, извѣстнаго очень дестно въ родной сторонѣ, Ливоніи, но еще не довольно знакомаго столицѣ. М. А. фонъ Голеево-Голеевскій — прекрасный, преминтересный, самообытный талантъ. Мелодіи его на слова русскихъ поэтовъ особенно Пушкина, исполнены музыкальнаго чувства, души, вкусу: слышенъ голосъ сердца, тотъ трогательный голосъ природы, въ который такъ рѣдко попадаютъ мелодисты, напичканныя фокусами искусства. Преимущество господина Голеевскаго можетъ быть главнѣйше и состоитъ въ томъ, что онъ композиторъ не изъ ученыхъ. У него есть ошибки: наприимѣръ, мелодія иногда пропадаетъ въ *голосъ* и должна искать себѣ окончанія въ *аккомпаниментъ*. Но все-таки тутъ видѣнъ отличный, натуральный талантъ. Избѣгая этихъ погрѣшностей и нѣкоторыхъ другихъ, примѣтныхъ впрочемъ только опытнымъ знатокамъ ремесла, господинъ Голеевскій въ скоромъ времени заслужитъ себѣ непременно громкую извѣстность. Господинъ Голеевскій прекрасно играетъ на фортепиано, и знакомъ со всѣми лучшими твореніями въ области музыки. Недавно еще достаточный ливондскій помѣщикъ, изъ числа тамошняго рыцарства, человекъ съ хорошимъ воспитаніемъ и благородными привычками, онъ занимается музыкой какъ страстный и понятливый любитель. Несчастныя обстоятельства принудили его недавно искать въ ней средства къ поддержанію своего семейства. Онъ, благородно опираясь на свой талантъ, потребовалъ отъ него той помощи, которой нельзя стыдиться никому ни передъ людьми, ни передъ собою, и преподаетъ теперь здѣсь уроки игры на фортепиано, аккомпанируетъ въ двѣ и въ четыре руки, сочиняетъ прелестныя романсы: тотъ, который долженъ дѣлиться вскорѣ въ Нувеллистѣ, болѣе всѣхъ намъ понравился. Отцы и матери семействъ не могутъ найти для дѣтей своихъ фортепианнаго учителя лучше, надежнѣе, приличнѣе господина Голеевскаго; вниманіе и уваженіе къ несчастію они такимъ образомъ соединяютъ съ пользою чадъ своихъ и съ своимъ личнымъ удовольствіемъ. (Адресъ его можно узнать въ музыкальномъ магазинѣ господина Бернарда, который печатаетъ его піесы, или у господина Лихтеншталя.)

Почти всѣ новыя піесы, которыя мы бѣгло осматрѣли, находятся въ богатомъ музыкальномъ магазинѣ господина Бернарда:

мы перелистывали тамъ кучи новостей, присланныхъ изъ всѣхъ музыкальныхъ странъ Европы. Въ числѣ новостей мы видѣли великолѣпный «лигель», недавно присланный сюда для удивленія и продажи славною лейпцигской фабрикой Брейткопфа и Гершеля. Механика этого «лигеля» — Эрарова. Инструментъ, какъ мебель, богатое украшеніе комнаты.

Господинъ Бернаръ, въ то же время, какъ извѣстно, издатель нотнаго журнала «Нувеллиста», и музыкальнаго листка, составляющаго прибавленіе къ этому журналу. Надо отдать честь опрятности и изяществу печати, красноте бумаги, а болѣе всего безпогрѣшности гравировки. Уже и этими достоинствами, особливо послѣднимъ, журналъ Бернара выгодно отличается отъ нѣкоторыхъ прочихъ. А что касается до содержанія, то *Нувеллистомъ* онъ называется по праву: тутъ — не только хорошій выборъ новѣйшихъ піесъ, явившихся за границею, выборъ сдѣланный съ хорошимъ музыкальнымъ вкусомъ и удовлетворяющій различнымъ требованіямъ, но и въ каждой тетради какое-нибудь незаданное твореніе того или другаго извѣстнаго композитора. Такимъ образомъ «Нувеллистъ» украсился втеченіи года оригинальными произведеніями Листа, Гальберга, Дёлера, многихъ другихъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой нотный журналъ. Господинъ Бернаръ объявляетъ, что, для будущихъ тетрадей у него приготовлены незаданныя еще композиціи Гендельта, который такъ давно не печаталъ ничего новаго, Дёлера, Львова (увертюра къ новой оперѣ «Ундина», о которой такъ много говорятъ), Голедскаго и прочая. Для начинающихъ находятя особенно приложеніе самыхъ легкихъ піесъ; для поющихъ есть русскіе и французскіе романсы, и, чтобы всякому была своя доля, для тѣхъ, которые не могутъ ни играть, ни пѣть — разсужденіе о музыкальныхъ дѣлахъ и дѣльщикахъ, на русскомъ языкѣ, полный музыкальный журналъ, который каждый мѣсяцъ на осьми страницахъ въ листъ старается разсказать все, что сама знаетъ. «Нувеллистъ» рѣшительно развиваея и усовершенствовался въ послѣднее время, согласно своему обшанію.

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской
Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петпльа, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

SCIENCES ET ARTS.

- DUNOYER.** De la liberté du travail ou simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Bruxelles, 1846. 1 vol. grand in-8. 2 r. 50 c.
- DUPIN.** Géométrie Stéréométrique, ou collection de figures en carton pour faciliter l'étude de la géométrie. Paris, 1842. 1 vol. in-8. cartonné. 2 r.
- ESPIARD DE COLONGE.** Artillerie pratique employée sous les règnes et dans les guerres de Louis XIV et Louis XV. Paris, 1846. 1 vol. in-4. avec un atlas de 68 planches. 15 r.
- FLACHAT, BARRAULT et PETIET.** Traité de la fabrication de la fonte de fer, envisagée sous les trois rapports chimique, mécanique et commercial. Paris, 1842 à 1846. 3 vol. in-4. avec un atlas in-folio de 92 planches. 57 r. 15 c.
- GARELLA.** Projet d'un canal de jonction de l'Océan pacifique et de l'Océan Atlantique à travers l'Isthme de Panama. Paris, 1845. 1 vol. in-8. avec carte. 1 r. 70 c.
- GÉNIEYS et COUSINERY.** Recueil de tables à l'usage des ingénieurs. Paris, 1846. Tome 2-e. in-8. 3 r. 45 c.
- MONON.** Des télégraphes aériens et électriques. Paris, 1845. 1 vol. in-8. avec planche. 45 c.
- GORGIAS.** Eloquence et improvisation. Art de la parole oratoire, au barreau, à la tribune, à la chaire. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- GRANDS prix d'architecture.** Projets couronnés, par l'Académie Royale des Beaux-Arts de France. Liège, 1842 à 1846. 24 livraisons in-folio. 27 r.
- MALLOT.** Nouvel équipage des ponts militaires de l'Autriche. Paris, 1846. 1 vol. in-8. avec atlas in-4. de 43 planches. 10 r.
- HEIDELOFF.** L'ornementation du moyen âge, ou collection d'ornemens et de profils remarquables tirés de l'architecture byzantine et du style germanique. Paris, 1845. Tome 1-er in-4. cartonné. 11 r.
- JOURNAL** du génie civil, des sciences et des arts, à l'usage des ingénieurs

- constructeurs des vaisseaux, des ponts et chaussées, des ingénieurs militaires, etc. Paris, 1846. Janvier à Juillet et abr. 14 r.
- JULLIEN et VALERIO. Nouveau manuel complet du chaudronnier. Paris, 1846. 1 vol. in-18. avec planche. 1 r.
- LA GRANGE. Le grand livre du destin. Répertoire général des sciences occultes. Paris, 1845. 1 vol. in-8. 2 r.
- LAMARE. Nouvelles considérations sur les travaux de défense projetés au Havre. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 60 c
- LEMONNIER. Commentaire sur les principales polices d'assurance maritime unites en France. Paris, 1843. 2 vol. in-8. 4 r. 45 c.
- LEROY. Traité de stéréotomie, comprenant les applications de la géométrie descriptive, à la théorie des ombres, la perspective linéaire, la gnomonique, la coupe des pierres et la charpente. Liège, 1845. 1 vol. in-4. avec atlas in-folio de 74 planches. 9 r.
- LEWIS. Traité du jeu des Echecs, traduit de l'anglais par Witcomb, et arrangé suivant le système de Kieseritzky. Paris, 1845. 1 vol. in-8. 2 r. 85 c.
- MATHIAS et CALLON. Etudes sur la navigation fluviale par la vapeur. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.
- MÉMOIRE sur le jet des bombes ou en général sur la projection des corps. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 60 c.
- MESNARD. Lettre aux parisiens sur les télégraphes et notamment sur le télégraphe Gouou. Paris, 1845. 1 vol. in-8. 45 c.
- MILLON et REIZET. Annuaire de chimie, comprenant les applications de cette science à la médecine et à la pharmacie. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 2 r.
- MORIN. Cours et études d'animaux d'après Adam, Cooper et autres. Paris, 1846. 1 vol. in-8. oblong cartonné. 2 r.
- Cours et études de figures d'après Julien et autres. Paris, 1846. 1 vol. in-8. oblong cartonné. 2 r.
- Cours et études de paysage, d'après divers artistes. Paris, 1846. 1 vol. in-8. oblong cartonné. 2 r.
- Leçons variées de dessin, figures, paysages, animaux. Paris, 1846. 1 vol. in-8. oblong cartonné. 2 r.
- MORDECAI. Expériences sur les poudres de guerre, faites à l'arsenal de Washington en 1843 et 1844, traduites de l'anglais par Rieffel. Paris, 1846. 1-ere liv. in-8. 2 r. 85 c.
- MULLER. Traité des armes portatives actuellement en usage dans l'armée Autrichienne, précédé d'un précis historique et d'une instruction sur l'art du tir. Paris, 1846. 1 vol. in-8. 2 r. 30 c.
- MUNIN. Chimie expérimentale et théorique, appliquée aux arts industriels et agricoles. Paris, 1845. 2 vol. in-8. 4 r.

- MICHAELSON.** Le mécanicien anglais, ou description pratique des arts mécaniques de la Grande-Bretagne. Nouvelle édition accompagnée d'un appendix sur les chemins de fer et les machines à vapeur. Paris. 1842. 2 vol. in-8. avec 100 planches gravées. 5 r.
- ОҢТО.** Tables balistiques générales, pour le tir élevé; traduites de l'allemand par Rieffel. Paris, 1844. 1 vol. in 8. 2 r. 15 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Черскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для всего оркестра.

- AUBER.** Ouverture de l'opéra: la Sirène. (4 r. 29 c.).
- CANTHAL.** Hamburger Dampf-Walzer, op. 67. (4 r.). Polka militaire, op. 80. (2 r. 85 c.). Galop de clochettes d'après la Part du diable, op. 81. (3 r. 43 c.). Schützchens-Polka, op. 82. (2 r. 85 c.). Carnevals-Polka, op. 84. (2 r. 85 c.). Venus-Polka, op. 90. (2 r. 29 c.). Soldatengruss. Marsch, op. 95. (2 r. 29 c.).
- FLOTOW.** Ouverture de l'opéra: Stradella. (2 r. 29 c.).
- GRAZIANI.** Aufstand in der Hölle, Galop und die Wahnsinnige, Polka. (2 r. 58 c.).
- GUNG'L.** Die Industriellen-Walzer, op. 44. (2 r. 85 c.). Potsdamer-Casino-Polka, op. 45. Ein Tropfen aus der Oder, Polka, op. 46. (2 r. 58 c.). Stettiner-Soirée-Walzer, op. 48. (2 r. 58 c.). Willkommen im Grünen. Walzer, op. 49. (2 r. 85 c.). Sommers-Salon-Polka, op. 50. Parade Marsch, op. 51. (2 r.). Wiedersehen, Walzer, op. 52. (2 r. 85 c.). Breslauer Vauxhall-Polka, op. 53. Mazurka, op. 54. (1 r. 72 c.). Vagabonden-Polka, op. 55. Gamsinius-Polka, op. 56. (2 r. 58 c.). Terpsichoreus-Schwingen-Walzer, op. 58. (2 r. 85 c.). Elfen-Quadrille, op. 57. Marsch an Schleswig-Holstein, op. 59. (3 r. 43 c.).
- HALEVY.** Ouverture de l'opéra: les Mousquetaires de la reine. (4 r. 29 c.).
- KALLIWODA.** Dixième ouverture de concert, op. 142. (4 r.). Onzième ouverture de concert, op. 143. (3 r. 43 c.).
- LABITZKY.** Gruss an Berlin. Drei Polkas, op. 122. (2 r. 58 c.). Liver-

- pool-Walzer, op. 123. (2 r. 85 c.). Hortensia-Quadrille, op. 124
 Camélien-Galop, op. 125. (2 r. 85 c.). Seelen-Spiegel, Walzer, op.
 126. (2 r. 85 c.). Posthof-Klänge. Drei Polkas, op. 127, und Ma-
 zurka, op. 128. (3 r. 43 c.). Esterhazy-Walzer, op. 129. (2 r. 58 c.).
LEUTNER. Hildegard-Polka und Carnevals-Polka, op. 57. (1 r. 72 c.).
LUMBYE. Tänze. № 14. Erinnerung an Berlin. Walzer. (2 r. 85 c.).
 № 15. Souvenir de Jenny Lind. Walzer. (2 r. 85 c.). № 16. Kroll's.
 Ballklänge. Walzer. (3 r. 43 c.). № 17. Berliner-Studenten-Polka.
 (1 r. 72 c.). № 18. Hühner-Masken-Quadrille. (2 r. 85 c.). № 19.
 Amelle-Walzer. (1 r. 43 c.). № 20. Sophien-Mazurka. (1 r. 43 c.).
 № 21. Der Günstling. Walzer. (2 r. 85 c.). № 22. La résignation.
 Walzer. (3 r. 43 c.). № 23. Reunion-Galop. (2 r. 29 c.). № 24.
 Mein Lebewohl an Berlin. Walzer. (3 r. 43 c.).
MARSCHNER. Overture de l'opéra: Adolph von Nassau, op. 130. (5 r.
 15 c.).
SPOHR. Concert-Ouverture im ersten Style, op. 126. (5 r. 58 c.).
STRAUSS. Oesterreichische Jubelklänge. Walzer, op. 179. (3 r. 15 c.).
 Sommernachtsträume, Walzer, op. 180. (3 r. 15 c.). Heitere Lebens-
 bilder, Walzer, op. 181. (3 r. 85 c.). Die Landjuoker, Walzer, op.
 182. (3 r. 15 c.). Amoretten-Quadrille, op. 183. (2 r. 85 c.). Con-
 cordia-Walzer, op. 184. (3 r. 43 c.). Sophien-Walzer, op. 185. (3
 r. 15 c.). Moldauklänge, Walzer, op. 186. (3 r. 43 c.). Concert-
 Souvenir-Quadrille, op. 187. (2 r. 85 c.).
STRAUSS, (Sohn). Sinngedichte. Walzer, op. 1. (3 r. 43 c.). Nchüt-
 Quadrille, op. 2. (2 r. 29 c.). Herzenslust-Polka, op. 3. (1 r. 72 c.).
 Gunst-Werber, Walzer, op. 4. (2 r. 85 c.). Serail-Tänze, op. 5.
 (2 r. 85 c.). Cythereu-Quadrille, op. 6. (2 r. 29 c.). Die jungen
 Wiener-Walzer, op. 7. (2 r. 85 c.). Patrioten-Marsch, op. 8. (1 r.
 72 c.). Amazonen-Polka, op. 9. (1 r. 15 c.).
WAGNER. Overture zur Oper: Tannhäuser und der Sängerkrieg auf
 Wartburg. (6 r. 85 c.).

Школы и упражнения для пения.

- APRILE.** Exercices pour la vocalisation. (3 r. 43 c.).
BORDOGNI. Douze nouvelles vocalises pour Mezzo Soprano, liv. 1. 2.
 (4 r. 58 c.). Douze nouvelles vocalises à 2 voix pour Soprano et
 Mezzo-Soprano. (3 r. 43 c.).
CRESCENTINI. Recueil d'exercices pour la vocalisation musicale. (2 r.
 58 c.).
CURCI. Le petit solfège pour Contralto. (1 r. 72 c.).
DOZZI. Exercices journaliers pour le chant. (2 r. 43 c.).

- GARCIA.** L'art du chant. Première partie. (6 r. 85 c.). Exercices pour la voix. Méthode pratique. (3 r. 43 c.).
- LABLACHE.** Méthode complète de chant pour la voix de Soprano. (6 r. 29 c.), idem pour la Basse. (6 r. 29 c.).
- LECARPENTIER.** Petit solfège avec accompagnement de piano, composé pour les enfants. (2 r. 58 c.). Petit solfège dédié aux pensionnats, (parlé de chant). (72 c.).
- PANSERON.** A B C musical dédié aux mères de famille. Petit solfège sans accompagnement. (1 r.). Méthode complète de vocalisation pour Soprano. (12 r.), idem pour Contralto ou Basse. (12 r.).
- PIERMARINI.** Cours de chant ou études et exercices progressives. (11 r. 50 c.).
- RIGHINI.** Exercices pour se perfectionner dans l'art de chant, avec accompagnement de piano, op. 10. Nouvelle édition. (3 r. 15 c.).
- VACCAI.** Metodo pratico di canto italiano. (3 r. 43 c.).
- ZINGARELLI.** École moderne de chant. Solfèges, avec accompagnement de piano. (3 r. 43 c.).

Пьесы для скрипки.

- ALARD.** Concerto pour le violon, avec accompagnement de piano, op. 15. (4 r. 58 c.).
- BERLOT.** Neuvième air varié pour le violon, avec accompagnement de piano, op. 52. (2 r. 58 c.).
- BOTT.** Quatre morceaux de salon pour violon et piano, op. 1. (2 r. 85 c.).
- JANSA.** Der junge Opernfreund. Melodien für Violine mit Begleitung des Piano, op. 60. № 21. **NICOLAI,** Il templario. (85 c.). № 22. **FLOROW,** Alessandro Stradella. (85 c.).
- KALLIWODA.** Six pièces de salon pour violon, avec piano, op. 148. Cah. 1. 2. (3 r. 72 c.).
- PANOFKA.** Romance de Opéra : Don Sebastien, transcrite pour violon avec piano, op. 51. (85 c.). Grand rondau de concert pour violon, avec acc. de piano, op. 56. (2 r.).
- REISSIGER.** Quatre morceaux caractéristiques pour le violon et piano, op. 184. (4 r.).
- HALEVY.** Les mousquetaires de la reine, arrangé pour violon seul par **PANOFKA.** (1 r. 72 c.).
- OPÉRAS italiens,** arrangés pour violon seul. № 1. Lucrezia-Borgia, (1 r. 15 c.). № 2. Lucia di Lammermoor, (1 r. 15 c.). № 3. La Sonnambula, (1 r.). № 4. Norma, (1 r.).
- POLKAS** nationales pour violon seul. (85 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумку не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы для объявленія).

Въ томъ же магазинѣ вышла двѣнадцатая тетрадь «Нувелиста», которая содержитъ въ себѣ: *Doehler. Le postillon. Rondeau sur une mélodie de S. A. S. le prince de Hohenzollern-Hechingen, (inédit).* — *Bernard. Complainte du mendiant, (inédit).* — *Sterny. Romance sans paroles.* — *Lazek. Sur les alpes. Pièce fugitive à trois mains.* — *Wethold. Impromptu, (inédit).* — *Kontsky. La Cerrito. Mazurka.* — *Beurer. Petite fantaisie sur la Lucia di Lammermoor.* — *Herz Fantaisie sur les Paritains de Bellini.* — Голеевскій. Адела, романсъ, слова Пушкина, (inédite). — Агаго. Sois mon courrier. Romance. — Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп.).

НУВЕЛЛИСТЪ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ и ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ 1847 ГОДУ НА ТѢХЪ ЖЕ ОСНОВАНІЯХЪ, КАКЪ и ВЪ НЫНѢШНЕМЪ 1846. Иногородные, желающіе возобновить подписку, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, чтобы вѣрнѣе получать тетради, благоволятъ относиться только въ *Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Погтамта*, или въ магазинъ издателя, на *Невскомъ Проспектѣ въ домъ Паскаля, № 11.*

=

МОДЫ.

Всѣ описанія нарядовъ, сообщенныхъ въ прошломъ мѣсяцѣ и моды, входившія тогда въ употребленіе, теперь окончательно приняты; сѣренкія шляпки избраны рѣшительно, какъ самыя милыя: для разнообразія нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ съ синимъ, лиловымъ, серизовымъ и розовымъ подбоемъ. Зеленыя шляпки также въ уваженіи; темныя дѣлаются изъ обыкновеннаго, а свѣтло-зеленыя изъ неразрѣзнаго бархату; бѣлыя шляпки убираютъ бѣлыми маленькими марабу или однимъ пышнымъ страусовымъ перомъ и бѣлымъ широкимъ кружевомъ, спущеннымъ по обѣимъ сторонамъ въ видѣ шарфа; концы его не за-

вязываются как прежде у подбородка, а свободно разгибаются; подъ поля подкалываютъ лимоннаго цвѣту или пунцовыя ленты; при темныхъ волосахъ это восхитительно. Наклоки разнообразны до безконечности; фасонъ ихъ до такой стѣпени фантастическій, что можно сказать только-что для нихъ употребляется; но сдѣлать описаніе ясное, отчетливое, совершенно невозможно. Изъ этихъ идеальныхъ созданій замѣчательны: тюрбанъ Zorâide, бѣлый газъ то собранный, то сложенный глубокими складками, сшитый и перебитый золотой парчой и золотыми свурками; два конца газу неравной величины, висящіе съ обѣихъ сторонъ, въ на-вратилскомъ вкусѣ, окачиваются пышными золотыми кистями; цѣлое нѣжно, легко и великолѣпно; тюрбанъ «Бесиль» темно-фіолетовой бархатъ, который соединяется и свивается съ золотымъ кружевомъ, бахромой и пюзументомъ, — также произведеніе вполне художественное, чудесное! «Жидовка», навилка изъ золотой парчи, убранныя изумруднаго цвѣту бархатомъ; перебитыя нѣтъ съ бѣлымъ газомъ, затканнымъ золотыми и шелковыми разводами яркихъ, пестрыхъ цвѣтовъ; петли, розетки и длинныя спущенные по сторонамъ концы, все составлено изъ соединенія этихъ трехъ разнородныхъ матерій и производитъ эффектъ очаровательный! Много видно наѣлокъ изъ атласныхъ лентъ яркихъ цвѣтовъ; очень хороши малиновыя съ золотымъ бордюромъ или бахромой, пунцовыя съ затканными пестрыми съ золотомъ турецкими бортиками на черномъ грунтѣ, оранжевыя съ чернымъ и черныя или темныя съ золотыми мелкими разводами. Последнія хороши и въ балныхъ дѣвчечьихъ нарядахъ; но тогда дѣлается только одна пышная розетка съ длинными концами, приколотая между косою почти у самаго уха съ правой стороны. Корсажи всё-еще дѣлаютъ совсѣмъ закрытыя; рукава гладкіе, застегнутые на пуговицы у кисти руки; нѣкоторые дѣлаютъ совсѣмъ гладкіе вверху и чуть собранные съ маленькой обшивкой внизу; но эти еще рѣдко встрѣчаются. Уборка юбокъ болѣею частью впереди, на это употребляютъ преимущественно блестящія всѣхъ родовъ пуговицы, маленькія и очень большія, черныя, синія, зеленыя и бѣлыя подъ опаль, стальныя или Natural и стальныя вороненыя. Шарфы пунцовые; розовые и голубые и бѣлые кружевные почти замѣнили мантіи всѣхъ родовъ.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ

НА СООРУЖЕНІЕ ПАМЯТНИКА И. А. КРЫЛОВУ, ПОСТУПИВШІЯ СЪ 1 ІЮЛЯ ПО 1 ОКТЯБРЯ 1845 ГОДА.

=

До 1 Іюля 1845 г. получено было 10,030 р. 87³/₄ к. сер., потомъ поступило:

Отъ Гг. Чиновниковъ состоящихъ на Горныхъ Уральскихъ заводахъ въ командѣ Главнаго пріемщика въ Артиллерию металловъ Генераль-Маіора Врубеля 1-го 17 р. 43 к.; 3-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса Исправляющаго должность Начальника Штаба Полковника Прибыткова 2 р.; Подполковника Маркова 1 р.; Командира Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка Полковника Баркъ-Петровскаго 6 р. 51 к.; Начальника 2-й Драгунской дивизіи Генераль-Лейтенанта Монтрезора 2 р. 85³/₄ к.; Командира и офицеровъ Его Высочества Принца Эмилія Гессенскаго полка 5 р. 85¹/₂ к.; Командующаго Рижскимъ полкомъ Полковника Величко 3 р.; Поручика Каменскаго 1 р.; Поручика Соболевскаго 1 р.; Начальника 3-й Конно-

Артиллерійской дивизіи Генераль-Маіора Купреянова 5 р.; Командира Конно-батарейной № 23 батареи Капитана Колобова 5 р.; Штабъ-Капитана Барона Розена 1 р. 50 к.; Поручика Антонова 1 р. 50 к.; Подпоручика Шпикулова 1 р., Прапорщиковъ: Остелецкого 1 р.; Федорова 1 р.; Бехтѣева 1 р.; Лобова 1 р. 50 к.; Ушкова 2-го 1 р.; Кильхена 1 р.; Князя Ухтомского 3 р.; Командира и офицеровъ Конно-Легкой № 24 батареи 8 р. 5¹/₂ к.; Штабъ-Лекаря Коллежского Совѣтника Моляревскаго 1 р.; Командира Конно-Батарейной № 25 батареи Полковника Кича 2 р.; офицеровъ той же батареи 4 р. 50 к.; Лекаря Алексѣевского 1 р.; Командира Конно-Легкой № 26 батареи Полковника Хрулева 2 р.; офицеровъ той же батареи 3 р. 50 к.; Командира 1-го Конно-Пионернаго эскадрона Полковника Барона Каульбарса 5 р.; Капитана Дуже 3 р.; Штабъ-Капитана Пистолькорса 3 р.; Поручика Мальша 1 р. 50 к.; Поручика Харжевскаго 1 р.; Подпоручиковъ: Масалова 1 р.; Рагозы 1 р. Колобова 1 р.; Куликовскаго 1 р.; Петрушевскаго 50 к.; Степанова 1 р.; Прапорщиковъ: Богдановскаго 1 р.; Граббе 1 р.; Троянскаго 1 р.; Матова 1 р. 50 к.; Дурова 1 р.; Броневскаго 1 р.; разныхъ лицъ Константиноградскаго уѣзда 34 р. 36 к.; Командира Кіевскаго Арсенала Генераль-Маіора Карла Шварценберга 5 р.; Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и классныхъ Чиновниковъ того же Арсенала 6 р. 13 к.; Чиновниковъ и воспитанниковъ 2-й С. Петербургской Гимназіи 98 р.; Чиновниковъ 3-й С. Петербургской Гимназіи 109 р. 70 к.; воспитанниковъ той же Гимназіи 123 р. 33 к.; офицеровъ Кавказской Гренадерской Артиллерійской бригады батарейной № 1-й батареи 10 р.; офицеровъ Артиллерійскихъ Гарнизоновъ Сибирскаго округа 5 р. 85 к.; нѣкоторыхъ Астраханскихъ гражданъ 27 р. 97 к.; Штабъ и Оберъ-Офицеровъ четвертыхъ баталіоновъ 13 и 15 пѣхотныхъ дивизій 5 пѣхотнаго Корпуса 51 р. 15 к.; офицеровъ 14-й полевой Артиллерійской Бригады 46 р. 53 к.; Управляющаго Бессарабскою Палатою Государственныхъ Имуществъ Полковника Бера

6 р.; Титулярнаго Совѣтника Подгурскаго 3 р.; Капитана Кельца 1 р.; 14-го класса Ластовскаго 2 р.; Маюра Дорошенко 1 р.; Коллежскихъ Секретарей: Алейникова 2 р.; Россицкаго 2 р.; Губернскихъ Секретарей: Августовскаго 2 р.; Жано 2 р.; Коллежскаго Секретаря Таличкина 50 к.; Губернскаго Секретаря Дульскаго 1 р.; Коллежскихъ Регистраторовъ: Шахта 2 р.; Гловацкаго 50 к.; канцеляристовъ: Яновскаго 1 р.; Россицкаго 1 р.; Авилова 50 к.; Козловскаго 50 к.; Медика Вальденберга 1 р.; ученаго садовника Кишипевскаго Училища Садоводства Денгинга 3 р.; десяти учениковъ того же училища 1 р. 50 к.; Надворнаго Совѣтника Бѣлюгтова 1 р. 10 к.; Коллежскаго Секретаря Народоставскаго 2 р.; Титулярнаго Совѣтника Биллима Колосовскаго 1 р.; Титулярнаго Совѣтника Альбиновскаго 1 р.; канцеляриста Булатовича 30 к.; волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ Аккерманскаго округа Государственныхъ Имуществъ 9 р. 10 к.; Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 3-й пѣхотной дивизіи 50 р. 65 к.; нѣкоторыхъ жителей Керчь-Ениколя 26 р. 73 к.; доставлено Г. Бессарабскимъ Военнымъ Губернаторомъ, управляющимъ гражданскою частью и Измаильскимъ Градоначальствомъ пожертвованные разными лицами 5 р. 40 к.; доставлено Роменскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства и тамочинимъ, а также Золотошинскимъ, Земскими Исправниками 4 р. 1 к.; жителей города Кирсанова 3 р.; Уральскаго Казачьяго войска отъ Штабъ-Лекаря Коллежскаго Ассессора Буяльскаго 1 р. 42¹/₂ к.; отставнаго Войсковаго Старшины Степана Назарова 3 р.; дворянина Ивана Дроздова 2 р.; войсковаго старшины Петра Бородина 2 р.; нѣкоторыхъ лицъ города Нѣжина 5 р. 44¹/₂ к.; нѣкоторыхъ лицъ Пермской губерніи 42 р. 50 к.; собрано въ 1-й С. Петербургской Гимназіи 55 р. 35³/₄ к.; Генераль, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ Своднаго Кавалерійскаго корпуса 183 р. 89 к.; Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Буяльскаго 2 р. 85³/₄ к.; сыновей его Алексѣя 1 р. 42³/₄ к.; Петра 1 р. 42³/₄ к.; Василья 1 р. 42³/₄ к.; Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 1-й бригады 22-й пѣхотной

дивизіи 48 р. 33¹/₄ к.; Понечителя Дерптскаго Учебнаго округа Генераль-Лейтенанта Крафстрема 18 р.; Профессоровъ, Чиновниковъ и студентовъ Дерптскаго Унверситета, учителей и учениковъ тамошняго учебнаго округа и также отъ содержателей и содержательницъ частныхъ учебныхъ заведеній того же округа 704 р. 1¹/₄ к.; доставлено Директоромъ Училищъ Тобольской губерніи пожертвованные разными лицами 143 р. 48³/₄ к.; Подполковника Куна 1 р.; Капитана Запольскаго 1 р.; Полковника Скалона 5 р.; Маіора Страмбургскаго 2 р.; Капитана Навроцкаго 1 р.; Штабъ-Капитановъ: Рутецкаго 2 р.; Бенедиктовича 2 р.; Поручиковъ: Чарнуцкаго 1-го 2 р.; Чарнуцкаго 2-го 2 р.; Дубяги 2-го 1 р.; Богомольцова 1 р.; Подпоручиковъ: Куликова 1-го 1 р.; Крымскаго 1-го 1 р. 50 к.; Крымскаго 2-го 1 р. 50 к.; Прапорщиковъ: Нарбута 1 р.; Савича 1 р.; Ковалевскаго 1 р.; Мещеринова 1 р.; Полковника Артамонова 1-го 3 р.; Маіора Кульчицкаго 2 р.; Капитановъ: Кулеша 2-го 50 к.; Старцова 1 р.; Поручиковъ: Русанова 1 р.; Казановскаго 50 к.; Подпоручика Заварова 1 р.; Прапорщиковъ: Бардачевскаго 50 к.; Ярошевскаго 50 к.; Штабъ-капитана Власа Труневскаго 3 р.; Штабъ-Лекаря Титулярнаго Советника Бориса Попова 3 р.; унтеръ-офицера Александра Сенкевича 30 к.; Командира Горной № 3-й батареи 19 полевой Артиллерійской бригады Подполковника Годлевскаго и офицеровъ ввѣренной ему батареи 30 р.; Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и нижнихъ чиновъ 17-й пѣхотной дивизіи 111 р. 72 к.; Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 1-го Стрѣлковаго баталіона 20 р.; Бендерскаго Окружнаго Начальника Государственныхъ Имуществъ Коллежскаго Ассессора Тринкина и подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ 5 р. 49 к.; доставлено исправляющимъ должность Бессарабскаго Военнаго Губернатора управляющаго гражданскою частью и Измаильскимъ Градоначальствомъ, пожертвованные разными лицами 19 р. 10 к.; доставлено Алатырскимъ Предводителемъ Дворянства и Симбирскимъ Земскимъ Исправникомъ 9 р. 5 к.; нѣкоторыхъ жителей города Моршанска 2 р.

97½ к.; доставлено Миргородскимъ Земскимъ Исправникомъ и Кобелякскимъ Городничимъ пожертвованные разными лицами 7 р. 12 к.; собрано въ городъ Новгородку Минской губерніи 3 р.; въ которыхъ жителей города Пятигорска 2 р. 95 к.; собрано въ С. Петербургской Ларинской Гимназіи 143 р. 35 к.; въ которыхъ жителей города Суража 5 р. 44¼ к.; въ которыхъ жителей городовъ Чухломы и Ветлуги 4 р. 73¾ к.; Генераль, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 2-го Резервнаго Кавалерійскаго корпуса 162 р.; доставлено Тобольскимъ Губернскимъ Правленіемъ 7 р. 7 к.; Командира Донскаго Казачьяго № 17 полка Подполковника Платова и въ которыхъ чиновъ того полка 8 р. 39 к.; доставлено Путивльскимъ градскимъ главою 11 р. 43 к.; доставлено Полтавскою Палатою Государственныхъ Имуществъ и Галяцкимъ Уезднымъ Предводителемъ Дворянства 4 р. 59¾ к.; въ которыхъ жителей Подольской губерніи 30 р. 85 к.; въ которыхъ жителей Киевской губерніи Родомысльскаго и Липовецкаго уездовъ и города Сквиря 13 р. 13 к.; собрано въ Курляндской губерніи 127 р. 1½ к.; Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 23-й пѣхотной дивизіи 96 р. 63¼ к.; командующаго Саринской станціи Капитанъ-Лейтенанта Зеленаго 1-го 5 р.; Лейтенантовъ: Балтина 5 р.; Гильдебранта 3 р.; Жеребцова 1 р.; Ершова 4 р.; корпуса Флотскихъ Штурмановъ Штабъ-Капитана Дядина 1 р.; Прапорщика Федорова 2 р.; Аудитора 13-го класса Кузнецова 1 р.; 14-го класса Сеженова 50 к.; Дербентскаго Коменданта Полковника Бучкіева 10 р.; собрано въ Нижегородской губерніи 76 р. 39 к.; отъ чиновъ Финляндскихъ Линейныхъ баталіоновъ 2-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи 12 р. 91 к.; доставлено Смоленской губерніи Гжатскимъ и Юхновскимъ Уездными Предводителями Дворянства 8 р. 91 к.; собрано въ Главномъ Нѣмецкомъ училищѣ при Евангелическо-Лютеранской Церкви Св. Петра въ С. Петербургѣ 184 р. 81 к.; отъ Управляющаго учебною частію за Кавказомъ Генераль-Маіора Шрама 2-го 5 р.; Коллежскаго Секретаря Ивана Са-

раджева 2 р. 40 к.; Директора, учителей и чиновниковъ Закавказской Дирекціи училищъ 127 р. 22 к.; Командира Угличскаго Егерскаго полка Полковника Славина 5 р.; Подполковниковъ: Демура-Берченко 3 р., Шиховскаго 3 р.; Колокольцова 3 р.; Алленникова 3 р.; Капитановъ: Попова 2 р. 50 к.; Барановскаго 2 р.; Шипунова 2 р.; Штабсъ-Капитановъ: Васильева 1 р. 50 к.; Космовскаго 1 р.; Сушкова 1 р.; Анисимова 1 р.; Орлова 1 р.; Мухина 1 р.; Трещова 1 р.; Палибина 1 р.; собрано по Олонецкой Дирекціи училищъ 67 р. 2 $\frac{1}{4}$ к.; собрано по С. Петербургской Дирекціи училищъ 135 р. 97 $\frac{1}{4}$ к.; отъ чиновниковъ, преподавателей и учащихся Псковской Дирекціи училищъ 98 р. 19 $\frac{1}{4}$ к.; отъ состоящаго въ должности пограничнаго Начальника Киргизовъ Генераль-Маіора Вишневскаго 1-го 7 р. 14 $\frac{1}{4}$ к.; Актаурскаго Коменданта Полковника Макена 4 р. 28 $\frac{1}{2}$ к.; офицеровъ войскъ расположенныхъ въ Киргизской степи: Кокчетавскаго военнаго отряда 11 р. 42 $\frac{3}{4}$ к.; Аманъ-Карагайскаго 8 р. 14 $\frac{1}{4}$ к.; Актаурскаго 7 р. 85 $\frac{3}{4}$ к.; Кокбектинскаго 2 р. 85 $\frac{3}{4}$ к.; Джерганиъ-Агачскаго 1 р. 42 $\frac{3}{4}$ к.; Баянъ-Аульскаго 1 р. 32 $\frac{3}{4}$ к.; Аягузскаго 85 $\frac{3}{4}$ к.; Акмалинскаго 5 р. 50 к.; Начальника Артиллерійскихъ Гарнизоновъ Кіевскаго округа Генераль-Маіора Калиты 2 р.; Командира Бобруйскаго Артиллерійскаго Гарнизона Полковника Мессинга 3 р.; Командира Лабораторной № 4-го роты и Кіевскихъ мѣстныхъ парковъ Полковника Томашевскаго 2 р.; Начальника осаднаго парка Полковника Николая Лемана 3-го 3 р.; 13-го класса Помыганова 1 р.; Титулярнаго Совѣтника Суворова 50 к.; Коллежскихъ Секретарей: Моисѣева 1 р.; Богдановича 1 р.; 13-го класса Григорьева 1 р.; нѣкоторыхъ жителей Пензенской губерніи 1 р. 3 р.; Чиновниковъ Уральскаго Горнаго Правленія 25 р. 27 $\frac{1}{4}$ к.; Чиновниковъ Ставропольской Коммиссаріатской Коммиссіи 4 р.; нѣкоторыхъ жителей города Георгіевска 8 р.; доставлено Ставропольскимъ Земскимъ Судомъ 2 р. 83 к.; нѣкоторыхъ жителей Ставропольскаго округа 2 р. 19 $\frac{1}{2}$ к. чиновниковъ и Топографовъ повѣрочнаго Отдѣленія уравниенія сбо-

ровъ съ Государственныхъ крестьянъ по Тамбовской губерніи 25 р. 25 к.; Богородскаго градскаго главы и тамошняго купечества 10 р. 46 $\frac{1}{2}$ к.; чиновниковъ Департамента Общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 30 р.; нѣкоторыхъ жителей Пермской губерніи 88 р. 96 к.; служащихъ въ Провіантскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства: Статскаго Совѣтника Гринева 1 р.; Коллежскихъ Совѣтниковъ: Палибина 5 р.; Охлопкова 3 р.; Тропинскаго 2 р.; Надворныхъ Совѣтниковъ: Наумова 2 р.; Левлева 2.; Егорова 1 р.; Езерскаго 1 р. 50 к.; Гогина 1 р. 50 к.; Маіора Либериха 3 р.; Коллежскихъ Ассессоровъ: Чигара 1 р.; Налетова 1 р.; Титулярныхъ Совѣтниковъ: Кислякова 1 р.; Парамонова 1 р.; Нагибина 1 р.; Германа 3 р.; Антонова 1 р.; Лебедева 1 р. Коллежскаго Секретаря Сегриотти 1 р.; служащихъ въ Провіантскихъ Коммисіяхъ: Московской: Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Наумова 3 р.; Подполковника Фацарди 2 р.; Маіора Баташева 2 р.; Надворнаго Совѣтника Шестернина 3 р.; Коллежскаго Ассессора Новикова 1 р. 42 $\frac{3}{4}$ к.; Титулярнаго Совѣтника Говорова 1 р. 25 к.; Морозова 1 р.; Коллежскаго Секретаря Толмачева 50 к.; Коллежскаго Секретаря Сорокина 1 р.; Саратовской: Полковника Калустова 3 р.; Коллежскихъ Ассессоровъ: Шумейкина 1 р.; Энгельке 1 р.; Корбутовскаго 2 р.; Чертковскаго 1 р.; Хмырова 5 р. 71 $\frac{1}{4}$ к.; Гортынскаго 1 р. 42 $\frac{3}{4}$ к.; Бориславскаго 2 р.; Поручика Минаева 2 р.; Титулярнаго Совѣтника Мальцова 1 р.; Рыбинской: Коллежскихъ Совѣтниковъ: Лайминга 1 р.; Милашевскаго 2 р.; Коллежскихъ Ассессоровъ: Леонтьевскаго 50 к.; Порціанко 1 р.; 9-го класса: Павлова 50 к.; Дегтерева 1 р. 42 $\frac{3}{4}$ к.; Липгарта 1 р.; Титулярныхъ Совѣтниковъ: Сусанина 1 р.; Воронова 1 р.; Рябинина 60 к.; 10-го класса Мусина-Пушкина 1 р.; Коллежскихъ Секретарей: Шишкина 1 р.; Кордовскаго 1 р.; Васильева 1 р.; Коллежскаго Регистратора Болотова 1 руб. 40 к.; С. Петербургской дистанціи: Коллежскаго Совѣтника Беклешова 10 р.; Коллежскихъ Ассессоровъ Животовскаго 1 руб.; Бѣльцова 1 р.; Титулярныхъ Совѣтни-

ковъ: Мокъева 3 р.; Дмитріева 1 р. $42\frac{3}{4}$ к.; Коллежскихъ Секретарей Лисавина 5 р.; Засядко 1 руб. 43 к.; Губернскаго Секретаря Посникова 5 руб.; Новгородскаго Коммиссіонерства: Смотрителей магазиновъ: Ретлевскаго 1 руб.; Бургискаго 5 р.; Старорусскаго 3 р.; Медвѣдскаго 1 руб. 50 к.; Новобожонскаго 3 р.; Валдайскаго 1 р.; Крестницкаго 3 р.; Порховскаго 1 р.; Псковскаго 3 р.; Холмскаго 2 р.; Островскаго 5 р.; Ляховскаго 2 р.; чиновниковъ въ домства Финляндскаго Провіантскаго Коммиссіонерства 28 р. $42\frac{3}{4}$ к.; завѣдывающаго С. Петербургскими магазинами и Смотрителей оныхъ 27 р.; нѣкоторыхъ учителей и чиновниковъ Уѣздныхъ Училищъ Енисейской губерніи 29 р.; 70 к.; доставлено Костромскимъ Градскимъ Главою 8 р.; доставлено Нерехтскимъ Земскимъ Судомъ 1 р. 75 к.; доставлено Кишеневскимъ Городничимъ 28 к.; собрано по Архангельской Дирекціи училищъ 133 р. $76\frac{3}{4}$ к.; Командующаго Казанскимъ Арсеналомъ Полковника Тиханова 1-го и Гг. офицеровъ и чиновниковъ того же Арсенала 8 р. 50 к.; Пѣхотнаго Принца Прусскаго полка Маіора Суркова 1 р.; Капитановъ: Нильсена 50 к.; Кондратьева 1 р.; Штабсъ-Капитана Тележникова 50 к.; Поручика Яковича 75 к.; Подпоручиковъ: Аврашова 1-го 50 к.; Бринкена 50 к.; Лекаря Феофилактова 50 к.; Генераль-Маіора Адлерберга 2 р.; Ревельскаго Егерскаго полка, Подполковника Михайловскаго 3 р.; Поручика Шуберта 2 р. $57\frac{1}{2}$ к.; Поручика Сафонова 2 р. $57\frac{1}{2}$ к.; Эстляндскаго Егерскаго полка: Полковника Чаплыгина 3 р.; Подполковниковъ: Рубина 1 р.; Булаха 3 р.; Капитана Девляшевскаго 50 к.; Штабсъ-Капитана Тимоѣева 1 р.; Поручика Квицинскаго 1 р.; Подпоручика Турчина 1 р.; Прапорщика Лепковскаго 50 к.; Начальника 3-го Отдѣленія Черноморской береговой линіи Генераль-Маіора Врангеля 2-го 5 р.; доставлено Сибирскимъ Полицмейстеромъ 8 р. $41\frac{1}{2}$ к.; доставлено Г. Исправляющимъ Должность Калужскаго Гражданскаго Губернатора 22 р. $62\frac{3}{4}$ к.; Дворянъ Кременчугскаго уѣзда 9 р. 90 к.; нѣкоторыхъ лицъ Кіевской

губерніи 3 р. 33 к.; Государственныхъ крестьянъ Полтавской губерніи 1 р. 54 к.; Ялтинскаго уѣзднаго врача Зеленкевича 1 р. 50 к.; Г. Лампси 1 р.; Михаила Крылова 1 р.; Г. Озерецковскаго 2 р. Александра Фомъ-Геденштрома 1 р.; Никиты Федорова 1 р.; Г. Офрейна 1 р.; Варвары Шубниковой 50 к.; Майора Фіерковскаго 1 р.; Капитана Ганзера 1 р.; Надворнаго Совѣтника Казначеева 1 р.; Провизора Летцера 1 р.; Титулярнаго Совѣтника Толстаго 1 р.; купца Лазаря 50 к.; Г. Вилянца 1 р.; Платона Делаграматика 1 р.; нѣкоторыхъ жителей Таврической губерніи 14 р. 31 к.; Симферопольскаго Градскаго Главы Сентъ-Сенторъ Челеби 10 р.; Керченскаго купца Сашютина 4 р.; Дворянина Алексѣя Шмакова 3 р.; крестьянина Алексѣя Суботина 3 р.; Штурмана Алексѣя Триполитова 3 р.; купца 1-й гильдіи Гаврилы Машарова 3 р.; купца 2-й гильдіи Василья Озерова 1 р.; разныхъ лицъ Ярославской губерніи 86 р. 80 к.; собрано Кизлярскою Городскою Полиціею 2 р. 44 к.; нѣкоторыхъ жителей Пермской губерніи 96 р. 20 к.; Государственныхъ крестьянъ Полтавской губерніи 1 р. 44 к.; Штабъ и Оберъ-Офицеровъ цолковъ: Сѣвскаго пѣхотнаго 20 р.; Брянскаго Егерскаго 8 р. 16 к.; Егерскаго Генераль-Фельдмаршала Князя Варшавскаго 20 р. 30 к.; доставлено Смоленскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства 1 р. 41 к.; Штаднаго Смотрителя и Учителей Тифлисскаго Уѣзднаго Училища 3 р. 50 к.; собрано въ Дирекціи Училищъ Вологодской губерніи 114 р. 14 ⁵/₄ к.; офицеровъ Полтавскаго пѣхотнаго полка 8 р. 79 к.; Симферопольской Провіантской Коммиссіи: Управляющаго Коммиссіею Подполковника Коссинскаго 6 р.; Подполковника Хвицкаго 3 р.; Титулярнаго Совѣтника Татарульева 1 р. 43 к.; Коллежскаго Ассессора Лискаренко 1 р.; Коллежскаго Секретаря Тимченко 1 р.; Коллежскаго Регистратора Юлегина 50 к.; Губернскаго Секретаря Сарандовича 20 к. Провіантскихъ чиновниковъ: 8-го класса Арапина 50 к.; Коллежскаго Ассессора Таплина 1 р.; 8-го класса Сипко 2 р.; Коллежскаго Ассессора Есаулова 5 р.; Коллеж-

скихъ Регистраторовъ: Есаулова 3-го 2 р. 50 к.; Бирлова 2 р. 50 к.; Коллежскаго Ассессора Волкова 2 р.; Титулярнаго Совѣтника Поповненкова 1 р.; Провіантскихъ Чиновниковъ Департамента: 5-го класса Кирилина 3 р.; Коллежскаго Совѣтника Захарова 1 р.; Подполковника Голенищева-Кутузова 3 р.; разныхъ лицъ Тобольской губерніи 4 р. 24 к.; жителей города Ельца 70 р. 90 к.; жителей города Усмани 7 р. 7 $\frac{1}{2}$ к.; некоторыхъ лицъ Сквирскаго и Каневскаго уѣздовъ 7 р. 61 к.; доставлено Варнавскимъ Городничимъ 1 р. 73 $\frac{1}{4}$ к.; собрано въ Ораніенбаумскомъ Уѣздномъ Училищѣ 3 р. 96 к.; Чиновниковъ и Преподавателей Дирекціи Училищъ Новгородской губерніи 88 р. 60 $\frac{1}{2}$ к.; жителей города Александріи 6 р. 93 к.; жителей Уманскаго уѣзда 14 р. 47 к. — Всего: 15,043 р. 99 копѣекъ.

=

109

10

SEP 25 1939



